This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

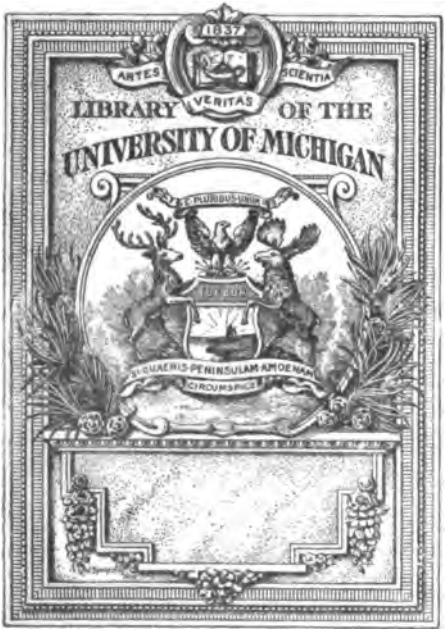
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`


1837
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE

Т. 16

Иосифу Ивановичу
Коляржу.
на память отъ Пятковскаго
Прага, 5/17 Іюля 1868 г.

891.78
F69
E3

Д. И. ФОНЪ-ВИЗИНЪ.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ

XVIII и XIX ст.

ИЗДАНІЕ И. И. ГЛАЗУНОВА.

ОБЩАЯ

РЕДАКЦІЯ ВСЕГО ИЗДАНІЯ

П. А. ЕФРЕМОВА.

Д. И. ФОНЪ-ВИЗИНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ И. И. ГЛАЗУНОВА, Б. МѢЩАНСКАЯ 8.

1866.

8.

UofM

Денисъ

СОЧИНЕНІЯ, ПИСЬМА

И ИЗБРАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ДЕНИСА ИВАНОВИЧА

Fon Vizin

ФОНЪ-ВИЗИНА.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА,
СО СТАТЬЕЮ: «О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ ФОНЪ-ВИЗИНА» А. Н. ПЯТКОВСКАГО,
СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ КЪ ТЕКСТУ И
СЪ БИБЛІОГРАФИЧЕСКИМИ ОБЪЯСНЕНІЯМИ.

(Редакція изд. П. А. Ефремова)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
ИЗДАНІЕ ИВАНА ИЛЬИЧА ГЛАЗУНОВА.
1866.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Неоспоримый недостатокъ въ полныхъ и добросовѣстныхъ собраніяхъ сочиненій замѣчательнѣйшихъ нашихъ писателей нынѣшняго и прошедшаго столѣтія, и существенная важность и польза подобныхъ изданій для исторіи литературы и просвѣщенія въ Россіи, побудили меня приступить къ нынѣшнему изданію собранія сочиненій русскихъ писателей XVIII и начала XIX столѣтія.

Желая, чтобы изданіе это было исполнено вполнѣ обстоятельно, отчетливо и удовлетворительно, я принялъ всѣ зависящія отъ меня мѣры къ приведенію его до желаемой степени совершенства. Многія изъ лицъ, спеціально занимающихся исторіею русской литературы, отнеслись къ моему предпріятію съ полнымъ сочувствіемъ и изъявили согласіе участвовать въ немъ своими трудами, какъ по доставленію матеріаловъ для изданія, такъ и по приготовленію критико-біографическихъ статей собственно для моего изданія. Общую редакцію всего изданія «Русскихъ писателей», съ приведеніемъ его къ однообразному плану, а равно и старанія о полнотѣ и вѣрности перепечатываемаго текста, принялъ на себя, по моей просьбѣ, П. А. Ефремовъ, перепечатавшій въ послѣднее время два сатирическихъ журнала Н. И. Новикова: «Живописецъ» и «Трутень».

219988

Портреты писателей, которые я счелъ необходимымъ приложить къ предпринятому изданію, гравируются въ Лейпцигѣ, у Брокгауза, преимущественно съ новыхъ оригиналовъ и при томъ съ такихъ, о сходствѣ которыхъ съ подлинникомъ имѣются вѣрныя указанія.

Изданіе будетъ продолжаться безъ перерывовъ, такъ что вслѣдъ за выходомъ собранія сочиненій одного писателя немедленно будетъ приступаемо къ печатанію сочиненій другаго, а въ случаѣ возможности будутъ даже одновременно печататься сочиненія двухъ и болѣе писателей.

Я увѣренъ, что наша читающая публика не откажетъ въ сочувствіи къ задуманному мною предпріятію и что, съ своей стороны, изданія мои будутъ вполнѣ удовлетворять всѣмъ тѣмъ условіямъ, которыя отъ нихъ должны требоваться въ настоящее время.

И. Глазуновъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ *).

	Стр.
Отъ издателя	
Нѣсколько словъ объ изданіи. *П. Е.*	v
О жизни и сочиненіяхъ Д. И. Фонъ-Визина. *А. П. Пятковскаго*	ix
**Біографическій словарь живописцевъ и скульпторовъ	559
Бригадиръ, комедія	1
Вопросы Фонъ-Визина и отвѣты сочинителя «Былей и Небылицъ»	203
Выборъ гувернера, комедія	111
*Добрый наставникъ, комедія	125
Другъ честныхъ людей, или Стародумъ:	
1. Объявленіе объ изданіи	226
2. Статьи заготовленныя для изданія:	
Всеобщая придворная грамматика	288
Наставленіе дяди своему племяннику	258
Письма къ Стародуму отъ сочинителя Недоросля	228
— отъ помѣщика Дурыкина	230, 233
— отъ университетскаго профессора	232
— отъ племянницы его Софьи	233
Письма Стародума: къ сочинителю Недоросля	229, 237
— помѣщику Дурыкину	231
— племянницѣ Софьѣ	234
— о русскихъ ораторахъ	247
Письмо, найденное по кончинѣ надв. сов. Взяткина	242
Письмо покойнаго Его Превосходительства	245
*Письмо Тараса Скотинина къ г. Простаковой	236
Разговоръ у кн. Хлдиной	249
*Духовное завѣщаніе Фонъ-Визина	523
**Записка о почтахъ въ Россіи	678
Каллисѳенъ, греческая повѣсть	170
*Комедія (безъ имени)	124
Коріонъ, комедія	128
Къ уму моему	168
Лисица-козподѣй, басня	163
Недоросль, комедія	49
*Обманчивая наружность, комедія	560
Опытъ Россійскаго сословника	187
*Отрывокъ изъ перевода *Сюа*	556

*) Звѣздочкою отмѣчены статьи, не вошедшія въ изд. Смирдина, а двумя звѣздочками—напечатанныя въ первый разъ или исправленныя по рукописямъ.

Отрывки изъ дневника:
1. Изъ журнала путешествія въ Вѣну 506
*2. — — пребыванія въ Карлсбадѣ 511
*3. — — путешествія въ Ригу, Бальдонъ и Митаву 514
**Письма братьевъ Фонъ-Визина 390, 392, 397, 399
Письма Фонъ-Визина:
Къ Я. И. Булгакову (I—VIII) 267
Къ И. П. Елагину (I, II) 356
Къ А. М. Обрѣскову (I, II) 273
*Къ гр. П. И. Панину:
1) Изъ С.-Петербурга (I—V, **VI, VII—XXXVIII и XLVI). 287, 356
2) Изъ 1 путешествія (XXXIX—XLIV) 319
3) Изъ 2-го путешествія (XLV) 352
Къ роднымъ:
**1) Изъ С.-Петербурга (I—XXIX) 359
2) Изъ перваго путешествія (XXX—XXXVII) 407
3) Изъ втораго путешествія (XXXVIII—LVI) 447
**4) Изъ третьяго путешествія (LVII—LX) 501
*Письмо сестры Фонъ-Визина 377
Письмо Фонъ-Визина:
**Къ Воинову 286
Къ О. П. Козодавлеву, о планѣ россійскаго словаря 277
*Къ Медоксу, содержателю театра въ Москвѣ 276
**Къ П. Б. Пассеку 285
Письмо къ г. сочинителю «Былей и Небылицъ» 209
*Посвященіе перевода *Сиднея* 670
Посланіе къ слугамъ 164
*Посланіе къ Ямщикову 167
Поученіе въ Духовъ день 212
*Предисловіе къ переводу *Іосифа* 558
* — — — *Сида* 555
Примѣчанія на критику «Опыта Росс. сословника» 200
Разсужденіе о суетной жизни 263
Слово на выздоровленіе Великаго Князя 180
*Слово похвальное Марку Аврелію 619
Сокращенное описаніе житія гр. Н. И. Панина 216
Стародумъ, періодическое изданіе (см. «Другъ честныхъ людей») 227
*Торгующее дворянство 567
Челобитная Россійской Минервѣ 205
Чистосердечное признаніе 527
*Эпиграмма 169

Примѣчанія:
1. Пояснительныя примѣч. къ тексту. *А. Пятковскаго*.... 651
2. Библіографическія замѣтки *П. Ефремова*:
а) Сочиненія, письма и переводы Фонъ-Визина 662
б) Изданія его сочиненій 685
в) Статьи о Фонъ-Визинѣ 688

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ИЗДАНІИ.

До сихъ поръ у насъ нѣтъ еще ни одного сколько нибудь удовлетворительнаго изданія сочиненій нашихъ писателей XVIII столѣтія. Правда, не разъ возникали попытки: издать русскихъ писателей, сколько нибудь замѣчательныхъ по своему художественному таланту или по занимаемому ими мѣсту въ исторіи общественнаго развитія, но всѣ эти попытки или останавливались въ самомъ началѣ, какъ изданіе гр. Д. Толстаго, Г. Есипова и М. Языкова, или были крайне неудовлетворительны, какъ изданія покойнаго А. Ф. Смирдина. Въ этомъ послѣднемъ изданіи, сдѣланномъ очень небрежно и съ внѣшней и съ внутренней стороны, сочиненія нашихъ писателей были лишены не только всякихъ пояснительныхъ примѣчаній и указаній, но даже какихъ бы то ни было свѣдѣній о жизни писателя, не говоря у[illegible] о небрежномъ до крайности искаженіи текста при новой перепечаткѣ и о неполнотѣ его. Только въ послѣднее время появилось нѣсколько замѣчательныхъ изданій, посвященныхъ преимущественно новѣйшимъ писателямъ нашимъ; но изданій этихъ такъ мало, что можно ихъ всѣ указать на-перечетъ.

Кажется въ настоящее время едва ли кто будетъ оспоривать пользу и необходимость предпринимаемаго изданія. Если идеи и характеры, встрѣчающіеся у авторовъ прошлаго столѣтія и не могутъ служить непреложными образцами для нашего времени, то во всякомъ случаѣ художественныя изображенія изъ прежняго времени много могутъ способствовать раз-

умному пониманію нашего историческаго прошлаго; а подробное и болѣе близкое изученіе писателя, являющагося во всей полнотѣ своей литературной дѣятельности, конечно, послужитъ къ устраненію скороспѣлыхъ и неосновательныхъ сужденій и теорій, основанныхъ или на поверхностномъ знакомствѣ съ нѣкоторыми, немногими только сочиненіями писателя, или просто принятыхъ на вѣру со словъ другихъ лицъ.

Въ предпринимаемое нынѣ собраніе сочиненій замѣчательнѣйшихъ изъ русскихъ писателей XVIII и XIX ст., по принятому плану, непремѣнно должны входить *всѣ* извѣстныя въ печати *сочиненія* каждаго издаваемаго писателя, съ добавленіемъ по возможности того, что осталось въ рукописяхъ. Изъ *переводовъ* будутъ помѣщаемы *вполнѣ* всѣ, сдѣланные въ стихахъ и тѣ, которые имѣютъ особенно-характеристическое значеніе по своему содержанію или тому видному мѣсту, которое они занимаютъ въ литературной дѣятельности писателя. Отрывки изъ переводовъ будутъ приводиться только въ такомъ случаѣ, когда переводъ въ полномъ составѣ своемъ не представляетъ особеннаго интереса. Текстъ сочиненій и переводовъ будетъ печататься по свѣркѣ *всѣхъ* перепечатокъ каждой изъ помѣщаемыхъ статей. За тѣмъ будутъ постоянно прилагаться: біографія писателя, пояснительныя примѣчанія къ тексту, необходимыя библіографическія объясненія и хорошо гравированный портретъ писателя съ его факсимиле.

Благодаря сочувствію многихъ лицъ къ предпринятому дѣлу, можно надѣяться, что нынѣшнее изданіе будетъ по возможности удовлетворительно. Въ настоящее время уже печатаются сочиненія *кн. А. Д. Кантемира*, приготовленныя къ изданію *В. Я. Стоюнинымъ*, и сочиненія *В. И. Майкова*, приготовленныя мною вмѣстѣ съ *Л. Н. Майковымъ*. Оба эти изданія, заключая все до сихъ поръ напечатанное, значительно пополнены по рукописямъ, никогда не бывшимъ въ печати; въ особенности же сочиненія кн. Кантемира. Портреты его и В. И. Майкова выгравированы съ новыхъ оригиналовъ, никогда не изданныхъ.

Вскорѣ послѣ этого будетъ приступлено къ печатанью сочиненій *Вас. Вас. Капниста*, и благодаря благосклонному расположенію П. И. Капниста, С. В. Скалонъ и другихъ

родственниковъ покойнаго писателя, можно обѣщать совершенно полное и обстоятельное изданіе столь извѣстнаго автора «Ябеды». Я обязанъ также благодарностью В. М. Княжевичу, сообщившему мнѣ неизданныя сочиненія и матеріалы для біографіи *М. В. Милонова*, безспорно одного изъ замѣчательныхъ писателей начала нынѣшняго столѣтія. В. П. Гаевскій обѣщалъ приготовить къ изданію полное собраніе сочиненій *барона А. А. Дельвига*.

За тѣмъ предполагается печатать сочиненія *И. И. Дмитріева*, *А. Е. Измайлова*, *А. Н. Нахимова*, *А. П. Сумарокова*, *В. А. Озерова*, *К. Н. Батюшкова*, *А. С. Грибоѣдова*, *гр. Ѳ. В. Растопчина*, *М. Н. Муравьева*, *кн. Я. П. Шаховскаго*, *кн. М. М. Щербатова* (мелкія сочиненія), *А. В. Храповицкаго*, *И. В. Лопухина*, *Неплюева*, *Болотова* и др.

Образцомъ новыхъ изданій можетъ служить предлагаемый томъ сочиненій *Д. И. Фонъ-Визина*. Болѣе трети этого тома не было въ составѣ послѣдняго изданія Смирдина (Спб. 1852). Добавлены нынѣ: 1) 39 писемъ къ гр. П. И. Панину, 2) Болѣе 30 писемъ къ роднымъ (*), 3) Два оригинальныхъ драматическихъ отрывка, 4) Письмо въ «Стародумѣ» 5) Дополненія къ жизни гр. Н. И. Панина, 6) Два письма къ Обрѣскову, 7) Два отрывка изъ дневника, 8) Письмо въ Медоксу, 9) Письмо въ Пассеку, 10) Письмо къ Воинову, 11) Два отрывка: одинъ оригинальный (о почтахъ), другой переводный (словарь художниковъ), 12) Отрывокъ въ стихахъ и эпиграмма, 13) Два предисловія къ переводамъ, 14) Два отрывка изъ переводовъ (одинъ недоконченный напечатанъ вполнѣ) и 15) Два полныхъ перевода. Изъ этихъ добавокъ нѣкоторыя печатаются въ первый разъ и кромѣ того многія мѣста прежняго текста совершенно исправлены по рукописямъ, хранящимся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ библіотекѣ Академіи Наукъ и у частныхъ лицъ. За поль-

---

(*) Въ видѣ приложенія къ этимъ письмамъ помѣщены пять писемъ сестры и братьевъ Фонъ-Визина, пополняющія нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія за то время, когда нѣтъ писемъ самого Д. И. Изъ этихъ писемъ четыре напечатаны въ первый разъ.

зованіе этими рукописями, я обязанъ благодарить А. А. Куника, П. П. Пекарскаго, А. Ѳ. Бычкова и Е. И. Якушкина.

Въ заключеніе считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о планѣ изданія. Порядокъ, по возможности, былъ принятъ хронологическій, съ подраздѣленіемъ на крупные отдѣлы. Въ началѣ помѣщены оригинальныя драматическія произведенія съ добавкою *передѣлки* изъ Грессе (Коріонъ); за тѣмъ собраны мелкія статьи въ стихахъ и въ прозѣ, а за тѣмъ — письма, дневникъ и автобіографія, такъ что этотъ отдѣлъ заключаетъ въ себѣ подробный матеріалъ для біографіи Фонъ-Визина. Здѣсь хронологическій порядокъ нѣсколько измѣненъ, для удобства читателей: сначала приведены письма, имѣющія болѣе общій интересъ, потомъ помѣщены письма къ Елагину, къ роднымъ и дневникъ, какъ произведенія, отличающіяся болѣе частнымъ, личнымъ интересомъ и все это заключается автобіографіею, такъ что читатель можетъ видѣть сначала самого Фонъ-Визина, въ его письмахъ, а потомъ узнать какъ Фонъ-Визинъ смотрѣлъ на свою молодость черезъ много лѣтъ и уже постигнутый страшною, неизлечимою болѣзнію.

Къ изданію приложена статья А. П. Пятковскаго, долгое время занимавшагося изученіемъ Фонъ-Визина, и его же поясснительныя примѣчанія къ тексту. Кромѣ того, сверхъ библіографическихъ указаній, я счелъ нужнымъ сдѣлать подстрочныя примѣчанія къ письмамъ, дневнику и автобіографіи, для поясненія упоминаемыхъ въ нихъ личныхъ именъ и нѣкоторыхъ событій. При настоящемъ изданіи я пользовался многими указаніями М. Н. Лонгинова, которому считаю долгомъ принести свою благодарность.

П. Е.

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ Д. И. ФОНЪ-ВИЗИНА (*).

I.

Предки Фонъ-Визина. Дѣтскіе годы Дениса Ивановича и поступленіе въ университетскую гимназію. Поѣздка въ Петербургъ для представленія И. И. Шувалову. Первые литературные опыты Ф. Визина. Поступленіе въ иностранную коллегію и служба при кабинетъ-министрѣ И. П. Елагинѣ. Переводъ «Іосифа» и комедія «Бригадиръ». Успѣхъ Бригадира при дворѣ и въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Фонъ-Визинъ въ придворной сферѣ. Порывы религіознаго скептицизма и раскаяніе. Служба при гр. Н. И. Панинѣ. Поѣздки за границу и письма изъ путешествія. «Недоросль». Болѣзнь Ф. Визина и безуспѣшное леченіе. Ф. Визинъ и Екатерина II-я. Вопросы Ф. Визина и отвѣты на нихъ Екатерины II-й. Проектъ сатирическаго журнала: «Другъ честныхъ людей или Стародумъ». Препятствія къ изданію. Переводъ Тацита. Предсмертный вечеръ Фонъ-Визина.

Родъ Фонъ-Визиныхъ не коренной русскій, хотя и совершенно обрусѣвшій въ нашей странѣ. Предки ихъ были владѣтелями разныхъ городовъ въ нѣмецкихъ земляхъ, а потомъ — рыцарями братства Меченосцевъ. Только въ царствованіе

(*) Источниками для этой статьи и «пояснительныхъ примѣчаній къ тексту» служили: 1) *Фонъ-Визинъ*, сочин. князя Вяземскаго; Спб. 1848 г.; 2) Статья г. Перевлѣсскаго, приложенная къ изданію сочиненій Ф. Визина; 3) *Новые матеріалы для біографіи Ф. Визина*, А. Н. Аѳанасьева (Библіографич. Зап. 1859 г. № I); 4) Статьи Н. А. Добролюбова: о Собесѣдникѣ любителей русскаго слова и о Сатирическихъ журналахъ екатерининскаго времени (Сочин. Доброл. Т. I); 5) *Исторія русской словесности древней и новой* г. Галахова, Т. I; 6) *Сочиненія Екатерины II-й*, три тома. Спб. 1849—50 г.; 7) *Русскіе сатирическіе журналы* А. Аѳанасьева; Москва 1859 г.; 8) *Трутень* и *Живописецъ*, Спб. 1864—65 г.; 9) *Идеалъ нравственнаго достоинства человѣка по понятію Ф. Визина*, А. Д. Галахова (Библіогр. Зап. 1858 г. № 18); 10) *Сочиненія В. Капниста*; Спб. 1849 г.; 11) *О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой*, рѣчь профессора Лавровскаго; Харьковъ 1856 г. 12) *Недоросль* съ примѣчаніями В. Я. Стоюнина; Спб. 1865 г. 13) *Матеріалы для исторіи литер. дѣятельности Екатерины II-й*. П. Пекарскаго. Спб. 1863 г. и др.

Ивана Грознаго, во время войны съ Ливоніей, баронъ Петръ Фонъ-Визинъ (или, по старому правописанію, Ѳанъ-Ѳисинъ), взятый въ плѣнъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Денисомъ, сдѣлался поневолѣ обитателемъ Руси, сохраняя свою нѣмецкую религію. Но уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича внукъ этого барона принялъ греко-восточное исповѣданіе и названъ въ крещеніи Аѳанасіемъ. Съ тѣхъ поръ потомки плѣннаго барона все болѣе и болѣе утрачивали черты своей нѣмецкой физіономіи: самую частицу *фонъ* они стали писать слитно съ своею фамиліей, подобно тому, какъ писалась она позже въ русскихъ грамотахъ. Отецъ Дениса Ивановича, Иванъ Андреевичъ, служилъ въ ревизіонъ-коллегіи и имѣлъ собственный домъ въ Москвѣ, недалеко отъ университета. Судя по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ о немъ въ «Чистосердечномъ признаніи» его сына, это былъ человѣкъ «большаго здраваго разсудка, не имѣвшій случая просвѣтить себя ученіемъ». Изъ массы тогдашнихъ чиновниковъ онъ выдѣлялся двумя качествами: независимостью своего характера, не допускавшей его до низкопоклонства и лести, и честностью по службѣ, благодаря которой онъ не прибавилъ ничего къ своему родовому, въ 500 душъ, имѣнію. «Государь мой,—говорилъ онъ обыкновенно просителю, являвшемуся къ нему съ подарками, — сахарная голова не есть резонъ для обвиненія вашего соперника: извольте ее отнести назадъ, а принесите законное доказательство вашего права». Иванъ Андреевичъ былъ женатъ два раза: въ первый разъ—по великодушію, чтобы имѣніемъ своей жены, 70-лѣтней старухи, выкупить промотавшагося брата, въ другой — по любви. Отъ этого втораго брака родился у него, въ 1744 г., сынъ Денисъ. Дѣтскіе годы Ф. Визина въ домѣ его отца не представляютъ ничего оригинальнаго: мальчикъ, какъ и всѣ его однолѣтки того времени, слушалъ сказки деревенскаго мужика, отъ которыхъ морозъ подиралъ у него по кожѣ, и увидалъ очень скоро карты съ красными задками, услаждавшія досугъ взрослыхъ людей; выучившись рано грамотѣ, онъ, во время всенощныхъ и великопостныхъ службъ на дому, читалъ священныя книги, бормоча и съ трудомъ понимая прочитанное. Иногда отецъ Дениса Ивановича, человѣкъ весьма набожный, разсказывалъ въ кругу своего

семейства назидательныя исторіи, въ родѣ повѣсти о приключеніяхъ Іосифа Прекраснаго и извлекалъ слезы чувствительности у своихъ молодыхъ слушателей. Слѣдуя обычаю того времени, отецъ рано записалъ своего Дениса въ семеновскій полкъ (въ 1754 г.); но будущій авторъ «Бригадира» никогда не несъ дѣйствительныхъ тягостей военной службы. Иностранныхъ учителей не было у Дениса Ивановича, потому что эта роскошь приходилась не по карману его отцу; съ открытіемъ же гимназіи при московскомъ университетѣ, Иванъ Андреевичъ не замедлилъ помѣстить туда своихъ сыновей: Дениса и Павла, бывшаго впослѣдствіи директоромъ этого университета. Ученіе въ новооткрытой гимназіи шло плохо: учители рѣдко ходили въ классы, а если и ходили, то проку отъ этого было мало. Преподаватель Чернявскій, обучавшій ариѳметикѣ, пилъ *смѣртную чашу*; учитель латинскаго языка, Яремскій, воспитанникъ петербургской академіи наукъ, по нѣскольку мѣсяцевъ не являлся на уроки, и докторъ, котораго посылали къ нему для освидѣтельствованія, находилъ, что онъ или пропалъ изъ дому, или былъ пьянъ съ утра. Не мудрено, что при подобныхъ наставникахъ экзамены въ гимназіи производились, вѣроятно, такъ какъ они описаны самимъ Фонъ-Визинымъ въ его мемуарахъ: «наканунѣ экзамена, говоритъ онъ, дѣлалось приготовленіе: учитель пришелъ въ кафтанѣ, на коемъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ четыре. Удивленный сею странностью, спросилъ я учителя о причинѣ. «Пуговицы мои вамъ кажутся смѣшны, говорилъ онъ, но онѣ суть стражи вашей и моей чести, ибо на кафтанѣ значутъ пять склоненій, а на камзолѣ четыре спряженія; итакъ, продолжалъ онъ, ударяя по столу рукою, извольте слушать всѣ, что говорить стану. Когда станутъ спрашивать о какомъ нибудь имени, какого склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возьмусь ;если за вторую, то смѣло отвѣчайте: втораго склоненія. Съ спряженіями поступайте, смотря на мои камзольныя пуговицы и никогда ошибки не сдѣлаете» (*). Вслѣдствіе догадливости учителя,

(*) Этимологію латинскаго языка обучали три преподавателя: Константиновъ, Аничъ и Фрязинъ. Кто изъ нихъ сдѣлалъ это—рѣшить не льзя.

экзаменъ изъ латинскаго языка сошелъ съ рукъ благополучно. Менѣе удаченъ былъ экзаменъ изъ географіи, на которомъ ни одинъ изъ учениковъ не отвѣтилъ точно на вопросъ: куда впадаетъ Волга? Кто говорилъ: въ Черное, кто — въ Бѣлое море; Фонъ-Визинъ поступилъ откровеннѣе и прямо сказалъ: не знаю. За это, по его мнѣнію, и была ему присуждена медаль. Но несмотря на недостатокъ трудолюбивыхъ преподавателей, Фонъ-Визинъ учился, сравнительно съ другими, хорошо и успѣлъ вынести изъ гимназіи кое-какія познанія въ латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а также въ словесныхъ наукахъ. Начальство отличало его, какъ способнѣйшаго ученика, то награждая медалью, то поручая произнести рѣчь на торжественномъ актѣ, на тему «щедрости и прозорливости Ея Императорскаго Величества, всещедрой музъ основательницы и покровительницы». Въ 1758 г. Ив. Ив. Мелиссино, тогдашній директоръ университета, задумалъ съѣздить въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ куратором—Ив. Ив. Шуваловымъ и взялъ съ собою на показъ десять лучшихъ воспитанниковъ гимназіи. Въ этомъ числѣ были: Яковъ Булгаковъ, Денисъ Фонъ-Визинъ и Григорій Потемкинъ. Въ Петербургѣ Фонъ-Визинъ поселился у своего дяди и черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ былъ представленъ куратору, который встрѣтилъ юношей весьма ласково, а одного изъ нихъ, именно Фонъ-Визина, подвелъ къ своему знаменитому гостю, Ломоносову. Послѣ обѣда, въ тотъ же день воспитанниковъ повезли во дворецъ, на куртагъ. Интересно впечатлѣніе, произведенное на юношу Фонъ-Визина первымъ пріѣздомъ ко двору, прославленному своимъ блескомъ и пышностью. «Признаюсь искренно, говоритъ онъ, что я удивленъ былъ великолѣпіемъ двора нашей императрицы. Вездѣ сіяющее золото, собраніе людей въ голубыхъ и красныхъ лентахъ, множество дамъ прекрасныхъ, наконецъ огромная музыка—все сіе поразило зрѣніе и слухъ мой, а дворецъ казался мнѣ жилищемъ существа выше смертнаго». Но ничто въ Петербургѣ такъ не поразило Фонъ-Визина, какъ театральныя представленія, которыя ему случилось видѣть въ первый разъ въ жизни. Давали комедію: *Генрихъ и Пернилла*. «Дѣйствія, произведеннаго во мнѣ театромъ — пишетъ Ф. Визинъ

въ своемъ «Чистосердечномъ признаніи», — почти описать невозможно: комедію, видѣнную мною, довольно глупую, считалъ я произведеніемъ величайшаго разума, а актеровъ великими людьми, коихъ знакомство, думалъ я, составило бы мое благополучіе. Я съ ума было сошелъ отъ радости, узнавъ, что сіи комедіанты вхожи въ домъ дядюшки моего, у котораго я жилъ». Въ домѣ своего дяди Фонъ-Визинъ познакомился съ Ѳедоромъ Григор. Волковымъ и Ив. Аѳан. Дмитревскимъ. Въ это же время, посѣщая театръ, онъ сблизился съ сыномъ одного знатнаго господина, который сначала былъ съ нимъ очень любезенъ; но потомъ, узнавъ, что новый его знакомый не говоритъ по французски, сталъ поднимать его на смѣхъ. Впрочемъ Фонъ-Визинъ скоро заставилъ его замолчать своими остротами, а чтобъ не подвергаться впередъ такому глумленію, рѣшился выучиться французскому языку, что̀ отчасти и исполнилъ въ два года, по возвращеніи въ Москву. 26 апрѣля 1759 г., въ день коронаціи Елизаветы Петровны, Фонъ-Визинъ, вмѣстѣ съ другими воспитанниками, былъ произведенъ въ студенты, при торжественномъ собраніи всѣхъ московскихъ сановниковъ. Съ тѣхъ поръ начался для него собственно университетскій курсъ, по философскому факультету, который, одинъ изъ всѣхъ трехъ (еще были открыты факультеты: медицинскій и юридическій), изобиловалъ преподавателями. Между профессорами Фонъ-Визина былъ извѣстный въ свое время Рейхель, авторъ «Исторіи о Японскомъ государствѣ» и издатель журнала: «Собраніе лучшихъ сочиненій». Рейхель обратилъ вниманіе на своего даровитаго слушателя и помѣстилъ въ своемъ журналѣ четыре его переводныя статьи: 1) О зеркалахъ древнихъ, 2) Торгъ семи музъ, 3) О приращеніи рисовальнаго художества и 4) О дѣйствіи и существѣ стихотворства. По рекомендаціи кого то изъ своихъ профессоровъ, Фонъ-Визинъ добылъ себѣ заказъ отъ московскаго книгопродавца — перевести басни Гольберга, перевелъ ихъ (1761 г.) и получилъ, вмѣсто гонорарія, отъ издателя на 50 рублей иностранныхъ книгъ. Книги эти, по собственному отзыву Фонъ-Визина, были «соблазнительныя и украшенныя скверными эстампами. Онѣ развратили воображеніе и возмутили душу». Рѣзкій переходъ

отъ піэтистическихъ воззрѣній патріархальной семьи къ распущенности цинизма имѣлъ вредное вліяніе на организмъ юноши. Около того же времени Ф. Визинъ сталъ развязнѣе на языкъ: острыя насмѣшки и эпиграммы стали облетать всю Москву, доставляя автору ихъ репутацію «злаго и опаснаго мальчишки». Фонъ-Визинъ самъ упоминаетъ, что въ это время онъ написалъ нѣсколько сатиръ, наполненныхъ «острыми ругательствами»; къ сожалѣнію эти первыя вспышки его сатирическаго ума не дошли до насъ во всей цѣлости, кромѣ басни «Лисица-кознодѣй», которая вѣроятно, была написана около 1762 г. Вскорѣ послѣ басенъ Гольберга, Ф. Визинъ, еще будучи студентомъ, началъ переводить (1762 г.) съ нѣмецкаго перевода, а не съ французскаго оригинала, нравоучительный романъ аббата Террассона: «Геройская добродѣтель или жизнь Сиѳа, царя Египетскаго». Окончаніе перевода сдѣлано было имъ уже въ Петербургѣ, въ 1763—68 гг. Нравоучительные романы, во вкусѣ Телемака и Велизарія, были тогда въ большомъ ходу: изъ нихъ почерпала публика и нравственныя правила, и политическую мудрость; они замѣняли то, что составляетъ теперь отдѣльную отрасль литературы—публицистику. Новый переводъ Ф. Визина былъ похваленъ Рейхелемъ въ его журналѣ; но самъ переводчикъ остался недоволенъ своимъ трудомъ и называлъ его *несовсѣмъ удачнымъ*. Къ университетской же эпохѣ относятся и два другіе его перевода: «Овидіевыхъ превращеній» и Альзиры Вольтера. Послѣдній переводъ, сдѣланный стихами, произвелъ, по словамъ Ф. Визина, много шума въ свое время, вѣроятно, благодаря имени Вольтера; но самъ по себѣ онъ былъ очень плохъ, такъ что переводчикъ не отдалъ его ни на театръ, ни въ печать. Даже незнаніе языка обнаружилось здѣсь въ сильной степени; такъ напр. стихъ Вольтера: «les marbres impuissants en sabres façonnés» Ф. Визинъ перевелъ: безсильны мрморы, въ песокъ преображенны», при чемъ явно смѣшалъ два сходно-звучащія французскія слова: sabre (сабля, мечъ) и sable (песокъ.) По этому поводу А. С. Хвостовъ (*) въ своемъ стихотвореніи на Фонъ-Визина, между

(*) Александръ Семеновичъ Хвостовъ (1758—1820) написалъ нѣсколь-

прочимъ, говоритъ: «не льзя, чтобъ ты *меча* съ *пескомъ* не распознавалъ». Въ 1762 г. Фонъ-Визинъ кончилъ курсъ въ университетѣ и, вскорѣ по пріѣздѣ двора въ Москву, опредѣлился на службу въ иностранную коллегію переводчикомъ съ латинскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ (*). Тогдашній канцлеръ, Мих. Илар. Воронцовъ, поручалъ Фонъ-Визину переводъ важнѣйшихъ бумагъ, а когда пришлось отправить къ герцогинѣ шверинской пожалованный ей орденъ Св. Екатерины, то для этой поѣздки былъ избранъ также молодой переводчикъ, который и заслужилъ благосклонность самой герцогини и нашего министра при ея дворѣ. Это была первая заграничная поѣздка Ф. Визина; послѣ онъ совершилъ ихъ еще три, въ разныя мѣста, то по болѣзни жены, то самъ лечась отъ тяжкой болѣзни. 8 октября 1763 г. Фонъ-Визинъ, числясь на службѣ въ иностранной коллегіи, былъ прикомандированъ для нѣкоторыхъ дѣлъ къ кабинетъ-министру Ивану Перфил. Елагину и состоялъ при немъ болѣе шести лѣтъ. Служба при Елагинѣ осталась памятна для Фонъ-Визина лишь по однимъ непріятностямъ, перенесеннымъ имъ отъ своего сослуживца, Влад. Игн. Лукина, извѣстнаго драматическаго писателя того времени. Самъ Елагинъ сначала, повидимому, былъ добръ и ласковъ къ своему подчиненному; но о его служебной карьерѣ заботился весьма мало.

ко шутливыхъ стихотвореній, оставшихся въ рукописи, и *Оду къ безсмертію*, напеч. въ «Собесѣдникѣ любителей Росс. Слова. Ему же принадлежатъ: переводъ комедій Теренція (1777), переводъ статей о Португаліи изъ всеобщей географіи Бюшинга и оригинальная комедія: «Оборотень».

(*) Въ подлинномъ прошеніи, поданномъ Фонъ-Визинымъ въ гос. коллегію, иностранныхъ дѣлъ (въ октябрѣ 1762 г) объ опредѣленіи его въ эту коллегію, онъ писалъ: «Въ 1754 г. написанъ я въ оный (семеновскій) полкъ въ солдаты и отпущенъ для обученія наукъ въ имп. московскій университетъ, въ которомъ обучался латинскому, французскому и нѣмецкому языкамъ и разнымъ наукамъ и за обученіе произведенъ въ полку по порядку до нынѣшняго моего чина, а въ университетѣ студентомъ». Между тѣмъ у кн. Вяземскаго въ «краткой запискѣ о службѣ Ф. В., извлеченной изъ офиціальныхъ бумагъ, сказано, что онъ вступилъ въ службу въ 1755 г. Это невѣрно, потому что 1754 годъ постоянно означается и въ «Спискахъ находящимся у статскихъ дѣлъ... съ показаніемъ каждаго вступленія въ службу и въ настоящій чинъ».

Потомъ они и совсѣмъ рассорились. Фонъ-Визинъ въ 1768 г. писалъ къ своимъ родителямъ: «въ производствѣ моемъ надежды никакой нѣтъ. По крайней мѣрѣ Ив. Перфильевичъ о томъ, кажется, уже забылъ; напоминаніе же мое было бы излишне. Онъ меня любитъ; да вся его любовь состоитъ въ томъ, чтобы со мною обѣдать и проводить время. О счастьи же моемъ (т. е. о служебной карьерѣ) не рачитъ онъ ни мало, да и о своемъ не много помышляетъ»; а въ сентябрѣ того-же года онъ совсѣмъ рѣшился оставить службу у «этого урода», какъ писалъ своему отцу. Что было причиною ссоры Ф. Визина съ Лукинымъ: зависть ли Лукина къ дарованіямъ юноши, отбивавшаго у него первенство въ кабинетѣ начальника, насмѣшки ли Фонъ-Визина надъ литературными трудами обидчиваго автора?—рѣшить этотъ вопросъ довольно трудно, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ объ этой ссорѣ только одностороннее свидѣтельство самого Ф. Визина, который могъ быть и несправедливъ къ своему сопернику, если не въ литературѣ, то въ службѣ. Впрочемъ сторону Ф. Визина поддерживаютъ въ этомъ случаѣ отзывы лучшихъ сатирическихъ журналовъ екатерининскаго времени, единогласно нападавшихъ на Лукина за его необыкновенную самонадѣянность и литературное самохвальство. Какъ бы то ни было, но Фонъ-Визинъ не щадилъ красокъ для изображенія Лукина въ самомъ дурномъ и ненавистномъ видѣ. «Клянусь вамъ Богомъ — писалъ онъ роднымъ—что невозможно представить себѣ на мысль всѣ тѣ злости, всѣ тѣ *бездѣльническія* хитрости, которыя употреблялъ Лукинъ къ поврежденію меня въ мысляхъ Ив. Перфильевича и всей его фамиліи. И дѣйствительно онъ сдѣлалъ было то, что я, несмотря ни на бѣдность свою, ни на то, что долженъ службою искать своего счастія, принужденъ—было оставить службу». Ко времени службы при Елагинѣ относится знакомство Фонъ-Визина съ однимъ княземъ, молодымъ писателемъ, который ввелъ его въ общество людей невѣрующихъ. Лучшее препровожденіе времени въ этомъ обществѣ состояло въ богохуленіи и кощунствѣ. «Въ первомъ, говоритъ Ф. Визинъ, не принималъ я никакого участія и содрогался, слыша ругательства безбожниковъ; а въ кощунствѣ игралъ я и самъ не послѣднюю роль..» Въ сіе время сочи-

нилъ я посланіе къ Шумилову, въ коемъ нѣкоторые стихи являютъ тогдашнее мое заблужденіе, такъ что отъ сего сочиненія у многихъ прослылъ я безбожникомъ». Ученіе энциклопедистовъ, распространявшееся тогда по Европѣ, проникло и въ Россію; въ немъ замѣтны были зародыши двухъ философскихъ системъ: деистической и собственно матеріалистической или атеизма. Вольтеръ, не будучи христіаниномъ въ душѣ, признавалъ еще въ явленіяхъ жизни и природы высшее, регулирующее начало; другіе энциклопедисты, какъ напр. Гельвецій и Дидро, совсѣмъ отвергали деистическій принципъ. Нашъ русскій, доморощенный атеизмъ ведетъ, какъ извѣстно, свою генеалогію отъ Вольтера. Кое кто читалъ у насъ Гельвеція и читалъ съ толкомъ, но большинство такъ называемыхъ *вольтеріанцевъ* придерживалось въ своемъ безбожіи острыхъ фразъ и кощунственныхъ выходокъ противъ религіи. Это было легкомысленное бреттёрство, столько же задорное въ молодости, подъ вліяніемъ горячей крови и застольныхъ бесѣдъ, сколько трусливое въ старости, подъ угрозою смертнаго часа и нетвердой увѣренности въ отсутствіи адскихъ мукъ. Такое кощунство, отнимая у человѣка поддержку простодушныхъ вѣрованій, не давало ему взамѣнъ ничего прочнаго, на чемъ можно было бы остановиться и успокоиться; разрушая нравственные принципы, созданные преданіемъ, не внушало другихъ, которые могли бы служить имъ противовѣсомъ. Фонъ-Визинъ, увлекаясь природною остротою ума, падкаго на шутки и эпиграммы, являлся въ атеистическій кружокъ и вторилъ ему, когда рѣчь заходила о религіозныхъ предметахъ; но вскорѣ, послѣ нѣсколькихъ поѣздокъ въ Москву, гдѣ не было для него поддержки въ скептической бесѣдѣ, — прежняя компанія показалась ему далеко не столь пріятной; въ душѣ воскресли и живѣе заговорили воспоминанія дѣтства, осмѣянныя, но ничѣмъ основательно не разрушенныя. Подъ вліяніемъ этой внутренней реакціи онъ сталъ искать душеспасительныхъ бесѣдъ, и Г. Н. Тепловъ предложилъ ему свои услуги въ «опредѣленіи системы вѣры». По совѣту Теплова, Ф. Визинъ перевелъ отрывки изъ книги Самуэля Кларка: «Доказательства бытія Божія и истины христіанской вѣры» и хотѣлъ приложить ихъ къ концу

своего «Чистосердечнаго признанія», которое впрочемъ осталось не оконченнымъ.

Въ Петербургѣ же, при Елагинѣ, Фонъ-Визинъ началъ, а въ Москвѣ окончилъ (1766 г.) свою оригинальную комедію «Бригадиръ» и переводъ поэмы Битобе: «Іосифъ». По возвращеніи изъ отпуска Фонъ-Визинъ, кажется, первому Елагину прочелъ своего Бригадира. Неизвѣстно: понравилась ли пьеса кабинетъ-министру, достовѣрно только, что не онъ первый выдвинулъ впередъ и пьесу, и автора. Какъ-то случилось Ф. Визину прочитать Бригадира въ обществѣ А. И. Бибикова и графа Гр. Григ. Орлова; чтеніе понравилось имъ, и Орловъ не преминулъ сообщить объ этой пріятной новости самой императрицѣ. Приглашенный въ Петергофъ, молодой авторъ прочелъ, послѣ бала, свою пьесу государынѣ. Сконфузившись сначала, онъ, ободренный похвалами слушательницы, входилъ болѣе и болѣе въ смыслъ чтенія и, когда окончилъ, то удостоился самаго милостиваго привѣтствія. Съ этой минуты и пьеса, и ея молодой авторъ сдѣлались достояніемъ всѣхъ петербургскихъ салоновъ. Великій князь Павелъ Петровичъ, графы Панины, графы Чернышовы, графъ А. С. Строгановъ, гр. А. П. Шуваловъ, графиня М. А. Румянцова, всѣ наперерывъ желали видѣть автора и слышать пьесу, заслужившую высочайшее одобреніе. Фонъ-Визинъ не зарывалъ въ землю своего таланта: читая хорошо, онъ смѣшилъ всю знать своей пьесой, пока не прошла на нее мода. Не знаемъ, какими отзывами почтили автора Чернышовы, Шуваловъ и др., но Н. И. Панинъ, впослѣдствіи начальникъ Ф. Визина, произнесъ о пьесѣ весьма дѣльное сужденіе: «я вижу, сказалъ онъ автору, что вы очень хорошо нравы наши знаете, ибо *бригадирша ваша всѣмъ родня;* никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимоѳеевну не имѣетъ или бабушку, или тетушку, или какую нибудь свойственницу». Какъ прославленный авторъ Бригадира, Ф. Визинъ попалъ на обѣдъ къ одному графу, весьма знатному по чину, считавшемуся умнымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ. «Старый грѣшникъ — писалъ о немъ Фонъ-Визинъ — отвергалъ даже бытіе Высшаго Существа. Я поѣхалъ къ нему съ княземъ (о которомъ мы упоминали выше), надѣясь найти въ немъ, по

крайней мѣрѣ, разсуждающаго человѣка; но поведеніе его иное мнѣ показало. Ему вздумалось за обѣдомъ открыть свой образъ мыслей или, лучше сказать, свое безбожіе при слугахъ. Разсужденія его были софистическія и безуміе явное; но со всѣмъ тѣмъ поколебали душу мою.»

Вскорѣ Ф. Визинъ, отправился за духовною помощью къ Г. Н. Теплову. Тепловъ назвалъ Фонъ-Визину еще другаго, подобнаго же атеиста, къ удивленію нашему, оберъ-прокурора св. сунода: доказательство, что идеи французской философіи, хотя поверхностно, но довольно широко захватили въ свой кругъ наше высшее общество XVIII-го столѣтія. Этотъ оберъ-прокуроръ былъ даже такимъ рьянымъ пропагандистомъ новаго ученія, что, при встрѣчѣ въ гостинномъ дворѣ съ унтеръ-офицеромъ гвардіи, не преминулъ вразумить его сейчасъ же по вопросу о бытіи Божіемъ. Насколько осмысленны были въ то время эти атеистическія бравады, мы объяснили выше. Слѣдуетъ замѣтить, что, отказавшись въ теоріи отъ религіознаго вольнодумства, Фонъ-Визинъ никогда не покидалъ своего политическаго фрондёрства, что̀ видно напр. изъ переведеннаго имъ (въ 1777 г.) «Похвальнаго слова Марку Аврелію.» До болѣзни своей, Фонъ-Визинъ и въ религіозномъ благочестіи не заходилъ очень далеко.

Кромѣ графскихъ салоновъ, Фонъ-Визинъ посѣщалъ въ то же время и литературныя гостинныя, какъ напр. Г-жи Мятлевой, у которой собирались по вечерамъ многіе литераторы: Херасковъ, Майковъ, Богдановичъ и др. «Пылкость ума его, необузданное, острое выраженіе всегда всѣхъ раздражало и бѣсило, но со всѣмъ тѣмъ всѣ любили его.» (Ф. Визинъ, соч. Кн. Вяземскаго, стр. 244). Какъ находчивъ былъ Фонъ-Визинъ въ разговорѣ и какъ ловко отражалъ онъ насмѣшку можно заключить изъ слѣдующаго разсказа: А. С. Хвостовъ, въ стихотвореніи своемъ, назвалъ Фонъ-Визина *кумомъ музъ*. «Можетъ быть, — замѣтилъ Денисъ Ивановичъ при чтеніи этой сатиры, — только навѣрно покумился я съ музами не на крестинахъ автора» (*).

(*) Кстати приведемъ еще анекдотъ о Фонъ-Визинѣ. Разсказываютъ, будто слушая чтеніе «Росслава» Я. Б. Княжнина, Фонъ-Визинъ спросилъ

Придворные балы и маскарады, петербургскія увеселенія и большинство петербургскихъ знакомыхъ мало привлекали къ себѣ Фонъ-Визина, не смотря на его общительность и лихорадочную подвижность ума. Въ натурѣ его всегда таилось какое то хорошее, симпатическое начало, привлекавшее его только къ людямъ, которые имѣли съ нимъ что нибудь общее, которые могли бы раздѣлять его къ нимъ привязанность. «Одинъ Богъ видитъ, писалъ онъ къ роднымъ изъ Петербурга, какъ мнѣ съ вами хочется увидѣться...»—«Я не лгу, писалъ онъ въ другомъ письмѣ, что здѣсь знакомства еще не сдѣлалъ. Съ кадетскимъ корпусомъ не очень обхожусь, затѣмъ что тамъ бо̀льшая часть солдаты; а съ академіей—затѣмъ что тамъ бо̀льшая часть педанты... Да сверхъ того слово *знакомство*, можетъ быть вы не такъ понимаете какъ я. Я хочу, чтобы оно было основаніемъ ou de l'amitié ou de l'amour; однако этого желанія по несчастію недостаточно и ниже тѣни къ исполненію онаго не имѣю».

Въ Декабрѣ 1769 года Фонъ-Визинъ перешелъ отъ Елагина въ иностранную коллегію, къ графу Н. И. Панину, которому сталъ извѣстенъ, живя въ Петергофѣ. Это мѣсто было самое видное во всей служебной карьерѣ Фонъ-Визина: онъ былъ, по собственнымъ словамъ, «неотлучно при своемъ благодѣтелѣ до послѣдней минуты его жизни († 31 Марта 1783 г.) и, сохраняя къ нему непоколебимую преданность, удостоенъ былъ всегда полной его довѣренности».—Не всѣ служившіе у гр. Панина были такъ честны въ отношеніи къ нему (*): одинъ изъ нихъ «заплатилъ за всѣ благодѣянія (Панина) всею чернотою души и, снѣдаемъ будучи самолюбіемъ, алчущимъ возвышенія, вредилъ положенію своего благотворителя столько, сколько находилъ то нужнымъ для выгоды своего положенія». Разсказывали прежде и о Фонъ-Визинѣ, что,

---

наконецъ автора: «Когда-же выростетъ твой герой? Онъ все твердитъ: я—Россъ, я—Россъ! пора-бы ему и перестать расти!» Княжнинъ отвѣчалъ на это: «Мой Росславъ совершенно выростетъ, когда твоего «Бригадира» произведутъ въ генералы».

(*) Кромѣ Фонъ-Визина, занимались при гр. Панинѣ: Петръ Васильевичъ Бакунинъ и Яковъ Яковлевичъ Убри.

ходя къ Потемкину, своему бывшему университетскому товарищу, уже вошедшему въ силу, онъ передразнивалъ внѣшній видъ Панина и вообще старался унизить его въ глазахъ временщика; но это слѣдуетъ отнести къ разряду апокрифическихъ сказаній. Фонъ-Визинъ, правда, владѣя большимъ комическимъ талантомъ, любилъ и умѣлъ подтрунить надъ смѣшными сторонами своихъ знакомыхъ, слѣдовательно, онъ могъ дозволить себѣ гдѣ нибудь шутку и насчетъ гр. Панина; но сознательнаго желанія унизить гр. Панина, чтобы подслужиться Потемкину—не льзя допустить уже потому, что первая попытка въ подобномъ смыслѣ была бы тотчасъ передана Панину услужливыми наушниками и непремѣнно рассорила бы его съ Фонъ-Визинымъ. Къ тому же извѣстно, что въ характерѣ Фонъ-Визина совсѣмъ не было двоедушія; онъ никогда не добивался своихъ выгодъ ни посредствомъ личнаго низкопоклонства, ни путемъ своего таланта, и остается чистъ отъ всякаго подобнаго упрека. Не только предъ вельможами, но и предъ самою императрицею онъ держалъ себя независимо и конечно съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ самъ авторъ приводимыхъ стиховъ, могъ сказать о себѣ:

..... сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю.

Отношенія Панина къ Фонъ-Визину оставались всегда самыми дружелюбными съ начала и до конца служебнаго поприща Фонъ-Визина. Что касается до личности самого графа Н. И. Панина, то онъ былъ однимъ изъ образованныхъ людей своего времени и очень даровитымъ государственнымъ человѣкомъ, искусно лавировавшимъ на дипломатическомъ полѣ. «По внутреннимъ дѣламъ — пишетъ о немъ Фонъ-Визинъ — гнушался онъ въ душѣ своей поведеніемъ тѣхъ, кои по своимъ видамъ, невѣжеству и рабству, составляютъ государственный секретъ изъ того, что въ націи благоустроенной должно быть извѣстно всѣмъ и каждому, какъ то: *количество доходовъ*, *причины налоговъ* и пр. Не могъ онъ терпѣть, что по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ учреждались самовластіемъ частныя коммиссіи мимо судебныхъ мѣстъ, установленныхъ защищать невинность и наказывать

преступленія.» Настаивая на раскрытіи финансоваго положенія страны, ея доходовъ и расходовъ, гр. Панинъ касался самой важной болѣзни екатерининскаго царствованія. Чтобы не говорить голословно, вспомнимъ скандальную исторію банкира Сутерланда, который «былъ со всѣми вельможами въ великой связи, потому что онъ имъ ссужалъ казенныя деньги, которыя принималъ изъ государственнаго казначейства для перевода въ чужіе края по случавшимся тамъ министерскимъ надобностямъ» (Зап. Державина). Одному Потемкину перешло при этомъ 800,000 р., и вся эта сумма впослѣдствіи была принята императрицею насчетъ государственной казны. Вспомнимъ другой случай въ государственномъ заемномъ банкѣ, директоры котораго «вошли между собою въ толь короткую связь, что брали казенныя деньги на покупку брилліантовъ, дабы, продавъ ихъ императрицѣ съ барышемъ, взнести въ казну забранныя ими суммы и сверхъ того имѣть себѣ какой либо прибытокъ» (ibid). Во внѣшнихъ сношеніяхъ гр. Панинъ продолжалъ традиціонную петровскую политику — ослабленія Польши, которая и была наконецъ раздѣлена между тремя сосѣдними державами, добивалъ Турцію и стремился ограничить морской деспотизмъ Англіи. Во всѣхъ этихъ дипломатическихъ сношеніяхъ принималъ участіе и Фонъ-Визинъ, который былъ впрочемъ не больше, какъ точнымъ исполнителемъ министерскихъ приказаній и не вносилъ ничего своего въ секретарскую работу, проходившую между его рукъ. Изъ частной переписки Фонъ-Визина съ нашими дипломатическими министрами того времени видно, что онъ пользовался довѣріемъ гр. Н. И. Панина; — къ его помощи часто прибѣгали помянутыя лица: за полученіемъ орденской ленты, какъ Стакельбергъ, за удовлетвореніемъ личной обиды, какъ Марковъ, за скорѣйшей высылкой денегъ, какъ Зиновьевъ (посланникъ въ Мадритѣ), за прибавкой жалованья духовнику посольства, какъ Булгаковъ. Одинъ посылаетъ ему въ подарокъ бархатный кафтанъ, другой — зубочистки; третій хочетъ «прислать вина шампанскаго», если только пожелаетъ Фонъ-Визинъ и т. д. Даже грубый Сальдернъ (нашъ посолъ въ Варшавѣ), честившій Маркова par les épithètes diffamantes de sot et de misérable, — даже онъ любезничалъ съ Фонъ-Визи-

нимъ въ письмахъ и спрашивалъ его мнѣнія о разныхъ политическихъ событіяхъ. — «Прошу, государь мой, — пишетъ Фонъ-Визину Обрѣсковъ, — когда праздное время излучите, посѣтить моихъ дѣтей, дать имъ хорошія наставленія къ ученію и поведенію, да и учителя ихъ побуждать ко всевозможному ихъ обученію». Особенно дружескій тонъ господствуетъ въ перепискѣ Фонъ-Визина съ Я. И. Булгаковымъ; сохранились также отвѣты на его письма А. И Бибикова (*) и, судя по нимъ, авторъ Бригадира былъ весьма близокъ къ первому покровителю своего таланта (см. у Кн. Вяземскаго стр. 72—79).

Кстати замѣтить, что въ ссорѣ секретаря русскаго посольства въ Варшавѣ Маркова съ посланникомъ Сальдерномъ Фонъ-Визинъ взялъ сторону обиженнаго, хотя Сальдернъ былъ въ то время еще очень силенъ въ мнѣніи гр. Н. И. Панина. Служа при гр. Н. И. Панинѣ, Фонъ-Визинъ вступилъ въ переписку съ братомъ его, Петромъ Ивановичемъ (*), живущимъ въ отставкѣ, въ Москвѣ, при чемъ сообщалъ своему любознательному корреспонденту копіи съ интересныхъ дипломатическихъ бумагъ, конечно, не безъ вѣдома самого ми-

---

(*) *Александръ Ильичъ Бибиковъ*, генералъ-аншефъ, род. въ Москвѣ въ 1729 г. ум. въ Бугульмѣ въ 1774 г. Служба его началась съ 1746 г., во время семилѣтней войны онъ былъ полковникомъ и отличился въ многихъ сраженіяхъ. Въ 1766 г. костромское дворянство выбрало его депутатомъ въ коммисію для составленія новаго уложенія, а въ слѣдующемъ году императрица назначила его маршаломъ этой коммисіи. Съ іюня 1771 г. Бибиковъ начальствовалъ русскимъ корпусомъ въ Польшѣ, а въ концѣ 1773 г. былъ посланъ противъ Пугачева. Вскорѣ онъ заболѣлъ горячкою и умеръ, не успѣвъ подавить вооруженнаго возстанія.

(*) Петръ Ив. *Панинъ* род. въ 1721 г. ум. въ 1789. Онъ участвовалъ въ семилѣтней войнѣ и былъ главнымъ виновникомъ побѣды подъ Франкфуртомъ на Одерѣ. Въ 1769 г. онъ начальствовалъ второй арміей, назначенной противъ турокъ, а впослѣдствіи окончательно усмирилъ мятежъ Пугачева, по смерти А. И. Бибикова. Панинъ извѣстенъ былъ прямотою и честностію своего характера, за что и не пользовался при дворѣ особенною пріязнью. «Я никогда не была охотница до Петра Панина», говорила Екатерина, назначая его противъ Пугачева. Только государственная необходимость заставила императрицу рѣшиться на эту мѣру.

нистра иностранныхъ дѣлъ. Эти короткія сношенія продолжались и по смерти гр. Н. И. Панина. Въ 1773 г. состояніе Фонъ-Визина, жившаго до тѣхъ поръ почти однимъ жалованьемъ, неожиданно увеличилось. Гр. Н. И. Панинъ, окончивъ воспитаніе наслѣдника, получилъ между прочимъ въ награду 9000 душъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи и изъ этого числа уступилъ (около 4-хъ тысячъ) тремъ своимъ сотрудникамъ. Между ними Фонъ-Визину досталось при дѣлежѣ 1180 душъ. Около того же времени Фонъ-Визинъ познакомился со вдовой Хлоповой, рожденной Роговиковой и въ 1774 г. женился на ней, отчасти для того, чтобы прекратить сплетни, которыя стали распускать на счетъ ихъ взаимнаго расположенія. Въ приданое за женою онъ получилъ по тяжбѣ, имъ самимъ веденной, нѣкоторую сумму денегъ и домъ въ Галерной, цѣною въ 20,000 р. На эти средства Фонъ-Визинъ могъ предпринять три путешествія за границу и вести довольно прихотливую жизнь, которая, при дурномъ хозяйствѣ, скоро разстроила его далеко не огромное состояніе. По смерти Фонъ-Визина, жена его, оставленная всѣми знакомыми, много бѣдствовала, выпрашивая *изъ нужды* денегъ по мелочамъ. О первой поѣздкѣ или, точнѣе, о командировкѣ Фонъ-Визина за границу мы упоминали въ началѣ статьи; во второй разъ (собственно первое путешествіе) ѣздилъ онъ въ 1777—8 годахъ для поправленія здоровья своей жены и проѣхалъ чрезъ Варшаву, Дрезденъ, Франкфуртъ на Майнѣ, Страсбургъ, Ліонъ и Нимъ до Монпелье — цѣли своей поѣздки. Въ Монпелье пробылъ онъ около двухъ мѣсяцевъ для леченія жены и въ концѣ февраля 1778 г. пріѣхалъ въ Парижъ, справедливо почитавшійся центромъ умственной жизни Европы. Плодомъ этой поѣздки были извѣстныя его письма къ сестрѣ, Ѳедосьѣ Ивановнѣ (въ замужествѣ Аргамаковой) и къ графу П. И. Панину, — письма, написанныя въ разномъ тонѣ, но исполненныя повтореній, такъ какъ они касаются однихъ и тѣхъ же лицъ и событій. За границей Фонъ-Визинъ держалъ себя, какъ знатный человѣкъ, и, пользуясь конечно своимъ оффиціальнымъ положеніемъ при графѣ Н. И. Панинѣ, водилъ знакомство съ мѣстными аристократами и русскими посланниками. Въ Вар-

навѣ русскій посолъ сдѣлалъ визитъ его женѣ, а на другой день далъ обѣдъ, на которомъ познакомилъ своихъ гостей съ высшимъ польскимъ обществомъ. «Всякій вечеръ—писалъ Фонъ-Визинъ къ своей сестрѣ — мы званы на ассамблеи. Вчера поутру (17 сент. 1777 г.) посолъ пріѣхалъ къ намъ и сидѣлъ до обѣда, что здѣсь за величайшую отличность почитается. Онъ офировалъ намъ домъ свой такъ, чтобы мы за нашъ собственный почитали. По пріѣздѣ королевскомъ въ первый куртагъ, посолъ ему меня представилъ. Король (Станиславъ-Августъ), подошедъ ко мнѣ, сказалъ съ видомъ весьма ласковымъ, что онъ знаетъ меня давно по репутаціи и весьма радъ видѣть меня въ своей землѣ. Потомъ спрашивалъ меня о здоровьи жены моей и долго ли здѣсь останемся... Посолъ нашъ всякій день звалъ меня обѣдать къ себѣ и возилъ меня съ визитами, которые мнѣ и возвращены; словомъ сказать, мы всякій день выѣзжаемъ, и время летитъ нечувствительно». Въ Парижѣ нашъ посланникъ, Барятинскій, самъ прискакалъ верхомъ къ Фонъ-Визину и обошелся съ нимъ, «какъ съ роднымъ братомъ». Здѣсь же Фонъ-Визинъ былъ свидѣтелемъ тріумфа, устроеннаго Вольтеру, и познакомился съ кружкомъ французскихъ писателей, управлявшихъ общественнымъ мнѣніемъ Европы. Но ни Вольтеръ, ни Дидро (*), ни Руссо не привлекли къ себѣ его сочувствія и онъ

(*) *Энциклопедистами* названъ былъ кружокъ славныхъ французскихъ писателей, поборниковъ «освободительной философіи» XVIII-го вѣка. *Дени Дидро* (1713—1784 г.) можетъ быть названъ главою энциклопедистовъ на томъ основаніи, что онъ, при участіи многихъ сотрудниковъ, издавалъ вмѣстѣ съ д'Аламберомъ «Энциклопедію», или громадный алфавитный сборникъ статей по всѣмъ наукамъ (Encyclopédie ou dictonnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une societé des gens des lettres). Это изданіе продолжалось въ теченіе 20 лѣтъ (1751—1772). Вольтеръ (1694—1778 г.) принималъ живѣйшее участіе въ этой «Энциклопедіи»: онъ давалъ совѣты своимъ друзьямъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, присылалъ статьи, предлагалъ перенести изданіе въ Лозанну и готовъ былъ употребить для него половину своего состоянія. Кромѣ Вольтера, въ «Энциклопедіи» сотрудничали: Бюффонъ, Монтескье, Гельвецій (1715—1771), Гольбахъ (1723—1789) и Кондильякъ (1715—1780). Три послѣдніе мыслителя принадлежатъ къ матеріалистической школѣ; ихъ философія выражается въ сочиненіи: Système de la nature (Гольбаха),

отзывается о всѣхъ энциклопедистахъ съ неудержимымъ цинизмомъ, доходящимъ даже до бранныхъ выраженій въ родѣ «урода» и «шарлатана»; въ особенности не посчастливилось д'Аламберу (**), у котораго найдена была «премерзкая фигура и преподленькая физіономія». Источникъ негодованія Фонъ-Визина былъ, впрочемъ, довольно извинительный: его поразило то обстоятельство, что, по пріѣздѣ въ Парижъ брата одного изъ петербургскихъ временщиковъ, д'Аламберъ, Мармонтель и др. писатели явились «въ переднюю засвидѣтельствовать свое нижайшее почтеніе» для того, какъ несправедливо полагалъ Фонъ-Визинъ, чтобы получить подарки отъ нашего двора. «Мое душевное почтеніе, говоритъ путешественникъ, совсѣмъ истребилось послѣ такого подлаго поступка». При этомъ строгій критикъ не сообразилъ только, что со стороны д'Аламбера, осыпаннаго любезностями русской императрицы, подобный визитъ къ брату ея приближеннаго былъ дѣломъ простой учтивости, и что Мармонтель, котораго сочиненія жгли въ Парижѣ и переводили въ Петербургѣ, тоже могъ питать нелицемѣрное уваженіе къ Екатеринѣ II-ой и желать выразить ей это уваженіе черезъ посредство близкаго лица. Таковы же были отношенія къ русскому двору Вольтера и Дидро. Окруженные знаками самаго лестнаго вниманія императрицы, они честно слали на Сѣверъ свои гимны и поощренія. Конечно, имъ доставались при этомъ небольшія выгоды (какъ напр. покупка библіотеки у Дидро, съ предоставленіемъ пожизненнаго пользованія ея владѣльцу); но эти выгоды были такъ ничтожны сравни-

---

De l'esprit (Гельвеція), Traité des sensations (Кондильяка). Самъ Дидро тоже не былъ деистомъ и если вѣрить Ножану, умирая, развивалъ свои отрицательные взгляды.

(**) *д'Аламберъ* род. въ Парижѣ въ 1717 г., ум. въ 1783 г. Знаменитый математикъ и философъ, редакторъ «Энциклопедіи», для которой онъ написалъ: Discours préliminaire. Въ 1758 г. д'Аламберъ оставилъ энциклопедію, и Дидро одинъ продолжалъ вести предпріятіе. Съ 1754 г. д'Аламберъ считался членомъ фран. академіи, а въ 1772 г. былъ избранъ ея секретаремъ. Между энциклопедистами онъ отличался спокойствіемъ и методичностью въ изложеніи статей, а также безупречнымъ благородствомъ своего личнаго характера.

тельно съ другими наградами Екатерины II-й, что трудно рѣшиться обозвать ихъ *подлостью*, имѣя въ виду то, чего могли бы достигнуть эти люди, еслибъ они, въ самомъ дѣлѣ, заботились объ однихъ своихъ личныхъ выгодахъ. Д'Аламберъ отказался даже отъ спроннаго жалованья и чести быть при русскомъ дворѣ, чтобы не поступиться нимало своей независимостью. Къ тому же тонкая лесть и похвалы энциклопедистовъ были не безполезны для того дѣла, о которомъ хлопотали они. Но Фонъ-Визинъ мало сочувствовалъ тогда философіи французскихъ энциклопедистовъ, быть можетъ, и потому что въ его родимой землѣ расплодилось слишкомъ много Иванушекъ (см. Бригадира), схватившихъ въ Парижѣ одни верхи европейской цивилизаціи. По нѣкоторой близорукости и дурно-направленной страсти къ пересмѣиванью онъ не оцѣнилъ такъ должно другихъ, полезныхъ сторонъ этой пропаганды, и ея успѣхи, ея нравственныя завоеванія не были дороги для него. Тѣмъ не менѣе, Фонъ-Визинъ признавалъ отчасти заслуги энциклопедистовъ «въ искорененіи предразсудковъ», охотно читалъ ихъ сочиненія и позаимствовался отсюда въ тѣхъ же самыхъ письмахъ изъ путешествія. Подробнѣе объ этомъ мы скажемъ во второй части нашей статьи.

Въ промежутокъ между первымъ и вторымъ путешествіемъ Фонъ-Визинъ написалъ «Недоросля» (1782 г.), который имѣлъ еще болѣе успѣха, чѣмъ «Бригадиръ». Публика, по свидѣтельству современниковъ, «аплодировала эту пьесу (во время представленія) метаніемъ кошельковъ съ деньгами»; высшая знать была тоже ею очень довольна. Потемкину приписываютъ, по этому случаю, извѣстную фразу: «умри, Денисъ, или больше ничего не пиши». И словно повинуясь этому заклятію, Фонъ-Визинъ, дѣйствительно, не написалъ послѣ «Недоросля» ничего, выходящаго изъ ряду. Драматическіе отрывки его: «Выборъ гувернера» и др. появились послѣ «Недоросля», но по блѣдности фигуръ служатъ или копіями съ прежнихъ комедій, или первыми черновыми набросками для серьезной работы. Второе путешествіе Фонъ-Визина заграницу относится къ 1784—5 годамъ. Въ этотъ разъ онъ ѣздилъ собственно въ Италію, гдѣ пробылъ нѣсколько мѣ-

сацевъ и успѣлъ видѣть почти всѣ главные города. Здѣсь же купилъ онъ нѣсколько картинъ для торговаго дома Клостермана въ Петербургѣ, съ которымъ вошелъ въ коммерческія дѣла, продолжавшіяся до конца его жизни. Изъ этого путешествія онъ писалъ письма къ своей сестрѣ и въ нихъ осуждалъ Италію съ такою же строгостью, какъ и Францію. Снисхожденье оказываетъ Фонъ-Визинъ только къ художественнымъ произведеніямъ этой страны. Любуясь ея превосходными бюстами и картинами, онъ изъявляетъ опасеніе, что самъ скоро «превратится въ бюстъ». Барскія привычки Фонъ-Визина, привившіяся къ нему волей-неволею на лонѣ крѣпостныхъ отношеній, обнаружились какъ въ Парижѣ, такъ и въ Италіи: живя во Франціи онъ удивлялся, что солдатъ садится рядомъ съ своимъ начальникомъ, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ смотрѣть комедію; въ Италіи онъ страдалъ отъ «превеликихъ грубостей» почтальоновъ, доводившихъ его до изступленія. «Еслибъ не жена, — говоритъ онъ по поводу этихъ грубостей, — которая на тотъ часъ меня собою связала, я всеконечно потерялъ бы терпѣніе и кого нибудь застрѣлилъ бы .... Англичане то и дѣло стрѣляютъ почтальоновъ». Скромная и разсчетливая жизнь итальянцевъ не понравилась туристу, привыкшему къ блеску и пышности екатерининскаго двора. «Здѣсь первая дама, пишетъ онъ изъ Рима, принцесса Санта-Кроче, у которой весь городъ бываетъ на конверсаціи и у которой во время съѣздовъ нѣтъ на крыльцѣ ни плошки. Необходимо надобно, чтобъ гостинный лакей (т. е. слуга гостя) имѣлъ фонарь и помогалъ своему господину взлѣзать на лѣстницу. Надобно проходить множество покоевъ или, лучше сказать, хлѣвовъ, гдѣ горитъ по лампадочкѣ масла. Гостей ни чѣмъ не потчиваютъ и не только кофе или чаю, ниже воды не подносятъ».

Оставивъ Венецію въ маѣ 1785 г., Фонъ-Визинъ возвратился въ августѣ того же года въ Москву и вскорѣ (29 авг.) пострадалъ отъ паралича, который до конца жизни отнялъ у него свободное употребленіе языка и лѣвой руки и ноги. Кажется, что первое предвѣстіе паралича почувствовалъ Фонъ-Визинъ еще въ Римѣ: по крайней мѣрѣ, въ письмѣ изъ

Вѣны (май 1785 г.) онъ жалуется на «слабость нервовъ и онѣмѣніе лѣвой руки и ноги». Уже съ съ цѣлью лечиться отъ этихъ непріятныхъ послѣдствій болѣзни проѣхалъ онъ, по совѣту вѣнскаго медика, въ Баденъ, гдѣ принималъ сѣрныя ванны. Послѣ паралича, поразившаго его въ Москвѣ, Фонъ-Визинъ сильно упалъ тѣломъ и духомъ. Куда дѣвались: его прежняя бодрость въ житейскихъ невзгодахъ, насмѣшки надъ людскими глупостями, иронія надъ предразсудками! Строгихъ, теорическихъ убѣжденій никогда у него не было и, даже послѣ обращенія къ Самуэлю Кларку, его неистощимый юморъ заходилъ за предѣлы того, что самъ онъ считалъ удобнымъ и открытымъ для насмѣшки. Такъ напр. въ «Недорослѣ» онъ глумился надъ Кутейкинымъ съ его ветхозавѣтнымъ языкомъ; а въ письмахъ изъ Франціи (къ гр. Панину) говорилъ о двухъ принцахъ королевскаго дома, изъ которыхъ «одинъ имѣетъ великую претензію на царство небесное и о земныхъ вещахъ мало помышляетъ. Попы увѣрили его, что, не отрекшись вовсе отъ здраваго ума, не льзя никакъ понравиться Богу, и онъ дѣлаетъ все возможное, чтобъ стать угодникомъ Божіимъ. Другой побѣдилъ силу вѣры силою вина: мало людей перепить его могутъ.» Но со времени болѣзни такія вольнодумныя поползновенія, упорно сохранявшіяся въ немъ отъ юныхъ лѣтъ, наконецъ стали ему казаться предосудительными, и онъ все строже и строже подавлялъ ихъ въ себѣ. Говорятъ, что, сидя въ московской университетской церкви, онъ обращался къ студентамъ съ такою рѣчью, указывая на свои разбитые члены: «Дѣти, возьмите меня въ примѣръ: я наказанъ за вольнодумство; не оскорбляйте Бога ни словами, ни мыслью!» Преданіе это вполнѣ достовѣрно: изъ исповѣди Фонъ-Визина и «разсужденій о суетной жизни человѣческой» видно, что мѣра его самоуниженія была дѣйствительно велика. «Лишился я пораженныхъ членовъ — пишетъ онъ въ «разсужденіи» — въ самое то время, когда, возвратясь изъ чужихъ краевъ, упоенъ былъ мечтою о моихъ знаніяхъ, когда безумное на разумъ мой надѣяніе изъ мѣръ выходило, и когда, казалось, представлялся случай къ возвышенію въ суетную знаменитость. Тогда Всевѣдецъ, зная, что *таланты мои могутъ*

быть болѣе вредны нежели полезны, отнялъ у меня самого способы изъясняться словесно и письменно, и просвѣтилъ меня въ разсужденіи меня самого». Третье путешествіе Фонъ-Визина было предпринято въ 1786 г. съ спеціальной цѣлью поправить здоровье, разстроенное параличомъ. Пробывъ въ Вѣнѣ нѣсколько мѣсяцевъ, ѣздилъ онъ въ Карлсбадъ лечиться цѣлебными водами; изъ Карлсбада отправился въ Тренцинъ въ Венгріи, также для пользованія водами, и возвратился въ Петербургъ въ концѣ сентября 1787 г. Леченіе, шло неудачно, отчасти потому, что Ф. Визинъ частехонько *выкланивалъ* себѣ у докторовъ разныя льготы, которыя мѣшали успѣшности леченія. Въ 1789 г., тоже для возстановленія здоровья, Фонъ-Визинъ ѣздилъ въ Ригу, Бальдонъ и Митаву и, судя по его дневнику, испыталъ немало терзаній отъ докторовъ; но все было напрасно: утраченное здоровье такъ навсегда и оставило его. Жена Фонъ-Визина сопутствовала ему во всѣхъ поѣздкахъ за границу и заботливо ухаживала за больнымъ мужемъ, хотя, кажется, имѣла поводы пенять на него въ своей супружеской жизни. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1786 г. она была въ Петербургѣ съ цѣлью похлопотать о заграничной поѣздкѣ, необходимой для ея мужа; между тѣмъ Ф.-Визину написали въ Москву, что жена его возстановляетъ всѣхъ противъ него своими жалобами и намѣрена даже просить императрицу о разводѣ. Извѣстіе это встревожило Дениса Ивановича. «Вчера узнавъ о семъ, писалъ онъ къ одному пріятелю своему, я почти вовсе сталъ безъ языка.» Пріятель извѣстилъ его, что слухи совершенно ложны: Фонъ-Визинъ успокоился. Дѣйствительно, жена его, купивъ дорожную карету, немедленно пріѣхала въ Москву, и тѣмъ же лѣтомъ они отправились въ Вѣну. Грозившій призракъ скандала быстро разсѣялся; вообще брачный вѣнецъ Фонъ-Визина, не смотря на нѣкоторыя случайныя непріятности, былъ для него довольно легокъ. Въ Ригу и Бальдонъ жена не сопровождала Фонъ-Визина (вѣроятно по домашнимъ препятствіямъ) и въ его дневникѣ упоминается, какъ близкій человѣкъ, нѣкто Михаилъ Алексѣевичъ—можетъ быть, братъ или родственникъ Василія Алексѣевича Аргамакова, женатаго на сестрѣ Фонъ-Визина. Дѣтей у Дениса Ивановича не было.

По смерти гр. Н. И. Панина Фонъ-Визинъ, недолго находился на дѣйствительной службѣ и въ чинѣ статскаго совѣтника вышелъ въ отставку (*). Онъ могъ бы предаться тѣмъ свободнѣе литературной дѣятельности; но на бѣду болѣзнь поразила его физическія силы и умственныя способности. Въ 1788 г. талантъ Фонъ-Визина въ послѣдній разъ вспыхнулъ было новою искрой; въ головѣ его родился планъ сатирическаго журнала подъ названіемъ: «Другъ честныхъ людей или Стародумъ». Но петербургская полиція не разрѣшила этого изданія, и оно остановилось на печатномъ объявленіи, да на нѣсколькихъ заготовленныхъ статьяхъ. Это запрещеніе полиціи показываетъ, что императрица уже во все перестала благоволить къ Ф. Визину. Мы говорили, что въ немъ не оказалось тѣхъ специфическихъ добродѣтелей придворнаго литератора, которыми владѣлъ съ избыткомъ Державинъ; Фонъ-Визинъ былъ слишкомъ прямъ, слишкомъ угловатъ; мало кланялся и мало унижался. Онъ какъ будто требовалъ, а не выпрашивалъ уваженія къ себѣ и своему таланту. Сверхъ того Ф. Визинъ былъ преданъ гр. Н. И. Панину, котораго императрица не любила и терпѣла при себѣ только по необходимости. «Фонъ-Визинъ, говоритъ Н. А. Добролюбовъ, не умѣлъ вполнѣ понять великой Екатерины и, вслѣдствіе этого, онъ не пользовался расположеніемъ при дворѣ. Это былъ, конечно, одинъ изъ умнѣйшихъ и благороднѣйшихъ представителей истиннаго, здраваго направленія мыслей въ Россіи, особенно въ первое время своей литературной дѣятельности, до болѣзни; но его горячія, безкорыстныя стрем-

(*) Въ 1780 г. Фонъ-Визинъ былъ уже канцеляріи совѣтникомъ, а въ 1781 г. назначенъ членомъ «Департамента Правленія Почтовыхъ Дѣлъ», учрежденнаго за годъ до того при иностранной коллегіи. Памятникомъ этой службы сохранился черновой собственоручный набросокъ Фонъ-Визина о почтахъ и ихъ лучшемъ устройствѣ (см. примѣчанія), составляющій вводную начало обширной официальной записки. Черезъ два года почтовое управленіе получило совсѣмъ иное образованіе и «Департаментъ» былъ уничтоженъ; но имени Фонъ-Визина не находится въ числѣ служащихъ лицъ еще раньше: его уже нѣтъ въ адресъ-календарѣ на 1783 г., такъ что вѣроятно Фонъ-Визинъ оставилъ службу тотчасъ по смерти гр. Панина (31 марта 1783 г.).

ленія были слишкомъ непрактичны, слишкомъ мало обѣщали существенной пользы предъ судомъ императрицы, чтобы она могла поощрять ихъ. И она сочла за лучшее не обращать на него вниманія, показавъ ему предварительно, что путь, которымъ онъ идетъ, не приведетъ ни къ чему хорошему». Первая размолвка вышла по поводу его откровенныхъ «Вопросовъ», въ которыхъ онъ мѣтилъ на слишкомъ явные и щекотливые недостатки того времени. Позже Фонъ-Визинъ написалъ , по порученію гр. Н. И. Панина, одно политическое разсужденіе для великаго князя, и въ немъ затронулъ основной принципъ нашего государственнаго устройства. Екатерина, узнавъ объ этомъ, сказала въ кругу своихъ приближенныхъ: «плохо мнѣ приходитъ жить! ужъ и г. Фонъ-Визинъ хочетъ учить меня царствовать». Въ 1788 г. Фонъ-Визинъ получилъ отказъ въ изданіи журнала. Въ концѣ жизни онъ переводилъ или собирался переводить Тацита и писалъ по этому случаю къ государынѣ (14 февр. 1790 г.); но отвѣтъ былъ неблагопріятный....

1-го декабря 1792 г. Фонъ-Визинъ умеръ въ Петербургѣ. Вотъ какъ описываетъ И. И. Дмитріевъ свою встрѣчу съ авторомъ «Недоросля» наканунѣ его смерти: «Черезъ Державина я сошелся съ Денисомъ Ивановичемъ Фонъ-Визинымъ. По возвращеніи его изъ бѣлорусскаго его помѣстья, онъ просилъ Гаврила Романовича познакомить его со мною. Я не зналъ его въ лицо, какъ и онъ меня. Назначенъ былъ день свиданія. Въ шесть часовъ пополудни пріѣхалъ Фонъ-Визинъ. Увидя его въ первый разъ, я вздрогнулъ и почувствовалъ всю бѣдность и нищету человѣческую. Онъ вступилъ въ кабинетъ Державина, поддерживаемый двумя молодыми офицерами, выпущенными изъ Шкловскаго кадетскаго корпуса и пріѣхавшими съ нимъ изъ Бѣлоруссіи. Уже онъ не могъ владѣть одною рукою; равно и одна нога одеревенѣла; обѣ поражены были параличомъ; говорилъ съ крайнимъ усиліемъ, и каждое слово произносилъ голосомъ охриплымъ и дикимъ; но большіе глаза его быстро сверкали. Первый брошенный на меня взглядъ привелъ меня въ смятеніе. Разговоръ не замѣшкался. Онъ приступилъ ко мнѣ съ вопросами о своихъ сочиненіяхъ: знаю ли я *Недоросля?* читалъ ли *Посланіе къ Шумилову*,

Лису-кознодѣйку, переводъ его «Похвальнаго слова Марку Аврелію»? и такъ далѣе; какъ я нахожу ихъ?—Казалось, что онъ такими вопросами хотѣлъ съ перваго раза вывѣдать свойства ума моего и характера. Наконецъ спросилъ меня и о чужомъ сочиненіи: что я думаю о «*Душенькѣ*»? «Она—изъ лучшихъ произведеній нашей поэзіи», отвѣчалъ я. «Прелестна!» подтвердилъ онъ съ выразительною улыбкою. Потомъ Фонъ-Визинъ сказалъ хозяину, что онъ привезъ ему свою комедію: *Гофмейстеръ* (*); хозяинъ и хозяйка изъявили желаніе выслушать эту новость. Онъ подалъ знакъ одному изъ своихъ вожатыхъ. Тотъ прочиталъ комедію однимъ духомъ. Въ продолженіе чтенія авторъ глазами, киваніемъ головы, движеніемъ здоровой руки подкрѣплялъ силу тѣхъ выраженій, которыя ему самому нравились. Игривость ума не оставляла его и при болѣзненномъ состояніи тѣла. Несмотря на трудность разсказа, онъ заставлялъ насъ не однажды смѣяться. Во всемъ уѣздѣ, пока онъ жилъ въ деревнѣ, удалось ему найти одного русскаго литератора, городскаго почтмейстера. Онъ выдавалъ себя за жаркаго почитателя Ломоносова. «Которую же изъ одъ его вы признаете лучшею?» Ни одной не случилось читать, отвѣтствовалъ почтмейстеръ. За то, продолжалъ Фонъ-Визинъ, доѣхавъ до Москвы, я уже не зналъ, куда дѣваться отъ молодыхъ стихотворцевъ. Отъ утра и до вечера, они вокругъ меня роились и жужжали. Однажды докладываютъ мнѣ: *пріѣхалъ трагикъ*. Принять его, сказалъ я, и чрезъ минуту входитъ авторъ съ пукомъ бумагъ. Послѣ первыхъ привѣтствій и оговорокъ, онъ проситъ меня выслушать трагедію его въ новомъ вкусѣ. Нечего дѣлать, прошу его садиться и читать. Онъ предваряетъ меня, что развязка драмы его будетъ самая необыкновенная; у всѣхъ трагедіи оканчиваются добро-

(*) Кн. Вяземскій полагаетъ, что эта самая пьеса названа впослѣдствіи: «Выборъ гувернера». Можетъ быть такъ, а можетъ быть и иначе. И. С. Фонъ-Визинъ, родственникъ покойнаго Д. И., сообщилъ намъ, что бумаги Дениса Ивановича сохранялись долгое время въ селѣ Спасскомъ (Клинскаго уѣзда); но лѣтъ 15 назадъ истреблены пожаромъ. Между этими бумагами И. С. помнитъ 2 дѣйствія комедіи (не Гофмейстеръ ли?) и 6 непапечатанныхъ писемъ.

вольнымъ или насильственнымъ убійствомъ, а его героиня, или главное лицо, умретъ естественною смертью. И въ самомъ дѣлѣ, заключилъ Фонъ-Визинъ, героиня его отъ акта до акта чахла, чахла и наконецъ издохла.—Мы разстались съ нимъ въ одиннадцать часовъ вечера, а на утро онъ былъ уже въ гробѣ».

Перейдемъ къ оцѣнкѣ литературной дѣятельности Фонъ-Визина въ связи съ тою интересною эпохой, которой онъ служитъ однимъ изъ самыхъ яркихъ представителей.

II.

Развитіе европейской литературы въ новѣйшее время. Философія XVIII вѣка и ея вліяніе на русское общество. Екатерина II-я, какъ послѣдовательница французскихъ энциклопедистовъ. Ея сочиненія съ тенденціозной стороны. Общее направленіе русской литературы того времени. Педагогическіе взгляды, нравственныя и политическія убѣжденія Фонъ-Визина. Художественное достоинство его типовъ и значеніе ихъ въ связи съ характеромъ эпохи.

Русская литература находится, со временъ Петра I-го, въ такой тѣсной зависимости отъ общаго хода и развитія литературы европейской, что изучать первую, не составивъ себѣ предварительнаго понятія о послѣдней, если и возможно, то, по крайней мѣрѣ, вполнѣ безполезно. Только изъ этой связи, соединяющей наше литературное развитіе съ движеніемъ обще-европейской мысли, можемъ мы заимствовать правильный взглядъ на многія, самыя крупныя явленія въ исторіи русской словесности. Риторическое направленіе Ломоносова въ его одахъ и раціональное—въ научныхъ изслѣдованіяхъ; господство лже-классицизма въ лирикѣ, эпосѣ и драмѣ; пропаганда свободомыслія въ лучшихъ произведеніяхъ екатерининскаго вѣка и реакція ему въ разныхъ мѣропріятіяхъ и мистическихъ ученіяхъ; сантиментализмъ, романтизмъ и пр. все это находитъ себѣ смыслъ и объясненіе въ томъ вліяніи, какое оказывало всегда на нашу литературу развитіе мысли на Западѣ Европы. Такимъ образомъ, не приступая еще къ спеціальному разсмотрѣнію литературной дѣятельности Фонъ-Визина, мы должны припомнить состояніе умовъ въ западной

Европѣ, насколько отразилось оно въ литературныхъ произведеніяхъ и философскихъ теоріяхъ того времени.

Духъ пытливости, съ котораго начинается истинная наука, сталъ развиваться почти одновременно въ Англіи и во Франціи и коснулся, первымъ дѣломъ, теологическихъ понятій, завѣщанныхъ стариною; а борьба протестанства съ католицизмомъ, въ обѣихъ передовыхъ странахъ Европы, много способствовала его усиленію. Для этой борьбы понадобились научныя свѣдѣнія и разумные доводы; но разъ допустивъ ихъ, не льзя уже было остановиться на первомъ шагѣ, и естественное теченіе мыслей увлекало все дальше и дальше на этомъ заманчивомъ пути. Гукеръ (въ концѣ XIV-го столѣтія) обращался отъ преданій къ суду разума, хотя и прибавлялъ, что разумъ отдѣльныхъ лицъ долженъ иногда преклоняться предъ авторитетами; Чиллингвортъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи: Religion of protestants (1637 г.) не признавалъ уже никакихъ исключеній, которыя ограничивали бы права разума. Въ то же время Бэконъ Веруламскій (1561—1626), въ борьбѣ съ схоластикой, поставилъ высшимъ научнымъ принципомъ *наблюденіе* и опытъ естествознанія, за что и названъ былъ отцомъ новѣйшей философіи. Томасъ Муръ (1480—1535), нарисовалъ въ своей «Утопіи» (1516) идеалъ новаго общественнаго устройства, далеко не похожій на рутинную практику среднихъ вѣковъ. Словомъ, критическая мысль уже была пробуждена въ XVI-мъ вѣкѣ и росла незамѣтно, но послѣдовательно. Въ царствованіе Карла II-го духъ пытливости сдѣлалъ новыя и болѣе обширныя завоеванія, благодаря тому, что этотъ король не оказывалъ никакого стѣсненія умственнымъ успѣхамъ страны. Послѣ сильныхъ нападеній Томаса Гоббеса на современную ортодоксію, Джонъ Локкъ систематизировалъ вполнѣ ученіе эмпиризма въ своемъ «Опытѣ о познавательной способности человѣка» (1689 г.). Въ высшее англійское общество свободная критика, чуждая постороннихъ вліяній, вторглась чрезъ посредство двухъ современниковъ-писателей: Шефтсбери (1671—1713 г.) и Болингброка (1672—1751 г.). Теологія, нравственность и отчасти политика подчинились вліянію разума, который сдѣлался единственнымъ судьею всѣхъ жизненныхъ

явленій. Не отрицая высшей воли, господствующей въ мірѣ, англійскіе деисты обращались къ неизмѣннымъ законамъ природы; въ нравственности они становились на практическую точку зрѣнія, признавая нравственнымъ то, что могло приносить пользу въ человѣческомъ обществѣ; въ политикѣ осмѣивали отжившія понятія. Во Франціи реформація, послѣ варфоломеевской ночи, какъ религіозная догма, занимала второстепенную роль въ народной жизни. Между тѣмъ *идея реформы* и свободной критики всего существующаго развивалась въ умахъ, начиная съ Рабле́ (1483—1553), продолжая Монтэнемъ (1533—1593 г.), Шарономъ и Декартомъ (1596—1650 г.). Первый изъ нихъ осмѣивалъ съ цинической рѣзкостью безпутство и праздность «аббатовъ, аббатиссъ, монашковъ и папчиковъ», не затрогивая однако принципа ихъ существованія; второй представилъ въ своихъ Essais замѣчательный образчикъ незараженной мистицизмомъ философіи житейскаго знанія; Шаронъ (въ книгѣ: De la Sagesse) построилъ уже цѣлую систему нравственности безъ посторонней помощи: «Мы должны возвыситься, говорилъ онъ, надъ притязаніями враждебныхъ сектъ и, довольствоваться практическою религіей, состоящей въ исполненіи обязанностей жизни». Правленіе Ришелье — деспота въ политикѣ и прогрессиста въ религіи — было весьма сподручно для развитія конфессіональной терпимости. Декартъ, этотъ (по словамъ Бокля) великій разрушитель старыхъ преданій, въ своей философской системѣ, отправлялся единственно отъ разума, какъ исходнаго пункта всѣхъ человѣческихъ познаній, и съ замѣчательной твердостью высказалъ слѣдующее основное положеніе своей школы: «если мы хотимъ узнать всѣ истины, которыя можемъ знать, то прежде всего должны освободиться отъ предразсудковъ и поставить себѣ цѣлью отвергнуть до новаго испытанія все, что мы приняли прежде. Вотъ почему мы должны выводить наши мнѣнія изъ насъ самихъ. Мы не должны произносить сужденія о предметѣ, котораго не понимаемъ ясно и точно, ибо такое сужденіе, даже и правильное, есть только случайность, оно лишено прочнаго основанія, на которомъ могло бы опираться».

Дальнѣйшее развитіе свободныхъ идей досталось на долю Франціи, находившейся еще подъ «старымъ правленіемъ» (ancien regime) въ то время, когда Англія пользовалась уже сравнительно свободными учрежденіями. Этотъ гнетъ извнѣ только усиливалъ внутренній напоръ прогрессивной мысли. Въ 18-мъ столѣтіи скептическіе умы во Франціи взялись уже за проблемму кореннаго переустройства общества: къ критикѣ факта присоединились, подъ вліяніемъ свободы мысли и политическихъ учрежденій Англіи, практическія стремленія къ преобразованію. Монтескье въ своихъ «Персидскихъ письмахъ» подвергнулъ критикѣ разнообразныя установленія въ Европѣ, особенно во Франціи; онъ же впослѣдствіи (l'Esprit des lois), увлекшись англійскою конституціей, отстаивалъ ограниченную монархію, въ противоположность порядку, существовавшему въ его отечествѣ. Одновременно съ нимъ началъ свою литературную дѣятельность Вольтеръ, имя котораго служитъ донынѣ знаменемъ всей «литературы освобожденія» XVIII-го вѣка. Въ своихъ драмахъ, памфлетахъ, ученыхъ разсужденіяхъ, Вольтеръ ясно высказалъ и популяризировалъ тѣ скептическія идеи, которыя встрѣчались; въ различныхъ дозахъ, у его французскихъ и англійскихъ предшественниковъ. Никто, лучше его, не умѣлъ однимъ словомъ, одною язвительною насмѣшкой пошатнуть цѣлый строй господствовавшихъ понятій; никто не стоялъ такъ высоко въ мнѣніи образованной Европы и не имѣлъ на нее такого могучаго и, во многихъ отношеніяхъ, благодѣтельнаго вліянія. Не слишкомъ сильный, какъ философъ и теоретикъ, Вольтеръ бралъ верхъ надъ другими писателями разнообразіемъ и блескомъ своего таланта.—Англійская умѣренность и сдержанность мысли были забыты во Франціи: деизмъ Локка не устоялъ противъ рѣзкой діалектики французскихъ философовъ. Съ 1758 г. (когда появилась книга Гельвеція: de l'Esprit), атеистическій образъ мыслей сталъ быстро распространяться во Франціи. Гельвецій въ своемъ философскомъ изслѣдованіи говоритъ, что разница между человѣкомъ и животнымъ низшей породы есть результатъ различія въ ихъ внѣшней формѣ; строеніе тѣла есть единственная причина превосходства; наши мысли суть продуктъ двухъ

способностей: способности получать впечатлѣнія отъ внѣшнихъ предметовъ и способности помнить полученное впечатлѣніе. Наши добродѣтели и пороки суть только результатъ нашихъ страстей, а страсти порождаются нашей физической чувствительностью къ наслажденію или страданію. Физической чувствительности обязаны люди наслажденіемъ или страданіемъ — отсюда чувство личнаго интереса (эгоизма) истремленіе жить въ обществѣ подъ охраною и при взаимной помощи другихъ людей. Когда составилось общество, явилось понятіе объ общемъ интересѣ, безъ котораго общество не могло бы удержаться; а такъ какъ дѣйствія человѣческія бываютъ справедливы и несправедливы лишь настолько, насколько они содѣйствуютъ этому общему интересу, то установилось мѣрило, по которому отличается справедливость отъ несправедливости. Дальше Гельвецій разсматриваетъ происхожденіе изъ того же источника (de la sensibilité physique) всѣхъ другихъ чувствъ, управляющихъ дѣйствіями человѣка: такъ онъ говоритъ, что честолюбіе и дружба суть исключительно произведенія физическаго чувства, что люди стремятся къ славѣ или изъ удовольствія, которое они надѣются получить отъ обладанія ею, или какъ къ средству для послѣдовательнаго доставленія себѣ другихъ удовольствій. Эгоизмъ есть величайшій двигатель и производитель всего; даже мать, оплакивающая потерю своего ребенка, побуждается къ этому эгоизмомъ: она плачетъ оттого, что лишена удовольствія и видитъ предъ собой пустоту, которую ей трудно наполнить. Атеизмъ открыто защищался д'Аламберомъ, Дидро, Кондильякомъ, Кондорсе, Лаландомъ, Лапласомъ, Мирабо. Въ 1764 году—разсказываетъ Дидро—англійскій писатель Юмъ прибылъ въ Парижъ и въ домѣ барона Гольбаха встрѣтилъ знаменитѣйшихъ французскихъ ученыхъ того времени. Въ бесѣдѣ съ ними Юмъ сталъ представлять доводы противъ возможности существованія атеистовъ въ настоящемъ значеніи этого слова. «Что касается до меня, говорилъ онъ, я никогда не встрѣчалъ атеиста». — «Вы были довольно несчастливы, — возразилъ на это Гольбахъ,—въ настоящее время вы видите ихъ здѣсь за столомъ семнадцать». — Съ политическими вопросами случилось тоже, что и съ религіозными: идеи Монтескье скоро перестали

удовлетворять умы. Гельвецій нападалъ уже на мечтательность его системы; но сильнѣе вооружился противъ нея Ж. Ж. Руссо. Точно также прогрессировала во Франціи идея нормальнаго воспитанія, высказанная англійскимъ эмпирикомъ Локкомъ. Относясь критически ко всему существующему порядку, Локъ обратилъ вниманіе на современныя ему школы, откуда выходили полу-невѣжественные защитники этого порядка; примѣнивъ къ нимъ требованія здраваго смысла, онъ, конечно, остался ими весьма недоволенъ. Воспитаніе въ то время, потерявъ всякое образовательное значеніе, стало равносильнымъ обученію, а обученіе почти ограничивалось усвоеніемъ формъ латинскаго языка и правильнымъ употребленіемъ его въ разговорѣ и письмѣ. Десятки лѣтъ посвящались такому притупляющему занятію. Въ извѣстномъ разговорѣ Эразма (Ciceronianus sive de optimo dicendi genere) Нозоponъ говоритъ, что онъ семь лѣтъ читаетъ исключительно одного Цицерона и выучиваетъ его почти наизусть, потомъ семь лѣтъ употребляетъ на подражаніе Цицерону, для чего всѣ слова изъ произведеній послѣдняго собираетъ въ алфавитномъ порядкѣ въ одинъ лексиконъ, въ другой — также въ алфавитномъ порядкѣ всѣ фразы Цицерона, въ третій—всѣ стопы (pedes), которыми онъ начинаетъ и оканчиваетъ періоды и т. д. и т. д. Пренебрегая развитіемъ естественной любознательности дитяти, обращенной совсѣмъ не назадъ, въ древній міръ, а скорѣе на все окружающее его, строгіе дидаскалы прибѣгали къ принужденію и бичу, какъ къ единственному возбудителю учебнаго рвенія. Противъ этой крайности впервые возсталъ Монтэнь всею силою своего убѣжденія и остроумія. Въ его Essais двѣ главы (24 и 25) посвящены нападкамъ на эту дрессировку, неправильно называемую воспитаніемъ. Свобода, чуждая всякаго принужденія, и самостоятельное образованіе дитяти посредствомъ упражненія въ предметахъ, его интересующихъ — вотъ, по мнѣнію Монтэня, два важнѣйшія условія воспитанія; воспитатель долженъ не подавлять свободную дѣятельность своего питомца, а только помогать и руководить ею; отказывая дѣтямъ въ подобной дѣятельности, мы воспитываемъ въ нихъ робость и трусость. Поэтому Монтэнь возстаетъ противъ всѣхъ

сильныхъ принудительныхъ мѣръ, особенно противъ тѣлеснаго наказанія; дѣтскіе проступки своей дочери онъ искоренялъ одними кроткими убѣжденіями. «Я не видалъ иныхъ послѣдствій отъ розогъ — говоритъ онъ — кромѣ робости и злобнаго упрямства; я желалъ бы кроткимъ обращеніемъ возбудить въ своихъ дѣтяхъ живую любовь и непритворное расположеніе къ себѣ». Локкъ, врачъ и практическій воспитатель, принялъ и распространилъ основные взгляды Монтэня, изложивъ ихъ въ отдѣльномъ сочиненіи, въ стройномъ порядкѣ и системѣ (Some thougths concerning education). «Власть надъ дѣтьми, говоритъ этотъ мыслитель, будетъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ болѣе она основана на кротости и довѣріи». Важнѣйшая обязанность воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы сообщить душѣ воспитанника истинное направленіе, согласное съ разумомъ и благородствомъ человѣческой природы. Для достиженія такого результата, все воспитаніе раздѣлялось на три части: собственно обученіе, нравственное развитіе и укрѣпленіе физическихъ силъ. На первомъ мѣстѣ стояло нравственное развитіе, которое полагалось въ «умѣньи человѣка отказываться отъ собственныхъ желаній, дѣйствовать только соотвѣтственно рѣшенію разума, вопреки собственнымъ наклонностямъ». Средство къ этому—*пріучніе*, своевременное и постепенное упражненіе ребенка. «Кто въ молодости, говоритъ Локкъ, не пріучился подчинять своей воли разуму другихъ, тому трудно будетъ впослѣдствіи подчиниться своему собственному». Если дѣти провинятся въ дурныхъ поступкахъ, то Локкъ совѣтуетъ дѣйствовать на нихъ преимущественно *стыдомъ* и порицаніемъ, такъ какъ «вниманіе и презрѣніе другихъ людей суть могущественнѣйшія между всѣми возбужденіями души». Онъ порицаетъ побои и другіе роды рабскихъ и тѣлесныхъ наказаній, бывшихъ тогда во всеобщемъ употребленіи: но дѣлаетъ впрочемъ одну уступку, дозволяя прибѣгать къ розгѣ въ случаѣ упорнаго сопротивленія и упрямства. Правила физическаго воспитанія, направленныя исключительно къ укрѣпленію тѣла, излагаются Локкомъ съ знаніемъ и подробностью опытнаго врача. Обученіе въ собственномъ смыслѣ поставлено Локкомъ въ самыя тѣсныя границы. «Вы удивляетесь,—пишетъ онъ въ своей книгѣ,

—что я говорю о познаніяхъ въ самомъ концѣ, а удивитесь еще болѣе, если я вамъ скажу, что я считаю ихъ самымъ маловажнымъ дѣломъ... Воспитатель долженъ помнить, что его обязанность не состоитъ въ томъ, чтобы учить своего воспитанника всему, что человѣкъ можетъ знать, а скорѣе, чтобы возбудить въ немъ любовь и уваженіе ко всему достойному познанія и сообщить ему надлежащее руководство къ пріобрѣтенію познаній и дальнѣйшему образованію себя, если онъ будетъ имѣть къ тому охоту». Мысль Локка, отчасти вѣрная въ томъ отношеніи, что не слѣдуетъ загромождать умъ ребенка массою непереваренныхъ фактовъ, можетъ подвергнуться серьезному возраженію въ томъ смыслѣ, что не льзя «возбудить въ ребенкѣ любовь къ наукѣ», сообщая изъ нея только маловажныя свѣдѣнія, т. е. клочки и верхушки, связанные между собою одною предвзятою идеею. По теоріи Локка, знаніе и нравственное развитіе не имѣютъ, одно съ другимъ ничего общаго; тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, сумма познаній человѣка оказываетъ несравненно сильнѣйшее вліяніе на его нравственную сторону, чѣмъ всѣ голословныя, хотя бы и весьма благонамѣренныя сентенціи. Понятія о нравственности расширяются сообразно съ умственнымъ кругозоромъ каждой личности:—слѣдовательно развитіе ума научными свѣдѣніями, и притомъ не поверхностными, составляетъ важнѣйшій элементъ въ истинно-человѣческомъ воспитаніи. Конечно, мы разумѣемъ здѣсь не сухую номенклатуру фактовъ, лишенныхъ всякаго разумнаго вывода, но именно трезвый взглядъ на природу и человѣка, опирающійся на возможно большее количество научныхъ данныхъ.

Педагогическая теорія Локка, попавъ во Францію, подверглась тутъ радикальному измѣненію. Локкъ, отстаивая свободу личности въ воспитаніи, считаетъ пріученіе и даже изрѣдка страхъ наказанія довольно дѣйствительными воспитательными средствами; онъ не возстаетъ прямо противъ существующихъ преданій и оффиціальной нравственности, и своими уступками примиряетъ съ собой всѣхъ враговъ рѣшительнаго переворота. Руссо, въ своемъ Эмилѣ (1762 г.), отрицаетъ уже всякое постороннее вліяніе на духовную сторону ребенка: то, что Локкъ называетъ систематическимъ *при-*

ученіемъ къ житейскому порядку и извѣстному образу мыслей —въ глазахъ женевскаго философа является нравственнымъ насиліемъ одного человѣка надъ другимъ. Руссо съ насмѣшкой говоритъ, что при такомъ насиліи воспитанникъ обращается въ «манежную лошадь», что его натуру «выворачиваютъ и гнутъ на всѣ лады». Къ воспитанію Руссо примѣнилъ свой основной взглядъ, что все выходитъ прекраснымъ изъ рукъ природы и обезображивается подъ вліяніемъ «предразсудковъ, авторитета и дурнаго примѣра». Увлекаясь страстнымъ порывомъ къ лучшему, геніальный мечтатель осудилъ всю европейскую цивилизацію за то, что она служила, во многихъ случаяхъ, только лоскомъ для прикрытія прежняго невѣжества и алчныхъ инстинктовъ. Эти неразборчивыя нападки на всю европейскую цивилизацію за ея случайныя направленія начались еще со временъ Монтэня, который доказывалъ, что занятія науками изнѣживаютъ нравы, ослабляя мужество и бодрость духа, и подтверждалъ свою мысль примѣромъ могущественной въ то время Турецкой имперіи, въ которой цѣнилось только оружіе и презирались науки. Но такую парадоксальную мысль не льзя было доказать логическимъ и холоднымъ образомъ, потому и проповѣдь Монтэня не имѣла послѣдователей; Руссо же своимъ стремительнымъ краснорѣчіемъ увлекъ за собою многія пылкія головы и впечатлительныя сердца. Въ примѣненіи къ педагогикѣ эта мысль сослужила большую услугу, эмансипировавъ до возможныхъ предѣловъ личность воспитываемаго; слабая сторона ея заключалась въ томъ, что она не давала никакого регулятора для практическаго веденія дѣла, ибо нельзя считать опорною точкой—мечтательныя свойства дѣтской природы, изолированной отъ всего окружающаго.

Вліяніе «освободительной литературы» XVIII-го вѣка на всю Европу было громадно. Не только частные люди и независимые мыслители, но даже могущественные монархи и ихъ министры увлеклись новыми идеями, обѣщавшими такъ много добра человѣческимъ обществамъ. Фридрихъ II-ой, Іосифъ II, Леопольдъ Тосканскій, Помбаль въ Португаліи, Аранда въ Испаніи старались согласовать свое правленіе съ духомъ новыхъ началъ, проповѣдуемыхъ французскими ну-

блицистами. Имя Вольтера окружено было почетомъ необыкновеннымъ: его Фернеи сдѣлался литературнымъ дворомъ, къ которому отправляемы были почетные посланники. Фернейскій мудрецъ, наслаждаясь блескомъ своего двора, говорилъ съ гордостью возвеличеннаго таланта:

..... mon ermitage
Voyait dans son enceinte arriver à grands flots
De cent divers pays les belles, les héros,
Des rimeurs, des savants, des têtes couronnées.

Екатерина II-ая, смолоду зачитывавшаяся Вольтеромъ, также принадлежала къ числу поклонницъ его таланта и, вступивъ на престолъ, вошла въ прямыя сношенія какъ съ нимъ, такъ и съ другими литературными знаменитостями того времени. Пріемъ, оказанный ею Дидро, описанъ этимъ послѣднимъ въ письмахъ къ друзьямъ. (Mémoires, correspondances et ouvrages inédits de Diderot, 1831). «Дверь кабинета государыни—писалъ онъ отъ 15 Іюня 1774 г.—отперта для меня ежедневно отъ трехъ часовъ по полудни до пяти, а иногда и до шести. Вхожу. Меня сажаютъ, и я разговариваю такъ же свободно, какъ съ вами. Выходя, я вынужденъ сознаться, что я имѣлъ душу раба въ землѣ такъ называемыхъ свободныхъ людей, и что я позналъ въ себѣ душу свободнаго человѣка въ землѣ такъ называемыхъ варваровъ. Ахъ, друзья мои, что за государыня, что за необыкновенная женщина! Не льзя заподозрить похвалу мою, ибо я обвелъ щедрость ея самыми тѣсными границами». «Возвращаюсь къ вамъ,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ — обремененный почестями. Если я пожелалъ бы черпать полными пригоршнями въ царской шкатулкѣ, то, вѣроятно, дѣло отъ меня зависѣло; но я предпочелъ заставить молчать петербургскихъ злоязычниковъ и дать вѣру въ меня парижскимъ невѣрующимъ. Всѣ мысли, наполнявшія голову мою при отъѣздѣ изъ Парижа, разсѣялись въ первую ночь пріѣзда въ Петербургъ. Поведеніе мое отъ того стало честнѣе и возвышеннѣе. Ничего не надѣясь и не опасаясь, я могъ говорить, какъ мнѣ угодно было.» Щедрость Екатерины, о которой упоминаетъ Дидро, была имъ дѣйствительно «обведена довольно тѣсными границами» и состояла въ томъ, что императрица подарила

ему цвѣтное платье для придворныхъ визитовъ, шубу, подбитую богатымъ мѣхомъ, перстень съ портретомъ своимъ, и заплатила издержки его поѣздки, совершавшейся далеко «не по барски». Но нѣтъ сомнѣнія, что императрица, не скупившаяся на награды, предлагала ему гораздо болѣе матеріальныхъ выгодъ, которыя Дидро отклонилъ отъ себя честнымъ образомъ, чтобы не возбудить дурныхъ толковъ со стороны «петербургскихъ злоязычниковъ» и своихъ парижскихъ враговъ. Столько же любезна была императрица къ Циммерману и д'Аламберу. Упрашивая д'Аламбера принять на себя воспитаніе Великаго Князя Павла Петровича, Екатерина писала ему: «бытьрожденнымъ или призваннымъ на то, чтобы содѣйствовать благу и даже образованію цѣлаго народа и отказаться отъ этого—значитъ, какъ мнѣ кажется, отказаться отъ возможности дѣлать добро, которое такъ вамъ по сердцу. *Философія ваша основана на человѣколюбіи*; позвольте сказать вамъ, что не соглашаться служить ему, когда служить можно — значитъ, упускать изъ виду свою цѣль. Я такъ хорошо знаю васъ, какъ человѣка честнаго, что не могу приписать вашъ отказъ тщеславію; я знаю, что единственная его причина — любовь къ спокойствію, нужному для ученыхъ занятій и дружбы. Но что же мѣшаетъ? Пріѣзжайте съ вашими друзьями: обѣщаю вамъ всѣ удовольствія и удобства жизни, какія только отъ меня зависятъ; можетъ быть, вы найдете здѣсь болѣе покоя и свободы, нежели у васъ». Въ письмѣ къ Циммерману (доктору и автору извѣстной въ свое время книги: «Объ уединеніи»), котораго она тоже приглашала въ Россію, императрица высказываетъ прямо свою политическую исповѣдь: «я уважала философію (философію энциклопедистовъ), потому что въ душѣ моей была всегда отмѣнною республиканкой. Признаюсь, что такое расположеніе души съ моею неограниченною властью покажется, можетъ быть, чуднымъ противорѣчіемъ; однакожъ въ Россіи никто не скажетъ, чтобы я власть свою въ зло употребляла» (*). Въ началѣ своего царствованія, прежде чѣмъ французскія идеи стали получать прак-

(*) См. Сочин. императрицы Екатерины II, т. 3, стр. 465 (Спб. 1850).

тическое осуществленіе по иниціативѣ самого народа, Екатерина II-ая была вѣрна, хотя отчасти, высказываемымъ ею принципамъ: слѣдуя правилу, что въ законодательствѣ страны должны участвовать всѣ тѣ лица, до которыхъ оно касается, императрица созываетъ извѣстную коммисію для составленія уложенія и пишетъ для нея наказъ (1767 г.), въ который вводитъ многое изъ Беккаріи и Монтескье (*). Въ Наказѣ говорится о равенствѣ всѣхъ сословій и лицъ передъ закономъ, о безнравственности мучительныхъ казней, о пользѣ нормальнаго воспитанія, чуждаго лжи и насилія, и т. п. «Мы думаемъ — говорила Екатерина II — и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что *мы сотворены для нашего народа*. Боже сохрани, чтобъ былъ какой народъ больше процвѣтающъ на землѣ». «Эти законы — писала она по тому же поводу къ Вольтеру — проникнуты духомъ терпимости: они не будутъ никого преслѣдовать, убивать или сжигать на кострѣ». Толки объ уничтоженіи крѣпостнаго права слышатся въ засѣданіяхъ созванной правительствомъ коммиссіи; вольное экономическое общество (основ. въ 1765 г.) поднимаетъ тотъ же вопросъ и выдаетъ премію (назначенную самою императрицею) за лучшее сочиненіе о свободномъ трудѣ. Въ то же время Бецкій (въ 1764 — 1767 г.) подаетъ государынѣ свои доклады о воспитаніи юношества въ духѣ современной цивилизаціи и предлагаетъ создать «новую породу» дѣтей, отдѣливъ ее съ молодыхъ лѣтъ отъ зараженнаго предразсудками поколѣнія отцовъ. Въ комедіи: «О время!» (1772 г.) императрица осмѣиваетъ суевѣріе, ханжество и пустоту женскаго образованія; въ сказкѣ о царевичѣ Хлорѣ (1782 г.) предохраняетъ своихъ внуковъ отъ вліянія льстивой и развратной придворной толпы; въ Инструкціи Кн. Салтыкову (1784 г.) приказываетъ внушать этимъ внукамъ «благоволеніе къ роду человѣческому, человѣколюбіе, уваженіе ближняго, почтеніе къ человѣчеству, осторожность въ поведеніи, чтобъ не пренебрегать, не презирать никого, но показывать

(*) Такъ напр. § 207 главы X-ой Наказа переведенъ изъ Беккаріи (см. Des délits et des peines, édit. 1856, p. 89). Въ главѣ V и XIV-ой многіе пункты переведены изъ книги Монтескье: Esprit des lois.

каждому учтивость и приличное уваженіе». Это уваженіе предписывалось распространять даже на «служителей и простолюдиновъ, чтобъ съ ними не говорили повелительно и съ пренебреженіемъ или возвышая голосъ, или со спѣсью, но съ благоволеніемъ, пристойнымъ къ человѣчеству вообще». Какъ въ своихъ политическихъ взглядахъ Екатерина II руководствовалась сочиненіями Монтескье и Беккаріи, такъ точно ея воспитательная теорія находится въ близкомъ соотношеніи съ идеями Монтэня и Локка. Преимущественно пользовалась она книгою Локка о воспитаніи, заимствуя впрочемъ нѣкоторыя второстепенныя указанія изъ «Эмиля» Руссо. Доклады Бецкаго составлены также подъ вліяніемъ названныхъ писателей. Въ «Инструкціи Кн. Салтыкову» императрица, согласно мнѣнію Локка, выставляетъ на первый планъ нравственное начало въ воспитаніи, много заботится о физическомъ развитіи воспитываемыхъ и отводитъ очень мало мѣста собственно дидактической части, т. е. обогащенію ума научными познаніями. «Здравое тѣло и умонаклоненіе къ добру составляютъ все воспитаніе», сказано во введеніи къ Инструкціи, «ученіе же или знаніе да будетъ имъ (великимъ князьямъ) единственно отвращеніемъ отъ праздности и способомъ къ спознанію естественныхъ ихъ способностей, и дабы привыкли къ труду и прилежанію». *Принужденіе* изгонялось императрицею изъ круга воспитательныхъ средствъ. «Отнюдь ихъ высочествъ—пишетъ она въ той же Инструкціи—не принуждать къ ученію, но представлять имъ, что учатся ради себя и для своей пользы.» Словесный выговоръ, презрительное обращеніе съ цѣлью возбудить стыдъ въ ребенкѣ—вотъ, по ея мнѣнію, достаточныя мѣры для успѣха педагогическаго дѣла. Руководствуясь Локкомъ, она допускаетъ тѣлесное наказаніе (по крайней мѣрѣ дѣлаетъ намекъ на него въ одномъ пунктѣ своей Инструкціи), но и то единственно въ случаѣ лжи, поддерживаемой съ упрямствомъ. Въ сказкѣ о Февеѣ (1782 г.) Екатерина II описываетъ подробно воспитаніе царевича, которое было ведено въ духѣ Инструкціи и направляемо къ нравственному совершенствованію питомца. Тотъ же взглядъ на воспитаніе, какъ на средство противодѣйствовать нравственному упадку людей, отражается въ «Быляхъ и небылицахъ».

«Всѣ теперешніе пороки,—говорится здѣсь,—ничего не значутъ; они схожи на стекающее полноводіе; вода же, пришедъ въ прежнія границы и берега свои, возъимѣетъ теченіе естественнѣе прежняго. Берега суть воспитаніе». Въ своихъ докладахъ Бецкій также жалуется на упадокъ нравственнаго элемента въ воспитаніи: «опытъ доказалъ, что одинъ только украшенный или просвѣщенный разумъ не производитъ еще добраго, прямаго гражданина; напротивъ онъ становится вреднымъ для того, у кого съ юныхъ лѣтъ не вкоренена въ сердцѣ добродѣтель. Отъ небреженія нравственности, отъ ежедневныхъ дурныхъ примѣровъ привыкаетъ онъ къ мотовству, своевольству, безчестному лакомству и непослушанію. При такомъ недостаткѣ нравственнаго воспитанія напрасно ласкать себя ожиданіемъ истинныхъ успѣховъ въ наукахъ и искусствахъ». Но нравственное воспитаніе, по взгляду Екатерины и ея приближенныхъ, не было цѣлью само въ себѣ, какъ напр. въ знаменитомъ «филантропинѣ» Базедова: гуманитарная сторона его подчинялась государственнымъ соображеніямъ; изъ этой школы должны были выходить не только люди, развитые общечеловѣческими идеями, но притомъ дѣятели извѣстнаго закала, пригодные для правительственныхъ цѣлей. Въ этомъ отношеніи педагогическая система Екатерины и Бецкаго приближается къ теоріи французскихъ физіократовъ, которая возникла тогда же изъ педагогическаго настроенія вѣка и состояла въ томъ, что государство обязано не только управлять народомъ, но и давать ему извѣстную нравственную физіономію. Этотъ взглядъ подробно развитъ французскимъ министромъ Тюрго въ запискѣ его, поданной Людовику XVI (1775 г.). Корень всѣхъ золъ, господствовавшихъ въ современной жизни, Тюрго полагаетъ въ отсутствіи плотнаго государственнаго состава. Чтобы уничтожить духъ разъединенія между различными классами общества, изъ которыхъ каждый преслѣдуетъ свои спеціальные, узко-понятые интересы, Тюрго совѣтуетъ прибѣгнуть къ новой, централизованной системѣ воспитанія и ею слить во-едино разнородные слои общества. Для этой цѣли долженъ быть учрежденъ «совѣтъ народнаго образованія», который дѣйствовалъ бы въ извѣстномъ духѣ, по однимъ опредѣленнымъ правиламъ, завѣдуя

всѣми школами въ государствѣ. Подъ его наблюденіемъ должны быть составлены учебныя руководства. Два недостатка усматривалъ Тюрго въ тогдашнемъ образованіи: развитіе спеціальнаго образованія въ ущербъ общему, гражданскому и отсутствіе нравственнаго элемента. «У насъ — говоритъ онъ—есть методы и учрежденія для образованія геометровъ, физиковъ, живописцевъ и нѣтъ ничего подобнаго для образованія гражданъ». Генеральный планъ воспитанія, задуманный Екатериною II, сходенъ въ основныхъ чертахъ съ воззрѣніями физіократовъ, хотя и не составляетъ подражанія имъ: подобно физіократамъ, она придавала воспитанію государственныя цѣли; подобно имъ, заботилась больше о нравственномъ направленіи и гражданскомъ развитіи въ извѣстномъ смыслѣ, чѣмъ о спеціальной подготовкѣ къ одному опредѣленному занятію. По этому плану, заведены были у насъ закрытыя учебныя заведенія: воспитательный домъ въ Москвѣ (1763 г.), воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ при Смольномъ монастырѣ (1764 г.) и при немъ такое же общество для дѣвицъ мѣщанскаго званія (1765 г.); при сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ учреждено училище для образованія мѣщанскихъ дѣтей (1772 г.). Правительство намѣрено было основать подобныя заведенія во всѣхъ значительнѣйшихъ городахъ Россіи и, лишь за неимѣніемъ матеріальныхъ средствъ къ тому, завело открытыя народныя училища—главныя или четырехклассныя и малыя или двухклассныя. По поводу званія, которое ожидало питомцевъ воспитательнаго дома, Бецкій говорилъ: «извѣстно, что въ государствѣ (русскомъ) два чина только установлено: дворяне и крѣпостные; но какъ по привиллегіямъ, жалованнымъ сему учрежденію, воспитанники и потомки ихъ вольными пребудутъ, то они, слѣдовательно, составятъ третій чинъ въ государствѣ». Правительство много хлопотало объ учрежденіи у насъ этого *третьяго чина* или средняго сословія (tiers état), которое должно было наполнить пространство, раздѣлявшее два главные класса русскаго общества и составить современемъ умственную силу, интеллигенцію страны. Къ третьему чину Наказъ относитъ: 1) не дворянъ и не хлѣбопашцевъ, упражняющихся въ художествахъ, наукахъ, мореплаваніи,

торговлѣ и ремеслахъ; 2) не дворянъ, вышедшихъ изъ воспитательныхъ домовъ и училищъ духовныхъ и свѣтскихъ; 3) дѣтей приказныхъ. Желаніе установить единообразное преподаваніе въ училищахъ внушило императрицѣ указъ отъ 7 сентября 1782 г., которымъ учреждалась особая коммиссія народныхъ училищъ для надзора за всѣми школами въ имперіи. Придавая воспитанію такой государственный характеръ, Екатерина II довершала дѣло Петра В., который заимствовалъ изъ Европы матеріальные плоды цивилизаціи и только отчасти заботился о нравственномъ развитіи общества посредствомъ школъ и литературныхъ произведеній. У Петра В. нравственныя цѣли стояли на второмъ планѣ: ему нужны были прежде всего моряки, инженеры, артиллеристы, т. е. спеціально подготовленные труженики реформы; Екатерина же поставила на первомъ мѣстѣ гражданское развитіе своихъ подданныхъ — опять таки въ кругѣ ея собственныхъ политическихъ предначертаній. Слѣдуя этимъ предначертаніямъ, она заимствовала изъ западной литературы не все то, что было въ ней логически-выработаннаго въ теоріи, но только то, что можно было согласовать съ удобствами ея личной власти и съ характеромъ привиллегированнаго кружка. Крѣпостное право во всѣхъ его видахъ и развѣтвленіяхъ такъ и осталось нетронутымъ; раздѣленіе сословій на привиллегированныя и непривиллегированныя удержано въ Наказѣ; къ *чести*, служащей по мнѣнію Монтескье отличительнымъ признакомъ монархій, прибавлена *добродѣтель*, господствующая въ народныхъ правленіяхъ. Также и въ воспитаніи: мнѣніе Локка о безплодности сухой морали отвергнуто Екатериною и въ Инструкціи поставлено *нравоученіе*, какъ особый, самостоятельный предметъ преподаванія. Когда же императрица замѣтила, что свободная мысль, которой открытъ былъ доступъ въ ея имперію, не останавливается предъ внѣшними границами, а пробуетъ заглянуть и за нихъ, — то она прибѣгла къ репрессивнымъ мѣрамъ. Для примѣра можно указать на осужденіе книги Радищева и трагедіи Княжнина, также на дѣятельность извѣстнаго Шешковскаго (*).

(*) См. статью о Радищевѣ въ Рус. Вѣстн. 1858 г. № 23, и статьи г.

Тѣмъ не менѣе покровительство, оказанное императрицею философскому направленію вѣка, отразилось замѣтнымъ образомъ на всей русской литературѣ XVIII-го вѣка. Въ похвальныхъ рѣчахъ и даже въ церковныхъ проповѣдяхъ (какъ напр. у митрополита Платона) слышатся отголоски западныхъ идей; литературная дѣятельность Новикова, въ лучшемъ ея періодѣ, проникнута либеральнымъ духомъ; въ трагедіяхъ— Николева: «Сорена и Замиръ» (предст. въ 1785 г.) и Княжнина: «Вадимъ Новгородскій» (напеч. въ 1793 г.), наконецъ въ извѣстной книгѣ Радищева: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» (1790 г.) тѣ же идеи выразились, мѣстами, въ живой и увлекательной формѣ. Княгиня Дашкова сообщаетъ въ своихъ «Запискахъ», что чтеніе энциклопедистовъ составляло съ раннихъ лѣтъ ея любимое занятіе, и что книгу Гельвеція: De l'esprit она прочитала два раза съ цѣлью глубже вникнуть въ смыслъ его философіи. И. В. Лопухинъ, въ своихъ мемуарахъ, также не скрываетъ отъ насъ своихъ увлеченій французскими писателями. «Я охотно читывалъ, говоритъ онъ, Вольтеровы насмѣшки, Руссовы опроверженія и т. п. Читая извѣстную книгу Système de la nature (Гольбаха), съ восхищеніемъ читалъ я въ концѣ ея извлеченіе всей книги подъ именемъ устава натуры (code de la nature). Я перевелъ уставъ этотъ, любовался своимъ переводомъ. Напечатать его не льзя было: я расположился разсѣевать его въ рукописяхъ». Вскорѣ потомъ Лопухинъ раскаялся, сжегъ свои тетрадки и даже написалъ опроверженіе на книгу Гельвеція, подъ названіемъ: «Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями» (напеч. въ 1780 г.). Это чистосердечное признаніе Лопухина сильно напоминаетъ намъ такое же точно признаніе Ф. Визина; оба эти факта доказываютъ съ одной стороны, что французскія идеи были весьма распространены въ тогдашнемъ образованномъ обществѣ, а съ другой, что онѣ плохо усвоивались и легко вытѣснялись идеями противоположнаго порядка. Державинъ,

---

Лонгинова: «Матеріалы для исторіи русск. просвѣщенія и литературы въ концѣ XVIII-го вѣка» въ Рус. Вѣстн. 1858 г. №№ 4 и 15, 1859 г. № 15 и 1860 г. № 4.

сначала восхвалявшій Екатерину II за то, что она «даетъ свободу мыслить и разумѣть себя, цѣнить», впослѣдствіи, въ стихотвореніи: «колесница», упрекалъ французскихъ королей за «излишнюю доброту» и потворство «просвѣщенью философовъ». Если въ литературныхъ дѣятеляхъ того времени мы находимъ такъ мало послѣдовательности, то понятно, что въ обыденной жизни французское вліяніе порождало въ большомъ числѣ бригадирскихъ сыновъ, Иванушекъ, которые болтали неосмысленные фразы о бракѣ и отношеніяхъ къ родителямъ, подслушанныя въ кругу лицъ, знакомыхъ съ ходячими воззрѣніями французскихъ мыслителей. Въ словахъ Иванушки объ уваженіи къ родителямъ отражается въ комической формѣ мысль Гельвеція; тотъ же Иванушка говоритъ, что онъ «зналъ fort honnetes gens, которые божбу ни во что становятъ».

Литературная дѣятельность Фонъ-Визина относится вся къ царствованію Екатерины II-ой; его лучшія произведенія появились въ цвѣтущее время этого царствованія и носятъ на себѣ явные слѣды того общаго характера, который отмѣчаетъ собой цѣлый періодъ въ развитіи русской литературы. Педагогическія и политическія воззрѣнія Фонъ-Визина, высказываемыя въ его комедіяхъ, заимствованы имъ или прямо изъ французскихъ источниковъ, или посредственно, изъ сочиненій Екатерины II-ой. Представителями этихъ воззрѣній служатъ такъ называемыя моральныя лица въ его пьесахъ: Стародумъ, Правдинъ и Милонъ—въ «Недорослѣ», Добролюбовъ въ «Бригадирѣ», Нельстецовъ въ «Выборѣ гувернера», Здравомыслъ въ «Разговорѣ у княгини Халдиной». Стародумъ — главное лицо между ними: въ журналѣ «Другъ честныхъ людей» отъ его имени высказываются многія весьма важныя политическія мысли, въ «Письмѣ къ Стародуму» Ф. Визинъ самъ признается, что личности Стародума обязанъ отчасти «Недоросль» своимъ успѣхомъ на сценѣ и въ печати. Очевидно, что эта роль была чисто-тенденціозной вставкой въ комедіи, и Стародумъ высказывалъ мысли, казавшіяся тогда передовыми и современными. Это обстоятельство должно опредѣлить и нашъ взглядъ на личность Стародума. Стародумъ— не брюзга и не ретроградъ, смотрящій съ ужасомъ на ум-

ственное движеніе своего вѣка; онъ далеко не похожъ на тѣхъ питомцевъ петровскаго времени (въ родѣ Неплюева), которые не признавали въ новыхъ людяхъ ничего путнаго. Точно также Стародумъ не напоминаетъ намъ (вопреки мнѣнію г. Галахова) «почтенную личность отца Ф. Визина». Дѣло въ томъ, что отецъ Ф. Визина, какъ это видно изъ «Чистосердечнаго признанія» и изъ переписки съ нимъ его сына, не имѣлъ и понятія о новомъ направленіи умовъ въ XVIII-омъ вѣкѣ; его библіотека ограничивалась одними книгами назидательнаго содержанія, изъ которыхъ по вечерамъ читалъ онъ отрывки своимъ дѣтямъ. Онъ былъ правда, честный и нравственный человѣкъ, но этими двумя чертами еще не опредѣляется вполнѣ характеръ Стародума. Не налегая слишкомъ на этимологію слова, мы должны признать, что *Стародумъ*, хотя и хвалитъ старое время, но заимствовалъ сущность своихъ воззрѣній изъ тѣхъ источниковъ, которыхъ не было прежде въ наличности; ссылаясь на доблести петровскаго вѣка, онъ говоритъ не какъ сынъ этого вѣка и защитникъ, но какъ полемизаторъ съ цѣлью освѣтить дурныя стороны современнаго общества. Ему надо было прикрыть нападки свои авторитетомъ великаго императора, любившаго грубую простоту и безъискусственность отношеній. Но мысли Стародума о высокомъ значеніи и неприкосновенности человѣческой личности, его горячія филиппики за свободу (въ сценѣ съ Правдинымъ)—все это новыя явленія, которыя не имѣютъ корня въ петровскомъ времени, но являются результатомъ «освободительной философіи» XVIII-го вѣка. Короче сказать, Стародумъ—это самъ Фонъ-Визинъ, отчасти раздѣлявшій идеи французскихъ писателей, но ограничивавшій ихъ преимущественно съ религіозно-нравственной стороны. Выражая свою любовь къ племянницѣ, Софьѣ, Стародумъ говоритъ, что онъ «видитъ и почитаетъ въ ней добродѣтель, украшенную разсудкомъ просвѣщеннымъ» (дѣйств. 4, явл. I); разсуждая о вліяніи новыхъ писателей на умы, онъ признаетъ, что они «искореняютъ сильно предразсудки, но воротятъ съ корня добродѣтель», т. е. не даютъ прочныхъ нравственныхъ основъ, которыми такъ дорожитъ Стародумъ.

Разсмотримъ же педагогическія, нравственныя и полити-

ческія убѣжденія Стародума или, что тоже, самого Фонъ-Визина.

Отъ воспитанія юношества Стародумъ требуетъ, прежде всего, нравственнаго воздѣйствія на природу воспитываемыхъ, чтобы образовать въ нихъ добродѣтельныхъ и честныхъ людей и вѣрныхъ слугъ своему отечеству. «Я желалъ бы — говоритъ онъ—чтобъ при всѣхъ наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ занятій человѣческихъ—*благонравіе*. Наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу. Я хотѣлъ бы напр., чтобы при воспитаніи сына знатнаго господина наставникъ его разогнулъ ему исторію и указалъ въ ней два мѣста: въ одномъ какъ *великіе люди способствовали благу своего отечества*; въ другомъ, какъ вельможа недостойный, употребившій во зло свою довѣренность и силу, съ высоты пышной своей знатности низвергся въ бездну презрѣнія и поношенія». (Нед., д. V, явл. I). «Воспитаніе, — по мнѣнію Стародума,—должно быть залогомъ государственнаго благосостоянія: ну что можетъ выйти изъ Митрофанушки?» Оно должно имѣть цѣлью гражданское преуспѣяніе общества, а не подготовку спеціалистовъ: «богослововъ, живописцевъ, столяровъ»—какъ говоритъ самъ Ф. Визинъ въ письмѣ къ Панину (П. И.). Государственному элементу въ воспитаніи и общественной жизни Ф. Визинъ придавалъ большое значеніе: сторонникъ правительства, замышлявшаго многія важныя реформы, онъ склоненъ былъ расширять кругъ его вліянія и задавать ему задачи, лежащія на самомъ обществѣ при болѣе нормальныхъ отправленіяхъ общественной жизни. Обѣ комедіи Ф. Визина оканчиваются вмѣшательствомъ власти: въ одномъ случаѣ (въ «Бригадирѣ») «вышнее правосудіе», къ которому прямо обратился Добролюбовъ, возвращаетъ ему отнятое имущество; въ другомъ (въ «Недорослѣ») Правдинъ, чиновникъ изъ намѣстнической канцеляріи, прекращаетъ злоупотребленія помѣщичьей власти и отсылаетъ на службу бездѣльника-дворянина. Въ комедіи: «Выборъ гувернера» мѣстный предводитель дворянства изгоняетъ изъ своего уѣзда самозванца - педагога. Обученію въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. развитію ума познаніями, Фонъ-Визинъ отво-

дитъ также мало мѣста, какъ и Екатерина II-ая въ своей «Инструкціи». «На умы мода, говоритъ Стародумъ (въ «Недорослѣ»), на знанія мода, какъ на пряжки, на пуговицы... Умъ, коли онъ только умъ, самая бездѣлица. Съ пребѣглыми умами видимъ мы худыхъ мужей, худыхъ отцовъ, худыхъ гражданъ». Объ односторонности этого направленія въ педагогикѣ, слишкомъ очевиднаго въ настоящее время, мы сказали уже нѣсколько словъ въ своемъ мѣстѣ. Изъ отношеній Стародума къ Софьѣ видно также, какъ много цѣнилъ онъ чувство самоуваженія въ своей воспитанницѣ и какъ мягко и благотворно было его педагогическое вліяніе на нее. О принужденіи и суровыхъ мѣрахъ въ воспитаніи тутъ не можетъ быть и рѣчи. Простирая свое вліяніе и на зрѣлый возрастъ Софьи, Стародумъ объясняетъ ей, что «въ ней самой находится твердое основаніе ея счастія», что сознаніе собственнаго достоинства не должно покидать ее и въ супружествѣ, когда, по общему взгляду того времени, личность жены должна была стушевываться и раболѣпствовать предъ личностью мужа. Въ ея мужѣ онъ надѣется увидѣть «искренняго и снисходительнаго друга, а не грубаго и развращеннаго тирана»,— человѣка достойнаго ея сердца, который могъ бы свободно овладѣть ея волей и ея помыслами. «Надобно, мой другъ, говоритъ онъ, чтобъ мужъ твой повиновался разсудку, а ты мужу, и будете оба совершенно благополучны». Счастіе супружеской жизни не зависитъ, по его мнѣнію, ни отъ знатности, ни отъ богатства; большая часть несчастныхъ браковъ отъ того и происходитъ, что въ нихъ обращается вниманіе только на чины и матеріальныя средства, а не на сердечную склонность жениха и невѣсты. Не устраняя вполнѣ въ бракѣ преобладанія мужа надъ женою, Стародумъ желаетъ по крайней мѣрѣ, смягчить и облагородить его взаимнымъ уваженіемъ. Эта скромная попытка, конечно, заслуживаетъ вниманіе въ такую пору, когда такъ часты были мужья въ родѣ Гвоздилова (Бригад., д. 4, явл. 2), которые «разсерчавъ за что нибудь, а больше хмѣльные, гвоздили своихъ женъ ни дай, ни вынеси за что». Согласно взгляду Стародума, въ комедіи «Бригадиръ» Софья, влюбленная въ Добролюбова, «не устрашается малаго его достатка», находя

въ немъ любовь и почтеніе къ себѣ. Отстаивать полную равноправность жены съ мужемъ Ф. Визинъ не рѣшился, боясь войти въ слишкомъ рѣзкое противорѣчіе съ господствовавшими представленіями о бракѣ и нравственности. Нравственныя правила Фонъ-Визина, подвергнувшіяся значительной перемѣнѣ, съ конца шестидесятыхъ годовъ, опирались на религіозныя основанія. Сознаніе долга въ человѣкѣ есть, по мнѣнію Стародума, «тотъ священный обѣтъ, которымъ обязаны мы всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ живемъ и отъ кого зависимъ». «Сколько я понимаю, — писалъ Ф. Визинъ въ письмѣ къ гр. П. И. Панину изъ Ахена, отъ 18 Сент. 1778 г.—вся система нынѣшнихъ философовъ состоитъ въ томъ, чтобъ люди были добродѣтельны независимо отъ религіи; но они, которые ничему не вѣрятъ, доказываютъ ли собою возможность своей системы? Кто изъ мудрыхъ вѣка сего, *побѣдивъ всѣ предразсудки, остался честнымъ человѣкомъ?* Кто изъ нихъ, отрицая бытіе Божіе, *не сдѣлалъ интереса единымъ божествомъ своимъ* и не готовъ жертвовать ему всею моралью... Истинно, нѣтъ никакой нужды входить съ ними въ изъясненія, почему считаютъ они религію недостойную быть основаніемъ моральныхъ человѣческихъ дѣйствій». Ф. Визинъ даже совсѣмъ изгналъ личный интересъ изъ своей нравственной системы, замѣнивъ его, другимъ стимуломъ. Но нападая на исходную точку нравственной философіи своего времени, Фонъ-Визинъ отдавалъ ей дань въ своемъ приговорѣ о вліяніи клерикальной партіи во Франціи на воспитаніе высшаго общества. «Первыя особы въ государствѣ—пишетъ онъ въ томъ же письмѣ къ гр. Панину—не могутъ никогда много разниться отъ безсловесныхъ» и объясняетъ это тѣмъ, что съ раннихъ лѣтъ «вселяются въ нихъ предразсудки, подавляющіе смыслъ младенческій.»

Въ своихъ политическихъ взглядахъ Ф. Визинъ болѣе сблизился съ французскими мыслителями, чѣмъ въ вопросахъ религіи и нравственности. Въ письмахъ изъ Франціи къ гр. Панину Ф. Визинъ порицаетъ королевское правительство за lettres de cachet, за don gratuit, вынуждаемый силою, за нерадѣніе о провинціяхъ. Все это вызывало уже рѣзкія нападки передовыхъ французскихъ мыслителей. «Слушай, другъ

мой! говоритъ Стародумъ Правдину (Нед. д. V, явл. 1): Великій государь есть государь премудрый. Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости его та, чтобы править людьми, потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости... Достойный престола государь стремится возвысить души своихъ подданныхъ». Это «возвышеніе душъ» сильно занимало Ф. Визина въ теченіе всей его жизни. Главнымъ средствомъ къ тому Ф. Визинъ считалъ: распространеніе въ обществѣ, по иниціативѣ верховной власти, правильныхъ понятій о политическихъ правахъ и обязанностяхъ, отмѣну нѣкоторыхъ стѣснительныхъ формъ и условій государственной жизни, и наконецъ свободу мыслить и изъясняться, при которой частные люди, т. е. писатели, считали бы за долгъ «возвысить громкій голосъ противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству», не боясь «ни одной робкой души, обитающей въ тѣлѣ знатнаго вельможи». Разсуждая о причинахъ, препятствующихъ у насъ развитію ораторскихъ талантовъ, Стародумъ (см. Другъ чести. людей, письмо изъ Москвы, Февр. 1788 г.) сожалѣетъ, что «мы не имѣемъ тѣхъ народныхъ собраній, кои витіи большую дверь къ славѣ отворяютъ, и гдѣ побѣда краснорѣчія не пустою хвалой но претурою, архонціями и консульствами вознаграждается. Демосфенъ и Цицеронъ въ той землѣ, гдѣ даръ краснорѣчія въ однихъ похвальныхъ словахъ ограниченъ, были бы риторы не лучше Максима Тирянина, а Прокоповичъ, Ломоносовъ и пр. въ Аѳинахъ и Римѣ были бы Демосѳены и Цицероны» и пр. и пр. Свобода и «право повиноваться единымъ законамъ» не исключали, по мысли Фонъ-Визина (также какъ и Екатерины II въ Наказѣ) раздѣленія народа на сословія, съ предпочтеніемъ одного класса другому. Полное равенство состояній казалось Ф. Визину праздною мечтою. «Нигдѣ и никогда,—говоритъ Нельстецовъ въ «Выборѣ гувернера»,—не бывали и быть не могутъ такіе законы, кои бы каждаго частнаго человѣка счастливымъ сдѣлали. Необходимо, чтобы одна часть подданныхъ чѣмъ нибудь жертвовала: слѣдственно равенство состояній и быть не можетъ. Оно есть вымыселъ ложныхъ философовъ». Дворянскому классу Ф. Визинъ отводилъ первое мѣсто въ государствѣ,

но требовалъ отъ него особенныхъ заслугъ передъ отечествомъ и добродѣтели, затмѣвающей всѣ достоинства другихъ сословій. «Еслибъ такъ должность исполняли, какъ объ ней твердятъ,—говоритъ Стародумъ,—всякое состояніе людей осталось бы при своемъ любочестіи и было бы совершенно счастливо. Дворянинъ, напр., считалъ бы за первое безчестье не дѣлать ничего, когда есть ему столько дѣла: есть люди, которымъ помогать, есть отечество, которому служить. Тогда не было бы такихъ дворянъ, которыхъ благородство, можно сказать, погребено съ ихъ предками.»

Своими переводами, изъ которыхъ три (Похвальное слово Марку Аврелію, Жизнь Сиоа и Торгующее дворянство) особенно характеристичны для оцѣнки литературной дѣятельности Фонъ-Визина, онъ развивалъ и дополнялъ тѣ же мысли о лучшемъ политическомъ устройствѣ. Въ первомъ изъ этихъ переводовъ, въ длинной похвальной рѣчи стоическаго философа Аполлонія, Маркъ Аврелій ставится въ образецъ государямъ за его мудрое и кроткое правленіе. По взгляду Марка Аврелія «человѣкъ рожденъ свободнымъ, но, въ необходимости быть управляемъ, покорился законамъ, но никогда не покорялся прихотямъ». Въ «Жизни Сиоа» мемфисскій жрецъ, въ своей надгробной рѣчи царицѣ, превозносилъ ее, какъ мудрую правительницу, которая «добродѣтель свою посвящала благополучію своихъ подданныхъ», издавала премудрыя узаконенія, и пр. Умершая царица «знатныхъ особъ честь сохранить старалась, но притомъ не допускала ихъ преступить предѣлы должнаго себѣ повиновенія, народныя тягости облегчала своимъ милосердіемъ. Судьи не были грабители царскаго сокровища, и всякій подданный несъ требуемую отъ него государю дань самопроизвольно, зная, что оно даръ не судьямъ, но самому царю». Въ брошюрѣ о «Торгующемъ дворянствѣ» авторъ полемизируетъ съ «храбрымъ дворяниномъ», маркизомъ де-Лассе, который доказывалъ, что дворянству унизительно заниматься торговлею и что если дворяне сдѣлаются хоть на время купцами, то въ нихъ пропадаетъ рыцарскій духъ, составляющій гордость и украшеніе Франціи. Въ своемъ отвѣтѣ авторъ говоритъ, что во Франціи гораздо больше дворянъ, чѣмъ сколько нужно ихъ для офицерскихъ

мѣстъ въ арміи, слѣдовательно большая часть ихъ могла бы, безъ ущерба для государства, обратиться къ купеческой дѣятельности и содѣйствовать обогащенію страны. Бѣдные дворяне, для которыхъ нѣтъ мѣста на войнѣ, могли бы сказать, по мнѣнію автора, своему воспитателю: «ты съ юныхъ лѣтъ сказывалъ намъ, что счастія своего должны искать мы единою войною. Уже научились мы смѣяться надъ неблагородными людьми, поднимать оружіе, обижать сосѣдей, и совершенно къ войнѣ пріуготованы.... Но видимъ, что съ тѣхъ поръ, какъ старшій братъ нашъ туда посланъ, терпимъ мы въ платьѣ недостатокъ и какія трудности имѣли мы къ снисканію сего поручскаго мѣста. Можетъ быть безъ покровительства нашего благодѣтеля мы бы и въ томъ успѣха не имѣли. Уже триста лѣтъ не посѣщаетъ счастіе нашъ старый замокъ и ожидать онаго надежды не имѣемъ. Что намъ дѣлать шпагою, когда кромѣ голода не имѣемъ мы другихъ непріятелей?» Брошюра эта появилась въ то время, когда во Франціи раздались голоса противъ феодальныхъ привиллегій и среднее сословіе готовилось выступить на сцену. Толки о среднемъ состояніи или «третьемъ чинѣ» зашли и въ нашу литературу: въ Наказѣ Екатерины, въ докладахъ Бецкаго мы видимъ упоминаніе объ немъ. Во время этихъ толковъ Фонъ-Визинъ перевелъ цѣлую книгу (оставшуюся неизданной) «О среднемъ сословіи» и написалъ свое разсужденіе о немъ. Онъ, какъ видно, желалъ возвысить и облагородить средній классъ, присоединивъ къ нему даже многія дворянскія фамиліи, не имѣющія крупной поземельной собственности. Есть основаніе думать, что, подчиняясь взглядамъ гр. Н. И. Панина, пристрастнаго къ аристократическому принципу, Ф. Визинъ не прочь былъ бы видѣть и въ Россіи нѣчто въ родѣ англійской аристократіи (*).—Въ своихъ вопросахъ Екатеринѣ II-ой

(*) Въ запискахъ М. А. Фонъ-Визина (стр. 47 — 48) разсказывается что Д. И. съ согласія и, частію по указаніямъ гр. Панина, составилъ проектъ новаго уложенія, по которому крѣпостное право осуждалось на постепенное уничтоженіе, предполагались различныя измѣненія въ составѣ сената и пр. Отъ этого проекта сохранилось только одно введеніе. Вѣроятно, это и было то политическое сочиненіе, о которомъ упо-

Фонъ-Визинъ также затрогивалъ государственные вопросы: между прочимъ, онъ говоритъ о награжденіи дворянскимъ достоинствомъ особенно отличившихся купцовъ (вопр. 4) и о той пользѣ, какую могла бы принести гласность въ судебныхъ дѣлахъ (вопр. 5). Но эта же переписка доказываетъ намъ, какъ мало было самостоятельности въ его литературныхъ требованіяхъ: стоило только напомнить Ф. Визину о «свободоязычіи» и «образцовомъ послушаніи», какъ изъ просвѣщеннаго мыслителя и критика общественныхъ явленій онъ становился подсудимымъ, обязаннымъ оправдываться. Новое направленіе, распространявшееся тогда у насъ, до тѣхъ поръ только пользовалось льготами, пока отъ него не отказались въ высшихъ кружкахъ нашего общества.

Что касается до художественнаго достоинства произведеній Ф. Визина, до полноты и жизненности типовъ, выведенныхъ имъ въ двухъ комедіяхъ—то объ этомъ такъ много говорилось въ русской литературѣ, что намъ остается только подвести краткій итогъ всему сказанному и прибавить нѣсколько словъ о разработкѣ этихъ типовъ въ другихъ современныхъ произведеніяхъ. О «моральныхъ лицахъ» въ комедіяхъ Ф. Визина мы высказали уже наше мнѣніе. Слѣдуетъ прибавить, что вообще такія лица, весьма интересныя для исторіи умственнаго развитія своего вѣка, составляютъ недостатокъ пьесы со стороны драматическаго движенія. Краснорѣчиво высказывая свои мысли и чувства, они несовсѣмъ умѣстны въ художественной конструкціи драмы и составляютъ какъ бы излишній придатокъ, нужный не для хода дѣйствія, а для того только, чтобы познакомить публику съ воззрѣніями самого автора. Это не живыя, одушевленныя фигуры, а тенденціи автора, облеченныя въ драматическій костюмъ для удобнѣйшаго вліянія на партеръ: Фонъ-Визину надо было *сочинять* для нихъ реальный образъ, а не брать его изъ дѣйствительности. Совсѣмъ другое дѣло—тѣ полныя комизма личности, которыя живутъ, мыслятъ и свободно движутся въ пьесахъ, доставляя и теперь большое наслажденіе читателю.

имѣетъ Кн. Вяземскій, въ своемъ замѣчательномъ трудѣ о «Фонъ-Визинѣ».

Тутъ автору не приходилось выдумывать искусственныхъ образовъ: сама жизнь подсказывала ему и руководила его талантомъ. Личности эти: Простакова, Митрофанушка, Скотининъ, Еремѣевна и учителя Митрофанушки въ «Недорослѣ»; Бригадиръ съ женой и сыномъ Иванушкой, Совѣтникъ и Совѣтница въ «Бригадирѣ». Не смотря на нѣкоторую шаржировку и наклонность къ каррикатурѣ въ обѣихъ пьесахъ, дѣйствующія лица, названныя нами, выручаютъ ихъ въ художественномъ смыслѣ, какъ цѣльные типы, замкнувшіе въ себѣ различныя проявленія тогдашней семейной и общественной жизни. Воспитаніе Митрофанушки или лучше сказать, одно *питаніе* по выраженію Сорванцова въ «Разговорѣ у Кн. Халдиной», исключительныя заботы матери о томъ, чтобы сынокъ ея кушалъ какъ можно больше и учился какъ можно меньше—все это почерпнуто прямо изъ русскихъ нравовъ XVIII-го столѣтія и подтверждается десятками указаній въ сатирическихъ журналахъ, мемуарахъ и комедіяхъ того времени. Разсужденія Простаковой о безполезности наукъ, нападки Скотинина на грамоту коренились глубоко въ русскомъ обществѣ, не вдругъ уступая мѣсто новымъ взглядамъ, проповѣдуемымъ самимъ правительствомъ. Въ комедіяхъ Екатерины II мы встрѣчаемъ лица, которыя недоумѣваютъ: зачѣмъ это правительство учитъ грамотѣ «подкидышковъ» воспитательнаго дома; много раньше у Кантемира осмѣяны старички, толкующіе:

Живали мы прежъ сего не зная латыни,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ;
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.

Уступая необходимости учить чему нибудь своего сына, Простакова нанимаетъ ему русскихъ учителей, но ей все кажется, что они замучатъ Митрофанушку. Больше удовлетворяетъ ее нѣмецъ Вральманъ, не докучавшій барскому сынку никакою книжною премудростью. Этотъ Вральманъ поступалъ весьма благоразумно: вздумай онъ принуждать или уговаривать Митрофанушку къ занятіямъ — онъ могъ бы пострадать такъ, какъ пострадалъ въ одномъ разсказѣ «Всякой Всячины» (*)

(*) Въ изданіи «Всякой Всячины», еженедѣльнаго сатирическаго листка, принимала участіе сама императрица Екатерина II-ая.

учитель французъ, задумавшій прибѣгнуть къ энергическимъ мѣрамъ. Бабушка, матушка и нянюшка въ родѣ Еремѣевны чуть было не вцарапали ему глаза. Въ противоположность материнскому баловству Простаковой встрѣчаемъ мы отеческую строгость Бригадира, который обѣщается изуродовать своего взрослаго сына. Подобныя обѣщанія часто сбывались въ тѣ дни, какъ это опять видимъ мы изъ сатирическихъ журналовъ. Жестокость Простаковой въ обращеніи съ своими крестьянами «дамъ же я зорю канальямъ людямъ»! ни мало не преувеличена Ф. Визинымъ. Въ доказательство приведемъ хоть мнѣніе Безразсуда (въ Трутнѣ) о своихъ крѣпостныхъ: «я господинъ, они мои рабы; они для того и сотворены, чтобы, претерпѣвая всякія нужды, день и ночь работать и исполнять мою волю исправнымъ платежемъ оброка; они, памятуя мое и свое состояніе, должны трепетать моего взора».

Но кромѣ лицъ стараго покроя, упорныхъ въ своей преданности старинѣ, мы находимъ у Ф. Визина и новаторовъ которые отбросили дѣдовскія привычки и вкусили по своему отъ плодовъ европейской цивилизаціи. Иванушка и Совѣтница въ «Бригадирѣ» сѣтуютъ на свою судьбу за то, что они родились не въ Парижѣ и не имѣютъ возможности говорить всегда на французскомъ діалектѣ. Это другая сторона тогдашней жизни, не уступающая первой въ своемъ комизмѣ. Если Бригадирша такъ проста и недальновидна, что не понимаетъ «амурнаго» объясненія Совѣтника и только тогда озлобляется когда ей растолковываютъ просьбу влюбленнаго,—то Совѣтница, наоборотъ, такъ развязна, что паровитъ затѣять интригу подъ носомъ у своего мужа и жалѣетъ лишь о томъ, что всѣ «сосѣди неучи и живутъ обнявшись съ своими женами». Бригадирша ничего не знаетъ, кромѣ хозяйства и скопленія денегъ, Совѣтница — ничего, кромѣ туалета и мотовства; одна воспитана на «Домостроѣ», другая—на модныхъ картинкахъ. Въ наукѣ обѣ онѣ сильны одинаково. Словомъ, Совѣтница—одна изъ тѣхъ щеголихъ, на которыхъ часто нападалъ Новиковъ въ своихъ журналахъ. Въ его «Живописцѣ» мы встрѣчаемъ такое описаніе: «Щеголиха говоритъ: какъ глупы тѣ люди, которые въ наукахъ самыя прекрасныя лѣта погубляютъ. Ужесть какъ смѣшны ученые мужчины, а наши

сестры ученыя—о! онѣ-то совершенныя дуры. Безпримѣрно, какъ онѣ смѣшны! Не для географіи одарила насъ природа красотою лица, не для математики дано намъ острое и проницательное понятіе; не для исторіи награждены мы плѣняющимъ голосомъ, не для физики вложены въ насъ нѣжныя сердца. Для чего же одарены мы сими преимуществами? — чтобъ были обожаемы. Въ словѣ: умѣть нравиться всѣ наши заключаются науки.» Личность Совѣтника также вѣрна дѣйствительности. Ханжа и взяточникъ, толкующій указы на сто ладовъ, онъ есть представитель той многоглавой гидры лихоимства, противъ которой говорила Екатерина II-ая въ своемъ знаменитомъ манифестѣ отъ 18-го Іюля 1762 г. Изъ ея словъ видно, что «самые малые судьи, управители и разные къ досмотрамъ приставленные командиры берутъ съ бѣдныхъ самыхъ людей не-токмо за дѣла безвинныя, дѣлая привязки по силѣ будто указовъ, въ самомъ дѣлѣ во зло только ими истолкованныхъ, и разоряя за то ихъ домы и имѣнія, но и за такія, которыя не инако, какъ нашего благоволенія и милости высочайшей достойны» и пр.

Эти краснорѣчивыя строки находятъ себѣ оправданіе во всѣхъ литературныхъ произведеніяхъ екатерининскаго вѣка.

Ал. Пятковскій.

1865 — 1866 г.

КОМЕДІИ

БРИГАДИРЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Бригадиръ.
Иванушка, сынъ его.
Бригадирша.
Совѣтникъ.
Совѣтница, жена его.
Софья, дочь совѣтничья.
Добролюбовъ, любовникъ Софьи.
Слуга совѣтничій.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ комнату, убранную подеревенски. Бригадиръ, въ сюртукѣ, ходитъ и куритъ табакъ. Сынъ его, въ дезабилье, кобенится, пьетъ чай. Совѣтникъ, въ казакинѣ, смотритъ въ календарь. По другую сторону стоитъ столикъ съ чайнымъ приборомъ, подлѣ котораго сидитъ совѣтница въ дезабилье и корнетѣ, и, жеманясь, чай разливаетъ. Бригадирша сидитъ одаль и чулокъ вяжетъ. Софья также сидитъ одаль и шьетъ въ тамбурѣ.

Совѣтникъ *(смотря въ календарь)*. Такъ, ежели Богъ благословитъ, то 26-е число быть свадьбѣ.

Сынъ. Hélas!

Бригадиръ. Очень изрядно, добрый сосѣдъ. Мы хотя другъ друга и недавно узнали, однако это не помѣшало мнѣ, проѣзжая изъ Петербурга домой, заѣхать къ вамъ въ деревню съ женою и сыномъ. Такой совѣтникъ, какъ ты, достоинъ быть другомъ отъ арміи бригадиру, и я началъ уже со всѣми вами обходиться безъ чиновъ.

Совѣтница. Для насъ, сударь, фасоны не нужны. Мы сами въ деревнѣ обходимся со всѣми безъ церемоніи.

Бригадирша. Ахъ, мать моя! да какая церемонія межъ нами, когда *(указывая на Совѣтника)* хочетъ онъ выдать за нашего Иванушку дочь свою, а ты свою падчерицу, съ Божіимъ благословеніемъ. А чтобъ лучше на него, Господа, положиться было можно, то даете вы ей и родительское свое награжденіе. На что тутъ церемонія?

Совѣтница. Ахъ, сколь счастлива дочь наша! Она идетъ за того, который былъ въ Парижѣ. Ахъ, радость моя! я

довольно знаю, каково жить съ тѣмъ мужемъ, который въ Парижѣ не былъ.

Сынъ *(вслушавшись, приподнимаетъ шишку колпака.)* Madame! я благодарю васъ за вашу учтивость. Признаюсь, что я хотѣлъ бы имѣть и самъ такую жену, съ которою бы я говорить не могъ инымъ языкомъ, кромѣ французскаго: наша жизнь пошла бы гораздо счастливѣе.

Бригадирша. О, Иванушка! Богъ милостивъ. Вы, конечно, станете жить лучше нашего. Ты, слава Богу, въ военной службѣ не служилъ, и жена твоя не будетъ ни таскаться по походамъ безъ жалованья, ни отвѣчать дома за то, чѣмъ въ строю мужа раздразнили. Мой Игнатій Андреевичъ вымещалъ на мнѣ вину каждаго рядоваго.

Бригадиръ. Жена, не все ври, что́ знаешь.

Совѣтникъ. Полно, сосѣдушка. Не грѣши ради Бога. не гнѣви Господа. Знаешь ли ты,, какую разумную сожительницу имѣешь? Она годится быть коллегіи президентомъ— вотъ какъ премудра Акулина Тимоѳеевна.

Бригадиръ. Премудра! вотъ-на, сосѣдушка! Ты, жалуя насъ, такъ говорить изволишь, а мнѣ кажется, будто премудрость ея очень на глупость походитъ. Иное дѣло твоя Авдотья Потапьевна. О! я сказать ей могу, въ глаза и за глаза, что ума у нея цѣлая палата. Я мужчина и бригадиръ, однако ей-ей радъ бы потерять всѣ мои патенты на чины, которые купилъ я кровію моею, лишь бы только имѣть разумъ ея высокородія.

Сынъ. Dieu! сколько прекрасныхъ комплиментовъ: батюшка! тесть! матушка! теща! А сколько умовъ—голова головы лучше.

Совѣтникъ. А я могу и о тебѣ также сказать, дорогой зятюшка, что въ тебѣ путь будетъ. Примежи только къ дѣламъ, читай больше.

Сынъ. Къ какимъ дѣламъ? Что читать?

Бригадиръ. Читать? артикулъ и уставъ военный; не худо прочесть также инструкцію межевую молодому человѣку.

Совѣтникъ. Паче всего изволь читать уложеніе и указы. Кто ихъ, будучи судьею, толковать умѣетъ, тотъ, другъ мой зятюшка, нищимъ быть не можетъ.

Бригадирша. Не худо пробѣжать также и мои расходныя тетрадки. Лучше плуты люди тебя не обманутъ. Ты тамо не дашь уже пяти копеекъ, гдѣ надобно дать четыре копейки съ денежкой.

Совѣтница. Боже тебя сохрани отъ того, чтобъ голова твоя наполнена была инымъ чѣмъ, кромѣ любезныхъ романовъ! (1) Кинь, душа моя, всѣ на свѣтѣ науки. Не повѣришь, какъ такія книги просвѣщаютъ. Я, не читавъ ихъ, рисковала бы остаться навѣки дурою.

Сынъ. Madame, вы говорите правду. O! vous avez raison. Я самъ кромѣ романовъ ничего не читывалъ, и для того-то я таковъ, какъ вы меня видите.

Софья *(въ сторону)*. Для того-то ты и дуракъ.

Сынъ. Mademoiselle, что̀ вы говорить изволите?

Софья. То, что̀ я о васъ думаю.

Сынъ. А что. бы это было? Je vous prie, не льстите мнѣ.

Совѣтникъ. Оставь ее, затюшка. Она, не знаю о чемъ-то, съ ума сходитъ.

Бригадиръ. O! это пройдетъ. У меня жена передъ свадьбою недѣли полторы безъ ума шаталась; однако послѣ того лѣтъ десятка съ три въ такомъ совершенномъ благоразумiи здравствуетъ, что никто того и примѣтить не можетъ, чтобъ она когда-нибудь была умнѣе.

Бригадирша. Дай Богъ тебѣ, батюшка, здоровье! Продли Богъ долгiе твои вѣки! А я, съ тобой живучи, ума не потеряла.

Совѣтникъ. Всеконечно, и мнѣ весьма пріятно, что дочь моя имѣть будетъ такую благоразумную свекровь.

Совѣтница *(вздыхаетъ)*. Для чего моей падчерицѣ и не быть вашею снохой? Мы всѣ дворяне; мы всѣ равны.

Совѣтникъ. Она правду говоритъ. Мы равны почти во всемъ. Ты, любезный другъ и сватъ, точно то̀ въ военной службѣ, что̀ я въ статской. Тебѣ еще до бригадирства расположили голову, а я до совѣтничества въ Москвѣ ослѣпъ въ коллегiи. Въ утѣшенiе осталось только то, что меня благословилъ Богъ достаточкомъ, который нажилъ я въ силу указовъ. Можетъ быть, я имѣлъ бы свой кусокъ хлѣба и получше, ежели бы жена моя не такая была охотница до корнетовъ, манжетъ и прочихъ вздоровъ, не служащихъ ни къ временному, ни къ вѣчному блаженству.

Совѣтница. Неужели ты меня мотовкой называешь, батюшка? Опомнись. Полно скиляжничать. Я капабельна съ тобою развестись, ежели ты еще меня такъ шпетить станешь.

Совѣтникъ. Безъ власти Создателя и святѣйшаго синода развестись намъ невозможно. Вотъ мое мнѣнiе. Богъ сочетаетъ, человѣкъ не разлучаетъ.

Сынъ. Развѣ въ Россіи Богъ въ такія дѣла мѣшается? По крайней мѣрѣ, государи мои, во Франціи онъ оставилъ на людское произволеніе—любить, измѣнять, жениться и разводиться.

Совѣтникъ. Да то во Франціи, а не у насъ, правовѣрныхъ; нѣтъ, дорогой зятьl какъ мы, такъ и жены наши, всѣ въ рукѣ Создателя. У него всѣ власы главы нашея изотчены суть.

Бригадирша. Вѣдь вотъ, Игнатій Андреевичъ, ты меня часто ругаешь, что я то и дѣло деньги да деньги считаю. Какъ же это? Самъ Господь волоски наши считать изволитъ, а мы, рабы его, и деньги считать лѣнимся,—деньги, которыя такъ рѣдки, что цѣлый парикъ изочтенныхъ волосовъ насилу алтынъ за тридцать достать можно.

Бригадиръ. Враки. Я не вѣрю, чтобъ волосы были у всѣхъ считаны. Не диво, что наши сочтены. Я бригадиръ, и ежели у пяти классовъ волосовъ не считаютъ, такъ у кого же и считать ихъ ему?

Бригадирша. Не грѣши, мой батюшка, ради Бога. У него генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры въ одномъ рангѣ.

Бригадиръ. Ай, жена! Я тебѣ говорю, не вступайся. Или я скоро сдѣлаю то, что и впрямь на твоей головѣ нечего считать будетъ. Какъ бы ты Бога-то узнала побольше, такъ бы ты такой пустоши и не болтала. Какъ можно подумать, что Богу, который все знаетъ, не извѣстенъ будто нашъ табель о рангахъ? Стыдное дѣло.

Совѣтница. Оставьте такіе разговоры. Развѣ нельзя о другомъ дискюрировать? Выбрали такую серьёзную матерію, которую я не понимаю.

Бригадиръ. Я и самъ, матушка, не говорю того, чтобъ забавно было спорить о такой матеріи, которая не принадлежитъ ни до экзерциціи, ни до баталій, и ничего такого что бы . . .

Совѣтникъ. Что бы по крайней мѣрѣ хотя служило къ должности судьи, истца или отвѣтчика. Я самъ, правду сказать, не охотно говорю о томъ, о чемъ разговаривая не можно сослаться ни на указы, ни на уложенье.

Бригадирша. Мнѣ самой скучны тѣ рѣчи, отъ которыхъ нѣтъ никакого барыша. *(Къ Совѣтницѣ)* Перемѣнимъ, свѣтъ мой, рѣчь. Пожалуй, скажи мнѣ, что у васъ идетъ людямъ, застольное или деньгами? Свой ли овесъ ѣдятъ лошади, или купленый?

Сынъ. C'est plus intéressant.

Совѣтница. Шутишь, радость. Я почему знаю, что ѣстъ вся эта скотина?

Совѣтникъ *(къ женѣ)*. Не стыди меня! Матушка, Акулина Тимоѳеевна! люди наши ѣдятъ застольное. Не прогнѣвайся на жену мою. Ей до того дѣла нѣтъ: хлѣбъ и овесъ я самъ выдаю.

Бригадирша. Такъ-то у меня мой Игнатій Андреевичъ: ему ни до чего дѣла нѣтъ. Я одна хожу въ анбары.

Совѣтникъ *(въ сторону)*. Сокровище, а не женщина! Какія у нея медоточивыя уста! Послушать ее только, такъ рабъ грѣха и будешь: нельзя не прельститься.

Бригадиръ. Что ты это говоришь, сватъ? *(Въ сторону)* Здѣшняя хозяйка не моей бабѣ чета.

Совѣтникъ. Хвалю разумное попеченіе твоей супруги о домашней экономіи.

Бригадиръ. Благодаренъ я за ея экономію. Она для нея больше думаетъ о домашнемъ скотѣ, нежели обо мнѣ.

Бригадирша. Да какъ же, мой батюшка? Вѣдь скотъ самъ о себѣ думать не можетъ,—такъ не надобно ли мнѣ о немъ подумать? Ты, кажется, и поумнѣе его, а хочешь, чтобы я за тобою присматривала.

Бригадиръ. Слушай, жена. Мнѣ все равно, съ дуру ли ты врешь, или изъ ума; только я тебѣ при всей честной компаніи сказываю, чтобъ ты больше рта не отворяла. Ей-ей, будетъ худо!

Сынъ. Mon père! не горячитесь.

Бригадиръ. Что не горячитесь?

Сынъ. Mon père! я говорю, не горячитесь!

Бригадиръ. Да перваго-то слова, чортъ-те знаетъ, я не разумѣю.

Сынъ. Ха, ха, ха, ха! теперь я сталъ виноватъ въ томъ, что вы по-французски не знаете.

Бригадиръ. Экъ онъ горло-то распустилъ. Да ты, смысля по-русски, для чего мелешь то, чего здѣсь не разумѣютъ?

Совѣтница. Полно, сударь. Развѣ вашъ сынъ долженъ говорить съ вами только тѣмъ языкомъ, который вы знаете?

Бригадирша. Батюшка, Игнатій Андреевичъ, пусть Ивашушка говоритъ какъ хочетъ. По мнѣ все равно. Иное говоритъ онъ, кажется, и по-русски; а я, какъ умереть, ни

слова не разумѣю. Что и говорить! ученье свѣтъ, неученье тьма!

Совѣтникъ. Конечно, матушка! кому Богъ открылъ грамоту, такъ надъ тѣмъ и сіяетъ благодать его. Нынѣ, слава Богу, не прежни времена. Сколько грамотей у насъ развелось: и то-то, вѣдь кому Господь откроетъ. Прежде бывало, кто писывали хорошо по-русски, такъ тѣ знавали грамматику; а нынѣ никто ея не знаетъ, а всѣ пишутъ. Сколько у насъ исправныхъ секретарей, которые экстракты сочиняютъ безъ грамматики, любо дорого смотрѣть! У меня на примѣтѣ есть одинъ, который что̀ когда напишетъ, такъ иной ученый и съ грамматикою во вѣки того разумѣть не можетъ.

Бригадиръ. На что̀, сватъ, грамматика? Я безъ нея дожилъ почти до шестидесяти лѣтъ, да и дѣтей взвелъ. Вотъ уже Иванушкѣ гораздо за двадцать; а онъ—въ добрый часъ молвить, въ худой помолчать—и не слыхивалъ о грамматикѣ.

Бригадирша. Конечно, грамматика не надобна. Прежде нежели ее учить станешь, такъ вѣдь ее купить еще надобно, заплатить за нее гривенъ восемь, а выучишь ли, нѣтъ ли, Богъ знаетъ.

Совѣтница. Чортъ меня возьми, ежели грамматика къ чему нибудь нужна, а особливо въ деревнѣ. Въ городѣ по крайней мѣрѣ изорвала я одну на папильоты.

Сынъ. J'en suis d'accord, на что грамматика. Я самъ писывалъ тысячу бильеду, и мнѣ кажется, что свѣтъ мой, душа моя, adieu ma reine, можно сказать, не заглядывая въ грамматику.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Слуга.

Слуга. Господинъ Добролюбовъ пріѣхать изволилъ.

Софья *(въ сторону)*. Боже мой! Онъ пріѣхалъ; а я невѣста другому.

Совѣтникъ. Пойдемъ же на встрѣчу сына друга моего и погуляемъ съ нимъ по саду.

Бригадиръ *(къ Совѣтницѣ)*. Не изволите ли и вы проходиться?

Совѣтница. Нѣтъ, сударь, я останусь здѣсь. Мнѣ сынъ вашъ сдѣлаетъ компанію.

Сынъ. De tout mon cœur, я съ вами наединѣ быть радъ.

Совѣтникъ *(къ Бригадиршѣ)*. Вы, матушка, не изволите ли также прогуляться?

Бригадирша. Изволь, изволь, мой батюшка.

Совѣтница *(Софьѣ)*. А ты по крайней мѣрѣ сдѣлай компанію своей свекрови.

ЯВЛЕНІЕ Ш.

Совѣтница, Сынъ.

Сынъ *(садится очень близко Совѣтницы)*. Мнѣ кажется, сударыня, что вашъ сожитель не больше свѣту знаетъ, сколько для отставнаго совѣтника надобно.

Совѣтница. Вы правду сказали: онъ ни съ кѣмъ въ жизнь свою не обходился, какъ съ секретарями и подъячими.

Сынъ. Онъ, я вижу, походитъ на моего батюшку, который во свой вѣкъ разумныхъ людей бѣгалъ.

Совѣтница. Ахъ, радость моя! Мнѣ мило твое чистосердечіе. Ты не щадишь отца своего! Вотъ прямая добродѣтель нашего вѣка!

Сынъ. Чортъ меня возьми, ежели я помышляю его менажировать.

Совѣтница. Въ самомъ дѣлѣ, жизнь моя, мнѣ кажется, онъ не умнѣе моего мужа, котораго глупѣе на свѣтѣ и бываютъ, однако очень рѣдко.

Сынъ. Вашъ резонеманъ справедливъ. Скажите жъ, сударыня, что вы думаете о моей матери.

Совѣтница. Какъ, радость! въ глаза мнѣ это тебѣ сказать совѣстно.

Сынъ. Пожалуй, говори что изволишь. Я индиферанъ во всемъ томъ, что надлежитъ до моего отца и матери.

Совѣтница. Не правда ли, что она свѣтъ знаетъ столько же, сколько вашъ батюшка?

Сынъ. Dieu! какой вы знатокъ въ людяхъ! Вы, можно сказать, людей насквозь проницаете. Я вижу, что надобно объ этомъ говорить безо всякой диссимуляціи; *(вздохнувъ)* итакъ вы знаете, что я пренесчастливый человѣкъ. Живу уже двадцать пять лѣтъ, и имѣю еще отца и мать. Вы знаете, каково жить и съ добрыми отцами; а я, чортъ меня возьми, я живу съ животными.

Совѣтница. Я сама стражду, душа моя, отъ моего урода. Мужъ мой прямая приказная строка. Я живу нѣсколь-

ко мѣтъ съ нимъ здѣсь въ деревнѣ, и клянусь тебѣ, что всѣ способы къ отмщенію до сего времени у меня отняты были. Всѣ сосѣди наши такіе неучи, такіе скоты, которые сидятъ по домамъ, обнявшись съ женами. А жены ихъ, ха, ха, ха, ха! жены ихъ не знаютъ еще и до сихъ поръ, что это—дезабилье, и думаютъ, что будто можно прожить на семъ свѣтѣ въ полшлафрокѣ. Онѣ, душа моя, ни о чемъ больше не думаютъ, какъ о столовыхъ припасахъ; прямыя свиньи ...

Сынъ. Pardieu! Поэтому, мать моя годится въ число вашихъ сосѣдокъ; а давно ли вы живете съ такою тварью?

Совѣтница. Мужъ мой пошелъ въ отставку въ томъ году, какъ вышелъ указъ о лихоимствѣ (2). Онъ увидѣлъ, что ему въ коллегіи дѣлать стало нечего, и для того повезъ меня мучить въ деревню.

Сынъ. Которую, конечно, нажилъ до указа.

Совѣтница. При всемъ томъ онъ скупъ какъ кремень.

Сынъ. Или какъ моя матушка. Я безъ лести могу сказать о ней, что она за рубль рада вытерпѣть горячку съ пятнами.

Совѣтница. Мой уродъ при всемъ томъ ужасная ханжа: не пропускаетъ ни обѣдни, ни завтрени и думаетъ, радость моя, что будто Богъ столько комплезанъ, что онъ за всеношную проститъ ему то, что днемъ наворованó.

Сынъ. Напротивъ того, мой отецъ кромѣ зари никогда не маливался. Онъ, сказываютъ, до женитьбы не вѣрилъ, что и чортъ есть; однако, женяся на моей матушкѣ, скоро повѣрилъ, что нечистый духъ экзистируетъ.

Совѣтница. Перемѣнимъ рѣчь, je vous en prie; мои уши, терпѣть не могутъ слышать о чертяхъ и о тѣхъ людяхъ, которые столь много на нихъ походятъ.

Сынъ. Madame! скажите мнѣ, какъ вы ваше время проводите?

Совѣтница. Ахъ, душа моя, умираю съ скуки. И если бы поутру не сидѣла я часовъ трехъ у туалета, то могу сказать: умереть бы все равно для меня было. Я тѣмъ только и дышу, что изъ Москвы присылаютъ ко мнѣ нерѣдко головные уборы, которые я то и дѣло надѣваю на голову.

Сынъ. По моему мнѣнію, кружева и блонды составляютъ головѣ наилучшее украшеніе. Педанты думаютъ, что это вздоръ и что надобно украшать голову снутри, а не-

снаружи. Какая пустота! Чортъ ли видитъ то, что́ скрыто, а наружное всякъ видитъ.

Совѣтница. Такъ, душа моя! я сама съ тобою однихъ сентиментовъ; я вижу, что у тебя на головѣ пудра, а есть ли что́ въ головѣ, того, чортъ меня возьми, примѣтить не могу́.

Сынъ. Pardieu! конечно, этого и никто примѣтить не можетъ.

Совѣтница. Послѣ туалета лучшее мое препровожденіе въ томъ, что я загадываю въ карты.

Сынъ. Вы знаете загадывать, grand Dieu! Я самъ могу назваться пророкомъ. Хотите ли, чтобъ показалъ я вамъ мое искусство?

Совѣтница. Ахъ, душа моя! ты одолжишь меня чрезвычайно.

Сынъ (*придвинувъ столикъ съ картами*). Сперва вы мнѣ отгадайте, а тамъ я вамъ.

Совѣтница. Съ радостью. Изволь загадывать короля и даму.

Сынъ (*подумавъ*). Загадалъ.

Совѣтница (*раскладываетъ карты*). Ахъ, что я вижу! Свадьба! (*вздыхаетъ*) Король женится.

Сынъ. Боже мой! Онъ женится! Что мнѣ этого несноснѣе!

Совѣтница. А дама его не любитъ...

Сынъ. Чортъ меня возьми, ежели я люблю. Нѣтъ, нѣтъ силъ болѣе терпѣть! Я загадалъ о себѣ. Ah, madame! или вы не видите того, что я жениться не хочу?

Совѣтница (*вздыхая и жеманясь*). Вы жениться не хотите? Развѣ падчерица моя не довольно плѣнила ваше сердце? Она столько постоянна!

Сынъ. Она постоянна!.. О верхъ моего несчастія! Она еще и постоянна! (3) Клянусь вамъ, что ежели я это въ ней, женяся, примѣчу, то ту же минуту разведусь съ нею. Постоянная жена во мнѣ ужасъ производитъ. Ah, madame! ежели бъ вы были жена моя, я бы вѣкъ не развелся съ вами.

Совѣтница. Ахъ, жизнь моя! Чего не можетъ быть, на что о томъ терзаться? Я думаю, что и ты не наскучилъ бы мнѣ лишними претензіями.

Сынъ. Позволь теперь, madame, отгадать мнѣ что-нибудь вамъ. Задумайте и вы короля и даму.

Совѣтница. Очень хорошо. Король трефовый и керовая дама.

Сынъ (*разложивъ карты*). Король смертно влюбленъ въ даму.

Совѣтница. Ахъ, что я слышу! Я въ восхищеніи. Я внѣ себя съ радости!

Сынъ (*посмотрѣвъ на нее съ нѣжностію*). И дама къ нему не безъ склонности.

Совѣтница. Ахъ, душа моя, не безъ склонности! Скажи лучше, влюблена до безумія.

Сынъ. Я бы жизнь свою, я бы тысячи жизней отдалъ за то, чтобъ свѣдать, кто это керовая дама. Вы краснѣете, вы блѣднѣете. Конечно, это . . .

Совѣтница. Ахъ, какъ несносно признаваться въ своей пассіи!

Сынъ (*съ торопливостью*). Такъ это вы. . .

Совѣтница (*притворясь, будто послѣднее слово дорого ей стоитъ*). Я, я сама.

Сынъ (*вздохнувъ*). А кто этотъ преблагополучный трефовый король, который возмогъ пронзить сердце керовой дамы?

Совѣтница. Ты хочешь, чтобъ я все вдругъ тебѣ сказала.

Сынъ (*вставъ*). Такъ, madame, такъ! я этого хочу, и ежели не я тотъ преблагополучный трефовый король, такъ пламень мой къ вамъ худо награжденъ.

Совѣтница. Какъ! и ты ко мнѣ пылаешь?

Сынъ (*кинувшись на колѣни*). Ты керовая дама!

Совѣтница (*поднимая его*). Ты трефовый король!

Сынъ (*въ восхищеніи*). О, счастье! о, bonheur!

Совѣтница. Можетъ быть, ты, душа моя, и не вѣдаешь того, что невѣста твоя влюблена въ Добролюбова, и что онъ самъ въ нее влюбленъ смертно.

Сынъ. St! St! они идутъ. Ежели это правда, oh! que nous sommes heureux! Намъ надобно непремѣнно оставить ихъ въ покоѣ, чтобъ они современемъ въ покоѣ насъ оставили.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Добролюбовъ и Софья.

Софья. Вы изволили здѣсь остаться однѣ, матушка; я нарочно пришла къ вамъ для того, чтобъ вамъ однѣмъ небыло скучно.

Добролюбовъ. А я, сударыня, взялъ смѣлость проводить ее къ вамъ.

Совѣтница. Намъ очень здѣсь нескучно. Мы загадывали въ карты.

Сынъ. Мнѣ кажется, mademoiselle, что вы какъ нарочно пришли сюда свѣдать о вашей свадьбѣ.

Софья. Что это значитъ?

Совѣтница. Мы загадывали о тебѣ, и если вѣрить картамъ, которыя, впрочемъ, никогда солгать не могутъ, то бракъ твой не очень удаченъ.

Софья. Я это знаю и безъ картъ, матушка.

Сынъ. Вы это знаете; на что жъ вы рискуете?

Софья. Тутъ никакого риска нѣтъ, а есть очевидная моя погибель, въ которую ведутъ меня батюшка и матушка.

Совѣтница. Пожалуй, сударыня, на меня вины не полагай. Ты сама знаешь, что я отъ роду того не хотѣла, чего отецъ твой хочетъ.

Сынъ. На что такія изъясненія? (*Къ Совѣтницѣ*) Madame, мы другъ друга довольно разумѣемъ; не хотите ли вы сойтиться съ компаніею?

Совѣтница. Для меня нѣтъ ничего комоднѣе свободы. Я знаю, что все равно, имѣть ли мужа, или быть связанной.

Сынъ (*даетъ ей знаки, чтобъ она Софью и Добролюбова оставила*). Да развѣ вы никогда отсюда выйти не намѣрены?...

Совѣтница. Изволь, душа моя.

ЯВЛЕНІЕ V.

Добролюбовъ, Софья.

Добролюбовъ. Они насъ оставили однихъ. Что это значитъ?

Софья. Это значитъ то, что мой женихъ ко мнѣ нимало не ревнуетъ

Добролюбовъ. А мнѣ кажется, что и мачихѣ твоей не противно бъ было, еслибъ твоя свадьба чѣмъ-нибудь разорвалась.

Софья. Это гораздо примѣтно. Мнѣ кажется, что мы очень некстати къ нимъ взошли.

Добролюбовъ. Тѣмъ лучше, ежели этотъ дуракъ въ нее влюбился, да и ей простительно имъ плѣниться.

Софья. Въ разсужденіи ея кокетства очень простительно, и она лучшаго себѣ любовника найти конечно не можетъ; однако я жалѣю о батюшкѣ.

Добролюбовъ. О, пожалуй о немъ не тужите. Батюшка вашъ, кажется мнѣ, съ отмѣнною нѣжностію глядитъ на бригадиршу.

Софья. Нѣтъ, этого я не думаю. Батюшка мой конечно и для того мачихѣ моей не измѣнитъ, чтобъ не прогнѣвить Бога.

Добролюбовъ. Однако онъ вѣдаетъ и то, что Богъ долготерпѣливъ.

Софья. Ежели жъ это правда, то кромѣ бригадирши, кажется мнѣ, будто здѣсь влюблены всѣ до единаго.

Добролюбовъ. Правда, только розница состоитъ въ томъ, что ихъ любовь смѣшна, позорна и дѣлаетъ имъ безчестіе. Наша же любовь основана на честномъ намѣреніи и достойна того, чтобъ всякій пожелалъ нашего счастія. Ты знаешь, что ежели бъ мой малый достатокъ не отвратилъ отца твоего имѣть меня своимъ, то бы я давно уже былъ тобою благополученъ.

Софья. Я тебя увѣряла и теперь увѣряю, что любовь моя къ тебѣ кончится съ жизнію моею. Я все предпринять готова, лишь бы только быть твоей женою. Малый твой достатокъ меня не устрашаетъ. Я все на свѣтѣ для тебя снести рада.

Добролюбовъ. Можетъ быть, и достатокъ мой скоро умножится. Дѣло мое приходитъ къ концу. Оно давно бъ уже и кончилось, только большая часть судей нынче взятокъ хотя и не берутъ, да и дѣлъ не дѣлаютъ. Вотъ для чего до сихъ поръ бѣдное мое состояніе не перемѣняется.

Софья. Мы давно заговорились. Намъ надобно идти къ нимъ, для избѣжанія подозрѣнія.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Совѣтникъ и Софья.

Совѣтникъ. Поди сюда, Софьюшка. Мнѣ о многомъ съ тобою поговорить надобно.

Софья. О чемъ изволите, батюшка?

Совѣтникъ. Во-первыхъ, о чемъ ты печалишься?

Софья. О томъ, батюшка, что ваша воля съ моимъ желаніемъ несогласна.

Совѣтникъ. Да развѣ дѣти могутъ желать того, чего не хотятъ родители? Вѣдаешь ли ты, что отецъ и дѣти должны думать одинаково. Я не говорю о нынѣшнихъ временахъ: нынѣ все пошло новое, а въ мое время, когда отецъ виноватъ бывалъ, тогда дерутъ сына; а когда сынъ виноватъ, тогда отецъ за него отвѣчаетъ; вотъ какъ въ старину бывало.

Софья. Слава Богу, что въ наши времена этого нѣтъ.

Совѣтникъ. Тѣмъ хуже. Нынѣ кто виноватъ, тотъ и отвѣчай, а съ иного что ты содрать изволишь? На что и приказы заведены, ежели виноватъ только одинъ виноватый. Бывало...

Софья. А правому, батюшка, для чего жъ быть виноватымъ?

Совѣтникъ. Для того, что всѣ грѣшны человѣцы. Я самъ бывалъ судьею: виноватый, бывало, платитъ за вину свою, а правый за свою правду; и такъ въ мое время всѣ довольны были: и судья, и истецъ, и отвѣтчикъ.

Софья. Позвольте мнѣ, батюшка, усомниться; я думаю, что правый, конечно, оставался тогда виноватымъ, когда онъ обвиненъ былъ.

Совѣтникъ. Пустое. Когда правый по приговору судейскому обвиненъ, тогда онъ уже сталъ не правый, а виноватый; такъ ему нечего тутъ умничать. У насъ указы потверже, нежели у челобитчиковъ. Челобитчикъ толкуетъ указъ на одинъ манеръ, то-есть на свой, а нашъ братъ, судья, для общей пользы, манеровъ на двадцать одинъ указъ толковать можетъ.

Софья. Чего жъ наконецъ, батюшка, вы отъ меня желаете?

Совѣтникъ. Того, чтобы ты мой указъ, идти замужъ, толковала не по нашему судейскому обычаю, и шла бы за того, за кого я тебѣ велю.

Софья. Я вамъ должна повиноваться; только представьте себѣ мое несчастіе: я женою буду такого дурака, который набитъ однѣми французскими глупостями, который не имѣетъ ко мнѣ не только любви, ни малѣйшаго почтенія.

Совѣтникъ. Да какого ты почтенія отъ него изволишь? Мнѣ кажется, ты его почитать должна, а не онъ тебя. Онъ

будетъ главою твоею, а не ты его головою. Ты, я вижу, дѣвочка молодая и не читывала священнаго писанія.

Софья. По крайней мѣрѣ, батюшка, будьте вы въ томъ увѣрены, что онъ и васъ почитать не будетъ.

Совѣтникъ. Знаю, все знаю; однако твой женихъ имѣетъ хорошее достоинство.

Софья. Какое, батюшка?

Совѣтникъ. Деревеньки у него изрядныя. А если зять мой не станетъ рачить о своей экономіи, то я примусь за правленіе деревень его.

Софья. Я не думаю, чтобъ будущій мой свекоръ захотѣлъ васъ трудить присмотромъ за деревнями его сына. Свекровь моя также хозяйничать охотница; впрочемъ, я ни чрезъ то, ни чрезъ другое не выигрываю. Я привыкла быть свидѣтельницею доброй экономіи.

Совѣтникъ. Тѣмъ лучше. Ты своего не растеряешь; а это развѣ малое тебѣ счастье, что ты имѣть будешь такую свекровь, которая, мнѣ кажется, превосходитъ всякую тварь своими добротами.

Софья. Я, по несчастію моему, ихъ въ ней примѣтить еще не могла.

Совѣтникъ. Это все-таки оттого же, что ты дѣвочка молодая и не знаешь, въ чемъ состоятъ прямыя добродѣтели. Ты не вѣдаешь, я вижу, ни своей свекрови, ни прямаго пути къ своему спасенію.

Софья. Я удивляюсь, батюшка, какое участіе свекровь можетъ имѣть въ пути моего спасенія.

Совѣтникъ. А вотъ какое: вышедъ замужъ, почитай свекровь свою; она будетъ тебѣ и мать, и другъ, и наставница; чти ея первую по Бозѣ; угождай во всемъ быстропроницательнымъ очамъ ея и перенимай у нея все доброе. О таковомъ вашемъ согласіи и люди на землѣ возвеселятся, и ангели на небесахъ возрадуются.

Софья. Какъ, батюшка, неужели ангеламъ на небесахъ такъ много дѣла до моей свекрови, что они тогда радоваться будутъ, ежели я ей угождать стану?

Совѣтникъ. Конечно такъ. Или думаешь ты, что у Господа въ книгѣ животныхъ Акулина Тимоѳеевна не написана?

Софья. Батюшка! Я не вѣдаю, есть ли въ ней она.

Совѣтникъ. А я вѣрую, что есть. Поди жъ ты, другъ мой, къ гостямъ, и какъ будто отъ себя выскажи ты своей свекрови будущей, что я наставляю тебя угождать ей.

Софья. Позвольте мнѣ вамъ доложить, батюшка, на что это? Не довольно ли того, если я угождать ей буду безъ всякаго высказыванія?

Совѣтникъ. Я велю тебѣ ей высказывать, а не мнѣ выспрашивать. Вотъ тебѣ мой отвѣтъ. Пошла!

ЯВЛЕНІЕ II.

Совѣтникъ. (*одинъ*). Она не дура, однако со всѣмъ ея умомъ догадаться не можетъ, что я привязанъ къ ея свекрови, привязанъ очами, помышленіями и всѣми моими чувствы. Не знаю, какъ объявить ей о моемъ окаянствѣ. Вижу, что гублю я душу мою, желая соблазнить неблазную. О, грѣховъ моихъ тяжести! Да хотя бы и она согласилась на мое моленіе, что сотворитъ со мною Игнатій Андреевичъ, который столько же хранитъ свою супругу, сколько я свою хотя впрочемъ и не проходило у насъ сряду двухъ часовъ безссорно: вотъ до чего доводитъ къ чужой женѣ любовь! Выдаю дочь мою противъ желанія за ея сына, для того только, чтобъ чаще возмогъ я по родству видѣться съ возлюбленною сватьею. Въ ней нахожу я нѣчто отмѣнно разумное, которое другіе примѣтить въ ней не могутъ. Я не говорю о ея мужѣ. Онъ хотя и всегда слылъ мужикомъ разумнымъ, однако военный человѣкъ, а притомъ и кавалеристъ, не столько иногда любитъ жену свою, сколько свою лошадь... А! да вотъ она и идетъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Совѣтникъ и Бригадирша.

Совѣтникъ. Охъ!

Бригадирша. О чемъ, ты мой батюшка, вздыхаешь?

Совѣтникъ. О своемъ окаянствѣ.

Бригадирша. Ты уже и такъ, мой батюшка, съ поста и молитвы скоро на усопшаго походить будешь, и долго ли тебѣ изнурять свое тѣло?

Совѣтникъ. Охъ, моя матушка! Тѣло мое еще не изнурено. Далъ бы Богъ, чтобъ я довелъ его грѣшнымъ моимъ моленіемъ и пощеніемъ до того, чтобъ избавилося оно отъ дьявольскаго искушенія: не грѣшилъ бы я тогда ни на небо, ни предъ тобою.

Бригадирша. Передо мною? А чѣмъ ты, батюшка, грѣшишь предо мною?

Совѣтникъ. Окомъ и помышленіемъ.

Бригадирша. Да какъ это грѣшатъ окомъ?

Совѣтникъ. Я грѣшу предъ тобою, взирая на тебя окомъ...

Бригадирша. Да я на тебя смотрю и обѣмъ. Неужели это грѣшно?

Совѣтникъ. Такъ-то грѣшно для меня, что если хочу я избавиться вѣчныя муки на томъ свѣтѣ, то долженъ я на здѣшнемъ походить съ однимъ глазомъ до послѣдняго издыханія. Око мое меня соблазняетъ, и мнѣ изткнуть его необходимо должно, для душевнаго спасенія.

Бригадирша. Такъ ты и въ правду, мой батюшка, глазокъ себѣ выколоть хочешь?

Совѣтникъ. Когда все грѣшное мое тѣло заповѣдямъ супротивляется, такъ, конечно, и руки мои не столь праведны, чтобъ онѣ однѣ взялися исполнять писаніе; да я страшусь теплыя вѣры твоего сожителя, страшусь, чтобъ онъ, узрѣвъ, грѣхъ мой, не совершилъ на мнѣ заповѣди божіей.

Бригадирша. Да какой грѣхъ?

Совѣтникъ. Грѣхъ, ему же вси смертные поработилися. Каждый человѣкъ имѣетъ духъ и тѣло. Духъ хотя бодръ, да плоть немощна. Къ тому же нѣсть грѣха, иже не можетъ быти очищенъ покаяніемъ... (*съ нѣжностію*) Согрѣшимъ и покаемся.

Бригадирша. Какъ не согрѣшить, батюшка! Единъ Богъ безъ грѣха.

Совѣтникъ. Такъ, моя матушка. И ты сама теперь исповѣдуешь, что ты причастна грѣху сему.

Бригадирша. Я исповѣдуюся, батюшка, всегда въ великій постъ на первой. Да скажи мнѣ, пожалуй, что тебѣ до грѣховъ моихъ нужды?

Совѣтникъ. До грѣховъ твоихъ мнѣ такая же нужда, какъ и до спасенія. Я хочу, чтобъ твои грѣхи и мои были одни и тѣ же, и чтобъ ни что не могло разрушити совокупленія душъ и тѣлесъ нашихъ.

Бригадирша. А что это, батюшка, совокупленіе? Я церковнаго-то языка столько же мало смышлю, какъ французскаго. Вѣдь кого какъ Господь миловать захочетъ. Иному откроетъ онъ и французскую, и нѣмецкую, и всякую грамоту; а я, грѣшная, и по-русски-то худо смышлю. Вотъ съ тобою не теперь уже говорю, а больше половины рѣчей твоихъ не разумѣю. Иванушку и твою сожительницу почти головою

не разумѣю. Коли чью я рѣчь больше всѣхъ разберу, такъ это своего Игнатія Андреевича. Всѣ слова выговариваетъ онъ такъ чисто, такъ рѣчисто, какъ попугай... Да видалъ ли ты, мой батюшка, попугаевъ?

Совѣтникъ. Не о птицахъ предлежитъ намъ дѣло: дѣло идетъ о разумной твари. Неужели ты, матушка, не понимаешь моего хотѣнія?

Бригадирша. Не понимаю, мой батюшка. Да чего ты хочешь?

Совѣтникъ. Могу ли я просить . . .

Бригадирша. Да чего ты у меня просить хочешь? Если только, мой батюшка, не денегъ, то я всѣмъ ссудить тебя могу. Ты знаешь, каковы нынѣ деньги: ими никто даромъ не ссужаетъ, а для нихъ ни въ чемъ не отказываютъ. (*Здѣсь входитъ Сынъ, а они его не видятъ*).

Совѣтникъ. Не о деньгахъ рѣчь идетъ: я самъ для денегъ на все могу согласиться. (*Становится на колѣни*) Я люблю, тебя, моя матушка... (*Въ самое то время, увидѣвъ Совѣтникъ Сына вскочилъ; а Сынъ хохочетъ и аплодируетъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Сынъ.

Сынъ: Bravissimo! bravissimo!

Бригадирша. Что ты, Иванушка, такъ прыгаешь! Мы говорили о дѣлѣ. Ты помѣшалъ Артамону Власычу: онъ, не знаю, чего-то у меня просить хотѣлъ.

Сынъ. Да онъ, матушка, дѣлаетъ тебѣ déclaration en forme.

Совѣтникъ. Не осуждай, не осужденъ будешь (*оборотясь, выходитъ*).

Бригадирша. Иванушка! Вытолкуй ты мнѣ лучше, что ты теперь сказалъ.

Сынъ. Матушка, онъ съ тобою амурится! Разумѣешь ли хотя это?

Бригадирша. Онъ амурится! И, мой батюшка, что у тебя же на умѣ!

Сынъ. Чортъ меня возьми, ежели это не правда.

Бригадирша. Перекрестись. Какой божбой ты божишься; опомнись: вѣдь чертомъ не шутятъ. Сложи ручку, Иванушка, да перекрестись хорошенько.

Сынъ. Матушка, я вижу, ты этому не вѣришь. Да на что онъ становился на колѣни?

Бригадирша. Я почемъ знаю, Иванушка. Неужели это для амуру? Ахъ, онъ проклятый сынъ! да что онъ это вздумалъ?

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Совѣтница.

Сынъ. Madame! я теперь былъ свидѣтелемъ пресмѣшныя сцены. J'ai pensé crever de rire. Твой мужъ объявилъ любовь свою моей матушкѣ! Ха, ха, ха, ха!

Совѣтница. Не въ правду ли! (*Во время рѣчи Бригадиршиной отводитъ сына и нѣчто шепчетъ ему*).

Бригадирша (*въ сердцахъ*). Ахъ, онъ собака! Да что онъ и въ правду затѣялъ? Развѣ у меня Богъ языкъ отнялъ? Я теперь же все разскажу Игнатью Андреичу. Пускай-ка онъ ему лобъ раскроитъ по-свойски. Что онъ это вздумалъ? Вѣдь я бригадирша! Нѣтъ, онъ плутъ! Не думай того, чтобъ онъ нашелъ на дуру! Мнѣ, слава Богу, ума не занимать! Я тотчасъ пойду . . . . (*Сынъ и Совѣтница ухватили ее за полы*).

Сынъ. Матушка, постой, постой...

Совѣтница. Постой, сударыня.

Сынъ. Да развѣ ты, матушка, не примѣтила, что я шутилъ?

Бригадирша. Какая шутка! Вѣдь я слышала, какъ ты божился.

Совѣтница. Онъ, сударыня, конечно шутилъ!

Сынъ. Чортъ меня возьми, ежели это была не шутка.

Бригадирша. Какъ, ты и теперь такъ же божишься, батюшка! Что за дьявольщина! да чему же вѣрить?

Совѣтница. Какъ, сударыня, вы не можете шутки отдѣлить отъ серьёзнаго.

Бригадирша. Да, нельзя, мать моя: вѣдь онъ такъ божится, что мой языкъ этого и выговорить не поворотится.

Совѣтница. Да онъ конечно въ шутку и побожился.

Сынъ. Конечно въ шутку. Я зналъ въ Парижѣ, да и здѣсь превеликое множество разумныхъ людей, et même fort honnêtes gens, которые божбу ни во что ставятъ.

Бригадирша. Такъ ты и заправду, Иванушка, шутилъ?

Сынъ. Хотите ли вы, чтобъ я еще вамъ побожился?

Бригадирша. Да ты, можетъ быть, опять шутить станешь! То-то, ради Бога, не введи ты меня въ дуры.

Совѣтница. Кстати ли, радость моя! Будь спокойна. Я знаю своего мужа; ежели бъ это была правда, я сама непремѣнно взбѣситься.

Бригадирша. Ну, слава Богу, что это шутка. Теперь душа моя на мѣстѣ (*отходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Сынъ и Совѣтница.

Совѣтница. Ты было все дѣло испортилъ. Ну ежели бы матушка твоя нажаловалася отцу твоему, вѣдь бы онъ взбѣсился, и ту минуту увезъ отсюда и тебя съ нею.

Сынъ. Madame, ты меня въ этомъ простить можешь. Признаюсь, что мнѣ этурдери свойственно; а инако худо подражалъ бы я французамъ.

Совѣтница. Мы должны, душа моя, о томъ молчать, и нескромность твою я ничѣмъ бы не могла экскюзовать, еслибъ осторожность не смѣшна была въ молодомъ человѣкѣ, а особливо въ томъ, который былъ въ Парижѣ.

Сынъ. O, vous avez raison! Осторожность, постоянство, терпѣливость похвальны были тогда, когда люди не знали, какъ должно жить въ свѣтѣ; а мы, которые знаемъ, что это такое, que de vivre dans le grand monde, мы конечно были бы съ постоянствомъ очень смѣшны въ глазахъ всѣхъ такихъ же разумныхъ людей, какъ мы.

Совѣтница. Вотъ прямыя правила жизни, душа моя! Я не была въ Парижѣ, однако чувствуетъ сердце мое, что ты говоришь самую истину. Сердце человѣческое есть всегда сердце и въ Парижѣ, и въ Россіи: оно обмануть не можетъ.

Сынъ. Madame, ты меня восхищаешь; ты, я вижу, такое же тонкое понятіе имѣешь о сердцѣ, какъ я о разумѣ. Mon Dieu! Какъ судьбина милосерда: она старается соединить людей одного ума, одного вкуса, одного нрава; мы созданы другъ для друга.

Совѣтница. Безъ сомнѣнія, мы рождены подъ одною кометою.

Сынъ. Все несчастіе мое состоитъ въ томъ только, что ты русская.

Совѣтница. Это, ангелъ мой, конечно, для меня ужасная погибель.

Сынъ. Это такой défaut, котораго ничѣмъ загладить уже нельзя.

Совѣтница. Что жъ мнѣ дѣлать?

Сынъ. Дай мнѣ въ себѣ волю. Я не намѣренъ въ Россіи умереть. Я сыщу occasion favorable увезти тебя въ Парижъ (4). Тамо остатки дней нашихъ, les restes de nos jours, будемъ имѣть утѣшеніе проводить съ французами; тамъ увидишь ты, что есть между прочими и такіе люди, съ которыми я могу имѣть société.

Совѣтница. Вѣрно, душа моя! Только, я думаю, отецъ твой не согласится отпустить тебя въ другой разъ во Францію.

Сынъ. А я думаю, что и его увезу туда съ собою. Просвѣщаться никогда не поздно; а я за то порукою, что онъ, съѣздя въ Парижъ, по крайней мѣрѣ хотя сколько нибудь на человѣка походить будетъ.

Совѣтница. Не то на умѣ у отца твоего. Я очень увѣрена, что онъ нашу деревню предпочтетъ и раю и Парижу. Словомъ, онъ мнѣ дѣлаетъ свой куръ.

Сынъ. Какъ? онъ мой риваль?

Совѣтница. Я примѣчаю, что онъ смертно влюбленъ въ меня.

Сынъ. Да знаетъ ли онъ право честныхъ людей? Да вѣдаетъ ли онъ, что за это дерутся?

Совѣтница. Какъ, душа моя, ты и съ отцомъ подраться хочешь?

Сынъ. Et pourquoi non? Я читалъ въ прекрасной книгѣ, какъ бишь ее зовутъ . . le nom m'est échappé, да . . . въ книгѣ les sottises du temps, что одинъ сынъ въ Парижѣ вызывалъ отца своего на дуэль... а я, или я скотъ, чтобъ не послѣдовать тому, что̀ хотя одинъ разъ случилося въ Парижѣ?

Совѣтница. Твой отецъ очень смѣшонъ . . . такіе дураки . . . ахъ! какъ онъ легокъ на поминѣ-то . . . вотъ онъ и идетъ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Бригадиръ.

Бригадиръ. Я ужъ началъ здѣсь хозяйничать. Пришелъ звать васъ къ столу. Да что ты, матушка, разговорилася

съ моимъ повѣсою? А ты что здѣсь дѣлаешь? Ты долженъ быть съ своею невѣстою.

Сынъ. Батюшка, я здѣсь быть хочу.

Бригадиръ. Да я не хочу.

Совѣтница. Да вамъ, сударь, какое до того дѣло?

Бригадиръ. Мнѣ не хочется, матушка, чтобъ онъ тебѣ болтаньемъ своимъ наскучилъ. Я лучше бы хотѣлъ самъ съ тобою поговорить о дѣлѣ.

Совѣтница. Говорите, что вамъ угодно.

Бригадиръ. Мнѣ угодно, чтобъ сынъ мой былъ отъ васъ подалѣ: онъ вамъ наскучитъ.

Совѣтница. Нѣтъ, сударь, мы очень весело безъ васъ время проводили.

Бригадиръ. Да я безъ тебя скучаю. (*Взглянувъ на Сына*) Поди ты вонъ, повѣса!

Совѣтница (*къ Сыну*). Когда время идти къ столу, такъ пойдемъ. (*Подаетъ ему руку; онъ ведетъ ее жеманяся; а Бригадиръ, идучи за ними, говоритъ:*)

Бригадиръ. Добро, Иванъ! будетъ то время, что ты и не такъ кобениться станешь.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ

ЯВЛЕНІЕ I.

Бригадиръ и Сынъ.

Бригадиръ. Слушай, Иванъ, я рѣдко съ молоду краснѣлъ, однако теперь отъ тебя, при старости, сгорѣлъ-было.

Сынъ. Mon cher père! или сносно мнѣ слышать, что хотятъ женить меня на русской?

Бригадиръ. Да ты что за французъ? Мнѣ кажется, ты на Руси родился.

Сынъ. Тѣло мое родилось въ Россіи, это правда; однако духъ мой принадлежалъ коронѣ французской.

Бригадиръ. Однако ты все-таки Россіи больше обя-

замъ, нежели Франціи. Вѣдь въ тѣлѣ твоемъ гораздо больше связи, нежели въ умѣ.

Сынъ. Вотъ, батюшка, теперь вы уже и льстить мнѣ начинаете, когда увидѣли, что строгость вамъ не удалася.

Бригадиръ. Ну, не прямой ли ты болванъ? Я тебя назвалъ дуракомъ; а ты думаешь, что я льщу тебѣ: эдакой оселъ!

Сынъ. Эдакой оселъ! (*въ сторону*) Il ne me flatte pas... Я вамъ еще сказываю, батюшка, je vous le répète, что мои уши къ такимъ терминамъ не привыкли. Я васъ прошу, je vous en prie, не обходиться со мною такъ, какъ вы съ вашимъ ефрейторомъ обходились. Я такой же дворянинъ, какъ и вы, Monsieur.

Бригадиръ. Дурачина! дурачина! Что ты ни скажешь, такъ все врешь, какъ лошадь. Ну кстати ли отцу съ сыномъ считаться въ дворянствѣ? Да хотя бы ты мнѣ и чужой былъ, такъ тебѣ забывать того по крайней мѣрѣ не надобно, что я отъ арміи бригадиръ.

Сынъ. Je m'en moque.

Бригадиръ. Что это за манмокъ?

Сынъ. То, что мнѣ до вашего бригадирства дѣла нѣтъ. Я его забываю; а вы забудьте то, что сынъ вашъ знаетъ свѣтъ, что онъ былъ въ Парижѣ....

Бригадиръ. О, ежелибъ это забыть можно было! Да нѣтъ, другъ мой, ты самъ объ этомъ напоминаешь каждую минуту новыми дурачествами, изъ которыхъ за самое малое надлежитъ, по нашему военному уставу, прогнать тебя спицрутеномъ.

Сынъ. Батюшка! вамъ все кажется, будто вы стоите предъ фрунтомъ и командуете. Къ чему такъ шумѣть?

Бригадиръ. Твоя правда, не къ чему; а впередъ какъ ты что нибудь соврешь, то влѣплю тебѣ въ спину сотни двѣ русскихъ палокъ. Понимаешь ли?

Сынъ. Понимаю; а вы сами поймете ли меня? Всякій галантомъ, а особливо кто былъ во Франціи, не можетъ парировать, чтобъ онъ въ жизнь свою не имѣлъ никогда дѣла съ такимъ человѣкомъ, какъ вы; слѣдовательно, не можетъ парировать и о томъ, чтобъ онъ никогда битъ не былъ. А вы, ежели вы зайдете въ лѣсъ и удастся вамъ наскочить на медвѣдя, то онъ съ вами такъ же поступитъ, какъ вы меня трактовать хотите.

Бригадиръ. Эдакой уродъ! Отца примѣнилъ къ медвѣдю; развѣ я на него похожъ?

Сынъ. Тутъ нѣтъ развѣ. Я сказалъ вамъ то, что я думаю: voila mon caractère. Да какое право имѣете вы надо мною властвовать?

Бригадиръ. Дуралей! я твой отецъ.

Сынъ. Скажите мнѣ, батюшка, не всѣ ли животныя, les animaux, одинаковы?

Бригадиръ. Это къ чему? Конечно, всѣ, отъ человѣка до скота. Да что за вздоръ ты мнѣ молоть хочешь?

Сынъ. Послушайте: ежели всѣ животныя одинаковы то вѣдь и я могу тутъ же включить себя?

Бригадиръ. Для чего нѣтъ. Я сказалъ тебѣ: отъ человѣка до скота; такъ для чего тебѣ не помѣстить себя тутъ же?

Сынъ. Очень хорошо; а когда щенокъ не обязанъ респектовать того пса, кто былъ его отецъ, то долженъ ли я вамъ хотя малѣйшимъ респектомъ?

Бригадиръ. Что ты щенокъ, такъ въ томъ никто не сомнѣвается; однако я тебѣ, Иванъ, какъ присяжный человѣкъ, клянусь, что ежели ты меня еще примѣнишь къ собакѣ, то скоро самъ съ рожи на человѣка походить не будешь. Я тебя научу, какъ съ отцомъ и заслуженнымъ человѣкомъ говорить должно. Жаль, что нѣтъ со мною палки! (5) Эдакой скосырь выѣхалъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Бригадирша.

Бригадирша. Что за шумъ? Что ты, мой батюшка, такъ гнѣваться изволишь? Не сдѣлалъ ли ты, Иванушка, какого намъ убытку? Не потерялъ ли ты чего-нибудь?

Бригадиръ. И очень много! Пропажа не мала.

Бригадирша (*запыхалася*). Что за бѣда! Что такое?

Бригадиръ. Онъ потерялъ умъ, ежели онъ у него былъ.

Бригадирша (*отдыхая*). Тьфу, какая пропасть! Слава Богу! Я было обмерла, испугалась: думала, что и впрямъ не пропало ль что-нибудь.

Бригадиръ. А развѣ умъ-отъ ничто?

Бригадирша. Какъ ничто? Кто тебѣ это сказывалъ, батюшка? Безъ ума жить худо: что ты наживешь безъ него?

Бригадиръ. Безъ него! А безъ него нажила ты вотъ этого урода; не говаривалъ ли я тебѣ: жена, не балуй ребенка; запишемъ его въ полкъ; пусть онъ, служа въ полку, ума набирается, какъ то я дѣлывалъ; а ты всегда изволила болтать: ахъ, батюшка! нѣтъ, мой батюшка! что ты съ младенцемъ дѣлать хочешь? не умори его, свѣтъ мой!—Вотъ, мать моя! вотъ онъ здравствуетъ. Вотъ за минуту примѣнилъ меня къ кобелю: не изволишь ли и ты послушать?

Сынъ (*зѣваетъ*). Quelles espèces!

Бригадиръ. Вотъ, говори ты съ нимъ пожалуй, а онъ лишь только ротъ деретъ. Иванъ, не бѣси меня! Ты знаешь, что я разомъ ребра два у тебя выхвачу. Ты знаешь, каковъ я?

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Совѣтница.

Совѣтница. Что ты, сударь, зятѣялъ? Возможно ль, чтобъ я стерпѣла здѣсь такое barbarie?

Бригадиръ. Я, матушка, хочу поучить немного своего Ивана.

Совѣтница. Какъ, вы хотите поучить немного вашего сына, выломя у него два ребра?

Бригадиръ. Да вѣдь, матушка, у него не только-что два ребра; ежели я ихъ и выломлю, такъ съ него еще останется. А для меня все равно, будутъ ли у него тѣ два ребра, или не будутъ.

Бригадирша. Вотъ, матушка, какъ онъ о рожденіи своемъ говорить изволитъ.

Сынъ (*къ Совѣтницѣ*). C'est l'homme le plus bourru, que je connais.

Совѣтница. Знаете ли вы, сударь, что грубость ваша къ сыну вашему меня безпокоитъ?

Бригадиръ. А я, матушка, думалъ, что грубость его ко мнѣ васъ безпокоитъ.

Совѣтница. Ни мало. Я не могу терпѣть пристрастія. Мериты должны быть всегда респектованы; конечно вы не видите достоинствъ въ вашемъ сынѣ.

Бригадиръ. Не вижу! да скажите же вы мнѣ, какія достоинства вы въ немъ видите?

Совѣтница. Да развѣ вы не знаете, что онъ былъ въ Парижѣ?

Бригадирша. Только ль матушка, что въ Парижѣ! Онъ былъ еще во Франціи. Шутка ль это!

Бригадиръ. Жена, не полно ль тебѣ врать?

Бригадирша. Вотъ, батюшка, правды не говори тебѣ.

Бригадиръ. Говори, да не ври.

Совѣтница (*къ Бригадиру*). Вы, конечно, не слыхивали какъ онъ былъ въ Парижѣ принятъ.

Бригадиръ. Онъ этого сказать мнѣ до сихъ поръ еще не смѣлъ, матушка.

Совѣтница. Скажи лучше, что не хотѣлъ; а ежели я васъ, monsieur, попрошу теперь, чтобъ вы о своемъ вояжѣ что-нибудь поговорили, согласитесь ли вы меня контантировать?

Сынъ. De tout mon coeur, madame; только въ присутствіи батюшки мнѣ неспособно исполнить вашу волю. Онъ зашумитъ, помѣшаетъ, остановитъ (6)...

Совѣтница. Онъ для меня этого, конечно, не сдѣлаетъ.

Бригадиръ. Для васъ, а ни для кого больше на свѣтѣ, я молчать соглашаюсь, и то пока мочь будетъ. Говори, Иванъ.

Сынъ. Съ чего жъ начать? par où commencer?

Совѣтница. Начните съ того, чѣмъ вамъ Парижъ понравился и чѣмъ вы, monsieur, понравились Парижу.

Сынъ. Парижъ понравился мнѣ, во-первыхъ, тѣмъ, что всякій отличается въ немъ своими достоинствами.

Бригадиръ. Постой, постой, Иванъ! Ежели это правда, то какъ же ты понравился Парижу?

Совѣтница. Вы обѣщали, сударь, не мѣшать ему. По крайней мѣрѣ вы должны учтивостію дамамъ, которыя хотятъ слушать его, а не васъ.

Бригадиръ. Я виноватъ, матушка, и для васъ, а ни для кого болѣе, молчать буду.

Совѣтница (*къ сыну*). Продолжайте, monsieur, continuez.

Сынъ. Въ Парижѣ всѣ почитали меня такъ, какъ я заслуживаю. Куда бы я ни приходилъ, вездѣ или я одинъ говорилъ, или всѣ обо мнѣ говорили. Всѣ моимъ разговоромъ восхищались. Гдѣ меня ни видали, вездѣ у всѣхъ радость являлась на лицахъ, и часто, не могши ее скрыть, декларировали ее такимъ чрезвычайнымъ смѣхомъ, который прямо показывалъ, что́ они обо мнѣ думаютъ.

Совѣтница (*Бригадиру*). Не должны ли вы прійти въ восхищеніе? Я, ничѣмъ не будучи обязана, я отъ словъ его въ восторгѣ.

Бригадирша (*плача*). Я безъ ума отъ радости. Богъ привелъ на старости видѣть Иванушку съ такимъ разумомъ.

Совѣтница (*Бригадиру*). Что жъ вы ничего не говорите?

Бригадиръ. Я, матушка, боюся васъ прогнѣвать, а безъ того бы я, конечно, или засмѣялся, или заплакалъ.

Совѣтница. Continuez, душа моя.

Сынъ. Во Франціи люди совсѣмъ не таковы, какъ вы, то-есть не русскіе.

Совѣтница. Смотри, радость моя: я тамъ не была, однако я о Франціи получила уже отъ тебя нарядную идею. Не правда ли, что во Франціи живутъ по большей части французы?

Сынъ (*съ восторгомъ*). Vous avez le don de déviner.

Бригадирша. Какъ же, Иванушка! неужели тамъ люди-то не такіе, какъ мы всѣ русскіе?

Сынъ. Не такіе какъ вы, а не какъ я.

Бригадирша. Для чего же? Вѣдь и ты мое рожденіе.

Сынъ. N'importe! Всякій, кто былъ въ Парижѣ, имѣетъ уже право, говоря про русскихъ, не включать себя въ число тѣхъ, затѣмъ что онъ уже сталъ больше французъ, нежели русскій.

Совѣтница. Скажи мнѣ, жизнь моя: можно ль тѣмъ изъ нашихъ, кто былъ въ Парижѣ, забыть совершенно то, что они русскіе?

Сынъ. Totalement не льзя. Это не такое несчастье, которое бы скоро въ мысляхъ могло быть заглажено. Однако нельзя и того сказать, чтобъ оно живо было въ нашей памяти. Оно представляется намъ какъ сонъ, какъ illusion.

Бригадиръ (*къ Совѣтницѣ*). Матушка, позволь мнѣ одно словцо на все ему сказать.

Сынъ (*къ Совѣтницѣ*). Cela m'excède, je me retire (*выходитъ*).

Бригадирша (*къ Совѣтницѣ*). Что онъ, матушка, это вытворилъ? Не занемогъ ли Иванушка, что онъ такъ опрометью отсюда кинулся. Пойти посмотрѣть-было.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Бригадиръ, Совѣтница.

Совѣтница. Вотъ что вы сдѣлали! Вы лишили меня удовольствія слышать исторію вашего сына и цѣлаго Парижа.

Бригадиръ. А я бы думалъ, что я избавилъ тебя отъ неудовольствія слышать дурачества. Развѣ, матушка, тебѣ угодно шутить надъ моимъ сыномъ?

Совѣтница. Развѣ вамъ, сударь, угодно шутить надо мною?

Бригадиръ. Надъ тобою! Боже меня избави. Я хочу, чтобъ меня ту минуту аркибузировали (7), въ которую помышлю я о тебѣ худо.

Совѣтница. Благодарствую, сударь, за вашу эстиму.

Бригадиръ. Не за что, матушка.

Совѣтница. Вашъ сынъ, я вижу, страждетъ отъ вашихъ грубостей,

Бригадиръ. Теперь для васъ ему спускаю; однако, рано или поздно, я изъ него французскій духъ вышибу; я вижу, что онъ и вамъ уже скученъ.

Совѣтница. Вы ошиблись. Перестаньте грубить вашему сыну. Вѣдаете ли вы, что я его словами восхищаюсь?

Бригадиръ. Какими?

Совѣтница. Развѣ вы глухи? Развѣ вы безчувственны были, когда онъ разсказывалъ о себѣ и о Парижѣ?

Бригадиръ. Я бы хотѣлъ такъ быть на этотъ разъ, матушка; я вижу, что вы теперь шутить изволите: разсказы его пустошь. Онъ хотя и мой сынъ, однако тамъ нечего: гдѣ онъ былъ? въ какихъ походахъ? на которой акціи? А ежели ты охотница слушать и впрямь что-нибудь пріятное, то прикажи мнѣ: я тебѣ въ одинъ мигъ разскажу, какъ мы турковъ наповалъ положили; я не жалѣлъ басурманской крови. И сколь тогда ни нужно было, однако все не такъ опасно, какъ теперь.

Совѣтница. Какъ теперь? Что это такое?

Бригадиръ. Это то, о чемъ я, матушка, съ тобой давно уже поговорить хотѣлъ, да проклятый сынъ мой съ бездѣлками своими мѣшалъ мнѣ всякій разъ, и ежели тебѣ угодно, то я его завтра же за это безъ живота сдѣлаю.

Совѣтница. За что, сударь, хотите вы его такъ изувѣчить?

Бригадиръ. За то, что, можетъ быть, безъ него я давно бы тебѣ сказалъ мой секретъ и взялъ бы отъ тебя отвѣтъ.

Совѣтница. Какой секретъ? Какой отвѣтъ?

Бригадиръ. Я чиновъ не люблю, я хочу одного изъ двухъ: да или нѣтъ.

Совѣтница. Да чего вы хотите? Что вы такъ перемѣнились?

Бригадиръ. О, ежели бы ты знала, какая теперь во мнѣ тревога, когда смотрю я на твои бодрыя очи!

Совѣтница. Что это за тревога?

Бригадиръ. Тревога, которой я гораздо больше опасаюсь, нежели идучи противъ цѣлой непріятельской арміи. Глаза твои мнѣ страшнѣе всѣхъ пуль, ядеръ и картечей. Одинъ первый ихъ выстрѣлъ прострѣлитъ уже на вылетъ мое сердце, и прежде, нежели они меня ухлопаютъ, сдаюся я твоимъ военноплѣннымъ.

Совѣтница. Я, сударь, дискуру твоего вовсе не понимаю, и для того, съ позволенія вашего, я васъ оставляю.

Бригадиръ. Постой, матушка! Я тебѣ вытолкую все гораздо яснѣе. Представь себѣ фортецію, которую хочетъ взять храбрый генералъ: что онъ тогда въ себѣ чувствуетъ? Точно то теперь и я. Я, какъ храбрый полководецъ, а ты моя фортеція, которая какъ ни крѣпка, однако все брешу въ нее сдѣлать можно.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Совѣтникъ и Добролюбовъ.

Совѣтникъ (*къ Добролюбову*). Такъ дѣло твое уже рѣшено?

Добролюбовъ. Рѣшено, сударь.

Бригадиръ. О, чортъ ихъ побери! Который разъ принимаюсь, да не дадутъ кончить!

Совѣтница. Чтожъ вы, сударь?

Бригадиръ. Матушка, это не такое дѣло, о которомъ бы я говорить могъ при вашемъ сожителѣ. (*Выходя*) Я съ досады тресну.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Совѣтникъ, Добролюбовъ, Совѣтница.

Совѣтникъ. Да ты какъ рано о дѣлѣ своемъ свѣдалъ?

Добролюбовъ. Сейчасъ.

Совѣтница. Какъ, вы вашъ процессъ выиграли?

Добролюбовъ. Такъ, сударыня; состояніе мое гораздо поправилось. Я имѣю двѣ тысячи душъ.

Совѣтникъ. Двѣ тысячи душъ! О Создатель мой, Господи! и при твоихъ достоинствахъ! Ахъ, какъ же ты теперь почтенія достоинъ!

Совѣтница. Да не были ли вы притомъ и въ Парижѣ?

Добролюбовъ. Нѣтъ, сударыня.

Совѣтница. Жаль: это одно всѣ мериты помрачить можетъ.

Совѣтникъ. Однако ежели у кого есть двѣ тысячи душъ, то, мнѣ кажется, онѣ всѣ пороки наградить могутъ. Двѣ тысячи душъ и безъ помѣщичьихъ достоинствъ всегда двѣ тысячи душъ, а достоинства безъ нихъ — какія къ чорту достоинства! Однако, про насъ слово: чудно мнѣ, что ты могъ такъ скоро выходить свое дѣло, и, погнавшись за нимъ, не растерялъ и достальное.

Добролюбовъ. Ваша правда. Корыстолюбіе нашихъ лихоимцевъ перешло всѣ предѣлы. Кажется, что нѣтъ такихъ запрещеній, которыя ихъ унять бы могли.

Совѣтникъ. А я такъ всегда говорилъ, что взятки и запрещать невозможно ([8]). Какъ рѣшить дѣло даромъ за одно свое жалованье? Этого мы, какъ родились, и не слыхивали! Это противъ натуры человѣческой... Какъ же ты дошелъ до того, что наконецъ дѣло твое рѣшено стало?

Добролюбовъ. Мы счастливы тѣмъ, что всякій, кто не находитъ въ учрежденныхъ мѣстахъ своего права, можетъ идти наконецъ прямо къ вышнему правосудію. Я принялъ смѣлость къ оному прибѣгнуть и судьи мои принуждены были строгимъ повелѣніемъ рѣшить мое дѣло.

Совѣтникъ. Хорошо, что твое дѣло право, такъ ты могъ идти далѣе; ну, а ежели бы оно было не таково, какъ бы ты далѣе-то съ ними пошелъ?

Добролюбовъ. Я бы не только не пошелъ тогда далѣе, да и не сталъ бы трудить судебное мѣсто.

Совѣтникъ. Такъ хорошее ли это дѣло? А въ мое время всякій и съ правымъ и неправымъ дѣломъ шелъ въ приказъ и могъ, подружась съ судьею, получить милостивую резолюцію. Въ мое время далѣ не совались. У насъ была пословица: «до Бога высоко, до царя далеко».

Совѣтница (*къ Добромобову*). Мнѣ кажется, что вамъ время уже себя этаблировать, время жениться.

Добролюбовъ. Я ни на комъ жениться не хочу, когда вы не соглашаетесь за меня отдать дочь вашу.

Совѣтникъ. Другъ мой сердечный, ты былъ недостаточенъ, да къ тому же и мои обстоятельства не таковы, .

Совѣтница. Я, съ моей стороны, никогда въ вашемъ сватовствѣ не препятствовала.

Добролюбовъ. Однако я уже льститься могу ...

Совѣтникъ. Теперь мнѣ ни того, ни другаго сказать нельзя. Пойдемъ-ка лучше, да выпьемъ по чашкѣ чаю. Послѣ обѣда о дѣлахъ говорить неловко. Я всегда интересныя дѣла рѣшилъ по утрамъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Добролюбовъ, Софья.

Добролюбовъ. Я великую надежду имѣю къ совершенію нашего желанія.

Софья. А я не смѣю еще ласкаться ею. Съ тобою я могу говорить откровенно. Если это правда, что батюшка измѣняетъ моей мачихѣ, то и перемѣна состоянія твоего не можетъ перемѣнить его намѣренія.

Добролюбовъ. Однако я видѣлъ, съ какимъ чувствіемъ услышалъ онъ вѣсть о рѣшеніи дѣла моего въ пользу мою. Я также мыслей своихъ отъ тебя скрывать не могу. Ты знаешь сама, что отецъ твой любитъ богатство; а корыстолюбіе дѣлаетъ изъ человѣка такія же чудеса, какъ и любовь.

Софья. Со всѣмъ тѣмъ корыстолюбіе рѣдко любовь побѣждаетъ. Я не знаю, буду ли я столько счастлива, чтобъ судьба твоя съ моей соединилась; я однако и тѣмъ однимъ уже утѣшаюсь, что твое состояніе поправилось.

Добролюбовъ. Мое состояніе до тѣхъ поръ несчастно будетъ, пока не исполнится мое главнѣйшее желаніе. Ты знаешь, въ чемъ состоитъ оно. Тебѣ извѣстно мое сердце...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Бригадирша.

Добролюбовъ (*видя, что Бригадирша слезы отираетъ*). О чемъ вы плакали, сударыня?

Бригадирша. Я, мой батюшка, не первый разъ на вѣку плачу. Одинъ Господь видитъ, каково мое житье!

Софья. Что такое, сударыня?

Бригадирша. Закажу и другу, и ворогу идти замужъ.

Софья. Какъ, сударыня? Можете ли вы говорить это въ самое то время, когда хотите вы того, чтобъ я женою была вашего сына?

Бригадирша. Тебѣ, матушка, для чего за него нейти? Я сказала такъ про себя.

Добролюбовъ. Нѣтъ, вы про всѣхъ теперь сказать изволили.

Бригадирша. И вѣдомо.

Софья. Какъ же это; то про себя, то про всѣхъ? Скажите, матушка, что-нибудь одно.

Бригадирша. Ты изволь говорить; а мнѣ что?

Добролюбовъ. Что же вамъ угодно?

Бригадирша. Ничего. Я пришла сюда такъ, поплакать въ свою волю.

Софья. Да о чемъ же?

Бригадирша (*плачя*). О томъ, что мнѣ грустно. Теперь Игнатій Андреевичъ напади на меня ни за что, ни про что. Ругалъ, ругалъ, а Господь вѣдаетъ за что. Ужъ я у него стала и свинья, и дура; а вы сами видите, дура ли я?

Добролюбовъ. Конечно видимъ, сударыня.

Софья. Да за что онъ такъ на васъ теперь напалъ?

Бригадирша. Такъ, слово за слово. Онъ же такого крутаго нрава, что упаси Господи; того и смотрю, что рѣзнетъ меня чѣмъ ни попало; разсуди же, моя матушка, вѣдь долго ль до бѣды: раскроитъ черепъ разомъ! Послѣ и спохватится, да не что сдѣлаешь.

Добролюбовъ. Поэтому ваша жизнь всякую минуту въ опасности?

Бригадирша. До лихаго часу долго ли?

Софья. Неужели онъ съ вами столько варварски поступалъ, что вы отъ него уже и терпѣли на это похожее?

Бригадирша. То нѣтъ, моя матушка. Этого еще не бывало, чтобъ онъ убилъ меня до смерти. Нѣтъ, нѣтъ еще!

Добролюбовъ. Объ этомъ, сударыня, васъ никто и не спрашиваетъ.

Софья. Довольно, ежели онъ имѣлъ варварство пользоваться правомъ сильнаго.

Бригадирша. То онъ силенъ, матушка. Однажды, и то безъ сердцовъ, знаешь, въ шутку, потолкнулъ онъ меня въ

грудь, такъ вѣришь ли, мать моя, Господу Богу, что я насилу вздохнула: такъ глазки подъ лобъ и закатились,—не взвидѣла свѣта Божьяго?

Софья. И это было въ шутку!

Бригадирша. Насилу отдохнула; а онъ—мой батюшка—хохочетъ, да тѣшится.

Добролюбовъ. Изрядный смѣхъ!

Бригадирша. Недѣль чрезъ пять, шесть и я тому смѣялась, а тогда, мать моя, чуть-было-чуть Богу души не отдала безъ покаянія.

Добролюбовъ. Да какъ же вы съ нимъ жить можете, когда онъ и въ шутку чуть-было васъ на тотъ свѣтъ не отправилъ?

Бригадирша. Такъ и жить. Вѣдь я, мать моя, не одна замужемъ. Мое житье-то худо-худо, а все не такъ, какъ бывало нашихъ офицершей. Я всего наглядѣлась. У насъ былъ нашего полку первой роты капитанъ, по прозванью Гвоздиловъ; жена у него была такая изрядная, изрядная молодка. Какъ, бывало, онъ разсерчаетъ за что-нибудь, а больше хмѣльной: такъ, вѣришь ли Богу, мать моя, что гвоздитъ онъ, гвоздитъ ее, бывало, въ чемъ душа останется, а ни дай ни вынеси за что. Ну, мы, наше сторона дѣло, а ино напачешься, на нее глядя.

Софья. Пожалуйте, сударыня, перестаньте разсказывать о томъ, что возмущаетъ человѣчество.

Бригадирша. Вотъ, матушка, ты и слушать объ этомъ не хочешь, каково же было терпѣть капитаншѣ?

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Сынъ и Совѣтница.

Совѣтница (*Сыну*). Не угодно ли сыграть партію въ карты?

Сынъ. Съ великой охотою, avec plaisir.

Совѣтница. Такъ велѣть подать карты. Лакей! столъ и карты. (*Къ Добролюбову*) Не изволите ли вы здѣсь партію въ кадриль?

Добролюбовъ. Ежели вамъ угодно. (*Между тѣмъ ставятъ столъ и подаютъ карты*).

Сынъ (*разбираетъ карты и подаетъ каждому по картѣ для мѣстъ. Къ Совѣтницѣ*). Madame! (*Къ Бригадиршѣ*) Madame

Бригадирша. Это на что, Иванушка? Да коли играть, такъ всѣ раздай. Развѣ, мой батюшка, нынѣ по одной карточкѣ играютъ?

Сынъ. Это для мѣстъ.

Бригадирша. И! мнѣ и такъ, по милости хозяйской, мѣсто будетъ.

Сынъ. Матушка, берите же.

Бригадирша. Да что мнѣ! батюшка, въ одной карточкѣ?

Совѣтница. Играете ли вы въ кадриль, сударыня?

Бригадирша. И, мать моя! я и слухомъ не слыхала, что это.

Совѣтница (*къ Софьѣ*). Такъ возьмите вы.

Сынъ. Mademoiselle! (*Подаетъ и всѣ садятся. Между тѣмъ какъ сынъ сдаетъ карты.*)

Бригадирша. А я сяду, матушка, да посмотрю на васъ, какъ вы забавляетесь.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Бригадиръ и Совѣтникъ.

Бригадиръ. Ба! здѣсь и картежъ завели!

Совѣтникъ. А ты не изволишь ли со мною игорку въ шахматы, въ большую?

Бригадиръ. Давай, бери. (*Садятся въ другомъ концѣ. Между тѣмъ, какъ Совѣтникъ съ Бригадиромъ выступаютъ и одинъ другому говоритъ:*) я такъ, (*а тотъ ему:*) а я такъ.

Совѣтница. Въ кёрахъ волю.

Сынъ. Passe (*и всѣ пасуютъ*).

Совѣтница. Они и они.

Бригадирша. Что за околёсница—они и они? кто это они?

Совѣтникъ (*услышавъ ея вопросъ*). Нынѣ, матушка, всѣмъ игоръ и не разберешь, въ которыя люди тѣшиться изволятъ.

Бригадирша. Такъ, мой батюшка, ужъ чего нынѣ не выдумаютъ. Они и они! Куды мудренъ народъ! (*Заглянувъ къ сыну въ карты*). Ахъ, Иванушка, какъ на рукахъ-то у тебя жлудей, жлудей!

Сынъ. Матушка, я брошу карты; je les jette par terre.

Совѣтница. И впрямь, сударыня, вы бы могли это держать только на умѣ... Рекизъ!

Бригадиръ (*вслушавшись въ рѣчь Совѣтницы*). На умѣ Было бы на чемъ!... Шахъ!

Совѣтникъ. Плохо, плохо мнѣ приходитъ.

Бригадиръ. Не шути, сватушка.

Сынъ (*показавъ карты*). Санпрандеръ шесть матедоровъ.

Бригадирша. Что, мой батюшка, что ты сказалъ, мададуры? Вотъ нынче стали играть и въ дуры, а бывало, такъ все въ дураки игрывали.

Совѣтникъ. Такъ, матушка моя, мало ли чего бывало, и чего нѣтъ,—чего не бывало, и что есть.

Бригадирша. Такъ, мой батюшка. Бывала и я въ людяхъ, а нынѣ—что ужъ и говорить—старость пришла, ужъ и памяти нѣтъ.

Бригадиръ. А ума не бывало.

Сынъ (*поетъ французскую пѣсню; Совѣтница пристаетъ къ нему. Къ Совѣтницѣ*). Madame, мы оба беты. Матушка, пропойте-ка вы намъ какой-нибудь эръ.

Бригадирша. Что пропѣть? И, мой батюшка, голосу нѣтъ; духъ занимаетъ.... Да что это у васъ за игра идетъ? Я не разберу, хоть ты меня зарѣжъ. Бывало, какъ мы заведемъ игру, такъ или въ марьяжъ, или въ дураки; а всего веселѣй, бывало, въ хрюшки. Раздадутъ по три карточки; у кого пигусъ, тотъ и вышелъ; а кто останется, такъ дранье такое подымутъ, что животики надорвешь.

Совѣтникъ (*смѣется съ нѣжностію*). Ха, ха, ха! Я самъ игрывалъ, бывало, и, помнится мнѣ, при всякой картѣ разныя забавы.

Довролювовъ. Медіаторъ.

Бригадирша. Такъ, мой батюшка! (*Схватила одну карты и подбѣжала къ Совѣтнику*) Вотъ, бывало, коли кто виноватъ, такъ и скажутъ: съ той стороны не проси вотъ этого, а съ этой этого; а потомъ (*держа въ одной рукѣ карты, однимъ пальцемъ шмыгаетъ. Между тѣмъ Совѣтникъ останавливаетъ игру въ шахматы и смотритъ на нее съ нѣжностію*) тотъ и выглядываетъ карточку; а тамъ до этой карты и пойдетъ за всякую дранье; тамъ розно: краля по щекѣ, холопъ за ухо волокъ.

Бригадиръ. Жена, давай-ко со мною въ хрюшки! (*Встаетъ. Къ Совѣтнику*) Воля твоя, мы эдакъ вѣкъ не кончимъ.

Сынъ. Pardieu! Матушка, куда ты карты дѣвала?

Бригадирша. Здѣсь, Иванушка.

Сынъ (*вскоча*). Il est impossible de jouer. (*Всѣ встаютъ.*)

Бригадирша. Да я вамъ что, мой батюшка, помѣшала? Вѣдь у васъ есть карты, да еще и съ тройками.

Бригадиръ. Слушай, жена: ты куда ни придешь, вездѣ напроказишь.

Бригадирша. Да тебѣ, мой батюшка, чѣмъ я помѣшала? Ты бы зналъ выступалъ своей игрой. Вѣдь я къ нему подошла (*указывая на Совѣтника*), а не къ тебѣ.

Бригадиръ. У кого нѣтъ ума, тотъ, подошедши къ одному, всѣмъ помѣшать можетъ.

Бригадирша. Вотъ такъ; я же виновата стала.

Сынъ. Матушка, да развѣ я виноватъ? (*Указывая на Добролюбова*) ou ce monsieur? (*Указывая на женщинъ*)ou ces dames?

Совѣтникъ. Полно, зятюшка: тебѣ бы и грѣшно было упрекать рождшую.

Совѣтница. А вамъ стыдно, сударь, не въ ваши дѣла вступаться.

Бригадиръ. Я, сватъ, тебя люблю; а съ женою моей пожалуй ты не мири меня. Развѣ ты, сватъ, не вѣдаешь пословицы: «свои собаки грызутся, чужая не приставай».

Сынъ. Такъ, батюшка, всѣ пословицы справедливы, а особливо французскія. Не правда (*къ Добролюбову*), monsieur?

Добролюбовъ. Я знаю много и русскихъ очень справедливыхъ; не правда ли, сударыня (*къ Софьѣ*)?

Софья. Правда.

Сынъ (*къ Софьѣ*). А какія жъ?

Софья. Напримѣръ, сударь: «ври дуракъ что хочешь со вранья пошлинъ не берутъ».

Бригадиръ. Такъ, матушка, ай люблю! Вотъ тебѣ пословица и загадка. А ежели хочешь ты, Иванъ, чтобъ я отгадалъ ее, такъ дуракъ-отъ выйдешь ты.

Сынъ. Par quelle raison?

Совѣтница. По какому резону?

Бригадиръ. По такому, матушка, что онъ вретъ безпошлинно.

Бригадирша. Слава Богу, милость Божія, что на вранье-то пошлинъ нѣтъ. Вѣдь куда бы какое всѣмъ намъ было разореніе!

Бригадиръ. А особливо тебѣ: ты бы часовъ въ пять, шесть пошла по міру.

Совѣтникъ. Не гнѣвайся, матушка, на своего супруга на него сегодня худой стихъ нашелъ.

Бригадирша. И, мой батюшка, мнѣ ль сердиться, когда онъ гнѣвается; мое дѣло убираться теперь далѣ (*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Бригадиръ, Совѣтникъ, Совѣтница, Добролюбовъ, Сынъ, Софья.

Бригадиръ. Дѣло и сдѣлала.

Совѣтница (*къ Софьѣ*). Поди жъ, сударыня, къ своей свекрови. Вѣдь ей не одной сидѣть тамо.

Софья. Иду, сударыня (*отходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Бригадиръ, Совѣтникъ, Совѣтница, Добролюбовъ и Сынъ.

Совѣтникъ. Воля твоя, братецъ! Ты весьма худо поступаешь съ своею супругою.

Бригадиръ. А она весьма худо со мной.

Совѣтница. Чѣмъ же, сударь?

Бригадиръ. Тѣмъ, матушка, что она не къ мѣсту печальна, не къ добру весела; зажилась, грѣха много, не кстати.

Совѣтникъ. Какъ не кстати? Что жъ ты и заправду, сватушка? Дай Богъ ей многолѣтное здоровье и долгіе вѣки. Съ умомъ ли ты! кому ты желаешь смерти?

Сынъ. Желать смерти никому не надобно, mon cher père, ниже собакѣ, не только моей матушкѣ.

Бригадиръ. Иванъ, не учи ты меня. Я хотя это и молвилъ, однако все больше ей хочу добра, нежели ты намъ обоимъ.

Сынъ. Я васъ не учу, а говорю правду.

Бригадиръ. Говори ее тогда, когда спрашиваютъ.

Совѣтница. Для чего же вы говорите ему тогда, когда онъ васъ не спрашиваетъ.

Бригадиръ. Для того, матушка, что онъ мой сынъ; каково же мнѣ будетъ, когда люди станутъ говорить, что у такого-то бригадира, человѣка заслуженнаго, есть сынъ негодница?

Сынъ. Батюшка, я негодница; je vous demande pardon; я такой сынъ, по которомъ свѣтъ узнаетъ васъ больше, нежели по вашемъ бригадирствѣ! Вы, monsieur, (*къ Добролюбову*) конечно сами знаете много дѣтей, которыя дѣлаютъ честь своимъ отцамъ.

Добролюбовъ. А еще больше такихъ, которыя имъ дѣлаютъ безчестье. Правда и то, что всему причиной воспитаніе.

Бригадиръ. Такъ, государь мой, это правда. Дура мать его, а моя жена, причиною тому, что онъ сдѣлался повѣсою, и тѣмъ хуже, что сдѣлался онъ повѣсою французскою. Худы русскіе, а французскіе еще гаже.

Совѣтникъ. Э! Господа-Бога не боишься ты, сватушка; за что ругаешь ты такъ свою супругу, которая можетъ назваться вмѣстилищемъ человѣческихъ добродѣтелей?

Бригадиръ. Какихъ?

Совѣтникъ. Она смирна яко агнецъ, трудолюбива яко пчела, прекрасна яко райская птица (*вздыхая*) и вѣрна яко горлица.

Бригадиръ. Развѣ умна какъ корова, прекрасна какъ бы кто... какъ сова.

Совѣтникъ. Какъ дерзаешь ты примѣнить свою супругу къ ночной птицѣ?

Бригадиръ. Денную дуру къ ночной птицѣ примѣнить, кажется, можно.

Совѣтникъ (*вздыхая*). Однако она все тебѣ вѣрна пребываетъ.

Совѣтница. Въ самомъ дѣлѣ, много въ ней добродѣтели, если она васъ любитъ.

Бригадиръ. Да кого же ей любить то, ежели не меня? Мнѣ дурно самому хвастать; а право я, кажется, благодаря Бога, заслужилъ мой чинъ вѣрой и правдой, то-есть она по мнѣ стала бригадиршей, а не я по женѣ бригадиръ; это въ нынѣшнемъ свѣтѣ примѣтить надобно. Такъ какъ же ей другаго-то и полюбить можно? А кабы я не таковъ былъ, тогда посмотрѣлъ бы ея добродѣтель; а особливо когда бы поискалъ въ ней кто-нибудь также изъ нашей братьи первыхъ пяти классовъ.

Совѣтникъ. Нѣтъ, братецъ, не говори того: супруга твоя во истинну не такова. Да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ; а хотя бы достойный и предостойный человѣкъ поискалъ въ ней, право бы ничего не нашелъ. Вѣдь это, мой другъ, не городъ,—штурмомъ не возьмешь.

Бригадиръ. Ты говоришь это, а я знаю, каковъ я.

Сынъ. Что жъ вы, батюшка? Ха, ха, ха, ха! неужели вы думаете сердце взять штурмомъ?

Бригадиръ. Иванъ! мнѣ кажется, нѣтъ ли теперь штурма въ твоей головушкѣ? Не можно ли потише?

Совѣтница. Вы сами шумѣть больше всѣхъ любите. Я не знаю, для чего вы хотите, чтобъ сынъ вашъ не говорилъ того, что онъ думаетъ? Вы ужасть какъ бизарны! (*Къ Сыну и Добромюбову*) Messieurs! я хочу оставить ихъ продолжать важные ихъ дискуры и васъ прошу сдѣлать то же.

Сынъ. Я иду за вами. Adieu, messieurs!

Добролюбовъ. Я волѣ вашей повинуюсь.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Бригадиръ и Совѣтникъ.

Совѣтникъ. И жена моя уже примѣтила, что ты на свою супругу нападаешь.

Бригадиръ. Нѣтъ; а я примѣтилъ, что она слишкомъ горячо вступается за моего сына.

Совѣтникъ. Я того не примѣчаю.

Бригадиръ. Тѣмъ хуже.

Совѣтникъ. А что же?

Бригадиръ. Ничего, сватъ; однако я моей женѣ не совѣтовалъ бы за чужаго дѣтину такъ при мнѣ вступаться.

Совѣтникъ. Ты думаешь, братецъ, что и я спустилъ бы женѣ моей, ежели бъ усмотрѣлъ я что-нибудь у нея благое на умѣ... Слава Богу, у меня глаза-то есть: я не изъ тѣхъ мужей, которые смотрятъ, да не видятъ.

Бригадиръ. Я, съ моей стороны, спокоенъ: жена моя другаго не полюбитъ.

Совѣтникъ. Цѣломудріе ея извѣстно тому, кто, по несчастію, ослѣпленъ ея прелестьми.

Бригадиръ. Однако такого дурака нѣтъ на свѣтѣ, которому бы вспало на мысль за нею волочиться.

Совѣтникъ. Да за что же ты бранишься?

Бригадиръ. Кого? Нѣтъ, братецъ. Я говорю, что эдакого скота не родилось, который бы вздумалъ искать въ моей женѣ...

Совѣтникъ. Да за что же ты бранишься?

Бригадиръ. Будто я бранюсь, когда я говорю, что надобно быть великому скареду, ежели прельстится моею женою?

Совѣтникъ. Будто ты и не бранишься? (*Съ сердцемъ*) Почему же тотъ дуракъ, который бы плѣнился Акулиной Тимоѳеевной?

Бригадиръ. Потому что она дура.

Совѣтникъ. А она такъ разумна, что всѣ ея слова напечатать можно.

Бригадиръ. Для чего не напечатать! Я слыхалъ, сватъ, что въ нынѣшнихъ печатныхъ книгахъ врутъ не умнѣе жены моей (9).

Совѣтникъ. Возможно ли тому статься, чтобъ въ книгахъ врали? Да вѣдаешь ли ты, братецъ, что печатному-то надлежитъ вѣрить всѣмъ намъ православнымъ? Видно, вѣра-то у васъ попатнулась (10); еретиковъ стало больше.

Бригадиръ. А мнѣ кажется, что много печатнаго вздору у насъ не отъ того, чтобъ больше стало еретиковъ, а развѣ отъ того, что больше стало дураковъ. Вѣдь я, говоря о женѣ моей, не говорю того, чтобъ она всѣхъ была глупѣе.

Совѣтникъ. А я говорю о твоей супругѣ и всегда скажу, что нѣтъ ея разумнѣе.

Бригадиръ. Хотя бы мнѣ съ досады треснуть случилось, однако не отопрусь, что твоя хозяйка весьма разумна.

Совѣтникъ. Всякому, братецъ, въ чужой рукѣ ломоть больше кажется. Я въ своей женѣ много вижу, чего ты не видишь.

Бригадиръ. Положимъ, что это правда; однако и то не ложь, что и я въ супругѣ твоей также многое теперь вижу, чего ты не видишь.

Совѣтникъ. А что бы такое?

Бригадиръ. То, что ты, можетъ быть, увидишь, да поздно.

Совѣтникъ. Я знаю, братецъ, къ чему ты пригибаешь! Ты думаешь, что я мало смотрю за моей женою; однако для счастья мужей дай, Господи-Боже, чтобъ всѣ жены таковы цѣломудренны были, какъ моя.

Бригадиръ. Женщины обыкновенно бываютъ цѣломудренны съ людьми заслуженными, а съ новѣсами рѣдко.

Совѣтникъ. Мудрено, братецъ Игнатій Андреевичъ, меня обмануть.

Бригадиръ. А всего мудренѣе, ежели я въ этомъ обманываюсь.

Совѣтникъ. Мы оба, кажется, не таковы, чтобъ наши жены могли отъ насъ полюбить чужаго мужика. Я съ первою женою жилъ лѣтъ съ пятнадцать и могу, благодаря Бога, сказать, что она такъ же жила, какъ и эта. Я въ женахъ не безсчастенъ.

Бригадиръ. Разумѣю.

Совѣтникъ. Жена, какая бы ни была, да только ежели у добраго мужа, то ей и на умъ не вспадетъ полюбить другаго.

Бригадиръ. Не говори, братецъ. Со мною служилъ въ одномъ полку секундъ-маіоромъ—до имени нужды нѣтъ—мужикъ не дуракъ и на взглядъ дѣтина добръ. Ростомъ чуть не вдвое меня выше...

Совѣтникъ. Этому статься нельзя, братецъ...

Бригадиръ. Однако я не лгу. Въ мое время, когда я еще былъ помоложе, народъ былъ гораздо крупнѣе.

Совѣтникъ. Только все не такъ крупенъ, ты какъ сказываешь. Правда, что и въ нашей коллегіи былъ канцелярисгъ одинъ, чуть не впятеро меня толще...

Бригадиръ. Этому статься нельзя, братецъ...

Совѣтникъ. Конечно такъ. Когда я былъ въ коллегіи, тогда отъ президента до сторожа, всѣ были люди дородные (12).

Бригадиръ. Ты, братецъ, перебилъ только рѣчь мою. Да о чемъ бишь я тебѣ хотѣлъ сказывать?

Совѣтникъ. Право, не знаю.

Бригадиръ. И я не вѣдаю... о чемъ бишь... да, о секундъ-маіорѣ. Онъ былъ мужикъ предорогой; цѣлый полкъ зналъ, что жена его любила нашего полковника, подполковника, преміеръ-маіора, или, лучше сказать, всѣ вѣдали, что изъ нашихъ штабъ и оберъ-офицеровъ не любила она одного его; а онъ, собачій сынъ, и мыслить не хотѣлъ, чтобъ она кромѣ его кого-нибудь полюбить могла.

Совѣтникъ. Что жъ мы такъ долго одни заговорились?

Бригадиръ. О дѣлѣ я говорить нескучливъ; однако пойдемъ туда, гдѣ всѣ. (*Выходя*) Впрямь, ежели не переставать разсказывать о томъ, какъ люди ошибаются, то мы не сойдемъ съ мѣста и до скончанія нашей жизни.

Совѣтникъ. Пойдемъ же, пойдемъ.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Бригадирша и Сынъ.

Бригадирша. Не упрямься, Иванушка. Для чего тебѣ не жениться?

Сынъ. Матушка! довольно видѣть васъ съ батюшкою, чтобъ получить совершенную аверсію къ женитьбѣ.

Бригадирша. А что жъ бы такое, другъ мой? развѣ мы спустя рукава живемъ? То правда, что деньжонокъ у васъ немного: однакожъ онѣ не переводятся.

Сынъ. Мало иль ничего, c' est la même chose, для меня все-равно.

Бригадирша. Какъ все-равно, батюшка! Случится иногда и въ десяти копейкахъ нужда, такъ и тѣхъ изъ земли не выроешь. Ужъ куда, право, нонѣ вы прихотливы стали! У васъ вотъ и десять копеекъ за помѣтъ; а того и не помнишь, что гривною въ день можно быть сыту.

Сынъ. Матушка, я хочу быть лучше голоденъ, нежели сытъ за гривну.

Бригадирша. Куда больно, Иванушка! не покорми-ка тебя сегодня, не покорми-тко завтра, такъ ты небось и нашимъ сухарямъ радъ будешь.

Сынъ. Въ случаѣ голода, осмѣливаюсь думать, что и природный французъ унизилъ бы себя кушать наши сухари... Матушка, когда вы говорите о чемъ-нибудь русскомъ, тогда желалъ бы я отъ васъ быть на сто миль французскихъ, а особливо когда дѣло идетъ до моей женитьбы.

Бригадирша. Какъ же, Иванушка? Вѣдь мы ужъ на словѣ положили.

Сынъ. Да я нѣтъ.

Бригадирша. Да что намъ до этого? Наше дѣло сыскать тебѣ невѣсту, а твое дѣло жениться. Ты ужъ не въ свое дѣло и не вступайся.

Сынъ. Какъ, ma mère, я женюсь, и мнѣ нужды нѣтъ до выбора невѣсты?

Бригадирша. И вѣдомо. А какъ отецъ твой женился? А какъ я за него вышла? Мы другъ о другѣ и слухомъ не слыхали. Я съ нимъ до свадьбы отъ роду слова не

говорила, и начала уже мало по малу кое-какъ заговаривать съ нимъ недѣли двѣ спустя послѣ свадьбы.

Сынъ. За то послѣ слишкомъ вы другъ съ другомъ говорили.

Бригадирша. Дай-то Господи, чтобъ и тебѣ такъ же удалось жить, какъ намъ.

Сынъ. Dieu m'en préserve!

Бригадирша. Буди съ вами милость Божія и мое благословеніе.

Сынъ. Très obligé.

Бригадирша. Или я глуха стала, или ты нѣмъ.

Сынъ. Ni l'un, ni l'autre.

Бригадирша. Что это мнѣ съ тобою будетъ, Иванушка? Да по-каковски ты со мною говорить можешь?

Сынъ. Виноватъ; я и забылъ, что мнѣ надобно говорить съ вами по-русски.

Бригадирша. Иванушка, другъ мой, или ты выучи меня по французскому, или самъ разучись. Я вижу, что мнѣ никакъ нельзя ни слушать тебя, ни самой говорить (*отходитъ*).

Сынъ. Какъ изволишь.

ЯВЛЕНІЕ II.

Сынъ и Совѣтница.

Совѣтница. Знаешь ли что, душа моя? Мнѣ кажется, будто твой отецъ очень ревнуетъ; намъ какъ возможно стараться надобно скрывать любовь нашу.

Сынъ. Madame, возможно ли скрыть пожаръ, и такой сильный, car je brûle—moi,

Совѣтница. Я боюсь того, чтобъ свѣдавъ о нашемъ пламени, твой отецъ и дуракъ мужъ мой не пришли его тушить.

Сынъ. Такъ, vous avez raison: это такіе люди, которые не въ свои дѣла вступаться любятъ.

Совѣтница. А особливо мужъ мой. Ему ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ быть замѣшану mal à propos въ такое дѣло, которое до него не принадлежитъ, и чѣмъ меньше ему нужды до нашего пламени, тѣмъ больше онъ въ томъ интересоваться будетъ.

Сынъ. Vous avez raison. И какая бы ему тутъ была нужда?

Совѣтница. Вотъ какая: онъ говоритъ, жизнь моя, что будто мужъ и жена составляютъ одного человѣка.

Сынъ. Тѣмъ лучше: par conséquent! ежели тебѣ пріятно любить меня, такъ и ему должно то быть пріятно, что ты меня любишь.

Совѣтница. Конечно, онъ самъ себѣ контрадируетъ.

Сынъ. Madame, ты не была въ Парижѣ, а знаешь всѣ французскія слова. (*Садятся оба*). Avouez, (*съ веселымъ видомъ*) не имѣла ли ты коннесансу съ какимъ французомъ?

Совѣтница (*застыдясь*). Нѣтъ, душа моя. Мнѣ нельзя было ни съ кѣмъ, живучи въ Москвѣ, познакомиться.

Сынъ. Et pourquoi? Тамъ развѣ мало французовъ?

Совѣтница. Я никого не знала, (*съ презрѣніемъ*) кромѣ учителей.

Сынъ. Да знаешь ли ты, каковы наши французскіе учители? Даромъ что большая изъ нихъ половина грамотѣ не знаетъ, однако для воспитанія они предорогіе люди: вѣдаешь ли ты, что я,—я, котораго ты видишь,—я до отъѣзда моего въ Парижъ былъ здѣсь на пансіонѣ у французскаго кучера.

Совѣтница. Ежели это правда, душа моя, je vous demande pardon. Съ сего часа буду я въ сердцѣ моемъ сохранять истинное почтеніе къ французскимъ кучерамъ.

Сынъ. Я совѣтую. Я одному изъ нихъ долженъ за любовь мою къ французамъ и за холодность мою къ русскимъ. Молодой человѣкъ подобенъ воску. Ежели бъ malheureusement я попался къ русскому, который бы любилъ свою націю, я, можетъ быть, и не былъ бы таковъ.

Совѣтница. Счастье твое и мое, душа моя, что ты попался къ французскому кучеру.

Сынъ. Однако оставимъ кучера и поговоримъ объ отцѣ моемъ и о твоемъ мужѣ.

Совѣтница. Возможно ли, душа моя, съ такой высокой матеріи перейти вдругъ въ такую низкую.

Сынъ. Для разумныхъ людей нѣтъ невозможнаго.

Совѣтница. Говори же.

Сынъ. Намъ надобно взять свои мѣры; prendre nos mesures. (*Входитъ съ одного конца Бригадиръ, съ другаго Совѣтникъ; а они, не видя ихъ, продолжаютъ.*)

Совѣтница. Я, любя тебя, на все соглашаюсь.

Сынъ. На все! (*Кидается на колѣни*) Idole de mon âme!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Бригадиръ и Совѣтникъ.

Бригадиръ. Ба! это что? На яву или во снѣ?

Совѣтникъ. Съ нами Богъ! Ужъ не обмороченъ ли я?

Сынъ (*вскоча и оторопѣвъ*). Serviteur très humble.

Бригадиръ. Теперь я съ тобой, Иванъ, по-русски поговорить хочу.

Совѣтница (*къ Совѣтнику*). Ты, мой батюшка, внѣ себя. Что тебѣ сдѣлалось?

Совѣтникъ (*съ яростію*). Что мнѣ сдѣлалось, проклятая! А развѣ не ты, говоря съ этой повѣсою, на все соглашалась?

Сынъ. Да вы за что̀ меня браните! Пусть изволитъ меня бранить батюшка.

Бригадиръ. Нѣтъ, другъ мой. Я тебя поколотить сбираюсь.

Совѣтница. Какъ! вы его за то бить хотите, что онъ изъ политесу сталъ передо мною на колѣни?

Бригадиръ. Такъ, моя матушка. Видѣлъ я, видѣлъ. Поздравляю тебя, братецъ, перемѣнивъ зятя на свояка.

Совѣтникъ. О, Создатель мой, Господи! Приходило ль на мое помышленіе видѣть такое богомерзкое дѣло!

Бригадиръ. Я, братецъ, тебѣ, помнишь, говорилъ: береги жену, не давай ей воли; вотъ что и вышло! Мы съ тобою породнились, да не съ той стороны. Ты обиженъ, дочь твоя тоже (*въ сторону*), да и я не меньше.

Сынъ (*къ Совѣтнику*). Не все ли равно, monsieur: вы хотите имѣть меня своимъ свойственникомъ: я охотно...

Совѣтникъ. О, злодѣйка! ты лишила меня чести—моего послѣдняго сокровища.

Бригадиръ (*осердясь*). Ежели у тебя, сватъ, только сокровища и осталось, то не слишкомъ же ты богатъ: не за чѣмъ и гнаться.

Совѣтникъ. Разсуди жъ ты самъ, разумный человѣкъ, и это малое сокровище ввѣрилъ я вотъ въ какія руки (*указывая на жену свою*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Бригадирша, Софья, Добролюбовъ.

Бригадирша. Сокровище! что за сокровище? Никакъ вы кладъ нашли! Дай-то Господи.

Бригадиръ. Кладъ не кладъ, а кой-что нашли, чего и не чаяли.

Бригадирша. Что такое?

Бригадиръ (*указывая на Совѣтника*). Вотъ онъ въ прибыляхъ.

Совѣтникъ (*Бригадиршѣ*). Проклятая жена моя, не убоялся Бога, не устыдясь добрыхъ людей, полюбила сына твоего, а моего нареченнаго зятя!

Бригадирша. Ха, ха, ха! какая околесница, мой батюшка! У Иванушки есть невѣста, такъ какъ ему полюбить ее? Это не водится.

Сынъ. Конечно, не водится; да хотя бы и водилось, то за такую бездѣлицу, pour une bagatelle, честнымъ людямъ сердиться невозможно. Между людьми, знающими свѣтъ, этому смѣются.

Бригадиръ. Кабы кто-нибудь за моей старухой имѣлъ дурачество поволочиться, я бы не сталъ отъ него ждать дальнихъ разговоровъ: отсочилъ бы я ему бока, гдѣ ни встрѣтился.

Совѣтникъ. Нѣтъ, государь мой; я знаю, что съ сыномъ вашимъ дѣлать. Онъ меня обезчестилъ; а сколько мнѣ безчестья положено по указамъ, объ этотъ я вѣдаю.

Бригадирша. Какъ! намъ платить безчестье! Напомни Бога, за что?

Совѣтникъ. За то, моя матушка, что мнѣ всего дороже честь... Я всѣ денежки, опредѣленныя мнѣ по чину, возьму съ него и не уступлю ни полушки.

Бригадиръ. Слушай, братъ: коли впрямъ дойдетъ дѣло до платежа, то сыну моему должно будетъ платить одну половину, а другую пусть заплатитъ тебѣ жена твоя. Вѣдь они обезчестили тебя за одно.

Бригадирша. И вѣдомо, грѣхъ пополамъ.

Совѣтница (*къ мужу*). Развѣ вы не хотите имѣть его своимъ зятемъ?

Совѣтникъ. Загради уста свои, проклятая!

Софья. Батюшка! послѣ такого поступка, который сдѣлалъ мой женихъ, позвольте мнѣ увѣрить васъ, что я въ жизнь мою за него не выйду.

Совѣтникъ. Я на это согласенъ.

Добролюбовъ (*Софьѣ*). Надежда мнѣ льститъ отъ часу болѣе.

Бригадиръ. И я не хочу того, чтобъ сынъ мой имѣлъ

Совѣтница. Я желаю вамъ счастливой фортуны, а я до смерти страдать осуждена: вотъ мой тартаръ.

Совѣтникъ (*къ партеру*). Говорятъ, что съ совѣстью жить худо: а я самъ теперь узналъ, что жить безъ совѣсти всего на свѣтѣ хуже.

НЕДОРОСЛЬ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ (12).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Простаковъ.
Г-жа Простакова, жена его.
Митрофанъ, сынъ ихъ, недоросль.
Еремѣевна, мама Митрофанова
Правдинъ.
Стародумъ.
Софья, племянница Стародума.
Милонъ.
Г. Скотининъ, братъ г-жи Простаковой.
Кутейкинъ, семинаристъ.
Цыфиркинъ, отставной сержантъ.
Вральманъ, учитель.
Тришка, портной.
Слуга Простакова.
Камердинеръ Стародума.

Дѣйствіе въ деревнѣ Простаковыхъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Г-жа Простакова, Митрофанъ, Еремѣевна.

Г-жа Простакова (*осматривая кафтанъ на Митрофанѣ*). Кафтанъ весь испорченъ. Еремѣевна, введи сюда мошенника Тришку. (*Еремѣевна отходитъ*). Онъ, воръ, вездѣ его объузилъ. Митрофанушка, другъ мой, я чаю тебя жметъ до смерти. Позови сюда отца. (*Митрофанъ отходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Г-жа Простакова, Еремѣевна, Тришка.

Г-жа Простакова (*Тришкѣ*). А ты, скотъ, подойди поближе.—Не говорила ль я тебѣ, воровская харя, чтобъ ты кафтанъ пустилъ шире. Дитя, первое, растетъ; другое, дитя и безъ узкаго кафтана деликатнаго сложенія. Скажи, болванъ, чѣмъ ты оправдаешься?

Тришка. Да вѣдь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вамъ докладывалъ: ну да извольте отдавать портному.

Г-жа Простакова. Такъ развѣ необходимо надобно быть портнымъ, чтобъ умѣть сшить кафтанъ хорошенько. Экое скотское разсужденіе!

Тришка. Да вѣдь портной-то учился, сударыня, а я нѣтъ.

Г-жа Простакова. Еще онъ же и споритъ! Портной учился у другаго, другой у третьяго; да первоетъ портной у кого учился? Говори, скотъ.

Тришка. Да первоетъ портной, можетъ быть, шилъ хуже и моего

Митрофанъ (*вбѣгаетъ*). Звалъ батюшку. Изволилъ сказать: тотчасъ.

Г-жа Простакова. Такъ поди же вытащи его, коли добромъ не дозовешься.

Митрофанъ. Да вотъ и батюшка.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Простаковъ.

Г-жа Простакова. Что, что ты отъ меня прятаться изволишь? Вотъ, сударь, до чего я дожила съ твоимъ потворствомъ! Какова сыну обновка къ дядину сговору? Каковъ кафтанецъ Тришка сшить изволилъ?

Простаковъ (*отъ робости запинаясь*). Мѣ... мѣшковатъ немного.

Г-жа Простакова. Самъ ты мѣшковатъ, умная голова.

Простаковъ. Да я думалъ, матушка, что тебѣ такъ кажется.

Г-жа Простакова. А ты самъ развѣ ослѣпъ?

Простаковъ. При твоихъ глазахъ мои ничего не видятъ.

Г-жа Простакова. Вотъ какимъ муженькомъ наградилъ меня Господь: не смыслитъ самъ разобрать, что̀ широко, что̀ узко.

Простаковъ. Въ этомъ я тебѣ, матушка, и вѣрилъ и вѣрю.

Г-жа Простакова. Такъ вѣрь же и тому, что я холопямъ потакать не намѣрена. Поди, сударь, и теперь же накажи...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Скотининъ.

Скотининъ. Кого? за что̀? Въ день моего сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказаніе до завтраго; а завтра, коль изволишь, я и самъ охотно помогу. Не будь я Тарасъ Скотининъ, если у меня не всякая вина виновата. У меня въ этомъ, сестрица, одинъ обычай съ тобою. Да за что̀ жъ ты такъ прогнѣвалась?

Г-жа Простакова. Да вотъ, братецъ, на твои глаза

шепнись. Митрофанушка, подойди сюда. Мѣшковатъ ли этотъ кафтанъ?

Скотининъ. Нѣтъ.

Простаковъ. Да я и самъ уже вижу, матушка, что онъ узокъ.

Скотининъ. Я и этого не вижу. Кафтанецъ, братъ, сшитъ изряднехонько.

Г-жа Простакова (*Тришкѣ*). Выйди вонъ, скотъ. (*Еремѣевнѣ*) Поди жъ, Еремѣевна, дай позавтракать ребенку. Вѣдь, я чаю, скоро и учители прійдутъ.

Еремѣевна. Онъ уже и такъ, матушка, пять булочекъ скушать изволилъ.

Г-жа Простакова. Такъ тебѣ жаль шестой, бестія? Вотъ какое усердіе! Изволь смотрѣть.

Еремѣевна. Да во здравіе, матушка. Я, вѣдь, сказала это для Митрофана же Терентьевича. Протосковалъ до самаго утра.

Г-жа Простакова. Ахъ, Мати Божія! что съ тобою сдѣлалось, Митрофанушка?

Митрофанъ. Такъ, матушка. Вчера послѣ ужина схватило.

Скотининъ. Да видно, братъ, поужиналъ плотно.

Митрофанъ. А я, дядюшка, почти и вовсе не ужиналъ.

Простаковъ. Помнится, другъ мой, ты что-то скушать изволилъ.

Митрофанъ. Да что? солонины ломтика три, да подовыхъ, не помню пять, не помню шесть.

Еремѣевна. Ночью то и дѣло испить просилъ. Квасу цѣлый кувшинецъ выкушать изволилъ.

Митрофанъ. И теперь какъ шальной хожу. Ночь всю такая дрянь въ глаза лѣзла.

Г-жа Простакова. Какая жъ дрянь, Митрофанушка?

Митрофанъ. Да то ты, матушка, то батюшка.

Г-жа Простакова. Какъ же это?

Митрофанъ. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

Простаковъ (*въ сторону*). Ну! бѣда моя! сонъ въ руку!

Митрофанъ (*разнѣжась*). Такъ мнѣ и жаль стало.

Г-жа Простакова (*съ досадою*). Кого, Митрофанушка?

Митрофанъ. Тебя, матушка: ты такъ устала, колотя батюшку.

Г-жа Простакова. Обойми меня, другъ мой сердечный! Вотъ сынокъ—одно мое утѣшеніе.

Скотининъ. Ну, Митрофанушка! ты, я вижу, матушкинъ сынокъ, а не батюшкинъ.

Простаковъ. По крайней мѣрѣ я люблю его, какъ надлежитъ родителю; то-то умное дитя, то-то разумное, забавникъ, затѣйникъ! Иногда я отъ него внѣ себя, отъ радости самъ истинно не вѣрю, что онъ мой сынъ.

Скотининъ. Только теперь забавникъ нашъ стоитъ что-то нахмурясь.

Г-жа Простакова. Ужъ не послать ли за докторомъ въ городъ?

Митрофанъ. Нѣтъ, нѣтъ, матушка. Я ужъ лучше самъ выздоровлю. Побѣгу-тка теперь на голубятню, такъ авось либо...

Г-жа Простакова. Такъ авось либо Господь милостивъ. Поди порѣзвись, Митрофанушка. (*Митрофанъ съ Еремѣевною отходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Г-жа Простакова, Простаковъ, Скотининъ.

Скотининъ. Что жъ я не вижу моей невѣсты? Гдѣ она? Ввечеру быть уже сговору: такъ не пора ли ей сказать, что выдаютъ ее замужъ.

Г-жа Простакова. Успѣемъ, братецъ. Если ей это сказать прежде времени, то она можетъ еще подумать, что мы ее докладываемся. Хотя по мужѣ, однако я ей свойственница; а я люблю, чтобъ и чужіе меня слушали.

Простаковъ (*Скотинину*). Правду сказать, мы поступили съ Софьюшкой какъ съ сущею сироткой. Послѣ отца осталась она младенцемъ. Тому съ полгода, какъ ея матушкѣ, а моей сватьюшкѣ, сдѣлался ударъ...

Г-жа Простакова (*показываетъ будто креститъ сердце*). Съ нами сила крестная!

Простаковъ. Отъ котораго она и на тотъ свѣтъ пошла. Дядюшка ея, г. Стародумъ, поѣхалъ въ Сибирь; а какъ нѣсколько уже лѣтъ не было о немъ ни слуху, ни вѣсти, то мы и считаемъ его покойникомъ. Мы, видя, что она осталась одна, взяли ее въ нашу деревеньку и надзираемъ надъ ея имѣніемъ, какъ надъ своимъ.

Г-жа Простакова. Что, что ты сегодня такъ разоврался, мой батюшка? Еще братецъ можетъ подумать, что мы для читересу ее къ себѣ взяли.

Простаковъ. Ну какъ, матушка, ему это подумать? Вѣдь

Софьюшкино недвижимое имѣніе намъ къ себѣ придвинуть не можно.

Скотининъ. А движимое хотя и выдвинуто, я не челобитчикъ. Хлопотать я не люблю, да и боюсь. Сколько меня сосѣди ни обижали, сколько убытку ни дѣлали, я ни на кого не билъ челомъ; а всякій убытокъ, чѣмъ за нимъ ходить, сдеру съ своихъ же крестьянъ,—такъ и концы въ воду (13).

Простаковъ. То правда, братецъ: весь околотокъ говоритъ, что ты мастерски оброкъ собираешь.

Г-жа Простакова. Хоть бы ты насъ поучилъ, братецъ батюшка; а мы никакъ не умѣемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ все, что у крестьянъ ни было, мы отобрали: ничего уже содрать не можемъ. Такая бѣда!

Скотининъ. Изволь, сестрица, поучу васъ, поучу, лишь жените меня на Софьюшкѣ.

Г-жа Простакова. Неужели тебѣ эта дѣвчонка такъ понравилась?

Скотининъ. Нѣтъ, мнѣ нравится не дѣвчонка.

Простаковъ. Такъ по сосѣдству ея деревеньки?

Скотининъ. И не деревеньки; а то, что въ деревенькахъ-то ея водится, и до чего моя смертная охота.

Г-жа Простакова. До чего, братецъ?

Скотининъ. Люблю свиней, сестрица: а у насъ въ околоткѣ такія крупныя свиньи, что нѣтъ изъ нихъ ни одной, котора, ставъ на задни ноги, не была бы выше каждаго изъ насъ цѣлой головою.

Простаковъ. Странное дѣло, братецъ, какъ родня на родню походить можетъ! Митрофанушка нашъ весь въ дядю—и онъ до свиней съизмала такой же охотникъ, какъ и ты. Какъ былъ еще трехъ лѣтъ, такъ, бывало, увидя свинку, задрожитъ съ радости.

Скотининъ. Это подлинно диковинка! Ну пусть, братецъ, Митрофанъ любитъ свиней для того, что онъ мой племянникъ. Тутъ есть какое-нибудь сходство: да отъ чего же я къ свиньямъ такъ сильно пристрастился?

Простаковъ. И тутъ есть же какое-нибудь сходство. Я такъ разсуждаю.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Софья.

(*Софья вошла, держа письмо въ рукѣ и имѣя веселый видъ*).

Г-жа Простакова (*Софьѣ*). Что такъ весела, матушка? Чему обрадовалась?

Софья. Я получила сейчасъ радостное извѣстіе. Дядюшка, о которомъ столь долго мы ничего не знали, котораго я люблю и почитаю какъ отца моего, на сихъ дняхъ въ Москву пріѣхалъ. Вотъ письмо, которое я отъ него теперь получила.

Г-жа Простакова (*испуставшись, съ злобою*). Какъ, Стародумъ, твой дядюшка, живъ? И ты изволишь затѣвать, что онъ воскресъ! Вотъ изрядный вымыселъ!

Софья. Да онъ никогда не умиралъ.

Г-жа Простакова. Не умиралъ! А развѣ ему и умереть нельзя? Нѣтъ, сударыня, это твои вымыслы, чтобъ дядюшкою своимъ насъ застращать, чтобъ мы дали тебѣ волю. Дядюшка-де человѣкъ умный; онъ, увидя меня въ чужихъ рукахъ, найдетъ способъ меня выручить. Вотъ чему ты рада, сударыня; однако пожалуй, не очень веселись; дядюшка твой, конечно, не воскресалъ.

Скотининъ. Сестра! ну да коли не умиралъ?

Простаковъ. Избави Боже, коли онъ не умиралъ.

Г-жа Простакова (*къ мужу*). Какъ не умиралъ? Что ты бабушку путаешь? Развѣ ты не знаешь, что ужъ нѣсколько лѣтъ отъ меня его и въ памятцахъ за упокой поминали? Неужто-таки и грѣшныя-то мои молитвы не доходили? (*Къ Софьѣ*) Письмецо-то мнѣ пожалуй (*почти вырываетъ*). Я объ закладъ бьюсь, что оно какое-нибудь амурное, и догадываюсь отъ кого. Это отъ того офицера, который искалъ на тебѣ жениться и за котораго ты сама идти хотѣла. Да которая бестія безъ моего спросу отдаетъ тебѣ письма? Я доберусь. Вотъ до чего дожили: къ дѣвушкамъ письма пишутъ! Дѣвушки грамотѣ умѣютъ!

Софья. Прочтите его сами, сударыня: вы увидите, что ничего невиннѣе быть не можетъ.

Г-жа Простакова. Прочтите его сами! Нѣтъ, сударыня! я, благодаря Бога, не такъ воспитана. Я могу письма получать, а читать ихъ всегда велю другому. (*Къ мужу*) Читай.

Простаковъ (*долго смотря*). Мудрено.

Г-жа Простакова. И тебя, мой батюшка, видно воспитывали какъ красную дѣвицу. Братецъ, прочти, потрудись.

Скотининъ. Я? Я и отъ роду ничего не читывалъ, сестрица! Богъ меня избавилъ этой скуки.

Софья. Позвольте мнѣ прочесть.

Г-жа Простакова. О, матушка, знаю, что ты мастерица, да лихъ не очень тебѣ вѣрю. Вотъ, я чаю, учитель Митрофанушкинъ скоро прійдетъ: ему велю...

Скотининъ. А ужъ зачали молодца учить грамотѣ?

Г-жа Простакова. Ахъ, батюшка братецъ! ужъ года четыре какъ учится. Нечего, грѣхъ сказать, чтобъ мы не старались воспитывать Митрофанушку: троимъ учителямъ денежки платимъ. Для грамоты ходитъ къ нему дьячекъ отъ Покрова—Кутейкинъ. Арихметикѣ учитъ его, батюшка, одинъ отставной сержантъ Цыфиркинъ. Оба они приходятъ сюда изъ города. Вѣдь отъ насъ и городъ въ трехъ верстахъ, батюшка. По-французски и всѣмъ наукамъ обучаетъ его нѣмецъ—Адамъ Адамычъ Вральманъ. Этому по триста рубликовъ на годъ; сажаемъ за столъ съ собою; бѣлье его наши бабы моютъ; куда надобно—лошадь; за столомъ стаканъ вина; на ночь сальная свѣча, и парикъ направляетъ нашъ же Ѳомка даромъ. Правду сказать, и мы имъ довольны, батюшка братецъ: онъ ребенка не неволитъ. Вѣдь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще въ недоросляхъ, пота̀ его и понѣжить; а тамъ, лѣтъ черезъ десятокъ, какъ войдетъ, избави Боже, въ службу, всего натерпится. Какъ кому счастіе на роду написано, братецъ! Изъ нашей же фамиліи Простаковыхъ, смотри-тка, на боку лежа, летятъ себѣ въ чины. Чѣмъ же плоше ихъ Митрофанушка? Ба! да вотъ пожаловалъ кстати дорогой нашъ постоялецъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Правдинъ.

Г-жа Простакова. Братецъ, другъ мой, рекомендую вамъ дорогаго гостя нашего, господина Правдина; а вамъ, государь мой, рекомендую брата моего.

Правдинъ. Радуюсь, сдѣлавъ ваше знакомство (14).

Скотининъ. Хорошо, государь мой; а какъ по фамиліи? Я не дослышалъ.

Правдинъ. Я называюсь Правдинъ, чтобъ вы дослышали.

Скотининъ. Какой уроженецъ, государь мой? гдѣ деревеньки?

Правдинъ. Я родился въ Москвѣ, ежели вамъ то знать надобно, а деревни мои въ здѣшнемъ намѣстничествѣ.

Скотининъ. А смѣю ли спросить, государь мой, имени и отчества не знаю: въ деревенькахъ вашихъ водятся ли свинки?

Г-жа Простакова. Полно, братецъ, о свиньяхъ-то начинать. Поговоримъ-ка лучше о нашемъ горѣ. (*Къ Правдину*) Вотъ, батюшка! Богъ велѣлъ намъ взять на свои руки дѣвицу. Она изволитъ получать грамотки отъ дядюшекъ; къ ней съ того свѣта дядюшки пишутъ. Сдѣлай милость, мой батюшка, потрудись, прочти всѣмъ намъ вслухъ.

Правдинъ. Извините меня, сударыня, я никогда не читаю писемъ безъ позволенія тѣхъ, къ кому они писаны.

Софья. Я васъ о томъ прошу. Вы меня тѣмъ очень одолжите.

Правдинъ. Если вы приказываете (*читаетъ*).

«Любезная племянница! Дѣла мои принудили меня жить «нѣсколько лѣтъ въ разлукѣ съ моими ближними; а даль«ность лишила меня удовольствія имѣть о васъ извѣстія. «Я теперь въ Москвѣ, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Сибири. Я могу служить примѣромъ, что трудами и честностію «состояніе свое сдѣлать можно (14). Сими средствами, съ по«мощію счастія, нажилъ я десять тысячъ рублей доходу...»

Скотининъ и ова Простаковы. Десять тысячъ!

Правдинъ Скотининъ (*читаетъ*). «Которымъ тебя, моя любезная «племянница, тебя дѣлаю наслѣдницею...»

Г-жа Простакова. Тебя наслѣдницею!
Простаковъ. Софью наслѣдницею!
Скотининъ. Ее наслѣдницею!
} *Вмѣстѣ.*

Г-жа Простакова (*бросясь обнимать Софью*). Поздравляю, Софьюшка, поздравляю, душа моя! Я внѣ себя съ радости! Теперь тебѣ надобенъ женихъ. Я, я лучшей невѣсты и Митрофанушкѣ не желаю. То-то дядюшка! То-то отецъ родной! Я и сама все-таки думала, что Богъ его хранитъ, что онъ еще здравствуетъ.

Скотининъ (*протянувъ руку*). Ну, сестрица! скорѣй же по рукамъ.

Г-жа Простакова (*тихо Скотинину*). Постой, братецъ, сперва надобно спросить ее, хочетъ ли еще она за тебя выйти?

Скотининъ. Какъ! что за вопросъ! Неужто ты ей докладываться станешь?

Правдинъ. Позволите ли письмо дочитать.

Скотининъ. А на что? Да хоть пять лѣтъ читай, лучше десяти тысячъ не дочитаешься.

Г-жа Простакова (*къ Софьѣ*). Софьюшка, душа моя! пойдемъ ко мнѣ въ спальню. Мнѣ крайняя нужда съ тобою поговорить (*увела Софью*).

Скотининъ. Ба! такъ я вижу, что сегодня сговору-то врядъ и быть ли.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Правдинъ, Простаковъ, Скотининъ, Слуга.

Слуга (*къ Простакову, запыхавшись*). Баринъ! баринъ! солдаты пришли, остановились въ нашей деревнѣ.

Простаковъ. Какая бѣда! Ну! разорятъ насъ до конца!

Правдинъ. Чего вы испугались?

Простаковъ. Ахъ ты, отецъ родной! мы ужъ видали виды. Я къ нимъ и появиться не смѣю.

Правдинъ. Не бойтесь. Ихъ, конечно, ведетъ офицеръ, который не допуститъ ни до какой наглости. Пойдемъ къ нему со мною. Я увѣренъ, что вы робѣете напрасно. (*Правдинъ, Простаковъ и слуга отходятъ*).

Скотининъ. Всѣ меня одного оставили. Пойти-было прогуляться на скотный дворъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Правдинъ, Милонъ.

Милонъ. Какъ я радъ, мой любезный другъ, что нечаянно увидѣлся съ тобою! Скажи, какимъ случаемъ...

Правдинъ. Какъ другъ, открою тебѣ причину моего здѣсь пребыванія. Я опредѣленъ членомъ въ здѣшнемъ намѣстничествѣ; имѣю повелѣніе объѣхать здѣшній округъ; а притомъ изъ собственнаго подвига сердца моего не оставляю замѣчать тѣхъ злонравныхъ невѣждъ, которые, имѣя надъ людьми своими полную власть, употребляютъ ее во

зло безчеловѣчно. Ты знаешь образъ мыслей нашего намѣстника. Съ какою ревностію помогаетъ онъ страждущему человѣчеству! Съ какимъ усердіемъ исполняетъ онъ тѣмъ самымъ человѣколюбивые виды вышней власти! Мы въ нашемъ краю сами испытали, что гдѣ намѣстникъ таковъ, каковымъ изображенъ намѣстникъ въ Учрежденіи, тамъ благосостояніе обитателей вѣрно и надежно (15). Я живу здѣсь уже три дня. Нашелъ помѣщика дурака безсчетнаго, а жену презлую фурію, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастье цѣлаго ихъ дома. Ты что задумался, мой другъ? Скажи мнѣ, долго ль здѣсь останешься?

Милонъ. Черезъ нѣсколько часовъ иду отсюда.

Правдинъ. Что такъ скоро? Отдохни.

Милонъ. Не могу. Мнѣ велѣно и солдатъ вести безъ замедленія... да сверхъ того я самъ горю нетерпѣніемъ быть въ Москвѣ.

Правдинъ. Что̀ причиною?

Милонъ. Открою тебѣ тайну сердца моего, любезный другъ. Я влюбленъ, и имѣю счастіе быть любимъ. Больше полугода, какъ я въ разлукѣ съ той, которая мнѣ дороже всего на свѣтѣ, и что еще горестнѣе, ничего не слыхалъ я о ней во все это время. Часто, приписывая молчаніе ея холодности, терзался я горестью; но вдругъ получилъ извѣстіе, которое меня поразило. Пишутъ ко мнѣ, что, по смерти ея матери, какая-то дальняя родня увезла ее въ свои деревни. Я не знаю: ни кто, ни куда. Можетъ быть, она теперь въ рукахъ какихъ-нибудь корыстолюбцевъ, которые, пользуясь сиротствомъ ея, содержатъ ее въ тиранствѣ. Отъ одной этой мысли я внѣ себя!

Правдинъ. Подобное безчеловѣчіе вижу и въ здѣшнемъ домѣ. Ласкаюсь однако положить скоро границы злобѣ жены и глупости мужа. Я увѣдомилъ уже обо всемъ нашего начальника и не сомнѣваюсь, что унять ихъ возьмутся мѣры (16).

Милонъ. Счастливъ ты, мой другъ, будучи въ состояніи облегчать судьбу несчастныхъ. Не знаю, что мнѣ дѣлать въ горестномъ моемъ положеніи?

Правдинъ. Позволь мнѣ спросить объ ея имени.

Милонъ (*въ восторгѣ*). А! вотъ она сама.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Софья.

Софья. Милонъ! тебя ли я вижу?

Правдинъ. Какое счастіе!

Милонъ. Вотъ та, которая владѣетъ моимъ сердцемъ. Любезная Софья, скажи мнѣ, какимъ случаемъ здѣсь нахожу тебя?

Софья. Сколько горестей терпѣла я со дня нашей разлуки! Безсовѣстные мои свойственники...

Правдинъ. Мой другъ! не спрашивай о томъ, что столько ей прискорбно... Ты узнаешь отъ меня, какія грубости...

Милонъ. Недостойные люди!

Софья. Сегодня однакожъ въ первый разъ здѣшняя хозяйка перемѣнила со мною свой поступокъ. Услыша, что дядюшка мой дѣлаетъ меня наслѣдницею, вдругъ изъ грубой и бранчивой сдѣлалась ласковою до самой низкости, и я по всѣмъ ея обинякамъ вижу, что прочитъ меня въ невѣсты своему сыну.

Милонъ (*съ нетерпѣніемъ*). И ты не изъявила ей тотъ же часъ совершеннаго презрѣнія?...

Софья. Нѣтъ...

Милонъ. И не сказала ей, что ты имѣешь сердечныя обязательства, что...

Софья. Нѣтъ.

Милонъ. А! теперь вижу мою погибель. Соперникъ мой счастливъ! Я не отрицаю въ немъ всѣхъ достоинствъ: онъ, можетъ быть, разуменъ, просвѣщенъ, любезенъ, но чтобъ могъ со мною сравниться въ моей къ тебѣ любви, чтобъ...

Софья (*усмѣхаясь*). Боже мой! Еслибъ ты его увидѣлъ, ревность твоя довела бы тебя до крайности!

Милонъ (*съ негодованіемъ*). Я воображаю всѣ его достоинства.

Софья. Всѣхъ и вообразить не можешь. Онъ хотя и шестнадцати лѣтъ, а достигъ уже до послѣдней степени своего совершенства, и далѣ не пойдетъ.

Правдинъ. Какъ далѣ не пойдетъ, сударыня? Онъ доучиваетъ Часословъ; а тамъ, думать надобно, примутся и за Псалтырь.

Милонъ. Такъ таковъ-то мой соперникъ! А! Любезная Софья, на что ты и шуткою меня терзаешь? Ты знаешь,

какъ легко страстный человѣкъ огорчается и малѣйшимъ подозрѣніемъ. Скажи жъ мнѣ, что ты ей отвѣчала? (*Здѣсь Скотининъ идетъ по театру задумавшись, и никто его не видитъ*).

Софья. Я сказала, что судьба моя зависитъ отъ воли дядюшкиной, что онъ самъ сюда пріѣхать обѣщалъ въ письмѣ своемъ, котораго (*къ Правдину*) не позволилъ вамъ дочитать господинъ Скотининъ.

Милонъ. Скотининъ!

Скотининъ. Я!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Скотининъ.

Правдинъ. Какъ вы подкрались, господинъ Скотининъ! Этого бы я отъ васъ и не чаялъ.

Скотининъ. Я проходилъ мимо васъ. Услышалъ, что меня кличутъ, я и откликнулся. У меня такой обычай: кто вскрикнетъ—Скотининъ! а я ему: я! Что вы, братцы, и за правду? Я самъ служивалъ въ гвардіи и отставленъ капраломъ. Бывало, на съѣзжей въ перекличкѣ какъ закричатъ: Тарасъ Скотининъ! а я во все горло: я!

Правдинъ. Мы васъ теперь не кликали, и вы можете идти, куда шли.

Скотининъ. Я никуда не шелъ; а брожу задумавшись. У меня такой обычай, какъ что̀ заберу въ голову, того изъ нея гвоздемъ не выколотишь. У меня, слышь ты, что вошло въ умъ, тутъ и засѣло. О томъ вся и дума, то только и вижу во снѣ какъ на яву, а на яву какъ во снѣ.

Правдинъ. Что̀ жъ бы васъ такъ теперь занимало?

Скотининъ. Охъ, братецъ, другъ ты мой сердечный, со мною чудеса творятся. Сестрица моя вызвала меня скоро-на-скоро изъ моей деревни въ свою, а коли также проворно вывезетъ меня изъ своей деревни въ мою, то могу предъ цѣлымъ свѣтомъ по чистой совѣсти сказать: ѣздилъ я ни по-што, привезъ ничего.

Правдинъ. Какая жалость, господинъ Скотининъ! Сестрица ваша играетъ вами какъ мячикомъ.

Скотининъ (*озлобясь*). Какъ мячикомъ? Оборони Богъ! да я и самъ зашвырну ее такъ, что цѣлою деревней въ недѣлю не отыщутъ.

Софья. Ахъ, какъ вы разсердились!

Милонъ. Что съ вами сдѣлалось?

Скотининъ. Самъ ты, умный человѣкъ, поразсуди: привезла меня сестра сюда жениться, теперь сама же подъѣхала съ отводомъ: «Что-де тебѣ, братецъ, въ женѣ; была бы де у тебя, братецъ, хорошая свинья.»—Нѣтъ, сестра! я и своихъ поросятъ завести хочу. Меня не проведешь.

Правдинъ. Мнѣ и самому кажется, господинъ Скотининъ, что сестрица ваша помышляетъ о свадьбѣ, только не о вашей.

Скотининъ. Эка притча! Я другому не помѣха. Всякій женись на своей невѣстѣ. Я чужую не трону, и мою чужой не тронь же. (*Софьѣ*) Ты не бойсь, душенька: тебя у меня никто не перебьетъ.

Софья. Это что̀ значитъ! Вотъ еще новое!

Милонъ (*вскричалъ*). Какая дерзость!

Скотининъ (*къ Софьѣ*). Чего жъ ты испугалась?

Правдинъ (*къ Милону*). Какъ ты можешь сердиться на Скотинина!

Софья (*Скотинину*). Неужели суждено мнѣ быть вашею женою?

Милонъ. Я насилу могу удержаться!

Скотининъ. Суженаго конемъ не объѣдешь, душенька! Тебѣ на твое счастье грѣхъ пенять. Ты будешь жить со мною припѣваючи. Десять тысячъ твоего доходу! эко счастье привалило! Да я столько родясь и не видывалъ; да я на нихъ всѣхъ свиней со бѣла свѣта выкуплю; да я, слышь ты, то сдѣлаю, что всѣ затрубятъ: въ здѣшнемъ-де околодкѣ и житье однѣмъ свиньямъ.

Правдинъ. Когда же у васъ могутъ быть счастливы одни только скоты, то женѣ вашей отъ нихъ и отъ васъ будетъ худой покой.

Скотининъ. Худой покой! Ба! ба! ба! Да развѣ свѣтлицъ у меня мало? Для нея одной отдамъ угольную съ лежанкой. Другъ ты мой сердечный, коли у меня теперь, ничего не видя, для каждой свинки хлѣвокъ особливый, то женѣ найду свѣтелку.

Милонъ. Какое скотское сравненіе!

Правдинъ (*Скотинину*). Ничему не бывать, господинъ Скотининъ. Я скажу вамъ напрямки: сестрица ваша прочитъ ее за сынка своего.

Скотининъ (*озлобясь*). Какъ! племяннику перебивать у дяди! Да я его на первой встрѣчѣ какъ чорта изломаю! Ну, будь я свиной сынъ, если я не буду ея мужемъ, или Митрофанъ уродомъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Еремѣевна и Митрофанъ.

Еремѣевна. Да поучись хоть немножечко.

Митрофанъ. Ну еще слово молви, стара хрычевка, ужъ я те отдѣлаю! Я опять нажалуюсь матушкѣ: такъ она тебѣ изволитъ дать таску по вчерашнему.

Скотининъ. Подойди сюда, дружочекъ.

Еремѣевна. Изволь подойти къ дядюшкѣ.

Митрофанъ. Здорово, дядюшка! Что ты такъ ощетиниться изволилъ?

Скотининъ. Митрофанъ, гляди на меня прямѣе.

Еремѣевна. Погляди, батюшка.

Митрофанъ (*Еремѣевнѣ*). Да дядюшка что за невидальщина? Что ты на немъ увидишь?

Скотининъ. Еще разъ: гляди на меня прямѣе.

Еремѣевна. Да не гнѣви дядюшку. Воинъ, изволь посмотрѣть, батюшка, какъ онъ глазки-то вытаращилъ, и ты свои изволь такъ же вытаращить. (*Скотининъ и Митрофанъ, выпуча глаза, другъ на друга смотрятъ*).

Милонъ. Вотъ изрядное объясненіе!

Правдинъ. Чѣмъ-то оно кончится?

Скотининъ. Митрофанъ, ты теперь отъ смерти на волоску. Скажи всю правду. Если бъ я грѣха не побоялся, я бы те, не говоря еще ни слова, за ноги, да объ уголъ; да не хочу губить души, не найдя виноватаго.

Еремѣевна (*задрожала*). Ахъ, уходитъ онъ его! Куда моей головѣ дѣваться?

Митрофанъ. Что ты, дядюшка? белены объѣлся! Да я знать не знаю, за что ты на меня вскинуться изволилъ.

Скотининъ. Смотри жъ, не отпирайся, чтобъ я въ сердцахъ съ одного разу не вышибъ изъ тебя духу. Тутъ ужъ руки не подставишь. Мой грѣхъ: виноватъ Богу и государю. Смотри, не клепли жъ и на себя, чтобъ напрасныхъ побой не принять.

Еремѣевна. Избави Богъ напраслины!

Скотининъ. Хочешь ли ты жениться?

Митрофанъ (*разнѣжась*). Ужъ давно, дядюшка, беретъ охота...

Скотининъ (*бросаясь на Митрофана*). Ахъ ты чушка проклятая!...

Правдинъ (*не допуская Скотинина*). Господинъ Скотининъ! рукамъ воли не давай.

Митрофанъ. Мамушка, заслони меня.

Еремѣевна (*заслоня Митрофана, остервенясь и поднявъ кулаки*). Издохну на мѣстѣ, а дитя не выдамъ. Сунься, сударь, только извольсунуться. Я те бѣлымы-то выцарапаю.

Скотининъ (*задрожавъ и грозя, отходитъ*). Я васъ доѣду!

Еремѣевна (*задрожавъ, въ слѣдъ*). У меня и свои зацѣпы востры! (17)

Митрофанъ (*въ слѣдъ Скотинину*). Убирайся, дядюшка; проваливай.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и оба Простаковы.

Г-жа Простакова (*мужу идучи*). Тутъ переврать нѣчего. Весь вѣкъ, сударь, ходишь, развѣся уши.

Простаковъ. Да онъ самъ съ Правдинымъ изъ глазъ у меня сгибъ, да пропалъ. Я чѣмъ виноватъ?

Г-жа Простакова (*къ Милону*). А, мой батюшка, господинъ офицеръ! Я васъ теперь искала по всей деревнѣ: мужа съ ногъ сбила, чтобъ принести вамъ, батюшка, нижайшее благодареніе за добрую команду.

Милонъ. За что, сударыня?

Г-жа Простакова. Какъ за что, мой батюшка? Солдаты такіе добрые. До сихъ поръ волоска никто не тронулъ. Не прогнѣвайся, мой батюшка, что уродъ мой васъ прозѣвалъ. Отъ роду никого угостить не смыслитъ. Ужъ такъ рохлею родился, мой батюшка.

Милонъ. Я нимало не пеняю, сударыня.

Г-жа Простакова. На него, мой батюшка, находитъ такой, по здѣшнему сказать, столбнякъ. Иногда, выпуча глаза, стоитъ битый часъ, какъ вкопаный. Ужъ чего-то я съ нимъ не дѣлала; чего только онъ у меня не вытерпѣлъ! Ничѣмъ не проймешь. Ежели столбнякъ и попройдетъ, то занесетъ, мой батюшка, такую дичь, что у Бога просишь опять столбняка.

Правдинъ. По крайней мѣрѣ, сударыня, вы не можете жаловаться на злой его нравъ. Онъ смиренъ...

Г-жа Простакова. Какъ теленокъ, мой батюшка; отъ того-то у насъ въ домѣ все и избаловано. Вѣдь у него

нѣтъ того смыслу, чтобъ въ домѣ была строгость, чтобъ наказать путемъ виноватаго. Все сама управляюсь, батюшка. Съ утра до вечера, какъ за языкъ повѣшена, рукъ не покладываю: то бранюсь, то дерусь; тѣмъ и домъ держится, мой батюшка!

Правдинъ (*въ сторону*). Скоро будетъ онъ держаться инымъ образомъ.

Митрофанъ. И сегодня матушка все утро изволила провозиться съ холопями.

Г-жа Простакова (*къ Софьѣ*). Убирала покои для твоего любезнаго дядюшки. Умираю, хочу видѣть этого почтеннаго старичка. Я объ немъ много наслышалась. И злодѣи его говорятъ только, что онъ немножечко угрюмъ, а такой-де преразумный, да коли-де ужъ кого и полюбитъ, такъ прямо полюбитъ.

Правдинъ. А кого онъ не возлюбитъ, тотъ дурной человѣкъ. (*Софьѣ*) Я и самъ имѣю честь знать вашего дядюшку. А сверхъ того отъ многихъ слышалъ объ немъ то, что вселило въ душу мою истинное къ нему почтеніе. Что называютъ въ немъ угрюмостью, грубостью, то есть одно дѣйствіе его прямодушія. Отъ роду языкъ его не говорилъ *да*, когда душа его чувствовала *нѣтъ*.

Софья. За то и счастье свое долженъ онъ былъ доставать трудами.

Г-жа Простакова. Милость Божія къ намъ, что удалось. Ничего такъ не желаю, какъ отеческой его милости къ Митрофанушкѣ. Софьюшка, душа моя! не изволишь ли посмотрѣть дядюшкиной комнаты? (*Софья отходитъ*).

Г-жа Простакова (*Простакову*). Опять зазѣвался, мой батюшка. Да изволь, сударь, проводить ее. Ноги-то не отнялись.

Простаковъ (*отходя*). Не отнялись, да подкосились.

Г-жа Простакова (*къ гостямъ*). Одна моя забота, одна моя отрада—Митрофанушка. Мой вѣкъ проходитъ. Его готовлю въ люди. (*Здѣсь появляются Кутейкинъ съ Часословомъ, а Цыфиркинъ съ аспидной доской и грифелемъ. Оба они знаками спрашиваютъ Еремѣевну, входить ли. Она ихъ манитъ, а Митрофанъ отмахиваетъ*).

Г-жа Простакова (*не видя ихъ, продолжаетъ*). Авось-либо Господь милостивъ и счастье на роду ему написано.

Правдинъ. Оглянитесь, сударыня, что за вами дѣлается.

Г-жа Простакова. А! это, батюшка, Митрофанушкины учители: Сидорычъ Кутейкинъ...

Еремѣевна. И Пафнутьичъ Цыфиркинъ.

Митрофанъ (*въ сторону*). Пострѣлъ ихъ побери и съ Еремѣевной.

Кутейкинъ. Дому владыкѣ миръ и многая лѣта съ чады и домочадцы.

Цыфиркинъ. Желаемъ вашему благородію здравствовать сто лѣтъ, да двадцать, да еще пятнадцать, несчетны годы.

Милонъ. Ба! это нашъ братъ, служивый! Откуда взялся, другъ мой?

Цыфиркинъ. Былъ гарнизонный, ваше благородіе! а нынѣ пошелъ въ чистую.

Милонъ. Чѣмъ же ты питаешься?

Цыфиркинъ. Да кое-какъ, ваше благородіе! Малу толику ариѳметикѣ маракую, такъ питаюсь въ городѣ около приказныхъ служителей у счетныхъ дѣлъ. Не всякому открылъ Господь науку: такъ кто самъ не смыслитъ, меня нанимаетъ то счетецъ повѣрить, то итоги подвести. Тѣмъ и питаюсь; праздно жить не люблю. На досугѣ жъ ребятъ обучаю. Вотъ и у ихъ благородія съ парнемъ третій годъ надъ ломаными бьемся, да что-то плохо клеятся ([18]). Ну и то правда, человѣкъ на человѣка не приходитъ.

Г-жа Простакова. Что, что ты это, Пафнутьичъ, врешь? Я не вслушалась.

Цыфиркинъ. Такъ. Я его благородію докладывалъ, что въ иного пня въ десять лѣтъ не вдолбишь того, что другой ловитъ на полетѣ.

Правдинъ (*Кутейкину*). А ты, господинъ Кутейкинъ, не изъ ученыхъ ли?

Кутейкинъ. Изъ ученыхъ, ваше благородіе. Семинаріи здѣшнія епархіи. Ходилъ до Реторики, да Богу изволившу, назадъ воротился. Подавалъ въ консисторію челобитье, въ которомъ прописалъ: «Такой-то-де семинаристъ, изъ цер«ковничьихъ дѣтей, убояся бездны премудрости, проситъ «отъ нея объ увольненіи». На что и милостивая резолюція вскорѣ воспослѣдовала, съ отмѣткою: «Такого-то-де семи«нариста отъ всякаго ученія уволить: писано бо есть — не «мечите бисера предъ свиніями, да не попрутъ его но«гами».

Г-жа Простакова. Да гдѣ нашъ Адамъ Адамычъ?

Еремѣевна. Я и къ нему было толкнулась, да насилу

унесла ноги: дымъ столбомъ, моя матушка! Задушилъ, проклятый, табачищемъ. Такой грѣховодникъ!

Кутейкинъ. Пустое, Еремѣевна! Нѣсть грѣха въ куреніи табака.

Правдинъ (*въ сторону*). Кутейкинъ еще и умничаетъ!

Кутейкинъ. Во многихъ книгахъ разрѣшается: во Псалтырѣ именно напечатано: «И злакъ на службу человѣкомъ».

Правдинъ. Ну, а еще гдѣ?

Кутейкинъ. И въ другой Псалтырѣ напечатано то же. У нашего протопопа маленькая въ осьмушку, и въ той то же.

Правдинъ (*г-жѣ Простаковой*). Я не хочу мѣшать упражненіямъ сына вашего; слуга покорный.

Милонъ. Ни я, сударыня.

Г-жа Простакова. Куда жъ вы, государи мои?...

Правдинъ. Я поведу его въ мою комнату. Друзья, давно не видавшись, о многомъ говорить имѣютъ.

Г-жа Простакова. А кушать гдѣ изволите: съ нами, или въ своей комнатѣ? У насъ за столомъ только-что своя семья съ Софьюшкой...

Милонъ. Съ вами, съ вами, сударыня.

Правдинъ. Мы оба эту честь имѣть будемъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Г-жа Простакова, Еремѣевна, Митрофанъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Г-жа Простакова. Ну, такъ теперь хотя по-русски прочти зады, Митрофанушка.

Митрофанъ. Да, зады! Какъ не такъ.

Г-жа Простакова. Вѣкъ живи, вѣкъ учись, другъ мой сердечный! Такое дѣло.

Митрофанъ. Какъ не такое! Пойдетъ на умъ ученье. Ты бъ еще навезла сюда дядюшекъ!

Г-жа Простакова. Что? что такое?

Митрофанъ. Да, того и смотри, что отъ дядюшки таска; а тамъ съ его кулаковъ, да за Часословъ. Нѣтъ, такъ я спасибо, ужъ одинъ конецъ съ собою!

Г-жа Простакова (*испугавшись*). Что, что ты хочешь дѣлать? Опомнись, душенька!

Митрофанъ. Вѣдь здѣсь и рѣка близко. Нырну — такъ поминай какъ звали!

Г-жа Простакова (*вне себя*). Уморилъ! уморилъ! Богъ съ тобой!

Еремѣевна. Все дядюшка напугалъ: чуть-было въ волоски ему не вцѣпился. А ни за што, ни про што...

Г-жа Простакова (*въ злобѣ*). Ну...

Еремѣевна. Приталъ къ нему: хочешь ли жениться...

Г-жа Простакова. Ну...

Еремѣевна. Дитя не потаилъ: уже давно-де, дядюшка, охота беретъ. Какъ онъ остервенится, моя матушка! какъ вскинется...

Г-жа Простакова (*дрожа*). Ну... а ты, бестія, остолбенѣла, а ты не впилась братцу въ харю, а ты не раздернула ему рыла по уши...

Еремѣевна. Приняла-было! Охъ, приняла, да...

Г-жа Простакова. Да... да что... не твое дитя, бестія! По тебѣ ребенка хоть убей до смерти.

Еремѣевна. Ахъ, Создатель спаси и помилуй! Да кабы братецъ въ ту жъ минуту отойти не изволилъ, то бъ я съ нимъ поломалась, во чтобъ Богъ ни поставилъ: притупились бы эти (*указывая на ногти*), я бъ и клыковъ беречь не стала.

Г-жа Простакова. Всѣ вы, бестіи, усердны на однихъ словахъ, а не на дѣлѣ...

Еремѣевна (*заплакавъ*). Я не усердна вамъ, матушка! Ужъ какъ больше служить, не знаешь... рада не токмо что... живота не жалѣешь... а все не угодно.

Кутейкинъ. Намъ во свояси повелите?
Цыфиркинъ. Намъ куда походъ, ваше благородіе! } *Вмѣстѣ.*

Г-жа Простакова. Ты же еще, старая вѣдьма, и разревѣлась. Поди, накорми ихъ съ собою, а послѣ обѣда тотчасъ опять сюда. (*Къ Митрофану*) Пойдемъ со мною, Митрофанушка. Я тебя изъ глазъ теперь не выпущу. Какъ скажу я тебѣ нещичко, такъ пожить на свѣтѣ слюбится. Не вѣкъ тебѣ, моему другу, не вѣкъ тебѣ учиться: ты, благодаря Бога, столько уже смыслишь, что и самъ взведешь дѣточекъ. (*Къ Еремѣевнѣ*) Съ братцемъ перевѣдаюсь не по твоему. Пусть же всѣ добрые люди увидятъ, что мáма и что мать родная (*отходитъ съ Митрофаномъ*).

Кутейкинъ. Житье твое, Еремѣевна, яко тма кромѣшная. Пойдемъ-ка за трапезу, да съ горя выпей сперва чарку...

Цыфиркинъ. А тамъ другую,—вотъ-те и умноженье.

Еремѣевна (*въ слезахъ*). Нелегкая меня не приберетъ. Сорокъ лѣтъ служу, а милость все та же...

Кутейкинъ. А велика ль благостыня?

Еремѣевна. По пяти рублей на годъ, да по пяти пощочинъ на день. (*Кутейкинъ и Цыфиркинъ отводятъ ее подъ-руки*).

Цыфиркинъ. Смекнемъ же за столомъ, что тебѣ доходу въ круглый годъ.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Стародумъ и Правдинъ.

Правдинъ. Лишь только изъ-за стола встали, и я, подошедъ къ окну, увидѣлъ вашу карету, то, не сказавъ никому, выбѣжалъ къ вамъ на встрѣчу, обнять васъ отъ всего сердца. Мое къ вамъ душевное почтеніе...

Стародумъ. Оно мнѣ драгоцѣнно, повѣрь мнѣ.

Правдинъ. Ваша ко мнѣ дружба тѣмъ лестнѣе, что вы не можете имѣть ее къ другимъ, кромѣ такихъ...

Стародумъ. Каковъ ты. Я говорю безъ чиновъ. Начинаются чины,—перестаетъ искренность.

Правдинъ. Ваше обхожденіе...

Стародумъ. Ему многіе смѣются. Я это знаю. Быть такъ. Отецъ мой воспиталъ меня по тогдашнему, а я не нашелъ и нужды себя перевоспитывать. Служилъ онъ Петру Великому. Тогда одинъ человѣкъ назывался ты, а не вы; тогда не знали еще заражать людей столько, чтобъ всякій считалъ себя за многихъ. За то нонче многіе не стоютъ одного. Отецъ мой у двора Петра Великаго...

Правдинъ. А я слышалъ, что онъ въ военной службѣ...

Стародумъ. Въ тогдашнемъ вѣкѣ придворные были воины, да воины не были придворные. Воспитаніе дано мнѣ было отцемъ моимъ по тому вѣку наилучшее. Въ то время къ наученію мало было способовъ, да и не умѣли еще чужимъ умомъ набивать пустую голову.

Правдинъ. Тогдашнее воспитаніе дѣйствительно состояло въ нѣсколькихъ правилахъ...

Стародумъ. Въ одномъ. Отецъ мой непрестанно мнѣ твердилъ одно и то же: имѣй сердце, имѣй душу,—и будешь

человѣкъ во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, не знанія мода, какъ на пряжки, на пуговицы.

Правдинъ. Вы говорите истину. Прямое достоинство въ человѣкѣ есть душа.

Стародумъ. Безъ нея просвѣщеннѣйшая умница жалкая тварь. (*Съ чувствомъ*) Невѣжда безъ души—звѣрь. Самый мелкій подвигъ вводитъ его во всякое преступленіе. Между тѣмъ, что онъ дѣлаетъ, и тѣмъ, для чего онъ дѣлаетъ, никакихъ вѣсковъ у него нѣтъ. Отъ такихъ-то животныхъ пришелъ я освободить . . .

Правдинъ. Вашу племянницу. Я это знаю. Она здѣсь. Пойдемъ...

Стародумъ. Постой. Сердце мое кипитъ еще негодованіемъ на недостойный поступокъ здѣшнихъ хозяевъ. Побудемъ здѣсь нѣсколько минутъ. У меня правило: въ первомъ движеніи ничего не начинать.

Правдинъ. Рѣдкіе правило ваше наблюдать умѣютъ.

Стародумъ. Опыты жизни моей меня къ тому пріучили. О, еслибъ я ранѣе умѣлъ владѣть собою, я имѣлъ бы удовольствіе служить долѣе отечеству.

Правдинъ. Какимъ же образомъ? Происшествія съ человѣкомъ вашихъ качествъ никому равнодушны быть не могутъ (14). Вы меня крайне одолжите, если разскажете . . .

Стародумъ. Я ни отъ кого ихъ не таю для того, чтобъ другіе въ подобномъ положеніи нашлись меня умнѣе. Вошедъ въ военную службу, познакомился я съ молодымъ графомъ, котораго имени я и вспомнить не хочу. Онъ былъ по службѣ меня моложе, сынъ случайнаго отца, воспитанъ въ большомъ свѣтѣ и имѣлъ особливый случай научиться тому, что въ наше воспитаніе еще и не входило. Я всѣ силы употребилъ снискать его дружбу, чтобъ всегдашнимъ съ нимъ обхожденіемъ наградить недостатки моего воспитанія. Въ самое то время, когда взаимная наша дружба утверждалась, услышали мы нечаянно, что объявлена война. Я бросился обнимать его съ радостью. «Любезный графъ! вотъ случай намъ отличить себя. Пойдемъ тотчасъ въ армію и сдѣлаемся достойными званія дворянина, которое намъ дала порода.» Вдругъ мой графъ сильно наморщился и, обнявъ меня сухо: «Счастливый тебѣ путь», сказалъ мнѣ, «а я ласкаюсь, что батюшка не захочетъ со мною разстаться.» Ни съ чѣмъ нельзя сравнить презрѣнія, которое ощутилъ я къ нему въ ту жъ минуту. Тутъ

увидѣлъ я, что между людьми случайными и людьми почтенными бываетъ иногда неизмѣримая разница; что въ большомъ свѣтѣ водятся премелкія души и что съ великимъ просвѣщеніемъ можно быть великому скареду.

Правдинъ. Сущая истина.

Стародумъ. Оставя его, поѣхалъ я немедленно, куда звала меня должность. Многіе случаи имѣлъ я отличить себя. Раны мои доказываютъ, что я ихъ и не пропускалъ. Доброе мнѣніе обо мнѣ начальниковъ и войска было лестною наградою службы моей, какъ вдругъ получилъ я извѣстіе, что графъ, прежній мой знакомецъ, о которомъ я гнушался вспоминать, произведенъ чиномъ, а обойденъ я,—я, лежавшій тогда отъ ранъ въ тяжкой болѣзни! Такое неправосудіе растерзало мое сердце и я тотчасъ взялъ отставку (14).

Правдинъ. Чтожъ бы иное и дѣлать надлежало?

Стародумъ. Надлежало образумиться. Не умѣлъ я остеречься отъ первыхъ движеній раздраженнаго моего любочестія. Горячность не допустила меня тогда разсудить, что прямо любочестивый человѣкъ ревнуетъ къ дѣламъ, а не къ чинамъ; что чины нерѣдко выпрашиваются, а истинное почтеніе необходимо заслуживается; что гораздо честнѣе быть безъ вины обойдену, нежели безъ заслугъ пожалованну.

Правдинъ. Но развѣ дворянину не позволяется взять отставки ни въ какомъ уже случаѣ?

Стародумъ. Въ одномъ только: когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его отечеству прямой пользы не приноситъ. А! тогда поди.

Правдинъ. Вы даете чувствовать истинное существо должности дворянина (19).

Стародумъ. Взявъ отставку, пріѣхалъ я въ Петербургъ. Тутъ слѣпой случай завелъ меня въ такую сторону, о которой мнѣ отъ роду и въ голову не приходило.

Правдинъ. Куда же?

Стародумъ. Ко двору. Меня взяли ко двору. А? Какъ ты объ этомъ думаешь?

Правдинъ. Какъ же вамъ эта сторона показалась?

Стародумъ. Любопытна. Первое показалось мнѣ странно то, что въ этой сторонѣ по большой прямой дорогѣ никто почти не ѣздитъ, а всѣ объѣзжаютъ крюкомъ, надѣясь доѣхать поскорѣе (20).

Правдинъ. Хоть крюкомъ, да простерна ли дорога?

Стародумъ. А такова-то просторна, что двое, встрѣтясь, разойтиться не могутъ. Одинъ другаго сваливаетъ, и тотъ, кто на ногахъ, не поднимаетъ уже никогда того, кто на земи (21).

Правдинъ. Такъ по этому тутъ самолюбіе...

Стародумъ. Тутъ не самолюбіе, а, такъ назвать, себялюбіе. Тутъ себя любятъ отмѣнно, о себѣ одномъ пекутся, объ одномъ настоящемъ часѣ суетятся. Ты не повѣришь: я видѣлъ тутъ множество людей, которымъ во всѣ случаи ихъ жизни ни разу на мысль не приходили ни предки, ни потомки.

Правдинъ. Но тѣ достойные люди, которые у двора служатъ государству...

Стародумъ. О! тѣ не составляютъ двора для того, что они двору полезны, а прочіе для того, что дворъ имъ полезенъ. Я не былъ въ числѣ первыхъ и не хотѣлъ быть въ числѣ послѣднихъ.

Правдинъ Васъ, конечно, у двора не узнали?

Стародумъ. Тѣмъ для меня лучше. Я успѣлъ убраться безъ хлопотъ; а то бы выжили жъ меня однимъ изъ двухъ манеровъ.

Правдинъ. Какихъ?

Стародумъ. Отъ двора, мой другъ, выживаютъ двумя манерами: либо на тебя разсердятся, либо тебя разсердятъ. Я не сталъ дожидаться ни того, ни другаго; разсудилъ, что лучше вести жизнь у себя дома, нежели въ чужой передней.

Правдинъ. И такъ вы отошли отъ двора ни съ чѣмъ? (*Открываетъ свою табакерку*).

Стародумъ (*беретъ у Правдина табакъ*). Какъ ни съ чѣмъ? Табакеркѣ цѣна пятьсотъ рублевъ. Пришли къ купцу двое. Одинъ, заплатя деньги, принесъ домой табакерку; другой пришелъ домой безъ табакерки. И ты думаешь, что другой пришелъ домой ни съ чѣмъ? Ошибаешься. Онъ принесъ назадъ свои пятьсотъ рублевъ цѣлы. Я отошелъ отъ двора безъ деревень, безъ ленты, безъ чиновъ, да мое принесъ домой неповрежденно: мою душу, мою честь, мои правила (22).

Правдинъ. Съ вашими правилами людей не отпускать отъ двора, а ко двору призывать надобно.

Стародумъ. Призывать? А зачѣмъ?

Правдинъ. За тѣмъ, за чѣмъ къ больнымъ врача призываютъ.

Стародумъ. Мой другъ, ошибаешься. Тщетно звать врача къ больнымъ неисцѣльно: тутъ врачъ не пособитъ, развѣ самъ заразится.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Софья.

Софья (*къ Правдину*). Силъ моихъ не стало отъ ихъ шуму.

Стародумъ (*въ сторону*). Вотъ черты лица ея матери! Вотъ моя Софья!

Софья (*смотря на Стародума*). Боже мой, онъ меня назвалъ! Сердце мое меня не обманываетъ...

Стародумъ (*обнявъ ее*). Нѣтъ! Ты дочь моей сестры, дочь сердца моего!

Софья (*бросясь въ его объятія*). Дядюшка! я внѣ себя съ радости.

Стародумъ. Любезная Софья, я узналъ въ Москвѣ, что ты живешь здѣсь противъ воли. Мнѣ на свѣтѣ шестьдесятъ лѣтъ. Случалось быть часто раздраженнымъ, иногда быть собою довольнымъ. Ничто такъ не терзало мое сердце, какъ невинность въ сѣтяхъ коварства; никогда не бывалъ я такъ собой доволенъ, какъ если случалось вырвать добычу изъ рукъ порока.

Правдинъ. Сколь пріятно быть тому и свидѣтелемъ!

Софья. Дядюшка, ваши ко мнѣ милости...

Стародумъ. Ты знаешь, что я одной тобой привязанъ къ жизни. Ты должна дѣлать утѣшеніе моей старости, а мои попеченія твое счастье. Пошедъ въ отставку, положилъ я основаніе твоему воспитанію; но не могъ иначе основать твоего состоянія, какъ разлучась съ твоей матерью и съ тобою.

Софья. Отсутствіе ваше огорчало насъ несказанно.

Стародумъ (*къ Правдину*). Чтобъ оградить ея жизнь отъ недостатка въ нужномъ, рѣшился я удалиться на нѣсколько лѣтъ въ ту землю, гдѣ достаютъ деньги, не промѣнивая ихъ на совѣсть, безъ подлой выслуги, не грабя отечества; гдѣ требуютъ денегъ отъ самой земли, которая поправосуднѣе людей, лицепріятія не знаетъ, а платитъ одни труды вѣрно и щедро.

Правдинъ. Вы могли бъ обогатиться, какъ я слышалъ, несравненно больше.

Стародумъ. А на что?

Правдинъ. Чтобъ быть богату, какъ другіе.

Стародумъ. Богату! А кто богатъ? Да вѣдаешь ли ты что для прихотей одного человѣка всей Сибири мало? Другъ мой, все состоитъ въ воображеніи. Послѣдуй природѣ, никогда не будешь бѣденъ; послѣдуй людскимъ мнѣніямъ, никогда богатъ не будешь.

Софья. Дядюшка, какую правду вы говорите!

Стародумъ. Я нажилъ столько, чтобъ при твоемъ замужствѣ не остановляла насъ бѣдность жениха достойнаго.

Софья. Во всю жизнь мою ваша воля будетъ мой законъ.

Правдинъ. Но выдавъ ее, не лишнее было бы оставить и дѣтямъ...

Стародумъ. Дѣтямъ? Оставлять богатство дѣтямъ! Въ головѣ нѣтъ. Умны будутъ, безъ него обойдутся; а глупому сыну не въ помощь богатство. Видалъ я молодцовъ въ золотыхъ кафтанахъ, да съ свинцовой головою. Нѣтъ, мой другъ! наличныя деньги—не наличныя достоинства. Золотой болванъ—все болванъ.

Правдинъ. Со всѣмъ тѣмъ мы видимъ, что деньги нерѣдко ведутъ къ чинамъ, чины обыкновенно къ знатности, а знатнымъ оказывается почтеніе.

Стародумъ. Почтеніе! Одно почтеніе должно быть лестно человѣку— душевное; а душевнаго почтенія достоинъ только тотъ, кто въ чинахъ не по деньгамъ, а въ знати не по чинамъ.

Правдинъ. Заключеніе ваше неоспоримо.

Стародумъ. Ба! Это что за шумъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Г-жа Простакова, Скотининъ и Милонъ.

(*Милонъ разнимаетъ Г-жу Простакову съ Скотининымъ*).

Г-жа Простакова. Пусти! пусти, батюшка! дай мнѣ до рожи, до рожи...

Милонъ. Не пущу, сударыня. Не прогнѣвайся!

Скотининъ (*въ запальчивости, оправляя парикъ*). Отвяжись, сестра! Дойдетъ дѣло до ломки: погну, такъ затрещишь.

Милонъ (*Г-жѣ Простаковой*). И вы забыли, что онъ вамъ братъ!

Г-жа Простакова. Ахъ, батюшка, сердце взяло! дай добраться!

Милонъ (*Скотинину*). Развѣ она вамъ не сестра?

Скотининъ. Что грѣха таить, одного помёту; да вишь какъ развизжалась.

Стародумъ (*не могши удержаться отъ смѣха, къ Правдину*). Я боялся разсердиться, теперь смѣхъ меня беретъ.

Г-жа Простакова. Кого-то? Надъ кѣмъ-то? Это что за выѣзжій?

Стародумъ. Не прогнѣвайся, сударыня: я отъ роду ничего смѣшнѣе не видывалъ.

Скотининъ (*держась за шею*). Кому смѣхъ, а мнѣ и полсмѣха нѣтъ.

Милонъ. Да не ушибла ль она васъ?

Скотининъ. Передъ-отъ заслонялъ обѣими, такъ вцѣпилась въ зашеину...

Правдинъ. И больно?

Скотининъ. Загривокъ немного пронозила.

(*Въ слѣдующую рѣчь Г-жи Простаковой Софья сказываетъ взоромъ Милону, что передъ нимъ Стародумъ. Милонъ ее понимаетъ*).

Г-жа Простакова. Пронозила!... Нѣтъ, братецъ, ты долженъ образъ вымѣнять господина офицера[23]: а кабы не онъ, то бъ ты отъ меня не заслонился. За сына вступлюсь; не спущу родному. (*Стародуму*) Это, сударь, ничего и не смѣшно, не прогнѣвайся. У меня материно сердце. Слыхано ли, чтобъ сука щенятъ своихъ выдавала? Изволилъ пожаловать невѣдомо къ кому невѣдомо кто.

Стародумъ (*указывая на Софью*). Пріѣхалъ къ ней ея дядя, Стародумъ.

Г-жа Простакова (*обробѣвъ и струся*). Какъ! это ты! ты, батюшка! гость нашъ безцѣнный! Ахъ, я дура безсчетная! Да такъ ли бы надобно было встрѣтить отца роднаго, на котораго вся надежда, который у насъ одинъ, какъ порохъ въ глазу. Батюшка, прости меня: я дура. Образумиться не могу. Гдѣ мужъ? Гдѣ сынъ? Какъ въ пустой домъ пріѣхалъ! Наказаніе Божіе! Всѣ обезумѣли. Дѣвка! дѣвка! Палашка! дѣвка!

Скотининъ (*въ сторону*). Тотъ-то! онъ-то! дядюшка-то!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Еремѣевна.

Еремѣевна. Чего изволишь?

Г-жа Простакова. А ты развѣ дѣвка, собачья ты дочь!

Разнѣ у меня въ домѣ, кромѣ твоей скверной хари, и слу жанокъ нѣтъ! Палашка гдѣ?

Еремѣевна. Захворала, матушка; лежитъ съ утра.

Г-жа Простакова. Лежитъ! Ахъ, она бестія! Лежитъ! Какъ будто она благородная!

Еремѣевна. Такой жаръ розняло, матушка; безъ умолку бредитъ...

Г-жа Простакова. Бредитъ бестія! Какъ будто благородная! Зови же ты мужа, сына. Скажи имъ, что по милости Божіей дождались мы дядюшку любезной нашей Софьюшки; что второй нашъ родитель къ намъ теперь пожаловалъ по милости Божіей. Ну, бѣги, переваливайся!

Стародумъ. Къ чему такъ суетиться, сударыня? По милости Божіей я вашъ не родитель; по милости же Божіей я вамъ и не знакомъ.

Г-жа Простакова. Нечаянный твой пріѣздъ, батюшка, умъ у меня отнялъ; да дай хотя обнять тебя хорошенько, благодѣтель нашъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Простаковъ, Митрофанъ и Еремѣевна.

(*Въ слѣдующую рѣчь Стародума Простаковъ съ сыномъ, вышедшіе изъ средней двери, стали позади Стародума. Отецъ готовъ его обнять, какъ скоро дойдетъ очередь, а сынъ подойти къ рукѣ. Еремѣевна взяла мѣсто къ сторонѣ и, сложа руки, стала какъ вкопаная, выпяля глаза на Стародума, съ рабскимъ подобострастіемъ*).

Стародумъ (*обнимая неохотно Г-жу Простакову*). Милость совсѣмъ лишняя, сударыня; безъ нея могъ бы я весьма легко обойтиться.

(*Вырвавшись изъ рукъ ея, обертывается на другую сторону, гдѣ Скотининъ, стоящій уже съ распростертыми руками, тотчасъ его схватываетъ*).

Стародумъ. Это къ кому я попался?

Скотининъ. Это я, сестринъ братъ.

Стародумъ (*увидя еще двухъ, съ нетерпѣніемъ*). А это кто еще?

Простаковъ (*обнимая*). Я женинъ мужъ.

Митрофанъ (*ловя руку*). А я матушкинъ сынокъ. } *Вмѣстѣ.*

Милонъ (*Правдину*). Теперь я не представлюсь.

Правдинъ (*Милону*). Я найду случай представить тебя послѣ.

Стародумъ (*не давая руки Митрофану*). Этотъ ловитъ цаловать руку: видно, что готовятъ въ него большую душу.

Г-жа Простакова. Говори, Митрофанушка: какъ-де, сударь, мнѣ твоей ручки не цаловать; ты мой второй отецъ.

Митрофанъ. Какъ не цаловать, дядюшка, твоей ручки; ты мой отецъ... (*Къ матери*) Который бишь?

Г-жа Простакова. Второй.

Митрофанъ. Второй? Второй отецъ, дядюшка.

Стародумъ. Я, сударь, тебѣ ни отецъ, ни дядюшка.

Г-жа Простакова. Батюшка, вѣдь ребенокъ, можетъ быть, свое счастье пророкаетъ: авось-либо сподобитъ Богъ быть ему и впрямь твоимъ племянничкомъ.

Скотининъ. Право! А я чѣмъ не племянникъ? Ай, сестра!

Г-жа Простакова. Я, братецъ, съ тобою лаяться не стану. (*Къ Стародуму*) Отъ роду, батюшка, ни съ кѣмъ не бранивалась. У меня такой нравъ: хоть разругай, вѣкъ слова не скажу. Пусть же, себѣ на умѣ, Богъ тому заплатитъ, кто меня, бѣдную, обижаетъ.

Стародумъ. Я это примѣтилъ, какъ скоро ты, сударыня, изъ дверей показалась.

Правдинъ. А я уже три дни свидѣтелемъ ея добронравія.

Стародумъ. Этой забавы я такъ долго имѣть не могу. Софьюшка, другъ мой, завтра же поутру ѣду съ тобою въ Москву.

Г-жа Простакова. Ахъ, батюшка, за что такой гнѣвъ?

Простаковъ. За что немилость?

Г-жа Простакова. Какъ? Намъ разстаться съ Софьюшкой, съ сердечнымъ нашимъ другомъ! Я съ одной тоски хлѣба отстану.

Простаковъ. А я уже тутъ сгибъ, да пропалъ.

Стародумъ. Когда же вы такъ ее любите, то долженъ я васъ обрадовать: я везу ее въ Москву для того, чтобъ сдѣлать ея счастье. Мнѣ представленъ въ женихи ея нѣкто молодой человѣкъ большихъ достоинствъ; за него ее и выдамъ.

Г-жа Простакова. Ахъ! уморилъ!
Милонъ. Что я слышу!
(*Софья кажется пораженною*).
Скотининъ. Вотъ-те разъ!
(*Простаковъ всплеснулъ руками*).
Митрофанъ. Вотъ тебѣ на!
(*Еремѣевна печально кивнула головою*).
(*Правдинъ показываетъ видъ огорченнаго удивленія*).
} *Всѣ вмѣстѣ.*

Стародумъ (*примѣтя всѣхъ смятеніе*). Что это значитъ? (*Къ Софьѣ*) Софьюшка, другъ мой, и ты, мнѣ кажется, въ смущеніи? Неужель мое намѣреніе тебя огорчило? Я заступаю мѣсто отца твоего. Повѣрь мнѣ, что я знаю его права. Они нейдутъ далѣе, какъ отвращать несчастную склонность дочери; а выборъ достойнаго человѣка зависитъ совершенно отъ ея сердца. Будь спокойна, другъ мой: твой мужъ, тебя достойный, кто бъ онъ ни былъ, будетъ имѣть во мнѣ истиннаго друга. Поди за кого хочешь. (*Всѣ принимаютъ веселый видъ.*)

Софья. Дядюшка, не сомнѣвайтесь въ моемъ повиновеніи.

Милонъ (*въ сторону*). Почтенный человѣкъ!

Г-жа Простакова (*съ веселымъ видомъ*). Вотъ отецъ! Вотъ послушать! Поди за кого хочешь, лишь бы человѣкъ ея стоилъ. Такъ, мой батюшка, такъ. Тутъ лишь только жениховъ пропускать не надобно. Коль есть въ глазахъ дворянинъ малый молодой...

Скотининъ. Изъ ребятъ давно ужъ вышелъ...

Г-жа Простакова. У кого достаточекъ хоть и небольшой...

Скотининъ. Да свиной заводъ не плохъ...

Г-жа Простакова. Такъ и въ добрый часъ, въ Архангельской.

Скотининъ. Такъ веселымъ пиркомъ, да и за свадебку.
} *Вмѣстѣ.*

Стародумъ. Совѣты ваши безпристрастны. Я это вижу.

Скотининъ. То ль еще увидишь, какъ опознаешь меня покороче. Вишь ты—здѣсь содомно. Черезъ часъ-мѣста приду къ тебѣ одинъ, тутъ дѣло и сладимъ. Скажу не похвалясь, каковъ я, право такихъ мало (*отходитъ*).

Стародумъ. Это всего вѣроятнѣе.

Г-жа Простакова. Ты, мой батюшка, не диви на братца...

Стародумъ. А онъ вашъ братецъ?

Г-жа Простакова Родной, батюшка: вѣдь и я по отцѣ

Скотининыхъ. Покойникъ батюшка женился на покойницѣ матушкѣ; она была по прозванію Приплодиныхъ. Насъ дѣтей было у нихъ восемнадцать человѣкъ; да кромѣ меня съ братцомъ, всѣ, по власти Господней, примерли: иныхъ изъ бани мертвыхъ вытащили; трое, похлебавъ молочка изъ мѣднаго котлика, скончались; двое о Святой Недѣлѣ съ колокольни свалились; а достальныя сами не стояли, батюшка!

Стародумъ. Вижу, каковы были и родители ваши.

Г-жа Простакова. Старинные люди, мой отецъ! Не нынѣшній былъ вѣкъ. Насъ ни чему не учили. Бывало, добры люди приступятъ къ батюшкѣ, ублажаютъ, ублажаютъ, чтобъ хоть братца отдать въ школу, — кстати ли? Покойникъ-свѣтъ и руками, и ногами, царство ему небесное! Бывало, изволитъ закричать: прокляну ребенка, который что-нибудь перейметъ у басурмановъ, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему-нибудь учиться захочетъ.

Правдинъ. Вы однакожъ своего сынка кое-чему обучаете.

Г-жа Простакова. Да нынѣ вѣкъ другой, батюшка! (*Къ Стародуму*) Послѣднихъ крохъ не жалѣемъ, лишь бы сына всему выучить. Мой Митрофанушка изъ-за книги не встаетъ по суткамъ. Материно мое сердце. Иное жаль, жаль, да подумаешь: за то будетъ и дѣтина хоть куда. Вѣдь вотъ ужъ ему, батюшка, шестнадцать лѣтъ исполнится около зимняго Николы. Женихъ хоть кому, а все-таки учители ходятъ, часа не теряютъ, и теперь двое въ сѣняхъ дожидаются. (*Мигнула Еремьевнѣ, чтобъ ихъ позвать*). А въ Москвѣ приняли иноземца на шесть лѣтъ, и чтобъ другіе не сманили, контрактъ въ полиціи заявили. Подрядился учить, чему мы хотимъ, а по насъ—учи, чему самъ умѣетъ. Мы весь родительскій долгъ исполнили! Нѣмца приняли и деньги впередъ по третямъ платимъ. Желала бъ я душевно, чтобъ ты самъ, батюшка, полюбовался на Митрофанушку и посмотрѣлъ бы что́ онъ выучилъ.

Стародумъ. Я худой тому судья, сударыня.

Г-жа Простакова (*увидя Кутейкина и Цыфиркина*). Вотъ и учители! Не говорила ль я, батюшка, что Митрофанушка мой ни днемъ, ни ночью покою не имѣетъ. Свое дитя хвалить дурно, а куда не безсчастна будетъ та, которую приведетъ Богъ быть его женою.

Правдинъ. Это все хорошо. Не забудьте однакожъ, сударыня, что гость вашъ теперь только изъ Москвы пріѣхалъ, и что ему покой гораздо нужнѣе похвалъ вашего сына.

Стародумъ. Признаюсь, что я радъ бы отдохнуть и отъ дороги и отъ всего того, что слышалъ и что видѣлъ.

Г-жа Простакова. Ахъ, мой батюшка! все готово; сама для тебя комнату убирала.

Стародумъ. Благодаренъ! Софьюшка, проводи же меня.

Г-жа Простакова. А мы-то что? Позволь, мой батюшка, проводить тебя и мнѣ, и сыну, и мужу. Мы всѣ за твое здоровье въ Кіевъ пѣшкомъ обѣщаемся, лишь бы дѣльцо наше сладить.

Стародумъ (*къ Правдину*). Когда же мы увидимся? Отдохнувъ, я сюда прійду.

Правдинъ. Такъ я здѣсь и буду имѣть честь васъ видѣть.

Стародумъ. Радъ душею. (*Увидя Милона, которой ему съ почтеніемъ поклонился, откланивается и ему учтиво*).

Г-жа Простакова. Такъ милости просимъ.

(*Кромѣ учителей, всѣ отходятъ: Правдинъ съ Милономъ въ сторону, а прочіе въ другую*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Кутейкинъ. Что за бѣсовщина! Съ самаго утра толку не добьешься. Здѣсь каждое утро процвѣтетъ и погибнетъ.

Цыфиркинъ. А нашъ братъ и вѣкъ такъ живетъ. Дѣла не дѣлай, отъ дѣла не бѣгай. Вотъ бѣда нашему брату, какъ кормятъ плохо, какъ сегодня къ здѣшнему обѣду провіанту не стало...

Кутейкинъ. Да кабы не умудрилъ и меня Владыко, шедши сюда, забрести на перепутье къ нашей просвирнѣ, взалкахъ бы яко песъ ко вечеру.

Цыфиркинъ. Здѣшни господа добры командиры!

Кутейкинъ. Слыхалъ ли ты, братецъ, каково житье-то здѣшнимъ челядинцамъ? Даромъ что ты служивый, бывалъ на баталіяхъ, страхъ и тренетъ прійдетъ на тя...

Цыфиркинъ. Вотъ на, слыхалъ ли? Я самъ видалъ здѣсь бѣглый огонь въ сутки сряду часа по три. (*Вздохнувъ*) Охъ-ти мнѣ! Грусть беретъ.

Кутейкинъ. О, горе мнѣ грѣшному!

Цыфиркинъ. О чемъ вздохнулъ, Сидорычъ?

Кутейкинъ. И въ тебѣ смятеся сердце твое, Пафнутьевичъ?

Цыфиркинъ. За неволю призадумаешься! Далъ мнѣ Богъ

ученичка, боярскаго сынка. Бьюсь съ нимъ третій годъ; трехъ перечесть не умѣетъ.

Кутейкинъ. Такъ у насъ одна кручина. Четвертый годъ мучу свой животъ. Посесть часъ (24) кромѣ задовъ новой строки не разберетъ; да и зады мямлетъ, прости Господи, безъ складу по складамъ, безъ толку по толкамъ.

Цыфиркинъ. А кто виноватъ? Лишь онъ грифель въ руки, а Нѣмецъ въ двери: ему шабашъ изъ-за доски, а меня рады въ толчки.

Кутейкинъ. Тутъ мой ли грѣхъ? Лишь указку въ персты, басурманъ въ глаза: ученичка по головкѣ, а меня по шеѣ.

Цыфиркинъ (*съ жаромъ*). Я далъ бы себѣ ухо отнести, лишь бы этого тунеядца прошколить по-солдатски.

Кутейкинъ. Меня хоть теперь шелепами, лишь бы выю грѣшничу путемъ накостылять.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Г-жа Простакова и Митрофанъ.

Г-жа Простакова. Пока онъ отдыхаетъ, другъ мой, ты хоть для виду поучись, чтобъ дошло до ушей его, какъ ты трудишься, Митрофанушка.

Митрофанъ. Ну, а тамъ что?

Г-жа Простакова. А тамъ и женишься.

Митрофанъ. Слушай, матушка, я тебя потѣшу, поучусь; только чтобъ это былъ послѣдній разъ и чтобъ сегодня жъ быть сговору.

Г-жа Простакова. Прійдетъ часъ воли Божіей!

Митрофанъ. Часъ моей воли пришелъ: не хочу учиться, хочу жениться. Ты жъ меня взманила, пеняй на себя. Вотъ я сѣлъ. (*Цыфиркинъ очиниваетъ грифель*).

Г-жа Простакова. А я тутъ же присяду. Кошелекъ повяжу для тебя, другъ мой! Софьюшкины денежки было бъ куда класть.

Митрофанъ. Ну, давай доску, гарнизонная крыса! Задавай, что̀ писать.

Цыфиркинъ. Ваше благородіе завсегда безъ дѣла лаяться изволите.

Г-жа Простакова (*работая*). Ахъ, Господи Боже мой! ужъ ребенокъ не смѣй и избранить Пафнутьича! Ужъ и разгнѣвался!

Цыфиркинъ. За что разгнѣваться, ваше благородіе! У насъ россійская пословица: собака лаетъ, вѣтеръ носитъ.

Митрофанъ. Задавай же зады, поворачивайся.

Цыфиркинъ. Все зады, ваше благородіе. Вѣдь съ задами-то вѣкъ назади останешься.

Г-жа Простакова. Не твое дѣло, Пафнутьичъ. Мнѣ очень мило, что Митрофанушка впередъ шагать не любитъ. Съ его умомъ, да залетѣть далеко, да и Боже избави!

Цыфиркинъ. Задача: изволилъ ты, на прикладъ, идти по дорогѣ со мною; ну, хоть возьмемъ съ собою Сидорыча. Нашли мы трое...

Митрофанъ (*пишетъ*). Трое.

Цыфиркинъ. На дорогѣ, на прикладъ же, триста рублей.

Митрофанъ (*пишетъ*). Трисга.

Цифиркинъ. Дошло дѣло до дѣлежа. Смякнитко, по чему на брата?

Митрофанъ (*вычисляя, шепчетъ*). Единожды три—три; единожды нуль—нуль.

Г-жа Простакова. Что, что до дѣлежа?

Митрофанъ. Вишь триста рублей, что нашли, тропмъ раздѣлить.

Г-жа Простакова. Вретъ онъ, другъ мой сердечный! Нашедъ деньги, ни съ кѣмъ не дѣлись: всѣ себѣ возьми, Митрофанушка! не учись этой дурацкой наукѣ.

Митрофанъ. Слышь, Пафнутьичъ, задавай другую.

Цыфиркинъ. Пиши, ваше благородіе. За ученье жалуете мнѣ въ годъ десять рублей.

Митрофанъ. Десять.

Цыфиркинъ. Теперь, правда не за что; а кабы ты, баринъ, что-нибудь у меня перенялъ, не грѣхъ бы тогда было и еще прибавить десять.

Митрофанъ (*пишетъ*). Ну, ну, десять.

Цыфиркинъ. Сколько жъ бы на годъ?

Митрофанъ (*вычисляя, шепчетъ*). Нуль да нуль—нуль; одинъ да одинъ... (*Задумался.*)

Г-жа Простакова. Не трудись по пустому, другъ мой, гроша не прибавлю; да и не за что, наука не такая: лишь тебѣ мученье; а все вижу пустота. Денегъ нѣтъ—что считать, деньги есть—сочтемъ и безъ Пафнутьича хорошохонько.

Кутейкинъ. Шабашъ, право, Пафнутьичъ. Двѣ задачи рѣшены. Вѣдь, на понѣрку приводить не станутъ.

Митрофанъ. Не бось, братъ. Матушка тутъ сама не ошибется. Ступай-ка ты теперь, Кутейкинъ, проучи вчерашнее.

Кутейкинъ (*открываетъ часословъ. Митрофанъ беретъ указку*). Начнемъ благословясь. За мною со вниманіемъ. Азъ же есмь червь...

Митрофанъ. Азъ же есмь червь...

Кутейкинъ Червь, сирѣчь животина, скотъ. Сирѣчь: азъ есмь скотъ.

Митрофанъ. Азъ есмь скотъ.

Кутейкинъ (*учебнымъ голосомъ*). А не человѣкъ.

Митрофанъ (*также*). А не человѣкъ.

Кутейкинъ. Поношеніе человѣковъ.

Митрофанъ. Поношеніе человѣковъ.

Кутейкинъ. И уни...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Вральманъ.

Вральманъ. Ай! ай! ай! ай! ай! Теперь-то я фижу! Умарштъ хотятъ репенка! Матушка ты мая! сшалься натъ сфаей утропой, катора тефять мѣсесофъ таскала,—такъ скасать, асмое тифа фъ сфѣтѣ. Тай фолю этимъ преклятымъ слатѣямъ, исъ такой калафы толго ль палфанъ? Ушь диспозисіонъ, ушь все есть.

Г-жа Простакова. Правда, правда твоя, Адамъ Адамычъ! Митрофанушка, другъ мой, коли ученье такъ опасно для твоей головушки, такъ по мнѣ перестань.

Митрофанъ. А по мнѣ и подавна.

Кутейкинъ (*затворяя часословъ*). Конецъ и Богу слава.

Вральманъ. Матушка мая! Што тепѣ натопно? Сынокъ, какофъ есть, да талъ Похъ старовье; или сынокъ премудрой, такъ скасать, Аристотелисъ, да въ могилу.

Г-жа Простакова. Ахъ, какая страсть, Адамъ Адамычъ! Онъ же и такъ вчера небережно поужиналъ.

Вральманъ. Разсути-шь, мать мая, напилъ прюхо лишнѣ —пѣда; а фить калоушка-то у нефо караздо слапѣ прюха; напить ее лишнѣ, захрани Поже!

Г-жа Простакова. Правда твоя, Адамъ Адамычъ! Да что ты станешь дѣлать? Ребенокъ, не выучась, поѣзжай-ка въ тотъ же Петербургъ: скажутъ, дуракъ. Умницъ-то нынѣ завелось много; ихъ-то я боюсь.

Вральманъ. Чефо паяться, мая матушка? Расумнай пе-

ловѣкъ никахта ефо не сатеретъ, никахта зъ нимъ не саспоритъ: а онъ съ умными лютьми не сфясывайся, такъ и путетъ плаготенствіе Пожіе.

Г-жа Простакова. Вотъ какъ надобно тебѣ на свѣтѣ жить, Митрофанушка!

Митрофанъ. Я и самъ, матушка, до умницъ-то не охотникъ. Свой братъ завсегда лучше.

Вральманъ. Сфая кампанія то ли тѣло!

Г-жа Простакова. Адамъ Адамычъ! да изъ кого жъ ты ее выберешь?

Вральманъ. Не крушинься, мая матушка, не крушинься; каковъ тфой тражайшій сынъ, такихъ на сфѣтѣ милліоны, милліоны. Какъ ему не фыпрать сепѣ кампаній.

Г-жа Простакова. То даромъ, что мой сынъ: малый острый, проворный.

Вральманъ. То ли пы тѣло, капы не самарили ефо на ушенье! Россиска краматъ! Арихметика! Ахъ, Хоспоти Поже мой! Какъ туша фъ тѣлѣ остаёса! Какъ путто пы россиски тфорянинъ ушь и не могъ фъ сфѣтѣ авансировать пезъ россиской краматъ!

Кутейкинъ (*въ сторону*). Подъ языкъ бы тебѣ трудъ и болѣзнь.

Вральманъ. Какъ путто пы до арихметики пыли люти тураки несчотные!

Цыфиркинъ (*въ сторону*). Я те ребра-то пересчитаю. Попадешься ко мнѣ.

Вральманъ. Ему потрепно снать, какъ шить фъ свѣтѣ. Я снаю сфѣтъ наизустъ; я самъ терта калашъ.

Г-жа Простакова. Какъ тебѣ не знать большаго свѣту, Адамъ Адамычъ! Я чай, и въ одномъ Петербургѣ ты всего наглядѣлся.

Вральманъ. Тафольно, мая матушка, тафольно. Я сафсегда ахотникъ пылъ смотрѣть публикъ. Пыфало, о прасникѣ съѣтутца въ Катрингофъ кареты съ хосподамъ; я фсе на нихъ смотру. Пыфало, не сойту ни на минуту съ коселъ.

Г-жа Простакова. Съ какихъ козелъ?

Вральманъ (*въ сторону*). Ай, ай, ай, ай! Што я зафралъ! (*Въ слухъ*) Ты, матушка, снаешь, што сматрѣть фсегда лофче зповыши, такъ я, пыфало, на снакому карету и сасѣлъ: та и смотру польшой сфѣтъ съ коселъ ([25]).

Г-жа Простакова. Конечно, виднѣе. Умный человѣкъ знаетъ куда взлѣзть.

Вральманъ. Вашъ тражайшій сынъ также на сѣтѣ какъ нипуть всчаститца лютей посматрѣть и сепя покасать. Уталецъ! (*Митрофанъ, стоя на мѣстѣ, перевертывается*).

Вральманъ. Уталецъ! Не постоитъ на мѣстѣ, какъ тикой конь безъ усды. Ступай! Фортъ! (*Митрофанъ убѣгаетъ*).

Г-жа Простакова (*вздохнувъ радостно*). Ребенокъ, право, хоть и женихъ. Пойти за нимъ однакожъ, чтобъ онъ съ рѣзвости безъ умыслу чѣмъ-нибудь гостя не прогнѣвалъ.

Вральманъ. Поти, мая матушка! Салётна птица! Съ нимъ тфой гласа натопно.

Г-жа Простакова. Прощай же, Адамъ Адамычъ! (*Отходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Вральманъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Цыфиркинъ (*насмѣхаясь*). Эка образина!

Кутейкинъ (*насмѣхаясь*). Притча во языцѣхъ!

Вральманъ. Чему фы супы-то скалите, нефѣжи?

Цыфиркинъ (*ударивъ по плечу*). А ты что брови-то нахмурилъ, чухонская сова!

Вральманъ. Ой! ой! шелѣсны лапы!

Кутейкинъ (*ударивъ по плечу*). Филинъ проклятый, что ты буркалами-то похлопываешь?

Вральманъ (*тихо*). Пропаль я. (*Вслухъ*) Што фы истефаетесь, репята, што ли, нато мною?

Цыфиркинъ. Самъ праздно хлѣбъ ѣшь, и другимъ ничего дѣлать не даешь; да ты жъ еще и рожи не уставишь.

Кутейкинъ. Уста твоя всегда глаголаша гордыню, нечестивый!

Вральманъ (*оправляясь отъ робости*). Какъ фы терсаете нефѣшничать передъ ушёной персоной? Я накраулъ сакричу.

Цыфиркинъ. А мы те и честь отдадимъ: я доскою...

Кутейкинъ. А я часословомъ.

Вральманъ. Я хоспожѣ на фасъ пошалюсь.

(*Цыфиркинъ, замахиваясь доскою, а Кутейкинъ часословомъ*):

Цыфиркинъ. Раскрою тебѣ рожу на пятеро.

Кутейкинъ. Зубы грѣшника сокрушу.

(*Вральманъ бѣжитъ.*)

Вмѣстѣ.

Цыфиркинъ. Ага! поднялъ трусъ ноги!

Кутейкинъ. Направи стопы своя окаянный!

Вральманъ (*въ дверяхъ*). Што ѳсяли, пестія? Сюта суитесь.

Цыѳиркинъ. Уплелъ! Мы бы дали тебѣ таску.

Вральманъ. Лихъ не паюсь теперь, не паюсь.

Кутейкинъ. Засѣлъ пребеззаконный! Много ль тамъ васъ басурмановъ-то? Всѣхъ высылай.

Вральманъ. Съ атнимъ не слатили! Эхъ, пратъ, ѳсяли!

Цыѳиркинъ. Одинъ десятерыхъ уберу.

Кутейкинъ. Во утріе избію вся грѣшныя земли.

Всѣ вдругъ кричатъ.

конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Софья (*одна, глядя на часы*). Дядюшка скоро долженъ выйти. (*Садясь*) Я его здѣсь подожду. (*Вынимаетъ книжку и прочитавъ нѣсколько*) Это правда. Какъ не быть довольну сердцу, когда спокойна совѣсть! (*Прочитавъ опять нѣсколько*) Нельзя не любить правилъ добродѣтели: они способы къ счастію. (*Прочитавъ нѣсколько, взглянула и, увидѣвъ Стародума, къ нему подбѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Софья и Стародумъ.

Стародумъ. А! ты уже здѣсь, другъ мой сердечный!

Софья. Я васъ дожидалась, дядюшка. Читала теперь книжку.

Стародумъ. Какую?

Софья. Французскую: Фенелона, о воспитаніи дѣвицъ (26).

Стародумъ. Фенелона, автора Телемака? Хорошо. Я не знаю твоей книжки, однако читай ее, читай. Кто написалъ Телемака, тотъ перомъ своимъ нравовъ развращать не станетъ. Я боюсь для васъ нынѣшнихъ мудрецовъ. Мнѣ случилось читать изъ нихъ все то, что переведено по-русски.

Они, правда, искореняютъ сильно предразсудки, да воротятъ съ корня добродѣтель (27). Сядемъ. (*Оба сѣли*). Мое сердечное желаніе видѣть тебя столько счастливою, сколько въ свѣтѣ быть возможно.

Софья. Ваши наставленія, дядюшка, составятъ все мое благополучіе. Дайте мнѣ правила, которымъ я послѣдовать должна. Руководствуйте сердцемъ моимъ; оно готово вамъ повиноваться.

Стародумъ. Мнѣ пріятно расположеніе души твоей. Съ радостью подамъ тебѣ мои совѣты. Слушай меня съ такимъ вниманіемъ, съ какою искренностію я говорить буду. Поближе. (*Софья подвигаетъ стулъ свой*).

Софья. Дядюшка, всякое слово ваше врѣзано будетъ въ сердце мое.

Стародумъ (*съ важнымъ чистосердечіемъ*). Ты теперь въ тѣхъ лѣтахъ, въ которыхъ душа наслаждаться хочетъ всѣмъ бытіемъ своимъ, разумъ хочетъ знать, а сердце чувствовать. Ты входишь теперь въ свѣтъ, гдѣ первый шагъ рѣшитъ часто судьбу цѣлой жизни, гдѣ всего чаще первая встрѣча бываетъ: умы развращенные въ своихъ понятіяхъ, сердца развращенныя въ своихъ чувствіяхъ. О, мой другъ! умѣй различать, умѣй остановиться съ тѣми, которыхъ дружба къ тебѣ была бы надежною порукою за твой разумъ и сердце.

Софья. Все мое стараніе употреблю заслужить доброе мнѣніе людей достойныхъ. Да какъ мнѣ избѣжать, чтобъ тѣ, которые увидятъ, какъ отъ нихъ я удаляюсь, не стали на меня злобиться? Не можно ль, дядюшка, найти такое средство, чтобъ мнѣ никто на свѣтѣ зла не пожелалъ?

Стародумъ. Дурное расположеніе людей, недостойныхъ почтенія, не должно быть огорчительно. Знай, что зла никогда не желаютъ тѣмъ, кого презираютъ; а обыкновенно желаютъ зла тѣмъ кто имѣетъ право презирать. Люди не одному богатству, не одной знатности завидуютъ: и добродѣтель также своихъ завистниковъ имѣетъ. Они всею силою стараются развратить невинное сердце, чтобъ унизить его до себя самихъ, и разумъ, не имѣвшій испытанія, обольщаютъ до того, чтобъ полагать свое счастье не въ томъ, въ чемъ надобно.

Софья. Возможно ль, дядюшка, чтобъ были въ свѣтѣ такіе жалкіе люди, въ которыхъ дурное чувство родится точно отъ того, что есть въ другихъ хорошее. Добродѣтельный человѣкъ сжалиться долженъ надъ такими несчастными.

Стародумъ. Они жалки, это правда; однако для этого добродѣтельный человѣкъ не перестаетъ идти своей дорогой. Подумай ты сама, какое было бы несчастье, ежели бъ солнце перестало свѣтить для того, чтобъ слабыхъ глазъ не ослѣпить! (28).

Софья. Да скажите жъ мнѣ, пожалуйте, виноваты ли они? Всякій ли человѣкъ можетъ быть добродѣтеленъ?

Стародумъ. Повѣрь мнѣ, всякій найдетъ въ себѣ довольно силъ, чтобъ быть добродѣтельну. Надобно захотѣть рѣшительно, а тамъ всего будетъ легче не дѣлать того, за что бъ совѣсть угрызала.

Софья. Кто жъ остережетъ человѣка, кто не допуститъ до того, за что послѣ мучитъ его совѣсть?

Стародумъ. Кто остережетъ? Та же совѣсть. Вѣдай, что совѣсть всегда, какъ другъ, остерегаетъ прежде, нежели какъ судья наказываетъ.

Софья. Такъ поэтому надобно, чтобъ всякій порочный человѣкъ былъ дѣйствительно презрѣнія достоинъ, когда дѣлаетъ онъ дурно, знавъ что дѣлаетъ. Надобно, чтобъ душа его была очень низка, когда она не выше дурнаго дѣла.

Стародумъ. И надобно, чтобъ разумъ его былъ не прямой разумъ, когда онъ полагаетъ свое счастье не въ томъ, въ чемъ надобно.

Софья. Мнѣ казалось, дядюшка, что всѣ люди согласились, въ чемъ полагать свое счастье. Знатность, богатство ...

Стародумъ. Такъ, мой другъ! И я согласенъ назвать счастливымъ знатнаго и богатаго. Да сперва согласимся, кто знатенъ и кто богатъ. У меня мой разсчетъ. Степени знатности разсчитываю я по числу дѣлъ, которыя большой господинъ сдѣлалъ для отечества, а не по числу дѣлъ, которыя нахваталъ на себя изъ высокомѣрія; не по числу людей, которые шатаются въ его передней, а по числу людей, довольныхъ его поведеніемъ и дѣлами (29). Мой знатный человѣкъ, конечно, счастливъ; богачъ мой тоже. По моему разсчету, не тотъ богатъ, который отсчитываетъ деньги, чтобъ прятать ихъ въ сундукъ, а тотъ, который отсчитываетъ у себя лишнее, чтобъ помочь тому, у кого нѣтъ нужнаго.

Софья. Какъ это справедливо? Какъ наружность насъ ослѣпляетъ? Мнѣ самой случалось видѣть множество разъ, какъ завидуютъ тому, кто у двора ищетъ и значитъ...

Стародумъ. А того не знаютъ, что у двора всякая тварь что нибудь да значитъ и чего нибудь да ищетъ: того не знаютъ, что у двора всѣ придворные и у всѣхъ

придворные. Нѣтъ, тутъ завидовать нечему: безъ знатныхъ дѣлъ знатное состояніе ничто.

Софья. Конечно, дядюшка. И такой знатный никого счастливымъ не дѣлаетъ, кромѣ себя одного.

Стародумъ. Какъ! А развѣ тотъ счастливъ, кто счастливъ одинъ? Знай, что какъ бы онъ знатенъ ни былъ, душа его прямаго удовольствія не вкушаетъ. Вообрази себѣ человѣка, который бы всю свою знатность устремилъ на то только, чтобъ ему одному было хорошо, который бы и достигъ уже до того, чтобъ самому ему ничего желать не оставалось; вѣдь тогда вся душа его занялась бы однимъ чувствомъ, одной боязнію: рано или поздно сверзиться. Скажи жъ, мой другъ, счастливъ ли тотъ, кому нечего желать, а есть чего бояться?

Софья. Вижу, какая разница казаться счастливымъ и быть дѣйствительно. Да мнѣ это не понятно, дядюшка, какъ можно человѣку все помнить одного себя. Неужели не разсуждаютъ, чѣмъ одинъ обязанъ другому? Гдѣ жъ умъ, которымъ такъ величаются?

Стародумъ. Чѣмъ умомъ величаться, другъ мой? Умъ, коль онъ только что умъ, самая бездѣлица. Съ пребѣглыми умами видимъ мы худыхъ мужей, худыхъ отцовъ, худыхъ гражданъ. Прямую цѣну уму даетъ благонравіе: безъ него умный человѣкъ чудовище. Онъ неизмѣримо выше всей бѣлости ума. Это легко понять всякому, кто хорошенько подумаетъ. Умовъ много-и-много разныхъ. Умнаго человѣка легко извинить можно, если онъ какого нибудь качества ума и не имѣетъ; честному человѣку никакъ простить нельзя, ежели не достаетъ въ немъ какого нибудь качества сердца: ему необходимо всѣ имѣть надобно. Достоинство сердца нераздѣлимо. Честный человѣкъ долженъ быть совершенно честный человѣкъ (30).

Софья. Ваше изъясненіе, дядюшка, сходно съ моимъ внутреннимъ чувствомъ, котораго я изъяснить не могла. Я теперь живо чувствую и достоинство честнаго человѣка и его должность.

Стародумъ. Должность! А, мой другъ, какъ это слово у всѣхъ на языкѣ, и какъ мало его понимаютъ! Всечастное употребленіе этого слова такъ насъ съ нимъ ознакомило, что, выговоря его, человѣкъ ничего уже не мыслитъ, ничего не чувствуетъ. Еслибъ люди понимали его важность, никто не могъ бы вымолвить его безъ душевнаго почтенія.

Подумай, что такое должность. Это тотъ священный обѣтъ, которымъ обязаны мы всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ живемъ и отъ кого зависимъ. Еслибъ такъ должность исполняли, какъ объ ней твердятъ: всякое состояніе людей осталось бы при своемъ любочестіи и было бъ совершенно счастливо. Дворянинъ, напримѣръ, считалъ бы за первое безчестье не дѣлать ничего, когда есть ему столько дѣла: есть люди, которымъ помогать; есть отечество, которому служить. Тогда не было бъ такихъ дворянъ, которыхъ благородство, можно сказать, погребено съ ихъ предками. Дворянинъ, недостойный быть дворяниномъ — подлѣе его ничего на свѣтѣ не знаю!

Софья. Возможно ль такъ себя унизить?

Стародумъ. Другъ мой, что сказалъ я о дворянинѣ, распространимъ теперь вообще на человѣка. У каждаго свои должности. Посмотримъ, какъ онѣ исполняются. Каковы, напримѣръ, большею частію мужья нынѣшняго свѣта; не забудемъ, каковы и жены. О, мой сердечный другъ! теперь мнѣ все твое вниманіе потребно. Возьмемъ въ примѣръ несчастный домъ, каковыхъ множество, гдѣ жена не имѣетъ никакой сердечной дружбы къ мужу, ни онъ къ женѣ довѣренности; гдѣ каждый съ своей стороны своротили съ пути добродѣтели. Вмѣсто искренняго и снисходительнаго друга, жена видитъ въ мужѣ своемъ грубаго и развращеннаго тирана. Съ другой стороны, вмѣсто кротости, чистосердечія, свойствъ жены добродѣтельной, мужъ видитъ въ душѣ своей жены одну своенравную наглость, а наглость въ женщинѣ есть вывѣска порочнаго поведенія. Оба стали другъ другу въ несносную тягость; оба ни во что уже не ставятъ доброе имя, потому что у обоихъ оно потеряно. Можно ль быть ужаснѣе ихъ состоянія? Домъ брошенъ; люди забываютъ долгъ повиновенія, видя въ самомъ господинѣ своемъ раба гнусныхъ страстей его; имѣніе расточается: оно сдѣлалось ничье, когда хозяинъ его самъ не свой. Дѣти, несчастныя ихъ дѣти, при жизни отца и матери уже осиротѣли. Отецъ, не имѣя почтенія къ женѣ своей, едва смѣетъ ихъ обнять, едва смѣетъ отдаться нѣжнѣйшимъ чувствованіямъ человѣческаго сердца. Невинные младенцы лишены также и горячности матери. Она, недостойная имѣть дѣтей, уклоняется ихъ ласки, видя въ нихъ или причины безпокойствъ своихъ, или упрекъ своего развращенія. И какого воспитанія ожи-

дать дѣтямъ отъ матери, потерявшей добродѣтель? Какъ ей учить ихъ благонравію, котораго въ ней нѣтъ? Въ минуты, когда мысль ихъ обращается на ихъ состояніе, какому аду должно быть въ душахъ и мужа, и жены?

Софья. Ахъ, какъ я ужасаюсь этого примѣра!

Стародумъ. И не дивлюся: онъ долженъ привести въ трепетъ добродѣтельную душу. Я еще той вѣры, что человѣкъ не можетъ быть и развращенъ столько, чтобъ могъ спокойно смотрѣть на то, что̀ видимъ.

Софья. Боже мой! отчего такія страшныя несчастія?

Стародумъ. Отъ того, мой другъ, что при нынѣшнихъ супружествахъ рѣдко съ сердцемъ совѣтуются. Дѣло о томъ: знатенъ ли, богатъ ли женихъ, хороша ли, богата ли невѣста; о благонравіи вопросу нѣтъ. Никому и въ голову не входитъ, что въ глазахъ мыслящихъ людей честный человѣкъ безъ большаго чина презнатная особа; что добродѣтель все замѣняетъ, а добродѣтели ничто замѣнить не можетъ. Признаюсь тебѣ, другъ мой, что сердце мое тогда только будетъ спокойно, когда увижу тебя за мужемъ, достойнымъ твоего сердца, когда взаимная любовь ваша...

Софья. Да какъ достойнаго мужа не любить дружески?

Стародумъ. Такъ. Только, пожалуй, не имѣй ты къ мужу своему любви, которая на дружбу походила бъ; имѣй къ нему дружбу, которая на любовь бы походила: это будетъ гораздо прочнѣе. Тогда, послѣ двадцати лѣтъ женитьбы, найдете въ сердцахъ вашихъ прежнюю другъ къ другу привязанность. Мужъ благоразумный, жена добродѣтельная—что̀ почтеннѣе быть можетъ! Надобно, мой другъ, чтобъ мужъ твой повиновался разсудку, а ты мужу, и будете оба совершенно благополучны.

Софья. Все, что̀ вы ни говорите, трогаетъ сердце мое...

Стародумъ (*съ нѣжнѣйшею горячностію*). И мое восхищается, видя твою чувствительность. Отъ тебя зависитъ твое счастье. Богъ далъ тебѣ всѣ пріятности твоего пола. Вижу въ тебѣ сердце честнаго человѣка. Ты, мой сердечный другъ, ты соединяешь въ себѣ обоихъ половъ совершенства. Ласкаюсь, что горячность моя меня не обманываетъ что добродѣтель...

Софья. Ты ею наполнилъ всѣ мои чувства. (*Бросясь цаловать его руки*) Гдѣ она?...

Стародумъ (*цалуя самъ ея руки*). Она въ твоей душѣ.

Благодарю Бога, что въ самой тебѣ нахожу твердое основаніе твоего счастія. Оно не будетъ зависѣть ни отъ знатности, ни отъ богатства. Все это прійти къ тебѣ можетъ; однако для тебя есть счастье всего этого больше. Это то, чтобъ чувствовать себя достойною всѣхъ благъ, которыми ты можешь наслаждаться...

Софья. Дядюшка! Истинное мое счастье то, что ты у меня есть. Я знаю цѣну...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Каммердинеръ.

(*Каммердинеръ подаетъ письмо Стародуму.*)

Стародумъ. Откуда?

Каммердинеръ. Изъ Москвы, съ нарочнымъ. (*Отходитъ*).

Стародумъ (*распечатавъ и смотря на подпись*). Графъ Честанъ. А! (*Начиная читать, показываетъ видъ, что глаза разобрать не могутъ*). Софьюшка, очки мои на столѣ, въ книгѣ.

Софья (*отходя*). Тотчасъ, дядюшка.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Стародумъ (*одинъ*). Онъ, конечно, пишетъ ко мнѣ о томъ же, о чемъ въ Москвѣ сдѣлалъ предложеніе? Я не знаю Милона; но когда дядя его мой истинный другъ, когда вся публика считаетъ его честнымъ и достойнымъ человѣкомъ... если свободно ея сердце...

ЯВЛЕНІЕ V.

Стародумъ и Софья.

Софья (*подавая очки*). Нашла, дядюшка.

Стародумъ (*читаетъ*)... «Я теперь только узналъ... ведетъ въ Москву свою команду... онъ съ вами долженъ встрѣтиться. Сердечно буду радъ, если онъ увидится съ вами... Возьмите трудъ узнать образъ мыслей его...» (*Въ сторону.*) Конечно, безъ того ее не выдамъ... «Вы найдете... Вашъ истинный другъ...» Хорошо. Это письмо до тебя принадлежитъ. Я сказывалъ тебѣ, что молодой человѣкъ, похвальныхъ свойствъ, предоставленъ... Слова мои тебя смущаютъ, другъ мой сердечный; я это и давича примѣтилъ и теперь вижу. Довѣренность твоя ко мнѣ...

Софья. Могу ли я имѣть на сердцѣ что нибудь отъ васъ скрытое? Нѣтъ, дядюшка, я чистосердечно скажу вамъ...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Правдинъ и Милонъ.

Правдинъ. Позвольте представить вамъ господина Милона, моего истиннаго друга.

Стародумъ (*въ сторону*). Милонъ!

Милонъ. Я почту за истинное счастіе, если удостоюсь вашего добраго мнѣнія, вашихъ ко мнѣ милостей...

Стародумъ. Графъ Честанъ не свойственникъ ли вашъ?

Милонъ. Онъ мнѣ дядя.

Стародумъ. Мнѣ очень пріятно быть знакому съ человѣкомъ вашихъ качествъ. Дядя вашъ мнѣ о васъ говорилъ. Онъ отдаетъ вамъ всю справедливость. Особливыя достоинства...

Милонъ. Это его ко мнѣ милость. Въ мои лѣта и въ моемъ положеніи было бы непростительное высокомѣріе считать все то заслуженнымъ, чѣмъ молодаго человѣка ободряютъ достойные люди.

Правдинъ. Я напередъ увѣренъ, что другъ мой пріобрѣтетъ вашу благосклонность, если вы его узнаете короче. Онъ бывалъ часто въ домѣ покойной сестрицы вашей...

(*Стародумъ оглядывается на Софью.*)

Софья (*тихо Стародуму и въ большой робости*). И матушка любила его какъ сына.

Стародумъ (*Софьѣ*). Мнѣ это очень пріятно. (*Милону*) Я слышалъ, что вы были въ Арміи. Неустрашимость ваша...

Милонъ. Я дѣлалъ мою должность. Ни лѣта мои, ни чинъ, ни положеніе еще не позволяли мнѣ показать прямой неустрашимости, буде есть во мнѣ она.

Стародумъ. Какъ! Будучи въ сраженіяхъ и подвергая жизнь свою...

Милонъ. Я подвергалъ ее какъ прочіе. Тутъ храбрость была такое качество сердца, какое солдату велитъ имѣть начальникъ, а офицеру честь. Признаюсь вамъ искренно, что показать прямой неустрашимости не имѣлъ я еще никакого случая; испытать же себя сердечно желаю.

Стародумъ. Я крайне любопытенъ знать, въ чемъ же полагаете вы прямую неустрашимость?

Милонъ. Если позволите мнѣ сказать мысль мою: я полагаю истинную неустрашимость въ душѣ, а не въ сердцѣ. У кого она въ душѣ, у того, безъ всякаго сомнѣнія, и храброе сердце. Въ нашемъ военномъ ремеслѣ храбръ долженъ быть воинъ, неустрашимъ военачальникъ. Онъ съ холодною кровью усматриваетъ всѣ степени опасности, принимаетъ нужныя мѣры, славу свою предпочитаетъ жизни; но что всего болѣе—онъ для пользы и славы отечества не устрашается забыть свою собственную славу. Неустрашимость его состоитъ слѣдственно не въ томъ, чтобъ презирать жизнь свою: онъ ее никогда и не отваживаетъ; онъ умѣетъ ею жертвовать.

Стародумъ. Справедливо. Вы прямую неустрашимость полагаете въ начальникѣ; свойственна ли же она и другимъ состояніямъ?

Милонъ. Она добродѣтель; слѣдственно нѣтъ состоянія, которое ею не могло бы отличиться. Мнѣ кажется, храбрость сердца доказывается въ часъ сраженія, а неустрашимость души во всѣхъ испытаніяхъ, во всѣхъ положеніяхъ жизни (31). И какая разница между безстрашіемъ солдата, который на приступѣ отваживаетъ жизнь свою на ряду съ прочими, и между неустрашимостію человѣка государственнаго, который говоритъ правду государю, отваживаясь его прогнѣвать? Судья, который, не убоясь ни мщенія, ни угрозъ сильнаго, отдалъ справедливость безпомощному, въ моихъ глазахъ—герой. Какъ мала душа того, кто за бездѣлицу вызоветъ на дуэль, передъ тѣмъ, кто вступится за отсутствующаго, котораго честь при немъ клеветники терзаютъ? Я понимаю неустрашимость такъ...

Стародумъ. Какъ понимать должно тому, у кого она въ душѣ. Обойми меня, другъ мой! Извини мое простосердечіе: я другъ честныхъ людей. Это чувство вкоренено въ мое воспитаніе. Въ тебѣ вижу и почитаю добродѣтель, украшенную разсудкомъ просвѣщеннымъ.

Милонъ. Душа благородная... Нѣтъ не могу скрывать болѣе моего сердечнаго чувства... Нѣтъ. Добродѣтель твоя извлекаетъ силою своею все таинство души моей. Если мое сердце добродѣтельно, если стоитъ оно быть счастливо, отъ тебя зависитъ сдѣлать его счастье. Я полагаю его въ томъ, чтобъ имѣть женою любезную племянницу вашу. Взаимная наша склонность...

Стародумъ (*къ Софьѣ, съ радостью*). Какъ! Сердце твое

умѣло отличить того, кого я самъ предлагалъ тебѣ? Вотъ мой тебѣ женихъ...

Софья. И я люблю его сердечно.

Стародумъ. Вы оба другъ друга достойны. (*Въ восхищеніи соединяя ихъ руки*). Отъ всей души моей даю вамъ мое согласіе.

Милонъ (*обнимая Стародума*). Мое счастіе несравненно!

Софья (*цалуя руки Стародумовы*). Кто можетъ быть счастливѣе меня? } *Вмѣстѣ.*

Правдинъ. Какъ искренно я радъ!

Стародумъ. Мое удовольствіе неизреченно.

Милонъ (*цалуя руку Софьи*). Вотъ минута нашего благополучія!

Софья. Сердце мое вѣчно любить тебя будетъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Скотининъ.

Скотининъ. И я здѣсь.

Стародумъ. Зачѣмъ пожаловалъ?

Скотининъ. За своей нуждой.

Стародумъ. А чѣмъ я могу служить?

Скотининъ. Двумя словами.

Стародумъ. Какими это?

Скотининъ. Обнявъ меня покрѣпче, скажи: Софьюшка твоя.

Стародумъ. Не пустое ль затѣвать изволишь? Подумайка хорошенько.

Скотининъ. Я никогда не думаю и напередъ увѣренъ, что коли и ты думать не станешь, то Софьюшка моя.

Стародумъ. Это странное дѣло! Человѣкъ ты, какъ вижу, не безъ ума, а хочешь, чтобъ я отдалъ мою племянницу за кого, не знаю.

Скотининъ. Не знаешь, такъ скажу. Я Тарасъ Скотининъ, въ родѣ своемъ не послѣдній. Родъ Скотининыхъ великій и старинный. Пращура нашего ни въ какой гербовницѣ не отыщешь.

Правдинъ (*смѣючись*). Эдакъ вы насъ увѣрите, что онъ старѣе Адама.

Скотининъ. А что ты думаешь? Хоть немногимъ...

Стародумъ (*смѣючись*). То есть, пращуръ твой созданъ хоть въ шестой же день, да немного попрежде Адама.

Скотининъ. Нѣтъ, право? Такъ ты добраго мнѣнія о старинѣ моего рода?

Стародумъ. О! такого-то добраго, что я удивляюсь какъ на твоемъ мѣстѣ можно выбирать жену изъ другаго рода, какъ изъ Скотининыхъ?

Скотининъ. Разсуди же, какое счастье Софьюшкѣ быть за мною. Она дворянка...

Стародумъ. Экой человѣкъ! Да для того-то ты ей и не женихъ.

Скотининъ. Уже я на то пошелъ. Пусть болтаютъ, что Скотининъ женился на дворяночкѣ; для меня все равно.

Стародумъ. Да для меня не все равно, когда скажутъ, что дворянка вышла за Скотинина.

Милонъ. Такое неравенство сдѣлало бъ несчастье вамъ обоимъ.

Скотининъ. Ба! Да этотъ что тутъ равняется? (*Тихо Стародуму*) А! не отбиваетъ ли?

Стародумъ (*тихо Скотинину*). Мнѣ такъ кажется.

Скотининъ (*тѣмъ же тономъ*). Да гдѣ къ чорту!

Стародумъ (*тѣмъ же тономъ*). Тяжело.

Скотининъ (*громко, указывая на Милона*). Кто жъ изъ насъ смѣшонъ? Ха, ха, ха, ха!

Стародумъ (*смѣется*). Вижу, кто смѣшонъ.

Софья. Дядюшка, какъ мнѣ мило, что вы веселы.

Скотининъ (*Стародуму*). Ба! Да ты весельчакъ. Давича я думалъ, что къ тебѣ и приступу нѣтъ. Мнѣ слова не сказать, а теперь все со мной смѣешься.

Стародумъ. Таковъ человѣкъ, мой другъ! Часъ на часъ не приходитъ.

Скотининъ. Это и видно. Вѣдь и давича былъ я тотъ же Скотининъ, а ты сердился.

Стародумъ. Была причина.

Скотининъ. Я ее и знаю. Я и самъ въ этомъ таковъ же. Дома, когда зайду въ хлѣва, да найду свиней не въ порядкѣ,—досада и возьметъ. И ты, не въ пронось слово, заѣхавъ сюда, нашелъ сестринъ домъ не лучше хлѣвовъ,—тебѣ и досадно.

Стародумъ. Ты меня счастливѣе. Меня трогаютъ люди.

Скотининъ. А меня такъ свиньи.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, Г-жа Простакова, Простаковъ, Митрофанъ и Еремѣевна.

Г-жа Простакова (*входя*). Все ль съ тобою, другъ мой!

Митрофанъ. Ну, да ужъ не заботься.

Г-жа Простакова (*Стародуму*). Хорошо ли отдохнуть изволилъ, батюшка? Мы всѣ въ четвертой комнатѣ на цыпочкахъ ходили, чтобъ тебя не обезпокоить; не смѣли въ дверь заглянуть; послышитъ, анъ ужъ ты давно и сюда выйти изволилъ. Не взыщи, батюшка...

Стародумъ. О, сударыня, мнѣ очень было бы досадно, ежели бъ вы сюда пожаловали ранѣе.

Скотининъ. Ты, сестра, какъ на смѣхъ, все за мною по пятамъ. Я пришелъ сюда за своею нуждою.

Г-жа Простакова. А я такъ за своею. (*Стародуму*) Позволь же, мой батюшка, потрудить васъ теперь общею нашею просьбою. (*Мужу и сыну*) Кланяйтесь.

Стародумъ. Какою, сударыня?

Г-жа Простакова. Во-первыхъ, прошу милости всѣхъ садиться. (*Всѣ садятся, кромѣ Митрофана и Еремѣевны*). Вотъ въ чемъ дѣло, батюшка. За молитвы родителей нашихъ (намъ грѣшнымъ гдѣ бъ и умолить!) даровалъ намъ Господь Митрофанушку. Мы все дѣлали, чтобъ онъ у насъ сталъ таковъ, какъ изволишь его видѣть. Не угодно ль, мой батюшка, взять на себя трудъ и посмотрѣть, какъ онъ у насъ выученъ?

Стародумъ. О, сударыня, до моихъ ушей уже дошло, что онъ теперь только и отучиться изволилъ. Я слышалъ объ его учителяхъ и вижу напередъ, какому грамотѣю ему быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику, учася у Цыфиркина. (*Къ Правдину*) Любопытенъ бы я былъ послушать, чему Нѣмецъ-отъ его выучилъ.

Г-жа Простакова. Всѣмъ наукамъ, батюшка.

Простаковъ. Всему, мой отецъ.

Митрофанъ. Всему, чему изволишь.

Вмѣстѣ.

Правдинъ (*Митрофану*). Чему жъ бы напримѣръ?

Митрофанъ (*подаетъ ему книгу*). Вотъ, грамматикѣ.

Правдинъ (*взявъ книгу*). Вижу. Это грамматика. Что жъ вы въ ней знаете?

Митрофанъ. Много. Существительна, да прилагательна ..

Правдинъ. Дверь, напримѣръ, какое имя: существительное, или прилагательное?

Митрофанъ. Дверь? котора дверь?

Правдинъ. Котора дверь! Вотъ эта.

Митрофанъ. Эта? Прилагательна.

Правдинъ. Почему жъ?

Митрофанъ. Потому что она приложена къ своему мѣсту. Вонъ у чулана шеста недѣля дверь стоитъ еще не навѣшена: такъ та покамѣстъ существительна.

Правдинъ. Такъ поэтому у тебя слово дуракъ прилагательное, потому что оно прилагается къ глупому человѣку?

Митрофанъ. И вѣдомо.

Г-жа Простакова. Что, каково, мой батюшка?

Простаковъ. Каково, мой отецъ?

Правдинъ. Нельзя лучше. Въ грамматикѣ онъ силенъ.

Милонъ. Я думаю, не меньше и въ исторіи.

Г-жа Простакова. То, мой батюшка, онъ еще съизмала къ исторіямъ охотникъ.

Скотининъ. Митрофанъ по мнѣ. Я самъ безъ того глазъ не сведу, чтобъ выборный не разсказывалъ мнѣ исторій. Мастеръ, собачій сынъ! Откуда что берется!

Г-жа Простакова. Однако все-таки не придетъ противъ Адама Адамыча.

Правдинъ (*Митрофану*). А далеко ли вы въ исторіи?

Митрофанъ. Далеко-ль? Какова исторія. Въ иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

Правдинъ. А! такъ этой-то исторіи учитъ васъ Вральманъ?

Стародумъ. Вральманъ! Имя что-то знакомое.

Митрофанъ. Нѣтъ. Нашъ Адамъ Адамычъ исторіи не разсказываетъ; онъ, что я же, самъ охотникъ слушать.

Г-жа Простакова. Они оба заставляютъ себѣ разсказывать исторіи скотницу Хавронью.

Правдинъ. Да не у ней ли оба вы учились и географіи?

Г-жа Простакова (*сыну*). Слышишь, другъ мой сердечный. Это что за наука?

Митрофанъ (*тихо матери*). А я почемъ знаю.

Г-жа Простакова (*тихо Митрофану*). Не упрямься, душенька, теперь-то себя и показать.

Митрофанъ (*тихо матери*). Да я не возьму въ толкъ о чемъ спрашиваютъ.

Г-жа Простакова (*Правдину*). Какъ, батюшка, назвалъ ты науку-то?

Правдинъ. Географія.

Г-жа Простакова (*Митрофану*). Слышишь, еоргафія.

Митрофанъ. Да что такое? Господи Боже мой! Пристали съ ножемъ къ горлу.

Г-жа Простакова (*Правдину*). И вѣдомо, батюшка. Да скажи ему, сдѣлай милость, какая эта наука-то: онъ ее и разскажетъ.

Правдинъ. Описаніе земли.

Г-жа Простакова (*Стародуму*). А къ чему бы это служило на первый случай?

Стародумъ. На первый случай годилось бы и къ тому что ежели бъ случилось ѣхать, такъ знаешь куда ѣдешь.

Г-жа Простакова. Ахъ, мой батюшка! Да извощики-то на что жъ? (32) Это ихъ дѣло. Это таки и наука-то не дворянская. Дворянинъ только скажи: повези меня туда.—свезутъ, куда изволишь. Мнѣ повѣрь, батюшка, что, конечно, то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка.

Стародумъ. О, конечно, сударыня, въ человѣческомъ невѣжествѣ весьма утѣшительно считать все то за вздоръ, чего не знаешь.

Г-жа Простакова. Безъ наукъ люди живутъ и жили. Покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достаточекъ нажить и сохранить. Челобитчиковъ принималъ всегда, бывало, сидя на желѣзномъ сундукѣ. Послѣ всякаго сундукъ отворитъ и что нибудь положитъ. То-то экономъ былъ! Жизни не жалѣлъ, чтобъ изъ сундука ничего не вынуть. Передъ другимъ не похвалюсь, отъ васъ не потаю: покойникъ свѣтъ, лежа на сундукѣ съ деньгами, умеръ, такъ сказать, съ голоду. А! каково это?

Стародумъ. Препохвально. Надобно быть Скотинину чтобъ вкусить такую блаженную кончину.

Скотининъ. Да коль доказывать, что ученье вздоръ, такъ возьмемъ дядю Вавилу Фалелеича. О грамотѣ никто отъ него не слыхивалъ, ни онъ ни отъ кого слышать не хотѣлъ: а какова была голова!

Правдинъ. Что жъ такое?

Скотининъ. Да съ нимъ на роду вотъ что случилось. Верхомъ на борзомъ иноходцѣ разбѣжался онъ хмѣльной въ каменны ворота. Мужикъ былъ рослый, ворота низки: за-

быть наклониться — какъ хватитъ себя лбомъ о притолку, видо пригнуло дядю къ похвямъ нотылицею, и бодрый конь вынесъ его изъ воротъ къ крыльцу навзничь. Я хотѣлъ бы знать: есть ли на свѣтѣ ученый лобъ, который бы отъ такого тумака не развалился; а дядя, вѣчная ему память, протрезвясь, спросилъ только: цѣлы ли ворота?

Милонъ. Вы, господинъ Скотининъ, сами признаете себя неученымъ человѣкомъ; однако, я думаю, въ этомъ случаѣ и вашъ лобъ былъ бы не крѣпче ученаго.

Стародумъ (*Милону*). Объ закладъ не бейся, другъ мой Я думаю, что Скотинины всѣ родомъ крѣпколобы.

Г-жа Простакова. Батюшка мой! да что за радость и выучиться? Мы это видимъ своими глазами и въ нашемъ краю. Кто посмышленѣе, того свои же братья тотчасъ выберутъ еще въ какую нибудь должность.

Стародумъ. А кто посмышленѣе, тотъ и не откажетъ быть полезнымъ своимъ согражданамъ.

Г-жа Простакова. Богъ васъ знаетъ, какъ вы нынче судите. У насъ, бывало, всякій того и смотритъ, что на покой. (*Правдину*) Ты самъ, батюшка, сколько трудишься! Вотъ и теперь, сюда шедши, я видѣла, что къ тебѣ несутъ какой-то пакетъ.

Правдинъ. Ко мнѣ пакетъ? И мнѣ никто этого не скажетъ! (*Вставая*) Я прошу извинить меня, что васъ оставлю. Можетъ быть, есть ко мнѣ какія нибудь повелѣнія отъ намѣстника.

Стародумъ (*встаетъ и всѣ встаютъ*). Поди, мой другъ; однако я съ тобою не прощаюсь.

Правдинъ. Я еще увижусь съ вами. Вы завтра ѣдете по утру?

Стародумъ. Часовъ въ семь. (*Правдинъ отходитъ*).

Милонъ. А я завтра же, проводя васъ, поведу мою команду. Теперь пойду сдѣлать къ тому распоряженіе. (*Милонъ отходитъ, прощаясь съ Софьею взорами.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Г-жа Простакова, Митрофанъ, Простаковъ, Еремѣевна, Стародумъ и Софья.

Г-жа Простакова (*Стародуму*). Ну, мой батюшка, ты довольно видѣлъ, каковъ Митрофанушка?

Скотининъ. Ну, мой другъ сердечный, ты видишь, каковъ я?

Стародумъ. Узналъ обоихъ, нельзя короче.

Скотининъ. Быть ли же за мною Софьюшкѣ?

Стародумъ. Не бывать.

Г-жа Простакова. Женихъ ли ей Митрофанушка?

Стародумъ. Не женихъ.

Г-жа Простакова. А что бъ помѣшало?
Скотининъ. За чѣмъ дѣло стало? } *Вмѣстѣ.*

Стародумъ (*сведя обоихъ*). Вамъ однимъ за секретъ сказать можно: она сговорена. (*Отходитъ и даетъ знакъ Софьѣ, чтобъ шла за нимъ*).

Г-жа Простакова. Ахъ, злодѣй?

Скотининъ. Да онъ рехнулся.

Г-жа Простакова (*съ нетерпѣніемъ*). Когда они выѣдутъ?

Скотининъ. Вѣдь ты слышала, поутру въ семь часовъ.

Г-жа Простакова. Въ семь часовъ.

Скотининъ. Завтра и я проснусь съ свѣтомъ вдругъ. Будь онъ уменъ, какъ изволитъ, а и съ Скотининымъ развяжется не скоро (*отходитъ*).

Г-жа Простакова (*бѣгая по театру въ злобѣ и въ мысляхъ*). Въ семь часовъ!... Мы встанемъ поранѣ.... Что захотѣла, поставлю на своемъ... Всѣ ко мнѣ. (*Всѣ подбѣгаютъ.*)

Г-жа Простакова (*къ мужу*). Завтра въ шесть часовъ, чтобъ карета подвезена была къ заднему крыльцу. Слышишь ли ты? Не прозѣвай.

Простаковъ. Слышу, мать моя.

Г-жа Простакова (*къ Еремѣевнѣ*). Ты во всю ночь не смѣй вздремать у Софьиныхъ дверей. Лишь она проснется, бѣги ко мнѣ.

Еремѣевна. Не промигну, моя матушка.

Г-жа Простакова (*сыну*). Ты, мой другъ сердечный, самъ въ шесть часовъ будь совсѣмъ готовъ и поставь троихъ слугъ въ Софьиной передспальней, да двоихъ въ сеняхъ на подмогу.

Митрофанъ. Все будетъ сдѣлано.

Г-жа Простакова. Подите жъ съ Богомъ. (*Всѣ отходятъ*). А я ужъ знаю, что дѣлать. Гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость. Старикъ погнѣвается, да проститъ и за неволю. А мы свое возьмемъ.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Стародумъ и Правдинъ.

Правдинъ. Это былъ тотъ пакетъ, о которомъ при васъ сама здѣшняя хозяйка вчера меня увѣдомила.

Стародумъ. И такъ ты имѣешь теперь способъ прекратить безчеловѣчіе злой помѣщицы?

Правдинъ. Мнѣ поручено взять подъ опеку домъ и деревни при первомъ бѣшенствѣ, отъ котораго могли бы пострадать подвластные ей люди.

Стародумъ. Благодареніе Богу, что человѣчество найти защиту можетъ! Повѣрь мнѣ, другъ мой, гдѣ государь мыслитъ, гдѣ знаетъ онъ, въ чемъ его истинная слава, тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться его права; тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастья и выгодъ въ томъ одномъ, что законно (23), и что угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ беззаконно.

Правдинъ. Я въ этомъ согласенъ съ вами: да, какъ мудрено истреблять закоренѣлые предразсудки, въ которыхъ низкія души находятъ свои выгоды!

Стародумъ. Слушай, другъ мой! Великій государь есть государь премудрый. Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости его та, чтобъ править людьми, потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости (24). Крестьянинъ, который плюше всѣхъ въ деревнѣ, выбирается обыкновенно пасти стадо, потому что немного надобно ума пасти скотину. Достойный престола государь стремится возвысить души своихъ подданныхъ. Мы это видимъ своими глазами.

Правдинъ. Удовольствіе, которымъ государи наслаждаются, владѣя свободными душами, должно быть столь велико, что я не понимаю, какія побужденія могли бы отвлекать.....

Стародумъ. А! Сколь великой душѣ надобно быть въ государѣ, чтобъ стать на стезю истины и никогда съ нея не совращаться! Сколько сѣтей разставлено къ уловленію души человѣка, имѣющаго въ рукахъ своихъ судьбу себѣ подобныхъ! И во-первыхъ, толпа скаредныхъ льстецовъ

всеминутно силится увѣрять его, что люди сотворены для него, а не онъ для людей.

Правдинъ. Безъ душевнаго презрѣнія нельзя себѣ вообразить, что̀ такое льстецъ.

Стародумъ. Льстецъ есть тварь, которая не только о другихъ, ниже о себѣ хорошаго мнѣнія не имѣетъ. Все его стремленіе къ тому, чтобъ сперва ослѣпить умъ у человѣка, а потомъ дѣлать изъ него что ему надобно. Онъ ночной воръ, который сперва свѣчу погаситъ, а потомъ красть станетъ.

Правдинъ. Несчастіямъ людскимъ, конечно, причиною собственное ихъ развращеніе; но способы сдѣлать людей добрыми...

Стародумъ. Они въ рукахъ государя. Какъ скоро всѣ увидятъ, что безъ благонравія никто не можетъ выйти къ люди; что ни подлой выслугой и ни за какія деньги нельзя купить того, чѣмъ награждается заслуга; что люди выбираются для мѣстъ, а не мѣста похищаются людьми,—тогда всякій найдетъ свою выгоду быть благонравнымъ и всякій хорошъ будетъ.

Правдинъ. Справедливо. Великій государь даетъ...

Стародумъ. Милость и дружбу тѣмъ, кому изволитъ; мѣста и чины тѣмъ, кто достоинъ.

Правдинъ. Чтобъ въ достойныхъ людяхъ не было недостатку, прилагается нынѣ особливое стараніе о воспитаніи...

Стародумъ. Оно и должно быть залогомъ благосостоянія государства. Мы видимъ всѣ несчастныя слѣдствія дурнаго воспитанія. Ну, что̀ для отечества можетъ выйти изъ Митрофанушки, за котораго невѣжды-родители платятъ еще и деньги невѣждамъ-учителямъ! Сколько дворянъ-отцовъ, которые нравственное воспитаніе сынка своего поручаютъ своему рабу крѣпостному! Лѣтъ черезъ пятнадцать и выходятъ вмѣсто одного раба двое: старый дядька, да молодой баринъ ([35]).

Правдинъ. Но особы высшаго состоянія просвѣщаютъ дѣтей своихъ...

Стародумъ. Такъ, мой другъ; да я желалъ бы, чтобъ при всѣхъ наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ—благонравіе ([36]). Вѣрь мнѣ, что наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу. Я

хотѣлъ бы, напримѣръ, чтобъ при воспитаніи сына знатнаго господина наставникъ его всякій день разогнулъ ему исторію и указалъ въ ней два мѣста: въ одномъ, какъ великіе люди способствовали благу своего отечества; въ другомъ, какъ вельможа недостойный, употребившій во зло свою довѣренность и силу, съ высоты пышной своей знатности низвергся въ бездну презрѣнія и поношенія.

Правдинъ. Надобно дѣйствительно, чтобъ всякое состояніе людей имѣло приличное себѣ воспитаніе: тогда можно быть увѣрену... Что за шумъ?

Стародумъ. Что такое сдѣлалось?

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Милонъ, Софья, Еремѣевна.

Милонъ (*отталкивая отъ Софьи Еремѣевну, которая за нее было уцѣпилась, кричитъ къ людямъ, имѣя въ рукѣ обнаженную шпагу*). Не смѣй никто подойти ко мнѣ.

Софья (*бросясь къ Стародуму*). Ахъ, дядюшка, защити меня!

Стародумъ. Другъ мой, что такое? }
Правдинъ. Какое злодѣяніе? } *Вмѣстѣ.*
Софья. Сердце мое трепещетъ! }
Еремѣевна. Пропала моя голубушка! }

Милонъ. Злодѣи! Идучи сюда, вижу множество людей, которые, подхватя ее подъ руки, не смотря на сопротивленіе и крикъ, сводятъ уже съ крыльца къ каретѣ.

Софья. Вотъ мой избавитель!

Стародумъ. Другъ мой!

Правдинъ (*Еремѣевнѣ*). Сейчасъ скажи, куда везти хотѣли, или какъ съ злодѣйкой...

Еремѣевна. Вѣнчаться, мой батюшка, вѣнчаться!

Г-жа Простакова (*за кулисами*). Плуты! воры! мошенники! Всѣхъ прибить велю до смерти!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Г-жа Простакова, Простаковъ и Митрофанъ.

Г-жа Простакова. Какая я госпожа въ домѣ! (*Указывая на Милона*) Чужой погрозитъ, приказъ мой ни во что!

Простаковъ. Я ли виноватъ?
Митрофанъ. За людей приниматься!
Г-жа Простакова. Жива быть не хочу! } *Вмѣстѣ.*

Правдинъ. Злодѣяніе, которому я самъ свидѣтель, даетъ право вамъ, какъ дядѣ, а вамъ, какъ жениху...

Г-жа Простакова. Жениху!
Простаковъ. Хороши мы!
Митрофанъ. Все къ чорту! } *Вмѣстѣ.*

Правдинъ. Требовать отъ правительства, чтобъ сдѣланная ей обида наказана была всею строгостью законовъ. Сейчасъ представлю ее передъ судъ, какъ нарушительницу гражданскаго спокойства.

Г-жа Простакова (*бросясь на колѣни*). Батюшки! виновата.

Правдинъ. Мужъ и сынъ не могли не имѣть участія въ злодѣяніи...

Простаковъ. Безъ вины виноватъ.
Митрофанъ. Виноватъ, дядюшка! } *Вмѣстѣ, бросясь на колѣни.*
Г-жа Простакова. Ахъ, я собачья дочь! что я надѣлала!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Скотининъ.

Скотининъ. Ну, сестра, хорошу было шутку... Ба! что это? Всѣ наши на колѣняхъ!

Г-жа Простакова (*стоя на колѣняхъ*). Ахъ, мои батюшки! повинную голову мечъ не сѣчетъ. Мой грѣхъ! Не погубите меня. (*Къ Софьѣ*) Мать ты моя родная, прости меня, умилосердись надо мною (*указывая на мужа и сына*) и надъ бѣдными сиротами!

Скотининъ. Сестра! о своемъ ли ты умѣ?

Правдинъ. Молчи, Скотининъ.

Г-жа Простакова. Богъ дастъ тебѣ благополучіе и съ дорогимъ женихомъ твоимъ. Что тебѣ въ головѣ моей?

Софья (*Стародуму*). Дядюшка, я мое оскорбленіе забываю.

Г-жа Простакова (*поднявъ руки къ Стародуму*). Батюшка! прости и ты меня грѣшную. Вѣдь я человѣкъ, не ангелъ.

Стародумъ. Знаю, знаю, что человѣку нельзя быть ангеломъ, да не надобно быть и чортомъ.

Милонъ. И преступленіе, и раскаяніе въ ней презрѣнія достойны.

Правдинъ (*Стародуму*). Ваша малѣйшая жалоба, ваше

одно слово предъ правительствомъ... и ужъ спасти ее нельзя.

Стародумъ. Не хочу ни чьей погибели. Я ее прощаю. (*Всѣ вскочили съ мѣстъ*).

Г-жа Простакова. Простилъ! Ахъ, батюшка!... Ну, теперь-то дамъ я зорю канальямъ своимъ людямъ! теперь-то я всѣхъ переберу по одиначкѣ! теперь-то допытаюсь, кто изъ рукъ ее выпустилъ! Нѣтъ, мошенники! Нѣтъ, воры! Вѣкъ не прощу этой насмѣшки.

Правдинъ. А за что вы хотите наказывать людей вашихъ?

Г-жа Простакова. Ахъ, батюшка! это что за вопросъ? Развѣ я не властна и въ своихъ людяхъ?

Правдинъ. А вы считаете себя въ правѣ драться тогда, когда вамъ вздумается?

Скотининъ. Да развѣ дворянинъ не воленъ поколотить слугу, когда захочетъ?

Правдинъ. Когда захочетъ! Да что за охота? Прямой ты Скотининъ. (*Г-жѣ Простаковой*) Нѣтъ, сударыня, тиранствовать никто не воленъ.

Г-жа Простакова. Не воленъ! Дворянинъ, когда захочетъ, и слуги высѣчь не воленъ! Да на что жъ данъ намъ указъ-отъ о вольности дворянства? (87).

Стародумъ. Мастерица толковать указы!

Г-жа Простакова. Извольте насмѣхаться; а я теперь же всѣхъ съ головы на голову... (*Порывается идти*).

Правдинъ (*останавливая ее*). Поостановитесь, сударыня. (*Вынувъ бумагу и важнымъ голосомъ*: *Простакову*) Именемъ правительства вамъ приказываю сей же часъ собрать людей и крестьянъ ваншихъ, для объявленія имъ указа, что за безчеловѣчіе жены вашей, до котораго попустило ее ваше крайнее слабомысліе, повелѣваетъ мнѣ правительство принять въ опеку домъ вашъ и деревни.

Простаковъ. А! До чего мы дожили!

Г-жа Простакова. Какъ! новая бѣда! За что? за что, батюшка? что я въ своемъ домѣ госпожа...

Правдинъ. Госпожа безчеловѣчная, которой злонравіе въ благоучрежденномъ государствѣ терпимо быть не можетъ. (*Простакову*) Подите.

Простаковъ (*отходитъ, всплеснувъ руками*). Отъ кого это, матушка!

Г-жа Простакова (*тоскуя*). О, горе взяло! О, грустно!

Скотининъ (*въ сторону*). Ба! ба! ба! Да здакъ и до меня доберутся. Да здакъ и всякій Скотининъ можетъ попасть подъ опеку... Уберусь же я отсюда по-добру, по-здорову.

Правдинъ (*Скотинину*). А скорѣе всего ты. Я слыхалъ, что ты съ свиньями не въ примѣръ лучше обходишься, нежели съ людьми...

Скотининъ. Государь ты мой милостивый! да какъ къ людямъ и лежать у меня сердцу? Самъ ты разсуди: люди передо мною умничаютъ, а между свиньями я самъ всѣхъ умнѣе.

Г-жа Простакова. Все теряю! Совсѣмъ погибаю!

Скотининъ (*Стародуму*). Я шелъ-было къ тебѣ добиться толку. Женихъ...

Стародумъ (*указывая на Милона*). Вотъ онъ.

Скотининъ. Ага! такъ мнѣ и дѣлать здѣсь нечего. Кибитку впречь, да и ...

Правдинъ. Да и ступай къ своимъ свиньямъ. Не забудь однакожъ повѣстить всѣмъ Скотининымъ, чему они подвержены.

Скотининъ. Какъ друзей не остеречь! Повѣщу имъ, чтобъ они людей...

Правдинъ. Побольше любили, или бъ по крайнеймѣрѣ...

Скотининъ. Ну...

Правдинъ. Хоть не трогали

Скотининъ (*отходя*) Хоть не трогали.

ЯВЛЕНІЕ V.

Г-жа Простакова, Стародумъ, Правдинъ, Митрофанъ, Софья, Еремѣевна.

Г-жа Простакова (*Правдину*). Батюшка, не погуби ты меня! Что тебѣ прибыли? Не возможно ль какъ нибудь указъ поотмѣнить? Всѣ ли указы исполняются?

Правдинъ. Я отъ должности никакъ не отступлю.

Г-жа Простакова. Дай мнѣ сроку хоть на три дни. (*Въ сторону*) Я дала бы себя знать...

Правдинъ. Ни на три часа.

Стародумъ. Да, другъ мой, она и въ три часа напроказить можетъ столько, что вѣкомъ не пособишь.

Г-жа Простакова. Да какъ вамъ, мой батюшка, самому входить въ мелочи?...

Правдинъ. Это мое дѣло. Чужое возвращено будетъ хозяевамъ, а...

Г-жа Простакова. А съ долгами-то раздѣлаться?... Не доплачено учителямъ...

Правдинъ. Учителямъ? (*Еремѣевнѣ*) Здѣсь ли они? Введи ихъ сюда.

Еремѣевна. Чай, что прибрели. А нѣмца-то, мой батюшка?...

Правдинъ. Всѣхъ позови. (*Еремѣевна отходитъ*).

Правдинъ. Не заботься ни о чемъ, сударыня: я всѣхъ удовольствую.

Стародумъ (*видя съ тоскѣ г-жу Простакову*). Сударыня, ты сама себя почувствуешь лучше, потерявъ силу дѣлать другимъ дурно.

Г-жа Простакова. Благодарна за милость! Куда я гожусь, когда въ моемъ домѣ моимъ же рукамъ и воли нѣтъ?

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Еремѣевна, Вральманъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Еремѣевна (*введя учителей, къ Правдину*). Вотъ тебѣ и вся наша сволочь, мой батюшка.

Вральманъ (*Правдину*). Фаше фысоко-и-плахоротіе, исфолили къ сепѣ прасить?

Кутейкинъ (*Правдину*). Званъ быхъ, и пріидохъ.

Цыфиркинъ (*Правдину*). Что приказу будетъ, ваше благородіе?

Стародумъ (*съ прихода Вральмана, въ него вглядывается*). Ба! это ты, Вральманъ?

Вральманъ (*узнавъ Стародума*). Ай! ай! ай! ай! ай! Это ты мой милостифый хосподинъ. (*Цалуя полу Стародумову*) Старофенька ли, мой отесъ, пошифать исфолишь?

Правдинъ. Какъ! Онъ вамъ знакомъ?

Стародумъ. Какъ не знакомъ: онъ три года былъ у меня кучеромъ. (*Всѣ показываютъ удивленіе*).

Правдинъ. Изрядный учитель!

Стародумъ. А ты здѣсь въ учителяхъ, Вральманъ? Я думалъ, право, что ты человѣкъ добрый и не за свое не возьмешься.

Вральманъ. Та што тѣлать, мой патюшка! Не я перфой, не я послѣтній. Три мѣсеса въ Москфѣ шатался

лезъ мѣстъ, кучеръ нихтѣ не ната. Пришло мнѣ лихо съ голоты мереть, лихо ушитель...

Правдинъ (*къ учителямъ*). По волѣ правительства ставъ опекуномъ надъ здѣшнимъ домомъ, я васъ отпускаю.

Цыфиркинъ. Лучше не надо!

Кутейкинъ. Отпускать благоволите? Да прежде разочтемся...

Правдинъ. А что тебѣ надобно?

Кутейкинъ. Нѣтъ, милостивый господинъ, мой счетецъ зѣло не малъ. За полгода за ученье, за обувь, что истаскалъ въ три года, за простой, что сюда прибредешь, бывало, по пустому, за...

Г-жа Простакова. Ненасытная душа! Кутейкинъ! За что это?

Правдинъ. Не мѣшайтесь, сударыня, я васъ прошу.

Г-жа Простакова. Да коль пошло на правду: чему ты выучилъ Митрофанушку?

Кутейкинъ. Это его дѣло, не мое.

Правдинъ (*Кутейкину*). Хорошо, хорошо. (*Цыфиркину*) Тебѣ много ль заплатить?

Цыфиркинъ. Мнѣ? Ничего.

Г-жа Простакова. Ему, батюшка, за одинъ годъ дано десять рублей, а еще за годъ ни полушки не заплачено.

Цыфиркинъ. Такъ: на тѣ десять рублей я износилъ сапоговъ въ два года,—мы и квиты.

Правдинъ. А за ученье?

Цыфиркинъ. Ничего.

Стародумъ. Какъ ничего?

Цыфиркинъ. Не возьму ничего: онъ ничего не перенялъ.

Стародумъ. Да тѣмъ не меньше тебѣ заплатить надобно.

Цыфиркинъ. Не за что. Я государю служилъ слишкомъ двадцать лѣтъ. За службу деньги бралъ; по пустому не биралъ и не возьму.

Стародумъ. Вотъ прямо добрый человѣкъ! (*Стародумъ и Милонъ вынимаютъ изъ кошельковъ деньги*).

Правдинъ. Тебѣ не стыдно, Кутейкинъ!

Кутейкинъ (*потупя голову*). Посрамихся, окаянный.

Стародумъ (*Цыфиркину*). Вотъ тебѣ, другъ мой, за добрую душу.

Цыфиркинъ. Спасибо, ваше высокородіе, благодаренъ. Дарить меня ты воленъ; самъ не заслужа, вѣкъ не потребую.

Милонъ (*давая ему деньги*). Вотъ еще тебѣ, другъ мой!

Цыфиркинъ. И еще спасибо. (*Правдинъ даетъ также ему деньги*).

Цыфиркинъ. Да за что, ваше благородіе, жалуете?

Правдинъ. За то, что ты не походишь на Кутейкина.

Цыфиркинъ. И! ваше благородіе. Я солдатъ.

Правдинъ (*Цыфиркину*). Пойди же, мой другъ, съ Богомъ. (*Цыфиркинъ отходитъ*).

Правдинъ. А ты, Кутейкинъ, пожалуй-ка сюда завтра, да потрудись разсчесться съ самою госпожею.

Кутейкинъ (*кланяясь*). Съ самою! Ото всего отступаюсь.

Вральманъ (*Стародуму*). Стàрофа слуха не остафте, фаше фысокоротіе. Фосмите меня апять къ сепѣ.

Стародумъ. Да ты, Вральманъ, я чаю, отсталъ и отъ лошадей?

Вральманъ. Эй, нѣтъ, мой патюшка! Шіучи съ стѣшнимъ хоспотамъ, касалось мнѣ, што я фсе съ лошатками.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Каммердинеръ.

Каммердинеръ (*Стародуму*). Карета ваша готова

Вральманъ. Прикашишь мнѣ дофести сепя?

Стародумъ. Поди садись на козлы. (*Вральманъ отходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Г-жа Простакова, Стародумъ, Милонъ, Софья, Правдинъ, Митрофанъ, Еремѣевна.

Стародумъ (*Правдину, держа руки Софьи и Милона*). Ну, мой другъ, мы ѣдемъ. Пожелай намъ...

Правдинъ. Всего счастья, на которое имѣютъ право честныя сердца.

Г-жа Простакова (*бросясь обнимать сына*). Одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка!

Митрофанъ. Да отвяжись, матушка! какъ навязалась...

Г-жа Простакова. И ты! и ты меня бросаешь! А! неблагодарный! (*Упала въ обморокъ*).

Софья (*подбѣжавъ къ ней*). Боже мой! она безъ памяти.

Стародумъ (*Софьѣ*). Помоги ей, помоги. (*Софья и Еремѣевна помогаютъ*).

Правдинъ (*Митрофану*). Негодница! тебѣ ли грубить

матери? Къ тебѣ ея безумная любовь и довела ее всего больше до несчастья.

Митрофанъ. Да она, какъ будто невѣдомо...

Правдинъ. Грубіянъ!

Стародумъ (*Еремѣевнѣ*). Что она теперь? Что?

Еремѣевна (*посмотрѣвъ пристально на г-жу Простакову и всплеснувъ руками*). Очнется, мой батюшка, очнется.

Правдинъ (*Митрофану*). Съ тобой, дружокъ, знаю что дѣлать. Пошелъ-ка служить...

Митрофанъ (*махнувъ рукою*). По мнѣ, куда велятъ.

Г-жа Простакова (*очнувшись, въ отчаяніи*). Погибла я совсѣмъ! Отнята у меня власть! Отъ стыда никуда глазъ показать нельзя! Нѣтъ у меня сына!

Стародумъ (*указавъ на г-жу Простакову*). Вотъ злонравія достойные плоды!

ВЫБОРЪ ГУВЕРНЕРА.

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Князь Слабоумовъ.	Графиня Самодурова.
Княгиня, жена его.	Пеликанъ, французъ, гувернеръ.
Князь Василій, сынъ ихъ.	Слуга князя Слабоумова
Г. Сорвиъ, дворянскій предводитель.	Дѣвка княгини Слабоумовой.
Г. Нельстецовъ, штабъ-офицеръ.	Няня князя Василья.

Дѣйствіе въ деревнѣ Слабоумовыхъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Князь Слабоумовъ и Княгиня.

Княгиня (*взглянувъ на часы*). Лишь только восемь било. Что ты, князь, такъ рано всталъ?

Князь. Въ деревнѣ не худо вставать поранѣе.

Княгиня. Да не князю. Ваше сіятельство должны жить по-княжески; хозяйничать намъ нужды нѣтъ: за нами, слава Богу, три тысячи душъ, такъ съ нашъ вѣкъ станетъ; да я и сама не такъ воспитана, чтобъ быть доброю хозяйкой.

Князь. Правда, княгиня; я и самъ изъ роду отца твоего не знаю никого, кто бы разумѣлъ хозяйство. Родъ Вертушкиныхъ дворянскій, я не спорю; однако ни одного Вертушкина хозяина нѣтъ.

Княгиня. Конечно; я хотя не урожденная княжна, однако изъ хорошей дворянской фамиліи, и думаю, что мой родъ не дѣлаетъ безчестія роду князей Слабоумовыхъ.

Князь. Княгиня, другъ мой, я сегодня всталъ рано для того, что у меня съ ума нейдетъ воспитаніе нашего князь Василья. Всѣ мнѣ говорятъ, что къ нему надобенъ теперь гувернеръ: гдѣ его здѣсь въ деревнѣ сыщешь?

Княгиня. Мнѣ кажется, не худо объ этомъ посовѣтоваться съ нашимъ предводителемъ. Онъ хотя съ дамами не очень ловокъ, однако я для князь Василья сама съ нимъ говорить стану; боюсь того только, чтобы онъ въ наставники сыну нашему не далъ такого же хозяина, какова самъ. Я до смерти не люблю серьёзныхъ рожъ.

Князь. Сомнѣваюсь, чтобъ г. Сеумъ способенъ былъ выбрать наставника сыну князя Слабоумова и княгини его, урожденной г-жи Вертушкиной.

Княгиня. Какъ бы то ни было, я уже за нимъ послала. Думаю, что нашъ г. Сеумъ не поспѣсивится посѣтить князя Слабоумова. Да вотъ онъ уже и пріѣхалъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Сеумъ.

Сеумъ. Вы изволили присылать за мною и я, считая, что вы, можетъ быть, по знанію моему имѣете до меня какое дѣло, не умедлилъ къ вамъ пріѣхать.

Княгиня. Милости прошу садиться и побесѣдовать съ нами о весьма важномъ дѣлѣ.

Сеумъ (*садясь*). Что вамъ угодно?

Князь. Мы имѣемъ сына десяти лѣтъ: хотимъ дать ему гувернера. Вы нашъ предводитель; сдѣлайте милость, подайте намъ совѣтъ.

Сеумъ. Дѣло, конечно, важное, когда касается оно до воспитанія и слѣдственно до благосостоянія молодаго дворянина; однако дѣло не такое, за коимъ бы я долженъ былъ къ вамъ самъ пріѣхать.

Князь. Чувствую, что мой долгъ былъ къ вамъ пріѣхать самому; но моя княгиня безразсудно и не спросясь меня послала за вами; извините княгинино нетерпѣніе.

Сеумъ. Я его за обиду себѣ и не считаю; напротивъ того, я доволенъ, что кстати вы ко мнѣ въ семъ случаѣ прибѣгли. По званію моему знаю я всѣхъ нашихъ дворянъ. На сихъ дняхъ познакомился я съ купившимъ недавно въ нашемъ уѣздѣ маленькую деревеньку штабъ-офицеромъ, г. Нельстецовымъ. Мы въ первое знакомство наше подружились и я нашелъ въ немъ человѣка умнаго, честныхъ правилъ и заслуженнаго. Онъ съ-молоду хорошо учился, путешествовалъ; потомъ служилъ въ войнѣ съ великою похвалою; а какъ онъ врагъ праздности, то открылся мнѣ, что охотно взялъ бы на свои руки благороднаго младенца, чтобъ быть ему наставникомъ и учить его тому, чему самъ съ-молоду выучился. Ежели бы онъ согласился воспитывать нашего сына, довольны ли бъ вы были?

Князь (*помолчавъ нѣмного*). Княгиня, говори!

Княгиня. Гувернера русскаго! Это что-то мнѣ не нравится.

Князь. Да знаетъ ли онъ по-французски?

Скумъ. Лучше многихъ тѣхъ французовъ, коихъ бы вы съ радостью къ себѣ принять согласились.

Князь. Какого онъ характера?

Скумъ. Его зовутъ Нельстецовъ и онъ сего названія совершенно достоинъ.

Княгиня *(про себя)*. Вѣрно, какой нибудь грубіянъ.

Скумъ. Неужли тотъ грубитъ, кто не льститъ?

Княгиня. Почти такъ.

Скумъ. Позвольте васъ увѣрить, что отъ той особы, которую въ наставники сыну вашему я представляю, не услышите вы ни грубости, ни лести.

Князь. Мы съ нашей стороны не оставимъ ничего, чтобъ показать ему нашу учтивость и всегда называть его будемъ ваше высокоблагородіе.

Скумъ. То есть, вы требуете, чтобъ онъ поминутно звалъ васъ: ваше сіятельство.

Княгиня. Мнѣ кажется, всякому должно отдавать ему принадлежащее.

Скумъ. Но вы соглашаетесь называть его—высокоблагородіемъ изъ другаго подвига.

Князь. Изъ какого?

Скумъ. Изъ того, чтобъ всѣ знали, что у сына вашего наставникъ штабъ-офицеръ.

Княгиня. Развѣ это много? Сынъ мой князь, такъ мнѣ кажется, штабъ-офицеръ не унизится, принявъ на себя его воспитаніе.

Скумъ. Г. Нельстецовъ, конечно, за особливую честь не почтетъ быть при сынѣ вашемъ наставникомъ; а ежели онъ и согласится принять на себя это званіе, то, конечно, для того только, чтобъ быть полезнымъ своему брату, дворянину.

Княгиня. Я думаю однако, что порода есть достоинство.

Скумъ. Самое меньшее изъ всѣхъ человѣческихъ достоинствъ. Родиться княземъ не мудрено и можно по праву породы называться сіятельствомъ, не сіяя почтенными качествами, какъ-то: ревностію быть полезнымъ отечеству (38). *(Оборотясь къ князю)* Ваше сіятельство! чѣмъ вы отечеству служили?

Князь. Гвардіи сержантомъ и отставленъ капитаномъ.

Скумъ. Не сами ль вы доказываете собою тщету княжескаго титла? Я объ закладъ бьюсь, что сынъ вашъ, если

воспитается г. Нельстецовымъ, будетъ имѣть совсѣмъ другой образъ мыслей и будетъ достоинъ тѣхъ почестей, къ коимъ отворяетъ ему путь порода.

Князь. Я служилъ несчастливо: не могъ добиться до штабъ-офицерства и принужденъ теперь таскаться парою.

Княгиня *(про себя)*. Это-то меня и терзаетъ! Когда г. Нельстецовъ добился до штабъ-офицерства, то, я думаю, онъ научитъ и сына моего достигнуть до того же.

Скумъ. Въ этомъ не имѣйте никакого сомнѣнія: онъ научитъ сына вашего получать чины, служа отечеству, а не выклянчивая ихъ въ передникахъ знатныхъ господъ.

Княгиня. Дѣвка! позови сюда князь Василья.

Дѣвка. Не изволитъ идти.

Князь. Проси его отъ насъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, молодой князь и няни.

Няня. Войдите, князь батюшка!

Другая няня. Пожалуйте сюда, ваше сіятельство!

Третья няня *(стоя возлѣ княгини)*. Пожалуйте мнѣ ручку, ваше сіятельство!

Молодой князь *(подбѣгаетъ къ ней и даетъ руку)*. На, цалуй!

Княгиня. Князь Василій, другъ мой, обойми меня.

Молодой князь *(протянувъ къ ней руку)*. На, матушка! *(Скумъ жметъ плечами. Молодой князь подбѣгаетъ къ Скуму и протянувъ къ нему руку)* На!

Скумъ. Я, мой другъ, лапку твою цаловать не намѣренъ; подай ее князю, батюшкѣ вашему.

Князь. И я не хочу.

Молодой князь. А для чего? Вѣдь ты, батюшка, вчера цаловалъ же.

Князь. Стыдно при постороннемъ человѣкѣ.

Княгиня. Стыдно любить сына!

Скумъ. Стыдно баловать сына.

Княгиня. Вы, сударь, видите, что мы воспитываемъ сына, кажется, какъ надобно.

Скумъ. Я вижу только, что вы голову его набиваете однимъ сіятельствомъ.

Княгиня. Да вѣдь надобно же ему знать, кто онъ.

Скумъ. Онъ ребенокъ.

Княгиня. Да какого рода?

Сеумъ. Слабоумова.

Княгиня. Я надѣюсь, что въ немъ много есть отцовскаго.

Сеумъ. То есть, слабоумовскаго.

Княгиня. А материнскаго? *(Молодой Князь вертится).*

Сеумъ. Вотъ это вашего рода, вертушкинскаго.

Княгиня. Не правда ли, что князь Василій очень любезенъ?

Сеумъ. Не знаю, любезенъ ли; но вижу, что онъ очень вами любимъ.

Князь. Я любопытенъ познакомиться съ г. Нельстецовымъ. Когда бы это быть могло?

Сеумъ. Хоть теперь.

Княгиня. Вы насъ очень тѣмъ одолжите.

Сеумъ *(отходя)*. Я тотчасъ за нимъ съѣзжу.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Князь и Княгиня.

Князь. Я думаю, что г. предводитель привезетъ къ намъ скоро г. Нельстецова.

Княгиня. Я тутъ ничего добраго не воображаю и взбѣсилась бы съ досады отдать князь Василья на руки русскому пентюху, каковъ, вѣрно, Нельстецовъ.

Князь. Въ нашей волѣ будетъ, принять ли Нельстецова, или не принять.

Княгиня. Князь, другъ мой, пойдемъ къ себѣ въ покои, чтобы ожидаемые гости подождали насъ съ полчаса и увидѣли, что они пріѣхали къ вашему сіятельству.

Князь. Бога ради этого мнѣ не совѣтуй, если не хочешь овдовѣть скоро.

Княгиня. Какъ это, за что?

Князь. Г. Нельстецовъ, какъ я вижу, человѣкъ заслуженый и, конечно, будучи штабъ-офицеромъ, не захочетъ дожидаться у капитана въ передней: онъ взбѣсится и меня изрубитъ.

Княгиня. При лицѣ предводителя онъ этого сдѣлать не посмѣетъ.

Князь. Вѣдь ты видишь, матушка, что нынѣ одна порода не весьма уважается и кто ее ставитъ въ великую цѣну, тѣхъ дураками считаютъ; такъ станетъ ли Нельстецовъ удерживать себя для предводителя, когда самъ Сеумъ мнѣ говоритъ: дуракамъ-де и въ олтарѣ не спускаютъ.

Княгиня. Я ласкаюсь надеждою, что мы и безъ Нельстецова обойдемся. Я сегодня получила письмо отъ графиня Самодуровой. Она рекомендуетъ мнѣ гувернера француза, г. Пеликана; его мы и возьмемъ.

Князь. Однако прежде посмотримъ и Нельстецова.

Княгиня. Пожалуй, я и на это согласна.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже и Слуга.

Слуга. Докладываю вашему сіятельству, что г. иредводитель не знаю съ кѣмъ-то пріѣхалъ.

Князь. Пойду къ нимъ на встрѣчу; а ты, княгиня, прими ихъ здѣсь.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Князь, Княгиня, Скумъ и Нельстецовъ.

Князь. Княгиня, вотъ г. Нельстецовъ! *(Къ Нельстецову)* Это жена моя.

Нельстецовъ *(подходя къ ручкѣ княгининой)*. Рекомендую себя въ милость вашего сіятельства, какъ сосѣдъ и здѣшній дворянинъ.

Князь. Милости прошу садиться. *(Всѣ садятся. Къ Нельстецову)*. Почтенный нашъ предводитель, безъ сомнѣнія, предварилъ васъ о нашемъ желаніи, — такъ какъ и мы отъ него слышали о вашемъ расположеніи имѣть подъ надзоромъ вашимъ молодаго благороднаго человѣка.

Нельстецовъ. Я отъ него обо всемъ увѣдомленъ; но прежде я долженъ отъ васъ самихъ слышать, какое воспитаніе вы дать намѣрены сыну вашему: чему учить хотите и къ какой службѣ его готовить?

Князь. Я обо всемъ этомъ отъ васъ хотѣлъ бы слышать.

Нельстецовъ. Я бы думалъ образовать душу его, какъ надлежитъ дворянина.

Княгиня. Княжеской породы.

Нельстецовъ. Я не понимаю, какую разницу находите вы между дворянскою и княжескою породою.

Княгиня. Я нахожу, сударь, ту разницу, что князь болѣе дворянина рачить долженъ, чтобы ему никто не мажировалъ.

Князь. Князь долженъ быть на пунктѣ своей чести деликатнѣе дворянина *).

. . . . . .

Княгиня. А я думала, что природа и порода — все одно.

Сеумъ. Вы слышите, сударыня, что породный князь можетъ быть природный дуракъ.

Княгиня. И такъ, г. Нельстецову не угодно, чтобъ сынъ нашъ зналъ, что онъ князь, и не хочетъ удостоить его титломъ сіятельства.

Нельстецовъ. Я не беру на себя грѣха, не погнѣвайтесь, такому мальчишкѣ, каковъ вашъ сынъ, вертѣть голову возмечтаніемъ о его княжествѣ, сіятельствѣ и прочемъ дурачествѣ; но весьма стараться буду поселить въ его голову и сердце, что онъ, будучи благородно-рожденный, долженъ имѣть и благородную душу.

Княгиня. И это не худо. (*Къ князю*). Что жъ ты, князь, такъ задумался?

Князь. Думаю о томъ, что́ слышу, да ничего самъ придумать не могу; а признаюсь, что обѣдать пора, и потому прошу васъ, г. предводитель, (*къ Нельстецову*) и васъ, государь мой, у меня откушать.

Нельстецовъ. Какъ вамъ угодно.

Слуга. Столъ готовъ.

Князь. Пойдемъ же.

(*Сеумъ повелъ княгиню, а князь пошелъ за Нельстецовымъ.*)

конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Княгиня (*одна*). Слава Богу, что изъ-за стола встали. Я пришла сюда отдохнуть отъ бесѣды г. предводителя и Нельстецова; развяжи насъ Богъ съ такими ругателями! Во время стола получила я письмецо отъ графини Самодуровой;

*) Въ этомъ мѣстѣ въ оригиналѣ недостаетъ одного листа.

я его и прочесть не успѣла; теперь прочту на досугѣ. (*Читаетъ*)

«Любезная княгиня!

«Если вамъ угодно, вы можете взять теперь г. Пеликана «въ гувернеры къ князь Василью. Сей французъ наполненъ «достоинствами: рветъ зубы мастерски и вырѣзываетъ мо«золи...»

Княгиня (*про себя*). Ахъ, какое счастіе! Онъ же еще и мозольный операторъ, а мнѣ въ этомъ такая нужда!

«Цѣну возьметъ умѣренную, и васъ, княгиня, такъ какъ «и князя, звать будетъ: votre altesse!»

ЯВЛЕНІЕ II.

Княгиня и Князь.

Княгиня. А, мой любезный князь! Графиня Самодурова дѣлаетъ намъ великое благодѣяніе: она сыскала князь Василью гувернера, который и зубы рветъ и мозоли вырѣзываетъ; а что всего важнѣе, онъ давать намъ будетъ титла: votre altesse!

Князь. На что этого лучше.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Скумъ и Нельстецовъ.

Князь (*къ Нельстецову*). Чему жъ вы сына моего учить хотѣли?

Нельстецовъ. Прежде всего правиламъ вѣры, въ которой онъ родился.

Княгиня. А танцовать?

Нельстецовъ. Вы шутить изволите.

Князь. А какимъ чужестраннымъ языкамъ?

Нельстецовъ. Начну съ латинскаго.

Княгиня. Да развѣ ему попомъ быть?

Нельстецовъ. А развѣ латинскій языкъ для поповъ только годенъ?

Князь. Я не знаю, для чего сыну княжескому учиться по-латыни.

Нельстецовъ. Для того, что этотъ языкъ есть коренной многимъ языкамъ.

Княгиня. Вотъ еще на!

Князь (*къ Княгинѣ*). Не забудь же отправить поскорѣе съ отвѣтомъ къ графинѣ Самодуровой.

Княгиня. Сейчасъ иду. (*Къ гостямъ*) Мы теперь же къ вамъ прійдемъ. Извините насъ, что мы должны отправить человѣка къ почтенной нашей сосѣдкѣ.

Сеумъ. Какъ изволите.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Сеумъ и Нельстецовъ.

Сеумъ. Такъ ли вы нашли княжескій домъ, какъ я вамъ описывалъ?

Нельстецовъ. Точно такъ. Но мнѣ кажется, я уже имъ въ тягость быть начинаю.

Сеумъ. Да и мнѣ, кажется, не очень рады. (*Вошедшему слугѣ*) Другъ мой, вели подавать мою карету. (*Къ Нельстецову*) Мы сейчасъ можемъ ѣхать.

Нельстецовъ. Очень хорошо.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Князь и Княгиня.

Княгиня (*идучи*). Я пригласила сюда самую графиню и съ Пеликаномъ; авось-либо у князь Василья будетъ гуверверъ по сердцу нашему.

Князь (*гостямъ*). Вотъ мы здѣсь, милостивые государи. Мы поспѣшили сюда, чтобъ насладиться вашею бесѣдою.

Нельстецовъ. Много чести.

Княгиня (*Сеуму*). Я хотѣла васъ спросить, почитаете ли вы за полезное, если мы сына отправимъ во Францію лѣтъ черезъ десятокъ?

Сеумъ. Вы далеко видите, сударыня; лѣтъ черезъ десятокъ неизвѣстно еще, будетъ ли кого и будетъ ли кому отправлять.

Нельстецовъ. А я въ прибавокъ скажу, что и того еще предвидѣть нельзя, что лѣтъ чрезъ десятокъ будетъ и съ самою Франціею, ежели господа французы колобродить не скоро перестанутъ (39).

Сеумъ. Вотъ до чего дошло то государство, которому цѣлая Европа столько лѣтъ во всемъ подражать хотѣла! Читая въ газетахъ описанія гибельнаго состоянія Франціи, желалъ бы я знать, противъ какого политическаго правила грѣшатъ французы, заводя равенство состояній?

Князь. Я этого не понимаю.

Сеумъ (*къ Нельстецову*). Мнѣ не случалось съ вами объ

этомъ говорить; а, право, желалъ бы знать ваше о томъ мнѣніе.

Нельстецовъ. Я никакъ не беру на себя рѣшить вашъ вопросъ; однако готовъ отдать на судъ вашъ мое о томъ мнѣніе; вотъ оно: нигдѣ и никогда не бывали и быть не могутъ такіе законы, кои бы каждаго частнаго человѣка счастливымъ дѣлали. Необходимо надобно, чтобъ одна часть подданныхъ для блага цѣлаго государства чѣмъ нибудь жертвовала; слѣдственно равенство состояній и быть не можетъ. Оно есть вымыслъ ложныхъ философовъ, кои краснорѣчивыми своими умствованіями довели французовъ до настоящаго ихъ положенія. Они, желая отвратить злоупотребленіе власти, стараются истребить тотъ образъ правленія, коимъ Франція всей славы своей достигла. Со всѣмъ тѣмъ, сколько имъ покушеніе сіе ни много стоитъ и стоить будетъ, но равенства состояній никогда достигнуть не могутъ, какіе бы законы они ни сдѣлали; ибо всегда одна часть подданныхъ будетъ принесена на жертву другой. Вотъ что я думаю о нынѣшнемъ законодательствѣ французскомъ.

Скумъ. Но когда не могутъ быть законы, кои бы всякаго частнаго человѣка дѣлали благополучнымъ, то что же остается дѣлать законодателю?

Нельстецовъ. Остается расчислить такъ, чтобъ число жертвуемыхъ соразмѣрно было числу тѣхъ, для благополучія коихъ жертвуется.

Скумъ. Такъ законодателю надобно быть великому исчислителю.

Нельстецовъ. Но сіе политическое расчисленіе требуетъ ума гораздо превосходнѣйшаго, нежели надобно для вычисленія математическаго. Можно полагать сто Эйлеровъ на одного Кольберта и тысячу Кольбертовъ на одного Монтескьё (40).

Скумъ. Для чего же?

Нельстецовъ. Для того, что въ математикѣ отъ одной извѣстности идутъ къ другой, такъ сказать, машинально, и математикъ имѣетъ предъ собою всѣ откровенія предшественниковъ своихъ; ему надобно имѣть только терпѣніе и умѣть ими пользоваться; но политика прежнія откровенія не поведутъ вѣрною дорогою. Математикъ исчисляетъ числа, политикъ страсти; словомъ, умъ политическій есть

и долженъ быть несравненно больше и гораздо рѣже встрѣчается, нежели математическій.

Сеумъ. О, сколь блаженна та страна, гдѣ таковой рѣдкій законодательный умъ сидитъ на престолѣ!

Нельстецовъ. И сколь счастливы тѣ, кои таковую страну отечествомъ имѣютъ! (*Къ Князю*). Вы, князь, о чемъ задумались?

Князь. Что вы оба ни говорили, я ничего не понимаю

Сеумъ. Да слышали ль вы, что во Франціи уже князей нѣтъ?

Княгиня. Это почти невѣроятно; я что-то и сама слышала, да не могу вѣрить.

Сеумъ. Неужели вы не имѣете понятія о французскихъ замѣшательствахъ?

Князь. Я вѣрю, что они велики, когда и князей поставили на одну доску со всѣми.

Нельстецовъ. Вашъ сынъ, пріѣхавъ во Францію, не будетъ уже князь.

Княгиня. Такъ я его не пошлю туда ни изъ чего.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Слуга.

Слуга. Графиня Самодурова, не знаю съ кѣмъ-то, пріѣхать изволила.

Княгиня. Выйду на встрѣчу благодѣтельницѣ дома нашего.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Графиня съ Пеликаномъ.

(*Княгиня въ дверяхъ встрѣчается съ Графинею и другъ другу кричатъ:*)

Ваше сіятельство!

(*Князь подходитъ къ Графининой рукѣ.*)

Графиня. Представляю вамъ г. Пеликана.

Пеликанъ (*ужимаясь*). Votre altesse!...

Графиня (*Княгинѣ*). Вотъ гувернеръ сыну вашему, любезная княгиня!

Пеликанъ (*ужимаясь*). Votre altesse!...

Сеумъ (*подошедъ къ Пеликану и смотря на него пристально*). Эта рожа мнѣ знакома.

Пеликанъ (*узнавъ Сеума, бѣжитъ вонъ, крича изо всей силы*). Не хошу сдѣсъ, не хошу!

Графиня. Что́ съ нимъ сдѣлалось?

Сеумъ. Я вамъ развяжу эту загадку. Сей пустоголовый французъ былъ во Франціи въ какой нибудь богадѣльнѣ подлекаремъ; умѣетъ рвать зубы и вырѣзывать мозоли, — но больше ничего. Онъ пріѣхалъ въ Россію, и я въ другомъ намѣстничествѣ, гдѣ у меня есть деревня, увидѣвъ его въ учителяхъ у дѣтей благородныхъ, за долгъ счелъ доложить о томъ намѣстнику, который, считая такихъ побродягъ зловредными отечеству, выгналъ его вонъ по моему представленію, и для того онъ, увидя меня, отсюда выбѣжалъ, видно боясь, чтобъ я его въ другой разъ не погналъ по шеѣ. Какъ бы то ни было, я завтра же, увидя намѣстника, постараюсь выпроводить его изъ нашего уѣзда въ двадцать четыре часа.

Княгиня. Г. предводитель, умѣрьте вашу строгость для нашей просьбы.

Сеумъ. Вы, княгиня, вольны слѣдовать или не слѣдовать моему совѣту въ порученіи сына вашего тому, кого я представлялъ; но я, дворянскій предводитель, никакъ не потерплю, чтобъ въ уѣздѣ нашемъ внѣдрилась негодница, пріѣхавшая развращать сердца и головы благородныхъ юношей.

Княгиня (*про себя*). Думала ль я, чтобъ мы, призвавъ предводителя для сысканія сыну нашему наставника, лишились чрезъ него достойнаго гувернера, который, вступя въ комнату, началъ тѣмъ, что отдалъ намъ должное, именовавъ меня и мужа моего: votre altesse.

Графиня (*Княгинѣ*). Да зачѣмъ у васъ г. предводитель?

Княгиня. Ахъ, ваше сіятельство! мы призвали его для совѣта.

Графиня. Вотъ таково-то жить чужимъ умомъ! Я, будучи Самодурова, отъ роду ни у кого ни въ чемъ совѣта не спрашиваю, а живу, какъ хочу, и дѣлаю что изволю. Могу сказать, что я своимъ устьемъ въ море впала. Я на вашемъ мѣстѣ отблагодарила бы его за совѣтъ, да тѣмъ бы дѣло и кончилось.

Нельстецовъ. Я пріѣхалъ сюда по приглашенію г. предводителя, усердствующаго пользѣ благороднаго общества; но теперь ни за что въ свѣтѣ не соглашусь быть настав-

никомъ у молодаго человѣка, имѣющаго родителей, зараженныхъ однимъ мечтаніемъ породы.

Скумъ *(къ Князю и къ Княгинѣ)*. Слуга покорный! Впередъ меня къ себѣ не ждите.

Князь. Воля ваша.

Княгиня. Графиня, пойдемъ въ наши комнаты.

(Князь повелъ Графиню, за которою уходитъ и Княгиня).

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Скумъ и Нельстецовъ.

Нельстецовъ. Странные люди! Скажите, что руководствуетъ ихъ мыслями и дѣлами?

Скумъ. Что руководствуетъ? Глупая спѣсь.

КОМЕДІЯ.

(НЕДОКОНЧЕННЫЙ ОТРЫВОКЪ).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Простосердъ.
Ненила, жена его.
Молодой Простосердъ.
Зенида, жена его.
Безчестъ.
Юлія, дочь Простосерда.
Стародумъ, другъ Простосерда.
Слуга.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

СЦЕНА I.

Театръ представляетъ комнату, въ которой Простосердъ сидитъ за столомъ и разсматриваетъ книги въ тетрадяхъ. Ненила, Юлія.

НЕНИЛА. Не знаю, батюшка, на кой чортъ ты столько книгъ покупаешь всякій день; только деньгамъ переводъ. Легкое ль дѣло. Теперь три поставца биткомъ набито.

ПРОСТОСЕРДЪ. Какъ же быть, Ненилушка! У всякаго своя охота. Я люблю читать книжки: для того ихъ и покупаю. Пока глаза есть, стану читать; а какъ глазъ не будетъ, и читать перестану.

НЕНИЛА. Христосъ съ тобою! Гляди, мой батюшка! Да на что ты деньги-то переводишь? Купилъ бы себѣ книжку, —другую хорошенькихъ, да и полно; прочиталъ до доски, да опять съизнова. Вѣдь, я чай, что въ одной книжкѣ написано, то есть и въ тридцати.

ПРОСТОСЕРДЪ. Твоя правда, Ненилушка! Этого обману нынче много: такіе проклятые! Прочтешь книжку, кажется диковинка; прочтешь другую — анъ то же написано, только другими словами; а кажется—и другаго автора, и не та печать; да и деньги берутъ, какъ за новую.

НЕНИЛА. Вотъ такъ-то вашу братью обманываютъ! Благодарю Творца, что не люблю читать книгъ: а то-бы, пожалуй, плуты и меня обманули. Вотъ Юлія — такъ ужъ въ батюшку своего: читать охотница!

ПРОСТОСЕРДЪ. Еще бы и она была не охотница! Развѣ мало заплатили мы за ея ученье? Одна мадама чего стоила. Правда, за то она и французскія книжки читаетъ.

Юлія. Да что читать, батюшка? У васъ все русскія; а я, по чести, не могу читать русскихъ книгъ: мóчи нѣтъ, какія мудреныя, я ни слова не разумѣю.

Невила. Слава Богу! хоть дочь въ убытокъ не вводитъ Если бъ, храни Богъ, да и она читала по-русски, — такъ бы въ конецъ разорились!

Юлія. Если бъ Безчестъ не дѣлалъ мнѣ одолженія, и не давалъ бы читать своихъ французскихъ книгъ, то, по чести говорю, я не дала бы покою вамъ, батюшка: все-бы стала просить денегъ.

Невила. Спасибо, право, Безчесту, что онъ ее книжками ссужаетъ. Истинно, какой честный молодецъ!

Простосердъ. О! пречестный и преумный человѣкъ! Онъ хоть и недавно намъ знакомъ, да я сердечно радъ, что онъ съ сыномъ нашимъ такъ подружился. Петрушка малой молодой; ему очень нуженъ такой, можно сказать, другъ и наставникъ.

ДОБРЫЙ НАСТАВНИКЪ.

КОМЕДІЯ.

(недоконченный отрывокъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Княгиня сидитъ на канапе, на которой стоитъ картонъ съ лентами. Служанка выбираетъ.

Марья. Не это ль прикажете?

Княгиня. Ахъ нѣтъ! да пора, пора мнѣ одѣваться, Машинька! Князь будетъ сюда обѣдать.

Марья. Молодой Честонъ? *(показываетъ ей ленты).*

Княгиня *(смотря на ленты.)* Не правда ли, что онъ хорошъ, какъ ангелъ?

Марья. Красавецъ! И какой съ нимъ ѣздитъ почтенный старичекъ!...

Княгиня. Котораго я терпѣть не могу.

Машинька. За что, княгиня? Г. Праводумъ такой умный...

Княгиня. Онъ тебѣ кажется за тѣмъ умнымъ, что ты дура; *(указывая на ленты)* вотъ хороши!

Марья (*убирая тляпку*). Можетъ быть, ваше сіятельство; однако не мнѣ одной этотъ старичекъ нравится. Братецъ вашъ родной, г. Прямиковъ, человѣкъ, конечно, разумный, самъ большаго объ немъ мнѣнія.

Княгиня (*указывая служанкѣ, какъ перьями убрать шляпку*). Братецъ мнѣ родной, даромъ что онъ мнѣ большой, что я у него живу, и что много имъ обязана, братецъ мой — мужикъ бѣшеный. Въ разборѣ умовъ я ему не вѣрю. Онъ часто меня называетъ дурою, и съ такимъ чистосердечнымъ видомъ, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ была я превеликая дурища. Послѣ этого, ты сама разсуди есть ли толкъ въ моемъ *дядюшкѣ*?

Марья. Послѣ этого я, конечно, знаю, что думать о вашемъ *дядюшкѣ?*

Княгиня. Аргоров! Дядюшка мой, я думаю, сегодня съ дачи воротится, куда изволилъ онъ вчера повезти твоего почтеннаго старичка. Слава Богу, что они, хотя на одни сутки, оставили насъ въ покоѣ. Я разскажу тебѣ, какъ безъ нихъ проводила я вчерашній вечеръ, чтобъ ты порадовалась веселью госпожи своей.

Марья. Разскажите, сударыня!

Княгиня. Ты знаешь, что я недавно сговорила Аннушку, мою племянницу, за унтеръ-офицера Дурашкина?

Марья. Знаю, сударыня, и очень объ ней жалѣю. Она такая милая, а вы выдаете ее по неволѣ и за кого? за Дурашкина.

Княгиня. Ахъ, Боже мой! Это что такое? Онъ малый молодой, не убогъ. Выдаете по неволѣ! да что это значитъ? Я сама была за тремя мужьями: за первымъ по волѣ, за вторымъ по неволѣ, за третьимъ ни такъ, ни сякъ, а грѣшна передъ всѣми. Это все не потому, Марьюшка, а говорится какъ кому по натурѣ. Всего хуже не быть ни за кѣмъ. Вотъ теперь я третій разъ вдовѣю, а за четвертаго выттти нельзя. Стала, какъ ракъ на мели, (*очень печально*) признаться искренно. Я женщина слабая. Истинно, какъ вѣкъ доживать не знаю.

Марья. Это подлинно жалко, да вы и позабыли разсказать мнѣ...

Княгиня. Да, да, да, я вчера вечеръ провела у родной тетки Дурашкина, у генеральши Хлдиной. Гостей было множество. Мнѣ бы только не спускать глазъ съ моего ангела. Просидѣла до двухъ часовъ за полночь. Я осталась

бы и долѣ, да всѣ дамы разъѣхались: и я принуждена была оставить князя тутъ за картами. Онъ игралъ съ Сорванцовымъ.

Марья. Да князекъ-атъ отвѣчаетъ ли вамъ?

Княгиня. Ахъ, Марьюшка, онъ такъ молодъ, такъ новъ, что я прихожу въ отчаяніе. Я бросала на него страстные взоры прямо, а онъ глядѣлъ въ сторону. Сколько разъ вчера, сидя подлѣ него, наступала я ему тихонько на ногу, а онъ всякій разъ извинялся въ слухъ, что своей ногой меня обезпокоилъ. Истинно боюсь, чтобъ вдругъ не обезумить, и при всей публикѣ не потерять благопристойности.

Марья. Ст..... княгиня!

КОРІОНЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ ([41]).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Коріонъ.
Менандръ, другъ его.
Зиновія, любовница Коріона.
Андрей, слуга Коріоновъ
Крестьянинъ.

Дѣйствіе въ подмосковной деревнѣ Коріоновой.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

АНДРЕЙ.

Уединенну жизнь какъ мнѣ ни выхваляли,
Я вижу, что о томъ пустое мнѣ болтали.
Возможно ли Москву съ деревнею сравнять?
Тамъ нѣтъ полей и рощъ, а есть гдѣ погулять.
Вовѣки не могу я къ жизни сей привыкнуть,
Пріятности ея не въ силахъ я проникнуть.
Свирѣлей нѣжный гласъ не милъ моимъ ушамъ;
Въ Москвѣ я живучи, привыкъ къ колоколамъ.
Ужъ три дни какъ я здѣсь, въ угодность господину,
Скучаю, рвусь, бѣшусь, кляну мою судьбину;
Не вѣдаю, зачѣмъ пріѣхалъ онъ сюда.
Никакъ пришла ему взбѣситься череда.
Не знаю, для какой пріятной здѣсь награды
Оставилъ онъ Москву, гдѣ балы, маскарады
Имѣютъ полну власть изъ ночи дѣлать день,
Изъ солнечныхъ лучей ночную дѣлать тѣнь.
Что сдѣлалося съ нимъ? что сдѣлалось со мною?
Неужли мы на вѣкъ разстанемся съ Москвою?
Тому, кто такъ, какъ онъ, безпечно жизнь ведетъ,
Казалось бы, на умъ деревня не пойдетъ:
Онъ молодъ, и богатъ, и счастливъ въ нѣжномъ полѣ:
Чего жъ ему еще желать осталось болѣ?
Но, нѣтъ! онъ прежде самъ веселу жизнь любилъ...
Теперь сталъ весь не тотъ: печаленъ и унылъ.
Жестокая тоска его тревожить стала;
Она одна сюда по почтѣ насъ примчала.
Въ деревню отъ роду пріѣхавъ въ первый разъ,

За цѣлыя сто лѣтъ считаю всякій часъ.
Пойду теперь, пойду, спрошу я господина:
Какая бы его тоски была причина?
Пойду, пойду къ нему... да что жъ я оробѣлъ? *(Воротясь)*
Онъ мнѣ къ себѣ входить безъ спросу не велѣлъ;
Однакожъ я пойду... Иль онъ лишенъ разсудка?...
Нѣтъ, нѣтъ! Останусь здѣсь; теперь не кстати шутка:
Съ сердитыми шутить, я знаю, каково. *(Помолчавъ)*
Кромѣ меня съ собой онъ не взялъ никого.
За службу вѣрную, за службу для покою,
По милости своей, меня онъ взялъ съ собою.
Что десять дѣлали, я дѣлаю одинъ.
Худая жизнь слугѣ, коль бѣшенъ господинъ!...
Собачья жизнь моя!... терпѣнія не стало!...
Да что за чудо мнѣ въ глаза теперь попало?
Какое странное и глупое лицо!

ЯВЛЕНІЕ II.

Андрей и Крестьянинъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Съ Москвы-ста барину прислали письмецо.

АНДРЕЙ.

Подай! Не знаю я, что̀ъ это за причина!
Скажи мнѣ, ради ль вы пріѣзду господина?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Какъ вашей милости не радимъ-ста намъ быть?
(Хочетъ идти).

АНДРЕЙ.

Постой, мнѣ нужда есть съ тобой поговорить.
Скажи мнѣ, здѣсь не все ль одни живутъ медвѣди
И есть ли, кромѣ ихъ, другіе вамъ сосѣди?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Оборони-ста Богъ! Здѣсь мало ли людей?
Да что же-ста!... Никакъ-ста милости твоей
Пришла здѣсь вотчина боярска не по нраву?

АНДРЕЙ.

По правдѣ, я нашелъ худую здѣсь забаву.
Я долженъ или здѣсь съ ума сходить одинъ,
Иль видѣть какъ груститъ и рвется господинъ.
Такъ время проводить несносно человѣку.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Да также-ста и здѣсь, отъ насъ неподалеку,
Тому ужъ года три, боярыня живетъ.
Все плачетъ да груститъ, не взмилилъ ей и свѣтъ!
И, Господи, спаси отъ этакой кручины!
А отчего? Никто не вѣдаетъ причины.

АНДРЕЙ.

Ты чудо мнѣ сказалъ! Да вотъ и Коріонъ.
Я вижу барина; поди отсюда вонъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Коріонъ (*читая письма*) и Андрей.

АНДРЕЙ.

Не прогнѣвлю ли я васъ смѣлостью такою,
Прося, чтобъ молвили два слова вы съ слугою?
О чемъ грустите вы, дозвольте доложить?
И долго ль будетъ намъ въ такой пустынѣ жить?
Коль здѣсь останемся еще на долго время,
Я вижу, мнѣ не снесть такое скуки бремя.
Оставилъ въ городѣ, въ злой грусти, я одну
Любезную мою и вѣрную жену.
Хоть приращенія мой лобъ не ожидаетъ,
Однако сатана женъ вѣрныхъ искушаетъ.
Такою хитростью пресильнаго врага
Нечаянно носить случается рога...
Дождусь ли я отъ васъ пріятнаго отвѣта?
Молчанье для меня недобрая примѣта!

КОРІОНЪ.

Чернилъ, перо!

АНДРЕЙ.

Къ чему жъ?

КОРІОНЪ.

То дѣлай, что велятъ!

АНДРЕЙ.

Его слова меня, мои его вздурятъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

КОРІОНЪ (*сидя*).

Съ тѣхъ поръ, какъ я къ тому всѣ мысли обращаю,
Въ лютѣйшей горести... отраду ощущаю.

Для твердыхъ душъ оковъ судьбою не дано:
Коль бѣдству зримъ конецъ, не страшно намъ оно!
(*Написавъ нѣсколько строкъ*).
О ты, чьей горести я злобный былъ содѣтель,
Которой обожать я долженъ добродѣтель,
Которой за любовь измѣной заплатилъ,
Которой счастіе въ напасти превратилъ, —
Коль ты еще жива, тронись моей тоскою,
Какъ нынѣ тронутъ я твоею сталъ судьбою.
Зиновія! тебѣ, кончая жизнь мою,
Я все мое теперь богатство отдаю.
Менандръ, мой другъ, тебѣ вручитъ его, конечно;
А мнѣ противенъ вѣкъ, я съ нимъ разстанусь вѣчно;
Отрады для меня нигдѣ не можетъ быть.

ЯВЛЕНІЕ V.

Коріонъ и Андрей.

АНДРЕЙ (*въ сторону*).

Въ такой тоскѣ весь свѣтъ не трудно позабыть!
Что я держу въ рукахъ, и то позабываю;
Послѣдуя ему, послѣдній умъ теряю.
(*Кладетъ письмо на столъ*).
Письмо, которое забылъ отдать я вамъ. (*Въ сторону*)
Однако онъ теперь писать изволитъ самъ.
Конечно, онъ въ Москву послать кого намѣренъ,
Да только не меня, я твердо въ томъ увѣренъ.
(*Взявъ перо, чинитъ*).

КОРІОНЪ.

Что хочешь дѣлать ты?

АНДРЕЙ.

Писать письмо къ женѣ,
И къ братьямъ, и къ друзьямъ, и всей моей роднѣ.
Мнѣ должно имъ сказать, куда я преселился,
Изъ бездны ль вышелъ бѣдъ, иль въ бездну провалился.
Друзья не вѣдаютъ, куда ихъ скрылся другъ,
Жена не вѣдаетъ, гдѣ кроется супругъ.
Скажите, для чего бъ не пользоваться вѣкомъ,
И въ свѣтѣ живучи, быть мертвымъ человѣкомъ?
Въ деревню должно тѣмъ навѣкъ переѣзжать,

Кто хочетъ жителямъ деревни подражать,
У коихъ, если кто моей повѣритъ справкѣ,
Подобно какъ они—и разумы въ отставкѣ.
Размножился у насъ такихъ невѣжей родъ,
Нельзя тутъ разобрать съ крестьянами господъ;
Иной изъ нихъ, служа и тѣлеси и духу,
Во здравіе свое до смерти гнетъ сивуху;
Иной и день и ночь, проливъ струями потъ,
Гоняясь за скотомъ, и самъ бываетъ скотъ;
И лучшіе изъ нихъ равняются со пнями,
Кто много хвастаетъ своими деревнями,
Считая то за верхъ блаженства своего,
Чтобъ ночь проспать, а днемъ не дѣлать ничего.

КОРІОНЪ.

Будь веселъ; завтра ты увидишься съ Москвою.

АНДРЕЙ.

Какъ! мнѣ? Вокреснуть мнѣ назначено судьбою?

КОРІОНЪ.

Иль не мило тебѣ со мной въ деревнѣ жить?

АНДРЕЙ.

Веселымъ господамъ охотнѣе служить.
Я знаю, что Москва свои имѣетъ нравы,
Гдѣ сердце веселятъ различныя забавы:
Какое множество въ Москвѣ прекрасныхъ лицъ!
Тамъ всякой найдетъ рай въ собраніи дѣвицъ.
Не вы ли прежде тамъ въ весельѣ восхищались?
Не вы ли прелестьми московскими прельщались?
Я самъ въ Москвѣ, я самъ въ окошко видѣлъ рай,
А здѣсь въ окно одинъ лишь вижу я сарай...
Вы только лишь теперь меня и воскресили,
Сказавши мнѣ, что тѣ минуты наступили,
Въ которы выѣдетъ со мною господинъ.

КОРІОНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! я буду здѣсь, поѣдешь ты одинъ.

АНДРЕЙ.

Неужель должно мнѣ безъ васъ Москву увидѣть?
Съ чего вы вздумали весь свѣтъ возненавидѣть?
Какой вы вкусъ нашли жить въ скукѣ одному?
Могу ль я вѣдать, что причиною тому?
Неужель къ тѣмъ сердцамъ, которы вамъ вручились,
Безвременно еще наслѣдники явились?
Неужель вѣчный жаръ красавицы какой,

Погаснувъ самъ, пожралъ съ собою вашъ покой?
Иль та, которая, взявъ въ плѣнъ свой, васъ сковала,
Оковы разорвавъ, въ деревню васъ прогнала?
Но какъ бы то ни есть, я чѣмъ виновенъ въ томъ?
За что былъ долженъ я остаться здѣсь скотомъ?

КОРІОНЪ.

Теперь тебя съ письмомъ къ Менандру отправляю.

АНДРЕЙ.

А я вамъ отъ него письмо теперь вручаю.
Мнѣ можно было то по надписи узнать.

КОРІОНЪ.

Но кто бъ изъ васъ ему осмѣлился сказать,
Что я въ деревнѣ здѣсь?...

(*Распечатавъ письма, читаетъ одно, оставя приложенныя на столѣ*).

Онъ быть ко мнѣ намѣренъ,
Да мнѣ его пріѣздъ не нуженъ. Я увѣренъ,
Что можешь ты его въ Москвѣ еще застать...

АНДРЕЙ.

Оставя васъ грустить, и рваться, и вздыхать?
По крайней мѣрѣ вы задумчивымъ не будьте,
И этого еще прочесть не позабудьте.

(*Кладетъ ему достальныя*).

КОРІОНЪ (*прочитавъ*).

Изрядно. Я теперь полковникъ....

АНДРЕЙ.

Вамъ данъ чинъ?
Теперь-то къ радости довольно мнѣ причинъ!
Не правду ль я сказалъ?... Хоть нѣтъ отъ васъ отвѣту,
Однако я велю закладывать карету.
Иль долгу своего не можете понять?
Не должно ль намъ въ Москву какъ можно поспѣшать?
Хоть сами вы себя немного приневольте!
Оттуда въ Петербургъ отправиться извольте.
Вамъ счастья своего недолго будетъ ждать,
Коль станете во всемъ вы знатнымъ угождать.
Извѣстны вамъ самимъ большихъ господъ законы,
Что жалуютъ они нижайшіе поклоны;
Умножьте вы числу особою своей
Стоящихъ съ трепетомъ въ передней ихъ людей;
И если за чины не вскѣчно дарить,
Такъ должно вамъ хотя за то благодарить,
Что милость сдѣлали и васъ не обошли,

Что, живши въ отпуску, вы чинъ себѣ нашли...
Да что жъ?... никакъ и та вамъ милость непріятна?
Клянусь, что ваша мнѣ холодность непонятна!

КОРІОНЪ.

Андрей, возьми письмо.

АНДРЕЙ.

Не знаю, что зачать,
И что на это вамъ мнѣ должно отвѣчать?
Смущеніе, тоска, печальны разговоры,
А болѣе всего отчаянные взоры
Смущаютъ и меня, усерднаго слугу;
И, если доложить о томъ я вамъ могу,
Скажите, для чего, когда васъ грусть терзаетъ,
Вы пишите къ тому, кто важно разсуждаетъ?
Неужель вамъ Менандръ одинъ остался другъ?
Въ Москвѣ у васъ друзей бывало по сту вдругъ.

КОРІОНЪ.

Тѣхъ временныхъ друзей всегда превратны нравы:
Не грусть они дѣлятъ, дѣлятъ они забавы;
Хоть, кажется, они усердіемъ горятъ,
Однакожъ ихъ сердца иное говорятъ
И дружба такова проходитъ скоротечно.
Менандръ, одинъ Менандръ мнѣ будетъ другомъ вѣчно!

АНДРЕЙ.

По крайней мѣрѣ я хочу оставить васъ
Въ хорошемъ обществѣ. Я самъ почти сейчасъ
Услышалъ, что живетъ красавица въ сосѣдствѣ,
Въ отчаяньѣ, въ тоскѣ, и горести, и бѣдствѣ,
Я слышалъ, что она всечасно слезы льетъ;
Подобно какъ и вамъ, противенъ ей сталъ свѣтъ.
Не должно ли подать вамъ помощи ей руку? —
Вотъ способъ прогонять свою тоску и скуку.
Прекрасной госпожи плачъ въ радость премѣня,
Оставьте вы тогда служанку для меня.

КОРІОНЪ.

Какой прескучный вздоръ!

АНДРЕЙ.

На вздоръ ли то походитъ,
Когда случай сюда красавицу приводитъ?
Коль вздоромъ кажется вамъ этотъ разговоръ,
Такъ посему и все у васъ на свѣтѣ вздоръ!
Да если бъ съ вами я и въ томъ не думалъ розно,

За этотъ взяться вздоръ и вамъ еще не поздно...
Послушайте того, кто хочетъ вамъ добра,
Которое для васъ получше серебра.
Богатства вы теперь имѣете довольно;
Но весело ли съ нимъ тому, чье сердце вольно?
И если для того, чтобы спокойно жить,
На сердце должно вамъ оковы наложить,
Мнѣ кажется, что тѣ пречудныя оковы
Въ сосѣдствѣ здѣсь давно для васъ уже готовы.
Когда угодно вамъ, пойду и полечу...

КОРІОНЪ.

Останься! Никого я видѣть не хочу. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

АНДРЕЙ

Его уже ничто на разумъ не приводитъ.
И больше отчасу съ ума мой баринъ сходитъ!
Когда жъ судьба велитъ ему съ ума сойти,
То трудно будетъ здѣсь умнѣй его найти;
Но въ самомъ дѣлѣ все, что онъ ни начинаетъ,
Меня и самого чрезмѣрно огорчаетъ...
Хоть много я теперь расхвастался умомъ,
Однако дѣлать я не знаю что̀ съ письмомъ...
Отчаянье его отъѣздъ мой усугубитъ;
Оставшись здѣсь одинъ, онъ самъ себя погубитъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Андрей и Крестьянинъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Да та-ста барыня зоветъ тебя къ себѣ,
О коей прежъ сего я сказывалъ тебѣ.
Передъ себя она, меня призвавши, баетъ,
Что будто-ста она и вашу милость знаетъ.

АНДРЕЙ.

Теперь не до того, мой другъ: ты долженъ знать,
Что велѣно тебѣ сейчасъ въ Москву скакать.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Помилуй-ста! Не дай въ конецъ мнѣ разориться!

АНДРЕЙ.

Не плачь, поѣздка та не можетъ долго длиться:
Къ Менандру долженъ ты отвезть письмо туда.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Теперь-ста не за мной осталась череда.
Обидно, батюшка!

АНДРЕЙ.

Ужъ ты, братъ, мнѣ и скучишь!
Одной поѣздкою себя ты не измучишь.
Какая тягость то?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Да мы разорены!

АНДРЕЙ.

Скажи мнѣ, отчего вы въ то приведены?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Платя-ста барину оброкъ въ указны сроки,
Бываютъ-ста еще другіе съ насъ оброки,
Отъ коихъ уже мы погибли-ста въ конецъ.
Нерѣдко ѣздитъ къ намъ изъ города гонецъ
И въ городъ старосту съ собою онъ таскаетъ,
Котораго-ста міръ, сложившись, выкупаетъ.
Слухъ есть, что сдѣланъ вновь въ Приказѣ приговоръ,
Чтобъ чаще былъ такой во всемъ уѣздѣ сборъ.
Не мало и того сбирается въ народѣ,
Чѣмъ кланяемся мы почасту воеводѣ.
Къ тому же сборщики-драгуны ѣздятъ къ намъ
И безъ пощады бьютъ кнутами по спинамъ,
Коль денегъ-ста когда даемъ мы имъ немного.

АНДРЕЙ.

О! о! Мнѣ кажется, ужъ это слишкомъ строго.
Какую бѣдную крестьяне жизнь ведутъ,
Коль грабятъ ихъ и тѣ, которымъ преданъ судъ!
Однако долженъ ты, что̀ велѣно, исполнить.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Пожалуй-ста хоть впредь изволь словцо замолвить.
А мы готовы вамъ и сами отслужить.

АНДРЕЙ.

Изрядно. Перестань о томъ теперь тужить.
Поди скорѣе ты къ отъѣзду убираться.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Корiонъ и Андрей.

КОРIОНЪ.

Готовъ ли ѣхать ты?

АНДРЕЙ.

Готовъ я здѣсь остаться.

КОРIОНЪ.

Какъ?.. Что это?...

АНДРЕЙ.

Такъ... я... раздумалъ ѣхать самъ.
Зачѣмъ же ѣхать мнѣ, коль васъ не будетъ тамъ?

КОРIОНЪ.

Что значитъ это все?

АНДРЕЙ.

Что я о васъ жалѣю,
И одного я васъ оставить здѣсь не смѣю.
Безъ вашей жизни мнѣ что̀ будетъ и въ моей?
Вы скоро съ жизнію поссоритесь своей!
И для того боюсь отселѣ удалиться,
Хотя бъ я долженъ былъ отъ скуки здѣсь взбѣситься.

КОРIОНЪ.

Кто сказывалъ тебѣ?....

АНДРЕЙ.

Никто, никто; а такъ...
Мнѣ показалось то, затѣмъ что я дуракъ,
И легче всѣхъ могу во всемъ я ошибаться!
Однако нѣтъ вреда во всемъ остерегаться.
Я жизнію шутить ни чьею не могу
И съ жизнію своей я вашу берегу.

КОРIОНЪ.

Еще тебѣ сей свѣтъ, я вижу, не противенъ?

АНДРЕЙ.

Кому такой вопросъ покажется не дивенъ?
Мое намѣренье, коль Богъ благословитъ,
Не въ важности какой, въ бездѣлкѣ состоитъ, —
И ежели мнѣ въ томъ не помѣшаютъ черти,
Такъ весело прожить желаю я до смерти.
На свѣтѣ семъ никто два раза не живетъ, —
Вотъ мнѣніе мое и вотъ вамъ мой отвѣтъ.

То правда, что у всѣхъ бываютъ разны вкусы;
Хоть много храбрыхъ есть, однако есть и трусы.
Въ числѣ послѣднихъ былъ и прадѣдъ мой, и дѣдъ,
Которымъ, какъ и мнѣ, любезенъ былъ сей свѣтъ.
И если отъ меня мои родятся дѣтки,
Такъ будутъ таковы жъ, какъ ихъ отецъ и предки;
И временный сей свѣтъ полюбятъ и они,
Хотя и не всегда бываютъ красны дни.

КОРІОНЪ.

Ты скучишь. Не тебѣ ль скорѣе ѣхать должно?

АНДРЕЙ.

Что жъ дѣлать мнѣ? Никакъ быть этому не можно!

КОРІОНЪ.

Ужъ больше отъ тебя терпѣть моихъ нѣтъ силъ!
Довольно ты меня, мнѣ кажется, бѣсилъ.
И я съ тобой мое терпѣніе теряю.

АНДРЕЙ.

Ужель я вамъ моимъ усердьемъ досаждаю?
Себѣ ли въ пользу я остаться здѣсь хочу?

КОРІОНЪ.

Ты будешь ли молчать?

АНДРЕЙ.

Извольте, я молчу.

КОРІОНЪ (*въ сторону*).

Сегодня цѣлый день онъ предо мною бредитъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Корionъ, Андрей и Крестьянинъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ (*къ Андрею*).

Готовъ-ста, батюшка!

КОРІОНЪ.

Куда?

АНДРЕЙ.

Въ Москву онъ ѣдетъ.

КОРІОНЪ.

Бездѣльникъ! Такъ ты съ нимъ письмо хотѣлъ послать?
И всѣ мои слова ты сталъ пренебрегать?
Такъ ты теперь ужъ самъ быть хочешь господиномъ?

АНДРЕЙ.

Не льстился я вовѣкъ такимъ великимъ чиномъ:
Я знаю то всегда, что долженъ быть слугой;

Однако, иногда, совѣтъ бываетъ мой...
Извольте бить меня, замучьте, притаскайте,
Лишь только отъ себя меня не отпускайте.

КОРІОНЪ (*Крестьянину*).

Изрядно; ты въ Москву не медля поѣзжай. (*Андрею*)
По крайней мѣрѣ то хотя теперь узнай,
Что я не буду вѣкъ терпѣть слуги такова
И что тебѣ давно отпускная готова. (*Уходитъ*).

АНДРЕЙ.

Хоть онъ отпускную изволитъ обѣщать,
Однако вѣкъ ему меня не отпущать.
Хоть много на меня изволитъ онъ сердиться,
Однако безъ меня не можетъ обойтиться.
Подобно безъ него и мнѣ не можно жить:
Я самъ привыкъ ему съ усердіемъ служить.
Счастливы господа усердными слугами,
А слуги добрыми счастливы господами!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

МЕНАНДРЪ и АНДРЕЙ.

АНДРЕЙ.

Насилу могъ того дождаться я часа,
Въ который васъ сюда прислали небеса!
А если бъ вы еще помедлили подолѣ,
То бъ должно было мнѣ взбѣситься по неволѣ.
Спросите у него, зачѣмъ онъ здѣсь живетъ,
И отчего ему противенъ сталъ сей свѣтъ?
Недавно къ вамъ съ письмомъ крестьянинъ отправлялся;
Я думаю, что онъ на встрѣчу вамъ попался.

МЕНАНДРЪ.

Письма отсюда я еще не получалъ,
Но здѣсь вблизи я самъ двухъ женщинъ обогналъ,
Которыхъ разсмотрѣть не можно было точно...
Не знаешь ли ты кто?

АНДРЕЙ.

Я самъ пойду нарочно
Узнать, зачѣмъ онѣ изволятъ ѣхать къ намъ:
Въ такомъ случаѣ я провореиъ очень самъ.

МЕНАНДРЪ.

Неужель Коріонъ еще того не знаетъ,
Что я...

АНДРЕЙ.

Отъ васъ-то онъ теперь и убѣгаетъ,
И болѣе узнать не можно вамъ его:
Онъ сталъ совсѣмъ не тотъ.

МЕНАНДРЪ.

Скажи мнѣ, отчего
Онъ началъ такъ грустить, печалиться и рваться?

АНДРЕЙ.

Причины я и самъ не могъ тому добраться;
И сколько мыслями своими ни брожу,
Однако я нигдѣ ее не нахожу.

МЕНАНДРЪ.

Какая бъ быть могла поѣздки сей причина?

АНДРЕЙ.

Слуга не вѣдаетъ; спросите господина,
Который, весь свой вѣкъ намѣрясь промолчать,
Мнѣ кажется, и вамъ не будетъ отвѣчать.
Досаденъ иногда и жалокъ онъ бываетъ;
Что сдѣлать самъ велитъ, то тотчасъ забываетъ;
Такая на него была еще пора,
Что вздумалъ и меня гнать въ шею со двора;
А обошедшися со мною такъ сурово,
Чрезъ полчаса забылъ сдержать свое въ томъ слово.
И если не былъ онъ сперва кому знакомъ,
Такъ тотъ его сочтетъ, конечно, дуракомъ.
Хоть дерзко я сказалъ, да вы не разсердитесь:
Я знаю, что тому вы сами удивитесь,
Увидя, какъ себѣ онъ голову вскружилъ...
Когда бъ онъ боленъ былъ, я бъ менѣе тужилъ:
Тогда бъ помочь ему нашлось какое средство;
А это злѣе всѣхъ болѣзней въ свѣтѣ бѣдство,
Чтобъ чувствовать тоску и слезы проливать,
И самому причинъ тоски своей не знать...
Да вотъ онъ самъ идетъ. Побудьте съ нимъ подолѣ;

Заставьте вы его открыться по неволѣ;
Старайтесь отъ него тоску узнать всю вдругъ.
Я васъ оставлю здѣсь однихъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Коріонъ и Менандръ.

МЕНАНДРЪ.

Любезный другъ,
Съ какою радостью тебя я обнимаю!
Повѣрь, что счастіе своимъ твое считаю..
Хотя старался то въ письмѣ изобразить,
Однако я письмомъ не могъ доволенъ быть
И самъ пріѣхалъ я съ тобою повидаться.

КОРІОНЪ.

Дозволь мнѣ искренно, мой другъ, тебѣ признаться,
Что если бъ ты пріѣздъ дня на два отложилъ,
То бъ тѣмъ меня еще ты больше одолжилъ.
Недавно я и самъ письмо послалъ отселѣ,
Въ которомъ я просилъ тебя о важномъ дѣлѣ.
Ахъ, если бъ на себя ты трудъ хотѣлъ принять!
И обстоятельства...

МЕНАНДРЪ.

Я не могу понять,
Зачѣмъ ты здѣсь живешь? Что сдѣлалось съ тобою?
Спѣши скорѣй отсель ты выѣхать со мною.
Не должно ли тебѣ за чинъ благодарить?

КОРІОНЪ.

За чинъ?... Но онъ меня не долженъ веселить.
Отъ дружбы я твоей того не сокрываю,
Что къ прежней жизни я весь вкусъ уже теряю.
Противенъ городъ мнѣ, и Дворъ, и весь сей свѣтъ:
Они наполнены премножествомъ суетъ.
Я отвращенье къ нимъ жестокое имѣю;
Доволенъ буду я судьбиною моею,
Когда останусь здѣсь въ спокойствіи весь вѣкъ,
И буду отъ суетъ свободный человѣкъ.

МЕНАНДРЪ.

Я долженъ твоему намѣренью дивиться,
Прилично ли тебѣ отъ свѣта удалиться,
Когда уже нашелъ ты счастіе свое...

Не безразсудно ли намѣренье сіе?
Всѣ тѣ, которые его предпринимаютъ,
Нерѣдко со стыдомъ его уничтожаютъ:
Оставя свѣтъ, сперва скучаютъ мыслью сей,
За скукой идетъ грусть, раскаянье за ней;
И послѣ въ свѣтъ вступить желанья вновь родятся,
А возвратясь, они смѣшными становятся.
Скорѣе всѣхъ того свѣтъ можетъ позабыть,
Который въ немъ ничѣмъ не могъ доволенъ быть;
Довѣренность его и счастье пропадаетъ:
Онъ свѣтъ, а свѣтъ его оставить предпримаетъ,
Тогда онъ отстаетъ отъ мѣста своего,
Гдѣ могутъ обойтись легко и безъ него.
Потомъ занять его опять хоть мысль приходитъ,
Но мѣсто прежнее онъ занятымъ находитъ.
Скажи мнѣ, чтобъ покой снискать душѣ своей,
Оставить должно ль свѣтъ и бѣгать отъ людей?
Разумный человѣкъ, которому природа
Велѣла въ обществѣ для пользы быть народа,
Оставить должности не хочетъ никогда,
И гдѣ велитъ долгъ жить, онъ тамъ живетъ всегда;
Хоть при Дворѣ жить вѣкъ судьба его приводитъ,
Уединенье онъ среди Двора находитъ.
И если иногда онъ такъ захочетъ жить,
На тотъ часъ можетъ онъ всю пышность отложить,
Не помышлять о томъ, что важно и полезно,
И видѣть только то, что есть ему любезно;
Но ты мнѣ искренно скажи, любезный другъ:
Какая темна мысль тебя объяла вдругъ?
И ежели о томъ спросить тебя я смѣю,
Печаль...

КОРІОНЪ.

Я никакой печали не имѣю,
И мнѣ еще къ тому причинъ ни малыхъ нѣтъ.

МЕНАНДРЪ.

Такъ для чего жъ тебѣ противенъ нынѣ свѣтъ?
Хоть нравы у людей и стали поврежденны,
Однако мы нашъ вѣкъ жить съ ними принужденны;
Мы должны завсегда покорны быть судьбѣ.
Послѣдовать сему совѣтую тебѣ,
И убѣгать людей причины я не вижу.

КОРІОНЪ.

Я ихъ, любезный другъ, и самъ не ненавижу.
Современникамъ я могу ли быть злодѣй?
Могу ль я быть въ числѣ превратныхъ тѣхъ людей,
Которые безъ винъ, безъ права, безъ причины
Злословятъ весь сей свѣтъ до самой ихъ кончины?
Хулитель таковой съ излишествомъ суровъ:
Развратны люди есть, но всякій ли таковъ?
Я много разъ и самъ бывалъ тому свидѣтель,
Что многими еще хранится добродѣтель.
Имѣлъ причину я людей не презирать,
И узы общества усердно почитать;
И никогда не зналъ такихъ веселій злобныхъ,
Чтобъ огорчать, язвить и гнать себѣ подобныхъ.

МЕНАНДРЪ.

Къ чему же убѣгать ты свѣта принужденъ?

КОРІОНЪ.

Но что̀ бъ ты сдѣлалъ самъ? Я къ скукѣ осужденъ;
Тоскою пораженъ, страдаю и крушуся,
И уже самъ себѣ я въ тягость становлюся.
Хочу отъ свѣта скрыть на вѣки я того,
Который въ немъ лишенъ спокойствія всего.
Не будь встревоженъ ты, мой другъ, моимъ отвѣтомъ:
Скучаетъ мною свѣтъ, а я скучаю свѣтомъ.
Пришло то время, чтобъ я тѣхъ забавъ бѣжалъ,
Которы я любилъ, которы обожалъ.
Ихъ жизни нашея считалъ я красотою,
И ихъ же я теперь считаю суетою.
Онѣ стремятся насъ спокойствія лишать,
Но онаго опять не могутъ возвращать.
Теченіе суетъ на колесо похоже,
Которое глазамъ всегда представитъ то же.
Обманомъ, хитростью и лестью полонъ свѣтъ;
Убѣжища отъ нихъ нигдѣ намъ больше нѣтъ!
Мнѣ самымъ опытомъ то все извѣстно стало,
И въ овѣтѣ ко всему желаніе пропало.
Я въ пышной суетѣ всю жизнь мою провелъ:
Все видѣлъ, все вкусилъ, узналъ, пересмотрѣлъ,
Уже ничто меня на свѣтѣ не прельщаетъ,
Ничто опять въ него меня не возвращаетъ;

Ничѣмъ отъ мыслей сихъ не буду отведенъ
И здѣсь останусь жить, отъ свѣта удаленъ.

МЕНАНДРЪ.

Питая грусть, тоску, отчаянье презлое,
Ты хочешь оправдать намѣренье такое.
Но все ли ты вкусилъ блаженство жизни сей?
Достигнуть ихъ и знать во власти есть твоей;
Старайся ихъ вкусить и ими наслаждаться.
Къ чему тебѣ грустить, къ чему тебѣ терзаться?
И не въ отчаяньѣ ль ты мнѣ теперь сказалъ,
Что ты на свѣтѣ всѣ веселія узналъ?
Но только ль то одно блаженство составляетъ,
Во что̀ насъ молодость слѣпая привлекаетъ?
Иль кромѣ тѣхъ страстей, что свойство юныхъ лѣтъ,
Другаго счастія на свѣтѣ смертнымъ нѣтъ?
Но если будемъ мы разсудка слушать болѣ,
Другое мы найдемъ своимъ желаньямъ поле;
Не будутъ наши въ томъ старанія вотще.
Повѣрь, любезный другъ, мы не жили еще.
Какъ скоро обществу служить намъ время стало,
Съ тѣхъ поръ и жизни мы должны считать начало.
Кто къ общей пользѣ самъ старанье приложилъ
И къ славѣ своего отечества служилъ,
Тотъ въ жизнь свою вкусилъ веселіе прямое.
Веселье для него не можетъ быть иное,
Какъ то, о коемъ онъ старался весь свой вѣкъ,—
Чтобъ жить и умереть какъ честный человѣкъ.
Не внемлешь словъ моихъ и очи отвращаешь?

КОРІОНЪ.

Ты съ здравымъ разумомъ согласно мнѣ вѣщаешь;
Но чувства побѣдить уже не можетъ онъ,
Разсудокъ чувствію не дѣлаетъ препонъ.
Ступай ты тѣмъ путемъ, по коемъ за тобою
Идти было и мнѣ назначено судьбою,
Но, ахъ! мнѣ больше жить уже надежды нѣтъ!
Ты тщетно мнѣ даешь, любезный другъ, совѣтъ;
Ты тщетно нову жизнь представить мнѣ желаешь;
И счастье новое ты мнѣ изображаешь:
Нѣтъ больше для меня веселья и забавъ,
И сталъ совсѣмъ не тотъ, какъ прежде былъ, мой правъ.

МЕНАНДРЪ.

Какъ много мысль твоя отъ истины далека!

Погрѣшность такова безславитъ человѣка;
Но если бъ свѣта ты и долженъ былъ бѣжать,
Такъ нужно ль для того и жизнь свою скончать?
Кто знаетъ разсуждать, тотъ самъ собой доволенъ,
Жить можетъ отъ суетъ собою самъ уволенъ
И, отвращеніе имѣя къ жизни сей,
Не скучитъ никогда онъ долею своей.
А чтобы всякій быть доволенъ могъ судьбою,
То надобно умѣть довольнымъ быть собою.
Желаніе сіе имѣя, человѣкъ
Въ уединеньѣ жить не можетъ весь свой вѣкъ:
Онъ долженъ раздѣлить свой вкусъ попеременно,
То жить ли въ обществѣ, то жить уединенно,
И ежели ты здѣсь побольше поживешь
Желанье видѣть свѣтъ ты самъ въ себѣ найдешь.
Премѣна такова бываетъ часто нравамъ;
Отдохновеніе быть должно и забавамъ;
Онѣ становятся нерѣдко въ тягость намъ.
Примѣромъ быть сему теперь ты можешь самъ:
Ты долженъ всѣхъ забавъ на нѣсколько лишиться,
Чтобъ къ нимъ желаніе опять могло родиться?
И только отъ того несчастливымъ ты сталъ,
Что ты уже и самъ быть счастливымъ усталъ.
Ты хочешь повторить слова твои, конечно,
Что нельзя побудить намъ чувствіе сердечно?
Но я такую мысль совѣтую забыть.
Какимъ захочемъ мы, такимъ и можемъ быть.
Разсудокъ чувствіе свободно одолѣетъ.
Надъ сердцемъ человѣкъ власть полную имѣетъ.
Прошу тебя, мой другъ, скажи мнѣ, отчего
Не хочешь слушать словъ ты друга своего,
Котораго къ тебѣ усердье непремѣнно?
Скажи мнѣ наконецъ, скажи мнѣ откровенно,
Чего не достаетъ къ спокойству твоему
И чѣмъ могу служить я другу своему?
Я раздѣлю мое имѣніе съ тобою.

КОРІОНЪ.

Я искренностію обязанъ таковою;
Но ты узнаешь самъ, что я не расточилъ
Того, что я себѣ въ наслѣдство получилъ.

МЕНАНДРЪ.

Ты болѣе меня въ смущеніе приводишь.
Какую же грустить причину ты находишь?

КОРІОНЪ.

Чтобъ отогнать скорѣй печальны мысли прочь,
Уединеніе въ томъ можетъ мнѣ помочь.
Прошу тебя, мой другъ, сокройся ты отселѣ
И помоги ты въ томъ начатомъ мною дѣлѣ,
О чемъ ты изъ письма узнаешь моего:
Спокойство состоитъ въ томъ друга твоего.

ЯВЛЕНІЕ III.

МЕНАНДРЪ (*одинъ*).

Мнѣ подозрительно спокойствіе такое.
Конечно, принялъ онъ намѣреніе злое:
Въ отчаяньѣ, тоскѣ, вздыхая и стеня,
Онъ тайны не открылъ и скрылся отъ меня.
Я самъ въ смущеніи жестокомъ здѣсь оставленъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

МЕНАНДРЪ и КРЕСТЬЯНИНЪ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Я къ вашей милости съ письмомъ въ Москву отправленъ,
Однако здѣсь, вблизи, по счастью моему,
Сказали мужики на первомъ мнѣ яму,
Что ты-ста мимо ихъ къ намъ ѣхать торопился,
Такъ для того и я назадъ-ста воротился.

МЕНАНДРЪ.

Подай скорѣй письмо. Поди отсюда вонъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

МЕНАНДРЪ (*одинъ*).

Узнаю, отчего несчастливъ Коріонъ. (*Читаетъ*).
«Ты жизни былъ моей, любезный другъ, свидѣтель.
«Ты зналъ Зиновіи любовь и добродѣтель.
«Ты знаешь, наконецъ, предъ ней мою вину,
«За что я самъ себя въ раскаяньѣ кляну:
«Я къ смерти подалъ ей невѣрностью причину.
«Но если рокъ ея остановилъ кончину
«И если ты найдешь еще въ живыхъ ее,
«Вручи ты ей, мой другъ, богатство все мое;

«Увѣрь ее, что я въ раскаяньѣ страдаю,
«Что я съ любовію къ ней душу искупаю.
«Приходитъ время мнѣ оковы разорвать...
«Какъ станешь ты, мой другъ, письмо сіе читать,
«Уже тогда мой духъ отъ тѣла отлучится! «*Коріонъ*».
Онъ самъ себѣ, увы, убійцей становится!
Ударъ сей долженъ быть скорѣе отвращенъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Коріонъ (*выходитъ съ смущеннымъ видомъ*).

МЕНАНДРЪ (*обнявъ его*).

Возьми ты сей залогъ, чѣмъ духъ мой возмущенъ...
Жестокій! все твое притворство мнѣ открылось.

КОРІОНЪ.

Когда же отъ тебя ничто не утаилось,
Жалѣй меня, мой другъ. О, какъ сталъ бѣденъ я!
Уже несносна мнѣ несчастна жизнь моя...
Хоть то я отъ тебя скрывалъ и притворялся,
Однако внутренно я болѣе терзался.
Весь свѣтъ, къ которому привязанъ я судьбой,
Возненавидѣлъ я... Гнушаюсь самъ собой,
Отчаянье во мнѣ столь сильно вкоренилось,
Что больше въ свѣтѣ жить желанье истребилось.
Разсудокъ, чувствіе и сердце мнѣ мое
Велятъ скорѣй скончать несчастно бытіе!
Не должно ль намъ желать скорѣй своей кончины,
Когда даны судьбой намъ слабости едины,
Когда и жизнь сама намъ скукой можетъ быть?
Не должно ль намъ хотѣть скорѣй ее забыть?
Мнѣ кажется, что тѣ безмѣрно малодушны,
Которые во всемъ судьбѣ своей послушны,
Которые оковъ не смѣютъ разорвать:
Несчастный долженъ знать, какъ должно умирать.

МЕНАНДРЪ.

Тебя твоя тоска въ безуміе ввергаетъ,
Которое мой духъ мятетъ и ужасаетъ;
Иль созданъ ты на свѣтъ лишь только для себя,
И общество еще не требуетъ тебя?
Богатство, время, жизнь, что ты своимъ считаешь,
Тебѣ не надлежитъ; ты мыслью погрѣшаешь;
Ты долженъ посвятить отечеству свой вѣкъ,
Коль хочешь навсегда быть честный человѣкъ.

Иль никуда тебя твой долгъ не призываетъ?
Молчаніе твое сильнѣй меня терзаетъ.

КОРІОНЪ.

Поняти не могу я долга своего!
Я въ обществѣ совсѣмъ не значу ничего.
Когда часть слабая захочетъ отдѣлиться,
Такъ можетъ ли чрезъ то вредъ цѣлому случиться?
Не буду никакой подверженъ я винѣ;
Что было до меня, то будетъ и по мнѣ.
И многихъ таковыхъ намѣреніе строго —
Окончить жизнь свою — свѣтъ трогаетъ немного!

МЕНАНДРЪ.

Жестокій! продолжай столь ложно разсуждать
И истины въ своихъ погрѣшностяхъ искать!
Но если въ свѣтъ тебя ничто не привлекаетъ,
Неужели твой духъ и дружбу презираетъ?

КОРІОНЪ.

О, гнѣвная судьба, къ чему я приведенъ!..
Отъ свѣта я всего желаю быть забвенъ!

МЕНАНДРЪ.

Когда же дружество мое тобой презрѣнно,
Когда оно твоей взаимности лишенно,
По крайней мѣрѣ та нѣжнѣйшая любовь,
Которая въ тебѣ усилилася вновь,
Остановитъ твое намѣреніе злое.
Должна ль любовь вселять отчаянье такое?
Или не хочешь ты Зиновіи искать?

КОРІОНЪ.

Ты хочешь болѣе еще мой духъ терзать!
Не говори ты мнѣ о сей нѣжнѣйшей страсти.
Я самъ причиною былъ общія напасти!
Любовь ея къ себѣ измѣной заплатилъ
И счастіе ея въ злу горесть превратилъ...
Теперь я самъ себя за то возненавидѣлъ.
И если бъ я ее, любезный другъ, увидѣлъ,
Возможно ль мнѣ еще достойнымъ быть ее?..
Прерву, прерву скорѣй несчастно бытіе!
Ахъ, можешь ли, мой другъ, ты то себѣ представить,
Какъ могъ я нѣжную любовницу оставить!
Но зналъ ли я то самъ? Я вѣкъ въ порокахъ жилъ
И счастія того ничѣмъ не заслужилъ,
Которо намъ даетъ любовь и добродѣтель.

О, мой любезный другъ, ты былъ тому свидѣтель,
Какъ ею былъ любимъ, какъ я ее любилъ,
Какъ я ее своей измѣной погубилъ,
Какъ добродѣтелью я строгой огорчился
И какъ отъ прелестей Зиновьи удалился!
Я оскорбилъ чрезъ то и самую любовь,
Которая меня теперь терзаетъ вновь.
Забывъ Зиновію, я выѣхалъ спокоенъ.
Ахъ, могъ ли я тогда быть слезъ ея достоинъ,
Которы обо мнѣ несчастная лила!
Любовь награждена измѣною была.
Зиновія чрезъ то такъ много огорчилась,
Что скоро изъ Москвы сама она сокрылась...
И, можетъ быть, мой другъ, на свѣтѣ нѣтъ ее!
Вотъ вся моя напасть, вотъ бѣдствіе мое!
Но какъ уже опять я въ городъ возратился,
Объяла мною грусть и духъ мой возмутился;
И, не нашедъ ее, страдаю и грущу,
Кляну судьбу мою и смерти я ищу!..
Лишь тѣмъ хочу вину хоть нѣсколько поправить,
Что я намѣренъ ей богатство все оставить....
Что̀ дѣлать мнѣ еще? скажи мнѣ, научи!

МЕНАНДРЪ.

Сыскать ты мнѣ ее старанье поручи.

КОРІОНЪ.

Стараніе твое все будетъ безполезно.
Не буду зрѣть тебя, сокровище любезно!
Надежду всю мою лютѣйшій рокъ пресѣкъ;
Не буду зрѣть тебя, Зиновія, вовѣкъ!
Меня съ тобою все на свѣтѣ разлучаетъ.
Я вижу, что ко мнѣ смерть люта приступаетъ...
Готовитъ мнѣ ударъ... Стремится поразить...
Ахъ, можешь ли ты то̀ себѣ вообразить,
Что̀ представляется мнѣ въ разумъ расточенный?
Какую казнь сулитъ мнѣ рокъ ожесточенный!
Терзаютъ томный духъ ужасныя мечты!
Зиновія, увы! куда сокрылась ты?
Почувствуй скорбь мою и сжалься надо мною!..
Но сжалился ли я, жестокій, надъ тобою,
Когда слезъ горькихъ токъ изъ глазъ твоихъ былъ литъ!

МЕНАНДРЪ.

Она твою вину, любезный другъ, проститъ,

Какъ скоро о твоемъ раскаяньѣ узнаетъ:
Погрѣшности такой всегда любовь прощаетъ.
Ты можешь провести спокойно съ нею вѣкъ.

(Андрей входитъ).

КОРІОНЪ.

Презлополучный я на свѣтѣ человѣкъ!....
Оставь несчастнаго самимъ собой стыдиться,
Который вдругъ тебя и любитъ и боится....

МЕНАНДРЪ.

Оставить должно ли мнѣ друга своего?

ЯВЛЕНІЕ VII.

Менандръ и Андрей.

АНДРЕЙ (*останавливаетъ Менандра*).

Постойте.....

МЕНАНДРЪ.

Я иду...

АНДРЕЙ.

Не бойтесь ничего.
Не страшны намъ его грозящіе отвѣты:
Я шпагу взялъ къ себѣ и прибралъ пистолеты;
И, словомъ, отъ него все то я отобралъ.
Что онъ себѣ къ своей погибели искалъ.
Осталось одного лишь только намъ желати,
Чтобъ не продлилася его тоска.... А, кстати,
Мы должны поскорѣй нашъ кончить разговоръ:
Теперь та взъѣхала карета къ намъ на дворъ,
Которую вы здѣсь недавно обогнали.
Конечно, небеса нарочно ихъ прислали,
Чтобъ чудо славное надъ нами здѣсь явить
И чтобъ покойника скорѣе воскресить.
Надѣюсь, кажется, того не безъ причины,
Что прежде своея воскреснетъ онъ кончины...
Идутъ... Вы видите, что я не обманулъ,
А я теперь пойду на прежній караулъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Зиновія и Менандръ.

МЕНАНДРЪ,

Что вижу? О, судьба! не льстишь ли мнѣ мечтою?
Зиновія! тебя ль я вижу предъ собою?

ЗИНОВІЯ.

Твой радостный восторгъ, скажи, Менандръ, къ чему
Въ тотъ часъ, какъ жду конца я року своему!
Какую я, увы, премѣну обрѣтаю!
Насилу на тебя я взоръ свой обращаю.
Но прежде, нежели мой рокъ мнѣ злобенъ сталъ,
Я знаю, что меня ты много почиталъ.
Еще ль въ тебѣ, Менандръ, тѣ мысли обитаютъ?
Нерѣдко безъ вины несчастныхъ обвиняютъ
И, можетъ быть, меня готовъ ты обвинить?

МЕНАНДРЪ.

Ахъ, нѣтъ, Зиновія! престань ты слезы лить...
Награда сей любви назначена судьбиной.
Сей день быть долженъ вамъ веселія причиной.

ЗИНОВІЯ.

Что слышу я теперь?

МЕНАНДРЪ

Раскаясь, Коріонъ....

ЗИНОВІЯ.

Ахъ, можно ль, чтобъ еще былъ страстенъ мною онъ?
Прелестная мечта!

МЕНАНДРЪ.

Ты кончишь всѣ напасти.
Мой другъ сильнѣй еще подверженъ нѣжной страсти.

ЗИНОВІЯ.

Дай въ чувство мнѣ прійти!.... Ты жизнь мнѣ возвратилъ.
Какое слабый духъ веселье ощутилъ!
Вся жизнь моя была подобна смерти лютой,
Казался всякій день послѣдней мнѣ минутой;
Не льстишь ли ты, Менандръ?

МЕНАНДРЪ.

Вѣрь слову моему:
Тобою онъ любимъ и ты мила ему.
Но чѣмъ въ сіи мѣста была ты привлеченна?

ЗИНОВІЯ.

Влекла меня сюда судьбина раздраженна.
Хотя уже меня надежды онъ лишилъ,
Однако тѣмъ во мнѣ любви не уменьшилъ;
Лишась надежды, я еще его любила
И только для того себя не погубила,
Что не могла его изгнать изъ сердца вонъ.
Ты помнишь, какъ меня оставилъ Коріонъ.....

Оставилъ онъ меня злымъ горестямъ на жертву,
Терзаему тоской почти оставилъ мертву!
Сокрылся, погасилъ любви нѣжнѣйшій жаръ,
Но скоро мнѣ другой готовился ударъ,
Въ то время самое я матери лишилась:
Вотъ для чего, Менандръ, сюда я удалилась;
Въ уединеньѣ здѣсь я съ сродницей своей
Провесть остатки дней хотѣла жизни сей...
Но, ахъ, и тутъ нашла спокойствія препону!
Сосѣднія мѣста подвластны Коріону;
Они сильнѣй еще мой духъ терзаютъ вновь,
Представили на мысль мнѣ прежнюю любовь.
Я часто по полямъ здѣсь въ горести ходила,
Вездѣ его, вездѣ я образъ находила;
А чтобъ тоску мою хоть мало утолить,
Я сколько разъ мѣста хотѣла премѣнить;
Но нѣкая тому противилася сила,
Котора въ сихъ мѣстахъ меня остановила.
Три года я жила здѣсь, плача и стеня;
Но вдругъ смущеніе объяло вдругъ меня;
Терзался томный духъ и сердце трепетало,
Какъ мнѣ прибытіе его извѣстно стало.
Еще невѣрному желаю я предстать,
Въ послѣдній разъ на вѣкъ «прости» ему сказать.
И если не могу тронуть его словами,
То мертвую меня онъ узритъ предъ глазами!
Но что мы медлимъ здѣсь?... Пойдемъ скорѣй къ нему,
Чтобъ возвратилъ покой онъ сердцу моему.

МЕНАНДРЪ.

Ты будешь счастлива, останься въ сей надеждѣ;
Съ горячностью тебя онъ любитъ такъ, какъ прежде,
Но должно напередъ мнѣ то ему сказать,
Что хочетъ предъ него любезная предстать.
Отчаянье его такъ сильно поразило!
Я послѣ разскажу все, что происходило.
Теперь уже тебѣ причины нѣтъ тужить,
Любовью онъ свой вѣкъ спокойно будетъ жить.
Свиданье ваше я съ досадой отлагаю.

ЗИНОВІЯ.

Я медленность сію довольно понимаю.....
Жестокій, ты мнѣ льстишь! еще невѣренъ онъ!

МЕНАНДРЪ.

Но если то сказать что̀ дѣлалъ Коріенъ
Для утвержденія спокойства твоего,
Не будешь обвинять ты болѣе его.
Оставь меня спѣшить съ желанною минутой.

ЗИНОВІЯ.

Не мучь меня, Менандръ, сей медленностью лютой!
Тебѣ вручаю я все счастіе мое,
Надежду положивъ на дружество твое.
Я буду жизнь мою такъ долго ненавидѣть,
Покамѣстъ не могу любовника увидѣть.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

КОРІОНЪ.

Свершилось все. Теперь часъ смерти мнѣ насталъ.....
Тотъ ядъ, который я безъ ужаса принялъ,
Спокойной смертію всѣ чувства покрываетъ
И бреніе сіе въ сонъ вѣчный повергаетъ.
Ни совѣсть, ни печаль мой разумъ не мятетъ...
Невольникъ виненъ ли, когда оковы рветъ?
Судью, что̀ днесь меня въ ночь мрачну ожидаетъ,
И другомъ, и отцомъ природа вся считаетъ...
Безсмертная душа, Его щедротой льстясь,
Въ объятье отчее стремится, не страшась.

ЯВЛЕНІЕ II.

КОРІОНЪ и МЕНАНДРЪ.

МЕНАНДРЪ.

Мой другъ, ты всѣ мои старанья презираешь!
Къ чему ты отъ меня, къ чему ты убѣгаешь?
Я тщетно цѣлый часъ вездѣ тебя искалъ.
Нашелъ тебя, опять мой духъ покоенъ сталъ.
Ты больше чувствовать не будешь грусти бремя;
Теперь способное къ тому осталось время,
Чтобъ сердцу твоему спокойство принести.

КОРІОНЪ.

Прости, любезный другъ, въ послѣдній разъ прости!...

МЕНАНДРЪ.

Что слышу я еще? твой духъ опять мятется?

КОРІОНЪ.

Какъ скоро отъ меня душа моя возьмется,
И если зритъ еще Зиновія сей свѣтъ,
Исполнь объ чемъ просилъ.

МЕНАНДРЪ.

Она еще живетъ!
Не презри дружества, не презри страсть нѣжнѣйшу!
Старайся утолить ты горесть прелютѣйшу!
Скажи мнѣ, если вдругъ предстанетъ предъ тебя,
Любезная твоя, еще тебя любя,
Въ томъ образѣ, какъ ты плѣнился прежде ею,
Какъ вѣрнымъ быть клялся ты жизнію своею, —
Скажи мнѣ, если ты теперь увидишь ту,
Которой обожалъ любовь и красоту,
И ежели она вину твою забудетъ,
И съ равною къ тебѣ любовію пребудетъ, —
Что въ случаѣ такомъ ты думаешь начать?
Еще ль не отмѣнишь ты жизнь твою скончать,
И, слѣдуя опять намѣренію злому,
Противиться ль начнешь ты счастью таковому,
Чтобъ страстію сердца взаимно наполнять,
Желанья, счастье, жизнь съ любезной раздѣлять?

КОРІОНЪ.

Ты знаешь, чѣмъ вину намѣренъ я исправить,
Когда бы рокъ хотѣлъ въ живыхъ ее оставить...
Престань, любезный другъ, престань о мнѣ жалѣть.
Хотя она жива, мнѣ должно умереть!
Мнѣ должно умереть!..... Я твердъ въ своемъ обѣтѣ....
Не вѣрю, чтобъ была Зиновія на свѣтѣ.

МЕНАНДРЪ.

Теперь, повѣришь ты, мой другъ, моимъ рѣчамъ?.....
Предстань, Зиновія, предстань его очамъ!

КОРІОНЪ.

Зиновія!.... Что зрю?..... Не сонъ ли льститъ мнѣ ложно?
Я зрю Зиновію!..... Какъ быть тому возможно!

ЯВЛЕНІЕ III.

Зиновія, Коріонъ, Менандръ.

ЗИНОВІЯ.

Возможно быть тому, когда, въ своей винѣ
Признавшись, отдаешь опять ты сердце мнѣ!
Еще тебѣ судьба велѣла ту увидѣть,
Котора не могла тебя возненавидѣть.
Не внемлешь словъ моихъ и очи отвратилъ?..
Менандръ, ты, сердцу льстя, сильнѣй меня сразилъ.

КОРІОНЪ.

Къ прощенію вины надежду тотъ теряетъ,
Кого на свѣтѣ все согласно обвиняетъ.
Хотя бы ты, мою свирѣпость извиня,
Помыслила простить, дражайшая, меня,
Я самъ себѣ того злодѣйства не прощаю
И казни на меня лютѣйшей ожидаю.
Уже готовъ конецъ жестокостямъ моимъ!
Я стою ли того, чтобъ быть опять твоимъ?

ЗИНОВІЯ.

Жестокости твои хотя меня крушили,
Но, ахъ, онѣ во мнѣ любви не уменьшили!

КОРІОНЪ.

Престань о мнѣ жалѣть для счастья твоего!
Узнала страсти всѣ ты сердца моего.
Когда съ судьба моя съ твоей соединилась,
Печальный бы мой нравъ, ты видя, сокрушилась.

ЗИНОВІЯ.

Кто, кѣмъ любимъ, къ кому питаетъ въ сердцѣ страсть,
Того не устрашитъ и самая напасть.
Въ печали бы тебя утѣшить я старалась,
Веселіемъ твоимъ сама бы утѣшалась,
А если грусть твою не можно побѣдить,
Я стала бы сама съ тобой ее дѣлить.
Желанія твои считала бъ за уставы
И презирала бъ я на свѣтѣ всѣ забавы.
Зиновія съ тобой счастлива можетъ быть....

КОРІОНЪ.

Надежду сладкую мнѣ должно истребить!
Въ тотъ часъ, когда бъ я могъ быть счастливъ несравненно,

Мнѣ жизнь свою скончать судьбой опредѣленно.
Какъ должно радостью наполнить намъ сердца,
Я жду себѣ тогда лютѣйшаго конца....

ЗИНОВІЯ.

Какое варварство еще ты предпримаешь?
Какія горести ты мнѣ приготовляешь?
Что́ слышу отъ тебя? Жестокій, утуши
Смущеніе моей прискорбныя души!
Когда бъ тобой любовь не такъ владѣла мало,
Намѣренье твое меня бъ не возмущало;
Когда бы жизнь мою ты болѣе любилъ,
Смертельную бъ тоску изъ сердца истребилъ.
Блаженство нашихъ дней любовь опредѣляетъ
И новую совсѣмъ въ насъ душу полагаетъ.
Ты знаешь, что двоихъ согласіе сердецъ
Судьбиною на тотъ устроено конецъ,
Чтобъ смертные чрезъ то всѣ бѣдства услаждали,
Страданія свои весельемъ награждали;
Чтобъ тѣмъ могли себѣ спокойствіе принесть,
Украсить жизнь свою и счастье пріобрѣсть.

КОРІОНЪ.

Какъ сердце горестнымъ отчаяньемъ терзалось,
Тогда мнѣ счастія сего не появлялось:
Но, ахъ, когда тебя въ послѣдній вижу разъ,
Какая вдругъ съ моихъ завѣса спала глазъ!
Все въ свѣтѣ мракъ скрывалъ, все нову жизнь примаетъ
И въ ту же бездну все возвратно упадаетъ!
Любовью, ужасомъ мой духъ наполненъ сталъ...
Я чувствую, что мнѣ рокъ бѣдственный насталъ....
Что сдѣлалъ я, увы! что сдѣлалъ я съ тобою!
Зиновія, навѣкъ разстанься ты со мною!...
Бѣги ты варвара!

ЗИНОВІЯ.

За всю нѣжнѣйшу страсть,
Жестокій, ты одну готовишь мнѣ напасть!
И ненависть твоя ко мнѣ не утаилась:
Ты хочешь, чтобы я отъ глазъ твоихъ сокрылась.... (*Выходя*)
А ты, къ чему, Менандръ, къ чему несчастной льстилъ?

КОРІОНЪ (*останавливая ее и бросаясь на колѣни*).

Постой, дражайшая! Онъ правду говорилъ:
Какъ я тебя люблю, сильнѣй любить не можно!

Коль клялся онъ о томъ, то клялся онъ не ложно.
Прости, Зиновія, прости мою вину!
Злодѣйство то теперь у ногъ твоихъ кляну,
Которо отъ тебя, къ несчастью, удаляло
То сердце, что тебѣ навѣкъ принадлежало;
Но если я еще въ глазахъ твоихъ злодѣй,
Такъ вѣдай, что отмстилъ я лютости моей....
Любовь сего часа къ отмщенью ожидала....

ЗИНОВІЯ.

Какая мрачна мысль еще тебя объяла!

КОРІОНЪ.

Ахъ! что тебѣ... ахъ! что, жестокій, говорю!
Я въ счастіи моемъ отчаяніе зрю!
Возобновился жаръ любви во мнѣ напрасно;
Терзаетъ грудь мою раскаянье ужасно!
Открылось поздно мнѣ пространство той мечты,
Въ которую меня повергли суеты!
Ахъ! гдѣ скрывалась ты? Куда мой разумъ скрылся?
Какою злобою мой лютый рокъ свершился!

ЗИНОВІЯ.

Престань прошедшее несчастье вспоминать.
Могу ли я тебя виновнымъ почитать,
Когда въ раскаяньѣ страдаешь предо мною
И хочешь съединить мою съ твоей судьбою?
Но, ахъ! когда тебѣ въ томъ счастьѣ нѣтъ препонъ,
Къ чему ты слезы льешь, любезный Коріонъ?

КОРІОНЪ.

О, счастье суетно, ты съ ужасомъ сплетенно!
О, сердце бѣдное, надежды ты лишенно!
Забудь ты варвара, драгая, навсегда!
Я больше зрѣть тебя не буду никогда:
Рокъ лютый разлучилъ меня съ тобою грозно!
Увидѣлъ я тебя, но, ахъ, увидѣлъ поздно!
Не знаешь ты всѣхъ бѣдствъ... Въ сію ужасну ночь
Навѣки отъ меня мой духъ возьмется прочь!
Узнай отчаянья лютѣйшаго причину,
Оплачь, оплачь мою несчастную кончину!
Къ чему привелъ тебя я лютостію самъ!
Несносенъ я землѣ, противенъ небесамъ!

(Отдавая письмо, писанное къ Менандру)

Вотъ что любовь моя къ тебѣ приготовляла,
Когда моя душа въ раскаяньѣ страдала.

ЗИНОВІЯ.

Что вижу я!.. Умѣрь ты грусть мою, умѣрь!
Что сдѣлать ты хотѣлъ?

КОРІОНЪ.

Свершилось все теперь
И помощи нигдѣ найти уже не чаю:
Я выпилъ лютый ядъ — и смерти ожидаю.

ЗИНОВІЯ.

Увы!..

МЕНАНДРЪ.

Несчастный другъ!

ЗИНОВІЯ.

Спасай ты жизнь его!
Бѣги! спѣши спасти мнѣ друга своего!
И ежели еще надежда въ немъ примѣтна...

. . . . . .

КОРІОНЪ.

Уже надежда тщетна!

ЯВЛЕНІЕ IV.

КОРІОНЪ, ЗИНОВІЯ.

ЗИНОВІЯ.

Жестокій! вотъ какъ ты хранилъ ко мнѣ любовь!

КОРІОНЪ.

При смерти ты моей меня терзаешь вновь...
Ахъ, если ты меня еще подозрѣваешь,
Ты тѣмъ лютѣйшую мнѣ смерть предускоряешь.
Не должно ль было мнѣ карать за то себя,
Что въ свѣтѣ долженъ былъ я жить не для себя?
Свиданія сего мнѣ въ мысль не представлялось;
Мнѣ больше въ свѣтѣ жить причинъ не оставалось,
И видя, что судьбой я къ смерти осужденъ,
Хотѣлъ, чтобъ былъ ея ударъ предупрежденъ...
Хотѣлъ увидѣть я, разставшись съ суетою,
Вселенну цѣлую, украшенну тобою!
Открылось поздно мнѣ, что я обманутъ сталъ...
Я вижу смерть мою и ужасъ мной объялъ!...
За то, что былъ я такъ въ печали малодушенъ,
Что власти Вышняго я сталъ уже преслушенъ,
Что погубить я самъ отважился себя, —
Лишаюсь я навѣкъ и жизни, и тебя.
Карать меня за то готова адска злоба...

Я вижу вѣчну ночь!... отверзлись двери гроба!..
Нѣмѣютъ члены всѣ, кровь стынетъ... меркнетъ свѣтъ.
Тренещетъ сердце... духъ изъ тѣла вонъ идетъ...
Терзаюсь, мучусь, рвусь лютѣйшею тоскою...
. . . . . .

ЯВЛЕНІЕ V.

Коріонъ, Зиновія, Менандръ, Андрей.

АНДРЕЙ.

Лекарство есть со мною...
Вы счастливы!

КОРІОНЪ.

Къ чему безумный приведенъ?

Андрей.

На этотъ случай я довольно былъ уменъ.
Благодарите вы Всевышняго десницу:
Вы выпили не ядъ, вы выпили водицу!
Въ тотъ часъ, когда вашъ духъ въ отчаяньѣ рвался,
Я въ спальню къ вамъ тогда тихонько забрался,
И, видя на столѣ, въ стаканѣ ядъ готовый,
Желудку вашему напитокъ нездоровый,
Я зналъ что дѣлать мнѣ съ находкою такой:
Ядъ выливши, стаканъ наполнилъ я водой, —
Которой вы потомъ изволили напиться.
Вы живы такъ, какъ я: мнѣ можно въ томъ божиться!

ЗИНОВІЯ.

Что слышу я?

МЕНАНДРЪ.

Мой другъ!

КОРІОНЪ.

Иль вижу то во снѣ?
Зиновія!.. Менандръ!.. А ты, который мнѣ
Причиной сталъ теперь и жизни, и отрады,
Чѣмъ можно заплатить?...

АНДРЕЙ.

Не требую награды!
Я вамъ изъ одного усердія служу
И въ томъ одномъ свое веселье нахожу.
Я жизни счастливой усердно вамъ желаю
И съ днемъ рожденія нижайше поздравляю!

КОРІОНЪ.

О, ты! которая украсишь жизнь мою,
Которой сердце я навѣки отдаю,
Забудь вину мою, забудь ее, драгая!
Судьбиною на то дана мнѣ жизнь другая,
Чтобъ счастіе мое съ тобою раздѣлять,
Чтобъ мнѣ тебя по смерть любить и обожать.

АНДРЕЙ.

Не должно никогда такъ свѣтомъ намъ гнушаться,
Мы видимъ, каково со свѣтомъ разставаться;
Хоть въ жизни много намъ случается тужить,
Однако хочется подолѣе пожить.

СТИХОТВОРЕНІЯ
И
СТАТЬИ ВЪ ПРОЗѢ.

ЛИСИЦА-КОЗНОДѢЙ.

БАСНЯ.

Въ Ливійской сторонѣ правдивый слухъ промчался,
Что Левъ, звѣриный царь, въ большомъ лѣсу скончался.
Стекалися туда скоты со всѣхъ сторонъ
Свидѣтелями быть огромныхъ похоронъ.
Лисица-Кознодѣй, при мрачномъ семъ обрядѣ,
Съ смиренной харею, въ монашескомъ нарядѣ,
Взмостясь на каѳедру, съ восторгомъ вопіетъ:
«О, рокъ! лютѣйшій рокъ! кого лишился свѣтъ!
Кончиной кроткаго владыки пораженный,
Восплачь и возрыдай звѣрей соборъ почтенный!
Се царь, премудрѣйшій изъ всѣхъ лѣсныхъ царей,
Достойный вѣчныхъ слезъ, достойный алтарей,
Своимъ рабамъ отецъ, своимъ врагамъ ужасенъ,
Предъ нами распростертъ, безчувственъ и безгласенъ!
Чей умъ постигнуть могъ число его добротъ,
Пучину благости, величія, щедротъ?
Въ его правленіе невинность не страдала,
И правда на судѣ безстрашно предсѣдала;
Онъ скотолюбіе въ душѣ своей питалъ,
Въ немъ трона своего подпору почиталъ;
Былъ въ области своей порядка насадитель,
Художествъ и наукъ былъ другъ и покровитель.»
—«О, лесть подлѣйшая!» шепнулъ Собакѣ Кротъ;
«Я зналъ Льва коротко: онъ былъ пресущій скотъ,
И золъ, и безтолковъ, и силой вышней власти
Онъ только насыщалъ свои тирански страсти.
Тронъ кроткаго царя, достойна алтарей,
Былъ сложенъ изъ костей растерзанныхъ звѣрей!
Въ его правленіе любимцы и вельможи
Сдирали безъ чиновъ съ звѣрей невинныхъ кожи;
И словомъ, такъ была юстиція строга,

Что кто кого смога, такъ тотъ того въ рога.
Благоразумный Слонъ изъ лѣса въ степь сокрылся,
Домостроитель Бобръ отъ пошлинъ разорился,
И Пификъ слабоумъ, списатель звѣрскихъ лицъ,
Служившій у двора честнѣе всѣхъ Лисицъ,
Который, посвятя работѣ дни и ночи,
Искусной кистію прельщая звѣрски очи,
Портретовъ написалъ съ царя звѣрей лѣсныхъ
Пятнадцать въ цѣлый ростъ и двадцать поясныхъ;
Да сверхъ того еще, по новому манеру,
Альфреско росписалъ монаршую пещеру:
За то, что въ жизнь свою трудился сколько могъ,
Съ тоски и съ голоду третьяго дня издохъ.
Вотъ мудраго царя правленіе похвально!
Возможно ль ложь сплетать столь явно и нахально!» —
Собака молвила: «Чему дивишься ты,
Что знатному скоту льстятъ подлые скоты?
Когда же то тебя такъ сильно изумляетъ,
Что низка тварь корысть всему предпочитаетъ
И къ счастію бредетъ презрѣнными путьми:
Такъ, видно, никогда ты не жилъ межъ людьми».

ПОСЛАНІЕ

КЪ СЛУГАМЪ МОИМЪ

ШУМИЛОВУ, ВАНЬКѢ И ПЕТРУШКѢ.

Скажи, Шумиловъ, мнѣ: на что̀ сей созданъ свѣтъ?
И какъ мнѣ въ оном̀ъ жить, подай ты мнѣ совѣтъ.
Любезный дядька мой, наставникъ и учитель,
И денегъ, и бѣлья и дѣлъ моихъ рачитель!
Боишься Бога ты, боишься сатаны:
Скажи, прошу тебя, на что̀ мы созданы?
На что̀ сотворены медвѣдь, сова, лягушка?
На что̀ сотворены и Ванька, и Петрушка?
На что̀ ты созданъ самъ, скажи, Шумиловъ, мнѣ?
На то ли, чтобъ свой вѣкъ провелъ ты въ крѣпкомъ снѣ?
О, таинство, отъ насъ сокрытое судьбою!
Трясешь, Шумиловъ, ты сѣдой своей главою;

«Не знаю», говоришь, «не знаю я того,
Мы созданы на свѣтъ и кѣмъ, и для чего.
Я знаю то, что намъ быть должно вѣкъ слугами
И вѣкъ работать намъ руками и ногами;
Что долженъ я смотрѣть за всей твоей казной
И помню только то, что власть твоя со мной.
Я знаю, что я мужъ твоей любезной няньки;
На что̀ сей созданъ свѣтъ, изволь спросить у Ваньки.»
Къ тебѣ я обращу теперь мои слова,
Широкія плеча, большая голова,
Малѣйшаго ума пространная столица!
Во области твоей кони и колесница (*),
И стало наконецъ угодно небесамъ,
Чтобъ слушался тебя извощикъ мой и самъ.
На свѣтску суету вседневно ты взираешь,
И, стоя назади, Петрополь (**) обтекаешь;
Готовься на вопросъ премудрый дать отвѣтъ,
Вѣщай, великій мужъ, на что̀ сей созданъ свѣтъ?
Какъ тучи ясный день внезапно помрачаютъ,
Такъ Ванькинъ ясный взоръ слова мои смущаютъ.
Сомнѣніе его тревожить начало;
Наморщились его и харя и чело.
Вѣщаетъ съ гнѣвомъ мнѣ: «На всѣ твои затѣи
Не могутъ отвѣчать и сами грамотѣи.
И мнѣ ль о томъ судить, когда мои глаза
Не могутъ различить отъ ижицы аза!
Съ утра до вечера держася на каретѣ,
Мнѣ тряско разсуждать о Богѣ и о свѣтѣ;
Неловко помышлять о томъ и во дворцѣ,
Гдѣ часто я стою смиренно на крыльцѣ,
Откуда каждый часъ друзей моихъ гоняютъ,
И палочьемъ гостей къ каретамъ провожаютъ;
Но если на вопросъ мнѣ должно дать отвѣтъ,
Такъ слушайте жъ, каковъ мнѣ кажется сей свѣтъ.
«Москва и Петербургъ довольно мнѣ знакомы;
Я знаю въ нихъ почти всѣ улицы и домы.
Шатаясь по свѣту и вдоль и поперегъ,
Что̀ могъ увидѣть я, того не простерегъ.

(*) Ванькѣ поручено было смотрѣніе надъ каретою и лошадьми. *Примѣч. Ф. В.*

(**) Сіе посланіе писано въ Петербургѣ. *Прим. Ф. В.*

Видалъ и трусовъ я, видалъ я и нахаловъ,
Видалъ простыхъ господъ, видалъ и генераловъ;
А чтобъ не завести напрасный съ вами споръ,
Такъ знайте, что весь свѣтъ считаю я за вздоръ.
Довольно на вѣку я свой животъ помучилъ,
И ѣздить назади я истинно наскучилъ.
Извощикъ, лошади, карета, хомуты
И все, мнѣ кажется, на свѣтѣ суеты.
Здѣсь вижу мотовство, а тамъ я вижу скупость;
Куда ни обернусь, вездѣ я вижу глупость.
Да сверхъ того еще примѣтилъ я, что свѣтъ
Столь много времени неправдою живетъ,
Что нѣтъ уже такихъ кащеевъ на примѣтѣ,
Которы бъ истину запомнили на свѣтѣ.
Попы стараются обманывать народъ,
Слуги дворецкаго, дворецкіе господъ.
Другъ друга господа, а знатные бояря
Нерѣдко обмануть хотятъ и государя;
И всякій, чтобъ набить потуже свой карманъ,
За благо разсудилъ приняться за обманъ.
До денегъ лакомы посадскіе, дворяне,
Судьи, подъячіе, солдаты и крестьяне.
Смиренны пастыри душъ нашихъ и сердецъ
Изволятъ собирать оброкъ съ своихъ овецъ.
Овечки женятся, плодятся, умираютъ,
А пастыри притомъ карманы набиваютъ,
За деньги чистыя прощаютъ всякій грѣхъ,
За деньги множество въ раю сулятъ утѣхъ.
Но если говорить на свѣтѣ правду можно,
То мнѣніе мое скажу я вамъ не ложно:
За деньги самого Всевышняго Творца
Готовы обмануть и пастырь, и овца!
Что дуренъ здѣшній свѣтъ, то всякій понимаетъ.
Да для чего онъ есть, того никто не знаетъ.
Довольно я мололъ, пора и помолчать:
Петрушка, можетъ быть, вамъ станетъ отвѣчать.»
— «Я мысль мою скажу», вѣщаетъ мнѣ Петрушка:
«Весь свѣтъ, мнѣ кажется, ребятская игрушка;
Лишь только надобно потверже то узнать.
Какъ лучше, живучи, игрушкой той играть.
Что нужды, хоть потомъ и возьмутъ душу черти,
Лишь только бъ удалось получше жить до смерти!

На что́ молиться намъ, чтобъ далъ Богъ видѣть рай?
Жить весело и здѣсь, лишь ближними играй,
Играй, хоть отъ игры и плакать ближній будетъ;
Щечи его казну, — твоя казна прибудетъ.
А чтобъ пріятнѣе еще казался свѣтъ,
Бери, лови, хватай все что́ ни попадетъ.
Всякъ долженъ своему послѣдовать разсудку:
Что ставишь въ дѣло ты, другой то ставитъ въ шутку;
Не часто ль отъ того родится всѣмъ бѣда,
Чѣмъ тѣшиться хотятъ большіе господа,
Которы нашими играютъ господами
Такъ точно, какъ они играть изволятъ нами?
Создатель твари всей, себѣ на похвалу,
По свѣту насъ пустилъ, какъ куколъ по столу.
Иные рѣзвятся, хохочутъ, пляшутъ, скачутъ,
Другіе морщатся, грустятъ, тоскуютъ, плачутъ.
Вотъ какъ вертится свѣтъ; а для чего онъ такъ,
Не вѣдаетъ того ни умный, ни дуракъ.
Однако, ежели какими чудесами
Изволили спознать вы ту причину сами,
Скажите намъ ее...» Симъ рѣчь окончилъ онъ,
За рѣчію его послѣдовалъ поклонъ.
Шумиловъ съ Ванькою, хваля догадку ону,
Отвѣсили за нимъ мнѣ также по поклону;
И трое всѣ они, возвыся громкій гласъ,
Вѣщали: «Не скрывай ты таинства отъ насъ:
Яви ты намъ свою въ рѣшеніяхъ удачу,
Рѣши ты намъ свою премудрую задачу!»
А вы внемлите мой, друзья мои, отвѣтъ:
«И самъ не знаю я, на что́ сей созданъ свѣтъ!»

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ПОСЛАНІЯ КЪ ЯМЩИКОВУ.

Натуры пасынокъ, проказъ ея примѣръ,
Піита, философъ и унтеръ-офицеръ!
Ограбленъ мачихой, обиженный судьбою,
Имѣешь рѣдкій даръ—довольнымъ быть собою.
Простри ко мнѣ глаголъ, скажи мнѣ свой секретъ:

Какъ то нашлось въ тебѣ, чего и въ умныхъ нѣтъ?
Доволенъ ты своей и прозой и стихами,
Доволенъ ты своимъ разсудкомъ и дѣлами,
И, цѣну чувствуя своихъ душевныхъ силъ,
Ты зависти къ себѣ ни въ комъ не возбудилъ.
О чудо странное! Блаженна та утроба,
Котора нѣкогда тобой была жерёба!
Какъ погребъ начиненъ и пивомъ и виномъ,
И днемъ и нощію объятый крѣпкимъ сномъ,
Набившій носъ себѣ багровый, лучезарный,
Блаженъ родитель твой, совѣтникъ титулярный!
Онъ бывши умными очами близорукъ,
Не ищетъ проницать во глубину наукъ,
. . . . . .
. . . . . .
Не ищетъ различать и вѣсить колкихъ словъ.
Безъ грамоты піитъ, безъ мыслей философъ,
Онъ, не читавъ Руссо, съ нимъ тотчасъ согласился,
Что чрезъ науки свѣтъ лишь только развратился,
И мнитъ, что . . . . . .
Блаженна, что отъ нихъ такой родился плодъ,
Который въ свѣтѣ семъ возстановитъ ихъ родъ...

(*Окончаніе не отыскано*).

КЪ УМУ МОЕМУ.

Къ тебѣ, о разумъ мой! я слово обращаю;
Я болѣе тебя уже не защищаю.
Хоть въ свѣтѣ больше всѣхъ я самъ себя люблю,
Но склонностей своихъ я больше не терплю.
Къ чему ты глупости людскія примѣчаешь?
Иль ты исправить ихъ собой предпринимаешь?
Но льзя ль успѣху быть въ намѣреньѣ такомъ?
Останется дуракъ навѣки дуракомъ.
Скажи, какія ты къ тому имѣешь правы,
Чтобъ прочихъ исправлять и разумы и нравы?
Всѣ склонности твои прилежно разобравъ,
Увидѣлъ ясно я, что ты и самъ не правъ.
Ты хочешь здѣшніе обычаи исправить;
Ты хочешь дураковъ въ Россіи поубавить,

И хочешь убавлять ты ихъ въ такіе дни,
Когда со всѣхъ сторонъ стекаются они,
Когда безъ твоего полезнаго совѣта
Возами ихъ везутъ со всѣхъ предѣловъ свѣта.
Отвсюду сей товаръ безъ пошлины идетъ
И прибыли казнѣ ни малой не даетъ.
Когда бы съ дураковъ здѣсь пошлина сходила,
Одна бы Франція казну обогатила.
Сколь много тысячей сбиралося бы въ годъ!
Таможенный бы сборъ былъ первый здѣсь доходъ!
Но видно, мы за то съ нихъ пошлинъ не сбираемъ,
Что сами сей товаръ къ французамъ отправляемъ.
Казалось бы, что сей взаимный договоръ
Французамъ доставлялъ такой же малый сборъ;
Но нѣтъ: у насъ о томъ совсѣмъ не помышляютъ,
Что подати тамъ съ насъ другія собираютъ.
Во Франціи тарифъ извѣстенъ намъ каковъ:
Чтобъ быть французскими изъ русскихъ дураковъ!...
. . . . . .
. . . . . .

ЭПИГРАММА.

О Климъ! дѣла твои велики!
Но кто хвалилъ тебя? Родня и два заики.

КАЛЛИСѲЕНЪ.

ГРЕЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Каллисѳенъ, аѳинскій философъ ([42]), прогуливаясь нѣкогда въ Ликейскомъ саду, встрѣтилъ наставника и друга своего, Аристотеля, который, съ веселымъ видомъ обнявъ его,— «Прочти, любезный другъ», сказалъ ему, «прочти письмо, которое я получилъ сейчасъ отъ Александра, возрадуйся о моемъ сердечномъ удовольствіи. Среди военнаго пламени, среди величества славы Александръ сохраняетъ добродѣтель.» Каллисѳенъ въ восхищеніи прочиталъ сіи строки, писанныя рукою Александра: «Возлюбленный учитель, будь «увѣренъ, что я твердо помню и точно исполняю всѣ твои «наставленія; но я человѣкъ и окруженъ льстецами: стра«шусь, чтобъ наконецъ ядъ лести не проникъ въ душу «мою и не отравилъ добрыхъ моихъ склонностей. Нѣтъ «минуты, въ которую бы не твердили мнѣ наединѣ и все«народно, словесно и письменно, что я превыше смертныхъ, «что всѣ мои дѣла божественны, что я предопредѣленъ «судьбою вселенной даровать блаженство и что, наконецъ, «всякій, иначе обо мнѣ мыслящій, есть врагъ отечества и «извергъ человѣческаго рода. О, мой другъ нелицемѣрный «не смѣю звать къ себѣ самого тебя; знаю, что обреме«няющая старость не дозволитъ тебѣ слѣдовать за мною «въ военныхъ моихъ дѣйствіяхъ; но сдѣлай мнѣ теперь «новое благодѣяніе: пришли ко мнѣ достойнѣйшаго изъ «всѣхъ учениковъ твоихъ, который бы имѣлъ духъ напо«минать мнѣ часто твои правила и укорять меня всякій «разъ, какъ я отступать отъ нихъ покушуся.»

— «Ты видишь», говорилъ Аристотель, «ты видишь, чего отъ меня желаетъ Александръ. Тебя, Каллисѳенъ, посылаю на сіе важное служеніе человѣческому роду.»

—«Меня? меня посылаешь ко двору толь сильнаго монарха?» сказалъ Каллисѳенъ. —«Но что мнѣ тамъ дѣлать? Ты

знаешь, могу ли я превозносить порочныя дѣянія государя, или его любимцевъ! Ты училъ меня почитать добродѣтель, исполнять ее дѣломъ и преклонять къ ней смертныхъ.». — «Точно того отъ тебя и требую,» говорилъ Аристотель: «точно для того и Александръ тебя отъ меня требуетъ; ты другъ Платоновъ, другъ мой; поди подъ защитою героя, моего питомца, возжечь любомудрія свѣщу во всѣхъ предѣлахъ свѣта и когда Александръ покоряетъ себѣ міръ оружіемъ, ты покоряй его законамъ мудрости».

— «Но при дворѣ царя, коего самовластіе ничѣмъ не ограничено», говорилъ Каллисѳенъ: «можетъ ли истина свободно изъясняться?»— «Неужели гоненія страшишься?» вопросилъ Аристотель. «Боги!» возопилъ Каллисѳенъ: «Вы знаете, съ радостію ли исполню долгъ моего служенія, и готовъ ли я вкусить смерть за истину!»

Аристотель, продолжая свою бесѣду, воспламенялъ болѣе въ душѣ ученика своего тотъ восторгъ, которымъ самъ былъ одушевленъ. Каллисѳенъ немедленно отправился къ Александру. Онъ нашелъ его въ Персіи въ самый тотъ часъ, когда войско его одержало преславную надъ Даріемъ побѣду.

Невозможно изобразить, съ какими почестями принятъ былъ Каллисѳенъ отъ юнаго побѣдителя. Онъ обнялъ его какъ друга, заклиналъ его говорить правду безъ малѣйшаго опасенія; повелѣлъ ему быть съ собою безотлучно и въ тотъ самый день Александръ, идучи въ совѣтъ, повелъ его съ собою и тамо далъ ему по себѣ первое мѣсто.

Въ совѣтѣ разсуждаемо было о томъ, какой судьбѣ подвергнуть мать, жену и дочь побѣжденнаго Дарія. Голоса собираемы были съ младшихъ. Арбасъ, юный полководецъ, который гораздо лучше зналъ хитрости придворныя, нежели военныя, чаялъ при семъ случаѣ выслужиться предъ государемъ презрительною лестію, оскорбляя человѣчество. Онъ почиталъ за полезнѣйшее, умертвивъ на площади плѣнницъ, показать свѣту, что быть непріятелемъ Александру есть уже преступленіе, достойное смертной казни. Надменный пышностію и ложнымъ славолюбіемъ, Клитоменъ совѣтовалъ: при торжествѣ побѣды приковать ихъ къ колесницѣ побѣдителя. Аргіонъ, вельможа пренизкой души и презнатной породы, имѣвшій звѣрское сердце и скотскій разумъ, примыслилъ: мать Даріеву послать на лютое заточеніе, жену и дочь отдать въ добычу военной черни.

Словомъ, самое меньшее осужденіе плѣненному царскому роду было вѣчное рабство. Дошло до Каллисѳена. «Государь!» говорилъ онъ: «когда сихъ несчастныхъ, но невинныхъ, привезутъ къ твоему царскому стану, выйди имъ на срѣтеніе, обрати къ нимъ человѣческое око, пролей въ души ихъ отраду кроткою и утѣшительною бесѣдою — и удиви свѣтъ своимъ великодушіемъ.» Александръ, выслушавъ совѣтъ Каллисѳена, вскочилъ съ своего мѣста и бросился обнимать его. «О, достойный мой наставникъ!» говорилъ ему Александръ въ восхищеніи: «побѣда возвышаетъ мое имя, а ты возвышаешь мою душу.» Исторія свидѣтельствуетъ, съ какимъ человѣколюбіемъ принялъ Александръ Даріевъ родъ.

На другой день былъ держанъ еще военный совѣтъ въ присутствіи государя и философа. Войско Александрово завоевало Козрозецкую область, которая управлялась своими владѣльцами и издревле предана была Персіи. Въ совѣтѣ разсуждаемо было: что̀ дѣлать съ Козрозецами, кои всегда могутъ грекамъ наводить подозрѣніе своею преданностію къ персіянамъ? Полководцы Александровы, пріобыкши къ воинскимъ лютостямъ, положили единогласно, чтобъ на всякій случай, изъ предосторожности, побить до смерти всѣхъ жителей завоеванной области; «понеже-де», прибавилъ въ своемъ мнѣніи одинъ изъ ученыхъ совѣтователей, «по истребленіи сего народа никакого уже вреда мы опасаться отъ него не можемъ.» Сіе мнѣніе предложено было̀ въ совѣтѣ къ подписанію Каллисѳену. «Боги!» возопилъ сей философъ: «истребите самого меня, если рука моя сей варварскій приговоръ подпишетъ!» Столь внезапное восклицаніе произвело въ собраніи глубокое молчаніе. Александръ, взявъ приговоръ въ руки, задумался и, углубясь въ размышленіе, нечувствительно раздиралъ онъ бумагу, содержащую лютую судьбу нѣсколькихъ тысячъ людей невинныхъ; глаза его наполнились слезами; наконецъ трепещущимъ голосомъ, прерываемымъ воздыханіями нѣжнаго человѣколюбія, прекратилъ онъ общее молчаніе и едва могъ сіи слова промолвить Каллисѳену: «Ты другъ человѣческаго рода, ты охранитель моей славы!»

Въ то время Леонадъ былъ уже нѣсколько мѣсяцевъ любимцемъ Александра; въ самое короткое время умѣлъ онъ овладѣть совершенно душею сего монарха. Имъ самимъ владѣли страсти, высокомѣріе и алчность къ обогащенію. Онъ не

любилъ никого и никѣмъ любимъ не былъ; ибо тотъ, кто любитъ одного себя, не достоинъ быть любимымъ отъ другихъ. Добра дѣлалъ мало для того, что не любилъ видѣть людей въ удовольствіи; если же добро дѣлать ему и случалось, то обыкновенно такимъ образомъ, что получившій его благодѣяніе былъ бы гораздо больше радъ не быть никогда имъ обязаннымъ. При дворѣ былъ онъ очень силенъ; слѣдственно не было ему и нужды дѣлать подысковъ; однакожъ вредилъ онъ другимъ охотно, потому что въ огорченіи другихъ сердце его находило удовольствіе. Но горе тому, коего погубленіе могло пособлять его возвышенію, или, по мнѣнію его, нужно было къ сохраненію его силы въ государѣ! Сей любимецъ занемогъ за нѣсколько часовъ до прибытія Каллисѳена. Наушники, его окружавшіе, тотчасъ возвѣстили ему, съ какимъ почтеніемъ и повиновеніемъ внимаетъ Александръ совѣтамъ философа. Леонадъ такъ скоро выздоровѣлъ, что на третій день прибытія Каллисѳена въ состояніи уже былъ предстать поутру предъ лице монарха. «Позвольте», говорилъ онъ ему: «поздравить ваше величество съ пріобрѣтеніемъ въ друзья ваши философа; я слышалъ, что вы, по его совѣту, явили примѣръ великодушія.»—«О, мой истинный другъ», отвѣчалъ ему Александръ, «буде хочешь мнѣ доказать свою дружбу, то будь самъ другомъ Каллисѳену.»—«Если могу, государь!» отвѣчалъ Леонадъ: «но сомнѣваюсь. Пріятно мнѣ, когда подаютъ вашему величеству благіе совѣты; но не могу терпѣть, чтобъ отъ премудрѣйшаго въ свѣтѣ государя отъемлема была слава его премудрости.» — «Что значатъ слова твои?» вопросилъ Александръ.—«Значатъ, государь», сказалъ Леонадъ: «что сколь я доволенъ совѣтами Каллисѳена, столь гнушаюсь поведеніемъ его при семъ самомъ случаѣ. Вообразите, ваше величество, что вчера при двадцати свидѣтеляхъ, которыхъ я сейчасъ могу представить, отзывался онъ о васъ, какъ о слабомъ юношѣ, котораго можетъ онъ заставить дѣлать все, что ему угодно; но мнѣ извѣстно, государь, ваше собственное проницаніе. Вы знаете свойство человѣка. Каллисѳенъ можетъ быть нескроменъ, но вамъ совѣтами полезенъ; пусть свѣтъ ему и вѣритъ, что безъ него не умѣли бъ вы сами быть великодушны; но...» «Дивлюсь», прервалъ Александръ въ смятеніи рѣчь его: «какъ, при толикой мудрости, Каллисѳенъ можетъ столь ослѣпленъ быть самолюбіемъ, чтобъ меня считать ребен-

комъ.»—«Ваше величество!» говорилъ любимецъ, улыбаясь льстивымъ образомъ: «вселенная чувствуетъ, что вы изъ ребятъ уже вышли».—«Съ чего же Каллисѳенъ думаетъ?...» «Не смѣю сказать, съ чего...» прервалъ онъ. —«Скажи, скажи, мой другъ!» просилъ усильно Александръ. — «Съ того», отвѣчалъ Леонадъ, опустя голову и запинаясь язвительно: «съ того... что... я думаю, онъ... ученый дуракъ.»

Леонадъ зналъ Александра совершенно; онъ точно вѣдалъ, въ которую минуту удобнѣе чернить у него клеветою и въ которую удачнѣе вредить ругательною насмѣшкою. Умѣлъ онъ различать тѣхъ людей, для очерненія которыхъ вдругъ и клевета и насмѣшка потребны ему были. Каллисѳенъ казался ему толь мудрымъ и толь для него опаснымъ, что почелъ онъ за нужное употребить противъ него оба сіи орудія, недостойныя честнаго человѣка. Александръ такъ уязвленъ былъ вымышленнымъ отзывомъ Каллисѳена о его слабодушіи, что самую брань: *ученый дуракъ* почелъ онъ внезапно исторгнутою изъ души Леонада силою самой истины.

«Непонятно,» говорилъ Александръ своему любимцу: «какъ мало ученіе прибавляетъ ума человѣку. Со всѣми знаніями Каллисѳена я ласкаюсь, что онъ больше ошибся во мнѣ, нежели ты въ немъ.»—«Государь, отвѣчалъ ему Леонадъ: «мой судъ о немъ не можетъ быть пристрастенъ: онъ не былъ никогда моимъ учителемъ, а я всего менѣе желаю быть его ученикомъ. Но Каллисѳенъ считаетъ себя вашимъ наставникомъ и думаетъ, что чѣмъ менѣе отдаетъ онъ справедливости вашимъ дарованіямъ, тѣмъ болѣе всякое ваше похвальное дѣяніе приписано будетъ его достоинству.»

Между тѣмъ Александръ велѣлъ всѣхъ пускать съ себѣ въ шатеръ. Вошелъ и Каллисѳенъ. Государь взглянулъ на него съ нѣкоторымъ робкимъ смущеніемъ. Сколь ни глубоко выраженіе «*ученый дуракъ*» проникло въ душу Александра, но онъ не могъ вдругъ забыть, что ученый дуракъ вчера и третьяго дня былъ умнѣе цѣлаго совѣта и что онъ самъ ученаго дурака обнималъ съ нѣжными слезами, какъ мужа, плѣнившаго его сердце мудростію и человѣколюбіемъ. «Государь!» спросилъ его Каллисѳенъ: «какое смятеніе объяло твою душу? Твой взоръ являетъ неудовольствіе, досаду и недоумѣніе!»—«Ты правду сказалъ», отвѣчалъ ему Александръ: «я дѣйствительно въ досадѣ; мнѣ случилось ошибиться въ одномъ изъ окружающихъ меня.

Я считалъ въ немъ много мудрости; а теперь вижу, что я въ его умѣ самъ глупо обманулся.»—«Сія ошибка не весьма важна для монарха», отвѣчалъ философъ: «отъ глупаго человѣка можно взять дѣло и поручить его разумному; но гибельна ошибка бываетъ для государя тогда, когда клеветника считаетъ онъ праводушнымъ; когда любитъ онъ того, кого всѣ ненавидятъ; когда ввѣряется тому, кто наглымъ и безстыднымъ образомъ государскую довѣренность во зло употребляетъ; когда считаетъ другомъ того, кто вѣроломно завладѣлъ его душею.»

Каллисѳенъ не зналъ отнюдь ни Леонада, ни клеветы, которою сей очернилъ его у Александра. Онъ почелъ за долгъ высказать все сіе нравоученіе тому, кто просилъ его усильно говорить правду безъ опасенія. Александръ приведенъ былъ рѣчью Каллисѳена въ пущее смятеніе. Онъ имѣлъ разумъ и тотчасъ почувствовалъ, что ни ученый, ни неученый дуракъ никогда такъ не говоритъ, какъ изъяснялся Каллисѳенъ. Леонадъ, примѣтивъ сіе, вмѣшался въ рѣчь. «Изъ какой-бишь Аристотелевой книги читаете вы проповѣдь?» спросилъ съ насмѣшкою у Каллисѳена. — «Изъ той», отвѣчалъ ему философъ съ твердостію и съ нѣкоторымъ родомъ презирающей жалости: «изъ той, которая, какъ видно, вамъ не очень нравится».

Сей разговоръ пресѣкъ вошедшій въ шатеръ къ Александру вѣстникъ, который посланъ былъ съ рѣки Арбела отъ повелѣвающаго тамъ частію войска начальника, съ увѣдомленіемъ, что персіяне, всѣ свои остальныя силы собравъ, идутъ противъ грековъ. Тотчасъ Александръ пошелъ самъ на встрѣчу непріятелю. Совершенная надъ нимъ побѣда низложила персидскую монархію; но Дарій лишился жизни не въ сраженіи: онъ умерщвленъ былъ вѣроломно собственными своими подданными.

Славу побѣды отравлялъ разнесшійся скоро слухъ, что Дарій убитъ измѣнически повелѣніемъ самого Александра, который такъ возгнушался симъ недостойнымъ подозрѣніемъ, что велѣлъ сыскать убійцу и казнилъ его смертію. Симъ оправдался онъ предъ свѣтомъ совершенно. Каллисѳенъ похвалилъ его поведеніе. «Что̀ слышу я?» сказалъ ему Александръ съ холодною улыбкою. «Уже и Каллисѳенъ льстить мнѣ начинаетъ; помнится, для наставленія, а не для похвалъ прислалъ тебя Аристотель.» — «Государь!» отвѣчалъ Каллисѳенъ: «между хвалою и лестію есть великая

разность. Я тебя хвалю; но не льщу тебѣ; долгъ философіи обязываетъ меня хвалить добрыя дѣла и осуждать злыя. О, боги! если когда-нибудь унизишь ты себя къ послѣднимъ, вѣрь мнѣ, найдутся люди и тогда тебя превозносить; но сіи люди будутъ не философы.»

Леонадъ все сіе слушалъ, распаляясь внутренно злобою на Каллисѳена; онъ нѣсколько разъ покушался было обратить въ смѣхъ его нравоученія, но умѣлъ воздержаться. Не взирая на то, что острота ума его была безмѣрная, чувствовалъ онъ, что истина, умнымъ человѣкомъ твердо произнесенная, можетъ въ одинъ мигъ сдѣлать смѣшнымъ самого насмѣшника. И такъ рѣшился онъ губить Каллисѳена скрытою клеветою, и скоро довелъ государя до того, что одинъ видъ философа сталъ уже ему въ тягость.

Въ сіе время Александръ предпріялъ путешествіе въ Ливію ко храму Юпитера Аммона. За день передъ отъѣздомъ вышло росписаніе, кому ѣхать при лицѣ государя. Онъ взялъ съ собою весь свой совѣтъ; но надъ именемъ Каллисѳена написано было рукою Александра: *позади въ обозѣ*.

Философъ ни малѣйше не тронутъ былъ симъ знакомъ холодности государя, для того, что онъ ничѣмъ его не заслужилъ; всего же менѣе оскорбленъ онъ былъ явнымъ къ себѣ презрѣніемъ придворной черни, которая, прочитавъ выраженіе: *позади въ обозѣ*, старалась оскорблять всячески Каллисѳена, ласкаясь, что такое поведеніе противъ впадшаго въ немилость всевысочайше причтено быть можетъ за всенижайшее и вѣрнорабское усердіе къ произволенію государя.

Между тѣмъ Александръ, въ самый день своего отъѣзда увидѣвъ Каллисѳена, совѣстился долго подойти къ нему; наконецъ доброе сердце его превозмогло и онъ, воображая, что философъ огорчился его холодностію, хотѣлъ его успокоить. «Я боюсь», говорилъ ему государь: «отягчить тебя скорымъ путешествіемъ съ собою. Мы въ войнѣ обыкли къ трудамъ, коп могли бъ тебя обременить. Слѣдуй за мною такъ тихо, какъ тебѣ угодно.» — «Государь!» отвѣчалъ ему Каллисѳенъ: «повинуюсь твоей волѣ; но будь увѣренъ, что для меня совершенно равно, ѣхать съ тобою, или позади, если мое присутствіе не болѣе тебѣ полезно, какъ мое отсутствіе.»

Сіи слова произнесъ Каллисѳенъ съ такою кротостію, съ

такимъ простосердечіемъ, что самъ Александръ и всѣ предстоящіе никакъ не могли ихъ приписать негодованію философа, но видѣли въ нихъ одно искреннее его усердіе быть полезнымъ государю. Леонадъ примѣтилъ, что Александръ вдругъ сильно возмутился, и для того нужно ему было разсѣять тотчасъ сіе смущеніе и не допустить сердце государя обратиться на добродѣтельное чувство. Онъ подалъ знакъ остающимся военачальникамъ испрашивать отъ Александра повелѣнія; а между тѣмъ подвезли колесницу, въ которую Леонадъ нечувствительно посадилъ государя и увезъ его гораздо скорѣе, нежели онъ уѣхать думалъ.

Каллисѳенъ, какъ ненужный государю человѣкъ, отправился, по его повелѣнію, въ обозѣ съ ненужными вещами. Скотазъ, начальникъ обоза, былъ изъ тѣхъ придворныхъ тварей, коихъ поведеніе предъ знатными весьма подло, но предъ тѣми, коихъ онъ не боялся, или въ комъ не искалъ, весьма грубо; словомъ, человѣкъ былъ низкій и глупъ до невѣроятности; верблюды, лошади, ослы составляли существо душевныхъ его чувствъ. Говоря объ нихъ, вдругъ приходилъ онъ въ пресмѣшной восторгъ; но ни о чемъ уже другомъ слова молвить не умѣлъ. Съ Каллисѳеномъ обошелся такъ невѣжливо, какъ отъ Скотаза ожидать токмо можно. «Зачѣмъ, старикъ, тащишься съ нами?» говорилъ онъ съ презрѣніемъ философу: «здѣсь и безъ тебя грузно. Я слышалъ, что ты философъ; дай-ка посмотрѣть на себя. Мы ихъ при конюшнѣ не видывали; я чаю, полно есть-ли они и при дворѣ.»—«Я никого не видалъ!» отвѣчалъ Каллисѳенъ. «Видно, что дворъ не ихъ жилище.»—«У двора», говорилъ Скотазъ важнымъ голосомъ: «надобенъ умъ, да и умъ не твоему чета. Мы тутъ сами около тридцати лѣтъ шатаемся, но того и смотришь, что въ бѣду попадешь.»—«Я не въ бѣдѣ», говорилъ Каллисѳенъ. — «Да что жъ ты не при лицѣ?» спросилъ его Скотазъ: «ты хочешь меня увѣрить, что царскихъ любимцевъ въ обозъ отсылаютъ; нѣтъ, старикъ, коль ты отданъ на мои руки, такъ видно, мода съ тебя спала. Ты, я чаю, болтаньемъ своимъ досадилъ многимъ господамъ. Я и самъ», примолвилъ Скотазъ, вздыхая: «я и самъ за царскихъословъ страдалъ не однажды.» Въ дорогѣ начиналъ онъ съ философомъ говорить о лошадяхъ и верблюдахъ; но увидя, что философъ въ томъ дѣлѣ ничего не разумѣлъ, возъимѣлъ онъ къ нему глубочайшее

презрѣніе, а потому и учредилъ съ нимъ свое поведеніе: изъ колесницы, въ которую сперва посаженъ былъ Каллисѳенъ, высадилъ онъ его въ телегу. Не было пригорка, на который бы не заставилъ онъ всходить пѣшкомъ Каллисѳена. «Если бы случилось тебѣ везти на гору Леонада», говорилъ ему философъ: «ты поступилъ бы съ нимъ иначе, нежели со мною.»—«Вотъ на!» отвѣчалъ Скотазъ: «да для его высокопревосходительства я самъ бы радъ припрячься.»

Наконецъ, спустя нѣсколько дней по прибытіи Александровомъ ко храму Юпитера, доѣхалъ туда и философъ. Жрецы предуспѣли уже подлою лестію помрачить разсудокъ государя. Каллисѳенъ, услышавъ, что сей Аристотелевъ ученикъ почитаетъ себя богомъ, называетъ себя Юпитеровымъ сыномъ и проповѣдуетъ странныя басни о своемъ происхожденіи, вошелъ въ чертогъ царскій и увидѣлъ Александра, окруженнаго воинами, не имѣющими о божествѣ понятія, и придворными, вѣрующими во все то, во что̀ государь приказываетъ вѣрить. Всѣ они дерзнули утверждать, что Александръ есть богъ дѣйствительно. «Государь!» вопросилъ его философъ: «правда ли, что ты богъ?» — «Правда!» — отвѣчалъ Александръ, покраснѣвъ и запинаясь. «Государь!» говорилъ ему Каллисѳенъ: «велико твое требованіе, но не бойся, чтобъ философія обременила тебя тяжкимъ порицаніемъ: она таковымъ мнѣніямъ только лишь смѣется; но, ставъ богомъ, государь, если имъ стать тебѣ угодно, помышляй, къ чему обяжетъ тебя сіе великое титло. Боги отъ единыхъ благотвореній познаются; за усердіе къ себѣ платятъ они милостями, за обожаніе покровительствомъ. Иногда мещутъ они громъ, но мещутъ противъ воли; паче всего въ свѣтѣ любятъ они творить блаженство смертныхъ.»

Каллисѳенъ уклонился отъ приношенія жертвы ученику друга своего Аристотеля, отозвавшись, что въ Ликеѣ не привыкли они находить боговъ такъ съ собою близко. Отъ новаго бога ожидалъ онъ новаго какого-нибудь преступленія, дабы употребить противъ него всю строгость, каковою философія на исправленіе смертныхъ ополчается; къ несчастію, ожиданіе его не много продолжалось. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ мнимый сынъ Юпитера впалъ во всѣ гнусные пороки: земной богъ спился съ кругу; пронзилъ въ безуміи копьемъ сердце друга своего Клита, и однажды

послѣ ужина, въ угодность пьяной своей наложницѣ, превратилъ онъ въ пепелъ великолѣпный городъ.

Слухъ о сихъ мерзостныхъ злодѣяніяхъ восналилъ рвеніе Каллисѳена. Онъ вбѣжалъ въ чертоги монарха, не ужасаясь величества его, ни множества окружающихъ его полководцевъ и сатраповъ. «Александръ!» возопилъ онъ: «симъ ли образомъ чаешь ты достоинъ быть олтарей? Ты друга умерщвляешь, тысячи невинныхъ своихъ подданныхъ предаешь пламени.... Чудовище! ты имени человѣка не достоинъ!» Отъ сихъ словъ изумленіе объяло всѣхъ предстоявшихъ; но скоро превратилось оно въ лютость. Придворные возбуждали паче злобу Александра, который, будучи внѣ себя отъ гнѣва, поручилъ Леонаду изобрѣсти достойную казнь неслыханному у двора дерзновенію Каллисѳена.

Леонадъ имѣлъ безчеловѣчіе немилосердо мучить сего почтеннаго мужа и вкинуть потомъ въ ужасную тюрьму. Между тѣмъ какъ изыскивали для него родъ лютѣйшей казни, болѣзненное страданіе, соединясь съ тяжестію оковъ, извлекло изъ бреннаго тѣла его великую душу.

По кончинѣ самого Аристотеля найдено въ бумагахъ его слѣдующее письмо Каллисѳеново, писанное за нѣсколько часовъ предъ его смертію. Здѣсь предлагается оно съ отмѣткою его друга.

Письмо Каллисѳена.

«Умираю въ темницѣ; благодарю боговъ, что сподобили «меня пострадать за истину. Александръ слушалъ моихъ «совѣтовъ два дни, въ которые спасъ я жизнь Дарѣева «рода и избавилъ жителей цѣлой области отъ конечнаго «истребленія. Прости!»

Отмѣтка рукою Аристотеля.

«При государѣ, котораго склонности не вовсе развра«щены, вотъ что честный человѣкъ въ два дни сдѣлать «можетъ!»

СЛОВО

НА

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

ГОСУДАРЯ ЦЕСАРЕВИЧА

И

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

ПАВЛА ПЕТРОВИЧА

въ 1771 году.

Насталъ конецъ страданію нашему, о Россіяне! Исчезъ страхъ и восхищается духъ веселіемъ. Се Павелъ, Отечества надежда, драгоцѣнный и единый залогъ нашего спокойства, является очамъ нашимъ, исшедши изъ опасности жизни своея, ко оживленію нашему. Боже Сердцевѣдецъ! зри слезы, извлеченныя благодарностію за Твое къ намъ милосердіе; а ты, Великій Князь, зри слезы радости, изъ очей нашихъ ліющіяся. Любезные сограждане! кого мы паки зримъ!... Какая грозная туча отвлечена отъ насъ Десницею Всевышняго! Единое о ней воображеніе вселяетъ въ сердца ужасъ, ни съ чѣмъ несравненный, — развѣ съ радостію, коею нынѣ объемлется духъ нашъ!

Среди веселыхъ восклицаній Твоихъ, Дражайшее Отечество, дерзаю и я возвысить слабый гласъ мой. Изображу Тебя съ Павломъ оживотворенное и колико будетъ силъ, прославлю Его добродѣтели и Твое блаженство. Если нѣтъ витійства въ моемъ словѣ, не жалѣю о томъ. Истина простымъ повѣствованіемъ довольна бываетъ и я по крайней мѣрѣ исполню долгъ гражданина и удовлетворю желанію моего собственнаго сердца.

Ты не будешь отлучена отъ слова сего, о Великая Монархиня, матерь чадолюбивая, источникъ славы и блажен-

ства нашего! Ты купно страдала съ Павломъ и Россіею и вкушаешь съ Ними днесь общее веселіе. Съ начертаніемъ Ихъ состоянія изображу чувствіе и Твоей добродѣтельной души; а изъявя оное, подамъ свѣту примѣръ великій.

Когда вселенная обратила съ удивленіемъ на Россію свои очи, когда слава побѣдъ нашихъ гремѣла во всѣхъ предѣлахъ Свѣта, когда потомки Чингисхановы, сихъ древнихъ утѣснителей Россіи и побѣдителей Свѣта, подъемля къ Екатеринѣ длани своя, отвращали очи и сердца отъ гордаго врага Ея: тогда внезапное смущеніе вселилось въ восхищенныя радостію сердца наши. Слухъ о Павловой болѣзни, еще въ самомъ началѣ ея, подобно пламени лютаго пожара, изъ единаго дома въ другой пронесся мгновенно. Въ единый часъ ощутили всѣ душевное уныніе. Еще большая опасность была непредвидима, еще въ цвѣтущей Павла юности, крѣпость тѣла Его сопротивлялась бодрственно первому стремленію болѣзни; но, не взирая на сіе, невольный трепетъ объялъ всѣхъ сердца и души. Толь сильно есть усердіе добрыхъ гражданъ къ Государямъ своимъ! Тогда Екатерина, великая и въ самой печали своей, возмутилась нетерпѣніемъ зрѣти Сына своего. Спѣшитъ Она оставить то пріятное уединеніе, куда нѣкогда Петръ, созидая градъ свой и Россію, приходилъ отъ трудовъ принимать успокоеніе. Сражаясь съ скорбію своею, Павелъ узрѣлъ идущую къ себѣ Государыню и мать, и нѣкую новую крѣпость ощутила душа Его. Самая болѣзнь укротила въ тотъ часъ свое стремленіе, какъ будто бы, терзая сына, хотѣла пощадити материнее сердце; но судьбы Превѣчнаго восхотѣли на нѣкіе часы поставить Россію при самой бѣдъ пучинѣ. Страна, удивляющая землю и дающая ей нынѣ зрѣлище великое и славное! Самъ Господь отвлекъ тебя отъ края сей пучины! Велико счастіе твое, но и напасть ужасная грозила. Воспомяну о ней, да больше ощутимъ, колико Небеса Россію защищаютъ.

Возможно ли безъ трепета воспомянуть тѣ лютые часы, въ кои едва не пресѣклась жизнь толико драгоцѣнная, жизнь толь многимъ народамъ нужная? И какъ, не ужасаясь, привести себѣ на мысль тѣ самыя минуты, въ кои носящія громъ тучи разверзалися надъ Россами. Уже лютость болѣзни побѣждала и крѣпость Павлову, и старанія мужей, просвѣщенныхъ наукою и усердіемъ. Вострепетала Россія, неизреченный ужасъ объялъ души, и жестокая печаль прон-

зила всѣхъ сердца! Самый народъ, вѣчно лести не знающій и всегда носящій на лицахъ сердецъ своихъ зерцало, — самый сей народъ стенялъ и проливалъ слезы. Колико тяжкихъ воздыханій восходило къ небесамъ! Коликимъ моленіямъ внималъ Всевышній! Никогда искреннѣе оныхъ не могутъ люди приносить Творцу своему. Иной, обремененный лѣтами, воздѣвъ на небо слабыя руки, «Боже праведный!» вопіетъ горестно, «то ли Твой предѣлъ, чтобъ глубокая старость огорчалась видя увядающую юность и чтобъ мнѣ суждено было терзаться о томъ, чѣмъ позднѣйшіе потомки должны быть оскорблены. Не моя, но Павлова жизнь потребна къ счастію дѣтей моихъ!» Иной, въ первыхъ младенчества лѣтахъ, въ сей прекрасной веснѣ человѣческаго вѣка, не зная зла и доселѣ не ощущая горести, зритъ матерь свою съ слезахъ, извлекаемыхъ опасностію Павла, обращаетъ на нее невинные взоры, утѣшаетъ ее младенческою лаской; но видя горесть ея непрерываему, самъ унываетъ, плачетъ и будто чувствуетъ, что въ тѣ часы угрожаетъ ему собственная напасть его. Иной, въ крѣпости лѣтъ своихъ, истинный сынъ Отечества и усердный сердцемъ къ Павлу, познавъ опасность предстоящую и возмутясь духомъ, устремляется къ другу своему. «Трепещи,» вопіетъ ему, «гибнетъ Отечество наше: Павлова жизнь едва ли не въ отчаяніи, и что̀ съ нами будетъ, когда Его лишимся!» Не хотя вѣрити толь грозной вѣсти, другъ его хочетъ и себя, и его утѣшити: — «Можетъ быть, Богъ къ намъ милосерднѣе,» отвѣчаетъ ему, «можетъ быть, страхъ больше.» — «Не сумнись и ужасайся,» прерываетъ тотъ рѣчь его: «ударъ конечно близокъ. Я видѣлъ Павлова наставника, сего почтеннаго мужа, умѣющаго толь много, владѣть движеніями сердца своего, видѣлъ его стенящa и сокрывающа слезы своя. Когда Панинъ рыдаетъ о Павловой опасности, Россія должна пролить источники слезные.»

Въ толь лютые часы для истинныхъ Россіянъ какое нѣжное и великое зрѣлище представляетія очамъ нашимъ! Терзаемая скорбнымъ чувствіемъ сердца своего, проніенная нѣжнѣйшею любовію къ сыну, достойному таковыя матери, Екатерина вступаетъ во тѣ чертоги, гдѣ Павелъ начиналъ уже упадать подъ бременемъ болѣзни своея. Приближается къ Нему, зритъ измѣненныя черты Его лица, блѣднѣя простираетъ къ Нему трепещущую руку. Тогда Павелъ, возведъ утомленныя очи и видя предъ собою страждущую

матерь, забылъ свою болѣзнь, и въ ту минуту страданіе Ея стало единою Его скорбію. Собравъ оставшіяся силы, приноситъ Онъ къ устамъ своимъ руку возлюбленныя матери, лобызаетъ ее нѣжно. Екатерина хощетъ утѣшити сына своего нѣкими словами, но рыданіе прерываетъ слова Ея. Уже не въ силахъ Она удерживать болѣе скорби своей во внутренности сердца: едва не предается всей своей горести; но, воззрѣвъ на предстоящихъ своихъ подданныхъ, пораженныхъ симъ зрѣлищемъ, хощетъ Она, изъ любви и жалости къ нимъ, одолѣти самое природы чувство: мгновенно отвращаетъ отъ нихъ ослезящія очи, остановляетъ рыданіе и старается сокрыть отъ нихъ и лютое свое страданіе и опасность жизни Павловой. Се свойство великія души! Се примѣръ земнымъ владыкамъ! Блаженна та страна, гдѣ царь владѣетъ и сердцами народа, и своимъ собственнымъ.

Но пришедъ отъ страждущаго сына въ тѣ свои чертоги, кои часто зрятъ Тебя, Великая Монархиня, размышляющею наединѣ о благѣ народа Твоего, когда уже ни чей видъ не принуждалъ Тебя скрывать скорби внутри сердца Твоего, когда уже могла Ты воздать природѣ горестную дань и когда ничто не воспрещало Тебѣ рыдать и размышлять, какимъ лютѣйшимъ чувствіямъ предалась тогда душа Твоя! Какія рѣки слезъ полилися изъ очей Твоихъ! Матерь Павла и народа своего, Ты зрѣла перваго при концѣ жизни, а другаго при концѣ блаженства, дарованнаго ему премудростію Твоею... Ужасное воображеніе, извлекающее навсегда слезы изъ чувствительныхъ сердецъ!

Отвращая ударъ толико грозный, Павелъ противоборствовалъ болѣзни крѣпостію духа. Ослабѣли Его тѣлесныя силы, но душевныя тѣмъ паче возвеслися. Онъ зналъ, что съ сохраненіемъ жизни Его сопряжено истинное благо народа, Имъ любимаго и Ему усерднаго. Онъ зналъ, что сіе единно, кромѣ человѣческой любви къ жизни своей, налагало на Него особливый долгъ одолѣвать болѣзненное чувство величествомъ души. Съ какою твердостію, съ какимъ мужествомъ исторгалъ Онъ себя изъ челюстей смерти, вознесшей на Него острую косу! Спокоенъ въ мученіи, никогда нетерпѣніемъ не раздражалъ Онъ болѣзни, и въ тѣ часы, когда душа Его едва не оставляла терзаемаго тѣла, въ тѣ лютѣйшіе часы являлъ Онъ тѣ же самыя добродѣтели, которыя обыкъ творити въ крѣпости силъ своихъ. Благочестіе, Богу толь любезное и возвыющее къ Нему души

смертныхъ, обиталo въ Его сердцѣ, возбуждало въ Немъ надежду, ободряло Его силы и преклоняло Небеса на помощь Его. Кротость нрава ни на единый мигъ не прерывалась лютостію болѣзни. Каждый знакъ воли Его, каждое слово изъявляло доброту Его сердца. Да не исходятъ вѣчно изъ памяти Россіянъ сіи Его слова, исшедшія изъ сердца и прерываемыя скорбію. *Мнѣ то мучительно,* говорилъ Онъ, *что народъ безпокоится моею болѣзнію.* Таковое къ народу Его чувство есть неложное предзнаменованіе блаженства Россіянъ и въ позднѣйшія времена...

Но ты, который благимъ воспитаніемъ вселилъ въ Него сіе драгоцѣнное намъ чувство, мужъ истиннаго разума и честности, превыше нравовъ сего вѣка! твои Отечеству заслуги не могутъ быть забвенны. Ты вкоренилъ въ душу Его тѣ добродѣтели, кои составляютъ счастіе народа и должность Государя. Ты далъ сердцу Его ощутить тѣ священныя узы, кои соединяютъ Его съ судьбою милліоновъ людей и кои милліоны людей съ Нимъ соединяютъ. Какими ранами сердце твое было уязвлено во время Павловой опасности! Любя Его нѣжно, насадя въ душѣ Его добродѣтель, просвѣтя познаніями разумъ Его, явя въ Немъ человѣка, и уготовавъ Государя, сносно ль было видѣти тебѣ приближающуюся минуту, въ которую ты могъ разстаться съ Нимъ навѣки! Воспомни тѣ часы, когда обращены были взоры твои на страждущаго Павла, когда, терзаясь самъ душевно, орошалъ Его слезами, держалъ Его въ своихъ объятіяхъ, прижавъ къ трепещущей груди своей, и ожидалъ послѣдняго конца жизни драгоцѣнной; не сами ль Небеса тогда подкрѣпляли тебя для Павла и Отечества?

Наконецъ, о радость неизрѣченная! о счастіе, избавившее Россіянъ отъ погибели! наконецъ прошла безвредно страшная туча, гремѣвшая надъ нами. Превѣчный съ высоты престола Своего, взирая на слезы и моленія Екатерины, на добродѣтели болящаго, на вопль и стенанія многочисленнаго народа, подвигся о людяхъ своихъ на милосердіе. Велѣніемъ Его, Ангелъ смерти, летящій къ Наслѣднику Престола Россійскаго, остановилъ страшное свое теченіе. Здравіе — сей драгайшій людямъ даръ небесный, возвращено стало Павлу. Возсіялъ прекрасный день по часахъ толико мрачныхъ! Тяжкія стенанія премѣняются во гласы радости. Оживотворенная Россія возноситъ къ небесамъ благодарныя моленія и сіе чистое приношеніе весе-

лящихся сердцемъ, проницая предѣлы неизвѣстные, достигаетъ до Самого Творца вселенныя и пріемлется отъ Него съ тою благостію, съ которою внималъ Онъ воздыханіямъ Россіянъ.

А Ты, торжествующая нынѣ возвращеніе къ жизни возлюбленнаго сына, матерь нѣжная, Монархиня Великая! Ты, которой добродѣтели и моленія были предстательми предъ Творцемъ за созданіе Его, Тобою правимое! Ты, благодаря Десницу, востановившую Павла, возрадуйся днесь всѣмъ сердцемъ своимъ. Се Онъ, се Твой достойный сынъ, о коемъ Ты страдала, въ комъ душа твоя обитаетъ, котораго любовь къ Тебѣ ни съ чѣмъ на свѣтѣ несравненна! Пріими Его въ свои объятія, пролей радостныя слезы! Онъ живъ и будетъ вѣчно Твоимъ утѣшеніемъ, и будетъ славою народа, къ обоимъ Вамъ усерднаго!

Къ тебѣ, Великій Князь, возвращенный отъ Небесъ Россіянамъ! къ Тебѣ, виновникъ общія радости! обращаю мое слово. Торжествуй и восхищайся веселіемъ сердечнымъ! Возсылай благодареніе къ Вышнему всѣхъ благъ Источнику, который, отторгнувъ Тебя отъ вратъ смерти, явилъ чрезъ то вселенной, что Ты Имъ на свѣтъ произведенъ для счастія и самыхъ будущихъ вѣковъ; но чѣмъ лучше возможешь изъявить свое признаніе Оживотворившему Тебя, какъ исполненіемъ закона Его, который есть вся сила и безопасность законовъ человѣческихъ? Сохраняй вѣчно въ своемъ сердцѣ сей новый опытъ нѣжнѣйшія любви, который Матерь Твоя и Государыня изъявила Тебѣ, страдая съ Тобою купно. Да будетъ премудрость Ея вождемъ Твоимъ; дѣла Ея правиломъ, кроткая душа Ея великимъ Тебѣ примѣромъ! Люби Россіянъ, Ты не можешь сомнѣваться, Государь, о ихъ къ Тебѣ усердіи, измѣряя оное по тѣмъ горестнымъ чувствамъ, которыя терзали насъ во время опасности жизни Твоея. Сіи страшныя минуты, въ кои лесть умолкаетъ, и Царь и рабъ равно судимы бываютъ, сіи минуты открыли Тебѣ сердце и души каждаго гражданина. Люби ихъ столько, сколько Самъ Ты имъ любезенъ. Позволь, о Государь! вѣщать Тебѣ гласомъ всѣхъ моихъ сограждан. Сей гласъ произнесетъ Тебѣ нѣкія истины, достойныя Твоего вниманія. Буди правосуденъ, милосердъ, чувствителенъ къ бѣдствіямъ людей, — и вѣчно въ ихъ сердцахъ Ты будешь обитати. Не ищи, Великій Князь, другія себѣ славы. Любовь народа есть истинная слава Государей. Буди властелиномъ

надъ страстями своими и помни, что тотъ не можетъ владѣть другими съ славою, кто собой владѣть не можетъ. Внимай единой истинѣ и чти лесть измѣною. Тутъ нѣтъ вѣрности къ Государю, гдѣ нѣтъ ея къ истинѣ. Почитай достоинства прямыя и награждай заслуги. Словомъ, имѣй сердце отверзто для всѣхъ добродѣтелей — и будешь славенъ на землѣ и угоденъ Небесамъ.

О Россіяне! еслибъ Павлова судьба зависѣла отъ нашего къ Нему усердія, то бы не оставалося на свѣтѣ ни для Него чего желать, ни намъ чего страшиться. Безпредѣльно сіе усердіе наше, равно какъ и небесныя къ намъ благодѣянія. Не Само ли Божество возвратило нынѣ жизнь Тому, Кто для нашихъ жизней толико нуженъ! Безъ сомнѣнія Оно даровало намъ Его залогомъ нашего блаженства, Екатериною устрояемаго. Велико сіе блаженство наше! Цѣлый Свѣтъ на Него съ удивленіемъ взираетъ, или паче Екатерина обращаетъ на насъ очи цѣлаго свѣта. Премудрость Ею руководствуетъ, успѣхи слѣдуютъ дѣламъ Ея, побѣды увѣнчиваютъ Ея лаврами и славою Ея славится Россія! Въ Ней имѣемъ мы настоящее благо наше, а въ Павлѣ надежду будущихъ блаженствъ. Потщимся, любезные сограждане, потщимся навсегда быти Ихъ достойными! Не пощадимъ ничего для Нихъ и для Отечества. Въ томъ состоитъ истинный долгъ нашъ. О, коль любезенъ намъ сей долгъ, съ коимъ и польза, и слава наша вѣчно сопряжены (43).

ОПЫТЪ
РОССІЙСКАГО СОСЛОВНИКА.

Старый, давный, старинный, ветхій, древній, заматерѣлый.

Старо то, что̀ давно было ново; *старинным*ъ называется то, что̀ ведется издавна. *Давно* то, чему много времени прошло. Въ настоящемъ употребленіи *ветхим*ъ называется то, что отъ старости истлѣло или обвалилось. *Древне* то, что̀ происходило въ отдаленнѣйшихъ вѣкахъ. *Заматерѣло* то, что временемъ сильно окоренѣло и огрубѣло.

Старый человѣкъ обыкновенно любитъ вспоминать *давныя* происшествія и разсказывать о *старинныхъ* обычаяхъ; а если онъ скупъ, то въ сундукахъ его найдешь много *ветхаго*; нерѣдко бываетъ онъ *заматерѣлъ* въ своихъ привычкахъ. Сихъ примѣровъ столько бывало и въ *древнія* времена.

Обманывать, проманивать, проводить.

Всѣ сіи слова значитъ ложь представлять истиною. *Обманываютъ* тѣ, кои умышленно облекаютъ ложь всею наружностію правды. *Проманивать* есть не дѣлать обѣщаемаго, питая тщетною надеждою; *проводить* значитъ брать притворно участіе въ чью-нибудь пользу, дѣйствуя во вредъ.

Кто не любитъ истины, тотъ часто *обманутъ* бываетъ. *Проманивать* есть большихъ бояръ искусство. Стряпчіе обыкновенно *проводятъ* челобитчиковъ.

Чувство, чувствованіе, чувственность, чувствительность, ощущеніе.

Чувства суть способности, коими животное пріемлетъ впечатлѣнія внѣшнихъ вещей; *чувствованіями* называются душевныя движенія и страсти; *чувственность* есть прилѣпленіе къ удовольствіямъ чувствъ своихъ; *чувствительность*

есть качество, коимъ тѣло или душа стремительно проницаются; *ощущеніе* есть то самое впечатлѣніе, которое душа отъ внѣшнихъ вещей пріемлетъ.

Счастливъ, кто въ старости сохраняетъ всѣ свои *чувства*. Благороденъ, кто имѣетъ великодушныя *чувствованія*. Благоразумный всего своего удовольствія въ одной *чувственности* не полагаетъ; честный человѣкъ принимаетъ съ особливою *чувствительностію* все, что̀ честь его трогаетъ; дурная музыка и всякое дурное дѣйствіе производятъ въ насъ непріятное *ощущеніе*.

Робкій, трусливый.

Робкій бѣжитъ назадъ, *трусливый* нейдетъ впередъ; *робкій* не защищается, *трусливый* не падаетъ. Не льзя надѣяться ни на сопротивленіе *робкаго*, ни на помощь *трусливаго*.

Основать, учредить, установить, устроить.

Основать значитъ положить чему нибудь прочное начало; *учредить* значитъ привести вещи въ такой порядокъ, чтобъ каждая была на своей чредѣ; *установить* есть не что̀ иное, какъ опредѣлить уставы или правила, по коимъ въ дѣлѣ слѣдовать; *устроить* разумѣется распорядить вещи такъ стройно, чтобъ развращеніе до нихъ не прикоснулось.

Въ Россіи Екатерина II *основала* общество благородныхъ дѣвицъ, *учредила* намѣстничества, *установила* совѣстный судъ и *устроила* благочиніе.

Понятіе, мысль, мнѣніе.

Понятіе есть то познаніе, которое разумъ имѣетъ о какой нибудь вещи или дѣлѣ. *Мысль* есть дѣйствіе существа разумнаго. *Мнѣніе* есть слѣдствіе размышленій.

Не льзя имѣть *понятія* о вещи, если не обратишь къ ней *мыслей* своихъ; *понявъ* же ее яснымъ образомъ, не льзя ошибиться въ своемъ объ ней *мнѣніи*.

Сколько судей, которые, не имѣвъ о дѣлахъ яснаго *понятія*, подавали на своемъ роду весьма много *мнѣній*, въ которыхъ весьма мало *мыслей*.

Обида, притѣсненіе.

Обида есть вредъ, приключаемый чести или имуществу. *Притѣсненіе* есть недопущеніе пользоваться правомъ своимъ.

Не дѣйствуютъ законы тамо, гдѣ *обиженный притѣсняется*.

Сумазбродъ, шаль, невѣжда, глупецъ, дуракъ.

Сумазбродъ никогда не слѣдуетъ разсудку, съ котораго сбрелъ, а руководствуется во всѣхъ своихъ дѣлахъ однимъ воображеніемъ. *Шаль* притворяется обыкновенно глупѣе, нежели онъ есть, для того, что безъ сего притворства не стало бы природнаго ума его возбудить на себя вниманія. *Невѣжда* называется человѣкъ безъ просвѣщенія. *Глупецъ* тотъ, котораго умъ весьма ограниченъ. *Дуракъ*, который ума вовсе не имѣетъ.

Сумазбродъ весьма опасенъ, когда въ силѣ. *Шаль* часто дурачествомъ досаждаетъ. *Невѣжда* обыкновенно въ своихъ мнѣніяхъ упрямъ. *Глупцы* смѣшны въ знати. *Дураку* законъ не писанъ.

Несчастіе, напасть, бѣда, бѣдствіе.

Всѣ сіи слова возвѣщаютъ и знаменуютъ злоключенія; но *несчастіе* называется всякое злое происшествіе; *напасть* же есть злоключеніе нечаянное. *Бѣда* также есть нечаянное зло, но грозящее еще лютѣйшими слѣдствіями. *Бѣдствіе* значитъ то же самое, но въ обширнѣйшемъ смыслѣ употребляется.

Потерять друга есть *несчастіе;* лишиться разбойниками всего имѣнія есть *напасть*; *бѣда* ручаться за мотовъ; голодъ и язва суть народное *бѣдствіе.*

Полно, довольно.

Оба сіи нарѣчія принадлежатъ до количества съ тою разностію, что *полно* имѣетъ бо́льшее отношеніе къ тому, количеству, которое имѣть желаешь, а *довольно* къ тому которое употреблять хочешь.

Скупому сколько денегъ ни давай, никогда не скажетъ *полно.* Для мота не *довольно* милліоновъ. Если наливаютъ въ рюмку черезъ край, то и пьяница скажетъ: *полно*, хотя ему и не довольно. Многіе, имѣя посредственный доходъ, говорятъ: для насъ его *довольно*, но рѣдкій скажетъ *полно* желать больше.

Проступокъ, вина, преступленіе, злодѣяніе, грѣхъ.

Проступокъ есть меньшая степень погрѣшенія. *Виною* называется неисполненіе предписанныхъ должностію правилъ. Тяжкая *вина*, то-есть важное нарушеніе закона, именуется *преступленіемъ*. *Злодѣянія* происходятъ отъ безмѣрнаго развращенія сердца. Злодѣй обыкновенно безчеловѣ-

ченъ, вѣроломенъ и врагъ общія безопасности. *Грѣхъ* есть дѣйствіе противу гласа совѣсти.

Проступокъ свойственъ слабости человѣческой и легко бываетъ извиняемъ. Не всякая *вина* заслуживаетъ наказанія. Надлежитъ *преступленіе* изслѣдовать весьма осторожно прежде, нежели осудить преступника къ наказанію. *Злодѣяніе* достойно казни. *Грѣхамъ* судія Богъ.

Худо понять приказъ начальника есть *проступокъ*. Забвеніемъ не исполнить повелѣнія начальника — *вина*. Ослушаніе начальству — *преступленіе*. Умыселъ противу начальства — *злодѣяніе*. Предъ начальствомъ благодѣтельствующимъ *грѣхъ* быть неблагодарну.

Низкій, подлый.

Человѣкъ бываетъ *низокъ* состояніемъ, а *подлъ* душею. Въ *низкомъ* состояніи можно имѣть благороднѣйшую душу, равно какъ и весьма большой баринъ можетъ быть весьма *подлый* человѣкъ. Слово *низкость* принадлежитъ къ состоянію, а *подлость* къ поведенію; ибо нѣтъ состоянія *подлаго*, кромѣ бездѣльниковъ. Въ *низкое* состояніе приходитъ человѣкъ иногда поневолѣ, а *подлымъ* всегда становится добровольно. Презрѣніе знатнаго *подлеца* къ добрымъ людямъ *низкаго* состоянія есть зрѣлище, унижающее человѣчество.

Помогать, пособлять, вспомоществовать, давать помощь.

Въ нуждѣ *помогаютъ;* въ трудѣ *пособляютъ;* въ недостаткѣ *вспомоществуютъ;* для обороны *даютъ помощь.*

Состраданіе велитъ *помогать* бѣднымъ; великодушіе влечетъ *пособлять* безсильнымъ; щедрый человѣкъ своимъ излишкомъ *вспомоществуетъ* другимъ въ недостаткахъ. Человѣчество заставляетъ *подавать помощь* баззащитнымъ.

Безпорочность, добродѣтель, честь.

Часто безъ разбору говорится: онъ ведетъ жизнь *безпорочную, добродѣтельную, честную;* но чтобъ узнать, всѣ ли сіи выраженія единообразно употреблять можно, надлежитъ опредѣлить разумъ каждаго.

Безпорочность поставляетъ себѣ правиломъ не дѣлать того другому, чего бы не пожелалъ себѣ. *Добродѣтель* распространяетъ сіе правило гораздо далѣе и велитъ дѣлать то̀ другимъ, чего бы пожелалъ себѣ. *Безпорочность* обыкновенно меньше заслуживаетъ похвалы, нежели добродѣтель.

Первая можетъ происходить и отъ страха наказанія; но послѣдняя есть великодушное стремленіе человѣка жертвовать другому своимъ благосостояніемъ. Чѣмъ таковая жертва важнѣе, тѣмъ славнѣе добродѣтель.

Состоянія людей такъ многообразны, что, при различеніи *добродѣтели* отъ *безпорочности*, необходимо надобно разсмотрѣть внимательно, какой человѣкъ, въ какое время и въ какихъ обстоятельствахъ сдѣлалъ доброе дѣло.

Иногда *безпорочность* достойна похвалы гораздо больше, нежели самая *добродѣтель*. Богатый человѣкъ, не разстроивая нимало своего состоянія, помогъ бѣдному нѣкоторымъ подаяніемъ. Угнетенный нищетою возвратилъ отданную ему на сохраненіе вещь, о которой никто не зналъ, что она у него въ сохраненіи. Одинъ изъявилъ *добродѣтель*, другой *безпорочность*; но которая должна бо́льшаго почтенія? Можно сказать, что *безпорочность* бѣднаго есть уже *добродѣтель*; а *добродѣтель* богатаго есть только что *безпорочность*.

Сверхъ сихъ качествъ, долженствующихъ руководствовать нашими дѣлами, есть третіе, весьма достойное вниманія: *честь*.

Безпорочный бываетъ таковымъ по воспитанію, для собственныхъ выгодъ и повинуясь законамъ; *добродѣтельный* слѣдуетъ часто въ дѣлахъ своихъ разсужденію; но *честный* человѣкъ не закону повинуется, не разсужденію слѣдуетъ, не примѣрамъ подражаетъ: въ душѣ его есть нѣчто величавое, влекущее его мыслить и дѣйствовать благородно. Онъ, кажется, самъ себѣ законодателемъ. Въ немъ нѣтъ робости, подавляющей въ слабыхъ душахъ самую добродѣтель. Онъ никогда не бываетъ орудіемъ порока. Онъ въ своей добродѣтели самъ на себя твердо полагается.

Лѣнивый, праздный.

Лѣнивый бываетъ, кажется, таковымъ больше отъ расположенія тѣла, а *праздный* больше отъ расположенія души. *Лѣнивый* боится при дѣлѣ труда, а *праздный* не терпитъ самаго дѣла. Трудолюбивый становится иногда *лѣнивымъ*, но не *праздным*; ибо *праздный* отъ роду не бывалъ трудолюбивымъ. *Лѣнивый*, побѣждая свой порокъ любочестіемъ, можетъ быть отечеству весьма полезенъ своею службою; *праздный* шатается обыкновенно или безъ дѣла у двора,

или въ непрестанныхъ отпускахъ, или не служа въ отставкѣ, и исчезаетъ съ именемъ презрительнаго тунеядца.

Запамятовать, забыть, предать забвенію.

Запамятовалъ тотъ, кто не можетъ вспомнить. *Забылъ*, кто совсѣмъ потерялъ память о какой нибудь вещи или дѣлѣ. *Предать забвенію* есть никогда не вспоминать.

Можно *запамятовать* имя судьи, который грабитъ; но трудно забыть, что онъ грабитель, и само правосудіе обязано преступленіе его не *предавать забвенію*.

Власть можетъ повелѣть такое-то дѣло *предать забвенію;* но нѣтъ на свѣтѣ власти, которая могла бы повелѣть то же самое дѣло не только *забыть*, ниже *запамятовать*.

Совершить, окончить, прекратить.

Совершить есть додѣлать то, чего много уже сдѣлано. *Оканчиваютъ* начатое, продолжая работу. *Прекращаютъ* тѣ, кои недоконченное прерываютъ, или вовсе уничтожаютъ.

Чтобъ написанная купчая имѣла свое дѣйствіе, необходимо надобно оную *совершить*. Тяжбу начать легко, да *окончать* трудно. Совѣстный судъ преклоняетъ судимыхъ *прекращать* распри примиреніемъ.

Званіе, чинъ, санъ.

Званіе есть должность, въ службѣ отправляемая, или мѣсто въ службѣ занимаемое. *Чины*, суть степени чести, на которыя государь достойныхъ людей возводитъ. *Санъ* есть верховное достоинство, сопряженное съ важнѣйшимъ государственнымъ служеніемъ. *Званіе*, напримѣръ, засѣдателя, предсѣдателя, предводителя. *Чинъ* прапорщика, маіора, бригадира. *Санъ* намѣстника, военачальника, градоначальника и проч.

Можно имѣть *званіе* безъ *чина*, но стыдно брать *чины* безъ *званія*. Кто въ большомъ *санѣ* не имѣетъ большой души, тотъ не возбудитъ никогда къ себѣ внутренняго почтенія.

Въ званіе опредѣляютъ, *чиномъ* жалуютъ, *саномъ* облекаютъ.

Не можно сказать: онъ пожалованъ засѣдателемъ; ибо въ одномъ мѣстѣ можетъ засѣдать и поручикъ и генералъ-поручикъ. Нельзя сказать: онъ опредѣленъ бригадиромъ; ибо, будучи пожалованъ въ сей *чинъ*, можетъ оставаться при

тотъ же *званіи*, въ которое опредѣленъ былъ въ прежнемъ своемъ *чинѣ*. *Санъ* обыкновенно облекаются большихъ чиновъ особы; но не всякій большой *чинъ* есть *санъ*, ибо не всякій большой *чинъ* налагаетъ важное государственное служеніе. Есть большіе *чины*, въ которыхъ нѣтъ никакой нужды имѣть большихъ достоинствъ, а достигаютъ до нихъ иногда одною знатностію породы, которая есть самая мѣньшая изъ всѣхъ человѣческихъ достоинствъ.

Правота, правосудіе.

Правота есть добродѣтель, влекущая насъ отдавать каждому справедливость. *Правосудіе*, кажется, опредѣлено награждать и наказывать сходственно съ закономъ. Судья не властенъ внимать *правотѣ* своей, а повиненъ слѣдовать *правосудію*, то-есть закону. *Правосудіе* есть главное достоинство судьи; но *правота* должна быть главная добродѣтель государя; ибо онъ своею *правотою* властенъ умягчать излишнюю строгость *правосудія*.

Суевѣръ, ханжа, пустосвятъ, святоша, лицемѣръ.

Суевѣръ есть тотъ, котораго вѣра противна разсудку и здравымъ понятіямъ о вышнемъ существѣ. *Ханжа* считаетъ въ душѣ своей угодить Богу наблюденіемъ всѣхъ мелочей, изобрѣтенныхъ суевѣріемъ. *Пустосвятъ* полагаетъ святость въ одной пустотѣ, то-есть, въ дѣйствіяхъ, не составляющихъ никакого истиннаго Богу угожденія. *Святоша* выдаетъ себя всенародно за человѣка, прилѣпленнаго къ единой святости. Притворно-набожный называется *лицемѣръ*.

Ханжа таскается вседневно по церквамъ, поетъ молебны не святымъ, но образамъ; ибо къ одному образу святаго имѣетъ всю теплую вѣру, а къ другому того же святаго никакой. *Пустосвятъ* почти никогда къ обѣднѣ не поспѣваетъ. Онъ бѣжитъ въ церковь отнюдь не за тѣмъ, чтобъ съ умиленіемъ сердечнымъ Богу помолиться, но чтобъ перецѣловать всѣ иконы, которыя губами достать можетъ. *Святоша* бродитъ босикомъ, въ волосяной рубашкѣ, иногда и въ веригахъ. *Суевѣръ* есть несчастнѣйшее созданіе. Онъ всеминутно боится Бога, не какъ судію праведнаго, но какъ судію грознаго. Все кажется ему предвѣщаніемъ божескаго гнѣва. Онъ трепещетъ днемъ отъ примѣтъ, ночь отъ сновидѣній.

Онъ считаетъ себя всегда предъ Богомъ безъ вины виноватымъ. Подкрѣплять и распростанять суевѣріе есть ремесло *мнемтровъ*.

Въ, во, на.

Нѣкоторые писатели почитаютъ правиломъ *въ* писать предъ словомъ начинающимся съ гласной буквы, напр. *въ* опасности, *въ* естествѣ, *въ* Очаковѣ; а *во* предъ словомъ, начинающимся съ согласной, наприм. *во* Франціи, *во* славѣ, *во* гнѣвѣ; но мнѣ кажется, что обычай и слухъ дѣлаютъ такое множество исключеній изъ сего правила, что онаго и правиломъ назвать нельзя.

Смѣшно было бы говорить и писать: *во* Москвѣ, *во* порокѣ, *во* глинѣ. Напротивъ того, въ самыхъ важныхъ сочиненіяхъ читаемъ: *во* услышаніе, *во* Апостолахъ, *во* Израили, и проч.

Обычай иногда позволяетъ *на* употреблять вмѣсто *въ* и *во*, напр. вмѣсто: живу *въ* Москвѣ, *въ* Кубани, *въ* Луговой, идемъ *въ* рынокъ, *въ* поле, — говорится: живу *на* Москвѣ, *на* Кубани, *на* Луговой, идемъ *на* рынокъ, *на* поле, и проч.

Умъ, разумъ, разумѣніе, смыслъ, разсудокъ, разсужденіе, дарованіе, понятіе, воображеніе, толкъ.

Всѣ сіи названія, изображающія качества души, не имѣютъ никакого опредѣленнаго знаменованія. Всякій произноситъ оныя, какъ самъ понимаетъ. Одинъ *умомъ* называетъ *дарованіе;* другой чрезъ *дарованіе* разумѣетъ *понятіе;* иной *смыслъ* мѣшаетъ съ *толкомъ;* иной *толкъ* именуетъ *разумѣніемъ*. Словомъ, надобно изъ содержанія всей рѣчи распознавать, въ какомъ означеніи употреблено таковое названіе. Сіе неудобство происходитъ не отъ недостатковъ нашего языка, но отъ человѣческаго о душѣ незнанія, ибо какъ можно понимать ясно качества такого существа, которое само собою для насъ непостижимо? Часто, какъ-будто въ доказательство превосходства французскаго языка предъ нашимъ, спрашиваютъ: какъ перевести по-русски esprit? Но прежде нежели сіе слово переводить, надлежитъ узнать, что̀ чрезъ оное сами французы разумѣютъ. Гельвецій, прославившійся сочиненіемъ своимъ по сей матеріи, начинаетъ свою книгу точно сими словами: «On dispute tous les jours sur ce qu'on doit appeller esprit: chacun dit son mot; personne n'attache les mêmes idées à ce mot; et tout le monde parle sans

s'entendre (*). Послѣ сего можно ли требовать, чтобъ сіе слово на какой-нибудь языкъ переведено быть могло?

Читая наши духовныя книги и лучшихъ писателей, старался я примѣтить, въ какомъ знаменованіи въ нихъ сіи названія приняты. Здѣсь сообщаю мои примѣчанія.

Изъ всѣхъ изображенныхъ качествъ души, *умъ* кажется главнѣйшимъ, ибо содержитъ въ себѣ все пространство понятія, всю силу воображенія и всю дѣйствительность души. Апостолъ Павелъ, говоря о Богѣ, вопрошаетъ: кто разумѣ *умъ* Господень? Небесные духи названы въ священномъ писаніи: небесные *умы*.

Разумъ, кажется, примѣнить можно къ зрѣнію. Онъ есть душевное наше око. Объ немъ судить надобно какъ о тѣлесномъ, то-есть, по его ясности, быстротѣ, или объемлемому имъ пространству.

Нѣкоторые думаютъ, что *разумъ* превосходнѣе *ума* для того, что частица *раз* значитъ будто усугубленіе; но мнѣ кажется сіе мнѣніе несправедливымъ, ибо частица *раз* иногда вмѣсто усугубленія значитъ уничтоженіе, напр. *разстроить* не значитъ больше строить, но, напротивъ того, значитъ построенное разрушить. Впрочемъ производимые отъ ума и разума глаголы, кажется, могутъ рѣшить, которое изъ сихъ словъ важнѣе. Кто *умѣетъ*, тотъ всеконечно разумѣетъ, но не всякій тотъ *умѣетъ*, кто лишь только *разумѣетъ*.

Разумѣніемъ называется способность примѣчать безчисленныя отношенія во всеобщей стройности вещей. *Смыслъ* есть первая и самая меньшая степень познанія, или первое впечатлѣніе души, дѣйствіемъ чувствъ производимое. *Разсудокъ* есть та естественная способность, коею люди одарены отъ Бога для познанія истины. *Разсужденіемъ* называется дѣйствіе души, судящее о пристойности и непристойности идей человѣческихъ. *Дарованіемъ* именуемъ отмѣнную къ чему-нибудь способность, естественную или пріобрѣтенную. *Понятіе* есть душевная способность мыслить или получать идеи. Чрезъ *воображеніе* разумѣемъ ту силу, которою всякое чувствительное существо имѣетъ представлять въ разумѣ

(*) Вседневно о томъ спорятъ, что должно называть словомъ esprit. Всякій о немъ по своему толкуетъ; никто не присвоетъ одинакихъ къ нему понятій. Всѣ говорятъ о немъ, не разумѣя другъ друга. *Ф. В.*

своемъ вещи, чувствамъ подверженныя. *Толкъ* есть способность вникать.

Къ объясненію сихъ названій, можетъ быть, послужитъ исторія извѣстнаго Глупона. Съ самаго младенчества онъ ничего не обѣщалъ. Будучи трехъ лѣтъ, едва имѣлъ онъ *смыслъ* годоваго младенца. Учился грамотѣ такъ плохо, что не оставалось никакого сомнѣнія о худомъ его *понятіи*. Начали было учить его и рисовать, но бросили, увидя, что не имѣетъ онъ ни малѣйшаго *разумѣнія*; а какъ многіе Глупоны охотники писать стихи, то и нашъ напуталъ превеликую оду, въ которой не было ниже искры *воображенія*. Словомъ, во всю свою молодость за что̀ ни принимался, все доказывало, что природа не дала ему никакого *дарованія*. Вышедъ изъ училища, сдѣлался онъ господиномъ своихъ поступокъ и повелъ себя такъ дурно, что ни одной своей страсти не хотѣлъ или, паче сказать, не умѣлъ подчинить *разсудку*. Вошедъ въ службу, выпросилъ себѣ судейское мѣсто, но чрезъ нѣсколько дней всѣ приказные служители, даже до послѣдняго подъячаго, стали смѣяться *разсужденію* своего начальника. Въ обществахъ съ нимъ также странное случалось. Тѣ слова, кои въ устахъ людей острыхъ казались наполненными *разума*, тѣ же самыя слова въ устахъ Глупона казались величайшимъ дурачествомъ. Счастливъ бы онъ былъ, еслибъ остался въ посредственномъ состояніи. Никому не было бы нужды обращать на него особливаго вниманія, но слѣпой случай сдѣлалъ Глупона знатнымъ господиномъ и онъ впутался въ дѣла. Тутъ уже вся публика скоро усмотрѣла и единогласно заключила, что въ немъ *толку* мало, *ума* не бывало.

Всегда, непрестанно.

Всегда значитъ во всякое время, при всякихъ случаяхъ, во всякомъ положеніи. *Непрестанно* значитъ безъ остановки, безъ прерыванія. Не тотъ писатель хорошъ, кто пишетъ *непрестанно*, но тотъ, кто пишетъ *всегда* хорошо.

Писецъ, писатель, сочинитель, творецъ.

Писецъ называется тотъ, кто сочиняетъ свое, или чужое переписываетъ. *Писатель*—кто сочиняетъ прозою. *Сочинитель*—кто пишетъ стихами и прозою. *Творецъ*—кто написалъ знаменитое сочиненіе стихами или прозою.

Говорится: *писецъ* исправный, *писатель* древній или новый *сочинитель* знаменитый, *творецъ* славный.

У насъ въ древности *писцовъ* было мало; изъ нихъ отличился *Несторъ*, *писатель* Россійской Исторіи. Между *сочинителями* нынѣшняго вѣка славенъ Ломоносовъ, *творецъ* лучшихъ одъ на россійскомъ языкѣ.

Намѣреніе, предпріятіе, замыселъ, умыселъ.

Положенное на мѣрѣ достиженіе какого-нибудь вида, или цѣли, называется *намѣреніе;* когда оно взято и расположено, бываетъ *предпріятіе;* когда оно хитро, именуется *замысломъ;* когда исполненіе онаго почитается преступленіемъ, есть *умыселъ*. *Намѣреніе* и *предпріятіе* такъ въ своемъ знаменованіи разнятся, что весьма правильно и нерѣдко употребляемъ выраженіе: я *предпріялъ намѣреніе*.

Честный человѣкъ никогда не *предпріемлетъ* безчестнаго *намѣренія*; ибо, для исполненія онаго, умъ его ни къ какимъ *замысламъ* не обратится и въ душѣ его всякій *умыселъ* ужасъ производитъ.

Письмо, грамота, посланіе.

Подъ сими именами разумѣется всякая переписка между людьми разныхъ состояній. Чрезъ *письма* сообщаютъ мысли свои люди всякаго званія: и государь къ подданному, и подданный къ государю посылаетъ *письма*; но *грамоты* пишутъ одни государи. *Письма* древнихъ называются *посланіями*.

Вольтеровы *письма* наполнены остротою; *грамота* Филиппова къ Аристотелю вниманія достойна; *посланія* святаго Павла богодухновенны.

Стихотворныя сочиненія, подъ именемъ эпистолъ, недавно начали называть *посланіями*.

Влюбленный, любовникъ, любитель.

Тотъ *влюбленъ*, кто въ сердцѣ своемъ страсть любви ощущаетъ; но *любовникъ* только тотъ, кто въ своей страсти изъяснился. Часто случается видѣть *влюбленныхъ*, которые не смѣютъ казаться *любовниками;* но не рѣже видимъ *любовниковъ*, которые никогда *влюблены* не бывали. Слово *любитель* не принадлежитъ до любовной страсти. Также смѣшно

было бы сказать: онъ ея *любитель*, какъ онъ *любовникъ* наукъ и художествъ.

Животное, скотъ.

Все то созданіе, которое имѣетъ душу живу, называется *животное*. Слѣдственно человѣкъ и *скотъ* подъ сіе названіе подходятъ. Но если человѣкъ называется въ добромъ смыслѣ *животнымъ*, то *скотомъ* иначе не именуется, какъ въ дурномъ смыслѣ, то есть, когда разсудокъ управляетъ имъ не больше какъ *скотомъ*.

Люди и *скоты*, составляющіе родъ *животныхъ*, имѣютъ между собою ту разницу, что *скотъ* никогда человѣкомъ сдѣлаться не можетъ, но человѣкъ иногда добровольно становится *скотомъ*. «Человѣкъ въ чести сый, не разумѣ; приложися *скотомъ* несмысленнымъ, и уподобися имъ.»

Милый, любезный.

Милъ, кто любимъ; *любезенъ*, кто любви достоинъ. *Любезный* человѣкъ можетъ быть не *милъ* и *милый* не *любезенъ*. Впрочемъ, слово *любезный* относится къ однимъ людямъ, а *милый* и къ вещамъ неодушевленнымъ. Говорится: ему не *милы* ни чины, ни деньги, но нельзя сказать: ему ни деньги, ни чины не *любезны*.

Ревность, ревнованіе.

Ревность есть душевное страданіе, происходящее отъ того, когда видимъ благо, желаемое для самихъ насъ, въ обладаніи у другаго. Сіе слово употребляется болѣе всего, когда рѣчь идетъ о любви. *Ревнованіе* есть родъ *ревности*, возбуждающее насъ съ кѣмъ-нибудь поравняться, или кого превзойтить въ чемъ ни есть похвалы достойномъ. Человѣкъ, котораго сердце растерзано *ревностію*, не можетъ въ тожъ самое время удобенъ быть къ *ревнованію* въ дѣлахъ великихъ.

Домъ, дворъ.

Домъ есть зданіе для обитанія. *Дворъ* есть мѣсто, окруженное стѣнами или зданіями, составляющее часть дома. Нерѣдко случается, что у большаго *дома дворъ* весьма малый. *Дворъ* также значитъ придворныхъ господъ и служи-

телей; а *домъ* — знаменитое поколѣніе. Въ нѣмецкой землѣ нѣмецкіе *домы* свои *дворы* имѣютъ.

Миръ, *тишина*, *покой*.

Всѣ сіи слова знаменуютъ состояніе, никакому волненію не подверженное; но *миръ* означаетъ оное относительно ко внѣшнимъ непріятелямъ; *тишина* — къ будущему или прошедшему приключенію; *покой* изображаетъ сіе состояніе безъ всякаго отношенія.

Худой *миръ* лучше доброй брани. Исцѣля себя отъ ложнаго любочестія, пошелъ въ отставку и живу въ *покоѣ*. *Тишина* часто бурю предвѣщаетъ.

Въ церковныхъ книгахъ нерѣдко находимъ выраженія: *миръ* ти, Евангеліе *мира*, Князь *мира*, успе въ *мирѣ*; слѣдственно берется за союзъ, согласіе, добрую совѣсть, блаженство. Давидъ, раздробляя понятія свои о добромъ правленіи, говоритъ, что въ немъ «милость и истина срѣтостася, правда и *миръ* облобызастася» (*a*).

ПРИМѢЧАНІЕ

НА КРИТИКУ,

НАПЕЧАТАННУЮ НА 113 И 114 СТРАНИЦАХЪ II-Й ЧАСТИ СОВЕСѢДНИКА, КАСАЮЩУЮСЯ ДО ОПЫТА РОССІЙСКАГО СОСЛОВНИКА.

—

126 стр. «*Ветхій* (vetus), *древній* и *старый*», говоритъ г. критикъ, одинакое имѣютъ значеніе и въ одинакомъ берутся смыслѣ; наприм. ветхій, древній, и старый завѣтъ. Но только въ томъ разнятся, что ветхій относится къ тлѣнной матеріи, древній ко времени, а старый къ гніючему или разрушающемуся существу.

Не понимаю, что значитъ сіе примѣчаніе и какую разность находитъ критикъ между тлѣнною матеріею и гніючимъ или разрушающимся существомъ.

127 стр. «*Проманивать* по этимологическому разбору тоже, что и *проводить*. Но къ значенію, какое дано первому, лучше подходитъ *обольщать*.»

Г. критикъ не сказываетъ того только, по какому этимологическому разбору *проманивать* значитъ тоже, что и *проводить*, и почему къ значенію, которое дано первому, лучше подходитъ *обольщать*.

128. «*Учредить*, *установить*, *устроить*, въ одинакомъ принимаются смыслѣ; напр. можно сказать: *учредить*, *установить*, *устроить* порядокъ.

Не спорю, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сіи глаголы можно употреблять безъ разбору: но гораздо больше случаевъ, а особливо въ важныхъ и разсужденіемъ наполненныхъ сочиненіяхъ, гдѣ сіи глаголы одинъ вмѣсто другаго употреблены быть не могутъ. Господину критику думается, что буде надобно цвѣтъ зеленый, то всякій зеленый цвѣтъ хорошъ. Нѣтъ; часто бываетъ весьма нужно подобрать тѣни онаго, чтобъ удовольствовать глаза пріятнымъ видомъ; но разумъ, душевное наше око, можетъ ли быть доволенъ, когда мысль изображена словами, не выражающими всю ея тонкость?

«Синонимы изобрѣтены на тотъ конецъ, чтобъ попеременно употреблять въ пространныхъ сочиненіяхъ одни и тоже значущія слова, а не для превращенія оныхъ въ другой смыслъ.»

Сіи разсужденіе госп. критика жалко слышать. Уже давно рѣшено философами, что однихъ и тоже значущихъ словъ нѣтъ на свѣтѣ; какъ же быть имъ изобрѣтенными на тотъ конецъ, чтобъ въ пространныхъ сочиненіяхъ употреблять ихъ попеременно? Если станемъ разсматривать, въ чемъ состоитъ сходство синонимовъ, то найдемъ, что одно слово не объемлетъ никогда всего пространства и всей силы знаменованія другаго слова, и что все сходство между ними состоитъ только въ главной идеѣ. Неужели многословіе составляетъ изобиліе языка? И какое было бы его дурацкое богатство, если бъ десять или больше словъ изображали въ немъ одну только идею? Тутъ память бы лишь тщетно обременялась. Тутъ одинъ бы слухъ чувствовалъ разность въ звукѣ словъ, но разумъ не вкушалъ бы никакого удовольствія, не ощущая ни силы, ни точности, ни пространства, ни тонкости, каковыя могутъ имѣть человѣческія мысли. Судя по такой критикѣ, я думаю, что если бъ г. критикъ былъ поваръ, то бъ конечно въ большой обѣтъ поставилъ онъ съ однимъ кушаньемъ блюдъ тридцать.

130. «*Шалъ* можетъ быть и весьма умный человѣкъ, но, по многокровному и пылкому сложенію своему, трогаясь мелочью, выступаетъ изъ границъ благопристойности.»

Шалъ конечно не дуракъ, но не могу безъ добрыхъ порукъ повѣрить критику, чтобъ *шалъ* могъ быть весьма умный человѣкъ; напротивъ того, мнѣ кажется, что весьма умный человѣкъ никогда не унизитъ себя быть *шалью*. Я также думаю, что кто, по многокровному и пылкому сложенію своему, трогаясь мелочью, какъ напр. маленькими грамматическими ошибками, выступаетъ изъ границъ благопристойности, критикуя то, чего не понимаетъ, тотъ отнюдь не можетъ назваться *шалью:* надлежитъ пріискать для него въ синонимахъ другое имя.

«*Глупецъ* тотъ, который не соображаетъ дѣйствій съ послѣдствіями; а не тотъ, котораго умъ ограниченъ.»

Издатель Опыта Россійскаго Сословника никогда не сказывалъ, чтобъ *глупецъ* былъ тотъ, котораго умъ ограниченъ. Онъ сказалъ, что глупецъ тотъ, котораго умъ *весьма* ограниченъ. Слово *весьма* критикъ или не прочиталъ, или съ намѣре-

ніемъ пропустилъ. Въ первомъ случаѣ дурно критиковать, не выучась читать; въ другомъ же, умышленное пропущеніе такого слова, которое содержитъ въ себѣ всю важность и смыслъ періода, не доказывало бы доброй его совѣсти. Отъ пропущенія слова *весьма* вышло не только великое дурачество, но еще выведено критикомъ глупѣйшее заключеніе. «Потому и всѣ мы», *говоритъ онъ*, «должны назваться глупцами, имѣя отъ природы ограниченные умы.»

Всего смѣшнѣе, что сіе нелѣпое заключеніе выходитъ необходимо изъ объясненія, которое самъ критикъ даетъ слову *глупецъ*. Онъ говоритъ, что глупецъ тотъ, который не соображаетъ дѣйствій съ послѣдствіями, но какъ отъ сего точно несоображенія всѣ люди дѣлаютъ ошибки, то изъ мнѣніи Г. критика выходитъ необходимо, что и всѣ люди должны назваться глупцами.

«Для изслѣдованія такихъ рѣченій нужно знать Философію.»

Сіе напоминаніе весьма забавно въ устахъ такого критика, который не умѣлъ и прочитать того, что критикуетъ.

Желательно, чтобъ изъ сихъ примѣчаній почерпнулъ критикъ внутреннее себѣ убѣжденіе, что для критики не довольно поучиться въ гимназіи логикѣ школьной, но надлежитъ имѣть природную, безъ которой первая не стоитъ ничего.

ВОПРОСЫ ФОНЪ-ВИЗИНА

И ОТВѢТЫ

СОЧИНИТЕЛЯ БЫЛЕЙ И НЕБЫЛИЦЪ (*)

(Императрицы Екатерины II).

ВОПРОСЫ.	ОТВѢТЫ.
1. Отъ чего у насъ спорятъ сильно въ такихъ истинахъ, кои нигдѣ уже не встрѣчаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія?	*На 1.* У насъ, какъ и вездѣ, всякій споритъ о томъ, что ему не нравится или непонятно.
2. Отъ чего многихъ добрыхъ людей видимъ въ отставкѣ?	*На 2.* Многіе добрые люди вышли изъ службы, вѣроятно для того, что нашли выгоду быть въ отставкѣ.
3. Отъ чего всѣ въ долгахъ?	*На 3.* Отъ того въ долгахъ, что проживаютъ болѣе, нежели дохода имѣютъ.
4. Если дворянствомъ награждаются заслуги, а къ заслугамъ отверзто поле для всякаго гражданина, отъ чего же никогда не достигаютъ дворянства купцы, а всегда или заводчики, или откупщики?	*На 4.* Одни, бывъ богатѣе другихъ, имѣютъ случай оказать какую нинаесть такую заслугу, по которой получаютъ отличіе.

(*) Помѣщены въ III ч. «Собесѣдника Любителей Російскаго Слова», при слѣдующемъ письмѣ къ издателямъ:

«Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова, подъ надзираніемъ почтенныя Наукъ Покровительницы, есть и долженъ быть хранилищемъ тѣхъ произведеній разума, кои приносить могутъ столько увеселенія, сколько и дѣйствительной пользы. Издатели онаго не боятся отверзать двери истинѣ; почему и беру вольность представить имъ для напечатанія нѣсколько вопросовъ, могущихъ возбудить въ умныхъ и честныхъ людяхъ особливое вниманіе. Буде оные напечатаются, то продолженіе послѣдуетъ впредь и немедленно. Публика заключитъ тогда, по справедливости, что если можно вопрошать прямодушно, то можно и отвѣчать чистосердечно. Отвѣты и рѣшенія наполнять будутъ Собесѣдника и составлять неизсыхаемый источникъ разныхъ свѣдѣній, извлекающихъ со дна истину, толь возлюбленную Монархинѣ нашей» (45).

5. Отъ чего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній правительства?

На 5. Для того, что вольныхъ типографій до 1782 года не было.

6. Отъ чего не только въ Петербургѣ, но и въ самой Москвѣ перевелися общества между благородными?

На 6. Отъ размножившихся клобовъ.

7. Отъ чего главное стараніе большей части дворянъ состоитъ не въ томъ, чтобъ поскорѣй сдѣлать дѣтей своихъ людьми, а въ томъ, чтобъ поскорѣе сдѣлать ихъ, не служа, гвардіи унтеръ-офицерами?

На 7. Одно легче другаго.

8. Отъ чего въ нашихъ бесѣдахъ слушать нечего?

На 8. Отъ того, что говорятъ небылицу.

9. Отъ чего извѣстные и явные бездѣльники принимаются вездѣ равно съ честными людьми?

На 9. Отъ того, что на судѣ не изобличены.

10. Отъ чего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?

На 10. Отъ того, что сіе не есть дѣло всякаго.

11. Отъ чего знаки почестей, долженствующіе свидѣтельствовать истинныя отечеству заслуги, не производятъ по большой части къ носящимъ ихъ ни малѣйшаго душевнаго почтенія?

На 11. Отъ того, что всякій любитъ и почитаетъ лишь себѣ подобнаго, а не общественныя и особенныя добродѣтели.

12. Отъ чего у насъ не стыдно не дѣлать ничего?

На 12. Сіе не ясно: стыдно дѣлать дурно, а въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего.

13. Чѣмъ можно возвысить упадшія души дворянства? Какимъ образомъ выгнать изъ

На 13. Сравненіе прежнихъ временъ съ нынѣшними покажетъ несомнѣнно, колико

сердецъ нечувственность къ души ободрены, либо упали; достоинству благороднаго самая наружность, походка и званія? Какъ сдѣлать, чтобъ проч. то уже оказываетъ. почтенное титло дворянина было несомнѣннымъ доказательствомъ душевнаго благородства?

14. Имѣя Монархиню честнаго человѣка, что бы мѣшало взять всеобщимъ правиломъ: удостоиваться Ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться проискивать ихъ обманомъ и коварствомъ?

На 14. Для того, что вездѣ, во всякой землѣ и во всякое время, родъ человѣческій совершеннымъ не родится.

15. Отъ чего въ прежнія времена шуты, щпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣче имѣютъ и весьма большіе?

На 15. Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли. N. B. Сей вопросъ родился отъ *свободоязычія*, котораго предки наши не имѣли; буде же бы имѣли, то начли бы на нынѣшняго одного десять преждебывшихъ.

16. Отъ чего многіе пріѣзжіе изъ чужихъ краевъ, почитавшіеся тамо умными людьми, у насъ почитаются дураками; и на оборотъ: отъ чего здѣшніе умницы въ чужихъ краяхъ часто дураки?

На 16. Отъ того, что вкусы разные и что всякій народъ имѣетъ свой смыслъ.

17. Гордость большой части бояръ гдѣ обитаетъ: въ душѣ или въ головѣ?

На 17. Тамо же, гдѣ нерѣшимость.

18. Отъ чего въ Европѣ весьма ограниченный человѣкъ въ состояніи написать письмо вразумительное и отъ чего у насъ часто преострые люди пишутъ такъ безтолково?

На 18. Отъ того, что тамо, учась слогу, одинако пишутъ; у насъ же всякъ мысли свои, не учась, на бумагу кладетъ.

19. Отъ чего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостію, потомъ же оставляются, а нерѣдко и совсѣмъ забываются?

На 19. По той же причинѣ, по которой человѣкъ старѣется.

20. Какъ истребить два сопротивные и оба вреднѣйшіе предразсудки: первый, будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй, будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо?

На 20. Временемъ и знаніемъ.

21. Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?

На 21. Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи и въ корени всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ.

ЧЕЛОБИТНАЯ.

РОССІЙСКОЙ МИНЕРВѢ

ОТЪ

Россійскихъ Писателей.

—

ПО ТИТУЛѢ.

Бьютчеломъ Россійскіе Писатели; а о чемъ наше прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1.

Подъ владѣніемъ ВАШЕГО БОЖЕСТВЕННАГО ВЕЛИЧЕСТВА находимся слишкомъ двадцать лѣтъ, въ теченіе коихъ никакихъ обидъ и притѣсненій отъ лица ВАШЕГО намъ именованнымъ не учинено; напротивъ же того, всякое ободреніе и покровительство отъ священныя Особы ВАШЕЯ намъ изъявляемо было.

2.

Но какъ ВАШЕ БОЖЕСТВЕННОЕ ВЕЛИЧЕСТВО правите своей землею своимъ умомъ, то и не удивительно, что часто предстоитъ ВАМЪ трудъ поправлять своимъ просвѣщеніемъ людское невѣжество и своей мудростію людскую глупость. Сею высочайшею милостію пользовались, и нынѣ пользуются, всѣ тѣ вѣрноподданные ВАШЕГО БОЖЕСТВЕННАГО ВЕЛИЧЕСТВА, кои достигли до знаменитости, не будучи сами умомъ и знаніемъ весьма знамениты.

3.

Сіи самые знаменитые невѣжды, заемля свѣтъ отъ лучей ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, возмечтали о себѣ, что сіяніе дѣлъ, ВАМИ руководствуемыхъ, происходитъ яко бы отъ искръ ихъ собственной мудрости; ибо, возвышаяся на степени, забыли они совершенно, что умы ихъ суть умы жалованные, а не родовые и что по статнымъ спискамъ всегда справиться можно, кто изъ нихъ и въ какой торжественный день пожалованъ въ умные люди.

4.

Отъ сего возмечтанія родилось въ душахъ реченныхъ невѣждъ внутреннее удостовѣреніе, что къ отправленію дѣлъ ни въ какихъ знаніяхъ нужды нѣтъ, ибо де мы сами въ дѣлахъ, безъ малѣйшаго въ нихъ знанія. Мы, именованные, пріемля сіе ихъ признаніе за справедливое, понеже и въ силу закона собственное признаніе есть наилучшее всѣхъ доказательствъ, дерзаемъ представить ВАШЕМУ БОЖЕСТВЕННОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, что помянутые невѣжды, произносящіе съ крайнимъ безстдыствомъ и въ похвальбу себѣ таковое признаніе, употребляютъ во зло знаменитость своего положенія, къ тяжкому предосужденію словесныхъ наукъ и къ нестерпимому притѣсненію насъ именованныхъ. Они, исповѣдуя другъ другу невѣдѣніе свое въ вещахъ, которыхъ не вѣдать стыдно во всякомъ состояніи, постановили между собою условіе: всякое знаніе, а особливо словесныя науки, почитать не иначе какъ уголовнымъ дѣломъ. Въ слѣдствіе чего учинили они между собою опредѣленіе, которое, въ противность высочайшихъ учрежденій, намъ именованнымъ при открытыхъ дверяхъ не прочитали и безъ всякихъ обрядовъ къ дѣйствительному онаго исполненію нагло приступили. Сіе беззаконное опредѣленіе ихъ состоитъ, какъ мы стороною узнали, въ нижеслѣдующихъ пунктахъ: 1. Всѣхъ упражняющихся въ словесныхъ наукахъ къ дѣламъ не употреблять. 2. Всѣхъ таковыхъ, при дѣлахъ уже находящихся, отъ дѣлъ отрѣшать (46).

И дабы ВАШЕГО БОЖЕСТВЕННАГО ВЕЛИЧЕСТВА указомъ повелѣно было сіе наше прошеніе принять и таковое беззаконное и рѣкъ нашъ ругающее опредѣленіе отмѣнить; насъ же, яко грамотныхъ людей, повелѣть по способностямъ къ дѣламъ употреблять, дабы мы, именованные, служа Россійскимъ музамъ на досугѣ, могли главное жизни нашей время посвятить на дѣло для службы ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ВЕЛИКАЯ БОГИНЯ! просимъ ВАШЕ БОЖЕСТВЕННОЕ ВЕЛИЧЕСТВО о семъ нашемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Къ поданію надлежитъ въ Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова. Прошеніе писалъ россійскихъ музъ служитель *Иванъ Нельстецовъ*.

КЪ Г. СОЧИНИТЕЛЮ
БЫЛЕЙ и НЕБЫЛИЦЪ
отъ
СОЧИНИТЕЛЯ ВОПРОСОВЪ.

—

По отвѣтамъ вашимъ вижу, что я нѣкоторые вопросы не умѣлъ написать внятно, и для того покорно васъ прошу принять здѣсь мое объясненіе.

Въ разсужденіи вопроса о нечувственности къ достоинству благороднаго званія, позвольте мнѣ сказать вамъ, государь мой, что разумъ онаго совсѣмъ другой, нежели въ какомъ, повидимому, вы его принимаете. Если вы мой согражданинъ, то кто бы вы ни были, можете быть увѣрены, что я ни вамъ и ни кому изъ моихъ согражданъ не уступлю въ душевномъ чувствованіи всѣхъ неисчетныхъ благъ, которыя въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ изливаются на благородное общество. Надобно быть извергу, чтобъ не признавать, какое ободреніе душамъ подается. Мой вопросъ точно отъ того и произошелъ, что я пораженъ былъ тою нечувственностію, которую къ сему самому ободренію изъявляютъ многіе злонравные и невоспитанные члены сего почтеннаго общества. Мнѣ случилось по своей землѣ поѣздить. Я видѣлъ, въ чемъ большая часть носящихъ имя дворянина полагаетъ свое любочестіе. Я видѣлъ множество такихъ, которые служатъ, или паче занимаютъ мѣста въ службѣ для того только, что ѣздятъ на парѣ. Я видѣлъ множество другихъ, которые пошли тотчасъ въ отставку, какъ скоро добились права впрягать четверню. Я видѣлъ отъ почтеннѣйшихъ предковъ презрительныхъ потомковъ. Словомъ, я видѣлъ дворянъ раболѣпствующихъ. Я дворянинъ, — и вотъ что растерзало мое сердце. Вотъ что по-

двигло меня сдѣлать сей вопросъ. Легко станется, что я не умѣлъ положить его на бумагу, какъ думалъ; но я думалъ честно и имѣю сердце, пронзенное благодарностію и благоговѣніемъ къ великимъ дѣяніямъ всеобщія нашея благотворительницы. Ласкаюсь, что всѣ тѣ честные люди, отъ коихъ имѣю счастіе быть знаемъ, отдадутъ мнѣ справедливость, что перо мое никогда не было и не будетъ омочено ни ядомъ лести, ни желчью злобы.

Вседушевно благодарю васъ за отвѣтъ на мой вопросъ: «отъ чего тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній правительства?» Отвѣтъ вашъ подаетъ надежду, что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію знаній человѣческихъ, но и къ подкрѣпленію правосудія. Да облобызаемъ мысленно съ душевною благодарностію десницу правосуднѣйшія и премудрыя Монархини. Она, отверзая новыя врата просвѣщенію, въ тоже время и тѣмъ же самымъ полагаетъ новую преграду ябедѣ и коварству. Она и въ семъ случаѣ слѣдуетъ своему всегдашнему обычаю: ибо разсѣчь однимъ разомъ камень претыканія и вдругъ источить изъ него два цѣлебные потока, есть образъ чудодѣйствія, Екатерине II весьма обычайный. Способомъ печатанія тяжебъ и рѣшеній, гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся дѣлать то, чего дѣлать не страшатся. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и живни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судившихъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ; воздастся достойная хвала праведнымъ судьямъ; возгнушаются честныя сердца неправдою судей безсовѣстныхъ и алчныхъ. О еслибъ я имѣлъ талантъ вашъ, г. сочинитель *Былей и Небылицъ!* съ радостію начерталъ бы я портретъ судьи, который, считая всѣ свои безбѣльства погребенными въ архивѣ своего мѣста, беретъ въ руки печатную тетрадь и вдругъ видитъ въ ней свои скрытыя плутни, объявленныя во всенародное извѣстіе. Еслибъ я имѣлъ перо ваше, съ какою бы живостію изобразилъ я, какъ пораженный симъ нечаяннымъ ударомъ безсовѣстный судья блѣднѣетъ, какъ тряоутся его руки, какъ, при чтеніи каждой строки, языкъ его нѣмѣетъ и по всѣмъ чертамъ его лица разливается стыдъ, проникнувшій въ мрачную его душу, можетъ быть, въ первый разъ отъ рожденія! Вотъ, г. сочинитель *Былей и*

Небылицъ, вотъ портретъ достойный забавной, но сильной кисти вашей!

Чрезъ вопросъ: «отъ чего у насъ не стыдно не дѣлать ничего?» разумѣлъ я, отъ чего праздным людямъ не стыдно быть праздными?

Статьею о шпынякѣ и балагурѣ хотѣлъ я показать только несообразность балагурства съ большимъ чиномъ. Вы, можетъ быть, спросите меня: для чего же вопроса моего не умѣлъ я такъ написать, какъ теперь говорю? На сіе буду вамъ отвѣчать вашимъ же отвѣтомъ на мой вопросъ, хотя совсѣмъ другаго рода: «*для того, что вездѣ, во всякой землѣ и во всякое время, родъ человѣческій совершенныхъ не родится.*»

Признаюсь, что благоразумные ваши отвѣты убѣдили меня внутренно, что я самаго добраго намѣренія исполнить не умѣлъ и что не могъ я дать моимъ вопросамъ приличнаго оборота. Сіе внутреннее мое убѣжденіе рѣшило меня, заготовленные еще вопросы отмѣнить, не столько для того, чтобъ невиннымъ образомъ не быть обвиняему въ *свободоязычіи*, ибо у меня совѣсть спокойна, сколько для того, чтобъ не подать повода другимъ къ дерзкому *свободоязычію*, котораго всего душею ненавижу.

Видя, что вы, государь мой, въ числѣ издателей Собесѣдника, покорно прошу помѣстить въ него сіе письмо. Напечатаніе онаго будетъ для меня весьма лестнымъ знакомъ, что вы моимъ объясненіемъ довольны. Доброе мнѣніе творца, вмѣщающаго, какъ вы, въ творенія свои пользу и забаву въ степени возможнаго совершенства, должно быть для меня неоцѣненно; напротивъ же того, всякое ваше неудовольствіе, мною въ совѣсти моей ни чѣмъ незаслуженное, если какимъ нибудь образомъ буду имѣть несчастіе примѣтить, приму я съ огорченіемъ за твердое основаніе непреложнаго себѣ правила: во всю жизнь мою за перо не приниматься (47).

ПОУЧЕНІЕ,

ГОВОРЕННОЕ ВЪ ДУХОВЪ ДЕНЬ

ІЕРЕЕМЪ ВАСИЛІЕМЪ,

ВЪ СЕЛѢ П. (*).

—

Вчера былъ праздникъ Троицынъ День. Вы, духовныя дѣти мои, всѣ были у обѣдни. Сегодня Духовъ День и также большой у Бога праздникъ, а собралось сюда васъ гораздо меньше вчерашняго. Разсмотримъ же, отъ чего сегодня церковь Божія такъ просторна? Отчего, напримѣръ, ты, крестьянинъ Сидоръ Прокофьевъ, пришелъ къ обѣднѣ, можетъ быть, и съ умиленнымъ сердцемъ, но съ разбитымъ рыломъ? Отъ чего и ты, выборный Козьма Терентьевъ, стоишь выпуча на святыя иконы такіе красные и мутные глаза? Да посмотримъ и на жену твою, Евдокею. Отъ чего она теперь всю обѣдню продремала? О, духовныя мои дѣти! начиная отъ старосты Егора Ѳомина до послѣдняго бобы-

(*) Поученіе это было напечатано въ VII ч. *Собесѣдника Любителей Россійскаго Слова* (1783 г.), при слѣдующемъ письмѣ къ издателямъ:

Къ Господамъ Издателямъ Собесѣдника.

Тому уже нѣсколько лѣтъ, какъ, ѣдучи въ мою деревню, заѣхалъ я въ село П*** въ Духовъ День. Случилось мнѣ отслушать тутъ обѣдню, послѣ которой священникъ сказывалъ крестьянамъ поученіе. Мнѣ оно такъ понравилось, что я просилъ проповѣдника подарить мнѣ съ него списокъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что поученія свои говоритъ крестьянамъ всегда не приготовляясь; что, по его мнѣнію, къ исправленію ихъ всякое витійство безполезно; что для сего считаетъ онъ за нужное однимъ простонароднымъ, но яснымъ языкомъ показывать имъ тѣ бѣдствія, въ которыя пороки ввергать ихъ могутъ. Я просилъ его, не можетъ ли онъ вспомнить сегодняшняго своего поученія и положить его на бумагу. Онъ тотчасъ исполнилъ мою просьбу.

Недавно, разбирая мои бумаги, нашелъ я нечаянно сіе поученіе. Вотъ оно отъ слова до слова. Если вы объ немъ одного со мною мнѣнія, то прошу помѣстить его въ вашемъ Собесѣдникѣ. (**).

ля Каряги, какъ вчерашній праздникъ проводили? Изъ тысячи душъ по послѣдней ревизіи, едва триста не походили на скотовъ безчувственныхъ, и, о горе окаянству вашему! если вы и сегодняшній Духовъ День поработаете не Святому Духу, но діаволу: ибо работать діаволу въ вашемъ крестьянскомъ быту есть не что иное, какъ наливать въ себя большимъ ковшомъ пиво и сдѣлаться не человѣкомъ на тотъ день, на другой, а можетъ быть и на недѣлю. Кто же изъ васъ пустится въ скоты на недѣлю, мудрено ли тому пуститься и на мѣсяцъ; а потомъ отстать отъ всякаго крестьянскаго дѣла, не платить подати государю, оброка помѣщику, и, живъ прежде зажиточнымъ домомъ, пустить наконецъ по-міру себя съ женою и съ дѣтьми. Повѣрьте, дѣти мои, что главный корень всякаго зла въ крестьянствѣ есть вино и пиво. (*Взглянувъ на одного крестьянина, который взоромъ показалъ свое неудовольствіе*). Вижу, вижу, что у тебя теперь на умѣ. Ты кивнулъ головою, думая: неужто и въ праздникъ чарки вина выпить не льзя? Ахъ, окаянный ты Михейка Ѳоминъ! да чарку ли ты вчера выглотилъ? Если въ наши грѣшныя времена еще бываютъ, чудеса, то было вчера конечно надъ тобою, окаяннымъ, весьма знаменитое. Какъ ты не лопнулъ, распуча грѣшную утробу свою по крайней мѣрѣ полуведромъ такого пива, какого всякій рабъ божій, въ трезвости живущій, не могъ бы, не свалясь съ ногъ, и пяти стакановъ выпить? Подумайте, дѣти мои, куда годится пьяница? Онъ всегда худой крестьянинъ; никто изъ добрыхъ людей на него не полагается. Да какъ и полагаться? Ты думаешь, что онъ пашетъ, а онъ пьяный спитъ. Никто изъ добрыхъ людей ему не вѣритъ. Да какъ и вѣрить? Ты дашь ему деньги поберечь, а онъ ихъ пропьетъ. Однимъ словомъ: посмотримъ на всѣхъ тѣхъ крестьянъ,которые обѣдняли,или которые изворовались. Что жъ мы найдемъ? Всякій нищій навѣрное пьяница, потому что добрый крестьянинъ, кромѣ гнѣва божіяго, обнищать не можетъ. Всякій воръ конечно пьяница, потому что добрый крестьянинъ животы беречь умѣетъ, а пьяница, пропивъ все, за что принимается? за воровство. Вору какой конецъ, толковать вамъ нечего. И такъ, послушайте меня, дѣти и друзья мои, и въ сегодняшній великій праздникъ не прогнѣвляйте Бога по вчерашнему. Я вамъ не запрещаю вовсе пить пиво и вино. Не въ томъ дѣло,

пилъ ли ты; да въ томъ, сколько ты пилъ. Буде столько, что остался человѣкъ, въ томъ и вины нѣтъ; буде же столько, что съ ногъ долой, то сдѣлалъ грѣхъ предъ Богомъ, грѣхъ предъ всѣмъ міромъ, грѣхъ передъ собою. Передъ Богомъ для того, что онъ сдѣлалъ тебя человѣкомъ, а ты самъ сдѣлался скотиной. Передъ міромъ для того, что буде бы случилась ему на тотъ часъ къ тебѣ нужда, ты, безчувственный, не могъ бы исправить мірской нужды. Передъ собою для того, что ты, будучи здоровъ, наводишь на себя болѣзнь, и будучи живъ, лежишь какъ мертвый. Но чтобъ яснѣе вамъ показать, какая разница между добрымъ и худымъ крестьяниномъ, я далеко ходить не стану. Возьмемъ въ примѣръ двухъ крестьянъ: Якова Алексѣева и Якова Лысова, которые оба стоятъ передъ вами. Лысой съ ребячества своего былъ, какъ я отъ стариковъ слышалъ, превеликій лѣнивецъ. Его женили въ надеждѣ, авось либо поправится. Не тутъ то было: отъ сталъ пить, помѣщика гнѣвить, жену свою бить; дѣти ихъ, смотря на отца, выросли сорванцами. Иной спился, иной сталъ красть, и словомъ: у Лысова было много дѣтей, но ни одинъ не призрѣлъ его старости. Видно, Богъ такъ разсудилъ, что дурной крестьянинъ недостоинъ имѣть дѣтей хорошихъ, отнялъ благодать отъ дому его, и наконецъ — какъ мы теперь его видимъ? Посмотрите на него, дѣти мои. Вонъ онъ стоитъ у дверей съ ковшичкомъ, проситъ милостыни; а тотъ же бы Лысой, если бъ не изжилъ вѣка своего въ лѣности и пьянствѣ, могъ бы самъ накормить убогаго. Напротивъ же того, посмотримъ теперь на добраго крестьянина. О, мой возлюбленный старикъ и сынъ духовный, Яковъ Алексѣевъ! Передъ всѣмъ міромъ скажу тебѣ въ очи, что добродѣтельная жизнь твоя угодна Господу Богу. Ты вошелъ во храмъ Божій, окруженный тридцатью пятью человѣками своихъ сыновъ, внучатъ и правнучатъ; ты стоишь теперь предъ олтаремъ господнимъ, поддерживаемый двумя сынами, возвратившимися на сихъ дняхъ на свою родину послѣ двадцатипятилѣтней воинской службы. Ты видишь на одномъ изъ нихъ двѣ, на другомъ три медали. Ты знаешь, что это знаки ихъ вѣрной службы, что проливали они охотно кровь свою за церковь божію, за своихъ великихъ государей, за свой народъ россійскій. Какъ душѣ твоей не веселиться! Посмотри и на прочихъ сыновъ

своихъ и на сыны сыновъ своихъ: всякій изъ нихъ есть, или всеконечно будетъ, добрый крестьянинъ, потому что всѣ они тебя примѣромъ взяли. Какъ ты работалъ въ силахъ своихъ, такъ они теперь работаютъ; какъ ты съ сосѣдями жилъ мирно, такъ и они живутъ; какъ ты платилъ, такъ и они платятъ подати и оброкъ бездоимочно; какъ ты отъ роду своего не терпѣлъ пьянства, такъ и нихъ никто не видалъ въ безобразіи. Всѣ жены ихъ — жены добрыя, работающія, утѣшающія старость твою согласнымъ и дружескимъ житьемъ съ мужьями своими. О, семья благодатная! (*Здѣсь старикъ заплакалъ отъ душевнаго веселія и весь народъ прослезился. Самъ священникъ, поднявъ на небо руки, сквозь радостныхъ слезъ едва продолжать могъ*). О Боже и Господи! зри слезы радостнаго умиленія. Се жертва достойная тебя! Продли милость свою къ симъ добрымъ людямъ, да видятъ прочіе, колико благъ ты къ тѣмъ, кои въ простотѣ души своей исполняютъ твоя заповѣди, и да взираяна сіе, исправятся окаменѣнныя сердца всѣхъ тѣхъ нечестивцевъ, всѣхъ тѣхъ грѣшниковъ, кои подобны Якову Лысому. Аминь.

СОКРАЩЕННОЕ

Описаніе житія

ГРАФА НИКИТЫ ИВАНОВИЧА

ПАНИНА (*).

—

Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, правившій иностранными дѣлами министръ, произошелъ отъ благородныхъ родителей, въ 1718 году сентября 15. Предки его, уроженцы Лукской Республики, выѣхали въ Россію въ пятомъ-на-десять столѣтіи. Отецъ его служилъ Петру Великому и имѣлъ счастіе пользоваться его благоволеніемъ. Достигши до чина генералъ-поручика, окончилъ онъ дни свои въ 1736 году отъ множества ранъ, полученныхъ имъ на разныхъ сраженіяхъ. Онъ достоинъ былъ имѣть таковыхъ сыновъ, коихъ дѣянія въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ обращали на себя вниманіе цѣлой Европы. Одинъ—управлялъ важнѣйшими государственными дѣлами и воспитывалъ наслѣдника Россійскаго престола, а другой—явилъ опыты мужества и искусства своего во время прусской войны, правилъ всею завоеванною частію Пруссіи, предводительствовалъ потомъ арміею противъ турокъ, взялъ приступомъ городъ Бендеры, споспѣшествовалъ независимости крымскихъ татаръ и наконецъ, спустя нѣсколько лѣтъ по увольненіи его отъ службы, прекратилъ великій мятежъ и чрезъ сію важную отечеству заслугу, учинился защитникомъ дворянства, противу котораго устремлена была злоба мятежниковъ.

Жизнь достойнаго ихъ родителя была сообразна съ зва-

(*) Недостающее въ рукописи начало взято изъ *Зеркала Свѣта* Туманскаго (1786 г.), гдѣ это сочиненіе Ф. Визина было напечатано въ первый разъ (**).

ніемъ гражданина, коего душа столько же была благородна, какъ и его происхожденіе. Все его недвижимое имѣніе состояло въ четырехъ стахъ душахъ. Онъ столько старался о воспитаніи дѣтей своихъ, сколько позволяло ему посредственное богатство и положеніе, въ каковомъ тогда находилось его отечество. Слухъ о добромъ воспитаніи и добродѣтеляхъ его дочерей доставилъ имъ знатныя супружества. Одна выдана за князя Куракина, сенатора и Россійскаго Двора оберъ-шталмейстера, а другая за господина Неплюева, сенатора же и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Сыновья его записаны были въ гвардейскіе полки, *въ коихъ отправляли дѣйствительную службу съ самыхъ нижнихъ чиновъ.* Благородное поведеніе и родство съ княземъ Куракинымъ, который отъ императрицы Анны Іоанновны былъ отличаемъ, доставили графу Никитѣ Ивановичу случай бывать во всѣхъ придворныхъ собраніяхъ. Императрица Елисавета Петровна, при восшествіи своемъ на престолъ, пожаловала его въ каммеръ-юнкеры. Отмѣнное сей государыни къ нему благоволеніе вооружило противъ него зависть и ревнивость, два свойственные царедворцамъ порока. Враги его, стараясь, чрезъ разные происки, отдалить его отъ Двора, но не находя въ поступкахъ его ничего такого, что бы могло послужить къ его обвиненію, принуждены были употребить въ пользу свою его достоинства. Они представили императрицѣ способность его къ политическимъ дѣламъ, почему онъ и былъ отправленъ, въ 1747 году, къ Датскому Двору въ качествѣ полномочнаго министра. При отъѣздѣ его въ Копенгагенъ онъ имѣлъ повелѣніе заѣхать въ Дрезденъ, для принесенія отъ Ея Императорскаго Величества Августу III, королю польскому, поздравленія по случаю бракосочетанія Дофина съ дочерью его, принцессою Маріею Іозефою. Въ томъ же году пожалованъ онъ былъ въ камергеры.

Въ то время состояніе Швеціи было въ разсужденіи Россіи самое критическое, такъ что каждую минуту надлежало ожидать возгорѣнія войны между обѣими державами Польза Россіи требовала того, чтобъ не допустить Швецію до разрыва союза. Для исполненія толь нужнаго предпріятія потребенъ былъ такой министръ, который бы съ кротостію нрава соединялъ просвѣщенный и проницательный разумъ. Императрица, по представленію канцлера, судила

быть способнымъ графа Панина къ оказанію таковой отечеству услуги. Въ 1748 году перевели его изъ Копенгагена въ Штокгольмъ. Онъ совершенно оправдалъ избраніе своей монархини, возложившей на него такое дѣло, которое требовало великихъ способностей и превосходныхъ качествъ. Онъ не только отвратилъ войну, но еще и пріобрѣлъ многихъ Россіи доброжелателей. Заслуги его стяжали ему отъ Двора разныя награжденія. Въ лѣто прибытія его въ Штокгольмъ получилъ онъ орденъ Святыя Анны; въ 1751 году орденъ Святаго Александра Невскаго; а въ 1755 пожалованъ былъ въ генералъ-поручики. Пребываніе его въ Швеціи продолжалось около двѣнадцати лѣтъ. Онъ чрезъ добродѣтели свои пріобрѣлъ почтеніе отъ тамошняго Двора и всего народа; ни одинъ Шведъ не произноситъ даже и поднесь имени его безъ нѣкоего къ нему благоговѣнія.

Въ 1759 году онъ отозванъ былъ въ свое отечество; а въ 29 день Іюня слѣдующаго года императрица благоволила ввѣрить ему надзираніе надъ воспитаніемъ великаго князя Павла Петровича,—важную должность, которую онъ безпрерывно исправлялъ до самаго бракосочетанія августѣйшаго его питомца. Императоръ Петръ III наградилъ его чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и орденомъ Святаго Апостола Андрея.

Въ 1763 году, во время отсутствія покойнаго канцлера графа Воронцова, императрица Екатерина Вторая, которой священное имя и великія дѣянія предадутся безсмертію, препоручила ему управленіе иностранными дѣлами (*), а въ 1767 году возведенъ былъ въ графское достоинство. Указъ, возвѣстившій о томъ публикѣ, былъ слѣдующаго содержанія: «Тайный Дѣйствительный Совѣтникъ Никита Панинъ «многимъ попеченіемъ о воспитаніи Нашего любезнѣйшаго «Сына доказалъ намъ ревность и усердіе свое; а притомъ «и порученныя сверхъ того многія государственныя, какъ внутреннія, такъ и иностранныя дѣла исправлялъ со многимъ «искусствомъ и успѣхомъ. Такожъ и братъ его, генералъ «Петръ Панинъ, служилъ Намъ всегда вѣрно и усердно. Въ «разсужденіи чего Всемилостивѣйше жалуемъ ихъ и потомковъ ихъ Графами, повелѣвая Сенату, заготовя имъ на

(*) Съ этого мѣста начинается подлинная рукопись. Слѣдующій чрезъ 3 строки «Указъ» былъ напечатанъ въ *Зеркалѣ Свѣта* съ небольшими измѣненіями.

«Графское достоинство дипломы, поднести Намъ къ подписанію.»

Въ 1769 году, при учрежденіи Совѣта, графъ Никита Ивановичъ опредѣленъ членомъ онаго. Въ 1773 пожалованъ въ первый классъ, или въ чинъ фельдмаршала. Въ 1782 году получилъ орденъ Святаго Владиміра при самомъ его установленіи.

Министерство его непрерывно цѣлыя двадцать лѣтъ продолжалось. Въ теченіе оныхъ и внутреннія важнѣйшія дѣла ему же поручаемы были. Словомъ, не было ни единаго дѣла, относящагося до цѣлости и безопасности Имперіи, которое миновало бы его производства, или совѣта.

Здѣсь предстоялъ бы случай изобразить душу и сердце сего почтеннѣйшаго мужа простымъ повѣствованіемъ всѣхъ подробностей толь долговременнаго его дѣлами управленія; здѣсь было бы мѣсто представить во всей истинѣ труды и подвиги великаго его служенія: какую твердость и неустрашимость являлъ онъ въ происшествіяхъ, возмущавшихъ спокойствіе души его; какъ въ теченіе двадцати лѣтъ боролся онъ непрестанно то съ невѣжествомъ, то съ надменностію людей невоспитанныхъ, захватившихъ всю ту силу и довѣренность которыя слѣдуютъ однимъ истиннымъ достоинствамъ; какъ отвращалъ онъ устремленіе и ухищреніе сильныхъ, руководствуемыхъ пристрастными своими видами на разрушеніе основанной имъ внѣшней системы, пріобрѣтшей отечеству истинную славу; съ какимъ великодушіемъ терпѣлъ онъ всѣ и со всѣхъ сторонъ оскорбленія; съ какимъ презрѣніемъ сносилъ всѣ коварства мелкихъ душъ, искавшихъ уязвлять его привязками, недостойными вѣка Екатерины II; но время жизни его такъ еще ново, что важныя причины не допускаютъ открыть подробности всего того, что безъ сомнѣнія чрезъ нѣкоторое время исторія предать потомству не оставитъ. И такъ сему историческому извѣстію надлежитъ нынѣ ограничиться однимъ исчисленіемъ извѣстныхъ въ министерство его знаменитыхъ происшествій, въ предложеніи его правилъ при управленіи дѣлами и при воспитаніи его августѣйшаго питомца и наконецъ въ изображеніи душевныхъ его свойствъ, пріобрѣтшихъ ему всеобщее почтеніе.

Знаменитыя происшествія министерства его были: 1) возведеніе на Польскій престолъ Піаста; 2) славная съ Портою война; 3) пріобрѣтеніе Бѣлоруссіи; 4) размѣнъ герцогства Голш-

тинскаго на графства Ольденбургское и Дельменгорстское, въ пользу младшей линіи Шлезвигъ-Готорпскаго Дома; 5) славный съ Портою миръ; 6) медіація Россійская въ Тешенскомъ мирѣ; 7) вооруженный неутралитетъ. Всѣмъ онымъ происшествіямъ представленія его по большей части были первымъ основаніемъ, а труды его производили оныя въ дѣйствительное исполненіе. Всѣ рескрипты къ военачальникамъ и министрамъ, всѣ сообщенія и отзывы къ Дворамъ чужестраннымъ примышляемы были имъ самимъ. Исторія его негоціацій, сокровенная нынѣ по государственнымъ причинамъ, будетъ въ послѣдующія времена служить руководствомъ въ дѣлахъ политическихъ и представитъ свѣту великость души его и дарованій.

Правила его при управленіи политическими дѣлами состояли главнѣйше въ томъ, чтобъ: 1) государство сохраняло свое истинное достоинство, безъ предосужденія другихъ. Слѣдствіемъ сего было признаніе Императорскаго титула Россійскихъ Государей и равенство между ихъ и другихъ Дворовъ министрами. 2) Что великая Имперія, какова Россія, не имѣетъ нужды притворствовать и что одно чистосердечіе должно быть основаніемъ поведенія ея министерства. Въ твердомъ сохраненіи сего правила графомъ Панинымъ всѣ чужестранные кабинеты были такъ увѣрены, что одно слово его равнялось со всѣми священнѣйшими обязательствами заключеннаго трактата. 3) Въ трактованіи дѣлъ любилъ онъ образъ кроткій и ласковый, весьма свойственный добродѣтельной душѣ его. Можно сказать, что всякій чужестранный министръ, входившій къ нему въ кабинетъ съ пасмурнымъ видомъ для трактованія какого-нибудь непріятнаго дѣла, выходилъ отъ него доволенъ и восхищенъ его бесѣдою. Таковы были правила публичнаго его поведенія по внѣшнимъ дѣламъ. Вся Европа почитала въ немъ великаго государственнаго мужа. Онъ пріобрѣлъ совершенную и неоцѣненную эстиму вѣрнаго Россіи союзника, государя премудраго, цѣлый свѣтъ дѣлами своими удивившаго.

По внутреннимъ дѣламъ гнушался онъ въ душѣ своей поведеніемъ тѣхъ, кои по своимъ видамъ, невѣжеству и рабству составляютъ государственный секретъ изъ того, что въ націи благоустроенной должно быть извѣстно всѣмъ и каждому, какъ-то: количество доходовъ, причины налоговъ и проч. Не могъ онъ терпѣть, чтобъ по дѣламъ гражданскимъ и

уголовнымъ учреждались самовластіемъ частныя коммисіи мимо судебныхъ мѣстъ, установленныхъ защищать невинность и наказывать преступленія. Съ содроганіемъ слушалъ онъ о всемъ томъ, что могло нарушить порядокъ государственный: пойдетъ ли кто съ докладомъ прямо къ государю о такомъ дѣлѣ, которое должно быть прежде разсмотрѣно во всѣхъ частяхъ сенатомъ; примѣтитъ ли противорѣчія въ сегодняшнемъ постановленіи противъ вчерашняго; услышитъ ли о безмолвномъ временщикамъ повиновеніи тѣхъ, которые по званію своему, обязаны защищать истину животомъ своимъ; словомъ, всякій подвигъ презрительной корысти и пристрастія, всякій обманъ, обольщающій очи государя или публики, всякое низкое дѣйствіе душъ, заматерѣвшихъ въ робости стариннаго рабства и возведенныхъ слѣпымъ счастіемъ на знаменитыя степени, приводили въ трепетъ добродѣтельную его душу.

Прежде нежели вступилъ онъ въ званіе свое при воспитаніи Его Императорскаго Высочества, покойная императрица Елисавета Петровна повелѣла представить себѣ планъ сего воспитанія. Для познанія правилъ его при толь великомъ служеніи, всего бы лучше было включить здѣсь то собственноручно имъ писанное мнѣніе, коимъ удовлетворилъ онъ тогда повелѣнію своей государыни; но оно своимъ пространствомъ выходитъ изъ предѣловъ сего историческаго извѣстія и для того представляются здѣсь токмо нѣкоторыя изъ него почерпнутыя мысли.

«Приготовя сердце великаго князя ко времени созрѣнія «разсудка, надлежитъ при первомъ онаго дѣйствіи вкоренить «въ душу его правило, что добрый государь не имѣетъ и «не можетъ имѣть ни истинной пользы, ни истинной славы «раздѣленными отъ пользы и славы его народа.

«Воспитатель долженъ съ крайнимъ прилежаніемъ, и такъ «сказать равно съ попеченіемъ о сохраненіи здоровья Его «Императорскаго Высочества, предостерегать и не допу«скать ни дѣломъ, ни словами ничего такого, что хотя мало «бы могло развратить тѣ душевныя способности къ добро«дѣтелямъ, съ которыми человѣкъ на свѣтъ происходитъ, а «напротивъ того, приличными средствами оныя такъ рас«пространять, чтобъ еще въ дѣтскихъ хотѣніяхъ у Его Вы«сочества нечувствительно произрастала склонность и же-

«ланіе къ добру и честности, претительность же къ дѣламъ «худымъ и честность повреждающимъ.

«При воспитаніи государя великаго князя надлежитъ «отдалить всякое излишество, великолѣпіе и роскошь, не- «кушающія молодость. Дворъ его учредить такъ, чтобъ «украшеніемъ онаго были простая благопристойность и «добронравіе. Время ласкателямъ довольно впереди остает- «ся; но нѣтъ ничего излишняго въ лѣтахъ воспитанія для «тѣхъ, кои вѣрою и должностію обязаны пещись объ его «добродѣтеляхъ и о предостереженіи его отъ пороковъ.»

И дѣйствительно сей мудрый воспитатель не оставилъ ничего къ практическому исполненію своихъ правилъ. Характеръ души и просвѣщенный умъ Его Императорскаго Высочества доказываютъ, какое попеченіе принималъ его наставникъ украсить приличными знаніями природную остроту его и вселить въ душу его добродѣтель, — истинное основаніе народнаго блаженства. Остается желать вѣрнымъ сынамъ отечества, чтобъ въ грядущія времена питомецъ слѣдовалъ искреннимъ совѣтамъ своего воспитателя и помнилъ бы его наставленія, проистекавшія изъ глубины сердца, прилѣпленнаго къ нему усерднѣйшею горячностію. Тогда счастіе государя и народа было бы взаимное и непоколебимое.

По окончаніи воспитанія, то есть, по совершеніи брака Его Императорскаго Высочества, графъ Никита Ивановичъ, при многихъ благодѣяніяхъ, полученныхъ имъ отъ монаршія щедроты, удостоенъ былъ слѣдующимъ собственноручнымъ на россійскомъ языкѣ письмомъ Ея Императорскаго Величества:

«Графъ Никита Ивановичъ! Совокупленные ваши труды въ воспитаніи Сына Моего и притомъ въ отправленіи дѣлъ обширнаго Иностраннаго Департамента, которые вы несли и отправляли съ равнымъ успѣхомъ толико лѣтъ сряду, часто въ теченіе оныхъ во внутренности сердца Моего возбуждали чувства, раздѣляющія съ вами все бремя различныхъ силъ, силу человѣку данную, исчерпаемыхъ упражненій; но польза Имперіи Моей, по горячему Моему всегдашнему попеченію о благомъ устройствѣ всего, Мнѣ отъ власти Всевышняго врученнаго, воспрещала мыслить прежде времени облегчить васъ въ тягостныхъ упражненіяхъ, довѣренностію Моею вамъ порученныхъ. Нынѣ же, когда

приспѣла зрѣлость лѣтъ любезнѣйшаго Сына Моего, и Мы, на двадцатомъ Его году отъ рожденія, съ вами дожили до благополучнаго дня брака Его, то, почитая по справедливости и по всесвѣтному обыкновеніе воспитаніе Великаго Князя само собою тѣмъ окончаннымъ, за долгъ ставлю вамъ при семъ случаѣ изъявить Мое признаніе и благодарность за всѣ приложенные вами труды и попеченія о здравіи и украшеніи тѣлесныхъ и душевныхъ Его природныхъ дарованій, о коихъ, по нѣжности матерней любви и пристрастію, не Мнѣ пригоже судить; но желаю и надѣюсь, что будущія времена въ томъ оправданіемъ служить имѣютъ; о чемъ Всевышняго ежедневно молю усердно. Окончавъ съ толикимъ успѣхомъ, соединеннымъ съ Моимъ удовольствіемъ, важную таковую должность и пользуясь утѣшеніемъ, отъ нея вамъ справедливо происходящимъ, обратите нынѣ съ бодрымъ духомъ всѣ силы ума вашего къ части дѣлъ Имперіи, вамъ отъ Меня ввѣренной, и на сихъ дняхъ вновь вамъ подтвержденной, и доставьте трудами своими согражданамъ вашимъ желаемый Мною и всѣми твердый миръ и тишину, дабы дни старости вашей увѣнчаны были благословеніемъ Божіимъ благополучія всеобщаго, послѣ безчисленныхъ трудовъ и попеченій. Пребываю вѣчно съ отмѣннымъ доброжелательствомъ»

Екатерина.

Характеръ покойнаго графа Никиты Ивановича достоинъ былъ искреннѣйшаго почтенія и любви. Онъ имѣлъ твердость, свойственную душѣ великой. Никакія прельщенія, никакія устрашенія не могли никогда ее поколебать. Не было на свѣтѣ власти, которая могла бы заставить его предложить государю свое мнѣніе, или согласиться съ мнѣніемъ государя, вопреки внутреннему своему убѣжденію. Сею самою твердостію колико благъ сдѣлалъ онъ для отечества и колико золъ до него не допустилъ! Почтенъ былъ душевно отъ своихъ друзей и непріятелей. Титло честнаго человѣка дано ему было гласомъ цѣлой націи. Умъ его былъ чистый и проницаніе глубокое. Онъ зналъ человѣка и зналъ людей. Искусство его привлекать къ себѣ сердца людскія было неизреченное. Оно главнѣйше состояло въ томъ, что при первомъ свиданіи съ человѣкомъ умѣлъ онъ узнавать тотчасъ мѣру его разума и всегда своимъ умомъ такъ съ нимъ поравняться, что всякій послѣ своей

съ нимъ бесѣды ощущалъ къ нему привязанность и самъ собою былъ доволенъ совершенно. Въ дѣлахъ, требующихъ зрѣлаго разсмотрѣнія, не любилъ онъ поспѣшности. Сіе подавало поводъ обвинять его медленностію. И дѣйствительно, характеръ его весьма удаленъ былъ отъ всякой скоропостижности и пылкихъ движеній. Онъ охотно отлагалъ дѣла, могущія терпѣть время; но должно отдать ему и ту справедливость, что нельзя изъявлять ни бо̀льшаго рвенія, ни бо̀льшей неутомимости, какую показывалъ онъ въ дѣлахъ, требующихъ немедленнаго исполненія. Въ обществѣ былъ прелюбезенъ. Онъ терпѣть не могъ, чтобъ въ дружеской бесѣдѣ кто нибудь сдѣлалъ для него то, чего въ отсутствіе его не захотѣлъ бы сдѣлать. Разговоръ его былъ почти всегда веселъ; шутки пріятны, остры и безъ всякой желчи. Доброта сердца его была безпримѣрная; къ несчастнымъ сострадателенъ, гонимымъ заступникъ, къ требующимъ совѣта искрененъ. Словомъ, не было никого и изъ незнакомыхъ ему согражданъ, который бы не считалъ во всякой своей крайности послѣднимъ способомъ къ спасенію идти къ графу Панину и, окрывъ ему душу свою, искать въ его добродѣтельной душѣ помощи или совѣта. Сердце его никогда мщенія не знало. Самые непріятели его всегда устыжаемы были кроткимъ и ласковымъ его взоромъ. Безкорыстіе было въ немъ соразмѣрно щедрости и обѣ сіи добродѣтели были въ такой степени совершенства, въ какой токмо могутъ обитать въ сердцѣ человѣка. Первое доказывается тѣмъ, что, по смерти его, все движимое имѣніе продано и онымъ заплачено долгу 173,000 рублей; а недвижимое, могущее приносить годоваго дохода съ небольшимъ двадцать тысячъ рублей, осталось обремененнымъ полутораста тысячами рублями долгу. Щедрости его не было примѣровъ прежде; да и послѣ едва ли когда могутъ найтись подражатели. Изъ девяти тысячъ душъ, ему пожалованныхъ, подарилъ онъ четыре тысячи троимъ изъ своихъ подчиненныхъ, сотрудникамъ своимъ въ отправленіи дѣлъ политическихъ (50). Одинъ изъ сихъ облагодѣтельствованныхъ имъ лицъ умеръ при жизни графа Никиты Ивановича, имѣвшаго въ немъ человѣка, привязаннаго къ особѣ его истиннымъ усердіемъ и благодарностію. Другой былъ неотлучно при своемъ благодѣтелѣ до послѣдней минуты его жизни и, сохраняя къ нему не-

поколебимую преданность и вѣрность, удостоенъ былъ всегда полной его во всемъ довѣренности. Третій заплатилъ ему за всѣ благодѣянія всею чернотою души, какая можетъ возмутить душу людей честныхъ. Снѣдаемъ будучи самолюбіемъ, алчущимъ возвышенія, вредилъ онъ положенію своего благотворителя столько, сколько находилъ то нужнымъ для выгоды своего положенія. Всеобщее душевное къ нему презрѣніе есть достойное возмездіе толь гнусной неблагодарности.

Кончина сего добродѣтельнѣйшаго мужа, приключившаяся 31 Марта 1783 года, поразила сродниковъ и друзей его внезапнымъ ударомъ. Здоровье его хотя было такъ слабо, что оно совокупно съ его положеніемъ отвлекло его совсѣмъ отъ дѣлъ въ послѣдній годъ, но за нѣсколько мѣсяцевъ предъ смертію приходилъ онъ въ состояніе, несравненно предъ прежнимъ лучшее. Наканунѣ горестнаго сего происшествія былъ онъ здоровѣе и веселѣе обыкновеннаго; но поутру въ четыре часа, ложась въ постелю, вдругъ лишился онъ языка и памяти пораженіемъ апоплексическимъ. Вся возможная помощь въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ была тщетно подаваема. Чрезъ нѣсколько часовъ скончался онъ въ глазахъ возлюбленнаго питомца своего, для котораго онъ жилъ и къ которому привязанность его была нѣжнѣйшая и безпредѣльная. Въ тотъ моментъ, когда душа его разлучилась отъ тѣла, великій князь бросился предъ нимъ на колѣни и цѣловалъ руку его, орошая ее горчайшими слезами. Государына великая княгиня внѣ себя исторгнута была почти силою изъ сего несчастнаго дома. Стенаніе и вопль сродниковъ, друзей и слугъ изображали неизреченное душевное ихъ страданіе. Домъ, въ которомъ за день видно было на всѣхъ лицахъ спокойное удовольствіе, превратился въ нѣсколько часовъ въ домъ лютѣйшаго отчаянія. Слухъ о кончинѣ его огорчилъ человѣколюбивое сердце Ея Императорскаго Величества. Все, зависящее отъ монаршей ея власти къ утѣшенію оставшихся сродниковъ, всемилостивѣйшая государыня изъявила имъ образомъ самымъ лестнѣйшимъ для памяти покойнаго. Весь городъ былъ душевно огорченъ кончиною мудраго и добродѣтельнаго мужа. Казалось, что всякій со смертію его нѣчто потерялъ. Погребеніе его было 3 Апрѣля. Выносъ тѣла удостоенъ былъ присутствія Его

Императорскаго Высочества. Прощаясь въ послѣдній разъ съ своимъ другомъ и воспитателемъ, поцаловалъ онъ руку его съ такимъ рыданіемъ, что не было человѣка, котораго бы сердце не растерзалось жалостію и не наполнилось внутреннимъ убѣжденіемъ о добротѣ сердца Наслѣдника Россійскаго Престола. Всѣ знатныя особы, коимъ позволяло здоровье, провожали тѣло его пѣшкомъ въ Невскій Монастырь. Стеченіе народа было превеликое. При опущеніи сродниками тѣла, рыданіе и стонъ раздавались по всей церкви. Всеобщее сожалѣніе сограждан и чужестранныхъ ясно доказало, что кончина графа Никиты Ивановича Панина есть потеря не токмо для Россіи, но и для самаго человѣчества (*).

Сколь огорченъ былъ Его Императорское Высочество кончиною графа Панина, и коликое онъ имѣлъ къ нему почтеніе, можно увидѣть изъ нижеслѣдующаго письма, писаннаго Его Императорскихъ Высочествомъ къ московскому архіерею преосвященному Платону:

Ваше Преосвященство!

«Уже извѣстны Ваше Преосвященство о посѣтившей «насъ печали смертію Графа Никиты Ивановича, извѣ- «стны вы и о всемъ томъ, чѣмъ Я ему долженъ, слѣд- «ственно и о обязательствахъ Моихъ въ разсужденіи его. «Судите же, прискорбно ли душѣ Моей? Я привязанъ по «долгу и удостовѣренію къ закону и несумнѣваюсь, что «получающему награжденіе въ той жизни за добродѣтели «всеконечно отрада и покой; но поелику души остающіяся «еще со слабостями тѣла соединены, то нельзя намъ не «чувствовать печали отъ разлуки; раздѣлите оную со Мною, «какъ съ другомъ вашимъ.

Павелъ.

(*) Здѣсь оканчивается рукопись. Заключеніе взято изъ «*Зеркала Свѣта*».

ДРУГЪ
ЧЕСТНЫХЪ ЛЮДЕЙ,
или
СТАРОДУМЪ.

—

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНІЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ИСТИНѢ (*).

—

Вотъ заглавіе, подъ которымъ издаваться будетъ на сей 1788 годъ новое періодическое сочиненіе подъ надзираніемъ сочинителя комедіи *Недоросль*. Напрасно было бы предварять публику, какого рода будетъ сіе сочиненіе, ибо образъ мыслей и объясненія Стародума довольно извѣстны. Цѣлый годъ состоять будетъ изъ двѣнадцати листовъ. Первые четыре получить будетъ можно въ началѣ Мая, вторые четыре въ началѣ Сентября, а послѣдніе четыре въ началѣ будущаго года.

Подписка на сіе сочиненіе отворена у книгопродавца Клостермана на слѣдующихъ кондиціяхъ:

Каждый экземпляръ, то есть двѣнадцать листовъ, стоить будетъ одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ. Желающіе подписаться благоволятъ внести сіи деньги и взять билетъ, съ которымъ въ первыхъ дняхъ Мая можно будетъ получить первые четыре листа и билетъ на достальные восемь листовъ, кои раздаваться будутъ въ означенный срокъ непремѣнно.

Сіе сочиненіе хотя и готово, но прежде печатано не будетъ, какъ развѣ подпишутся на семьсотъ пятьдесятъ экземпляровъ до перваго Марта, послѣ котораго подписка продолжаться не будетъ. Но ежели до сего числа на помянутое количество экземпляровъ подписано не будетъ, то сіе сочиненіе вовсе напечано быть не можетъ.

Переводы изъ сего періодическаго творенія вовсе исклю-

чаются. Ни одно сочиненіе, гдѣ нибудь напечатанное, въ сей книгѣ мѣста имѣть не можетъ. Словомъ, всѣ сочиненія будутъ совсѣмъ новыя, а развѣ знакомыя потому, что нѣкоторыя изъ нихъ въ публикѣ ходятъ рукописныя.

Имена подписавшихся при началѣ книги напечатаны будутъ и всѣ старанія приложатся, чтобы удовольствовать почтенную публику и со стороны типографской части.

ПИСЬМО КЪ СТАРОДУМУ.

С.-Петербургъ, Января 1788.

Я долженъ признаться, что за успѣхъ комедіи моей: *Недоросль*, одолженъ я вашей особѣ. Изъ разговоровъ вашихъ съ Правдинымъ, Милономъ и Софьею составилъ я цѣлыя явленія, кои публика и донынѣ съ удовольствіемъ слушаетъ; но какъ болѣзнь моя не позволяетъ мнѣ упражняться въ родѣ сочиненій, кои требуютъ такого непрерывнаго вниманія и размышленія, каковыя потребны въ театральныхъ сочиненіяхъ; съ другой же стороны привычка упражняться въ писаніи сдѣлала сіе упражненіе для меня нуждою: то и рѣшился я издавать періодическое твореніе, гдѣ разность матерій не требуетъ непрерывнаго вниманія, а паче можетъ служить мнѣ забавою. Но чтобъ быть мнѣ вѣрнѣе въ успѣхѣ труда моего, я назвалъ его вашимъ именемъ и покорнѣйше васъ прошу принять въ немъ искреннее участіе, сообщая мнѣ для помѣщенія въ сію книгу мысли ваши, кои своею важностію и нравоученіемъ, безъ сомнѣнія, Россійскимъ читателямъ будутъ нравиться. Не страшусь я строгости цензуры, ибо вы конечно не напишете ничего такого, чего бы напечатать было невозможно. Вѣкъ Екатерины Вторыя ознаменованъ дарованіемъ Россіянамъ свободы мыслить и изъясняться. *Недоросль* мой, между прочимъ, служитъ тому доказательствомъ, ибо назадъ тому лѣтъ за тридцать ваша собственная роль могла ли бы быть представлена и напечатана? Правда, что есть и нынѣ особы, стремящіяся угнетать дарованія и препятствующія выходить всему тому, что невѣжество и порокъ ихъ обличаетъ; но таковое немощной злобы усиліе, кромѣ смѣха, ничего другаго нынѣ произвести не можетъ. И такъ,

я ласкаюсь, что вы, по ревности вашей къ общему благу, не отречетесь вспомоществовать мнѣ въ моемъ предпріятіи сообщеніемъ мнѣ всего того, что, какъ найдете вы, для честныхъ людей, которыхъ по справедливости назвали вы себя другомъ, можетъ быть пріятно и полезно. Моя же благодарность къ вамъ равняться будетъ тому душевному почтенію, съ которымъ навсегда пребываю, и проч.

Сочинитель Недоросля.

ОТВѢТЪ СТАРОДУМА.

Москва, Января 1788.

Съ удовольствіемъ соглашаюсь принять участіе въ вашемъ періодическомъ сочиненіи. Я буду сообщать мысли мои по мѣрѣ, какъ онѣ мнѣ въ голову приходить будутъ. Краснорѣчія отъ меня не ожидайте, ибо вы сами знаете, что я не писатель, а буду говорить полезныя истины для того только, что мы, Богу благодареніе, живемъ въ томъ вѣкѣ, въ которомъ честный человѣкъ можетъ мысль свою сказать безбоязненно. Я самъ жилъ большею частію тогда, когда каждый, слушавъ двоихъ такъ бесѣдующихъ, какъ я говорилъ съ Правдинымъ, бѣжалъ прочь отъ нихъ стремглавъ, трепеща, чтобъ не сдѣлали его свидѣтелемъ вольныхъ разсужденій о Дворѣ и о дурныхъ вельможахъ; но чтобъ мой сей разговоръ приведенъ былъ въ театральное сочиненіе, о томъ и помышлять было невозможно; ибо погибель сочинителя была бы наградою за сочиненіе. Екатерина расторгла сіи узы. Она, отверзая пути къ просвѣщенію, сняла съ рукъ писателей оковы и позволила вездѣ охотникамъ заводить вольныя типографіи, дабы умы имѣли повсюду способы выдавать въ свѣтъ свои творенія. И такъ, Россійскіе Писатели! какое обширное поле предстоитъ вашимъ дарованіямъ! Если какая рабская душа, обитающая въ тѣлѣ знатнаго вельможи, устремится на васъ отъ страха, чтобъ не терпѣть униженія отъ вашихъ обличеній; если какой-нибудь безсовѣстный лихоимецъ дерзнетъ, подкапываясь подъ законы, простирать хищную руку на грабежъ отечества и своихъ согражданъ: то перо ваше можетъ смѣло обличать ихъ предъ тономъ, предъ отече-

ствомъ, предъ свѣтомъ. Я думаю, что таковая свобода писать, каковою пользуются нынѣ Россіяне, поставляетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть полезнымъ совѣтодателемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества. Дабы обѣщаніе мое о принятіи участія въ вашемъ сочиненіи было не на словахъ, а на дѣлѣ, сообщаю вамъ теперь же нѣсколько писемъ съ моими отвѣтами. Вы можете помѣстить ихъ въ вашу книгу, если разсудите за благо; а я навсегда пребываю, и проч.

Стародумъ.

ПИСЬМО КЪ СТАРОДУМУ

отъ Дѣдиловскаго помѣщика Дурыкина.

Имѣя честь быть вашимъ сосѣдомъ, прошу не прогнѣваться, что я, безъ всякихъ моихъ заслугъ, утруждаю васъ симъ письмомъ. Я зчаю, что вы въ Москвѣ много знакомцевъ имѣете и любите людей ученыхъ, а мои обстоятельства вотъ каковы:

Я имѣю шестерыхъ дѣтей: трехъ мужескаго и столько жъ женскаго пола. Для дѣвочекъ переманили мы отъ сосѣда мадаму, которая за ними смотритъ и за которою мы смотримъ; она называется мадамъ *Дудо*; неизвѣстно какой націи. Большой мой сынъ, Ѳединька, по семнадцатому году, читать и писать умѣетъ, а Митюшка и Павлинька еще не начинали грамотѣ. Митюшка матушкинъ сынокъ; съ нимъ надобно обходиться нѣжно, ибо онъ слабаго здоровья. Я хотѣлъ бы выписать изъ Москвы учителя, но только не нѣмца, ибо боюсь взять Вральмана. Не худо было бы, еслибъ вы сдѣлали милость посмотрѣли изъ университетскихъ студентовъ, а кондиціи мои при семъ прилагаю, пребывая впрочемъ...

Дурыкинъ.

Кондиціи для учителя дому Дурыкина.

1. Учитель долженъ быть изъ русскихъ, умѣть по французскому, по нѣмецкому, сочинять стихи, сколько потребно для домашняго обихода. Не худо, чтобы онъ зналъ и ариѳметику.
2. На годъ дамъ ему двѣсти рублей, а онъ долженъ учить дѣтей моихъ со всею кротостію.
3. Жить онъ будетъ у меня въ домѣ; обѣдать съ камердинеромъ.
4. А какъ я, по милости Божіей, имѣю чинъ генеральскій, будучи отставленъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, то я именно требую, чтобъ онъ въ разговорахъ со мною и съ женою давалъ намъ чаще титулъ Превосходительства.
5. При гостяхъ въ наше присутствіе онъ садиться не долженъ.
6. Съ мадамою *Лудо* отнюдь не амуриться, дабы не подать худаго примѣра женѣ моей, а потомъ и дочерямъ.
7. При мнѣ и при женѣ моей ни шляпы, ни колпака отнюдь не надѣвать; но изъ человѣколюбія въ зимнее время дозволяю накрыться, и то когда метель большая.
8. Въ сутки будетъ онъ получать по три бутылки русскаго пива домашняго варенья.
9. Не худо, еслибъ онъ взялъ на себя вести мои приходныя и расходныя книги, а притомъ бы умѣлъ причесать ребятамъ моимъ волосы, также и парикъ бы мой взялъ подъ свой присмотръ.
10. Онъ долженъ исполнять все сіе условіе, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, быть выгнату по шеѣ изъ дому; ибо я признаюсь, что нравъ у меня бѣшеный, да и будучи въ генеральскомъ чинѣ, можетъ быть, не могу воздержать себя противу студента, въ службѣ моей находящагося, хотя бы онъ и офицерскаго былъ чина.

ОТВѢТЪ СТАРОДУМА ДУРЫКИНУ.

Письмо ваше, государь мой, сказалъ я одному университетскому профессору, который на просьбу мою о пріисканіи

въ домъ вашъ студента отвѣчалъ мнѣ письменно. Вотъ и письмо его.

Стародумъ.

Письмо университетскаго профессора къ Стародуму.

Я говорилъ нѣкоторымъ нашимъ студентамъ о предлагаемомъ имъ мѣстѣ въ домѣ Его Превосходительства Дурыкина. Охотники есть, но правду сказать, большая часть ставятъ учительское званіе ниже себя, а хотятъ чиновъ; одинъ однакожъ объявилъ мнѣ свое желаніе быть учителемъ. Онъ изъ малороссіянъ, называется господинъ *Сраменко*—филологъ и философъ, а иные увѣряютъ, что и мартинистъ, но проситъ въ годъ не меньше трехъ сотъ рублей, хотя живетъ по духу, а не по плоти. Знаетъ пофранцузски, а больше полатыни, ариѳметику до тройнаго правила; отъ стиховъ однакожъ проситъ увольненія; обѣщаетъ воздавать Его Превосходительству должное почтеніе, но обѣдать съ камердинеромъ не соглашается. Предложеніе о чесаніи волосовъ и о надзираніи надъ его парикомъ почитаетъ себѣ обидою, ибо сіе называетъ онъ рукодѣліемъ. Расходныя и приходныя книги вести не берется. Отъ искушенія касательно мадамъ Лудо всемѣрно остерегаться будетъ, почему и я подозрѣваю его мартинистомъ.

Представился мнѣ еще молодой человѣкъ, 22 лѣтъ; поученъ изрядно. Я оставилъ его у себя обѣдать и нахожу, что жретъ безъ милосердія. Онъ требуетъ кромѣ обѣда и ужина, чтобъ данъ былъ ему добрый завтракъ, а не меньше и полдникъ, также чтобъ и предлагаемая порція пива была удвоена.

Господинъ *Кераксинъ* желаетъ также быть учителемъ, проситъ 250 рублей на годъ. Онъ знаетъ погречески, поеврейски, но не знаетъ порусски, что, кажется, для дѣтей Его Превосходительства и не нужно. Нынѣ, къ сожалѣнію, многіе изъ русскихъ дворянъ хотятъ дѣтей своихъ учить порусски; но по истинѣ, охота сія есть одна пустая затѣя; ибо самъ г-нъ Дурыкинъ грамотою ли дослужился до титула Превосходительства?

Дезуркинъ, ремесломъ піита, желаетъ также имѣть мѣсто у господина Дурыкина. Онъ обѣщаетъ каждый разъ, для

именинъ Его Превосходительства и каждаго изъ чадъ его, сводить въ стихахъ своихъ всѣхъ боговъ съ Олимпа, проситъ по копѣйкѣ за стихъ, да къ святкамъ кафтана съ плеча Его Превосходительства, хотя довольно поношеннаго. Онъ весьма забавнаго нрава и шутитъ такъ умно, что въ домѣ дурака не надо; ни на кого не сердится, развѣ только кто стихи его похулитъ.

Красоткинъ, студентъ весьма щеголеватый, убирается какъ кукла, да и думаетъ не иначе. Онъ съ удовольствіемъ берется причесывать волосы дѣтямъ Его Превосходительства, умѣетъ выводить изъ платья пятна и вырѣзывать изъ бумаги разныя фигуры. За одно только не ручаюсь, а именно, чтобъ не завелъ онъ какихъ шашней съ мадамъ Лудо, или съ Ея Превосходительствомъ, ибо онъ и моей женѣ повернулъ голову.

ПИСЬМО ДУРЫКИНА КЪ СТАРОДУМУ.

Предлагаемые господиномъ профессоромъ въ домъ мой студенты кажутся мнѣ всѣ ребята достойные быть учителями у дѣтей благородныхъ, и для того я боюсь выбрать одного безъ обиды другому. Покорно прошу уговорить господина профессора, чтобъ онъ всѣхъ сихъ господъ созвалъ къ себѣ въ домъ и сдѣлалъ родъ аунціона: кто возьметъ дешевле, того я и беру, и съ тѣмъ можетъ онъ заключить контрактъ на шесть лѣтъ. Впрочемъ прибываю

Дурыкинъ.

ПИСЬМО КЪ СТАРОДУМУ

отъ племянницы его Софьи.

С. Петербургъ, Января 1788.

Я теперь нахожусь въ самомъ лютомъ положеніи; прибѣгаю къ вашему благоразумію; будьте, милостивый государь дядюшка, моимъ руководителемъ и подайте мнѣ спа-

сительный совѣтъ. Сколько по склонности, столько и слѣдуя вашей волѣ, вышла я за Милона; нѣсколько времени вела я съ нимъ жизнь преблагополучную, но мы пріѣхали въ Петербургъ, гдѣ узнала я прямое несчастіе: Милонъ мнѣ невѣренъ! Онъ влюбленъ, и въ кого? въ презрительную женщину, каковыя наполняютъ здѣшніе вольные маскарады и, будучи осыпаны брилліантами, соблазняютъ молодыхъ людей, неимѣющихъ испытанія, и довели здѣшнюю публику до того, что всякая порядочная женщина не можетъ уже посѣщать сихъ собраній. Одна изъ сихъ нечестивыхъ поймала въ сѣти свои моего мужа, котораго я обожаю. Сердце мое терзается день и ночь. Я ревную до безумія. Умъ мой занятъ вымыслами объ отмщеніи. Жизнь моя продолжиться не можетъ, если я еще останусь въ настоящемъ положеніи. Что мнѣ дѣлать, милостивый государь дядюшка? Не отрекитесь подать мнѣ совѣтъ и вывесть меня изъ бѣдствія. Я есмь и проч.

Софья Милонова.

ОТВѢТЪ СТАРОДУМА СОФЬѢ.

Москва, Января 1788 года.

Съ сердечнымъ сожалѣніемъ узналъ я изъ письма твоего, въ какую слабость повергъ себя Милонъ. Онъ влюбленъ въ презрительную женщину, а ты, моя Софьюшка, ревнуешь къ сей твари! Я весьма знаю молодцовъ, подверженныхъ такой слабости. Сіи женщины, наполняющія ваши вольные маскарады, каковыхъ число и у насъ въ Москвѣ становится довольно велико, имѣютъ особливое искусство ловить молодыхъ людей въ свои сѣти и вертѣть имъ головы. Вѣрь однакожъ, Софьюшка, что и твоя голова не въ лучшемъ состояніи. Ты сокрушаешься день и ночь, занимаешься отмщеніемъ. Остерегись, другъ мой! Ты неблагоразумно поступаешь. Добродѣтель жены не въ томъ состоитъ, чтобъ быть на стражѣ у своего мужа, а въ томъ, чтобъ быть соучастницею судьбы его, и добродѣтельная жена должна сносить терпѣливо безуміе мужа своего. Онъ ищетъ забавы въ объятіяхъ любовницы, но по прошествіи перваго безумія будетъ онъ искать въ женѣ своей прежня-

го друга. Паче всего не усугубляй одного зла другимъ, ни одного дурачества другимъ, сильнѣйшимъ. Огонь, котораго не раздуваютъ, самъ скоро погасаетъ: вотъ подобіе страстей. Сражаясь упорно съ ними, пуще ихъ раздражаешь; не примѣчай ихъ, онѣ сами укротятся.

Познай все свое неразуміе. Мужъ твой старается скрыть отъ тебя обиду, которую тебѣ дѣлаетъ, а ты старайся показать ему, что тебѣ она извѣстна. Развѣ не чувствуешь ты, что срываешь завѣсу и что онъ не будетъ имѣть причины воздерживаться и станетъ обижать тебя явно? Пожалуй, не основывай любви своей на его ласкахъ, но на его честности. Знай, что честность есть душа супружескаго согласія. Прелести забавъ повергаютъ его на колѣни предъ другою; но, возвращаясь къ тебѣ, ищетъ онъ и любитъ находить милаго своего друга, раздѣляющаго судьбу его; разсудокъ его влюбленъ въ тебя и только страсть одна влечетъ его въ объятія твоей соперницы; но страсти скоротечны; насыщеніе слѣдуетъ за ними скоро; минута ихъ воспламеняетъ, минута погашаетъ.

Если мужчина не развращенъ вовсе, то къ презрительной женщинѣ долго привязанъ быть не можетъ.

Скоро отстанетъ онъ отъ порочныхъ забавъ, кои стоютъ всегда очень дорого. Мужъ твой не умедлитъ почувствовать, что онъ вредитъ самъ себѣ, что разоряется и отважается потерять свое доброе имя. Онъ имѣетъ столько разсудка, что не пойдетъ упорно на свою погибель. Онъ познаетъ свою опасность и почувствуетъ необходимость возвратиться на путь добродѣтели; права супруги призовутъ его опять къ ней. Тогда онъ познаетъ прямую цѣну твою, не возможетъ вспомнить безъ стыда о прошедшемъ своемъ поведеніи; тынайдешь его въ раскаяніи и любви твоей достойнымъ.

Паче всего, любезная Софья, оставь презрительнымъ женщинамъ ихъ уловки. Кротость, вѣрность, стараніе о домѣ, горячность къ дѣтямъ, уваженіе къ друзьямъ мужа своего—вотъ уловки честной женщины.

Стыдись показывать ревность свою къ развратной. Одно благороднѣйшее соревнованіе тебя достойно. Не уступай въ добродѣтели женамъ добродѣтельнѣйшимъ. Не питай злобы въ сердцѣ своемъ; будь всегда готова къ примиренію; благонравіе одно дѣлаетъ непріятелей нашихъ къ намъ благосклонными; благонравіе одно дѣлаетъ женщину по-

чтеніемъ. Одно оно даетъ женамъ владычество надъ мужьями. Выбирай любое: или принудь мужа своего почитать тебя, или будь его рабою.

Ты имѣешь способъ упрекать его въ дурномъ поведеніи; сей способъ есть твоя добродѣтель. Ею пристыди его, ею принудь его просить у тебя прощенія. Когда почувствуетъ онъ всю свою несправедливость, когда увидитъ, что ты ее не заслуживаешь (и какая была бы для него потеря, еслибъ ты любить его перестала!), тогда онъ больше тебя любить станетъ. Обыкновенно цѣна здоровья ощущается послѣ болѣзни: равномѣрно несогласія любящихъ дѣлаютъ примиреніе пріятнѣйшимъ.

Но буде ты внимать мнѣ не хочешь, то пожалуй продолжай безумную свою ревность. Разсудокъ мужа твоего боленъ; являй, что и твой не здоровѣе. Онъ отваживается потерять свое доброе имя, теряй и ты свое. Онъ разоряется: помогай ему въ разореніи; думая наказывать его, наказывай себя. Но нѣтъ, Софьюшка, не вдавайся ты въ сіи крайности. Скрывай страданія сердца твоего; терпи великодушно. Вотъ способъ прекратить твое бѣдствіе. Я никогда не перестану быть твоимъ искреннимъ другомъ.

Стародумъ.

P. S. Сегодня никакихъ совѣтовъ не пишу я къ Милону, дабы не подать ему подозрѣнія, что ты мнѣ на него жаловалась. Со временемъ я и къ нему со всею искренностію писать буду.

ПИСЬМО ТАРАСА СКОТИНИНА

КЪ РОДНОЙ ЕГО СЕСТРѢ ГОСПОЖѢ ПРОСТАКОВОЙ

Матушка сестрица! я по отпускѣ сего письма живъ, но въ превеликомъ горѣ. Тебѣ не безъизвѣстно, что въ деревенской жизни свиной заводъ мой составляетъ главное мое удовольствіе. На сихъ дняхъ сдѣлалось у меня несчастіе: я чуть было не дошелъ до отчаянности. Лучшая моя пестрая свинья, которую изъ почтенія къ покойной нашей родительницѣ (ты знаешь, что я всегда былъ сынъ почтительный) прозвалъ я ея именемъ: Аксинья скончалась отъ заушницы. Сколько ни старался я объ ея излѣченіи, но вижу, что и свиные врачи не искуснѣе человѣческихъ. Лѣчили нѣсколько мѣсяцевъ, денегъ перевели пропасть,

а кончилось дѣло кончиною моей дражайшей Аксиньи, которая была дороже жизни и всего завода. Она жила безпорочно. Я между женщинами многихъ Аксиній знаю, но моя жила ихъ цѣломудреннѣе. Какъ скоро мнѣ сказали, что она трудна, съ тѣхъ поръ не выходилъ я изъ хлѣва до послѣдняго ея издыханія. Она умирала геройски, не показывая никакого знака нетерпѣнія. Я, будучи также смертный, истинно, глядя на нее, учился умирать.

Сіе несчастное приключеніе перемѣнило совсѣмъ нравъ мой. Мнѣ свѣтъ опостылѣлъ. Я чувствую, что потерялъ прежнюю мою къ свиньямъ охоту; но надобно чѣмъ нибудь заняться. Хочу прилѣпиться къ нравоученію, то есть, исправлять нравы моихъ крѣпостныхъ людей и крестьянъ; но какъ къ достиженію сего лучше взяться за кратчайшее и удобнѣйшее средство, то находя, что словами я ничего сдѣлать не могу, вознамѣрился нравы исправлять березой. Всегдашняя склонность моя влекла меня къ строгости. Лишась моей Аксиньи, не буду знать ни пощады, ни жалости, а тамъ пусть со мною будетъ, что будетъ. Я хочу, чтобъ дѣйствіе надо мною столь великой потери ощутили всѣ тѣ, кои отъ меня зависятъ. Ты знаешь, матушка, что всякую мою досаду, кольми паче несчастіе, надъ людьми моими вымѣщаю, и если между твоими крѣпостными найдутся такіе, коихъ нравы исправлять надобно моимъ манеромъ, то присылай ко мнѣ; а я на свою руку охулки не положу, и всегда радъ тебѣ доказывать, что я твой

достойный братъ

Тарасъ Скотининъ.

ПИСЬМО СТАРОДУМА

КЪ СОЧИНИТЕЛЮ НЕДОРОСЛЯ.

Москва, февраля 1788 года.

На сихъ дняхъ попались мнѣ въ руки ходящія здѣсь рукописныя два сочиненія: 1-е, *Всеобщая Придворная Грамматика*; и 2-е, *Письмо Взяткина къ покойному Его Превосходительству, съ отвѣтомъ*. Идея перваго сочиненія

совсѣмъ новая, а второе обнаруживаетъ бездѣльническіе способы къ угнетенію бѣдныхъ и безпомощныхъ. Оба кажутся мнѣ достойны быть помѣщены въ твореніяхъ, посвященныхъ истинѣ. Для того я ихъ при семъ къ вамъ сообщаю, пребывая и проч.

Стародумъ.

—

ВСЕОБЩАЯ ПРИДВОРНАЯ ГРАММАТИКА.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Сія Грамматика не принадлежитъ частно ни до котораго Двора: она есть всеобщая или философская. Рукописный подлинникъ оной найденъ въ Азіи, гдѣ, какъ сказываютъ, былъ первый Царь и первый Дворъ. Древность сего сочиненія глубочайшая: ибо на первомъ листѣ Грамматики хотя годъ и не назначенъ, но именно изображены сіи слова: *вскорѣ послѣ всеобщаго потопа* (52).

—

ВСЕОБЩАЯ ПРИДВОРНАЯ ГРАММАТИКА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Вопр. Что̀ есть Придворная Грамматика?

Отв. Придворная Грамматика есть наука хитро льстить языкомъ и перомъ.

Вопр. Что̀ значитъ хитро льстить?

Отв. Значитъ говоритъ и писать такую ложь, которая была бы знатнымъ пріятна, а льстецу полезна.

Вопр. Что̀ есть придворная ложь?

Отв. Есть выраженіе души подлой предъ душею надменною. Она состоитъ изъ безстыдныхъ похвалъ большому барину за тѣ заслуги, которыхъ онъ не дѣлалъ, и за тѣ достоинства, которыхъ не имѣетъ.

Вопр. На сколько родовъ раздѣляются подлыя души?

Отв. На шесть.

Вопр. Какія подлыя души перваго рода?

Отв. Тѣ, кои сдѣлали несчастную привычку, безъ малѣйшей нужды, въ передникъ знатныхъ господъ шататься вседневно.

Вопр. Какія подлыя души втораго рода?

Отв. Тѣ, кои, съ благоговѣніемъ предстоя большому барину, смотрятъ ему въ очи раболѣпно и алчутъ предузнать мысли его, чтобы заранѣе угодить ему подлымъ таканьемъ.

Вопр. Какія суть подлыя души третьяго рода?

Отв. Тѣ, которыя предъ лицемъ большаго барина, изъ одной трусости, рады всѣ всклепать на себя небывальщины и отъ всего отпереться.

Вопр. А какія подлыя души рода четвертаго?

Отв. Тѣ, кои въ большихъ господахъ превозносятъ и то похвалами, чѣмъ гнушаться должны честные люди.

Вопр. Какія суть подлыя души пятаго рода?

Отв. Тѣ, кои имѣютъ безстыдство за свои прислуги принимать воздаянія, принадлежащія однѣмъ заслугамъ.

Вопр. Какія же суть подлыя души рода шестаго?

Отв. Тѣ, которыя презрительнѣйшимъ притворствомъ обманываютъ публику: внѣ дворца кажутся *Катонами;* вопіютъ противъ льстецовъ; ругаютъ язвительно и безпощадно всѣхъ тѣхъ, которыхъ трепещутъ единаго взора; проповѣдуютъ неустрашимость; и по ихъ отзывамъ кажется, что они одни своею твердостію стерегутъ цѣлость отечества и несчастныхъ избавляютъ отъ погибели; но, переступя чрезъ порогъ въ чертоги государя, дѣлается съ ними совершенное превращеніе: языкъ, ругавшій льстецовъ, самъ подлаживаетъ имъ подлѣйшею лестію; кого ругалъ за полчаса, предъ тѣмъ безгласный рабъ; проповѣдникъ неустрашимости боится некстати взглянуть, некстати подойти; стражъ цѣлости отечества, если находитъ случай, первый протягиваетъ руку ограбить отечество; заступникъ несчастныхъ, для малѣйшей своей выгоды, радъ погубить невиннаго.

Вопр. Какое раздѣленіе словъ у Двора примѣчается?

Отв. Обыкновенныя слова бываютъ: *односложныя, двусложныя, троесложныя* и *многосложныя.* Односложныя: *царь, князь, рабъ;* двусложныя: *силенъ, случай, упалъ;* троесложн-

ныя: *милостивъ, жаловать, угождать,* и наконецъ многосложныя: *Высокопревосходительство.*

Вопр. Какіе люди обыкновенно составляютъ Дворъ?

Отв. Гласные и безгласные.

—

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О гласныхъ и о частяхъ рѣчи.

Вопр. Что̀ разумѣешь ты чрезъ гласныхъ?

Отв. Чрезъ гласныхъ разумѣю тѣхъ сильныхъ вельможъ, кои по большей части самымъ простымъ звукомъ, чрезъ одно отверстіе рта, производятъ уже въ безгласныхъ то дѣйствіе, какое имъ угодно. Напримѣръ: если большой баринъ, при докладѣ ему о какомъ-нибудь дѣлѣ, нахмурясь скажетъ: *о!*—того дѣла вѣчно сдѣлать не посмѣютъ, развѣ какъ-нибудь перетолкуютъ ему объ оном̀ другимъ образомъ и онъ, получа о дѣлѣ другія мысли, скажетъ тоном̀, изъявляющимъ свою ошибку: *а!*—тогда дѣло обыкновенно въ тотъ же часъ и рѣшено.

Вопр. Сколько у Двора бываетъ гласныхъ?

Отв. Обыкновенно мало: три, четыре, рѣдко пять.

Вопр. Но между гласными и безгласными нѣтъ ли еще какого рода?

Отв. Есть: полугласные, или полубояре.

Вопр. Что есть полубояринъ?

Отв. Полубояринъ есть тотъ, который уже вышелъ изъ безгласныхъ, но не попалъ еще въ гласные; или, иначе сказать, тотъ, который предъ гласными хотя еще безгласный, но передъ безгласными уже гласный.

Вопр. Что̀ разумѣешь ты чрезъ придворныхъ безгласныхъ?

Отв. Они у Двора точно то, что въ азбукѣ буква ъ, то есть: сами собою, безъ помощи другихъ буквъ, никакого звука не производятъ.

Вопр. Что̀ при словахъ примѣчать должно?

Отв. Родъ, число и падежъ.

Вопр. Что̀ есть придворный родъ?

Отв. Есть различіе между душею мужескою и женскою. Сіе различіе отъ пола не зависитъ: ибо у Двора иногда женщина стоитъ мужчины, а иной мужчина хуже бабы.

Вопр. Что̀ есть число?

Отв. Число у Двора значитъ счетъ: за сколько подлостей сколько милостей достать можно; а иногда счетъ: сколькими полугласными и безгласными можно свалить одного гласнаго; или же иногда, сколько одинъ гласный, чтобъ устоять въ гласныхъ, долженъ повалить полугласныхъ и безгласныхъ.

Вопр. Что есть придворный падежъ?

Отв. Придворный падежъ есть наклоненіе сильныхъ къ наглости, а безсильныхъ къ подлости. Впрочемъ, бо́льшая часть бояръ думаетъ, что всѣ находятся передъ ними въ *винительномъ падежѣ;* снискиваютъ же ихъ расположеніе и покровительство обыкновенно *падежемъ дательнымъ*.

Вопр. Сколько у двора глаголовъ?

Отв. Три: *дѣйствительный*, *страдательный*, а чаще всего *отложительный*.

Вопр. Какія наклоненія обыкновенно у Двора употребляются?

Отв. Повелительное и неопредѣленное.

Вопр. У людей заслуженныхъ, но безпомощныхъ, какое *время* употребляется по большей части въ разговорахъ съ большими господами?

Отв. Прошедшее, напримѣръ: *я изранекъ*, *я служилъ*, и тому подобное.

Вопр. Въ какомъ *времени* бываетъ ихъ отвѣтъ?

Отв. Въ *будущемъ*, напримѣръ: *посмотрю*, *доложу*, и такъ далѣе.

—

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О глаголахъ.

Вопр. Какой глаголъ спрягается чаще всѣхъ и въ какомъ времени?

Отв. Какъ у Двора, такъ и въ столицѣ никто безъ долгу не живетъ, для того чаще всѣхъ спрягается глаголъ: *быть должнымъ*. (Для примѣра прилагается здѣсь спряженіе *настоящаго времени*, чаще всѣхъ употребительнѣйшаго:)

Настоящее:

Я долженъ. Мы должны.
Ты долженъ. Вы должны.
Онъ долженъ. Они должны.

Вопр. Спрягается ли сей глаголъ въ прошедшемъ времени?

Отв. Весьма рѣдко: ибо никто долговъ своихъ не платитъ.

Вопр. А въ будущемъ?

Отв. Въ будущемъ спряженіе сего глагола употребительно: ибо само собою разумѣется, что всякій непремѣнно въ долгу будетъ, если еще не есть.

ПИСЬМО,

НАЙДЕННОЕ ПО БЛАЖЕННОЙ КОНЧИНѢ НАДВОРНАГО СОВѢТНИКА ВЗЯТКИНА КЪ ПОКОЙНОМУ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ***.

Москва, 1777.

Милостивый Государь и второй отецъ!

Съ крайнимъ сердца нашего обрадованіемъ, чему свидѣтель Господь сердцевидѣцъ, услышалъ я съ женою моею Улитою и съ дѣтьми нашими обоего пола, что Ваше Превосходительство, такъ сказать, изъ ничего, по единой Божеской благости, слѣпымъ случаемъ произведены въ большой чинъ и посажены знатнымъ судьею, весьма въ непродолжительное время и безъ всякихъ трудовъ, по единой милости Создателя, изъ ничего всю вселенную создавшаго. Къ стопамъ Вашего Превосходительства упадая, просимъ рабски, не оставить насъ по дѣламъ нашимъ, которымъ и реестрецъ маленькій вкратцѣ приложить возъимѣлъ я дерзость, а при немъ прилагаю вамъ, Государю и отцу, сторублевую ассигнацію, на первый случай, зная издревле благочестивую душу Вашего Превосходительства, предъ которою *всяко даяніе благо и всякъ даръ совершенъ*. Да и поистинѣ, Милостивый Государь и отецъ, жизнь наша краткая: не довлѣетъ пренебрегать такіе благознаменитые случаи, въ которые Ваше Превосходительство можете пріобрѣсть стяжанія въ роды родовъ. Теперь-то пришло время благополучія нашего: истцы и отвѣтчики, правые и виноватые, богатые и *убозіи*, всѣ въ рукѣ Вашего Превосходительства. Что же касается до казны, то, по моему глупому разуму, нѣсть грѣха и до нее отъ времени до времени прикасаться; ибо не Ваше Превосходительство, такъ

другой, а казна никогда отъ рожденія въ цѣлости не бывала, да и быть едва ли можетъ, да, и видно, таковъ положенъ ей предѣлъ, *его же не прейде*. При толикихъ удобнымъ благополучіяхъ да не буду и я отриновенъ отъ благодати Вашего Превосходительства, и не возможно ли, Милостивый Государь и второй отецъ, перетащить меня изъ Москвы въ С.-Петербургъ, хотя тѣмъ же чиномъ, для прислугъ Вашему Превосходительству; а когда соизволите усмотрѣть приращеніе интересовъ вашихъ моими усердными и безпорочными трудами въ пріисканіи извѣстныхъ случаевъ ради помянутаго приращенія, то и о произведеніи меня чиномъ отеческое попеченіе возъимѣете. Да еще жъ прошу васъ, Государя и отца, о сынѣ моемъ Митюшкѣ, ежели возможно, взять его къ себѣ хотя въ копіисты, а его Господь наградить благоволилъ, что онъ къ приказнымъ дѣламъ весьма сроденъ, и уже подъ моимъ смотрѣніемъ сочинилъ совсѣмъ новаго рода сводное уложеніе, пріискавъ на каждое дѣло по два указа, изъ коихъ по одному отдать, а по другому отнять ту же самую вещь неоспоримо повелѣвается; такъ я и думаю, что изъ него прокъ будетъ и онъ удостоится отеческой вашей милости; на что и ожидаю вашего указа. Истинно, Милостивый Государь и отецъ! теперь ваше, а по васъ и наше время настало; а на первый случай хотя народу и тяжко будетъ, да когда въ производствахъ своихъ соблаговолите ссылаться на законы, къ чему и убогіе Митюшкины труды могутъ пригодиться, то по неволѣ замолчатъ наши недоброхоты. Государь и отецъ! разсудите сами по чистой совѣсти: буде челобитчикъ и отвѣтчикъ ищутъ своей пользы въ законахъ; то для чего же судьѣ своей пользы не искать въ законахъ? Отъ таковой выключки оборони насъ Вышній; а я по конецъ жизни вѣчно и по гробъ мой до послѣдняго издыханія пребываю,

Вашего Превосходительства,

Милостиваго Государя и отца,

всепокорнѣйшій слуга и рабъ,

Артемонъ Взяткинъ,

къ стопамъ повергаюсь.

Краткій реестръ для напоминанія всеуниженнѣйшей просьбы Надворнаго Совѣтника Взяткина, съ означеніемъ цѣнъ, клятвенно обѣщаемыхъ Его Превосходительству за милостивую протекцію и покровительство.

1. Имѣется межевое дѣло бывшаго Воеводскаго товарища, Антропа Шильникова, съ разными беззаступными помѣщиками. Вмѣсто потребныхъ документовъ, коихъ реченный Шильниковъ нигдѣ отыскать не можетъ, да заступитъ едино предстательство Вашего Превосходительства за . . . . . 500 руб.

2. Ассесоръ Воровъ ищетъ мѣста въ дальнихъ намѣстничествахъ, дабы слухъ о производствахъ его не достигалъ никогда до столицы. Человѣкъ онъ кроткій и славы не любитъ. Чрезъ полгода, по прибытіи въ его мѣсто, не преминетъ онъ Вашему Превосходительству повергнуть чрезъ меня . . . . . 500 руб.

Потомъ ежегодно, пока продлитъ Богъ вѣка Вашему Превосходительству, по . . . . . 1000 руб.

3. Вдова штабъ-офицерша Бѣднякова, имѣющая вексельное дѣло съ купцомъ Плутягинымъ, потащилась въ С.-Петербургъ искать правосудія. Не возможно ль, Государь и отецъ, удостоить отеческимъ покровительствомъ реченнаго Плутягина, и, не допуская до поданія челобитной, подъ какимъ ни есть предлоготъ, выгнать изъ столицы реченную вдову Бѣднякову? За таковое человѣколюбивое благодѣяніе, которое въ настоящемъ случайномъ благополучіи Ваше Превосходительство всего удобнѣе показать можете, реченный купецъ подноситъ . . . . . 500 руб.

4. Совѣтникъ Криводушинъ, находящійся въ извѣстномъ намѣстничествѣ, проситъ сильнаго рекомендательнаго письмеца Вашего Превосходительства, дабы онъ употребленъ былъ при рекрутскихъ наборахъ; и если, какъ надѣяться должно, будетъ онъ удостоенъ сей весьма важной для поправленія дѣлъ его коммиссіи, то въ каждый таковой благополучный и вожделѣнный годъ Ваше Превосходительство навѣрное благоволите считать отъ него по. . . 1500 руб.

5. Находившійся при таможенныхъ сборахъ ассесоръ Простофилинъ, котораго за весьма малое до казны прикосновеніе бросили отъ мѣста, припадаетъ къ стопамъ Вашего Превосходительства и проситъ, изъ единаго чело-

вѣколюбія, приложить милосердное попеченіе объ опредѣленіи его къ новому мѣсту, съ клятвеннымъ обѣщаніемъ, что онъ такъ мало до казны никогда не прикоснется и поставитъ себя въ состояніе, въ непродолжительномъ времени, достойно и праведно возблагодарить Ваше Превосходительство.

Наконецъ осмѣливаюсь упомянуть Вашему Превосходительству и о моемъ страдальческомъ положеніи. До сихъ поръ въ здѣшнемъ правительствѣ не рѣшено еще извѣстное дѣло мое о безчестіи и увѣчьѣ, по поводу данной мнѣ всенижайшему сильной пощечины отъ Его Высокоблагородія г. маіора Неспускалова. Помилуйте, Государь и отецъ, не оставьте меня милостивою рекомендаціею къ здѣшнему начальству и испросите высокаго его покровительства въ скорѣйшемъ мнѣ полученіи опредѣленнаго по законамъ безчестія и увѣчья, какъ за сію, уже данную мнѣ пощечину, такъ генерально и за всѣ могущія впредь со мной воспослѣдовать, дабы не при всякой новой оплеухѣ утруждать Ваше Превосходительство вновь о милостивомъ заступленіи.

ОТВѢТЪ.

Мой государь, Артемонъ Власьевичъ.

Много благодарствую за пріятельское ваше писаніе, съ приложеніемъ извѣстной бумажки и реестра, по которому я учинилъ слѣдующее распоряженіе:

На 1. Шильниково дѣло я давно знаю. Еслибъ онъ попался къ другому, тобъ, конечно, обвиненъ былъ; по какъ я крѣпостныхъ документовъ никогда ни отъ кого не спрашиваю, а рѣшу и заступаю по другимъ документамъ, каковыхъ соперникъ его не представляетъ мнѣ ни одного, а Шильниковъ пятьсотъ, то сей послѣдній можетъ быть увѣренъ, что всѣ законы возопіютъ противъ его соперника; но не забудь, мой пріятель, растолковать ему, что обѣщаемые пятьсотъ документовъ мнѣ, не послужатъ нимало къ убѣжденію секретаря. Для него потребна по крайней мѣрѣ новая сотня документовъ. Онъ человѣкъ совѣсти весьма деликатной и за бездѣлицу души не покривитъ.

На 2. Воровъ мнѣ самому былъ пріятелемъ съ ребячества. Прилагаю объ немъ рекомендательное письмецо, въ твердомъ упованіи, что онъ свой разсчетъ сдѣлалъ и обѣщаемое мнѣ вѣрно доставлять станетъ. А ты, мой пріятель, увѣрь его, чтобъ онъ никакихъ жалобъ не опасался; ибо пока я бояринъ, онъ Воровъ и вся его родня будутъ вести житіе благоденственное.

На 3. О Бѣдняковой далъ я сегодня же приказъ моему канцеляристу, чтобъ онъ при въѣздѣ ея въ городъ, закричалъ на нее: *караулъ!* въ Ямской, подъ предлогомъ яко бы нѣкоего тяжебнаго дѣла; слѣдственно будетъ она проведена прямо въ Государеву квартиру; а какъ по новости ея въ городѣ, она порукъ по себѣ не найдетъ, да и я не допущу, то можетъ она сидѣть въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока согласится, не заѣзжая никуда, отправиться во-свояси. Будь увѣренъ, мой пріятель, что пока я бояринъ, по тѣхъ поръ для всѣхъ Бѣдняковыхъ Петербургъ будетъ тюрьма, а тюрьма Петербургъ.

На 4. Рекомендательное письмо къ N. N., объ употребленіи совѣтника Криводушина къ рекрутскимъ наборамъ, охотно при семъ прилагаю; а притомъ прошу внушить ему яко бы отъ себя, чтобъ онъ не сильно налегалъ на помѣщичьихъ, а прижималъ бы плотнѣе тѣхъ, за которыхъ не кому вступиться. Сего послѣдняго правила держусь я и самъ въ знатномъ моемъ состояніи, кольми паче маленькій человѣкъ наблюдать оное долженъ.

На 5. Ассесоръ Простофилинъ самъ виноватъ, для чего потерялъ мѣсто. Я его за простоту любилъ, и какъ теперь помню, наканунѣ допроса, учиненнаго ему о казенной кражѣ, я призывалъ его къ себѣ и сколько разъ, увѣщевая дружески, говорилъ ему: «Эй, отопрись, отопрись!»—Нѣтъ, сударь, таки признался, повинился; вотъ за то и топчи теперь площадь. Скажи ему однако, что я объ немъ постараюсь; но что если онъ еще разъ украдетъ мало, то навсегда отъ него отступлюсь.

При семъ же прилагаю рекомендательное письмецо по поводу данной тебѣ, пріятелю моему, пощечины. Будучи въ малыхъ чинахъ, я и самъ пользовался безумною горячностію челобитчиковъ и съ такимъ успѣхомъ, что поистинѣ цѣлый годовой окладъ мой выбиралъ иногда на однѣхъ оплеухахъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался бояриномъ,

сія вѣтвь моихъ доходовъ совершенно истребилась. Когда я, будучи въ маленькихъ чинахъ, обращался съ мелкимъ дворянствомъ, бывало за всякую бездѣлицу: выдеру ль листъ изъ дѣла, почищу ль да приправлю, того и смотрю, что обиженный мною, безъ дальнихъ извиненій, шлепъ меня по рожѣ. Но въ настоящемъ положеніи, что ни творю, никто не дерзаетъ меня въ очи избранить, нетолько заушить. Истинно, мой достойный пріятель, жалко видѣть, какъ въ большомъ свѣтѣ души мелки и робки!

Учиня тебѣ, мой государь и нелицемѣрный пріятель, отвѣтъ на твое дружеское писаніе, прилагаю при семъ вкратцѣ тебѣ наставленіе, или краткую инструкцію, какія въ настоящемъ моемъ положеніи потребны мнѣ твои пріятельскія услуги:

1. Въ откровенности тебѣ скажу, моему государю, что здѣсь слово *откупъ* въ крайнемъ презрѣніи и поношеніи, и называется *монополія*. Мое мнѣніе то, чтобъ сего слова никогда не употреблять, а все откупать, что возможно; ибо иногда одну вещь подъ разными именами не распознаютъ вовсе. Я положилъ откупъ называть *законтрактованіемъ*, и прошу тебя пріискать въ Москвѣ изъ старыхъ откупщиковъ къ новому законтрактованію какихъ вещей они сами пожелаютъ, лишь бы меня самого взяли въ половину, дабы я имѣлъ причину дать имъ надлежащую протекцію и покровительство.

ПИСЬМО ОТЪ СТАРОДУМА.

Москва. Февраля 1788 года.

Мнѣ случилось на сихъ дняхъ быть въ здѣшнемъ обществѣ, довольно многочисленномъ, а особливо дамъ было великое множество. Въ одной комнатѣ былъ разведенъ каминъ, около котораго стояли человѣкъ пять, шесть молодыхъ людей. Они, не взирая на присутствіе сидѣвшихъ въ той же комнатѣ знатныхъ и состарѣвшихся въ дѣлахъ государственныхъ особъ, разговаривали между собою непристойно громко и со всею невѣжескою дерзостью. Я поразвѣдалъ, кто они таковы. Мнѣ сказано было, что они

молодые писатели. Я подошелъ къ нимъ поближе послушать ихъ бесѣды и нашелъ, что бесѣдовали они о литературѣ. Мнѣнія свои сказывали за рѣшенія, никакому пересуду не подверженныя. Одинъ изъ нихъ весьма язвительно шпынялъ надъ твореніями первыхъ нашихъ писателей и изъяснялся, что онъ самъ упражняется въ стихотворствѣ, но во французскомъ, а не въ россійскомъ; «ибо», сказалъ онъ съ насмѣшкою, «я боюсь войти въ соперничество съ великими людьми.» Молодой человѣкъ, съ нетерпѣніемъ насмѣшки его слушавшій, отвѣчалъ ему: «Вы напрасно боитесь войти въ соперничество съ нашими великими людьми; французское ваше краснорѣчіе доказываетъ, какой бы вы писатель были и по-русски. Россія имѣетъ ораторовъ, надъ которыми шутить не позволяется.» — «Я думаю», отвѣчалъ французскій стихотворецъ, «что Россія краснорѣчія вовсе не имѣетъ; ибо если собрать всѣ русскія краснорѣчивыя творенія, то книга выйдетъ не весьма огромная.» Послѣ сихъ словъ разговоръ сталъ у нихъ гораздо горячѣе и показывалъ, что бесѣдующіе молодые писатели знаніе имѣли весьма малое, а воспитанія никакого.

Возвратясь домой, подумалъ я о сей бесѣдѣ, и какъ не льзя не признаться, что наши витійственныя сочиненія составили бы весьма маленькую книжку, то размышлялъ я, отъ чего имѣемъ мы такъ мало ораторовъ? Никакъ нельзя положить, чтобъ сіе происходило отъ недостатка національнаго дарованія, которое способно ко всему великому, ниже отъ недостатка россійскаго языка, котораго богатство и красота удобны ко всякому выраженію. Истинная причина малаго числа ораторовъ есть недостатокъ въ случаяхъ, при коихъ бы даръ краснорѣчія могъ показаться. Мы не имѣемъ тѣхъ народныхъ собраній, кои витіи большую дверь къ славѣ отворяютъ и гдѣ побѣда краснорѣчія не пустою хвалою, но Претурою, Архонціями и Консульствами награждается. Демосѳенъ и Цицеронъ въ той землѣ, гдѣ даръ краснорѣчія въ однихъ похвальныхъ словахъ ограниченъ, были бы риторы не лучше Максима Тирянина; а Прокоповичъ, Ломоносовъ, Елагинъ и Поповскій въ Аѳинахъ и Римѣ были бы Демосѳены и Цицероны; по крайней мѣрѣ церковное наше краснорѣчіе доказываетъ, что россіяне при равныхъ случаяхъ никакой націи не уступаютъ. Преосвященные наши митрополиты: Гавріилъ, Самуилъ,

Платонъ, суть наши Тиллотсоны и Бурдалу; а разныя мнѣнія и голоса Елагина, составленные по долгу званія его, довольно доказываютъ, какого рода и силы было бы россійское витійство, если бы имѣли мы гдѣ разсуждать о законѣ и податяхъ, и гдѣ судить поведенія министровъ, государственнымъ рулемъ управляющихъ.

Но между неисчетными благами, коими Россія облагодѣтельствована отъ Екатерины Вторыя, должно считать и установленіе Россійской Академіи. Сіе установленіе конечно много споспѣшествовать будетъ къ образованію и обогащенію россійскаго слова. Слышу я, что Академія упражняется въ составленіи россійскаго лексикона и грамматики. Безъ сомнѣнія, сей трудъ будетъ весьма полезенъ; но кажется мнѣ, что между тѣмъ, какъ Академія сими занимается, можетъ она, подъ покровительствомъ предсѣдательствующей въ ней толь знаменитой просвѣщеннымъ своимъ разумомъ особы, дать упражненіе и тѣмъ россійскимъ писателямъ, кои не суть члены Академіи. Она можетъ, по примѣру подобнымъ въ Европѣ установленій, задавать ежегодно матеріи къ витійственнымъ сочиненіямъ, награждая побѣдителя въ краснорѣчіи и возбуждая тѣмъ соревнованіе между писателями. Россія имѣла между государями своими великихъ благодѣтелей, кои достойны благодарности. Имѣла она также и между сынами своими истинныхъ отечестволюбцевъ, которыхъ дѣла достойны быть преданы потомству. Можно также задавать и матеріи нравоучительныя, словомъ: упражнять писателей во всѣхъ родахъ сочиненій и тѣмъ возращать россійскаго слова богатство, красоту и силу. Я есмь и проч.

Стародумъ.

РАЗГОВОРЪ

У

КНЯГИНИ ХАЛДИНОЙ.

(*Письмо отъ Стародума*).

—

Москва, Февраля 1788 года.

Сегодня былъ у меня одинъ изъ моихъ пріятелей, который сказывалъ мнѣ, что вчера онъ званъ былъ обѣдать.

къ княгинѣ Халдиной, но пріѣхалъ къ ней такъ рано, что она еще одѣвалась и его принять не могла; почему введенъ былъ въ комнату подлѣ уборной ея, такъ что могъ слышать всѣ ея разговоры. Она много шумѣла съ своею дѣвушкою о нарядахъ; потомъ взглянула въ окошко и, увидѣвъ, что подъѣхали къ крыльцу санки «Это санки Сорванцова», сказала княгиня съ веселымъ видомъ. «Пусти его сюда,» говорила она дѣвушкѣ своей. Чрезъ минуту пріятель мой увидѣлъ вошедшаго къ княгинѣ мужчину въ намѣстническомъ мундирѣ. Княгиня, въ веселомъ духѣ привставъ: «А! Сорванцовъ голубчикъ! здравствуй», сказала ему, «садись возлѣ меня. Откуда?»

Сорванцовъ. Изъ присутствія, княгиня. Ты знаешь, что я судья. Я тамъ такъ заспался, что насилу очнуться могу. Часа четыре читали дѣло; всю эту пропасть мололи при мнѣ; а какъ закономъ не запрещено судьѣ спать, когда и гдѣ захочетъ, то я, сидя за судейскимъ столомъ, предпочелъ лучше во снѣ видѣть бредъ, нежели на яву слышать вздоръ.

Княгиня. Не понимаю, какъ ты могъ съ твоимъ любезнымъ характеромъ сдѣлаться судьею! Знаешь ли что? Пока я за туалетомъ, разскажи мнѣ всю свою исторію. Дѣвка! румяны!

Сорванцовъ. Она коротехонька. Я нарисую вамъ всю картину моей жизни, прежде нежели вы полщеки разрисовать успѣете. Мнѣ уже за тридцать лѣтъ. Первыя восемнадцать, сидя дома, служилъ я отечеству гвардіи унтеръ-офицеромъ. Покойникъ батюшка и покойница матушка выхаживали мнѣ ежегодно паспортъ для продолженія наукъ, которыхъ я, слава Богу, никогда не начиналъ. Какъ теперь помню, что просительное письмо въ Петербургъ о паспортѣ посылали они обыкновенно по ямской почтѣ, потому что при письмѣ слѣдовала посылка съ кускомъ штофа, адресованнаго на имя не-знаю какой-то тетки полковаго секретаря. Какъ бы то ни было, я не зналъ, не вѣдалъ, какъ вдругъ очутился въ отставкѣ капитаномъ. Съ тѣхъ поръ жилъ я въ Москвѣ благополучно, потому что батюшка и матушка скончались и я остался одинъ господиномъ трехъ тысячъ душъ. Недѣли двѣ спустя послѣ ихъ кончины жестокое несчастіе лишило меня вдругъ тысячи душъ.

Княгиня. Боже мой! Какое же это несчастіе?

Сорванцовъ. Несчастіе, которому, я думаю, въ свѣтѣ примѣра не бывало и не будетъ. Полтораста картъ убили у меня въ одинъ вечеръ, изъ которыхъ девяносто семь загнуты были *сетелева!*

Княгиня. Ахъ! это слышать страшно!

Сорванцовъ. Послѣ этого несчастія хватился я за разумъ: пересталъ ставить большіе куши и маленькими въ полгода переставилъ я еще пятьсотъ душъ въ Каширѣ.

Княгиня. Какъ! Ты проигралъ и Каширскую, гдѣ лежатъ твои родители?

Сорванцовъ. Я имъ тутъ лежать не помѣшалъ, княгиня! Сверхъ того, не изъ подлой корысти продалъ я деревню, гдѣ погребены мои родители. За то, что тѣла ихъ тутъ опочиваютъ, мнѣ ни полушки не прибавили.

Княгиня. Такъ и подлинно, ты предъ ними чистъ въ своей совѣсти.

Сорванцовъ. И такъ съ полутора тысячью душами принялся я за экономію: вошелъ въ коммерцію, сталъ продавать людей на службу отечеству, сталъ заводить въ подмосковной псовую охоту, сталъ покупать бѣгуновъ, чтобъ сдѣлать себѣ въ Москвѣ нѣкоторую репутацію. Ямской цугъ былъ у меня по Москвѣ изъ первыхъ; какъ вдругъ пораженъ я былъ лютѣйшимъ ударомъ, какой только въ жизни могъ приключиться моему честолюбію.

Княгиня. Ахъ, Боже мой! какое это новое несчастіе?

Сорванцовъ. Я не зналъ, не вѣдалъ, какъ вдругъ изъ моего цуга выпрягли четверню и велѣли ѣздить на парѣ. Этотъ ударъ такъ меня сразилъ, что я тотчасъ ускакалъ въ деревню и жилъ тамъ долго какъ человѣкъ отчаянный. Наконецъ очнулся. Я дворянинъ, сказалъ я самъ себѣ, и не созданъ терпѣть униженія. Я рѣшился или умереть, или по прежнему ѣздить шестеркой.

Княгиня. Молодые люди! молодые люди! вотъ какъ вамъ всѣмъ думать надобно!

Сорванцовъ. Я кинулся въ Петербургъ, гдѣ черезъ шесть недѣль преобразили меня въ надворные совѣтники. Я странный человѣкъ! Чтобъ найти, чего ищу, ничего не пожалѣю. Слѣдствіемъ этого образа мыслей было то, что меньше нежели чрезъ годъ изъ надворныхъ совѣтниковъ перебросили меня въ коллежскіе. Теперь я наканунѣ быть статскимъ, а на завтра этого челобитную въ отставку, да

и въ Москву, въ которой, первые визиты сдѣлавъ шестернею, докажу публикѣ, что я умѣлъ удовлетворить честолюбію.

Княгиня. О, если бы всѣ дворяне мыслили такъ благородно и лошадямъ было бы гораздо легче! Ты сдѣлалъ полезное дѣло и себѣ и ближнимъ. Твой поступокъ, мой милый Сорванцовъ, содержитъ въ себѣ чистое нравоученіе.

Сорванцовъ. Я столько счастливъ, что нашелъ себѣ подражателей. Я моимъ примѣромъ открылъ ту истину, что чинъ заслуженный, ни чѣмъ не лучше чина купленнаго.

Княгиня. Не прогнѣвайся, голубчикъ! Сія истина не весьма новая, ибо не ты первый купилъ себѣ право впрягать шесть лошадей. Я сама имѣла жениха оберъ-офицера, но не позволила ему о бракѣ нашемъ и думать, пока не будетъ онъ имѣть право возить меня четвернею. Покойный мой князь принужденъ былъ согласиться на мое требованіе.

Сорванцовъ. Я удивляюсь, княгиня, какъ могла ты ограничить свое честолюбіе только четвернею! Ты бы могла предписать жениху снисканіе права на шесть лошадей.

Княгиня. Но, Сорванцовъ, голубчикъ! твое честолюбіе выходило изъ мѣры. Ты хотѣлъ изъ капитановъ быть вдругъ бригадирскаго чина. Я недавно читала Римскую Исторію и нахожу, что твое честолюбіе есть Катилининское. Берегись, Сорванцовъ, чтобы и тебя не постигъ какой-нибудь бѣдственный конецъ!

Сорванцовъ. Я откроюсь тебѣ, княгиня, что каждую почту изъ Петербурга съ трепетомъ писемъ ожидаю. Судьи, мои товарищи, рѣшили одно дѣло, или, лучше сказать, смошенничали. Обиженный нашелъ въ Петербургѣ покровительство и, сказываютъ, что всѣмъ намъ бѣда будетъ.

Княгиня. Да ты неужели за одно былъ съ безсовѣстными судьями?

Сорванцовъ. Нѣтъ, княгиня. Я согласился съ ними для того, что не понималъ дѣла, и мнѣ пристойнѣе казалось имъ не противорѣчить, нежели признаться, что я не понимаю.

Княгиня. Ты имѣешь разумъ, Сорванцовъ. Я не постигаю, какого бы дѣла ты понять не могъ.

Сорванцовъ. Оно писано было такимъ темнымъ сло-

гомъ, что безъ проницанія чрезъестественнаго понять его никакъ не возможно.

Княгиня. А propos! (*къ своей дѣвушкѣ*) Ты мнѣ аннонсировала г-на Здравомысла; гдѣ жъ онъ?

Дѣвка (*указывая на другую комнату*). Вотъ здѣсь дожидается.

Княгиня. Проси его сюда. (*Здравомыслъ входитъ*).

Княгиня. Извините меня, сударь, что глупость людей моихъ заставила васъ сидѣть въ скукѣ. (*Къ дѣвкѣ*) Развѣ ты не знаешь, что я при мужчинахъ люблю одѣваться.

Дѣвка. Да вѣдь стыдно, ваше сіятельство.

Княгиня. Глупа, радость! Я столько свѣтъ знаю, что мнѣ стыдно чего-нибудь стыдиться.

Здравомыслъ. Я, вошедъ сюда, помѣшалъ вашему разговору, который, сколько я примѣтилъ, былъ довольно серьёзенъ.

Княгиня. Если позволите, мы разговоръ нашъ продолжать станемъ и просимъ васъ не скрывать отъ насъ вашихъ мыслей. (*Сорванцову*) Продолжай.

Сорванцовъ. Повѣрьте мнѣ, княгиня, что многія дѣла беззаконно рѣшаются сколько отъ безсовѣстности судей, столько и отъ безтолковости, съ которою предложено дѣло.

Здравомыслъ. Не всегда судьи не понимаютъ дѣла для того, что оно предложено не ясно; весьма часто не понимаютъ для того, что не сдѣлали привычки къ дѣламъ и не пріобрѣли способности къ вниманію. Сія способность пріобрѣтается ученіемъ и чтеніемъ; но сколько у насъ людей, которые порядочно учились и имѣютъ навыкъ понимать читаемое? Я не требую судей ученыхъ, но, мнѣ кажется, судья долженъ быть неотмѣнно просвѣщенъ и умѣть грамотѣ, то есть, знать по крайней мѣрѣ правописаніе, чему, я самъ видѣлъ, не многіе у насъ умѣютъ; хотя и то правда, что запятая, не въ своемъ мѣстѣ поставленная, иногда перемѣняетъ существо самаго дѣла и слѣдовательно заставляетъ судей рѣшить неправильно.

Сорванцовъ. Но развѣ всему этому пособить не можно? Развѣ не льзя завести добрыхъ судей, которые бы имѣли и знаніе и дарованіе понять дѣло?

Здравомыслъ. Мы видимъ, что у насъ объ этомъ и помышляютъ. Когда въ россійскихъ городахъ заводятъ университеты, то—стало намѣреніе есть готовить къ служ-

бѣ людей просвѣщенныхъ. Я хотѣлъ бы только, чтобы въ университетахъ нашихъ преподавалась особенно *Политическая Наука.*

Сорванцовъ. Что вы чрезъ сію науку разумѣете?

Здравомыслъ. Разумѣю науку, научающую насъ правиламъ благочинія; науку коммерческую и науку о государственныхъ доходахъ. Я хотѣлъ бы, чтобъ у насъ по симъ предметамъ сочинены были на каждую часть особенныя книжки, по коимъ бы преподавалась въ университетахъ Политическая Наука. Симъ способомъ будетъ Россія имѣть во всѣхъ частяхъ гражданской службы людей годныхъ и просвѣщенныхъ. Я о семъ размышлялъ довольно, но боюсь здѣсь распространиться, дабы не наскучить симъ вамъ и тѣмъ, кои разговоръ нашъ читать будутъ.

Сорванцовъ. Я хотя и могу показаться вамъ головорѣзомъ, однако вѣрьте мнѣ, что я хотѣлъ бы сію минуту пойти ученикомъ въ тотъ университетъ, гдѣ могъ бы сдѣлаться годнымъ къ службѣ, и откуда вышедъ, зналъ бы я, что получу мѣсто не то, гдѣ есть только вакансія, но то, для котораго я учился и къ которому способенъ.

Здравомыслъ. Если бы я зналъ, что моя идея о заведеніи въ университетахъ класса Политической Науки найдена была полезною и угодною, я охотно составилъ бы мое мнѣніе, какъ къ сему приступить удобнѣе. Находясь въ чужихъ краяхъ, я видѣлъ самъ таковой классъ; имѣю книжки, по коимъ Политическая Наука преподается, и говорилъ съ тѣми людьми, кои преподаютъ сію науку, но, признаюсь вамъ, что безъ особеннаго побужденія боюсь вмѣсто удовольствія нажить какихъ-нибудь непріятностей отъ тѣхъ людей, кои сами, пресмыкаясь въ невѣжествѣ, думаютъ, что для дѣлъ ничему учиться не надобно

Сорванцовъ. Я слыхалъ пословицу: не учась, въ попы не ставятъ.

Здравомыслъ. Съ тѣхъ поръ, какъ стали слѣдовать сей пословицѣ, попы наши очевидно стали лучше и просвѣщеннѣе и сія часть гражданъ отправляетъ свою должность гораздо порядочнѣе. Я совершенно увѣренъ, что еслибъ взято было за правило: *не учась, въ судьи не опредѣлять*, то бы между судьями невѣжество было гораздо рѣже.

Сорванцовъ. Я по себѣ чувствую, что безъ просвѣщенія человѣкъ есть сожалѣнія достойная тварь.

Здравомыслъ. Но развѣ нельзя унять грабителей и завести добрыхъ адвокатовъ?

Сорванцовъ. Сіе не невозможно, но трудно и требуетъ большаго времени.

Здравомыслъ. По крайней мѣрѣ, неужели нѣтъ средства пресѣчь взятки?

Сорванцовъ. Мудрено, сударь; ибо сверхъ того, что, кажется, сама природа одарила всякаго судью взятколюбною душею, многіе изъ нихъ съ честными правилами принуждены брать взятки. Вообразите судью честнаго человѣка. Онъ дворянинъ, имѣетъ родню и знакомство, то есть, живетъ въ обществѣ, имѣетъ дѣтей, требующихъ воспитанія; но нѣтъ у него, кромѣ жалованья, другихъ доходовъ; а жалованья получаетъ только 450 рубл. Скажите мнѣ ради Бога: какъ онъ можетъ содержать жену, дѣтей и домъ такою малою суммою и въ такое время, когда нужнѣйшія для жизни вещи взошли до цѣны невѣроятной? Хотя бы и не хотѣлъ, неволею долженъ сдѣлаться взяткобрателемъ. Вѣдь не всѣ судьи таковы, какъ нашъ *Г-нъ Безкорыстъ*. Онъ взятокъ никогда ни съ кого не беретъ, но за то, можно сказать, умираетъ съ голоду. Я скажу о себѣ; я имѣю достатокъ и если смошенничаю, то заслужу безъ всякой пощады висѣлицу, равно какъ и всѣ тѣ ее всеконечно заслужили, кои награбя богатства, не отстаютъ отъ своего промысла и продаютъ публично правосудіе.

Княгиня. Но ты, любезный Сорванцовъ, имѣешь природный умъ. Ты ужасть какъ въ обществѣ ловокъ!

Сорванцовъ. Къ несчастію, мнѣ не дано было воспитанія. Родители мои имѣли о семъ словѣ неправильное понятіе. Они внутренно были увѣрены, что давали мнѣ хорошее воспитаніе, когда кормили меня бѣлымъ хлѣбомъ, никогда не давая чернаго; словомъ, чрезъ *воспитаніе* разумѣли они одно *питаніе*. Учить меня ничему не помышляли и природный мой умъ не получалъ никакого просвѣщенія. По-французски выучился я случайно. *Г-жа Лицемѣра*, моя внучатная тетушка, вздумала дѣтей своихъ учить по-французски. Тогда пріѣхалъ въ Москву изъ Петербурга французъ, жившій до того въ Америкѣ. Сей французъ назывался, какъ теперь помню, *Шевалье Какаду*. Тетушка моя получила

къ нему симпатію и приняла его въ свой домъ въ наставники своимъ дѣтямъ. Она взяла отъ родителей моихъ и меня учиться вмѣстѣ съ дѣтьми своими. Я думаю, что не лишнее сдѣлаю, если опишу вамъ характеръ моей тетушки и ея фаворита, а нашего наставника:

Тетушка моя выдавала себя въ свѣтѣ за чадолюбивую мать и вѣрную супругу, за добрую хозяйку и за набожную женщину. Посмотримъ, такова ли она была въ самомъ дѣлѣ.

Въ учрежденіи комнатъ первое вниманіе обращаетъ она всегда на то, чтобъ дѣтская была гораздо далѣе отъ ея спальни; ибо крикъ малолѣтныхъ дѣтей ей нестерпимъ, хотя она нимало не скучаетъ лаяньемъ трехъ болонскихъ собаченокъ и болтаньемъ сороки, коихъ держитъ непрестанно подлѣ себя. Вотъ доказательство ея чадолюбія!

Никакой слабости женщинамъ не прощаетъ; но послѣдній сынъ ея какъ двѣ капли воды походитъ на Шевалье Какаду. Вотъ ея супружеская вѣрность!

Княгиня. Сорванцовъ! у тебя языкъ злорѣчивый. Я тебѣ скажу о себѣ. Никто изъ дѣтей моихъ на отца не походитъ, а походятъ на тѣхъ друзей, кои къ намъ вседневно ходили; по крайней мѣрѣ мнѣ отдадутъ ту справедливость, что друзья княгини Халдиной были не пные, какъ друзья мужа ея.

Сорванцовъ. На столъ тратитъ очень много, а ѣсть нечего. Дѣти ходятъ оборванныя и почти босыя. Добрая хозяйка!

Въ церкви никогда никто ее не видитъ, но ни одного клуба, ни спектакля не пропускаетъ. Набожная женщина!

Шевалье Какаду, французъ пустоголовый, изъ побродягъ самая негодница, училъ насъ по-французски, то есть далъ намъ выучить наизустъ нѣсколько вокабуловъ и началъ съ нами болтать по-французски. Грамматикѣ насъ не училъ, считая, что она педантство.

Княгиня. Съ этой стороны онъ не вовсе ошибается. Я сама никакой грамматикѣ не училась, а изъясняюсь по-французски изряднехонько. Скажи мнѣ, какія правила и чувства вселялъ въ васъ Шевалье?

Сорванцовъ. Онъ вселялъ въ сердца наши ненависть къ отечеству, презрѣніе ко всему русскому и любовь къ французскому. Сей образъ наставленія есть обыкновенная система большей части чужестранныхъ учителей. Шевалье

нашъ былъ надмененъ, хвастливъ и неблагодаренъ. Надменность его состояла въ томъ, что онъ хозяевъ и слугъ за людей не считалъ. По его словамъ, онъ зналъ всѣ науки, которыя и намъ показать обѣщалъ. Особливо въ тѣлесныхъ экзерциціяхъ выдавалъ себя за мастера. Сіи тѣлесныя экзерциціи, которымъ и насъ онъ обучалъ, состояли въ томъ, что заставлялъ онъ насъ распускать золото.

Княгиня. А въ чтеніи упражнялись ли вы когда?

Сорванцовъ. Никогда; да я думаю, что нашъ Шевалье и самъ не умѣлъ грамотѣ; ибо я его ни за книгой, ни съ перомъ въ рукахъ никогда не видывалъ. Позволь, княгиня, докончить характеръ бывшаго моего учителя. Онъ пріѣхалъ въ Москву въ самой нищенской бѣдности. Тетка моя накупила ему бѣлья и взяла въ свой домъ, обезпеча его во всемъ нужномъ. Въ благодарность за то, когда у насъ бывали гости, не пропускалъ онъ случая дерзкимъ своимъ поведеніемъ показывать всѣмъ, въ какой связи находится онъ съ хозяйкою. Вотъ, княгиня, какъ провелъ я первую мою молодость! Вошедъ въ свѣтъ, имѣлъ я несчастіе попасть на весьма худое общество, гдѣ меня дурачили и обыгрывали. Но случайно познакомился я въ Москвѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который имѣлъ просвѣщеніе и хорошее поведеніе. Онъ пріучилъ меня къ чтенію книгъ и открылъ мнѣ, въ какомъ невѣжествѣ я пресмыкаюсь. Разсудокъ, который природа мнѣ даровала, родилъ во мнѣ охоту выкарабкаться изъ кучи тѣхъ презрительныхъ невѣждъ, кои ни Богу, ни людямъ не годятся. Я не скажу, чтобъ сіе мое стараніе имѣло успѣхъ совершенный. Недостатки воспитанія моего часто наружу выказываются. По крайней мѣрѣ, не ставлю я моего невѣжества, подобно многимъ, себѣ въ достоинство и за перемѣну моихъ мыслей почитаю себя вѣчно обязаннымъ тому молодому почтенному человѣку, который наставилъ меня на стезю правую.

Княгиня. И мое *воспитаніе* было одно *питаніе*. Лучшую мою молодость провела я въ Москвѣ и такая была пречудная, что многія матери запрещали дочерямъ своимъ имѣть со мною знакомство. Обожателей было у меня ужасное множество, и чѣмъ поведеніе мое было нескромнѣе, тѣмъ была я славнѣе. Я не имѣла никого, кто бы меня остеречь могъ и чьи совѣты умѣрили бы пылкость моего характера

и чувствительность сердца моего. И то и другое сохраняю я до сего дня.

Здравомыслъ. То есть, съ вашимъ сіятельствомъ сбудется пословица: *Каковъ человѣкъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку.*

Вотъ вамъ весь разговоръ, такъ какъ я имѣю его отъ пріятеля моего Здравомысла. Вы можете помѣстить его въ ваше періодическое твореніе. Характеры княгини и Сорванцова, кажется, списаны съ натуры, и идея Здравомысла о заведеніи класса Политической Науки достойна того, чтобъ не оставить ее безъ вниманія. Я есмь и проч.

Стародумъ.

НАСТАВЛЕНІЕ ДЯДИ

СВОЕМУ ПЛЕМЯННИКУ.

«Философы и нравоучители исписали многія стопы бумаги о наукѣ жить счастливо; но видно, что они прямаго пути къ счастію не знали, ибо сами жили почти въ бѣдности, то есть, несчастно. Правда, что нѣкоторые изъ нихъ нажили великія богатства, но они въ жизни своей поступали совсѣмъ иначе, нежели писали. И кто знаетъ, не съ умыслу ли они преподавали людямъ ложныя правила къ счастію, дабы однимъ имъ пользоваться философскимъ камнемъ.

«Я почитаю за долгъ дяди остеречь тебя, мой любезный племянникъ, отъ сихъ нравоучительныхъ враней и преподать тебѣ тотъ способъ достичь до счастія, которымъ я самъ столь благополученъ. «Будь добросердеченъ, благотворителенъ и трудолюбивъ», говорилъ мнѣ, умирая, мой покойный родитель. Я и былъ чистосердеченъ: говорилъ правду, обличалъ порокъ и невѣжество, хвалилъ угнетенное достоинство, имѣлъ твердость говорить иногда истину и большимъ боярамъ. Былъ я также и благотворителенъ: малое имѣніе мое охотно раздѣлялъ съ неимущими; иногда за бѣдныхъ ручался, когда самъ помочь не могъ. А дабы послѣдніе пункты завѣщанія родительскаго исполнить, при-

лѣпился я къ ученію и пріобрѣлъ по возможности нѣкоторыя знанія, уповая, что они мнѣ въ свѣтѣ пригодятся. Но, къ крайнему сожалѣнію, скоро усмотрѣлъ я, что худо разумѣлъ моего родителя, или что онъ не зналъ большаго свѣта.

«Чистосердечіе мое произвело на меня великія гоненія; имъ нажилъ я многихъ непріятелей. Благотвореніе довело меня въ долги, а знанія мои возбудили ко мнѣ зависть и ненависть одного знатнаго невѣжды, который просвѣщеніе считалъ вреднымъ для государства. Жестокая болѣзнь открыла мнѣ наконецъ глаза и я увидѣлъ неразуміе моей системы. Всѣ меня оставили. Неожиданная помощь одной человѣколюбивой особы извлекла меня, такъ сказать, изъ челюстей смерти. Непріятели мои торжествовали. Друзья мои сами были небогаты; а знатныя особы, кои увеселялись забавнымъ моимъ нравомъ, когда я былъ здоровъ, находили, можетъ быть, настоящее положеніе мое забавнымъ; ибо они оставили меня безъ всякой помощи. Какъ скоро стало мнѣ легче—«перемѣни свою систему», сказалъ я самъ себѣ. И какъ всякій человѣкъ охотно изъ одной крайности въ другую переходитъ, то рѣшился я дѣлать совсѣмъ противное тому, что̀ прежде дѣлалъ: что̀ бранилъ, то сталъ хвалить; всякій знатный человѣкъ находилъ во мнѣ защитника своему жестокосердію или глупости. Съ самаго утра бѣгалъ я по переднимъ знатныхъ господъ и не стыдился трусить даже и передъ ихъ камердинерами. Если кому дадутъ ленту, или знатный чинъ, то у меня черезъ полчаса поспѣвала ода, которую тѣмъ больше хвалили, чѣмъ меньше было въ ней смыслу. Дамы тѣмъ болѣе мною были довольны, чѣмъ безстыднѣе выхвалялъ я красоту ихъ и душевное достоинство. «C'est un bon diable», говорили обо мнѣ знатные.—«Онъ отнюдь не такъ опасенъ, какъ мы его считали», говорили обо мнѣ тѣ, кои прежде пера моего боялись. «Il a beaucoup d'esprit», отзывались обо мнѣ дамы.

«Какъ скоро слухъ о перемѣнѣ системы моей по городу распространился, то рѣшился я идти на поклонъ къ тому самому знатному невѣждѣ, который прежде былъ моимъ гонителемъ. Онъ предложилъ мнѣ въ отдаленной сторонѣ мѣсто, къ которому не имѣлъ я ни малѣйшей способности. Я ему признался въ томъ. «Привыкнешь, другъ мой», отвѣчалъ онъ мнѣ, «лишь будь скроменъ и не пиши стиховъ, которыхъ я терпѣть не могу. Станемъ жить дружно; ста-

райся, чтобъ я былъ тобою доволенъ, а я о тебѣ буду имѣть попеченіе.» Скоро я былъ опредѣленъ къ мѣсту моему и, не взирая на мое невѣжество, всѣ удивлялись моему знанію и способности, что и не чудно; ибо предмѣстникъ мой, по общему всѣхъ признанію, былъ во сто разъ меня глупѣе и неспособнѣе. Льстивыя похвалы мои, которыми безстыдно осыпалъ я моихъ начальниковъ, пріобрѣли мнѣ скоро ихъ довѣренность. Они избрали меня къ произведенію въ дѣйство нѣкотораго новаго проекта, *относительно до необходимой въ жизни потребности.*

«Я взялъ въ свои совѣтодатели нашего секретаря и съ помощію его нажилъ въ полгода около пяти тысячъ рублей, съ которыми пріѣхалъ въ столицу. На другой день, по прибытіи моемъ, поднесъ я двѣ тысячи рублей супругѣ новаго моего покровителя, а прежняго гонителя. Мои двѣ тысячи рублей произвели весьма полезное для меня дѣйствіе. Покровитель мой расхвалилъ мое въ дѣлахъ знаніе и обѣщалъ мнѣ свою милость.

«Въ сіе самое время одинъ любимецъ знатнаго господина хотѣлъ выдать замужъ свою любовницу, которая была на его содержаніи. Супруга прежняго моего гонителя, моя новая покровительница, въ благодарность за мои двѣ тысячи рублей, вздумала сватать меня на сей честной дѣвушкѣ и обѣщала мнѣ въ столицѣ весьма выгодное мѣсто. Наблюдая новую мою систему, я согласился на сіе предложеніе. Сватьба моя была великолѣпна. Благодѣтель жены моей сыгралъ ее на своемъ иждивеніи. А какъ молодая моя супруга была набитая дура, но превеликая красавица, то прежній другъ ея не отмѣнилъ къ ней своей дружбы и у меня исподоволь народилось дѣтей великое множество. Весьма выгодно имѣть жену красавицу, ибо всѣ знатные друзья такъ горячо пеклись о моемъ счастіи, какъ надлежитъ добрымъ свойственникамъ. Всѣ мои непріятели исчезли; достатокъ мой умножался такъ, какъ будто бы было надъ домомъ моимъ благословеніе Божіе. Я сталъ жить гораздо шире, давать обѣды, балы и концерты; но звалъ только тѣхъ, отъ кого надѣялся быть награжденъ щедро, такъ что пиръ, который стоилъ пятьсотъ рублей, приносилъ мнѣ тысячи двѣ. Скоро купилъ я каменный домъ, а между тѣмъ все жаловался на долги, и хотя жаловано мнѣ было довольно награжденій, но я разглашалъ себя въ долгу не-

оплатномъ. Не довольно того, любезный племянникъ, что я оставилъ чистосердечіе, но отучилъ себя и отъ добросердечія.

«Сначала стоило мнѣ труда слышать стонъ бѣдныхъ съ хладнокровіемъ; но повѣрь мнѣ, сердце богатаго человѣка скоро каменѣетъ. Теперь я думаю, что мягкосердечный человѣкъ весьма богатъ быть не можетъ.

«Наконецъ я такъ привыкъ къ нечувствительности, что ниже помышлялъ о бѣдныхъ людяхъ. Съ книгами моими, составлявшими мое главное удовольствіе, я совсѣмъ разстался.

«Я потерялъ пріятность въ обхожденіи, вкусъ къ хорошимъ вещамъ и душа моя унизилась; но сіе униженіе души помогло къ моему возвышенію. Начальники мои, имѣвшіе подлыя душонки, рады были имѣть меня подчиненнымъ. Ты видишь, любезный племянникъ, что пути къ богатству, то есть, къ счастію, гораздо короче и глаже, нежели какъ болтаютъ о томъ нравоучающіе врали. Но буде ты въ ономъ сомнѣваешься, то разсмотри своихъ согражданъ и ты найдешь, что большая часть изъ нихъ одолжена за свое богатство и знатность своему лицемѣрію, жестокосердію, невѣжеству и женамъ.»

Я сожалѣю (и каждый читатель, безъ сомнѣнія, со мною сожалѣть будетъ), что во всемъ сродническомъ наставленіи нѣтъ слѣда добраться, въ которой землѣ жилъ сей богатомыслящій дядя; надобно однакожъ думать, что не между нами: ибо гдѣ у насъ люди, кои бы наживались при исполненіи полезнаго установленія, *относительно до первыхъ потребностей въ жизни?* Богачей жестокосердыхъ и глупыхъ красавицъ у насъ также вовсе нѣтъ, какъ меня увѣряютъ.

«Ты, мой любезный племянникъ»! продолжалъ дядя свое наставленіе, «долженъ видѣть, какъ я старость мою теперь доживаю и приближаюсь къ концу. Какъ скоро я обогатился и сталъ жить порядочно домомъ, то началъ чувствовать гласъ совѣсти. Видя жену мою въ безпутствѣ, долженъ я, по системѣ моей, терпѣть всѣ ея безпорядки. Я не могъ самъ отъ себя скрыть, что всѣ добрые люди считаютъ меня бездѣльникомъ. Богатый мой домъ сталъ

для меня адомъ и я, казалось, слышу стонъ бѣдныхъ, коихъ я разорилъ злодѣйски. Наконецъ, на прошлой недѣлѣ былъ я на зрѣлищѣ, которое вѣчно не выйдетъ изъ моей головы. Пріятель мой Воровъ, умирая, призвалъ меня къ себѣ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ мерзкая душа его выходила изъ скареднаго тѣла. Тутъ узналъ я справедливость сихъ словъ: *смерть грѣшниковъ люта*. Онъ въ постелѣ своей терзался душевно гораздо сильнѣе, нежели иной воръ страждетъ на площади. По исходѣ души его, на всѣхъ лицахъ видно было удовольствіе, смѣшанное съ презрѣніемъ къ покойнику.

«Чувствуя, что и мнѣ умирать будетъ должно такъ же мучительно, перемѣнилъ я опять свою систему и, слушая гласа совѣсти, сколько можно, удовлетворяю тѣхъ, кои отъ меня терпѣли; а тебя, любезный племянникъ, прошу, будь чистосердеченъ, но знай, что не всегда и всякую истину говорить надобно. Будь благотворителенъ, но не разстроивай своего состоянія. Будь трудолюбивъ и прилѣпляйся къ ученію, но не возмечтай о своей мудрости. Вотъ все то, чѣмъ я оканчиваю мое наставленіе.»

РАЗСУЖДЕНІЕ

О СУЕТНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ.

(*На случай смерти князя Потемкина-Таврическаго.*)

Внезапная кончина вельможи, восшедшаго на самый верхъ могущества и славы, привела мнѣ на память нѣкоторыя мѣста изъ священныхъ твореній Царя Давида. И дѣйствительно, я никого не знаю, кто бы такъ живо изобразилъ бренность суетной жизни человѣческой, какъ сей боговдохновенный мужъ. Поучительныя его мысли собралъ я здѣсь съ присовокупленіемъ моихъ разсужденій не для чего иного, какъ въ собственное мнѣ душевное наставленіе, дабы, прочитывая сіе, напоминалъ себѣ чаще часъ смертный и къ нему всегда пріуготовлялся. Какъ скоро до слуха моего дошло извѣстіе о сей кончинѣ, то въ ту жъ минуту я вспомнилъ сіе мѣсто изъ Давида: *Видѣхъ человѣка яко кедры Ливанскія; мимо идохъ — и се не бѣ!* Преходя мысленно, какъ стремился онъ къ пріобрѣтенію славы міра сего и къ стяжанію земныхъ сокровищъ, ощутилъ я всю истину другаго псалма Давидова, въ коемъ сказалъ онъ: *Внегда умрети ему, не возьметъ вся; ниже снидетъ съ нимъ слава его.* И дѣйствительно, какъ можно было себѣ представить, чтобъ всѣ подъятые труды, всѣ предпріемлемыя мѣры къ исполненію дальновидныхъ распоряженій, на кои почти весь свѣтъ обращалъ свое вниманіе, пресѣклись и исчезли мгновенно? Не ощутительна ли истина, Давидомъ произнесенная: *Суета суть помышленія человѣческая!* Тщетно предпринимаемъ Богъ располагаетъ! По волѣ Его, смерть, не смотря ни на титла свѣтлости, ни на силу знатности, ни на блескъ сокровищъ, разитъ смертныхъ внезапнымъ ударомъ; она не даетъ имъ времени ни совершить благодѣяній своихъ тѣмъ, кому добра желаютъ, ни удовлетворить тѣхъ, предъ кѣмъ чувствуютъ себя виновными. О, вы, обманувшіеся въ надеждѣ будущаго своего счастія пресѣченіемъ жизни преставльшагося вельможи! вы негодуете теперь на то, для чего не успѣлъ онъ совершить истиннаго вашего счастія;

но ужели забыли вы, что преселившійся нынѣ въ вѣчную жизнь благодѣтель вашъ не имѣлъ силы ни на одно мгновеніе ока отдалить конца своего? Не сами ль вы виноваты, не внемля остерегавшаго Пророка, глаголавшаго сіе: *Не надѣйтеся на князи и на сыны человѣческія, въ нихъ же нѣсть спасенія: изыдетъ духъ его, и возвратится въ землю свою; въ той день погибнутъ вся помышленія его.* Смерть сія есть великое поученіе сильнымъ міра сего. Она являетъ, что слава міра есть суетна: *И да не приложитъ къ тому величатися человѣкъ на земли.* Я обращу теперь разсужденіе на самого себя. Всѣмъ, знающимъ меня, извѣстно, что я стражду самъ отъ слѣдствія удара апоплексическаго; не болѣе какъ въ теченіе года поразили меня четыре таковыхъ удара; но Господь, защитникъ живота моего, всегда отвращалъ вознесшуюся на меня злобу смерти. Его святой волѣ угодно было лишить меня руки, ноги и части употребленія языка: *наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде.* Но сіе лишеніе почитаю я дѣйствіемъ безконечнаго ко мнѣ Его милосердія: ибо воспоминая, что лишился я пораженныхъ членовъ въ самое то время, когда, возвратясь изъ чужихъ краевъ, упоенъ былъ мечтою о моихъ знаніяхъ, когда безумное на разумъ мой надѣяніе изъ мѣръ выходило, и когда, казалось, представлялся случай къ возвышенію въ суетную знаменитость, тогда Всевидецъ, зная, что таланты мои могутъ быть болѣе вредны, нежели полезны, отнялъ у меня самого способы изъясняться словесно и письменно и просвѣтилъ меня въ разсужденіи меня самого. Съ благоговѣніемъ ношу я наложенный на меня крестъ и не престану до конца жизни моей восклицать: *Господи! благо мнѣ, яко смирилъ мя еси!*

ПИСЬМА, ДНЕВНИКЪ
И
АВТОБІОГРАФІЯ.

I. ПИСЬМА

КЪ Я. И. БУЛГАКОВУ (*).

I.

С.-Петербургъ, 30 декабря 1771.

Больной палецъ мѣшаетъ мнѣ отвѣчать собственною рукою на ваше дружеское письмо. Оно извлекло слезы изъ глазъ вашего друга содержаніемъ своимъ. Недуги тѣла вашего и арестъ Маркова (**) огорчили меня несказанно (53). Поступокъ посла (***) съ Марковымъ столь ужасенъ, что поднялъ бы дыбомъ волосы на головѣ моей, еслибъ не носилъ я парика, потерявъ, по несчастію, волосы тому уже года съ два. Шутки въ сторону, а видно, что житье ваше худенько. Сегодня графъ (†) писалъ къ послу о возвращеніи Маркова. Если вы можете способствовать въ скорѣйшемъ его сюда отправленіи, то помогите пожалуйте; а я напрягу всѣ мои силы выхлопотать съ будущею почтою письмецо о позволеніи вамъ убраться изъ Варшавы. Впрочемъ, поручая васъ защищенію Божіему, какъ отъ болѣзни, такъ и отъ посла, пребываю и проч.

II.

С.-Петербургъ, 18 февраля 1772.

Зная, что вы любите помогать бѣднымъ людямъ, рекомендую вамъ бѣднѣйшаго изъ смертныхъ. Имя ему Н. Н.

(*) Яковъ Ивановичъ Булгаковъ (1743 — 1809), университетскій товарищъ Фонъ-Визина, былъ въ 1764—1775 г. совѣтникомъ и секретаремъ русскаго посольства въ Варшавѣ, а впослѣдствіи посланникомъ въ Константинополѣ.

(**) Аркадій Ивановичъ Марковъ (1747—1827), былъ переведенъ къ Сальдерну въ 1771 г. изъ Мадрита отъ Стакельберга. Онъ потомъ прославился на дипломатическомъ поприщѣ, въ 1796 г. ему было пожаловано графское достоинство.

(***) Сальдернъ.

(†) Никита Ивановичъ Панинъ.

Онъ отправленъ отсюда курьеромъ для того только, чтобъ остаткомъ курьерскихъ денегъ могъ содержать себя нѣсколько времени. Сдѣлайте мнѣ крайнее одолженіе и для той же самой причины, для которой онъ прискакалъ къ вамъ, велите вы ему прискакать и къ намъ. А я, съ моей стороны, прошу Бога о поданіи мнѣ случая дѣлать вамъ подобныя услуги.

Марковъ бѣдный не бывалъ къ намъ до сего часа. Или онъ въ Варшавѣ, или на томъ свѣтѣ, что̀, мнѣ кажется, для него все равно. Я уже пересталъ его и ждать, а жду какихъ нибудь отъ васъ писемъ, которыя мнѣ добрыхъ вѣстей о немъ не привезутъ.

Имѣю честь быть и проч.

III.

С.-Петербургъ, 13 сентября 1773.

Еслибъ не былъ я въ такихъ обстоятельствахъ, которыя не дозволяютъ мнѣ ни одной минуты считать собственною моею, то бы молчаніе мое предъ вами было непростительно; но Богъ и честные люди тому свидѣтели, что я веду жизнь въ нѣкоторомъ отношеніи хуже каторжныхъ, ибо для сихъ послѣднихъ назначены по крайней мѣрѣ въ календарѣ дни, въ кои отъ публичныхъ работъ дается имъ свобода.

И такъ, ласкаясь получить отъ васъ прощеніе долговременному молчанію моему, стану теперь отвѣчать по порядку на каждый пунктъ письма вашего, которое пріемлю истиннымъ знакомъ драгоцѣнной мнѣ дружбы вашей.

Г-ну Ю. (*) данъ чинъ и жалованья прибавлено. И то, и другое не много значитъ; но по крайней мѣрѣ то изрядно, что онъ самъ поѣхалъ къ вамъ, кажется, доволенъ своею судьбою.

Для поправленія временной жизни духовника вашего весьма бы не худо было, еслибъ министръ вашъ (**) (хотя и не правовѣрный) представилъ коллегіи формальнымъ образомъ о прибавкѣ ему жалованья. Симъ образомъ дѣло сдѣлается съ меньшимъ затрудненіемъ (54).

(*) Вѣроятно Кириллъ Юзефовичъ, состоявшій при русскомъ посольствѣ въ Варшавѣ и произведенный около этого времени въ титулярные совѣтники.

(**) Гр. Стакельбергъ (1736—1800) преемникъ Сальдерна въ Варшавѣ, съ сентября 1772 г. по 1790 г.

Не льзя больше входить въ состояніе ваше, какъ я вхожу въ оное, и потому, что оно мнѣ совершенно извѣстно, и потому, что я желаю вамъ счастія отъ всего моего сердца. Въ отвѣтъ на все то, что вы о себѣ ко мнѣ писали, скажу искренно, что до свадьбы великаго князя (*) ничего не льзя сдѣлать, или, яснѣе сказать, ни о чемъ графу говорить не льзя. Онъ занятъ тѣмъ, что мнѣ описывать излишне, ибо вы сами легко себѣ представить можете его положеніе. Какъ же скоро увижу возможность сдѣлать вамъ услугу, то возьмусь за то съ такимъ усердіемъ, какъ о собственномъ моемъ благосостояніи, въ чемъ даю вамъ честное слово, которое примите отъ меня знакомъ истинной и чистосердечной преданности и почтенія, съ которымъ навсегда пребуду, вамъ и проч.

P. S. Петръ Васильевичъ Бакунинъ (**) употребилъ все возможное къ поправленію состоянія вашего. Неужель его заступленіе, которому пособлю и я ревностнѣйшимъ образомъ, будетъ безъ успѣха? Сего я никакъ не ожидаю, тѣмъ болѣе, что графъ Никита Ивановичъ самъ васъ весьма уважаетъ; а при такомъ его къ вамъ расположеніи, кажется, есть возможность достигнуть до желаемаго. Божусь честью, что за истинное счастіе сочту, если могу вамъ въ томъ способствовать, любя и почитая васъ сердечно.

IV.

С.-Петербургъ, 27 сентября 1773.

Зная доброе ваше сердце, препоручаю вручителя сего покровительству и попеченію вашему. Помогите ему въ нынѣшнее время, если помочь ему можно. Я не буду сказывать вамъ, въ чемъ состоитъ дѣло, ибо оное усмотрите вы изъ сегоднишней депеши къ вашему министру. Я къ его превосходительству (***) не пишу теперь за краткостію времени, въ чемъ покорнѣйше прошу предъ нимъ меня извинить и сообщить пріятное извѣстіе, что за оконченное воспитаніе государя цесаревича пожаловано графу Никитѣ Ивановичу 22 сего мѣсяца:

(*) 29 сентября 1773.

(**) Одинъ изъ секретарей гр. Панина.

(***) Гр. Стакельбергъ. Онъ тогда еще былъ баронъ.

1. Чинъ фельдмаршала, и быть ему шефомъ иностраннаго департамента.
2. Девять тысячъ душъ крестьянъ.
3. Сто тысячъ рублей на заведеніе дома.
4. Ежегоднаго пенсіона по тридцати тысячъ рублей.
5. Ежегоднаго жалованья по четырнадцати тысячъ рублей.
6. Сервизъ въ пятьдесятъ тысячъ рублей.
7. Домъ позволено ему выбрать любой въ цѣломъ городѣ и деньги за оный повелѣно выдать изъ казны.
8. Экипажъ и ливрея придворные.
9. Провизія и погребъ на цѣлый годъ.

На другой день ея величество изволила прислать къ нему письмо, съ коего переводъ здѣсь слѣдуетъ (*).

Съ совершеннымъ почтеніемъ и дружбою навсегда пребываю, вамъ и проч.

V.

С.-Петербургъ, $^{9}/_{20}$ *сентября 1774.*

Наканунѣ полученія письма вашего сдѣлалось нечаянно назначеніе посланникомъ въ Царьградъ г-на Стахіева (**) по именному указу, который однако еще не публикованъ. Сей внезапный случай разрушилъ все мое намѣреніе въ разсужденіи вашего туда отправленія. И такъ, милостивый государь мой, стану теперь добиваться по всей силѣ и возможности показать вамъ какую-нибудь другую услугу. Повѣрьте, что я въ томъ нашелъ бы истинное сердцу моему удовольствіе. Я люблю и почитаю васъ всѣмъ моимъ сердцемъ, и не по одной формѣ письма, но по всей искренности есмь вашъ и проч.

VI.

С.-Петербургъ, $^{11}/_{22}$ *ноября 1774.*

Дружеское письмо ваше я исправно получилъ и увѣряю васъ, что все отъ меня зависящее конечно употреблю къ пользѣ вашей. Князь Николай Васильевичъ (***) писалъ сюда

(*) Сравн. выше стр. 222—223.

(**) Александръ Стахіевичъ Стахіевъ до 1774 г. былъ канцеляріи совѣтникомъ и резидентомъ русскаго посольства въ Стокгольмѣ. Въ 1779 г. онъ склонилъ Турцію къ признанію независимости Крыма.

(***) Репнинъ, генералъ-фельдмаршалъ (1734—1801). Въ 1775—1776 г. онъ ѣздилъ посломъ въ Константинополь и бралъ съ собою Булгакова.

о желаніи вашемъ ѣхать съ нимъ въ Царьградъ; на что шефъ нашъ и согласился. Чтожъ принадлежитъ до чина, и до прочихъ агрементовъ, то, какъ другу, открою вамъ мысль мою, что скорѣйшему полученію онаго ни что бы, такъ, мнѣ кажется, не помогло, какъ еслибъ удалось вамъ самимъ здѣсь побывать. Я самымъ опытомъ знаю, что, не взирая на старанія друзей, отсутствіе много мѣшаетъ, а присутствіе и самыя дружескія старанія дѣлаетъ успѣшнѣе.

Вотъ вамъ мой искренній и дружескій совѣтъ. Примите оный въ цѣнѣ сердечной моей къ вамъ преданности, съ которою, равно какъ и съ истиннымъ почтеніемъ, навсегда пребываю вашъ и проч.

VII.

Варшава, $^{18}/_{29}$ *сентября 1777.*

Покорнѣйше благодарю за дружеское письмо ваше отъ $^{11}/_{22}$ прошедшаго мѣсяца, равно какъ и за предвареніе о насъ барона Аша (*). Короткое время нашего здѣсь пребыванія не позволяетъ намъ пользоваться много сообществомъ сего честнаго человѣка; но мы останемся ему и вамъ навсегда благодарны за всѣ опыты благосклонности и дружбы, которые отъ него имѣемъ.

Варшаву не для чего мнѣ описывать такому человѣку, который ее знаетъ несравненно больше моего. Я скажу только, что мы очень довольны здѣшнимъ пріемомъ. Посолъ нашъ, на другой день нашего пріѣзда, позвалъ насъ обѣдать и мы у него со всею Варшавою познакомились. Домъ гетманши Огинской есть теперь одинъ, въ который вседневно весь городъ собирается. Многіе изъ деревень своихъ еще не возвратились.

Дамы польскія очень любезны. Всѣ навѣдывались о бывшихъ въ Варшавѣ моихъ согражданахъ съ великимъ интересомъ. Васъ вспоминаютъ какъ человѣка, котораго онѣ истинно уважаютъ. Одна изъ нихъ (et, nommément Madame Oborska), узнавъ отъ меня, что я съ вами въ перепискѣ, поручила мнѣ написать отъ нее къ вамъ поклонъ.

Въ двѣ недѣли нашего здѣсь пребыванія я столько со

(*) Баронъ Иванъ Ѳедоровичъ Аш, канцеляріи совѣтникъ и резидентъ русскаго посольства въ Варшавѣ.

всѣми сталъ знакомъ, что могъ бы вамъ отвѣчать на все, о чемъ бы вы меня ни спросили; но не зная, что для васъ болѣе интересно, покидаю перо, чтобъ многословіемъ моимъ вамъ не наскучить. Отсюда мы очень скоро выѣдемъ. Если захотите одолжить меня письмомъ, то пошлите его въ Дрезденъ. Желаю вамъ здоровья и прочихъ благъ; не забудьте человѣка, который васъ любитъ, съ почтеніемъ и преданностію пребывая вашимъ и проч.

VIII.

Монпелье, $\frac{\textit{25 января}}{\textit{5 февраля}}$ *1778.*

Дружеское письмо ваше, милостивый государь мой, Яковъ Ивановичъ, я получилъ и за увѣдомленіе о разрѣшеніи отъ бремени ея императорскаго высочества (*) приношу мою благодарность. Позвольте поздравить и васъ, какъ россіянина, съ симъ благополучнымъ для отечества нашего происшествіемъ. Сдѣлайте одолженіе, увѣдомьте меня, какія были по сему случаю торжества и производства.

Радуюсь, что Смоленскъ и Бѣлгородъ имѣютъ столь достойнаго намѣстника (**), и еслибъ сдѣлали васъ въ ту или другую губернію правителемъ намѣстничества, или хотя на первый случай и вице-губернаторомъ, то я совѣтовалъ бы вамъ ѣхать; а меньше сего было бъ невыгодно для васъ и для друзей вашихъ, которые, разставшись съ вами, должны по крайней мѣрѣ хотя тѣмъ утѣшаться, что вы счастливы.

Зная, какое участіе принимаете вы въ нашемъ состояніи, почитаю за долгъ увѣдомить васъ, что мы здоровы. Жена моя совершенно исцѣлилась отъ ver solitaire, который былъ причиною всей ея болѣзни. Остается только укрѣпить ея силы способомъ водъ, для чего и считаемъ ѣхать въ Спа. Оттуда, думаю, можемъ проѣхать съ Божіею помощію домой, жить да добра наживать.

Не скучаю вамъ описаніемъ нашего вояжа, скажу только, что онъ доказалъ мнѣ истину пословицы: *славны бубны за горами.* Право, умные люди вездѣ рѣдки. Если здѣсь преж-

(*) Маріи Ѳеодоровны. 12 декабря 1777 г. рожденіе Александра I.
(**) Кн. Н. В. Репнинъ (съ 1777 года).

дѣ насъ жить начали, то по крайней мѣрѣ мы, начиная жить, можемъ дать себѣ такую форму, какую хотимъ, и избѣгнуть тѣхъ неудобствъ и золъ, которыя здѣсь вкоренились. Nous commençons et ils finissent. Я думаю, что тотъ, кто родится, несчастливѣе того, кто умираетъ.

A propos! Я вижу, что и лексиконъ нашъ умираетъ при самомъ своемъ рожденіи. Повивальная бабушка, то есть Даниловскій, плохо его принимаетъ. Я считалъ его за половину, а онъ еще около первыхъ литеръ шатается. Увѣдомьте меня искренно, не спала ли у него охота. Я купилъ уже le grand Vocabulaire. Въ маѣ онъ его вѣрно получитъ; но если молодецъ лѣнится, то пожалуйте, по привозѣ le grand Vocabulaire, продайте его скорѣе и деньги ко мнѣ переведите; а я за здоровье Даниловскаго роздамъ ихъ нищимъ, между которыми много будетъ за него богомольцевъ и изъ кавалеровъ Св. Людовика.

II. ПИСЬМА

КЪ А. М. ОБРѢСКОВУ ВЪ БУХАРЕСТЪ.

I.

Милостивый государь Алексѣй Михаиловичъ (*). Если бъ вы точно вѣдали, въ какомъ положеніи мы, съ самаго отъѣзда вашего такъ сказать по сію минуту, находимся, то ваше превосходительство не только не обвиняли бъ насъ въ молчаніи, но еще пожалѣли бъ о судьбѣ нашей и удивились бы терпѣнію графа Никиты Ивановича. По истинѣ сказать, претерпѣлъ онъ всѣ бури житейскаго моря и достигъ до нѣкотораго пристанища тому только дней съ пять. Злоба, коварство и всѣ пружины зависти и мщенія натянуты и устремлены были на его несчастіе, но тщетно. Богу благодареніе! Жребій его рѣшился возданіемъ ему справедливости. Вамъ, милостивый государь, извѣстно, что по обычаю воспитаніе юнаго государя оканчивается со вступленіемъ въ бракъ. Эпоха сія у насъ настала, и оною умыш-

(*) А. М. Обрѣсковъ (1720—1787), извѣстный дипломатъ, долгое время бывшій повѣреннымъ въ дѣлахъ, резидентомъ и наконецъ посланникомъ въ Константинополѣ. Въ 1778 г. онъ былъ уполномоченнымъ на Бухарестскомъ конгрессѣ, для переговоровъ о мирѣ съ Турціею.

лено было воспользоваться ради совершеннаго отдаленія гр. Никиты Ивановича отъ роли, имъ занимаемой въ отечествѣ нашемъ. Но сей кризисъ кончился къ славѣ его. Ея императорское величество отдала ему справедливость и, по поводу оконченнаго воспитанія наслѣдника, наградила его заслуги, пожаловавъ ему 22 сего мѣсяца:

1) Чинъ фельдмаршала и продолженіе главнаго начальства надъ иностраннымъ департаментомъ.
2) 9,000 душъ.
3) 100,000 р. на заведеніе.
4) На сервизъ 50,000 р.
5) Ежегоднаго пенсіона 30,000 р.
6) Ежегоднаго жалованья по 14,000 р.
7) Домъ повелѣно купить для него тотъ, который его сіятельство самъ выберетъ въ цѣломъ городѣ.
8) Провизія и погребъ на годъ.
9) Экипажъ и ливреи дворцовые.

На другой день послѣ сего пожалованья ея величество изволила прислать къ его сіятельству письмо, съ коего копію здѣсь приложить честь имѣю. Вотъ, м. г., въ какой новой сферѣ мы себя увидѣли. Гр. Никита Ивановичъ занятъ будетъ теперь одними дѣлами: Боже дай, чтобъ успѣхъ отвѣчалъ его тщанію и благонамѣренію! Я беру смѣлость донести здѣсь вашему превосходительству, хотя въ коротких словахъ, настоящее положеніе нашихъ дѣлъ, относительно до части графа Никиты Ивановича.

Съ Польшею пришли наши дѣла почти къ совершенному окончанію. Три соединенные двора заключили уже съ республикою свои трактаты. Швеція спокойна остается и лучшаго не желаетъ, какъ чтобъ ее оставили въ покоѣ, желая и стараясь пособраться съ силами. Данія въ тѣсной съ нами дружбѣ или, яснѣе сказать, въ нашихъ повелѣніяхъ, особливо по окончаніи голштинскаго дѣла. Размѣнъ производить въ дѣйство поѣхалъ туда м..... Сальдернъ, котораго скаредное безстыдство по отъѣздѣ его стало открываться всечасно. Ужасно подумать что̀ выходитъ наружу! Такаго в.... подъ солнцемъ нѣтъ другаго. Предъ графомъ Никитою Ивановичемъ онъ уже демаскированъ. Думаю, что скоро и далѣе узнаютъ, каковъ Сальдернъ.

Прусскій король остается съ нами въ прежнемъ положеніи. Теперь миримъ мы его съ бѣднымъ Гданскомъ, но не

весьма удачно. Посланный отъ насъ въ Гданскъ гр. Головкинъ плохой негоціаторъ. Жалко смотрѣть на Гданскъ, а не меньше и на Головкина. Вѣнскій дворъ въ нерѣшительномъ съ нами положеніи. Кн. Дмитрій Михаиловичъ (*) пишетъ, что иногда кн. Кауницъ (**) отзывается о нашихъ интересахъ холодно, иногда погорячѣе; словомъ, градуса надежды нашей на него получить невозможно. По польскимъ дѣламъ онъ съ нами очень изрядно обращается; но по сему, кажется, нельзя заключить, какое участіе приметъ онъ наконецъ въ нашихъ дѣлахъ съ турками.

Франція надѣялась и ожидала перемѣнъ нашего министерства, слѣдственно и системы, но обманулась. Дюрокъ ходитъ призадумавшись съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что гр. Никита Ивановичъ остался при дѣлахъ съ бо́льшимъ кредитомъ, нежели когда нибудь. Шпанія столько же ожидала и ласкалась перемѣною нашего министерства, какъ и Франція, и столько же обманулась. Англія пребываетъ въ той же къ намъ диспозиціи, какъ и передъ вашимъ отсюда отъѣздомъ.

Для истиннаго блага отечества нашего миръ необходимо нуженъ. Войну ведемъ не приносящую намъ ни малѣйшей пользы, кромѣ пустой славы, въ которой также не всегда удаваться можетъ. А что всего хуже, то мы и конца войнѣ не видимъ. Турки ничего не даютъ, и намъ помириться не любо. Надобно, чтобъ самъ Господь Богъ вступился въ дѣла наши и помогъ моему шефу преодолѣть внутри и внѣ препятствія, доселѣ непреодолимыя.

Обращаюсь теперь опять къ внутреннимъ здѣсь происшествіямъ, кои ваше превосходительство интересовать должны. Завтра будетъ бракосочетаніе его высочества (***). Торжество продолжаться будетъ 12 дней. Боже, дай имъ жизнь благополучную! По крайней мѣрѣ сего уповать имѣемъ всѣ резоны на свѣтѣ. Характеръ великой княгини не можетъ быть довольно выхваленъ: кротость души написана на лицѣ ея. Въ день коронаціи (†) произвожденіе было довольно вели-

---

(*) Голицынъ (1721—1793) полномочный министръ въ Вѣнѣ.

(**) Кауницъ (1711—1794) австрійскій государственный канцлеръ.

(***) 29 сентября 1773 г. съ первою супругою Натальею Алексѣевною (принцесса Вильгельмина Гессенъ-Дармштадтская † 1776 г.)

(†) 22 сентября.

ко, изъ коего примѣчательнѣйшее было то, что гр. З. Г. Чернышевъ пожалованъ фельдмаршаломъ. Гр. А. Г. Орловъ на сихъ дняхъ сюда прибылъ, и теперь всѣ пять братьевъ съѣхались.

II.

Услышавъ сей часъ, что гр. Михаилъ Петровичъ Румянцовъ (*) отъѣзжаетъ, хотѣлъ я воспользоваться симъ случаемъ, и напомянуть о себѣ нѣсколькими строками. Начну извиненіемъ, что давно я не писалъ къ вашему превосходительству. Резономъ первымъ частые болѣзненные припадки мои, и отсутствіе мое въ Москву было тому причиною... Новаго у насъ много; но мало что сказать можно. Вообще же доношу вамъ, что по воинскимъ дѣламъ примѣчанія заслуживаютъ послѣдніе отзывы вѣнскаго двора о чистосердечномъ его стараніи помочь въ нашемъ мирѣ, а болѣе ничего ни откуда новаго нѣтъ.

Здѣсь у двора примѣчательно только то, что г. камергеръ Васильчиковъ(**) высланъ изъ дворца, и генералъ-поручикъ Потемкинъ пожалованъ генералъ-адъютантомъ и въ Преображенскій полкъ подполковникомъ. Sapienti sat.

20 марта 1774.

III. ПИСЬМО КЪ МЕДОКСУ,

СОДЕРЖАТЕЛЮ ТЕАТРА ВЪ МОСКВѢ.

Mon frère vous a remis, j'espère, le paquet en question et vous a expliqué, mon cher Medox, la resolution que j'ai pris pour faire taire tous les propos occasionnés par l'opiniatreté de votre censeur. Votre longue (*sic*) silence ne m'a prouvé que trop le mauvais succès de vos démarches pour obtenir la permission. J'ai mis fin à la chicane, et il me semble que par là je vous ai prouvé la permission la plus authentique de jouer ma pièce, puisque les comédiens de la cour de S. M. I. sur le theâtre publique, avec la permission par écrit de la

(*) Одинъ изъ трехъ сыновей гр. П. А. Румянцова-Задунайскаго.

(**) Александръ Семеновичъ, бывшій любимецъ Екатерины II.

part du gouvernement, l'ont representé le 24 de ce mois. Le succès était complet.

Comme je vous souhaite infiniment du bien, je vous laisse ma pièce, mais je vous demande votre parole d'honneur d'observer le plus inévitablement mon anonime — condition, c'est de ne preter à personne ma comédie, et de ne jamais la faire sortir de vos mains, car je ne veux pas encor la rendre publique. Tout à vous.

Vous pouvez assurer M-r le censeur que dans toute ma pièce, par consequent dans les passages qui l'ont fort effrayés, on n'a pas changé une sillabe (*).

(Сентябрь 1782).

IV. ПИСЬМО

КЪ О. П. КОЗОДАВЛЕВУ.

О ПЛАНѢ РОССІЙСКАГО СЛОВАРЯ (**).

Москва, 1784 года.

Мучительная головная боль цѣлыя двѣ недѣли меня не покидала и препятствовала мнѣ отвѣчать на дружеское письмо ваше отъ 7-го сего мѣсяца. Позвольте васъ искренно поздравить какъ съ табакеркою, такъ и со всеобщею

(*) *Перевод*ъ: Братъ мой, я надѣюсь, передалъ вамъ, любезный Медокетъ, извѣстный пакетъ и объяснилъ принятое мною рѣшеніе для уничтоженія толковъ, возбужденныхъ упорствомъ вашего цензора. Продолжительное ваше молчаніе слишкомъ ясно доказываетъ мнѣ неуспѣхъ вашихъ стараній, чтобы получить позволеніе. Я положилъ конецъ интригѣ, и кажется тѣмъ достаточно доказалъ прямое согласіе на представленіе моей пьесы, потому что 24 числа этого мѣсяца придворныя актеры ея императорскаго величества играли ее на публичномъ театрѣ по письменному дозволенію отъ правительства. Успѣхъ былъ полный.—Безконечно желая вамъ добра, оставляю вамъ мою пьесу; но требую отъ васъ честнаго слова непремѣнно сохранить мой анонимъ, съ условіемъ—никому не давать моей комедіи и ни подъ какимъ видомъ не выпускать ее изъ вашихъ рукъ, ибо не хочу еще давать ей публичности. Весь вашъ.—Вы можете увѣрить господина цензора, что во всей моей пьесѣ, а слѣдовательно и въ мѣстахъ, которыя его такъ напугали, не измѣнено ни одного слога.

(**) Напечатано въ № 19 «Вѣстника Европы» на 1803 годъ (изд. Н. М. Карамзинымъ). — *Осипъ Петровичъ Козодавлевъ* (1754—1819), впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ, былъ въ царствованіе Екатерины II совѣтникомъ академическаго правленія.

похвалою вашему переводу, котораго экземпляръ, получивъ отъ васъ, читалъ я съ большимъ удовольствіемъ.

Теперь лежатъ у меня передъ глазами примѣчанія Ивана Никитича Болтина (*) на начертаніе нашего словаря. Я въ сіе дѣло не мѣшаюсь, потому что Академія представленія его почти всѣ уже приняла (**), начертаніе перемѣнено и слѣдственно все дѣло кончено. Почитаю рѣшеніе Академіи; но чтобъ имѣть удовольствіе съ вами болѣе побесѣдовать, хочу сообщить здѣсь мнѣніе мое о сихъ перемѣнахъ. Посвящаю вамъ цѣлое утро. Боюсь только, чтобъ матерія моя не завела меня далеко и чтобъ письмо мое не сдѣлалось тетрадью. Въ такомъ случаѣ прошу васъ дружески его не дочитывать: я лучше хочу не быть читанъ, нежели быть скученъ. А всего болѣе прошу васъ не дѣлать изъ сего письма никакого употребленія; въ чемъ на скромность вашу совершенно полагаюсь.

Какъ *примѣчанія*, такъ и *резоны* (***), для которыхъ Академія рѣшилась ихъ принять и апробованное начертаніе перемѣнить, не произвели во мнѣ, признаюсь вамъ, никакого убѣжденія. Чтобъ меня удобнѣе понять, пожалуйте прочтите напередъ тѣ *примѣчанія* и письмо, при которомъ г. секретарь Академіи препроводилъ оныя къ Ивану Ивановичу Мелиссино (†); а потомъ уже продолжайте, если вамъ угодно, читать то, что теперь писать стану.

Собственныя имена отнюдь не составляютъ существа языка, а *умекшительныя* ихъ еще меньше, и если *Ивану* нѣтъ мѣста въ лексиконѣ, тѣмъ менѣе *Ванькѣ* такая претензія прилична. Что жъ касается до *увеличивательныхъ*, будто духовными особами употребляемыхъ, то я отъ роду не слыхивалъ, чтобъ собственныя имена имѣли когда-нибудь *увеличивательныя*. Знаю, что бываютъ они полныя

(*) И. Н. Болтинъ (1735—1792), генералъ-маіоръ, членъ Россійской Академіи.

(**) Сочинитель былъ тогда въ Москвѣ и по несновательному слуху заключилъ, что Академія положила принять сіи примѣчанія; но вмѣсто того она опредѣлила прочитать только ихъ въ публичномъ собраніи, не перемѣняя ни мало общаго плана. *Пр. Козод.*

(***) Разумѣется, что Фонъ-Визинъ не употребилъ бы слова *резонъ*, если бы онъ писалъ для публики и для печати. *Пр. Карамз.*

(†) И. И. Мелиссино (1718—1795), бывшій долгое время куратором Москов. унив., учредилъ въ Москвѣ *Вольное Россійское собраніе*, которое между прочимъ занималось составленіемъ «русскаго словаря».

и сокращенныя, наприм. *Іоаннъ*, *Иванъ*; но не думаю, чтобъ какой-нибудь архіерей назвалъ себя когда-нибудь *смиренный Іоаннище*. Буде имя *Іоаннъ* для того *увеличительное* что содержитъ больше слоговъ и буквъ, нежели *Иванъ*, то по сему правилу *Василиса* было бъ увеличивательное *Васса*. Я не стану говорить объ *Акулинѣ*, которая титю имени *увеличивательнаго* никогда не согласится изъ доброй воли уступить *Акилинѣ*, имѣя съ нею равное число буквъ и слоговъ.

Еслибъ полагать, что *уменьшительныя* именъ собственныхъ принадлежатъ къ нашему словарю, то, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ нему и происходящія отъ собственныхъ *притягательныя;* напр. отъ *Петра—Петровъ*, отъ *Никиты—Никитинъ;* равнымъ образомъ и отчества, напр. *Кузьмичъ*, *Матвѣичъ*, *Кузьминишна*, *Матвѣевна*. Разсудите, не грѣшно ли терять время на такія безплодныя упражненія?

Академія положила принять въ словарь изъ собственныхъ именъ только самыя употребительныя; но какъ можно опредѣлить, которое имя есть самое употребительное и которое нѣтъ?—Всякій за свое имя вступится. Въ вашемъ домѣ *Осипъ*, въ моемъ *Денисъ* весьма употребительны и, мнѣ кажется, что всякое имя нарекается христіанину при святомъ крещеніи точно для того, чтобъ оно было употребительно. Вѣрьте мнѣ, что буде въ лексиконѣ нашемъ помѣстятся и одни тѣ, кои признаны будутъ самыми употребительными, то они съ своими *уменьшительными*, *притяжательными*, *уничижительными* и проч. составятъ въ словарѣ нашемъ однихъ *Петрушекъ*, *Ванюшекъ*, *Антошекъ*, *Маврутокъ* по крайней мѣрѣ не меньше тридцати тысячъ душъ. Тридцать тысячъ душъ имѣть хорошо, но не въ лексиконѣ!

Что нѣкоторыя собственныя имена употребляются въ пословицахъ, то не составляетъ причины къ помѣщенію ихъ въ словарь нашей Академіи. Всѣ такія пословицы, гдѣ есть *Сенюшки* и *Фили*, весьма низки и умомъ, и выраженіемъ; желательно, чтобъ онѣ вовсе были забыты. И въ самой лучшей пословицѣ, которая въ примѣчаніяхъ написана и которая начинается: *какъ у Сенюшки есть денежки*, сказано бѣдному Семену не меньше какъ... (*)

(*) Кто любопытенъ знать, что *бѣдному Семену* сказано, тотъ можетъ заглянуть въ «*Собраніе русскихъ пословицъ*». *Пр. Карамз.*—Въ *Собраніи*

Между резонами для принятія въ словарь именъ собственныхъ Академія уважила (*), что «въ древнихъ нашихъ челобитныхъ и производствахъ просители употребляли имена уменьшительныя». Но, уваживъ сей резонъ, приняла совсѣмъ, коли смѣю сказать, противорѣчащее ему правило: *внесть въ словарь собственныя имена только самыя употребительныя.* Неужели въ нашей древности могъ подавать челобитье тотъ только, кто назывался напр. Иваномъ или Петромъ? Я увѣренъ, что *Гурій* и *Варсонофій* равное съ ними имѣли право; а по сему резону, если собственныя имена въ словарь принимать, то принимать всѣ: въ каковомъ случаѣ безплодное приращеніе словаря, простираясь еще на нѣсколько фоліантовъ, отдалило бы благополучное онаго окончаніе на безконечные вѣки.

Имена: *Фыля*, *Ѳедора*, конечно, въ словарь нашъ внесены быть должны, но не какъ имена собственныя, а какъ имена, употребляющіяся въ метафорическомъ смыслѣ. Я желалъ бы еще, чтобъ помѣщены были всѣ содержащія метафорическій смыслъ собственныя имена особъ, прославившихся въ исторіи какъ добродѣтелями, такъ и пороками. Я желалъ бы, напримѣръ, чтобъ въ словарѣ нашемъ было истолковано, что имя *Неронъ* заключаетъ въ себѣ идею лютаго тирана, *Титъ*—государя милосердаго, *Сарданапалъ* — тирана сладострастнаго; что *Зоиломъ* именуется злобный и презрительный критикъ; что имя *Катилина* сдѣлалось титломъ высокомѣрнаго врага отечеству. Симъ образомъ потомство судитъ дѣянія своихъ предковъ. Таковой судъ есть достойное возмездіе порока, достойная награда добродѣтели. Сіе нечувствительно обращаетъ мысль мою на счастіе нашего времени; ибо нѣтъ сомнѣнія, что когда отдаленнѣйшіе потомки станутъ читать новыя грядущихъ временъ изданія нашего толковаго словаря, уже найдутъ они въ немъ имя Екатерины въ разумѣ слова, знаменующаго премудрую монархиню.

Г. сочинитель *примѣчаній* въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что «нынѣшній лексиконъ Французской Академіи признает-

---

же этомъ, изданномъ въ 1770 г., пословица читается такъ: у Сенюшки двѣ денежки—*Сенюшка Семенъ*, а у Сенюшки ни денежки — *б—нъ сынъ Семенъ* (стр. 219).

(*) Авторъ все сіе говоритъ объ Академіи, основываясь на дошедшемъ до него несправедливомъ слухѣ. *Прим. Козод.*

ся отъ всѣхъ вообще лучшимъ словаремъ». Я самъ того же мнѣнія и весьма согласенъ держаться всего, что въ немъ наблюдаемо. Тогда бы въ нашемъ словарѣ не было ничего лишняго; въ немъ не найдете вы ни Anne, ни Annette, ни Pierre, ни Pierrot.

Вслѣдствіе *примѣчаній* Академія опредѣлила внесть въ словарь названія государствъ, столицъ и знатнѣйшихъ россійскихъ городовъ. Еслибъ я случился тогда съ вами, то взялъ бы смѣлость поспорить. Теперь въ словарь нашъ войдетъ, напримѣръ, *Франція*. Сдѣлаемъ ей дефиницію кратчайшую: «Франція есть большое европейское государство, окруженное Нидерландами, Германіею, Швейцаріею, Савойскою Землею, Средиземнымъ моремъ, Пиринейскими горами и океаномъ. Оно находится между 13 и 26 градусами долготы, и между 42 и 51 градусами широты». Пожалуйте, скажите, положеніе Франціи, счетъ градусовъ долготы и широты ея составляетъ ли существо славяно-россійскаго языка? Мнѣ кажется, что, нашедъ въ нашемъ словарѣ сію дефиницію, я такъ же бы удивился, какъ еслибъ въ словарѣ географическомъ нашелъ, что «Франція есть имя собственное, число единственное, рода женскаго». Г. сочинитель *примѣчаній* говоритъ, что знаніе положенія земель весьма полезно. Безъ сомнѣнія; но я увѣренъ, что онъ также признаетъ полезнымъ и знаніе грамматики: слѣдуетъ ли же изъ того, чтобъ въ географію заѣхала грамматика, а въ грамматику географія? Мнѣ кажется, всякая вещь должна быть въ своемъ мѣстѣ. Всего бы лучше держаться и въ семъ случаѣ лексикона Французской Академіи. Въ немъ не найдете вы ни *France*, ни *Français*, ни *Anglais*. Найдете *Juif*, но съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: Juif, subst. masc. On ne met pas ici ce mot comme le nom d'une nation, mais parce qu'il s'emploit figurement en quelques phrases de la langue. Ainsi on appelle Juif un homme qui prête à usure, etc. (*)

Я весьма согласенъ дать въ семъ разумѣ *жиду* мѣсто и въ нашемъ словарѣ, но не пускать въ него *іудеянина*.

Въ разсужденіи техническихъ терминовъ, г. сочинитель *примѣчаній*, кажется, весьма недоволенъ нашимъ начерта-

(*) *Перев.* Слово это помѣщено здѣсь не какъ имя націи, но потому что оно употребляется иногда въ фигуральномъ смыслѣ. Т. напр. *жидомъ* называютъ человѣка, который отдаетъ деньги въ ростъ и пр.

нѣмъ. Онъ «вообразитъ себѣ россіянина, который, ухватясь за нашъ словарь, ищетъ въ немъ словъ: *аберрація*, *перигей*, *эпакта*, *архитравъ*; представляемъ себѣ досаду его, когда онъ, рывшись не всему, не найдетъ въ немъ искомыхъ словъ; какое справедливое будетъ его негодованіе на сочинителей! какъ они въ винѣ своей останутся безмолвны!» Еслибъ сія несчастная сцена при мнѣ приключилась, я не далъ бы ей долго продолжаться: раскрылъ бы при немъ нашъ словарь, указалъ бы ему въ немъ *аберрацію*, *перигея*, и спросилъ бы его безъ чиновъ: «да за что же ты бранишься?» И дѣйствительно, ежели словарь дѣланъ будетъ по начертанію, то каждое изъ сихъ словъ въ своемъ мѣстѣ найдется. Въ начертаніи исключаются тѣ только названія техническія, кои однимъ ученымъ извѣстны; но какъ многимъ не-астрономамъ извѣстны *аберрація* и *перигей*, многимъ не-хронологамъ знакома *эпакта* (*), многіе не-архитекторы знаютъ, что *архитравъ*, то въ силу начертанія всѣ сіи слова должны непремѣнно имѣть мѣсто въ нашемъ словарѣ. Буде же кто захочетъ искать въ немъ названій, напр. каждой корабельной веревочки, и не нашедъ ихъ изволитъ разсердиться — пусть его гнѣвается! Мы не виноваты, если кто въ словарѣ нашемъ не найдетъ того, чего искать въ немъ не должно.

Je reviens toujours à mes moutons. Станемъ держаться лексикона Французской Академіи; въ немъ есть aberration, périgée, épacte, architrave; но со всѣмъ тѣмъ сочинители наблюдали строго правило: de n'admettre dans leur dictionnaire que les termes élémentaires des sciences, des arts, et même ceux des métiers, qu'un homme de lettres est dans le cas de trouver dans des ouvrages, où l'on ne traite pas expressément des matières aux quelles ces termes appartiennent. (**)

Далѣе въ *примѣчаніяхъ* нашелъ я слѣдующее, совсѣмъ излишнее разсужденіе: «Провинціяльныя слова, неизвѣстныя

(*) Смыслъ *аберраціи* выражается русскимъ словомъ *уклоненіе*, слѣдственно, можно и не ставить латинскаго слова; но греческія *эпакта* и *перигей* должны безъ сомнѣнія войти въ лексиконъ. *Прим. Карамз.*

(**) *Перев.* Помѣщать въ словарь только такіе термины наукъ, искусствъ и даже ремеслъ, которые могутъ встрѣтиться въ сочиненіяхъ, не посвященныхъ исключительно тому знанію, изъ котораго эти термины заимствованы.

или неупотребляемыя въ столицахъ, напрасно изгонять изъ словаря, ибо нѣкоторыя изъ нихъ послужатъ къ обогащенію языка, каковы суть: «*луда*, *тундра* и проч.» Правда, что еслибъ въ *начертаніи* таковое изгнаніе предписано было, можетъ быть, въ словарѣ нашемъ не было бъ ни *луды*, ни *тундры*. Воля Господня! и тутъ бѣда была бъ не велика; но какъ именно сказано въ начертаніи, что «должны имѣть въ словарѣ мѣсто всѣ тѣ провинціяльныя слова, кои служатъ къ обогащенію нашего языка», то буде *луда* и *тундра* очень хороши (*), найдутъ и онѣ мѣсто въ нашемъ словарѣ.

Академія нынѣ рѣшилась «ставить глаголы, *как то и должно было*, въ первомъ лицѣ настоящаго времени; ибо многіе разное знаменованіе имѣющіе глаголы одинаково пишутся въ неопредѣленномъ, напр. *жну*, *жать* и *жму*, *жать*.» Не понимаю, почему глаголы такъ ставить должно было; увѣренъ я напротивъ того, что въ нашемъ языкѣ весьма мало сыщется глаголовъ подобныхъ *жну*, *жать* и *жму*, *жать*. Противъ каждаго изъ нихъ берусь выставить другой, который, имѣя разное знаменованіе, пишется въ первомъ лицѣ одинаково, напр., *лазить*, *лажу* и *ладить*, *лажу*; *пить*, *пою* и *поить*, *пою*. Есть хорошіе лексиконы, гдѣ глаголы ставятся въ первомъ лицѣ; есть очень же хорошіе, гдѣ они ставятся въ неопредѣленномъ. Въ сей перемѣнѣ не вижу никакой выгоды, но вижу замѣшательство, и весьма великое; ибо наша аналогическая таблица, которая уже и печатается, чаятельно вся содержитъ глаголы въ неопредѣленномъ. Теперь надобно переводить ихъ на новыя квартиры: *быть* изъ литеры Б отправить въ литеру Е—*есть*; *слать* изъ литеры С въ литеру Ш—*шлю*, и проч.

Г. сочинитель *примѣчаній* дѣлаетъ въ одномъ мѣстѣ дефиницію толковаго словаря и, вмѣщая въ него все то, что только можетъ вмѣститься въ пространнѣйшую энциклопедію, выводитъ заключеніе: «что словарь нашъ именованъ толковымъ, а въ начертаніи не видитъ онъ на-

(*) Сибирское слово *тундра* должно быть въ русскомъ лексиконѣ; ибо никакимъ другимъ мы не означимъ обширныхъ, низкихъ, безлѣсныхъ равнинъ, заросшихъ мхомъ, о которыхъ можетъ говорить поэтъ, географъ, путешественникъ, описывая Сибирь и берега Ледовитаго моря, но въ *луде*, кажется, нѣтъ большой нужды. *Прим. Карам.*

мѣренія, чтобъ таковымъ его дѣлать». На сіе скажу, что Россійская Академія поручила комитету сдѣлать начертаніе толковаго словаря не наукъ и художествъ, но *славяно-россійскаго языка;* а чтобъ сіе наименованіе не произвело о немъ такого понятія, какое г-нъ сочинитель *примѣчаній* имѣетъ о существѣ толковаго словаря, то комитетъ въ самомъ началѣ начертанія сдѣлалъ своему словарю точную дефиницію. Слѣдственно и остается судить теперь единственно о томъ, содержитъ ли въ себѣ начертаніе все то, чего требуетъ сдѣланная комитетомъ дефиниція. Монтескьё говоритъ: quand un écrivain a défini un mot dans son ouvrage, quand il a donné, pour ainsi dire, son dictionnaire, il faut entendre ses paroles suivant la signification qu'il leur a donnée (*).

Въ *примѣчаніяхъ* раскритикованъ употребляемый мною терминъ *сословo* и преображенъ въ *словесъ*. Можетъ быть я и виноватъ. Но мнѣ кажется, буде нашъ языкъ терпитъ такія составныя слова, какъ *сотоварищъ*, *соучастникъ*, *соправитель*, для чего жъ бы не сказать и *сословo*? (**) Г. критикъ говоритъ, что «оно, будучи похоже на *сословіе*, приводитъ мысль въ замѣшательство». Сей резонъ не весьма убѣдителенъ. Поэтому надобно тѣмъ наипаче исключить изъ языка нашего слово *баба*, ибо оно можетъ приводить мысль въ замѣшательство больше *словa*. Оно напоминаетъ *женщину*, *птицу* и ту *бабу*, которою сваи набиваютъ. Впрочемъ, если Академія отвергнетъ мой терминъ, я повиноваться буду ея рѣшенію. Не стану употреблять *сословo* и, покинувъ перо, пишущее *Сословникъ*, охотно скажу: «конецъ и Богу слава!»

Главнѣйшее *примѣчаніе* осталось, какъ слышу, безъ рѣшенія, то есть: расположить словарь аналогическимъ ли порядкомъ, или этимологическимъ? Резоны противъ начертанія кажутся мнѣ нимало не основательны. Таблица аналогическая отнюдь не есть второй словарь, но есть истинная и полезная table des matières (оглавленіе) нашего толковаго словаря. Неужель состоящая въ двухъ томахъ по-

(*) *Перев.* Когда писатель опредѣлилъ значеніе слова, имъ употребленнаго, когда онъ, такъ сказать, далъ свой словарь, то нужно понимать его рѣчи въ томъ самомъ смыслѣ, какой онъ придаетъ имъ.

(**) И *словесъ*, и *сословo* равно неудачны, и едва ли когда-нибудь войдутъ въ употребленіе. *Прим. Карамз.*

добная таблица словаря энциклопедическаго есть вторая энциклопедія? Г. сочинитель *примѣчаній* говоритъ, что «въ этимологическомъ лексиконѣ, нашедъ *иногда* указанную страницу, не прежде сыщешь въ ней слово, какъ по прочтеніи ея съ начала до конца». Сіе *иногда* случается не рѣже и съ лексикономъ аналогическимъ; но и въ томъ, и въ другомъ нѣтъ конечно нужды читать страницу съ начала до конца, а надобно ее обозрѣть, потому что не въ естествѣ вещей въ одинъ мигъ попадать глазами на искомое слово. Что же надлежитъ до перваго изданія лексикона Французской Академіи, который былъ этимологическій, то конечно неудобности его были весьма велики, ибо не было при немъ той таблицы, которая всѣ неудобства отвращаетъ и которая будетъ при нашемъ словарѣ. Впрочемъ, я то знаю, что изъ словаря *этимологическаго* шестьдесятъ подъячихъ въ одинъ годъ сдѣлаютъ словарь *аналогическій*, а изъ словаря *аналогическаго* шестьдесятъ членовъ Россійской Академіи ни въ пять лѣтъ не сдѣлаютъ словаря *этимологическаго* (*)

Письмо мое несносно длинно. Чувствую, что нѣтъ въ немъ ни складу, ни ладу; но я пишу къ другу. Надѣюсь отъ него такого снисхожденія, съ какимъ искреннимъ почтеніемъ и преданностію пребываю, вамъ и проч.

V. ПИСЬМО КЪ ПАССЕКУ (**).

4 февраля 1784. Москва.

За милостивое покровительство ваше, по дѣлу моему съ графинею Г., какъ и за почтеннѣйшее письмо ваше отъ 20 прошедшаго мѣсяца; приношу В. В. *(вашему высокопревосходительству)* покорнѣйшее благодареніе.

Я отдаю на собственный вашъ судъ, не прискорбноль бы мнѣ было: за то, что у меня похищено наглымъ образомъ, взять половину той цѣны, за которую бы я ей не про-

---

(*) Это отчасти справедливо; но всѣ ли догадаются, что надобно искать, напримѣръ, *облака* въ литерѣ В. Многіе должны рыться во всѣхъ аналогическихъ таблицахъ, чтобы отыскать это слово. *Прим. Карамз.*

(**) Генералъ-адъютантъ, сенаторъ Петръ Богдановичъ Пассекъ (1736—1804) особенно извѣстенъ по участію въ Государственномъ переворотѣ 1762 года.

далъ добровольно, а сверхъ того и съ издержекъ моихъ также принять на мой счетъ половину. Я конечно имѣю все почтеніе къ ея полу и къ ея лѣтамъ, но знаю то, что для меня, по ея богатству, 2,500 руб. ничего не значатъ и что несогласіе ея происходитъ, откровенно сказать, отъ одной скупости.

В. В. знаете мою къ вамъ совершенную преданность, за которую подали мнѣ новый знакъ вашего ко мнѣ благодѣянія. Я имѣю къ вашему правосудію такую полную довѣренность, что за счастіе почту, если вы, милостивый государь, возьмете трудъ на себя рѣшить дѣло совѣстнымъ образомъ. Я напередъ даю вамъ честное слово повиноваться всему тому, что вы присудите. Пусть тоже сдѣлаетъ графиня Г—кова. Ваше рѣшеніе пусть будетъ для обоихъ насъ безъ апелляціи. Я съ одной стороны увѣренъ, что вы ни мнѣ для графини, ни ей для меня никакого предосужденія не сдѣлаете; а съ другой, могу васъ увѣрить, что у меня въ головѣ нѣтъ — взять съ нея больше, нежели что слѣдуетъ мнѣ по правосудію.

Ожидая отъ васъ, какъ отъ моего благодѣтеля, сего новаго опыта вашей ко мнѣ милости, остаюсь и проч.

VI. ПИСЬМО КЪ ВОИНОВУ.

Вѣна 27 іюня 1785.

Прошу васъ, государя моего, при моемъ поклонѣ, сказать отцу Серафиму, что я письмо его къ извѣстной особѣ вѣрно отдамъ и все въ его пользу сдѣлаю. Впрочемъ, желаю вамъ сердечно дальнѣйшихъ успѣховъ въ искусствѣ, къ которому вы имѣете по истинѣ талантъ отличный и прошу васъ быть увѣрену, что я всѣмъ сердцемъ пребываю вашъ, государя моего, покорный слуга Денисъ Фонъ-Визинъ.

Всѣмъ вашимъ товарищамъ прошу сказать мой поклонъ.

(*Адресъ:* à monsieur, monsieur Woïnoff, peintre russe, à Rome.)

VII. ПИСЬМА
КЪ ГР. ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ ПАНИНУ.

1) *Изъ С.-Петербурга.*

I.

Сіятельнѣйшій графъ
Милостивый государь! (*)

Принося нижайшее благодареніе за милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 4-го іюня, имѣю честь донести, что приложенное письмо къ графу Шелю, изъ второй арміи пересланное, отдалъ я ему вѣрно. Онъ и графиня препоручили мнѣ изъявить свое истинное почтеніе и благодарность за увѣреніе вашего сіятельства о вашемъ къ нимъ дружествѣ.

Приложенную при семъ реляцію посла г. Сальдерна не могъ я ранѣе окончить, сколь ни велико было мое усердіе. Причиною тому множество стекшихся вдругъ дѣлъ, касающихся до моей должности, препорученной мнѣ отъ моего милостиваго шефа. Изъ Петергофа, куда завтра отъѣзжаемъ, не премину я, милостивый государь, служить вашему сіятельству обстоятельнѣйшимъ увѣдомленіемъ о дѣлахъ достойныхъ любопытства вашего.

Реляція посла г. Сальдерна содержитъ въ себѣ все то, что можетъ подать совершенную идею о настоящемъ положеніи польскихъ дѣлъ. Мнѣ остается прибавить токмо то, о чемъ г. посолъ писалъ уже послѣ сей переведенной мною реляціи.

Въ Литвѣ конфедераты умножаются; гетманъ графъ Огинскій сталъ въ подозрѣніи, но благоразумнымъ учрежденіемъ посла все оное смятеніе прекратится въ своемъ началѣ. Графъ Броницкій имѣлъ уже удачную сшибку съ конфедератами.

Вслѣдствіе декларації, которой экземпляръ имѣлъ я честь послать къ вашему сіятельству, его польское величество отправилъ знатную депутацію къ нашему послу, съ изъявленіемъ благодарности своей за все содержаніе оной декларації. Король созвалъ потомъ знатнѣйшихъ особъ,

(*) Далѣе мы опустимъ это *общее* начало писемъ.

для совѣтованія съ ними о успокоеніи Польши. Одинъ примасъ, человѣкъ всѣмъ бытіемъ своимъ Россіи одолженный, одинъ онъ явился неблагодарнымъ и не желавшимъ блага своему отечеству, воспротивясь нашимъ видамъ о примиреніи Польши и коварствуя самымъ безчестнымъ образомъ! Я думаю, однакожъ, что хитрости его уступятъ благоразумію, осторожности и силѣ г. Сальдерна.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію во всю жизнь мою пребуду, и проч.

Въ С.-Петербургѣ, 17-го іюня 1771.

II.

На сихъ дняхъ ея императорское величество апробовать изволила приложенное при семъ мнѣніе его сіятельства графа Никиты Ивановича. Оно подастъ вамъ, м. г., прямое свѣдѣніе о настоящемъ положеніи дѣлъ нашихъ. Мнѣ остается только донести вамъ, что въ Крымъ назначенъ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ(*), и пожалованъ генералъ-поручикомъ; а г-нъ Веселицкій, назначенный резидовать министромъ отъ насъ въ Крыму, произведенъ въ статскіе совѣтники.

Графъ Сольмсъ (**) сообщилъ здѣшнему двору королевскую депешу, съ которой переводъ мой приложить здѣсь честь имѣю. Я почелъ бы за особливое счастіе узнать о ея содержаніи мнѣніе вашего сіятельства.

Для любопытства вашего, прилагаю здѣсь копію съ рескриптовъ къ графу Петру Алекс. и къ гр. Гр. Г.(***); также и послѣднюю реляцію кн. Вас. Михайловича (†).

Александръ Ильичъ (††) не принялъ команды отъ г-на Веймарна, но, чаятельно, скоро вступитъ въ дѣло званія своего; ибо г. Веймарнъ(†††) здѣсь уже ожидается. Посолъ нашъ

(*) Генералъ-поручикъ, премьеръ-маіоръ Измайловскаго полка. Онъ былъ впослѣдствіи начальникомъ Слободской губ.; умеръ въ 1784 г.

(**) Посланникъ короля прускаго, Фридриха II, въ С.-Петербургѣ.

(***) Петръ Александровичъ Румянцовъ и гр. Григорій Григорьевичъ Орловъ.

(†) Долгорукій-Крымскій (1722 — 1782). Въ 1771 г. онъ въ короткое время овладѣлъ Крымомъ.

(††) Бибиковъ (1729—1774).

(†††) Генералъ-поручикъ Ив. Ив. Веймарнъ (1722—1792) командовалъ войсками въ Польшѣ до назначенія туда А. И. Бибикова.

весьма жалуется на худую дисциплину находящихся въ Польшѣ войскъ. При извѣстной атакѣ мѣстечка Тиникъ, близъ Кракова, наша пѣхота оставалась безъ дѣйствія. На будущей почтѣ, какъ о семъ, такъ и о прочихъ польскихъ дѣлахъ, не премину донести обстоятельно.

Препоручая себя въ непремѣнную милость вашу, съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію во всю жизнь мою пребуду.

Въ С.-Петербургѣ, 1-го ноября 1771.

III.

Третьяго дня прибылъ сюда генералъ-маіоръ Ступишинъ(*) съ извѣстіемъ о продолженіи успѣховъ оружія нашего. Я имѣю честь приложить здѣсь и копію съ реляцій, имъ привезенныхъ, и печатные листочки, коими публикѣ объявлено о сихъ радостныхъ происшествіяхъ. Слѣдующія здѣсь въ переводѣ два письма, съ приложеніемъ отъ князя Дмитрія Михайловича (**), суть тѣ важныя піесы, которыя мною обѣщаны вашему сіятельству и которыя доказываютъ, что вѣнскій дворъ хотя въ существѣ сохраняетъ къ намъ свое недоброжелательство, но, по крайней мѣрѣ, перемѣняетъ свой гордый тонъ на ласковое преклоненіе насъ къ тѣмъ мирнымъ кондиціямъ, кои онъ намъ предписать желаетъ.

Отвѣтъ нашъ прусскому королю еще не изготовленъ. Ваше сіятельство конечно оный получить отъ меня изволите, какъ скоро только тѣмъ вамъ услужить найдусь я въ состояніи.

За милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 3-го сего мѣсяца, приношу нижайшее благодареніе. Господинъ Бауръ(***) нашелся *дюпомъ* графа Петра Александровича. Вы, милостивый государь, изволили, можетъ быть, примѣтить, что онъ посылаемъ былъ осмотрѣть противный берегъ, и что онъ нашелъ на немъ неудобства. Видно, что послѣ сего отвѣта графъ Петръ Александровичъ не открылъ ему своего расположенія, и отправя его отъ себя, не ему но господину Веймарну пріуготовилъ почесть побѣдителя. Го-

(*) Алексѣй Алексѣевичъ, впослѣдствіи Нижегородскій генералъ-губернаторъ.

(**) Голицынъ, полномочный министръ въ Вѣнѣ.

(***) Ѳедоръ Вилимовичъ Бауръ (1731—1783) перешелъ изъ прусской въ русскую службу въ 1769 г.

сподинъ Бауръ сюда еще не бывалъ, но заѣхавъ въ пожалованныя ему прошлаго года деревни, живетъ еще тамъ. Я увѣренъ, что его сіятельство, графъ Никита Ивановичъ, въ первомъ письмѣ своемъ къ вамъ, милостивый государь, напишетъ объ ономъ пространнѣе. Теперь же молчаніе его происходитъ отъ извѣстныхъ вамъ причинъ. Непрестанные труды по званію его въ толь критическихъ обстоятельствахъ отечества, возведшаго его на толь высокую степень, составляютъ теперь всеминутное его упражненіе.

Въ С.-Петербургѣ, 11-го ноября 1771.

IV.

Я за должность считаю начать письмо мое увѣдомленіемъ вашего сіятельства, о здравіи его императорскаго высочества. Оно ежечасно идетъ къ своему совершенству, и самая слабость проходитъ очевидно.

Принеся нижайшее благодареніе за милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 4-го сего мѣсяца, не могу я имѣть счастія исполнить теперь вашу волю моими по дѣламъ доношеніями. Какъ сему, такъ и продолжавшемуся нѣсколько времени моему молчанію, причиною стала лихорадка, отъ которой я сегодня въ первый разъ всталъ съ постели. Скоро надѣюсь придти въ состояніе служить вамъ, милостивый государь, довольно важными сообщеніями.

Вручителя сего, моего брата, имѣю счастіе препоручить въ милость вашего сіятельства, и быть навсегда съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію.

21-го ноября 1771.

V.

По принесеніи нижайшаго моего благодаренія за милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 21-го сего мѣсяца, позвольте изъявить мнѣ сердечное сожалѣніе о болѣзни вашей. Боже дай, чтобы вы хотя здоровье имѣли отрадное въ настоящей скукѣ вашей. Я не могу никакимъ образомъ успѣть что либо сообщить на сей почтѣ вамъ, милостивый государь, кромѣ обстоятельной реляціи графа Петра Александровича. Стеченіе множества дѣлъ въ канцеляріи его сіятельства графа, братца вашего, лишаетъ меня счастія служить вамъ пересылкою другихъ піесъ. Я надѣюсь, что вы, милостивый государь, удостовѣрены будучи о сей истинѣ, краткость письма моего извинить изволите.

С.-Петербургъ, 29-го ноября 1771.

VI.

Повелѣніе вашего сіятельства разослать два пакета, приложенные къ письму вашему, получилъ я вчера и тотъ же часъ оное исполнилъ.

Здѣсь имѣю честь включить другое письмо мое съ приложеніемъ, также и рѣчь петербургскаго архіерея, говоренную имъ послѣ молебна, отправленнаго въ воскресенье за выздоровленіе его имп. высочества.

Государыня сейчасъ изволила пойти въ Сарское Село, но государь великій князь остался въ городѣ.

Позвольте мнѣ навсегда съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью быть.

VII.

За краткостію времени, нахожу себя принужденнымъ отложить отправленіе нѣкоторыхъ вниманія достойныхъ піесъ къ вашему сіятельству до завтрашняго дня, а теперь имѣю честь препроводить здѣсь письмо его сіятельства графа, братца вашего, и объяснить вамъ, милостивый государь, что упоминаемая въ оном табакерка для графини Маріи Родіоновны (*) есть та самая, которую вы получить уже изволили предъ симъ за одну почту.

Предоставляя себѣ счастіе, при завтрашней экспедиціи, отвѣтствовать на послѣднее письмо, коимъ ваше сіятельство меня удостоили, имѣю честь включить здѣсь въ копіяхъ реляцію графа Петра Александровича. Въ прочемъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію во всю жизнь мою пребуду.

Въ С.-Петербургѣ, 3-го января 1772.

VIII.

Въ исполненіе вчерашняго моего обѣщанія, имѣю честь послать къ вамъ, милостивый государь, два рескрипта о перемиріи; одинъ къ графу Петру Александровичу, а другой къ графу Алексѣю Григорьевичу. Сверхъ того, копіи съ реляцій князя В. М. (**) здѣсь включаю.

(*) Гр. П. И. Панинъ былъ женатъ во второй разъ на фрейлинѣ Маріи Родіоновнѣ Ведель. Первая жена его (Анна Алексѣевна Татищева) умерла въ 1764 г.

(**) Василій Михайловичъ Долгорукій-Крымскій.

Милостивое письмо вашего сіятельства, изъявляющее, при обновленіи года, желаніе ваше о моемъ благополучіи, тѣмъ болѣе трогаетъ сердце мое, что я и настоящимъ моимъ счастіемъ долженъ вашему покровительству. Вѣрьте, милостивый государь, что нѣтъ на свѣтѣ ничего такого, чѣмъ бы не пожелалъ я доказать вашему сіятельству истинную мою благодарность и сердечное усердіе къ особѣ вашей!

Разсужденіе вашего сіятельства о толкованіяхъ публики, судящей по обманчивой наружности, сказывалъ я его сіятельству графу, братцу вашему. Радуюсь, что мое о томъ мнѣніе почелъ онъ справедливымъ, а для того, осмѣлюсь и здѣсь сказать оное. Публика рѣдко или и никогда не отдаетъ справедливости живымъ людямъ. Потомству предоставлено разбирать и утверждать славу мужей великихъ; оно одно безпристрастно судить можетъ; ибо никакая корысть не соединяетъ тогда судью съ судимымъ. Достойный человѣкъ не долженъ огорчаться тѣмъ, что льстецы, при немъ отъемля его цѣну, придаютъ ее своему идолу. Такіе льстецы сколь иногда ни заражаютъ своими подлыми и ложными внушеніями публику, но она, рано или поздно, отдастъ справедливость достойному, разобравъ лесть и клевету отъ самой истины. Въ прочемъ, милостивый государь, извольте повѣрить, что нашъ*** столь открытъ, что никто конечно въ душѣ своей не помыслитъ, чтобъ онъ даровалъ Россіи спасеніе и миръ. О г-нѣ Ассебургѣ (*) спрашивалъ я нарочно его сіятельство графа, братца вашего. Онъ изволилъ сказать, что нѣтъ никакого еще назначенія для сего министра, а принятъ онъ въ службу, какъ человѣкъ великихъ достоинствъ и способный на всякое большое дѣло.

4-го января 1772.

IX.

Прошедшую почту пропустилъ я за нестерпимою головною болѣзнію. Она хотя и всегда меня мучила, однако нынѣ примѣчаю, что сила ея становится часъ отъ часу нестерпимѣе. Сколь жестоко ею стражду, столь много и жа-

(*) Ассебургъ, въ слѣдующемъ году, былъ употребленъ гр. Панинымъ по выбору супруги для в. кн. Павла Петровича и дѣйствовалъ при этомъ въ видахъ гр. Панина и Фридриха II, противъ желанія Екатерины II.

лѣю, что иногда она не допускаетъ меня до сердечнаго моего удовольствія, писать къ вашему сіятельству.

Повелѣніе ваше, милостивый государь, о доставленіи кн. К. Романовнѣ(*) письма вашего, исполнилъ я тотъ же часъ, получа его при милостивомъ письмѣ вашего сіятельства, отъ 29-го декабря.

На сей часъ, имѣю честь приложить токмо здѣсь копію съ письма, при которомъ препровожденъ былъ извѣстный рескриптъ *о перемиріи*.

Изъ Берлина получено извѣстіе (за достовѣрность котораго однакоже ручаться нельзя), что князь Кауницъ впалъ въ немилость. Если сіе правда, какой великій оборотъ возьмутъ дѣла въ Европѣ! Несчастіе Кауницово несравненно намъ полезнѣе ссылки Шуазёлевой.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію во всю жизнь мою пребуду.

Въ С.-Петербургѣ, 10-го января 1772.

X.

Получа милостивое письмо вашего сіятельства, отъ . . . сего мѣсяца, приношу за него нижайшее благодареніе. Я читалъ оное его сіятельству, братцу вашему, и онъ ко всѣмъ разсужденіямъ вашимъ о реляціяхъ князя В. М. (**) ничего больше не прибавилъ, кромѣ сожалѣнія своего, что дѣла испорчены невѣжествомъ. Я истинно думаю, что онъ или не читаетъ, или, что еще хуже, не понимаетъ того, что къ нему пишутъ, и что до него къ вашему сіятельству писано было. Здѣсь имѣю честь приложить реляціи изъ второй же арміи. Включенный тутъ рапортъ госп. Веселицкаго доказываетъ, что и онъ не много сдѣлать можетъ, и что Евдокиму Алексѣевичу пора уже къ нимъ ѣхать.

Полученныя реляціи изъ первой арміи, отъ Александра Ильича и отъ генералъ-маіора Шипова (***), слѣдуютъ здѣсь къ прочтенію вашего сіятельства.

По мирному дѣлу, ничего новаго нѣтъ, кромѣ прилагае-

(*) Княгиня Катерина Романовна Дашкова (1744—1810).

(**) Долгорукаго-Крымскаго.

(***) Михаилъ Ивановичъ Шиповъ, секундъ-маіоръ Л. Гв. Измайловскаго полка, въ которомъ премьеръ-маіорами были здѣсь же упоминаемые Евд. Алекс. Щербининъ и Алекс. Ильичъ Бибиковъ.

маго здѣсь письма изъ Вѣны, отъ князя Д. М.(*) Оно если ничего рѣшительнаго въ себѣ не заключаетъ, то по крайней мѣрѣ доказываетъ, что извѣстіе о несчастіи Кауницовомъ совсѣмъ несправедливо.

На сихъ дняхъ отправленъ былъ маленькій рескриптъ къ князю В. М. съ тѣмъ, что ему пріѣхать сюда не позволяется.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію во всю жизнь мою пребуду.

18-го января 1772.

XI.

Съ сердечною благодарностію имѣлъ я честь получить милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 12-го января. Откровенность, съ которою вы изъясняться со мною изволите, по содержанію онаго, дѣлаетъ мнѣ особливую честь, побуждая меня изобразить здѣсь мысли мои, родившіяся отъ собственныхъ разсужденій (55). Правда, милостивый государь, что великій человѣкъ стараться долженъ не допускать славу свою похищать другимъ, но если льстецъ и предастъ иногда потомству славу, то нельзя же и отъ потомства отнять той справедливости, чтобы не распознавало оно истины отъ лжи. О потомкахъ нашихъ должны мы судить по себѣ самимъ. Сколько же древнихъ историковъ, а особливо стихотворцевъ, презрѣны нами для того только, что мы подозрѣваемъ ихъ или во льсти, или во злобѣ; для того, первое стараніе читателя исторіи и состоитъ въ томъ, чтобъ тотчасъ узнать жизнь авторову, и тогда уже судить, достойна ли вѣры его исторія. Одинъ добрый и справедливый историкъ задавляетъ тысячи подлыхъ писателей, которые, конечно, безчестятъ и себя, и своихъ героевъ. Всѣ тѣ большіе люди, коихъ исторія писана во время ихъ жизни, должны твердо вѣрить, что не по тѣмъ описаніямъ судить объ нихъ будутъ, которыя они читали сами, а по тѣмъ, которыя по смерти ихъ свѣтъ увидитъ. Тогда-то зависть умолкнетъ, лесть исчезнетъ, и всѣ пристрастія, подобно грубому илу, упадутъ нечувствительно на дно, а истина одна выплыветъ наверхъ.

(*) Голицына.

Здѣсь имѣю честь приложить письмо, достойное любопытства вашего, нижайше прося сообщить мнѣ ваше о томъ мнѣніе, для увѣдомленія онымъ его сіятельства графа, брата вашего. Включенная здѣсь другая піеса содержитъ описаніе о камчатскомъ дѣлѣ, оттуда нынѣ полученное (*).

Въ С.-Петербургѣ, 20-го января 1772.

XII.

Пользуясь отправленіемъ нынѣшней *штафеты*, имѣю честь послать къ вашему сіятельству реляціи изъ первой арміи и изъ Польши. Теперь, милостивый государь, упражняюсь я въ переводѣ съ полученнаго на сихъ дняхъ отвѣта изъ Берлина, на извѣстный нашъ *контръ-проектъ*. (**) Надѣюсь изготовить сіе отправленіе къ будущей почтѣ, и ласкаю себя, что оное принято будетъ отъ вашего сіятельства новымъ знакомъ безпредѣльнаго моего къ вамъ усердія, съ коимъ, равно какъ и съ глубочайшимъ моимъ почтеніемъ, во всю жизнь мою пребуду.

22-го января 1772.

XIII.

Новое и великое явленіе открылось для Даніи, сего мѣсяца 6-го дня. Королева, фаворитъ ея Струэнзе и множество другихъ особъ арестованы (***). Она отвезена въ Кроненбургскую крѣпость, а прочіе въ Копенгагенской содержатся, подъ строжайшимъ карауломъ; а какимъ образомъ происходило сіе приключеніе, о томъ имѣю честь для вашего сіятельства включить здѣсь выписку изъ письма нашего повѣреннаго тамъ въ дѣлахъ, госп. Местмахера. Къ оному остается прибавить только то, что на графа Ранцау, какъ на производителя дѣла сего, надѣтъ орденъ Бѣлаго Слона, и что у Струэнзе нашли 800.000, а у графа Бранда 300.000 датскихъ талеровъ, или нашихъ рублей.

Можно сказать, милостивый государь, что исторія нашего вѣка будетъ интересна для потомковъ. Сколько ве-

(*) Графъ Беньовскій (1741—1786), взятый въ плѣнъ въ 1769 г., былъ сосланъ въ Камчатку. Здѣсь ему удалось овладѣть гальотомъ и уйти съ 70 чел. ссыльныхъ.

(**) О раздѣлѣ Польши.

(***) Іоганнъ Фридрихъ Струэнзе (1737—1772), фаворитъ датской королевы, пользовался неограниченною довѣренностью слабоумнаго Христіана VII. Въ 1772 г. онъ казненъ вмѣстѣ съ гр. Брандомъ $\frac{17}{28}$ апрѣля.

ликихъ перемѣнъ! Сколько странныхъ приключеній! Сей вѣкъ есть прямое поученіе царямъ и подданнымъ!

Надѣясь сдѣлать угодное любопытству вашего сіятельства, имѣю честь приложить здѣсь переводъ, напечатанный съ нѣкоторой новой французской піесы. Оную приписываютъ Вольтеру, а переводилъ бергъ-коллегіи судья Беклемишевъ (*), котораго я совсѣмъ не знаю.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію во всю жизнь мою пребуду.

Въ С.-Петербургѣ, 26-го января 1772.

P. S. Здѣшній генералъ-полиціймейстеръ (**) получилъ отъ брата своего партикулярное письмо, въ которомъ увѣдомляетъ, что въ Камчаткѣ были безпорядки. Ссыльные люди возмутились, убили воеводу, ограбили городъ, и сѣвъ на лодки, поплыли въ Америку, будто завоевывать ее! Для усмиренія глупыхъ ссылочныхъ, отправленъ былъ секретно курьеръ въ Иркутскъ, къ господину Брилю(***) съ рескриптомъ коего копія здѣсь прилагается.

XIV.

Пребывающій здѣсь прусскій министръ(†) получилъ отъ короля, своего государя, депешу, изъ коей выписку здѣсь, въ переводѣ, приложить честь имѣю. Ваше сіятельство изволите усмотрѣть изъ оной, что отторженіе Крыма подвержено великому затрудненію; но мы уже далеко вошли въ сіе дѣло, и я не чаю, чтобъ нашъ дворъ согласился бросить предпріятое толь твердо намѣреніе въ разсужденіи татарской независимости. По крайней мѣрѣ, до сего часа не взираемъ мы ни на совѣты вѣнскаго двора, ни на упорство явнаго непріятеля нашего, который, какъ видно, всю свою надежду на австрійцевъ полагаетъ. Правда, милостивый государь, что по всему судя, кажется нельзя миновать новой войны: ибо, съ одной стороны, нѣтъ сомнѣнія, что вѣнскій дворъ не престанетъ дѣлать преграды нашему съ турками примиренію, а съ другой стороны, видимъ, что ко-

(*) Сергѣй Васильевичъ Беклемишевъ—прокуроръ бергъ-коллегіи, потомъ вице-президентъ комерцъ-коллегіи.

(**) Николай Ивановичъ Чичеринъ; братъ его Денисъ Ив. (1721—1785) былъ Сибирскимъ губернаторомъ, съ 1762 по 1780 г.

(***) Иркутскій губернаторъ, генералъ-поручикъ Адамъ Ивановичъ Бриль.

(†) Гр. Сольмсъ.

роль прусскій воевать уже рѣшился. Продолженіе войны намъ тягостно, но не легко будетъ и цесарцамъ, когда *другъ нашъ* съ ними раздѣлываться будетъ.

Датскія дѣла становятся нынѣ особливаго вниманія достойны. Надѣясь, что извѣстія объ оныхъ вашему сіятельству угодны будутъ, принялъ я намѣреніе пересылать къ вамъ, милостивый государь, копіи со всѣхъ датскихъ депешей, какъ здѣсь получаемыхъ, такъ и отсюда отправляемыхъ. Вслѣдствіе чего имѣю честь включить здѣсь два письма изъ Копенгагена и одно отвѣтное отсюда.

Здѣсь слѣдуетъ полученная на сихъ дняхъ реляція изъ второй арміи.

Принеся нижайшее благодареніе за милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 23-го сего мѣсяца, пребываю въ прочемъ съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію.

Въ С.-Петербургѣ, 31-го января 1772.

XV.

Господинъ Симолинъ (*) въ путь отправился третьяго дня; а какое письмо отправлено съ нимъ, въ прибавокъ къ прежнему, вамъ извѣстному, оное вы, милостивый государь, усмотрѣть изволите изъ точной съ того копіи, здѣсь приложенной.

Извѣстная съ прусскимъ королемъ конвенція уже подписана. Его величество, получивъ изъ Вѣны извѣстіе о перемѣнѣ системы, тотчасъ прислалъ съ курьеромъ повелѣніе къ графу Сольмсу домогаться о скорѣйшемъ подписаніи конвенціи, что вчера и дѣйствительно исполнено.

Ваше сіятельство, при настоящемъ положеніи дѣлъ, легко себѣ вообразить изволите, въ какихъ заботахъ долженъ быть мой милостивый шефъ и исполнители его повелѣній. Для сего, нижайше прошу извинить меня, что ничего теперь не отвѣтствую на почтеннѣйшее письмо ваше, отъ 30-го января, кромѣ принесенія за оное нижайшаго благодаренія.

(*) Иванъ Матвѣевичъ Симолинъ служилъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; въ разное время онъ былъ секретаремъ посольства въ Копенгагенѣ и въ Вѣнѣ, резидентомъ въ Регенсбургѣ; посланникомъ въ Стокгольмѣ, Лондонѣ и въ Парижѣ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію, имѣю честь быть.

Въ С.-Петербургѣ, 7-го февраля 1772.

P. S. Я не могу довольно изъяснить, съ какою радостію отправляю здѣсь къ вашему сіятельству все обѣщанное мною на прошедшей почтѣ. Вы, милостивый государь, увидите тутъ истинное торжество братца вашего. Вдругъ положеніе всѣхъ дѣлъ пріяло для насъ новый, славный и полезный оборотъ! Неукротимый вѣнскій дворъ, почитавшій до сего дня всѣ наши резоны недостойными своего вниманія, пріемлетъ ихъ же за доказательства геометрическія, почитаетъ кондиціи наши справедливыми и признаетъ систему нашу натуральною. Все сіе есть дѣйствіе душевной твердости братца вашего, которому отечество наше одолжено будетъ миромъ, возводящимъ его на верхъ славы и блаженства.

XVI.

Имѣя честь препроводить здѣсь письмо государя цесаревича къ вамъ, милостивый государь, исполняю тѣмъ самымъ повелѣніе его сіятельства графа, братца вашего, который самъ за множествомъ дѣлъ на сей почтѣ къ вамъ писать не можетъ.

Позвольте принести нижайшее благодареніе за милостивыя выраженія въ послѣднемъ письмѣ вашего сіятельства, которое имѣлъ я честь получить 27-го прошедшаго мѣсяца. Вѣрьте, милостивый государь, что усердіе мое къ вамъ вѣчно въ сердцѣ моемъ вкоренено, и что доброе мнѣніе ваше есть одно изъ главныхъ видовъ моего честолюбія, равно какъ и то, что я долгомъ моимъ почитаю быть навсегда съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію.

Въ С.-Петербургѣ, 6-го марта 1772.

XVII.

На прошедшей почтѣ имѣлъ я честь отправить къ вашему сіятельству письмо изъ Вѣны отъ князя Голицына. Въ ономъ вы, милостивый государь, видѣть изволили, что вѣнскій дворъ послалъ декларацію въ Берлинъ, съ такимъ повелѣніемъ своему тамъ министру, что если король подобную подпишетъ, то, въ такомъ случаѣ Свитенъ послалъ

бы курьера того сюда, дабы князь Лобковичъ(*) исходатайствовалъ тоже самое и отъ ея императорскаго величества. Теперь за долгъ себѣ поставляю донести вашему сіятельству, что король прусскій подписалъ помянутую піесу, и князь Лобковичъ, получа третьяго дня изъ Берлина курьера отъ Свитена, подалъ здѣсь приложенную при семъ въ переводѣ декларацію, съ сообщеніемъ выписки изъ Кауницовой къ себѣ депеши.

Ея императорскому величеству угодно подписать желаемую вѣнскимъ дворомъ декларацію. Оная на сихъ дняхъ и отдана будетъ князю Лобковичу, при министеріальной запискѣ, которая еще теперь не изготовлена и которую къ вашему сіятельству въ свое время отправлю.

Можно сказать, что князь Кауницъ во все нынѣшнее дѣло распорядилъ мѣры свои такъ неудачно, возненавидѣлъ насъ и возгордился толь безрезонно, перемѣнилъ свою систему такъ скоропостижно, что чрезъ все сіе заслуживаетъ онъ лишиться *эстимы* всего разумнаго свѣта. Гордость злобная всегда, нестерпима, но гордость, премѣнившаяся вдругъ въ смиренную низость, достойна посмѣянія и презрѣнія! Прибывшій вчера изъ Берлина къ графу Сольмсу курьеръ привезъ отъ короля весьма любопытныя піесы, въ коихъ его прусское величество, своимъ *манеромъ*, отдаетъ всю справедливость странному поведенію князя Кауница. Жалѣю, милостивый государь, что на сей почтѣ не успѣваю сихъ бумагъ послать къ вашему сіятельству, но на будущей стараться буду оное исполнить.

О вѣнскихъ условіяхъ съ турками, по начатіи сей войны, были здѣсь разныя извѣстія; но нынѣ конфедентно сообщена нашему двору отъ англійскаго посла копія съ конвенціи австрійцевъ съ турками. Хотя за достовѣрность сей піесы ручаться не возможно, однако, для любопытства вашего сіятельства, включаю здѣсь ее, на нашъ языкъ переведенную.

На сихъ дняхъ получена здѣсь изъ первой арміи реляція, съ которой копію здѣсь поднося, съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною преданностію навсегда имѣю честь быть.

Въ С.-Петербургѣ, 6-го марта 1772.

(*) Кн. Лобковичъ (1725 — 1802), австрійскій посланникъ въ Петербургѣ, много содѣйствовалъ присоединенію Галиціи къ Австріи.

XVIII.

Исполненное милости и довѣренности письмо вашего сіятельства, отъ 12-го числа сего мѣсяца, я имѣлъ честь получить, и приношу за оное нижайшее благодареніе.

Нельзя лучше изобразить характера князя Кауница, какимъ ваше сіятельство его представляете; но при всемъ томъ, положа за правило, что всякій и совѣсти неимѣющій человѣкъ остается тогда при своихъ обязательствахъ, когда въ томъ находитъ свой интересъ, не льзя усомниться, чтобы Кауницъ непрямодушно вступалъ теперь съ нами въ общее дѣло. Всеконечно, милостивый государь, трактуя съ такимъ человѣкомъ, не надлежитъ выпускать изъ глазъ осторожности, но оная и наблюдается поскольку человѣчески возможно.

Новыя депеши, привезенныя изъ Вѣны маіоромъ Тиромъ(*), имѣю честь включить здѣсь вашему сіятельству, равно какъ и еще нѣкоторыя піесы, достойныя вниманія вашего.

Простите мнѣ, милостивый государь, что въ приложеніи, отправленномъ на прошедшей почтѣ, подъ № 4, забыто заглавіе, которому надлежало быть такову: *Копія съ письма его сіятельства графа Никиты Ивановича къ посланнику князю Голицыну, въ Гагу* (**).

Господинъ Ассебургъ прислалъ къ вашему сіятельству письмо свое. Какъ оное, такъ и изготовленный отъ васъ отвѣтъ, имѣю честь приложить, по приказанію его сіятельства графа, братца вашего. Если вы, милостивый государь, изволите подписать его и прислать ко мнѣ, то я съ первою же почтою къ господину Ассебургу его отправлю.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и ненарушимою преданностію всегда имѣю честь быть.

Въ С.-Петербургѣ, 20-го марта 1772.

XIX.

Къ сердечному моему удовольствію, имѣлъ я честь получить милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 19-го

(*) Маіоръ Георгій Тиръ состоялъ болѣе 10 лѣтъ при иностранной коллегіи для курьерскихъ посылокъ.

(**) Кн. Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ († 1806).

сего мѣсяца, за подписаніемъ собственной руки вашей. Позвольте принести за оное нижайшее благодареніе. На прошедшей почтѣ не имѣлъ я чести писать къ вашему сіятельству, сколько за крайними недосугами, столько и за тѣмъ, что не имѣлъ я ничего сообщить вамъ, милостивый государь. Почта изъ Германіи, за дурными дорогами, пришла тремя сутками позже обыкновеннаго, такъ что газеты, которыя надлежало отправить къ вашему сіятельству въ пятницу, принужденъ теперь только отправить.

По дѣламъ нѣтъ никакого новаго происшестія, но нѣкоторыя піесы для любопытства вашего здѣсь включить честь имѣю. Вѣдая же, что вы, милостивый государь, желаете имѣть коллекцію *твореній князя В. М.*, прилагаю здѣсь точныя копіи съ послѣднихъ его реляцій. Къ будущей почтѣ поспѣютъ у меня нѣкоторые переводы съ піесъ, примѣчанія заслуживающихъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и ненарушимою преданностію во всю жизнь мою пребуду.

27-го марта 1772.

XX.

Принося должнѣйшее и искреннѣйшее благодареніе вашему сіятельству за милостивое письмо, отъ 26-го марта, нижайше прошу извинить меня въ томъ, что я пропустилъ прошлую почту, не писавъ ничего къ вашему сіятельству. Стеченіе важнѣйшихъ дѣлъ, занимающихъ, можно сказать, всякую минуту моего милостиваго шефа, заняло и все мое время въ исполненіи его повелѣній, по долгу званія моего. Истинно, милостивый государь, тому уже съ недѣлю, какъ ни днемъ, ни ночью нѣтъ одохновенія! Чему доказательствомъ служитъ то, что я принужденъ былъ пропустить почту, не писавъ къ вашему сіятельству, и не исполнивъ тѣмъ сердечнаго долга моего. Сверхъ же того, извинитъ меня предъ вами настоящая большая моя, подъ 7-ю нумерами, экспедиція къ вашему сіятельству. По оной вы сами заключить уже изволите, сколь стеченіе дѣлъ у насъ велико. Но прежде, нежели объясню я вамъ, милостивый государь, каждый нумеръ моихъ приложеній, позвольте мнѣ служить должнымъ отвѣтомъ, съ сердечною моею откро-

венностію, на послѣднее письмо ваше, наполненное выраженіями ко мнѣ милости и довѣренности вашего сіятельства.

Разсужденія вашего сіятельства объ истинномъ *источникѣ развращенія нравовъ*, доводящемъ до самаго бездѣльства, основаны на таковой истинѣ, съ каковымъ проницаніемъ ваше сіятельство вникнуть изволили въ сіе разобраніе причинъ разстройства людей, воспитанныхъ при худыхъ примѣрахъ и худыми людьми. И въ самомъ дѣлѣ, милостивый государь, лучше не быть никакъ воспитану, нежели такъ развращенно, какъ иногда многіе воспитываются! Объ исправленіи ума столь много нынѣ помышляютъ, сколь мало объ исправленіи сердца, не зная того, что добродѣтельное сердце есть первое достоинство человѣка, и что въ немъ одномъ только искать и находить можно блаженство жизни нашей.

По волѣ ея сіятельства, графини Маріи Родіоновны, о шелкахъ въ Ливорнѣ я писалъ, и какой отвѣтъ получу, о томъ донести не премину.

Теперь пріемлю смѣлость объяснить вашему сіятельству каждый № моихъ приложеній. Первый заключаетъ въ себѣ переводъ съ цареградскаго извѣстія. Я посылаю оное для того, что нѣкоторыя мѣста изъ онаго кажутся мнѣ достойными вниманія вашего сіятельства. № 2 содержитъ всю послѣднюю важную экспедицію графа Петра Александровича. Вслѣдствіе оной, назначеніе пословъ къ конгрессу стало уже публично, а росписаніе свиты съ окладами здѣсь приложить честь имѣю. Съ графомъ Гр. Гр. (*) ѣдетъ Бауръ и лифлянецъ Лёвенъ. Секретарь посольства до сихъ поръ еще не назначенъ. Кавалерами посольства назначены гвардіи офицеры: Лунинъ, Фонъ-Визинъ братъ мой, Богдановъ, Трегубовъ, и еще нѣкоторые, коихъ имена не упомню. Подъ № 3 прилагаю все то, что вчера отправлено къ графу Петру Александровичу, по содержанію чего послы напи дней черезъ десять выѣхать намѣрены. Хотя я и сообщилъ уже вашему сіятельству копію съ конвенціи о перемиріи, но какъ она, по полученіи послѣднихъ депешей изъ первой арміи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перемѣнена, то почелъ я за нужное включить здѣсь экземпляръ такой, какой вчера къ фельдмаршалу отправленъ. № 4 заключаетъ

(*) Гр. Григорій Григ. Орловъ отправлялся на конгрессъ въ Фокшаны, но уѣхалъ оттуда, не кончивъ переговоровъ.

въ себѣ, при экстрактѣ изъ королевской депеши, сочиненный его величествомъ примѣрный манифестъ о раздробленіи Польши (56). Ваше сіятельство изволите увидѣть, что король дѣломъ мѣшкать не любитъ, хотя и увѣряетъ, что онъ ничѣмъ спѣшить не намѣренъ. Его сіятельство графъ, братецъ вашъ, изволилъ препоручить г-ну Веймарну, какъ человѣку имѣющему отмѣнную способность раздроблять дѣло на самыя малѣйшія части, сочинить *дедукцію* нашихъ на Польшу претензій, которую я подъ № 5 приложить честь имѣю, равно какъ и другую піесу, сочиненіе его же г. Веймарна, до Польши касающееся. № 6 содержитъ датскія депеши; а подъ № 7 включаю письмо, полученное изъ Вѣны на *штафетѣ*.

За особливое почту счастіе, если вашему сіятельству угодно будетъ стараніе мое о доставленіи вамъ, милостивый государь, всего того, въ чемъ состоитъ настоящее мое отправленіе, и если удостоите меня сообщеніемъ вашего мнѣнія по толь важнымъ дѣламъ отечества нашего.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію во всю жизнь мою пребуду.

Въ С.-Петербургѣ, 6-го апрѣля 1772.

XXI.

Зная совершенную мою къ вамъ преданность, вы, милостивый государь, конечно, не сомнѣваетесь въ искреннѣйшемъ участіи, которое пріемлю я въ оскорбленіи вашемъ отъ болѣзни любезнаго сына вашего. Я съ нетерпѣливостію ожидаю будущей почты, и желаю сердечно услышать о его выздоровленіи. Позвольте принести нижайшее благодареніе за милостивое письмо ваше, отъ 2-го сего мѣсяца. Я не премину отправить отвѣтъ отъ имени вашего къ ногайскому начальнику, съ первымъ въ ту сторону ѣдущимъ курьеромъ.

Реляціи гр. Петра А. и Александра Ил. имѣю честь здѣсь приложить къ вашему сіятельству. Скоро надѣюсь удовольствовать любопытство ваше сообщеніемъ инструкціи г-мъ посламъ, на конгрессъ ѣдущимъ. Она теперь еще не готова, но къ будущей почтѣ, я чаю, поспѣетъ.

Съ глубочайшемъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію, во всю жизнь мою пребуду.

10-го апрѣля 1772.

XXII.

Не имѣя на сей почтѣ письма отъ вашего сіятельства, и предувѣдомленъ будучи о болѣзни любезнаго сына вашего, не могу изъяснить вамъ, милостивый государь, моего сердечнаго безпокойства. Боже дай, чтобъ будущая почта обрадовала меня извѣстіемъ о его выздоровленіи!

Инструкцію посламъ, на конгрессъ назначеннымъ, имѣю честь приложить здѣсь. Но чтобъ настоящее положеніе наше съ татарами яснѣе вамъ представить, то разсудилъ я при семъ включить къ прочтенію вашему инструкцію, заготовленную для Евдокима Алексѣевича Щербинина. Третья піеса слѣдуетъ здѣсь; также инструкція для контръ-адмирала Чичагова (*).

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію, во всю жизнь мою пребуду.

P. S. Изъ Швеціи получено извѣстіе, что сенаторъ баронъ Дебенъ выбранъ первымъ министромъ, на мѣсто покойнаго графа Экеблата, и что король (**) назначилъ день своей коронаціи 18-го мая.

13-го апрѣля 1772.

XXIII.

Принеся нижайшее благодареніе за милостивое письмо вашего сіятельства, отъ . . . нынѣшняго мѣсяца, имѣю честь по дѣламъ донести о всемъ, что послѣ отправленія послѣдняго письма произошло примѣчанія достойнаго.

Ожидаемый столь долго изъ Вѣны курьеръ наконецъ сюда пріѣхалъ. Князь Кауницъ сообщилъ здѣшнему двору что́ беретъ на свою долю его государь. Я не могу всѣхъ депешей сообщить теперь вашему сіятельству, за тѣмъ что онѣ мнѣ еще не отданы; но читая ихъ, я нарочно выписалъ для васъ то, что составляетъ существо сихъ депешей . . . . . .

Вотъ, что вѣнскій дворъ себѣ *откроить* хочетъ.

«Часть Краковскаго воеводства по правую сторону Вис-

(*) Василій Яковлевичъ Чичаговъ (1726—1809), впослѣдствіи адмиралъ, прославился побѣдами надъ Шведами въ 1789 и 1790 г.

(**) Густавъ III.

«лы, отъ *Біала* (Biala) вдоль по сей рѣкѣ до *Сандомира*, а «оттуда впередъ до супротивъ *Зволена* (Zwolen), по рѣкѣ «*Вѣпржъ* (Wieprz); оттуда до *Баржова* въ уголъ, гдѣ сое«диняются границы воеводствъ: Люблинскаго, Красно-рус«скаго и *Брестскаго* (Brzesciaenensis) и гдѣ впадаетъ въ «сію рѣку рукавъ другой рѣки, начинающейся на границѣ «воеводства *Брестскаго*, до сего послѣдняго воеводства и «Великой Литвы. Оттуда вдоль по границѣ воеводства «Брестскаго или Великой Литвы, и между воеводствомъ «*Бельцкимъ* (Belscensis) и *Волзискимъ*, такъ чтобъ цѣлое «воеводство Бельцкое включено было въ новую границу. «Потомъ, вдоль Волынской границы до Подоліи, и вдоль «границы сего воеводства до Днѣстра, и по ту сторону сей «рѣки, внизъ по ней до Молдавіи. Наконецъ, вдоль гра«ницы Молдавской до Трансильваніи, и взаимно до Вен«гріи, или до уѣздовъ *(Мармора и Радны)*, такъ чтобъ «все сіе присвоеніе граничило лѣвымъ крыломъ до Силезіи, «а правымъ до Трансильванской границы».

Ваше сіятельство по картѣ усмотрѣть изволите, что вѣнская доля по своему пространству велика, но князь Кауницъ въ резонъ тому поставляетъ, что наша и прусская доля имѣютъ такія политическія выгоды, какихъ вѣнская не имѣетъ. Для того, чтобъ во всемъ наблюсти равенство, вѣнскій дворъ хочетъ наградить себя пространствомъ земли за то, въ чемъ наши части изобилуютъ по видамъ политическимъ. Ваше сіятельство сдѣлаете мнѣ особливую милость, если удостоите меня узнать ваше мнѣніе о семъ распоряженіи. Я же, съ своей стороны, осмѣлюсь донести вамъ мою объ ономъ мысль. Мнѣ кажется, что хотя требованіе вѣнское и великовато, но съ нѣкоторыми (*малыми выключеніями*) можно намъ на оное согласиться; (*ибо за сію цѣну купимъ мы*) прекращеніе большой войны, насъ изнуряющей, *(купимъ прекращеніе)* польскихъ мятежей, которые отвлекаютъ наше вниманіе отъ другихъ дѣлъ и причиняютъ намъ лишнія хлопоты и непрестанную заботу. Сверхъ же того, участвуя въ раздѣлѣ Польши, мы достанемъ *(изъ нея)* себѣ долю довольно выгодную. Очень бы жаль было, еслибъ за нѣсколько миль разрѣзаемой Польской Земли завязались новые раздоры или, избави Богъ, и новая война!

Графъ П. А. пишетъ, что онъ съ визиремъ уже согласился послать въ Журжево коммисаровъ, для перемирія, и что г. Симолинъ туда отъѣзжаетъ.

Въ С.-Петербургѣ, 17-го апрѣля 1772.

XXIV.

На нынѣшней почтѣ получилъ я отъ вашего сіятельства пакетъ, адресованный на мое имя, въ которомъ нашелъ я письмо не ко мнѣ, но къ неизвѣстной мнѣ особѣ. Видно, милостивый государь, что письмо, мнѣ принадлежащее, послано ошибкою къ тому, чье включено въ мой пакетъ. Я нашелъ также въ немъ письмо къ Пелагеѣ Ѳедотьевнѣ Каменской (*), которое тотчасъ ей отвезъ; но ни отъ нея, и ни отъ кого другаго не могъ провѣдать о фамиліи того, къ кому слѣдовало возвращаемое здѣсь письмо вашего сіятельства.

Имѣю честь приложить здѣсь послѣднія реляціи гр. П. Александровича, датскія депеши и прибавленіе къ инструкціи посламъ, на конгрессъ отправляющимся. Они выѣдутъ на будущей недѣлѣ, и съ первымъ посломъ ѣдетъ братъ его, графъ Ѳедоръ Гр.(**), не въ качествѣ полномочнаго, а для компаніи своему брату. Г. Лёвенъ на сихъ дняхъ пожалованъ камергеромъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію во всю жизнь мою пребуду.

Въ С.-Петербургѣ, 20-го апрѣля 1772.

XXV.

На прошедшей почтѣ, донеся вашему сіятельству объ ошибкѣ, учиненной въ отправленіи ко мнѣ вашего письма, до меня не слѣдовавшаго, сдѣлалъ и я подобную ошибку: забылъ приложить то письмо, которое тогда хотѣлъ я возвратить къ вашему сіятельству. Нынѣ исполняя оное, нижайше прошу, милостивый государь, въ томъ извинить меня.

(*) Сестра Мих. Ѳедот. Каменскаго, графа и генералъ-фельдмаршала.

(**) Орловъ (1741—1796).

Краткость времени, къ сожалѣнію моему, не позволяетъ мнѣ больше, какъ только всѣмъ сердцемъ возблагодарить ваше сіятельство за милостивое и откровенное письмо ваше, отъ 16-го нынѣшняго мѣсяца, а отвѣтствовать на оное предоставляю себѣ счастіе на будущей почтѣ.

Вчера государыня изволила отправиться въ Сарское Село, откуда завтра первый посолъ въ путь свой отправится.

Имѣю честь послать здѣсь къ вашему сіятельству рескрипты къ графу Петру Александровичу и письмо изъ Копенгагена. Вѣнскія же депеши, коихъ главное существо знать уже изволите, не успѣваю на нынѣшней почтѣ къ вамъ отправить; ибо переводъ оныхъ, со всѣмъ моимъ стараніемъ, никакъ къ сегоднишнему отправленію изготовленъ быть не могъ.

Его сіятельство графъ, братецъ вашъ, изволилъ поручить мнѣ извинить его предъ вами, что такъ долго къ вамъ не пишетъ за всечасными своими упражненіями по настоящимъ дѣламъ, которыхъ важность вашему сіятельству открыта во всемъ ея пространствѣ. Онъ приказалъ мнѣ отправить къ вашему сіятельству, въ копіи, письма къ нему отъ Алек. Ильича Бибикова, которыя вы, милостивый государь, здѣсь найти изволите.

24-го апрѣля 1772.

XXVI.

Упоминаемыя во вчерашнемъ письмѣ моемъ къ вашему сіятельству вѣнскія депеши сего дня изготовлены, и я не хотя пропустить отправляющейся въ Москву *штафеты*, спѣшу доставить оныя здѣсь вашему сіятельству, съ примѣчаніемъ, что упомянутый въ сихъ депешахъ projet de l'article я здѣсь не прилагаю; ибо оный состоитъ слово въ слово въ томъ опредѣленіи вѣнской доли, которое ваше сіятельство найти изволите въ письмѣ моемъ отъ 17-го нынѣшняго мѣсяца.

25-го апрѣля 1772.

XXVII.

Я не могу извѣстить ваше сіятельство, сколь много оскорбило меня то безпокойство, которое надѣлалъ я вамъ моею ошибкою, забывъ положить тогда извѣстное, не ко мнѣ слѣдующее письмо. Но теперь ласкаюсь, что ваше сіятельство, получа уже оное, поспѣли узнать, что тутъ ни отъ

кого не было коварства, а какъ видно ваше письмо ко мнѣ попало къ неизвѣстному мнѣ Ивану Александровичу. Жалѣю о томъ только, если онъ прочтетъ письмо ваше ко мнѣ, которое, можетъ быть, ему откроетъ нѣчто такое, чего знать ему не должно.

Получа вчера поздно милостивое письмо ваше, отъ 26-го, не могъ я увидаться ни съ Николаемъ Ивановичемъ Неплюевымъ (*), ни съ Александромъ Ѳедоровичемъ Талызинымъ(**); но, я думаю, что они конечно отдали бъ мнѣ принадлежащее письмо, еслибъ къ нимъ въ руки попалось. Успокоиваюсь я тѣмъ, что вы, милостивый государь, уже получили теперь то извѣстное письмо, посланное мною къ вашему сіятельству на другой же почтѣ послѣ той, на которой я его забылъ отправить. И такъ, съ будущею почтою ожидаю я, что дѣло изъяснится, и что ваше сіятельство совершенно объ ономъ упокоитесь. Жалѣю сердечно о томъ только, что ошибка моя лишила меня счастія получить на сей почтѣ милостивое письмо ваше . . . . . но на будущей онаго ожидаю. Отъ 23-го числа письмо вашего сіятельства ко мнѣ было, и на оное имѣлъ я честь отвѣтствовать третьяго дня.

Прилагая здѣсь по реестру нѣкоторыя приложенія, пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію.

4-го мая 1772.

P. S. Изъ Даніи получено извѣстіе, что графы Струэнзе и Брандъ казнены смертію 17-го нынѣшняго мѣсяца.

XXVIII.

Съ нынѣшнею почтою имѣлъ я честь получить милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 30-го, и прежнее, отъ 26-го апрѣля. Принося за нихъ нижайшее благодареніе, радуюсь сердечно, что сомнѣніе объ отправленіи ошибкою вашего письма рѣшилось, и что въ ономъ не было ничего такого, чего бы другому открыть вамъ не было угодно.

(*) Н. И. Неплюевъ, сынъ Ив. Ив. Неплюева (1693 — 1773) бывшаго главнокоманд. въ Петербургѣ, тогда былъ вице-президентомъ комерцъ-коллегіи.

(**) А. Ѳ. Талызинъ—камергеръ, л. гв. Семеновскаго полка капитанъ.

Лучшую польскую карту, какую могъ достать его сіятельство графъ, вашъ братецъ, при семъ посылаю, надѣясь, что изъ нея яснѣе, нежели изъ прочихъ, видѣть можно, что кому достается. Ваше сіятельство предузнать изволили, что прусскому королю австрійская доля великовата покажется, равно какъ и намъ. Его величество писалъ уже объ оном̈ъ къ гр. Сольмсу, чтобъ онъ внушилъ здѣсь, сколь чрезмѣрно кажется ему требованіе вѣнское. Я, не распространяясь объ оном̈ъ далѣе, доношу вамъ, милостивый государь, что хотя мы и ничего до сего времени не сказали положительно князю Лобковичу, однако опредѣлено здѣсь умѣрить требованія его двора, и поставить такимъ образомъ новую австрійскую границу, а именно:

«Теченіе Днѣстра между Подоліею и Покуціею, отъ того «пункта, гдѣ сія рѣка касается Молдавіи, выходя до *Kot-*«*nisky*, или другаго пункта по сю сторону Самбора, а от-«туда линіею, которая оставитъ въ сторонѣ Леопольскій «уѣздъ и Бельцкое воеводство, до рѣки *Wieprz*, и внизъ «по сей рѣкѣ, до впаденія ея въ Вислу, потомъ теченіе «Вислы вверхъ по ней до устья рѣки *Dunaja*, и теченіе сей «до Венгріи, или линіи, протянутой съ какого нибудь пунк-«та ея теченія, который бы коснулся силезской границы, «но при всемъ томъ, оставляя въ сторонѣ соляные заводы, «такъ что *сей предметъ, равно какъ Леополь съ своимъ уѣздомъ «и Бѣльцкое воеводство, составляютъ собственно то, что «хотимъ убавить отъ доли, требуемой австрійцами*».

Изъясня такимъ образомъ вашему сіятельству здѣшнее намѣреніе, доношу вамъ, милостивый государь, что кажется Вѣна и не сдѣлаетъ затрудненія на оное согласиться. Теперь его сіятельство графъ, братецъ вашъ, упражняться изволитъ въ сочиненіи формальнаго сообщенія объ оном̈ъ князю Лобковичу, равно какъ и манифеста для Польши, вслѣдствіе постановленнаго соглашенія между тремя дворами.

Полученное изъ Вѣны письмо посылаю къ вашему сіятельству. За излишнее почитаю включить здѣсь Местмахерово (*) письмо о казни графовъ Струэнзе и Бранда, ибо оное въ гамбургскихъ газетахъ найти изволите.

(*) Ив. Ив. Местмахеръ секретарь посольства и повѣренный въ дѣлахъ въ Копенгагенѣ. Впослѣдствіи онъ былъ резидентомъ въ Любекѣ и посланникомъ въ Дрезденѣ. Въ 1777 г. возведенъ въ баронское достоинство.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію, имѣю честь быть.

Въ С.-Петербургѣ, 8-го мая 1772.

XXIX.

Собственноручное письмо вашего сіятельства, полученное мною съ нынѣшнею почтою, имѣлъ я честь показывать ближнимъ вашимъ, въ удостовѣреніе ихъ о здоровьѣ вашемъ, и въ исполненіе вашей о томъ воли. Его сіятельство графъ, братецъ вашъ, упражняется теперь въ дѣлахъ, касающихся до польскихъ пріобрѣтеній, и могу увѣрить васъ, милостивый государь, что по отправленіи пословъ, дѣла ни мало не уменьшились; ибо настали тотчасъ другія, кои, по своей важности, времени не терпятъ.

Съ сею почтою не нахожу я ничего къ доставленію вашему сіятельству, но то только донести могу, что вчера изъ Сарскаго Села ея величество изволила прибыть сюда въ совѣтъ, гдѣ трактовано было о распоряженіяхъ, касающихся до нашей доли изъ Польши, и вотъ что, *въ крайнемъ секретѣ*, на мірѣ положено:

Наши пріобрѣтенія раздѣлены будутъ на двѣ губерніи: одна называться станетъ *Псковская*, а другая *Могилевская*.

Первая будетъ состоять изъ провинцій: 1. Псковской, 2. Великолуцкой, 3. Двинской, въ которую переименовать Польскую Лифляндію, 4. Полоцкой, состоящей изъ той части Полоцкаго воеводства, которая въ наши границы входитъ, и изъ Витебскаго, по правую сторону рѣки Двины; губернскимъ городомъ назначается Опочка.

Вторая губернія составится изъ провинцій: 1. Могилевской, 2. Оршанской, 3. Рогачевской, 4. Витебской. Сія составится изъ лежащихъ мѣстъ между рѣками Двиною и Днѣпромъ, входящихъ въ наши границы; губернскимъ городомъ будетъ Могилевъ.

Надъ обѣими губерніями поставленъ будетъ генералъ-губернаторъ; но кто, неизвѣстно (*). Въ каждую пошлется по губернатору, и за тайну сказываютъ, что въ одну назна-

(*) Назначенъ былъ гр. Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ (1722—1784).

чаютъ генералъ-маіора Каховскаго (*), а въ другую генералъ-маіора Кречетникова (**)

Съ глубочайшимъ и проч.

11-го мая 1772.

XXX.

Принужденъ будучи пропустить прошедшую почту, за прежестокою головною болѣзнію, продолжавшеюся чрезъ шесть дней, я исполняю теперь пріятный долгъ мой, принося нижайшее благодареніе за два милостивыя письма вашего сіятельства отъ 19-го и 23-го числъ нынѣшняго мѣсяца; а какъ за недосугами моими не успѣлъ я до сего писать къ вамъ, м. г., и на прежнее письмо ваше отъ 16-го, то нынѣ имѣю честь на всѣ три отвѣтствовать вашему сіятельству съ такимъ совершеннымъ чистосердечіемъ, какою откровенностію вы меня удостоивать изволите.

Увѣдомленіе о любезномъ сынѣ вашемъ почитаю я новымъ знакомъ вашей ко мнѣ милости. Нельзя искреннѣе моего желать, чтобъ здоровье его пришло совсѣмъ въ безопасное состояніе, къ утѣшенію и спокойствію вашему.

Удовольствіе ваше, м. г., о раченіи моемъ исполнять вашу волю есть истинная награда моему сердечному къ вамъ усердію. Мнѣ пріятно упражненіе въ сообщеніи дѣлъ вашему сіятельству, и я съ радостію продолжать оное буду до тѣхъ поръ, пока при дѣлахъ останусь.

Патріотическія о мирѣ разсужденія ваши, м. г., конечно не найдутъ противорѣчія ни отъ кого изъ истинныхъ гражданъ. Ваше сіятельство столько имѣете причинъ радоваться тому, что все уже устроено къ трактованію о мирѣ, сколько безпокоиться о томъ, чтобъ сіе устроеніе не разрушилось отъ того, кто посылается исполнителемъ. Правда, что мудрено сообразить потребный для посла характеръ съ характеромъ того, кто посломъ названъ(***); но неужели Богъ столько немилосердъ къ своему созданію, чтобъ отъ одной взбалмашной головы проливалась еще кровь человѣческая.

С.-Петербургъ, 29-го мая 1772.

(*) Мих. Вас. Каховскій (1734—1800), впослѣдствіи прославившійся въ войнѣ съ конфедератами.

(**) Мих. Никит. Кречетниковъ впослѣдствіи командовалъ войсками въ Малороссіи и участвовалъ въ войнѣ съ конфедератами. Онъ и Каховскій возведены были потомъ въ графское достоинство.

(***) Гр. Г. Г. Орловъ.

XXXI.

Прибывшій изъ первой арміи вчера курьеръ привезъ пріятное извѣстіе о перемиріи заключенномъ прошлаго мая 19 числа. Сія вѣдомость принята здѣсь съ искреннимъ удовольствіемъ, какъ предвѣріе тишины и общаго покоя.

Имѣя честь поздравить ваше сіятельство съ симъ происшествіемъ, какъ истиннаго патріота, не могу, къ сожалѣнію моему, за крайними недосугами войти теперь въ объясненіе тѣхъ приложеній, кои здѣсь вамъ, милостивый государь, подношу при особливомъ реестрѣ. Отправленіе въ Вѣну курьера съ депешами, которыхъ копіи съ будущею почтою получить изволите, отнимаетъ у меня время и способы продолжить сіе письмо, и отвѣтствовать на полученное мною съ послѣднею почтою милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 28-го мая. Я приношу за оное нижайшее благодареніе, и пріемлю его знакомъ вашей драгоцѣнной мнѣ довѣренности, пребывая съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною преданностію.

Сарское село, 5-го іюня 1772.

Реестръ приложеніямъ къ письму отъ 5-го іюня 1772.

1. Реляція гр. П. Алек. Румянцова, отъ 20-го мая, съ однимъ приложеніемъ.
2. Письмо его же, отъ 20-го мая.
3. Реляція его же, отъ 25-го мая, съ приложеніемъ.
4. Письмо его же, отъ 25-го мая.
5. Реляція г. Сенявина, отъ 13-го мая.
6. Письмо ея величества къ кн. В. М. Долгорукому.
7. » » къ г-ну Щербинину.

XXXII.

Прошедшую почту не могъ имѣть я счастія писать вашему сіятельству, по причинѣ нечаянной моей поѣздки въ городъ. Вчера жестокая головная болѣзнь воспрепятствовала мнѣ сей долгъ исполнить, и такъ, уже пользуясь отправляющеюся теперь *штафетою*, имѣю честь включить здѣсь обѣщанную мною въ Вѣну экспедицію.

Милостивое письмо вашего сіятельства, отъ 3-го іюня, пріемлю я новымъ знакомъ довѣренности вашей, толь лестной сердцу моему. Многое могъ бы сказать по его содержанію, но истинно отъ вчерашней головной болѣзни не нахожу себя въ состояніи ни о чемъ мыслить порядочно. Извините меня симъ, милостивый государь, и будьте увѣрены, что, для сей же самой причины, не могу я ничего донести вашему сіятельству въ объясненіе тѣхъ приложеній, которыя здѣсь слѣдуютъ по реестру.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, и пр.

Сарское село, 13-го іюня 1772.

XXXIII.

Оправляясь мало по малу отъ болѣзни, и находя себя нѣсколько въ состояніи отвѣтствовать на милостивое вашего сіятельства письмо, отъ 11-го нынѣшняго мѣсяца, исполняю сей долгъ съ сердечнымъ удовольствіемъ. Разсужденія ваши, милостивый государь, о судьбѣ новыхъ нашихъ подданныхъ, неоспоримо справедливы, и таковыми находитъ ихъ его сіятельство графъ, вашъ братецъ; остается желать только, чтобы когда уже невозможно избѣжать злоупотребленія, оное было хотя въ меньшей степени.

Главнокомандующій въ Архипелагѣ нашими силами(*) разсудилъ за благо публиковать манифестъ, который ваше сіятельство изволите найти въ приложенныхъ при семъ гамбургскихъ газетахъ. Противу военныхъ правъ, принятыхъ всею Европою, почитаетъ онъ между запрещенными товарами и *съѣстные припасы*. Сіе самое изволновало всѣ европейскія державы, а особливо нежалующую насъ Францію. Первая она принесла нынѣ жалобы двору нашему на такое запрещеніе. Чѣмъ бы дѣло сіе ни кончилось, но и то сказать надобно, что если флотъ нашъ не будетъ непріятеля мучить голодомъ, не пуская къ нему съѣстныхъ припасовъ, то ему въ Архипелагѣ и дѣлать будетъ нечего, ибо атаковать силою непріятеля онъ отнюдь не въ состояніи. Напротивъ того, не пропуская неутральныхъ державъ судовъ съ хлѣбомъ, должно поссориться съ ними, а можетъ быть и подраться, въ которомъ случаѣ бой для насъ

(*) Гр. Алексѣй Орловъ.

не равенъ будетъ. Казусъ въ самомъ дѣлѣ деликатный, и я, для любопытства вашего сіятельства, не пропущу конечно сообщить вамъ, какія мѣры здѣсь по сему приняты будутъ.

Въ приложенныхъ при семъ изъ Варшавы письмахъ, ваше сіятельство найти изволите, сколь *тяжко* положеніе наше и съ австрійцами. Словомъ сказать, отовсюду хлопоты, могущія имѣть слѣдствія весьма непріятныя! Къ тому же и здѣсь сколь мудрено соглашать и прилаживать умы разнообразные, о томъ больше всѣхъ знаетъ его сіятельство, гр. Н. И. (*). Божіимъ провидѣніемъ все на свѣтѣ управляется; сіе конечно правда; но надобно признаться, что *люди сами такъ мало не помогаютъ Божію провидѣнію, какъ у насъ.*

Петергофъ, 26-го іюня 1772.

XXXIV.

Послѣднее письмо вашего сіятельства, отъ 2-го нынѣшняго мѣсяца, имѣлъ честь получить, и приношу нижайшее благодареніе. Включенное въ него письмо ваше къ государю цесаревичу вручено третьяго дня его высочеству, чрезъ его сіятельство графа, братца вашего.

Послѣднее письмо Алексѣя М. Обрѣскова имѣю честь здѣсь включить, со всѣми къ нему приложеніями. Болѣе нѣтъ ни откуда въ полученіи піесъ, достойныхъ вашего вниманія. Изъ Вѣны до сихъ поръ рѣшительнаго отвѣта еще нѣтъ на наше предложеніе объ уменьшеніи ихъ доли.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, и проч.

Изъ Петергофа, 10-го іюля 1772.

P. S. Слухъ, прошедшій въ Москвѣ, о истребленіи Ладожскаго полка никакого основанія не имѣетъ. Я объ оном ничего не слыхалъ до полученія письма вашего сіятельства.

XXXV.

Прибытіе курьера изъ Вѣны, съ рѣшительнымъ отвѣтомъ, стало причиною, что я не могу, милостивый государь, распространить письмо мое и войти въ дальнѣйшее

(*) Никита Ивановичъ Панинъ.

объясненіе піесъ, здѣсь по реестру приложенныхъ. Впрочемъ, никто не можетъ сдѣлать толь справедливаго заключенія, какъ ваше сіятельство, объ отзывахъ графа П. Ал., котораго характеръ вамъ извѣстенъ. Реляція его любопытна и заслуживаетъ вниманія, въ разсужденіи будущихъ операцій, на случай, ежелибъ мирная наша негоціяція была безъ успѣха.

Вѣнскихъ депешей еще нѣтъ въ моихъ рукахъ, но предварительно имѣю честь донести, что дѣло беретъ хорошій оборотъ, и извѣстный дѣлежъ не встрѣчаетъ болѣе со всѣхъ трехъ сторонъ никакого препятствія.

Съ глубочайшимъ, и проч.

Петергофъ, 17-го іюля 1772.

Реестръ приложеніямъ, къ письму отъ 17-го іюля 1772.

1. Реляція Александра Ильича Бибикова, отъ 27-го іюня.
2. » Ал. М. Обрѣскова, отъ 1-го іюля.
3. Письмо его же, отъ того же числа.
4. Реляція гр. П. А. Румянцова, отъ 2-го іюля.
5. » его жъ, отъ того же числа, съ приложеніемъ.
6. » Е. А. Щербинина, отъ 8-го іюля, съ приложеніемъ.
7. Письмо его жъ, отъ того же числа.
8. » кн. В. М. Долгорукова, отъ 18-го іюня, съ приложеніемъ.
9. Реляція его жъ, отъ 5-го іюля.
10. » его жъ, отъ того же числа, съ 4-мя приложеніями.

XXXVI.

Въ прошедшую пятницу, принужденъ будучи нечаянно ѣхать въ городъ, не могъ я никакимъ образомъ успѣть исполнить долга моего, отправленіемъ къ вашему сіятельству не только письма, ниже газетъ, которыя теперь, равно какъ и вчера полученныя, приложить честь имѣю. Я надѣюсь, что какъ въ ономъ, такъ и въ краткости сего письма ваше сіятельство меня извинить изволите. Въ разсужденіи трудной и важной негоціяціи нашей съ вѣнскимъ дворомъ, которая занимала насъ сряду дни и ночи цѣлую недѣлю, наконецъ приходитъ она къ конечному своему совершенію, и чрезъ нѣсколько часовъ буду я имѣть честь проводить его сіятельство графа, братца вашего, въ городъ,

для подписанія тройной конвенціи съ цесарскимъ и прусскимъ министромъ. Черезъ недѣлю надѣюсь я успѣть переводомъ всѣхъ новыхъ піесъ, до сей негоціяціи касающихся, кои можно сказать цѣлую книгу составляютъ; а теперь спѣшу удовольствовать любопытство вашего сіятельства означеніемъ здѣсь границъ доли вѣнскаго двора, каковую согласились мы отдать, а цесарцы взять на часть свою, заключаемою нынѣ конвенціею.

Сіи границы суть: правый берегъ Вислы отъ Силезіи за Сандомиръ и до втеченія рѣки Саны, оттуда протянуть прямую линію на *Фронполь* до *Замойска*, а оттуда до *Рубежева* и до рѣки Буга, и слѣдуя по ту сторону сей рѣки по истиннымъ границамъ Красной Россіи (оставляя въ тоже время границы Волыніи и Подоліи), даже до оконечностей *Цпараца*, оттуда прямою линіею на Днѣстръ, вдоль рѣки, отдѣляющей малую часть Подоліи, называемой *Подоріе*, до впаденія ея въ Днѣстръ, и наконецъ обыкновенныя границы между Покуціею и Молдавіею.

Вотъ, все то, что я на сей разъ вашему сіятельству донести успѣваю, предоставляя себѣ счастіе отвѣтствовать на два милостивыя письма ваши, оба отъ 16-го дня сего мѣсяца, какъ скоро только время къ тому меня допуститъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною преданностію навсегда, имѣю честь быть.

Въ Петергофѣ, 24-го іюля 1772.

XXXVII.

Наконецъ, и достальныя піесы, подъ одиннадцатью нумерами, касающіяся до нашей негоціяціи съ вѣнскимъ дворомъ, имѣю честь сообщить здѣсь вашему сіятельству.

Ваше сіятельство изволите нынѣ видѣть совершеніе великаго дѣла. Правда, что трудно весьма было довести вѣнскій дворъ къ сему соглашенію, да и преклоня къ тому, мудрено же было соединить и удовлетворить интересамъ каждаго двора. Ужъ никакъ нельзя было отвратить вѣнскій дворъ отъ требованія соляныхъ заводовъ и Львова. Дальнѣйшее, съ нашей стороны, въ ономъ упорство могло бы легко разорвать и всю негоціяцію, тогда, когда король прусскій въ томъ не споритъ. Итакъ, судьба Польши, сдружившая три двора, рѣшилась наконецъ къ огорченію Фран-

ціи, которая, стремясь сколько можно намъ вредить и помѣшать миру нашему съ турками, ищетъ приключить намъ новую войну съ шведами, способомъ произвестъ тамъ революцію. Франція рада на сей разъ и Швецію подвергнуть равному жребію съ Польшею, лишь бы помѣшать тѣмъ миру нашему! Можетъ статься, или справедливѣе сказать, нѣтъ сомнѣнія, что медленность турецкихъ полномочныхъ для съѣзда на конгрессъ происходитъ отъ коварныхъ внушеній Франціи, которая конечно питаетъ турковъ надеждою скорой революціи въ Швеціи, и, слѣдственно, новой у насъ съ шведами войны. Въ самомъ дѣлѣ, если удастся умышляемая революція, то и новая для насъ война неминуема; но тогда за вѣрное полагать можно, что датчане вооружатся противъ шведовъ, къ чему и пріуготовлять ихъ поручается отправляющемуся на сихъ дняхъ въ Копенгагенъ, въ качествѣ полномочнаго министра, г. Симолину, тому самому, который заключалъ перемиріе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною преданностію.

Въ Петергофѣ, 4-го августа 1772.

P. S. Сей моментъ получено извѣстіе, что турецкіе послы пріѣхали и были у нашихъ, а наши у нихъ съ визитами, и размѣнялись полномочіями.

XXXVIII.

Къ величайшему моему сожалѣнію, двѣ почты сряду не имѣлъ я счастія писать къ вашему сіятельству; одну—за случившеюся у меня головною болѣзнію, а другую—для того, что получа извѣстіе о зараженіи Клина, не успѣлъ я рѣшиться на способъ, чрезъ который бы письма мои могли мимо Клина доходить вѣрно до рукъ вашихъ. Сей способъ теперь извѣстенъ вамъ, милостивый государь, черезъ письмо его сіятельства, братца вашего. Ставъ такимъ образомъ увѣренъ о безопасности переписки, которую имѣю честь вести съ вашимъ сіятельствомъ, продолжаю по дѣламъ мое доношеніе, но прежде, нежели начну оное, позвольте принести вамъ нижайшее мое благодареніе за два милостивыя письма ваши, отъ 17-го и 24-го прошедшаго мѣсяца.

Въ отвѣтъ на первое изъ оныхъ, не остается болѣе, какъ токмо донести вашему сіятельству, что самый опытъ

доказываетъ справедливость вашихъ разсужденій. Зависть вѣнскаго двора къ успѣхамъ нашимъ есть очевидна; но не всякой зависти удается самымъ дѣломъ исполнять свои вредныя желанія. Можетъ быть, не удастся и сему гордому двору положить преграду нашему вожделенному миру. По крайней мѣрѣ, кажется, что и самому Богу нельзя попустить, чтобъ злоба торжествовала, а кровь невинныхъ лилась. Что же надлежитъ до особы его сіятельства, брата вашего, то излишне бъ мнѣ было изъяснять вамъ все мое усердіе къ славѣ его, но не могу же, милостивый государь, то оставить безъ отвѣта, *что* вы мнѣ сказать изволили, какъ братъ его, и въ самое тоже время какъ безпристрастный человѣкъ. Безъ сомнѣнія, большихъ людей честолюбіе состоитъ въ пріобрѣтеніи себѣ почтенія тѣхъ, кои сами почтенны, и которыхъ во всемъ свѣтѣ конечно мало. Впрочемъ, хула невѣждъ, которыми свѣтъ столько изобилуетъ, не можетъ оскорблять истинныхъ достоинствъ, равно какъ и похвала отъ невѣждъ цѣны онымъ не прибавляетъ. Сіе привело мнѣ на мысль два стишка г. Сумарокова, заключающіе въ себѣ сію истину:

«Достойной похвалы невѣжи не умалятъ;
«А то не похвала, когда невѣжи хвалятъ.»

Дальнѣйшее произшествіе извѣстной вамъ визирской переписки оправдало совершенно благоразумное примѣчаніе вашего сіятельства, которое во второмъ письмѣ вашемъ найти я честь имѣлъ. Изъ приложеній, о коихъ упомяну я ниже сего, изволите усмотрѣть, что посланная съ Ахметомъ бумага, кромѣ нѣкотораго намъ предосужденія, ничего не произвела. Здѣсь же, по сей *матеріи*, слѣдуетъ копія съ письма графа Г. Гр. Хотя, въ самомъ дѣлѣ, за будущее ручаться невозможно, однако турецкое изнеможеніе, вступленіе австрійцевъ въ общее съ нами согласіе и самая справедливость дѣла нашего подаетъ причину надѣяться, что миръ заключенъ будетъ по положенному основанію, какимъ бы *самодуромъ* на конгрессѣ поступлено не было.

Вамъ, милостивый государь, изъ прежнихъ писемъ моихъ уже извѣстно мнѣніе мое о воздаваніи справедливости отъ публики великимъ людямъ. Сколь то правда, что безпокойство ваше, въ разсужденіи сего, происходитъ отъ

нѣжности братскаго дружества, столь, если смѣю сказать, мало основательно сіе безпокойство ваше и по тому одному, что вся Европа, не говоря уже объ отечествѣ нашемъ, знаетъ, *кто правитъ дѣлами и кто миръ дѣлаетъ*. Словомъ, какъ бы Фаверъ не обижалъ прямое достоинство, но слава перваго исчезаетъ съ льстецами въ то время, когда *самъ Фаверъ исчезаетъ*; а слава другаго — никогда не умираетъ.

2) Изъ перваго заграничнаго путешествія.

IX
XXXII.

Монпелье, 22 Ноября / 3 Декабря 1777.

За долгъ почитаю увѣдомить ваше сіятельство, какъ истиннаго моего благодѣтеля, о пріѣздѣ моемъ въ здѣшній городъ, въ которомъ, по причинѣ болѣзни жены моей, расположился я остаться на зиму. Прекрасный климатъ и искусство здѣшнихъ медиковъ подаютъ мнѣ превеликую надежду объ ея выздоровленіи и самая дорога, продолжавшаяся близь трехъ мѣсяцевъ, утвердила ея силы. Первый здѣшній докторъ, г. Деламюръ, котораго я призвалъ, началъ уже ей давать лекарства; пріуготовляетъ ее къ принятію полной мѣры извѣстнаго отъ глистовъ состава, коего секретъ королемъ купленъ; а по истребленіи ихъ останется привести въ порядокъ причиненное ими разстройство въ тѣлѣ. Г. Деламюръ имѣетъ здѣсь славу, которую заслужилъ совершенно исцѣленіемъ многихъ отъ претяжкихъ болѣзней. Счастливый его успѣхъ въ леченіи произвелъ такую къ нему довѣренность, что всѣ чужестранцы ищутъ у него помощи предпочтительно предъ другими докторами, коихъ число въ Монпелье до семидесяти простирается. Впрочемъ, милостивый государь, надлежитъ признаться, что сему славному медику способствуетъ, конечно, много и здѣшній климатъ, котораго лучше въ свѣтѣ быть не можетъ. У насъ весьма часто бываетъ самое лѣто хуже настоящаго здѣсь времени. Гульбища всякій день наполнены людьми и не только теперь до шубъ, ниже до муфтъ дѣла не доходитъ. Господь возлюбилъ, видно, здѣшнюю землю: никогда

небеса здѣсь мрачны не бываютъ. Прекрасное солнце отсюда неотлучно. Одинъ недостатокъ здѣсь чувствителенъ: земля неспособна къ произращенію деревъ и лѣтомъ мало убѣжища отъ солнечныхъ лучей. Жары, сказываютъ, здѣсь несносны; но зима есть то время года, котораго пріятнѣе желать невозможно. Множество больныхъ чужестранцевъ и изъ другихъ провинцій французовъ съѣхалось сюда, по обыкновенію, на зиму, и Монпелье можно назвать больницею, но такою, гдѣ живутъ уже выздоравливающіе. Не могу изъяснить вашему сіятельству, сколь пріятно видѣть множество людей, у коихъ написана на лицѣ радость, ощущаемая при возвращеніи здоровья! Всѣ больные видятся ежедневно на гульбищѣ и, сообщая взаимно перемѣну болѣзней своихъ, другъ друга] утѣшаютъ и ободряютъ.

Позвольте, милостивый государь, продолжить увѣдомленіе о моемъ путешествіи. Послѣднее письмо имѣлъ я честь писать къ вашему сіятельству изъ Дрездена. Въ немъ пробылъ и близь трехъ недѣль. Осмотрѣвъ тутъ все достойное примѣчанія, поѣхалъ я въ Лейпцигъ, но уже не засталъ ярмарки. Я нашелъ сей городъ наполненнымъ учеными людьми. Иные изъ нихъ почитаютъ главнымъ своимъ и человѣческимъ достоинствомъ то, что умѣютъ говорить по латыни, чему однакожъ во времена Цицероновы умѣли и пятилѣтніе ребята; другіе, вознесясь мысленно на небеса, не смыслятъ ничего, что дѣлается на землѣ; иные весьма твердо знаютъ артифиціальную логику, имѣя крайній недостатокъ въ натуральной; словомъ — Лейпцигъ доказываетъ неоспоримо, что ученость не родитъ разума. Оставя сихъ педантовъ, поѣхалъ я во Франфуртъ-на-Майнѣ. Сей городъ знаменитъ древностями и отличается тѣмъ, что римскій императоръ бываетъ въ немъ избранъ. Я былъ въ палатѣ избранія, изъ коей онъ является народу. Но все сіе имѣетъ древность однимъ своимъ достоинствомъ, то есть: видѣлъ я по четыре пустыхъ стѣнъ у старинныхъ палатъ; а больше ничего. Показывали мнѣ также извѣстную, такъ называему la Bulle d'or (Золотую Буллу) императора Карла IV, писанную въ 1356 году; я былъ въ имперской архивѣ. Все сіе по истинѣ не стоитъ труда лазить на чердаки и слезать въ погреба, гдѣ хранятся знаки невѣжества. Изъ Франкфурта ѣхалъ я по нѣмецкимъ

княжествамъ: — что ни шагъ, то государство. Я видѣлъ Ганау, Майнцъ, Фульду, Саксенъ-Готу, Эйзенахъ и нѣсколько княжествъ мелкихъ принцевъ. Дороги часто находилъ немощеныя, но вездѣ платилъ дорого за мостовую; и когда, по вытащеніи меня изъ грязи, требовали съ меня денегъ за мостовую, то я осмѣливался спрашивать: гдѣ она? На сіе отвѣчали мнѣ, что его свѣтлость владѣющій государь намѣренъ приказать мостить впредь, а теперь собирать деньги. Таковое правосудіе съ чужестранными заставило меня сдѣлать заключеніе и о правосудіи къ подданнымъ. Не удивился я, что изъ всякаго ихъ жилья куча нищихъ провожала всегда мою карету. Наконецъ пріѣхалъ я въ Мангеймъ, резиденцію курфирста пфальдскаго. Извѣстное мнѣ положеніе сего двора въ разсужденіи нашего привлекло меня представиться курфирсту; для чего я и взялъ изъ Дрездена туда рекомендательныя письма. Какъ отъ него, такъ и отъ курфирстины принятъ я былъ весьма милостиво (*). Оставя меня обѣдать, его свѣтлость посадилъ меня возлѣ себя. Разговоры, коими онъ и супруга его меня удостоили, доказываютъ просвѣщенное ихъ благоразуміе, усердіе къ нашему двору и большое уваженіе къ особѣ братца вашего. Что жъ касается до города, то лучше его я не видалъ въ Германіи: строеніе новое и регулярное. Впрочемъ, ближнее сосѣдство съ французами сдѣлало то, что въ мангеймскихъ нѣмцахъ гораздо менѣе національности, нежели въ другихъ. Отсюда выѣхалъ я во Францію и, чрезъ Страсбургъ, Безансонъ, Bourg-en-Bresse, достигъ славнаго города Ліона. Дорога въ семъ государствѣ очень хороша; но вездѣ по городамъ улицы такъ узки и такъ скверно содержатся, что дивиться надобно, какъ люди съ пятью человѣческими чувствами въ такой нечистотѣ жить могутъ. Видно, что полиція въ сіе дѣло не вступается; чему въ доказательство осмѣлюсь вашему сіятельству разсказать одинъ примѣръ. Шедши въ Ліонѣ по самой знатной и большой улицѣ (которая однакожъ не годится въ наши переулки), увидѣлъ я среди бѣла дня зажженные факелы и много людей среди улицы. Будучи близорукъ, счелъ я, что это конечно какое-нибудь знат-

(*) Курфирстомъ былъ Карлъ-Филипъ-Теодоръ, женатый на Маріи-Елизаветѣ, дочери пфальцъ-графа Сульцбахскаго.

ное погребеніе; но подошедъ изъ любопытства ближе, увидѣлъ, что я сильно обманулся: господа французы изволили убить себѣ свинью — и нашли мѣсто опалить ее на самой срединѣ улицы! Смрадъ, нечистота и толпа праздныхъ людей, смотрящихъ на сію операцію, принудили меня взять другую дорогу. Не видавъ еще Парижа, не знаю, меньше ли въ немъ страждетъ обоняніе; но видѣнные мною во Франціи города находятся въ разсужденіи чистоты въ прежалкомъ состояніи.

Въ Ліонѣ смотрѣлъ я фабрики шолковыхъ издѣлій, откуда Франція посылаетъ во всю Европу наилучшіе парчи и штофы. По справедливости сказать, сіи мануфактуры въ такомъ совершенствѣ, до котораго другимъ землямъ доходить трудно. Сей городъ остановилъ меня на нѣсколько времени для осмотрѣнія въ немъ достойнаго любопытства. L'hôtel Dieu построенъ въ половинѣ шестаго вѣка; зданіе огромное и заслуживающее примѣчанія сколько искусствомъ древнихъ архитекторовъ, столько и наблюдаемымъ внутри онаго порядкомъ въ разсужденіи великаго числа больныхъ. Меня впустили смотрѣть ихъ въ тотъ часъ, когда les soeurs (сестры милосердія, больнымъ женщинамъ служащія) обносили имъ кушанье. Я съ душевнымъ возмущеніемъ видѣлъ страждущихъ различными болѣзнями; но съ удивленіемъ и внутреннимъ удовольствіемъ смотрѣлъ, съ какимъ раченіемъ и усердіемъ ходятъ около сихъ несчастныхъ. — L'hôtel de ville есть зданіе весьма великолѣпное; оно, по признанію вояжеровъ, превосходитъ амстердамскую ратушу. Многіе монастыри и церкви украшены картинами великихъ художниковъ. Вообще, Ліонъ есть городъ весьма древній, большой, коммерческій, многолюдный, словомъ — послѣ Парижа первый въ королевствѣ.

Изъ Ліона пріѣхалъ я сюда въ пять дней. Монпелье городъ небольшой, но имѣющій пріятное мѣстоположеніе; улицы его узки и скверны, но домы есть очень хорошіе. Университетъ здѣшній основанъ въ 1180 году и медицинскій его факультетъ славенъ въ Европѣ. Внѣ города есть la place du Peyrou, пріятнѣйшее и великолѣпнѣйшее изъ всѣхъ извѣстныхъ. На немъ прогуливается цѣлый городъ ежедневно. Мѣсто высокое, чистое, усаженное деревьями, украшенное статуею Людовика XIV и удивляющее взоръ славнымъ *aqueduc* (водопроводъ), длины превеликой и работы

достойной вниманія. Отсюда вода идетъ во весь городъ. Средиземное море видно съ сего мѣста, а при восхожденіи солнца видна, сказываютъ, и Испанія. Сіе прекрасное мѣсто заслуживаетъ и быть въ такомъ климатѣ, каковъ здѣшній, гдѣ гулянье во всѣ времена года составляетъ наилучшую забаву.

Въ разсужденіи общества теперь здѣсь самое наилучшее время. *Les Etats de Languedoc* собрались сюда, по обыкновенію, на два мѣсяца. Они состоятъ изъ уполномоченныхъ отъ короля правителей, духовенства и дворянства. Собраніе сего земскаго суда имѣетъ предметомъ своимъ распоряженіе дѣлъ лангедокской провинціи и сборъ для короля подати, называемой *don gratuit*. Знатнѣйшіе члены суть: первый комендантъ сей провинціи и кавалеръ ордена Святаго Духа графъ Перигоръ, архіепископъ нарбонскій, комендантъ графъ Монканъ, комендантъ виконтъ де-Сент-При, первый баронъ и кавалеръ ордена Святаго Духа маркизъ де-Кастръ и первый президентъ города Кларисъ; всѣ люди знатные и почтенные. Они имѣютъ открытые домы и чужестранцевъ съ отличною ласкою принимаютъ. Мы, съ своей стороны, весьма довольны ихъ гостепріимствомъ, и обыкновенно званы бываемъ во всѣ ихъ общества.

Позвольте, милостивый государь, включить здѣсь то описаніе бывшей здѣсь на сихъ дняхъ церемоніи, называемой l'ouverture des Etats, которое имѣлъ я честь сдѣлать въ письмѣ моемъ къ его сіятельству, братцу вашему. Сіе зрѣлище заслуживало любопытство чужестранцевъ, какъ по великолѣпію, съ коимъ сей обрядъ отправлялся, такъ и по странности древнихъ обычаевъ, наблюдаемыхъ при семъ случаѣ. Собраніе было весьма многолюдное, въ залѣ старинnаго дома, называемаго Gouvernement des Etats. Пришедъ въ уреченный часъ и взявъ свои мѣста, ожидали прибытія графа Перигора, какъ представляющаго особу королевскую. Какъ скоро оное возвѣщено было, то все дворянство вышло къ нему на встрѣчу, и онъ, въ кавалерскомъ платьѣ и шляпѣ, взошедъ на сдѣланное нарочно возвышенное мѣсто, сѣлъ въ кресла подъ балдахиномъ; по правую сторону архіепископъ нарбонскій и двѣнадцать епископовъ, а по лѣвую дворянство въ древнихъ рыцарскихъ платьяхъ и шляпахъ. Засѣданіе началось чрезъ од-

ного синдика чтеніемъ историческаго описанія древняго монпельевскаго королевства. Прошедъ времена древнихъ королей и упомянувъ, какъ оно перешло во владѣніе французскихъ государей, сказано въ заключеніе всего, что нынѣ благополучно владѣющему монарху(*) надлежитъ платить деньги. Графъ Перигоръ читалъ потомъ рѣчь, весьма трогающую, въ которой изобразилъ долгъ вѣрноподданныхъ платить исправно подати. Многіе прослезились отъ сего краснорѣчія. Интендантъ читалъ, съ своей стороны, также рѣчь, въ которой, говоря весьма много о дѣйствіяхъ природы и искусства, выхвалялъ здѣшній климатъ и трудолюбивый характеръ жителей. По его мнѣнію и самая ясность небесъ здѣшняго края должна способствовать къ исправному платежу подати. Послѣ сего архіепископъ нарбонскій говорилъ поучительное слово. Проходя всю исторію коммерціи, весьма краснорѣчиво изобразилъ онъ всѣ ея выгоды и сокровища и заключилъ тѣмъ, что съ помощію коммерціи, къ которой онъ слушателей сильно поощрялъ, Господь наградитъ со вторицею ту сумму, которую они согласятся заплатить нынѣ своему государю. Каждая изъ сихъ рѣчей сопровождаема была комплиментомъ къ знатнѣйшимъ сочленамъ. Интендантъ превозносилъ похвалами архіепископа, архіепископъ интенданта; оба они выхваляли Перигора, а Перигоръ выхвалялъ ихъ обоихъ. Потомъ всѣ пошли въ соборную церковь, гдѣ пѣтъ былъ благодарный молебенъ Всевышнему за сохраненіе въ жителяхъ единодушія къ добровольному платежу того, что въ противномъ случаѣ взяли бъ съ нихъ насильно. — Le don gratuit съ капитаціею (**) состоитъ въ сборѣ съ лангедокской провинціи на наши деньги 920,000 рублей.

На сихъ дняхъ получено здѣсь извѣстіе о умерщвленіи турками князя Гики. Всѣ газеты предвѣщаютъ неизбѣжную намъ войну съ турками. Ваше сіятельство лучше вѣдать изволите, сколь справедливы сіи предвѣщанія; нижайше прошу сдѣлать милость удостоить меня, хотя въ самыхъ генеральныхъ терминахъ, свѣдѣніемъ о настоящемъ положеніи съ нами турковъ. Я почту сіе новымъ опытомъ вашей ко мнѣ милости, пребывая и пр.

(*) Людовикъ XVI.

(**) Capitation (taxe par têtes) подушный окладъ.

XL.

Монпелье, $\frac{24\ Декабря\ 1777.}{4\ Января\ 1778.}$

Я имѣлъ честь получить милостивое письмо ваше отъ 16 октября, за которое приношу мое нижайшее благодареніе. Надѣюсь, что ваше сіятельство уже получить изволили мои изъ Дрездена и отсюда. Я принялъ смѣлость сдѣлать въ нихъ съ нѣкоторою подробностію примѣчанія мои на земли, чрезъ которыя проѣхалъ. Здѣсь живу уже другой мѣсяцъ и стараюсь, по возможности, пріобрѣтать нужныя по состоянію моему знанія. Способовъ къ просвѣщенію здѣсь очень довольно. Я могу оными пользоваться, не разстроивая моего малаго достатка; и хотя тѣлесная пища здѣсь весьма дешева, но душевная еще дешевле. Учитель философіи, обязываясь читать всякій день лекціи, запросилъ съ меня въ первомъ словѣ на наши деньги по 2 р. 40 коп. въ мѣсяцъ. Юриспруденція, какъ наука, при настоящемъ развращеніи совѣстей человѣческихъ ни къ чему почти не служащая, стоитъ гораздо дешевле. Римское право изъ одной пищи здѣсь преподается. Такой бѣдной учености, я думаю, нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ; ибо какъ гражданскія званія покупаются безъ справки, имѣетъ ли покупающій потребныя къ должности своей знанія, то и нѣтъ охотниковъ терять время свое, учась наукѣ безполезной. Злоупотребленіе продажи чиновъ произвело здѣсь то странное дѣйствіе, что при невѣроятномъ множествѣ способовъ къ просвѣщенію, глубокое невѣжество весьма нерѣдко. Оно сопровождается еще и ужаснымъ суевѣріемъ. Попы, имѣя въ рукахъ своихъ воспитаніе, вселяютъ въ людей съ одной стороны рабскую привязанность къ химерамъ, выгоднымъ для духовенства; а съ другой сильное отвращеніе къ здравому разсудку. Таково почти все дворянство и большая часть другихъ состояній. Я не могу сдѣлать инаго объ нихъ заключенія по вопросамъ, которые мнѣ дѣлаются, и по отвѣтамъ на мои вопросы. Впрочемъ, тѣ, кои предуспѣли какъ нибудь свергнуть съ себя иго суевѣрія, почти всѣ попали въ другую крайность и заразились новою философіею. Рѣдкаго встрѣчаю, въ комъ бы

не примѣтна была которая нибудь изъ двухъ крайностей или рабство, или наглость разума.

Главное раченіе мое обратилъ я къ познанію здѣшнихъ законовъ. Сколь много несовмѣстны они въ подробностяхъ своихъ съ нашими, столь, напротивъ того, общія правосудія правила просвѣщаютъ меня въ познаніи существа самой истины и въ способахъ находить ее въ той мрачной глубинѣ, куда свергаютъ ее невѣжество и ябеда. Система законовъ сего государства есть зданіе, можно сказать, премудрое, сооруженное многими вѣками и рѣдкими умами; но вкравшіяся мало по малу различныя злоупотребленія и развращеніе нравовъ дошли теперь до самой крайности и уже потрясли основаніе сего пространнаго зданія, такъ что жить въ немъ бѣдственно, а разорить его пагубно. Первое право каждаго француза есть вольность; но истинное настоящее его состояніе есть рабство; ибо бѣдный человѣкъ не можетъ снискивать своего пропитанія иначе, какъ рабскою работою; а если захочетъ пользоваться драгоцѣнною своею вольностію, то долженъ будетъ умереть съ голоду. Словомъ: вольность есть пустое имя и право сильнаго остается правомъ превыше всѣхъ законовъ.

Вашему сіятельству, безъ сомнѣнія, извѣстны уже худые успѣхи англичанъ противъ американцевъ. Вчера пронесся слухъ, будто находящійся отъ стороны сихъ послѣднихъ въ Парижѣ повѣренный, Франклинъ, признанъ отъ здѣшняго двора посломъ отъ американской республики. Если это правда, то война, кажется, неизбѣжна; но должно ожидать сему вѣрнаго подтвержденія, а между тѣмъ всѣ англичане поднялись вдругъ отсюда и спѣшатъ выѣхать. Все то, что за вѣрное сказать можно, есть сильное вооруженіе въ здѣшнихъ портахъ. Оно дѣлается съ такою поспѣшностію, что въ Тулонѣ по воскресеньямъ и праздникамъ работаютъ, равно какъ и въ обыкновенные дни.

XLI.

Монпелье, $^{15}/_{26}$ *января 1778.*

Получа на сихъ дняхъ радостное для всѣхъ россіянъ извѣстіе о разрѣшеніи отъ бремени ея императорскаго

высочества (*), пріемлю смѣлость принести вашему сіятельству нижайшее поздравленіе съ благополучнымъ происшествіемъ, утверждающимъ благосостояніе отечества нашего.

Я имѣлъ честь получить милостивое письмо ваше отъ 13-го ноября, за которое приношу вашему сіятельству покорнѣйшее благодареніе. Сообщеніе мнѣ вашихъ, на истинѣ основанныхъ и проницаніемъ извлеченныхъ, разсужденій произвело во мнѣ о самомъ себѣ лестное заключеніе. Признаюсь, милостивый государь, что я больше самъ себя почитаю, видя, что особа вашихъ достоинствъ и заслугъ считаетъ меня способнымъ вкусить толь разумную бесѣду.

Удовольствіе, изъявляемое вашимъ сіятельствомъ о примѣчаніяхъ моихъ на представляющіеся въ путешествіи моемъ любопытные предметы, почитаю я знакомъ вашей ко мнѣ милости. Будучи онымъ весьма много ободренъ, осмѣливаюсь продолжать здѣсь отчетъ мой вашему сіятельству о томъ, что здѣсь вижу, и какія разсужденія рождаетъ видимое мною. Les Etats или земскій судъ здѣшней провинціи уже кончился. Всѣ разъѣхались изъ Монпелье, знатные и богатые въ Парижъ, а мелкіе и бѣдные по деревнямъ своимъ. Первые пріѣзжали сюда дѣлать то, что̀ хотятъ, или, справедливѣе сказать, дѣлать то, чѣмъ у двора на счетъ послѣднихъ выслужиться можно; а послѣдніе собраны были для формы, дабы соблюдена была въ точности наружность земскаго суда; — я называю наружность, для того что въ самомъ существѣ она не значитъ ничего. Всѣ трактуемыя тутъ дѣла ограничиваются въ одномъ, то есть: въ собраніи подати. Окончивъ сіе, за прочія и не принимаются. Первый государственный чинъ, духовенство, препоручаетъ провинцію въ одно покровительство царя небеснаго, дабы самому не поссориться съ земнымъ, если вступится за жителей и облегчитъ утѣсненное ихъ состояніе. Знатнѣйшія свѣтскія особы считаютъ бытіе свое на свѣтѣ по стольку, по скольку у двора пріятно на нихъ смотрятъ, и конечно не промѣняютъ одного милостиваго взгляда на все блаженство управляемой ими области. Словомъ, по окончаніи сего земскаго суда, провинція обыкновенно остается въ добычу безсовѣстнымъ людямъ, которые тѣмъ жесточе грабятъ, чѣмъ дороже имъ самимъ ста-

(*) Маріи Ѳеодоровны, 12 декабря 1777 года.

новится привилегія разорять своихъ согражданъ. Здѣшнія злоупотребленія и грабежи конечно не меньше у насъ случающихся. Въ разсужденіи правосудія вижу я, что вездѣ однимъ манеромъ поступаютъ. Наилучшіе законы не значатъ ничего, когда исчезъ въ людскихъ сердцахъ первый законъ, первый между людьми союзъ — добрая вѣра. У насъ ея не много, а здѣсь нѣтъ и головою. Вся честность на словахъ, и чѣмъ складнѣе у кого фразы, тѣмъ больше остерегаться должно какого-нибудь обмана. Ни порода, ни наружные знаки почестей не препятствуютъ нимало снисходить до подлѣйшихъ обмановъ, какъ скоро дѣло идетъ о малѣйшей корысти. Сколько кавалеровъ св. Людовика, которые тѣмъ и живутъ, что подлестясь къ чужестранцу и занявъ у него, сколько простосердечіе его взять позволяетъ, на другой же день скрываются вовсе и съ деньгами отъ своего заимодавца! Сколько промышляютъ своими супругами, сестрами, дочерьми! Словомъ, деньги суть первое божество здѣшней земли. Развращеніе нравовъ дошло до такой степени, что подлый поступокъ не наказывается уже и презрѣніемъ; честнѣйшіе дѣйствительно люди не имѣютъ нимало твердости отличить бездѣльника отъ честнаго человѣка, считая, что таковая отличность была бы contre la politesse française. Сія вѣжливость такое въ умахъ и нравахъ здѣшнихъ произвела дѣйствіе, что за неволю заставила меня сдѣлать нѣкоторыя примѣчанія, которыя и осмѣливаюсь сообщить вашему сіятельству.

Опытъ показываетъ, что всякій порокъ ищетъ прикрыться наружностію той добродѣтели, которая съ нимъ граничитъ. Скупой, напримѣръ, присвояетъ себѣ бережливость, мотъ—щедрость, а легкомысленные и трусливые люди — вѣжливость. И въ самомъ дѣлѣ, кто, слыша ложь или ошибку, не смѣетъ или не смыслитъ противорѣчить, тому всего вѣрнѣе и легче согласиться, тѣмъ больше, что всякая потачка пріятна большей части людей. Сіе правило здѣсь стало всеобщее; оно совершенно отвращаетъ господъ французовъ отъ всякаго человѣческаго размышленія, и дѣлаетъ ихъ простымъ эхомъ того человѣка, съ коимъ разговариваютъ. Почти всякій французъ, если спроситъ его утвердительнымъ образомъ, отвѣчаетъ: *да*, а если отрицательнымъ о той же матеріи, отвѣчаетъ: *нѣтъ*. Сколько разъ, имѣя случай разговаривать съ отличными людьми,

напримѣръ о вольности, начиналъ я рѣчь мою тѣмъ, что сколько мнѣ кажется, сіе первое право человѣка во Франціи свято сохраняется; на что̀ съ восторгомъ мнѣ отвѣчаютъ: que le Français est né libre, что сіе право составляетъ ихъ истинное счастіе, что они помрутъ прежде, нежели стерпятъ малѣйшее оному нарушеніе. Выслушавъ сіе, завожу я рѣчь о примѣчаемыхъ мною неудобствахъ и нечувствительно открываю имъ мысль мою, что желательно бъ было, еслибъ вольность была у нихъ не пустое слово. Повѣрите ли, милостивый государь, что тѣ же самые люди, кои восхищались своею вольностію, тотъ же часъ отвѣчаютъ мнѣ: o! Monsieur, vous avez raison! Le Français est écrasé, le Français est ésclave. Говоря сіе, впадаютъ въ преужасный восторгъ негодованія и если не унять, то хотя цѣлыя сутки рады бранить правленіе и унижать свое состояніе.

Если такое разнорѣчіе происходитъ отъ вѣжливости, то по крайней мѣрѣ не предполагаетъ большаго разума. Можно, кажется, быть вѣжливу и соображать притомъ слова свои и мысли. Вообще, надобно отдать справедливость здѣшней націи, что слова сплетаютъ мастерски и если въ томъ состоитъ разумъ, то всякій здѣшній дуракъ имѣетъ его превеликую долю. Мыслятъ здѣсь мало, да и некогда, потому что говорятъ много и очень скоро. Обыкновенно отворяютъ ротъ, не зная еще что̀ сказать: а какъ затворить ротъ не сказавъ ничего, было бы стыдно, то и говорятъ слова, которыя машинально на языкъ попадаются, не заботясь много, есть ли въ нихъ какой нибудь смыслъ. Притомъ каждый имѣетъ въ запасѣ множество выученныхъ наизустъ фразъ, правду сказать, весьма общихъ и ничего незначащихъ, которыми однакожъ отдѣлывается при всякомъ случаѣ. Сіи фразы состоятъ обыкновенно изъ комплиментовъ, часто весьма натянутыхъ и всегда излишнихъ для слушателя, который пустоты слушать не хочетъ.— Вотъ общій, или, паче сказать, природный характеръ націи; но надлежитъ присовокупить къ нему и развращеніе нравовъ, дошедшее до крайности, чтобъ сдѣлать истинное заключеніе о людяхъ, коихъ вся Европа своими образцами почитаетъ. Справедливость конечно требуетъ исключить нѣкоторыхъ честныхъ людей, прямо умныхъ и почтенія достойныхъ; но они столь же рѣдки, какъ и въ другихъ земляхъ.

Предоставляя себѣ честь продолжить при первомъ случаѣ примѣчанія мои на здѣшніе нравы и обычаи, прекращаю оныя теперь, дабы не обременить ваше сіятельство чтеніемъ вдругъ весьма пространнаго письма.

На прошедшей почтѣ упомянулъ я о разнесшемся здѣсь слухѣ, будто бы живущій въ Парижѣ американскій повѣренный, Франклинъ, признанъ въ характерѣ посла. Сей слухъ оказался ложенъ и взятъ отъ того, что Франклинъ дѣйствительно былъ, неизвѣстно зачѣмъ, призванъ въ Версаль.

Будучи весьма доволенъ въ леченіи жены моей, считаю я остаться здѣсь до совершеннаго ея исцѣленія, которое пользующій ее докторъ предвѣщаетъ въ скоромъ времени.

XLII.

Парижъ, $^{20}/_{31}$ *марта 1778.*

Послѣднее письмо мое къ вашему сіятельству имѣлъ я честь отправить изъ Монпелье и увѣдомить васъ, милостивый государь, что видя здоровье жены моей пришедшимъ гораздо въ лучшее состояніе, взялъ я намѣреніе воспользоваться остающимся временемъ до отъѣзда нашего въ Спа и посмотрѣть нѣкоторыя южныя французскія провинціи. Сей малый вояжъ сталъ причиною, что я такъ долго не писалъ къ вашему сіятельству, и что на сихъ только дняхъ получилъ я милостивое письмо ваше отъ 8 января, потому что оно искало меня въ Монпелье и по провинціямъ. Принеся за него нижайшее благодареніе, почитаю всѣ лестныя для меня въ немъ выраженія новымъ опытомъ вашей ко мнѣ милости.

Я видѣлъ *Лангедокъ*, *Провансъ*, *Дюфине*, *Ліонъ*, *Бургонь*, *Шампань*. Первыя двѣ провинціи считаются во всемъ здѣшнемъ государствѣ хлѣбороднѣйшими и изобильнѣйшими. Сравнивая нашихъ крестьянъ въ лучшихъ мѣстахъ съ тамошними, нахожу, безпристрастно судя, состояніе нашихъ несравненно счастливѣйшимъ. Я имѣлъ честь вашему сіятельству описывать частію причины оному въ прежнихъ моихъ письмахъ; но главною поставляю ту, что подать въ казну платится неограниченная и слѣдственно собствен-

ность имѣнія есть только въ одномъ воображеніи. Въ семъ плодоноснѣйшемъ краю на каждой почтѣ карета моя была всегда окружена нищими, которые весьма часто, вмѣсто денегъ, именно спрашивали, нѣтъ ли съ нами куска хлѣба. Сіе доказываетъ неоспоримо, что и посреди изобилія можно умереть съ голоду.

Осмотрѣвъ все то, что̀ заслуживало любопытство въ сихъ провинціяхъ, пріѣхалъ я въ Парижъ, въ сей мнимый центръ человѣческихъ знаній и вкуса. Не имѣлъ я еще довольно времени въ немъ осмотрѣться; но могу увѣрить ваше сіятельство, что стараюсь употребить каждый часъ въ пользу, примѣчая все то, что̀ можетъ мнѣ подать справедливѣйшее понятіе о національномъ характерѣ. Неприлично изъясняться объ ономъ откровенно отсюда; ибо могутъ здѣсь почитать меня или льстецомъ, или осуждателемъ; но не могу же не отдать и той справедливости, что надобно отрещись вовсе отъ общаго смысла и истины, если сказать, что нѣтъ здѣсь весьма много чрезвычайно хорошаго и подражанія достойнаго. Все сіе однакожъ не ослѣпляетъ меня до того, чтобъ не видѣть здѣсь столько же, или и больше, совершенно дурнаго и такого, отъ чего насъ Боже избави. Словомъ, сравнивая и то и другое, осмѣлюсь вашему сіятельству чистосердечно признаться, что если кто изъ молодыхъ моихъ согражданъ, имѣющій здравый разсудокъ, вознегодуетъ, видя въ Россіи злоупотребленія и неустройства, и начнетъ въ сердцѣ своемъ отъ нея отчуждаться, то для обращенія его на должную любовь къ отечеству, нѣтъ вѣрнѣе способа, какъ скорѣе послать его во *Францію*. Здѣсь конечно узнаетъ онъ самымъ опытомъ очень скоро, что всѣ разсказы о здѣшнемъ совершенствѣ сущая ложь, что люди вездѣ люди, что прямо умный и достойный человѣкъ вездѣ рѣдокъ и что въ нашемъ отечествѣ, какъ ни плохо иногда въ немъ бываетъ, можно однако быть столько же счастливу, сколько и во всякой другой землѣ, если совѣсть спокойна и разумъ правитъ воображеніемъ, а не воображеніе разумомъ.

Будучи увѣренъ, что о здѣшнихъ политическихъ дѣлахъ ваше сіятельство увѣдомляетесь изъ Петербурга, не вхожу въ подробность оныхъ; но вообще имѣю честь донести вамъ, милостивый государь, что положеніе здѣшнихъ дѣлъ съ Англіею столь худо, что война конечно неизбѣжна.

Франція употребила къ вооруженію своему все то время, въ которое Англія истощала силы свои въ войнѣ междоусобной, и приготовясь такимъ образомъ, сдѣлала трактатъ съ американцами, какъ съ державою независимою. Сей трактатъ содержанъ былъ въ тайнѣ по тотъ часъ, въ который англичане рѣшились послать къ американцамъ своихъ коммисаровъ съ такими мирными кондиціями, какихъ имъ не принять почти нельзя. Для отвращенія сего примиренія здѣшній дворъ повелѣлъ своему въ Лондонѣ послу объявить англійскому королю о подписаніи трактата. Говорятъ, что король (*), выслушавъ отъ посла объявленіе, сказалъ ему точно сіи слова: «Я увѣренъ, что вашъ государь предвидѣлъ всѣ тѣ слѣдствія, кои отъ сего произойдутъ». Сказавъ сіе, поворотился къ нему спиною. Потомъ дано было знать послу, чтобъ онъ ко двору болѣе не ѣздилъ, и отправленъ тотчасъ сюда курьеръ къ послу, лорду Стормонту, чтобъ онъ немедленно безъ аудіенціи изъ Парижа выѣхалъ. Съ здѣшней стороны также изъ Лондона посла своего воротили. Словомъ, война хотя формально и не объявлена, но сего объявленія съ часу на часъ ожидаютъ. *Франклинъ*, повѣренный американскій у здѣшняго двора, сказываютъ, на сихъ дняхъ аккредитуется полномочнымъ министромъ отъ Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ.

Я не примѣчаю, чтобъ приближеніе войны производило здѣсь большое впечатлѣніе. Въ первый день, какъ англійскій посолъ получилъ курьера съ отзывомъ, весь городъ заговорилъ о войнѣ; на другой день ни о чемъ болѣе не говорили, какъ о новой трагедіи; на третій объ одной женщинѣ, которая отравилась съ тоски о своемъ любовникѣ; потомъ о здѣшнихъ корабляхъ, которые англичанами остановлены. Словомъ, одна новость заглушаетъ другую и новая пѣсенка столько же занимаетъ публику, сколько и новая война. Здѣсь ко всему совершенно равнодушны, кромѣ вѣстей. Напротивъ того, всякія вѣсти разсѣваются по городу съ восторгомъ и составляютъ душевную пищу жителей парижскихъ. О войнѣ нашей съ турками говорятъ здѣсь, какъ о дѣлѣ весьма сомнительномъ, и больше думаютъ, что ея вовсе не будетъ. Разсуждаютъ многіе, что мы сами ее желаемъ для усугубленія нашей славы. Ваше

(*) Георгъ III.

сіятельство показали мнѣ истинный опытъ милости увѣдомленіемъ меня о положеніи нашихъ дѣлъ съ Портою. Позвольте о продолженіи онаго принести вамъ нижайшую просьбу.

Обращусь теперь къ описанію двухъ происшествій, кои по пріѣздѣ моемъ занимали публику. Первое, поединокъ дюка де Бурбона съ королевскимъ братомъ, графомъ.... (*) а второе, прибытіе сюда г. Вольтера.

Графъ въ маскарадѣ показалъ неучтивость дюшессѣ *де Бурбонъ*, сорвавъ съ нея маску. Дюкъ, мужъ ея, не захотѣлъ стерпѣть сей обиды. А какъ не водится вызывать формально на дуэль королевскихъ братьевъ, то дюкъ сталъ вездѣ являться въ тѣхъ мѣстахъ, куда приходилъ графъ, чѣмъ показывалъ ему, что ищетъ и требуетъ неотмѣнно удовольствія. Нѣсколько дней публика любопытствовала, чѣмъ сіе дѣло кончится. Наконецъ графъ принужденнымъ нашелся выйти на поединокъ. Сраженіе минутъ съ пять продолжалось и дюкъ оцарапалъ его руку. Сіе увидя, одинъ стоявшій подлѣ нихъ гвардіи капитанъ доложилъ дюку, что королевскій братъ пораненъ и что какъ драгоцѣнную кровь щадить надобно, то не время ль окончать битву? На сіе графъ сказалъ, что обиженъ дюкъ и что отъ него зависитъ: продолжать или перестать. Послѣ сего они обнялись и поѣхали прямо въ спектакль, гдѣ публика, свѣдавъ, что они дрались, обернулась къ ихъ ложѣ и аплодировала имъ съ несказаннымъ восхищеніемъ, крича: *браво, браво, достойная кровь Бурбона!* Я свидѣтелемъ былъ сей сцены, о которой весьма бы желалъ знать мнѣніе вашего сіятельства.

Прибытіе Вольтера въ Парижъ произвело точно такое въ народѣ здѣшнемъ дѣйствіе, какъ бы сошествіе какого нибудь божества на землю. Почтеніе, ему оказываемое, ничѣмъ не разнствуетъ отъ обожанія. Я увѣренъ, что еслибъ глубокая старость и немощи его не отягчали и онъ захотѣлъ бы проповѣдывать теперь новую какую секту, то бъ весь народъ къ нему обратился. Ваше сіятельство изъ послѣдующаго усмотрѣть изволите, можно ль иное заключить изъ пріема, который сдѣлала ему публика.

(*) У Людовика XVI было два брата: гр. Прованскій Людовикъ-Станиславъ и гр. д'Артуа Карлъ-Филипъ.

По прибытіи его сюда, сколько стихотворцы, ему преданные, пишутъ въ его славу, столько ненавидящіе его посылаютъ къ нему безъименныя сатиры. Первыя печатаются, а послѣднія нѣтъ; ибо правительсто запретило особливымъ указомъ печатать то, что Вольтеру предосудительно быть можетъ. Такое уваженіе сдѣлано ему сколько за великіе его таланты, столько и ради старости. Сей осьмидесятипятилѣтній старикъ сочинилъ новую трагедію: *Ирена или Алексій Комнинъ*, которая была и представлена. Не льзя никакъ сравнить ее съ прежними; но публика приняла ее съ восхищеніемъ. Самъ авторъ за болѣзню не видалъ первой репрезентаціи. Онъ только вчера въ первый разъ выѣхалъ; былъ въ академіи, потомъ въ театрѣ, гдѣ нарочно представили его новую трагедію.

При выѣздѣ со двора карета его препровождена была до академіи безчисленнымъ множествомъ народа, непрестанно рукоплескавшаго. Всѣ академики вышли на встрѣчу. Онъ посаженъ былъ на директорскомъ мѣстѣ и минуя обыкновенное балотированіе, выбранъ единодушнымъ восклицаніемъ въ директоры на апрѣльскую четверть года. Когда сходилъ онъ съ лѣстницы и садился въ карету, тогда народъ закричалъ, чтобъ всѣ снимали шляпы. Отъ академіи до театра препровождали его народныя восклицанія. При вступленіи въ ложу публика аплодировала многократно съ неописаннымъ восторгомъ, а спустя нѣсколько минутъ, старшій актеръ, *Бризаръ*, вошелъ къ нему въ ложу съ вѣнкомъ, который и надѣлъ ему на голову. Вольтеръ тотчасъ снялъ съ себя вѣнокъ и съ радостными слезами въ слухъ сказалъ *Бризару:* Ah, Dieu! vous voulez donc me faire mourir! Трагедія играна была гораздо съ бо́льшимъ совершенствомъ, нежели въ прежнія представленія. По окончаніи ея новое зрѣлище открылось. Занавѣсъ опять былъ поднятъ. Всѣ актеры и актрисы, окружа бюстъ Вольтеровъ, увѣнчавали его лавровыми вѣнками. Сіе приношеніе публика препроводила рукоплесканіемъ, продолжавшимся близь четверти часа. Наконецъ представлявшая Ирену актриса, г-жа *Вестрисъ* (*) обратясь къ Вольтеру, читала похвальные стихи. Для показанія своего удовольствія, публика велѣла повторить чтеніе стиховъ и аплодировала съ великимъ

(*) Марія Роза Вестрисъ р. 1746 ум. 1804.

крикомъ. Какъ же скоро Вольтеръ сѣлъ въ свою карету, то народъ, остановивъ кучера, закричалъ: «des flambeaux, des flambeaux!» По принесеніи факеловъ, велѣли кучеру ѣхать шагомъ и безчисленное множество народа съ факелами проводило его до самаго дома, крича непрестанно: vive Voltaire!—Сколь ни много торжествъ имѣлъ г. Вольтеръ въ теченіе вѣка своего, но вчерашній день былъ безъ сомнѣнія наилучшій въ его жизни, которая однако скоро пресѣчется, ибо сколь онъ теперь благообразенъ, ваше сіятельство увидѣть изволите по приложенному здѣсь его портрету, весьма на него похожему.

Что-жъ надлежитъ до другаго чудотворца, Сен-Жермена(*), я разстался съ нимъ дружески и на предложеніе его, коимъ сулилъ мнѣ золотыя горы, отвѣтствовалъ благодарностію, сказавъ ему, что если онъ имѣетъ толь полезные для Россіи проекты, то можетъ отнестися съ ними къ находящемуся въ *Дрезденѣ* нашему новѣренному въ дѣлахъ. Лекарство его жена моя принимала, но безъ всякаго успѣха; за исцѣленіе ея обязанъ я монпельевскому климату и орѣховому маслу; а славному доктору г. Деламюру одолженъ я тѣмъ, что онъ не забылъ сего простаго лекарства между многими премудрыми, за которыя съ меня брали все, что взять могли.

XLIII.

Парижъ $^{14}/_{25}$ *іюня 1778.*

Употребляя все время моего въ Парижѣ пребыванія на осмотрѣніе сего пространнаго города, медлилъ я увѣдомлять васъ, милостивый государь, о моихъ на него примѣчаніяхъ для того, что хотѣлъ сдѣлать ихъ съ бо́льшимъ основаніемъ и точностію. Вотъ истинная причина, для которой пишу отсюда другое только письмо къ вашему сіятельству. Въ первомъ описывалъ я, между прочимъ, пріемъ здѣсь Вольтера и бывшій поединокъ. Безпокоитъ меня, что о полученіи онаго не имѣлъ я счастія быть увѣдомленъ. Весьма было бы досадно, еслибъ оно, или ваше, было гдѣ-нибудь удержано.

Не могу конечно сказать, чтобъ я и теперь зналъ Па-

(*) Извѣстный авантюристъ и мнимый обладатель тайны *философскаго камня*. Онъ ум. въ 1795 г.

рижъ совершенно; ибо надобно жить въ немъ долго, чтобъ хорошенько съ нимъ познакомиться. По крайней мѣрѣ въ то короткое время, которое здѣсь живу, старался я узнать его по всей моей возможности. Беру смѣлость обременить ваше сіятельство весьма длиннымъ описаніемъ того, на что обращалъ я здѣсь мое вниманіе. Къ сему ободренъ я и послѣднимъ письмомъ вашимъ, которое имѣлъ я честь получить отъ 22 февраля и изъ котораго къ сердечному моему удовольствію вижу, что продолженіе моихъ увѣдомленій вамъ угодно. Счастіе сіе приписываю главному достоинству всѣхъ моихъ къ вамъ писемъ, что перо мое и сердце руководствуются искреннимъ къ вамъ усердіемъ и правдою, которую во всѣхъ описаніяхъ моихъ соблюсти стараюсь.

Парижъ можетъ по справедливости назваться сокращеніемъ цѣлаго міра. Сіе титло заслуживаетъ онъ по своему пространству и по безконечному множеству чужестранныхъ, стекающихся въ него отъ всѣхъ концевъ земли. Жители парижскіе почитаютъ свой городъ столицею свѣта, а свѣтъ— своею провинціею. Бургонію, напримѣръ, считаютъ близкою провинціею, а Россію дальнею. Французъ, пріѣхавшій сюда изъ Бордо, и россіянинъ изъ Петербурга называются равномѣрно чужестранными. По ихъ мнѣнію имѣютъ они не только наилучшіе въ свѣтѣ обычаи, но наилучшій видъ лица, осанку и ухватки, такъ что первый и учтивѣйшій комплиментъ чужестранному состоитъ не въ другихъ словахъ какъ точно въ сихъ: Monsieur, vous n'avez point l'air étranger du tout, je vous en fais bien mon compliment! (вы совсѣмъ не похóдите на чужестраннаго; поздравляю васъ!). Возмечтаніе ихъ о своемъ разумѣ дошло до такой глупости, что рѣдкій французъ не скажетъ самъ о себѣ, что онъ преразуменъ. Видя, что разумъ вездѣ рѣдокъ и что въ одной Франціи имѣетъ его всякій, примѣчалъ я весьма прилежно, нѣтъ ли какой разницы между разумомъ французскимъ и разумомъ человѣческимъ; ибо казалось мнѣ, что весьма унизительно бъ было для человѣческаго рода, рожденнаго не во Франціи, еслибъ надобно было необходимо родиться французомъ, чтобъ быть неминуемо умнымъ человѣкомъ. Дабы сдѣлать сіе изысканіе, примѣнялъ я къ здѣшнимъ умницамъ знаменованіе разума въ цѣломъ свѣтѣ. Я нашелъ, что для нихъ оно слишкомъ длинно; они

гораздо его для себя покороткими. Чрезъ слово разумъ, по бо́льшей части, понимаютъ они одно качество, а именно *остроту* его, не требуя отнюдь, чтобъ она управляема была здравымъ смысломъ. Сію остроту имѣетъ здѣсь всякій безъ выключенія, слѣдственно всякій безъ затрудненія умнымъ здѣсь признается. Всѣ сіи умные люди на двѣ части раздѣляются: тѣ, которые не очень словоохотны и какихъ однакожъ весьма мало, называются philosophes; а тѣмъ, которые врутъ неумолкно и каковы почти всѣ, дается титулъ aimables. Судятъ всѣ обо всемъ рѣшительно. Мнѣніе перваго есть мнѣніе наилучшее; ибо спорить не любятъ и тотчасъ съ великими комплиментами соглашаются, потому что не быть одного мнѣнія съ тѣмъ, кто сказалъ уже свое, хотя бы и преглупое, почитается здѣсь совершеннымъ *незнаніемъ жить*: итакъ, чтобъ слыть умѣющимъ жить, всякій отказался имѣть о вещахъ свое собственное мнѣніе. Изъ сего заключить можно, что за истиною не весьма здѣсь гоняются. Не о томъ дѣло, что̀ сказать, а о томъ, ка́къ сказать. Я часто примѣчалъ, что иной говоритъ цѣлый часъ къ удовольствію своихъ слушателей, не будучи ими вовсе понимаемъ, и точно для того, что самъ себя не разумѣетъ. Со всѣмъ тѣмъ по окончаніи вранья называютъ его aimable et plein d'ésprit. Сколько излишне здѣсь говоря думать, столько нужно какъ наискорѣе перенять самыя мелочи въ обычаяхъ, потому что нѣтъ вѣрнѣе способа прослыть навѣкъ дуракомъ, потерять репутацію, погибнуть невозвратно, какъ если, напримѣръ, спросить при людяхъ пить между обѣдомъ и ужиномъ. Кто не согласится скорѣе умереть съ жажды, нежели напившись влачить въ презрѣніи остатокъ своей жизни? Сіи мелочи составляютъ цѣлую науку, занимающую время и умы бо́льшей части путешественниковъ. Они тѣмъ ревностнѣе въ нее углубляются, что живутъ между націею, гдѣ ridicule всего страшнѣе. Нужды нѣтъ, если говорятъ о человѣкѣ, что онъ имѣетъ злое сердце, негодный нравъ; но если скажутъ, что онъ ridicule, то человѣкъ дѣйствительно пропалъ, ибо всякій убѣгаетъ его общества. Нѣтъ способнѣе французовъ усматривать смѣшное и нѣтъ націи, въ которой бы самой было столь много смѣшнаго. Разумъ ихъ никогда самъ на себя не обращается, а всегда устремленъ на внѣшніе предметы, такъ что всякій, обращая на смѣхъ дру-

гаго, никакъ не чувствуетъ, сколько самъ смѣшонъ. Упражняясь весь свой вѣкъ, можно сказать, не въ себѣ, но внѣ себя, никто слѣдовательно не проницаетъ въ подробность, а довольствуется смотрѣть на одну вещей поверхность; ибо познавать подробности невозможно, не разсматривая дѣйствій своего собственнаго разума, чтобъ видѣть, не ошибаюсь ли самъ въ моихъ разсужденіяхъ. Я думаю, что сія причина мѣшаетъ здѣшней націи успѣвать въ наукахъ, требующихъ постояннаго вниманія, и что отъ того считаютъ здѣсь одного математика на двѣсти стихотворцевъ, разумѣется дурныхъ и хорошихъ. Европа почитаетъ французовъ хитрыми. Не знаю, не предразсудокъ ли заставляетъ имѣть сіе о нихъ мнѣніе? Кажется, что вся ихъ прославляемая хитрость отнюдь не та, которая располагается и производится разсудкомъ, а та, которая объемлется вдругъ воображеніемъ и очень скоро наружу выходитъ. Слушаться разсудка и во всемъ прибѣгать къ его суду — скучно; а французы скуки терпѣть не могутъ. Чего не дѣлаютъ они, чтобъ избѣжать скуки, то есть, чтобъ ничего не дѣлать! И дѣйствительно, всякій день здѣсь праздникъ. Видя съ утра до ночи безчисленное множество людей въ безпрерывной праздности, удивиться надобно, когда что́ здѣсь дѣлается. Не упоминая о садахъ, всякій день пять театровъ наполнены. Всѣ столько любятъ забавы, сколько труды ненавидятъ; а особливо черной работы народъ терпѣть не можетъ. За то нечистота въ городѣ такая, какую людямъ, не вовсе оскотинившимся, переносить весьма трудно. Почти нигдѣ нельзя отворить окошко лѣтомъ отъ зараженнаго воздуха. Чтобъ имѣть все подъ руками и ни за чѣмъ далеко не ходить, подъ всякимъ домомъ подѣланы лавки. Въ одной блистаетъ золото и наряды, а подлѣ нее, въ другой, вывѣшена битая скотина съ текущею кровью. Есть улицы, гдѣ въ сдѣланныхъ по бокамъ стокахъ течетъ кровь, потому что не отведено для бойни особливаго мѣста. Такую же мерзость нашелъ я и въ прочихъ французскихъ городахъ, которые всѣ такъ однообразны, что кто былъ въ одной улицѣ, тотъ былъ въ цѣломъ городѣ; а кто былъ въ одномъ городѣ, тотъ всѣ города видѣлъ. Парижъ предъ прочими имѣетъ только то преимущество, что наружность его несказанно величественнѣе, а внутренность скверненѣе. Напрасно говорятъ, что

причиною нечистоты многолюдство. Во Франціи множество маленькихъ деревень, но ни въ одну не льзя въѣзжать, не зажавъ носа. Со всѣмъ тѣмъ привычка, отъ самаго младенчества жить въ грязи по уши, дѣлаетъ, что обоняніе французовъ нимало отъ того не страждетъ. Вообще сказать можно, что въ разсужденіи чистоты перенимать здѣсь нечего, а въ разсужденіи благонравія еще меньше. Удостовѣрясь въ сей истинѣ, искалъ я причины, что привлекаетъ сюда такое множество чужестранцевъ?

Общества; но смѣло скажу, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ чужестранцу войти въ здѣшнее общество, ежѣдовательно и вошло ихъ очень мало. Внутреннее ощущеніе здѣшнихъ господъ, что они даютъ тонъ всей Европѣ, вселяетъ въ нихъ гордость, отъ которой защититься не могутъ всею добротою душъ своихъ; ибо дѣйствительно въ бо́льшей ихъ части душевныя расположенія весьма похваляются. Сколько надобно стараній, исканій, низостей, чтобъ впущену быть въ знатный домъ, гдѣ однакожъ ни словомъ гостя не удостоиваютъ. Имѣя сей примѣръ передъ собою въ моихъ любезныхъ согражданахъ, разсчелъ я, что по краткости времени моего здѣсь пребыванія не для чего покупать такъ дорого знакомство, или, справедливѣе сказать, собственное свое униженіе. Я нашелъ множество другихъ интереснѣйшихъ вещей къ моему упражненію; а видѣть здѣшнихъ вельможъ и ихъ обращеніе довольствовался я при случаяхъ, удачею мнѣ представлявшихся. Впрочемъ, чтобъ вашему сіятельству имѣть ясное понятіе, какъ здѣсь наши и прочіе вояжеры принимаются, то надлежитъ себѣ представить въ Петербургѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ князей: Кантакузеновъ, Маврокордато... Всякій, увидясь съ ними, взглянетъ на нихъ ласково, за визитъ пришлетъ карточку, равно какъ и дамы наши отдаютъ женамъ ихъ визиты; но кто имѣетъ, или имѣтъ захочетъ съ ними всегдашнее общество? Вотъ точное здѣсь положеніе между прочими и нашихъ господъ и госпожъ относительно знатныхъ здѣшнихъ домовъ! Чувствую, что Богъ создалъ насъ не хуже ихъ людьми; каково же быть волохами? Не понимаю, какъ можно, почитая самого себя, кланяться, добиваться и ставить за превеличайшее счастіе и честь такія знакомства, въ которыхъ не можетъ быть никакого удовольствія, потому что есть большое униженіе.

Ученые люди; но изъ невѣроятнаго множества чужестранцевъ, можетъ быть, тысячный человѣкъ пріѣхалъ сюда съ намѣреніемъ воспользоваться своимъ здѣсь пребываніемъ для приращенія знаній своихъ. А притомъ и о здѣшнихъ ученыхъ можно по справедливости сказать, что весьма мало изъ нихъ соединили свои знанія съ поведеніемъ. Я почти со всѣми познакомился. *Томасъ*(*), сочинитель переведеннаго мною похвальнаго слова *Марку Аврелію*, *Мармонтель*(**) и еще нѣкоторые ходятъ ко мнѣ въ домъ. Весьма учтивое и пріятельское ихъ со мною обхожденіе не ослѣпило глазъ моихъ на ихъ пороки. Исключая *Томаса*, котораго кротость и честность мнѣ очень понравились, нашелъ я почти во всѣхъ другихъ много высокомѣрія, лжи, корыстолюбія и подлѣйшей лести. Конечно, ни одинъ изъ нихъ не поколеблется сдѣлать презрительнѣйшую подлость для корысти, или тщеславія. Я не нахожу, что̀ бъ въ свѣтѣ такъ мало другъ на друга походило, какъ философія на философовъ.

По точномъ разсмотрѣніи вижу я только двѣ вещи, кои привлекаютъ сюда чужестранцевъ въ такомъ множествѣ: *спектакли* и—съ позволенія сказать—*дѣвки*. Если двѣ сіи приманки отнять сегодня, то завтра двѣ трети чужестранцевъ разъѣдутся изъ Парижа. Безчинство дошло до такой степени, что знатнѣйшіе люди не стыдятся сидѣть съ дѣвками въ ложахъ публично. Сіи твари осыпаны бриліантами. Великолѣпные домы, столы, экипажи—словомъ, онѣ однѣ наслаждаются всѣми благами міра сего. Съ какимъ искусствомъ онѣ умѣютъ соединить прелести красоты съ пріятностію разума, чтобъ уловить въ сѣти жертву свою! Сею жертвою по бо̀льшей части бываютъ чужестранцы, кои привозятъ съ собою обыкновенно денегъ сколько можно больше, и если не всегда здравый умъ, то по крайней мѣрѣ часто здравое тѣло; а изъ Парижа выѣзжаютъ, потерявъ и то и другое, часто невозвратно. Я думаю, что

(*) Антуанъ Леонаръ Тома (1732—1785), членъ, потомъ директоръ парижской академіи наукъ, извѣстенъ своими одами и разсужденіями. Сдѣланный Фонъ-Визинымъ переводъ «Слова Марку Аврелію» напечатанъ въ 1777 г.

(**) Жанъ Франсуа Мармонтель (1723—1799), авторъ извѣстнаго романа *Belisaire*, переведеннаго императрицею и ея сотрудниками въ путешествіи по Волгѣ. Особенно онъ прославился своими *Contes moraux*.

если отецъ не хочетъ погубить своего сына, то не долженъ посылать его сюда ранѣе двадцати пяти лѣтъ, и то подъ присмотромъ человѣка, знающаго всѣ опасности Парижа. Сей городъ есть истинная зараза, которая хотя молодаго человѣка не умерщвляетъ физически, но дѣлаетъ его навѣкъ шалуномъ и ни къ чему неспособнымъ, вопреки тому, какъ его сдѣлала природа и какимъ бы онъ могъ быть, не ѣздя во Францію.

Что жъ принадлежитъ до *спектаклей*, то комедія возведена здѣсь на возможную степень совершенства. Не льзя, смотря ее, не забываться до того, чтобъ не почесть ее истинною исторіею, въ тотъ моментъ происходящею. Я никогда себѣ не воображалъ видѣть подражаніе натурѣ столь совершеннымъ. Словомъ, комедія въ своемъ родѣ есть лучшее, что́ я въ Парижѣ видѣлъ. Напротивъ того, трагедію нашелъ я посредственною. По смерти Лекеневой(*), она гораздо поупала. Оперу можно назвать великолѣпнѣйшимъ зрѣлищемъ. Декораціи и танцы прекрасны; но пѣвцы прескверны. Удивился я, какъ можно безстыдно такъ ревѣть, а еще болѣе какъ можно такой ревъ слушать съ восхищеніемъ!

Обременивъ ваше сіятельство моимъ пространнымъ описаніемъ, чувствую, что письмо мое сколь длинно, столь и нескладно; но однако посылаю его, будучи увѣренъ, что вы, милостивый государь, взирать будете не на слогъ его, но на усердіе, съ которымъ я хотѣлъ исполнить повелѣніе ваше въ доставленіи вамъ моихъ примѣчаній на Францію. Изъ Парижа выѣду на будущей недѣлѣ и возьму смѣлость писать къ вашему сіятельству о чемъ отсюда писать неловко. Вашъ и проч.

XLIV.

Ахенъ, отъ $^{18}/_{29}$ *сентября 1778 г.*

Изъ Парижа имѣлъ я честь писать къ вашему сіятельству три письма. Не знаю, дошли ль вѣрно два послѣднія? А какъ вы обыкновенно удостоиваете меня увѣдомленіемъ о полученіи моихъ писемъ, то долговременное ваше молча-

(*) Знаменитый во свое время актеръ (1728—1778).

ніе весьма меня смущаетъ. Ласкаюсь однако, что не отмѣна вашихъ ко мнѣ милостей производитъ оное, и что въ особѣ вашей буду имѣть навсегда моего благодѣтеля, который имѣетъ всѣ на свѣтѣ права на вѣчную мою благодарность и усердіе.

Я оставилъ Францію. Пребываніе мое въ семъ государствѣ убавило сильно цѣну его въ моемъ мнѣніи. Я нашелъ доброе гораздо въ меньшей мѣрѣ, нежели воображалъ; а худое въ такой большой степени, которой и вообразить не могъ (57). Я разсматривалъ съ всевозможнымъ вниманіемъ все то, что могло способствовать мнѣ къ пріобрѣтенію точнѣйшаго понятія о характерѣ французовъ и о настоящемъ ихъ положеніи относительно разныхъ частей правительства. Позвольте, милостивый государь, примѣчанія мои на оное представить вашему сіятельству и добавьте своимъ проницаніемъ то, въ чемъ мои разсужденія недостаточны будутъ.

Достойные люди, какой бы націи ни были, составляютъ между собою одну націю. Выключа ихъ изъ французской, примѣчалъ я вообще ея свойство. Надлежитъ отдать справедливость, что при неизъяснимомъ развращеніи нравовъ есть во французахъ доброта сердечная. Весьма рѣдкій изъ нихъ злопамятенъ— добродѣтель конечно непрочная, и полагаться на нее не льзя; по крайней мѣрѣ и пороки въ нихъ не глубоко вкоренены. Непостоянство и вѣтреность не допускаютъ ни пороку, ни добродѣтели въ сердца ихъ поселиться. Къ нимъ совершенно приличенъ стихъ Кребильоновъ:

Criminel sans penchant, vertueux sans dessein.

Разсудка французъ не имѣетъ и имѣть его почелъ бы несчастьемъ своей жизни; ибо оный заставилъ бы его размышлять, когда онъ можетъ веселиться. Забава есть одинъ предметъ его желаній. А какъ на забавы потребны деньги, то для пріобрѣтенія ихъ употребляетъ всю остроту, которою его природа одарила. Острота, неуправляемая разсудкомъ, не можетъ быть способна ни на что, кромѣ мелочей, въ которыхъ и дѣйствительно французы берутъ верхъ предъ цѣлымъ свѣтомъ. Обманъ почитается у нихъ правомъ разума. По всеобщему ихъ образу мыслей обмануть не стыдно; но не обмануть—глупо. Смѣло скажу, что фран-

цузъ никогда самъ себѣ не проститъ, если пропуститъ случай обмануть, хотя въ самой бездѣлицѣ. Божество его— деньги. Изъ денегъ нѣтъ труда, котораго бъ не поднялъ, и нѣтъ подлости, которой бы не сдѣлалъ. Къ большимъ злодѣяніямъ неспособенъ. Самые убійцы становятся таковыми тогда только, когда умираютъ съ голоду; какъ же скоро французъ имѣетъ пропитаніе, то людей не рѣжетъ, а довольствуется обманывать. Корыстолюбіе несказанно заразило всѣ состоянія, не исключая самыхъ философовъ нынѣшняго вѣка. Въ разсужденіи денегъ не гнушаются и они человѣческою слабостію. *Д'Аламберты*, *Дидероты* въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны, какихъ видалъ я всякій день на бульварѣ (59); всѣ они народъ обманываютъ за деньги и разница между шарлатаномъ и философомъ только та, что послѣдній къ сребролюбію присовокупляетъ безпримѣрное тщеславіе. Я докажу опытомъ справедливость моего примѣчанія. Пріѣхалъ въ Парижъ братъ г. Зорича(*), полковникъ Неранчичъ(**), человѣкъ, впрочемъ, честный, но совсѣмъ незнакомый съ науками. Служилъ онъ весь вѣкъ въ гусарскихъ полкахъ, никогда не бралъ книгъ въ руки и никогда картъ изъ рукъ не выпускалъ. Лишь только провѣдали д'Аламбертъ, Мармонтель и прочіе, что онъ братъ г. Зорича, то не почли уже за нужное освѣдомляться о прочихъ его достоинствахъ, а явились у него въ передней засвидѣтельствовать свое нижайшее почтеніе. Мое къ нимъ душевное почтеніе совсѣмъ истребилось послѣ такаго подлаго поступка. Разсчетъ ихъ ясно виденъ: они сею низостью ласкались чрезъ Неранчича достать подарки отъ нашего двора. Рука, отъ которой бы они ихъ получили, удовольствовала бъ ихъ тщеславіе, а подарки—корыстолюбіе.

Сколько я понимаю, вся система нынѣшнихъ философовъ состоитъ въ томъ, чтобъ люди были добродѣтельны независимо отъ религіи: но они, которые ничему не вѣрятъ,

---

(*) Семенъ Гавриловичъ *Зоричъ*, любимецъ императрицы, былъ въ то время корнетомъ кавалергардскаго корпуса, отъ артиллеріи генералъ-маіоромъ, флигель-адъютантомъ, командующимъ лейбъ-казацкими эскадронами и кавалеромъ орденовъ св. Георгія 4 класса, Бѣлаго орла, св. Станислава, Мальтійскаго большаго креста и Шведскаго меча большаго креста.

(**) Давыдъ Гавриловичъ Неранчичъ былъ тогда флигель-адъютантомъ, отъ арміи Полковникомъ и ордена св. Станислава кавалеромъ. Въ 1785 г. онъ былъ генералъ-маіоромъ.

доказываютъ ли собою возможность своей системы? Кто изъ мудрыхъ вѣка сего, побѣдивъ всѣ предразсудки, остался честнымъ человѣкомъ? Кто изъ нихъ, отрицая бытіе Божіе, не сдѣлалъ интереса единымъ божествомъ своимъ и не готовъ жертвовать ему всею своею моралью? Одно тщеславіе ихъ простирается до того, что сами науки сдѣлались источникомъ непримиримой вражды между семьями. Братъ гонитъ брата за то, что одинъ любитъ Расина, а другой Корнеля; ибо острота французскаго разума велитъ одному брату, любя Расина, ругать язвительно Корнеля и клясться предъ свѣтомъ, что Расинъ предъ Корнелемъ, а братъ его передъ нимъ, гроша не стоятъ. Вообще ни одинъ писатель не можетъ терпѣть другаго и почитаетъ праздникомъ всякій случай уязвить своего совмѣстника. При всей ихъ премудрости нѣтъ въ нихъ и столько разсудка, чтобъ осмотрѣться, какъ безчестятъ себя сами, ругая другъ друга, и въ какое посмѣяніе приводятъ себя у тѣхъ, въ коихъ хотятъ вселить къ себѣ почтеніе.

Вотъ каковы тѣ люди, изъ которыхъ Европа многихъ почитаетъ великими, и которые, можно сказать, всей Европѣ повернули голову! Правда и то, что въ самой Франціи число ихъ обожателей несравненно меньше, нежели въ другихъ государствахъ, потому что французы сами очевидные свидѣтели ихъ поведенія, а чужестранцы смотрятъ на нихъ издали. Истинно, нѣтъ никакой нужды входить съ ними въ изъясненія, почему считаютъ они религію недостойною быть основаніемъ моральныхъ человѣческихъ дѣйствій и почему признаніе бытія Божія мѣшаетъ человѣку быть добродѣтельнымъ? Но надлежитъ только взглянуть на самихъ господъ нынѣшнихъ философовъ, чтобъ увидѣть, каковъ человѣкъ безъ религіи, и потомъ заключить, какъ прочно было бы безъ оной все человѣческое общество!

Обращусь теперь къ начатому описанію характера національнаго. Господа философы отвели меня нѣсколько отъ моей главной матеріи; но я, остановясь на нихъ, хотѣлъ показать, что со стороны практическаго нравоученія перенимать у французовъ, кажется, нечего. Примѣтилъ я вообще, что французъ всегда молодъ, а изъ молодости переваливается вдругъ въ дряхлую старость: слѣдственно въ совершенномъ возрастѣ никогда не бываетъ [59]. Пока можетъ, утопаетъ онъ въ презрительныхъ забавахъ и сей родъ

жизни дѣлаетъ всѣ состоянія такъ равными, что послѣдній повѣса живетъ въ пріятельской связи съ знатнѣйшею особою. Равенство есть благо, когда оно, какъ въ Англіи, основано на духѣ правленія; но во Франціи равенство есть зло потому что происходитъ оно отъ развращенія нравовъ (60). Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ сіи злоупотребленія имѣютъ свой источникъ въ воспитаніи, которое у французовъ пренебрежено до невѣроятности. Первыя особы въ государствѣ не могутъ никогда много разниться отъ безсловесныхъ, ибо воспитываютъ ихъ такъ, чтобъ они на людей не походили. Какъ скоро начинаютъ понимать, то попы вселяютъ въ нихъ предразсудки, подавляющіе смыслъ младенческій, и они выростаютъ обыкновенно съ однимъ чувствомъ подобострастія къ духовенству. Нынѣшній король трудолюбивъ и добросердеченъ; но оба сіи качества управляются чужими головами. Одинъ изъ принцевъ имѣетъ великую претензію на царство небесное и о земныхъ вещахъ мало помышляетъ. Попы увѣрили его, что не отрекшись вовсе отъ здраваго ума, не льзя никакъ понравиться Богу, и онъ дѣлаетъ все возможное, чтобъ стать угодникомъ Божіимъ. Другой—побѣдилъ силу вѣры силою вина: мало людей перепить его могутъ. Сверхъ того почитается онъ первымъ петиметромъ и всѣ молодые люди подражаютъ его тону, который состоитъ въ томъ, чтобъ говорить грубо, произнося слова отрывисто; ходить переваливаясь, разинувъ ротъ, не смотря ни на кого; толкнуть всякаго, съ кѣмъ встрѣтится; смѣяться безъ малѣйшей причины, сколько силъ есть громче; словомъ, дѣлать все то, что̀ дурачество и пьянство въ голову вложить могутъ. Таковы всѣ нынѣшніе французскіе петиметры.

Воспитаніе во Франціи ограничивается однимъ ученіемъ. Нѣтъ генеральнаго плана воспитанія и все юношество учится, а не воспитывается. Главное стараніе прилагаютъ, чтобъ одинъ сталъ богословомъ, другой живописцемъ, третій столяромъ; но чтобъ каждый изъ нихъ сталъ человѣкомъ, того и на мысль не приходитъ (61). Итакъ относительно воспитанія Франція ни въ чемъ не имѣетъ преимущества предъ прочими государствами. Въ сей части столько же и у нихъ недостатковъ, сколько и вездѣ; но въ тысячу разъ больше шарлатанства. Рѣдкій отецъ не изобрѣтаетъ новаго плана для воспитанія дѣтей своихъ. Часто новый

его планъ хуже стараго; но сей поступокъ доказываетъ, по крайней мѣрѣ, что сами они чувствуютъ недостатки общаго у себя воспитанія, не смысля разобрать, въ чемъ состоятъ они дѣйствительно.

Дворянство французское по бо̀льшей части въ крайней бѣдности и невѣжество его ни съ чѣмъ несравненно. Ни званіе дворянина, ни орденъ Св. Людовика не мѣшаютъ во Франціи ходить по міру. Исключая знатныхъ и богатыхъ, каждый французскій дворянинъ, при всей своей глупой гордости, почтетъ за великое себѣ счастіе быть принятымъ гувернеромъ къ сыну нашего знатнаго господина. Множество изъ нихъ мучили меня неотступными просьбами достать имъ такія мѣста въ Россіи; но какъ исполненіе ихъ просьбъ было бы убійственно для невинныхъ, доставшихся въ ихъ руки, то уклонился я отъ сего злодѣянія и почитаю долгомъ совѣсти не способствовать тому злу, которое въ отечествѣ нашемъ уже довольно вкореняется.

Причина бѣдности дворянства есть та же самая, которая столько утвердила богатство и силу ихъ духовенства, а именно: право большаго сына наслѣдовать въ родительскомъ имѣніи. Для меньшихъ братьевъ два пути отверзты: военная служба и чинъ духовный. Въ первомъ предстоятъ труды, оканчивающіеся почти всегда бѣдностію, а въ послѣднемъ священная праздность и изобиліе. Обыкновенно фамилія изъ сроднической горячности преклоняетъ меньшихъ братьевъ къ послѣднему; но часто французская живость велитъ имъ сопротивляться сему благому совѣту и, принявъ военную службу, поссориться со всею своею роднею. Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ ни одной дворянской фамиліи, гдѣ бъ не было изъ меньшихъ братьевъ человѣка благоразумнаго, предпочтившаго состояніе пастыря состоянію овцы. Всѣ архіепископы и епископы суть братья знатнѣйшихъ особъ, подкрѣпляемые у двора своею роднею и подкрѣпляющіе себя въ народѣ содержаніемъ его въ крайнемъ суевѣріи. Ваше сіятельство изъ сего усмотрѣть изволите, сколь тверда во Франціи сила духовенства, когда въ сохраненіи его самъ дворъ видитъ свою пользу. Суевѣріе народное простирается тамъ до невѣроятности. Я опишу вамъ, милостивый государь, одинъ изъ духовныхъ обрядовъ, который сію истину неоспоримо докажетъ. Городъ Э (Aix) есть главный въ Провансѣ. Парламентъ и всѣ луч-

шіе люди сей провинціи имѣютъ въ немъ свое пребываніе; слѣдственно должно быть въ немъ и просвѣщенія больше, нежели въ другихъ городахъ низшаго класса. Не взирая на сіе, вотъ какимъ образомъ ежегодно отправляется въ Э праздникъ, называемый *Fête Dieu*. Торжество состоитъ въ процессіи, въ которой Святыя Тайны носимы бываютъ по городу въ препровожденіи всего народа. Знатнѣйшія особы наряжены всѣ въ маскарадное платье. Одинъ представляетъ Пилата, другой Каіафу, и такъ далѣе. Дамы и дѣвицы благородныя наряжены Мироносицами и прочими святыми, а прекраснѣйшая представляетъ Богородицу. Мѣщанство все наряжено чертями: почетнѣйшій Вельзевуломъ, а прочіе по степенямъ своихъ достоинствъ. Всѣ сіи черти идутъ предъ тѣломъ Христовымъ съ превеликимъ ревомъ и пятятся назадъ, будто бы сила Святыхъ Таинъ отъ себя ихъ отгоняетъ. За нѣсколько дней предъ церемоніею раздѣленіе ролей производитъ многія тяжбы, особливо между мѣщанствомъ. Часто приходитъ предъ судъ тотъ, у кого ролю отнимаютъ, и доказываетъ свою претензію тѣмъ, что отецъ его былъ дьяволъ, дѣдъ дьяволъ и что онъ безвинно теряетъ званіе своихъ предковъ. Во всѣхъ прочихъ французскихъ городахъ, не исключая самаго Парижа, есть множество подобныхъ сему дурачествъ, служащихъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что народъ ихъ пресмыкается во мракѣ глубочайшаго невѣжества.

Въ разсужденіи злоупотребленія духовной власти я увѣренъ, что Франція несравненно несчастнѣе всѣхъ прочихъ государствъ. Правда, что невѣжество поповъ дѣлаетъ часто поношеніе всей націи; но изъ сихъ двухъ крайностей я лучше видѣть хочу поповъ-невѣждъ, нежели тирановъ. Сила духовенства во Франціи такова, что знатнѣйшіе не боятся потерять ее никакимъ соблазномъ. Прелаты публично имѣютъ на содержаніи дѣвокъ и нѣтъ позорнѣе той жизни, какую ведутъ французскіе аббаты.

Разсматривая состояніе французской націи, научился я различать вольность по праву отъ дѣйствительной вольности. Нашъ народъ не имѣетъ первой, но послѣднею во многомъ наслаждается. Напротивъ того французы, имѣя право вольности, живутъ въ сущемъ рабствѣ. Король, будучи ограниченъ законами, имѣетъ въ рукахъ всю силу попирать законы. *Les lettres de cachet* суть именные указы,

которыми король посылаетъ въ ссылки и сажаетъ въ тюрьму, которымъ никто не смѣетъ спросить причины и которые весьма легко достаются у государя обманомъ, что̀ доказываютъ тысячи примѣровъ. Каждый министръ есть деспотъ въ своемъ департаментѣ. Фавориты его дѣлятъ съ нимъ самовластіе и своимъ фаворитамъ удѣляютъ. Что̀ видѣлъ я въ другихъ мѣстахъ, видѣлъ и во Франціи. Кажется, будто всѣ люди на то сотворены, чтобъ каждый былъ или тиранъ, или жертва. Неправосудіе во Франціи тѣмъ жесточе, что происходитъ оно непосредственно отъ самого правительства и на всѣхъ простирается. Налоги, частые и тяжкіе, служатъ къ одному обогащенію ненасытимыхъ начальниковъ; никто, не подвергаясь бѣдѣ, не смѣетъ слова молвить противъ сихъ утѣсненій. Надобно тотчасъ выбрать одно изъ двухъ: или платить, или быть брошену въ тюрьму. C'est l'affaire du goût. Всякій дѣлаетъ что̀ хочетъ.

Народъ въ провинціяхъ еще несчастнѣе, нежели въ столицѣ. Судьба его зависитъ главнѣйше отъ интенданта; но что̀ есть интендантъ? Воръ, имѣющій полномочіе грабить провинцію безотчетно. Чѣмъ дороже стала ему у двора сія привиллегія, тѣмъ для народа тягостнѣе. Каждый изъ нихъ начинаетъ ремесло свое тѣмъ, что захватываетъ откупъ хлѣба, нужнѣйшаго для жизни произрастенія, и принуждаетъ черезъ то жителей покупать у него жизнь за ту цѣну, которую опредѣлить заблагоразсуждаетъ.

Франція вся на откупу. Невозможно выѣхать на нѣсколько шаговъ изъ Парижа, чтобъ, воротясь, не быть остановлену таможнею. Почти за все ввозимое въ городъ платится столько пошлины, сколько сама вещь сто́итъ. Изъ уваженія къ особѣ государя узаконено не сбирать пошлины въ томъ одномъ мѣстѣ, гдѣ его присутствіе; слѣдственно въ тотъ день, въ который коро́ль пріѣхалъ бы въ Парижъ, пошлина не должна собираться съ народа. Сіе причиною, что король, будучи нерѣдко у рѣшетки Парижа, въ него не въѣзжаетъ; онъ уже нѣсколько лѣтъ небылъ въ Парижѣ для того, что по контракту отдалъ его грабить государственнымъ ворамъ. Можно по всей справедливости сказать, что Версаль есть мѣсто, куда французскаго короля посылаютъ откупщики въ вѣчную ссылку.

Другой источникъ казенныхъ доходовъ во Франціи есть

продажа чиновъ и должностей—зло безмѣрное, вымышленное въ несчастныя времена, когда не было откуда взять денегъ на нужнѣйшіе государственные расходы. Сіе изобрѣтеніе, доставивъ на то время большую подмогу, понравилось правительству. Время протекло; чины благополучно продавались; иной не могъ, другой не хотѣлъ, третій не смѣлъ предупредить того зла, которое со временемъ необходимо долженствовало родиться отъ торговли сего рода. Мало по малу доходы отъ продажи чиновъ стали присвояться не къ своимъ назначеніямъ. Надлежало вымышлять вседневно на продажу новые чины, новыя должности; но и того не доставало. Надлежало усугубить налоги и нація нашлась въ положеніи бѣдственнѣйшемъ прежняго. Множество подлыхъ людей душею и происхожденіемъ покупали себѣ права и способы быть орудіями народныхъ утѣсненій. Довѣренность къ начальникамъ уступила мѣсто душевному къ нимъ презрѣнію; ибо къ пріобрѣтенію начальства однѣ деньги потребны стали. Нынѣ всѣ зловредныя слѣдствія продажи чиновъ терзаютъ государство и нѣтъ средства къ избавленію. Король не въ состояніи возвратить денегъ, взятыхъ за продажу, а не возвратя денегъ, нельзя отнять проданнаго. При послѣднемъ засѣданіи парламента сдѣланъ былъ планъ уничтоженію сей торговли; но тотъ планъ, изобрѣтенный впрочемъ коварствомъ и злобою, не могъ быть произведенъ въ дѣйство безъ потрясенія всего государства и опытъ доказалъ, что продажа чиновъ во Франціи есть зло нужное и ничѣмъ неотвратимое.

Не бывъ военнымъ человѣкомъ, не могу о французскихъ войскахъ подать вашему сіятельству идеи другимъ образомъ, какъ сообщивъ слышанныя мною разсужденія отъ безпристрастныхъ чужестранцевъ. Вообще говорятъ, что нѣтъ въ ихъ войскѣ души военной. Всякій солдатъ уиствуетъ, слѣдственно плохо повинуется. При мнѣ король смотрѣлъ свой полкъ. Всѣ чужестранные, между коими были изъ нашихъ генералъ-маіоръ князь Долгорукій, полковники Бибиковъ и Неранчичъ, не могли отъ смѣха удержаться, смотря на маневры. Я, не смысля ничего въ семъ искусствѣ, могъ примѣтить, что солдаты командировъ своихъ нимало не уважаютъ. Нѣсколько разъ полковникъ Marquis de Châtelet, подъѣзжая къ фронту, кричалъ: paix, messieurs! paix! je vous en prie; ибо сол-

даты, разговаривая одинъ съ другимъ о своихъ дѣлахъ, изо всей силы хохотали. Офицеры, по общему признанію, ниже понятія о должностяхъ своихъ не имѣютъ. Осмѣлюсь разсказать вашему сіятельству видѣнное мною въ Монпелье, чтобъ представить вамъ примѣръ ихъ военной дисциплины. Губернаторъ тамошній, графъ Перигоръ, имѣетъ въ театрѣ свою ложу. У дверей оной обыкновенно ставился часовой съ ружьемъ, изъ уваженія къ его особѣ. Въ одинъ разъ, когда ложа наполнена была лучшими людьми города, часовой, соскучивъ стоять на своемъ мѣстѣ, отошелъ отъ дверей, взялъ стулъ и, поставя его рядомъ со всѣми сидящими знатными особами, сѣлъ тутъ же смотрѣть комедію, держа въ рукахъ свое ружье. Подлѣ него сидѣлъ маіоръ его полка и кавалеръ Св. Людовика. Удивила меня дерзость солдата и молчаніе его командира, котораго взялъ я вольность спросить: для чего часовой такъ къ нему присосѣдился? C'est qu'il est curieux de voir la comédie, отвѣчалъ онъ съ такимъ видомъ, что ничего страннаго тутъ и не примѣчаетъ.

Тяжебныя дѣла во Франціи такъ же несчастны, какъ и у насъ, съ тою только разницею, что въ нашемъ отечествѣ издержки тяжущихся не столь безмѣрны. Правда, что у насъ и у нихъ всего чаще обвинена бываетъ сторона безпомощная; но во Франціи, прежде нежели у праваго отнять, надлежитъ еще много сдѣлать церемоній, которыя обѣимъ сторонамъ весьма убыточны. У насъ же по крайней мѣрѣ въ томъ преимущество, что дѣйствуютъ гораздо проворнѣе, и какъ скоро вступился какой нибудь полубояринъ, сродни фавориту, то въ самый тотъ часъ дѣло беретъ уже совсѣмъ другой оборотъ и приближается къ концу. Скажутъ мнѣ, что французы превосходятъ насъ въ гражданскихъ дѣлахъ краснорѣчіемъ и что ихъ стряпчіе великіе витіи, а наши безграмотны. Правда; но все сіе весьма хорошо для французскаго языка, а не для праваго дѣла. При безсовѣстныхъ судьяхъ Цицеронъ и Вахтинъ равные ораторы.

Полиція парижская славна въ Европѣ. Говорятъ, что полиціймейстеръ ихъ всевѣдущъ; что онъ, какъ невидимый духъ, присутствуетъ вездѣ, слышитъ всѣхъ бесѣды, видитъ всѣхъ дѣянія, и кромѣ однихъ помышленій человѣческихъ ничто отъ него не скрыто. Поздравляю его съ та-

кимъ преестественнымъ проницаніемъ; но при семъ небесномъ дарѣ желалъ бы я ему лучшаго обонянія; ибо на скотномъ дворѣ у нашего добраго помѣщика чистоты гораздо больше, нежели предъ самыми дворцами французскихъ королей. Въ разсужденіи дешевизны я инаго сказать не могу, какъ что въ весьма рѣдкихъ европейскихъ городахъ жизнь такъ безмѣрно дорога, какъ въ Парижѣ; за то и бѣдность въ немъ несказанная; и хотя нищимъ шататься запрещено, однако я нигдѣ столько ихъ не видывалъ. Впрочемъ, парижскіе купцы, какъ и вездѣ, стараются свой товаръ продать сколько можно дороже. Разница только та, что французы обманываютъ несравненно съ бо́льшимъ искусствомъ и не знаютъ въ обманахъ ни мѣры, ни стыда. Что же касается до безопасности въ Парижѣ, то я внутренно увѣренъ, что всевѣдѣніе полиціймейстера не весьма дѣйствительно и польза отъ полицейскихъ шпіоновъ отнюдь не соотвѣтствуетъ той ужасной суммѣ, которую полиція на нихъ употребляетъ. Грабятъ по улицамъ и рѣжутъ въ домахъ нерѣдко. Строгость законовъ не останавливаетъ злодѣяній, рождающихся во Франціи почти всегда отъ бѣдности; ибо, какъ я выше изъяснился, французы, по собственному побужденію сердецъ своихъ, нимало къ злодѣяніямъ неспособны и одна нищета влагаетъ у нихъ ножъ въ руку убійцы. Число мошенниковъ въ Парижѣ неисчетно. Сколько кавалеровъ Св. Людовика, которымъ, если не укравъ ничего выходятъ изъ дому, кажется, будто нѣчто свое въ домѣ томъ забыли! Словомъ, въ разсужденіи всѣхъ полицейскихъ предметовъ, парижская полиція кажется отъ возможнаго совершенства весьма еще далека. Напротивъ того вижу, что развращеніе ихъ нравовъ отнимаетъ почти всю силу у законовъ и самую ихъ строгость дѣлаетъ недѣйствительною.

Если что̀ во Франціи нашелъ я въ цвѣтущемъ состояніи, то конечно ихъ фабрики и мануфактуры. Нѣтъ въ свѣтѣ націи, которая бъ имѣла такой изобрѣтательный умъ, какъ французы въ художествахъ и ремеслахъ, до вкуса касающихся. Я хаживалъ къ *marchandes des modes*, какъ къ артистамъ, и смотрѣлъ на уборы и наряды, какъ на прекрасныя картины. Сіе дарованіе природы послужило много къ повреженію ихъ нравовъ. Моды вседневно перемѣняются: всякая женщина хочетъ наряжена быть по

послѣдней модѣ; мужья пришли въ несостояніе давать довольно денегъ женамъ на уборы; жены стали промышлять деньги, не безпокоя мужей своихъ, и Франція сдѣлалась въ одно время моделью вкуса и соблазномъ нравовъ для всей Европы. Нынѣшняя королева (*) страстно любитъ наряжаться. Прошлаго года послала она свой портретъ къ матери, въ которомъ велѣла написать себя наряженною по самой послѣдней модѣ. Императрица (**) возвратила сей портретъ при письмѣ, въ которомъ между прочимъ сіи строчки находились: «Vos ordres ont été mal exécutés; au lieu de la Reine de France que je m'attendais à admirer dans votre envoi, je n'ai trouvé que la ressemblance et les entours d'une actrice d'Opéra. Il faut, qu'on se soit trompé(***).» Королева смутилась было симъ отвѣтомъ; но придворные скоро ей растолковали, что гнѣвъ ея матери происходитъ не отъ чего другаго, какъ отъ ея старости, отъ ея набожности и отъ худаго вкуса вѣнскаго двора.

Я перешелъ уже предѣлы письма. Чувствую, что чтеніе, столь длинное, должно обременить ваше сіятельство и для того предоставляю себѣ дополнить вамъ, милостивый государь, изустно все то, о чемъ здѣсь не могъ упомянуть. Въ Петербургѣ считаю быть въ концѣ будущаго мѣсяца, или въ началѣ ноября, а по первому пути пріѣду на нѣсколько недѣль въ Москву. Ласкаюсь счастіемъ, что ваше сіятельство въ совершенномъ здоровьѣ и повторяю всегдашнія мои увѣренія о глубочайшемъ почтеніи и совершенной преданности, съ которыми навсегда имѣю честь быть вашъ и проч.

3) Изъ втораго путешествія.

XLV.

Римъ, апрѣля, 1785 года.

Состояніе здоровья моего такъ поправилось, что я могъ въ страстную и святую недѣли не пропускать ни одной

(*) Марія Антуанетта (1755—1793).

(**) Марія Терезія (1717—1780).

(***) *Переводъ.* Ваше приказаніе худо исполнено: вмѣсто французской королевы, которую я надѣялась увидѣть на присланномъ портретѣ, я нашла въ немъ сходство съ оперною актрисою. Должно быть тутъ вышла ошибка.

функціи (службы). Изъ нихъ многія весьма замѣчательны, а другія походятъ совершенно на комедію, составленную для простаго народа. Изъ Рима интереснѣйшаго увѣдомленія вашему сіятельству дѣлать мнѣ не о чемъ, какъ о сихъ церемоніяхъ, для смотрѣнія коихъ повсегодно Римъ наполненъ чужестранными. Въ нынѣшнемъ году столько ихъ сюда съѣхалось, что почти жить негдѣ и всякій доволенъ только найти квартиру, не заботясь, хороша ли она, или дурна. Герцогъ курляндскій (*) живетъ въ домѣ не лучше моего.

Служеніе папы тѣмъ великолѣпнѣе, что ему самому служитъ знатнѣйшій римскій чинъ. Онъ окруженъ кардиналами, кои одѣваютъ и раздѣваютъ его словомъ, онъ въ церкви обожаемъ, и кажется въ такихъ случаяхъ оказывается ему почтенія больше, нежели и тому, кому онъ служитъ; ибо, освятя Св. Дары, становится онъ на своемъ тронѣ; кардиналъ къ нему приноситъ причастіе, а онъ на встрѣчу причастія ни шагу съ престола своего не дѣлаетъ.

Вербное воскресенье есть первый день духовной церемоніи. Поутру въ девять часовъ въ Сикстовой церкви папа(**) роздалъ вербы кардиналамъ, съ которыми около церкви была процессія. Потомъ одинъ изъ кардиналовъ служилъ обѣдню. Музыка была вокальная, потому что инструментальной при самомъ папѣ не бываетъ. Въ сей день въ церкви Св. Петра всѣ образа закрываютъ черными занавѣсами, что дѣлаетъ видъ печальный, и кажется, что красота храма помрачается съ наступленіемъ дней плачевныхъ.

Въ понедѣльникъ и вторникъ страстной недѣ и не было ничего примѣчательнаго; но въ среду послѣ обѣда была функція въ Сикстовой церкви. Папа не присутствовалъ; одинъ кардиналъ и знатное духовенство сидѣли на своихъ мѣстахъ. Служба началась плачемъ Іереміинымъ. Одинъ голосъ болѣе читалъ, нежели пѣлъ; но сіе заунывное чтеніе продолжалось слишкомъ долго и подлинно на плачъ походило. Потомъ одинъ за другимъ въ три голоса читали страстное евангеліе; образъ чтенія мнѣ весьма понравился: у всѣхъ голоса прекрасные. Одинъ читалъ слова Хри-

(*) Петръ Бирона преемникъ знаменитаго временщика.
(**) Пій VI (1716—1799) былъ папою съ 1774 г.

стовы, другой того, съ кѣмъ онъ бесѣдовалъ, а третій историческую часть евангелія; народныя же рѣчи пѣлъ весь хоръ. Сіе чтеніе подходитъ близко къ пѣнію и хотя всякое слово выговаривается, но тономъ весьма жалостнымъ и естественнымъ. Наконецъ погасили въ церкви всѣ свѣчи; сдѣлалось глубочайшее молчаніе; всѣ стали на колѣни и пѣвчіе начали пѣть славный miserere, сочиненіе Аллегріево. Ничего въ свѣтѣ я не знаю, что̀ бъ душу такъ тронуло, какъ сіе пѣніе. Музыка столь проста, что тѣ, кои видятъ ее написанною на бумагѣ, удивляются, откуда можетъ произойти неизреченная красота ея. Приписываютъ ее нѣкоторому особливому мастерству такихъ нѣвцовъ, кои издревле спѣлись такъ, что нѣтъ въ свѣтѣ капели, которая бы сію музыку такъ пропѣть могла. У нихъ есть нѣкоторыя выраженія и украшенія, которыя превеликое дѣйствіе производятъ; напримѣръ, они умѣютъ вдругъ усилить и ослабить тонъ, ускорить или продлить въ нѣкоторыхъ словахъ такты, одну строфу поютъ скорѣе, нежели другую и проч. И дѣйствительно, въ Вѣнѣ сія самая музыка никакого дѣйствія не имѣла. Я самъ въ Петербургѣ ее два раза слышалъ и не нашелъ съ здѣшнею ниже подобія. Вечеромъ смотрѣлъ я церемонію въ trinita di pelerini. Въ превеликой залѣ поставлены возлѣ стѣнъ возвышенныя лавки, на которыхъ посажены были больные нищіе. Нѣсколько кардиналовъ и знатнаго духовенства умывали имъ ноги, обрѣзывали ногти, перевязывали больнымъ раны и наконецъ, поцаловавъ ноги, давали имъ милостыню. Между тѣмъ какъ сіе происходило, въ другой такой же залѣ былъ ужинъ для нищихъ, коимъ служили тринадцать кардиналовъ, съ помощію духовенства. Въ третьей залѣ нищія женскаго пола ужинали, имѣя услугу отъ здѣшнихъ принцессъ и другихъ знатныхъ дамъ.

Четвергъ былъ день весьма тягостный для чужестранцевъ. Надлежало съ утра до вечера быть на ногахъ. Въ восемь часовъ по утру была обѣдня въ присутствіи папы въ Chapelle Sixtine, изъ которой потомъ онъ вынесъ Святыя Тайны въ Chapelle Pauline съ большою церемоніею. Потомъ папа изъ средняго окна, или ложи Святаго Петра, показался стоящему на площади народу; сперва произнесъ онъ проклятіе намъ грѣшнымъ, то есть всѣмъ, не признающимъ его вѣру за правую; а потомъ далъ народу бла-

гословеніе. Сей церемоніи помѣшала дождливая погода и площадь была довольно просторна. Потомъ было омовеніе ногъ тринадцати пилигримамъ, отправленное самимъ папою. Онъ мылъ сперва ногу, потомъ, поцаловавъ ее, подавалъ полотенце, милостыню, или дарилъ пилигриму на сей случай сдѣланную картину. По окончаніи сей церемоніи смотрѣли мы обѣдъ тѣхъ же самыхъ пилигримовъ, которымъ служилъ папа съ великимъ смиреніемъ. Послѣ обѣда была та же служба, что и въ среду, въ Сикстовой церкви, но въ присутствіи папы. Miserere было другаго автора, весьма хорошаго, но далеко отъ перваго. Оттуда ѣздили мы во всѣ лучшія церкви смотрѣть плащаницы, изъ которыхъ одна другой была великолѣпнѣе. Часу въ девятомъ вечера мы были опять въ церкви Св. Петра. Сто лампадъ, обыкновенно день и ночь горящихъ предъ гробомъ Апостоловъ, равно какъ и всѣ свѣчи нарочно были погашены. Сей преогромный храмъ, обвѣшенный чернымъ, освѣщаемъ былъ однимъ повѣшеннымъ въ срединѣ церкви большимъ и великолѣпно иллюминованнымъ крестомъ въ знакъ того, что во время страдальческой Христовой кончины, церковь Его весь свой свѣтъ не могла заимствовать ни отъ чего инаго, какъ отъ единаго креста,—идея высокая и въ христіанскомъ законѣ истинная! Народу въ церкви было премножество; во всѣхъ приличныхъ мѣстахъ сидѣли живописцы и рисовали архитектурныя перспективы, происходящія отъ сего освѣщенія.

Въ пятницу по утру отправляема была кардиналомъ обѣдня въ присутствіи папы, послѣ которой онъ босыми ногами подошелъ ко кресту и, упавъ предъ нимъ на землю, къ нему приложился, ибо крестъ положенъ былъ на полъ; кардиналы и духовенство сдѣлали то же. Послѣ обѣда была обыкновенная вечерня съ первымъ miserere; а оттуда папа ходилъ въ церковь Святаго Петра, гдѣ, какъ вчера, одинъ крестъ освѣщалъ всю церковь. Папа сталъ со всѣмъ народомъ на колѣни, а одинъ изъ кардиналовъ вынесъ на высокій балконъ часть истиннаго креста, истинный нерукотворенный образъ и копье, коимъ ребро Христово было уязвлено воиномъ. Все сіе обожаемо было съ прежнимъ благоговѣніемъ. Наконецъ папа отошелъ и тѣмъ сей вечеръ кончился.

4) Изъ С.-Петербурга.

XLVI.

Бывъ не въ состояніи ѣхать въ Невскій въ самый день памяти покойнаго графа (*), исполнилъ я сей долгъ на другой день и видѣлъ монументъ. Долженъ сказать правду вашему сіятельству, что за ту сумму, чего онъ вамъ стоитъ, можно бы въ Италіи сдѣлать гораздо лучше; ибо тутъ мастеръ весьма не ясно изобразилъ свою идею. По сторонамъ бюста поставилъ онъ двѣ фигуры, но что чрезъ ихъ сказать хотѣлъ, того усмотрѣть невозможно, да и фигуры коротки и худо драпированы. Словомъ, сей монументъ сравнивать не льзя съ тѣми, кои въ Италіи видалъ я надъ тѣлами людей партикулярныхъ.

Здѣшняя полиція воспретила печатаніе Стародума (**), итакъ я не виноватъ, если онъ въ публику не выйдетъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, м. г., вашего сіятельства всепокорнѣйшій и нижайшій слуга Денисъ Фонъ-Визинъ.

4 апрѣля 1788 года. С.-Петербургъ.

VIII. ПИСЬМА

КЪ ИВАНУ ПЕРФИЛЬЕВИЧУ ЕЛАГИНУ.

I.

Москва (1769).

Семь недѣль остается мнѣ до сроку и я нарочно заранѣе принялъ смѣлость всенижайше просить ваше превосходительство объ отсрочкѣ мнѣ еще на полгода для слѣдующихъ причинъ: 1) Я время мое провожу здѣсь весьма полезно, въ разсужденіи извѣстнаго вамъ моего состоянія; перевелъ Іосифа, за который возьму 200 руб.; напечаталъ Сиднея(***); пишу стихи; дописалъ почти свою комедію(†), чему

(*) Никиты Ивановича Панина.

(**) Журналъ, задуманный Фонъ-Визинымъ. См. выше стр. 227.

(***) *Іосифъ* и *Сидней и Силли* напечатаны въ 1769 г.

(†) Рѣчь идетъ не о *Бригадирѣ*, написанномъ гораздо ранѣе, а можетъ быть о какой нибудь утраченной комедіи или объ одной изъ тѣхъ, отрывки изъ которыхъ напечатаны выше на стр. 124—127.

свидѣтель отъѣзжающій отсюда С. Г. Домашневъ (*), который все то читалъ, о чемъ я имѣю честь доносить вашему превосходительству. 2) Всѣ братья мои въ Петербургѣ и если вы не сдѣлаете со мною милости и мнѣ не отсрочите, то отецъ и мать мои, имѣвъ четырехъ сыновъ, не будутъ при старости своей имѣть того утѣшенія, чтобъ видѣть хотя одного изъ нихъ. Сколь они желаютъ еще моей отсрочки, то ваше превосходительство изволите усмотрѣть изъ приложеннаго здѣсь письма отъ отца моего. 3) Я съ прискорбіемъ вижу, что, пріѣхавъ въ Петербургъ, не буду имѣть ни малѣйшаго случая заслужить сколько нибудь тѣ деньги, которыя я изъ казны брать буду. Дѣла производитъ г. *секретарь*, а я развѣ для риемы буду только *тварь*. Я знаю, что все, кромѣ Создателя, тварь есть; но представьте, милостивый государь, кому хочется быть такою тварью, которая создана для того только, чтобъ служить риемою другой? Ваше превосходительство изволите сами знать, что я для милліона резоновъ съ г. Л. (**) быть вмѣстѣ не могу; ибо кто не желаетъ остатки дней своихъ провести спокойно? 4) Съ Веверомъ (***) дѣлаю я весьма прочный договоръ, который состояніе мое неотмѣнно поправитъ и который будетъ всесовершенно разрушенъ, если я получу повелѣніе ѣхать отсюда. Братъ мой будетъ имѣть честь вручить вашему превосходительству сіе письмо. Сдѣлайте со мною милость, прикажите ему отписать ко мнѣ ваше соизволеніе, чтобъ могъ я заранѣе такъ расположить дѣла мои и чтобъ не вступилъ я здѣсь съ Веверомъ въ обязательство, если ваше превосходительство пріѣздъ мой на срокъ изволите считать необходимымъ для моей фортуны; ибо я твердо увѣренъ, что вы не иначе прикажете мнѣ оставить здѣшнія дѣла мои и ѣхать къ вамъ, какъ развѣ для того, чтобъ какимъ нибудь другимъ и вѣрнымъ спо-

(*) Сергѣй Герасимовичъ Домашневъ, въ то время камеръ-юнкеръ, былъ съ 1775 по 1783 г. Директоромъ Академіи Наукъ; ум. въ 1796 г.

(**) Владиміръ Игнатьевичъ Лукинъ былъ секретаремъ при И. П. Елагинѣ, по его званію кабинетъ-министра. Въ помощь Лукину былъ Д. И. Фонъ-Визинъ. Лукинъ занималъ должность секретаря до 1775 г., а въ этомъ году Елагинъ сдѣлалъ его членомъ Главной Дворцовой Канцеляріи, которою тогда управлялъ. Здѣсь Лукинъ дослужился до чина дѣйств. ст. совѣтника. Онъ перевелъ и передѣлалъ съ французскаго нѣсколько комедій, которыя и были изданы въ 2 книгахъ въ 1765 г.

(***) Московскій книгопродавецъ.

собомъ поправились обстоятельства мои въ разсужденіи чина и жалованья, безъ чего, какъ и вашему превосходительству извѣстно, долженъ я буду остаться на прежнемъ основаніи, на которомъ быть не могу никакимъ образомъ (*).

Сколь ни рѣдко пишу я къ вашему превосходительству, но боюсь, не часто ли и то безпокою я васъ вздорными моими письмами, а паче моею философіею. Я знаю, что вы, милостивый государь, упражняетесь въ дѣлахъ важныхъ, а я иногда беру смѣлость писать шутку; слѣдственно долженъ я всегда опасаться, чтобъ шутка моя не пришла не кстати. И кто можетъ меня въ томъ увѣрить, что я еще не забытъ вами? Для человѣка, занятаго дѣлами, полгода довольно времени забыть и цѣлую сотню людей, не только одного человѣка; но для меня мало цѣлаго моего вѣка къ тому, чтобъ сердце мое перемѣнилось въ разсужденіи истинной къ вамъ преданности. Она кончится съ жизнію моею.

II.

Москва (1769).

Приложенную при семъ оду поручилъ мнѣ авторъ оныя переслать къ вашему превосходительству. Я, съ моей стороны, въ праздные часы мои (которыхъ въ сутки бываетъ у меня 24), пишу стихи, которые стоятъ мнѣ не только неизреченнаго труда, но и головной болѣзни, такъ что лекарь мой предписалъ мнѣ, въ діетѣ, отнюдь не пить англійскаго пива и не писать стиховъ; ибо какъ то, такъ и другое кровь заставляетъ бить вверхъ. Всѣ медики единогласно утверждаютъ, что стихотворецъ паче всѣхъ людей на свѣтѣ долженъ апоплексіи опасаться. Бѣдная жизнь, тяжкая работа и скоропостижная смерть—вотъ чѣмъ піитъ отъ прочихъ тварей отличается!

Комедія моя, если ваше превосходительство прикажете мнѣ ѣхать, привезена будетъ со мною; а ежели милость ваша столь велика для меня будетъ, что я еще на полгода здѣсь останусь, то, переписавъ чисто, буду имѣть честь переслать оную къ вашему превосходительству. Я конечно

(*) Ср. ниже письма съ отцу отъ 22 іюля и 11 сентября 1768 г. Замысливъ непремѣнно перейти отъ Елагина, Ф. Визинъ вѣроятно уѣхалъ въ Москву и тянулъ отпускъ до перехода своего къ Панину, въ декабрѣ 1769 г.; тогда же онъ былъ произведенъ и въ надворные совѣтники.

увѣренъ, что если она вамъ не понравится, то вы не припишите сіе моему нерачению, а положите вину на слабость силъ моихъ. Нынѣ же, видно, не такъ легко избѣжать критики, какъ прежде. Я читалъ, не знаю, на какого-то Александра Васильевича преужасную сатиру. Комедія мнѣ неизвѣстна и я не знаю кто авторъ, но опасаюсь подверженъ быть его горестной участи; и для того, милостивый государь, не хочу видѣть мою комедію представленною прежде, нежели вы мнѣ самую истину о ней сказать изволите, то есть, прикажете выключить то, что̀ вамъ не нравится, и прибавить то, что̀ вамъ угодно. Ваша критика мнѣ необходима; да вы же сами изволите видѣть, что нѣтъ во мнѣ смѣшной гордости тѣхъ, кои сами на себя и на свое искусство надѣясь, считаютъ себя равными съ Мольеромъ, или на худой конецъ съ Детушемъ.

Позвольте, милостивый государь, повторить мнѣ еще нижайшую просьбу объ отсрочкѣ моей, которая въ настоящемъ состояніи моемъ необходима, развѣ ваше превосходительство другимъ какимъ вѣрнымъ способомъ оное поправить изволите, продолжая ко мнѣ ваше покровительство, которому навсегда себя препоручая, имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ, и проч.

IX. ПИСЬМА КЪ РОДНЫМЪ (*).

1) Изъ С.-Петербурга.

I.

à ma soeur. Ce 10 Août (1763).

Полученное отъ 4 августа письмецо служило мнѣ къ великому неудовольствію и огорченію. Съ чего вы вздумали обвинять меня политикою, которую я ненавижу? Съ чего увѣряете меня о своей искренности, подозрѣвая меня въ моей? Боже мой! Вотъ то, чего бъ я никогда не думалъ! Я очень радъ принимать отъ васъ наставленія, зная, что они идутъ отъ такаго человѣка, котораго я люблю больше какъ себя. Не думай, чтобъ это только перо пи-

(*) Подъ этою рубрикою соединены письма Д. И. Фонъ-Визина къ отцу, матери, къ сестрѣ Ѳедосьѣ Ивановнѣ, и къ ея мужу В. А. Аргамакову.

сало: истинно, сердце водитъ перомъ моимъ; да мнѣ кажется, и посыланныя потомъ уже къ тебѣ письма довольно доказали.

Я не лгу, что здѣсь знакомства еще не сдѣлалъ. Съ кадетскимъ корпусомъ не очень обхожусь за тѣмъ, что тамъ большая часть солдаты; а съ академіей за тѣмъ, что тамъ большая часть педанты; однако съ послѣдними я почти и никакъ незнакомъ; вотъ что меня оправдаетъ. Да сверхъ того, слово *знакомство*, можетъ быть, вы не такъ разумѣете. Я хочу, чтобъ оное было основаніемъ ou de l'amitié ou de l'amour; однако этого желанія, по несчастію, не достигаю и ниже тѣни къ исполненію имѣю. Разсуди, не скучно ль такъ жить тому, кто имѣетъ чувствительное сердце!

Dans ma dernière lettre j'ai vous écris que j'ai déjà fait la connaissance avec la maison Pugowichnicoff(*). Но я намѣренъ совсѣмъ нынѣ то оставить, потому что обстоятельства не сходятся, чему я и радъ; а то бы могло имѣть можетъ быть неполезное для меня слѣдствіе.

Я намѣренъ все то, что здѣсь ни вижу, ни предпринимаю, и, однимъ словомъ, о всемъ, что я ни чувствую, къ тебѣ писать. Вотъ знакъ моей искренности и нелицемѣрства.

Во первыхъ, я сказываю тебѣ, что до сихъ поръ не найду еще я предмета, который бы меня интересовалъ; а это самое дѣлаетъ то, что не найду здѣсь никакаго и удовольствія. Безъ того то жизнь скучна, а скуку возобновляетъ воспоминаніе, что я разлученъ съ моими ближними и съ тобою, любезная сестрица. Я знаю, что ты мнѣ другъ и, можетъ быть, одного я и имѣть буду, котораго бы я столь много любилъ и почиталъ. Истинно, я бы показалъ тебѣ, что я теперь чувствую; въ сію минуту чувствую я то, что горячность и сердечная нѣжность произвесть можетъ. Если мысли твои со мною одинаки, то пиши ко мнѣ то же, увѣряй меня, что я не ошибаюсь, и храни то, что я навѣкъ хранить буду.

Теперь, перемѣня матерію, которую всю жизнь мою продолжать готовъ, хочу написать я то, что со мною случилося.

(*) Тайный сов. Иванъ Осиповичъ Пуговишниковъ былъ членомъ Иностранной Коллегіи. Въ Москвѣ служилъ въ конюшенной конторѣ его братъ надв. сов. Алексѣй Осиповичъ.

Въ субботу не ходилъ я въ коллегію за тѣмъ, что чирей сдѣлался на щекѣ. Князь Ѳ. А. Козловскій (*) ко мнѣ тогда пріѣхалъ, и, не смотря на то, возилъ меня въ академію, гдѣ я купилъ *Скаррона* (**), котораго на сихъ дняхъ къ тебѣ перешлю. Не знаю, каковъ тебѣ покажется, а Скарронъ почитается преславнымъ шутомъ. Князь у меня обѣдалъ, и послѣ обѣда возилъ меня къ Михаилу Васильевичу Приклонскому (***). Онъ и жена его безмѣрно меня обласкали, и мы всѣ ѣздили прогуливаться въ Екатерингофъ, а оттуда пріѣхавъ, ужинали у Михаила Васильевича.

Сегодня былъ у князя А. М. (†), однако не засталъ. Въ восьмомъ часу выѣхалъ, вѣрно прогуливаться. Оттуда проѣхалъ обѣдать къ Николаю Захарьевичу. Отъ него былъ у князя Ѳ. А. и потомъ въ кадетскомъ саду. Народу было великое множество. Его высочество самъ присутствовать изволилъ. Теперь 10-й часъ. Я изъ сада пріѣхалъ и получа черезъ коллегію отъ васъ письма симъ отвѣтствую, а завтра отдамъ Дедекину для пересылки.

Комиссіи ваши всѣ исправлять я съ радостью готовъ. Только «Путь тирана», я думаю, не пойдетъ. Здѣсь еще гаже московскаго. Карита (††) и теперь еще не подписана. Все переходитъ изъ рукъ въ руки членовъ кадетскаго корпуса для подписанія.

(*) Кн. Ѳедоръ Алексѣевичъ Козловскій, бывшій воспитанникъ московскаго унив. и потомъ преображенскій офицеръ, погибъ въ чесменскомъ бою (въ іюлѣ 1770 г.). Онъ перевелъ нѣсколько комедій и написалъ одну оригинальную *Одолжавшій любовник*, а также нѣсколько пѣсенъ, эклогъ, элегій и др. мелкихъ стихотвореній. Въ слѣдующихъ письмахъ онъ обозначенъ буквами *Ѳ. А.*

(**) Шутливая повѣсть, соч. *Скаррона*. Пер. съ нѣм. Василій Тепловъ. Спб. Въ тип. Акад. Наукъ. 1763.

(***) М. В. Приклонскій тогда служилъ коллежскимъ совѣтникомъ въ герольдмейстерской конторѣ, а впослѣдствіи былъ директоромъ московскаго университета. Братъ его, Иванъ Васил., былъ ассесоромъ въ мануфактуръ-коллегіи, въ Москвѣ.

(†) Кн. Александръ Михайловичъ Голицынъ (1723—1807) былъ вицеканцлеромъ при гр. М. Л. Воронцовѣ и гр. Н. И. Панинѣ, съ 1762 по 1776 г. Онъ опредѣлилъ Фонъ-Визина на службу въ иностранную коллегію. Въ слѣдующихъ письмахъ буквами *А. М.* означается кн. Александръ Михайловичъ Голицынъ, а *М. М.* его братъ Михаилъ Михайловичъ.

(††) *Любовь Кариты и Полидора*, романъ Бартелеми, переведенный Фонъ-Визинымъ, напечатанъ въ концѣ 1763 г. О немъ же онъ упоминаетъ ниже.

P. S. Я чуть было не забылъ спросить тебя: видѣла ль ты Петра Панкратьевича (*) въ анненской лентѣ, которая ему отсюда послана.

Государыня вчера и сегодня не изволила быть въ городѣ, а въ Стрѣлинѣ мызѣ и для того сегодня ни по утру съѣзда, ни куртага не было (**).

О братѣ (***) доношу, что онъ вчера пошелъ на караулъ и пробудетъ до вторника. Завтра съ нимъ увижуся; а онъ здоровъ и по нѣмецкой почтѣ писать будетъ.

Я удивляюся, что ты мнѣ о Москвѣ ничего не пишешь. Изъ посторонних уже писемъ вижу я, что тамъ нынѣ ѣздятъ верхомъ прекрасныя амазонки, которыя гораздо опаснѣе скиѳскихъ: тѣ оружіемъ, а московскія взорами дѣлаютъ плѣнниковъ.

Изъ другихъ-же писемъ знаю, что у васъ были такіе-же дожди, какъ и у насъ, и что августъ начался изрядно. Слѣдовательно, въ саду и на горахъ гульбища возобновятся, о которыхъ прошу отписать, исполняя данное вами мнѣ слово—увѣдомлять меня о всемъ.

Je vous embrasse, ma chère soeur! Adieu. Ne montrez-vous pas mes lettres à mes parens.

Сестрицѣ Аннѣ Ивановнѣ покорно благодарствую за приписаніе, да и всѣмъ братцамъ и сестрицамъ прошу сказать поклонъ.

NB. Мы топимъ поварню щенками. Такъ, кажется, дворецкій ихъ на счетъ не поставитъ.

II.

Милостивый государь батюшка Иванъ Андреевичъ и милостивая государыня матушка Катерина Васильевна.

Отъ 7-го августа милостивое письмо ваше я получилъ и при отправленномъ отъ васъ на ямской почтѣ къ князю А. М. приложенное письмо вчерась же еще отдалъ, а братецъ графу еще не отдавалъ. Вчера въ 5-мъ часу пошелъ онъ на ученье. Тамъ обѣдалъ у дядюшки Николая Алексѣ-

(*) Сумароковъ, отецъ извѣстнаго писателя. Онъ служилъ при императрицѣ Елизаветѣ, а при императорѣ Петрѣ III былъ уволенъ съ чиномъ дѣйств. тайнаго совѣтника.

(**) Оба дня императрица пробыла въ Стрѣльнѣ и отсюда 10 авг., въ воскресенье, ѣздила въ Сергіи, на освященіе церкви.

(***) Павелъ Ивановичъ. Онъ служилъ въ семеновскомъ полку.

евича (*) и ночевалъ, за тѣмъ что сего дня строй у нихъ рано будетъ. Итакъ я не думаю, чтобъ онъ сегодня могъ къ вамъ приписать; однако какъ онъ, такъ и я, слава Богу, здоровы. Ежели же пріѣдетъ съ ученья рано и до отправленія моего письма по почтѣ, то и онъ конечно писать будетъ.

Хотя можетъ быть вы, пріѣхавъ изъ Денежникова, писать къ намъ и не изволили, однако я пошлю отыскивать. Мнѣ истинно только тѣ дни и милы, когда приходитъ сюда изъ Москвы почта; да и я, кажется, ни одной почты не пропускалъ писать къ вамъ, такъ какъ вы приказывать изволили.

Анна Ивановна Приклонская (**) приказала вамъ, матушка, и сестрицѣ написать свое почтеніе. Я къ нимъ часто ѣзжу и они меня очень ласкаютъ.

За тѣмъ, прося родительскаго благословенія, остаюсь всепокорнѣйшій сынъ вашъ Д. Фонъ-Визинъ.

14 августа 1763.

Милостивой государынѣ тетушкѣ Аннѣ Васильевнѣ мое почтеніе, и братцу поклонъ.

Милостивому государю дядюшкѣ Матвѣю Васильевичу и милостивой государынѣ тетушкѣ Аннѣ Ивановнѣ засвидѣтельствую нижайшее почтеніе (*). Государынямъ моимъ сестрицамъ и братцу приношу покорнѣйшій поклонъ.

Милостивому государю моему князю Михаилу Михаиловичу и милостивой государынѣ моей сестрицѣ княгинѣ Аннѣ Александровнѣ усердное почтеніе засвидѣтельствую. Государю моему князю Дмитрію Михаиловичу и государынѣ моей княжнѣ Катеринѣ Михаиловнѣ приношу нижайшій поклонъ(***).

(*) Дяди эти: Николай Алексѣевичъ въ Петербургѣ и Матвѣй Васильевичъ въ Москвѣ, съ теткою Анною Ивановною, не были-ли Дмитріевы—Мамоновы, изъ которыхъ Николай Алексѣевичъ въ то время служилъ капитаномъ въ *семеновскомъ полку*, а Матвѣй Васильевичъ, женатый на Аннѣ Ивановнѣ Бабарыкиной, былъ вице-президентомъ въ коллегіи экономіи (р. 1724 ум. 1810).

(**) Жена Михаила Васильевича.

(***) Это князья Голицыны, дѣти генералъ-адмирала кн. Мих. Мих. младшаго (1685—1764) и братья вице-канцлера. Генералъ-Лейтенантъ Мих. Мих. былъ женатъ на *Аннѣ Александровнѣ* Строгоновой, дочери барона Александра Григорьевича, женатаго на Еленѣ Васильевнѣ Дмитріевой-Мамоновой (сестрѣ указаннаго въ предыдущемъ примѣчаніи Матвѣя Васил.);

III.

Милостивый государь батюшка Иванъ Андреевичъ и милостивая государыня матушка Катерина Васильевна.

Отъ 28-го августа и 1-го сентября милостивыя ваши письма мы вчера получили, также и письма для вручения сенаторамъ съ записочками, кои я, какъ скоро штаты конфирмуются, конечно подамъ, потому что ранѣе, мнѣ кажется, было бъ безполезно.

Что же въ Москвѣ слышно, будто штаты уже апробованы, то дѣйствительно неправда. Здѣсь объ этомъ лучше знать можно, и хотя всѣ скоро того ожидаютъ, однако когда точно конфирмуются, неизвѣстно. А Михаилъ Васильевичъ (*) все то, о чемъ я его просить буду, конечно, сдѣлать не отречется.

Отъ 28-го числа по почтѣ отправленнаго письма мы отыскать не могли. Посылалъ Ваньку и реестръ читали, только ко мнѣ нѣтъ. А Яшка былъ на этихъ дняхъ очень боленъ, въ прежестокомъ жару. Я призывалъ лекаря и пускалъ ему кровь; теперь, слава Богу, легче. Да и Митька часто боленъ. Истинно, иногда не знаю, что дѣлать.

Сегодня хотя праздникъ, однако здѣсь въ коллегіи полное собраніе и я принужденъ остаться здѣсь очень долго. Дожидаюсь выѣзда министровъ; а между тѣмъ написалъ къ вамъ сіе письмо.

Впрочемъ остаюсь, прося родительскаго благословенія, всепокорнѣйшій сынъ вашъ Д. Фонъ-Визинъ.

8 сентября 1763.

P. S. Василій Алексѣевичъ Каръ приказалъ вамъ написать почтеніе. Онъ не больше пробудетъ здѣсь десяти сутокъ.

P. S. Милостивой государынѣ тетушкѣ Аннѣ Васильевнѣ приношу мое почтеніе и съ днемъ ангела поздравляю, и братцу поклонъ.

Князь Дмитрій Мих. умеръ въ 1771 г. Его не должно смѣшивать съ упоминавшимся въ письмахъ къ гр. П. И. Панину посланникомъ въ Вѣнѣ (1721—1796). Этотъ послѣдній былъ сынъ генералъ-фельдмаршала кн. Мих. Мих. старшаго (1675—1730) и братъ генералъ-фельдмаршала кн. Александра Михаиловича (1718—1793).

(*) Прилонскій.

P. S. Милостивому государю дядюшкѣ Матвѣю Васильевичу и милостивой государынѣ тетушкѣ Аннѣ Ивановнѣ засвидѣтельствую нижайшее почтеніе. Государынямъ моимъ сестрицамъ и братцу приношу покорнѣйшій поклонъ.

IV.

Милостивый государь батюшка Иванъ Андреевичъ и милостивая государыня матушка Катерина Васильевна.

Почта и теперь еще не бывала, а по ямской почтѣ, также и по нѣмецкой маленькое третьяго дня получили. Алексѣй Никитичъ (*) напрасно сказалъ вамъ, что я худъ. Мнѣ кажется, я все таковъ же, какъ и былъ. Правда, хотя здѣсь кажется мнѣ и скучнѣе московскаго, однако поневолѣ привыкаю и большую часть времени провождаю въ коллегіи.

Мы оба, слава Богу, здоровы. Сегодня былъ я у князя А. М., а отъ него посланъ былъ во дворецъ къ К. И. Шарогородской (**) и теперь только пріѣхалъ въ коллегію.

За тѣмъ, прося родительскаго благословенія, остаюсь всепокорнѣйшій сынъ вашъ Д. Фонъ-Визинъ.

18 сентября 1763.

Милостивой государынѣ тетушкѣ... (и пр., какъ въ письмѣ отъ 14 августа, до конца).

Приписка П. И. Фонъ-Визина: И я вамъ, милостивый государь батюшка Иванъ Андреевичъ и милостивая государыня матушка Катерина Васильевна, приношу нижайшій поклонъ и о себѣ донесу, что я, слава Богу, здоровъ. Остаюсь, прося родительскаго благословенія, всепокорнѣйшій сынъ вашъ П. Фонъ-Визинъ.

Милостивой государынѣ тетушкѣ.... (и пр., какъ въ письмѣ Д. И.).

(*) Вѣроятно князь Алексѣй Никитичъ Путятинъ, служившій прокуроромъ въ мануфактуръ-коллегіи, съ Иваномъ Васильевичемъ Приклонскимъ. О его же сестрахъ по всей вѣроятности Фонъ-Визинъ говоритъ въ письмѣ отъ 28-го января 1766 г.

(**) Катерина Ивановна Шаргородская камеръ-юнгфера Екатерины II, съ 1759 по 1765 г., была дочь бригадира Ивана Константиновича и внучка духовника императрицы Елизаветы Петровны, когда она была цесаревной, Константина Ѳедоровича Шаргородскаго. 28 іюня 1762 г., при слѣдованіи Екатерины II изъ Петергофа въ Петербургъ, Катерина Ивановна сидѣла съ нею въ каретѣ. По восшествіи Екатерины II на престолъ Шаргородская, въ числѣ прочихъ награжденныхъ императрицею, получила 10 тысячъ рублей.

V.

4 декабря (1763).

Вчера я былъ на куртагѣ и, не знаю-что, стало такъ мнѣ грустно, что я не дождавшись конца уѣхалъ и принялся къ тебѣ писать отвѣтъ на твои пѣни. Я его при семъ прилагаю. Прочтя его, ты увидишь, каковъ я былъ вчера дѣйствительно. Мнѣ вы всѣ изъ мыслей не выходили.

Правда, полученное мною письмо меня огорчило, а можетъ быть и ты сжалишься читавъ то, которое я къ тебѣ теперь посылаю. Пиши, каково оно тебѣ кажется.

Во вторникъ былъ я у И. П. (*) на часъ, а дѣло дано мнѣ было на домъ. Обѣдалъ у меня князь Ѳ. А., а послѣ обѣда пріѣхалъ князь Вяземскій, Dmitrewski (**) avec sa femme et une autre actrice, и, посидѣвъ, поѣхали всѣ во французскую комедію (***).

Въ понедѣльникъ обѣдалъ дома, а ввечеру до 4 heure j'étais au bal masqué chez Locat... (†)

Вчера былъ я по утру у И. П., обѣдалъ дома, а послѣ обѣда былъ у князя А. С. Козловскаго (††). Отъ него на куртагъ, а съ куртага пріѣхалъ домой смущенъ.

И. М. поѣхалъ сегодня въ Москву. Я отпустилъ съ нимъ 60 экземпл. Кариты. Пожалуй, матушка, пошли на Спасскій мостъ, къ переплетчикамъ, по рядамъ, въ академическую лавку, и продавай если все, то хотя бъ и за 20 руб., а порознь по 40 коп. Деньги какъ наискорѣе, Бога ради, присылай.

Ежели всѣ продадутся и покупаютъ охотно, я еще пришлю сколько надобно, хотя до пятисотъ; а здѣсь продаю я у переплетчика по полтинѣ.

(*) Ив. Перф. Елагинъ (1725—1796). И далѣе подъ буквами *И. П.* подразумѣвается онъ же.

(**) Ив. Аѳанасьевичъ Дмитревскій (1736—1797) извѣстный драматическій актеръ того времени. Онъ также написалъ нѣсколько пьесъ и мелкихъ стихотвореній.

(***) Въ оперномъ домѣ близъ тогдашняго деревяннаго зимняго дворца.

(†) Локателли, пріѣхавшій въ 1757 г. въ Петербургъ съ итальянскою оперною труппою, въ это время давалъ также публичные маскарады.

(††) Кн. Алексѣй Семеновичъ Козловскій, отецъ кн. Ѳ. А., генералъ-поручикъ и сенаторъ, былъ въ 1758—1763 г. оберъ-прокуроромъ св. синода.

Званъ я сегодня къ Бакунину (*), не знаю удастся ли. Во вторникъ, думаю, пошлю Сифа III часть (**). Я чаю, Веверъ бранитъ меня безъ милосердія.

Я здоровъ, ничего не думайте; а въ субботу званъ обѣдать къ графу Ѳ. Г. Орлову и ѣдемъ также кататься въ Сарское Село. Только вы меня очень застращали. Можетъ быть и откажу.

Къ Маркову(***) запечатай и пошли. Приложенное въ университетъ пошли.

Прости, сестрица. Пиши и ко мнѣ такъ же, какъ я къ тебѣ, то-есть много. Adieu.

Сестрицѣ Аннѣ Ивановнѣ почтеніе.

VI.

Отъ 13 декабря (1763).

Отъ 8 декабря сегодня получилъ и отвѣчаю тебѣ, сиди на постели и поставя передъ себя картонъ; только это очень неловко.

Просьбы твои, извиненія и однимъ словомъ все твое письмо почитаю истиннымъ знакомъ твоего ко мнѣ дружества. Напрасно думаешь ты, чтобъ я когда нибудь отъ тебя могъ что нибудь скрыть; а тебя прошу дѣйствительно быть сколько нибудь скромнѣе; напримѣръ, ты разсказала всѣмъ, что былъ у меня Дмитревскій съ женой; а батюшка изволитъ писать, что это предосудительно, хотя напротивъ того нѣтъ ничего невиннѣе, а и я къ тебѣ только для того то писалъ, чтобъ и вздора отъ тебя не скрывать. Я, получа то письмо, и дѣйствительно о такихъ мелочахъ не хотѣлъ

(*) Бакуниныхъ въ иностранной коллегіи было двое: оба Петры Васильевичи и оба постоянно въ однихъ чинахъ, но одинъ поступилъ въ военную службу въ 1738, а къ статскимъ дѣламъ въ 1743 г., другой-же—въ военную службѣ съ 1748, а у статскихъ дѣлъ съ 1752 г. Къ первому относится встрѣчающееся на стр. 224 указаніе на сотрудничество съ гр. Панинымъ; а знакомство Ф.-Визинъ велъ съ вторымъ и ему-же поручалъ впослѣдствіи свои домашнія дѣла, при отъѣздѣ за границу.

(**) «Геройская добродѣтель или жизнь Сифа, царя египетскаго», переводъ Ф.-Визина. Напечатано въ Москвѣ: 1-я ч. въ 1762 г., 2-я ч. въ 1763 г., 3-я ч. въ 1764 г., а 4-я въ 1768 г.

(***) Въ числѣ университетскихъ товарищей Фонъ-Визина былъ *Евграфъ Марковъ*. Переводы его печатались, вмѣстѣ съ переводами Фонъ-Визина, въ «Собраніи лучшихъ сочиненій» Рейхеля.

къ тебѣ врать, равно какъ и о подобныхъ простудахъ, о которой мнѣ къ вамъ наболтать удалось. Однако теперь, получа отъ тебя дозволеніе и увѣреніе, что тебѣ вѣдать всѣ мои обстоятельства пріятно, я конечно обо всемъ писать даю слово.

Сатиръ писать не буду; пожалуй будь въ томъ увѣрена, что я человѣкъ, не хвастая, могу сказать резонабельный. Ты меня привела въ резонъ, и я сдѣлалъ жертвоприношеніе Аполлону, сожегши ту въ печи (*).

Теперь шутить мыслей нѣтъ. Лишь только прочиталъ новую трагедію французскую *Троянки*. Слезы еще и теперь видны на глазахъ моихъ. Гекуба, лишающаяся дѣтей своихъ, возмутила духъ мой. Поликсена, ея дочь, умирая на гробѣ Ахиллесовомъ, поразила жалостію сердце мое; а отчаяніе Кассандры извлекло неволею изъ глазъ моихъ слезы. Однако плюнемъ на нихъ. Стихотворецъ подобенъ попу, которому, живучи на погостѣ, не всѣхъ оплакать. Я самъ горю желаніемъ писать трагедію, и рукой моей погибнутъ по крайней мѣрѣ съ полдюжины героевъ, а если разсержусь, то и ни одного живаго человѣка на театрѣ не оставлю.

Во вторникъ (и) въ середу всѣ дни пробылъ у И. П. — Дѣло было очень велико.

Въ четвергъ я писалъ къ тебѣ мало и послалъ двѣ оды, а вмѣсто третьей (которую теперь посылаю) не знаю что-то положилъ; пожалуй отпиши ко мнѣ. Я тогда спѣшилъ, да и сидѣли у меня Вяземскій и Аргамаковъ(**); а потомъ поѣхалъ къ М. В. Приклонскому; у него ужинали, а послѣ ужина былъ au bal masqué chez Locatel...

Въ пятницу, то-есть вчера, былъ весь день дома, а отъ скуки сидѣли у меня князь Ѳ. А. Козловскій да Dmitrewskoi.

Сегодня весь день дома и только провелъ день съ Аргамаковымъ. Онъ любезный человѣкъ, а служитъ въ конной гвардіи офицеромъ.—Теперь прочелъ трагедію и пишу сіе, а завтра продолжать буду.

Съ Sumar.(***) за что пораздорилъ—писать не стоитъ. Одна бестія, une fille d'un musicien меня съ нимъ поссорила. Elle

---

(*) Вѣроятно рѣчь идетъ о «Посланіи къ слугамъ».

(**) Василій Алексѣевичъ Аргамаковъ въ слѣдующемъ году женился на сестрѣ Д. И. Фонъ-Визина Ѳедосьѣ Ивановнѣ, къ которой писаны эти письма.

(***) Александръ Петровичъ Сумароковъ?

a lui raconté une petite histoire entre sa fille et moi, чего истинно не было; однако онъ, какъ человѣкъ самъ безумный, дурѣ повѣрилъ; только и та отъ меня не уверится. Вотъ я сколь чистосердеченъ и этотъ вздоръ отъ тебя не утаилъ.

Еще васъ прошу вѣрить, что я истинно всегда здоровъ. Дай Богъ, чтобъ я только скорѣй съ вами увидѣлся. Ахъ сестрица! я бъ семь десятокъ жизни за то отдалъ.

Жду обоза. Жду Корнелія. Жалѣю, что ты, не прочтя его сама, ко мнѣ посылаешь. О Каритѣ постарайся. Adieu.

Спать пора.

Завтра будетъ Синавъ при дворѣ (*).

Отъ 14 декабря (1763).

Я лишь сей минуты пріѣхалъ изъ трагедіи. Представлена была прекрасно; а малая комедія была *Слѣпой Зрячій*(**).

Поутру былъ я у князя А. М. Онъ посылалъ меня за дѣломъ къ Н. И. Панину и къ Шарогородской. Обѣдалъ у И. П.; отъ него былъ у М. В. Приклонскаго; оттуда въ трагедію.

Я и забылъ, что на прошлой почтѣ не писалъ я къ тебѣ журнала до четверга. Въ понедѣльникъ обѣдалъ у И. П. Дѣла было однако не очень, такъ что послѣ обѣда могъ я уѣхать къ Dmitrew. и отъ него au bal masqué chez Locat.... Во вторникъ въ 5 часовъ прислалъ по меня И. П. курьера, и такъ я у него пробылъ весь день за дѣломъ. Оттуда проѣхали въ русскую комедію, а изъ комедіи былъ у Рубановскаго(***). У него дочь именинница. Въ середу весь день у И. П.

Третьягодня И. П. занемогъ чрезмѣрно и два раза кровь пускалъ. Завтра у него весь день буду. Къ тому же и дѣла много.

Впрочемъ нынѣ упражняюся въ чтеніи *Дейдаміи*, трагедіи гос. Тредіаковскаго. Нѣтъ ничего ея смѣшнѣе. Съ радостью бъ списалъ и къ тебѣ прислалъ, только очень велика (†). Вообрази себѣ Ахиллеса, который въ его трагедіи

(*) Трагедія А. П. Сумарокова «Синавъ и Труворъ».

(**) Переводъ этой комедіи, впослѣдствіи, былъ напечатанъ въ Москвѣ (*Слѣпой видящій*. Ком. въ 1 д. Перев. съ франц. М. 1788).

(***) Василій Кириловичъ Рубановскій былъ до 1764 г. камеръ-курьеромъ, а въ 1764—1775 г. членомъ главной дворцовой канцеляріи (въ чинѣ статскаго совѣтника), которою управлялъ И. П. Елагинъ.

(†) Трагедія эта состоитъ изъ 4626 стиховъ. Она написана въ 1750 г., но напечатана уже по смерти автора, въ 1775 г.

въ женскомъ платьѣ. А стихи ужасно какъ странны и смѣшны. Adieu. Спать хочу.

Слабѣютъ мысли всѣ, объемлетъ чувства сонъ.
Ты знаешь ли, кого на мысль представитъ онъ?
Представитъ ту онъ мнѣ, кого люблю сердечно, —
Тебя представитъ онъ; я знаю то, конечно.
О сонъ! пріятный сонъ! Прелестныя мечты!
Но, ахъ! и на яви не йдешь изъ мыслей ты!

Поздравь отъ меня Настасью Васильевну въ день ея ангела и засвидѣтельствуй ей и сестрицамъ ея нижайшее мое почтеніе.

VII.

à ma soeur.

(За твое) письмо покорно благодарствую, а для отвѣтовъ впередъ посылаю къ тебѣ почтовой бумажки. Извини меня, что я не прислалъ къ тебѣ экземпляръ Альзиры нынѣ (*).— Третьяго дня послѣ обѣда былъ я у графа Г. Г. Орлова и вручилъ ему одинъ. Онъ меня весьма благодарилъ. Тутъ же случился и графъ Ѳедоръ Григорьевичъ, которому я другой экземпляръ принужденъ былъ отдать. На ямской же почтѣ, конечно, и къ тебѣ, матушка, пришлю.

Вчера обѣдалъ у меня князь Ѳ. А. Козловскій и послѣ обѣда поѣхали мы съ нимъ въ аукціонъ. Тамъ видѣлъ я графа Г. Г. Онъ уже трагедію прочелъ и отозвался такъ, что я весьма имѣю причину почитать себя довольнымъ. Послѣ того ужинали у меня Козловскій, Глѣбовъ и Аргамаковъ. Итакъ вечеръ проводилъ весело.

Сегодня поѣду къ Козловскимъ. Оттуда въ спектакель.

Веверу вели сказать, матушка, что.....

(Окончанія нѣтъ).

VIII.

Поздравляю васъ съ розговѣньемъ, а у насъ за грѣхи.... (**) продолжается.

(*) «Альзира», трагедія Вольтера, переведена Ф.-Вязинымъ еще въ 1762 г., въ Москвѣ.

(**) Точками означены мѣста, которыя въ подлинникѣ вырваны, а курсивомъ напечатаны слова, не вполнѣ сохранившіяся. У князя Вяземскаго, въ книгѣ «Фонъ-Вязинъ», всѣ недостающія и неразобранныя мѣста дополнены *сочиненіями* самого князя Вяземскаго, нерѣдко совершенно противорѣчащими тому, что теперь разобрано, какъ напр. въ письмѣ XI (стр. 376).

Такерка (*sic*) цѣла..... Кариты напечаталъ я 1200..... Въ четвергъ я мало къ тебѣ писалъ, за тѣмъ (что) силъ не было; а во вторникъ писалъ по ямской и послалъ тебѣ письмо, которое потеряли.]

Въ пятницу былъ у И. П., а послѣ обѣда chez Dmitrewski. Вчера обѣдалъ у князя Ѳ. А. Козловскаго. Его рожденье было. А въ 4-мъ часу на пробѣ италіанской оперы (*).

Сегодня былъ у князя А. М., у И. П. и теперь, докончавъ Сиѳа, сѣлъ сіе писать нарочно съ вечера, а завтра, ежели что примѣчательно случится, напишу.

Всѣ тѣ письма, кои я отъ тебя получалъ, писаны такъ хорошо, что я всегда ихъ беру примѣромъ краснорѣчія. Проза твоя такова, что я ни съ какой не сравниваю. Нѣкоторыя письма казалъ я князю Ѳ. А. Козловскому. Онъ изумляется. А стиҳи твои прочту ему завтра. Они того стоютъ, чтобъ показать тремъ особамъ, которыхъ я люблю; а именно: А. И. Приклонск., князю Ѳ. А. Козловск., и еще Василью Алексѣевичу Аргамакову, котораго дружбою я очень доволенъ.

Онъ ѣдетъ въ Москву. Пожалуйте, примите его такъ какъ..... Онъ въ Москвѣ будетъ чужестранцемъ; не имѣетъ... ...*человѣкъ* такой, который имѣетъ просвѣщенный *разумъ*..... Я говорю это безъ лести. — Признаюсь, что я дивился и *не предполагалъ* никогда, чтобъ въ состояніи ты была написать такъ хорошо..... что я такъ чистосердеченъ. Только какъ можно ожидать .... было стиховъ такихъ, каковы я получилъ? Продолжай, сестрица, ты будешь великій человѣкъ. Мнѣ чрезвычайно жаль, что заочно неловко тебѣ совѣтовать. Только со всѣмъ тѣмъ, ради Бога, не покидай снова, что съ такимъ успѣхомъ начато. Пиши стихи чаще; присылай ко мнѣ; дѣлай эклоги, элегіи. Если только можешь, переводи: ты имѣешь довольно сочинителей; а я что получу, о томъ тебѣ истинное письмо писать буду, и гдѣ мнѣ хорошо и гдѣ неисправно казаться будетъ, вѣрно скажу; а чтобъ то начать, то дозволь мнѣ съ тонкостью сказать мое мнѣніе о твоемъ письмѣ.

Мысли прекрасны, изображеніе очень хорошо и непри-

(*) Вѣроятно это была проба плохой, по отзыву современниковъ, оперы: *Карлъ Великій* (слова Лаццарони, музыка Манередини), представленной въ первый разъ 28-го декабря 1768 г.

нужденно, и версификація вездѣ почти чиста; только впередъ остерегаться надобно, чтобъ риемы не все были глаголы, а иногда имена, нарѣчія и проч.

Я нынѣ Сиоа III часть окончилъ. Хочу писать что нибудь стихами и первая ты ихъ имѣть будешь. Съ стрѣлинскимъ Кузькой послалъ я 300 книгъ Кариты. Хорошо еслибъ по 30 к. ихъ продать удалось, а по крайней мѣрѣ по 25 к. Мнѣ все барышъ. А ежели всѣ продадутся, то Маркову 10 р. отдай, а достальные ко мнѣ какъ возможно скорѣе пересылай. Здѣсь деньги рѣдки.

Обнова мнѣ очень нужна. Такъ ст..... показаться никуда не можно. А въ ..... разсужденія полагаюсь. Ты знаешь..... я порядочно ходить люблю.

IX.

28 января 1764. (Сестрицк).

Завтра выѣдетъ отсюда В. А. Аргамаковъ, и я задумалъ съ нимъ написать къ тебѣ нобольше и на полученное сего дня отъ 22 января отвѣтствовать.

О всѣхъ моихъ обстоятельствахъ свѣдать точно можешь отъ того, кто отдастъ тебѣ письмо сіе. Четыре мѣсяца былъ онъ свидѣтелемъ моей жизни и принималъ участіе во всемъ, что со мною ни случалось. Склонности и сходство нравовъ соединили насъ такъ много, что произошло оттуда истинное дружество. Разсуди изъ того, что онъ и отъ васъ долженъ быть такъ принятъ, какъ мой другъ. Не оставьте его во всемъ томъ, о чемъ онъ васъ просить будетъ. Онъ въ Москвѣ чужестранецъ, такъ какъ я здѣсь, и если будетъ онъ имѣть на первый случай нужду занимать деньги, пожалуй попроси отъ меня батюшку, чтобъ онъ въ такомъ случаѣ его не оставилъ и рекомендовалъ бы его тѣмъ, у кого есть деньги. Четыреста душъ, которыя онъ имѣетъ, кажется кредитъ ему сдѣлать могутъ.

Впрочемъ, краснорѣчивое твое увѣщаніе меня утѣшило. Ты имѣешь великій даръ увѣщавать другихъ, и я сталъ самъ отъ того веселѣе. Со всѣмъ тѣмъ напрасно думаешь, что жизнь твоя хуже моей. Я того понять не могу: веселья у васъ гораздо пріятнѣе, нежели здѣсь, и наши, по-

вѣрь, стоютъ не меньше вашихъ. Здѣсь деньги на одномъ мѣстѣ сидѣть не любятъ.

Не опасайся неудачи писать стихи. Можно ль, чтобъ ты написала худо! А я оставилъ намѣреніе послать теперь то, что я дѣлалъ. Боюсь опять выговоровъ; только истинно кажется-бы не за что. Если любопытна, то спроси В. А. Аргамакова: онъ знаетъ все то, что я писалъ и что теперь дѣлаю.

Сегодня при дворѣ маскарадъ, и я въ своей доминѣ туда же поплетусь. Теперь уже темно и писать почти не льзя. Завтра продолжать буду..... (*) Однако и теперь можно еще строкъ пять написать; огонь принесли.

Вчера была французская комедія «Le Turcaret» и малая «L'esprit de contradiction». Скоро будетъ кавалерская (**); не знаю, достану ли билетъ себѣ. Впрочемъ, всѣ тѣ миноветы, которые играютъ въ маскарадахъ, и я играю на своей скрипкѣ пречуднымъ мастерствомъ. Да нынѣче попалась мнѣ на языкъ русская пѣсня, которая съ ума нейдетъ: *Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго.* Чортъ знаетъ! Такой голосъ, что растаять можно, и теперь я пѣлъ; а натвердилъ ее у Елагиныхъ. Меньшая дочь поетъ ее ангельски.

Аргамаковъ ѣдетъ въ Москву съ Каринымъ (***). Ежели онъ къ вамъ будетъ, то, матушка, поблагодарите за его дружбу, которою я здѣсь пользовался; онъ у меня въ болѣзнь мою почти дежурилъ.

(*) Точки въ подлинникѣ.

(**) *Кавалерскими* назывались тѣзи представленія во дворцѣ, въ которыхъ играли придворныя дамы и кавалеры. Въ первый разъ подобное представленіе дано было на маслянцѣ 1763 г., въ Москвѣ. Давали трагедію Сумарокова *Семира*, переводную комедію *Мольера*, и въ заключеніе балетъ. Въ трагедіи играли: гр. Прасковья Александр. *Брюсъ*, гр. Григ. Григ. *Орловъ*, д.-гв. измайловскаго полка маіоръ *Рославлевъ*, гр. Андрей Петровичъ *Шуваловъ* и Анна Никитишна *Нарышкина*; въ комедіи: Левъ Александр. *Нарышкинъ*, кн. *Гагаринъ* и нѣкоторыя изъ ерейторъ; въ балетѣ танцовали: графини *Сиверсъ*, гр. Анна Мих. *Воронцова*, Марья Павловна *Нарышкина* и гр. Петръ Александр. *Бутурлинъ*. Въ оркестрѣ также играли все благородные дилетанты.

(***) Александръ Григорьевичъ Каринъ, сослуживецъ Аргамакова, ротмистръ д.-гв. коннаго полка, авторъ комедій: «Россіянинъ, возвратившійся изъ Франціи» и «Антигона» (неоконч.) и многихъ мелкихъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ «Полезномъ увеселеніи» (1760 и 1762) и въ «Свободныхъ часахъ» (1763). Онъ ум. въ 1769 г. Его братъ Ѳедоръ Григорьевичъ († 1800) былъ тоже извѣстный въ свое время писатель.

29-го.

Я было хотѣлъ далѣе распространиться сегодня, однако некогда: Аргамаковъ теперь пріѣхалъ проститься и взять отъ меня письма; да сверхъ того усталъ: изъ маскарада выѣхалъ въ часъ, а всталъ въ 6-мъ часу. Былъ у князя Я. П.(*), у Бакунина, у Н. И. Панина, у И. П. Adieu.

P. S. Бумагу раздѣлили съ сестрицей А. И. пополамъ.

X.

Отъ 9 февраля 1764.

Напрасно думаете, чтобъ хотѣлъ я остаться въ коллегіи для того, чтобы всѣхъ тѣмъ огорчить васъ. Къ тому-же я очень знаю, сколь много я любимъ вами, и сколь много счастье мое вамъ нужно. Однако не мѣшаетъ мнѣ написать къ тебѣ слѣдующее.

Selon toute apparence, le fils du prince Chakhowskoy (**), qui est engagé dans notre collège et qui est fort honnête homme et même mon ami, aura la qualité d'un résident à Danzig, il m'a fait déjà la proposition de partir avec lui, s'il réussira en cherchant cette place. Jugez, ma chère soeur, si ce ne sera pas un peché de laisser cette occasion là. D'ailleurs ce n'est pas loin d'ici, el je pourrais venir et revenir en Russie autant qu'il me plaira (***).

Однако, можетъ быть, онъ еще и не скоро можетъ имѣть успѣхъ въ своемъ исканіи. Только я, съ моей стороны, оставляю дѣло все на твое разсужденіе.

Поздравь Андреевну съ родинами и отдай ей отъ меня посланный при семъ рубль.

(*) Кн. Яковъ Петровичъ Шаховской (1705 — 1777), извѣстный своими любопытными *записками*. Въ то время онъ былъ д. т. сов., сенаторомъ и присутствующимъ въ коммисіи о коммерціи, а въ 1766 г. оставилъ службу.

(**) Кн. Ѳедоръ Яковл. Шаховской († 1782), сынъ кн. Якова Петровича, былъ тогда полковникомъ и состоялъ при иностранной коллегіи. Мѣсто резидента въ Данцигѣ онъ не получилъ и всѣ планы Фонъ-Визина разстроились.

(***) *Переводъ*. Судя по всему, сынъ князя Шаховскаго, служащій въ нашей коллегіи, весьма честный человѣкъ и даже мой другъ, получитъ мѣсто резидента въ Данцигѣ. Онъ мнѣ уже предложилъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ, если успѣетъ занять это мѣсто. Не грѣшно ли будетъ, добрая сестрица, упустить такой случай? къ тому-же это не далеко отсюда и я могу пріѣзжать и уѣзжать изъ Россіи, какъ мнѣ захочется.

Въ четвергъ будетъ кавалерская трагедія (*). Хочется и мнѣ промыслить билетъ, да не знаю какъ.

Вчера былъ я въ церемоніалѣ и въ черномъ кафтанѣ. Польскій пріѣхавшій нынѣ посланникъ имѣлъ первую визитацію у вице-канцлера, и мнѣ на крыльцѣ досталось его встрѣтить, а потомъ остаться разговаривать съ его свитою (**). Adieu.

Приложенное отдай, матушка: къ Карину отошли, а Аргамакову, какъ у васъ будетъ, отдай.

XI.

à ma soeur, 22 Fev. 1764.

Вчера полученныя вѣсти были для меня не новы: я зналъ, что тому быть должно, такъ какъ и къ тебѣ писалъ я обстоятельно. Я отъ него (***) получаю письма, и получилъ вчера. Изо всякаго вижу, что онъ единственно одну склонность имѣетъ причиною сего намѣренія. Я его знаю очень хорошо и клянусь тебѣ, что достоинства имѣетъ. Живучи съ нимъ почти вмѣстѣ, имѣлъ я случай довольный узнать его. Пьянства, мотовства не опасайтесь; этихъ пороковъ у него нѣтъ. О достаткѣ его знаю только то, что имѣетъ онъ четыреста душъ, которымъ также участница маленькая сестра его. Можетъ быть, что онъ и безденеженъ; только, имѣвъ такія деревни, можно имѣть и столько денегъ, чтобъ содержать себя честнымъ образомъ. Впрочемъ, я съ моей стороны долженъ тебѣ признаться, что почитаю его достойнымъ быть мнѣ зятемъ.

(*) Кавалерскія представленія были въ 1764 году 6 февраля въ пятницу и 14-го въ субботу: въ первое представленіе шла *Семира* и балетъ *Галатея и Ацисъ*, въ которомъ «его императорское высочество великій князь, въ видѣ брачнаго бога *Гимена* явяся, искусными и благородными своими танцами удивилъ всѣхъ зрителей; сотанцовавшіе въ семъ балетѣ были знатныя дамы, дѣвицы и кавалеры».—14-го февраля шла въ русскомъ переводѣ комедія Мольера *Le malade imaginaire* и комедія съ балетомъ *l'ami de tout le monde*. Участвовали гв. капитаны *Кропотовъ* и *Волковъ*, три сестры дѣвицы *Бибиковы*; а во второй пьесѣ г-жа *Титова* и гв. капитанъ *Титовъ*; въ балетѣ фрейлины гр. Анна Петр. *Шереметева*, *Хитрова* и др., а также «въ дѣйствіи балета изволилъ быть его высочество». Въ оркестрѣ играли благородныя особы, между которыми однако были и придворные музыканты.

(**) Гр. Любенскій. Пріемная аудіенція у императрицы была ему 7-го, а отпускная—21-го февраля 1764 г.

(***) В. А. Аргамакова.

Ежедневное обхожденіе его со мною подаваю мнѣ случай узнать его мысли. Онъ дѣйствительно не имѣлъ намѣренія жениться, а бывало всегда говаривалъ, что, имѣя чѣмъ жить, предпочитаетъ лучше ѣхать въ чужіе краи; да и сверхъ того я клянусь, что онъ, кромѣ склонности, ни какого другаго интереса не имѣетъ.

Возможноль сравнить его съ М. К. Озеровымъ такъ, какъ то дѣлаютъ батюшка и матушка въ письмѣ своемъ? Этотъ человѣкъ имѣлъ воспитаніе, и можно назвать его *un homme du sentiment;* а тотъ, кромѣ подлыхъ мыслей, ни какихъ сентиментовъ не имѣетъ. Этотъ же имѣетъ благородное сердце и за честь свою дѣйствительно склонится жертвовать жизнію; а тотъ не знаетъ совсѣмъ, что́ это совѣсть. Сверхъ того, я увѣряю, что онъ будетъ мнѣ другомъ всегда, сдѣлается-ль дѣло, или нѣтъ. Я знаю точно, что и онъ съ своей стороны, въ томъ или другомъ случаѣ, только дружбы своей ко мнѣ не отмѣнитъ. D'ailleurs je vous assure qu'il n'a pas d'autres inter..... seul amour. Il est extrêmement amoureux de vous: вотъ.... причина всему. Письма его то больше доказываютъ..... не быть въ томъ совсѣмъ мнѣ увѣрену. Увѣдомьте (*меня насчетъ*) вашего намѣренія.

Отпускъ мой не знаю скоро-ль быть можетъ. Видно, что князь М. М.(*) ничего обо мнѣ не писалъ, потому что князь А. М. никакъ о томъ не отзывался, а самому мнѣ начать не льзя, потому что ежели долженъ я дожидаться конца батюшкинова дѣла, о успѣхѣ котораго теперь знаетъ только одинъ Богъ, то проситься еще рано. Еслибъ я что нибудь отъ васъ получилъ рѣшительнаго, тобъ по тому поступать сталъ; а то́ есть-ли способъ сообразить получаемыя мною письма? батюшка пишетъ, чтобъ я старался объ отпускѣ, однако не оставлялъ бы на второй недѣлѣ стараться о его дѣлѣ; а матушка изволитъ писать такъ, какъ-бы совсѣмъ мы проситься должны *домой* до того, чтобъ извощики насъ не ввезли на дорогѣ въ прорубь и не разбили бы лошади. Такъ изъ того разсуди, что мнѣ начинать.

Мнѣ очень смѣшно, что ты меня считаешь влюбленнымъ. Къ Аргамакову я писалъ шутя, и божусь, что ни малю духъ мой не безпокоится. Да и въ кого здѣсь влюбляться? Всѣ

(*) Михаилъ Михайловичъ Голицынъ.

нѣмки ходятъ блѣдны, какъ смерти. Поди, Христа ради! что ты на меня клеплешь, а что всего досаднѣе и пѣняешь! Не подумай еще того, Бога ради, что я теперь лукавлю. Да для чего бы то? Билетъ же для трагедіи отдалъ я Бакунинои, у которой мужъ есть, тому лѣтъ съ двадцать.

Объ отпускѣ еще повторяю: ежели отпишете, чтобъ я, не смотря ни на что, просился, тогда почту я себя прямо счастливымъ. Богъ одинъ видитъ, какъ мнѣ съ вами хочется увидѣться! Постарайтесь, чтобъ и князь М. М. помогъ. .... веселья сегодня баломъ кончатся. Боже мой! я ..... въ первую недѣлю еще отъ нихъ не отдохну. Три дня.... маскарады и три спектакеля. Все мнѣ стало..... (*)

XII.

Милостивый государь батюшка и милостивая государыня матушка!

Почта уже пришла и пакетъ распечатанъ, только сказали мнѣ, что писемъ нѣтъ. Я не знаю, что могло быть тому причиною, и о томъ очень тужу. Дай Богъ, чтобъ хотя завтра, по ямской получа, я могъ обрадоваться. За тѣмъ инаго донести не имѣю, какъ только то, что я, слава Богу, здоровъ. Сегодня обѣдалъ у Александра М. Хераск. (**), а ужинать поѣду къ М. В. Приклонскому.

27 сентября 1764.

Письмо сестры Фонъ-Визина.

Милостивый государь батюшка и милостивая государыня матушка!

На сей почтѣ милостивыя ваши письма получили. О себѣ доношу, мы всѣ, слава Богу, здоровы. Сегодня Василій А. (***) и братецъ Д. И. поѣхали въ академію; тамъ празднество, и сама государыня изволитъ присутствовать (†), а вечеру будетъ огромная люминація, которая мѣсяца за два строена. Братецъ поѣхалъ нѣсколько и для того, что,

---

(*) Ср. «Фонъ-Визинъ» кн. Вяземскаго, стр. 232.

(**) Такъ напечатано въ «Библ. Записках», но Александръ Матв. Херасковъ въ это время былъ при Сибирскомъ Корпусѣ.

(***) Василій Алексѣевичъ Аргамаковъ—ея мужъ.

(†) Императрица съ наслѣдникомъ дѣйствительно была въ академіи на торжествѣ закладки тамошней церкви. Послѣ того въ конференцъ залѣ читана привилегія академіи, розданы дипломы профессорамъ и академикамъ, говорены были рѣчи, и затѣмъ въ средней залѣ императрица была встрѣчена хоромъ вокальной и инструментальной музыки (Кам. фур. журналъ 1765).

думаю, хоръ академіи будетъ пѣть его похвальные государынѣ стихи, которые велѣлъ ему сдѣлать Елагинъ, для того чтобъ отдать назадъ Сумарокову присланные въ академію стихи, которые сочинилъ онъ очень дурно. Итакъ, думаю, что будетъ хоръ пѣть братцовы стихи, которые—не болѣе какъ на девяти строкахъ—братецъ сдѣлалъ на одну матерію трожды, и показалъ всѣ три сочиненія Елагину. Не знаю теперь, которое ему лучше полюбилось, и пѣли ли ихъ, потому что они оттуда еще не бывали.

Челобитную объ отпускѣ за тѣмъ еще не подавалъ Василій А., что графъ, нашъ подполковникъ (*), болѣнъ ногою и не выходитъ, а надобно подать ему; за тѣмъ только и стало, а то можетъ быть, чтобы и скоро мы отправились въ Москву.

Вчера по утру пріѣхали люди съ живностью и съ колесами; по запискѣ вашей, батюшка-свѣтъ и матушка, привезли все въ цѣлости; живность, кромѣ одной русской курицы, вся жива и нехуда; а особливо гуси, утки, индѣйки такъ кормлены, что можно нынче же держать къ столу; также и лошади изрядны, не очень исхудали. Денегъ осталось у нихъ одна полтина; я теперь не знаю, что съ ними дѣлать: ежели отпускать ихъ съ наемщиками, то боюсь, чтобъ не упустить—ежели насъ отпустятъ, то бы свое что-нибудь наложили, для того что я уже навѣрное знаю, что мы наймемъ вдвое дороже, нежели нашихъ лошадей отдать въ наемъ, хотя какъ ни старайся. Со всѣмъ тѣмъ я вчера провѣдала: Кропотовъ нанялъ до Мурома для жены подводы по 13 р. на пару...

Петруша, слава Богу, здоровъ, вчера былъ во дворцѣ, а въ субботу возьму его къ себѣ.

Князь С. В. Гагаринъ (**) въ пятницу поѣхалъ отсюдова въ Москву, вздумалъ и собрался въ одинъ день... отпущенъ безъ всякаго награжденія за всю ..... службу.

Отъ брата Павла Ивановича писемъ не получали; сегодня посылала, сказали—что нѣтъ того подъячаго, у котораго на рукахъ выборгская почта, а письма ко многимъ понесли почталіоны; итакъ думаю, что есть и къ намъ, да они проклятые уносятъ, и первыя письмы насилу отыскала: ту минуту, какъ придетъ почта, то и расхватаютъ письмы почталіоны, а особливо на которыхъ деньги подписаны; братъ же Павелъ Ивановичъ всегда подписываетъ по 10 к. дать почталіону. Какъ скоро отыщу, то на будущей почтѣ конечно пришлю къ вамъ.

Мнѣ очень хочется на этихъ дняхъ съѣздить въ Царское Село, въ Петергофъ и Ораніенбаумъ, а то стыдно въ Москву показаться, что лучшаго не видала, живучи въ Петербургѣ.

Нижайше прошу, матушка-свѣтъ мой, сказать тетушкѣ Аннѣ Ивановнѣ, что горькихъ померанцевъ хорошихъ головою нѣтъ, а есть не очень хороши и мелки, и то по 1 р. 70 к. десятокъ; ихъ было въ привозѣ очень мало и дешевле 1 р. не было. Я бы съ радостію те-

(*) Гр. Кир. Григ. Разумовскій.

(**) Кн. Сергѣй Васильевичъ Гагаринъ, шталмейстеръ († 1782).

тушкѣ услужила, и можетъ быть тогда бы, сговорясь съ кѣмъ нибудь, на биржѣ купила ящикомъ, и гораздо дешевле, пришло бы 80 к., только мнѣ поздно письмо отдала М. П. Салтыкова (*). Я его въ прошедшее воскресенье получила; а нынѣ корабли уже съ посудою фаянсовою пришли, да французскіе съ уборами дамскими а тѣ, которые были съ фруктами, уже недѣли три какъ отсюда отправились, и теперь всѣ изъ погребовъ покупаютъ. Лимоны не дороги; я купила у разнощика 50 очень дешево и къ вамъ посылаю на сихъ дняхъ... Нижайше благодарствую, матушка-свѣтъ мой, за присланные мнѣ башмаки; очень хорошо сдѣланы.

Затѣмъ, прося родительскаго благословенія и целуя ручки ваши, остаюсь нижайшая дочь ваша

Ѳедосья Арцамакова.

1765 года іюля 7-е число.

Стиховъ братцовыхъ въ академіи не пѣли, а пѣли стихи Теплова(**), которые очень дурны передъ братцовыми. Елагинъ сказалъ братцу: «пожалуй оставь, пускай Тепловъ дурачится!»

Василій Алексѣевичъ изъ академіи проѣхалъ прямо къ Козловскому и еще не бывалъ, а мы боимся опоздать, чтобъ не упустить почту.

XIII.

Матушка сестрица! Я не получалъ еще писемъ вашихъ, которыя писали вы ко мнѣ въ понедѣльникъ; однако завтра получить ихъ надѣюсь. Невозможно, чтобъ вы ко мнѣ не писали, зная, сколь мнѣ письма ваши дороги, и что они только составляютъ все мое утѣшеніе. Признаюсь тебѣ, матушка, что проведя здѣсь нѣсколько дней, уже былъ я во всѣхъ собраніяхъ, видѣлъ здѣшнія веселья, ихъ не чувствуя, и кажется мнѣ, что здѣшній свѣтъ уже не одинъ разъ глазамъ моимъ представился. Но все сіе сколь далеко отъ того, что бъ хотя мало сдѣлать мнѣ могло отраду въ моей горести, которая непремѣнно должна меня терзать, какъ скоро вспоминаю то, что я съ вами розно! Каждую минуту я то вспоминаю, слѣдовательно и терзаюся каждую минуту. Теперь сижу я одинъ въ моей комнатѣ и говоря съ тобою чрезъ письмо, чувствую въ тысячу разъ болѣе удовольствія, нежели вчера и третьяго дня, окруженъ будучи великимъ множествомъ людей. Воображаю тебя, говорю мысленно съ тобою, тужу съ тобою о томъ, что мы разлучены, и Богъ знаетъ на долго-ль. Наконецъ чув-

(*) Марья Петровна Салтыкова. Она впослѣдствіи была женою Павла Ивановича Фонъ-Визина.

(**) Григорій Николаевичъ Тепловъ (1725—1779), тайн. сов., сенаторъ, находился въ кабинетѣ ея величества «у собственныхъ дѣлъ и у принятія челобитенъ» и былъ почетнымъ членомъ академіи наукъ.

ствую, что сердце мое терзается отъ того, что представляютъ мысли. Вотъ состояніе мое каково въ сію минуту. Уже великодушіе меня оставило и миновалась та холодность, съ которою разсуждалъ я о томъ, что̀ бъ могло тронуть человѣка. Я не знаю самъ, отъ чего прежній мой веселый нравъ перемѣняется на несносный. То самое, что прежде сего меня здѣсь смѣшило, нынче бѣситъ меня; мнѣ кажется, всего лучше я теперь сдѣлаю, если въ доказательство тому напишу къ тебѣ мой журналъ.

Въ самый день моего пріѣзда явился я по должности моей. Поговоря нѣчто о ближнемъ, заключилъ я изо всѣхъ нашихъ словъ, что въ свѣтѣ почти жить не льзя, а въ Петербургѣ и совсѣмъ невозможно. Въ двадцать девять дней моего въ Москву похода здѣсь люди стали сами на себя совсѣмъ не похожи: кого оставилъ я передъ отъѣздомъ моимъ дуракомъ, того нынѣ не только разумнымъ, да еще и премудрымъ почитаютъ. Только то нѣсколько утѣшаетъ, что тѣхъ самихъ, которые имъ приписываютъ такую славу, оставилъ я передъ отъѣздомъ моимъ такими же дураками. Странное дѣло! ты не повѣришь, матушка, что съ нынѣшняго новаго года всѣ старые дураки новыя дурачества понадѣлали! Напримѣръ, Шепел., женатый на Рубанов., разводится съ женою за самую бездѣлицу, а именно за то, что она приняла было намѣреніе его поколотить въ самый новый годъ. Онъ, не хотя въ сей торжественный день быть отъ супруги своей битъ, и оставляя прошлогоднее свое дурачество, которое имѣлъ онъ, претерпѣвая такія дѣйствія женнина гнѣва, впалъ въ новое дурачество и, вздумавъ разводиться, пошелъ противу самого Бога, который соединилъ ихъ неисповѣдимымъ своимъ промысломъ. Графа А. А. Бестуж. (*) засталъ я здѣсь въ покаянной, куда посаженъ онъ каяться въ томъ, что не поступалъ онъ

(*) Гр. Андрей Алексѣевичъ Бестужевъ-Рюминъ, сынъ государственнаго канцлера гр. Алексѣя Петровича, 20-ти лѣтъ отъ роду (1748) былъ камергеромъ и александровскимъ кавалеромъ, а вскорѣ и дѣйств. тайнымъ совѣтникомъ. Въ 1765 г. онъ женился на княжнѣ Долгоруковой, обобралъ ее, ругался надъ нею и выгналъ изъ дому. Императрица велѣла приставить къ нему гвардейскаго офицера съ солдатами и потомъ предоставила въ полное распоряженіе отца, который заключилъ его въ монастырь и хотѣлъ лишить наслѣдства, но вскорѣ умеръ. Гр. Андрей Алексѣевичъ до конца жизни былъ подъ опекою и умеръ въ Ревелѣ въ 1768 г. Съ нимъ пресѣклось графское колѣно Бестужевыхъ-Рюминыхъ.

по правиламъ здраваго разсудка, хотя никто не помнитъ того, чтобы какой нибудь родъ разума отягощалъ главу его сіятельства. Жена господина Деденева, закричала здѣсь караулъ, ѣхавъ по большой улицѣ. Она и дѣйствительно имѣла къ тому законную причину, за тѣмъ что везли ее въ прорубь, по приказанію мужа ея, который видно какъ второй Идоменей обѣщалъ Нептуну какую нибудь жертву. — О таковыхъ приключеніяхъ и тому подобномъ поговоря съ И. П., я съ нимъ разстался. Оттуда поѣхалъ я къ А. И. Приклонской, отъ которой слышалъ новыя увѣренія о дружествѣ, и наконецъ поѣхалъ я отъ нея къ П. М. Херас.(*) Они безмѣрно обрадовались, меня увидя; спрашивали о васъ всѣхъ, и я, какъ вѣрный историкъ, описывалъ имъ Москву подробно. Я прошу тебя, при засвидѣтельствованіи княжнѣ Аннѣ Никитишнѣ (**) моего истиннаго почтенія, донести ей, что я порученную коммиссію исполнилъ. Пелагея Никитишна отдаетъ справедливость ея разуму, которымъ наполнены письма ея; разсужденія въ нихъ философски, и однимъ словомъ они достойны своего автора. Впрочемъ, я очень усердно исполняю и ту коммиссію, которою она изволила удостоить меня, чтобъ вспоминать чаще о ней Пелагеѣ Никитишнѣ. Всякій день бывая у нихъ въ домѣ, могу тебя, матушка сестрица, увѣрить, что разговоры наши тѣмъ только и оживляются, что часто говоримъ мы о достоинствахъ и совершенствахъ княжны.

Чтобъ возвратиться на прежнюю матерію, то скажу тебѣ, что отъ П. М. поѣхалъ я въ театръ. Играна была комедія «Женатый философъ» (***), которую смотрѣли великое множество женатыхъ нефилософовъ. Ужиналъ у А. И. Приклонской.

Въ пятницу, отобѣдавъ у П. М. Хераскова, былъ я въ маскарадѣ. Народу было преужасное множество; но

(*) Петръ Матвѣевичъ Херасковъ, братъ извѣстнаго писателя Мих. Матв., управлялъ въ то время С.-Петербургскою банковою конторою для дворянства; въ 1767 г. онъ былъ прокуроромъ въ канцеляріи строенія государственныхъ дорогъ.

(**) Вѣроятно княжна Путятина, которой братъ служилъ въ мануфактуръ-коллегіи вмѣстѣ съ И. В. Приклонскимъ, а одинъ изъ родственниковъ — въ ревизіонъ-коллегіи съ отцомъ Д. И. Фонъ-Визина.

(***) Комедія Де-Туша.

клянусь тебѣ, что я со всѣмъ тѣмъ былъ въ пустыни. Не было почти ни одного человѣка, съ которымъ-бы говорить почиталъ я хотя за малое удовольствіе. Здѣсь продолжаютъ все носить разныя домины. Сперва танцовали обыкновенно, а потомъ чрезвычайно, то есть плясали по русски. Князь Я. А. Козловскій (*) съ фрейлиною Паниной (**), потомъ Корсакова и Овцына(***) съ Щербатовымъ, и можно сказать, что плясали хорошо. А чтобъ приключенію чѣмъ нибудь кончиться смѣшнѣе, то Еропкинъ, большой сынъ А. В., напросился одинъ прыгать голубца. Сдѣланъ былъ большой кругъ, и г. Еропкинъ доказалъ, что если онъ не имѣетъ другаго дарованія, то онъ погибшій человѣкъ. Въ залѣ для проѣзжаго россійскаго купечества танцовало около сотни нѣмокъ. Блѣдность покрыла лицо ихъ, и однимъ словомъ, я ничего не видывалъ скареднѣе этой сотни! — Субботу и вчера проводилъ я изрядно, но все не такъ, какъ бы въ Москвѣ. Ничто меня не утѣшало и ничто не могло успокоить духъ мой.

Я забылъ было сказать тебѣ, что въ день моего пріѣзда видѣлъ я въ комедіи госпожу Персиньду. Ея превосходительство не удостоила меня ни единымъ словомъ, лишь только премудрая глава ея пошатнулась на одну сторону: это былъ поклонъ. Безъ лести можно ей сказать, что она въ двадцать девять дней безъ меня столь много поглупѣла, что превосходитъ уже всякую скотину. Скоти стоялъ за нею, слѣдовательно и она сдѣлала мнѣ такое же привѣтствіе. Я не разсудилъ за благо оставаться долѣ въ ихъ ложѣ, чтобъ не сдѣлать какого нибудь дурачества, затѣмъ что съ дураками разумныхъ дѣлъ никто дѣлать не можетъ.

До сего дня не говорилъ я еще со всѣми ни одного слова. О! еслибъ сдѣлалъ Богъ то, чтобъ молчаніе подолѣ продолжилось!

Теперь представь себѣ, матушка, въ какихъ прескучныхъ я обстоятельствахъ. Живу одинъ, какъ изгнанникъ и какъ-бы недостойный жить съ вами. Богъ видно наказываетъ

(*) Кн. Яковъ Алексѣевъ. Козловскій, братъ кн. Ѳедора Алексѣевича, погибшаго въ чесменскомъ бою, ум. въ 1808 г. въ чинѣ бригадира.

(**) Анна Васильевна Панина, дальняя родственница гр. Никиты Ивановича, впослѣдствіи была замужемъ за камергеромъ Ст. Ст. Ломухинымъ.

(***) Дочь генералъ-поручика и камергера Ларіона Яковлевича Овцына, главнаго судьи въ С.-Петербургской иноской канцеляріи.

меня за грѣхи мои, только не знаю, за какіе. Принужденъ я имѣть дѣло съ злодѣями, или съ дураками. Нѣтъ мочи болѣе терпѣть, и думаю, скоро стану дѣлать предложеніе Ивану Перфильевичу о перемѣнѣ моей судьбины. Честному человѣку жить не льзя въ такихъ обстоятельствахъ, которыя не на чести основаны. Въ извѣстномъ домѣ интриги продолжаются очень сильно. Повѣреннаго своего засталъ я такимъ же честнымъ человѣкомъ, какимъ я его оставилъ. Я конечно не оставлю васъ увѣдомлять о всякомъ новомъ приключеніи.

Теперь, матушка, намѣренъ я сказать вамъ жалость. Сегодня, будучи у графа Г. Г.(*), увидѣлъ я въ передней Е. И. Чевкину въ нищенскомъ почти платьѣ и въ пребѣднѣйшемъ состояніи. Сказываютъ, что родня ихъ С. М. Кузьминъ (**) совсѣмъ отъ нихъ отступился. Я весьма былъ тронутъ симъ позорищемъ. Живетъ она и съ сестрою своею у С. С. Межениновa (***).

Я за часъ передъ симъ пріѣхалъ изъ русской комедіи «Демокритъ». Балетъ былъ *Аполлона и Дафны*. Хочу садиться ужинать одинъ, и я думаю, что мнѣ кусокъ въ горло не пойдетъ. Обыкновенно у тѣхъ людей аппетитъ не великъ, у которыхъ радости мало; а я здѣсь ни какимъ образомъ спокоенъ быть не могу.

Прости, матушка. Не забудь меня, не забудь моихъ комедій и тѣмъ докажи, что ты меня любишь (†).

Mon cher ami! La lettre à ma soeur vous dira l'état de mon âme. Je vous jure, mon cher, que rien ici ne peut me consoler de notre séparation. Aimez moi toujours. Ce la seul chose, de quoi je vous supplie.—Pour exécuter vos ordres j'étais aujourd'hui à l'Académie, mais le libraire n'était pas

---

(*) Гр. Гр. Орловъ.

(**) Сергѣй Матвѣевичъ Кузьминъ, тогда д. с. с., а впослѣдствіи тайный сов., былъ въ кабинетѣ ея величества у принятія челобитенъ и членомъ въ главной надъ таможенными сборами канцеляріи.

(***) Сергѣй Степановичъ Межениновъ, тогда ст. сов. и членъ коммерцъ-коллегіи, въ особливомъ по челобитчиковымъ дѣламъ департаментѣ, впослѣдствіи былъ тайн. сов. и главнымъ судьею въ Спб. конторѣ юстицъ-коллегіи, а потомъ вице-президентомъ коммерцъ-коллегіи и наконецъ мануфактуръ-коллегіи (въ 1779 г.).

(†) Комедіи эти были вѣроятно: Корѣнь (1764) и Бригадиръ (1766), оконченный въ Москвѣ именно въ этомъ отпускѣ Фонъ-Визина.

là. Demain j'irais et j'acheterai s'il le peut les oeuvres de Corneille. Adieu. Сергѣю Герасимовичу (*) нижайшій поклонъ.

Для извѣстія:

Графа П. Г. Чернышева дочь помолвлена за брата князя Василья Борисовича Голицына (**).

С. В. Нарышкинъ опредѣленъ въ должность сенатскаго экзекутора (***).

У А. П. Сумарокова обѣ дочери лежатъ въ оспѣ.

По Дофинѣ здѣсь надѣтъ трауръ на двѣ недѣли, и кажется еще на шесть недѣль по датскомъ королѣ, да на двѣ по братѣ короля англійскаго (†). Я пріѣхавъ сюда, еще цвѣтныхъ кафтановъ не надѣвалъ, а ношу все черный и долженъ носить его еще недѣль девять. Больше писать истинно нечего. Простите.

Сестрицѣ Аннѣ Ивановнѣ желаю здоровья и охоты писать ко мнѣ.

Сестрицѣ Маріѣ Ивановнѣ желаю того-же.

Сестрицѣ Катеринѣ Ивановнѣ желаю того-же и меньше рѣзвиться.

Братцу Александру Ивановичу желаю великихъ успѣховъ въ высокихъ наукахъ.

Братцу Петру Ивановичу желаю того-же и меньше съ печи прыгать.

Санктъ-Петербургъ. 1766. Января 23 и 24 чиселъ.

Объ И. А. Якинѣ всевозможное стараніе приложить не оставлю.

(*) Домашневъ. Тогда онъ еще служилъ въ военной службѣ.

(**) Гр. Петръ Григорьевичъ Чернышевъ (1712—1773), д. т. сов., сенаторъ и андреевскій кавалеръ, былъ посломъ при разныхъ европейскихъ дворахъ. Дочь его Наталья Петровна (1741—1837), отличавшаяся особенною красотою, вышла замужъ за кн. Владиміра Борисовича Голицына (1731—1792). Сынъ ихъ кн. Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ былъ Московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ.

(***) Полковникъ Семенъ Васильевичъ Нарышкинъ съ 1765 г. былъ экзекуторомъ 1-го департ. сената; а съ 1776 г. въ чинѣ стат. сов. вице-президентомъ берг-коллегіи. Онъ писалъ стихи и участвовалъ въ переводѣ статей изъ «Энциклопедіи». Мѣсто экзекутора 1-го деп. онъ занималъ послѣ В. В. Татищева, приговореннаго къ кнуту за подлоги, и передъ Г. Р. Державинымъ.

(†) $^{20}/_{31}$ декабря 1765 г. умеръ дофинъ французскій Людовикъ, отецъ Людовика XVI; $^{3}/_{14}$ января 1766 г. умеръ король датскій Фридрихъ V (род. 1728 г., царств. съ 1746), и въ этомъ же мѣсяцѣ умеръ братъ англійскаго короля Георга III-го, принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ.

XIV.

(Апрѣль 1766).

Матушка сестрица, и любезный другъ.

Сколь много обрадовался я, мой любезный другъ (*), получа отъ тебя строчку на прошедшей почтѣ. Воображеніе то прошло уже теперь, которое меня мучило. Я иногда думалъ что ты болѣнъ; а иногда помышлялъ и о томъ, не сдѣлался-ли ты противъ меня холоденъ, безъ малѣйшей къ тому съ моей стороны причины. Знай, что ты съ сестрицею мнѣ столько любезны, что я для васъ жить хочу; а за то требую отъ васъ въ награжденіе, чтобъ вы вашей спокойною жизнію меня утѣшали.

Нынѣ страстная недѣля, и духъ мой въ единомъ бого мысліи упражняется. Въ животѣ моемъ плаваетъ маслодревяно, такожде и орѣхово. Пироги съ миндалемъ, щепки и гречневая каша не меньше помогаютъ мнѣ въ пріобрѣтеніи душевнаго спасенія. Вчера и сегодня обѣдалъ я у М. В. Приклонскаго; слушалъ завтрени, часы и вечерни, также былъ у обѣденъ, однимъ словомъ, дѣлалъ все то, что должно дѣлать согрѣшившему вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ. И Ванька приноситъ на сихъ дняхъ во грѣхахъ своихъ покаяніе. Разсказывалъ онъ мнѣ, что во время чтенія Ефрема Сирина напалъ на него нѣкоторый родъ дремоты, и бѣ видѣніе страшно: пришелъ къ нему нѣкто изъ темныхъ духовъ во образѣ человѣчествѣмъ, который весьма походилъ на нашего Астрадыма; пришелъ и вопросилъ его: «Гдѣ твоя душа?» Ванька мой вообразилъ себѣ, что то Астрадымъ, съ которымъ онъ всегда обхаживался фамиліарно, отвѣтствовалъ ему, не обинуяся, что онъ о душѣ своей ничего не вѣдаетъ, и что удивляется, какая нужда до души его — повару. Темный духъ, раздраженный таковымъ гордымъ отвѣтомъ, далъ ему знать, кто онъ таковъ. «Я чортъ, а не Астрадымъ», говорилъ онъ ему.—По крайней мѣрѣ ты похожъ на нашего Астрадыма, отвѣчалъ ему Ванька.—«Я нарочно взялъ его видъ, сказалъ чортъ: для того, что изъ смертныхъ поваръ вашъ болѣе всѣхъ на меня походитъ.» Ванька, увидя, что то прямо чортъ, а не Астрадымъ, вострепеталъ отъ сего видѣнія и вдругъ хотѣлъ было перекреститься, но почувствовалъ, что рука его не только не подымается, но еще опускается къ низу и ста-

(*) Аргамаковъ.

новится лошадиною ногою. Уже другая рука его была точно въ таковомъ-же превращеніи, и онъ сталъ на четверенькахъ. Великая и круглая глава его становилась отчасу продолговатѣе; волосы его ощетинились и стали гривою; лишь только глаза его остались въ прежнемъ состояніи, ибо всегда были они лошадиные. Наконецъ, сказывалъ онъ мнѣ, что онъ сталъ точно такая-же лошадь, какъ наша правая коренная, которую я нынѣ нанимаю. Ставъ лошадью, заржалъ мой Ванька, и тѣмъ перепугалъ весь народъ и себя самого такъ, что онъ очнулся и, пришедъ домой, повѣда мнѣ сіе видѣніе.

Впрочемъ, любезные друзья, намѣренъ я васъ просить о покупкѣ мнѣ чего нибудь на лѣтнее платье, также и камзола подъ коричневый кафтанъ, который у меня почти совсѣмъ новъ. — Ежели у васъ нѣтъ денегъ, то займите и увѣдомьте меня сколько на то вы употребили, чтобъ могъ я по первой-же почтѣ перевесть къ вамъ деньги, въ которыхъ нынѣ, слава Богу, я недостатка не имѣю. Сдѣлайте сію милость мнѣ, какъ наискорѣе.— Простите.

M-r Porochine (*) est congedié de la cour pour les impertinances qu'il a fait par raport de mademoiselle Cheremeteff.

Въ Лазарево воскресенье погребали Бестужева (**).

Сколь различна ихъ судьбина!

XV.

Петергофъ, 26 іюня 1766 года.

Милостивый государь батюшка и милостивая государыня матушка!

Я, слава Богу, здоровъ, и живу здѣсь съ Иваномъ Перфильевичемъ. Іюля 1-го дворъ въ городъ возвратится для смотрѣнія каруселя, который будетъ 2-го числа, а потомъ

(*) Полковникъ Семенъ Андреевичъ Порошинъ (1741—1769) вскорѣ по выходѣ изъ корпуса былъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ при государѣ Петрѣ III и съ 1762 г. состоялъ при наслѣдникѣ престола. Онъ оставилъ любопытныя «Записки», къ несчастью не вполнѣ сохранившіяся (изданы въ Петербургѣ, въ 1844).

(**) Государственный канцлеръ гр. Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ умеръ 10 апрѣля 1766 г. на 78 году (Лазарево воскресенье въ 1766 г. приходилось 15-го апрѣля).

всѣ пріѣдутъ опять въ Петергофъ, и, какъ слышно, пробудутъ долго; слѣдовательно и я въ Петербургѣ не останусь за тѣмъ, что Иванъ Перфильевичъ съ собою меня взять изволилъ, а товарища моего (*) оставилъ. Если же иногда вы отъ меня писемъ получать не изволите, то сіе приписать должно тому, что я живу здѣсь, а отсюда иногда въ почтовые дни либо ѣздокъ не случится, либо и опоздать можетъ.

Состояніе мое теперь таково, что я лучшаго не желаю, если только оно продолжится. Иванъ Перфильевичъ ежедневно показываетъ мнѣ знаки своей милости; по крайней мѣрѣ нынѣ не имѣю я того смертельнаго огорченія, которое прежде чувствовалъ отъ человѣка, коего и самая природа, и всѣ на свѣтѣ законы сдѣлали ниже меня и который, не смотря на то, хотѣлъ не только имѣть надо мною преимущество, но еще и править мною такъ, какъ обыкновенно правятъ честными людьми многія твари одинакой съ нимъ породы. Все мое счастіе состоитъ въ томъ, что командиръ мой сколь ни много его любилъ, однако любовь его къ нему преодолѣли его разсужденіе и честь. Иванъ Перфильевичъ, будучи самъ благородный и честный человѣкъ, раскаявается въ прежнемъ своемъ поступкѣ съ Лукинымъ и поклялся впредь не производить въ чины никого изъ тѣхъ, которыхъ отцы и предки во весь свой вѣкъ чиновъ не имѣли и родились служить, а не господствовать (**). Клянусь вамъ Богомъ, что невозможно представить себѣ на мысль всѣ тѣ злости, всѣ тѣ бездѣльническія хитрости, которыя употреблялъ онъ къ повреждению меня въ мысляхъ Ивана Перфильевича и всей его фамиліи. И дѣйствительно, онъ сдѣлалъ было то, что я, не смотря ни на бѣдность свою, ни на то, что долженъ службою искать своего счастія, принужденъ-было оставить службу. Я всегда зналъ, что Иванъ Перфильевичъ честный человѣкъ; однако любовь его къ Лукину приводила меня въ отчаяніе. Слава Богу, что теперь вышелъ онъ изъ заблужденія и узнаетъ мало-по-малу, что любилъ бездѣльника, а во мнѣ узнаетъ честнаго человѣка. Не льзя представить и того, въ какой фуріи теперь

(*) В. И. Лукинъ.

(**) Это указаніе Фонъ-Визина не вѣрно, ибо Елагинъ впослѣдствіи перевелъ Лукина членомъ въ главную дворцовую канцелярію и тамъ производилъ его въ чины до д. ст. сов. включительно.

онъ и на меня, и на самого Ивана Перфильевича, который дѣлалъ ему несказанныя милости и вывелъ его изъ ничего въ люди. Я тому и не дивлюсь: честный человѣкъ обыкновенно терпитъ отъ неблагодарныхъ, и можно сказать, что Иванъ Перфильевичъ согрѣвалъ такую змѣю, которая рада бы теперь ужалить его смертельно, еслибъ только можно было.

Любовь моя къ Ивану Перфильевичу смѣшена съ истиннымъ почтеніемъ къ его достоинствамъ. Онъ имѣетъ разумъ, просвѣщенный знаніемъ; имѣетъ по природѣ доброе сердце и сдѣлалъ себѣ правила честнаго человѣка, которыя столь свято наблюдаетъ, что не только здѣсь въ городѣ отъ своихъ, но и отъ всѣхъ чужестранныхъ имя Елагина произносится съ идеею честнаго человѣка. Онъ очень много любитъ свою націю и умѣетъ дѣлать отмѣну достойнымъ чужестранцамъ. Извольте сами себѣ вообразить, не лестно ли молодому человѣку имѣть такого командира и быть отъ него любиму. Дай Богъ, чтобъ по какимъ-нибудь неожиданнымъ случаямъ не вкрался опять Лукинъ; онъ только одинъ можетъ много вредить его репутаціи. Вы, можетъ быть, изволите подумать, что я, описывая вамъ такимъ командира своего, самъ себѣ противорѣчу, говоря притомъ, что Лукинъ былъ его фаворитомъ, и опасаясь, чтобъ онъ опять не былъ тѣмъ же; однако то неправда и я себѣ не противорѣчу: развѣ самый честнѣйшій и разумнѣйшій человѣкъ не можетъ быть управляемъ негодяемъ? Развѣ не можетъ онъ имѣть своихъ слабостей? Всю сію матерію заключаю тѣмъ, что я не отстану отъ Ивана Перфильевича, доколѣ Богъ велитъ, или чортъ Лукину не поможетъ опять имъ овладѣть и вывести меня изъ настоящаго моего состоянія; однако и тогда, когда я принужденъ буду, избави Боже! оставить мѣсто, не перестану любить и почитать Ивана Перфильевича.

Петергофская жизнь скучна теперь тѣмъ, что вѣтеръ чрезвычайно силенъ и почти въ садъ выйти не льзя. Я читаю здѣсь книги, которыя Иванъ Перфильевичъ съ собою взять изволилъ; дѣлаю то, что онъ мнѣ приказываетъ; а достальное время хожу къ секретарямъ Никиты Ивановича Панина. Я доволенъ тѣмъ, что голова моя не такъ часто болитъ, какъ прежде, и могу сказать, что я здоровѣе прежняго; однако все слабъ по сложенію тѣла. Нетерпѣливо желаю того, чтобъ скорѣе сей годъ кончился и

чтобъ я могъ уже жить съ вами вмѣстѣ, наслаждаясь истиннымъ удовольствіемъ. Не могу пожаловаться на то, чтобъ здѣшняя жизнь моя была мнѣ дурна. Нѣтъ, она довольно хороша, а огорчительна только тѣмъ, что я живу розно со всѣми своими, какъ будто какой изгнанникъ, отлученный отъ своихъ родныхъ за какую нибудь вину. Я не изъ числа тѣхъ молодыхъ людей, которые любятъ вольность, не зная, что въ мои лѣта она очень опасна, и хотѣлъ бы охотно остаться въ Москвѣ, пользуясь вашими наставленіями въ любезной мнѣ неволѣ.

Недостатка я ни въ чемъ не терплю; въ деньгахъ иногда онъ бываетъ, однако я надѣюсь на Бога, во всемъ можетъ быть исправлюсь. Каретникъ мой взялъ съ меня за карету самыя чистыя деньги и обѣщался чинить ее цѣлый годъ; однако это такой негодяй, съ которымъ я насилу лажу и принуждаю его бранью и угрозами держать свое слово. Теперь мнѣ будетъ терпѣть убытокъ, который пришелъ очень не кстати, за тѣмъ, что въ деньгахъ у меня и безъ того изобилія нѣтъ. Мнѣ надобно сдѣлать себѣ шинель, а Ванькѣ, вѣрнѣйшему и глупѣйшему моему служителю, пару платья, о которой онъ сильно мнѣ докучаетъ, представляя въ резонъ многія заплаты на прежней ливреѣ, разность пуговицъ, изъ коихъ иныя золотыя, иныя серебряныя, а иныя гарусныя украшаютъ настоящее его одѣяніе, и множество еще неудобствъ, которыя вынутъ изъ кошелька моего, по моему счету, рублей съ пятнадцать. Всѣмъ моимъ людямъ недавно приключилось несчастіе, за которое я же платить долженъ, а именно: лихіе люди, не убоясь страшнаго суда, украли у нихъ съ чердака всю ветчину. Сей урокъ сдѣлалъ было въ нихъ великое омерзеніе къ временной жизни, а особливо въ Сенькѣ, который съ отчаянія, попущеніемъ Божіимъ, началъ было сокращать время свое, ходя по сосѣдству въ такой домъ, откуда рѣдко ихъ братья трезвые выходятъ. Я не для того пишу, чтобъ приносить на него жалобу; могу сказать, что я истинно доволенъ его честностію, скромностію, вѣрностію и другими многими добродѣтелями. Что жъ надлежитъ до Петрушки, то могу сказать, что онъ, сверхъ натурально-добраго сердца, имѣетъ еще многія дарованія; худо въ немъ только то, что онъ чему ни учился, ничему не выучился. Мнѣ кажется, что онъ будетъ такой же парикмахеръ, ка-

ковъ и грамотѣй. Недавно завилъ онъ меня во множество пуколь, изъ которыхъ каждую хотя онъ и много выхвалялъ однако, можетъ быть за тѣмъ, что мы имѣемъ разные вкусы, мнѣ ни одна пукля не понравилась и я принялъ намѣреніе не давать ему надъ собою показывать свое искусство.

Нынѣшнее время и въ самомъ дѣлѣ досталось мнѣ гораздо больше истратить, нежели должно. Я принужденъ былъ купить себѣ черные и бѣлые чулки и прочее нужное и необходимое. Отъѣхавъ отъ васъ взялъ я только 165 рублей своего жалованья, которыми до сего числа жилъ, то есть, *слишкомъ пять мѣсяцевъ*.

Въ четвергъ будетъ здѣсь огромный маскарадъ въ саду, какъ для знатныхъ, такъ и для простаго народа. Я думаю, что цѣлый городъ сюда будетъ. Посылаю въ Петербургъ за розовою своею доминою.

Н. И. Бутурлинъ, о которомъ я писалъ къ дядюшкѣ, поѣхалъ въ Москву къ своему отцу, для испрашиванія у него благословенія. Я думаю, что въ садахъ вы его изволите увидѣть. Дѣло почти ужъ сдѣлано и государыня сама о томъ извѣстна. Онъ очень будетъ счастливъ, получа въ жену такую достойную особу, какова меньшая дочь Ивана Перфильевича. Она умна, имѣетъ тысячи пріятностей и прекрасное сердце.

Письмо П. И. Фонъ-Визина.

Милостивый государь батюшка и милостивая государыня матушка! На полученныя на нынѣшней почтѣ ваши милостивыя письма въ отвѣтъ, что мы всѣ трое, слава Богу, здоровы. Объ отъѣздѣ моемъ я совсѣмъ неизвѣстенъ, то есть не знаю съ кѣмъ поѣду. Его высочество, сказываютъ, выѣдетъ отсюда 28 нынѣшняго мѣсяца (*) и еслибъ мнѣ удалось ѣхать съ Н. И. Панинымъ, я бъ очень счастливъ былъ; а если этого не сдѣлается, то поѣду или съ вице-канцлеромъ или съ коллегіею послѣ государыни. Вчера поѣхала половина нашей коллегіи, а другая поѣдетъ послѣ. Также и о Петрушѣ какъ изволите

(*) Въ Москву; а императрица въ февралѣ предприняла путешествіе по Россіи и проѣхавъ по Волгѣ, до Казани, возвратилась въ Петербургъ въ январѣ 1768 г. Вѣроятно Д. И. провелъ 1767 годъ въ отпуску въ Москвѣ (ср. письмо отъ 26 іюня 1766 г.), если только не былъ при Елагинѣ, находившемся въ свитѣ государыни.

приказать: съ пажами ли ему ѣхать или особливо на наемныхъ и ѣхать прежде.

А что изволите писать, чтобъ весь экипажъ и прочее отдать кому нибудь на руки, то извольте быть увѣрены, что мы будемъ стараться, чтобъ у насъ ничего не пропало; а что лишнее, то продадимъ. Чтожъ касается до тѣхъ вещей, которыхъ не можно будетъ взять съ собою, то человѣкъ князя Михаила Михаиловича обѣщалъ поставить у нихъ въ домѣ, какъ напримѣръ: канапе, стулья, кровати, шкапъ и проч. Теперь писать болѣе ничего не осталось. За тѣмъ, прося родительскаго благословенія, остаюсь всепокорнѣйшій сынъ вашъ П. Фонъ-Визинъ.

17 $\frac{1}{23}$ 67. *С.-Петербургъ.*

P. S. Милостивой государынѣ моей, тетушкѣ Аннѣ Васильевнѣ, государынѣ моей сестрицѣ и братцу нижайшее почтеніе. При семъ посылаю письмо отъ братца.—Милостивому государю дядюшкѣ Матвѣю Васильевичу и милостивой государынѣ тетушкѣ Аннѣ Ивановнѣ засвидѣтельствую мое усердное почтеніе. Государынямъ моимъ сестрицамъ и братцу приношу покорнѣйшій поклонъ.

XVI.

Милостивый государь батюшка и милостивая государыня матушка!

Вчера пріѣхалъ я съ И. П. изъ Сарскаго села благополучно. Въ день рожденія надѣта была андреевская лента на Гр. А. Г. Орлова (*).

Дядюшка и тетушка съ братомъ, слава Богу, здоровы. О братѣ А. И. докладъ былъ поданъ третьяго дня, да такое несчастье, что государыня не изволила еще имѣть времени оный апробовать. Надѣюсь того или другаго сего дня или завтра. Въ докладѣ написанъ ему капитанскій чинъ и 250 р. жалованья.

Чернышова справки на сей почтѣ послалъ.

За тѣмъ, прося родительскаго благословенія отъ васъ, остаюсь всепокорнѣйшій сынъ вашъ Д. Фонъ-Визинъ.

24 апр. 1768.

Приписка П. И. Фонъ-Визина: Милостивый государь батюшка и милостивая государыня матушка! Я теперь лишь только у дядюшки отобѣдалъ и ѣду въ полкъ. У насъ нынче почти всякій день бываютъ ротные строи, при которыхъ мнѣ быть непремѣнно должно. Мы, слава Богу, здоровы. За тѣмъ, прося родительскаго благословенія, всепокорнѣйшій сынъ вашъ П. Фонъ-Визинъ.

(*) Гр. Алексѣй Григорьевичъ Орловъ получилъ андреевскій орденъ 1768 г. 21 апрѣля (день рожденья императрицы Екатерины II).

XVII.

Милостивый государь батюшка и милостивая государыня матушка!

Мы оба, слава Богу, здоровы. Удивляюсь, что ни одинъ изъ братцевъ еще сюда не бывалъ. Ежели жъ братъ А. И. выѣхалъ въ субботу, такъ пора уже ему сюда пріѣхать.

Я сіе пишу въ домѣ И. П. и для того отъ Петруши письма не прилагаю; однако онъ здоровъ и Алексѣй вчера еще приходилъ на него съ жалобою. Квартиру нанялъ я у купца Щербакова рублемъ дороже. Однако изряднѣе покои и близь дядюшки, почти обо дворъ. Я теперь въ превеликой работѣ: пишу письма въ Голландію.

Болѣе писать нечего и некогда. Я жду И. П. изо дворца къ обѣду, а послѣ обѣда работать буду. Впрочемъ, прося родительскаго благословенія, остаюсь всепокорнѣйшій сынъ вашъ Д. Фонъ-Визинъ.

6 Мая.

Матушка сестрица и любезный другъ, здравствуйте.

(*На конвертѣ*: Милостивому государю батюшкѣ Ивану Андреевичу его высокородію фонъ-Визину. Въ Москвѣ).

Письмо А. И. Фонъ-Визина.

Милостивый государь батюшка и милостивая государыня матушка! На полученныя отъ васъ милостивыя письма въ отвѣтъ доношу, что я еще и до сихъ поръ не получилъ того, чтобъ меня изъ полка выключили. И. П. божится, что все время живучи въ Петергофѣ не видалъ г. З. Г.(*), а завтра И. П. съ братцемъ поѣдетъ въ Петергофъ, гдѣ и увидитъ г. З. Г. Я братца всякій разъ прошу, а онъ также трудитъ этимъ И. П., который велѣлъ братцу меня увѣрить, что это непремѣнно будетъ сдѣлано и сказалъ, что-де большая нужда въ томъ была, чтобъ государыня изволила пожаловать меня, а теперь дѣло все зависитъ отъ г. З. Г., который тотъ же часъ, какъ увидится съ И. П., можетъ сдѣлать; а какъ я это получу, то конечно васъ увѣдомлю. Къ И. М. Хвостову я на прошедшей недѣлѣ ѣздилъ, да только не получилъ его дома; на этихъ дняхъ я конечно поѣду и провѣдаю отъ него все то, что вы приказать изволили. Мы живемъ по милости вашей всѣмъ довольны. Мука крупичатая есть, ма-

(*) Генералъ-аншефъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ (1722—1784), бывшій въ то время вице-президентомъ военной коллегіи, впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ и московскій главнокомандующій. Онъ былъ женатъ на Аннѣ Родіоновнѣ Веделъ (1744—1830), родной сестрѣ второй жены гр. Петра Ивановича Панина.

сло также есть; яицъ недавно я съ братцемъ П. И. купили на баркѣ двѣсти. Правда, что у насъ живности только одной не достаетъ, безъ которой легко можемъ обойтиться. Муки ситной у насъ нѣтъ, о чемъ на прошедшей почтѣ я васъ, милостивыхъ государей, просилъ. Мы здѣсь почти всякій день обѣдаемъ или ужинаемъ у дядюшки, который изволитъ присылать всякій почти день звать къ себѣ и ежели который день у нихъ не побываешь, то всегда изволятъ спрашивать, что для чего у нихъ не былъ и мы, можно сказать, чрезвычайно ими обязаны. Люди у насъ всѣ служатъ довольно хорошо и мы ими довольны, да и они не могутъ пожаловаться о томъ, чтобъ мы ихъ дурно содержали. Объ отправленіи кареты и лошадей ко мнѣ васъ, милостивыхъ государей, нижайше прошу, чтобъ изволили поскорѣе отправить, въ чемъ я имѣю крайнюю нужду. Здѣсь теперь жестокіе жары и пѣшкомъ все ходить чрезмѣрно трудно. Третьяго дня я ѣздилъ съ дядюшкой и тетушкой въ кадетскій корпусъ. Тамъ былъ концертъ и видѣли братца А. М., который слава Богу здоровъ. За тѣмъ болѣе донести не имѣя, остаюсь, прося родительскаго благословенія, всенижайшій сынъ вашъ А. Фонъ-Визинъ.

Іюня 26 дня 1768 года. С. Петербургъ.

Тетушкѣ, сестрицамъ и Василью Алексѣевичу мое почтеніе.

XVIII.

Петербургъ, 22 Іюля 1768 г.

Милостивый государь батюшка и милостивая государыня матушка!

На сей почтѣ получили мы два милостиныя письма ваши: одно къ намъ, а другое для показанія нашимъ командирамъ; за что приносимъ нижайшую нашу благодарность. Я съ своей стороны чрезмѣрно желаю васъ видѣть и надѣюсь, что скоро то исполнится. На мѣсто Ивана Перфильевича опредѣляется генералъ-маіоръ Стрекаловъ (*), и такъ мнѣ нужно видѣть теперь одно только то, чтобъ дѣла наши исправно сданы были. Вы изволите знать, что я ихъ дѣлалъ цѣлый годъ и слѣдственно обстоятельство сіе привлекаетъ меня ожидать того времени, въ которое бы я совершенно съ тѣми дѣлами развязался. Впрочемъ я долго и того ждать не буду, а при удобномъ случаѣ покажу ваши письма и непремѣнно возвращусь. Желаніе мое быть скорѣе въ Москвѣ неописанно. Мнѣ очень здѣсь скучно,

(*) Степанъ Ѳедоровичъ Стрекаловъ въ 1768 г. былъ опредѣленъ въ кабинетъ ея величества у принятія челобитенъ. Потомъ онъ былъ, въ чинѣ тайнаго совѣтника правителемъ канцеляріи «учрежденнаго при дворѣ ея императорскаго величества совѣта».

хотя вы и думать прежде изволили, будто я провожаю здѣсь жизнь мою въ весельѣ. Дѣла наши снятіемъ дѣлъ челобитческихъ совершенно облегчены, однако я каждый день у Ивана Перфильевича бываю(*); а сколь это безпокойно, то самъ Богъ видитъ. Въ производствѣ же моемъ надежды никакой нѣтъ. По крайней мѣрѣ Иванъ Перфильевичъ о томъ, кажется, уже забылъ; напоминаніе жъ мое было бы излишне. Онъ меня любитъ; да вся его любовь состоитъ только въ томъ, чтобъ со мною отобѣдать и проводить время. О счастьи же моемъ не рачитъ онъ нимало, да и о своемъ не много помышляетъ, а держится одною удачею. Словомъ сказать, жизнь свою ведетъ точно какъ въ Москвѣ, чему вы сами свидѣтелемъ были. По должности своей главное прилежаніе и тщаніе устремляетъ онъ къ заведенію благонравія при придворныхъ ея императорскаго величества театрахъ. Къ пользѣ человѣческаго рода каждую недѣлю даютъ здѣсь по трагической, или комической штукѣ. Льются слезы о несчастіи театральнаго героя, а бѣдный Чур., который несчастливъ не на шутку, забытъ, да и помнить о немъ не велятъ. Вотъ какъ въ свѣтѣ дѣла идутъ! Я истинно получилъ ужасное омерзеніе ко всѣмъ вздорамъ, въ которыхъ нынѣшняго свѣта люди главное свое удовольствіе полагаютъ. Счастіе свое полагаю я въ одномъ спокойствіи, котораго, живучи безъ васъ, я конечно чувствовать не могу. Радъ бы жить вѣчно съ вами. Третьяго дня былъ я у графа Р. Л. В. (**) и письмо ваше ему отдалъ. Онъ принялъ меня очень хорошо, поручилъ мнѣ увѣрить васъ о своемъ къ вамъ почтеніи и о стараніи въ вашу пользу. Онъ сказалъ, что ваше дѣло будетъ сдѣлано. Въ четвергъ поѣду я къ нему обѣдать. Онъ меня очень приласкалъ, да и немудрено. Когда большіе бояре держатся въ черномъ тѣлѣ, тогда они всего любезнѣе въ свѣтѣ; а

(*) Елагинъ былъ сдѣланъ сенаторомъ и оставался вице-президентомъ главной дворцовой канцеляріи, и при кабинетѣ ея величества у собственныхъ дѣлъ (но не у *принятія челобитенъ*) и «надъ спектаклями главнымъ директоромъ». Лукинъ и Фонъ-Визинъ оставались при Елагинѣ.

(**) Романъ Ларіоновичъ Воронцовъ (1707 —1783), отецъ княгини Е. Р. Дашковой; онъ былъ тогда сенаторомъ, генералъ-аншефомъ и камергеромъ, но не имѣлъ особаго назначенія, кромѣ «директіи надъ ревизіонъ-коллегіею». Въ 1778 г. назначенъ Владимірскимъ намѣстникомъ, въ 1780 г. Владимірскимъ, Тамбовскимъ и Пензенскимъ, а въ 1781 Владимірскимъ и Костромскимъ генералъ-губернаторомъ.

какъ скоро изъ него выходятъ, то всѣхъ людей становятъ прахомъ предъ собою, и думаютъ, что царствію ихъ не будетъ конца. Въ пятницу было брачное сочетаніе его сіятельства генералъ-прокурора (*). Дай Богъ ему доброе здоровье; онъ женился какъ и всѣ простолюдины; свадьба была въ Петергофѣ, и сказываютъ, что 10,000 рублей на свадьбу пожаловано. Больше вѣстей никакихъ нѣтъ. Въ кадетскомъ саду видаю я по воскресеньямъ братца А. М., а чтобъ лучше знать о ихъ содержаніи, то былъ уже я не одинъ разъ при столѣ ихъ: они изрядно содержатся. Строгости ни малой не употребляется при ихъ воспитаніи. Говорятъ, будто меньшіе кадеты не такъ хорошо содержатся и пріучаютъ ихъ къ нуждѣ. Здѣсь учреждены съѣзды и назначены дни для кадетскаго корпуса, для монастыря и для академіи художествъ. Итакъ петербургскіе жители раздѣляютъ цѣлую недѣлю на удовольствованіе своего любопытства и на свое веселье. Гульбища по садамъ занимаютъ также довольно времени; однако болѣе всего съѣзжаются на Каменный, Крестовскій и Петербургскій острова; дѣлаютъ тамъ на полѣ ужины и веселятся. На Петровскомъ острову былъ я въ субботу съ братьями. Насъ всѣхъ взялъ съ собою дядюшка; онъ со всею фамиліею туда ѣздить изволилъ. Обѣдали мы у Рѣзвова; катались на шлюпкѣ, качались, играли въ фортуну и время свое довольно весело проводили. Каждый день бываю я у дядюшки, да и нельзя иначе. Онъ насъ жалуетъ, да близость мѣста не допускаетъ насъ долго быть розно. Мы живемъ почти другъ противъ друга.

Я пишу сіе въ домѣ Ивана Перфильевича и расположился было написать цѣлый листъ кругомъ, да не льзя: Ив. Перф. изъ Сената пріѣхалъ и для того письмо мое прерываю, прося навсегда родительскаго вашего благословенія.

(*) Кн. Александръ Алексѣевичъ Вяземскій (1727—1793) былъ генералъ-прокуроромъ съ 1764 г., кромѣ того онъ предсѣдательствовалъ въ комиссіи составленія проекта уложенія, исправлялъ должн. госуд. казначея, завѣдывалъ иностранными поселенцами, опекунскими совѣтами и С.-Петербургскими городскими постройками. Женатъ былъ на кн. Еленѣ Никитишнѣ, дочери фельдмаршала и генералъ прокурора кн. Никиты Юрьевича Трубецкаго.

XIX.

Милостивый государь батюшка и милостивая государыня матушка!

На полученныя по нынѣшней почтѣ милостивыя ваши письма ничего въ отвѣтъ донести не имѣю, какъ только то, что я на просьбу мою никакой резолюціи не имѣю. Со всѣмъ тѣмъ я не оставлю ничего къ скорѣйшему окончанію или моей отставки, или перемѣны мѣста. Такая бѣда моя, что никто прямо отъ него(*) брать меня не хочетъ; а на него я никакой надежды не имѣю. Онъ говоритъ, что я, пошедъ въ отставку, самъ себя погублю, и что, перемѣня мѣсто, будто также самъ себя погублю; а не погублю себя, оставшись у него. Слыханы ли въ свѣтѣ такіе отвѣты? Какъ бы то ни было, я съ нимъ въ нынѣшнемъ же мѣсяцѣ разквитаюсь. Мнѣ жить у него несносно становится; а объ отставкѣ я не тужу: года черезъ два или черезъ годъ войду въ службу, да не къ такому уроду.

Затѣмъ, прося родительскаго благословенія, остаюсь всепокорнѣйшій сынъ вашъ Д. Фонъ-Визинъ.

Сентября 11 дня 1768.

О Хлоповѣ я ничего донести не могу. Онъ живетъ здѣсь за своимъ дѣломъ, которое Богъ знаетъ когда кончится. Сказываютъ, что онъ на Роговикову подалъ государынѣ челобитную.

Напрасно, милостивая государыня матушка, сказывали вамъ, что Т. о женѣ своей затужился и что ждетъ ее въ Москву. Доказательство тому то, что онъ самъ здѣсь живетъ третій мѣсяцъ; такъ видно, вамъ жестоко о томъ солгано. Они оба живутъ благополучно у А. П. Апраксиной (**), а скоро ли будутъ они въ Москву не знаю, потому что подалъ онъ челобитную Кузьмину, а о рѣшеніи вѣдаетъ Богъ. Вѣрьте мнѣ, какъ честному человѣку, что мое съ нимъ знакомство ничего предосудительнаго мнѣ не дѣлаетъ.

Матушка сестрица и любезный другъ, здравствуйте. Живите благополучно и поцалуйте за меня вашего сына.

(*) Елагина.

(**) Анна Павловна Апраксина, рожденная Ягужинская (1732—1801).

Приписка А. И. Фонъ-Визина: Милостивый государь батюшка и милостивая государыня матушка! Мы всѣ слава Богу здоровы. Сегодня я обѣдалъ у дядюшки, а братецъ Д. И. обѣдалъ у И. П. и пріѣхавъ отъ него написалъ къ вамъ письмо, и опять поѣхалъ къ нему. Здѣсь новаго ничего нѣтъ, кромѣ того, что сегодня государыня изволила перейти въ зимній домъ. Затѣмъ, не имѣя болѣе донести остаюся, прося родительскаго благословенія, всепокорнѣйшій сынъ вашъ А. Фонъ-Визинъ.

11 сентября 1768 г. С.-Петербургъ.

Тетушкѣ, сестрицамъ и Василью Алексѣевичу мое почтеніе и нижайшій поклонъ. Отъ Петруши письма для того нѣтъ, что онъ во дворцѣ дежурный, а П. И. поутру поѣхалъ въ полкъ въ учрежденную комиссію отъ полка по слѣдствію, и до сихъ поръ не бывалъ, а теперь уже 7 часовъ. Боюся, чтобъ не упустить почты.

Письмо А. и П. Фонъ-Визиныхъ.

1769 года, марта 26 дня. С.-Петербургъ.

Милостивый государь батюшка и милостивая государыня матушка! Мы слава Богу всѣ здоровы. Вчера дожидались выхода нашихъ докладовъ, однако ничего не дождались. Сказываютъ, что отложено до 21 апрѣля. Теперь ѣду я къ дядюшкѣ и тамъ буду сидѣть цѣлый вечеръ. Болѣе донести ничего не имѣя, остаюсь, прося родительскаго благословенія, всепокорнѣйшій сынъ вашъ П. Фонъ-Визинъ.

P. S. сестрицамъ и братцу почтеніе. Письмо Пушкину еще не отдано, однако я его увижу и конечно отдамъ.

Милостивый государь батюшка и милостивая государыня матушка! На сей почтѣ милостивыя письма ваши мы получили, на которыя въ отвѣтъ доношу, мы всѣ трое слава Богу здоровы. О сосѣдѣ Хлоповѣ навѣдываться стараться будемъ. Сына его я видаю нерѣдко у Дмитревскаго, который женатъ на Роговиковой(*). Дмитревскій намъ сказывалъ, что этотъ малый добрый и что случалось ему съ нимъ говорить о нашемъ дѣлѣ и онъ ему на это отвѣчалъ, что я-де тысячу разъ отцу своему объ этихъ обидахъ говорилъ, однако онъ меня въ этомъ не слушалъ. Итакъ мы, конечно, отъ Дмитревскаго навѣдаемся объ немъ и васъ увѣдомимъ. П. И. Погорецкаго(**) дѣло еще не рѣшено и скоро ли рѣшится неизвѣстно. Сказываютъ, что ему велѣно не знаю какую книгу перевесть и онъ почти все время сидитъ дома. Затѣмъ не имѣя ничего болѣе донести, остаюсь, прося родительскаго благословенія, всепокорнѣйшій сынъ вашъ А. Фонъ-Визинъ.

Марта 26 дня 1769 г. С.-Петербургъ.

(*) Не Дмитревскій, а Хлоповъ. На ней, по смерти Хлопова, адъютанта гр. Зах. Григ. Чернышева, женился Д. И. Фонъ-Визинъ.

(**) Петръ Ивановичъ Погорецкій, докторъ медицины, обучавшійся въ Лейденскомъ университетѣ, перевелъ нѣсколько медицинскихъ сочиненій: «Исторію и Записки Амстердамскаго общества, составившагося въ пользу утопшихъ» (1768), «Опытъ о трезвой жизни» (1768) и др., а также нѣсколько статей изъ «Энциклопедіи».

Съ братцемъ П. И. полуимперіалъ я получилъ, за который я въ тожъ самое время васъ нижайше благодарилъ; а ежели паче чаянія я васъ не благодарилъ, то теперь васъ, милостивые государи, нижайше благодарю.

Тетушкѣ, сестрицамъ, братцу и Василью Алексѣевичу и дорогому племяннику мое нижайшее почтеніе.

Отъ Петруши письмо къ вамъ посылаю. Онъ слава Богу здоровъ.

XX.

(1770).

Я еще тебѣ повторяю, что не могу надивиться тому, какъ могла ты возмутиться тѣмъ, что должно бъ послужить къ твоему удовольствію. Бога ради, выкинь изъ головы такую пустошь. Братъ въ огнѣ не будетъ, да сверхъ того ты знаешь, что я его самъ конечно не меньше вашего люблю, и еслибъ я внутренно не удостовѣренъ былъ о томъ, что поѣздка его въ Морею ему полезна, то бъ конечно онъ туда и не поѣхалъ. Буде же вамъ всѣмъ это неугодно, не смотря ни на какіе резоны, то для чего вы мнѣ не сказали тогда же, когда я о томъ писалъ къ нему въ Москву. Я очень увѣренъ, что онъ по вашему же совѣту согласился на мое предложеніе и пріѣхалъ сюда еще прежде срока.

Въ окончаніе всего увѣряю я тебя всѣмъ, что есть свято, что братъ въ совершенной безопасности и на пути къ своему счастью.

Что же надлежитъ до меня, то знай, матушка, что я весьма скучаю придворною жизнью. Ты вѣдаешь, созданъ ли я для нея. Между тѣмъ я положилъ за правило стараться вести время свое такъ весело, какъ могу; и если знаю, что сегодня въ такомъ-то домѣ будетъ мнѣ весело, то у себя дома не остаюсь; словомъ, когда бъ меня любовь не такъ смертельно жгла, то бъ я жилъ изряднешенько.

Но страсть моя меня толико покорила,
Что весь разсудокъ мой въ безумство претворила.

Прости, матушка. Я палую твои ручки, обнимаю моего любезнаго друга, и дѣтямъ твоимъ кланяюсь.

P. S. 1) М. М. Хераск. съ женою живутъ смирно(*). Онъ

(*) Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ (1733—1807), извѣстный писатель. Въ 1763—1770 г. онъ былъ директоромъ московскаго университета, въ 1770—1775 г. вице-президентомъ берггъ-коллегіи; потомъ былъ въ отставкѣ и вновь опредѣленъ, съ 28 іюня 1778 г. куратороиъ московскаго университета. Онъ былъ женатъ на Елизаветѣ Васильевнѣ Нероновой.

также съ полпива пьянъ, а ея дома не застанешь.—М. В. Приклонск. нерѣдко такія вытаски даетъ А. И., что дѣло доходитъ до святѣйшаго синода.

P. S. 2) Братъ Павелъ оставилъ здѣсь Замятнину въ тоскѣ и горькомъ плачѣ. Онъ же, благодаря Бога, разставаясь съ нею, о стѣну головою не стукнулся. Я думаю, что гречанки заставятъ его забыть россіянку. Его сердце въ разсужденіи нѣжной страсти на мое непохоже. Я вѣренъ, яко горлица.

Гдѣ я ни буду жить, доколѣ не увяну,
Дражайшую мою любить не перестану;
Но брата восхотѣлъ отселѣ удалить,
Чтобъ могъ онъ, удаленъ, Замятнину забыть.

Прости, матушка.

XXI.

(1771).

Къ Вас—ю Алекс—чу.

Изъ письма къ дядюшкѣ увидишь ты, что бѣдный братъ страждетъ. Бога ради, любезный другъ, скрывай ты эту вѣдомость отъ всѣхъ домашнихъ, а паче отъ сестры. По крайней мѣрѣ, до полученія обстоятельнаго извѣстія. Я самъ разспрашивалъ курьера, который хотя и не видалъ, какъ онъ разбился, но видѣлъ его больнаго. Онъ уже въ Дрезденѣ. Тутъ пускали ему кровь, *parcequ'il a craché du sang noir*, что однакоже доктора не признаютъ за опасное. Признаюсь тебѣ, братецъ, что я съ горя внѣ себя. Жду нетерпѣливо будущей почты; а ты остерегай, чтобъ кто нибудь незнакомый не проврался въ нашемъ домѣ. Между тѣмъ не отчаявайся и будь столько великодушенъ, сколько я такимъ быть стараюсь. Можетъ быть Богъ его и исцѣлитъ. Ободряетъ меня то, что онъ изъ Ливурны могъ разбитый доѣхать до Дрездена съ тѣмъ курьеромъ, который мнѣ объ немъ принесъ прискорбныя вести.

Я обнимаю тебя отъ всего моего сердца (*).

(*) Вотъ что писалъ П. И. Фонъ-Визинъ къ сестрѣ, изъ Дрездена, отъ $^{1}/_{12}$ января 1772 г.

«Благодарствую матушка сестрица, Ѳедосья Ивановна: за два твои письма. Я очень напоминовеніемъ твоимъ доволенъ и увѣренъ, что вы всѣ меня любите не меньше. Никогда вы столько полезны мнѣ быть не могли,

XXII.

(1773).

Что это такое, мой любезный другъ, я сей моментъ услышалъ, что ты уже третій день въ Петербургѣ, а мнѣ не даешь знать ни однимъ словомъ о своемъ пріѣздѣ. Или ты болѣнъ, или ты, не знаю не вѣдаю за что, на меня сердитъ. И то и другое мнѣ жестоко прискорбно. Я теперь нарочно посылаю Алексѣя отыскать тебя. Бога ради, напиши ко мнѣ билетецъ, здоровъ ли ты и гдѣ мнѣ тебя сыскать. Я завтра къ вечеру всѣми силами стараться буду пріѣхать для тебя въ городъ и обнять тебя отъ всего сердца.

У насъ вчера пріѣхали гости. О пріемѣ ихъ и обо всемъ перескажу тебѣ на словахъ. Прости. Je vous embrasse mille fois. Au nom du Dieu, repondez moi, et dites la raison de votre silence. Quand tout le monde sait que vous étes arrivé, c'est moi que l'ignore, moi qui vous en être instruit le premier, étant votre frère et ami.

Царское Село. Въ 6 часовъ послѣ обѣда.

XXIII.

(1773).

Матушка сестрица, другъ мой, я начинаю къ тебѣ большое письмо, считая за долгъ сердца моего и за душевное

какъ при несчастномъ моемъ приключеніи, котораго я по сію пору безъ ужаса вспомнить не могу, будучи тогда въ отчаяніи о жизни. Слава Богу, что я такъ дешево расквитался. Ежели бъ вы меня видѣли часовъ пять послѣ, вы бъ сказали конечно, что я дня не переживу. Однако, слава Богу, все прошло и я пришолъ почти въ мое прежнее состояніе. Всѣмъ этимъ долженъ я князю А. М. (*), котораго милости я вѣчно въ сердцѣ моемъ носить буду, тѣмъ болѣе, что они оказываемы были имъ безъ всякихъ заслугъ моихъ. Первое письмо твое, матушка, столь жестоко меня смутило, что я цѣлую недѣлю хоцилъ безъ ума. Ты писала, что вы живете у батюшки и что одни мои письма составляютъ въ жизни вашей удовольствіе, — что мнѣ было подумать, не видя при томъ ни батюшкиной, ни матушкиной руки, сверхъ того, что я отъ брата получалъ я въ то время письмо, писанное чужою рукою. Сообразя все это, не могъ я себѣ ничего добраго представить и дожидался другой почты съ трепетомъ. Сколь же велико было мое удовольствіе, когда на другой получилъ я отъ всѣхъ отъ васъ письма. Бога ради, матушка, не пиши ты ко мнѣ впередъ такими экивоками: они могутъ всякаго съ ума свести,» и пр.

(*) Кн. Андрей Михайловичъ Бѣлосельскій, чрезвычайный посланникъ въ Дрезденѣ.

мое удовольствіе говорить съ тобою всегда и обо всемъ открытою душою.

Начну о В. А. Онъ остался здѣсь, и не отыскавъ себѣ мѣста, не хочетъ оставлять Петербурга. Съ одной стороны онъ правъ, съ другой неправъ. Правъ, потому что ѣздя сюда почти всякій годъ, конечно надобно однажды приняться о себѣ серьёзно и не смотря, что здѣсь нѣсколькими мѣсяцами проживетъ больше, добиваться мѣста, для освобожденія себя, тебя и дѣтей вашихъ отъ несноснаго недостатка.

Не потаю отъ тебя, друга моего, и о томъ, почему онъ неправъ. Съ пріѣзда своего отдыхалъ онъ недѣлю. Я молчалъ. Пусть его отдыхаетъ. И въ это время не знакомилъ я его съ моими знакомыми домами, чтобъ намъ не быть розно. На другой недѣлѣ началъ я дружески и по твоему письму совѣтовать ему, чтобъ онъ позволилъ мнѣ представить его графу моему, черезъ котораго можно сблизиться съ великимъ княземъ. Онъ на то согласился, хотя представленіе свое отъ дня въ день и откладывалъ. Чѣмъ больше шло время, тѣмъ больше я ему самымъ дружескимъ образомъ совѣтовалъ меня послушать и идти со мною къ графу. Наконецъ, отнѣкиваяся, сказалъ онъ мнѣ, что онъ этого не хочетъ, потому что у него нѣтъ кафтана, а мундиръ сшитъ худо. Ты знаешь, матушка, что мудрено его своротить съ упрямства. Я представлялъ ему, что кафтанъ ничего не значитъ, и что кафтаномъ и самымъ богатымъ здѣсь не удивишь; но сіе не помогло. Прошло уже пять недѣль и онъ не сдѣлалъ ни одного шага къ исканію своего мѣста. Тутъ я къ нему присталъ сильно и онъ мнѣ далъ честное слово идти къ Васильчикову(*); ѣздилъ со мною въ Петергофъ, былъ у Васильчикова, который и просилъ за него Вяземскаго(**), но Вяземскій сказалъ, что онъ мѣсто здѣсь губернскаго прокурора, о которомъ В. А. просилъ, назначилъ другому. Слѣдственно Вяземскій ему и отказалъ. Я зная, что пріѣздъ его сюда безполезенъ, о чемъ и къ вамъ прежде еще писалъ, сталъ уговаривать его, чтобъ онъ послѣ этого отказа поѣхалъ съ братьями, потому что онъ самъ видитъ, что жить здѣсь будетъ попустому. Но онъ сталъ въ томъ, что еще искать мѣста будетъ и здѣсь остается.

(*) Камергеръ и любимецъ императрицы.

(**) Генералъ-прокуроръ.

Сколь ни дружески мы съ нимъ живемъ, однако, зная упрямый нравъ его, я не хотѣлъ больше докучать; братьевъ отправилъ однихъ, а онъ здѣсь остался.

Не подумай, матушка, чтобъ онъ со мною не ладилъ. Нѣтъ; кромѣ этого пункта, на которомъ онъ заупрямился, мы очень дружны. Я съ пріѣзда его открылъ ему мою душу и всѣ тайны мои по здѣшнимъ обстоятельствамъ. Онъ сохранитъ ихъ и подастъ мнѣ совѣты дружескіе; а что онъ къ тебѣ не писалъ объ нихъ, въ томъ онъ имѣлъ резонъ, потому что этого бумагѣ ввѣрить нельзя.—Я читалъ твои къ нему письма и онъ растолковалъ мнѣ, что чрезъ *домашнія дѣла* разумѣла ты здѣшнія. Видно, что онъ худо съ тобою изъяснился, когда ты взять могла подозрѣніе на мою скромность, или на его политику. Нѣтъ; я ему все сказалъ, что за душою, а онъ по резону не смѣлъ къ тебѣ писать обо всемъ обстоятельно.

Не знаю, на долго ли онъ здѣсь останется, а знаю только то, что пребываніе его здѣсь безплодно. Дѣло въ томъ, что онъ всѣ мои совѣты объ отъѣздѣ слушаетъ, по упрямству, съ негодованіемъ. Ему здѣсь, конечно, скучно и онъ не наживетъ здѣсь долго; да такая причина, что заупрямился и съ братьями не ѣдетъ.

Ты знаешь, матушка, честность сердца моего и сколько душа моя къ тебѣ привязана. Я его люблю сердечно и по тебѣ и по немъ самомъ. Пусть Богъ меня накажетъ, ежели васъ раздѣляю отъ себя самого. Онъ самъ это знаетъ и внутренно увѣренъ, что я ему совѣтую ѣхать безпристрастно. Онъ мнѣ никакой и ни въ чемъ тягости не дѣлаетъ своимъ здѣсь житьемъ. Я ему радъ душою, да жалѣю о томъ, что онъ живетъ здѣсь попустому уже пять недѣль; какъ бы я не наступилъ ему на горло, такъ бы онъ не сходилъ и къ Васильчикову, да и сверхъ его нерадѣнія, по чести скажу тебѣ, что не то время теперь, чтобъ искать кому нибудь мѣста.

Вотъ все, что я о немъ сказать могу. Пиши ты къ нему, матушка, чтобъ онъ пересталъ упрямиться и здѣсь попустому время не тратилъ, а по мнѣ—я радъ ему душевно. Пусть здѣсь живетъ, авось либо ему и удастся.

Теперь скажу тебѣ о нашихъ чудесахъ. Мы очень въ плачевномъ состояніи. Всѣ интриги и всѣ струны настроены, чтобъ графа отдалить отъ великаго князя, даже до то-

го, что подъ претекстомъ, перестроивать покои во дворцѣ, велѣно ему опорожнить тѣ, гдѣ онъ жилъ. Я грѣшный получилъ повелѣніе перебраться въ канцлерскій домъ, а дѣла всѣ отвезть въ коллегію. Богъ знаетъ, гдѣ графъ будетъ жить, и на какой ногѣ. Только все плохо, а послѣдняя..... (*) будетъ въ сентябрѣ, то есть бракъ его высочества, гдѣ мы судьбу нашу совершенно узнаемъ.

Князь Орловъ съ Чернышевымъ злодѣйствуютъ ужасно гр—у Н. И., который мнѣ открылъ свое намѣреніе, то-есть, буде его отлучатъ отъ великаго князя, то онъ тужъ минуту пойдетъ въ отставку. Въ такомъ случаѣ, Богъ знаетъ, что мнѣ дѣлать, или лучше сказать, я на Бога положился во всей моей жизни, а наблюдаю того только, чтобъ жить и умереть честнымъ человѣкомъ.

Злодѣй Сальдернъ перекинулся къ Орловымъ, но и тѣ подлость души его узнали, такъ что онъ дня черезъ два отправляется въ Голстинію (**).

Великій князь смертно влюбленъ въ свою невѣсту и она въ него. Тужитъ онъ очень, видя худое положеніе своего воспитателя, и слыша, что его отдаляютъ и даютъ на его мѣсто: иные говорятъ Елагина, иные Черкасова, иные гр. Ѳедора Орлова.

Развращенность здѣшнюю описывать излишне.—Ни въ какомъ скаредномъ приказѣ нѣтъ такихъ стряпческихъ интригъ, какія у нашего ..... всеминутно происходятъ, и все вертится надъ бѣднымъ моимъ графомъ, котораго терпѣнію, кажется, конца не будетъ. Брата своего (***) онъ сюда привезти боится, чтобъ еще скорѣе ему шеи не сломили, а здѣсь ни одной души не имѣетъ, кто бъ ему былъ истинный другъ. Ужасное состояніе. Я ничего у Бога не прошу, какъ чтобъ вынесъ меня съ честію изъ этого ада. В. А., пріѣхавъ къ тебѣ, все подробнѣе разскажетъ, ибо я всякій день съ нимъ разговариваю объ этомъ и онъ всю эту связь въ головѣ имѣетъ. — Прости, матушка, цалую твои ручки и дѣтей твоихъ.—Впрочемъ, даю тебѣ честное слово уговаривать его скорѣе отсюда выѣхать, не огорчая

(*) Не разобрано.

(**) Сальдернъ состоялъ собственно въ голштинской службѣ, но долгое время былъ употребляемъ русскимъ правительствомъ по дипломатической части.

(***) Гр. Петра Ивановича, который тогда жилъ въ отставкѣ, въ Москвѣ.

его и самымъ дружескимъ образомъ. У него честное сердце, да нравъ преудивительный. Прости, матушка.

XXIV.

(1773).

Письмо твое, матушка сестрица, тронуло сердце мое до слезъ. Я вижу дружбу твою, которая заставляетъ тебя взять нѣкоторое подозрѣніе на минутную холодность между мною и другомъ моимъ В. А. Если онъ виноватъ холоднымъ письмомъ своимъ къ тебѣ, то вѣрно безъ умысла. Характеръ его тебѣ извѣстенъ. Я божусь тебѣ по чести, что, получа письмо твое, онъ очень огорчился; завтра или сегодня скажетъ Бецкому (*) о своемъ въ Москву отъѣздѣ, и поѣдетъ къ тебѣ тотчасъ. Что же касается до меня, то повѣрь мнѣ, что я умѣю сохранить его ко мнѣ дружбу. Упрямство его для меня ничего не значитъ. Дружескимъ образомъ я и всегда персносилъ, а недовѣрія ко мнѣ имѣть онъ ни почему не можетъ. Онъ знаетъ, что я люблю и тебя и его всею душею. Не хотѣлъ онъ рекомендаціи графа Н. И. къ Бецкому для того, что Бецкій никого не слушаетъ, и онъ пошелъ къ нему въ первый разъ безъ всѣхъ фасоновъ, чтобъ самою рекомендаціею не испортить дѣла. Теперь онъ и видитъ, что всякая рекомендація излишня. Опекуновъ будутъ выбирать балотированьемъ. Кого выберутъ, тотъ и правъ.

Ты пишешь, матушка, что мы съ нимъ по недѣли не видаемся. Это было во время житья моего въ Царскомъ Селѣ; а нынѣ каждый день неразлучно живемъ другъ съ другомъ. Бога самого ради, не набивай ты себѣ головы пустотою. Онъ точно таковъ же, каковъ былъ, и я его люблю отъ всего моего сердца. Прости, матушка. Цалую твои ручки и дѣтей твоихъ.

Сестрицамъ и братцамъ поклонъ.

Приписка Аггамакова. Все, что къ тебѣ ни писалъ братъ, есть истинная правда; буде когда нибудь я писалъ къ тебѣ холодно и не назвалъ тебя такимъ именемъ, которое изъявляетъ любовь и друж-

---

(*) Ив. Ив. Бецкій (1704—1795), основатель воспитательныхъ домовъ, училищъ и проч. Тогда онъ былъ главнымъ попечителемъ воспитательныхъ домовъ, президентомъ академіи художествъ и главнымъ директоромъ надъ строеніями ея императорскаго величества домовъ и садовъ.

бу, то это происходило отъ досады и безпокойствъ здѣшнихъ. Прости, душа моя, что я тебя люблю и буду любить.

Василій Аргамаковъ.

Бецкій обѣщалъ Васильчикову подумать о мнѣ. Буду просить Васильчикова, чтобъ онъ еще напомнилъ, и что онъ скажетъ, то такъ и расположу свой отъѣздъ. Надѣюсь не далѣе его отсрочить какъ до понедѣльника. Всѣмъ свидѣтельствую мое нижайшее почтеніе. Дѣте й цалую.

XXV.

(1773).

Матушка сестрица, въ субботу у насъ балотированье было. Хотя и содержится оно въ страшномъ секретѣ, однако я могъ развѣдать 1) что всего выбиральщиковъ было 12, а именно:

† Гр. Н. И. Панинъ.
Гр. Чернышевъ.
† Гр. Разумовскій.
Кн. Вяземскій.
Вице-канцлеръ.
† Графъ Минихъ.
Фельдмаршалъ князь Голицынъ.
† Тепловъ.
Бецкій, два голоса.
Двое полковниковъ опекуновъ.

Василью А. положили тѣ, кои замѣчены крестиками, да неизвѣстно кто—положили еще два бала, думаю, что Бецкій; но то знаю, что положено ему шесть бѣлыхъ и шесть черныхъ.

Одному изъ кандидатовъ положено всѣ 12 бѣлыхъ.
Одному — — — — — — — — — — 10 бѣлыхъ.
Одному — — — — — — — — — — 10 бѣлыхъ.
В—ю А—у — — — — — — — — — 6 бѣлыхъ.

Прочимъ всѣмъ кандидатамъ гораздо меньше, такъ что опекуновъ надобно шесть, а В. А. четвертый.

Изъ сего, матушка, ты видишь, что все дѣло зависитъ отъ московскаго выбора. Если подбавятъ ему изъ тамошнихъ выбирателей двѣ трети бѣлыхъ, то его возьмутъ безъ сомнѣнія. Слышно, что у васъ шестеро будутъ выбирателей, такъ ежели четыре бѣлыхъ будетъ, то уже никакого сомнѣнія не будетъ. Между тѣмъ все сіе хранится здѣсь въ величайшемъ секретѣ.

Не удивляйся, что положены В. А. черные. Тутъ было два

спроса, *да* или *нѣтъ*? Всякій, кто кого не знаетъ, кладетъ черный балъ, и пропасть кандидатовъ не имѣли ни одного бѣлаго бала.

Я божусь тебѣ, матушка сестрица, что всѣхъ просилъ сколько можно и всѣ обѣщали, но неизвѣстно, кто не сдержалъ своего обѣщанія, ибо, опять повторяю, все сіе хранится здѣсь въ великомъ секретѣ.

В. А. поклонъ. Дѣтямъ и сестрицамъ тоже.

XXVI.

(*1774*).

Bon jour, mon cher ami. Я кареты еще не досталъ. Завтра всѣ силы употреблю, чтобъ ее достать. Буде же не достану, то ты хотя въ двумѣстной проводи Катерину Ивановну. Выѣзжайте въ субботу въ два часа послѣ полудня, а я васъ ожидаю съ распростертыми руками; только не сдѣлай, Бога ради, того, чтобъ Катерина Ивановна (*) поѣхала безъ провожатаго мужчины.

XXVII.

Матушка сестрица, Ѳ. И., ты меня не разумѣла, когда писала отвѣтное письмо свое на мое, написанное безъ всякаго умысла. Я тогда былъ огорченъ батюшкиной записочкой. Теперь все прошло, да и твое послѣднее письмо меня утѣшило. Записочку твою о твоемъ невѣріи я изодралъ; а другое, гдѣ ты желаешь счастья мнѣ и К. И., послалъ къ ней тотчасъ показать, и она мнѣ возвратила съ записочкой, которую *я*, не изодравъ, къ тебѣ посылаю, въ увѣреніе, что она тѣмъ же тебѣ отвѣчаетъ. Припечатай письмо къ дядюшкѣ и отошли или же и отвези его сама. Поздравь съ капраломъ. Потемкинъ, по моей просьбѣ, записалъ брата прямо капраломъ. Прости. Люби меня.

XXVIII.

8 августа 1774.

Милостивый государь. Я еще долженъ просить и на сей почтѣ извиненія, что пишу коротко. Мы завтра или послѣ завтра отправляемъ курьера къ графу Петру Ив. Съ нимъ

(*) Рѣчь идетъ о Катеринѣ Ивановнѣ Хлоповой, рожденной Роговиновой. Фонъ-Визинъ женился на ней въ 1774 г.

не премину я обо всемъ писать пространнѣе. Я и невѣста здоровы, и она приноситъ вамъ нижайшее почтеніе.

Матушка сестрица, здравствуй! Поздравляю съ капраломъ, котораго прошу поцаловать отъ меня. Вас. Ал. поклонъ дружескій и прошу съ тѣмъ же поздравить; а при какомъ нибудь праздникѣ нашьемъ и другой галунъ. Дѣтей поцалуй. Сестрицамъ поклонъ.

Истинно столько дѣла, что глаза отъ письма слѣпнутъ. Брата Павла И. дожидаюсь.

XXIX.

Матушка, другъ мой сестрица. Теперь часъ за полночь и я пріѣхалъ лишь только изъ гостей. Ужиналъ у Бакунина съ невѣстою. Хочу спать безъ милосердія и для того пишу коротко. Благодарю тебя, моего друга, за офрированіе дома; но позволь мнѣ, обнявъ тебя сердечно за твою дружбу, сказать тебѣ, что ни я, ни К. И. не согласимся взять твой домъ, а тебѣ же жить во флигелѣ. Когда же ты можешь убраться во флигель, то для чего тебѣ домъ свой не отдать въ наймы. Онъ больше тебѣ принесетъ, нежели деревня. Я прошу тебя, моего друга, поищи мнѣ нанять двора какъ можно ближе Куракинскаго, гдѣ графъ будетъ жить, а иначе онъ заставитъ меня къ себѣ переѣхать. Батюшкинъ же Никитскій домъ непремѣнно надобно отдать. За него дадутъ очень дорого. Прилагаю при семъ письмо гр. П. И. Мой совѣтъ: подождать до нашего пріѣзда. Надѣюсь на Бога, что все для всѣхъ насъ полезное сдѣлаю. Будьте всѣ здоровы и ждите насъ. Катя моя цалуетъ твои ручки. Отъ меня и отъ нея поклонъ другу нашему В. А., сестрамъ, и брату.

Сей курьеръ замѣняетъ сегоднишнюю почту.

2) Изъ перваго заграничнаго путешествія (*).

XXX.

Варшава, $^{18}/_{29}$ *сентября 1777.*

Мы изъ Варшавы пишемъ другое уже письмо. Первое послали чрезъ Смоленскъ съ возвращавшимися извощиками.

(*) Отправляясь въ эту поѣздку, Фонъ-Визинъ оставилъ записку своему управляющему, гдѣ между прочимъ писалъ: «Ходить къ П. Ѳ. С. въ мѣсяцъ два раза, а въ ноябрѣ весьма часто и просить его о выкупѣ пер-

Думаю, что вы его уже и получили. Мы, слава Богу, здоровы, но грустно, что не имѣемъ о васъ никакого извѣстія. Знаю, что его и имѣть не льзя, однако прискорбно не вѣдать о тѣхъ, которые мнѣ не меньше жизни моей милы. Теперь, другъ мой сестрица, начну тебѣ длинную повѣсть нашего странствованія. Журналъ нашъ до сихъ поръ не стоитъ прочтенія; но, зная, что для васъ все то очень интересно, что до насъ принадлежитъ, напишу тебѣ его по порядку. Изъ Смоленска выѣхали мы 19 августа послѣ обѣда. Дядюшка со всею фамиліею провожали насъ за городъ и разстались весьма дружески. Ночевать пріѣхали въ городъ Красный, который похуже немного всякой скверной деревни. Городничій, Степанъ Яковлевичъ Аршеневскій, принялъ насъ дружески и назавтра далъ намъ обѣдъ, котораго я вѣчно не забуду. Поваръ его прямой emploisonneur. Цѣлые три дни желудки наши отказались отъ всякаго варенія. Онъ все изготовилъ въ такомъ вкусѣ, въ какомъ Козьма, Хавроньинъ мужъ, состряпалъ поросенка. Послѣ обѣда 20-го числа пріѣхали въ Шелеговку, гдѣ надлежало насъ въ таможнѣ осматривать; но директоръ, господинъ Гладкой, поступилъ съ нами не льзя глаже: онъ ниже взглянулъ на сундуки наши. На ночь пріѣхали мы въ деревню Казяны и въ каретѣ ночевали. 21-го обѣдать пріѣхали въ городъ Оршу, изрядное мѣстечко, наполненное жидами, а ночевали въ деревнѣ Кахановѣ, въ каретѣ. Пожалуй примѣть, что мы всѣ почти 16 дней ночевали въ каретѣ; изъ чего можешь заключить, что не имѣли мы другаго убѣжища. 22-го пріѣхали обѣдать въ городъ Толочинъ, послѣдняя россійская застава, гдѣ директоръ хотя и не Гладкой называется, но достоинъ сего имени, потому что отпустилъ насъ безъ всякаго осмотра и мы напрасно шили муфты и одѣяло. Ночевали въ мѣстечкѣ Бобрѣ. 23-го обѣдали за границею въ деревнѣ Начи, въ

стия, представляя, что если не изволитъ выкупить, то потеряетъ его, ибо я и самъ заложилъ его не въ надежныя руки». (Перстень заложенъ былъ въ 200 р.) — «Часто на мою мостовую ставятъ воротъ для выгрузки барокъ и тѣмъ ее портятъ. А какъ въ разсужденіи сего нѣтъ ни какихъ полицейскихъ учрежденій и подрядчики обыкновенно выгружаютъ на мостовой тѣхъ людей, кои за себя не вступаются, то прошу гнать по шеѣ подрядчиковъ, ибо я для нихъ одну мостовую двадцать разъ чинить не подряжался».

каретѣ, потому что дождь лилъ пресильный и время такое было мерзкое, что нельзя было выйти изъ кареты на воздухъ, а въ корчму, за несносною скверностію, войти было невозможно. Ночевали въ мѣстечкѣ Борисовѣ, въ каретѣ, а поутру 24-го переѣхали рѣку Березину, составляющую границу между Польскою Бѣлоруссіею и Литвою. Весь день ѣхали дремучимъ лѣсомъ, а обѣдать и ночевать пристали къ жидовскимъ корчмамъ. 25-го пріѣхали обѣдать въ городъ Минскъ, гдѣ сдѣлался у меня головной ломъ обыкновенный, которымъ страдалъ цѣлый день. Тутъ мы ночевали, а 26-го обѣдали. Минскъ, правду сказать, малымъ лучше нашей Вязьмы. Я бродилъ его смотрѣть и по осмотрѣ нашлось, что о немъ пора уже мнѣ перестать говорить. Выѣхавъ изъ Минска, пустились мы опять въ дремучій лѣсъ и, доѣхавъ до деревни Негорѣлой, ночевали. На семъ пути были мы на волоску отъ превеличайшаго несчастія, которое въ жизни человѣческой случиться можетъ. Пробираясь лѣсомъ по узкой дорогѣ, были у насъ, къ несчастію, подняты стекла. Вдругъ сухая жердь въѣхала въ окно и въ одинъ мигъ, разбивъ стекло въ мельчайшія частицы, осыпало лице жены моей. Она, бѣдная, читала тогда книгу и вдругъ, захватя глазъ рукою, вскричала безъ памяти. Я обмеръ, испугался, услышавъ, что она кричитъ: «ахъ, глазъ!» Боже мой! Представь себѣ, каково мнѣ было слышать ея восклицанія, а притомъ и видѣть изъ-подъ руки текущую кровь. Не могу описать, что я чувствовалъ, а помню только, что я кричалъ ей: «матушка, взгляни!» Наконецъ она взглянула, и, благодаря Бога, мы узнали, что озорочекъ не поврежденъ, а коснулось стекло лузги и подъ самымъ глазомъ разрѣзало. Вотъ какъ близка была моя бѣдная жена лишиться глаза съ лютѣйшимъ страданіемъ и безъ всякой человѣческой помощи! Мы отдѣлались только тѣмъ, что глазъ распухъ и дни три былъ завязанъ; потомъ все прошло благополучно, и мы ѣхавъ лѣсомъ почти до самой Варшавы, стеколъ уже не поднимали. 27-го обѣдали въ мѣстечкѣ Столбцахъ, гдѣ лежатъ мощи святаго Фабіана, удивляющаго всю Польшу чудотвореніями. Я ходилъ его смотрѣть и, признаюсь вамъ, что, не видавъ самъ, не повѣрилъ бы тому, какъ люди до безумія могутъ быть суевѣрны. Главное сего святаго искусство состоитъ въ изгнаніи чертей изъ бѣснущихся

Удивленія достойно, какіе плуты изъ какихъ плутовъ ни чего не изгоняя, обогащаются и купаются въ душахъ такихъ простаковъ, каковы Поляки. Словомъ, суевѣріе здѣсь дошло до невѣроятной степени и въ самихъ господахъ. Ночевать пріѣхали мы въ городъ Миръ. Сей городишко набитъ жидами. Они и попы завладѣли всею Польшею. 28-го пріѣхали обѣдать въ мѣстечко Полонечно, принадлежащее Радзивилу. Тутъ мы приняты были очень хорошо въ домѣ самого хозяина. Обѣдъ хорошій, на серебрѣ, и вина лучшія; но ночевали въ деревнѣ Старая Мышь, въ каретѣ, не имѣвъ другаго пристанища. 29-го пріѣхали обѣдать въ большой городъ Слонимъ, резиденцію гетмана литовскаго (*). Тутъ мы весь день пробыли и ночевали. Я побѣгалъ по городу и нашелъ его лучше тѣхъ, кои проѣзжалъ, но со всѣмъ тѣмъ весьма скверными. 30-го обѣдали, въ каретѣ въ деревнѣ Лавриновичи. За превеликимъ дождемъ не могли мы на полѣ обѣдать, а индѣ мѣста не было. Ночевали также въ каретѣ, въ деревни Зельви. Весь день ѣхали подъ дождемъ въ лѣсу, не находя убѣжища, кромѣ жидовскихъ корчемъ, возмущающихъ человѣческое обоняніе нестерпимымъ образомъ. 31-го поутру проѣхали мѣстечко Избелинъ и другое, называемое Инстиговъ. Ни то, ни другое не заслуживаютъ вниманія. Снаружи кажутся преизрядными городками, а въѣхавъ, грошa не стоятъ. Обѣдали въ каретѣ у корчмы Холстовой, а ночевали въ каретѣ же въ мѣстечкѣ Шисмыцахъ. Мы легли было въ горницѣ; но, увидя нѣсколько лягушекъ, около насъ пляшущихъ, рѣшились перейти въ карету. Сентября 1-го обѣдали у корчмы Станиславовой, а ночевали въ селѣ Кленикахъ, ѣхавъ нѣсколько верстъ по такому болоту и водѣ, что переднихъ колесъ не видать было. 2-го обѣдали въ городѣ Бельскѣ, весьма похожемъ на ту скверную деревню Побикери, въ которой мы ту ночь ночевали. 3-го обѣдали въ деревнѣ Саблѣ, ночевали въ изрядномъ городѣ Венгровѣ. Тутъ угостилъ насъ князь Солнцевъ, который съ нами учился въ университетѣ и который командуетъ нашими солдатами въ Венгровѣ. Онъ послалъ тотчасъ курь-

(*) Великимъ гетманомъ литовскимъ былъ тогда кн. Карлъ Радзивилъ, герцогъ Олыкскій (ум. въ 1790 г.). Онъ былъ два раза женатъ: 1) кн. Маріи Любомирской и 2) на Ржевуцкой.

ера въ Варшаву, чтобъ изготовить для насъ квартиру. 4-го обѣдали въ мѣстечкѣ Маковцы, а ночевали въ мѣстечкѣ Станиславовѣ. Оба сіи мѣстечка я даромъ не возьму. 5-го обѣдали въ мѣстечкѣ Окуневѣ, а ввечеру пріѣхали въ Варшаву, которая съ Москвою невѣроятное сходство имѣетъ. Видишь, другъ мой сестрица, что мы, проѣхавъ больше 900 верстъ отъ Смоленска, ничего не ощущали кромѣ непріятностей и мучительныхъ безпокойствъ. Одно меня подкрѣпляло и утѣшало: жена моя была здорова во всю дорогу и мы скуку разгоняли попеременнымъ чтеніемъ другъ другу книгъ. Ты слышала самую прискорбную часть нашего путешествія; теперь скажу тебѣ о нашемъ варшавскомъ житьѣ. Мы не застали ни посла, ни короля (*). Первый былъ въ деревнѣ у своей любовницы, княгини Раздивиловой, а король въ Бѣлостокѣ, у сестры своей. На другой день посолъ (**) возвратился и прислалъ насъ поздравить съ пріѣздомъ, такъ же, какъ и генералъ Романіусъ. Я сдѣлалъ имъ визитъ, а послѣ обѣда посолъ сдѣлалъ визитъ женѣ моей и послѣ него генералъ. На другой день посолъ далъ намъ обѣдъ и ознакомилъ жену мою съ здѣшними дамами, къ которымъ она, по обыкновенію, сдѣлала визиты и которыя ей тотчасъ ихъ отдали. Назавтра генералъ далъ намъ обѣдъ, а на вечеръ были мы званы на ассамблею къ гетманшѣ Огинской (***), гдѣ видѣли цѣлую Варшаву. Невозможно болѣе оказать учтивостей, какъ намъ всѣ здѣсь показываютъ. Старикъ Мнишекъ (†) сдѣлалъ для жены моей обѣдъ. Всякій вечеръ мы званы на ассамблеи изъ спектакля. Вчера поутру посолъ пріѣзжалъ къ намъ и сидѣлъ до обѣда, что здѣсь за величайшую отличность почитается. Онъ офировалъ намъ домъ свой такъ, чтобъ мы его за нашъ собственный почитали. По пріѣздѣ королевскомъ въ первый куртагъ посолъ ему меня представилъ. Король, подошедъ ко мнѣ, сказалъ съ видомъ весьма ла-

---

(*) Станиславъ-Августъ (Понятовскій), р. въ 1732, ум. въ 1798 г. въ Петербургѣ. Королемъ онъ былъ съ 1764 г.

(**) Гр. Стакельбергъ.

(***) Вѣроятно рѣчь идетъ о женѣ Михаила Казимира Огинскаго (1731—1804). Онъ былъ женатъ на княгинѣ Александрѣ Сапега, рожденной Чарторыйской.

(†) Іосифъ Мнишекъ, литовскій генералъ отъ артиллеріи, великій маршалъ — сперва литовскій, а потомъ коронный.

сковымъ, что онъ знаетъ меня давно по репутаціи и что весьма радъ видѣть меня въ своей землѣ. Потомъ спрашивалъ меня о состояніи здоровья жены моей и долго ли здѣсь останемся. На отвѣтъ мой, что я не могу имѣть счастія долго здѣсь пробыть, сказалъ онъ мнѣ, что весьма о томъ жалѣетъ, что такое короткое время не позволяетъ ему оказать мнѣ всей аттенціи, которую бъ онъ хотѣлъ мнѣ сдѣлать. Посолъ нашъ всякій день звалъ меня обѣдать къ себѣ и возилъ меня съ визитами, которые мнѣ и возвращены; словомъ сказать, мы всякій день выѣзжаемъ и время летитъ нечувствительно. Поговорю съ тобою, другъ мой сестрица, о здѣшнихъ нарядахъ, обычаяхъ, des ridicules и о проч. Женщины одѣваются какъ кто хочетъ, но по большей части странно. Въ ассамблеи ѣздятъ иногда въ шляпкахъ, иногда въ турецкихъ чалмахъ; а если одѣта въ волосахъ, то на головѣ башни. Развращеніе въ жизни дошло до крайности. Часто въ компаніи найдешь мужа съ двумя женами: съ тою, съ которою живетъ, и съ тою, съ которою развелся. Развестись съ женою, или сбросить башмакъ съ ноги — здѣсь все равно. Дуэли здѣсь всечасные. За всякое слово выходятъ молодцы на пистолетахъ. А propos, надобно сказать тебѣ нѣчто и о польскихъ спектакляхъ. Комедій видѣли мы съ десятокъ, переводныхъ и оригинальныхъ. Играютъ изрядно; но польскій языкъ въ нашихъ ушахъ кажется такъ смѣшонъ и подлъ, что мы помираемъ со смѣху во всю піесу; да правду сказать, странно и видѣть любовника плѣшиваго, съ усами и въ длинномъ платьѣ.

XXXI.

Монпелье, $\frac{20\ ноября}{1\ декабря}$ *1777.*

Теперь вы уже знаете, что мы сюда благополучно пріѣхали. Благодарю Бога, жена очевидно оправляется. Я имѣю причины ласкаться, что привезу ее къ вамъ здоровую. Лечить ее взялся первый здѣшній докторъ Деламюръ. Онъ здѣсь въ превеликой славѣ, которую заслужилъ совершенно исцѣленіемъ многихъ отъ претяжкихъ болѣзней. Счастливый его успѣхъ въ леченіи произвелъ такую къ нему довѣренность, что всѣ чужестранцы ищутъ помощи у него, предпочтительно передъ другими докторами, коихъ чи-

сло въ Монпелье до семидесяти простирается. Теорія его соединена съ практикою весьма многихъ лѣтъ. Онъ цѣлую недѣлю ходилъ къ намъ по два раза на день для того только, чтобъ, не давая еще никакихъ лекарствъ, примѣчать натуру больной и чтобъ по ней расположить образъ леченія. Онъ даетъ ей теперь всякій день поутру бульонъ, который долженъ отнять остроту отъ крови и укрѣпить нервы, а потомъ хочетъ ей дать всю полную дозу (пріемъ) извѣстнаго отъ глистовъ лекарства, купленнаго королемъ въ Швейцаріи. (Мимоходомъ долженъ я сказать, что данное Сентъ-Жерменемъ лекарство не имѣло никакого дѣйствія и я теперь увѣренъ, что онъ не иное что, какъ первый въ свѣтѣ шарлатанъ). Не можешь себѣ представить, другъ мой сестрица, въ какомъ мы теперь городѣ. Монпелье можно назвать по справедливости больницею, но такою, гдѣ живутъ уже выздоравливающіе. Какъ пріятно видѣть людей, у коихъ на лицѣ изображена радость, ощущаемая при возвращеніи здоровья. Множество чужестранцевъ всякихъ націй и французовъ изъ другихъ провинцій съѣхалось сюда на зиму для здоровья. И дѣйствительно, здѣшняго климата нѣтъ въ свѣтѣ лучше. Всякій день мы ходимъ на гульбище, гдѣ встрѣчаемъ множество людей. Время теперь такое, какъ среди лѣта. Не только до шубъ, ниже до муфтъ дѣла не доходитъ. Видно, что Господь возлюбилъ этотъ край особенно. Я поговорю съ тобою послѣ о здѣшнемъ обществѣ и о нашемъ знакомствѣ, а теперь напишу тебѣ нашъ журналъ, или, лучше сдѣлаю, коли пробѣгу коротко большіе города, не упоминая о ночлегахъ нашихъ по маленькимъ мѣстечкамъ. Изъ Дрездена поѣхали мы въ Лейпцигъ, городъ, въ которомъ живутъ преученые педанты. Мы осмотрѣли въ немъ все достойное примѣчанія. Онъ показался намъ столько же скученъ, сколько Дрезденъ веселъ. Проѣхавъ Саксонію, въѣхали мы въ Имперію. Что ни шагъ, то новое государство. Саксенъ-Готу, Саксенъ-Эйзенахъ, Майнцъ, Генау и многіе нѣмецкіе дворы мы проѣхали, не представляясь; но въ Мангеймѣ я у двора представился и уже писалъ къ вамъ, сколь много доволенъ я пріемомъ курфирста и всей фамиліи. Полмили отъ Мангейма въѣхали мы во Францію. Первый городъ Ландо, крѣпость знатная. При въѣздѣ въ городъ ошибла насъ мерзкая вонь, такъ что мы не могли уже никакъ

усомниться, что пріѣхали во Францію. Словомъ, о чистотѣ не имѣютъ здѣсь нигдѣ ниже понятія,—все изволятъ лить изъ оконъ на улину и кто не хочетъ задохнуться, тотъ конечно окна не отворяетъ. Наконецъ пріѣхали мы въ Стразбургъ. Городъ большой, домы весьма похожи на тюрьмы, а улицы такъ узки, что солнце никогда сихъ грѣшниковъ не освѣщаетъ. Правду сказать, что въ семъ городѣ для вояжеровъ много есть примѣчательнаго. Мы видѣли мавзолею du Marechal de Saxe — верхъ искусства человѣческаго. При насъ была отправляема у нихъ панихида по всѣмъ усопшимъ, то есть, наша родительсная. Великолѣпіе было чрезвычайное. Я съ женою отъ смѣха насилу удержался и мы вышли изъ церкви. Съ непривычки ихъ церемонія такъ смѣшна, что треснуть надобно. Архіерей въ большомъ парикѣ, попы напудрены, словомъ — цѣлая комедія. Между прочими вещьми примѣчательна въ Стразбургѣ колокольня, уже не Ивану Великому чета. Высота ея престрашная, она же вся сквозная и дырчатая, такъ что кажется всякую минуту готова развалиться. Я не описываю всего, что мы видѣли, потому что описаніе мое заняло бы много мѣста. Я дѣлаю особливый журналъ нашего вояжа. Изъ Стразбурга поѣхали мы въ Безансонъ, городъ большой, но также темный. Надобно однакожъ отдать справедливость французамъ, что дороги щегольскія, мостовая какъ скатерть. Потомъ пріѣхали мы въ Бресъ (bourg en Bresse). Городъ изрядный, коего жители также по уши въ нечистотѣ. Напослѣдокъ Ліонъ остановилъ насъ на цѣлую недѣлю. Городъ превеликій, премноголюдный и стоитъ вниманія. Я поговорю о немъ побольше. Въ него пріѣхали мы ночью и на первой къ нему почтѣ адресованы были отъ почтмейстера въ hôtel garni, куда мы въѣхали. Хотя почтмейстеръ увѣрялъ насъ, что мы въ этомъ отелѣ будемъ divinement bien, однако мы нашлись въ немъ diablement mal, такъ какъ и во всѣхъ французскихъ обержахъ, которые всѣ передъ нѣмецкими гроша не стоятъ. Во-первыхъ французы почиваютъ на перяныхъ, а не на пуховыхъ тюфякахъ, и одѣваются байкою, которая очень походитъ на свиную щетину. Представь себѣ эту пытку, что съ одной стороны перья колютъ, а съ другой войлокъ. Мы съ непривычки цѣлую ноченьку глазъ съ глазомъ не сводили. Ліонъ лежитъ на рѣкахъ Ронѣ и Сонѣ. По бере-

гу Роны построена линія каменныхъ домовъ прекрасныхъ и сдѣланъ каменный берегъ, но гораздо похуже петербургскаго. Сія ситуація дѣлаетъ его очень похожимъ на Петербургъ, тѣмъ наипаче, что Рона не много уже Невы. Въ окружности города превысокія горы, на которыхъ построены великолѣпные монастыри, загородные домы съ садами и виноградниками. Какъ за городомъ, такъ и въ городѣ всѣ церкви и монастыри украшены картинами величайшихъ мастеровъ. Мы вездѣ были и часто видѣли то, чего, не видавъ глазами, не льзя постигнуть воображеніемъ. Я не знатокъ въ живописи, но по получасу стаивалъ у картины, чтобъ на нее наглядѣться. Среди города сдѣлано мѣсто, или площадь, называемая la place de Louis XIV, потому что тутъ поставлена его статуя. Сіе мѣсто великолѣпное и усаженное деревьями. Оно служитъ публичнымъ гульбищемъ для города и всегда людьми набито. Мы были въ l'hôtel de ville (ратуша), которая амстердамской въ красотѣ не уступаетъ. Зданіе огромное и украшенное картинами драгоцѣнными. L'hôtet-Dieu (госпиталь) заслуживаетъ любопытство. Я не пустилъ жену, но одинъ ходилъ смотрѣть его. Меня впустили нарочно тогда, когда les soeurs, то есть старухи служащія, подносили къ каждой кровати больнаго обѣденную пищу. Съ одной стороны удивилъ меня порядокъ и раченіе о больныхъ, а съ другой возмутилось сердце мое, видя тысячи людей страждущихъ. Кровать стоитъ подлѣ кровати и стонъ больныхъ составляетъ такую музыку, которая цѣлыя сутки изъ ушей моихъ не выходила. Видѣли мы славныя ліонскія шолковыя фабрики, откуда привозятъ парчи и штофы и всякія шолковыя матеріи. Надлежитъ отдать справедливость, что сіи мануфактуры въ своемъ совершенствѣ. Видѣли мы древности, ибо Ліонъ есть одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ. Въ немъ были два Вселенскіе Собора. Доселѣ видны остатки дома, въ которомъ жилъ императоръ Неронъ. Я не описываю вамъ всѣхъ древностей, потому что во всякой географіи найти ихъ можно; но скажу только то, что я все видѣлъ, что достойно примѣчанія. Каждое утро съ разсвѣтомъ до обѣда, а потомъ до спектакля упражнены мы были осмотрѣніемъ города, а потомъ ходили въ театръ, который, послѣ парижскаго, во всей Франціи лучшій. Словомъ сказать, Ліонъ стоитъ того, чтобъ его видѣть. Описавъ его добрую сто-

рону, надобно сказать и о худой. Во-первыхъ, надлежитъ зажать носъ, въѣзжая въ Ліонъ, точно также какъ и во всякій французскій городъ. Улицы такъ узки, что самая большая не годится въ наши переулки, и содержатся скверно. Въ доказательство скажу тебѣ одинъ примѣръ, а по сему и прочее разумѣвай: шедши по самой лучшей улицѣ въ Ліонѣ, увидѣлъ я вдругъ посреди ея много людей и нѣсколько блистающихъ факеловъ среди бѣлаго дня. Я думалъ, что это какое нибудь знатное погребеніе, и подошелъ посмотрѣть поближе. Вообрази же, что я увидѣлъ? Господа французы изволятъ обжигать свинью! Подумай, какое нашли мѣсто и попустила ли бъ наша полиція среди Милліонной улицы опаливать свинью! Словомъ сказать, господа вояжеры лгутъ безсовѣстно, описывая Францію земнымъ раемъ. Спору нѣтъ, что много въ ней добраго; но не знаю, не больше ли худаго. По крайней мѣрѣ я съ женою до сихъ поръ той вѣры, что въ Петербургѣ жить несравненно лучше. Мы не видали Парижа, это правда; посмотримъ и его; но ежели и въ немъ такъ же ошибемся, какъ въ провинціяхъ французскихъ, то въ другой разъ во Францію не поѣду. Коли что здѣсь прекрасно, то развѣ климатъ; но сію справедливость надобно отдать одному Лангедоку. Въ разсужденіи климата здѣсь дѣйствительно рай: а во Franche-Comté, въ Bresse, въ Dauphiné мы зубовъ не согрѣвали. Печей нѣтъ; одинъ каминъ и тотъ дыменъ. Дровъ нѣтъ и топятъ хворостомъ. Здѣсь также дровъ нѣтъ, да мало въ нихъ и нужды. Изъ Ліона поѣхали мы водою до города, называемаго Pont S.-Esprit. Сей переѣздъ верстъ на полтораста. Вѣтръ былъ такъ хорошъ, что меньше сутокъ пристань въ виду была; но къ несчастію, узнали мы, сколь вода есть вѣроломная стихія. Вдругъ вѣтръ усилился прежестоко и насъ прибило къ берегу. Цѣлую ночь мы простояли въ водѣ у пустаго берега; но поутру погода утихла и мы въ часъ прилетѣли къ пристани. Проѣхавъ городъ Нимъ, древностями знаменитый, скоро пріѣхали въ Монпелье, гдѣ, нашедъ тотчасъ квартиру, переѣхали въ нее изъ трактира, въ который пристали. Теперь опишу тебѣ городъ, а потомъ и общество здѣшнее. Монпелье есть столица нижняго Лангедока; улицы его узки и скверны; но домы есть очень хорошіе. Университетъ заведенъ здѣсь въ 1180 году и изъ всѣхъ факультетовъ

медицинскій есть славнѣйшій. Въ семъ городѣ бываютъ ежегодно держаны les Etats de Languedoc, то-есть: Губерискій Судъ, или съѣздъ государственныхъ чиновъ Лангедока. Намѣстникъ королевскій, губернаторъ, духовенство и дворянство собираются сюда на ноябрь и декабрь, располагаютъ и рѣшатъ всѣ земскія дѣла; также и собираютъ королю подать, называемую don gratuit. Мы пріѣхали сюда въ самое сіе время и теперь весь городъ наполненъ людьми; но чтобъ возвратиться къ географическому его описанію, то скажу, что мѣстоположеніе его прекрасно. Онъ стоитъ на высокомъ мѣстѣ. Около его множество загородныхъ домовъ. Внутри города есть садъ королевскій; а вышедъ изъ городскихъ воротъ, есть гульбище, называемое la place du Peyrou. По признанію всѣхъ вояжеровъ нигдѣ нѣтъ прекраснѣе сего мѣста. Въ срединѣ онаго поставлена статуя Людовика XIV. Акедюкъ, чрезъ который вода проведена изъ горъ, есть зданіе прекрасное. Изъ la place du P... течетъ вода во весь городъ. Съ сего мѣста видно Средиземное море, а при восхожденіи солнца видна и Испанія. Правда, что мои слѣпые глаза ее еще не видали. Есть еще гульбище, называемое l'Esplanade. Словомъ сказать, въ гульбищахъ здѣсь изобиліе превеликое. Теперь опишу тебѣ образъ жизни нашей и съ кѣмъ мы имѣемъ общество. Изъ Стразбурга адресованы мы были сюда къ маркизѣ Fraigeville. Пріѣхавъ сюда, сдѣлали мы тотчасъ съ нею знакомство, а чрезъ нее познакомились со всѣми les Etats. Знатнѣйшіе члены онаго собранія суть: первый комендантъ или, по нашему, намѣстникъ (пріѣхавшій на сихъ дняхъ изъ Версаліи), генералъ-аншефъ и Святаго Духа кавалеръ, графъ Перигоръ. Онъ представляетъ здѣсь королевскую особу. Архіепископъ нарбонскій есть вторая особа. Онъ администраторъ лангедокскій и кавалеръ ордена Святаго Духа. Третья особа маркизъ де Кастръ, первый баронъ и кавалеръ Святаго Духа, а потомъ интендантъ викентъ de St. Priest; комендантъ Comte de Montcan, и первый президентъ М-г de Claris. Вотъ здѣшніе первые люди. Я ко всѣмъ имъ былъ представленъ. Всѣ они приняли меня очень ласково и на другой же день отдали визитъ. Жена моя представлена была ихъ женамъ, которыя также отдали ей визитъ, а потомъ званы мы всѣдневно въ ихъ общества. Не знаю, каковы сіи знатные господа въ Парижѣ; но

здѣсь ласковѣе, учтивѣе и любезнѣе быть никому невозможно. Всѣ здѣшнія дамы жену мою приласкали чрезвычайно и мы столько счастливы, что каждое утро всѣ онѣ присылаютъ людей своихъ спрашивать о здоровьѣ. И такъ проводимъ мы время слѣдующимъ образомъ: поутру жена моя, вставъ въ седьмомъ часу, пьетъ свое лекарство и одѣвается. Въ девятомъ приходитъ къ ней учитель французскаго языка, а ко мнѣ адвокатъ. Здѣсь всѣ чужестранные учатся по-французски и симъ способомъ стараются показать жителямъ желаніе свое узнать ихъ языкъ. Не повѣришь, сколько здѣсь англичанъ, которые ни въ десятую долю и противъ насъ по-французски не знаютъ; а я, съ моей стороны, учусь юриспруденціи. Въ 11 часу обыкновенно возятъ жену мою на гульбище, а я за нею хожу пѣшечкомъ. Съ пріѣзда моего сюда я ногъ не слышу. Каретъ нѣтъ; въ портшезахъ носятъ дамъ да больныхъ; и такъ я изволю двигатся на своихъ ногахъ съ утра до вечера. Обѣдаемъ во второмъ часу, а послѣ обѣда тотчасъ приходитъ къ женѣ учитель музыки, а я что нибудь пишу, или читаю. Въ пять часовъ ходимъ или въ спектакль или въ концертъ, а ужинать званы бываемъ къ тѣмъ господамъ, которыхъ я назвалъ. Они всѣ дни въ недѣлѣ по себѣ разобрали. Сверхъ тѣхъ особъ, о которыхъ я сказалъ, жена моя вседневно видится и дружески познакомилась съ графинею Дюплесси. Она здѣсь по причинѣ болѣзни мужа своего. Дама предобрая. Madame Desplans, падчерица перваго президента; Madame Claris, его невѣстка; Madame de Serre, жена призидента, также съ нею знакомы, а я знакомъ съ ихъ мужьями. Въ знакомствахъ здѣсь недостатка нѣтъ; но должны мы искренно признаться, что оба весьма чувствуемъ какой-то недостатокъ въ сердечномъ удовольствіи. Сравнивая васъ, друзей нашихъ, и всѣхъ знакомыхъ нашихъ, находимъ, что здѣсь мѣсяца два, три прожить очень хорошо, а тамъ дома—лучше. Я думалъ сперва, что Франція, по разсказамъ, земной рай; но ошибся жестоко. Все люди, и славны бубны за горами! Удивиться должно, другъ мой сестрица, какія здѣсь невѣжды. Дворянство, особливо, ни уха, ни рыла не знаетъ. Многіе въ первый разъ слышатъ, что есть на свѣтѣ Россія и что мы говоримъ въ Россіи языкомъ особеннымъ, нежели они. Человѣческое воображеніе постигнуть не можетъ, какъ при такомъ мно-

жествѣ способовъ къ просвѣщенію, здѣшняя земля полнехонька невѣждами. Со мною вседневно случаются такія сцены, что мы катаемся со смѣху. Можно сказать, что въ Россіи дворяне по провинціямъ несказанно лучше здѣшнихъ, кромѣ того, что здѣшніе пустомели имѣютъ наружность лучше. Остается намъ видѣть Парижъ, и если мы и въ немъ такъ же ошибемся, какъ во мнѣніи о Франціи, то, повторяю тебѣ, что изъ Россіи въ другой разъ за семь верстъ киселя ѣсть не поѣду. Жена моя того же мнѣнія. Теперь опишу тебѣ, съ какими обрядами и великолѣпіемъ было открытіе des Etats на прошлой недѣлѣ. Сія церемонія заслуживала любопытство чужестранныхъ, какъ по великолѣпію своему, такъ и по странности древнихъ обычаевъ, наблюдаемыхъ при семъ случаѣ. Собраніе было весьма многолюдное, въ залѣ старинаго дома, называемаго Gouvernement, похожаго слѣдственно на нашу губернскую именемъ, но конечно не вещію; ибо въ здѣшнюю губернскую можно войти честному человѣку по крайней мѣрѣ безъ оскорбленія своихъ тѣлесныхъ чувствъ. Графъ Перигоръ, въ орденскомъ платьѣ Святаго Духа и въ шляпѣ, взошедъ на сдѣланное нарочно возвышенное мѣсто, сѣлъ въ креслахъ подъ балдахиномъ. По правую сторону архіепископъ нарбонскій, а по лѣвую бароны, въ древнихъ рыцарскихъ платьяхъ. Засѣданіе началось чрезъ одного синдика чтеніемъ историческаго описанія древняго Монпельевскаго королевства. Прошедъ времена древнихъ королей и упомянувъ, какъ оно пришло во владѣніе французскихъ государей, сказано, въ заключеніе всего, что нынѣ благополучно владѣющему монарху надлежитъ платить деньги. Графъ Перигоръ читалъ потомъ рѣчь, весьма трогающую, въ которой изобразилъ долгъ вѣрноподанныхъ платить исправно подати. Многіе прослезились отъ его краснорѣчія. Интендантъ читалъ съ своей стороны также рѣчь, въ которой, говоря весьма много о дѣйствіяхъ природы и искусства, выхвалялъ здѣшній климатъ и трудолюбивый характеръ жителей. По его мнѣнію, и самая ясность небесъ здѣшняго края должна способствовать къ исправному платежу подати; ибо она позволяетъ людямъ работать въ земледѣліи непрестанно, а земледѣліе есть источникъ изобилія. Послѣ сего архіепископъ нарбонскій говорилъ слово поучительное. Проходя всю исторію коммерціи, весьма красно-

рѣчиво изобразилъ онъ всѣ ея выгоды и сокровища, и заключилъ тѣмъ, что съ помощію коммерціи, къ которой онъ слушателей сильно поощрялъ, Господь наградитъ со вторицею ту сумму денегъ, которую они согласятся заплатить нынѣ своему государю. Каждая изъ сихъ рѣчей препровождена была комплиментомъ къ знатнѣйшимъ сочленамъ: интендантъ превозносилъ похвалами архіепископа, архіепископъ интенданта; оба они выхваляли Перигора, а Перигоръ выхвалялъ ихъ обоихъ. Потомъ всѣ пошли въ соборную церковь, гдѣ пѣтъ былъ благодарный молебенъ Всевышнему за сохраненіе въ жителяхъ единодушія къ добровольному платежу того, что, въ противномъ случаѣ, взяли бы съ нихъ насильно. Въ будущее воскресенье званы мы смотрѣть процессію, которая пойдетъ по всему городу и о великолѣпіи которой много говорятъ; а во вторникъ звалъ Перигоръ меня и жену au Gouvernement смотрѣть перваго засѣданія Государственныхъ Чиновъ и оттуда у него обѣдать. Я не премину описать вамъ, матушка, все то, что достойнаго примѣчанія тутъ увидимъ; а теперь покидаю перо: кажется, написалъ довольно. Подумай, другъ мой, какъ намъ горестно не имѣть отъ васъ ни одной строчки съ самаго нашего отъѣзда. Надѣюсь на Бога, что молчаніе ваше не происходитъ отъ какой нибудь несчастливой причины. Бога ради, не забывайте насъ, а мы разговариваемъ объ васъ другъ съ другомъ каждую минуту. Въ Ліонѣ я былъ очень радъ, увидя въ спектаклѣ женщину, которая на тебя очень походитъ. Мы все на нее смотрѣли. Странно, что кого ни видимъ, рѣдкій не походитъ на кого нибудь изъ русскихъ знакомыхъ. Вообще сказать, что между двумя націями есть превеликое сходство не только въ лицахъ, но въ обычаяхъ и ухваткахъ. Особливо здѣшній народъ ужасно какъ на нашъ походитъ. По улицамъ кричатъ точно такъ, какъ у насъ, и одежда женская одинакова. Вотъ ужъ Нѣмцы, такъ тѣ, кромѣ на самихъ себя, ни на кого не походятъ. Прости, мой другъ сердечный, сестрица! A propos, забылъ я сказать о здѣшнемъ концертѣ, то есть о французской музыкѣ. Этакихъ козловъ я и не слыхивалъ. Поютъ всего чаще хоромъ. Жена всегда носитъ съ собою хлопчатую бумагу: какъ скоро заблѣютъ хоромъ, то уши и затыкаетъ.

XXXII.

Монпелье, $^{1}/_{12}$ декабря 1777.

Мы изрядно поживаемъ, и жена моя кажется въ гораздо лучшемъ состоянiи, нежели была. Всякiй день выходимъ со двора. Процессiя, о которой я къ тебѣ писалъ, происходила весьма великолѣпно. Всѣ собрались сперва въ церковь. Обѣдню служилъ здѣшнiй епископъ; облачался публично, но не среди церкви, а въ боку. Попы, въ большихъ парикахъ, стояли, въ два ряда, то есть, одни спиною къ алтарю, а другiе къ народу. Подумай же, кто облачалъ его преосвященство? Собственные его лакеи въ ливреѣ! Они на него и шапку надѣвали, они и умываться подавали, и креслы ему ставили. Я покатился со смѣху, увидя эту комедiю и, кусая губы, спрашивалъ своего сосѣда: зачѣмъ лакеи въ ливреѣ смѣшались съ попами? Monsieur! отвѣчалъ онъ мнѣ, c'est pour augmenter la pompe. Ce n'est que les jours de grande fête que l'Evêque officie accompagné de sa livrée. Подумай, какая разница въ образѣ мыслей! Всего больше насмѣшилъ меня контрастъ между попами въ большихъ парикахъ и между enfans du choeur, то есть, ребятами лѣтъ по двадцати, у коихъ головы выбриты такъ чисто, какъ рука. Сiи плѣшаки держатъ въ рукахъ своихъ по кадилу на предлинныхъ цѣпяхъ и кадятъ, взбрасывая вверхъ кадила сажени на двѣ. Я адресовался къ женщинѣ, не подалеку отъ меня сидѣвшей, и спросилъ ее: за что сiи бѣдные ребята такъ немилосердо выбриты? Она очень серьёзно мнѣ отвѣчала, что выбриты они для того, что, служа у алтаря, обязаны содержаться во всякой чистотѣ. Забылъ, матушка, сказалъ тебѣ, что архiерейская шапка сдѣлана изъ золотой мягкой матерiи, которая таращится и очень походитъ фигурою на наши гаерскiя шапки. Лакей въ ливреѣ, снимая съ благоговѣнiемъ шапку съ архiерея, складывалъ ее чиннехонько вшестеро и клалъ въ карманъ свой; а когда шапку надлежало надѣвать, то, вынувъ ее изъ кармана и расправя, надѣвалъ ее опять на архiерея съ благоговѣнiемъ. Богъ знаетъ, что это за обѣдня, которую служили; я толку не нашелъ. Проповѣдь сказывалъ другой архiерей. На половинѣ вдругъ остановился и весь народъ началъ разговаривать другъ съ другомъ. Я спросилъ, что это значитъ? и мнѣ сказали въ отвѣтъ, что

архіерей усталъ и отдыхаетъ, а какъ отдохнетъ, то достальное доскажетъ. И дѣйствительно, чрезъ полчетверти часа опять замолчали и онъ проповѣдь сталъ сказывать. Послѣ обѣда пошла процессія по всему городу. Сперва шли монахи разныхъ орденовъ, по два въ рядъ. Передъ каждымъ орденомъ несли крестъ, а потомъ пѣвчіе шли и пѣли. За ними архіерей, а потомъ подъ балдахиномъ несъ тѣло Христово епископъ здѣшній, а передъ тѣломъ Христовымъ шли барабанщики и били въ барабаны. Затѣмъ шли попы, а за попами графъ Перигоръ, бароны, все дворянство и народъ. Я съ женою смотрѣлъ сію церемонію изъ окошка у маркизы de Fraigeville. Церемонія воротилась въ церковь и потомъ всѣ разошлись. Правду сказать, что для чужестранцевъ весьма любопытно сіе торжество и подаетъ поводъ дѣлать на націю свои примѣчанія. Въ будущихъ письмахъ моихъ скажу тебѣ, что еще примѣчу страннаго или любопытнаго. Прости!

XXXIII.

Монпелье, $\frac{31\ декабря\ 1777.}{11\ января\ 1778.}$

Я принимаюсь опять за большой листъ; буду писать его помаленьку, а окончивъ, съ первою почтою его къ тебѣ отправлю. Поставленное на верху число значитъ день его отправленія. Мы здѣсь живемъ полтора мѣсяца. Благодаря Бога, не было еще ни одного такого дня, въ который бы я съ женою, за болѣзнію, со двора не выходили. Я уже писалъ къ тебѣ, что мы пріѣхали въ Монпелье въ самое авантажное для него время, то есть, когда съѣзжаются les Etats. Вседневно ассамблеи занимаютъ насъ обоихъ. Мы не участвуемъ въ хлопотахъ Государственныхъ Чиновъ, но принимаемъ участіе въ ихъ веселостяхъ. Поутру всѣ они присутствуютъ въ трибуналѣ, а мы гуляемъ, или читаемъ; около полудня ходимъ обыкновенно au Peyrou; обѣдаемъ дома, но я не всегда, потому что званъ бываю къ здѣшнимъ знатнымъ господамъ, а жена обыкновенно обѣдаетъ дома. Здѣсь нѣтъ обычая звать дамъ обѣдать, но зовутъ ужинать. Въ пятомъ часу всякій понедѣльникъ ходимъ въ концертъ, а оттуда ужинать къ графу Перигору. Концертъ продолжается до восьми часовъ, а изъ него всѣ туда ходимъ и играемъ въ вискъ до ужина. За столъ садятся въ пол-

десята и сидятъ больше часа. Столъ кувертовъ на семьдесятъ накрывается. Графъ Перигоръ даетъ такіе ужины три раза въ недѣлю, то есть въ понедѣльникъ всѣ ходятъ къ нему изъ концерта, въ среду изъ комедіи, а въ пятницу изъ концерта же. Точно такой же ужинъ даетъ комендантъ *Сентъ-При* по вторникамъ и четвергамъ. Сюда всѣ ходятъ изъ комедіи. Въ субботу изъ комедіи ходятъ на такой же ужинъ къ казначею здѣшней провинціи, Жуберту; а въ воскресенье къ первому президенту Кларису, также изъ комедіи. Вотъ, мой другъ сестрица, какъ здѣсь распоряжаютъ дни! По истинѣ сказать, les Etats собираются здѣсь только-что веселиться. Хотя же съѣзжаются они рѣшить всѣ дѣла въ два мѣсяца, но разъѣзжаются, окончивъ одно только дѣло, то есть собравъ съ провинціи для короля подати. Скоро сей судъ кончится и, кромѣ градоначальника, всѣ разъѣдутся въ Парижъ и по деревнямъ. Думаю, что будетъ здѣсь и пусто, и скучно. Какъ скоро выживемъ глисту, то отсюда поѣду. Чрезъ нѣсколько дней докторъ намѣревается дать ей извѣстное лекарство въ полной мѣрѣ. Онъ столь долго мѣшкалъ для того, что какъ лекарство безмѣрно тяжело и крѣпко, то надлежитъ укрѣпить ея силы къ претерпѣнію всей тоски и мученія, съ которымъ червь выходитъ. И для того всякое утро даетъ ей бульонъ и ослицыно молоко. Надлежитъ сказать еще и то, что проявилась здѣсь нѣкоторая корсиканская трава, выгоняющая глистъ. Сію траву жена пьетъ съ недѣлю безъ большаго отвращенія. Она не вредитъ ни въ какомъ случаѣ; но опытами извѣстно, что моритъ глисты, и особливо круглыя: хотя сей родъ есть другой, однако докторъ отвѣдываетъ и надъ плоскою. Скоро дастъ женѣ моей лекарство, которое должно будетъ глисту выгнать, ежели она сею травою уморена. Боже мой! еслибъ это сдѣлалось, и можно бъ было избѣжать извѣстнаго крѣпкаго лекарства, какъ бы мы были счастливы! Но буде корсиканская трава не поможетъ, то жена моя рѣшилась принять и другое, какой бы тоски это ни стоило. Что же надлежитъ до круглыхъ глистовъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что трава ихъ неминуемо выгоняетъ. Не знаю, извѣстна ль она у насъ. Имя ея *la Mithocorton*. Намъ всякій день сказываютъ лекарствъ по двадцати новыхъ, да мы уже рѣшились держаться нашего доктора. Онъ имѣетъ великую репутацію и человѣкъ весь-

ма основательный. Перестану теперь говорить о болѣзни и о докторахъ. Опишу лучше здѣшніе обычаи. Правду сказать, народъ здѣшній съ природы весьма скотиноватъ. Я думаю, что такихъ ротозей мало водится. По всѣмъ улицамъ найдешь кучу людей, а въ срединѣ шарлатана, который выкидываетъ какія нибудь штуки, продаетъ чудныя лекарства и смѣшитъ дураковъ шутками. Часто найдешь на площадяхъ людей около бабы, или мужика, которые, поставя на землю родъ шкапа съ растворенными дверцами, кажутъ въ шкапу куколокъ. Баба во все горло поетъ духовные стихи, а мужчина играетъ на скрипкѣ; словомъ, народъ праздный и зазѣвывается охотно, а притомъ и весьма грубый. Лакеи здѣшніе такіе неучи, что въ самыхъ лучшихъ домахъ, бывъ впущены въ переднюю, кто бы ни прошелъ мимо, дама, или мужчина, ниже съ мѣста тронутся и, сидя, не снимаютъ шляпъ. При мнѣ случалось нѣсколько разъ, что самъ представляющій здѣсь королевскую особу, графъ Перигоръ, проходя мимо этихъ скотовъ, видѣлъ ихъ сидящихъ въ шляпѣ съ крайнимъ неучтивствомъ. Въ Парижѣ, сказываютъ, точнехонько то же. Правда, что и господа изрядные есть скотики. Надобно знать, что такой голи, каковы французы, нѣтъ на свѣтѣ. Офицеръ при деньгахъ нанимаетъ слугу, а безъ денегъ шатается безъ слуги. Но когда случится копейка въ карманѣ, то не только самъ спѣсивъ, но и слугу учитъ спѣсивиться. Словомъ, ты читала комедію Glorieux; истинно, всѣ французы таковы; а слуги ихъ всѣ Pasquin, которые, надвинувъ на глаза шляпу, кромѣ своего господина, не смотрятъ ни на кого. Чтобъ тебѣ подробнѣе подать идею о здѣшнихъ столахъ, то опишу ихъ пространно. Бѣлье столовое во всей Франціи такъ мерзко, что у знатныхъ праздничное несравненно хуже того, которое у насъ въ бѣдныхъ домахъ въ будни подается. Оно такъ толсто и такъ скверно вымыто, что гадко ротъ утереть. Я не могъ не изъявить моего удивленія о томъ, что за такимъ хорошимъ столомъ вижу такое скверное бѣлье. На сіе въ извиненіе сказываютъ мнѣ: que cela ne se mange pas, и что для того нѣтъ нужды быть бѣлью хорошему. Подумай, какое глупое заключеніе: для того, что салфетокъ не ѣдятъ, нѣтъ будто и нужды, чтобъ онѣ были бѣлы. Ко мнѣ ходятъ очень много весьма благородныхъ людей, съ которыми я познакомился. Разговаривая съ ними между прочимъ о бѣльѣ, опровергалъ я ихъ

заключеніе, представляя, что рубашекъ также не ѣдятъ, но что на нихъ онѣ безъ сомнѣнія тонки и чисты; а притомъ, видя на нихъ прекрасныя кружевныя манжеты, просилъ я ихъ изъ любопытства показать мнѣ и рукавъ, чтобъ увидѣть тонкость полотна. Не могли они отказать въ томъ моему любопытству. Я остолбенѣлъ, увидя какія на нихъ рубашки! Не утерпѣлъ я, чтобъ не спросить ихъ: для чего къ такой дерюгѣ пришиваютъ они тонкія прекрасныя кружева? На сіе, въ извиненіе, сказали мнѣ: que cela ne se voit pas. Вообще примѣтить надобно, что нѣтъ такого глупаго дѣла, или глупаго правила, которому бы французъ тотчасъ не сказалъ резона, хотя и резонъ также сказываетъ преглупый. Возвращусь теперь къ описанію столовъ. Какъ скоро скажутъ, что кушанье на столѣ, то всякій мужчина возьметъ даму за руку и поведетъ къ столу. У каждаго за стуломъ стоитъ свой лакей. Буде же нѣтъ лакея, то несчастный гость хоть умри съ голоду и съ жажды. Иначе и невозможно: по здѣшнему обычаю блюдъ кругомъ не обносятъ, а надобно окинуть глазами столъ и что полюбится, того спросить чрезъ своего лакея. Передъ кувертомъ не ставятъ ни вина, ни воды, а буде захочешь пить, то всякій разъ посылай слугу своего къ буфету. Разсуди же: коли нѣтъ слуги, кому принести напиться, кому перемѣнять тарелки, кого послать спросить какого нибудь блюда? а сосѣда твоего лакей какъ ни проси, тарелки твоей не приметъ; je ne sers que mon maître. Подумай же, какая жалость: кавалеры Святаго Людовика, люди заслуженые, не имѣющіе слугъ, не садятся за столъ, а ходятъ съ тарелкою около сидящихъ и просятъ, чтобъ кушанье на тарелку имъ положили. Какъ скоро съѣстъ, то побѣжитъ въ переднюю къ поставленному для мытья посуды корыту, самъ, бѣдный, тарелку свою вымоетъ, и, вытря какою нибудь отымалкою, побредетъ опять просить чего нибудь съ блюдъ. Я самъ видѣлъ все это и вижу вседневно при столѣ самого графа Перигора. Часто не сажусь я ужинать и хожу около дамъ, а своему слугѣ велю служить какому нибудь заслуженному нищему. Фишеръ и Петрушка одѣты у меня въ ливреѣ и за столомъ служатъ. Я предпочитаю ихъ двумъ нанятымъ французамъ, которыхъ не льзя и уговорить, чтобъ, кромѣ меня, приняли у кого нибудь тарелку. Французы мои служатъ мнѣ для посылокъ и носятъ жену мою въ портшезѣ; а если грязно,

то и меня. Плата имъ по 40 копеекъ на день каждому и ѣдятъ свое. Поварня французская очень хороша: эту справедливость ей отдать надобно; но, какъ видишь, услуга за столомъ очень дурна. Я когда въ гостяхъ обѣдаю (ибо никогда не ужинаю), принужденъ обыкновенно вставать голодный. Часто подлѣ меня стоитъ такое кушанье, котораго ѣсть не хочу; а попросить съ другаго края не могу, потому что слѣпъ, и чего просить — не вижу. Наша мода обносить блюда есть наиразумнѣйшая. Въ Польшѣ и въ Нѣмецкой Землѣ тотъ же обычай, а здѣсь только перемудрили. Спрашивалъ я и этому резонъ; сказали мнѣ, что для экономіи: если-де блюды обносить, то надобно на нихъ много кушаньи накладывать. Спрашивалъ я, для чего вина и воды не ставятъ передъ кувертами? Отвѣчали мнѣ, что и это для экономіи: ибо-де примѣчено, что коли бутылку поставить на столъ, то одинъ всю ее за столомъ выпьетъ; а коли не поставить, то бутылка на пять персонъ становится. Подумай же, другъ мой, изъ какой бездѣлицы дѣлается экономія: здѣсь самое лучшее столовое вино бутылка стоитъ шесть копѣекъ, а какое мы у насъ пьемъ, четыре копейки. Со всѣмъ тѣмъ для сей экономіи не ставятъ вина въ самыхъ знатнѣйшихъ домахъ. Клянусь тебѣ, по чести моей, что какъ ты живешь своимъ домикомъ, то есть, какъ ты пьешь и ѣшь, такъ здѣсь живутъ первые люди; а твоего достатка люди рады бъ къ тебѣ въ слуги пойти. Отъ чего же это происходитъ? Не понимаю. У насъ все дороже; лучшее имѣемъ отсюда въ три-дорога, а живемъ въ тысячу разъ лучше. Еслибъ ты здѣсь жила такъ, какъ въ Москвѣ живешь, то бъ тебя почли презнатною и пребогатою особою. Скажу тебѣ одинъ trait, которому я самъ былъ свидѣтель. Маркиза Fraigeville очень насъ полюбила — дама предобрая и богатая, а будетъ еще богатѣе, потому что наслѣдница послѣ своихъ дядьевъ первыхъ богачей въ Монпелье. Я на сихъ дняхъ, шатаясь пѣшкомъ по городу и не взглянувъ на часы, зашелъ къ сей госпожѣ, не думая, чтобъ такъ поздно было. Идучи на лѣстницу въ парадные покои, услышалъ я внизу ея голосъ. Я воротился съ лѣстницы и пошелъ туда, откуда слышенъ былъ ея голосъ, отворилъ дверь и нашелъ свою маркизу на поварнѣ, сидитъ за столикомъ съ сыномъ и съ своею fille de chambre и изволитъ обѣдать на поварнѣ противъ очага. Я извинил-

ся своими часами и, откланиваясь, спрашивалъ ее, что за капризъ къ ней пришелъ обѣдать на поварнѣ? Она безъ всякаго стыда отвѣчала мнѣ, что какъ нѣтъ у нея за столомъ людей постороннихъ, то для экономіи, чтобъ не разводить огня въ каминѣ столовой комнаты, обѣдаетъ она на поварнѣ, гдѣ на очагѣ огонь уже разведенъ. Жаловалась мнѣ, что дрова очень дороги и что она одною поварнею чувствительный убытокъ терпитъ. Правда, что дрова здѣсь въ сравненіи нашего очень дороги: я за два камина плачу двадцать рублей въ мѣсяцъ; но со всѣмъ тѣмъ, въ Петербургѣ гораздо больше печей имѣя, больше еще на дрова тратилъ и не разорялся. Смѣшно вздумать, какихъ здѣсь обо мнѣ мыслей и по тому одному, что у меня въ каминѣ огонь не переводится. Il a une fortune immense! C'est un sénateur de Russie! Quel grand seigneur! Вотъ отзывъ, коимъ меня удостоиваютъ; а особливо видя на мнѣ соболій сюртукъ, на который я положилъ золотыя петли и кисти. Всякій французъ подходитъ ко мнѣ и, поглядя на обшлагъ, внѣ себя бываетъ отъ восхищенія. Quelle finesse! Dieu! quelle beauté! Перстень мой, который вы знаете и котораго лучше бываютъ часто у нашей гвардіи унтеръ-офицеровъ, здѣсь въ превеликой славѣ. Здѣсь бриллианты только на дамахъ, а перстеньки носятъ маленькіе. Мой имъ кажется величины безмѣрной и первой воды. Справедлива пословица: въ чужой рукѣ ломоть больше кажется. Правда, что въ разсужденіи мѣховъ тѣ, кои я привезъ съ собою, здѣсь наилучшіе и у Перигора нѣтъ собольяго сюртука. Горностаевая муфта моя прибавила мнѣ много консидераціи. Beau blanc! всѣ кричатъ единогласно. Всѣ гладятъ и гладятъ очень бережно, чтобъ не заворотить волоска. Всякій спрашиваетъ о цѣнѣ. Я говорю 300 руб.—Parbleu! je crois bien, всякій отвѣчаетъ; il n'y a rien de si beau que ça. — Словомъ каждый день комедія. Я думаю, нѣтъ въ свѣтѣ націи легковѣрнѣе и безразсуднѣе. Мнѣ случалось на смѣхъ разсказывать совсѣмъ несбыточныя дѣла и физически невозможныя; ни одна душа однакожъ не усомнилась; только что дивятся. Описывая сихъ простаковъ, говорю я о большей только части людей; ибо здѣсь хотя мало, однако есть очень умные люди, кои, чувствуя неизреченную глупость своихъ согражданъ, сами надъ нею смѣются и за одно со мною разсказываютъ небылицу. Часто

шатаясь поутру по книжнымъ лавкамъ и по кофейнымъ домамъ, прихожу къ графу Перигору и разсказываю ему, какіе мнѣ дѣлаютъ вопросы; онъ помираетъ со смѣху и, будучи очень веселаго нрава, не взирая на свою флегму, разсказываетъ мнѣ самъ побасенки. Между прочимъ, талантъ мой дразнить людей находитъ здѣсь универсальную аппробацію; а особливо дамы полюбили меня за дразненье. Я передразниваю здѣсь своего банкира не хуже Сумарокова. Словомъ, со мною всѣ очень поладили и поминутно дѣлаютъ мнѣ комплименты. Какіе же? Что я будто не похожу на чужестраннаго. Надобно описать глупое зараженіе всѣхъ французовъ вообще. Они считаютъ себя за первую въ свѣтѣ націю и коли скажутъ: vous n'avez point l'air étranger du tout, то тотчасъ прибавятъ: je vous en fais bien mon compliment. Англичанъ здѣсь терпѣть не могутъ и хотя въ глаза очень обходятся съ ними учтиво, однако за глаза бранятъ ихъ и смѣются надъ ними. Напротивъ того, хороши и англичане. Заѣхавъ въ чужую землю, потому что въ своей холодно, презираютъ жителей въ глаза и на всѣ ихъ учтивости отвѣчаютъ грубостью. Всего смѣшнѣе говорятъ они по-французски. Американскія ихъ дѣла доходятъ до самой крайности (*) и они въ такомъ отчаяніи, что, думать надобно, отступятся отъ Америки и слѣдовательно объявятъ войну Франціи: ибо издревле всякій разъ, когда ни доходила Англія до крайняго несчастія, всегда имѣла ресурсомъ и обычаемъ объявлять войну Франціи. Сіе обстоятельство сдѣлало то, что англичане отсюда вдругъ поднялись и разъѣзжаются; а французы ожидаютъ войны немедленно и флотъ свой такъ вооружаютъ, что въ Тулонѣ работаютъ непрестанно по воскреснымъ днямъ и по праздникамъ. Про нашу войну съ турками здѣсь какъ въ трубу трубятъ и всякій часъ новыя вѣсти. У насъ, въ Россіи, любятъ вѣсти, а здѣсь можно ихъ назвать пищею французовъ. Они бъ дня не прожили, еслибъ запретили имъ выдумывать и лгать. Поистинѣ сказать, нѣмцы простѣе французовъ, но несравненно почтеннѣе и я тысячу разъ предпочелъ бы жить съ Нѣмцами, нежели съ ними. Остает-

(*) Въ 1775—1783 продолжалась война за независимость сѣверо-американскихъ колоній отъ Англіи. Въ концѣ 1777 г. сѣверо-американцы дѣйствовали съ особеннымъ успѣхомъ.

ся намъ видѣть Парижъ, чтобъ формировать совершенное заключеніе наше о Франціи; но кажется, что найдемъ то же, а разница, я думаю, состоять будетъ въ томъ, что городъ больше, да спектакли лучше; за то климатъ хуже. Мы примѣтили, что здѣсь женскій полъ гораздо умнѣе мужескаго, а притомъ и очень не дурны. Красавицъ нѣтъ, только есть лица пріятныя и веселыя; а мужчины, выключая очень малое число, очень глупы и невѣжды; имѣютъ одну наружность, а больше ничего. Всѣ въ прахъ изломаны, и у кого ноги хотя и не кривы (что рѣдко встрѣчается), однако кривитъ ихъ нарочно для того, что король имѣетъ кривыя ноги; слѣдственно, прямыя ноги не въ модѣ. Удивленія достойны головы французовъ: сами чувствуютъ, что это смѣшно, сами этому смѣются, со всѣмъ тѣмъ ноги кривятъ и ходятъ разваливаясь, какъ медвѣди. Я хотѣлъ бы описать тебѣ многіе traits ихъ глупости, вѣтрености и невѣжества; но предоставляю тебѣ разсказать ихъ на словахъ, по моемъ возвращеніи. Разсказывать ихъ лучше, нежели описывать, потому что всякое ихъ разсужденіе препровождено бываетъ жестами, которыхъ описать не льзя, а передразнить очень ловко. Перестаю писать для того, что пришелъ къ намъ обѣдать Зиновьевъ (*) и принесли уже кушанье. Какое бѣлье! Боже! Ты видишь, чѣмъ мы принуждены утираться! Подумай, другъ мой, что кромѣ толстоты салфетокъ, дыры на нихъ зашиты голубыми нитками! Нѣтъ и столько ума, чтобъ зашить ихъ бѣлыми. На сихъ дняхъ начался карнавалъ. Театръ открытъ извѣстнымъ Мольеровымъ фарсомъ: *Пурсоньякъ*. Я не описываю тебѣ здѣшняго театра; скажу только, что актера два, три хороши, а прочіе скверны; но случившееся четвертаго дня въ партерѣ смятеніе противъ правительства заслуживаетъ описанія. Народу столь много собралось въ комедіи, что не только партеръ, ложи, но весь театръ набитъ былъ людьми, такъ что актеры съ нуждою дѣйствовать могли. Послѣ комедіи начался балетъ. Партеръ закричалъ, чтобъ вмѣсто балета танцовали англійскій танецъ. Крикъ былъ необычайный.

(*) Должно быть Степанъ Степановичъ Зиновьевъ, бывшій русскимъ посланникомъ въ Мадритѣ. Его письма къ Фонъ-Визину напечатаны въ книгѣ кн. Вяземскаго (стр. 346—358), съ необъясненною подписью *В. Зиновьевъ*. Такого посланника въ Мадритѣ не было.

Танцовщики принуждены были сойти съ театра, а вышелъ комедіянтъ спросить у партера, чрезъ кого хочетъ онъ, чтобъ англійскій танецъ былъ танцованъ? Партеръ назвалъ любимаго своего танцовщика и начала уже играть музыка, какъ вдругъ графъ Перигоръ разсердился на насильство партера и велѣлъ закрыть занавѣсъ, объявя, что партеръ никакого не имѣетъ права требовать того танца, который не былъ аффишированъ. Тутъ-то, другъ мой, сестрица, надобно было видѣть бѣшенство партера! Этакого крику на нашихъ кулачныхъ бояхъ, я чаю, не бывало. Кричали, что они не выйдутъ изъ партера, не видавъ требуемаго танца, и грозили все вверхъ дномъ поставить. Какой поднялся визгъ отъ дамъ! Благодаря Бога, мы сидѣли въ ложѣ самого графа Перигора, слѣдовательно караулъ, стоящій обыкновенно въ ложѣ его, поставилъ насъ въ безопасность отъ наглости раздраженнаго народа. Чѣмъ же кончился бунтъ? Вдругъ, по повелѣнію графа, вбѣжали въ партеръ человѣкъ съ пятнадцать гренадеръ съ обнаженными палашами и закричали, чтобъ въ одинъ моментъ всѣ шли изъ партера, или рубить будутъ. Тутъ-то сдѣлалась давка. Вся храбрая сволочь, которая за минуту предъ тѣмъ грозила театръ поставить вверхъ ногами, бѣжала слюня голову вонъ: одинъ давилъ другаго и въ четверть часа всѣ выбѣжали вонъ, чѣмъ дѣло и кончилось. Третьяго дня послѣ обѣда случились у насъ гости, и мы, заговорясь, опоздали нѣсколько, однако пошли въ комедію. Въ сѣняхъ нашли мы конфузію и встрѣтившіеся знакомые кричали женѣ моей, чтобъ она воротилась, потому что въ партерѣ послѣ окончанія первой пьесы сдѣлался бунтъ, который теперь въ самомъ своемъ жару, и что пройти въ ложу опасно. Ты можешь себѣ представить, что она тотчасъ воротилась. Я ее отпустилъ домой, а самъ не утерпѣлъ, чтобъ не пойти посмотрѣть, какъ Французы задорятся. Пробравшись въ Перигорову ложу, увидѣлъ я сцену прекрасную. Партеръ шумѣлъ такъ, что у сосѣда своего не могъ я ни о чемъ спросить: ибо, по причинѣ великаго шума, ни онъ не могъ слышать моихъ словъ, ни я его; но видѣлъ я, что гренадеры тащатъ многихъ за воротъ въ тюрьму. Иные бѣгутъ вонъ и давятъ другъ друга; дамы всѣ визжатъ по обыкновенію. Чрезъ полчаса все утишилось и въ партерѣ осталось человѣкъ десятка три; малая пьеса благополучно была начата и окончена. Въ сей

день смятеніе сдѣлалось вотъ отъ чего: директоръ комедіи, видя наканунѣ, что бѣда была отъ требованія англійскаго танца, хотѣлъ услужить партеру и велѣлъ уже, вмѣсто балета, танцовать англійскій танецъ. Партеръ возгордился сею услужливостію и закричалъ, чтобъ послѣ дали l'allemande. Танцовщики всѣ изготовились плясать что велятъ, какъ вдругъ прислано было повелѣніе отъ графа Перигора отнюдь не танцовать allemande и не потворствовать нахальству партера. Услышавъ сіе, народъ остервенился и тутъ-то вбѣжали гренадеры и сдѣлалась толковня превеликая. Самыхъ задорныхъ стали хватать за воротъ и отсылать въ городскую тюрьму. Правда, что тутъ и правый и виноватый одну чашу пили. Вчера былъ спектакль и новая была сцена, а именно: караулъ былъ утроенъ; но защитники смятенія, не входя въ спектакль, останавливали идущихъ и всякаго уговаривали и упрашивали не ходить въ спектакль. Отъ сего произошло то, что партеръ былъ пустехонекъ и играли только для ложъ. Бѣдный директоръ, претерпѣвая отъ сего убытокъ превеликій, сказываютъ, былъ сегодня у графа Перигора и со слезами просилъ его прекратить сіе бѣдствіе. Не знаю, что-то будетъ сегодня. Я съ женою иду въ спектакль и какъ градоначальникъ здѣшній далъ намъ свою ложу, то мы въ самой безопасности можемъ смотрѣть на все то, что происходить будетъ. Ну, мой другъ сестрица, я понаписалъ довольно. Если тебѣ наскучитъ читать мои вздоры, то пеняй на себя. Тебѣ угодно было, чтобъ я писалъ больше. Не взыскивай на мнѣ, что я тебѣ не описываю каждаго дня и не веду журнала порядочнаго. Одинъ день такъ походитъ на другой, что было бы педантство ставить числа. Остается мнѣ сказать тебѣ, что здѣсь теперь время самое лѣтнее. La place du Peyrou наполнено было сегодня людьми и уже съ недѣлю, какъ за столъ намъ приносятъ апельсины. Жена и я носимъ живые цвѣты на платьѣ; за шесть копеекъ буветъ предорогой.

XXXIV.

Парижъ, $^{11}/_{22}$ *марта 1778.*

Ты не можешь себѣ представить, какъ время летитъ въ той землѣ, гдѣ никогда не бывалъ, и гдѣ, слѣдственно,

любопытство все видѣть, все узнать, занимаетъ каждую минуту. Теперь вы уже знаете, что въ Монпелье житье наше было не тщетно. Хотя жена моя пріѣхала сюда не такъ здорова, какъ изъ Монпелье выѣхала, но приписываю это дорожнымъ безпокойствамъ и переѣзду изъ прекраснаго климата въ похожій на нашъ. Ласкаюсь, что весна и водды будутъ ей полезны. Я здоровъ, но долженъ признаться, что голова моя изрядно надо мною подшутила. Не болѣла она во все время житія нашего въ Монпелье, а за день до отъѣзда изъ него пришелъ ко мнѣ такой пароксизмъ, что былъ я внѣ себя цѣлыя сутки и такихъ въ Россіи имѣлъ рѣдко. Произошелъ онъ однакожъ отъ причины. Я собрался ѣхать въ Сетъ, пристань Средиземнаго моря, и велѣлъ разбудить себя рано; безъ того, думаю, чтобъ я не страдалъ, или, по крайней мѣрѣ, пароксизмъ не такъ былъ бы жестокъ . . . . . .

. . . . . .

Что же надлежитъ до Сент-Жерменя, то конечно онъ весьма чудная тварь, однако тѣмъ не меньше шарлатанъ. Я разстался съ нимъ изрядно; счастливъ тѣмъ, что остерегся и не поддался искушенію, въ которое онъ меня привлечь старался. Онъ писалъ ко мнѣ письмо, въ которомъ сулилъ золотыя горы. Сіе письмо послалъ я къ графу Петру Ивановичу (*), у котораго можете взять прочесть, если вамъ хочется. Обѣщалъ онъ мнѣ въ немъ открыть важнѣйшіе секреты для обагащенія и интересовъ Россіи. Я на сіе учтивымъ образомъ ему отвѣтствовалъ, что какъ въ Дрезденѣ находится министръ россійскій, то бы къ нему съ своими проектами и адресоваться изволилъ. Со всѣмъ тѣмъ, что я называю его шарлатаномъ, конечно, не ошибаюсь: нахожу въ немъ много пречуднаго. Руссо твой въ Парижѣ живетъ какъ медвѣдь въ берлогѣ; никуда не ходитъ и къ себѣ никого не пускаетъ. Ласкаюсь однакожъ его увидѣть. Мнѣ обѣщали показать этого урода. Вольтеръ также здѣсь; этого чудотворца на той недѣлѣ увижу. Онъ болѣнъ и также никого къ себѣ не пускаетъ. На сихъ дняхъ играли его новую трагедію, о которой поговорю послѣ. Теперь продолжать стану журналъ нашего вояжа. Вы получили письмо наше изъ Марселя. Вотъ го-

(*) Панину.

родъ, въ которомъ можно жить съ превеликимъ удовольствіемъ и который мнѣ несравненно лучше и веселѣе Ліона показался. Спектакль прекрасный. Общество пріятное и безъ всякой претензіи. Изъ Марселя поѣхали мы въ другой разъ въ Аіх, а оттуда въ папскій городъ Avignon, въ которомъ, кромѣ церквей, ничего нѣтъ любопытнаго. Потомъ ѣздили въ города Оранжъ, Valence, Vienne и пріѣхали въ Ліонъ, а изъ него въ Маконъ, Шалонъ и въ Дижонъ. Потомъ чрезъ города Оксерръ, Санъ и Фонтенебло пріѣхали въ Парижъ. Не описываю вамъ сихъ городовъ. Вы найдете исправное объ нихъ описаніе въ Géographie de la Croix. Нашли мы много весьма добраго и весьма худаго. Справедливость велитъ мнѣ признаться, что всѣ сіи провинціальные города хорошо видѣть однажды, а въ другой разъ не стоятъ. Что же до Парижа, то я выключаю его изъ всего на свѣтѣ. Парижъ отнюдь не городъ; его по истинѣ назвать должно цѣлымъ міромъ. Не льзя себѣ представить, какъ безконечно онъ великъ и какъ населенъ. Мы пріѣхали въ него $\frac{20 \text{ февраля}}{3 \text{ марта}}$ ввечеру. На другой день послалъ я къ секретарю нашего министра (*), чтобъ онъ ко мнѣ пришелъ; вмѣсто секретаря Барятинскій (**) самъ прискакалъ ко мнѣ верхомъ и обошелся со мною, какъ съ роднымъ братомъ. Онъ меня взялъ съ собою и повезъ къ Шуваловой (***), Строганову (†), Разумовскому (††) и къ другимъ русскимъ. Жена не ѣздила для того, что устала; но послѣ обѣда графиня Шувалова сама пріі-

(*) Секретаремъ посольства былъ Петръ Алексѣевичъ Обрѣсковъ, сынъ Алексѣя Михайловича (см. стр. 273). Впослѣдствіи онъ былъ сенаторомъ.

(**) Генералъ-поручикъ Иванъ Сергѣевичъ Барятинскій (1738—1811) былъ посланникомъ въ Парижѣ въ 1778—1784 годахъ. Тамъ его называли «le beau Russe».

(***) Гр. Екатерина Петровна, рожденная гр. Солтыкова (1743—1816), жена графа Андрея Петровича Шувалова (1744—1789). Онъ тогда былъ директоромъ ассигнаціоннаго банка и находился въ отпуску за границею на 2 года. Шуваловъ писалъ стихи на французскомъ языкѣ и перевелъ на франц. письмо Ломоносова «о пользѣ стекла».

(†) Гр. Александръ Сергѣевичъ Строгановъ (1734—1811), оберъ-камергеръ былъ около 20 лѣтъ (до 1781 г.) членомъ иностранной коллегіи. О онъ отличался покровительствомъ наукамъ и искусствамъ.

(††) Гр. Кириллъ Григорьевичъ (1728—1803).

ѣхала къ женѣ моей и, посидѣвши до спектакля, увезла меня съ собою. На другой день пріѣхала къ женѣ Строганова (*), также не дождавшись нашего перваго визита. Чрезъ сіе хотѣла она намъ показать, что желаетъ обходиться съ нами безъ всякихъ чиновъ. И дѣйствительно, мы всѣ видимся всякій день. Русскихъ здѣсь множество и всѣ живутъ какъ одна семья; но образъ жизни ни мнѣ, ни женѣ моей не нравится. Никакого въ распоряженіи времени порядка нѣтъ: день дѣлаютъ ночью, а ночь днемъ. Игра и le beau sexe занимаютъ каждую минуту. Кто не подвергается всякую минуту опасности потерять свое имѣніе и здоровье, тотъ называется здѣсь философъ. Изъ русскихъ здѣсь, смѣло скажу, только два философа. Прочіе всѣ живутъ по-французски, чего насъ избави Боже! Парижа описывать вамъ не хочу, потому что вы изъ книгъ такъ же его узнаете, какъ я; а скажу вамъ мое весьма справедливое примѣчаніе, что нѣтъ шагу, гдѣ бъ не находилъ я чего нибудь совершенно хорошаго, всегда однакожъ возлѣ совершенно дурнаго и варварскаго. Такая несообразность должна удивить каждаго. Увидишь зданіе прекрасное и верхъ искусства человѣческаго, а подлѣ него какой нибудь госпиталь для дурныхъ болѣзней; словомъ, то, что мы называемъ убогій домъ, здѣсь среди города. Народъ впрочемъ въ крайней бѣдности и питается, можно сказать, одною industrie. За то здѣсь почти всякій день вѣшаютъ и колесуютъ. Неустройства происходятъ много и отъ многолюдства. Не льзя, чтобъ полиція, сколь бы ни была хороша, усмотрѣла все въ такомъ содомѣ. Подумай, матушка, что въ городѣ каждый день четыре спектакля, ярмарка и гульбище. Куда ни поди, вездѣ полнёшенько. Нѣтъ мѣста, гдѣ бъ не видать было кучи народа. Нѣтъ въ цѣлыхъ суткахъ ни одной минуты, чтобъ не слышанъ былъ стукъ каретный. Есть здѣсь мостъ, такъ называемый Pont-Neuf. Кто недавно въ Парижѣ, съ тѣмъ бьются здѣшніе жители объ закладъ, что когда по немъ ни пойди, всякій разъ встрѣтится на немъ бѣлая лошадь, попъ и непотребная женщина. Я нарочно хожу на этотъ мостъ и всякій разъ ихъ встрѣчаю. Вообще сказать, праздность

(*) Гр. Екатерина Петровна, рожденная кн. Трубецкая (1744—1815), вторая жена гр. Александра Сергѣевича Строганова.

здѣсь неизреченная. Новыя вѣсти составляютъ пищу здѣшнихъ жителей. Всякая новость занимаетъ всѣ головы. При насъ случилось приключеніе, которое стоитъ того, чтобъ здѣсь его описать: въ маскарадѣ королевскій братъ, графъ д'Артуа (*), будучи хмѣленъ, сдѣлалъ неучтивость передъ дюшессою де Бурбонъ и сорвалъ съ нее маску. Мужъ ея вступился и вызвалъ на дуэль обидчика. Поединокъ былъ кавалерскій и братъ его величества имѣлъ отъ него оцарапанную руку. Потомъ обнялись и помирились. Подравшись, дюкъ де Бурбонъ проѣхалъ прямо въ Оперу. Я былъ свидѣтелемъ сцены весьма примѣчательной. Весь народъ оборотился къ нему и я думалъ, что отъ битья въ ладони театръ развалится. Кричатъ тысячи людей: «Bravo, bravo, достойная кровь Бурбона!» На другой день король сослалъ въ ссылку и брата своего и дюка на восемь дней за то, что они, въ нарушеніе закона, выходили на дуэль. A propos, другъ мой сестрица, не у однихъ у насъ война, и здѣсь она неминуема. Англійскій посолъ завтра выѣдетъ отсюда безъ аудіенціи и теперь ни о чемъ болѣе здѣсь не говорятъ, какъ о войнѣ. Англичане всѣ ѣдутъ домой. У цесарцевъ съ прусскимъ королемъ также война скоро послѣдуетъ (**). Вся Европа перебѣсилась. Перестанемъ говорить о такой матеріи, которая такъ досадна и скучна, а поговоримъ теперь о спектакляхъ. Могу тебя увѣрить, что французская комедія совершенно хороша, а трагедію нашелъ я гораздо хуже, нежели воображалъ. Мѣсто покойника Лекеня заступилъ Ларивъ (***), котораго холоднѣе никто быть не можетъ; но въ комедіи есть превеликіе актеры. Превиль, Моле (†), Бризаръ, Оже, Долиньи, Вестрисъ, Сенвальша — вотъ мастера прямые! Когда на нихъ смотришь, то конечно забудешь, что играютъ комедію, а кажется, что видишь прямую исторію. При мнѣ играли новую

(*) См. выше, стр. 333 и 345.

(**) Въ концѣ 1777 г. права на Баварію перешли къ курфирсту пфальцскому Карлу Теодору, а онъ ихъ уступилъ Австріи. Это было поводомъ къ войнѣ Австріи съ Пруссіей (1778—1779), окончившейся Тешенскимъ миромъ.

(***) Трагическій актеръ, считавшійся съ 1771 г. украшеніемъ парижской сцены до Тальма; р. 1747, ум. 1827.

(†) Свое поприще онъ началъ трагическими ролями, но вскорѣ перешелъ на комическія (р. 1734, ум. 1805).

Вольтерову пьесу: «Ирена, или Алексій Комнинъ», которая принята была публикою съ восхищеніемъ. Меня было оглушило отъ битья въ ладоши. За то играли другую новую пьесу, а именно L'homme personnel, которая упала вовсе. Правду сказать, что рукоплесканіе и свистаніе ничего не рѣшатъ, потому что партеръ, который сіе право имѣетъ, состоитъ изъ народа самаго невѣжественнаго. Въ доказательство скажу, что здѣсь за-все про-все аплодируютъ, даже до того, что если казнятъ какого нибудь несчастнаго и палачъ хорошо повѣситъ, то вся публика аплодируетъ битьемъ въ ладоши палачу точно такъ, какъ въ комедіи актеру. Не могу никакъ сообразить того, какъ нація чувствительнѣйшая и человѣколюбивая можетъ быть такъ близка къ варварству. Что же надлежитъ до ридикюлей, то никто такъ охотно не шпыняетъ надъ другими, какъ французы, и никто столь много ридикюлей не имѣетъ. Самый образъ обхожденія достоинъ посмѣянія. Всего написать не можно, что здѣсь смѣшнаго встрѣчается. Ни въ чемъ на свѣтѣ я такъ не ошибался, какъ въ мысляхъ моихъ о Франціи. Радуюсь сердечно, что я ее самъ видѣлъ и что не можетъ уже никто разсказами своими мнѣ импозировать. Мы всѣ, сколько ни есть насъ русскихъ, вседневно сходясь, дивимся и хохочемъ, соображая то, что̀ видимъ, съ тѣмъ, о чемъ мы, развѣся уши, слушивали. Славны бубны за горами—вотъ прямая истина! Намѣреніе, наше непремѣнное, въ исходѣ сентября, или въ началѣ октября, быть въ Россіи, и поистинѣ сказать, нѣтъ никакого резона намъ въ чужихъ краяхъ оставаться; да и жена моя хочетъ поскорѣе до мѣста, а то, право, уже таскаться обоимъ намъ наскучило. A propos, я началъ слушать курсъ экспериментальной физики у Бриссона (*), а жена взяла учителя на клавесинахъ; живемъ веселёхонько, а подчасъ скучнёхонько! Право, Парижъ отнюдь не таковъ, чтобъ быть отъ него безъ памяти; я буду всегда помнить, что въ немъ, такъ же какъ и вездѣ, можно со скуки до смерти зазѣваться. Прости, другъ мой сестрица. Люби насъ и пиши почаще.

(*) Извѣстный натуралистъ (1723—1806); изъ его сочиненій особливо замѣчательны: *Système du règne animale* и *Ornithologie*.

XXXV.

Парижъ, $^{20}/_{31}$ марта 1778.

Вчера Вольтеръ былъ во Французской Академіи. Собраніе было многочисленное. Члены Академіи вышли ему на встрѣчу. Онъ посаженъ былъ на директорское мѣсто и, минуя обыкновенное балотированіе, выбранъ единогласно въ директоры на апрѣльскую четверть года. Отъ Академіи до театра, куда онъ поѣхалъ, народъ провожалъ его съ непрестанными восклицаніями. Представлена была новая трагедія: «Ирена или Алексій Комнинъ». При входѣ въ ложу публика аплодировала ему многократно съ неописаннымъ восторгомъ, а спустя нѣсколько минутъ, Бризаръ, какъ старшій актеръ, вошелъ къ нему въ ложу съ вѣнкомъ, который надѣлъ ему на голову. Вольтеръ тотчасъ снялъ съ себя вѣнокъ и, заплакавъ отъ радости, сказалъ въ слухъ Бризару: «Ah, Dieu, vous voulez donc me faire mourir!» Трагедія играна была гораздо съ бо́льшимъ совершенствомъ, нежели въ первыя представленія. По окончаніи ея новое зрѣлище открылось. Завѣсъ опять былъ поднятъ; всѣ актеры и актрисы, окружа бюстъ Вольтеровъ, увѣнчивали его лавровыми вѣнками. Сіе приношеніе публика сопровождала громкимъ рукоплесканіемъ, продолжавшимся близъ четверти часа непрерывно. Наконецъ представлявшая Ирену, г-жа Вестрисъ, оборотясь къ Вольтеру, читала слѣдующіе стихи.

Aux yeux de Paris enchanté
Reçois en ce jour un hommage,
Que confirmera d'âge en âge
La sévère postérité.
Non, tu n'as pas besoin d'atteindre au noir rivage
Pour jouir de l'honneur de l'immortalité!
Voltaire, reçois la couronne
Que l'on vient de te présenter;
Il est beau de la mériter
Quand c' est la France qui la donne.

Для показанія своего удовольствія публика велѣла повторить чтеніе сихъ стиховъ и аплодировала имъ съ великимъ крикомъ. Какъ же скоро Вольтеръ, выходя изъ театра, сталъ садиться въ свою карету, то народъ закричалъ: «des flambeaux, des flambeaux!» По принесеніи факе-

ловъ, велѣли кучеру ѣхать шагомъ и безчисленное множество народа съ факелами провожало его до самаго дома, крича непрестанно: Vive Voltaire!

XXXVI.

Парижъ, апрѣля 1778 года.

Собравъ нѣсколько писемъ твоихъ, хочу на нихъ отвѣтствовать на цѣломъ листѣ. Правда, что они не требуютъ такого пространнаго отвѣта, да я хочу прибавить, по моему обыкновенію, описаніе всего того, что здѣсь вижу. Ты пишешь, что наши пріѣзжіе изъ Парижа увѣряютъ васъ, что здѣсь множество ученыхъ людей таскаются безъ пропитанія. Видно, что сіи господа вояжеры сами не весьма ученые люди, ибо смѣло вамъ скажу, что ни одинъ изъ здѣшнихъ прямо ученыхъ и достойныхъ людей не подумаетъ ѣхать въ Россію безъ великой надежды сдѣлать фортуну свою и семьи своей. Видно, что они учеными людьми сочли какихъ нибудь шарлатановъ, которые за копейку обѣщаютъ обучать всѣму на свѣтѣ. Здѣсь нѣтъ ни одного ученаго человѣка, который бы не имѣлъ вѣрнаго пропитанія; да къ тому жъ всѣ они такъ привязаны къ своему отечеству, что лучше согласятся умереть, нежели его оставить. Сіе похвальное чувство вкоренено, можно сказать, во всемъ французскомъ народѣ. Послѣдній трубочистъ внѣ себя отъ радости, коли увидитъ короля своего; онъ крехтитъ отъ подати, ропщетъ; однако послѣднюю копейку платитъ, во мнѣніи, что тѣмъ пособляетъ своему отечеству. Коли что здѣсь дѣйствительно почтенно и коли что всѣмъ перенимать здѣсь надобно, то конечно любовь къ отечеству и государю своему.

Вольтера я видѣлъ и былъ свидѣтелемъ оказанныхъ ему почестей. Могу сказать, что кромѣ Руссо, который въ своей комнатѣ зарылся, какъ медвѣдь въ берлогѣ, видѣлъ я всѣхъ здѣшнихъ лучшихъ авторовъ. Я въ нихъ столько же обманулся, какъ и во всей Франціи. Всѣ они, выключая весьма малое число, не только не заслуживаютъ почтенія, но достойны презрѣнія. Высокомѣріе, зависть и коварство составляютъ ихъ главный характеръ. Сказываютъ, что въ старину авторы вели войну между собою не иначе, какъ критикуя одинъ другаго сочиненія; а нынѣ не только тро-

гаютъ честь язвительными ругательствами, но рады погубить другъ друга вовсе, какъ какіе нибудь звѣри. И дѣйствительно, мало въ нихъ человѣческаго. Всякій ученый есть гонитель всѣхъ тѣхъ, кои розно съ нимъ думаютъ, или сочиненія его не находятъ совершенными. Здѣсь скверные стихи раздѣляютъ часто домъ: брата съ братомъ вѣчно дѣлаютъ врагами, и словомъ сказать, литеральныя войны дѣлаютъ многихъ людей погибель. Не могу вамъ довольно изъяснить, какими скаредами нашелъ я въ натурѣ тѣхъ людей, конхъ сочиненія вселили въ меня душевное къ нимъ почтеніе. Вообще тебѣ скажу, что я моральною жизнію парижскихъ французовъ очень недоволенъ. Сколько идея *отечества* и *короля* здѣсь твердо въ сердца вкоренена, столь много изгнано изъ сердецъ всякое состраданіе къ своему ближнему. Всякій живетъ для одного себя. Дружба, родство, честь, благодарность — все это считается химерою. Напротивъ того, всѣ сентименты обращены въ одинъ пунктъ, то есть ложный point d'honneur. Наружность здѣсь все замѣняетъ. Будь учтивъ, то есть никому ни въ чемъ не противорѣчь; будь любезенъ, то есть ври, что на умъ ни набрело, — вотъ два правила, чтобъ быть un homme charmant. Сообразя все, что вижу, могу сказать безошибочно, что здѣсь люди не живутъ, не вкушаютъ истиннаго счастія и не имѣютъ о немъ ниже понятія. Пустой блескъ, взбалмошная наглость въ мужчинахъ, безстыдное непотребство въ женщинахъ, другаго право ничего не вижу. Ты можешь себѣ представить, что все сіе намъ очень не понравилось. Я всякій день бѣгаю съ утра до вечера по городу, чтобъ видѣть все примѣчательное; а какъ скоро все осмотримъ и пришлютъ ко мнѣ деньги, то истинно лишняго дня здѣсь не останусь. Между тѣмъ скажу тебѣ, что меня здѣсь болѣе всего удивляетъ: это мои любезные сограждане. Изъ нихъ есть такіе чудаки, что внѣ себя отъ одного имени *Парижа;* а при всемъ томъ, я самъ свидѣтель, что они умираютъ со скуки; еслибъ не спектакли и не много было здѣсь русскихъ, то бы дѣйствительно Парижъ укоротилъ вѣкъ многихъ нашихъ русскихъ французовъ. Итакъ, кто тебя станетъ увѣрять, что Парижъ центръ забавъ и веселій, не вѣрь: все это глупая аффектація; все лгутъ безъ милосердія. Кто самъ въ себѣ ресурсовъ не имѣетъ, тотъ и въ Па-

ижѣ проживетъ какъ въ Угличѣ. Четыре стѣны вездѣ равны; но чтобъ дать вамъ идею, какъ живутъ здѣсь всѣ вообще чужестранцы, то разскажу тебѣ всѣ часы дня, какъ они его проводятъ. Поутру, вставъ очень поздно, мужчина надѣваетъ фракъ съ камзоломъ, или, справедливѣе сказать, съ душегрѣйкою весьма неблагопристойною. Весь растрепанъ, побѣжитъ au Palais-Royal; гдѣ нашедъ цѣлую пропасть дѣвокъ, возьметъ одну или нѣсколькихъ съ собою домой обѣдать. Сіе непотребное сонмище поведетъ съ собою въ спектакль на свои деньги; а изъ спектакля возьметъ съ собою свою дѣвку и теряетъ свои деньги съ здоровьемъ невозвратно. Такъ здѣсь живутъ не только холостые, но почти всѣ женатые; а разница въ томъ, что женатые нанимаютъ особенные дома для своихъ шалостей. Что жъ надлежитъ до дамъ, то наши русскія знаются между собою; но сіе могли бы онѣ дѣлать точнёхонько и въ Россіи; слѣдственно Парижъ тутъ не входитъ ни во что. Буде же знаться съ француженками, то по короткому пребыванію не стоитъ и заводить съ ними знакомства; да французскія дамы при томъ и горды. Шувалова ѣздитъ ко многимъ, а къ ней никто; слѣдственно такое знакомство не всякому пріятно. По крайней мѣрѣ, я не хочу инаго знакомства, кромѣ такого, гдѣ бъ оно совершенно было наблюдаемо. Изъ этого заключить можешь, что для чужестранныхъ нѣтъ никакого здѣсь société. Надобно сказать, что дамъ чужестранныхъ здѣсь очень немного, а мужчинъ, особливо же молодыхъ, пропасть. Ихъ двѣ вещи въ Парижъ привлекаютъ: спектакли да дѣвки. Отними сіи двѣ приманки, то цѣлыя двѣ трети чужестранцевъ тотчасъ уѣдутъ изъ Парижа. Спектакли здѣсь такіе, какихъ совершеннѣе быть не можетъ. Трагедія послѣ Лекеня, Клеронши, Дюменильши конечно упала; но комелія въ наилучшемъ цвѣтѣ. Опера есть великолѣпнѣйшее зрѣлище въ цѣломъ свѣтѣ. Итальянскій спектакль очень забавенъ. Сверхъ того есть много другихъ спектаклей. Всѣ каждый день полнёшеньки. Два примѣчанія скажу тебѣ о здѣшнихъ спектакляхъ и повѣрь, что скажу сущую правду. Кто нѣ видалъ комедіи въ Парижѣ, тотъ не имѣетъ прямаго понятія, что̀ есть комедія. Кто же видѣлъ здѣсь комедію, тотъ нигдѣ въ спектакль не поѣдетъ охотно, потому что послѣ парижскаго смотрѣть

другаго не захочетъ. Не говорю я, чтобъ у насъ, или въ другихъ мѣстахъ, не было актеровъ, достойныхъ быть въ здѣшней труппѣ: но нѣтъ нигдѣ такого ensemble, каковъ здѣсь, когда въ пьесѣ играютъ всѣ лучшіе актеры. Два дня въ недѣлѣ играютъ дубли. Тогда дѣйствительно и парижскій спектакль гроша не стоитъ. Теперь поговорю о другой приманкѣ, а именно: о дѣвкахъ. Здѣсь всѣ живутъ не весьма цѣломудренно; но есть состояніе особенное, называющееся les filles, то есть: непотребныя дѣвки, осыпанныя съ ногъ до головы брилліантами. Одѣты прелестно; экипажи такіе, какихъ великолѣпнѣе быть не можетъ. Дома, сады, столъ, словомъ, сей родъ состоянія изобилуетъ всѣми благами свѣта сего. Спектакли всѣ блистаютъ отъ алмазовъ, украшающихъ сихъ тварей. Онѣ сидятъ въ ложахъ съ своими любовниками, изъ коихъ знатнѣйшія особы имѣютъ слабость срамить себя публично, садясь съ ними въ ложахъ. Богатство ихъ неисчислимо; а потому благородныя дамы взяли другой образъ нарядовъ, то есть ни на одной благородной не увидишь брилліантика. Дорогіе камни стали вывѣскою непотребства. На страстной недѣлѣ послѣдніе три дня было здѣсь точно то, что въ Москвѣ мая первое. Весь городъ ѣздитъ въ рощу и не выходитъ изъ каретъ. Тутъ-то видѣлъ я здѣшнее великолѣпіе. Наилучшіе экипажи, ливреи, лошади — все это принадлежало дѣвкамъ! Въ прекрасной каретѣ сидитъ красавица вся въ брилліантахъ. Кто жъ она? Дѣвка. Словомъ сказать, прямо наслаждаются сокровищами міра однѣ дѣвки. Сколько отъ нихъ цѣлыхъ фамилій вовсе разоренныхъ! Сколько благородныхъ женъ несчастныхъ! Сколько молодыхъ людей погибшихъ! Вотъ городъ, не уступающій ни въ чемъ Содому и Гомору. Съ одной стороны видишь нечестіе, возносящее главу свою, а съ другой — вдовъ и сиротъ, стоящихъ подлѣ оконъ домовъ великолѣпныхъ, откуда изъ седьмаго этажа (ибо добрые люди живутъ на чердакахъ) кидаютъ симъ нищимъ куски хлѣба, какъ собакамъ. Въ первыхъ же этажахъ обитаютъ люди богатые съ окаменѣлыми сердцами, слѣдственно имъ до того дѣла нѣтъ. Надобно примѣтить, что нищимъ здѣсь запрещено просить милостыню, а какъ скоро кто попадется, то отводятъ его въ больницы, Инвалиды и Бисетръ. Сіи мѣста стоятъ особеннаго описанія; я предоставляю это для дру-

гаго письма, а напередъ скажу только то, что воображеніе человѣческое никакъ представить себѣ не можетъ варварства и безчеловѣчія, съ какимъ трактуются несчастные люди. Не могу выйти изъ удивленія, какъ нація просвѣщенная и, по справедливости сказать, человѣколюбивѣйшая, можетъ терпѣть, чтобъ такія лютости совершались среди столичнаго города. Знать, что всякое состраданіе исчезло въ ихъ сердцахъ. Сказываютъ, что на страстной недѣлѣ говорилъ въ Версаліи проповѣдь предъ королемъ славный здѣшній проповѣдникъ l'abbé Maury (*), и на чистыя денежки описалъ королю весь ужасъ, въ которомъ живутъ несчастные въ Бисетрѣ и Инвалидахъ. Король во время проповѣди топалъ ногами и отзывался, что онъ ничего этого не зналъ; а проповѣднику сказалъ, что онъ ласкается не заслужить впредь такой проповѣди, которая растерзала его сердце. Дай Богъ, чтобъ онъ скорѣе облегчилъ страданіе несчастныхъ! Увѣряютъ, что сей проповѣдникъ будетъ за сію проповѣдь епископомъ. Страстная и святая недѣли были проведены въ службѣ Божіей. Я самъ слышалъ сего славнаго проповѣдника. Краснорѣчія много, но не понравилась мнѣ его декламація, которую нашелъ я слишкомъ театральною. Въ прошлый понедѣльникъ отворены были всѣ театры. Мы съ женою предпочли видѣть *Альзиру* и пріѣхали въ театръ очень кстати. За нашею каретою ѣхалъ Вольтеръ, сопровождаемый множествомъ народа. Вышедъ изъ кареты, жена моя остановилась со мною на крылечкѣ, посмотрѣть на славнаго человѣка. Мы увидѣли его почти на рукахъ несомаго двумя лакеями. Оглянувшись на жену мою, примѣтилъ онъ, что мы нарочно для него остановились, и для того имѣлъ аттенцію, къ ней подойдя, сказать съ видомъ удовольствія и почтенія: «Madame! Je suis bien votre serviteur très humble». При сихъ словахъ сдѣлалъ онъ такой жестъ, который показывалъ, будто онъ самъ дивится своей славѣ. Сидѣлъ онъ въ ложѣ madame Lebert; но публика не прежде его усмотрѣла, какъ между четвертымъ и пятымъ актомъ.

(*) Мори (1746—1817), политическій и духовный ораторъ. Въ 1789 г. онъ говорилъ въ національномъ собраніи противъ реформы. Потомъ онъ удалился въ Римъ, откуда возвратился уже при Наполеонѣ I и въ 1810 г. былъ сдѣланъ архіепископомъ парижскимъ.

Лишь только примѣтила она, что Вольтеръ въ ложѣ, то зачала апплодировать и кричать, потерявъ всю благопристойность: Vive Voltaire! Сей крикъ, отъ котораго никто другъ друга разумѣть не могъ, продолжался близъ трехъ четвертей часа. Madame Vestris, которая должна была начинать пятый актъ, четыре раза принималась, но тщетно! Вольтеръ вставалъ, жестами благодарилъ партеръ за его восхищеніе и просилъ, чтобъ позволилъ онъ кончить трагедію. Крикъ на минуту утихалъ, Вольтеръ садился на свое мѣсто, актриса начинала и крикъ поднимался опять съ бо́льшимъ стремленіемъ. Наконецъ всѣ думали, что пьесѣ вѣкъ не кончиться. Господь вѣдаетъ, какъ этотъ крикъ перервался, а Вестрисъ предуспѣла заставить себя слушать. Трагедія играна была отмѣнно хорошо. Замора игралъ Larive, заступившій мѣсто Лекеня. Самъ Вольтеръ нѣсколько разъ кричалъ ему: bravo! Альвара игралъ Бризаръ, а Гусмана Монвель. Оба имѣютъ истинные таланты. Послѣ трагедіи, нѣкто заслуженный офицеръ и кавалеръ Лескюръ возгорѣлъ жаромъ стихотворства и, вошедъ въ ложу къ Вольтеру, подалъ ему сочиненные имъ въ тотъ же моментъ стихи:

Ainsi chez les Incas dans leurs jours fortunés
Les enfans du soleil, dont nous suivons l'exemple
Aux transports les plus doux étaient abandonnés
Lorsque de ses rayons il éclairait leur temple.

Вольтеръ, принявъ ихъ, отвѣтствовалъ ту же минуту:

Des chevaliers français tel est le caractère,
Leur noblesse en tout tems me fut utile et chère.

Я видѣлъ уже три раза Вольтера. Изъ всѣхъ ученыхъ удивилъ меня д'Аламбертъ. Я воображалъ лице важное, почтенное; а нашелъ премерзкую фигуру и преподленькую физіономію. Сегодня открылось въ Парижѣ собраніе называемое: Le rendez-vous de la République des lettres et des arts. Господа ученые почтили меня приглашеніемъ и я послѣ обѣда туда ѣду. Они хотятъ имѣть меня своимъ корреспондентомъ. Богъ вѣдаетъ, кто-то имъ сказалъ, будто я русскій un homme de lettres. Самъ директоръ сего собранія у меня былъ и комплиментамъ конца не было. Вчера было собраніе въ Академіи Наукъ. Вольтеръ присутствовалъ; я сидѣлъ отъ него очень близко и не спускалъ глазъ съ его.

мощей. Обѣщаютъ мнѣ здѣшніе ученые показать Русс[illegible] какъ скоро его увижу, то могу сказать, что видѣлъ во[illegible] мудрыхъ вѣка сего. Если вы воображали, что мы плѣ[illegible] ся чужими краями, то какъ обманулись!—Со всѣмъ т[illegible] я очень радъ, что видѣлъ чужіе краи. По крайней м[illegible] не могутъ мнѣ импозировать наши Jean de France. М[illegible] пріобрѣлъ я пользы отъ путешествія. Кромѣ поправл[illegible] здоровья, научился я быть снисходительнѣе къ тѣмъ [illegible] достаткамъ, которые оскорбляли меня въ моемъ отечест[illegible]. Я увидѣлъ, что во всякой землѣ худаго гораздо бол[illegible] нежели добраго; что люди вездѣ люди; что умные л[illegible] вездѣ рѣдки; что дураковъ вездѣ изобильно, и словомъ, [illegible] наша нація не хуже ни которой, и что мы дома мож[illegible] наслаждаться истиннымъ счастіемъ, за которымъ нѣтъ ну[illegible]ды шататься въ чужихъ краяхъ.

XXXVII.

Парижъ, августа 1778.

Мы теперь живемъ въ загородномъ домѣ, называемомъ Belair. Мѣсто прекрасное, окруженное садомъ, прозваннымъ les Champs-Elisées и Булонскою рощею. Парижскія окрестности похожи на московскія. Ситуаціи такія, что вездѣ видишь картину. Сію справедливость я отдаю охотно, равно какъ и ту, что самъ Парижъ немножко почище свинаго хлѣва. Я вамъ наскучилъ уже описаніемъ нечистоты града сего; но истинно, я такъ сердитъ на его жителей, что теперь радъ ихъ за то бранить отъ всего сердца. Съ крыльца сойдя, надобно тотчасъ носъ зажать. Мудрено ли, что здѣсь дѣлаютъ столько благоуханныхъ водъ: да безъ нихъ бы, я думаю, всѣ задохлись. Правду ты пишешь, что насъ въ Россіи обманываютъ безъ милосердія Кары, Машковы и прочіе, говоря о здѣшней землѣ, какъ о земномъ раѣ. Спору нѣтъ, много есть очень хорошаго; но повѣрь же мнѣ, истинно хорошаго сіи господа конечно и не примѣчали; оно ушло отъ ихъ вниманія. Можно вообще сказать, что хорошее здѣсь найдешь, поискавши, а худое само въ глаза валитъ. Живучи здѣсь близъ полугода, кажется, довольно познакомился я съ Парижемъ, и узналъ его столько, что въ другой разъ охотою, конечно, въ него не поѣду.

Я люблю спектакли; они меня очень забавляютъ; имѣю также знакомство съ авторами — вотъ что примиряетъ меня нѣсколько съ Парижемъ. Мармонтель, Томасъ и еще нѣкоторые ходятъ ко мнѣ въ домъ; люди умные, но большая часть врали. Исключая Томаса, который кажется мнѣ кроткимъ и честнымъ человѣкомъ, почти всѣ прочіе таковы, что гораздо пріятнѣе читать ихъ сочиненія, нежели слышать ихъ разговоры. Самолюбіе въ нихъ такое, что не только думаютъ о себѣ, какъ о людяхъ, достойныхъ алтарей, но и безстыдно сами о себѣ говорятъ, что они умомъ и твореніями своими пріобрѣли безсмертную славу. Помнишь, какого мнѣнія былъ о себѣ нашъ Сумароковъ и что онъ о своихъ достоинствахъ говаривалъ? Здѣсь всѣ Сумароковы; разница только та, что здѣшніе смѣшнѣе, потому что видъ на нихъ гораздо важнѣе. Я съ моей стороны персонально ихъ учтивостію доволенъ. Они, услышавъ отъ Строганова, Барятинскаго и прочихъ, что я люблю литературу и въ ней упражняюсь, очень меня приласкали, даже до того, что въ заведенное нынѣшнимъ годомъ собраніе, подъ именемъ le rendez-vous des gens des lettres, прислали ко мнѣ инвитацію, такъ же какъ и къ славному Франклину, который живетъ здѣсь министромъ отъ американскихъ соединенныхъ провинцій. Онъ, славный англійскій физикъ. Магелланъ и я были приняты отмѣнно хорошо, даже до того, что на другой день напечатали въ газетахъ о нашемъ визитѣ. Вы увидите въ газетѣ имя мое estropié, по обычаю, и посмотрите, сколько въ Парижѣ вседневныхъ забавъ. Я имѣлъ удачу понравиться въ собраніи разсказываніемъ о свойствѣ нашего языка, такъ что директоръ сего собранія, la Blancherie, одинъ изъ мудрыхъ вѣка сего, прислалъ ко мнѣ звать и въ будущее собраніе. Я посылаю его письмо, чтобъ ты видѣла, въ какомъ почтительномъ тонѣ ученый народъ со мною обращается. Кромѣ охоты моей къ литературѣ, имѣю я въ ихъ глазахъ другой меритъ, а именно, покупаю книги, ѣзжу въ каретѣ и живу домомъ, то есть можно прійти ко мнѣ обѣдать. Сіе достоинство весьма принадлежитъ къ литературѣ; ибо ученые люди любятъ, чтобъ ихъ почитали и кормили. Теперь приступаю къ исторіи, которая тебя столько же огорчитъ, какъ и меня; ибо я знаю, какъ ты любишь Руссо. Послушай, что съ нимъ сдѣлалось.

Я писалъ къ тебѣ, что Руссо обѣщалъ мнѣ показать се-

бя и уже назначенъ былъ день для нашего свиданія; но наканунѣ дня того пришелъ ко мнѣ одинъ abbé, чрезъ котораго я добивался познакомиться съ Руссо, и сказалъ мнѣ новыя вѣсти, что онъ былъ въ домѣ у Руссо и засталъ его жену въ слезахъ и отчаяніи, которая спрашивала его: не видалъ ли онъ, гдѣ мужъ ея? Онъ уже двѣ ночи дома не ночевалъ и она боится, не посаженъ ли онъ въ тюрьму отъ правительства. Дня три прошли въ семъ безъизвѣстіи; наконецъ узнали, что онъ поѣхалъ къ одному своему пріятелю, человѣку знатному, въ деревню отъ Парижа верстъ съ пятьдесятъ. Причина его удаленія вотъ какая: онъ сочинилъ Mémoires своей собственной жизни, въ которыхъ весьма свободно описывалъ всѣ интриги здѣшнихъ вельможъ поименно. Сію книгу сочинялъ онъ съ тѣмъ, чтобъ послѣ смерти жена его ее напечатала и имѣла бъ отъ нея вѣрный и нарочитый доходъ. Онъ для нея сію книгу пишетъ и оставляетъ ей въ наслѣдство. Жена его такая алчная къ деньгамъ, какой свѣтъ не производилъ. Ей показалось долго дожидаться мужней смерти. Она, уговорясь съ однимъ книгопродавцемъ, продала ему манускриптъ, позволяя его списывать тихонько, когда Руссо спалъ. Онъ не зналъ, не вѣдалъ этой напасти, какъ вдругъ получилъ письмо изъ Голландіи отъ одного книгопродавца, который пишетъ къ нему, что онъ имѣетъ въ рукахъ своихъ его манускриптъ, купленный за сто луидоровъ, и спрашиваетъ его отъ добраго сердца: на какой бумагѣ и какими литерами совѣтуетъ онъ сдѣлать изданіе? Руссо жестоко испугался, увидя женщину бездѣльство, и писалъ къ книгопродавцу, чтобъ онъ Бога ради до смерти его не печаталъ книги; а самъ, бросивъ неблагодарную жену, поѣхалъ въ деревню къ своему пріятелю. Теперь уже видно, что книгопродавецъ его не послушалъ: ибо книга напечатана и появившіеся здѣсь экземпляры конфискованы; а бѣдный Руссо, видно, отъ страха и негодованія, прекратилъ жизнь свою. Сегодня получено извѣстіе, что онъ умеръ и найдена на тѣлѣ его ранка въ самомъ сердцѣ. Сказываютъ, что онъ булавкою проткнулъ сердце, а иные говорятъ ножичкомъ. Какъ бы то ни было, но онъ самъ себя лишилъ жизни; по крайней мѣрѣ сей слухъ разнесся теперь по всему городу. Пріятель мой Гудонъ, славный скульпторъ,

поѣхалъ теперь къ нему снимать маску (*); ибо лице, какъ слышно, точно еще такое, какъ было у живаго.

Итакъ, судьба не велѣла мнѣ видѣть славнаго Руссо! Твоя однакожъ правда, что чуть ли онъ не всѣхъ почтеннѣе и честнѣе изъ господъ философовъ нынѣшняго вѣка. По крайней мѣрѣ безкорыстіе его было строжайшее. Я такъ золъ на жену его, что еслибъ былъ судья, то бы велѣлъ ее повѣсить.

Не описываю тебѣ всего, что здѣсь вниманія достойно. Я писалъ къ батюшкѣ превеликое письмо и усталъ такъ, что право едва сію страницу могу окончить. Ты получишь отъ меня конечно большое письмо. Живучи за городомъ, имѣю больше времени и способности къ писанію.

Мы сегодня ѣдемъ въ St. Cloud. Тамъ много людей будетъ. Завтра утро будетъ у меня ученое; проведу его съ д'Аламбертомъ. Вотъ здѣшнія мои пріятности: ученые врали, спектакли и гульбища, но и то наскучило. Мы оба нетерпѣливо хотимъ кончить наше кочеванье. Очень будемъ рады, какъ доберемся до дома. Прости!

3) *Изъ втораго путешествія.*

XXXVIII.

Рим, іюля 1784.

Матушка, другъ мой сердечный Ѳедосья Ивановна, здравствуй!

Мы сегодня отсюда отъѣзжаемъ, слава Богу здоровы. Пускаемся въ путь далекій. Сколько пріятностей ни нахожу я въ вояжѣ, да онѣ смѣшаны съ тѣмъ сердечнымъ огорченіемъ, что я очень долго не получу объ васъ никакого свѣдѣнія. Надобно доѣхать до Флоренціи и тамо ждать вашихъ писемъ. Легко станется, мой сердечный другъ, что и вы отъ меня долго писемъ не получите. Я писать всеконечно стану, да не могу отвѣчать за исправность почты. Часто почтмейстеры ихъ бросаютъ и они

(*) Гудонъ (1740 — 1828) сдѣлалъ много превосходныхъ статуй и бюстовъ. Замѣчательны его статуи: Вольтера, Вашингтона и Цицерона въ сенатѣ.

по нѣскольку мѣсяцевъ у нихъ на столахъ валяются.—Здѣсь прожили мы изрядно, отдохнули, посмотрѣли Риги и благополучно отъѣзжаемъ. Въ Лифляндіи и Эстляндіи мужики взбунтовались противъ своихъ помѣщиковъ; но сіе нимало не поколебало безопасности большой дороги. Мы всѣ тѣ мѣста проѣхали такъ благополучно, какъ бы ничего не бывало; вездѣ лошадей получали безостановочно. Что̀ послѣ насъ будетъ, не знаю: но мужики крѣпко воинскимъ командамъ сопротивляются, и желая свергнуть съ себя рабство, смерть ставятъ ни во что. Многихъ изъ нихъ перестрѣляли, а раненые не даютъ перевязывать ранъ своихъ, рѣшаясь лучше умереть, нежель возвратиться въ рабство. Словомъ, мы сію землю оставляемъ въ жестокомъ положеніи. Мужики противъ господъ и господа противъ нихъ такъ остервенились, что ищутъ погибели другъ друга.

Описаніе нашего пути до Риги не заслуживаетъ вниманія; но какъ тебѣ, матушка, все то интересно, что̀ до насъ принадлежитъ, то я напишу тебѣ нашъ журналъ. Мы выѣхали подъ вечеръ въ воскресенье, ѣхали всю ночь подъ дождемъ и въ понедѣльникъ пріѣхали обѣдать въ Ямбургъ. Примѣтя, что одинъ нашъ сундукъ очень тяжелъ, рѣшились мы вынуть изъ него все ненужное и возвратить въ Петербургъ. Сей переборъ занялъ насъ такъ много, что въ Нарву пріѣхали около полуночи и спали, какъ мертвые. Проснулися поздно. Наняли коляску и поѣхали отъ Нарвы версты три въ сторону, смотрѣть славныхъ водяныхъ пороговъ. Признаюсь тебѣ, что я не воображалъ найти такого страшнаго зрѣлища. Представь себѣ цѣлый рядъ, на полверсты слишкомъ, водяныхъ горъ, которыя съ высоты ужаснымъ стремленіемъ и съ ревомъ падаютъ внизъ и походятъ на бѣлѣйшій снѣгъ. Ревъ такъ громокъ, что' за 12 верстъ во время непогоды слышенъ. Подходя къ нимъ, кажется, что идешь въ Нептуново царство. Отъ Нарвы до Риги ѣхали мы день и ночь, и терпѣли много отъ жаровъ; сюда пріѣхавъ, отдохнули и пускаемся въ путь далѣе. Вотъ, мой сердечный другъ, все наше путешествіе. Пожелай намъ продолжать его такъ же благополучно, какъ начали. Прости!

Всѣхъ нашихъ друзей обнимаю отъ сердца. Княжнѣ Катеринѣ Семеновнѣ прошу сказать почтеніе и желаніе ей всякаго благополучія.

(На конвертѣ: Милостивому государю батюшкѣ Ивану Андреевичу Фонъ-Визину, въ Москвѣ).

Приписка жены. Оставаясь здѣсь еще нѣсколько часовъ, не хочу оставить, матушка сестрица, Ѳедосья Ивановна, чтобъ не принести вамъ моего непремѣннаго почтенія. Мы отъѣзжаемъ отсюда слава Богу здоровы. Желаю сердечно, чтобъ вы были здоровы и веселы. Скажите, матушка, мое почтеніе любезнымъ сестрицамъ, Натальѣ Сергѣевнѣ и братцамъ. Дѣтей вашихъ, друзей моихъ, за меня поцалуйте.

XXXIX.

Лейпцигъ, $^{13}/_{24}$ августа 1784.

Въ прошедшую субботу пріѣхали мы сюда благополучно. Изъ Кёнигсберга, откуда мы въ послѣдній разъ писали, были мы въ дорогѣ до Лейпцига одиннадцать дней, то есть по скверной прусской почтѣ, ѣхавъ почти всегда день и ночь, не могли мы сдѣлать въ одиннадцать дней больше 777 русскихъ верстъ. У насъ добрый извощикъ скорѣе довезетъ на однѣхъ лошадяхъ. Теперь, Богу благодареніе, доѣхали мы до города, гдѣ съ большою пріятностію отдохнуть можемъ, проѣхавъ около двухъ тысячъ верстъ. Жена моя, ѣхавъ безъ дѣвки, выноситъ храбро всѣ дорожныя безпокойства. Ты не повѣришь, какое нахожу въ ней утѣшеніе, и какъ я радъ, видя ее здоровою. Однажды прихворнула-было она въ Кенигсбергѣ; разболѣлся у нее зубъ; но мы съ нимъ церемониться не стали и тотчасъ рѣшилась она его вырвать, что́ благополучно и исполнено. Голова моя одинъ разъ сильно, а другой разъ слабѣе меня помучила; но какая разница съ тѣмъ, что́ со мною бываетъ, живучи на одномъ мѣстѣ. Я думаю, что и тутъ самъ я былъ причиною обоимъ пароксизмамъ. Оба раза разозлился я на скотовъ почталіоновъ и заплатилъ за свой гнѣвъ головною болью. Правду сказать, надобно быть ангелу, чтобъ сносить терпѣливо ихъ скотскую грубость. Двадцать русскихъ верстъ везетъ восемь часовъ, всеминутно останавливается, бросаетъ карету и бѣгаетъ по корчмамъ пить пиво, курить табакъ и заѣдать масломъ. Изъ корчмы не вытащить его до тѣхъ поръ, пока самъ изволитъ выйти. Вообще сказать, почтовыя учрежденія его прусскаго величества гроша не стóятъ. На почтахъ его скачутъ гораздо тише, нежели наши ходоки пѣшкомъ ходятъ. Въ Саксоніи немного получше; но также довольно плохо. Не знаю, какъ

пойдетъ далѣе. По счастію нашему прескучная медленность почталіоновъ награждалась прекрасною погодою и изобиліемъ плодовъ земныхъ. Во всей западной Пруссіи нашли мы множество абрикосовъ, грушъ и вишенъ. Въ здѣшнемъ городѣ останемся мы еще на нѣсколько дней. Хотимъ, отдыхая, собрать свои силы къ переѣзду другой половины нашего пути; а сверхъ того хотимъ здѣсь нѣсколько экипироваться. Мы и люди наши износили все наше дорожное платье. Можно сказать, что, выѣхавъ изъ Петербурга въ новыхъ платьяхъ, пріѣхали сюда въ лохмотьяхъ. Не понимаю, отъ чего все изодралось. Везъ я съ собою шолковый новенькій и прекрасный кафтанецъ, но въ Ригѣ за ужиномъ у Броуна (*), нѣмецкая розиня, обнося кушанье, вылила на меня блюдо прежирной яствы. Здѣсь хочу нарядиться и предстать въ Италію щеголемъ. Ласкаюсь, что время проведемъ пріятно, если Богъ дастъ намъ счастье получить ваши письма. Такое долгое безъизвѣстіе несносно. Знаю, что иначе быть не можетъ; да никакое разсужденіе сердечнаго чувства побѣдить не можетъ. Прошу тебя, матушка, Бога ради, не пренебрегай писать къ намъ чаще: по крайней мѣрѣ, чтобъ я всякія двѣ недѣли могъ имѣть о васъ извѣстіе. Неполученіе писемъ вашихъ можетъ отравить всю пріятность жизни нашей и сомнѣніе о состояніи здоровья всѣхъ моихъ родныхъ не дастъ мнѣ вкусить здѣсь прямаго удовольствія. Итакъ, мой сердечный другъ, войдите въ наше состояніе и пишите къ намъ регулярно; а мы, съ нашей стороны, будемъ такъ часто къ вамъ писать, какъ въ первый нашъ вояжъ. Къ тебѣ же, матушка, буду писать большія письма; а ты ихъ читай батюшкѣ и всѣмъ нашимъ друзьямъ. Журналъ нашъ, другъ мой сердечный, нимало не интересенъ, и я его къ тебѣ не сообщилъ бы, еслибъ не зналъ, какъ всѣ вы насъ любите и какъ охотно будете читать объ насъ все то, что постороннимъ людямъ могло бъ очень наскучить. Въ Ригѣ проводили мы наше время столько весело, сколько въ Ригѣ можно, и выѣхали изъ нея 23-го іюля нашего стиля, въ шесть часовъ послѣ обѣ-

(*) Юрій Юрьевичъ Броунъ (1704—1792), съ 1775 года графъ римской имперіи, былъ въ теченіе 30 лѣтъ намѣстникомъ Рижскимъ и Ревельскимъ (въ 1762—1792). Онъ былъ родомъ ирландецъ и въ Россію прибылъ при Петрѣ Великомъ.

да. Возьми ты теперь календарь, гдѣ есть станціи отъ Риги до Митавы, и смотри, по скольку верстъ мы когда переѣзжали. Въ тотъ вечеръ ужинали мы въ Олеѣ. Тутъ встрѣтили мы двухъ рижскихъ дворянокъ, кои сами вояжируютъ въ Митаву. Мы съ ними ужинали и хотя количество пищи для насъ, для нихъ, для людей нашихъ и для ихъ людей было весьма малое, но, благодареніе Богу, насытившему нѣкогда пятью хлѣбами пять тысячъ народа, всѣ мы были сыты. Ночь всю мы ѣхали, а 24 числа поутру пріѣхали въ *Доблень* завтракать. Здѣсь примѣчанія достоинъ одинъ старинный развалившійся замокъ, весьма похожій на *Тундердеръ-трункъ*, о которомъ писано въ Кандидѣ (*). Обѣдали во Фрауенбергѣ у почтмейстера, старика предобраго, который утѣшается тѣмъ, что воспитываетъ дочь свою, учитъ ее бренчать на клавикордахъ и пѣть. Я не могу судить объ успѣхѣ; но мнѣ кажется, что за стѣною слушать ее гораздо лучше. Ночевать пріѣхали мы въ Шрунденъ. 25 числа поутру; жена тутошнаго диспонента Фока прислала къ моей женѣ блюдо плодовъ и цвѣтовъ. За сію учтивость ходилъ я къ нимъ съ визитомъ и нашелъ весьма честный домъ. Семья ихъ состоитъ теперь изъ двухъ сыновей и дочери, madame Manteufel, совершенной красавицы. Она вдова, молодая, умная и преласковая. Вся семья приняла меня, какъ брата роднаго и всѣ они пошли со мною на почтовый дворъ, къ женѣ моей. Мы всѣхъ ихъ нашли въ черномъ платьѣ, ибо за четыре мѣсяца предъ симъ умерли, одна послѣ другой, двѣ дочери, дѣвушки моложе двадцати лѣтъ. Старики огорчены пребезмѣрно, и по ихъ словамъ видно, что обѣ умерли отъ колики, которой помочь было некому. Жена моя одарила ихъ магнезіею, ревенемъ и многими рецептами, коими запаслась она ради несваренія моей грѣшной утробы. Въ семъ мѣстѣ мы такъ хорошо завтракали, что нигдѣ обѣдать не останавливались. Къ ужину пріѣхали мы въ Обербартау; но не могли двухъ минутъ остаться на почтовомъ дворѣ: такая бездна сверчковъ, что отъ ихъ крика говорить не льзя; мы другъ друга разумѣть не могли. Въ Петербургѣ поварня генералъ-прокурора (**) весьма знаменита сверчками. Повара его ра-

(*) Романъ Вольтера.
(**) Князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій.

ботаютъ молча, потому что также другъ друга разслушать не могутъ; сверчки валятся въ кушанье, но со всѣмъ тѣмъ, я думаю, что обербартовскій почтовой дворъ не уступитъ поварнѣ его сіятельства. Мы принуждены были тотчасъ выѣхать и всю ночь продолжать путь нашъ. Поутру 26 числа пристали позавтракать въ *Ниммерзатъ*, къ пребѣдному почтмейстеру, у котораго, кромѣ дурнаго хлѣба и горькаго масла, ничего не нашли. Въ 4 часа пополудни пріѣхали въ Мемель. Продолженіе моего журнала пришлю къ тебѣ на будущей почтѣ; а теперь отъ писанія рука устала. Видишь, мой сердечный другъ, что журналъ мой не заслуживаетъ быть читанъ. Надѣюсь, что по прибытіи моемъ въ Италію, будетъ онъ интереснѣе. Отсюда пойдетъ почта въ субботу и ты получишь отъ меня продолженіе журнала по прибытіе наше въ здѣшній городъ.

XL.

Лейпцигъ, $^{17}/_{28}$ августа 1784.

Мы еще здѣсь живемъ и такъ устали отъ дороги, что, кажется, никогда не отдохнемъ. Я писалъ на прошедшей почтѣ, какъ мы доѣхали до Мемеля. Теперь доведу мой журналъ до прибытія нашего въ здѣшній городъ. Двадцать шестаго іюня, въ тотъ же день, въ который мы пріѣхали въ Мемель, осматриваны мы были польскою, прусскою пограничною и мемельскою таможнями. Отъ каждой отдѣлались мы гульденомъ, или тридцатью копейками. Таможенные приставы не у однихъ у насъ воры, и за тридцать копеекъ охотно отступаютъ отъ своей должности. Отобѣдавъ въ Мемелѣ, ходилъ я въ нѣмецкій театръ. Играли трагедію: Callas. Мерзче ничего я отъ роду не видывалъ. Я не могъ досмотрѣть перваго акта. Двадцать седьмаго поутру прогуливался я съ почтмейстеромъ по городу и, отобѣдавъ, выѣхали изъ города благополучно. Черезъ часъ очутились мы на берегу сильно волнующагося моря и всю ночь ѣхали такъ, что вода заливала колеса. Надобно признаться, что жестокій вѣтръ и преужасный ревъ при ночной темнотѣ не далъ намъ глазъ сомкнуть чрезъ всю ночь. Поутру, двадцать восьмаго, пріѣхали мы въ Rossitten перемѣнять лошадей. Rossitten есть прескверная деревнишка. Почтмейстеръ живетъ въ избѣ столь за-

гаженной, что мы не могли въ нее войти. Сей день былъ для насъ весьма непріятенъ. Обѣдали мы въ деревнишкѣ Саркау очень плохо, а ввечеру, подъѣзжая къ Кенигсбергу, переломилась задняя рессора. Увязавъ кое-какъ карету, дотащились мы въ девять часовъ въ городъ и стали въ трактирѣ у Шенка. Во весь день всѣ наши непріятности несказанно умножались тѣмъ, что у жены разболѣлся зубъ. Усталость отъ дороги по счастію навела на нее сонъ и она всю ночь спала хорошо. На другой день, двадцать девятаго, призвалъ я дантиста, который въ одинъ мигъ зубъ вырвалъ; но какъ былъ у нея еще больной корень другаго зуба, который иногда ее мучилъ, то за одинъ присѣстъ вырвали мы и его благополучно. Съ того часа она стала здорова. Тридцатаго пробыли мы въ Кенигсбергѣ. Я осматривалъ городъ, въ который отъ роду моего пріѣзжаю въ четвертый разъ. Хотя я имъ и никогда не прельщался, однако въ нынѣшній пріѣздъ показался онъ мнѣ еще мрачнѣе. Улицы узкія, домы высокіе, набиты нѣмцами, у которыхъ рожи по аршину. Всего же больше не понравилось мнѣ ихъ обыкновеніе: ввечеру въ восемь часовъ садятся ужинать и ввечеру же въ восемь часовъ вывозятъ нечистоту изъ города. Сей обычай даетъ ясное понятіе, какъ объ обоняніи, такъ и о вкусѣ кенигсбергскихъ жителей. Тридцать перваго, въ девять часовъ поутру, вынесъ насъ Господь изъ Кенигсберга. Весь день были безъ обѣда, потому что ѣсть было нечего. Ужинали въ Браунсбергѣ очень дурно. Я разозлился на почталіоновъ; разболѣлась голова моя и я всю ночь ѣхалъ въ жестокомъ пароксизмѣ. На другой день, $^{1}/_{12}$ августа, поутру рано пріѣхали мы въ городокъ, называемый Прусская Голландія, который намъ очень понравился. Въ трактирѣ, куда пристали, нашли мы чистоту, хорошій обѣдъ и всевозможную услугу. Тутъ отдыхалъ я подъ овсомъ до четырехъ часовъ за полдень. Пароксизмъ прошелъ; я сталъ здоровъ и веселъ и мы ѣхали всю ночь благополучно. $^{2}/_{15}$ поутру пріѣхали мы въ большой городокъ Маріенвердеръ. Тутъ обѣдали такъ дурно, какъ дорого съ насъ взяли; но городъ не дуренъ и чистенекъ. $^{3}/_{14}$ и $^{4}/_{15}$ были безостановочно въ дорогѣ. Сіи дни замѣтить нечѣмъ, кромѣ того, что въ одной деревнѣ нашли мы хороводъ дѣвокъ, изъ которыхъ одна какъ двѣ капли воды походитъ на дочь твою, Катю. Ты можешь

себѣ представить, что мы ее приласкали отъ всего сердца. Поутру $^{5}/_{16}$ имѣлъ я дурачество въ другой разъ разсердиться на почталіоновъ. За всякое излишнее движеніе сердца плачу я обыкновенно пароксизмомъ. Обѣдали мы въ преизрядномъ городѣ Ландсбергѣ, гдѣ началъ я чувствовать головную боль, которая всю ночь въ дорогѣ много меня безпокоила. Съ того времени сдѣлалъ я себѣ правило, котораго и держусь: никогда на скотовъ не сердиться и не рваться на то, чего не льзя передѣлать. Я далъ волю вести себя, какъ хотятъ, тѣмъ наипаче, что съ ними нѣтъ никакой опасности быть разбиту лошадьми. Я отъ роду прусскимъ и саксонскимъ почталіонамъ не кричалъ: тише! потому что тише ѣхать невозможно, какъ они ѣдутъ; развѣ стоять на одномъ мѣстѣ. Поутру пріѣхали мы въ Кистринъ, гдѣ проспалъ я до четырехъ часовъ пополудни и далъ пройти пароксизму; а ночевать пріѣхали мы во Франкфуртъ на Одерѣ. Никогда, съ самаго выѣзда, не имѣли мы такой мучительной ночи: клопы и блохи терзали насъ варварски. Сверхъ того и трактиръ попался скверный. Насъ однакожъ увѣряли, что онъ лучшій въ городѣ. Франкфуртъ вообще показался намъ несносенъ; мрачность въ немъ самая ужасная. Надобно въ немъ родиться, или очень долго жить, чтобъ привыкнуть къ такой тюрьмѣ. Проснувшись, или лучше сказать, вставъ съ постели очень рано ни о чемъ мы такъ не пеклись, какъ скорѣе выѣхать. Обѣдали мы въ Миллрозе и такъ и сякъ, и спѣшили хорошенько поужинать въ мѣстечкѣ Либерозе; но судьбѣ то было неугодно. Ввечеру, въ девять часовъ, при самомъ въѣздѣ нашемъ въ городокъ Фридландъ, передняя ось пополамъ. Не льзя себѣ представить ни нашей горестной досады, ни того усердія, съ которымъ подана была намъ помощь отъ жителей. Въ одинъ мигъ сбѣжалось народу превеликое множество. Примчали кузнеца; насъ самихъ отвели въ домъ Stadtrichter или къ городничему. Онъ имѣетъ жену, дочь невѣсту и сына; всѣ они приняли насъ съ несказанною искренностію; отвели намъ комнату, дали намъ постель и угощали насъ такъ, что мы вѣчно не забудемъ ихъ гостепріимства. Карета наша готова была къ утру, и мы $^{8}/_{19}$ разстались съ сими добродѣтельными людьми, будучи весьма тронуты ихъ честностію. Обѣдать пріѣхали мы въ Либаву къ почтмейстеру, старику предоброму

и хмѣльному. Онъ обѣдалъ въ гостяхъ и подгулялъ. Жена моя такъ ему понравилась, что онъ то и дѣло цаловалъ ея руку. Подчивалъ насъ всѣмъ, что могъ у себя найти, говорилъ нѣжности такъ смѣшно, что мы умирали со смѣху. Ночевали въ городкѣ Лукау и страдали отъ блохъ и клоповъ не меньше франкфуртскаго. $^{9}/_{20}$ пріѣхали мы въ городъ Герцбергъ, гдѣ обѣдали очень плохо. Ночевали въ городѣ Торгау, въ который въѣхали ночью. Предлинный и превысокій крытый мостъ по Эльбѣ, чрезъ который мы ѣхали при ночной темнотѣ, такъ страшенъ, что годился бъ чрезмѣрно хорошо къ принятію въ масоны. Мы думали что насъ везутъ въ жилища адскихъ духовъ. Поутру, оставя Торгау, ѣхали мы чрезъ поле, на которомъ въ 1760 году была страшная баталія между пруссаками и австрійцами. Тутъ погребено нѣсколько тысячъ людей и лошадей. Смотря на сіе несчастное мѣсто, ощущали мы жалость и ужасъ. Къ обѣду пріѣхали мы въ городъ Эйлейбургъ. Тутъ попринарядились, чтобъ въѣхать въ Лейпцигъ, куда въ седьмомъ часу по полудни благополучно пріѣхавъ, стали въ hôtel de Bavière. Симъ заключаю теперь мой журналъ. Жалѣю сердечно, что заставилъ васъ прочитать цѣлый листъ скучныхъ моихъ записокъ. Не дивись, матушка, что нѣтъ въ нихъ ничего достойнаго вниманія. Вспомни, что проѣхавъ изъ Петербурга двѣ тысячи верстъ, дотащились мы, можно сказать, только до воротъ Европы. Лейпцигъ есть первый городъ, который заслуживаетъ примѣчаніе. Продолженіе журнала моего посылать къ тебѣ буду исправно. Мнѣ пріятно, другъ мой сердечный, съ вами побесѣдовать, не смотря на то, что ничего сказать не имѣю. Хотя я отъ васъ очень далеко и ѣду еще далѣе, но душа моя ни на минуту съ вами не разстается. Прошу Бога, чтобъ всѣ вы, мои друзья, были здоровы. Завтра, или по крайней мѣрѣ послѣ завтра, отсюда выѣдемъ и писать къ вамъ будемъ на будущей недѣлѣ или изъ Ниренберга, или изъ Аугсбурга, гдѣ случится остановиться.

XLI.

Ниренбергъ, $\frac{\textit{29 августа}}{\textit{9 сентября}}$ *1784.*

Мы пріѣхали въ здѣшній городъ, слава Богу здоровы; но такъ устали, что рѣшились нѣсколько дней здѣсь погостить, а

между тѣмъ города посмотрѣть и кое-чѣмъ нужнымъ запастись. Изъ журнала моего ты увидишь, что отъ самаго Лейпцига до здѣшняго города было намъ очень тяжко. Дороги адскія, пища скверная, постели осыпаны клопами и блохами. Теперешній журналъ состоитъ въ описаніи нашего вольнаго страданія. Вообще сказать могу безпристрастно, что отъ Петербурга до Ниренберга балансъ со стороны нашего отечества перетягиваетъ сильно. Здѣсь во всемъ генерально хуже нашего: люди, лошади, земля, изобиліе въ нужныхъ съѣстныхъ припасахъ, словомъ: у насъ все лучше и мы больше люди, нежели нѣмцы. Это удостовѣреніе вкоренилось въ душѣ моей, кто бъ что ни изволилъ говорить. Изъ всѣхъ городовъ до здѣшняго, о которомъ въ будущемъ журналѣ писать стану, Лейпцигъ всѣхъ сноснѣе. И такъ, мой сердечный другъ, я начну продолжать теперь дневную мою записку. Ты сама прочти и ближнимъ нашимъ прочитай ее не вдругъ, потому что вдругъ цѣлый листъ, ничего незначущій, прочесть скучно. На другой день пріѣзда нашего въ Лейпцигъ, поутру ходилъ я въ здѣшнюю публичную баню мыться. Устройство здѣшнихъ бань отмѣнно хорошо. Для каждаго особливая комнатка съ ванною. Вода проведена машиною къ стѣнѣ, къ которой прикрѣплена ванна. У стѣны подлѣ ванны два винта. Повернувъ одинъ, пустишь воду теплую; повернувъ другой, холодную; такъ что сидящій въ ваннѣ наполняетъ ее столько и такою водою, какъ самъ захочетъ. Чистота, услуга и удобности, можно сказать, неописанны. Жаль, что у насъ нѣтъ такого пріятнаго и для здоровья полезнаго установленія.—Оставя жену отдыхать, поѣхалъ я съ визитовъ къ профессору и секретарю здѣшняго ученаго общества, Клодіусу, человѣку мнѣ уже знакомому, и между тѣмъ, какъ профессоръ занялся корректурою своихъ премудрыхъ сочиненій, супруга его повезла меня съ собою въ Итальянскую Оперу. Она здѣшняя знаменитая сочинительница. Вы не можете тутъ подозрѣвать моего сердца, потому что всѣ ея сочиненія суть не что иное, какъ любовныя письма къ своему супругу, въ котораго, не взирая на его полную, красную и глупую рожу, она влюблена смертельно. Между тѣмъ какъ я слонялся въ Оперѣ, жена моя ѣздила въ баню; ужинали мы двое одинёхоньки. Ты видишь, матушка, что я о всякой мелочи тебя увѣдомляю. $^{12}/_{23}$ поутру былъ я съ визитомъ у своихъ банкировъ, изъ коихъ одинъ въ Лейп-

цигѣ играетъ первую ролю по своему богатству. Онъ далъ намъ на другой день великолѣпный обѣдъ и мы оба $^{13}/_{24}$ у него обѣдали. Послѣ того еще сряду четыре дни мы ни часу дома не сидѣли: гуляли по садамъ, изъ которыхъ садъ купца Рихтера выходитъ уже изъ сферы партикулярнаго человѣка. Въ сопровожденіи профессора и его жены осматривали мы картинные кабинеты, изъ которыхъ два содержатъ въ себѣ много наилучшихъ піесъ славныхъ мастеровъ. Познакомились мы съ дѣвушкою, дочерью гравера Баузе,, которая играетъ какъ ангелъ на гармоникѣ. Обѣдалъ и ужиналъ я обыкновенно дома съ русскимъ нашимъ консуломъ Сапожниковымъ (*) и студентомъ Цебриковымъ (**). $^{17}/_{28}$ услышалъ я, что университетскій нашъ профессоръ Маттей (***) пріѣхалъ въ Лейпцигъ на русскихъ извощикахъ. Я обрадовался сему случаю и, чтобъ избавиться хотя на нѣсколько дней несносныхъ здѣшнихъ почталіоновъ, нанялъ я мужиковъ нашихъ на восьми лошадяхъ съ двумя кибитками до Ниренберга. Кучеръ нашъ, крестьянинъ Л. А. Нарышкина, Калининъ, обѣщалъ мнѣ, пріѣхавъ въ Москву, явиться къ вамъ и разсказать вамъ подробно, какъ онъ съ нами путешествовалъ. Борода его наконецъ намъ и надоѣла: смотрѣть его сбиралось около нашей кареты премножество людей: маленькіе ребята бѣгали за нимъ, какъ за чудомъ. Онъ такъ золъ на нѣмцевъ и такую къ нимъ имѣетъ антипатію, что иногда мы, слыша его разсужденія, умирали со смѣху. По его мнѣнію, русскихъ созидалъ Богъ, а нѣмцевъ чортъ. Онъ считаетъ ихъ наравнѣ съ гадиною и думаетъ, что, раздавя нѣмца, Бога прогнѣвить не льзя. Впрочемъ скажите ему за насъ спасибо: мы его усердіемъ чрезвычайно довольны. Городъ Лейпцигъ очень хорошъ на одну недѣлю, а жить въ немъ ни изъ чего не соглашусь. Осмотрѣвъ въ немъ все что вниманія достойно, тотчасъ почувствовали мы скуку, а особливо жена, не разумѣвъ ни слова по-нѣмецки. По-французски нѣмцы говорятъ столь скверно, сколь и неохотно. Въ

(*) Ассесоръ Ѳедоръ Исаевичъ Сапожниковъ.

(**) Романъ Цебриковъ. Онъ напечаталъ въ 1788 г. переводъ сочиненія аббата Сенъ-Пьера: «Миръ Европы».

(***) Христіанъ Фридрихъ Маттей (1744—1811) былъ профессоромъ греческой и латинской словесности въ московскомъ университетѣ.

журналѣ, который я веду для себя собственно, дѣлаю описаніе картинъ лейпцигскихъ; но какъ изъ васъ никто не охотникъ до живописи, то я эту часть здѣсь пропускаю, а скажу вамъ о самыхъ людяхъ нѣкоторыя примѣчанія. Я въ жизнь мою нигдѣ столько не видывалъ горбуновъ и горбушъ, сколько въ Лейпцигѣ. На публичномъ гуляньѣ, посидѣвъ на лавкѣ съ полчаса, считалъ я сколько проходитъ горбуновъ мимо меня и насчиталъ ихъ девять. Не подумайте, чтобъ я считалъ сутулину за горбъ. Нѣтъ! Это были такіе горбы, которые если не перещеголяютъ, то вѣрно не уступятъ Шкеданову. Резонъ горбамъ тотъ, что здѣсь мода водить дѣтей на помочахъ и что ребенокъ въ хомутѣ бродитъ, опустясь корпусомъ на грудь. Нищихъ въ Саксоніи пропасть и самые безотвязные. Коли привяжется, то цѣлый день бродитъ за тобою. Однимъ словомъ, страждущихъ отъ всякія скорби, гнѣва и нужды въ такой землишкѣ, какова Саксонія, я думаю, больные нежели во всей Россіи. $^{19}/_{30}$ августа въ десять часовъ поутру выѣхали мы изъ Лейпцига, обѣдали въ деревнѣ Лангендорфъ очень плохо, ночевали въ городѣ Веррѣ. $^{20}/_{31}$ поутру едва успѣли мы отъѣхать отъ ночлега версты двѣ, какъ у нашей кареты задняя ось пополамъ. Жена моя принуждена была вскарабкаться въ кибитку, а я пѣшкомъ по грязи потащился назадъ и цѣлыя сутки чинили нашу карету. $\frac{21 \text{ августа}}{1 \text{ сентября}}$, очень рано выѣхавъ, обѣдали въ мѣстечкѣ Ауме. Весь нашъ столъ состоялъ изъ двухъ не изжаренныхъ, а сожженныхъ цыпленковъ, за которые не постыдились содрать съ насъ червонный; но за то въ городкѣ Шлейцъ ужинали мы очень хорошо и спали спокойно. $\frac{22 \text{ августа}}{2 \text{ сентября}}$ былъ день для насъ премучительный: цѣлые восемь часовъ ѣхали мы, не кормя, превысокими горами и преузкими путями. Хуже дороги вообразить трудно. Обѣдали и ночевали въ деревнишкахъ, въ избахъ крестьянскихъ, такъ скверно, что насъ горе взяло. $\frac{23 \text{ августа}}{3 \text{ сентября}}$ обѣдали, или, лучше сказать, голодали въ городѣ Кронахъ; но за то въ городѣ Бамбергѣ спокойно ночевали. $\frac{24 \text{ августа}}{4 \text{ сентября}}$ цѣлое утро простояли на одномъ мѣстѣ за моимъ пароксизмомъ, который былъ довольно мучителенъ. Ночевали въ городѣ Ерлангенѣ великолѣпно. $\frac{25 \text{ августа}}{5 \text{ сентября}}$ къ обѣду пріѣхали сюда въ Ниренбергъ и стали въ трактирѣ,

въ которомъ безмѣрная чистота и опрятность привели насъ въ удивленіе. Всѣ улицы и домы здѣшніе такъ чисты, что уже походитъ на аффектацію. Симъ оканчиваю теперешній журналъ, котораго продолженіе впредь присылать къ тебѣ буду. Прости, матушка. Мы завтра отсюда ѣдемъ въ Аугсбургъ, разстояніемъ на 139 верстъ, откуда нѣсколько строчекъ къ вамъ напишу.

XLII.

Аугсбургъ, $^{4}/_{15}$ сентября 1784.

Отсюда мы для того только пишемъ, чтобъ не пропускать ни одного большаго города. Мы оба, слава Богу, здоровы и завтра поутру ѣдемъ далѣе. Изъ Боцена пришлю къ вамъ продолженіе моего журнала. Дорога такъ намъ надоѣла, что намѣреніе мое, оставя жену, съѣздить къ вамъ одному, мы вовсе отмѣнили; а возвратимся оба, не продолжая больше года нашего вояжа. По всему видно, что въ Италіи жить не для чего и что въ годъ всю ее осмотримъ съ ногъ до головы. Намѣреніе наше возвратиться исполнимъ мы по другой дорогѣ, то есть поѣдемъ въ Вѣну, въ Польшу, въ Кіевъ и въ Москву. Завтра, благословясь, пустимся мы въ Альпійскія горы, въ которыхъ дороги такъ прекрасно отдѣланы, что ни малѣйшей нѣтъ опасности. Здѣсь совершенно мы удостовѣрились, что болѣзни въ Италію никакъ не проникли и коммерція ни на часъ отъ сего не перерывалась.

XLIII.

Боценъ, $^{11}/_{22}$ сентября 1784.

Мы оба, слава Богу, здоровы и помаленьку продолжаемъ наше путешествіе. Если послѣ сего письма вы отъ насъ не скоро получите, то Бога ради молчаніе наше ничему другому не приписывайте, какъ тому, что мы, не останавливаясь, ѣдемъ. Намъ нетерпѣливо хочется скорѣе доѣхать до Флоренціи, чтобъ получить тамъ ваши письма и чтобъ отдохнуть подолѣе. Дорога надоѣла намъ несказанно. Два мѣсяца, какъ все ѣдемъ, а до Рима еще мѣсяцъ надобенъ. Сказываютъ, что прежде половины октября не льзя въ него и въѣхать, потому что сами жители разъѣзжаются лѣтомъ по деревнямъ и живутъ въ нихъ до осени, опасаясь лихо-

радокъ, которыя въ жары, по причинѣ болотъ, легко получить можно. Теперь стану продолжать тебѣ, матушка, мой журналъ, который кончился пріѣздомъ нашимъ въ Нюренбергъ. Сей городъ положеніемъ своимъ очень страненъ: стоитъ весь на горахъ и съ высокаго мѣста, каковъ тутошный замокъ, кажется не инымъ чѣмъ, какъ громадою набросанныхъ ненарочно камней; считаютъ въ немъ до восьмисотъ улицъ, что и не удивительно, если называютъ улицами всѣ по горамъ закоулки, какіе на стѣ шагахъ обыкновенно встрѣчаются. Не взирая на узкія улицы и на множество народа, наблюдается внутри и снаружи домовъ чистота отмѣнная. Въ день нашего пріѣзда, то есть $\frac{25 \text{ августа}}{5 \text{ сентября}}$ послѣ обѣда осматривали мы замокъ. По древнимъ преданіямъ здѣшніе жители вѣрятъ, что построенъ онъ Нерономъ. Не знаю, онъ ли его строилъ, но по крайней мѣрѣ замокъ достоинъ быть дворцомъ такого чудовища, каковъ Неронъ. Вообрази на превысокой и прекрутой горѣ уродливое и мрачное большое зданіе. Кажется, что обитавшій въ немъ тиранъ сверху попиралъ ногами городъ и что самъ залѣзъ такъ высоко для того, чтобъ спрятаться отъ отчаянія несчастныхъ жителей. Словомъ, замокъ таковъ, въ какомъ честный человѣкъ за всѣ престолы свѣта жить не согласится. Мы осматривали въ немъ картины Альбрехта Дюрера (*), славнаго больше за старину, нежели за искусство, потому что въ его время живопись въ Европѣ была еще въ колыбели. Тутъ казали намъ модели святыхъ вещей, ибо подлинныя сохранены и никому, кромѣ коронованныхъ главъ, ихъ не кажутъ. Художникъ, дѣлавшій сіи модели, не имѣлъ, кажется, нужды ни въ большомъ трудѣ, ни въ большомъ искусствѣ. Святыя вещи состоятъ въ копьѣ, коимъ Христосъ прободенъ былъ на крестѣ, въ крестномъ гвоздѣ, въ частицѣ самаго креста, въ отломкѣ яслей виѳлеемскихъ, въ лоскуткѣ скатерти, постланной на тайной вечери, и въ лоскуточкѣ лентія, коимъ Христосъ отиралъ ноги на умовеніи. Осмотрѣвъ въ замкѣ все любопытства достойное, провели мы вечеръ дома съ банкиромъ Брентаніемъ, къ которому мы адресованы. Онъ $\frac{26 \text{ августа}}{6 \text{ сентября}}$ поутру возилъ насъ къ купцу Вильду, который имѣетъ прекрасное собраніе кар-

(*) Знаменитый нѣмецкій художникъ (1471 — 1528).

тинъ. Мы пригласили Брентанія къ обѣду. Я нигдѣ не видалъ деликатнѣе стола, какъ въ нашемъ трактирѣ. Какое пирожное! какой десертъ! О пирожномъ говорю я не для того только, что я до него охотникъ, но для того, что Нюренбергъ пирожнымъ славенъ въ Европѣ. Скатерти, салфетки тонки, чисты, словомъ, въ жизнь мою лучшаго стола имѣть не желалъ бы. Послѣ обѣда были мы въ ратушѣ, украшенной картинами Альбрехта Дюрера. Онъ родился въ здѣшнемъ городѣ, работалъ много и, куда ни обернись, вездѣ найдешь его работу. Я сдѣлалъ визитъ Брентанію и съ нимъ ѣздилъ въ комедію. Театришка мерзкій и зала походитъ больше на чуланъ, нежели на залу. Жаръ и духота были такіе, что я пяти минутъ не устоялъ и вечеръ провели мы одни.

Въ Нюренбергѣ много хорошихъ живописцевъ и другихъ художниковъ, но они умираютъ съ голоду, потому что покупать некому. Цѣлое утро, или справедливѣе сказать весь день $\frac{27 \text{ августа}}{7 \text{ сентября}}$ посѣщалъ я сихъ бѣдняковъ, лазилъ къ нимъ на чердаки и много кое-чего накупилъ по моей коммерціи и отправилъ въ Петербургъ. Ходилъ по церквамъ, по книжнымъ лавкамъ, смотрѣлъ славный бронзовый фонтанъ, за который государыня предлагала тридцать тысячъ рублей, но меньше пятидесяти не продаютъ; былъ въ галантерейныхъ лавкахъ и пришелъ домой, уставъ какъ собака. Ввечеру банкиръ Кнопфъ сдѣлалъ мнѣ визитъ. $\frac{28 \text{ августа}}{8 \text{ сентября}}$ поутру оба мои банкира возили меня въ арсеналъ. Въ немъ есть чего смотрѣть; воинскіе снаряды, уборы и одежда древнихъ рыцарей весьма любопытны. Удивительно, какъ могли они таскать на себѣ такую тягость. Я не совсѣмъ безсиленъ, но насилу поднялъ копье, которымъ они воевали. Послѣ обѣда мадамъ Брентани пріѣхала къ намъ съ двумя золовками и мы всѣ ввечеру ѣздили въ садъ къ мадамъ Геллеръ, которая лицемъ похожа какъ двѣ капли воды на княгиню Д. А. Грузинскую (*). $\frac{29 \text{ августа}}{9 \text{ сентября}}$ цѣлое утро приносили ко мнѣ изъ цѣлаго города картины на продажу, но я не купилъ ничего, видя, что считаютъ меня проѣзжимъ богачемъ. Въ семъ мнѣніи вездѣ обо мнѣ остаются для

(*) Дарья Александровна Грузинская. Она была рожденная княжна Меншикова (внучка Александра Даниловича).

того, что я русскій. Во всей Нѣмецкой землѣ и, сказываютъ, также во всей Италіи, слова русскій и богачъ одно означаютъ. Послѣ обѣда мы прогуливались по городу, отправивъ напередъ съ фурманомъ сундуки наши въ Боценъ, для облегченія кареты. На другой день $\frac{30\text{ августа}}{10\text{ сентября}}$ приходили ко мнѣ прощаться всѣ артисты и оба мои банкира. Послѣ обѣда въ два часа выѣхали мы изъ Ниренберга и, не останавливаясь нигдѣ, всю ночь ѣхали. $\frac{31\text{ августа}}{11\text{ сентября}}$ къ обѣду пріѣхали мы въ Аугсбургъ. Не спавъ всю ночь, мы такъ устали, что послѣ обѣда спали какъ мертвые и насилу добудились насъ ужинать. На другой день $^1/_{12}$ сентября поутру явился ко мнѣ русскій нашъ агентъ Кизовъ, къ которому Безбородко (*) писалъ обо мнѣ сильную рекомендацію. Съ нимъ ѣздилъ я къ банкиру моему Обескеру. Надобно знать, что ниренбергскіе артисты писали обо мнѣ въ Аугсбургъ, почему и явились ко мнѣ аугсбургскіе. Кизовъ привезъ къ намъ своего брата, доктора медицины, и жену свою. Всѣ мы въ открытыхъ коляскахъ поѣхали гулять за городъ, котораго окрестности прекрасны. По возвращеніи ко мнѣ всѣ подчиваны у меня были русскимъ чаемъ. $^2/_{12}$ сентября лазилъ я по чердакамъ, на которыхъ умираютъ съ голоду бѣдные художники, и осматривалъ ихъ работу. Надобно отдать справедливость, что между ними есть мастера съ великими достоинствами, но также какъ и въ Ниренбергѣ работы ихъ никто не покупаетъ. Мѣщане ничего не смыслятъ, а большихъ господъ нѣтъ. Первые люди, то есть патриціи, не заслуживаютъ человѣческаго имени. Знатные и одною спѣсью надутые скоты презираютъ тѣхъ, которыми начальствуютъ; а бѣдные точно таковы, какъ въ Гольберговой (**) комедіи Don Ranudo de Colibrados. Между

(*) Александръ Андреевичъ Безбородко (1747 — 1799), впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь и государственный канцлеръ, въ 1784 г. получилъ графское римской имперіи достоинство и былъ въ это время 2-мъ присутствующимъ въ иностранной коллегіи, управляющимъ почтами въ государствѣ, а также находился у принятія челобитенъ. Еще въ 1780 г. онъ былъ только бригадиромъ.

(**) Баронъ Людвигъ Гольбергъ (1684 — 1754), датскій писатель. Его *басни* переведены Фонъ-Визинымъ, съ нѣмецкаго перевода, въ 1761 г. Гольбергъ писалъ стихотворенія, повѣсти и романы. Романъ «Подземное путешествіе Нильса Клима» и многія изъ комедій также переведены на русскій языкъ.

тѣмъ какъ я посѣщалъ художниковъ, мадамъ Кизовъ возила жену мою на ситцевую фабрику, которой заведеніе такъ хорошо устроено, что она одѣваетъ ситцемъ самую Италію. Послѣ обѣда баронъ Goéz началъ мой портретъ en miniature. Пріѣхали къ намъ мадамъ Кизовъ и нѣкоторые артисты. Они возили насъ на гульбище, называемое Семь Столбовъ. Всѣ нѣмецкія гульбища одинаковы. Наставлено въ рощѣ множество столиковъ; за каждымъ сидитъ компанія и прохлаждается пивомъ и табакомъ. Я спросилъ кофе, который мнѣ тотчасъ и подали. Такихъ мерзкихъ помой я отъ роду не видывалъ — прямое рвотное. По возвращеніи домой мы подчивали компанію чаемъ, который нѣмцы пили какъ нектаръ. $^{5}/_{14}$ все утро осматривалъ я въ разныхъ мѣстахъ коллекціи картинъ. Послѣ обѣда смотрѣлъ ратушу, великолѣпіемъ своимъ любопытства достойную. Она первая во всей Германіи. Зала преогромная, росписана прекрасно и раззолочена пребогато. Потомъ зазвалъ насъ къ себѣ докторъ Кизовъ и поставилъ намъ коллацію (закуску). Въ сей день продолжалъ я писаться. $^{4}/_{15}$ сентября поутру явились ко мнѣ по обыкновенію многіе артисты и водили насъ въ соборную церковь св. Креста, къ францисканамъ. Послѣ обѣда я писался; потомъ ѣздили мы къ славному во всей Европѣ органисту Штейну смотрѣть его новоизобрѣтенный клавесинъ; дочь его играетъ на немъ, какъ ангелъ. Прогуливались по городу. По возвращеніи ко мнѣ я подчивалъ коллаціею. $^{5}/_{16}$ поутру выѣхали мы изъ Аугсбурга; обѣдали въ Швабмюнхенѣ плохо и, не останавливаясь, ѣхали всю ночь. Альпійскія горы видѣли мы еще въ Аугсбургѣ; но въѣхали въ нихъ $^{6}/_{17}$ сентября на станціи Фіеслѣ. Завтракали мы уже въ Тиролѣ, въ городкѣ Рейтѣ. Изъ воротъ сего города поднимались мы цѣлый часъ на высочайшую гору и лишь только на нее взъѣхали, какъ представилась намъ другая гора, не менѣе первой, на которую мы также часъ ѣхали, имѣя въ глазахъ пропасти бездонныя. Потомъ станціи были сноснѣе, но отъ мѣстечка Лермоса до Нассерейта была станція ужасная. Горы и пропасти столь ужасны, что волосы дыбомъ становятся. Надлежитъ однакожъ отдать правительству ту справедливость, что дороги сдѣланы и содержатся такъ хорошо, какъ я нигдѣ не находилъ; аспекты страшные, но нѣтъ нималѣйшей опасности. Всѣ опаснѣйшія мѣста завалены каменьями и дорога та-

кова, что двѣ кареты свободно разъѣхаться могутъ. Въ Парвисѣ остановились мы ночевать, побоявшись въ темнотѣ ѣхать. $^{7}/_{18}$ сентября съ свѣтомъ вдругъ съ ночлега выѣхали. Не доѣзжая до Инспрука, подъѣхали мы къ горѣ высоты безмѣрной и, примѣтя, что почталіонъ нашъ, загнувъ къ верху голову, нѣчто намъ показываетъ, велѣли ему остановиться и, вышедъ изъ кареты, увидѣли изъ верхушки горы густой дымъ съ пламенемъ. Почталіонъ сказывалъ намъ, что дымъ и огонь видятъ они не больше восьми дней въ году. Сія гора, называемая Martins-Wand, есть та самая, на которую императоръ Максиміліанъ I, ловя дикую козу, сгоряча забрелъ и одинехонекъ плуталъ по ней двое сутокъ. Возвращеніе его оттуда почитается здѣсь чудомъ. Онъ самъ разсказывалъ, что когда, уже не видя слѣда къ спасенію, пришелъ онъ въ отчаяніе, долженъ будучи умереть съ голоду, вдругъ явился ему пастухъ и свелъ его съ горы. Сего пастуха никакъ отыскать не могли. Попы называли его ангеломъ. Императоръ велѣлъ сдѣлать дорожку на самую верхушку горы и на самомъ томъ мѣстѣ, на которомъ явился ему пастухъ, или ангелъ, водруженъ превеликій крестъ, котораго снизу за высотою видѣть не льзя. Послѣ сего приключенія, императоръ большую часть жизни своей проводилъ въ инспрукскомъ капуцинскомъ монастырѣ въ монашеской кельѣ. Почти въ полдень пріѣхали мы въ Инспрукъ, въ которомъ имѣетъ свое пребываніе эрцгерцогиня Елисавета, сестра нынѣшняго императора (*). Я, имѣя правиломъ, нигдѣ ко двору не представляться, не считалъ удостоенъ быть ея лицезрѣніемъ. Отобѣдавъ, ходилъ я въ капуцинскій монастырь, гдѣ водили меня въ кельи Максиміліановы. Увидѣвъ маршируюцій по улицѣ полкъ, спросилъ я, куда онъ идетъ. Хозяинъ трактира, гдѣ я жилъ, былъ моимъ проводникомъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что сегодня будетъ на чистомъ полѣ экзаменъ полковой нормальной школѣ. Сорокъ восемь солдатскихъ дѣтей обучаются на государевомъ коштѣ какъ военной экзерциціи, такъ и прочимъ знаніямъ, касающимся до ремесла военнаго. Намѣреніе сего установленія то, чтобъ сдѣлать изъ нихъ хорошихъ унтеръ-офицеровъ. Одинъ дѣвичій монастыръ истребленъ; кельи превращены для мальчиковъ въ казармы, а садъ монастыр-

(*) Іосифъ II (1741—1790).

скій въ мѣсто для ихъ экзерциіи. Эрцгерцогиня со всѣмъ своимъ дворомъ присутствовала на экзаменѣ. По календарю ей лѣтъ сорокъ, а по виду и по живости характера не льзя дать и тридцати. Она очень походитъ на сестру свою, королеву французскую. Полкъ отдалъ ей честь и начался экзаменъ. Я хотя прятался въ народъ, но меня тотчасъ примѣтили; а скорѣе всѣхъ эрцгерцогиня, узнавъ отъ полиціи о моемъ пріѣздѣ. Весь дворъ ко мнѣ обратился и отъ всѣхъ показано было ко мнѣ отличное вниманіе и учтивость. Нечувствительно выманили меня изъ народной толпы и я примѣтилъ, что каждый листочикъ экзамена приказывала эрцгерцогиня тотчасъ доводить до меня. Она шептала что-то съ гофмаршаломъ, который, подошедъ ко мнѣ, спросилъ меня: буду ли я представляться? Я отвѣчалъ, что завтра ѣду и что сіе счастіе предоставляю себѣ на возвратномъ пути моемъ. Я видѣлъ, что отвѣтъ мой былъ тотчасъ перенесенъ эрцгерцогинѣ, которая безъ всякихъ церемоній тотчасъ сама ко мнѣ подошла. «Хотя вы мнѣ и не представлены», сказала она «но я слышу, что вы ѣдете въ Италію; прошу васъ сказать мой поклонъ брату моему, великому герцогу Тосканскому (*), и сестрѣ моей, Королевѣ Неаполитанской» (**). Я отвѣчалъ ей, что почитаю за великое себѣ счастіе исполнить ея повелѣніе. Послѣ сего разговаривала она со мною долго о разныхъ матеріяхъ и весьма милостиво пожелала мнѣ счастливаго пути. Лишь только она отъ меня отошла, какъ всѣ дамы меня окружили и уговаривали сильно остаться на нѣсколько времени въ Инспрукѣ. Я былъ неумолимъ. Наконецъ, въ девятомъ часу ввечеру, экзаменъ кончился. Эрцгерцогиня пошла во дворецъ пѣшкомъ; вся публика ее провожала и я счелъ за пристойное отъ нее не отставать. Городъ былъ освѣщенъ; но ночь претемная. Къ удивленію моему увидѣлъ я, что ея высочество, увернувшись въ темнотѣ отъ публики, подозвала моего проводника и съ нимъ разговариваетъ. Проводникъ мой, возвратясь со мною, далъ отчетъ въ своей

(*) Петръ Леопольдъ (1747 — 1792), братъ Іосифа II, былъ великимъ герцогомъ Тосканскимъ съ 1765 г., а въ 1790 — 1792 г. римскимъ императоромъ, подъ именемъ *Леопольда II*.

(**) Марія Каролина (р. 1752), жена короля Фердинанда IV (1753 — 1825), получившаго престолъ въ 1759 г. и умершаго съ именемъ Фердинанда I *короля Обоихъ Сицилій*.

бесѣдѣ. «Она изволила меня спрашивать о васъ», сказалъ онъ, «одни ли вы ѣдете; а узнавъ, что съ женою, хотѣла знать, для чего жена ваша не пришла посмотрѣть экзаменъ?» Проводникъ мой отвѣчалъ, что онъ этого не знаетъ. Потомъ спрашивала она, правда ли то, что я завтра ѣду. «Правда», отвѣчалъ мой проводникъ. «Такъ скажи же ему отъ меня, что я желаю ему отъ всего сердца счастливаго пути». Эрцгерцогиня, сколько видно, имѣетъ очень доброе сердце. Всѣ ею довольны и она отмѣнно здѣсь любима. Хозяинъ мой сказывалъ мнѣ, что она около полугода огорчена своимъ братомъ, который, провѣдавъ объ ея интригѣ съ однимъ маіоромъ, удалилъ его изъ Инспрука. Въ продолженіе экзамена застигла насъ ночь претемная, и я въ первый разъ въ жизни увидѣлъ зрѣлище, для глазъ нѣсколько страшное. Поле, на которомъ школьники экзерцировали и ужинали въ присутствіи двора и многочисленной публики, освѣщено было вмѣсто факеловъ пламенемъ горы, о которой я упомянулъ выше. Эрцгерцогиня шутя говорила мнѣ, что я вижу теперь маленькій Везувій; что сей пламень произошелъ не изъ внутренности горы, но отъ электризаціи; что къ пресѣченію пожара наряжено для выравниванія рвовъ большое число работниковъ и что она не воображаетъ дальнѣйшихъ слѣдствій отъ сего происшествія. $^{8}/_{19}$ безмѣрное желаніе скорѣе проѣхать горы, дурной трактиръ и нетерпѣніе скорѣе доѣхать во Флоренцію ради нашихъ писемъ, рѣшили насъ выѣхать поутру изъ Инспрука. Между тѣмъ, какъ послали на почту за лошадьми, успѣлъ я обѣжать церкви: францисканскую, соборную и Frères servites, дворцовый садъ и торжественныя ворота. Францисканская церковь знаменита великолѣпнымъ монументомъ Максимиліана I и двадцатью восемью бронзовыми статуями погребенныхъ тутъ государей. Всѣ статуи выше человѣческаго роста. Инспрукъ весь окруженъ горами. Выѣхавъ изъ воротъ, взъѣзжали мы цѣлый часъ на Штейнахскую гору, по причинѣ высоты которой припрягли намъ лишнюю пару, но около вечера предстала намъ гора Бреннерская, которой гораздо ниже ходятъ облака. Выше ея, сказываютъ, уже нѣтъ. Мы побольше часа взбирались на одинъ изъ ея холмовъ. Между тѣмъ настигла насъ такая темная ночь, что мы сидѣли какъ въ мѣшкѣ. Почталіонъ хотя везъ насъ очень храбро по сдѣланной прекрасной дорогѣ,

но въ темнотѣ быть между пропастьми на горахъ, каковы Альпійскія, было намъ не очень весело. Пріѣхавъ на почту, мы ночевали. $^{9}/_{20}$ отдохнувъ тутъ и позавтракавъ, проѣхали мы городъ Бриксенъ, не останавливаясь, и при лунномъ сіяніи въ полночь пріѣхали благополучно въ Боценъ. Симъ оканчиваю журналъ, который продолжать буду порядочно.

XLIV.

Флоренція, $^{5}/_{16}$ октября 1784.

Послѣдній мой журналъ кончился пріѣздомъ нашимъ въ Боценъ. Сей городъ окруженъ горами и положеніе его ни мало не пріятно, потому что онъ лежитъ въ ямѣ. Въ немъ императоръ сдѣлалъ теперь большое подкрѣпленіе коммерціи и во время ярмарки мы видѣли превеликое стеченіе разныхъ націй. Жителей въ немъ половина нѣмцевъ, а другая италіянцевъ. Народъ говоритъ больше по-итальянски. Образъ жизни итальянскій, то есть, весьма много свинства. Полы каменные и грязные; бѣлье мерзкое; хлѣбъ, какого у насъ не ѣдятъ нищіе; чистая ихъ вода то, что у насъ помои. Словомъ, мы, увидя сіе преддверіе Италіи, оробѣли. $^{10}/_{21}$ сентября былъ я на ярмаркѣ. Подъ домами сдѣланы лавки, по которымъ всѣ купцы и народъ бродятъ и каждый что нибудь или продаетъ, или покупаетъ. Былъ я въ ратушѣ, которую нашелъ противу чаянія весьма великолѣпною. Послѣ обѣда ходилъ я къ живописцу Генрицію смотрѣть его работу; а отъ него въ итальянскую комедію. Театръ адскій. Онъ построенъ безъ полу и на сыромъ мѣстѣ. Въ двѣ минуты комары меня растерзали и я послѣ первой сцены выбѣжалъ изъ него, какъ бѣшеный. Вечеръ проводили мы въ чтеніи. $^{11}/_{22}$ утромъ ходилъ я по церквамъ, изъ которыхъ во многихъ есть прекрасныя картины; ввечеру былъ я на площади и смотрѣлъ маріонетокъ. Дурное житье въ Боценѣ рѣшило насъ выѣхать изъ него. $^{12}/_{23}$ мы уговорились съ банкиромъ, чтобъ онъ пришедшіе изъ Ниренберга сундуки наши отправилъ водою въ Тріентъ, изъ котораго мы въ Верону захотѣли ѣхать и сами водою. Итакъ, поутру взявъ почту, отправились изъ скареднаго Боцена въ Тріентъ, который еще болѣе привелъ насъ въ уныніе. Въ самомъ лучшемъ трактирѣ вонь, нечистота, мер-

зость, всѣ чувства наши размучили. Мы въ ту же минуту изъ него ускакали бъ, если бъ договоръ мой съ лоцманомъ не принудилъ меня дожидаться судна. Мы весь вечеръ горевали, что заѣхали къ скотамъ. $^{23}/_{24}$ поутру ходилъ я по церквамъ смотрѣть прекрасныхъ картинъ; въ соборной видѣлъ и слышалъ я органъ первый въ свѣтѣ. Онъ подражаетъ совершенно многимъ инструментамъ и птичьему пѣнію. Я былъ въ восхищеніи, смотря на двери, росписанныя превосходнымъ искусствомъ Романинія, и слушавъ сей прекрасный и для меня новый инструментъ. Послѣ обѣда былъ я въ епископскомъ дворцѣ. Замокъ старинный; но внутри убранъ великолѣпно и наполненъ картинами великихъ мастеровъ. Самъ епископъ былъ въ деревнѣ и мы имѣли всю свободу осмотрѣть его дворецъ. Ввечеру былъ у насъ съ визитомъ банкиръ нашъ Трентини. $^{14}/_{25}$ поутру водилъ я жену мою слушать органы и смотрѣть дворецъ. Сей осмотръ кончился тѣмъ, что показали намъ погребъ его преосвященства, въ которомъ нѣсколько сотъ страшныхъ бочекъ стоятъ съ винами издревле. Меня подчивали изъ нѣкоторыхъ и я отъ двухъ рюмокъ чуть не съ ногъ долой. Казалось бы, что въ духовномъ состояніи такимъ изобиліемъ винныхъ бочекъ больше стыдиться, нежели хвастать надлежало; но здѣсь кажутъ погребъ на хвастовство. Оттуда ходили мы по церквамъ смотрѣть картины. Послѣ обѣда Трентини повезъ насъ въ свой загородный домъ, гдѣ вся его семья угощала насъ сколько могли. Трентини показалъ намъ всевозможныя учтивства; но скученъ тѣмъ, что при всякомъ словѣ хохочетъ даже до того, что когда я спросилъ его: все ли онъ въ добромъ здоровьѣ, онъ умеръ со смѣху и насилу могъ выговорить: per servilla. Глупый обычай непрестанно хохотать и, говоря, изо всей силы кричать, свойственъ итальянцамъ. Трое итальянцевъ въ комнатѣ нашумятъ гораздо больше двадцати нѣмцевъ. $^{15}/_{26}$ поутру банкиръ нашъ, думая, что графъ Валькенштейнъ, здѣшній отъ императора начальникъ, живетъ за городомъ, повелъ насъ къ нему смотрѣть картинъ; но сверхъ чаянія графъ былъ въ городѣ: онъ встрѣтилъ насъ очень учтиво и самъ водилъ насъ въ свою галлерею. Послѣ обѣда былъ дождь и гулять было не льзя. Мы въ скукѣ просидѣли въ нашемъ мерзкомъ трактирѣ. Подъ вечеръ ходили мы въ верхній этажъ смотрѣть Mademoiselle Liebsern, саксонку лѣтъ трид-

цати; она лицемъ изрядна, но родилась безъ обѣихъ рукъ и съ коротенькими ножками. Ноги служатъ ей вмѣсто рукъ. Она при насъ чинила ногами перья, писала, нюхала табакъ, вдѣвала и снимала серьги, пряла и въ иголку вдѣвала нитку. $^{16}/_{27}$ съ свѣтомъ вдругъ выѣхали мы водою изъ Тріента; обѣдали въ каретѣ. Къ ночи пристали мы въ венеціянскій городокъ, Воларни, съ тѣмъ, чтобъ тутъ ночевавъ, завтра рано приплыть въ Верону, отъ которой осталась одна только станція; но какъ скоро вошли въ трактиръ, то планъ нашъ ту же минуту и разрушился: неизреченная мерзость, вонь, сырость выгнали насъ тотчасъ. Я думаю, что не одна сотня скорпіоновъ была въ постелѣ, на которой намъ спать доставалось. O! bestia Italiana! Я послалъ эстафетъ въ Верону, чтобъ намъ отворили ворота, ибо иначе были бъ мы принуждены у воротъ ночевать, и самъ схватя почтовыхъ лошадей, тотчасъ поѣхалъ навскачь въ Верону и сталъ въ трактиръ очень хорошій. Дороговизна въ Веронѣ ужасная; за все про все червонный. Я договорился съ хозяиномъ, потому что въ Италіи безъ договора за рюмку воды заплатишь червонный. Надобно отдать справедливость Нѣмецкой землѣ, что въ ней житье вполы дешевле и вдвое лучше. Изъ Воларны до Вероны горъ больше нѣтъ. Цѣлые десять дней бывъ въ горахъ, мы очень обрадовались, выѣхавъ на ровное мѣсто. Намъ казалось, что насъ изъ тюрьмы выпустили. $^{17}/_{28}$ поутру проспавъ долго, насилу успѣлъ я съѣздить къ банкиру моему, Сольдини. Послѣ обѣда были мы въ женскомъ Георгіевскомъ монастырѣ смотрѣть картины. Надобно примѣтить, что въ Италіи великіе мастера большею частію работали для церквей. Потомъ были мы въ саду графа Юстіа. Сей садъ сдѣланъ по большой каменной горѣ внизъ уступами. На горѣ сдѣланы бесѣдки, изъ коихъ видѣнъ весь городъ. Я туда вскарабкаться полѣнился; но жена всходила. Весь садъ состоитъ изъ нѣсколькихъ кипарисныхъ аллей. Деревья превысокія. Изъ сада были въ кабинетѣ графа Бевилакви. Есть картины и антики прекрасные. Смотрѣли потомъ древній славный амфитеатръ, въ которомъ свободно помѣщались 22,000 человѣкъ. Были мы на плацъ-дармѣ, гдѣ поставлена статуя Венеціянской Республики; на плацѣ de Signori, гдѣ ратуша, на которой стоятъ статуи древнихъ знаменитыхъ веронезцевъ. Видѣли porto del Pallio, трое римскихъ торжествен-

ныхъ воротъ. Ввечеру былъ у насъ банкиръ Сольдини. $^{18}/_{29}$ весь день осматривали мы здѣшнія драгоцѣнныя картины и антики. Были въ домахъ графа Турки, маркиза Жерардини, у брата покойнаго Чинверонія, славнаго живописца. Оттуда ѣздили въ оперный домъ, смотрѣли всю Маффееву коллекцію вдѣланныхъ въ стѣну древнихъ монументовъ, надписей и статуй, также и залу Филармонической Академіи; заѣхали въ церковь госпитальную и потомъ домой обѣдать. Послѣ обѣда ѣздили мы къ графу Ротарію, племяннику бывшаго въ Петербургѣ живописца (*). Племянникъ набитый скотъ. Все достоинство состоитъ въ томъ, что онъ имѣетъ хорошій домъ, въ которомъ двѣ комнаты убраны картинами и эскизами покойнаго его дяди. Отъ него ѣздили мы въ соборную церковь, а оттуда за городъ на campus Martius. Поле прекрасное! Тутъ бываетъ два раза въ году ярмарка. Лавки, нынѣ запертыя, построены очень хорошо. Отсюда были мы на Piazzo del crucifixo смотрѣть мячныя игры. Народу было превеликое множество. Знатные и порядочные люди помѣщены особливо. Огорожено большое мѣсто, на которомъ человѣкъ десятокъ, одѣтыхъ въ льняное бѣлое платье, бросаютъ ракетами большіе мячи. Удачный coup всегда сопровождался крикомъ и рукоплесканіемъ. Отсюда были мы въ саду графа Газолы. Садишка ничего незначащій. Мы удивились, что объ немъ дѣлаютъ столько шума. Вообще сказать, сады на сѣверѣ несравненно лучше. Здѣсь оставляютъ все натурѣ, которая иногда требуетъ помощи и отъ искусства; а у насъ на сѣверѣ искусствомъ и радѣніемъ награждаютъ недостатки натуры и подражаютъ красотѣ ея. Отсюда ѣздили ны на кладбище рода Скалигеровъ, правившаго Вероною сряду нѣсколько сотъ лѣтъ. Гробницы великолѣпныя, а особливо три монумента, съ которыхъ выгравированы эстампы. Потомъ ѣздили мы на Piazzo della Bra. Сіе мѣсто по вечерамъ обыкновенно наполнено каретами, которыя проѣзжаютъ туда и сюда такъ, какъ у насъ на Нѣмецкихъ Станахъ. Весь сей день наслаждались мы зрѣніемъ прекрасныхъ картинъ и оскорблялись на каждомъ почти шагу встрѣчающимися нищими. На лицахъ ихъ написано страданіе и изнеможеніе

(*) Пьетро Ротари ум. въ 1764 г. Женскія головки, имъ нарисованныя, находятся въ одномъ изъ залъ петергофскаго дворца.

крайней нищеты; а особливо старики почти наги, высохшіе отъ голоду и мучимые обыкновенно какою нибудь отвратительною болѣзнію. Не знаю, какъ будетъ далѣе, но Верона весьма способна возбуждать состраданіе. Не понимаю, за что̀ хвалятъ венеціянское правленіе, когда на землѣ плодоноснѣйшей народъ терпитъ голодъ. Мы въ жизни нашей не только не ѣдали, даже и не видали такого мерзкаго хлѣба, какой ѣли въ Веронѣ и какой всѣ знатнѣйшіе люди ѣдятъ. Причиною тому алчность правителей. Въ домахъ печь хлѣбы запрещено, а хлѣбники платятъ полиціи за позволеніе мѣшать сносную муку съ прескверною, не говоря уже о томъ, что печь хлѣбы не смыслятъ. Всего досаднѣе то, что на сіе злоупотребленіе никому и роптать не льзя, потому что малѣйшее негодованіе на правительство венеціянское наказывается очень строго. Верона городъ многолюдный и, какъ всѣ италіянскіе города, не провонялый, но прокислый. Вездѣ пахнетъ прокислою капустою. Съ непривычки я много мучился, удерживаясь отъ рвоты. Вонь происходитъ отъ гнилаго винограда, который держатъ въ погребахъ; а погреба у всякаго дома на улицу и окна отворены. Забылъ я сказать, что тотчасъ послѣ обѣда водилъ я Семку смотрѣть древній амфитеатръ. Отъ солнечнаго ли зноя, или для такого дорогаго гостя, какъ Семка, весь амфитеатръ усыпанъ былъ ящерицами. $^{19}/_{30}$ выѣхали мы передъ обѣдомъ изъ Вероны. Пока люди наши убирались, мы успѣли сбѣгать въ Георгіевскій монастырь, насладиться въ послѣдній разъ зрѣніемъ картинъ Павла Веронеза. Ужинали въ Мантуѣ и ночь всю ѣхали, потому что въ Италіи въ трактирахъ по мѣстечкамъ ночевать мерзко. $\frac{\text{20 сентября}}{\text{1 октября}}$ поутру пріѣхали въ Модену. Утро все проспали. Послѣ обѣда смотрѣлъ я Моденскую картинную галерею. Не описываю тебѣ, матушка, картинъ по одиначкѣ, потому что тебя это мало интересуетъ, но увѣренъ, что если бъ ты видѣла то, что̀ мы здѣсь видимъ, то бы сама сдѣлалась охотницею. Ночью разбудилъ насъ вихорь, какихъ у насъ, кажется, не бываетъ. Стекла у оконъ были перебиты и мы думали, что домы повалятся. $\frac{\text{21 сентября}}{\text{2 октября}}$ поутру возилъ я жену въ галлерею. Кромѣ того, что я вчера видѣлъ, показали мнѣ манускрипты XV и XVI столѣтій. Библія, молитвенникъ и Дантъ меня удивили. На поляхъ каждаго листа миніатюры

прекрасныя и колоритъ такой яркій, какъ будто бы сегодня писаны были. Отобѣдавъ, выѣхали мы изъ Модены и подъ вечеръ пріѣхали въ Болонью. За ужиномъ подъ окнами дали намъ такой концертъ, что мы заслушались. Я заплатилъ за него четверть рубля, которая принята была съ великою благодарностію. $\frac{22 \text{ сентября}}{3 \text{ октября}}$ поутру былъ я въ славномъ Болонскомъ Институтѣ. Описаніе его требовало бъ цѣлой книги: столько тутъ вещей любопытныхъ; особливо анатомическая камера заслуживаетъ вниманіе. Я слишкомъ три часа употребилъ, чтобъ осмотрѣть сіе прекрасное заведеніе. Отсюда ѣздили мы въ соборную церковь, въ Мендикати, въ St.-Leonardo, въ Palais Zampieri, гдѣ имѣли счастіе видѣть первую Гвидову картину Петра Апостола. Многіе знатоки почитаютъ сію картину первою въ свѣтѣ, потому что въ ней всѣ части искусства соединены совершенно. Были мы въ Palais Buonfiglioli, въ Palais Magrari и вездѣ находили сокровища неизреченныя. Послѣ обѣда былъ у насъ банкиръ нашъ съ визитомъ, потомъ были мы въ Palais Cartago. Всѣ сіи дома принадлежатъ болонскимъ сенаторамъ. Уборы въ нихъ великолѣпные, но старинные; вездѣ картинъ множество. Онѣ сохраняются въ фамиліяхъ по завѣщаніямъ, ибо великихъ мастеровъ картины владѣльцы оставляютъ своимъ наслѣдникамъ по духовнымъ, кои утверждены судебнымъ порядкомъ и въ коихъ именно изъяснено запрещеніе не выпускать сихъ картинъ изъ фамиліи. Сей день былъ канунъ праздника св. Петронія. Мы были у вечерни въ церкви сего святаго, которая есть одна изъ величайшихъ въ Италіи. Музыка была огромная. Два кардинала присутствовали при богослуженіи. Изъ церкви были мы въ Оперѣ Buffo; отсюда домой, за ужиномъ прежній концертъ подъ окнами явился. $\frac{23 \text{ сентября}}{4 \text{ октября}}$ поутру ѣздилъ я одинъ осматривать церкви; былъ въ шести церквахъ и въ Palais Grassi; потомъ ѣздилъ съ женою въ Palais Zambeccari смотрѣть Piazzo Maggiore, и видѣли procession des Cardinaux. Были у обѣдни у праздника, а оттуда въ Palais Ranuzzi, у коего фасадъ, лѣстница и декораціи привели насъ въ восхищеніе. Вечеромъ были дома и слушали подъ окнами концертъ. $\frac{24 \text{ сентября}}{5 \text{ октября}}$ поутру ѣздили мы смотрѣть высокую кривую башню d'Asinelli, Palazzo publico и были въ девяти церквахъ. Видѣли Palazzo Tanari, Monti, Favi. Вездѣ есть

чего смотрѣть. Завезя жену домой, ѣздилъ я въ университетъ. Послѣ обѣда смотрѣли мы Palais Boni et Zaniboli и гуляли за городомъ. Пріѣхавъ домой, мы такъ устали, что спали какъ мертвые. $\frac{26 \text{ сентября}}{7 \text{ октября}}$ поутру ходилъ я въ нѣкоторыя церкви и къ лучшимъ болонскимъ живописцамъ. Послѣ обѣда выѣхали мы изъ Болоньи. Сей городъ вообще можно назвать хорошимъ, но люди мерзки. Рѣдкій день, чтобъ не было исторіи. Весьма опасно здѣсь ссориться, ибо мстительнѣе и вѣроломнѣе болонезцевъ, я думаю, въ свѣтѣ нѣтъ. Мщеніе ихъ не состоитъ въ дуэляхъ, но въ убійствѣ самомъ мерзостнѣйшемъ. Обыкновенно убійца становится за дверью съ ножемъ и сзади злодѣйски умерщвляетъ. Самый смирный человѣкъ не безопасенъ отъ несчастія. Часто случается, что ошибкою вмѣсто одного умерщвляютъ другаго. Болонья подвержена также землетрясеніямъ. Четыре года назадъ городъ потерпѣлъ много. Наилучшій климатъ имѣетъ свои неудобства и опасности. Мы ѣхали всю ночь и терпѣли большія безпокойства. Флорентинскія Альпы проѣзжали мы въ такой темнотѣ, что зажигали факелы, которые отъ преужаснаго вихря и дождя гасли. Къ сему подоспѣло другое несчастіе: я въ Болоньи объѣлся фруктовъ и ночью, когда отъ ненастья и стужи мы замучились, пришла на меня такая колика, какая съ человѣкомъ рѣдко на роду случается. Словомъ, я думалъ, что сею ночью сподоблюся принять мученическій вѣнецъ; однако, Богу благодареніе, къ свѣту колика поутихла. $\frac{27 \text{ сентября}}{8 \text{ октября}}$ поутру возсіяло солнце и сдѣлалось прекраснѣйшее лѣто, которое и до сего часа продолжается, такъ что у насъ всѣ окна отворены и мы по саду гуляемъ. Въ 11 часу до обѣда пріѣхали мы во Флоренцію, гдѣ и теперь поживаемъ. Симъ оканчиваю мой журналъ, котораго продолженіе ты получишь въ свое время.

XLV.

Флоренція, $^{9}/_{20}$ октября 1784.

Къ сердечному удовольствію получили мы письма ваши отъ 15 августа, за которыя приносимъ вамъ усерднѣйшее благодареніе. Мы оба слава Богу здоровы, и живемъ во Флоренціи, гдѣ останемся до будущей недѣли; а потомъ,

какъ я и прежде васъ увѣдомлялъ, съѣздимъ въ Лукку, Пизу и Ливорну. Мы весь нашъ вояжъ такъ учреждаемъ, чтобъ въ іюлѣ быть въ Москвѣ. Кажется, къ сему времени можно къ вамъ поспѣть по осмотрѣніи всего что только заслуживаетъ вниманія. Климатъ здѣшній можно назвать прекраснымъ; но и онъ имѣетъ для насъ безпокойнѣйшія неудобства: комары насъ замучили такъ, что сдѣлались у насъ калмыцкія рожи. Они маленькіе и не пищатъ, а изподтишка такъ жестоко кусаютъ, что мы ночи спать не можемъ. И комары итальянскіе похожи на самихъ итальянцевъ: также вѣроломны и также измѣннически кусаютъ. Если все взвѣсить, то для насъ русскихъ нашъ климатъ гораздо лучше.

Журнала моего для того къ тебѣ не посылаю, что по моему расположенію цѣлый большой листъ не можетъ теперь быть наполненъ; а пришлю его изъ Рима и онъ содержать будетъ пребываніе наше здѣсь по пріѣздъ въ Римъ: оттуда, также накопя матерій на цѣлый большой листъ, перешлю къ вамъ; конецъ же моего журнала дочитаемъ въ Москвѣ вмѣстѣ въ будущемъ году, если Богъ дастъ здоровья. Голова моя иногда побаливаетъ, однако сносно; я же въ непрестанномъ движеніи: съ утра до ночи на ногахъ. Осматриваю всѣ здѣшнія рѣдкости, и мы оба, по нашей охотѣ къ художествамъ, упражнены довольно. Взятые съ нами люди служатъ намъ усердно и мы ими довольны. Жена моя до сихъ поръ безъ дѣвки; хотимъ взять въ Римѣ, а здѣсь все негодницы.

XLVI.

Пиза, $^{11}/_{22}$ *ноября 1784.*

Узнавъ во Флоренціи, что Везувій очень скоро утихъ, не имѣемъ мы теперь причины поспѣшать въ Неаполь и для того приближаемся мы потихоньку въ Римъ. Въ пятницу мы сюда пріѣхали. Вчера ѣздилъ я въ Лукку, а ночевали здѣсь. Сегодня послѣ обѣда ѣдемъ въ Ливорну, гдѣ думаемъ остаться дня два или три; оттуда опять сюда и чрезъ Сіену (Sienne) поѣдемъ въ Римъ. Климатъ здѣсь очень хорошъ и несравненно лучше Флоренціи, откуда дожди, сырость и туманы насъ выгнали. Ничего такъ не желаемъ, какъ поскорѣе все осмотрѣть и къ вамъ возвратиться.

Вояжъ намъ надоѣлъ, а особливо мерзкіе трактиры: вездѣ сквозной вѣтеръ, стужа и нечистота несносная. Намъ хочется одну половину карнавала провести въ Неаполѣ, а другую и цѣлый постъ въ Римѣ, такъ чтобъ послѣ святой недѣли тотчасъ предпринять возвратный путь и около петрова дня быть въ Москвѣ. Прошу Бога, чтобъ всѣхъ васъ увидѣть здоровыми.

XLVII.

Римъ, $^{7}/_{18}$ декабря 1784.

Пребываніе наше во Флоренціи, до пріѣзда нашего въ здѣшній городъ, будетъ занимать мой теперешній журналъ. Излишне было бъ, матушка, наблюдать въ немъ прежній порядокъ, то есть писать по числамъ, какъ я прежде то дѣлалъ. Одинъ день такъ походитъ на другой, что различить ихъ почти ничѣмъ невозможно. Утро провождали мы въ галлереѣ и въ прочихъ примѣчательныхъ мѣстахъ; обѣдали обыкновенно дома; ввечеру или на конверсаціи, или въ оперѣ; ужинали дома. Знакомствъ могли бъ мы имѣть много, да всѣ они не стоятъ труда, чтобъ къ нимъ привязаться. Я до Италіи не могъ себѣ вообразить, чтобъ можно было въ такой несносной скукѣ проводить свое время, какъ живутъ итальянцы. На конверсацію съѣзжаются поговорить; да съ кѣмъ говорить и о чемъ? Изо ста человѣкъ нѣтъ двухъ, съ которыми можно бъ было, какъ съ умными людьми, слово промолвить. Въ рѣдкихъ домахъ играютъ въ карты, и то по гривнѣ въ ломберъ. Угощеніе у нихъ конечно въ вечеръ четверти рубля не стоитъ. Свѣчи четыре сгоритъ восковыхъ, да копѣекъ на пять деревяннаго масла. Здѣсь обыкновенно жгутъ масло. Обѣдать никто никогда не уимаетъ не по одному обычаю, а больше потому, что чужаго человѣка унять стыдно. Мой банкиръ, человѣкъ пребогатый, далъ мнѣ обѣдъ, и пригласилъ для меня большую компанію. Я, сидя за столомъ, за него краснѣлся: званый его обѣдъ несравненно былъ хуже моего вседневнаго въ трактирѣ. Словомъ сказать, здѣсь живутъ какъ скареды, и если бъ не домъ нунція, англійскаго министра и претендента, то есть, дома чужестранные, то бъ дѣваться было некуда. Все это пишу я о Флоренціи, а объ Римѣ ничего еще сказать не могу, потому что въ немъ не до-

вольно еще осмотрѣлся. Теперь, матушка, стану тебѣ описывать наши похожденія. Мы пріѣхали во Флоренцію поутру. Вышедъ изъ кареты, бросился я на почтовый дворъ искать вашихъ писемъ. Не имѣя третій мѣсяцъ никакого объ васъ извѣстія, нетерпѣніе наше было несказанное. Невозможно больше моего разсердиться, когда, перебравъ всѣ пакеты, не нашелъ я къ себѣ ни одного. Сіе огорченіе вмѣстѣ съ безсонницею и мученіемъ прошлой ночи причинили мнѣ головную боль. Пришедъ съ почтоваго двора, принужденъ я былъ лечь въ постелю. Послѣ обѣда оба мои банкира присылали ко мнѣ своихъ дѣтей съ комплиментомъ о пріѣздѣ нашемъ. Я разослалъ сихъ комплиментистовъ всюду отыскивать письма ваши. На тотъ разъ графъ Моцениго, нашъ повѣренный въ дѣлахъ, не былъ въ городѣ. Мнѣ пришло въ мысль, не онъ ли взялъ съ почты письмо мое. Тотчасъ послалъ я освѣдомиться и, къ сердечному удовольствію моему, принесли ко мнѣ отъ него первое письмо ваше, — и голова моя болѣть перестала.

Первое, что во Флоренціи заслуживаетъ особеннаго вниманія, есть, безъ сомнѣнія, галлерея великаго герцога, соединенная съ Palazzo Pitti, въ которомъ онъ живетъ, когда бываетъ во Флоренціи, что случается весьма рѣдко. Онъ обыкновенно бываетъ въ загородныхъ домахъ своихъ, также въ Пизѣ и въ Ливорнѣ. Въ наше время жилъ онъ въ Пизѣ. Галлерея его есть одна изъ первыхъ въ Европѣ. Если бъ вы были охотники до живописи и скульптуры, я могъ бы написать къ вамъ о ней одной цѣлую тетрадь. Рафаэлева Богородица, картины дель-Сартовы, Венера Тиціанова и прочихъ великихъ мастеровъ работы и статуя Vénus de Medicis составляютъ прямыя государственныя сокровища. Не льзя нигдѣ пріятнѣе провести утро, какъ въ сей галлереѣ. Какъ часто въ нее ни ходи, всегда новое увидишь. Множество молодыхъ живописцевъ упражняются тутъ въ копированіи славныхъ картинъ. Словомъ, тутъ видишь и галлерею, и школу. Мы съ женою бываемъ въ ней очень часто, а особливо я почти всякій день. Прибавить къ тому надобно и кабинетъ натуральной исторіи, который также оченъ хорошъ и содержится въ превеликомъ порядкѣ. Есть въ немъ вещи очень рѣдкія. Лучшая въ галлереѣ комната называется Трибуна. Она осьмиугольная и окна въ самомъ верху, такъ что свѣтъ упадаетъ на картины точно тотъ,

какой для нихъ имѣть надобно. Въ сей комнатѣ стоятъ двадцать четыре наилучшія картины и всѣ лучшія статуи, изъ коихъ Венера Медицейская удивленія достойна. Изъ картинъ велѣлъ я списать для себя une Mère de douleur d'André del Sarto, три картины Рафаэлевы и Богоматерь Carlino Dolci. Могу васъ увѣрить, что если вы увидите и копіи мои, то даромъ, что вы не охотники, вамъ онѣ конечно очень понравятся. Вообще сказать, флорентинская галлерея въ нѣкоторомъ смыслѣ безпримѣрна, потому что во всей Европѣ нѣтъ такого зданія, въ которомъ бы одномъ столько сокровищъ во всѣхъ родахъ художествъ находилось. За великую рѣдкость почитаются въ ней двѣ комнаты, наполненныя портретами великихъ живописцевъ, писанными собственною ихъ кистью. Каждый мастеръ, самъ свой портретъ написавъ, присылалъ въ галлерею. Сіе вошло въ обычай и до днесь продолжается. Забылъ я сказать, что въ галлереѣ есть прекрасная коллекція древнихъ вазъ. Не описываю здѣсь всѣхъ комнатъ, принадлежащихъ къ галлереѣ, но скажу только то, что можно одною ею цѣлый годъ заняться. Palazzo Pitti стоитъ на холмѣ; домъ не весьма большой, но великолѣпно меблированный и двѣ залы росписаны альфреско съ удивительнымъ искусствомъ. Картины въ семъ дворцѣ также великихъ мастеровъ и въ великомъ множествѣ. Прекрасная Рафаэлева Богоматерь, извѣстная подъ именемъ Madonna della Sedia, украшаетъ одну залу. Этотъ образъ имѣетъ въ себѣ нѣчто божественное. Жена моя отъ него безъ ума. Она стаивала передъ нимъ по получасу, не спуская глазъ, и не только купила копію съ него масляными красками, но и заказала миніатюру и рисунокъ. Позади дворца садъ Boboli. Онъ состоитъ по большей части изъ террасъ и украшенъ многими фонтанами. Изъ дворца видъ въ него прекрасный. Между зданіями великолѣпнѣйшее есть соборная церковь. Величина ея огромная и покрыта цвѣтнымъ мраморомъ. Можно сказать, что она монументъ древняго республиканскаго великолѣпія. Близъ лежащая батистерія, или церковь, въ которой крестятъ всѣхъ безъ исключенія во Флоренціи младенцевъ, достойна любопытства. Двери бронзовыя съ прекрасными барельефами. Онѣ такъ отмѣнны, что прозваны райскими дверями. Изъ увеселительныхъ домовъ лучшій Poggio Imperiale. Архитектура простая, но благородная, и много картинъ хорошихъ.

Между городскими установленіями госпиталь стоитъ любопытства. Жаль только, что онъ построенъ не у мѣста, ибо по одну сторону театръ серьезной оперы, а по другую театръ комическій. Порядокъ въ госпиталѣ такъ хорошъ, что дѣлаетъ конечно великую честь правленію. Больные пользуются присмотромъ и крайнею чистотою. Не только въ Италіи, гдѣ живутъ по свински, но и у насъ многіе зажиточные люди не спятъ на такихъ хорошихъ и чистыхъ постеляхъ, на какихъ въ госпиталѣ лежатъ больные нищіе. Во Флоренціи занимался я осматриваніемъ многихъ церквей, которыя архитектурою и живописью знамениты. Всѣ онѣ конечно удивляютъ того, кто не видалъ здѣшней церкви святаго Петра; но кто ее видѣлъ, того въ разсужденіи художествъ ничто въ свѣтѣ удивить не можетъ. Кажется, что сей храмъ создалъ Богъ для самого себя. Здѣсь можно жить сколько хочешь лѣтъ, и всякій день захочешь быть въ церкви святаго Петра. Чѣмъ больше ее видишь, тѣмъ больше видѣть ее хочешь; словомъ, человѣческое воображеніе постигнуть не можетъ, какова эта церковь. Надобно непремѣнно ее видѣть, чтобъ имѣть объ ней истинное понятіе. Я всякій день хожу въ нее раза по два.

Театры во Флоренціи великолѣпны какъ для серьезной, такъ и для комической оперы. Жаль только того, что не освѣщены. Ни въ одной ложѣ нѣтъ ни свѣчки. Дамы не любятъ, чтобъ ихъ проказы видны были. Всякая сидитъ съ своимъ чичисбеемъ и не хочетъ, чтобъ свѣтъ мѣшалъ ихъ амуру. Развращеніе нравовъ въ Италіи несравненно больше самой Франціи. Здѣсь день свадьбы есть день развода. Какъ скоро дѣвушка вышла замужъ, то тутъ же надобно непремѣнно выбрать ей cavalière servente, который съ утра до ночи ни на минуту ее не оставляетъ. Онъ съ нею всюду ѣздитъ, всюду ее водитъ, сидитъ всегда подлѣ нее, за картами за нее сдаетъ и тасуетъ карты, словомъ, онъ ея слуга, и, привезя ее одинъ въ каретѣ къ мужу въ домъ, выходитъ изъ дома тогда только, какъ она ложится съ мужемъ спать. При размолвкѣ съ любовникомъ или чичисбеемъ, первый мужъ старается ихъ помирить, равно и жена старается наблюдать согласіе между своимъ мужемъ и его любовницею. Всякая дама, которая не имѣла бы чичесбея, была бы презрѣна всею публикою, потому что она была бъ почтена недостойною обожанія,

или старухою. Изъ сего происходитъ, что здѣсь нѣтъ ни отцевъ, ни дѣтей. Ни одинъ отецъ не почитаетъ дѣтей своей жены своими, ни одинъ сынъ не почитаетъ себя сыномъ мужа своей матери. Дворянство здѣсь точно отъ того въ крайней бѣдности и въ крайнемъ невѣжествѣ. Всякій разоряетъ свое имѣніе, зная, что прочить его некому; а молодой человѣкъ, ставъ чичисбеемъ, лишь только вышедъ изъ ребятъ, не имѣетъ уже ни минуты времени учиться, потому что, кромѣ сна, неотступно живетъ при лицѣ своей дамы и какъ тѣнь шатается за нею. Многія дамы признавались мнѣ по совѣсти, что неминуемый обычай имѣть чичисбея составляетъ ихъ несчастіе, и что часто, любя своего мужа несравненно больше, нежели своего кавалера, горестно имъ жить въ такомъ принужденіи. Надобно знать, что жена, проснувшись, уже не видитъ мужа до тѣхъ поръ, какъ спать ложиться надобно. Въ Генуѣ сей обычай дошелъ до такого безумія, что если публика увидитъ мужа съ женою вмѣстѣ, то закричитъ, засвищетъ, захохочетъ и прогонитъ бѣднаго мужа. Во всей Италіи дама съ дамою одна никуда не поѣдетъ и никуда показаться не можетъ. Словомъ сказать, дурачествамъ нѣтъ конца. Вообще сказать можно, что скучнѣе Италіи нѣтъ земли на свѣтѣ: никакого общества, и скупость прескаредная. Здѣсь первая дама принцесса Санта-Кроче, у которой весь городъ бываетъ на конверсаціи и у которой во время съѣзда нѣтъ на крыльцѣ ни плошки. Необходимо надобно, чтобъ гостиный лакей имѣлъ фонарь и свѣтилъ своему господину взлѣзать на лѣстницу. Надобно проходить множество покоевъ или, лучше сказать, хлѣвовъ, гдѣ горитъ по лампадочкѣ масла. Гостей ни чѣмъ не подчиваютъ, и не только кофе или чаю, ниже воды не подносятъ. Тѣснота и духота ужасная, такъ что отъ жару горло пересохнетъ; но ничто такъ не скверно, какъ нищенское скаредство слугъ. Куда ни пріѣдешь съ визитомъ, на другой же день, чѣмъ свѣтъ, холопья и придутъ просить денегъ. Такой мерзости во всей Европѣ нѣтъ! Господа содержатъ слугъ своихъ на самомъ маломъ жалованьѣ и не только позволяютъ имъ такъ ниществовать, но по прошествіи нѣкотораго времени дѣлятъ между ними кружку. Во Флоренціи, бывъ шесть недѣль, знакомъ я сталъ почти со всѣми и наканунѣ моего отъѣзда цѣлый день ходили ко мнѣ лакеи

пожелать счастливаго пути, то есть просить милостыни. Въ Римѣ установлена обычаемъ такса: кардинальскимъ лакеямъ платятъ шестьдесятъ копѣекъ, а прочимъ по тридцати. Семка мой иначе мнѣ о нихъ не докладываетъ, какъ: пришли, сударь, нищіе. Правду сказать, и бѣдность здѣсь безпримѣрная: на каждомъ шагу останавливаютъ нищіе; хлѣба нѣтъ, одежды нѣтъ, обуви нѣтъ. Всѣ почти наги и такъ тощи, какъ скелеты. Здѣсь всякій работный человѣкъ, буде занеможетъ недѣли на три, разоряется совершенно. Въ болѣзнь наживаетъ долгъ, а выздоровѣвъ, едва можетъ работою утолить голодъ. Чѣмъ же платить долгъ? Продастъ постель, платье — и побрелъ просить милостыни. Воровъ, мошенниковъ, обманщиковъ здѣсь превеликое множество; убійства здѣсь почти вседневныя. Злодѣй, умертвя человѣка, бросается въ церковь, откуда его, по здѣшнимъ законамъ, никакая власть уже взять не можетъ. Въ церкви живетъ нѣсколько мѣсяцевъ; а между тѣмъ родня находитъ протекцію и за малѣйшія деньги выхаживаетъ ему прощеніе. Во всѣхъ Папскихъ Владѣніяхъ между чернью нѣтъ человѣка, который бы не носилъ съ собою большаго ножа, одни для нападенія, другіе для защищенія. Итальянцы всѣ злы безмѣрно и трусы подлѣйшіе. На дуэль никогда не вызываютъ, а отмщаютъ обыкновенно бездѣльническимъ образомъ. Честныхъ людей во всей Италіи, по истинѣ сказать, такъ мало, что можно жить нѣсколько лѣтъ и ни одного не встрѣтить. Знатнѣйшей породы особы не стыдятся обманывать самымъ подлымъ образомъ. Со мною былъ одинъ очень смѣшной случай во Флоренціи. Я покупалъ картины и большія покупки мои надѣлали очень много шума въ городѣ. Однажды пришелъ ко мнѣ знакомый купецъ съ тѣмъ, что одинъ знатный господинъ имѣетъ столь много въ галереѣ своей картинъ, что нѣкоторыя охотно продать согласится. Онъ повелъ меня въ огромный домъ, убранный великолѣпно, гдѣ нашелъ я дѣйствительно нѣсколько залъ, убранныхъ картинами. Хозяинъ, маркизъ Гвадани, водилъ меня самъ по комнатамъ. Остановясь передъ одною картиною, подвелъ меня къ ней ближе и, въ восторгѣ, спросилъ: узнаю ли я мастера? Я отвѣчалъ: нѣтъ. «Какъ нѣтъ?» спросилъ онъ меня, продолжая свое глупое восхищеніе. «Неужели картина сама о себѣ не сказываетъ, чьей она работы? Неужели вы Гвидо Рени не узнали?»

Я извинился передъ нимъ незнаніемъ итальянской школы, а онъ началъ мнѣ разсказывать исторію этой картины, какъ она, переходя отъ пращура его въ нисходящую линію его рода, дошла наконецъ къ нему. Я спросилъ: чего эта картина стоитъ можетъ? «Вы можете себѣ представить», говорилъ онъ мнѣ, «чего Гвидо-Рени стоитъ можетъ. Тысяча червонныхъ была бъ для него цѣна очень малая». Я отвѣчалъ ему, что хотя тысяча червонныхъ для меня сумма и очень большая, однако за картину великаго мастера, можетъ быть, я заплатить ее и соглашусь, но съ тѣмъ только, чтобъ онъ позволилъ мнѣ взять картину домой и показать моей женѣ, съ которою сдѣлано у меня дружеское условіе: безъ взаимнаго согласія ничего не покупать. Онъ, видя мою податливость въ цѣнѣ, отпустилъ со мною картину. Я тотчасъ созвалъ всѣхъ лучшихъ живописцевъ. Никто не сказалъ, чтобъ она была Гвидова. Кого ни спрошу о цѣнѣ, всякій говоритъ, что можно дать за нее червончиковъ пять, шесть. Разсуди же, какая разница между этою бездѣлицею и тысячью червонными. Я отослалъ картину назадъ съ отвѣтомъ, что живописцы оцѣниваютъ ее такъ низко, что я о цѣнѣ и сказать ему стыжусь, и что картину, идущую изъ рода маркизовъ Гваданіевъ, считаютъ они дрянью, стоющею не болѣе пяти червонныхъ. Онъ вспылилъ, сказываютъ, жестоко на живописцевъ и называлъ ихъ скотами и невѣждами. Нѣсколько дней прошли въ гнѣвѣ; наконецъ господинъ маркизъ смягчился и передъ отъѣздомъ моимъ изъ Флоренціи прислалъ ко мнѣ сказать, что онъ, любя меня, соглашается уступить мнѣ картину за десять червонныхъ. Вотъ какой бездѣльникъ находится здѣсь между знатными! Не устыдился запросить тысячу, а уступить за десять. Я приказалъ сказать ему, что я его картины не беру для того, что дряни покупать не намѣренъ. Надобно исписать цѣлую книгу, если разсказывать всѣ мошенничества и подлости, которыя видѣлъ я съ пріѣзда моего въ Италію. По истинѣ сказать, нѣмцы и французы ведутъ себя гораздо честнѣе. Много и между ними бездѣльниковъ, да не столько и не такъ безстыдны. Въ Италіи порода и титла не обязываютъ ни мало къ доброму поведенію: непотребные домы набиты графинями. Всякій шильникъ, который наворовалъ деньжонокъ, тотчасъ покупаетъ себѣ титулъ маркиза. Банкиры здѣсь почти всѣ

маркизы и, не взирая на то, что разбогатѣли, не пропускаютъ ни малѣйшаго случая обманывать. Болѣе всего надоѣдаетъ намъ скука. Мы живемъ только съ картинами и статуями. Боюсь, чтобъ самому не превратиться въ бюстъ. Здѣсь истинно отъ людей отвыкнешь. Мы потеряли, кажется, всю связь съ прочими націями и не знаемъ, что гдѣ дѣлается. Французскихъ газетъ во всемъ Римѣ, кромѣ кардинала Берниса (*), найти не льзя; да и книгъ, кромѣ латинскихъ каноническихъ, не достанешь. Вольтеръ, нашъ любимый Руссо и почти всѣ умные авторы запрещены. Французская литература, можно сказать, здѣсь вовсе неизвѣстна. Во всей Флоренціи я зналъ одну маркизу Сантини и здѣсь знаю одну принцессу Санта-Кроче, которыя говорятъ по-французски, хотя и весьма плохо; мужчины тоже. Мы хотя и недавно въ Италіи, однако принуждены болтать кое-какъ по-итальянски. Изъ Флоренціи выѣхали мы $^{8}/_{19}$ ноября послѣ обѣда, и въ часъ за полночь пріѣхали въ Пизу. Дворъ великаго герцога обыкновенно тутъ проводитъ зиму, но такъ тихо, что пребываніе его нимало не примѣтно. Я очень былъ радъ, что можно было обойтиться безъ представленія ко двору. Если вспомнить древнюю исторію, кто были пизане и какую ролю игралъ этотъ народъ въ свѣтѣ, то не льзя не прійти въ уныніе, видя суетность мірскихъ дѣлъ. И теперь окружность города превеликая, но пустота ужасная и улицы заросли травою. Я не видалъ отъ роду мѣста столь похожаго на волшебное, какъ площадь, на которой стоитъ соборная церковь. Вообрази себѣ храмъ великолѣпнѣйшій; превысокую висящую башню, которая, кажется, валится совершенно; вообрази себѣ огромное зданіе Batisterio, гдѣ крестятъ младенцевъ, и Campo Santo, то есть галлерею, прелестную своею архитектурою, гдѣ 650 мертвыхъ тѣлъ погребены подъ монументами въ землѣ, привезенной изъ Іерусалима рыцарями. Все это на одной площади, заросло травою и въ будни нѣтъ тутъ живаго человѣка. Мы ходили тутъ точно такъ, какъ въ обвороженномъ мѣстѣ. На часъ ѣзды отъ города есть теплыя бани. Въ нихъ нашелъ я чистоту и порядокъ неожиданный. Причиною тому самъ государь, который, будучи нѣмецъ, завелъ всѣ удобности и доходъ съ нихъ

(*) Франсуа Берни графъ Ліонскій и кардиналъ (1715 — 1794).

беретъ себѣ. Мѣстоположенія въ окружности города очень хороши. Въ Пизѣ есть университетъ, но Богъ знаетъ, что тутъ дѣлаютъ: профессоры, кромѣ итальянскаго языка, не знаютъ и совершенные невѣжды во всемъ томъ, что за Альпійскими горами дѣлается. Есть изъ нихъ такіе чудаки, которые о Лейбницѣ вовсе не слыхивали. Будучи въ Россіи, слышалъ я объ этомъ городѣ столь много хорошаго, что располагалъ тутъ жить долго; но опытомъ узналъ, что трехъ дней прожить не льзя: скука смертельная. Мы нашли тутъ бѣднаго Семена Романовича Воронцова (*), который смертію своей жены такъ пораженъ, что уже три мѣсяца никого къ себѣ не пускаетъ и всякій день плачетъ неутѣшно. Въ Пизѣ нашли мы французскій театръ. Великая герцогиня (**), будучи большая до него охотница, не пропускаетъ ни одного спектакля. Признаюсь, что я гаже комедіантовъ нигдѣ не видывалъ. Правду сказать, что, кромѣ двора, нѣтъ и зрителей. Ложи и партеръ пустёхоньки. Иначе и быть нельзя, потому что итальянцы французскаго языка не разумѣютъ, да и не могутъ имѣть терпѣнія слушать что-нибудь со вниманіемъ. Въ оперѣ ихъ во время представленія такой шумъ и крикъ, какъ на площади. Дамы пикируются не слушать музыки. C'est du bon ton, чтобъ изъ ложи въ ложу перекликаться и мѣшать другимъ слушать. Пѣвицы и пѣвцы есть очень хорошіе, но столбы неподвижные: ни руками, ни ногами не владѣютъ. Декораціи очень великолѣпны, но освѣщеніе плохо: антрепренёръ жалѣетъ денегъ. Танцы состоятъ въ одномъ скаканьѣ. Скакуны престрашные и обыкновенно ремесло свое кончаютъ тѣмъ, что ломаютъ себѣ ноги. Спектакли очень рѣдко перемѣняютъ: одну оперу сряду разъ сорокъ играютъ. Поистинѣ сказать, въ Петербургѣ ни серьёзныя, ни комическія итальянскія оперы не хуже здѣшнихъ. Изъ Пизы ѣздилъ я въ Лукку не для того, чтобъ было въ ней чего смотрѣть, но для того, что Лукка была родина предковъ моего благодѣтеля,

---

(*) Семенъ Романовичъ Воронцовъ (1744 — 1832) служилъ сначала въ арміи подъ начальствомъ гр. Румянцова Задунайскаго, а въ это время былъ полномочнымъ министромъ въ Венеціи. Послѣ онъ былъ болѣе 20 лѣтъ посланникомъ въ Лондонѣ. Онъ былъ женатъ на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Сенявиной.

(**) Марія-Луиза, принцесса испанская, жена Леопольда (см. стр. 465).

графа Никиты Ивановича Панина. Очень странно, что этотъ городокъ до сихъ поръ составляетъ республику, когда всѣ окружающіе его города вольность уже давно потеряли. Осмотрѣвъ въ немъ соборную и прочія церкви, также княжескій домъ, возвратился я въ Пизу. $^{11}/_{22}$ ноября пріѣхали мы въ Ливорну, гдѣ консулъ нашъ на другой день далъ намъ большой обѣдъ и пригласилъ лучшихъ людей. Мы жили тутъ два дни; осматривали городъ и были въ спектаклѣ. Ливорна городокъ маленькій, но слишкомъ многолюденъ по причинѣ морской пристани. Тутъ стеченіе разныхъ народовъ очень велико и живутъ повеселѣе, нежели въ другихъ итальянскихъ городахъ. Изъ Ливорны воротились мы опять въ Пизу, откуда выѣхали $^{14}/_{25}$ ноября, и ночью въ три часа пріѣхали въ Сіену. $^{15}/_{26}$ поутру очень рано я проснулся, хотя легъ и очень поздно. Разбудило меня желаніе осмотрѣть городъ. Былъ въ консисторіи, въ церквахъ: соборной и августинской. Вездѣ находилъ я прекрасныя картины. Воротясь домой, нашелъ я жену одѣтою, и мы оба ѣздили смотрѣть соборную церковь, гдѣ альфрески съ Рафаэлевыхъ рисунковъ прекрасны. Отобѣдавъ, выѣхали мы изъ Сіены въ 4 часа, и всю ночь ѣхали. $^{16}/_{27}$ завтракали мы въ мѣстечкѣ Аквапендентѣ. Въ комнатѣ, которую намъ отвели и которая была лучшая, такая грязь и мерзость, какой конечно у моего Скотинина въ хлѣвахъ никогда не бываетъ. Весь день и всю ночь мы ѣхали. Бессонница и несносная вонь гнилыми яйцами отъ горючей сѣры мучили насъ тирански; къ тому же и морозъ былъ такой, какой у насъ бываетъ въ дурную осень. Шубъ на насъ нѣтъ, и можно сказать, что поутру $^{17}/_{28}$ ноября пріѣхали мы въ Римъ чуть живы. Здѣсь оканчиваю мой журналъ. Не знаю, какъ впередъ пойдетъ наше путешествіе, но доселѣ непріятности и безпокойства превышаютъ неизмѣримо удовольствіе. Ради мы, что Италію увидѣли; но можно искренно признаться, что если бъ мы дома могли такъ ее вообразить, какъ нашли, то конечно бы не поѣхали. Одни художества стоятъ вниманія, прочее все на Европу не походитъ. Теперь живемъ мы въ Папскомъ правленіи и нѣтъ дня, въ который бы жена моя, выѣхавъ, не плакала отъ жалости, видя людей мучительно страждущихъ: безъ рукъ, безъ ногъ, слѣпые, въ лютѣйшихъ болѣзняхъ, нагіе, босые и умирающіе съ голоду, вездѣ лежатъ у церк-

вей подъ дождемъ и градомъ. Я не упоминаю уже о тѣхъ несчастныхъ, которые встрѣчаются кучами въ болячкахъ по всему лицу, безъ носовъ и съ развращенными глазами отъ скверныхъ болѣзней; словомъ, для человѣчества Римъ есть земной адъ. Тутъ можно видѣть людей въ адскомъ мученіи. Сколько тысячъ такихъ, которые не знаютъ, что такое рубашка. Лѣтомъ ходятъ такъ, какъ хаживалъ праотецъ нашъ Адамъ; а зимою покрыты лохмотьемъ вмѣсто кафтана и брюхо голое наружи. Вотъ здѣсь какъ щеголяютъ, между тѣмъ какъ папа и кардиналы живутъ въ домахъ, какихъ нѣтъ у величайшихъ государей. Нынѣшній папа затѣялъ строеніе такое, какого въ свѣтѣ нѣтъ и быть не можетъ; ибо ни положенія мѣста, ни антиковъ, непрестанно изъ земли вырываемыхъ, кромѣ Италіи нѣтъ нигдѣ. Смотря на сіи древности, съ жалостію видимъ, какъ мы отъ предковъ нашихъ отстали въ художествахъ. Какой вкусъ, какой умъ былъ въ прежніе вѣки! Надобно видѣть Ротонду, Музеумъ Капитольный, столпы, Музеумъ Ватиканскій и проч., чтобъ рѣшительно назвать нынѣшнихъ художниковъ ребятишками въ сравненіи съ древними. Изъ сего исключается одна церковь св. Петра, которая можетъ почесться чудомъ; но и въ ней многое потому совершенно хорошо, что подражали древнимъ. Въ сей церкви найдешь куполъ, подражаніе Ротондѣ; найдешь статуи и живопись во вкусѣ древнихъ. Я до сего часа былъ въ ней уже разъ тридцать: не могу зрѣніемъ насытиться. Кажется, не побывавъ въ ней, чего-то не достаетъ. Въ ней есть двѣ вещи, которыя похожи на волшебство: то, что при величинѣ безмѣрной, ничто не кажется колоссальнымъ, напр. по бокамъ поставлено по два ангела, которые кажутся росту младенческаго; но, подошедъ ближе, удивишься, какой они величины и огромности. Все такъ устроено пропорціонально, что дѣйствіе искусства выходитъ изъ вѣроятности. Второе то, что лѣтомъ найдешь въ церкви животворную прохладу, а зимою она такъ тепла, какъ бы натоплена была. Величина ея такова, что нѣсколько придѣловъ по бокамъ и каждый больше Успенскаго собора. Я не продолжаю здѣсь описывать Рима, предоставляя то будущимъ журналамъ; но въ заключеніе скажу, что климатъ очень нездоровъ, и не только бѣдная жена моя, но и я чувствую въ нервахъ слабость, какой никогда не чувствовалъ. Сырость, мрачность, вседневные

жестокіе громы, дожди и градъ — вотъ каковъ здѣсь декабрь. Прости, мой сердечный другъ.

XLVIII.

Римъ, $^{1}/_{12}$ февраля 1785.

По возвращеніи нашемъ изъ Неаполя нашли мы здѣсь письма ваши отъ 25 ноября. Мы застали здѣсь четыре послѣдніе дня карнавала; были бы сюда днемъ и ранѣе, но на дорогѣ была намъ остановка, которая доказываетъ неустройство правленія и скотство національнаго характера. Въ Папскихъ областяхъ сдѣлана нынѣ новая дорога, а старая такъ скверна, что нѣтъ проѣзда. По правосудію святаго отца дерутъ съ насъ прогоны втрое: за новую дорогу, по которой ѣздятъ, за старую, по которой не ѣздятъ, да за выставку лошадей со старой почты на новую. Не взирая на сей грабежъ, ждали мы на одной почтѣ лошадей ровно пять часовъ; насилу привели ихъ къ ночи, и оттащивъ насъ не болѣе пяти верстъ, остановились. Холодъ, градъ, вихрь, ночная темнота были преужасные. Такая погода почталіонамъ не понравилась. Они тихонько выпрягли лошадей и поѣхали домой спать, а насъ бросили на дорогѣ. Отъ семи часовъ вечера до осьмаго утра терпѣли мы весь ужасъ пренесносной стужи. Бѣдные люди замучились и перезнобили ноги. Наконецъ въ девятомъ часу поутру явились къ намъ почталіоны съ лошадьми и насказали намъ же превеликія грубости. Если бъ не жена, которая на тотъ часъ меня собою связала, я всеконечно потерялъ бы терпѣніе и кого-нибудь застрѣлилъ бы. Здѣсь застрѣлить почталіона или собаку — все равно. Я обязанъ женѣ, что не сдѣлался убійцею. По пріѣздѣ моемъ сюда, я принесъ жалобу, но никакъ не надѣюсь найти правосудія. Сами судьи мнѣ пѣняютъ, для чего я самъ не управлялся и никого не застрѣлилъ: вотъ бы и концы въ воду. Англичане то и дѣло стрѣляютъ почталіоновъ и ни одна душа еще не помышляла спросить: кто кого за что застрѣлилъ? Ты, матушка сестрица, пишешь ко мнѣ, что въ газетахъ читала о голодѣ въ Римѣ. Эта вѣсть не новая. Лѣтъ тридцать какъ цѣлые полки несчастныхъ не имѣютъ дневной пищи. Съ нетерпѣніемъ ожидаю святой недѣли, чтобъ отсюда выѣхать и не имѣть передъ глазами страждущаго

человѣчества. Карнавалъ мы застали и четыре дня были свидѣтелями всѣхъ народныхъ дурачествъ, а особливо послѣдній день, то есть погребеніе масляницы. Весь народъ со свѣчами ее хоронилъ. Такой глупости и вообразить себѣ не льзя. Сегодня третій день какъ начался постъ. Въ первый были мы въ церкви святыя Сабины смотрѣть процессію кающихся. Множество людей, въ мѣшкахъ на головахъ, съ прорѣзанными глазами, босикомъ, въ предшествованіи двухъ скелетовъ, шли по улицамъ по два въ рядъ и пѣли стихи покаянія. На другой день, то есть, вчера, были мы званы къ сенатору Реконниго, гдѣ весь городъ слушалъ прекрасный концертъ. Сегодня званы мы къ кардиналу Бернису также на концертъ. Кажется, будто первый день поста былъ и послѣдній; но страстная недѣля за то вся посвящена богослуженію и если здоровы будемъ, то увидимъ все величество римской церкви. Между тѣмъ весь постъ будемъ мы осматривать городъ. Чѣмъ больше его видимъ, тѣмъ, кажется, больше смотрѣть остается.

XLIX.

Римъ, $^{1}/_{12}$ марта 1785.

Состояніе здоровья моего отчасу лучше становится. Я проѣзжаюсь по городу и хотя еще изъ кареты не выхожу, однако по комнатѣ прохаживаюсь. Докторъ мой увѣряетъ меня, что я отъ слабости скоро оправлюсь и что буду здоровѣе прежняго. Дай Богъ, чтобъ его предсказаніе исполнилось, такъ какъ до сихъ поръ всѣ его старанія и труды удавались. Мы съ женою великую надежду на искусство его полагаемъ. Не описываю тебѣ всей моей болѣзни; мнѣ не велятъ много писать, да непріятно и вспоминать о такой вещи, которая, слава Богу, что прошла. Я теперь занимаюсь мыслями, какъ бы, осмотрѣвъ Италію, домой воротиться. На сихъ дняхъ получили мы вдругъ два письма ваши: одно безъ числа, которому надобно быть отъ 2 января, а другое отъ 9 января. Меня ни мало не удивляетъ, что мои письма поздно до васъ доходятъ, когда то же случается и съ вашими ко мнѣ; въ семъ случаѣ надобно прибѣгать къ терпѣнію, а помочь не чѣмъ. За совѣтъ вашъ, ѣхать осторожнѣе, мы благодаримъ отъ всего сердца, и конечно употребимъ всю возможную осторожность. Мы

ѣдемъ теперь полуднѣе, нежели сюда ѣхали. Жена моя беретъ съ собою служанку, да изъ Вѣны хотимъ взять повара; итакъ будутъ у насъ два экипажа. Всѣ мы будемъ вооружены пистолетами и шпагами и надѣемся проѣхать тѣмъ безопаснѣе, что, сказываютъ, и воровъ отъ Вѣны до нашей границы нѣтъ; а отъ Смоленска до Москвы, сами знаете, что бояться нечего. Ты не можешь себѣ представить, матушка, какъ былъ я боленъ и въ какомъ состояніи была бѣдная жена моя. Благодарю Бога, все прошло и мы оба здоровы.

L.

Римъ, $\frac{22\ марта}{2\ апрѣля}$ *1785.*

Сегодня отправляемъ мы послѣдній день святой недѣли. Благодареніе Богу, я какъ страстную, такъ и нынѣшнюю недѣлю въ состояніи былъ всюду выѣзжать. Вчера былъ я съ женою на концертѣ у кардинала Берниса, а сегодня званы и ѣдемъ къ сенатору Рецониго. Итакъ теперь остается намъ осмотрѣть окрестности Рима, а именно: Тиволи, Фраскати и прочія примѣчанія достойныя мѣста, что̀ все кончу недѣли черезъ двѣ и отсюда немедленно выѣдемъ. По нетерпѣнію нашему скорѣе васъ увидѣть, мы бы скорѣе и Италію оставили, но горы не допускаютъ: ибо при растаиваніи снѣга большія снѣжныя глыбы сверху обрываются и, упадая, могутъ столкнуть карету въ пропасть. Послѣ моей болѣзни живу я очень воздержно, такъ что и кофе съ молокомъ пить пересталъ; словомъ, послѣдую во всемъ совѣтамъ доктора моего и надѣюсь быть здоровѣе прежняго. Благодарю тебя, другъ мой сестрица, за приписаніе твое къ послѣднему письму, которое получилъ я отъ батюшки отъ 27 января. На будущей почтѣ буду просить тебя о доставленіи письма моего къ графу Петру Ивановичу, которое пришлю къ вамъ незапечатанное; въ немъ опишу журналъ страстной недѣли (*). Мы съ женою не пропускали ни одной церемоніи и можемъ сказать, что все то видѣли, что̀ смотрѣть достойно. Въ великую субботу, въ самый полдень, пушечный выстрѣлъ съ крѣпости св. Ангела далъ знать, что Христосъ воскресъ. Я думалъ, что народъ въ ту минуту съ ума сошелъ. По всѣмъ улицамъ сдѣлался крикъ преужасный! Со всѣхъ дворовъ началась стрѣльба и

(*) См. выше, стр. 352 — 355.

самые бѣдные люди на всѣхъ улицахъ, набивъ горшки порохомъ, стрѣляли. Во всѣхъ церквахъ начался колокольный звонъ, который дня три уже не былъ слышенъ, ибо вмѣсто колоколовъ въ сіе печальное время сзывали народъ въ церкви трещотками, какъ у насъ на пожаръ. Необычайная радость продолжалась съ часъ, потомъ всѣ понемногу успокоились и до другаго дня во всемъ городѣ была такая тишина, какъ на страстной недѣлѣ.

Въ свѣтлое воскресенье папа служилъ обѣдню въ церкви св. Петра. Онъ въ сей церкви служитъ только четыре раза: въ рождество, въ свѣтлое воскресенье, въ троицынъ день и въ петровъ день. Служеніе его весьма великолѣпно, но сіе великолѣпіе не происходитъ изъ святыни отправляемаго дѣйствія: оно походитъ болѣе на свѣтское торжество, нежели на торжественное богослуженіе. Я видѣлъ болѣе государя, нежели первосвященника; болѣе придворныхъ, нежели духовныхъ учениковъ. Знатнѣйшія здѣшнія особы, кардиналы, служатъ ему со всѣмъ рабскимъ униженіемъ, и минуту спустя, отъ подчиненныхъ своихъ со всею гордостію требуютъ рабскаго предъ собою униженія. Вообще сказать, папская служба есть не что̀ иное, какъ обожаніе самого папы, ибо даже обрядъ поклоненія отъ твари Создателю довольно гордъ: не папа приходитъ къ престолу причащаться, но, освятя св. дары, носятъ ихъ къ нему на тронъ, а онъ навстрѣчу къ нимъ ни шагу не дѣлаетъ! Послѣ обѣдни посадили его на кресла и понесли наверхъ къ тому среднему окну, изъ котораго онъ въ четвергъ на страстной недѣлѣ давалъ народу благословеніе и нынѣ повторялъ то же. День былъ прекрасный. Сверхъ того сія церемонія нигдѣ такъ чувства тронуть не можетъ, какъ здѣсь, ибо потребна къ тому площадь св. Петра, которой нигдѣ подобной нѣтъ. Чрезвычайное ея пространство и великолѣпная колоннада, безчисленное множество народа, который, увидѣвъ папу, становится на колѣна, глубокое молчаніе предъ благословеніемъ, за которымъ тотчасъ слѣдуетъ громъ пушекъ и звонъ колоколовъ, и самое дѣйствіе, которое, благодаря богобоязливыхъ людей, имѣетъ въ себѣ нѣчто почтенное и величественное — словомъ, все въ восхищеніе приводитъ!

Въ понедѣльникъ свѣтлой недѣли предъ полуночью былъ зажженъ съ крѣпости св. Ангела фейерверкъ. Онъ имѣлъ

очень хорошій видъ въ разсужденіи прекраснаго мѣстоположенія, которое со всѣхъ холмовъ римскихъ и изъ крайнихъ этажей большей части домовъ было видно. Во вторникъ сей самый фейерверкъ, будучи повторенъ, кончилъ все торжество свѣтлой недѣли.

Сравнивая папскую службу съ нашею архіерейскою, нахожу я нашу несравненно почтеннѣе и величественнѣе. Здѣшняя слишкомъ театральна и, кажется, мало имѣетъ отношенія къ прямой набожности. Папа, носимый въ креслахъ на плечахъ людскихъ, чрезвычайно походитъ на оперу: *Китайскій идолъ*. Мирное цѣлованіе, которое даетъ онъ первому кардиналу, сей другому, а другой третьему и наконецъ проходитъ чрезъ все духовенство, похоже на электризацію, которая отъ папы до послѣдняго попа доходитъ уже весьма слабо. Панская гвардія, во время обѣдни въ плящахъ и съ алебардами окружающая престолъ, на которомъ приносится жертва Богу, отнимаетъ всякую идею, чтобы тутъ жертва Богу была *духъ сокрушенъ*, и показываетъ только духъ папскаго любоначалія.

О прочихъ свѣдѣніяхъ, до литіи принадлежащихъ, ласкаюсь въ скоромъ времени изустно васъ увѣдомить. Отсюда въ скоромъ времени поѣдемъ мы въ Лоретто посмотрѣть тамошнихъ сокровищъ, которыя, можно сказать, со всего свѣта собираемы были, ибо и донынѣ всѣ добрые католики вѣрятъ, что домикъ, въ которомъ жила Богородица, перенесенъ въ Лоретто ночью ангелами. Оттуда проѣдемъ въ Болонью, гдѣ остановимся, можетъ быть, сутки на двои, чтобъ посмотрѣть въ другой разъ лучшихъ вещей; потомъ въ Парму, Миланъ и Венецію. Вездѣ пробудемъ по малу, или, справедливѣе сказать, по стольку, чтобъ все увидѣть, а на все это времени потребно очень мало; въ маѣ думаемъ пріѣхать въ Вѣну, гдѣ также останемся не долго, и откуда, всеконечно, въ маѣ же и выѣхать можемъ; а тамъ, не останавливаясь, въ Москву чрезъ Краковъ, Гродно и Смоленскъ. Итакъ ровно годъ нашъ вояжъ продолжаться будетъ. На сихъ дняхъ получено здѣсь извѣстіе изъ Неаполя, что двое благородныхъ нѣмцевъ съ слугою и съ проводникомъ взошли на Везувій и въ одну минуту поглощены были. Наши многіе входили, но я лазить не люблю, а особливо на смерть; жену также не пустилъ, хотя она ужасно любопытствовала лѣзть на гору. Теперь Везувій отчасу больше разгорается.

Мы опять было хотѣли на нѣсколько дней туда съѣздить, да разбоевъ по неаполитанской дорогѣ стало вдругъ много отъ дезертировъ, которые изъ Неаполя бѣжали. Прости, мой сердечный другъ! Будьте увѣрены, что мы здоровы, и на возвратномъ пути наблюдать будемъ всевозможную осторожность, а сверхъ того и лоретская дорога совсѣмъ безопасна.

LI.

Миланъ, $^{10}/_{21}$ мая 1785.

Мы пріѣхали въ Миланъ $^{5}/_{16}$ сего мѣсяца, слава Богу, здоровы и, къ величайшему удовольствію нашему, нашли здѣсь письмо ваше отъ 16 марта. Съ дороги пишемъ мы сіе письмо уже другое, а первое послали изъ Болоньи. Здѣсь мы прожили нѣсколько дней для исправленія кареты и коляски, также и для нашей пріятельницы, маркизы Палавичини, съ которою мы очень подружились въ Римѣ, и которая, будучи здѣсь на своей родинѣ, приняла насъ, какъ родныхъ. Черезъ нѣсколько часовъ считаемъ отправиться въ путь и, не останавливаясь, ѣхать въ Венецію. Теперь уже каждый шагъ насъ къ вамъ приближаетъ. Дай Боже, чтобъ мы нашли васъ здоровыхъ. Въ Венеціи и въ Вѣнѣ всеконечно не заживемся, и изъ Вѣны, по большей части, и днемъ и ночью хотимъ ѣхать, потому что въ сей части Германіи, также какъ и въ Польшѣ, трактировъ нѣтъ, или скверны. По моему разсчету, если здоровы будемъ, и путь нашъ благополучно продолжаться будетъ, можемъ мы въ Москвѣ быть около половины іюля. Здѣсь жары уже начались и въ суконномъ кафтанѣ ходить не льзя. Думаемъ, что на дорогѣ изъ Венеціи въ Вѣну они насъ безпокоить не будутъ, ибо въ горахъ холодно, а намъ надобно горами ѣхать не меньше пяти дней. Что же надлежитъ до безопасности отъ разбойниковъ, то мы наши мѣры возьмемъ; но повѣрьте, что здѣсь о нихъ и слуха нѣтъ; надѣяться можемъ, что и далѣе не будетъ. Дороги вездѣ безопасны. Завтра будетъ ровно три недѣли, какъ мы Римъ оставили и, кромѣ мерзкихъ трактировъ, ни чѣмъ обезпокоены не были. Вездѣ смирно; никто не грабитъ, а всѣ милостыню просятъ. Ни плодороднѣе земли, ни голоднѣе народа я не знаю. Италія доказываетъ, что въ дурномъ правленіи, при всемъ изобиліи плодовъ земныхъ, можно быть прежалкими нищими. Теперь въѣзжаемъ въ Венеціянскую область, гдѣ

добраго хлѣба найти не льзя. И нищіе и знатные ѣдятъ такой хлѣбъ, котораго у насъ собаки ѣсть не стянутъ. Всему причиною дурное правленіе. Ни въ деревняхъ сельскаго устройства, ни въ городахъ никакой полиціи нѣтъ: всякъ дѣлаетъ, что̀ хочетъ, не боясь правленія. Удивительно, какъ все еще по сію пору держится и какъ сами люди другъ друга еще не истребили. Еслибъ у насъ было такое попущеніе, какое здѣсь, я увѣренъ, что безпорядокъ былъ бы еще ужаснѣе. Я думаю, что итальянцы привыкли къ неустройству такъ сильно, что оно жестокихъ слѣдствій уже не производитъ и что самовольство само собою отъ времени угомонилось и силу свою потеряло. Римскаго журнала моего не посылалъ я къ вамъ для того, что онъ состоитъ въ описаніи картинъ и статуй, что васъ мало интересовать можетъ, а теперь продолжать буду съ выѣзда нашего изъ Рима по пріѣздъ въ Миланъ. Римъ оставили мы съ огорченіемъ. Я и жена моя были любимы тамъ не только лучшими людьми, но и самымъ народомъ. Въ день нашего отъѣзда улица сперлась отъ множества людей. Здѣсь, въ Миланѣ, получилъ я письмо изъ Рима отъ одного изъ лучшихъ художниковъ, который къ намъ всякій день хаживалъ и который былъ въ числѣ нашихъ провожателей. Онъ описываетъ намъ, что народъ по отъѣздѣ нашемъ кричалъ въ слѣдъ намъ. Я прилагаю письмо его въ оригиналѣ, вспомня, что ты по-нѣмецки мастерица. Лишь только выѣхали мы изъ Рима, то пустились въ Апенинскія горы и ночевали въ Отриколѣ, мѣстечкѣ славномъ древностями своими. $\frac{21\text{ апрѣля}}{2\text{ мая}}$ ѣхали мы до города Нарни такими страшными горами, что Тирольскія передъ ними несравненно меньше ужасны. Тутъ пропасти вдвое глубже Ивана Великаго. Дороги таковы, что двѣ кареты съ нуждою разъѣхаться могутъ и опасныя мѣста ни чѣмъ не загорожены. Хотя насъ увѣряли, что лошади привычныя и почталіоны править умѣютъ, но, признаюсь, что въ другой разъ по сей дорогѣ ни изъ чего на свѣтѣ не поѣду. Ночевали въ городѣ Фолиньи. Отъ сего города надобно было своротить въ сторону верстъ тридцать, чтобъ видѣть городъ Перуджіо, славный картинами великихъ мастеровъ. Мы рѣшились сдѣлать сей крюкъ и поутру $\frac{22\text{ апрѣля}}{3\text{ мая}}$ ѣхали до него долинами, которыхъ прекраснѣе ничто на свѣтѣ быть не можетъ. Поля, усы-

пашня цвѣтами, отъ коихъ благоуханіе чувства оживляло, привели насъ въ Перуджію, который самъ стоитъ на прекрасной и пологой горѣ; отъ подошвы до верху пять верстъ. Сія гора усыпана загородными домами и садами. Въ Перуджіо мы обѣдали, пробыли $\frac{24\text{ апрѣля}}{5\text{ мая}}$ и видѣли все, что̀ заслуживаетъ вниманія. На другой день $\frac{25\text{ апрѣля}}{6\text{ мая}}$ пріѣхали мы въ Фолиньи, гдѣ увидѣли народъ въ прискорбномъ возмущеніи. Вчера около полудня было землетрясеніе, которое повредило нѣкоторыя зданія, и они сегодня того же боятся. Мы отъ всего сердца пожелали имъ благополучно оставаться, велѣли скорѣе впрягать карету и уѣхали. Но со всѣмъ тѣмъ, до самой почти Лоретты видѣли жителей, кои, оставя домы свои, спятъ по полямъ, опасаясь землетрясенія. Третьяго года городъ Цалья, верстахъ въ двадцати отъ Фолиньи, разоренъ отъ сего несчастія и многіе задавлены. Весь берегъ Венеціянскаго залива уже пятый годъ терпитъ большія злоключенія. $\frac{26\text{ апрѣля}}{7\text{ мая}}$ пріѣхали мы къ обѣду въ Лоретто. Не описываю тебѣ сего мѣста подробно, но могу увѣрить, что я нигдѣ въ одномъ мѣстѣ столько богатства не видывалъ. Проживъ тутъ сутки, мы поѣхали далѣе и ночевали въ Синигаллія. На другой день $\frac{27\text{ апрѣля}}{8\text{ мая}}$ ѣхали мы по берегу Венеціянскаго залива и ночевали въ городѣ Римини, а на третій день пріѣхали ночевать въ Болонью. Всѣ мѣста отъ Лоретты до Болоньи прекрасны, но обитаемы бѣднѣйшими людьми. Всѣ безъ исключенія милостыню просятъ. Въ Болоньи было съ Іоганомъ, моимъ камердинеромъ, который знаетъ брата П. И., несчастное приключеніе. Онъ сошелъ съ ума совершенно. Исторія его странная: онъ въ Римѣ сильно испугался; однажды хозяинъ мой съ женою своею повздорилъ и они, по римскому обыкновенію, выдернувъ ножи, бросились другъ на друга. Сія сцена случилась при немъ и онъ, будучи робкаго характера, задрожалъ отъ страха. Надобно еще сказать, что мы ѣдемъ съ служанкою, въ которую онъ влюбился и сдѣлалъ ей предложеніе на ней жениться. Сіи оба обстоятельства повернули ему голову. Онъ, безъ всякой малѣйшей причины, вздумалъ, что невѣста хочетъ его зарѣзать; сталъ ее бояться, бѣгать отъ нея и проситься у меня прочь. $\frac{29\text{ апрѣля}}{10\text{ мая}}$ пробыли мы въ Болоньи. Меркурша, старая моя знакомка, при-

шла къ намъ съ мужемъ. Всѣ мы насилу уговорили Іогана ѣхать съ нами далѣе. Послѣ обѣда ѣздили мы въ S.-Luc, монастырь, стоящій на горѣ за городомъ, славный образомъ Богородицынымъ, писаннымъ святымъ евангелистомъ Лукою. $\frac{30\text{ апрѣля}}{11\text{ мая}}$ были мы въ лучшихъ церквахъ и повторили осматриваніе наше лучшихъ въ городѣ вещей, ибо мы, въ первый разъ бывъ въ Болоньи, все уже видѣли. Отобѣдавъ, поѣхали мы ночевать въ Модену. На другой день $^1/_{12}$ мая, сказываютъ мнѣ, что Іоганъ мой опять вздоритъ и со мною не ѣдетъ. Ночью помечталось ему, что Сёмка мой его зарѣзать хочетъ; пришелъ къ невѣстѣ въ комнату, плакалъ, выбросился-было изъ окошка, но невѣста его удержала. Наконецъ нѣсколько часовъ простоялъ на колѣняхъ у дверей моей спальни. Я велѣлъ ему тотчасъ пустить кровь; величайшихъ трудовъ стоило его на то склонить. Послѣ кровопусканія былъ онъ лучше и мы пріѣхали въ Реджіо къ обѣду. Тогда былъ прекрасный день и народу было на площади множество. Іоганъ мой, выскочивъ изъ коляски, бросился въ народъ, кричалъ, чтобъ его защитили и что я самъ его хочу зарѣзать. Мы весь сей день пробыли для сего несчастнаго въ Реджіо, призывали доктора, давали лекарство, которое дѣйствовало; но если облегчило желудокъ, то не облегчило головы. Мы пошли прогуливаться по городу, и пришедъ назадъ, не нашли уже его въ трактирѣ. Онъ ушелъ, Богъ вѣдаетъ, куда. Во всемъ городѣ его отыскать не могли. Я адресовался къ правительству, которое дѣлало все, что́ могло, для отысканія, но тщетно. Куда ни посылали на лошадяхъ, вездѣ доѣзжали посланные до границы и нигдѣ не нашли. Словомъ Іоганъ пропалъ, и что̀ съ нимъ теперь дѣлается, Господь вѣдаетъ. Я оставилъ все его бѣлье у моего банкира, которому поручилъ на случай, если онъ сыщется, или самъ придетъ, его на мой коштъ лѣчить и отправить моремъ въ Россію. Мы очень тронуты симъ несчастнымъ приключеніемъ, тѣмъ наипаче, что онъ ушелъ только съ тремя червонными и съ часами, которые были въ карманѣ, а всѣ свои пожитки у насъ оставилъ. $^3/_{14}$ мая выѣхали мы поутру изъ Реджіо. На одной почтѣ сказывали намъ, что Іоганъ ее прошелъ, или, лучше сказать, пробѣжалъ, спрашивая, гдѣ границы императорскія, и будто повернулъ на мантуанскую дорогу. Въ Парму пріѣхали мы къ обѣду. Послѣ обѣда видѣли все, примѣчанія достойное

въ городѣ: многія церкви, академію, старинный театръ и проч. Парма заслуживаетъ вниманіе тѣмъ, что въ ней есть многія картины славнаго Корреджіо. $^{4}/_{15}$ оставили мы поутру Парму и часу въ шестомъ пріѣхали въ Plaisance, гдѣ застали ярмарку и онеру, которую мы видѣли. $^{5}/_{16}$ выѣхали изъ Плезанса и къ вечеру пріѣхали сюда, въ Миланъ, гдѣ мы нашли знакомство римское. Маркиза Палавичини полюбила такъ жену мою, что ни на часъ ее не оставляетъ. Она приняла насъ какъ брата и сестру своихъ, и будучи здѣсь одна изъ первыхъ дамъ, возитъ насъ всюду. Сегодня однако мы выѣзжаемъ отсюда и дня черезъ четыре считаемъ быть въ Венеціи. Мы ничего такъ не желаемъ, какъ скорѣе у васъ быть и найти всѣхъ васъ здоровыми.

LII.

Венеція, $^{17}/_{28}$ *мая 1785.*

Мы теперь въ Венеціи. Городъ пречудный, построенъ на морѣ. Вмѣсто улицъ каналы, вмѣсто каретъ гондолы. Бо́льшую часть времени плаваемъ. Отсюда пишу для того только, чтобъ не оставить васъ безъ извѣстія о нашемъ путешествіи, а сказать истинно нечего. Первый видъ Венеціи, подъѣзжая къ ней моремъ, насъ очень удивилъ; но скоро почувствовали мы, что изъ доброй воли жить здѣсь не льзя. Вообрази себѣ людей, которые живутъ и движутся на одной водѣ, для которыхъ вся красота природы совершенно погибла и которые, чтобъ сдѣлать два шага, должны ихъ переплыть. Сверхъ же того городъ самъ собою безмѣрно печаленъ. Зданія старинныя и черныя; многія тысячи гондолъ выкрашены чернымъ, ибо другая краска запрещена. Разъѣзжая по Венеціи, представляешь погребеніе, тѣмъ наипаче, что сіи гондолы на гробъ походятъ и итальянцы ѣздятъ въ нихъ лежа. Жары, соединясь съ престрашною вонью изъ каналовъ, такъ несносны, что мы больше двухъ дней еще здѣсь не пробудемъ.

LIII.

Вѣна, $^{2}/_{13}$ *іюня 1785.*

Третьяго дня пріѣхали мы сюда благополучно, милостивый государь батюшка! Мы ласкались было получить здѣсь письма ваши; однако почта пришла и къ намъ не привезла ничего. Пребываніе наше въ здѣшнемъ мѣстѣ полагаю я

двѣ недѣли. Я конечно бы скорѣе уѣхалъ, но близъ Вѣны есть теплыя бани въ городкѣ Баденѣ, куда здѣшній славный медикъ г. Столле присовѣтовалъ мнѣ дней на десятокъ съѣздить. Послѣ моей болѣзни въ Римѣ остались нѣкоторыя обструкціи, кои всеконечно развести надобно, а сіи воды къ тому весьма удобны. Ихъ не пьютъ, а въ нихъ купаются. Въ теперешнее время многіе здѣшніе господа живутъ тамъ семьями и лѣчатся. Я хочу воспользоваться пріѣздомъ моимъ въ Вѣну и полѣчиться, но сіе не помѣшаетъ мнѣ сдержать мое слово и пріѣхать въ Москву въ іюлѣ. Прошу Бога, чтобъ свиданіе наше было благополучно и въ желаемомъ здоровьѣ. Не могу изъяснить, съ какимъ нетерпѣніемъ жду той минуты, въ которую увижу васъ, милостивый государь батюшка, такъ и всѣхъ нашихъ ближнихъ.

Ты, мой другъ сердечный, сестрица Ѳеня, жди отъ меня побольше письма изъ Бадена, куда я переѣду послѣ завтра. Я ѣздилъ туда сего дня и нанялъ нѣсколько комнатъ поденно, потому что больше десяти или двѣнадцати дней не проживу, какъ мнѣ и самъ докторъ предписываетъ.—Императоръ (*) въ Италіи. Мы его уже здѣсь не застали.—Посолъ нашъ (**) принялъ меня очень хорошо. Вчера былъ я у него на превеликой ассамблеѣ, гдѣ онъ посадилъ меня играть въ ломберъ съ дамами. Богъ благословилъ мое праведное оружіе, и я обыгралъ ихъ, какъ лучше не льзя. — Путешествіе наше начну между 15 и 20 нынѣшняго мѣсяца нашего стиля; а какъ въ дорогѣ мѣсяца довольно, то и считаю я быть у васъ между 15 и 20 іюля. — Отсюда, ѣхавъ въ Россію, останавливаться негдѣ. Я поѣду и день и ночь. Коляску купилъ я здѣсь очень хорошую, въ которой спать можемъ. Сказываютъ, что отъ Кракова до Москвы нѣтъ пристанища и съ нуждою питаться можно. Если найду здѣсь хорошаго повара, то возьму съ собою. Правду сказать, что отъ самой Венеціи было плохо. Удивительнѣе же всего то, что въ Вѣнѣ, столицѣ императорской, трактиры такъ мерзки, что гаже, нежели въ доброй деревнѣ. Теперь, матушка сестрица, мы считаемъ уже себя на нашемъ краю, потому что горы проѣхали. Въ сторонѣ, по которой

(*) Іосифъ II.
(**) Кн. Дмитрій Михайловичъ Голицынъ.

мы ѣхали, онѣ не высоки и съ Тирольскими нѣтъ сравненія. На горы поднимали насъ обыкновенно быки, которыхъ по шести къ лошадямъ припрягали. Быки очень способны тащить на гору: первое, для того что сильны, второе, что характера они упрямаго и такъ упираются, что кареты съ крутизны не допускаютъ ползти назадъ.

Изъ Венеціи до Штейермарка безпокоили насъ рѣки; то и дѣло, что переправы, а еще чаще переѣзды въ бродъ, такъ что передніе колеса въ воду уходили.—Отсюда, матушка, никакихъ вѣстей нѣтъ и о войнѣ съ голландцами ничего не говорятъ. Дай Богъ, чтобъ и чаще были миръ и тишина.—Всѣмъ нашимъ друзьямъ поклонъ. Княжнѣ Катеринѣ Семеновнѣ наше почтеніе; также и всѣмъ, кто удостоитъ насъ своимъ напоминаніемъ. За неоставленіе Клостермана (*) покорно благодарствую. Онъ пишетъ ко мнѣ, что въ Москвѣ тысячи на три продалъ. Я отправилъ къ нему со всячиною семнадцать большихъ ящиковъ; кажется, что тутъ мы съ нимъ свой счетъ найдемъ. Прости, матушка. Будьте всѣ здоровы и ждите насъ.

Приписка жены. Свидѣтельствую вамъ, милостивый государь батюшка, мое усерднѣйшее почтеніе. Мы оба, слава Богу, здоровы, такъ что дѣлаемъ нашу дорогу и продолжать ее будемъ безъ всякаго препятствія; а принимать бани Денису Ивановичу совѣтовалъ докторъ, чтобъ развести обструкціи, которыя иногда его безпокоятъ.—Вамъ, матушка сестрица, Ѳедосья Ивановна, и всѣмъ ближнимъ нашимъ приношу мое искреннее почтеніе.

Сей моментъ получили мы письма отъ 4 мая, за которыя приносимъ нижайшее благодареніе. Съ будущею почтою на нихъ отвѣтствовать будемъ.

LIV.

Баденъ, $^{12}/_{23}$ іюня 1785.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ изъ Вѣны, отъ $^{2}/_{13}$ сего мѣсяца, вы, милостивый государь батюшка, видѣть изволили, что послѣ жестокой моей болѣзни въ Римѣ остались еще у меня обструкціи, которыя славный здѣшній докторъ Столле совѣтовалъ мнѣ развести здѣшними банями. Мы теперь живемъ здѣсь недѣлю, но со дня нашего пріѣзда сюда время стоитъ такое скверное, какъ у насъ въ самую

(*) Фонъ-Визинъ въ эту поѣздку занимался коммерческими дѣлами, вмѣстѣ съ петербургскимъ купеческимъ домомъ Клостермана.

негодную осень, и я по несчастью былъ въ баняхъ одинъ только разъ. Вчера однако было хотя недолго солнце, сегодня тоже и ежели завтра дождя не будетъ, то пойду въ бани и принимать ихъ буду десять дней. Сердечно сожалѣю, что сія остановка продолжаетъ время моего возвращенія, но со всѣмъ тѣмъ считаю за крайнюю и необходимую нужду пособить себѣ въ разстроенномъ состояніи моего здоровья, когда уже сюда заѣхалъ и имѣю случай полѣчиться. Я увѣренъ, что вы, милостивый государь батюшка, и всѣ мои ближніе и друзья апробуете мою резолюцію воспользоваться здѣшними банями. По вычетамъ моимъ, если что нечаянное, Боже избави, опять не повстрѣчается, выѣду я изъ Вѣны до Петрова дня. Въ дорогѣ, ѣхавъ безостановочно до Москвы, довольно мѣсяца; слѣдственно все въ іюлѣ съ вами могу увидѣться. Мы оба нетерпѣливо ожидаемъ той счастливой минуты, въ которую увидимъ васъ въ добромъ здоровьѣ, обрадованныхъ нашимъ возвращеніемъ.

Тебѣ, другъ мой сердечный сестрица, Ѳ. И., скажу, что здѣшній климатъ гаже еще нашего. Подумай, что седьмой день стужа, дождь и вихри непрестанно насъ мучатъ, и что я хотя живу здѣсь для бань, но если бы и сего обстоятельства не было, то все за такою мерзкою погодою ѣхать бы не могъ: замучилъ бы и себя, и людей, и лошадей. Видно, что мы простились съ нынѣшнимъ лѣтомъ за горами и что больше его не увидимъ. Надобно думать, что сіе время и у васъ нехорошо. Мы живемъ здѣсь очень скучно. Лучшее здѣсь упражненіе должно быть бы гулянье, но какъ гулять въ грязи и подъ дождемъ, который ливьмя льетъ? Мы набрали изъ Вѣны книгъ, которыя всю нашу забаву составляютъ. Жена читаетъ, а я слушаю. Докторъ писать мнѣ не велитъ, и я сіе письмо пишу не вдругъ, а по маленьку. Сей самый резонъ мѣшаетъ мнѣ писать и къ графу Петру Ивановичу; со всѣмъ тѣмъ, также по маленьку, напишу и къ нему на будущей недѣлѣ. Въ разсужденіи моей пищи посадили меня на легкомъ: запретили мясо и вино. Ужинъ отнятъ у меня еще въ Римѣ. Одна отрада осталась та, что позволили мнѣ въ сутки выпивать по двѣ чашки кофе, да и тутъ жена много хлопочетъ, считая, что сіе позволеніе у доктора я выкланялъ, а не онъ самъ на это согласился. Съ нетерпѣніемъ желаю быть у васъ. Ласкаюсь, что природный климатъ, присутствіе любезныхъ

моихъ ближнихъ, образъ жизни, къ которому я привыкъ— что все сіе, дѣлая удовольствіе душѣ моей, поможетъ и тѣлу придти въ лучшее состояніе; ибо я предоставляю вамъ сказать на словахъ, что я въ Римѣ вытерпѣлъ, а на письмѣ огорчать васъ не хочу; но долженъ однако, мой другъ сестрица, то сказать, что слѣдствія моей болѣзни сдѣлали употребленіе бань необходимымъ, и я, побѣдивъ разсудкомъ неизрѣченное желаніе скорѣе всѣхъ васъ видѣть, рѣшился твердо недѣли двѣ пожертвовать моему выздоровленію, считая, что всѣ вы, мои друзья, одинакаго со мною мнѣнія, то есть, что лучше увидѣть меня недѣлю, другую попозже, да поздоровѣе. Скуку здѣшнюю раздѣляетъ со мною жена моя. Ея ко мнѣ дружба составляетъ все мое утѣшеніе. Она теперь хочетъ сама приписать къ вамъ поклонъ, который прошу и отъ меня сказать всѣмъ нашимъ друзьямъ.

Приписка жены. Къ превеликой досадѣ нашей, дурное время держитъ насъ здѣсь праздно нѣсколько дней, но какъ скоро Денисъ Ивановичъ приниманіе бань окончитъ, то повѣрьте, милостивый государь батюшка, что мы тотчасъ уѣдемъ и нигдѣ уже не замѣшкаемся. Приношу вамъ, милостивый государь батюшка, мое нижайшее почтеніе; тоже и вамъ, матушка сестрица, Ѳедосья Ивановна, прося покорно поклониться и всѣмъ нашимъ ближнимъ.

LV.

Вѣна, мая, 1785 (*).

Римъ оставилъ я въ исходѣ апрѣля и былъ во всѣхъ тѣхъ городахъ, о коихъ предувѣдомлялъ васъ въ планѣ моего возвратнаго вояжа. Въ Вѣну пріѣхалъ я въ весьма разстроенномъ состояніи моего здоровья. Слабость нервовъ и онѣмѣніе лѣвой руки и ноги, оставшіяся послѣ жестокой моей въ Римѣ болѣзни, вывели меня изъ терпѣнія, такъ что я принужденъ былъ прибѣгнуть къ славному вѣнскому медику, Столю, и искать помощи въ его лекарствѣ. Онъ, между прочими лекарствами, предписалъ мнѣ принимать теплыя бани въ Баденѣ, городкѣ, отстоящемъ на три мили отъ Вѣны, гдѣ я живу уже двѣ недѣли, ласкаясь надеждою пріі-

(*) Такъ напечатано въ изд. Бекетова, но судя по содержанію письма должно полагать, что оно писано изъ Бадена, около $^{19}/_{30}$ іюня, и притомъ едва ли къ сестрѣ (ср. письмо LIII).

ѣхать въ Москву хотя нѣсколько здоровѣе, нежели доѣхалъ до Вѣны. Сіе обстоятельство тѣмъ для меня чувствительнѣе, что на нѣсколько отдаляетъ время моего возвращенія.

Краткое пребываніе мое въ городахъ, которые проѣзжалъ; время, занятое осматриваніемъ въ нихъ достопамятныхъ вещей, а паче всего чувство болѣзни, которая ни на часъ меня не покидаетъ, были причиною, что я такъ давно не писалъ къ вамъ. Зная мою душевную къ вамъ привязанность, надѣюсь, что и сами вы не припишите молчаніе мое другой причинѣ.

Изъ Рима ѣхалъ я чрезъ Лоретто, городокъ почти на самомъ берегу Венеціянскаго залива, славный иконою Богоматери, которую, по преданію, со всѣмъ домомъ изъ Назарета принесли ночью ангелы и поставили на томъ мѣстѣ, на которомъ храмъ воздвигнутъ. Невозможно описать, какими суевѣрными глазами пріѣзжающіе смотрятъ на всѣ святыя вещи и съ какимъ лицемѣрнымъ благоговѣніемъ попы ихъ показываютъ!

Въ началѣ будущаго мѣсяца я кончу бани и немедленно выѣду изъ Вѣны. Чѣмъ болѣе приближаюсь къ отечеству, тѣмъ нетерпѣливѣе хочу въ него возвратиться. Ласкаюсь, что сіе письмо не многимъ предупредитъ самого меня и что въ скоромъ времени надѣюсь увидѣть всѣхъ васъ здоровыхъ и благополучныхъ.

LVI.

Баденъ, $\frac{24\ іюня}{5\ іюля}$ *1785.*

Продолжавшееся здѣсь десять дней весьма дурное время мѣшало мнѣ принимать бани; но съ $^{16}/_{27}$ іюня принимаю я ихъ порядочно и хожу въ водѣ по два часа каждое утро. Докторъ мой велѣлъ мнѣ пятнадцать разъ быть въ банѣ; слѣдовательно осталось мнѣ принять шесть бань, то есть, шесть дней жить въ Баденѣ. Сіе обстоятельство меня и жену мою очень огорчаетъ, ибо мы должны будемъ выѣхать въ концѣ іюня, слѣдовательно не прежде пріѣхать какъ въ августѣ. Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ Вѣны напишу еще письмо къ вамъ, дабы вы изволили знать, когда мы выѣдемъ изъ Вѣны и когда насъ ждать можно будетъ. Къ тебѣ, матушка другъ мой сердечный сестрица, писать болѣе не о чемъ, какъ развѣ о нестерпимой скукѣ, въ ко-

торой мы живемъ въ Баденѣ. Людей здѣсь много, но все больные. У инаго подагра въ брюхѣ, инаго параличъ разбилъ, у иной судорога въ желудкѣ, иная кричитъ отъ ревматизма. Вообрази себѣ, что такое баня: въ шесть часовъ поутру входимъ мы въ залу, наполненную сѣрною водою по горло человѣку. Мужчины и женщины всѣ вмѣстѣ и на каждомъ длинная рубашка, надѣтая на голое тѣло. Сидимъ и ходимъ въ водѣ два часа. Правду сказать, что благопристойности тутъ немного и что жена моя со стыда и глядѣть на насъ не хочетъ; но что дѣлать? Мы всѣ какъ на томъ свѣтѣ: стыдъ и на мысль не приходитъ. Всякій думаетъ, какъ бы вылѣчиться, и мужчина передъ дамою, а дама передъ мужчиною въ однѣхъ рубашкахъ стоятъ безъ всякаго зазрѣнія. Сперва приторно мнѣ было въ одномъ чану купаться съ людьми, которые больны, Господь вѣдаетъ, чѣмъ; но теперь къ этому привыкъ и знаю, что свойство сѣрной воды ни подъ какимъ видомъ не допуститъ прилипнуть никакой болѣзни. Сверхъ же того зала такъ учреждена, что съ одной стороны вода непрестанно выливается, а съ другой свѣжая втекаетъ. Вотъ, мой сердечный другъ, какъ я провожу всякій день: поутру, выпивъ кофе, передъ которымъ за полчаса принимаю лекарство, надѣваю свою длинную рубашку и въ банѣ купаюсь два часа; потомъ отдыхаю, потомъ прогуливаюсь въ аллеѣ. Послѣ обѣда хожу къ своимъ товарищамъ, съ которыми принимаю бани, а въ шесть часовъ ввечеру всѣ ходимъ гулять; буде же время дурно, то въ нѣмецкую комедію. Изъ Вѣны взяли мы сюда много книгъ, которыя скуку нашу разгоняютъ. Прости, мой сердечный другъ сестрица! Всѣмъ нашимъ кланяйся.

4) Изъ третьяго путешествія.

LVII.

Вѣна, $\frac{23\ января}{3\ февраля}$ 1787.

Уже давно, матушка сестрица, Ѳедосья Ивановна, не имѣю я отъ тебя и ни отъ кого изъ моихъ ближнихъ ни одной строки. Пожалуйте, пишите почаще и побольше, а мы во ожиданіи весны живемъ помаленьку въ Вѣнѣ. Какъ же скоро настанетъ весна и я получу деньги, то немедленно по-

ѣду долѣчиваться въ Карлсбадъ. Благодарю Бога, я великую имѣю надежду къ выздоровленію. Рукѣ, ногѣ и языку гораздо лучше и я сталъ толще. Ожидаю Клостермана; онъ видѣлъ меня въ Москвѣ и увидитъ здѣсь; слѣдственно лучше всего онъ сравнить можетъ тогдашнее мое состояніе съ настоящимъ. Ласкаюсь, что найдетъ онъ превеличайшую разность. Ты, матушка, въ одномъ письмѣ своемъ спрашивала меня о діэтѣ. Скажу тебѣ, что мнѣ запрещено все масляное и тяжелое; впрочемъ, все дозволено. Мы здѣсь въ пансіонѣ у одной женщины, которая показываетъ намъ многія одолженія и которая за обѣдъ и ужинъ беретъ съ насъ очень умѣренно.

По написаніи сего, получилъ я письмо твое, въ которомъ ты, матушка, безпокоишься о рѣдкости моихъ писемъ, но я всякій мѣсяцъ пишу по крайней мѣрѣ два раза; кажется, матушка, это гораздо чаще, нежели вы ко мнѣ пишете. Къ графу Петру Ивановичу, пожалуй, письмо мое запечатай братниной печатью и доставь ему скоро и вѣрно.

Увѣдомленія твои о вашихъ спектакеляхъ мнѣ очень пріятны. Продолжай ихъ, матушка. Княжна Долгорукова при мнѣ еще сговорена была за Ефимовскаго (*); нѣтъ ли у васъ чего поновѣе?

Писать, матушка, больше нечего. Съ нетерпѣніемъ ожидаю весны, чтобы уѣхать изъ Вѣны, гдѣ мнѣ очень надоѣло и гдѣ очень скучно.

«Впрочемъ благодарю Бога, что имѣю съ кѣмъ раздѣлить скуку, ибо моя Катерина Ивановна дѣлаетъ все, что можетъ, для моего успокоенія».

«Прости, матушка. Всѣмъ нашимъ поклонъ.»

Приписка жены. Благодарю васъ, матушка Ѳедосья Ивановна, за ваше приписаніе; а что вы рѣдко письма наши получаете, тому причину не понимаю: мы къ вамъ пишемъ часто. Свидѣтельствую вамъ мое искреннее почтеніе и прошу о томъ же увѣрить всѣхъ нашихъ ближнихъ.

«Аннѣ Алексѣевнѣ наше почтеніе» (**).

(*) Кн. Анна Михайловна Долгорукая (1765 — 1798), сестра писателя кн. Ив. Мих. и дочь гв. капитана и почетнаго опекуна кн. Мих. Ивановича. Гр. Петръ Андреевичъ Ефимовскій р. 1765, ум. 1826 г. въ чинѣ маіора.

(**) Это письмо и слѣдующее, отъ 11 февраля, писаны рукою жены Фонъ-Визина, за исключеніемъ маленькихъ приписокъ его руки, отмѣченныхъ въ текстѣ вносными знаками.

LVIII.

Вѣна $^{11}/_{22}$ *февраля 1787.*

Письмо твое, матушка сестрица, Ѳедосья Ивановна, «отъ 4-го января» я получилъ. Здѣсь сегодня послѣдній день масляницы, а мы отправляемъ великій постъ; ужъ два дни говѣемъ; только мой постъ плохъ: рыба мнѣ дѣлаетъ запоры. Священникъ и докторъ разрѣшили меня ѣсть мясо; и подлинно, матушка, дунайская рыба съ нашею несравненна, да и готовятъ ее здѣсь дурно. Впрочемъ, матушка, ожидаю весны, чтобъ скорѣе поѣхать къ водамъ, на которыя полагаю мою надежду. Богъ милостивъ! Неужели мнѣ суждено вѣчно оставаться въ настоящемъ состояніи. Всѣ мои здѣшніе пріятели увѣряютъ меня въ моемъ выздоровленіи. На сихъ дняхъ ѣдетъ отсюда прямо въ Москву князь Михайло Петровичъ Голицынъ (*) съ гувернеромъ своимъ господиномъ Экелемъ. Съ симъ послѣднимъ посылаю коробокъ, адресованный на имя дядюшки Матвѣя Васильевича. Въ семъ коробкѣ положены четыре мои портрета восковые: одинъ для дядюшки, другой для графа П. И., третій для тебя, матушка; четвертый гипсовый для сестеръ. Мнѣ хотѣлось, чтобъ вы имѣли идею: каковъ я теперь; а портретъ очень похожъ. Благодарю Бога, кажется становлюсь я гораздо лучше. Клостермана ждемъ. Какъ скоро его въ Италію отправимъ, такъ скоро, немедля, поѣду въ Карлсбадъ. Оттуда всегда и регулярно будете имѣть увѣдомленіе объ успѣхѣ, съ которымъ принимать буду тамошнія воды. «Послѣ завтра буду исповѣдываться. У всѣхъ васъ, какъ и должно, прошу христіанскаго прощенія всѣхъ нашихъ пороковъ.»

Приписка жены. Вамъ, матушка Ѳедосья Ивановна, и всѣмъ нашимъ ближнимъ приношу мое усердное почтеніе.

LIX.

Карлсбадъ, $^{3}/_{14}$ *мая 1787.*

Чѣмъ ближе подходитъ время къ моему избавленію изъ Карлсбада, матушка сестрица, Ѳедосья Ивановна, тѣмъ больше сердце мое огорчается тѣмъ, что не имѣю способа съ

(*) Сынъ генералъ-поручика Петра Михайловича (р. 1788, уб. 1775), роднаго брата князей Александра (вице-канцлеръ), Михаила и Дмитрія Михайловичей, о которыхъ упоминается на стр. 863 — 864.

чѣмъ возвратиться. Не знаю, писалъ ли графъ Петръ Ивановичъ къ намѣстнику бѣлорусскому (*) и заняты ли деньги въ Петербургѣ. Истинно, чѣмъ жить не имѣю. Сегодня будетъ у меня консиліумъ. Теодора ссудила меня чѣмъ заплатить эскулаповъ. Излѣченіе мое много останавливается несчастіемъ моего положенія. Не можно ли, матушка, какъ нибудь достать мнѣ денегъ тысячи три рублевъ, прислать какъ наискорѣе. Я бы выѣхалъ отсюда на другой же день по полученіи денегъ. На сей почтѣ я къ графу не пишу, опасаясь надокучить. Брату (**) и всѣмъ нашимъ поклонъ. «Прости, матушка, цалую твои ручки» (***).

(A madame madame Argamakoff à Moscou. Ѳедосіи Ивановнѣ Аргамаковой въ Москвѣ).

LX.

Карлсбадъ, $\frac{27\ мая}{7\ іюня}$ *1787.*

Къ великому огорченію моему, матушка сестрица, Ѳедосья Ивановна, не имѣю я отвѣта отъ графа на мое пренужное письмо, ниже отъ тебя ни одной строки, въ разсужденіи моихъ крайнихъ обстоятельствъ. Поздравляю тебя, матушка, съ завтрашнимъ днемъ именинъ твоихъ, а брата Павла Ивановича со днемъ рожденія. Я положилъ $^{2}/_{13}$ выѣхать изъ Карлсбада въ Трентчинъ, гдѣ пробывъ недѣли три или много четыре, поѣду прямо въ Россію, чтобъ въ августѣ увидѣться съ вами. Но сіе, безъ помощи денегъ, есть дѣло невозможное. Я не знаю еще какъ мнѣ отсюда выѣхать; я конечно въ Трентчинъ охотно бы не поѣхалъ, но ѣду за тѣмъ, чтобъ послѣ самому себѣ не упрекать, пропустя случай возвратить руку, ногу и языкъ, безъ чего истинно жизнь моя мнѣ въ тягость. Надѣюсь, что карлсбадскія воды меня очень хорошо очистили и къ трентчинскимъ банямъ приготовили.

(*) Генералъ-губернаторомъ Могилевскаго и Полоцкаго намѣстничествъ тогда былъ генералъ-аншефъ, сенаторъ и камергеръ Петръ Богдановичъ Пассекъ.

(**) Павелъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ былъ въ это время директоромъ московскаго университета, въ чинѣ дѣйств. ст. совѣтника.

(***) Это письмо и слѣдующее, кромѣ отмѣченныхъ вносными знаками приписокъ Фонъ-Визина, писаны неизвѣстною рукою.

Здѣсь, матушка, людей превеликое множество: по сіе число пріѣхало 56 фамилій и всякій день пріѣзжаютъ великое множество. Если бъ я здоровъ былъ, то было бы мнѣ очень весело. Сожалѣю только, что изъ русскихъ никого нѣтъ. Въ будущую середу разстанусь съ Карлсбадомъ. Въ Вѣнѣ больше трехъ дней не останусь. Боже дай, чтобъ трентчинское мое путешествіе было мнѣ полезно, и чтобы меня въ августѣ увидѣли здороваго. «ПрошуБога, чтобъ я васъ всѣхъ нашелъ здоровыхъ и благополучныхъ. Прости, матушка сестрица, Ѳедосья Ивановна.»

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА.

I. Изъ журнала путешествія въ Вѣну.

Москва, $^{13}/_{24}$ *іюня 1786.*

Совѣтъ вѣнскаго моего медика Столя и мучительная электризація, которою меня безполезно терзали, рѣшили меня поспѣшить отъѣздомъ въ чужіе краи и избавиться Москвы, которая стала мнѣ ненавистна. Сія ненависть такъ глубоко въ сердцѣ моемъ вкоренилась, что, думаю, по смерть не истребится. Словомъ, будучи въ тяжкой болѣзни и съ растерзаннымъ горестію сердцемъ, выѣхалъ я изъ Москвы въ субботу послѣ обѣда, въ половинѣ осьмаго часа. Къ ночи пріѣхали мы въ Пахру, гдѣ въ каретѣ ночевали.

14. Выѣхавъ изъ Пахры рано, остановились мы поутру пить кофе въ деревнѣ Мощь; изъ кареты не выходили; обѣдали въ деревнѣ Чернишной; ночевали въ деревнѣ Башмаковкѣ. Весь день я страдалъ болѣе душевно, нежели тѣлесно.

15. Къ обѣду пріѣхали въ Калугу, гдѣ едва могли найти пристанище: насилу отвели намъ квартиру въ домѣ двухъ дѣвушекъ, во дняхъ своихъ заматерѣвшихъ. Онѣ накормили насъ яичницею, которую я принужденъ былъ ѣсть, не взирая на запрещеніе доктора Гениша. Хозяйки мои назывались Татьяна Петровна и Марѳа Петровна В. Меньшая великая богомолка и во время нашей трапезы молилась за меня, громогласно вопія: «Спаси его, Господи, отъ скорби, печали и западной смерти!» Скорбь и печаль я весьма разумѣлъ, ибо въ Москвѣ и то, и другое терпѣлъ до крайности; но западной смерти не понималъ. По нѣкоторомъ объясненіи нашелъ я, что Марѳа Петровна въ словѣ ошиблась, и вмѣсто: отъ внезапной, врала отъ западной смерти. Послѣ обѣда набрело

гостей премножество и одна гостья играла роль предвѣщательницы. Устремя на меня свои буркалы, говорила мнѣ жалкимъ тономъ:—ты не жилецъ, батюшка! — «Вотъ на!» отвѣчалъ я ей, «я еще тебя переживу.» — Нѣтъ, батюшка, продолжала она, тебѣ не доѣхать, куда ѣдешь.—Такое непріятное предвѣщаніе и слезы жены, слышавшей нашу бесѣду, сдѣлали языкъ мой еще тупѣе, и я не могъ продолжать разговора. Отобѣдавъ, выѣхали мы тотчасъ отъ сихъ калужскихъ дуръ. Остановились въ деревнѣ Бряниховѣ, гдѣ рвало меня безъ милосердія и гдѣ чуть-было не пришла ко мнѣ и въ правду не западная, но внезапная смерть; а какъ кромѣ кареты дѣваться было некуда, то и рѣшились мы всю ночь ѣхать, и 16-го поутру привезли меня, въ прежестокомъ жару, въ городъ Лихвинъ. Хотя московскій мой врачъ, филологъ и мартинистъ, увѣрялъ меня, что по дорогѣ, кромѣ кузнецовъ, лекарей никакихъ нѣтъ, однако въ Лихвинѣ сыскали мнѣ лекаря, Ѳедора Ивановича Нетерфельда, который пустилъ мнѣ тотчасъ кровь поискуснѣе самого филолога. Послѣ кровопусканія жаръ уменьшился и я расположился ночевать въ домѣ мѣщанина Ивана Мельникова.

17. Поутру лекарь нашелъ меня въ состояніи выѣхать изъ Лихвина, что я и сдѣлалъ пополудни въ шестомъ часу. Подъѣзжая къ Бѣлеву, сдѣлался мнѣ прелютѣйшій обморокъ. Бѣдная жена, Теодора и люди, видя меня безъ всякаго чувства, боялись, не умеръ ли я; но, Богу благодареніе, я опамятовался и всѣ, окружающіе меня, утѣшились. Пріѣхавъ въ Бѣлевъ, по счастію, попалась намъ хорошая квартира у Ильи Семеновича Азарова, гдѣ я 18-го весь день отдыхалъ, принималъ Генишевъ порошокъ; а.

19-го поутру въ десять часовъ выѣхали изъ Бѣлева; обѣдали на полѣ. На все способная Теодора сдѣлала похлебку и жаркое. Ночевать пріѣхали въ Болховъ и стали у мѣщанина Гаврилы Кличина.

20. Изъ Болхова выѣхали въ семь часовъ поутру; обѣдали въ селѣ Глотовѣ, что могла приготовить Теодора. Ночевать пріѣхали въ Карачевъ и стали у купца Масленикова. Онъ имѣетъ на глазу шишку съ кулакъ. Увидя меня безъ руки, безъ ноги и почти безъ языка, сожалѣлъ онъ, что я имѣю болѣзнь, которая дѣлаетъ меня столь безобразнымъ. «Правда», отвѣчалъ я, «однако я моимъ состояніемъ

не промѣняюсь на ваше. Мнѣ кажется, что на глазу болона, которую вы носите, гораздо безобразнѣе хромоты и прочихъ моихъ несчастій». Не описываю далѣе моей съ нимъ бесѣды; но изъ нея заключаю, что онъ болону свою носитъ весьма великодушно, и что всякій человѣкъ хочетъ, какъ можно, извинить свои недостатки.

21. Отправилъ въ Москву почту. Брился у пьянаго солдата, который содралъ-было съ меня кожу. Великая бѣда, кто самъ въ дорогѣ бриться не умѣетъ! Обѣдали въ Карачевѣ; выѣхали изъ него въ семь часовъ вечера и всю ночь ѣхали.

22. Въ селѣ Чаянкѣ остановились пить кофе. Обѣдали въ селѣ Радощахъ сарачинское пшено съ молокомъ. Тутъ сдѣлали мнѣ въ каретѣ постель; я легъ и всю ночь ѣхали очень безпокойно.

23. Поутру пріѣхали въ городъ Сѣвскъ и стали у Петра Васильева Волкова. Теодора изготовила намъ изрядный обѣдъ. Въ четвертомъ часу мы оттуда выѣхали, и ввечеру остановились у перваго малороссійскаго постоялаго двора, гдѣ и ночевали.

24. Около обѣда пріѣхали въ Глуховъ и стали было у попа; но какъ квартира была плоха, то перевезли насъ къ Ивану Ѳеодоровичу Гум.... Онъ съ женою своею, Маѳеою Григорьевною, суть подлинные Простаковы изъ комедіи моей Недоросль. Накормили насъ изрядно, да и во всей Малороссіи ѣдятъ хорошо. Весь день пробыли мы у нихъ въ превеликой скукѣ.

25. Хозяева дали намъ обѣдъ преизрядный. Цѣлый день принуждены мы были остаться въ Глуховѣ за мытьемъ бѣлья.

26. Поутру бѣлье сохло, а между тѣмъ отправилъ я въ Москву почту. Обѣдали очень хорошо.

27. Подаривъ Гум.....пять червонныхъ, да людямъ его два червонныхъ, кои госпожа Простакова тотчасъ вымучила у бѣдныхъ людей своихъ, поутру выѣхали мы изъ Глухова; обѣдали въ каретѣ, въ деревнѣ Туліголова, а ввечеру пріѣхали въ мѣстечко Алтыновку и стали у купца Сѣдельникова. Тутъ познакомился я съ офицеромъ Глуховскаго полка, Кнорринговъ, и его женою. Ужинали и ночевали здѣсь же.

28. Поутру въ семь часовъ выѣхали. Къ обѣду пріѣхали

въ городъ Батуринъ и стали у жидовки. Она женщина пожилая и знаменита своимъ гостепріимствомъ; накормила насъ малороссійскимъ кушаньемъ весьма хорошо. Послѣ обѣда мы выѣхали благополучно и къ ночи пріѣхали въ городъ Борзну, гдѣ стали въ домѣ дьякона; ужинали тутъ и ночевали.

29. Поутру былъ у меня съ визитомъ полковникъ Перетъ, который сожалѣніемъ своимъ, видя меня въ такомъ жестокомъ состояніи, растрогалъ меня до крайности. Послѣ обѣда въ два часа мы выѣхали и къ ночи пріѣхали въ Нѣжинъ. Больше часа шатались мы по улицамъ, не находя квартиры. Въ разсужденіи сего русскіе города не имѣютъ никакого еще устройства: ибо весьма въ рѣдкихъ находятся трактиры, и то негодные. Наконецъ пустилъ насъ къ себѣ грекъ Антонъ Архитекторовъ, у котораго мы и ночевали.

30. Обѣдали въ Нѣжинѣ изрядно. Тутъ встрѣтили мы цесарцевъ, ѣдущихъ въ Петербургъ съ посудою. Послѣ обѣда выѣхали изъ Нѣжина; ночевали въ мѣстечкѣ Лазарѣ. За неимѣніемъ квартиры спали въ каретѣ, хотя ночью была немалая гроза.

1 *іюля*. Поутру рано выѣхавъ, обѣдали въ городѣ Козельцѣ у одного грека въ трактирѣ весьма скверно.

2. Въ Семиполкахъ встрѣтили мы графиню Катерину Васильевну (*). Свиданіе наше было весьма жалостное. Она плакала, видя меня въ столь жестокомъ состояніи, а я отъ слезъ слова промолвить не могъ. Ночевать пріѣхали въ Бровары; спали въ каретѣ. Бровары есть послѣдняя деревня до Кіева и принадлежала Лаврѣ. Здѣсь прежде отъ монаховъ оказываемо было всевозможное гостепріимство пріѣзжающимъ въ Кіевъ богомольцамъ; но мы пріѣхали послѣ отнятія деревень отъ Лавры и, слѣдственно, были свидѣтелями одного токмо негодованія.

3. Цѣлое утро ѣхали песками, насилу къ обѣду дотащились до Кіева. Стали противъ монастыря Николаевскаго, въ домѣ перевозчицы Ульяны Ефремовны Турчаниновой. Старуха предобрая, но личико измятое. Весь день были дома.

4. Поутру былъ у меня съ визитомъ кіевскій почтмейстеръ Андріянъ Павловичъ Волховской. Послѣ обѣда, на-

(*) Гр. К. В. Скавронская, рожденная Энгельгардтъ, племянница Потемкина, впослѣдствіи графиня Литта.

нивъ карету и лошадей, ѣздилъ я съ женою въ Печерскій монастырь. Соборная церковь прекрасна, но весьма далеко отстала отъ римской церкви святаго Петра; оттуда ѣздили мы въ монастырь Софійскій, гдѣ нашелъ я нѣсколько мозаичной работы.

5. Поутру жена съ хозяйкою ѣздила въ пещеры, а я отправлялъ назадъ провожавшаго меня изъ Москвы почтальона.

6. Поутру жена ѣздила съ хозяйкой въ дальнія пещеры, а потомъ со мною въ ближнія. Взятая со мною кибитка совсѣмъ развалилась; я принужденъ былъ купить вмѣсто ее маленькую фуру. Не описываю пещеръ, ибо есть печатное онымъ описаніе, но могу сказать, что онѣ вселяютъ въ душу благоговѣніе. Послѣ обѣда ѣздили мы въ Михайловскій монастырь великомученицы Варвары, гдѣ служили молебенъ. Оттуда ѣздили въ монастырь Флоровскій, гдѣ обитаютъ благородныя монахини. Ввечеру посѣтилъ меня старый мой знакомецъ, Иванъ Григорьевичъ Туманскій (*).

7. Поутру ѣздила жена къ обѣднѣ въ Печерскій монастырь; послѣ обѣда былъ у насъ Туманскій и мы ѣздили прогуливаться по городу. Ввечеру почтальонъ отправился въ Москву.

8. Сей день назначили-было мы къ выѣзду изъ Кіева, но сильный дождь воспрепятствовалъ. Послѣ обѣда въ первый разъ ѣли вишни.

9. Поутру жена ѣздила съ хозяйкою къ обѣднѣ въ Печерскій монастырь; потомъ оба мы были въ Богословскомъ монастырѣ. Сей монастырь женскій, для монахинь низкаго состоянія. Послѣ обѣда ѣздили мы въ послѣдній разъ въ монастырь Богословскій и положили завтра изъ Кіева выѣхать.

10. Поутру пожаловала къ намъ Анна Николаевна Энгельгардтъ, родная сестра Ивана Николаевича Корсакова (**). Она прошлаго года ѣздила съ мужемъ въ Карлсбадъ. Обо-недшись съ нами весьма дружески, дала наставленіе во всемъ, что намъ знать было надобно въ разсужденіи Карлс-

(*) Губернскій прокуроръ въ счетной экспедиціи казенной палаты въ кіевскомъ намѣстничествѣ.

(**) И. Н. Римскій-Корсаковъ, бывшій любимецъ императрицы, послѣ удаленія отъ двора Зорича (1778).

бада. Передъ обѣдомъ въ 11 часовъ выѣхали мы изъ Кіева и до Василькова, то-есть тридцать три версты, тащились ровно четыре часа. Въ Васильковѣ, бывъ осмотрѣны таможнею безъ всякой обидной строгости, выѣхали за границу и я возблагодарилъ внутренно Бога, что Онъ вынесъ меня изъ той земли, гдѣ я страдалъ столько душевно и тѣлесно.

Переѣхавъ за границу, мы очутились вдругъ въ странѣ Іудейской. Кромѣ жидовъ, до самой Варшавы мы почти ни кого не видали. Всѣ селенія набиты сими плутами и я въ первый разъ вознегодовалъ внутренно на то, что такіе бездѣльники, бывъ вытащены изъ Египта отъ работы, пустились въ праздности шататься по свѣту и обманывать добрыхъ людей...

II. Изъ журнала пребыванія въ Карлсбадѣ.

25 марта (*5 апрѣля 1787 г.*) Выѣхавъ поутру рано, сдѣлали слишкомъ двѣ почты, и остановились обѣдать въ Шёнграбенѣ. Обѣдъ былъ довольно плохъ, но для страстной недѣли изряденъ; по крайней мѣрѣ рыбу вездѣ находимъ сносною. Здѣсь хозяинъ въ утѣшеніе сказывалъ мнѣ о многихъ возвращающихся изъ Карлсбада совершенно исцѣленными отъ параличной болѣзни... Ночевать пріѣхали въ городъ *Знаимъ*, въ трактирѣ *Роза*; тутъ увидѣли мы русскаго дворянина Бартенева, который весьма желаетъ въ Россію возвратиться, но не имѣетъ 80 гульденовъ на выкупъ. Я подарилъ ему червонной, ибо больше денегъ не было.

28 марта (*8 апрѣля*). [redacted] и началъ примѣчать, что извощикъ мой за одно съ хозяевами, и что всѣ свои издержки меня платить заставляетъ. Пособить сему нечемъ, кромѣ того, что я впередъ на фурманахъ никогда ѣздить не буду и если можно—никогда и въ Богемію не поѣду; ибо народъ весьма дурной, и притомъ столь же въ немъ мало правды, сколько между польскими жидами. Здѣсь договоръ словесный никакой силы не имѣетъ; смотрятъ на нужды и по тому размѣряютъ свои претензіи. Обѣдъ былъ сносный. Послѣ обѣда, сдѣлавъ 2 почты, пріѣхали въ Тейгбродъ, гдѣ все мѣстечко нашли занято солдатами, такъ что мы едва могли сыскать для ночеванія комнату, и то безъ окошекъ, за которую и за самый голодный ужинъ договорился я 5 гульденовъ.....

Приходила къ намъ дѣвушка 18 лѣтъ, имѣющая со мною одинаковое несчастіе—параличъ отнялъ у нея руку и ногу. Бѣдность не допустила ее лечиться, а какъ сія болѣзнь пришла къ ней на 2-мъ году ея возраста, то въ 14 лѣтъ такъ она застарѣла, что рука и нога, можно сказать, высохли. Мы подали ей сколько могли милостину, и я былъ бы радъ везти ее съ собою въ Карлсбадъ, если бы имѣлъ надежду къ ея излѣченію.

19 (30) апрѣля. Вставъ поутру, пилъ я воды 10 стакановъ и одну порцію соли, теръ затылокъ спиртомъ; былъ Грубберъ (медикъ). Послѣ обѣда велѣлъ я себя носить въ портшезѣ и гулялъ по всему Карлсбаду.

20 апрѣля (1 мая). Смотрѣли мы свадебную церемонію здѣшняго мѣщанина. Послѣ обѣда носили меня на портшезѣ гулять, но дождь скоро погналъ домой.

27 апрѣля (8 мая). Докторъ... водилъ насъ въ нѣмецкую комедію, гдѣ познакомились мы съ пріѣхавшимъ изъ Силезіи маіоромъ Массовымъ и его женою, которая лицемъ походитъ на А. И. Бутурлину. Въ чужихъ краяхъ то по крайней мѣрѣ утѣшительно, что если своихъ рѣдко встрѣчаешь, то часто находишь сходство на людей, съ коими въ отечествѣ былъ въ нѣкоторой связи. Комедія была очень дурна, играли дурно, мы вышли послѣ 1-го акта.

3 *(14) мая.* Видѣли мимошедшую большую процессію для благословенія полей.

10 (21) мая. Всѣ пошли, а меня понесли гулять по аллеѣ; оттуда мы со всею компаніею ходили въ театръ смотрѣть маріонетовъ.

13 (24) мая. Я ходилъ гулять и видѣлъ пробу завтрашняго праздника, который графъ Тунъ даетъ для рожденія баронессы Гейльбергъ, любовницы принца Нассау.

21 мая (1 іюня). Былъ у маіора, который съ женою поѣхалъ домой изъ Карлсбада; я прощался съ ними со слезами, ибо люди весьма добрые. Въ путешествіи случается часто та непріятность, что, съ кѣмъ-нибудь познакомясь хорошенько и нажившъ добрыхъ пріятелей, надобно разставаться, можетъ—и на вѣкъ. Всякое таковое разставаніе весьма прискорбно для чувствительнаго сердца. Они поѣхали въ Силезію, а я ѣду въ Россію; неизвѣстно, приведетъ ли Богъ еще увидѣться съ сими честными людьми.

Воскресенье, 23 мая 1787. Вставъ поутру, выпилъ я де-

сять стакановъ эгерской воды. Носили меня въ аллею, гдѣ я имѣлъ удовольствіе слышать дочь фельдмаршальши Гартенбергъ, читающую очень хорошо моего «Недоросля» (въ переводѣ на нѣмецкомъ языкѣ) въ присутствіи ея матери и прекрасной дѣвицы Боденгаузенъ (*).

Среда, 2 іюня. Послѣ обѣда Сёмка надѣлалъ мнѣ грубости и насилу согласился ѣхать. Онъ сдѣлалъ намъ ту милость, что не остался въ Карлбадѣ ходить по міру.

Среда, 9 іюня. Ввечеру въ семь часовъ пріѣхали благополучно въ Вѣну. Насъ провезли прямо въ таможню, гдѣ больное мое состояніе принудило осмотрщиковъ поступить со мною весьма снисходительно.

Четвергъ, 10 іюня. Я ходилъ къ графинѣ Малоховской: старушка предобрая, но личико измятое. Въ обѣдъ были у меня Полетика и Кудрявскій (**).

Четвергъ, 22 іюля. Поутру Сёмка формально объявилъ мнѣ, что возвращаться со мною не хочетъ. Ходилъ я въ баню въ шестидесятый, то-есть въ послѣдній разъ.

Среда, 28 іюля. Поутру позавтракавъ, выѣхали; проѣзжали Кенти, обѣдали въ Водовичъ. На дорогѣ сдѣлалась мнѣ ужасная тоска. Бѣдная жена моя испугалась, видя, что я вдругъ побѣднѣлъ; примѣтя же, что у меня индижестія, велѣла въ первой деревнѣ сварить Генишева чаю.

Среда, 18 августа. Пріѣхали въ Кіевъ. У самыхъ кіевскихъ воротъ попался намъ незнакомый мальчикъ, который захотѣлъ показать намъ трактиръ. Итакъ мы съ нимъ отправились, а въ слѣдъ за нами догоняла насъ туча, у самыхъ воротъ трактира насъ и достигла. Молнія блистала всеминутно; дождь ливьмя лилъ. Мы стучались у воротъ тщетно: ни кто отпереть не хотѣлъ, и мы, простоявъ больше часа подъ дождемъ, приходили въ отчаяніе. Наконецъ вышелъ на крыльцо хозяинъ и закричалъ: «Кто стучится?» На сей вопросъ провожавшій насъ мальчикъ кричалъ: «От-

---

(*) Изъ Вѣны Фонъ-Визинъ писалъ, отъ 24 марта 1787, по-французски къ Клостерману-отцу: «Сего дня отъѣзжаетъ отсюда русскій извощикъ, именемъ Червонный. Посылаю вамъ съ нимъ два ящика: одинъ съ моимъ старымъ платьемъ и книгами, а другой съ нѣмецкимъ переводомъ комедіи моей. Прошу продавать ее въ книжныхъ лавкахъ сына вашего по пятидесяти копѣекъ, удерживая десять копѣекъ за комиссію.

(**) Григорій Ивановичъ Полетика совѣтникъ посольства въ Вѣнѣ, а Аѳанасій Кудрявскій переводчикъ при посольствѣ.

воряй: родня Потемкина!» Лишь только произнесъ онъ сію ложь, въ ту минуту ворота отворились, и мы въѣхали благополучно. Тутъ почувствовали мы, что возвратились въ Россію.

Понедѣльникъ, 23 августа. Я съ женою ѣздилъ въ Печерскую къ обѣдни. Послѣ обѣда были у меня архіерей Викторъ и софійскій протопопъ Леванда (*), которые сидѣли до ужина.

Суббота 28 августа. Пріѣхали въ Черниговъ. Жена ходила къ обѣдни и служила молебенъ завтрашнему дню Усѣкновенія честныя главы Іоанна Предтечи: ибо въ этотъ день, тому два года назадъ, убилъ меня въ Москвѣ параличъ. Обѣдали дома, стряпала старуха изряднѣхонько. Послѣ обѣда выѣхали, и, сдѣлавъ 39 верстъ, ночевали въ деревнѣ Буровкѣ въ крестьянской избѣ спокойно.

Вторникъ, 7 сентября. Полоцкъ. Поутру былъ у меня почтмейстеръ Раушардъ и Туловскій, у котораго занялъ я *пятьдесятъ рублей.* Какъ христіанина фершела здѣсь нѣтъ, то принужденъ былъ ввѣрить свое горло жиду.

III. Изъ журнала путешествія въ Ригу, Бальдонъ и Митаву.

Четвергъ. 19 іюля 1789. Вставъ съ постели рано, собирался я въ Ригу, чтобы тамъ только выбриться: ибо въ Бальдонахъ нѣтъ ни фершела, ни бритвъ. Какъ я ни спѣшилъ, но за безтолковицею курляндскихъ мужиковъ ранѣе 10 часу выѣхать не могъ. На дорогѣ усмотрѣли мы, что у больной ноги моей подъ колѣномъ на поджилкѣ дѣлается большой нарывъ. Въ Ригу пріѣхали къ Миллеру (**) въ пять часовъ по полудни. Ввечеру сдѣлалъ то, за чѣмъ пріѣхалъ, то-есть, выбрился. Плясали по-русски Миллеровы дочери; тутъ мой Губскій показалъ свое проворство. Потомъ легъ я спать благополучно. Въ Ригѣ всѣ нашли меня толще и бодрѣе.

(*) Іоаннъ Васильевичъ Леванда (1736—1814) обучался въ кіевской академіи и былъ тамъ учителемъ; съ 1763 священникъ Успенской церкви на Подолѣ, съ 1783 протоіерей ея; съ 1785 протоіерей кіевскаго софійскаго собора. Онъ пользовался извѣстностью какъ проповѣдникъ. Только часть его «Словъ и рѣчей» издана въ С.-Петербургѣ въ 3 ч., въ 1821 г., и одно слово напечатано въ «Христ. Чтеніи» 1822.

(**) Содержатель гостинницы.

Пятница, 20 іюля. Вставъ рано, собираюсь теперь назадъ въ Бальдоны. Отправилъ письма къ женѣ, Татьянѣ Каллистратовнѣ и Клостерману. Изъ Риги выѣхалъ въ 8 часу; въ Бальдоны пріѣхалъ въ 5 часовъ; у Теодоры обѣдали. У меня разболѣлся языкъ, на которомъ увидѣли и бѣлое пятно и опухоль. Ложась спать, Теодора приложила мальву подъ колѣномъ къ нарыву, а я пилъ Генишевъ чай. Спалъ худо.

Суббота, 21 іюля. Поутру нарывъ лопнулъ, и я принялъ въ шестнадцатый разъ ванну; послѣ обѣда легъ отдыхать; вдругъ Теодора вошла ко мнѣ съ растроганнымъ видомъ, и, вызвавши меня изъ комнаты, вывела на дворъ, гдѣ увидѣлъ я лежащаго человѣка, мужика моего хозяина. Обнаженная спина его, изъ которой текла кровь, показывала, что онъ былъ битъ немилосердо. Я призвалъ хозяина и спросилъ, за что сей человѣкъ такъ растерзанъ. Хозяинъ разсказалъ мнѣ, что сей битый мужикъ былъ теперь на сѣнокосѣ, гдѣ чужой мужикъ, поссорясь съ нимъ и будучи его сильнѣе, такъ безчеловѣчно его изувѣчилъ. Это подало поводъ къ дальнѣйшему моему съ хозяиномъ разговору.

Я. Что-жъ ты хочешь дѣлать? станешь-ли искать правосудія?

Хозяинъ. Не стану: ибо конечно не найду. Помѣщикъ, котораго мужикъ билъ моего, есть баронъ богатый, а я пономарь бѣдный: гдѣ мнѣ съ нимъ тягаться?

Я. Итакъ обида твоя ни чѣмъ удовлетворена не будетъ?

Хозяинъ. Я самъ хочу управиться. Теперь мужикъ, который билъ моего, работаетъ одинъ въ полѣ. Я собралъ своихъ мужиковъ и позволяю имъ идти съ палочьемъ отмстить за побои бѣднаго мужика моего и мою обиду.

Я уговаривалъ его и доказывалъ, какъ онъ будетъ виноватъ, когда выйдетъ смертоубійство (что весьма легко и случиться могло бы), и что тогда его-же казнятъ смертію; но хозяинъ мой былъ такъ взбѣшенъ, что не только не отмѣнилъ своего мщенія, но паче поспѣшилъ онымъ. И дѣйствительно, мужики къ вечеру возвратились. Я спросилъ одного изъ нихъ, что они сдѣлали. «Мы били того, кто нашего билъ.» — Да не умретъ-ли онъ отъ побоевъ? спросилъ я. — «А Господь вѣдаетъ! отвѣчалъ онъ: мы оставили его чуть живаго.» Между тѣмъ, какъ все сіе происходило, Теодора моя лечила битаго мужика, который, получа

отмщеніе, забылъ болѣзнь и обиду. Ввечеру Губскій мой игралъ подъ окномъ на гусляхъ и привлекъ тѣмъ кучу мужиковъ подъ окошко. Нечувствительно латыши мои расплясались, и я заснулъ спокойно.

Воскресенье, 22 іюля. Поутру ходилъ я въ ванну въ семнадцатый разъ. Одѣвшись, узналъ я, что въ нашу церковь везутъ двухъ мертвецовъ, коимъ сего дня будетъ погребеніе. Я вышелъ къ нимъ на встрѣчу и проводилъ до церкви. Смущенное сердце мое занималось симъ печальнымъ зрѣлищемъ. Я представлялъ себѣ, что, будучи въ параличѣ, надобно мнѣ быть всегда готову къ новому удару, могущему лишить меня жизни. Мнѣ пришли на мысль дни погребенія родныхъ моихъ, и какому должно быть моему погребенію, какъ для жены моей, такъ и для родныхъ друзей моихъ. Возвратясь изъ церкви, посѣтилъ меня докторъ Штендеръ, который поступилъ со мною въ слѣдующій разговоръ.

Штендеръ. Правда-ли, что вы отдали себя на руки жиду?

Я. Правда. Да что-жъ мнѣ иначе дѣлать? Когда Шенфогель, мой докторъ, поступилъ со мною какъ жидъ, то можетъ быть и жидъ поступитъ со мною какъ искусный докторъ: а мнѣ все равно, кто вылѣчитъ, лишь-бы вылѣчилъ.

Штендеръ. Да чѣмъ онъ васъ лѣчитъ?

Я. Онъ прикладываетъ угревую кожу къ разслабленнымъ мѣстамъ.

Штендеръ. Но какъ вы можете сносить мерзкій запахъ угревой кожи? Видители вы, что сей запахъ заразилъ весь домъ вашъ, и что въ такомъ воздухѣ и здоровый человѣкъ не можетъ жить безъ болѣзни? Вы весьма легко можете получить гнилую горячку, и тогда, можетъ быть, спасти васъ не льзя будетъ. Я не имѣю причины отгонять отъ васъ жида, но совѣтую лучше адресоваться къ весьма искусному митавскому доктору Герцу, который вашу болѣзнь отмѣнно удачно лѣчитъ. Не угодно-ли, я самъ съ вами поѣду въ Митаву и съ нимъ посовѣтую, какъ удобнѣе вамъ сдѣлать помощь.

Я. Очень хорошо.

Штендеръ. Такъ послѣ завтра пріѣзжайте обѣдать къ барону Ливену; а отобѣдавъ, поѣдемъ въ Митаву.

Я согласился на его предложеніе и, отблагодаривъ его за усердіе, имъ оказываемое, при немъ же сорвалъ всѣ жидовскія лекарства и избавился отъ проклятаго духа. Послѣ обѣда, отдохнувъ, ѣздилъ я къ пастору съ Штендеромъ,

съ которымъ потомъ прогуливался въ колискѣ. Пріѣхавъ домой, я засталъ вчерашнюю пляску. Принялъ ванну въ 18-й разъ и уснулъ благополучно.

Понедѣльникъ, 23 іюля. Весь день пробылъ одинъ въ скукѣ. Губскій забавлялъ меня гуслями. Принялъ ванну поутру въ 19-й, а ложась спать, въ 20-й разъ.

Вторникъ, 24 іюля. Вставъ поутру, ванны не принималъ. Въ 10 часовъ поѣхалъ обѣдать въ Дингофъ, къ барону Ливену, чтобы отъ него съ Штендеромъ ѣхать послѣ обѣда въ Митаву чрезъ Ригу. И дѣйствительно, отобѣдавъ у барона Ливена, чрезъ Двину переѣхалъ у Красной корчмы; въ Кирхгольмѣ пилъ кофе; въ Ригу пріѣхалъ въ 9 часовъ ввечеру и сталъ въ трактирѣ у Миллера, отужиналъ и легъ спать благополучно.

Среда, 25 іюля. Проспавъ ночь плохо отъ крику страждущей отъ оспы хозяйской дочери, проснулся въ обыкновенномъ состояніи моего здоровья. Былъ у меня Сергѣй Ѳедоровичъ Голубцовъ (*). Ѣздилъ я съ визитомъ къ почтъ-директору (**). Послѣ обѣда, въ 5 часовъ, выѣхалъ съ Штендеромъ изъ Риги, и въ 9 пріѣхали въ Олею, гдѣ настигло насъ дождливое время, такъ что мы принуждены были въ Олеѣ ночевать. Спалъ очень хорошо.

Четвергъ, 26 іюля. Изъ Олеи выѣхали въ 6 часовъ и проѣхали таможню безъ всякаго осмотра; потомъ, переправясь черезъ двѣ рѣки, пріѣхали въ 10 часовъ поутру въ Митаву. Сталъ въ трактирѣ у Герцеля и послалъ Штендера за докторомъ Герцомъ, который, пришедъ ко мнѣ, разсматривалъ съ великимъ прилежаніемъ состояніе моей болѣзни и нашелъ, что четыре года совсѣмъ у меня пропали, ибо доктора лѣчили меня очень кавалерски. Онъ находилъ, что помочь мнѣ можетъ. Бальдонскія воды хвалилъ, но увѣрялъ при томъ, что онѣ однѣ безъ внутреннихъ лекарствъ помочь мнѣ неспособны. И такъ мы условились съ нимъ, что онъ меня лѣчить берется, но чтобъ я переѣхалъ изъ Бальдонъ тотчасъ въ Митаву и тамъ бы прожилъ недѣли двѣ, а потомъ съ Богомъ возвращался бы въ Петербургъ; но

(*) С. Ѳ. Голубцовъ—полковникъ при провіантской комиссіи въ Ригѣ. Отецъ его, Ѳедоръ Степ., до 1779 г. служилъ членомъ въ вотчинной коллегіи въ Москвѣ.

(**) Августъ Ивановичъ Гамъ, потомъ переведенный въ Петербургъ.

если пользу получу очевидную, то бы опять на цѣлую зиму пріѣхалъ въ Митаву. Все сіе казалось мнѣ сходно со здравымъ разсудкомъ, и я положилъ поступать по его предложенію. Отобѣдавъ у Герцеля съ курляндцами, кои показались мнѣ люди весьма завязчивые, однако учтивые, былъ у меня ввечеру опять докторъ Герцъ и Штендеръ, и легъ спать благополучно.

Пятница, 27 іюля. Поутру въ 10 часовъ, заѣхавъ къ Герцу и осмотрѣвъ свою квартиру, выѣхалъ изъ Митавы. Обѣдали въ Экау, и выѣхавъ въ 6 часовъ послѣ обѣда, пріѣхали въ 10 въ Бальдоны. Отужинавъ, легъ спать благополучно.

Суббота, 28 іюля. Поутру принялъ ванну въ 21-й разъ, и весь день убирались въ Митаву. Но какъ Шенфогель сюда конечно будетъ, чтобы воротиться на моемъ коштѣ въ Петербургъ, то я просилъ хозяина моего вручить ему, тотчасъ по пріѣздѣ его, мое письмо, съ котораго при семъ прилагаю копію. Онъ великій мерзавецъ и недостоинъ никакого уваженія. Всѣхъ болѣе одолжилъ меня молодой докторъ Штендеръ: ибо онъ не допустилъ меня до гнилой горячки и отдалъ меня на руки Герцу.

Monsieur! Comme suivant les sentimens d'un médecin, à qui j'ai donné toute ma confiance, je dois faire l'usage des eaux, et comme de l'autre côté vous m'avez trop négligé, pour que je puisse compter sur vous à l'avenir, car, au lieu de passer les premiers huit jours avec moi pour voir l'effet des bains, vous m'avez abandonné d'abord pour vos petites affaires de commerce, je vous fais savoir par ces lignes que je quitte Baldonen et que je ne me chargerai d'aucune manière de votre retour à Pétersbourg. Vous êtes tout-à-fait libre de faire tout ce que vous voulez, puisque j'ai pris un autre médecin, qui, j'espère, aura des procédés plus honnêtes pour moi (*).

Baldonen, le 7 Août, 1789.

(*) *Переводъ*: «Милостивый государь! Слѣдуя предписанію доктора, которому я вполнѣ довѣряюсь, я долженъ буду пользоваться водами. Такъ какъ, съ другой стороны, вы слишкомъ мало заботились обо мнѣ, чтобы я могъ на васъ разсчитывать въ будущемъ, ибо, вмѣсто того, чтобы провести со мною первые восемь дней для наблюденія за дѣйствіемъ бань, вы покинули меня ради вашихъ коммерческихъ дѣлъ, — то я даю вамъ знать этими строками, что я оставляю Бальдоненъ и не похлопочу нимало о вашемъ возвращеніи въ Петербургъ. Вы совершенно свободны и можете предпринять все, что вамъ угодно, такъ какъ я взялъ другаго доктора, который, надѣюсь, будетъ болѣе честенъ въ отношеніи ко мнѣ».

Воскресенье, 29 іюля. Вставъ поутру очень рано, стали собираться къ отъѣзду и выѣхали въ 8 часу, заплатя Брикману за мѣсяцъ за все, то-есть, за квартиру, за лошадей и прочее, сорокъ талеровъ. Не доѣзжая съ полмили до Экау, переломилась у коляски задняя ось. Находящіеся со мною люди такъ искусно поддѣлали другую, что она довезла насъ до Митавы. Въ Экау обѣдали. Послѣ обѣда ѣхали преглубокими песками и на силу въ 12 часовъ дотащились до Митавы, гдѣ стали на квартирѣ у ревизора Шульца. Жена его приняла меня весьма учтиво; и такъ я въ семъ домѣ расположился.

Понедѣльникъ, 30 іюля. Поутру былъ у меня докторъ Герцъ, который присовѣтовалъ мнѣ принять Генишевъ чай. Обѣдалъ я изъ трактира отъ Герцеля на три персоны. Послѣ обѣда, въ 6 часовъ, приходилъ докторъ Герцъ и далъ мнѣ рвотное, которое довольно меня помучило. Потомъ Герцъ своими руками мазалъ мнѣ всю лѣвую сторону, и я заснулъ крѣпко.

Вторникъ, 31 іюля. Утомясь отъ рвоты, спалъ я до 6 часовъ утра покойно. Весь день продолжалъ принимать антимоніальныя капли и обкладывать всю лѣвую сторону шпанскими мухами. Ввечеру пріѣхалъ хозяинъ домой изъ бальдонскаго межеванья.

Среда, 1 августа. Проспавъ ночь худо отъ натянутыхъ шпанскими мухами пузырей, проснулся рано. Докторъ Герцъ велѣлъ сегоднишній день также принимать капли и носить шпанскія мухи. Послѣ обѣда докторъ мой возилъ меня въ своемъ экипажѣ прогуливаться. Возвратясь съ прогулки, нашелъ я у хозяина одного шестидесятилѣтняго курляндца, котораго мой докторъ точно отъ моей болѣзни вылѣчилъ. У него лѣвая рука такъ здорова стала, какъ правая. Отужинавъ, легъ я спать.

Пятница, 3 августа. Поутру раны отъ шпанскихъ мухъ не допустили меня встать съ постели, и я весь день лежалъ. Послѣ обѣда хозяйка привела ко мнѣ г-жу Важиганскую, вдовствующую секретаршу, живущую противъ моихъ оконъ. Она сидѣла у меня весь вечеръ. Потомъ былъ докторъ Герцъ, и увѣрялъ надеждою выздоровленія.

Суббота, 4 августа. Вставъ рано, принялъ я лекарство, которое дѣйствовало хорошо. Былъ у меня докторъ Герцъ; хозяйка раза три посѣщала. Цѣлый день лежалъ, стоная

отъ ранъ, причиненныхъ шпанскими мухами. Въ обѣдъ было позволено мясное, но въ ужинъ опять молочное. Послѣ обѣда докторъ Герцъ приводилъ ко мнѣ славнаго митавскаго декламатора, секретаря Биркеля, который у меня долго сидѣлъ. Ввечеру посѣтила хозяйка, а послѣ ужина докторъ перевязывалъ раны.

Воскресенье, 5 августа. Ночь проспалъ сносно; не могъ однакожъ стать на ноги отъ ранъ, почему надобно будетъ пролежать цѣлый день въ постелѣ. Послѣ обѣда была у меня пасторша, г. Жульяни, которая сходствомъ своимъ съ сестрою Маріею Ивановною меня и Теодору удивила. Былъ Герцель, а наконецъ докторъ перевязывалъ раны.

Понедѣльникъ, 6 августа. Ночь спалъ покойно. Проснувшись, могъ стать на ноги. Былъ докторъ Герцъ. Послѣ обѣда принималъ я въ первый разъ анимальную баню. Былъ у меня Биркель. Хозяйка и г-жа Жульяни, смотря, какъ я принималъ баню, слушали мою нѣмецкую комедію, читанную Биркелемъ.

Вторникъ, 7 августа. Поутру былъ у меня докторъ Герцъ, и нашелъ за нужное, чтобы я ввечеру принялъ рвотное. Былъ у меня поручикъ Малеръ. Послѣ обѣда былъ у меня Солей, почтовый комисаръ, Шульцъ и поручикъ Малеръ. Въ 6 часовъ принялъ я рвотное и страдалъ до полуночи: тоска была смертельная. Докторъ Герцъ не отходилъ отъ меня и присутствіемъ своимъ весьма облегчалъ мое страданіе. Признаюсь, что Герцъ рѣдкій человѣкъ и великій медикъ. Онъ никогда не обѣщаетъ того, чего сдѣлать не можетъ; а мнѣ обѣщалъ всеконечно меня вылѣчить, но только съ тѣмъ, чтобъ я держался правила моего: исполнять его предписанія. Онъ, видя меня страждущаго, божился, что сіе самое мученіе весьма для моей болѣзни полезно, и что онъ возвратилъ языкъ одной параличной женщинѣ посредствомъ сего рвотнаго. «Если бы, говорилъ онъ, съ самаго начала доктора не имѣли для васъ подлаго снисхожденія (ибо подлѣе быть не можетъ какъ то, отъ коего вредъ здоровью происходитъ), то бы вы четыре уже года были здоровы. Я никакъ не боюсь васъ прогнѣвать, настоя твердо въ томъ, что по совѣсти нахожу необходимо нужнымъ. Если-же вы никакъ слушаться меня не захотите, то я лѣчить васъ перестану: ибо когда вы сдѣлали мнѣ величайшую довѣренность, какую только

человѣкъ другому сдѣлать можетъ, а именно ввѣрили мнѣ жизнь и здоровье свое, то я, какъ честный человѣкъ, долженъ отвѣчать сей довѣренности, не обременяя васъ ненужными лекарствами и не похлебствуя самъ уклоненіемъ отъ нужныхъ врачеваній.»

Среда, 8 августа. Поутру всталъ хотя слабъ, однако довольно свѣжъ. Были у меня докторъ Герцъ, поручикъ Малеръ и священникъ; послѣ обѣда Вегнеръ съ женою, баронесса Таубе, камеръ-юнкерша Трейденъ и фрейлина Фитингофъ. Сіи три дамы, мои сосѣдки, зная, что я боленъ, изъ одного состраданія пришли навѣстить меня, ибо я ни одну изъ нихъ въ лицо не видывалъ. Была у меня г-жа Жюльяни; потомъ докторъ Герцъ водилъ меня въ капельную баню, которую я безъ малѣйшаго крика и роптанія вытерпѣлъ. Нѣкоторые изъ гостей моихъ имѣли любопытство придти ко мнѣ въ сарай, дабы видѣть, какъ выношу я капельную баню. Вечеръ провели у меня Биркель и Малеръ.

Пятница, 10 августа. Поутру, проснувшись, принималъ обыкновенныя антимоніальныя пилюли и капельную баню. Поутру былъ у меня поручикъ Малеръ, а послѣ обѣда онъ-же, почтмейстеръ Кригеръ и повѣренный въ дѣлахъ Гобергъ. Ходилъ съ докторомъ къ мяснику, который, по какому-то недоразумѣнію, вмѣсто быка, убилъ свинью; и такъ я лѣчилъ руку, а не ногу. Возвратясь домой и отужинавъ, легъ я спать благополучно.

Суббота, 11 августа. Послѣ обѣда ходилъ я съ докторомъ къ мяснику, который, не по примѣру своихъ товарищей, человѣкъ съ сантиментами и много читалъ. Онъ принялъ меня такъ, какъ сострадательный человѣкъ долженъ принять больнаго; далъ мнѣ комнату, гдѣ положенъ я былъ на постелю, и вся лѣвая сторона обкладена была кишками лишь только убитаго быка. Сія баня продолжалась съ полчаса; потомъ возвратился я домой благополучно.

Воскресенье, 12 августа. Поутру принималъ я желѣзную баню. Былъ у меня докторъ Герцъ, водилъ меня въ капельную баню, изъ которой вышедъ и надѣвъ кафтанъ, ходилъ я съ визитомъ къ баронессѣ Таубе; потомъ прогуливался по улицѣ съ хозяйкою и фрейлиною Фитингофъ. Возвратясь домой, терся спиртами и мазями и легъ спать благополучно.

Понедѣльникъ, 13 августа. Поутру получилъ письма изъ Бѣлоруссіи, Москвы и Петербурга; принималъ желѣзно-сѣрную баню, а послѣ обѣда капельную. Оттуда ходилъ къ мяснику, гдѣ принималъ анимальную баню: держалъ руку въ свиньѣ, лишь только убитой; потомъ былъ съ визитомъ у баронессы Таубе. Весь день принималъ обыкновенныя лѣкарства.

Вторникъ, 14 августа. Проспавъ ночь плохо, проснулся я довольно слабъ и принималъ обыкновенную желѣзно-сѣрную баню. Потомъ баронесса Таубе и дѣвица Фитингофъ приходили ко мнѣ пить шоколадъ. Были докторъ Герцъ, поручикъ Малеръ и Бальдонскій пасторъ Кейлеръ. Отправилъ письма въ Москву и въ Петербургъ. Послѣ обѣда принималъ капельную, а потомъ анимальную баню. Ходилъ къ мяснику, который убилъ для меня быка: я держалъ въ немъ руку нѣсколько минутъ. Возвратясь домой, очень усталъ. Передъ ужиномъ посѣтили меня дѣвица Фитингофъ и мой докторъ.

Воскресенье, 19 августа. Поутру хотѣлъ было ѣхать къ обѣдни, но, за болѣзнію священника, оной не было. Принималъ обыкновенныя лѣкарства и желѣзно-сѣрную баню. Докторъ Герцъ водилъ меня въ капельную баню; потомъ я самъ ходилъ къ баронессѣ Таубе, а отъ нея домой проводила меня дѣвица Фитингофъ. По выходѣ изъ капельной бани, докторъ Герцъ обложилъ плечо мое шпанскими мухами. Сіе сдѣлалъ онъ для того, чтобъ дать плечу больше движенія: ибо сегодня поутру въ ваннѣ могъ я поднять руку до бровей. Это меня весьма обрадовало.

Среда, 29 августа. Проспавъ ночь очень спокойно, благодарилъ я Бога за сохраненіе жизни моей чрезъ четыре года послѣ случившагося мнѣ въ сей день въ Москвѣ параличнаго удара. Ѣздилъ къ обѣднѣ. Послѣ обѣда навѣстила меня дѣвица Фитингофъ. Былъ докторъ Герцъ, и водилъ меня въ анимальную баню къ мяснику, гдѣ я держалъ руку въ быкѣ. Возвратясь домой и отдохнувъ нѣсколько, ѣздилъ я съ Михайломъ Алексѣевичемъ прогуливаться. Весь сей день воспоминаніе моего несчастія возмущало мою душу. Докторъ Герцъ и хирургъ В. пускали мнѣ подъязычную кровь.

ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ (*).

Во имя Отца, въ Троицѣ святой славимаго. Я нижеподписавшейся рабъ Божій, статскій совѣтникъ Денисъ Ивановъ сынъ Фонъ-Визинъ, хотя по несчастію моему нахожусь я теперь въ жестокой параличной болѣзни, но сохраняя — Богу благодареніе! — прежній смыслъ и память при нижеподписавшемся у сего душеприкащикѣ, которымъ прошу быть его сіятельство графа Петра Ивановича Панина, и при нижеподписавшихся же свидѣтеляхъ завѣщаваю, утверждаю и прошу силою нижеслѣдующихъ пунктовъ — по смерти моей пожаловать непремѣнно привести оные ко указному и твердому во всемъ исполненію:

1-е) Всѣмъ законнымъ наслѣдникамъ по мнѣ и всѣмъ знаемымъ меня персонамъ извѣстно, что я наслѣдственнаго имѣнія никакого за собою не имѣю, да и отъ полученія онаго уже отрекся; а всякаго званія имѣнія есть за мною пріобрѣтенное единственно мною-жъ. А какъ жена моя Катерина Иванова дочь, урожденная Роговикова, живучи со мной понынѣ уже 12 лѣтъ въ законномъ супружествѣ, сохраненіемъ ко мнѣ всегда совершенно-искренной своей любви и довѣренности обязала меня вѣчною къ себѣ благодарностію и признаніемъ; и какъ-же изъ принесенныхъ ею за собою денегъ мы въ общежитіи съ ней много уже прожили, и домъ ея теперь состоитъ подъ закладомъ, да хотя-же нѣсколько изъ ея денегъ и считается въ остаткѣ, но всѣ они состоятъ теперь обращеніемъ своимъ въ товарахъ моихъ, а какъ нѣтъ отъ супружества нашего дѣтей:

то 2-е) ко очищенію противъ ея, супруги моей, совѣсти

(*) Подлинное завѣщаніе, за собственноручными подписями Фонъ-Визина, его жены, душеприкащика и свидѣтелей, хранится у М. П. Полуденскаго. Оно писано передъ заграничною поѣздкою 1786 г.

и къ соблюденію справедливости, по общему нашему между собою согласію на случай смерти кого перваго изъ насъ, сею моею духовною, на основаніи и вновь пожалованнаго отъ ея императорскаго величества всему дворянству права, изданнаго прошлаго 1785 года апрѣля въ 21 день о имѣніяхъ, собственно каждымъ благопріобрѣтенныхъ, завѣщаю и силою его опредѣляю: при случаѣ смерти моей прежде супруги, да будетъ она во всемъ недвижимомъ и движимомъ моемъ имѣніи единственная наслѣдница и да отдастся все безъ изъятія оставшее послѣ меня имѣніе въ ея владѣніе, но недвижимое по ея только смерть. На семъ преположеніи:

3-е) заведенная мною коммерція вещами, до художествъ принадлежащими, и отправляемая нынѣ санктпетербургскимъ первой гильдіи купцомъ Германомъ Клостерманомъ, должна остаться въ полномъ и единственномъ хозяйствѣ и расположеніи жены моей, такъ что г. Клостерманъ повиненъ ей одной и моему душеприкащику, если онъ потребуетъ, давать отчетъ въ коммерціи на слѣдующемъ положеніи: 1. прибытокъ въ коммерціи долженъ быть обращенъ на оплату моихъ долговъ, буде какіе останутся, а по заплатѣ весь прибытокъ да будетъ въ пользу моей жены по смерть ея или пока она коммерцію продолжать захочетъ; 2. какъ г. Клостерманъ во все время доказалъ мнѣ свою честность, раченіе и разумѣніе, то завѣщаваю управленіе коммерціи отъ него и его наслѣдниковъ не отнимать, развѣ сами захотятъ перестать продолжать сію коммерцію; 3. всѣ вещи, кои жена моя имѣть у себя захочетъ, ей немедленно отдавать; 4. всѣ нѣмецкія книги отдаю въ наслѣдство брату моему родному Павлу Ивановичу.

4-е) Послѣ смерти ея, жены моей, все мое недвижимое имѣніе да наслѣдуетъ тотъ или тѣ изъ моихъ родственниковъ, свойственниковъ или же и постороннихъ, кто въ теченіе жизни моей нелицемѣрною ко мнѣ привязанностію болѣе заслужитъ моей благодарности, — о семъ обстоятельствѣ не премину я отозваться особливымъ письмомъ моимъ къ моему благодѣтелю душеприкащику; но если я умру, не наименовавъ никого, то да обратится мое недвижимое имѣніе по смерти жены моей въ наслѣдство ко указнымъ послѣ меня наслѣдникамъ. Вслѣдствіе чего по самой справедливости, какъ по смерти моей законные наслѣдники по мнѣ,

въ теченіе жизни супруги моей, не имѣютъ никакого притязанія къ полученію, ниже и къ требованію изъ оставшаго послѣ смерти моей имѣнія ничего въ указную себѣ часть, потому что недвижимое имѣніе рано или поздно къ нимъ возвратится; такъ насопротивъ того и жена моя, при случаѣ смерти ея прежде моей, оставляетъ мнѣ, а послѣ меня и наслѣдникамъ моимъ, весь принесенный съ собою въ замужество за меня собственный денежный капиталъ, въ чемъ мы между собою и утвердилися особливыми письменными актами, сдѣланными въ силу всемилостивѣйше пожалованнаго всему россійскому дворянству (права) на благопріобрѣтенныя каждымъ собственно имѣнія.

5-е) По сей моей духовной, изъявляющей послѣднюю мою истинную волю и завѣщаніе на мое собственно благопріобрѣтенное движимое и недвижимое имѣніе, поручаю я и покорно прошу на себя принять душеприкащество его сіятельства графа Петра Ивановича Панина, для чего я сію духовную самолично ему вручилъ на приведеніе въ указное всего по ней исполненіе послѣ смерти моей и на покровительство и опекунство въ томъ случаѣ жены моей. А ежели бы Богу соизволющу предупредить меня ему, графу, отданіемъ долгу своего натурѣ, то и на тотъ случай даю я ему чрезъ сіе-жъ полную мочь перенести душеприкащество свое по сей духовной и ее послѣ кончины своей приказать отдать, если я ее къ себѣ не востребую, тому въ руки, кого онъ самъ ко оному избрать и кому довѣрить соизволитъ. Сочинена въ Москвѣ 1786 года іюня 3 дня. Духовную писалъ канцеляріи императорскаго московскаго университета канцелярист Сергѣй Игнатьевъ сынъ Рыжиковъ. (Затѣмъ слѣдуютъ собственноручныя подписи Фонъ-Визина и жены его.)

Передъ отъѣздомъ нашимъ въ Парижъ данъ женою моею вексель въ 20,000 р., который выданъ мнѣ, и потомъ отъ правительства яко застарѣвшійся уничтоженъ, то и я подтвержденіе объявляю, что оный вексель никогда и никакой силы имѣть не можетъ. (Слѣдуютъ собственноручныя подписи Фонъ-Визина, графа П. И. Панина, съ изъявленіемъ— что онъ принимаетъ на себя душеприкащичество, дѣйст. тайн. совѣтниковъ князя А. М. Голицына, А. М. Обрѣскова и Л. И. Комынина, генералъ-поручика графа И. Л. Воронцова и полковника И. Д. Рогожина.)

Дополненіе къ духовной.

Буде по смерти моей останется на мнѣ столько долговъ, что жена моя лучше захочетъ отказаться отъ наслѣдства, нежели имѣть хлопоты съ моими кредиторами; то въ такомъ случаѣ симъ завѣщаваю платить ей изъ доходовъ моихъ по тысячѣ по осьмисотъ рублей на годъ, т. е. указные проценты съ 30,000 р., кои могутъ быть почитаемы въ остаткѣ отъ ея движимаго имѣнія. Для лучшей вѣрности оставляю я у душеприкащика моего на сію сумму вексель, который по ея требованію долженъ быть заплаченъ — хотя съ продажею потребной части изъ деревень моихъ; ибо сію сумму по довѣренности жены моей я дѣйствительно получилъ. Сей въ 30,000 рублей вексель писанъ 3 іюня 1786 года на имя с.-петербургскаго 1-й гильдіи купца Германа Клостермана, котораго прошу надписать оный въ свое время женѣ моей. (Подписи тѣже.)

ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНІЕ

ВЪ ДѢЛАХЪ МОИХЪ И ПОМЫШЛЕНІЯХЪ.

Беззаконія моя азъ познахъ и грѣха моего не покрыхъ.

Вступленіе.

Славный французскій писатель Жанъ-Жакъ Руссо издалъ въ свѣтъ Признанія, въ коихъ открываетъ онъ всѣ дѣла и помышленія свои отъ самаго младенчества; словомъ, написалъ свою исповѣдь и думаетъ, что сей книги его какъ не было примѣра, такъ не будетъ и подражателей.

Я хочу, говоритъ Руссо, показать человѣка во всей истинѣ природы, изобразивъ одного себя. Вотъ какой подвигъ имѣлъ Руссо въ своихъ признаніяхъ.

Но я, приближаясь къ пятидесяти лѣтамъ жизни моей, прешедъ слѣдственно половину жизненнаго поприща и одержимъ будучи трудною болѣзнію, нахожу, что едва ли остается мнѣ время на покаяніе, и для того да не будетъ въ признаніяхъ моихъ никакого другаго подвига, кромѣ раскаянія христіанскаго: чистосердечно открою тайны сердца моего и *беззаконія моя азъ возвѣщу.* Нѣтъ намѣренія моего ни оправдывать себя, ниже лукавыми словами прикрывать развращеніе свое: *Господи! не уклони сердца моего въ словеси лукавствія и сохрани во мнѣ любовь къ истинѣ, юже вселилъ еси въ душу мою.*

Но какъ апостолъ глаголетъ: *исповѣдуйте убо другъ другу согрѣшенія*, разумѣется, ваши, а не чужія, то я почитаю за долгъ не открывать имени тѣхъ, кои были орудіемъ грѣха и порока моего, ниже именъ тѣхъ, кои приводили меня въ развращеніе; напротивъ того, со слезами благодарности воспомяну имена тѣхъ, кои мнѣ благодѣтельствовали,

кои сохранили ко мнѣ долговременное дружество, кои имѣли въ болѣзнь мою обо мнѣ сострадание и кои наконецъ наставленіемъ и совѣтомъ своимъ совращали меня съ пути грѣшнича и ставили на путь праведенъ.

Не утаивая ничего изъ содѣяннаго мною зла, скажу безъ прибавки и все то, что́ сдѣлалъ я, слѣдуя гласу совѣсти. И если между множествомъ согрѣшеній случилось мнѣ въ жизни сотворить нѣчто благое, то признаю и исповѣдую, что сіе не отъ меня происходило, но отъ самого Бога, вся благая намъ дарующаго: Тому единому восписую благія дѣла мои, Ему единому за нихъ благодарю и Его молю, да мя въ семъ благомъ утвердитъ до конца жизни.

Сіе испытаніе моей совѣсти раздѣлю я на четыре книги. Первая содержать будетъ мое младенчество, вторая юношество, третья совершенный возрастъ и четвертая приближающуюся старость.

Прежде нежели начну я мое повѣствованіе, необходимо надобно описать свойства тѣхъ моихъ ближнихъ, къ коимъ я въ теченіе жизни моей имѣлъ болѣе отношенія. Да не причтется мнѣ въ пристрастіе, ежели я, говоря правду, скажу нѣчто похвальное о ближнихъ моихъ: ибо я въ справедливости моей ссылаюсь на тѣхъ, кои ихъ знали.

Отецъ мой (*) былъ человѣкъ большаго здраваго разсудка, но не имѣлъ случая, по тогдашнему образу воспитанія, просвѣтить себя ученіемъ. По крайней мѣрѣ читалъ онъ всѣ русскія книги, изъ коихъ любилъ отмѣнно древнюю и римскую исторію, мнѣнія цицероновы и прочіе хорошіе переводы нравоучительныхъ книгъ. Онъ былъ человѣкъ добродѣтельный и истичный христіанинъ, любилъ правду и такъ не терпѣлъ лжи, что всегда краснѣлъ, когда кто лгать при немъ не устыжался. Въ переднихъ знатныхъ вельможъ никто его не видывалъ, но онъ не пропускалъ ни одного праздника, чтобъ не быть съ почтеніемъ у сво-

(*) Иванъ Андреевичъ Фонъ-Визинъ служилъ въ военной службѣ съ 1716 г., а въ статской съ 19 марта 1762 г. При переходѣ былъ онъ переименованъ въ надворные совѣтники и назначенъ членомъ ревизіонъ-коллегіи, гдѣ и состоялъ по 1774 г. включительно. Въ 1771 г. (6 апрѣля) онъ былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники. За время его службы главную дирекцію надъ ревизіонъ-коллегіею имѣлъ гр. Романъ Ларіоновичъ Воронцовъ, а президентами были сперва Мих. Яковл. Масловъ, а потомъ Александръ Матв. Херасковъ.

ихъ начальниковъ. Ненавидѣлъ лихоимства и бывъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ люди наживаются, никакихъ никогда подарковъ не принималъ. «Государь мой!» говаривалъ онъ приносителю: «сахарная голова не есть резонъ для обвиненія вашего соперника: извольте ее отнести назадъ, а принесите законное доказательство вашего права». Послѣ сего болѣе уже не разговаривалъ съ приносителемъ.

Отецъ мой жилъ слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ. Причиною сему было воздержное христіанское житіе. Онъ горячихъ напитковъ не пилъ, пищу употреблялъ здоровую, но не объѣдался. Былъ женатъ дважды и во время супружества своего ни какой другой женщины, кромѣ женъ своихъ, не зналъ. За картами ни одной ночи не просиживалъ и словомъ ни какой страсти, возмущающей человѣческое спокойствіе, онъ не чувствовалъ. О, если бы дѣти его были ему подобны въ тѣхъ качествахъ, кои составляли главныя души его свойства и кои въ нынѣшнемъ обращеніи свѣта едва ли сохранить можно!

Отецъ мой былъ характера весьма вспыльчиваго, но не злопамятнаго; съ людьми своими обходился съ кротостію; но, не взирая на сіе, въ домѣ нашемъ дурныхъ людей не было. Сіе доказываетъ, что побои не есть средство къ исправленію людей. Не взирая на свою вспыльчивость, я не слыхалъ, чтобъ онъ съ кѣмъ-нибудь поссорился; а вызовъ на дуэль считалъ онъ дѣломъ противу совѣсти. «Мы живемъ подъ законами», говаривалъ онъ, «и стыдно, имѣя таковыхъ священныхъ защитниковъ, каковы законы, разбираться самимъ на кулакахъ. Ибо шпаги и кулаки суть одно. И вызовъ на дуэль есть не что иное, какъ дѣйствіе буйственной молодости». Наконецъ долженъ я сказать къ чести отца моего, что онъ, имѣя не болѣе пяти сотъ душъ, живучи въ обществѣ съ хорошими дворянами, воспитывая восьмерыхъ дѣтей, умѣлъ жить и умереть безъ долга. Сіе искусство въ нынѣшнемъ обращеніи свѣта едва ли кому извѣстно. По крайней мѣрѣ намъ, дѣтямъ его, кажется непостижимо. Но ни что не доказываетъ такъ великодушнаго чувствованія отца моего, какъ поступокъ его съ роднымъ братомъ его. Сей послѣдній вошелъ въ долги, по состоянію своему неоплатные. Не было уже никакой надежды къ извлеченію его изъ погибели. Отецъ мой былъ тогда въ цвѣтущей своей юности. Одна вдова, старуха близъ семидесяти лѣтъ,

влюбилася въ него и обѣщала, ежели на ней женится, искупить имѣніемъ своимъ брата его. Отецъ мой, по единому подвигу братской любви, не поколебался жертвовать ему собою: женился на той старухѣ, будучи самъ осьмнадцати лѣтъ. Она жила съ нимъ еще двѣнадцать лѣтъ. И отецъ мой старался объ успокоеніи ея старости, какъ должно христіанину. Надлежитъ признаться, что въ нашъ вѣкъ не встрѣчаются уже такіе примѣры братолюбія, чтобъ молодой человѣкъ пожертвовалъ собою, какъ отецъ мой, благосостоянію своего брата. Вторая супруга отца моего, а моя мать, имѣла разумъ тонкій и душевными очами видѣла далеко. Сердце ея было сострадательно и ни какой злобы въ себѣ не вмѣщало: жена была добродѣтельная, мать чадолюбивая, хозяйка благоразумная и госпожа великодушная. Можно сказать, что домъ моихъ родителей былъ тотъ, отъ котораго за добродѣтели ихъ благодать Божія никогда не отнималась. Въ семъ домѣ проведено было мое младенчество, котораго подробности въ слѣдующей книгѣ читатель найдетъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Господи! даждь ми помыслъ исповѣданія грѣховъ моихъ.

Не естественно человѣку помнить первое младенчество. Я никакъ не знаю себя до шести лѣтъ возраста. Но безъ сомнѣнія имѣлъ и я въ себѣ то зло, которое у другихъ младенцевъ видать случается, то есть: злобу, нетерпѣніе, любостяжаніе и притворство, — словомъ, начатки почти всѣхъ пороковъ, кои уже окореняются и возрастаютъ отъ воспитанія и отъ примѣровъ. Не знаю, для чего отнимали меня отъ кормилицы уже поздно. На третьемъ году случилось со мною сіе лишеніе, которое, какъ сказывалъ мнѣ самъ отецъ мой, переносилъ я съ ужаснымъ нетерпѣніемъ и тоскою. Однажды онъ, подошедъ ко мнѣ, спросилъ меня: «Грустно тебѣ, другъ мой?» — А такъ-то грустно, батюшка, отвѣчалъ я ему, затрепетавъ отъ злобы, что я и тебя и себя теперь же вдавилъ бы въ землю. — Сіе сильное выраженіе скорби показывало уже, что я чувствовалъ сильнѣе обыкновеннаго младенца. Въ четыре года начали учить меня грамотѣ, такъ что я не помню себя безграмотнаго.

Теперь пришло мнѣ на мысль обстоятельство, случившееся во время моего младенчества, о которомъ я никогда ни кому не сказывалъ и которое здѣсь упомяну для того, что можно изъ него вывести нѣкоторое правило, полезное для дѣтскаго воспитанія. Родителей моихъ нерѣдко посѣщала родная сестра отца моего, женщина кроткая, и насъ, племянниковъ своихъ, любила искренно. Она часто ѣзжала въ домъ одного славнаго тогдашняго карточнаго игрока и всегда отъ него привозила къ намъ нѣсколько игоръ картъ, коими насъ дарила. Я не могу изъяснить, сколько я пристратился къ картамъ съ красными задками и бывалъ внѣ себя отъ радости, когда такія карты мнѣ доставались; но сіе случалось рѣдко. Сколько хитростей, обмановъ и лукавства употреблялъ мой младенческій умишка, чтобъ на дѣлу доставались мнѣ карты съ красными задками! Но какъ хитрости мои рѣдко удавались, то пришелъ я въ уныніе и для полученія желаемаго рѣшился испытать другой способъ и чистосердечно открыться самой тетушкѣ о моей печали; но признаюсь, что и тутъ употребилъ я нѣкоторую хитрость, а именно: нашедшись съ ней наединѣ, составилъ я лицо такое печальное и такое простодушное, что тетушка спросила меня сама: о чемъ ты тужишь, другъ мой? На сей вопросъ признался я въ пристрастіи моемъ и, повинясь, что я ихъ всѣхъ обманывалъ, просилъ, чтобъ впередъ на дѣлу доставались мнѣ любимыя карты. «Ты хорошо сдѣлалъ, другъ мой, что мнѣ искренно открылся», сказала она: «я для тебя привозить буду всегда особливо игру съ красными задками, кои въ дѣлежъ входить не будутъ». Я въ восторгъ пришелъ отъ сего отзыва и тогдажъ почувствовалъ, что идти прямою дорогою выгоднѣе, нежели лукавыми стезями. Но должно признаться, что въ теченіе жизни я не всегда держался сего правила, ибо случалися со мною такія обстоятельства, въ которыхъ долженъ былъ я или погибать, или приняться за лукавство; не скрою однакожъ и того, что во время младенчества моего, имѣя отца благоразумнаго и справедливаго, удавалось мнѣ получать желаемое чаще слѣдуя чистосердечію, нежели прибѣгая къ лукавству. И я почти внутренно увѣренъ, что воспитатели, ободряя младенцевъ избирать во всемъ прямой путь, предуспѣютъ тѣмъ гораздо лучше вкоренить въ нихъ привязанность къ истинѣ и пріучить къ чистосердечію, нежели оставляя безъ при-

мѣчанія малѣйшія ихъ дѣянія, въ коихъ душевныя ихъ свойства обнаруживаться могутъ. Поистинѣ не могу я словами изъяснить, сколь сильны пристрастія и самаго младенчества. Я могу сказать, что на картахъ съ красными задками голова моя повернулась. Полученіе ихъ составляло нѣкоторымъ образомъ мое блаженство. И въ самомъ Римѣ едва ли дѣлали мнѣ такое удовольствіе арабески Рафаэлевы, какъ тогда карты съ красными задками. По крайней мѣрѣ, смотря на первое, не чувствовалъ я того наслажденія, какое ощущалъ отъ любимыхъ моихъ картъ, будучи младенцемъ.

Чувствительность моя была безпримѣрна. Однажды отецъ мой, собравъ всѣхъ своихъ младенцевъ, сталъ разсказывать намъ исторію Іосифа Прекраснаго. Въ разсказываніи его не было никакого украшенія; но какъ повѣсть сама собою есть весьма трогательная, то весьма скоро навернулись слезы на глаза мои; потомъ началъ я рыдать неутѣшно. Іосифъ, проданный своими братьями, растерзалъ мое сердце и я, не могши остановить рыданія моего, оробѣлъ, думая, что слезы мои почтены будутъ знакомъ моей глупости. Отецъ мой спросилъ меня, о чемъ я такъ рыдаю; у меня разболѣлся зубъ, отвѣчалъ я. Итакъ отвели меня въ мою комнату и начали лѣчить здоровый мой зубъ. «Батюшка», говорилъ я, «я всклепалъ на себя зубную болѣзнь: а плакалъ я отъ того, что мнѣ жаль стало бѣднаго Іосифа». Отецъ мой похвалилъ мою чувствительность и хотѣлъ знать, для чего я тотчасъ не сказалъ ему правду. «Я постыдился», отвѣчалъ я, «да и побоялся, чтобы вы не перестали разсказывать исторіи». — Я ее конечно доскажу тебѣ, говорилъ отецъ мой. И дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней онъ сдержалъ свое слово и видѣлъ новый опытъ моей чувствительности.

Странно, что сія повѣсть, тронувшая столько мое младенчество, послужила мнѣ самому къ извлеченію слезъ у людей чувствительныхъ. Ибо я знаю многихъ, кои, читая Іосифа, мною переведеннаго, проливали слезы.

Не утаю и того, что пріѣзжавшій изъ Дмитріевской нашей деревни мужикъ, Ѳедоръ Суратовъ, сказывалъ намъ сказки и такъ настращалъ меня мертвецами и темнотою, что я до сихъ поръ неохотно одинъ остаюсь въ потемкахъ. А къ мертвецамъ привыкъ я уже въ теченіе жизни моей, теряя людей, сердцу моему любезныхъ.

Родители мои были люди набожные; но какъ въ младенчествѣ нашемъ не будили насъ къ заутренямъ, то въ каждый церковный праздникъ отправляемо было въ домѣ всенощное служеніе, равно какъ на первой и послѣдней недѣляхъ великаго поста дома же моленіе отправлялось. Какъ скоро я выучился читать, такъ отецъ мой у крестовъ заставлялъ меня читать. Сему обязанъ я, если имѣю въ россійскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе. Ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего россійскаго языка и знать невозможно. Я долженъ благодарить родителя моего за то, что онъ весьма примѣчалъ мое чтеніе, и бывало, когда я стану читать бѣгло: «перестань молоть», кричалъ онъ мнѣ, «или ты думаешь, что Богу пріятно твое бормотанье». Сего недовольно: отецъ мой, примѣчая изъ читаннаго мною тѣ мѣста, коихъ казалось ему, читая я не разумѣлъ, принималъ на себя трудъ изъяснять мнѣ оныя; словомъ, попеченія его о моемъ наученіи были безмѣрны. Онъ, не въ состояніи будучи нанимать для меня учителей для иностранныхъ языковъ, не мѣшкалъ, можно сказать, ни сутокъ отдачею меня и брата моего въ университетъ, какъ скоро онъ учрежденъ сталъ (*).

Остается мнѣ теперь сказать объ образѣ нашего университетскаго ученія; но самая справедливость велитъ мнѣ предварительно признаться, что нынѣшній университетъ уже не тотъ, какой при мнѣ былъ. Учители и ученики совсѣмъ нынѣ другихъ свойствъ и сколько тогдашнее положеніе сего училища подвергалось осужденію, столь нынѣшнее похвалы заслуживаетъ. Я скажу въ примѣръ бывшій нашъ экзаменъ въ нижнемъ латинскомъ классѣ. Наканунѣ экзамена дѣлалося приготовленіе; вотъ въ чемъ оно состояло: учитель нашъ (**) пришелъ въ кафтанѣ, на коемъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ четыре; удивленный сею странностію, спросилъ я учителя о причинѣ. «Пуговицы мои вамъ кажутся смѣшны», говорилъ онъ, «но онѣ суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтанѣ значутъ пять склоненій, а на камзолѣ четыре спряженія; итакъ,— продолжалъ онъ, ударя по столу рукою,—извольте слушать всѣ, что говорить стану. Когда станутъ спрашивать о ка-

(*) Собственно въ университетскую гимназію, въ 1755 г.

(**) Латинскому языку обучали Ал. Константиновъ, Аничъ и Ив. Фрязинъ.

комъ-нибудь имени, какого склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смѣло отвѣчайте: втораго склоненія. Съ спряженіями поступайте, смотря на мои камзольныя пуговицы, и никогда ошибки не сдѣлаете». Вотъ каковъ былъ экзаменъ нашъ! О, вы, родители, восхищающіеся часто чтеніемъ газетъ, видя въ нихъ имена дѣтей вашихъ, получившихъ за прилежность свою прейсы, послушайте, за что̀ я медаль получилъ. Тогдашній нашъ инспекторъ покровительствовалъ одного нѣмца, который принятъ былъ учителемъ географіи. Учениковъ у него было только трое. Но какъ учитель нашъ былъ тупѣе прежняго латинскаго, то пришелъ на экзаменъ съ полнымъ партищемъ пуговицъ, и мы слѣдственно экзаменованы безъ всякаго приготовленія. Товарищъ мой спрошенъ былъ: куда течетъ Волга? *Въ Черное море*, отвѣчалъ онъ; спросили о томъ же другаго моего товарища; *въ Бѣлое*, отвѣчалъ тотъ; сей же самый вопросъ сдѣланъ былъ мнѣ; *не знаю*, сказалъ я съ такимъ видомъ простодушія, что экзаменаторы единогласно мнѣ медаль присудили (*). Я, конечно, сказать правду, заслужилъ бы ее изъ класса практическаго нравоученія, но отнюдь не изъ географическаго.

Какъ бы то ни было, я долженъ съ благодарностію воспоминать университетъ. Ибо въ немъ, обучась по-латыни, положилъ основаніе нѣкоторымъ моимъ знаніямъ. Въ немъ научился я довольно нѣмецкому языку, а паче всего въ немъ получилъ я вкусъ къ словеснымъ наукамъ. Склонность моя къ писанію являлась еще въ младенчествѣ и я, упражняясь въ переводахъ на россійскій языкъ, достигъ до юношескаго возраста. Гласъ совѣсти велитъ мнѣ сказать, что до сегодня

Отъ юности моея мнози борятъ мя страсти.

А какія онѣ были, то возвѣстить книга вторая.

(*) Онъ три раза получалъ медали: въ 1-й разъ въ 1756 г. безъ означенія предмета, за который медаль присуждена, во 2-й золотую—въ 1759 г. за первенство въ высшихъ классахъ и въ 3-й золотую же—въ 1761 г., съ означеніемъ, что заслужилъ ее изъ нѣмецкаго высшаго класса. Въ послѣднемъ случаѣ медаль слѣдовала *Ростиславу Татищеву*, но «какъ оный въ томъ классѣ таковыя медали получалъ прежде, то нынѣ оную уступилъ помянутому второму по немъ ученику Фонъ-Визину». Въ 1760 г. присуждена была Фонъ-Визину также золотая медаль за отличіе вообще, но вмѣсто медали онъ былъ награжденъ воинскимъ чиномъ. Въ 1758 г. Фонъ-Визинъ былъ показанъ достойнымъ награжденія изъ класса историческаго и географическаго магистра Оттенталя, но не сказано, чтобы это награжденіе была медаль.

КНИГА ВТОРАЯ.

Господи! отврати лице Твое отъ грѣхъ моихъ.

Въ университетѣ былъ тогда книгопродавецъ, который услышалъ отъ моихъ учителей, что я способенъ переводить книги. Сей книгопродавецъ предложилъ мнѣ переводить Гольберговы басни; за труды обѣщалъ чужестранныхъ книгъ на пятьдесятъ рублей. Сіе подало мнѣ надежду имѣть со временемъ нужныя книги за одни мои труды. Книгопродавецъ сдержалъ слово и книги на условленныя деньги мнѣ отдалъ. Но какія книги! Онъ, видя меня въ лѣтахъ бурныхъ страстей, отобралъ для меня цѣлое собраніе книгъ соблазнительныхъ, украшенныхъ сквернымі эстампами, кои развратили мое воображеніе и возмутили душу мою. И кто знаетъ, не отъ сего ли времени началась скапливаться та болѣзнь, которою я столько лѣтъ стражду? О, вы, коихъ званіе обязываетъ надзирать надъ поведеніемъ молодыхъ людей, не допускайте развращаться ихъ воображенію, если не хотите ихъ погибели!—Узнавъ въ теоріи все то, что̀ мнѣ знать было еще рано, искалъ я жадно случая теоретическія мои знанія привесть въ практику. Къ сему показалась мнѣ годною одна дѣвушка, о которой можно сказать: толста, толста! проста, проста! Она имѣла мать, которую ближніе и дальніе, словомъ—цѣлая Москва признала и огласила набитою дурою. Я привязался къ ней и сей привязанности была причиною одна разность по́ловъ: ибо въ другое влюбиться было не во что. Умомъ была она въ матушку; я началъ къ ней ѣздить, казалъ ей книги мои, изъяснялъ эстампы и она въ теоріи получила равное со мною просвѣщеніе. Желалъ бы я преподавать ей и физическіе эксперименты, но не было удобности: ибо двери въ домѣ матушки ея, будучи сдѣланы національными художниками, ни одна не только не затворялась, но и не притворялась. Я пользовался маленькими вольностями, но какъ она мнѣ уже надоѣла, то часто вызывали мы къ намъ матушку ея отъ скуки для поговорки, которая, признаю грѣхъ мой, послужила мнѣ подлинникомъ къ сочиненію Бригадиршиной роли; по крайней мѣрѣ изъ всего моего приключенія родилась роль Бригадирши. Все сіе повѣствованіе доказываетъ, что я тогда не имѣлъ истиннаго понятія ни о тяжести грѣха, ни объ

истинной чести, ни о добромъ поведеніи. Заводя порочную связь, не представлялъ я себѣ никакихъ слѣдствій беззаконнаго моего начинанія; но признаюсь, что и тогда совѣсть моя говорила мнѣ, что дѣлаю дурно. Остеречь меня было нѣкому и вступленіе мое въ юношескій возрастъ было, такъ сказать, вступленіе въ пороки.

Теперь настало время сказать нѣчто о моемъ характерѣ и познакомить читателя съ умомъ моимъ и сердцемъ. Я наслѣдовалъ отъ отца моего какъ вспыльчивость, такъ и непамятозлобіе; отъ матери моей головную боль, которою она во всю жизнь страдала и которая, промучивъ меня все время моего младенчества, юношества и бо́льшую часть совершенныхъ лѣтъ, лишила меня многихъ способовъ къ счастію; напримѣръ: въ университетѣ пропускалъ я многія важныя лекціи за головною болью; въ юношествѣ головная боль мѣшала мнѣ часто показать мою исправность въ отправленіи службы, чрезъ что и заслужилъ я отъ одного начальника имя лѣнивца. Но со всѣмъ тѣмъ признаюсь, что головная боль послужила мнѣ и къ доброму, а именно не допустила меня сдѣлаться пьяницею, къ чему имѣлъ я великій случай и склонность. Природа дала мнѣ умъ острый, но не дала мнѣ здраваго разсудка. Весьма рано появилась во мнѣ склонность къ сатирѣ. Острыя слова мои носились по Москвѣ; а какъ они были для многихъ язвительны, то обиженные оглашали меня злымъ и опаснымъ мальчишкою; всѣ же тѣ, коихъ острыя слова мои лишь только забавляли, прославили меня любезнымъ и въ обществѣ пріятнымъ. Видя, что вездѣ принимаютъ меня за умнаго человѣка, заботился я мало о томъ, что разумъ мой похваляется на счетъ сердца и я прежде нажилъ непріятелей, нежели друзей. Молодые люди! не думайте, чтобъ острыя слова ваши составили вашу истинную славу; остановите дерзость ума вашего и знайте, что похвала, вамъ приписываемая, есть для васъ сущая отрава; а особливо, если чувствуете склонность къ сатирѣ, укрощайте ее всѣми силами вашими: ибо и вы безъ сомнѣнія подвержены будете одинакой судьбѣ со мною. Меня стали скоро бояться, потомъ ненавидѣть; и я вмѣсто того, чтобъ привлечь къ себѣ людей, отгонялъ ихъ отъ себя и словами и перомъ. Сочиненія мои были острыя ругательства: много было въ нихъ сатирической соли, но разсудка, такъ сказать, ни капли.

Сердце мое, не похвалясь скажу, предоброе. Я ничего такъ не боялся, какъ сдѣлать какую-нибудь несправедливость, и для того ни передъ кѣмъ такъ не трусилъ, какъ передъ тѣми, кои отъ меня зависѣли и кои отмстить мнѣ были не въ состояніи. Я, можетъ быть, истребилъ бы и склонность мою къ сатирѣ, еслибъ одинъ изъ сочениковъ моихъ, упражнявшійся въ стихахъ, мнѣ въ томъ не воспрепятствовалъ. Я прослылъ великимъ критикомъ и мой соченикъ весьма боялся, чтобы я не сталъ смѣяться стихамъ его; а дабы вѣрнѣе имѣть меня на своей сторонѣ, то сталъ онъ хвалить мои стихи; каждая строка его восхищала; но какъ тогда разсудокъ во мнѣ не дѣйствовалъ, то я со всею моею остротою не могъ проникнуть, для чего онъ такъ меня хвалилъ, и думалъ, что я похвалу его заслуживалъ. Такъ-то вертятъ головы молодымъ писателямъ!

Сей мой соченикъ былъ знакомъ со мною, достигши уже и въ совершенный возрастъ. Онъ былъ честный человѣкъ, благородныхъ качествъ. Заблужденіе его состояло въ томъ, что будто, не льстя, не можно быть учтиву. Онъ умеръ съ тѣмъ, что я родился быть великимъ писателемъ; а я съ тѣмъ жить остался, что ему въ этомъ не вѣрилъ и не вѣрю.

Въ бытность мою въ университетѣ учились мы весьма безпорядочно. Ибо со одной стороны причиною тому была ребяческая лѣность, а съ другой нерадѣніе и пьянство учителей. Ариѳметическій нашъ учитель пилъ смертную чашу; латинскаго языка учитель былъ примѣръ злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ; но голову имѣлъ преострую, и какъ латинскій, такъ и россійскій языкъ зналъ очень хорошо (*).

Въ сіе время тогдашній нашъ директоръ (**) вздумалъ ѣхать въ Петербургъ и везти съ собою нѣсколько учениковъ для показанія основателю университета (***) плодовъ сего училища. Я не знаю, какимъ образомъ попалъ я и братъ мой въ сіе число избранныхъ учениковъ. Директоръ съ своею

(*) Вѣроятно говорится о магистрѣ Яремскомъ.

(**) Ив. Ив. Мелиссино былъ (послѣ Алексѣя Михайловича Аргамакова) вторымъ директоромъ съ 24 апрѣля 1757 г. по 10 іюля 1763 г. Потомъ онъ былъ однимъ изъ кураторовъ моск. унив., съ 17 февраля 1771 г. по день кончины, 23 марта 1795 г.

(***) Ив. Ив. Шуваловъ (1727—1797).

супругою и человѣкъ десять насъ малолѣтныхъ отправились въ Петербургъ зимою (*). Сіе путешествіе было для меня первое, и слѣдственно трудное, такъ какъ и для всѣхъ моихъ товарищей; но благодарность обязываетъ меня къ признанію, что тягость нашу облегчало весьма милостивое вниманіе начальника. Онъ и супруга его имѣли смотрѣніе за нами, какъ за дѣтьми своими; и мы съ братомъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, стали въ домѣ роднаго дяди нашего. Онъ имѣетъ характеръ весьма кроткій и можно съ достовѣрностію сказать, что во всю жизнь свою съ намѣреніемъ никого не только дѣломъ, ниже словомъ не обидѣлъ.

Чрезъ нѣсколько дней директоръ представилъ насъ куратору. Сей добродѣтельный мужъ, котораго заслугъ Россія позабыть не должна, принялъ насъ весьма милостиво и, взявъ меня за руку, подвелъ къ человѣку, котораго видъ обратилъ на себя почтительное мое вниманіе. Тó былъ безсмертный Ломоносовъ! Онъ спросилъ меня: чему я учился? «По-латыни», отвѣчалъ я. Тутъ началъ онъ говорить о пользѣ латинскаго языка съ великимъ, правду сказать, краснорѣчіемъ. Послѣ обѣда въ тотъ же день были мы во дворцѣ на куртагѣ; но государыня не выходила. Признаюсь искренно, что я удивленъ былъ великолѣпіемъ двора нашей императрицы. Вездѣ сіяющее золото, собраніе людей въ голубыхъ и красныхъ лентахъ, множество дамъ прекрасныхъ, наконецъ огромная музыка, все сіе поражало зрѣніе и слухъ мой, и дворецъ казался мнѣ жилищемъ существа выше смертнаго. Сему такъ и быть надлежало: ибо тогда былъ я не старѣе четырнадцати лѣтъ, ничего еще не видывалъ, все казалось мнѣ ново и прелестно. Пріѣхавъ домой, спрашивалъ я у дядюшки: часто ли бываютъ у двора куртаги? «Почти всякое воскресенье», отвѣчалъ онъ. И я рѣшился продлить пребываніе мое въ Петербургѣ сколько

(*) Это было, вѣроятно, въ январѣ 1758 г., когда Мелиссино во 2-й разъ ѣздилъ въ Петербургъ. Кромѣ Фонъ-Визина онъ бралъ, въ числѣ 10 воспитанниковъ, прославившихся въ послѣдствіи Гр. Ал. Потемкина и Я. И. Булгакова. Въ одно время съ Фонъ-Визинымъ въ моск. унив. еще обучались между прочими: братъ его Павелъ Ив., Арк. Ив. Марковъ (впослѣдствіи графъ), Петръ Вас. Лопухинъ (впосл. свѣтлѣйшій князь), Сергѣй Герас. Домашневъ, В. Г. Рубанъ, Ал. Гр. Каринъ, Вас. Елагинъ, Петръ Аргамаковъ и др., а также слушалъ лекціи И. Ѳ. Богдановича.

можно долѣе, дабы чаще видѣть дворъ. Но сіе желаніе было дѣйствіе любопытства и насыщенія чувствъ. Мнѣ хотѣлось чаще видѣть великолѣпіе двора и слышать пріятную музыку, но скоро сіе желаніе исчезло. Доброе сердце мое тосковать стало о моихъ родителяхъ, которыхъ захотѣлось мнѣ видѣть нетерпѣливо: день полученія отъ нихъ писемъ былъ для меня пріятнѣйшій и я самъ по нѣскольку разъ заѣзжалъ на почту за письмами.

Но ничто въ Петербургѣ такъ меня не восхищало, какъ театръ, который я увидѣлъ въ первый разъ отъ роду. Играли русскую комедію, какъ теперь помню, *Генрихъ и Пернилла* (*). Тутъ видѣлъ я Шумскаго (**), который шутками своими такъ меня смѣшилъ, что я, потерявъ благопристойность, хохоталъ изо всей силы. Дѣйствія, произведеннаго во мнѣ театромъ, почти описать невозможно: комедію, видѣнную мною, довольно глупую, считалъ я произведеніемъ величайшаго разума, а актеровъ — великими людьми, коихъ знакомство, думалъ я, составило бы мое благополучіе. Я съ ума было сошелъ отъ радости, узнавъ, что сіи комедіянты вхожи въ домъ дядюшки моего, у котораго я жилъ. И дѣйствительно, чрезъ нѣкоторое время познакомился я тутъ съ покойнымъ Ѳедоромъ Григорьевичемъ Волковымъ (***), мужемъ глубокаго разума, наполненнаго достоинствами, который имѣлъ большія знанія и могъ бы быть человѣкомъ государственнымъ. Тутъ познакомился я съ славнымъ нашимъ актеромъ Иваномъ Аѳанасьевичемъ Дмитревскимъ, человѣкомъ честнымъ, умнымъ, знающимъ и съ которымъ дружба моя до сихъ поръ продолжается. Стоя въ партерахъ, свелъ я знакомство съ сыномъ одного знатнаго господина, которому физіономія моя понравилась; но какъ скоро спросилъ онъ меня, знаю ли я по-французски, и услышалъ отъ меня, что не знаю, то онъ вдругъ перемѣнился и ко мнѣ похолодѣлъ: онъ счелъ меня невѣждою и худо воспитаннымъ, началъ надо мною шпынять; а я, примѣтя изъ оборота рѣчей его, что онъ кромѣ французскаго, коимъ говорилъ также плохо, не смыслитъ болѣе ничего, сталъ отъѣдаться и моими эпиграммами загонялъ его такъ, что онъ унялся отъ насмѣшки и сталъ звать

(*) Комедія Гольберга, переводъ Нартова.

(**) Комическій актеръ, особенно отличавшійся въ роли слугъ.

(***) Основатель русскаго театра (1729—1763). Дмитревскій (стр. 366).

меня въ гости; я отвѣчалъ учтиво и мы разошлися пріятельски. Но тутъ узналъ я, сколько нуженъ молодому человѣку французскій языкъ, и для того твердо предпринялъ и началъ учиться оному, а между тѣмъ продолжалъ латинскій, на коемъ слушалъ логику у профессора Шадена (*), бывшаго тогда ректоромъ. Сей ученый мужъ имѣетъ отмѣнное дарованіе преподавать лекціи и изъяснять такъ внятно, что успѣхи наши были очевидны, и мы съ братомъ скоро потомъ произведены были въ студенты. Въ самое же сіе время не оставлялъ я упражняться въ переводахъ на россійскій языкъ съ нѣмецкаго: перевелъ «Сиѳа, царя египетскаго» (**), но не весьма удачно. Знаніе мое въ латинскомъ языкѣ пособило мнѣ весьма къ обученію французскаго. Черезъ два года я могъ разумѣть Вольтера и началъ переводить стихами его «Альзиру». Сей переводъ есть не что иное, какъ грѣхъ юности моея, но со всѣмъ тѣмъ встрѣчаются и въ немъ хорошіе стихи.

Въ 1762 году былъ уже я сержантъ гвардіи; но какъ желаніе мое было гораздо болѣе учиться, нежели ходить въ караулы на съѣзжую, то уклонялся я сколько могъ отъ дѣйствительной службы. По счастію моему, дворъ прибылъ въ Москву, и тогдашній вице-канцлеръ (***) взялъ меня въ иностранную коллегію переводчикомъ капитанъ-поручичья чина, чѣмъ я былъ доволенъ (†). А какъ переводилъ я хо-

---

(*) Іоганъ Маттіасъ Шаденъ, докторъ философіи и профессоръ московскаго университета, р. въ Пресбургѣ, ум. въ Москвѣ въ 1797.

(**) Вѣроятно 1-ю часть, ибо она вышла въ 1762 г.; но оканчивалъ переводъ Фонъ-Визинъ въ Петербургѣ и 2 ч. явилась только въ 1763 г., а 4-я уже въ 1768 г.

(***) Кн. Александръ Михайловичъ Голицынъ (1723—1807).

(†) Изъ госуд. коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ московскій унив. была послана тогда промеморія:

«Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку сержантъ и онаго университета студентъ Денисъ Фонъ-Визинъ поданнымъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ прошеніемъ представилъ, что онъ въ имп. моск. университетѣ обучался латинскому, французскому и нѣмецкому языкамъ и желаетъ нынѣ при дѣлахъ оной коллегіи служить, почему оный Фонъ-Визинъ въ тѣхъ языкахъ свидѣтельствованъ и найденъ въ знаніи оныхъ достаточнымъ и къ дѣламъ оной коллегіи способнымъ; и потому коллегія иностр. дѣлъ отъ имп. моск. унив. требуетъ, чтобъ оный благоволилъ помянутаго сержанта Фонъ-Визина, выключа изъ числа университетскихъ студентовъ, прислать въ оную коллегію для опредѣленія по желанію и способности его, о чемъ равномѣрно писано и л.-гв. семеновскаго полку въ полковую канцелярію.

рошо, то покойный тогдашній канцлеръ (*) важнѣйшія бумаги отдавалъ именно для перевода мнѣ. Въ тотъ же годъ посланъ я былъ съ екатерининскою лентою къ покойной герцогинѣ Мекленбургъ-Шверинской. Мнѣ велѣно было заѣхать въ Гамбургъ, откуда министръ нашъ повезъ меня самъ въ Шверинъ. Тогда былъ я еще сущій ребенокъ и почти не имѣлъ понятія о свѣтскомъ обращеніи; но какъ я читалъ уже довольно и имѣлъ природную остроту, то у шверинскаго двора не показался я невѣждою. И впрочемъ поведеніемъ своимъ пріобрѣлъ я благоволеніе герцогини и одобреніе публики. Возвратясь въ Россію съ рекомендаціею нашего министра о моемъ поведеніи, имѣлъ я счастіе быть весьма хорошо принятымъ моими начальниками; а между тѣмъ переводъ мой «Альзиры» сталъ дѣлать много шума и я самъ началъ имѣть нѣкоторое мнѣніе о моемъ дарованіи; но признаюсь, что, будучи недоволенъ переводомъ, не отдалъ его ни на театръ, ни въ печать.

Въ 1763 году ѣздилъ я въ Петербургъ; но въ иностранной коллегіи остался не долго. Одинъ кабинетъ-министръ (**) имѣлъ надобность взять кого-нибудь изъ коллегіи; а какъ по Альзирѣ моей замѣченъ былъ я съ хорошей стороны, то именнымъ указомъ (***) велѣно мнѣ было быть при томъ кабинетъ-министрѣ. Я ему представился и былъ принятъ отъ него тѣмъ милостивѣе, что самъ онъ, прославясь своимъ витійствомъ на русскомъ языкѣ, покровительствовалъ молодыхъ писателей. Я могу похвалиться, что сей новый мой начальникъ обходился со мною какъ надобно съ дворяниномъ; но въ домѣ его повсечасно былъ человѣкъ давно ему знакомый и носившій его полную довѣренность (†). Сей человѣкъ, имѣющій впрочемъ разумъ, былъ безпримѣрнаго высокомѣрія и нравомъ тяжелъ пренесносно. Онъ упражнялся въ сочиненіяхъ на русскомъ языкѣ; физіономія ли моя, или не весьма скромный мой отзывъ о его перѣ,

---

Октября 24 дня 1762 г. (Подписали): *Г. Михайла Воронцовъ* и *К. Александръ Голицынъ*».

Такая-же промеморія была прислана 30 марта 1764 г. о л.-гв. преображенскаго полка капралѣ и студентѣ моск. унив. *Аркадіи Марковѣ*.

(*) Гр. Мих. Ларіон. Воронцовъ (1714 — 1767).

(**) И. П. Елагинъ (1725 — 1796).

(***) 7 октября 1763 г.

(†) В. И. Лукинъ (стр. 357).

причиною стали его ко мнѣ ненависти. Могу сказать, что въ домѣ самаго честнаго и снисходительнаго начальника велъ я жизнь самую непріятнѣйшую отъ дѣйствія ненависти его любимца. Я былъ бы нечувствительный человѣкъ, если бъ не вспоминалъ съ благодарностію, что сей начальникъ, узнавая меня короче, сталъ болѣе любить меня, можетъ быть, примѣчая доброту моего сердца, или за открывающіяся во мнѣ нѣкоторыя дарованія, кои стали дѣлать ему пріятнымъ мое общество. Покровительство его никогда отъ меня не отнималось. Я увѣренъ, что сохраню его во всю жизнь мою.

Въ то же самое время вступилъ я въ тѣсную дружбу съ однимъ княземъ, молодымъ писателемъ (*), и вошелъ въ общество, о коемъ я донынѣ безъ ужаса вспомнить не могу. Ибо лучшее препровожденіе времени состояло въ богохуліи и кощунствѣ. Въ первомъ не принималъ я никакого участія и содрогался, слыша ругательство безбожниковъ; а въ кощунствѣ игралъ я и самъ не послѣднюю роль, ибо всего легче шутить надъ святыней и обращать въ смѣхъ то, что должно быть почтенно. Въ сіе время сочинилъ я посланіе къ *Шумилову*, въ коемъ нѣкоторые стихи являютъ тогдашнее мое заблужденіе, такъ что отъ сего сочиненія у многихъ прослылъ я безбожникомъ. Но Господи! тебѣ извѣстно сердце мое; ты знаешь, что оно всегда благоговѣйно тебя почитало и что сіе сочиненіе было дѣйствіе не безвѣрія, но безразсудной остроты моей.

Тогда сдѣлалъ я «Бригадира»; скоро потомъ перевелъ «Іосифа» и все сіе окончилъ въ Москвѣ, въ которой познакомился я съ однимъ полковникомъ, человѣкомъ честнымъ, но легкомысленнымъ, имѣющимъ жену препочтенную; но какъ она любила мужа своего смертно, а онъ разорялся на одну дѣвку, то жизнь жены его была самая несчастная. Однажды я, проводя у нихъ вечеръ, нашелъ тутъ сестру ея родную, женщину плѣняющаго разума, которая достоинствами своими тронула сердце мое и вселила въ него совершенное къ себѣ почтеніе. Я познакомился съ нею и скоро узналъ, что почтеніе мое превратилось въ нелицемѣрную къ ней привязанность. Я не смѣлъ ей открыться, ибо она была замужемъ и не подавала мнѣ ни малѣйшаго

(*) Ѳ. А. Козловскій (стр. 861).

повода къ объясненію, напротивъ того всегда меня убѣгала. И хотя я примѣчалъ, что шутки мои, чтеніе моихъ сочиненій и вообще я ей не неправился, однако важный ея видъ держалъ меня въ почтеніи къ ней. Скоро потомъ полковникъ съ женою и съ нею поѣхали въ подмосковную и меня пригласили, а особливо она уговаривала меня съ ними ѣхать и мы на нѣсколько дней переселились въ деревню. Тутъ проживши съ недѣлю, такъ я въ нее влюбился, что никогда оставить ее не могъ и съ тѣхъ поръ во все теченіе моей жизни по сей часъ сердце мое всегда было занято ею. Ибо страсть моя основана на почтеніи и не зависѣла отъ разности пòловъ. Здѣсь долженъ я сказать, что частое мое посѣщеніе полковника возбудило вниманіе публики. Клеветники приписали оное на счетъ жены его; но я долгомъ чести и совѣсти поставляю признаться, что сей слухъ былъ сущая клевета, ибо ни я къ ней, ни она ко мнѣ, кромѣ нелицемѣрнаго дружества, другаго чувства никакого не имѣли. Изъ деревни возвратясь въ Москву, сталъ я собираться въ Петербургъ, а сестра полковницы къ мужу, стоявшему съ полкомъ недалече отъ Москвы. Наканунѣ моего отъѣзда, увидясь съ нею наединѣ, открылся я ей въ страсти моей искренно. «Ты ѣдешь», отвѣчала она мнѣ, «и Богъ знаетъ, увидимся ли мы еще; я на тебя самого ссылаюсь, какъ я тебя убѣгала и какъ старалась скрыть отъ тебя истинное состояніе сердца моего; но разлученіе съ тобою и неизвѣстность свиданія, а паче всего сильная страсть моя къ тебѣ, не позволяетъ мнѣ долѣе притворяться: я люблю тебя и вѣчно любить буду.» Я такъ почиталъ сію женщину, что признаніемъ ея не смѣлъ и помыслить воспользоваться; но, условясь съ нею о нашей перепискѣ, простился, оставя ее въ прегорькихъ слезахъ (*). Я пріѣхалъ въ Петербургъ и привезъ съ собою «Бригадира» и «Іосифа». Надобно примѣтить, что я обѣ сіи книги читалъ мастерски. Чтеніе мое заслужило вниманіе покойнаго Александра Ильича Бибикова и графа Григорья Григорьевича Орлова (**), который не приминулъ

(*) Памятью этой любви осталось посвященіе Фонъ-Визина при переводѣ «Сидней и Силли» (1760).

(**) А. И. Бибиковъ см. примѣчаніе на стр. XXIII, графъ Гр. Гр. Орловъ (1734—1783), съ 1773 г. князь Римской имперіи, тогда былъ генералъ-адъютантомъ, ген.-аншефомъ, подполковникомъ л. гв. коннаго полка, камергеромъ, президентомъ въ канцеляріи опекунства иностранныхъ и надъ фортификаціями генералъ-директоромъ.

донести о томъ государынѣ. Въ самый Петровъ день графъ прислалъ ко мнѣ спросить: ѣду ли я въ Петергофъ, и если ѣду, то взялъ бы съ собою мою комедію «Бригадира». Я отвѣчалъ, что исполню его повелѣніе. Въ Петергофѣ на балѣ графъ, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: «Ея величество приказала послѣ бала вамъ быть къ себѣ, и вы съ комедіею извольте идти въ Эрмитажъ». И дѣйствительно, я нашелъ ея величество готовую слушать мое чтеніе. Никогда не бывъ столь близко государя, признаюсь, что я началъ-было нѣсколько робѣть, но взоръ россійской благотворительницы и гласъ ея, идущій къ сердцу, ободрилъ меня; нѣсколько словъ, произнесенныхъ монаршими устами, привели меня въ состояніе читать мою комедію предъ нею съ обыкновеннымъ моимъ искусствомъ. Во время же чтенія, похвалы ея давали мнѣ новую смѣлость, такъ что послѣ чтенія былъ я завлеченъ къ нѣкоторымъ шуткамъ и потомъ, облобызавъ ея десницу, вышелъ, имѣя отъ нея всемилостивѣйшее привѣтствіе за мое чтеніе.

Дни черезъ три положилъ я изъ Петергофа возвратиться въ городъ, а между тѣмъ встрѣтился въ саду съ графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ, которому я никогда представленъ не былъ; но онъ самъ, остановивъ меня: «Слуга покорный», сказалъ мнѣ, «поздравляю васъ съ успѣхомъ комедіи вашей; я васъ увѣряю, что нынѣ во всемъ Петергофѣ ни о чемъ другомъ не говорятъ, какъ о комедіи и о чтеніи вашемъ. Долго ли вы здѣсь останетесь?» спросилъ онъ меня. — Черезъ нѣсколько часовъ ѣду въ городъ, отвѣчалъ я. «А мы завтра», сказалъ графъ; «я еще хочу, сударь», продолжалъ онъ, «попросить васъ: его высочество желаетъ весьма слышать чтеніе ваше и для того, по пріѣздѣ нашемъ въ городъ, не умедлите ко мнѣ явиться съ вашею комедіею, а я представлю васъ великому князю и вы можете прочитать ее намъ.» — Я не премину исполнить повелѣніе ваше, отвѣчалъ я, и почту за верхъ счастія моего имѣть моими слушателями его императорское высочество и ваше сіятельство. — «Государыня похваляетъ сочиненіе ваше и всѣ вообще очень довольны», говорилъ графъ. — Но я тогда только совершенно доволенъ буду, когда ваше сіятельство удостоите меня своимъ покровительствомъ, отвѣтствовалъ я. — «Мнѣ будетъ очень пріятно», сказалъ онъ, «если могу быть вамъ въ чемъ полезенъ.» Сіе слово

произнесъ онъ съ такимъ видомъ чистосердечія и честности, что сердце мое съ сей минуты къ нему привержено стало и какъ будто предчувствовало, что онъ будетъ мнѣ первый и истинный благодѣтель.

По возвращеніи моемъ въ городъ, узналъ я на другой день, что его высочество возвратился. Я немедленно пошелъ во дворецъ къ графу Никитѣ Ивановичу. Мнѣ сказали, что онъ въ антресоляхъ; я просилъ, чтобы ему обо мнѣ доложили. Въ ту минуту позванъ былъ я къ графу; онъ принялъ меня очень милостиво. «Я тотчасъ одѣнусь», сказалъ онъ мнѣ, «а ты посиди со мною». Я примѣтилъ, что онъ въ разговорахъ своихъ со мною старался узнать не только то, какія я имѣю знанія, но и какія мои моральныя правила. Одѣвшись, повелъ меня къ великому князю, и представилъ ему меня какъ молодаго человѣка отличныхъ качествъ и рѣдкихъ дарованій. Его высочество изъявилъ мнѣ въ весьма милостивыхъ выраженіяхъ, сколько желаетъ онъ слышать мою комедію. «Да вотъ послѣ обѣда», сказалъ графъ, «ваше высочество ее услышите». Потомъ, подошедъ ко мнѣ: «Вы», сказалъ, «извольте остаться при столѣ его высочества». Какъ скоро столъ отошелъ, то послѣ кофе посадили меня, и его высочество съ графомъ и съ нѣкоторыми двора своего сѣли около меня. Чрезъ нѣсколько минутъ тономъ чтенія моего произвелъ я во всѣхъ слушателяхъ прегромкое хохотанье. Паче всего вниманіе графа Никиты Ивановича возбудила Бригадирша. «Я вижу», сказалъ онъ мнѣ, «что вы очень хорошо нравы наши знаете, ибо Бригадирша ваша всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимоѳеевну не имѣетъ или бабушку, или тетушку, или какую-нибудь свойственницу». По окончаніи чтенія, Никита Ивановичъ дѣлалъ свое разсужденіе на мою комедію. «Это въ нашихъ нравахъ первая комедія», говорилъ онъ, «и я удивляюсь вашему искусству, какъ вы, заставя говорить такую дурищу во всѣ пять актовъ, сдѣлали однако роль ея столько интересною, что все хочется ее слушать; я не удивляюсь, если сія комедія столь много имѣетъ успѣха; совѣтую вамъ не оставлять вашего дарованія». — Ваше сіятельство, говорилъ я, для меня ничего лестнѣе быть не можетъ, какъ такое одобреніе ваше. Его высочеству, съ своей стороны, угодно было сказать мнѣ за мое чтеніе многія весьма лестныя

привѣтствія. А графъ, когда вошли мы въ другую комнату, сказалъ: «вы можете ходить къ его высочеству и при столѣ оставаться, когда только хотите». Я благодарилъ за сію милость. «Одолжи же меня», сказалъ графъ, «и принеси свою комедію завтра ввечеру ко мнѣ. У меня будетъ мое общество и мнѣ хочется, чтобы вы ее прочли». Я съ радостію обѣщалъ сіе графу и на другой день ввечеру чтеніе мое имѣло тотъ же успѣхъ, какъ и при его высочествѣ.

Я забылъ сказать, что имѣлъ даръ принимать на себя лицо и говорить голосомъ весьма многихъ людей. Тогда передражнивалъ я покойнаго Сумарокова, могу сказать, мастерски, и говорилъ не только его голосомъ, но и умомъ, такъ что онъ бы самъ не могъ сказать другаго, какъ то, что я говорилъ его голосомъ; словомъ сказать, вечеръ провели очень весело и графъ мною былъ чрезмѣрно доволенъ.

Первое воскресенье пошелъ я къ его высочеству и тамъ долженъ былъ повторить то, что я дѣлалъ у графа ввечеру. Дарованіе мое понравилось всѣмъ, и графъ обошелся со мною отмѣнно милостиво.

Въ сей день представленъ былъ я графомъ брату его, графу Петру Ивановичу (*), который звалъ меня на другой день обѣдать и читать комедію. «И я у тебя обѣдаю», сказалъ графъ брату своему; «я не хочу пропустить случая слушать его чтеніе. Рѣдкій талантъ! У него, братецъ, въ комедіи есть одна Акулина Тимоѳеевна: когда онъ роль ея читаетъ, тогда я самое ее и вижу, и слышу».

Чтеніе мое у графа Петра Ивановича имѣло успѣхъ обыкновенный. Покойный графъ Захаръ Григорьевичъ (**) былъ тутъ моимъ слушателемъ. «А завтра», сказалъ онъ мнѣ, «милости прошу откушать у меня и прочесть комедію вашу». Потомъ пригласилъ онъ обоихъ графовъ. Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ (***) сдѣлалъ мнѣ ту же честь и я вседнево званъ былъ обѣдать и читать. Равное же вниманіе ко мнѣ показали: графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, который всю жизнь свою посвятилъ единой до-

---

(*) См. примѣч. на стр. XXIII.

(**) Чернышевъ (1722 — 1784), см. стр. 392.

(***) Братъ предыдущаго (р. 1726 ум. 1797), тогда камергеръ, генералъ-поручикъ и членъ адмиралтейской коллегіи, былъ впослѣдствіи ея вице-президентомъ и президентомъ, въ чинѣ генералъ-фельдмаршала по флоту. Въ 1768 — 1769 г. онъ былъ посланникомъ въ Англіи.

бродѣтели, графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ (*), покойныя: графиня Марья Андреевна Румянцова (**), графиня Катерина Борисовна Бутурлина (***) и графиня Анна Карловна Воронцова (†). И я, объѣздя звавшихъ меня, съ недѣлю отдыхалъ; а между тѣмъ пріѣхалъ ко мнѣ тотъ князь, съ коимъ я имѣлъ непріятное общество. Онъ разсказывалъ мнѣ, что весь Петербургъ наполненъ моею комедіею, изъ которой многія острыя слова употребляются уже въ бесѣдахъ. «Мнѣ поручилъ», сказалъ князь, «звать тебя обѣдать графъ *** (††). Поѣдемъ къ нему завтра». Сей графъ былъ человѣкъ знатный по чинамъ, почитаемый умнымъ человѣкомъ, но погрязшій въ сладострастіе. Онъ былъ уже старыхъ лѣтъ и все дозволялъ себѣ, потому что ничему не вѣрилъ. Сей старый грѣшникъ отвергалъ даже бытіе Вышняго Существа. Я поѣхалъ къ нему съ княземъ, надѣясь найти въ немъ по крайней мѣрѣ разсуждающаго человѣка; но поведеніе его иное мнѣ показало. Ему вздумалось за обѣдомъ открыть свой образъ мыслей, или, лучше сказать, свое безбожіе при молодыхъ людяхъ, за столомъ бывшихъ, и при слугахъ. Разсужденія его были софистическія и безуміе явное; но со всѣмъ тѣмъ поколебали душу мою. Послѣ обѣда поѣхалъ я съ княземъ домой. «Что?» спросилъ онъ меня, «нравится ли тебѣ это общество?» — Прошу меня отъ него уволить, отвѣчалъ я; ибо не хочу слышать такихъ умствованій, кои не просвѣщаютъ, но помрачаютъ человѣка.— Тутъ казалось мнѣ, что пришло въ мою голову наитіе здраваго разсудка. Я въ каретѣ разсуждалъ о безуміи невѣрія очень справедливо и объяснялся весьма выразительно, такъ что князь ничего отвѣчать мнѣ не могъ.

Скоро дворъ переѣхалъ въ Царское Село; а какъ тотъ

(*) См. стр. 433.

(**) Гр. М. А. Румянцова (ум. 1788), штатсъ-дама Екатерины II, дочь Андрея Артамоновича Матвѣева, была въ замужствѣ за гр. Александромъ Ивановичемъ Румянцовымъ. Сынъ ихъ — знаменитый Задунайскій герой гр. Петръ Александровичъ.

(***) Гр. К. Б. Бутурлина (1702 — 1772), дочь кн. Бориса Ивановича Куракина, была второй женою генералъ-фельдмаршала гр. Александра Борисовича Бутурлина (1694 — 1767).

(†) Оберъ-гофмейстерина Екатерины II (род. 1723 ум. 1775), рожденная княжна Скавронская, жена государственнаго канцлера гр. Михаила Ларіоновича Воронцова (1714 — 1767).

(††) Этотъ графъ, Андрей Михайловичъ —скій, умеръ въ 1767 г., въ чинѣ генералъ-аншефа, и имѣлъ орденъ св. Александра Невскаго.

кабинетъ-министръ, при коемъ я находился, долженъ былъ, по званію своему, слѣдовать за дворомъ, то взялъ и меня въ Царское Село. Я, терзаемъ будучи мыслями, поселенными въ меня безбожническою бесѣдою, хотѣлъ досужное время въ Царскомъ Селѣ употребить на дѣло мнѣ полезнѣйшее, а именно, подумавъ хорошенько и призвавъ Бога въ помощь, хотѣлъ опредѣлить систему мою въ разсужденіи вѣры. Съ сего времени считаю я вступленіе мое въ совершенный возрастъ, ибо началъ чувствовать дѣйствіе здраваго разсудка. Сіе время жизни моей содержитъ въ себѣ:

КНИГА ТРЕТІЯ.

Господи! всѣмъ сердцемъ моимъ испытую заповѣди Твоя.

Итакъ отправился я съ начальникомъ моимъ въ Царское Село, въ твердомъ намѣреніи упражняться въ богомысліи; а чтобъ было мнѣ изъ чего почерпнуть правила вѣры, то взялъ я съ собою русскую Библію; для удобнѣйшаго же пониманія, взялъ ту же книгу на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Пріѣхавъ въ Царское Село, обрадовался я, нашедъ отведенную для меня комнату особливую, въ которой ничто упражненіямъ моимъ не могло препятствовать. Первое утро открылъ я Библію и мнѣ какъ нарочно встрѣтилось мѣсто, которое весьма приличествовало моему намѣренію, а именно, глава VI Второзаконія:

«И да будутъ тебѣ словеса сія, яже азъ заповѣдаю тебѣ «днесь, въ сердцѣ твоемъ, и въ душѣ твоей; и да нака«жеши ими сыны твоя, и да глаголеши о нихъ сѣдяй въ «дому, и идый путемъ, и лежа, и возстая» *(ст. 7)*.

Сіе встрѣтившееся мнѣ толь кстати мѣсто изъ Священнаго Писанія наложило на меня долгъ всякую досужную минуту посвятить испытанію о Вышнемъ Существѣ. Время было прекрасное и я положилъ каждое утро ходить въ садъ и размышлять. Однажды въ саду встрѣтилъ я въ уединеніи гуляющаго Григорья Николаевича Теплова (*), съ коимъ я

(*) Г. Н. Тепловъ (стр. 379), занимался и литературою. Онъ писалъ о нравственной философіи, о посѣвѣ табаку, о врачебной наукѣ, о географіи и переводилъ сатиры Кантемира на латинскій языкъ. Онъ-же недобросовѣстно *подводилъ* прямодушнаго и благороднаго Ломоносова подъ гнѣвъ

уже познакомился въ домѣ начальника моего. Григорій Николаевичъ пригласилъ меня ходить съ собою. Онъ достойно имѣлъ славу умнаго человѣка. Разумъ его былъ ученіемъ просвѣщенный; словомъ, я съ великимъ удовольствіемъ пошелъ гулять съ нимъ по саду и онъ говорилъ мнѣ, что желаетъ слышать комедію мою въ своемъ домѣ читанную мною. Я обѣщалъ сдѣлать ему сію услугу. Онъ спрашивалъ, меня, кому я ее читалъ. Я перечелъ ему всѣхъ поименно и не скрылъ отъ него, сколько смущаетъ душу мою посѣщеніе графа ***. «Итакъ, вы хотите опредѣлить систему въ разсужденіи вѣры вашей», говорилъ Григорій Николаевичъ. «Съ чего жъ вы начинаете?» — Я начинаю, отвѣчалъ я, съ разсмотрѣнія, какіе люди отвергаютъ бытіе Божіе и стоютъ ли они какой-нибудь довѣренности. — «Умное дѣло дѣлаете», говорилъ Григорій Николаевичъ, «когда стараетесь успокоить совѣсть свою въ толь важномъ дѣлѣ, каково есть удостовѣреніе о бытіи Божескомъ». — Ваше превосходительство! говорилъ я ему, я прошу васъ, какъ умнаго человѣка, подать мнѣ наставленіе, какимъ способомъ могу я достигнуть до сего удостовѣренія. — «Сядемъ здѣсь», сказалъ онъ, подведя меня къ одной лавкѣ: «мы можемъ здѣсь о чемъ хотимъ безпрепятственно бесѣдовать!» Я намѣренъ сію бесѣду описать здѣсь, сколько могу вспомнить.

Я. — Я вижу, что безбожники раздѣляются на нѣсколько классовъ ([62]): одни суть невѣжды и глупые люди. Они никогда ничего внимательно не разсматриваютъ, а прочитавъ Вольтера и не понявъ его, отвергаютъ бытіе Божіе для того, что полагаютъ себѣ славою почитаться выше всѣхъ предразсудковъ; ибо они считаютъ предразсудкомъ то, чего слабый ихъ разсудокъ понять не можетъ.

Григорій Николаевичъ. — Сіи людишки не невѣруютъ, а желаютъ, чтобы ихъ считали невѣрующими, ибо вмѣняютъ себѣ въ стыдъ не быть съ Вольтеромъ одного мнѣнія. Я знаю, что Вольтеръ развратилъ множество молодыхъ людей въ Европѣ; однако, вѣрьте мнѣ, что для развращенія юношества нѣтъ нужды ни въ Вольтеровомъ умѣ, ни въ его да-

---

президента Академіи Наукъ. Ломоносовъ публично назвалъ его за это *подлячимъ и плутомъ*, и едва не былъ разжалованъ изъ совѣтниковъ. Скажемъ кстати, что заподозривъ В. К. Тредьяковскаго въ рецензіи на одно изъ своихъ «твореній», Тепловъ призвалъ Тредьяковскаго и «ругалъ, какъ хотѣлъ, м...., и грозилъ шпагою заколоть».

рованіяхъ. Графъ, у котораго вы обѣдали, сдѣлалъ въ Россіи не меньше разврата Вольтерова, имѣвъ голову довольно ограниченную. Я знаю, что молодаго слабенькаго человѣка можетъ развратить такой, кто еще ограниченнѣе графа: примѣръ сему видѣлъ я на сихъ дняхъ моими глазами.

Я. — Позвольте спросить, ваше превосходительство, какъ это было?

Григорій Николаевичъ. — На сихъ дняхъ случилось мнѣ быть у одного пріятеля, гдѣ видѣлъ я двухъ гвардіи унтеръ-офицеровъ. Они имѣли между собою большое преніе: одинъ утверждалъ, другой отрицалъ бытіе Божіе. Отрицающій кричалъ: «Нечего пустяки молоть; а Бога нѣтъ». Я вступился и спросилъ его: «Да кто тебѣ сказывалъ, что Бога нѣтъ?» — «Петръ Петровичъ Чебышовъ (*) вчера на гостиномъ дворѣ», отвѣчалъ онъ. — «Нашелъ и мѣсто!» сказалъ я.

Я. — Странно мнѣ кажется, что Чебышовъ на старости вздумалъ на гостиномъ дворѣ проповѣдывать безбожіе.

Григорій Николаевичъ. — О, какъ я вижу, вы его не знаете.

Тутъ началъ онъ описывать голову Чебышова ругательски, или, справедливѣе сказать, сталъ его бранить, такъ что я долженъ былъ предполагать у него съ Чебышовымъ личную ненависть, и для того хотѣлось мнѣ перемѣнить сію матерію, а возвратиться на прежнюю.

Я. — Есть и еще родъ безбожниковъ, кои умствуютъ и думаютъ доказать доводами, что Богъ не существуетъ. Противу сихъ послѣднихъ желалъ бы я имѣть оружіе и доказать имъ ихъ безумство. Я прошу ваше превосходительство дать мнѣ наставленіе отсюдѣ туда могу почерпнуть наилучшіе доводы о бытіи Божіемъ.

Григорій Николаевичъ. — Извѣстны ли вамъ сочиненія г-на Кларка (**), который писалъ противу Гоббезія, Спинозы и ихъ послѣдователей? Кларкъ восторжествовалъ надъ ни-

(*) П. П. Чебышовъ до 1768 г. служилъ л.-гв. въ преображенскомъ полку. 24 окт. 1768 г. онъ переименованъ изъ гвардейскихъ капитановъ въ бригадиры и назначенъ къ исправленію должности оберъ-прокурора св. синода; 17 февраля 1770 г. утвержденъ въ этой должности и занималъ ее по 1774 г.; потомъ былъ не у дѣлъ до 1790 г., въ которомъ назначенъ въ должность вице-президента въ конторѣ главнаго магистрата въ Петербургѣ, но оставался здѣсь не долго.

(**) Самуэль Кларкъ (1675 — 1729), англійскій писатель. Фонъ-Визинъ переводилъ его «Разсужденіе», вѣроятно, съ нѣмецкаго перевода.

ми: онъ, логически выводя одну истину изъ другой, составилъ, такъ сказать, неразрывную цѣпь доказательствъ бытія Божія и уже ни одинъ безбожникъ умствованіями своими не вывернется отъ его убѣжденій.

Я. — Мнѣ не извѣстны Кларковы сочиненія, но я тотчасъ сію книгу выпишу изъ Петербурга.

Григорій Николаевичъ. — А я не сомнѣваюсь, что вы Кларкомъ будете довольны.

Здѣсь кончилась наша бесѣда. Я, пришедъ домой, тотчасъ написалъ въ Петербургъ, чтобъ прислали ко мнѣ сочиненія Кларка. Между тѣмъ, будучи воспитанъ въ христіанскомъ законѣ и находя заповѣди Христовы сходственными съ моимъ собственнымъ сердцемъ, думалъ я: если Кларкъ доказалъ бытіе Божіе неоспоримыми доводами, то какъ бы я былъ доволенъ, нашедъ въ его твореніяхъ доказанную истину христіанскаго исповѣданія.

На другой день привезли ко мнѣ книгу, подъ заглавіемъ: *Самуэля Кларка доказательства бытія Божія и истины христіанскія вѣры.*

Того-то я и желалъ! Съ жадностію бросился я читать сію драгоцѣнную книгу и, прочитавъ, недоволенъ былъ однимъ разомъ, но тотчасъ началъ чтеніе въ другой разъ. Какъ скоро я могъ обнять порядокъ и способъ Кларковыхъ доводовъ, то пошелъ благодарить Григорья Николаевича. «Я зналъ», говорилъ онъ мнѣ, «что вы сею книгою будете довольны». — Я вашему превосходительству откроюсь въ моемъ намѣреніи, сказалъ я, мнѣ хочется перевести ее на русскій языкъ и, издавъ въ свѣтъ, сдѣлать нѣкоторую услугу моимъ соотчичамъ. — «Намѣреніе ваше похвально, но вы не знаете, съ какими непріятностями сопряжено исполненіе онаго. Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстенъ переводъ г. Поповскаго (*) *Опыта о человѣкѣ?*» спросилъ меня Гр. Николаевичъ. — Мнѣ сей переводъ очень знакомъ, отвѣчалъ я, и я его высоко почитаю.— «Но какія непріятности, какія затрудненія встрѣтилъ бѣдный переводчикъ къ напечатанію, сказывалъ мнѣ онъ же. Попы стали переправ-

(*) Николай Никитичъ Поповскій (1730—1760) профессоръ элоквенціи въ московскомъ университетѣ. Переводъ его не былъ пропущенъ духовною цензурою и только по ходатайству Ив. Ив. Шувалова преосвященный Амвросій Зертисъ-Каменскій разрѣшилъ печатаніе, исправивъ «сумнительныя» мѣста, которыя и были отпечатаны нарочито-крупнымъ шрифтомъ.

лять переводъ его и множество стиховъ исковеркали; а дабы читатель не почелъ ихъ стиховъ за переводчиковы, то напечатали они ихъ нарочно крупными буквами, какъ-будто бы читатель самъ не могъ различить стиховъ поповскихъ отъ стиховъ Поповскаго. Вашъ переводъ, безъ сомнѣнія, подверженъ будетъ равной участи. А мнѣ кажется, вмѣсто перевода полезнѣе будетъ, если сдѣлаете вы изъ сочиненій Кларковыхъ выписку: вы употребите на нее меньше времени и труда; если же выписка, какъ и я думаю, хорошо сдѣлана будетъ, то она принесетъ равную пользу съ переводомъ и вамъ ловчѣе будетъ, по востребованію иногда синода, сдѣлать перемѣну въ выпискѣ, нежели въ самомъ переводѣ». — Но неужели, спросилъ я, синодъ дѣлать будетъ мнѣ нарочно затрудненія въ намѣреніи толь невинномъ? — «Да развѣ не знаете вы, кто въ синодѣ оберъ-прокуроръ?» — Не знаю, отвѣчалъ я. — «Такъ знайте жъ — Петръ Петровичъ Чебышовъ», сказалъ Григорій Николаевичъ.— Какъ бы то ни было, я послѣдовалъ совѣту Григорья Николаевича и сдѣлалъ выписку изъ Кларка. Недавно я ее читалъ и нахожу за нужное поправить нѣчто въ слогѣ, а впрочемъ выписка годится. Въ самомъ концѣ моихъ «Признаній» я ее прилагаю, сердечно желая, чтобы трудъ мой принесъ хотя нѣкоторую пользу благомыслящимъ читателямъ....

(Не окончено).

ПРИЛОЖЕНІЯ

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРЕВОДУ «СИѲА».

БЛАГОСКЛОННЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Я за первое почитаю объявить, кто былъ книги сея авторъ. Французскій переводчикъ представляетъ оную переводомъ съ греческаго оригинала; но спустя нѣсколько времени, найдено, что онъ самъ ея сочинитель, и называется Аббатъ Террасонъ, природный французъ и Королевской Академіи членъ. Надлежитъ думать, что первая причина, которая привлекла его трудиться надъ симъ сочиненіемъ, была не что иное, какъ доброе намѣреніе о пользѣ общества.

Въ томъ нѣтъ ни малаго сомнѣнія, чтобъ книга сія не была романъ. Предпріятія, кои имѣютъ желаемыя окончанія, и извѣстныя особы, которыя будучи совсѣмъ въ отчаяніи другъ друга увидѣть, являются вмѣстѣ, а особливо множество рѣчей, кои они между собою имѣли, показываютъ, что авторъ не всегда полагалъ справедливую исторію; но поступалъ такъ, какъ велѣли собственныя мысли.

Сіе сочиненіе, раздѣленное на десять книгъ, въ разсужденіи исправленія нравовъ, есть весьма полезно. Египетскій Сиѳъ представленъ здѣсь героемъ почерпшимъ премудрость отъ нравоученія, чрезъ которое онъ, будучи еще въ цвѣтущей юности, въ состояніи уже былъ дѣлать другимъ наставленія. Потомъ, пришедъ въ совершенныя лѣта, и находясь по случаю въ долговременномъ плѣнѣ, употребилъ сіе время въ изъисканіи неизвѣстныхъ странъ, кои освободилъ отъ ужасныхъ суевѣрій. При возвращеніи своемъ, побуждаемъ будучи геройскою добродѣтелію, избавилъ знатнѣйшую республику отъ непріятелей, приступившихъ уже къ вратамъ градскимъ. Но пришедъ въ отечество, сдѣлался онъ благодѣтелемъ тѣхъ, коихъ имѣлъ причину почитать себѣ злодѣями; наконецъ посвятилъ геройство благополучію общества.

Впрочемъ, авторъ, представляя Сиѳа не иначе какъ идолопоклонника, содержитъ первѣе о исправленіи однихъ только нравовъ къ пользѣ человѣческаго рода. Потомъ старается наполнить книгу свою учеными примѣчаніями, надлежащими до египетскаго народа. Сверхъ того собираетъ здѣсь извѣстія древней географіи, доказывая справедливость оныхъ книгами славныхъ историковъ.

Что же надлежитъ до моего перевода, то я главное имѣлъ стараніе не отступить по возможности отъ автора, и изображать всѣ его

мысли, которыми онъ старается сдѣлать полезное нравоученіе. Впрочемъ, нижайше прошу, благосклонный читатель, простить мнѣ всѣ погрѣшности, которыя найдешь въ моемъ переводѣ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПЕРЕВОДА «СИѲА».

Судьи сѣли на уготовленномъ тронѣ: ихъ было числомъ сорокъ одинъ, и кресла поставлены были полукругломъ. Одежда ихъ была красная, какъ просвѣщенныхъ. Златыя цѣпи надѣты были у нихъ на груди съ смарагдовыми каменьями, на которыхъ изображено было правосудіе (*). Въ срединѣ всѣхъ сидѣлъ первый жрецъ, а по обѣ стороны имѣлъ онъ двухъ судей Мемфійскаго государства, изъ которыхъ первый былъ Амедесъ. Потомъ на всякой сторонѣ сидѣло по осьми жрецовъ лабиринта, а за ними слѣдовали двадцать два судьи прочихъ египетскихъ округовъ. Чаша, куда долженъ быть положенъ подписанный всѣми листъ, стояла на первой ступени трона, а на второй сидѣли судьи втораго класса. По учрежденіи сего, отложены были у колесницы лошади, и дышла отняты. Потомъ главный мемфійскій жрецъ, какъ провожатель тѣла, стоя предъ колесницею, говорилъ слѣдующую рѣчь:

неогорченные боги!

Нынѣ зрите вы преселившуюся къ вамъ премудрую царицу, оставившую подданныхъ въ цвѣтущихъ своихъ лѣтахъ. Для моленія собравшихся насъ, воздайте награжденіе вѣчнымъ ей покоемъ. Законы ваши хранила она ненарушимо. Презирая подъемлемыя въ правленіи тягости, не оставляла вашего служенія. Единое ея попеченіе объ общемъ благоденствіи, доказывало преславную добродѣтель, правящую ея предпріятія. Благодарное вамъ служеніе предпочитала она всѣмъ мірскимъ торжествамъ, происходившимъ отъ благополучнаго ея правленія. Правосудіе являла она во всѣхъ дѣлахъ своихъ. Приносимые вамъ дары, не довольны ли знаки благочестія? Гордость и происходящіе отъ того пороки были ею ненавидимы: но отъ истинной вѣры брала она законы смиренія, и строгость оказываема была не въ иныхъ какихъ случаяхъ, какъ въ осужденіи преступленія, въ правосудіи. Добродѣтель свою посвящала она благополучію своихъ подданныхъ: преславнымъ защищеніемъ предѣловъ государства утверждала всеобщую тишину. Вездѣ премудрыя узаконенія и исправленія не были дѣйствіями ложной политики, но все сіе имѣло основаніемъ единое совершеніе благосостоянія подданныхъ. Не возможно почесть то малодушіемъ, когда монархъ вышнюю власть посвящаетъ цѣлости общества. Премудрая царица прилагала о семъ большее попеченіе. Объ отмщеніи она не помышляла, и безстыдную ненависть оставляла по возможности, чѣмъ болѣе она вамъ себя

(*) Diodor. Lib. I. sect: Aelian. Var. Hist. Lib.

уподобляла, подавая прощеніе вышнею властію. Возмутителей укрощала она не для того только, что они противятся ея волѣ, но что стараются препятствовать общему благополучію. Совѣты принимала отъ мужей премудрыхъ и царствовала по законамъ великаго духа. Внѣшнихъ непріятелей укрощала она своею храбростью и ненарушеніемъ даннаго своего слова; внутреннихъ же благополучнымъ въ дѣйство произведеніемъ своего предпріятія. Она была великая тайны и правды хранительница; ибо никакія тайныя дѣла, кромѣ молчанія, не имѣли своего начала. Низлагала гордость, и не оставляла щедро награждать и тѣхъ, которые служатъ отечеству и внѣ государства. Она хотя и оказывала тѣмъ, которые сподобились наслаждаться повѣренностію толь великія монархини, свою милость; но къ важнымъ должностямъ достигали одни только достойные. Знатныхъ особъ честь сохранить она старалась; но при томъ не допуская ихъ преступать предѣлы должнаго себѣ повиновенія. Народныя тягости облегчала она своимъ милосердіемъ. Судьи не были грабители царскаго сокровища и всякій подданный несъ требуемую отъ него государю дань самопроизвольно, зная, что оно даръ не судьямъ, но самому царю. Она вѣдая, что божіе провидѣніе простирается далеко отъ мыслей человѣческихъ, не допускала во время своего правленія глада, сравнивая плодородный годъ съ неприносящимъ плода. Купечество, науки и художества процвѣтали подъ счастливѣйшимъ ея владѣніемъ. Всякъ имѣлъ свободный доступъ къ премудрой государынѣ. Она прославила государство неисчислимымъ богатствомъ и обучала подданныхъ праву гостепріимства, о чемъ египтяне никогда до сего не старались. Когда доходило государственными достоинствами награждать подданныхъ, или утверждать благополучное правленіе, въ такомъ случаѣ, что нѣкоторые налагаемыхъ должностей сносить не хотѣли: то презирая великодушно роптаніе народное, производила она въ дѣйство свое предпріятіе. Часто должна она была и ожидать съ великимъ духомъ исправленія своихъ подданныхъ. Но хотя вы, великіе боги! и въ самомъ началѣ нашего благополучія, насъ ея лишили: но невинность ея предпріятія, истинное ея намѣреніе, попеченіе о благополучіи подданныхъ, незабвенны нами будутъ во вѣки. Она, чтобъ придти въ состояніе, имѣть неусыпное око о толь великомъ государствѣ, раздѣлила владѣніе правителямъ, о добродѣтели которыхъ имѣла опыты и доказательства. Итакъ я остаюсь увѣренъ предъ вышнимъ судомъ и предъ стоящимъ народомъ, что, когда между неисчислимымъ множествомъ народа Мемфійскаго государства, съ пятью тысячами принадлежащихъ городовъ (*) къ нему, найдется такой, кому предпріятія ея казались противными, то конечно всѣ тѣмъ болѣе прославлять дол-

(*) Плиній объявляетъ, что въ Египтѣ было 20000 городовъ, но Геокритъ считаетъ оныхъ во время Птоломея Филадельфа 33339.

жны ея правленіе, которое она не смотря ни на единаго возмутителя, посвятила въ общую пользу подданныхъ; ибо сколь трудно народу нести тягости отъ льстецовъ и ласкателей! Итакъ, хотя мы лишенные ея, не инако, какъ вѣчно прославлять должны премудрое ея правленіе, но она ожидаетъ отъ васъ, о! праведные боги, достойнаго награжденія.

ПРѢДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРЕВОДУ «ІОСИФА».

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Г. Битобе, творецъ сего сочиненія, извѣстенъ ученому свѣту переводомъ своимъ Гомера. Упражняясь долгое время въ познаніи красотъ древнихъ авторовъ, написалъ онъ самъ *Іосифа*, въ которомъ подражалъ онъ древнимъ весьма удачно.

Намѣреніе мое не въ томъ состоитъ, чтобъ написать похвалу сему сочиненію, ибо оному отъ всѣхъ знающихъ французскій языкъ отдается справедливость. Я весьма увѣренъ, чтобъ оно и въ переводѣ на нашъ языкъ конечно понравилось, если бъ не зналъ я слабости силъ моихъ, и если бъ не встрѣчались мнѣ затрудненія, о которыхъ здѣсь нѣчто предложить намѣренъ.

Всѣ наши книги писаны или славянскимъ, или нынѣшнимъ языкомъ. Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что въ переводѣ такихъ книгъ, каковъ Телемакъ, Аргенида, Іосифъ и прочія сего рода, потребно держаться только важности славянскаго языка, но при томъ наблюдать и ясность нашего; ибо хотя славянскій языкъ и самъ собою ясенъ, но не для тѣхъ, кои въ немъ не упражняются. Слѣдовательно слогъ долженъ быть такой, какого мы еще не имѣемъ. Телемакъ переведенъ славянскимъ, а въ Аргенидѣ нашелъ я много нашихъ нынѣшнихъ выраженій не весьма, кажется, сходственныхъ съ важностію сея книги. Итакъ главное затрудненіе состояло въ избраніи слога. Множество приходило мнѣ на мысль славянскихъ словъ и реченій, которыя, не имѣя себѣ примѣра, принужденъ я былъ оставить, бояся или возмутить ясность, или тронуть нѣжность слуха. Приходили мнѣ на мысль наши нынѣшнія слова и реченія, весьма употребительныя въ сообществѣ, но не имѣя примѣра, оставлялъ я оныя, опасаясь того, что не довольно изобразятъ они важность авторской мысли.

Сколько возможно мнѣ было, я старался, преодолѣвая сіи затрудненія, не удаляться отъ автора. Благосклонное принятіе моего перевода почту я себѣ ободреніемъ къ продолженію трудовъ моихъ.

Г. Битобе, какъ я уже упоминалъ, переводилъ Гомера, и для того начинаетъ онъ Іосифа слѣдующимъ образомъ:

«Долгое время дерзалъ я повторять бранный гласъ того пѣснопѣвца, который съ высоты Геликона, гдѣ царствуетъ онъ древнѣйшими

увѣнчанъ лаврами, воспламеняетъ и воина, и кто поетъ дѣла его; нынѣ новою оживленъ смѣлостію, не буду болѣе заимствовати гласа моего: дѣло пріятнѣйшее и равно величественное, зоветъ меня и восхищаетъ».

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ «БІОГРАФИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ» ЖИВОПИСЦЕВЪ И СКУЛЬПТОРОВЪ.

Аарсенъ или *Аэрсенъ* (Петръ), по итальянски именуемый Pietro longo, живописецъ, родился въ Амстердамѣ въ 1519 г., умеръ въ 1585 г.; отличился въ картинахъ, изображающихъ поварню съ ея посудой, также и въ запрестольныхъ образахъ.

Адамъ (Ламбертъ-Сигисбертъ). Знаменитый скульпторъ, родился въ Нанси въ 1700 г., умеръ въ 1759 г., членъ древней римской святаго Луки и болонской клементинской академій, отличился своимъ искусствомъ. Онъ часто употребленъ былъ на украшеніе королевскихъ дворцовъ и исполнялъ порученія съ усердіемъ и славою. Наилучшія произведенія его суть: 1) Торжество Нептуново, 2) изъ бронзированнаго свинца группа изъ пяти фигуръ и пяти животныхъ въ Версаліи, 3) бронзовый барельфъ въ церкви св. Аделаиды, 4) конная группа Сейны и Марны въ С. Клу, 5) двѣ мраморныя группы, представляющія звѣриную и рыбную ловлю въ Берлинѣ, 6) Марсъ, объемлемый купидономъ, въ Бельвю, 7) статуя, представляющая восторгъ піитическій, 8) св. Іеронимъ изъ мрамора, въ Инвалидахъ.

I. *Аэльстъ* (Эверардъ Ванъ), живописецъ, родился въ Дельфтѣ въ 1602 г., умеръ въ 1658 г. Онъ съ успѣхомъ писалъ неодушевленныя вещи, а особливо мертвыхъ птицъ, латы, шишаки и разныя военныя орудія. Работа его докончена всегда рачительно, малѣйшія подробности изображалъ съ великою истиною, почему картины его, хотя и не весьма привлекательны, рѣдки и дороги.

II. *Аэльстъ* (Вильгельмъ Ванъ), дельфскій живописецъ, родился въ 1620 г., умеръ въ 1679 г., былъ племянникъ и ученикъ предшествовавшаго. Въ молодости своей путешествовалъ онъ во Франціи и въ Италіи, и знатнѣйшими особами отлично принимался. Великій герцогъ Тосканскій подарилъ ему золотую цѣпь съ медалью, въ знакъ своего къ нему уваженія. Обогатясь, Аэльстъ возвратился въ свое отечество, гдѣ работа его покупалась охотно весьма дорого, и тамъ женился на своей сестрѣ, съ которой имѣлъ много дѣтей. Онъ писалъ цвѣты и плоды съ великимъ искусствомъ; краски его хороши и истинны, цвѣты легки, а плоды естественны.

Аэксіонъ, греческій живописецъ, весьма прославился своими картинами, особливо Роксаною и Александромъ Великимъ. Сія картина выставлена была при играхъ олимпическихъ и заслужила похва-

ду неизреченную. Предсѣдатель игръ, мужъ знатный и богатый, столь былъ ею восхищенъ, что выдалъ дочь свою за сего художника.

Аларкъ, самосскій живописецъ, первый присвоившій перспективу къ театральнымъ декораціямъ за четыреста восемьдесятъ лѣтъ до Рождества Христова.

Александръ Родосскій сдѣлалъ при Веспасіанѣ, съ двумя другими скульпторами, группу Лаокоона, прекраснѣйшій остатокъ древности, видимый понынѣ во дворцѣ Фарнезскомъ. Во Франціи есть съ него многія, весьма хорошія копіи.

ОБМАНЧИВАЯ НАРУЖНОСТЬ

или

ЧЕЛОВѢКЪ НЫНѢШНЯГО СВѢТА.

(Сохранившіеся отрывки).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Селіанта, Лизетта.

Лиз. Я, я огорчена.

Селіан. Чѣмъ, Лизетта?

Лиз. Братецъ вашъ съ нами очень строго поступаетъ. Теперь безъ всякой причины согналъ онъ Бургиньона, и если все будетъ такъ, то пора уже намъ и всѣмъ выбираться изъ дому.

Селіан. Когда братъ мой согналъ слугу своего, то конечно не безъ причины.

Лиз. Вся причина состоитъ въ томъ, что Бургиньонъ сталъ было говорить ему правду. Дѣло стало за покои, въ которыхъ живалъ здѣсь господинъ Форлисъ, пріѣзжая въ Парижъ. Братецъ нашъ, ожидая его на сей недѣлѣ, перевелъ въ тѣ покои какого-то аббата, котораго онъ почти совсѣмъ не знаетъ. Бѣдный слуга хотѣлъ было отъ добраго сердца сказать братцу вашему свое о томъ мнѣніе: «милостивый государь, говорилъ онъ ему, я весьма опасаюсь того, чтобъ г. Форлисъ не осердился за то, что вынили вы его изъ прежнихъ покоевъ. Онъ человѣкъ честный, заслуженный, и сверхъ того губернаторъ. Вы должны ему почтеніемъ тѣмъ болѣе, что онъ вашъ старый другъ, и ѣдетъ сюда за тѣмъ только, чтобъ, выдавъ за васъ дочь свою, увѣнчать вашу къ ней страстную любовь.» Лишь только онъ окончилъ свою рѣчь, какъ усердію его отвѣтствовано было

одною нансильнѣйшею пощечиною и тремя добрыми толчками. Онъ хотѣлъ было принести свое извиненіе; однако баронъ, вашъ братецъ, не выслушавъ ничего, погналъ его по мнѣ. Я хотѣла было замолвить за него слова два; однако братецъ вашъ, выступя почти изъ себя, насказалъ мнѣ такихъ словъ, которыхъ я слушать не привыкла. Я тому удивляюсь и не могу понять, какъ могъ произнести ихъ человѣкъ столь впрочемъ вѣжливый.

Селіан. Ты меня самое удивляешь.

Лиз. Однако я вамъ доношу правду. У него служить весьма трудно, и я бы не осталась у него ни минуту, когда бы вы не съ нимъ жить изволили. Ваши милости меня еще въ домѣ удерживаютъ.

Сел. Да мнѣ кажется, что братъ мой тихъ...

Лиз. Онъ конечно любезенъ; съ нимъ весело имѣть обхожденіе, и разумомъ его тотъ плѣниться можетъ, кто отъ него не зависитъ. Въ домѣ же своемъ онъ совсѣмъ не тотъ. Сколько въ свѣтѣ кажется онъ снисходителенъ, столько дома грубъ. Все въ своемъ домѣ его бѣситъ. Я по несчастью узнала то чувствительнымъ образомъ; да вы и сами отъ худаго его нрава иногда теринте.

Сел. Лизетта! Нѣтъ на свѣтѣ совершеннаго во всемъ человѣка.

Лиз. А когда братецъ вашъ худъ, тогда хуже его нѣтъ уже ничего на свѣтѣ.

Сел. Ты должна...

Лиз. Я его щадить не могу. Онъ очень худой господинъ, очень худой братъ, очень худой другъ, да и въ любви онъ таковъ же, какъ и въ дружбѣ. Люцилія тому свидѣтельницею быть можетъ. Когда онъ взиралъ на красоту ея въ то время, какъ была она въ монастырѣ, тогда казался онъ ей страстнѣйшимъ любовникомъ, но съ тѣхъ поръ, какъ она стала ему невѣстою, какъ сталъ онъ видѣть ее всякой часъ, какъ живетъ она у него въ домѣ, перемѣнилъ онъ и взоры и слова свои. Еще не будучи ея супругомъ, являетъ онъ ей впередъ холодность строгаго мужа, и столь мало о ней думаетъ, сколько и объ отцѣ ея.

Сел. Да они оба считаются уже близкими сродниками, и для того..

Лиз. И для того я не удивляюсь, что онъ съ ними такъ худо поступаетъ.

Сел. Если онъ и безъ чиновъ съ ними обходится, то конечно надѣяся на дружбу г. Форлиса, который тому десять лѣтъ какъ ему сталъ другомъ.

Лиз. Для того-то онъ и выдаетъ за него дочь свою; однако она кажется мнѣ не весьма довольною. Нѣсколько тому времени, какъ стала она печальна и молчалива.

Сел. Это происходитъ отъ ея робости.

Лиз. Только прежде была она гораздо веселѣе.

Сел. Она съ природы молчалива. Простота составляетъ все ея свойство. Впрочемъ и монастырь ума не прибавляетъ.

Лиз. Пусть такъ; однако она не такъ проста, какъ объ ней думаютъ. Взгляните на ея усмѣшку: она столь пріятна, сколь разумна. Видно, что она мыслить умѣетъ, а еще болѣе чувствовать. Братецъ вашъ считаетъ ее за ребенка, и непрестанно на нее негодуетъ. Къ другимъ недостойнымъ почтенія онъ ласковъ, а на нее почти смотрѣть не хочетъ. Поступокъ его раздражаетъ ея самолюбіе. Перемѣна его къ ней добраго не предвѣщаетъ. Къ тому-же новое сосѣдство съ графинею вдовою...

Сел. Она уже въ лѣтахъ.

Лиз. Однако еще любви достойна и можетъ плѣнять...

Сел. Она чрезмѣрно вѣтрена.

Лиз. И точно тѣмъ понравиться можетъ.

Сел. Надобно быть поважнѣе...

Лиз. Да важность по несчастью скучаетъ. Графиня весела, а веселый духъ прельщаетъ. Она знаетъ свѣтъ и имѣетъ разумъ. Между нами будь сказано, братецъ вашъ съ нею очень друженъ. Взоры ихъ довольно то доказываютъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она подлѣ насъ живетъ, взаимное ихъ другъ къ другу почтеніе отъ часу болѣе возрастаетъ...

ОКОНЧАНІЕ V-го ЯВЛЕНІЯ (*).

Маркизъ. Прилично во всякое время.

Графиня. Какая странность! Маркизъ, я принуждена за тебя краснѣться.

Маркизъ. Я здравый разсудокъ почитаю, и не только имъ не стыжусь, но еще за то самъ себя хвалю.

Графиня. Ты хочешь быть благоразуменъ! О Боже мой! Возможно ль тому статься, и можетъ ли хвалиться тѣмъ молодой придворный человѣкъ? Такого чуда до сихъ поръ еще не бывало.

(*) Вотъ начало этого явленія:

La Comtesse.

Se peut-il du Baron que ce soit là la soeur?
Comment la trouvez—vous?... Parlez.

Le Marquis.

Très estimable.

La Comtesse (*ironiquement*).

Son ésprit est brillant!

Le Marquis.

Mais il est raisonnable;
Et le bon sens, madame...

La Comtesse.

Est chez vous déplacé.
Il sied bien à vingt ans, monsieur, d'être sensé.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Графиня, Маркизъ, Баронъ.

Графиня (*барону*). Ахъ, баронъ! посмотри на то, чего ты никогда не видывалъ, и что никто не почтетъ за вѣроятное. Вотъ маркизъ двадцатилѣтній, который не стыдится выдавать себя за человѣка благоразумнаго.

Баронъ. Онъ можетъ быть примѣромъ.

Графиня. Котораго бѣгать надобно. Однако оставимъ это. Меня привело къ тебѣ важнѣйшее дѣло. Я хочу, чтобъ ты былъ у меня послѣ обѣда. Господинъ Вакармини много шуму собою надѣлалъ.

Баронъ. Его очень хвалятъ.

Графиня. Говорятъ, что онъ искуснѣйшій музыкантъ во всей Италіи. Ты со мною можешь слышать у меня.

Баронъ. Удовольствіе мое было бъ чрезвычайно, если бъ по несчастью не далъ я слово быть у герцога.

Графиня (*). Вездѣ его желаютъ видѣть. Его другъ у друга изъ рукъ вырываютъ. Благополученъ тотъ, къ кому онъ привязанъ.

Маркизъ. Я тому не удивляюсь. Будучи любви достоинъ...

Баронъ. И вы, сударыня, и ты, маркизъ, пощадите вашего друга. Я васъ о томъ прошу.

Графиня. Надобно, чтобъ ты отмѣнилъ свое слово. Я надѣюсь быть предпочтена.

Баронъ. Такое принужденіе мнѣ пріятно. Со всѣмъ тѣмъ...

Графиня. Совсѣмъ тѣмъ, ты у меня будешь.

Маркизъ (**). И я о томъ тебя прошу.

Графиня. А я того требую.

Баронъ (*графинѣ*). Вы требуете?

Графиня. Конечно. Упрямство твое меня удивляетъ.

Баронъ. Когда нѣжный полъ мнѣ что повелѣваетъ, тогда я не противлюсь.

Графиня. Такъ вы у меня будете?

Баронъ. Безъ сомнѣнія.

Графиня. Теперь говорить мнѣ съ тобою должно о самомъ важномъ дѣлѣ. Слухъ такой о тебѣ носится, который меня удивляетъ и печалитъ.

Баронъ. Который васъ печалитъ?

Графиня. Чрезвычайно. Я о тебѣ жалѣю.

Баронъ. Вы меня устрашаете. Скажите, что такое, сударыня.

Графиня. Говорятъ, что ты скоро женишься.

Баронъ. И вы объ этомъ печалитесь?

Графиня. Конечно. Да правда ли это?

Баронъ. Нѣсколько...

(*) Обращаясь къ маркизу (у Фонъ-Визина пропущено).

(**) Барону (у Фонъ-Визина пропущено).

Графиня. Что нѣсколько?

Баронъ. Нѣсколько правда.

Графиня. Тѣмъ хуже.

Маркизъ. Развѣ бракъ кажется вамъ страшенъ?

Графиня. Страшнѣе всего.

Баронъ. Надобно когда-нибудь основать жизнь свою.

Графиня. Никогда не надобно.

Баронъ. Я повинуюся обыкновенію. Это такое бремя, которому премудрѣйшіе въ свѣтѣ подвергаются.

Графиня. Я тебя знаю, баронъ. Бракъ совсѣмъ не твое дѣло, и всѣ твои друзья не должны къ тому допускать тебя. Такія узы сдѣлаютъ въ тебѣ великую перемѣну; свѣтъ чрезъ то многое потеряетъ; да ты и самъ теряешь чрезъ то половину цѣны своей. Всѣхъ привлекать, вездѣ торжествовать, быть любезну, забавну, и ни о чемъ больше не думать, какъ только о томъ, чтобы нравиться другимъ, вотъ прямое твое состояніе, вотъ истинное твое упражненіе. Человѣкъ нынѣшняго свѣта родился съ тѣмъ, чтобъ ни отъ кого не зависѣть, чтобъ имѣть веселіе своимъ закономъ и узами свои забавы. Союзъ его долженъ состоять изъ легчайшихъ оковъ, которыхъ минута составляетъ и другая разрушаетъ. Онъ долженъ бѣгать и отъ самыхъ узъ глупаго дружества. Словомъ, ему надлежитъ привязывать къ себѣ всѣхъ и ни къ кому не быть привязану.

Баронъ. Богъ создалъ меня годнымъ въ сообществѣ каждаго состоянія.

Графиня. Нѣтъ, я по глазамъ вижу, что бракъ лишитъ тебя всѣхъ твоихъ пріятностей, и изъ любезнаго человѣка сдѣлаетъ угрюмаго мужа.

Маркизъ. Онъ не имѣетъ причины опасаться такой перемѣны, будучи столь любви достоинъ. Сверхъ того и невѣста его свои достоинства имѣетъ.

Баронъ. Въ этомъ дѣлѣ призывалъ я въ помощь здравый разсудокъ.

Графиня. Разсудокъ! Боже мой! какія слова!

Баронъ. О сударыня, въ женитьбѣ его оставлять не надобно (*).

(*) Окончаніе 6-го явленія заключается въ разсужденіяхъ о томъ, что такое разсудокъ. Маркизъ, какъ человѣкъ разумный, понимаетъ его въ истинномъ значеніи; баронъ, какъ человѣкъ свѣтскій, видитъ въ немъ орудіе для успѣховъ въ свѣтѣ; а графиня не признаетъ разсудка, называя его химерой.

ТОРГУЮЩЕЕ ДВОРЯНСТВО

ПРОТИВУ ПОЛОЖЕННОЕ

ДВОРЯНСТВУ ВОЕННОМУ

ИЛИ ДВА РАЗСУЖДЕНІЯ О ТОМЪ, СЛУЖИТЪ ЛИ ТО КЪ БЛАГОПОЛУЧІЮ ГОСУДАРСТВА, ЧТОБЫ ДВОРЯНСТВО ВСТУПАЛО ВЪ КУПЕЧЕСТВО? СЪ ПРИБАВЛЕНІЕМЪ ОСОБЛИВАГО О ТОМЪ ЖЕ РАЗСУЖДЕНІЯ г. *Юстія*.

Переводилъ *Денисъ Фонъ-Визинъ*.

ПРЕДИСЛОВІЕ Г. ЮСТІЯ.

Два сочиненія, которыя сообщаю я моимъ читателямъ на нѣмецкомъ языкѣ, вышли на французскомъ въ нынѣшнемъ 1756 году. Надлежитъ думать, что изданы они въ Голландіи, ибо знающіе Францію не легко тому повѣрятъ, чтобъ сіи сочиненія, содержащія въ себѣ столь многія истины, напечатаны были въ семъ государствѣ. Сколь ни различны намѣренія обоихъ авторовъ, но согласны они въ любви къ своему отечеству, и сіе самое привлекаетъ ихъ недостатки и погрѣшности онаго представить откровенно. Имя парижскаго книгопродавца, объявленное на одномъ изъ сихъ сочиненій, можетъ быть также вымышленное, какъ и тѣ продажныя книги, которымъ реестръ онъ на концѣ прилагаетъ.

Первое сочиненіе, изданное подъ названіемъ «*Торгующаго дворянства*», представляетъ Франціи тѣ преимущества, до коихъ достигать можетъ она въ то время, когда многочисленное ея дворянство вступитъ въ торговлю. Сколь ни сильны его доказательства, но для благополучія всей Европы желать надобно того, чтобъ оныя никакого не имѣли дѣйствія. Французская коммерція въ семъ вѣкѣ распространилась въ тридцать лѣтъ такъ далеко, что если приращеніе ея слѣдовать будетъ по сему содержанію, то вольность Европы великой опасности подвержена. Французская остъ-индская компанія, которая въ 1719 году была близъ своея погибели, соединясь съ другими торговыми компаніями, толико возвысилась, что скоро потомъ могла она торговать на 600 милліоновъ ливровъ, яко на счетъ королевскій; а возвращающіеся корабли прежде года привезли на то 30 милліоновъ или болѣе во Францію товару. Также процвѣтаютъ съ того времени французскіе торги и селенія въ Америкѣ; и сія корона ищетъ непрестанно распространиться тамъ болѣе, во вредъ другимъ народамъ, противу заключенныхъ трактатовъ.

И дѣйствительно была бы Европа несчастлива, если бъ уступала она сему государству въ великихъ его намѣреніяхъ въ раз-

сужденія коммерціи. Европа давно бы приведена уже была подъ его иго, если бъ богатство его было столь велико, сколь велико войско и намѣренія. Истощеніе государственныхъ его сборовъ принуждало его съ тѣхъ поръ останавливаться въ исполненіи своихъ предпріятій; но обогащеніе земли коммерціею подастъ ему скоро довольныя силы. Вся Европа должна благодарить Англію за то, что старалась она отвратить сію опасность, хотя нарушеніе трактата и безъ того подавало къ нынѣшней войнѣ довольную причину. Великобританскіе торги, сколь бы много ни распространились, не могутъ ни малѣйшаго смущенія навести Европѣ. Земля, ограниченная моремъ и отдаленная отъ завоеваній формою своего правительства, не можетъ возбудить страхъ всѣмъ своимъ сокровищемъ.

Авторъ другаго сочиненія, при семъ сообщеннаго, не ясно видитъ тѣ средства, коими Франція можетъ быть страшна и велика. Онъ разсудилъ за благо противорѣчить намѣренію о привлеченіи французскаго дворянства къ коммерціи. Онъ назвалъ книгу свою «Военнымъ дворянствомъ», или «Французскимъ патріотомъ». Въ семъ послѣднемъ свойствѣ отказать ему не можно. Вездѣ видна честность его намѣренія и истинная любовь къ отечеству; но въ немъ видѣнъ недостатокъ въ знаніи существа коммерціи и въ средствахъ къ произведенію оныхъ. Можетъ быть разумъ его и былъ бы способенъ къ сему понятію, если бъ свободенъ онъ былъ отъ предразсужденій и нѣкоторыхъ воображеній. Между тѣмъ желать надобно, чтобъ основанія его и мысли приняты были хорошо во Франціи.

Оба писателя показываютъ великую ревность противъ англійской націи; но оная служитъ къ чести англичанъ. Они стали хвалители англійскаго народа, хотя можетъ быть о томъ и не помышляли. Что можно сказать похвальнѣе о народѣ, какъ то, что старается онъ ревностно о благополучіи, и искореняетъ всѣ предразсужденія, противныя сему намѣренію. Впрочемъ оба писателя должны были по неволѣ хвалить Англію, ибо ее всегда представляли они Франціи примѣромъ.

Оба писателя живо и сладко писали: за сіе почтилъ я ихъ достойными перевода; сверхъ того дѣлаютъ они въ насъ болѣе понятія о существѣ коммерціи; но я имѣлъ еще къ переводу сему и другую причину, а именно, я хотѣлъ, чтобъ оспориваемое здѣсь предразсужденіе и въ Германіи силу свою потеряло.

Предразсужденіе причинило превеликій вредъ нашему отечеству и если бъ мы за 300 лѣтъ предъ симъ оное истребили, то бы Германія была нынѣ богатѣйшее, сильнѣйшее и благополучнѣйшее государство въ Европѣ. Германія или Нѣмецкая Ганза (*купечественный союзъ*) имѣла величайшій въ Европѣ флотъ, и помощію онаго была бы она въ состояніи не только имѣть участіе въ обысканіяхъ Гишпаніи и Португаліи, то есть, новаго свѣта, и въ пути въ Остъ-Индію, но исключила бы отсюда и всѣ прочіе народы. Упустила Ганза не только взять участіе въ сихъ обысканіяхъ, но и торги наши клонились

съ того времени къ разрушенію. Увяли цвѣтущія наши мануфактуры, и за 80 лѣтъ предъ симъ Германія не имѣла почти никакого промысла, ни пропитанія. Я не буду описывать всѣ причины, которыя произвели истинное паденіе Ганзы. Признаюсь, что многія тому были причины; но извѣстно то, что предразсужденіе паче всѣхъ оному способствовало. Сему купечественному союзу не доставало истиннаго соединенія со всею Германіею. Предразсужденіе о безславіи купечества не допускало дворянъ вступать въ коммерціи Ганзы. Сіе исключеніе, и пріобрѣтенныя коммерціею богатства соединенными городами, должно было возбудить основательный страхъ въ князьяхъ и дворянствѣ, чтобъ не быть отъ сихъ городовъ притѣсненными. Сила и слава ихъ возрасли весьма далеко. Развѣ сокровища могли имѣть другія дѣйствія? Итакъ вмѣсто того, чтобъ Германія сопротивлялась стараніямъ чужестранныхъ государствъ о истребленіи коммерціи Ганзы, сами государи, князья и дворяне старались еще о ея разрушеніи. Не отрекусь, что Ганза своимъ поведеніемъ подала сама къ тому поводъ. Но кто сей вредъ чувствовалъ столько, какъ наше отечество? Дѣло бы совсѣмъ пошло не такъ, если бъ дворяне въ сей коммерціи участіе имѣли.

Думая, что авторъ «Торгующаго дворянства» не весьма подробно вступилъ въ сіе дѣло, пріобщилъ я здѣсь о томъ собственное мое разсужденіе. Самая истина, существо дѣла и любовь къ моему отечеству были главнымъ предметомъ моего намѣренія, и что будетъ навсегда побудительною трудовъ моихъ причиною.

ТОРГУЮЩЕЕ ДВОРЯНСТВО.

Уже нынѣ не льзя того сказать, чтобъ прельщались мы одною суетою; важныя и основательныя дѣла начинаютъ уже составлять наше упражненіе. Съ нѣкотораго времени выходятъ въ свѣтъ о купечествѣ ученыя разсужденія, многихъ читателей увеселяющія. Если бъ не проводили мы время въ спорахъ о законѣ, которые кажутся важнѣе, то бы купечество было обыкновеннымъ предметомъ въ сообществахъ. Я видалъ нынѣ и придворныхъ людей, возвышающихъ преимущества онаго.

Господинъ маркизъ де Лассе въ 1736 году видѣлъ съ удовольствіемъ сію наступающую тогда государственную перемѣну. Между сочиненіями его, соединяющими важное съ пріятнымъ, найдены многія о купечествѣ, съ его примѣчаніями (*). Купечество казалось ему великимъ побужденіемъ государственнаго благосостоянія. Опасался онъ только того, чтобъ правленіе не ослѣпилось сею прелестію, и не дозволило оное дворянству, что почиталъ онъ за особ-

(*) Сіи примѣчанія напечатаны въ парижскомъ журналѣ, называемомъ Mercure de France, 1754.

ливое зло. Разсмотримъ мнѣніе сего храбраго дворянина, и если найдемъ оное достойнымъ, то подвергнемся правиламъ его, или возьмемъ совсѣмъ противную ему сторону, когда доказательства его найдемъ не довольными. Сіе учинить дозволяется каждому. Г. Лассе долженъ былъ прежде знать, что прилично дворянству. Но онъ никогда не старался о неоспоримыхъ доказательствахъ.

По начальнымъ словамъ его, кажется, изображаетъ онъ болѣе нынѣшнее, нежели свое время. *Говорятъ непрестанно, что дозволено будетъ поступать въ торги нашему дворянству, такъ какъ въ Англіи, но сіе мнѣніе мнѣ не нравится.*

Если бъ противное мнѣніе было доказательно, то надлежало бъ вопервыхъ спросить англійское дворянство, какую перемѣну имѣетъ оно отъ сего дозволенія, потомъ спросить государство, не претерпѣло ли оно чего отъ сея перемѣны? Когда милордъ Оксфордъ Англіею правилъ, тогда братъ его имѣлъ главное управленіе надъ торгомъ въ Алеппо; милордъ Товсгендъ, государственный министръ, не презиралъ своего брата, который въ Лондонѣ довольствовался торговлею. Должно-ль за то осуждать сихъ юнѣйшихъ братьевъ дворянскаго поколѣнія, и многихъ другихъ, которыхъ имена написаны въ числѣ англійскаго купечества? Вмѣсто праздной и бѣдственной жизни, и вмѣсто того, чтобы стать наконецъ бременемъ старшихъ своихъ братьевъ, обогатились они съ умноженіемъ общаго благополучія и дѣти ихъ чрезъ наслѣдное богатство до великихъ степеней чести славнѣе достигли. Сіе самое можетъ быть тому причиною, что разсѣваются слухи непрестанно о дозволеніи торговать французскому дворянству.

Сіи непрестанные слухи доказываютъ, что самъ народъ единогласно того желаетъ; а таковыя желанія клонятся обыкновенно къ важнымъ преимуществамъ, кои большая часть людей могли предвидѣть ясно.

Сіи непрестанные слухи доказываютъ, что бѣдность, утѣсняющая большую часть дворянства, трогаетъ каждое государственное состояніе.

Сіи непрестанные слухи происходятъ иногда и отъ самихъ дворянъ; не отъ тѣхъ, которые въ великолѣпныхъ обитаютъ чертогахъ; но отъ тѣхъ, которые замокъ отца своего видятъ ежедневно разрушающійся и помощи себѣ подать не могутъ. Не отъ придворныхъ господъ происходятъ сіи слухи, которые съ гордостію принимаютъ ежедневно новые отъ государя знаки милости; но отъ погибающаго дворянства, котораго бѣдность солнце, восходя, освѣщаетъ, и которому закрытъ путь къ полученію милости; однимъ словомъ, не отъ того высокаго дворянства, которой еще выше, нежели сказываютъ..... Но есть-ли дворянство ниже? Ежели есть, то бѣдность отчасу болѣе его унижаетъ. Купечество представляетъ ему себя на помощь, такъ какъ доска въ кораблекрушеніи; не должно-ли же ему за оное взяться?

Сіе чрезмѣрное желаніе происходитъ съ тѣхъ поръ, какъ купечество начало въ государствѣ знатнымъ становиться; съ тѣхъ поръ, какъ торгующіе и съ нами о преимуществахъ ревнующіе народы стали показывать намъ то, что пріобрѣли они силою купечества; съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ философіи началъ просвѣщать и разсѣевать наши предразсужденія. Разсудокъ нашъ конечно сталъ уже просвѣщеннымъ, когда говоритъ онъ намъ, что дворяне въ купечество вступать могутъ.

Не слышно было сего въ тѣ варварскія времена, когда дворяне въ недостойномъ рабствѣ цѣлую половину Франціи содержали. Не было нужды въ купечествѣ дворянству, ибо и землю и людей они тогда имѣли; впрочемъ въ то время помышляли только объ одномъ нападеніи и защищеніи и мечъ казался государству нужнѣйшимъ орудіемъ.

Сего не возможно услышать и въ Германіи. Цѣлый свѣтъ старыхъ бароновъ обнимутъ свои гербы, и возопіютъ о погибели своего государства. Въ Польшѣ еще менѣе сего услышать можно, ибо пятьдесятъ тысячъ дворянъ, утомленныхъ голодомъ, поклянутся тогда мечемъ своимъ лучше служить равному себѣ за малое жалованье, нежели обогащаться купечествомъ и пріобрѣсть себѣ свободу. Таковы-то остатки готическаго духа, который въ сихъ государствахъ хранился болѣе, нежели въ другихъ.

Господинъ Лассе хотя и не видитъ того, чтобъ торгующее дворянство унижалось, но онъ находитъ въ томъ государству вредительное зло, разсуждая о семъ дѣлѣ совсѣмъ съ другой стороны. *Дворянство*, говоритъ онъ, *даетъ намъ безчисленное множество офицеровъ, кои силу нашего войска составляютъ, ибо солдаты другихъ народовъ по крайней мѣрѣ не хуже нашихъ и къ работѣ пріучены болѣе.*

Сіе столь нужное государству число офицеровъ могло ли бы чрезъ то уменьшиться, когда бы въ каждой бѣдной дворянской фамиліи былъ одинъ сынъ, который бы посредствомъ купечества, можетъ быть, помогъ брату своему въ деньгахъ, для службы ему необходимыхъ? Военные чины не должны конечно быть ни въ какомъ сравненіи со дворянствомъ, ибо среди войны столь много дворянъ тщетно о произвожденіи своемъ стараются. Когда тотъ страхъ, чтобъ не уменьшилось число офицеровъ, есть причиною запрещенія дворянамъ вступать въ купечество, то по крайней мѣрѣ надлежитъ имъ запретить входъ, я не говорю въ монастыри (ибо сіе скажетъ вмѣсто меня цѣлый народъ), но въ семинаріи, о чемъ онъ конечно молчать будетъ. Между тѣмъ то извѣстно, что купечество не будетъ отнимать дворянъ ни отъ военнаго, ни отъ духовнаго состоянія. Мы опредѣлимъ сіе точнѣе: не послѣдуетъ конечно никакого ни убытка, ни уменьшенія, когда только остатокъ дворянства къ тому употребленъ будетъ; чего ради мы недостатка и въ офицерахъ страшиться не должны. Воля благородныхъ отцовъ и естественная склонность дѣтей помогутъ сами дѣлу сему. Дворянинъ весьма о

томъ увѣренъ, что можно служить государю своему однимъ только оружіемъ, и для того старшему сыну своему въ младенческихъ его забавахъ мечъ онъ показываетъ. Младенецъ возрастаетъ; и первый взоръ, призывающій его къ воинской службѣ, открываетъ уже ему всѣ роды забавъ, какъ то собаки, лошади, драгоцѣнное платье, игра, богатый столъ и любовницы. Вступаетъ онъ, какъ погибшій человѣкъ, въ государеву службу. Братья его сдѣлали бы конечно тоже, но государь столь многихъ слугъ не требуетъ; государство должно принимать ихъ, и для чего жъ бы не въ купечество? Изъ сего видно, что дворянство всегда довольно многочисленно будетъ для управленія войскомъ, хотя бѣдные изъ нихъ отъ того и выключены будутъ для обогащенія себѣ помощію купечества.

Дворянство, говоритъ господинъ Лассе, *пріобрѣло намъ столь много разъ надъ непріятелемъ побѣду и въ несчастныя времена Францію спасало. Исторія наша довольно то доказываетъ.*

Безъ сомнѣнія мы много должны сему дворянству и ласкаемъ себя впредь еще болѣе оному быть одолженными. Между тѣмъ не должны мы выключить довольное число храбрыхъ людей, которые изъ мѣщанъ показали нынѣ въ воинской службѣ благородную душу. Государь сіе узналъ, и между дворянствомъ далъ имъ мѣсто за ихъ храбрыя дѣла. Исторія, прославляющая Монтморенси и Тюрена, возвышаетъ также Фаберта и Катината, и я не знаю, имѣли ли первые Франки, основавшіе нашу монархію, другой титулъ дворянства, кромѣ ихъ храбрости. Но здѣсь остановимся мы долѣе, нежели потребно. Примемъ то за подлинное, что Франція должна одному дворянству за всѣ свои великіе успѣхи. Я спрашиваю только о томъ, меньше ли храбрости тогда имѣть будетъ полководецъ, когда братъ его начальствовать будетъ надъ кораблемъ или надъ мануфактурою? Храбрый адмиралъ де Жоіозъ имѣлъ брата монахомъ.

Стряпчій дворянства начинаетъ опять новый споръ и, разсматривая источники храбрости, находитъ, что *дворяне, плѣненные примѣромъ своихъ предковъ, и съ младенчества ни о чемъ иномъ помышлять не пріобученные, какъ только искать своего счастія войною, прилагаютъ къ ней все свое вниманіе. Съ ними о войнѣ только и говорить должно и они изъ дѣтства готовятъ себя къ храбрости, отъ которой всего они и ожидать должны;* но возраженіе состоитъ въ слѣдующемъ.

Сіи дворяне, изъ коихъ четверыхъ полагаю я въ одну несчастную фамилію, могутъ сказать отцу своему: почто приведены мы въ заблужденіе? Ты съ юныхъ нашихъ лѣтъ сказывалъ намъ, что счастія своего должны мы искать единою войною. Уже научились мы смѣяться надъ неблагородными людьми, принимать оружіе, обижать сосѣдей, опустошать поля, мучить крестьянъ, и вмѣсто права употреблять насиліе; мы имѣемъ уже тигровую душу, и совершенно къ войнѣ пріуготованы; но видимъ, что съ тѣхъ поръ, какъ стар-

шій братъ нашъ туда посланъ, терпимъ мы въ платьѣ недостатокъ, и какія трудности имѣли мы къ снисканію сего порученаго мѣста? Можетъ быть, безъ покровительства нашего благодѣтеля, мы бы и въ томъ успѣха не имѣли. Уже триста лѣтъ не посѣщаетъ счастіе старый нашъ замокъ, и ожидать онаго надежды не имѣемъ. Что намъ дѣлать шпагою, когда кромѣ голода не имѣемъ мы другихъ непріятелей?

Отецъ ихъ можетъ быть разумнѣе бы сдѣлалъ, если бы при изъясненіи имъ своего родословія, сказалъ имъ: Любезные дѣти, многіе пути отверсты вамъ къ счастію: война, суды, церковь, и если принимать въ уваженіе одно только счастіе, то имѣемъ мы еще купечество, въ которомъ малыми вещами великія пріобрѣтаются. Оно доставляетъ намъ великія богатства, въ коихъ никто насъ упрекнуть не можетъ. Защищеніе, которое во всякомъ другомъ состояніи купить надлежитъ; милости, убѣгающія по мѣрѣ исканія оныхъ; хитрости, подлости, пороки, словомъ все сіе здѣсь мѣста не имѣетъ. Въ купечествѣ всякій отъ самого себя, работы и прилежанія своего зависитъ. Но я вамъ все сказать долженъ: хотя чрезъ купечество можно служить и сродникамъ своимъ и государству, но купецъ живетъ въ маломъ почтеніи. Кто изъ васъ имѣетъ довольно бодрости духа взяться за оное?

Вмѣсто сего ученія, которое можетъ быть многіе почтутъ разумнымъ, говоритъ сей безразсудный отецъ дѣтямъ своимъ объ одной только храбрости, отъ которой они всего ожидать должны. Ожиданіе бываетъ несносно, когда предметъ отчасу убѣгаетъ далѣе, и несноснѣе того, когда по многотрудной и бѣдственной жизни, не возможно дождаться ни малой отрады.

Но когда, продолжаетъ г. де Лассе, *дворянамъ откроетъ будетъ другой путь, и дозволится имъ купечество, тогда найдутъ они наилегчайшій и безопаснѣйшій путь, который выведетъ ихъ изъ бѣдности, и подастъ способъ къ пріобрѣтенію сокровища, которое доставитъ имъ всѣ тѣ увеселенія, къ чему люди столь жадно устремляются. Какую силу имѣло надъ ними время денежнаго торга, сколь оно ни кратко было? Сей примѣръ никогда забвенъ не будетъ.*

Сказываютъ, что путь къ счастію гораздо легче и безопаснѣе найти можно купечествомъ, нежели войною. Сіе неоспоримо; но чтобъ дворянство, если дозволятъ ему избраніе обоихъ, предпочло по склонности своей купечество, того заключить не льзя, сравняя пріятность обоихъ состояній. Одно великолѣпно, другое умѣренно; одно соединяется съ пріятною праздностію, а другое требуетъ истиннаго прилежанія. Одно хочетъ жить хорошо, а другое собирать. Война хотя и имѣетъ трудности и опасности, купечеству неизвѣстныя, но сіи труды и сіи сраженія являются только въ дальнемъ разстояніи и объ нихъ не ранѣе помышляютъ, какъ приступая къ непріятелю. Наши молодые люди, говоритъ Тацитъ, почи-

таютъ военное состояніе буйнымъ и роскошнымъ. Вольная, праздная и всѣми забавами наполненная жизнь, всегда приведетъ жаркую юность въ искушеніе. Часто видимъ мы старыхъ воиновъ, прошедшихъ великія опасности и оружіемъ скучающихъ; но кто видалъ юношу, который бы вышедъ изъ училища отказался отъ шпаги, для того что нѣкогда можетъ она стоить ему жизни? Онъ смотритъ только на одну величину и остроту меча своего. Если бъ дворянство избирало себѣ легчайшій родъ жизни и безопаснѣйшій способъ къ обогащенію, то бы должно было взять ему духовное состояніе. Сей путь къ благополучію есть кратчайшій и безопаснѣйшій, а особливо для знатныхъ господъ, которымъ дѣйствительно сродны добродѣтели. Но со всѣмъ тѣмъ дворянство весьма рѣдко входитъ въ сіе состояніе; для чего же? для того, что при вступленіи находитъ оно прилежаніе, благопристойность, воздержность, основаніе и нѣкоторое принужденіе. Сей благородный юноша, ужаснувшись, отдаляется назадъ. Вступая въ купечество, пришелъ бы онъ въ равное смущеніе, но знатность родителя, который нужду закономъ почитаетъ, принудила бы сына обучаться купечеству, такъ какъ принуждаетъ она его быть аббатомъ; а воинскому состоянію остались бы навсегда его преимущества. Когда хотятъ закрыть дворянству путь къ обогащенію, дабы тѣмъ въ войнѣ его пріобучить, то могутъ часто и не достигать до исполненія своего намѣренія. Онъ остается бѣденъ, и не воюетъ, за тѣмъ что потребны къ тому лошадь, оружіе и начало къ пріобрѣтенію счастія. Итакъ купечество никогда съ войною воевать не будетъ, и мнимыя сѣти ничего такого съ собою не превлекутъ, чтобъ здравый разсудокъ и безъ того ихъ не оставилъ. Тщетно приводятъ къ намъ на память время денежнаго торга; если вспоминаемъ мы о томъ съ прискорбностію, то сіе бываетъ не ради того огорченія, которое принесло оно военнымъ служителямъ. Я думаю, что тогда, такъ какъ и нынѣ, всѣ мѣста въ каждомъ полку были заняты. Впрочемъ какая была разница между денежнымъ торгомъ, въ который одинъ день можетъ сдѣлать счастіе, и между купечественнымъ торгомъ цѣлаго года требующимъ? Не возможно того страшиться, чтобъ дворянство весьма вдалося въ купечество, но паче мы должны стараться, чтобъ оно не осталося въ предразсужденіи и не презирало бы сіе состояніе.

Здѣсь слѣдуетъ яснѣйшее возраженіе: *отцы, начавшіе сей родъ жизни, дѣтей своихъ въ ономъ же воспитывать будутъ, и въ краткое время сей геройскій духъ минуется, который французское дворянство отличалъ отъ прочихъ, вмѣсто же сихъ храбрыхъ воиновъ, прославленныхъ всегда, будемъ мы имѣть однихъ только купцовъ.*

Если бъ сіе несчастіе и дѣйствительно намъ угрожало, то вмѣсто опроверженія границъ, которыя положили мы между купечествомъ и дворянствомъ, надлежитъ оныя удвоить. Мы имѣемъ Сци-

піоновъ, для того, что имѣемъ карбагенцевъ. Но подлинная ли то правда, чтобы отецъ, старающійся о купечествѣ, и дѣтей своихъ въ оном воспитывать старался? Столь же мало и судья посвящаетъ правамъ всѣхъ своихъ дѣтей: иныхъ оставляетъ онъ войнѣ, иныхъ церкви. Мы разсмотримъ теперь только то, что нынѣ при торговляхъ происходитъ. Истинныя происшествія имѣютъ гораздо болѣе цѣны, нежели мысленныя заключенія. Возьмемъ въ примѣръ купца, милліонъ имѣющаго. Онъ паче всего старается о томъ, чтобы дѣтей своихъ сдѣлать знатнѣе себя. Чудно бываетъ то, если не отказывается онъ отъ милліона прибытка, для снисканія себѣ дворянства. Теперь сдѣлаемъ мы заключеніе о ревности французовъ быть знатными. Для чего же сдѣлать заключеніе такое, что дворянство будетъ постояннѣе въ такомъ состояніи, которое приняло оно по необходимости? Знатный отецъ, дерзнувшій чрезъ сіе обогатить себя, отвозя избыточное чужестранцамъ, отдалъ бы тогда опять въ военную службу дѣтей своихъ, пріобыкшихъ къ купечеству; а потомки бы его были военными героями до тѣхъ поръ, пока расходами на военную службу и свойственнымъ тому великолѣпіемъ не пришли бы они въ прежнюю бѣдность. Было ли бы лучше, если бъ сей дворянинъ остался въ своей деревенькѣ съ безполезною шпагою, и въ принужденномъ холостомъ состояніи? Признаюсь, что онъ геройскаго духа въ себѣ имѣть не будетъ; въ немъ нѣтъ ему нужды, и отъ него того не требуется. Но дѣти безъ всякаго препятствія могутъ исполнены быть геройскимъ духомъ: сынъ французскаго маршала имѣетъ же иногда духъ архипастырскій. Слѣдовательно, доказать того не можно, чтобъ вмѣсто сихъ храбрыхъ воиновъ, прославленныхъ издревлѣ, имѣли мы однихъ только купцовъ. Итакъ слезы сіи напрасны. Вмѣсто бѣдныхъ дворянъ, которимъ всѣ двери, даже и военныя, затворены, имѣли бы мы тогда довольное число богатыхъ купцовъ, а дѣти ихъ были бы храбрые воины, и прославились бы такъ, какъ и предки ихъ.

Ужасное воображеніе, которое изъ дворянъ дѣлало однихъ купцовъ, весьма чувствительно тронуло господина Лассе. *Если бъ сіе несчастіе послѣдовало*, говоритъ онъ, *то бы и дѣйствія онаго легко произойти могли; и не трудно разсудить о томъ, что сіе стоить будетъ Франціи, такому государству, которое учреждено оружіемъ и, въ разсужденіи своего положенія, тѣмъ же оружіемъ и сохраняемо быть должно.*

Слѣдуя таковымъ предположеніямъ, можно перенести и землю. Для удостовѣренія дѣла сего требуетъ Архимедъ двухъ вещей: въ воздухѣ утвержденную точку, и жердь довольной величины; но сколь же сильна должна быть та махина, которая все дворянство привлечь должна въ купечество? Для сего нужно, чтобъ всѣ они были бѣдны, и чтобъ со всѣмъ тѣмъ не всѣ они могли обогатиться помощію купечества. Вообразимъ себѣ богатаго дворянина. Онъ конечно въ ку-

печество не вступитъ: но если дворянинъ бѣденъ, то оставитъ онъ купечество тогда, когда богатъ будетъ, и устремится къ славѣ.

Напоминаетъ господинъ Лассе, что Франція учреждена оружіемъ; я бы лучше хотѣлъ слышать, что учреждена она правосудіемъ, и что старые галлы, нехотѣвшіе сносить римское иго, отдались добровольно Фараманду или Клодовею.

Примѣчено, что сіе государство, въ разсужденіи своего положенія, тѣмъ же оружіемъ, которымъ оно учреждено, должно быть и сохраняемо: но кто же говоритъ, что мы наше оружіе преломить должны? Купечество дало бы намъ пушки, если бъ мы ихъ не имѣли, и можетъ быть за тѣ, которыя мы имѣемъ, ему же мы обязаны. Если бъ хотѣлъ я писать пространнѣе, то бы доказательства моего сопротивника обратилъ я на него самого; я бы самъ доказать могъ, что Франція, въ нынѣшнемъ состояніи Европы, однимъ купечествомъ и сохраняема быть должна; изъ чего заключить можно, что всему дворянству въ одно только купечество и вступать надлежитъ, такъ какъ заключаетъ онъ, что все дворянство должно бѣжать къ оружію, за тѣмъ, что государство однимъ только оружіемъ и сохраняемо быть можетъ; но я бы худое сдѣлалъ тогда заключеніе. Есть благоразумная средина между сими обѣими чрезвычайностями; должно изъ всего дворянства оставить нужное число для войны, а остатку дозволить купечествовать. Будутъ тогда воины; но будутъ изъ остальныхъ и такіе люди, которые къ пріобрѣтенію военнаго иждивенія много помощи сдѣлать могутъ.

Всѣ возраженія клонятся къ тому, чтобы отечество не имѣло недостатка въ защитникахъ; но сколь велико потребно число ихъ? Полное число нашего войска простирается въ мирное время до 220.000 человѣкъ, коими начальствуетъ 15.000 офицеровъ. Но сколько потребно намъ въ военное время? Когда Людвигъ XIV наступилъ на Европу водою и сухимъ путемъ, тогда имѣлъ онъ войско въ 500.000, надъ коими было 30.000 офицеровъ; намъ никогда не будетъ нужды имѣть болѣе сего. Съ другой стороны хотѣлъ бы я знать число французскаго дворянства. Спрашиваемые о томъ мною оракулы, отвѣтствовали мнѣ съ смущеніемъ. Если бъ спросилъ я, сколь много въ сей столицѣ каретъ было? Сколь много вышло новыхъ модъ съ начала сего правленія? Тогда бы сказали мнѣ, что за недостаткомъ точнаго счета, нужно здѣсь чаятельное опредѣленіе.

Франція содержитъ въ окружности своей 30.000 квадратныхъ миль (*), не считая Лотарингію, которая свое дворянство имѣетъ. Каждая квадратная миля содержитъ въ себѣ около двухъ дворянскихъ дворовъ, который почитать должно шести дворянъ жилищемъ, считая добрый и худой дворъ; все сіе составляетъ 180.000; но боль-

(*) M. de Vauban, Traité de la dîme Royale.

шее число ихъ разсѣяно по городамъ; а особливо съ того времени, когда для способности мѣщанъ дворянство стало продаваться; но чтобъ короче рѣшить дѣло, то возьмемъ мы малое число, и положимъ, что дворянство состоитъ изъ 360.000 человѣкъ.

Если толикое число потребно къ защищенію отечества, то о купечествѣ я уже ничего и говорить не буду. Сами священники должны во время опасности, по примѣру Мафатіеву, оставить священство для принятія оружія; но мы отъ такой крайности весьма удалены, ибо для начальства надъ 500.000 солдатъ потребно только 30.000 офицеровъ. Что жъ остается дѣлать съ 330.000 дворянъ, которые намъ на войнѣ не нужны? Не должно ли сказать, что маркизъ де Лассе нашелъ удовольствіе родить чудовищъ, чтобъ имѣть честь задавить оныя?

И дѣйствительно я съ нимъ того не воображалъ, чтобъ все французское дворянство упражнялось только въ пролитіи крови, или чтобъ все оно обратилось вдругъ къ купечеству, какъ скоро къ оному будетъ путь ему отворенъ. Сей страхъ, происходящій болѣе отъ гражданскаго сердца (весьма рѣдкія добродѣтели), нежели отъ точнаго сравненія, показываетъ то по крайней мѣрѣ, что купечество великое имѣніе дворянству доставляло бы. Для познанія точныя онаго цѣны, разсмотримъ мы ближе зло, дворянства касающееся.

Среди роскоши и великолѣпія не возможно услышать стона тѣхъ бѣдныхъ дворянъ, которые страждутъ въ отдаленіи и слезы свои со слезами бѣднаго работника мѣшаютъ. Не должно судить объ нихъ и по тѣмъ дворянамъ, которые иногда для тяжбы, иногда для снисканія себѣ покровительства въ столицу пріѣзжаютъ. Сіи несчастные чувствуютъ болѣе свое бѣдствіе, нося дворянское имя, и одна часть скрываетъ отъ стыда свою бѣдность. Сіи нужныя и часто безплодныя поѣздки раззоряютъ ихъ нерѣдко на многіе годы.

Послѣдуемъ въ ихъ хижину за ними, обойдемъ съ ними сіи господскія земли, которыя господъ своихъ пропитать не могутъ. Смотрите на хлѣвы безъ скота, на сію худую пашню, или на сію невспаханную землю; на сію позднюю жатву, которую заимодавецъ, имѣя право получить, ожидаетъ; на замокъ, угрожающій господину своимъ паденіемъ; на семью, неимѣющую ни воспитанія, ни одежды; на отца и мать, вмѣстѣ слезы проливающихъ. Къ чему служатъ сіи знаки чести, бѣдностію униженные; сіи древностью изгрызенные гербы; сіе въ церкви различное отъ другихъ сѣдалище; сіи поименныя названія въ церковныхъ молитвахъ, которыми священникъ могъ бы тронуть и людей милосердыхъ, если бы только смѣлъ онъ; сіе охотничье право, которое живущимъ въ изобиліи дѣлаетъ забаву, и живущимъ въ недостаткѣ безплодное дѣлаетъ упражненіе; сіе самовластіе, которое несчастіемъ унижается, и для того рѣдко исполняемо бываетъ?

Таковое до крайности доведенное состояніе не можетъ долго про-

должаться. Оно кончится всегда другимъ еще горестнѣйшимъ состояніемъ. Сіи земли могутъ достаться въ руки знатнаго и сильнаго господина, желающаго умножить свое владѣніе, или достанутся онѣ чужестранцу, который болѣе имени своего носить не хочетъ. Я не слѣдую того, достойны ли новые дворяне, возвышающіеся трудами, бо́льшаго почтенія, нежели старые, праздностію себя погубляющіе. Какъ бы то ни было, но для спасенія дворянства отъ совершенной погибели дадимъ ему купечество, въ которомъ найдетъ оно содержаніе и исправленіе земель своихъ, умноженіе имѣнія, укрѣпленіе права своего, безопасность своихъ преимуществъ, почтеніе вассаловъ своихъ, воспитаніе и произвожденіе дѣтей своихъ. Что же къ сему употребить должно? Богатство. Купечество оное доставляетъ.

Купечество весьма различествуетъ отъ прочихъ состояній. Воинъ сѣетъ, дабы пожать въ своей старости; но какую онъ еще и жатву имѣть будетъ? Развѣ нѣтъ такихъ недовольныхъ, которые жалуются о потерянiи имѣнія своего при жатвѣ военныхъ своихъ лавровъ. Купецъ пожинаетъ въ то время, когда сѣетъ; и хотя онъ и молодъ, но плоды труда своего показать можетъ. Юристъ покупаетъ право судить, для того чтобъ пользоваться онымъ на своемъ иждивенiи; купецъ покупаетъ то, что̀ для продажи назначено, а сіе дѣлаетъ онъ для того, чтобъ съ прибыткомъ оное опять сбыть съ рукъ своихъ. Счастлива служба у олтаря; но къ достиженію онаго потребны великіе расходы на ученіе и на пріобрѣтеніе себѣ ученыхъ достоинствъ, которыя всегда за великія деньги покупаются; но откуда̀ имѣть деньги, если ничего не имѣть кромѣ дворянства? Купечество питаетъ начинающихъ людей своихъ въ то самое время, когда знаніе приводитъ ихъ въ совершенство. Находясь при государственныхъ сборахъ, можно также сыскать скоро свое счастіе; но къ тому потребно богатство и покровительство, чего не всякій имѣетъ; купечество защищаетъ себя само, и не требуетъ того, чего имѣть не возможно. Сіе-то есть пространное поле, гдѣ каждый, посѣя, пожинаетъ, и въ которомъ каждая жатва всегда другую изобильнѣйшую готовитъ. Въ Англіи болѣе шести тысячъ дворянъ имѣютъ дохода по десяти тысячъ фунтовъ; и сто тысячъ дохода тамо не считается за рѣдкость. Вотъ плоды купечества, древа неисчерпаемаго плодоносія.

О вы, которые и съ имѣніемъ своимъ вѣчно погибаете, которые въ дѣтяхъ своихъ оживляетесь, для того только, чтобъ сдѣлать ихъ участниками своего несчастія! Обратите очи на древо сіе, и въ неисчетныхъ его вѣтвіяхъ избирайте едину по своей способности; взгляните на сучокъ сей, за который взялся простакъ вашъ подданный, и который питаетъ и одѣваетъ его со всею семьею, когда ваши сродники извлекаютъ отъ васъ тяжкія воздыханія. Если хотя нѣсколько усомнитесь вы о счастіи купечества, тогда жители Ліона, Бурдо, Нантеса и Марселя скажутъ вамъ: на насъ взирайте. Дворя-

нинъ, оставляющій въ наслѣдство дѣтямъ своимъ торгъ, оставляетъ имъ имѣніе, которое по числу ихъ умножаться будетъ. Сіе не случается съ деревенскими нивами, которыя онъ имъ въ наслѣдство оставляетъ. Дворянство жалуется часто, что бываетъ оно угнетаемо отъ склоннаго къ самовластному владѣнію кардинала; купечество опять оному помогаетъ. Безъ имѣнія не можно имѣть силы, а въ нищетѣ едва и душу имѣть можно. Тотъ, который ползаетъ въ пыли, возвысился бы на высочайшую степень, еслибъ счастіе ему послужило.

Haud facile emurgunt, quorum virtutibus obstat res angusta domi....

Должно ли допускать дворянство торговать, или должно ль допускать его обогащаться? Сіи вопросы одинаковы. Никто не спроситъ о томъ, можетъ ли купечество быть дворянству полезно; ибо никто не спроситъ и о томъ, грѣетъ ли солнце? Но должно изслѣдовать, полезно ли будетъ государству то, если дворяне вступятъ въ купечество, и сей вопросъ предложить можно такимъ образомъ. Если бъ въ государствѣ было пріятное, способное, выгодное одному, но вредное всему отечеству состояніе, то бы надлежало оное, сколь оно ни кажется необходимо, искоренить всѣми силами. Необходимость порядка требуетъ того, чтобъ малыя колеса счастія каждаго человѣка съ большимъ колесомъ общаго благополучія въ точнѣйшемъ были соединеніи. Итакъ теперь разберемъ мы, какой прибытокъ государство имѣть можетъ отъ торгующаго дворянства.

Во первыхъ, будетъ оно имѣть упражненіе. Если бъ земля сама собою нужное и избыточное намъ приносила; если бъ Едемскій садъ по всей землѣ распространился; когда бы люди жили въ томъ равномъ состояніи, въ каковомъ создала ихъ природа; то произошло бы тогда весьма великое затрудненіе; а именно, въ чемъ бы люди стали упражняться? Страсти силы свои получаютъ отъ праздности. Они волнуются, и общее согласіе разрушаютъ. Когда Ликургъ всѣ лакедемонскія земли на равныя раздѣлилъ части, остановилъ премѣну счастія общимъ злата и сребра запрещеніемъ, оставилъ рабамъ и чужестранцамъ всѣ науки и купечество, желалъ имѣть гражданами людей военныхъ,—въ самое то время предвидѣлъ онъ и то, что сей военный народъ не всегда оружіе въ рукахъ имѣть будетъ, и что необходимо долженъ онъ имѣть какое либо упражненіе, безъ чего Спарта пришла бы опять въ свой прежній безпорядокъ. Для сего учреждены народные обѣды, собранія, бѣганія на коняхъ и колесницахъ, игры военныя, забавы, которыя непрестанно содержали ихъ въ сильномъ движеніи. Французское дворянство въ мирное время есть слабое тѣло безъ дѣйствій и безъ движенія, или лучше сказать, живущее безъ всякаго намѣренія. Можетъ быть продлится сіе мирное время. Отъ начала сего правленія продолжалося оно двадцать лѣтъ безпрерывно, и кто знаетъ, что не продолжится оно и во все время сего правленія? По счастію

народовъ, боятся другъ друга государи. Система равновѣсія силы, сколь она ни несовершенна есть и будетъ, но со всѣмъ тѣмъ щадитъ весьма много крови человѣческой. Договоры оканчиваютъ болѣе споры, нежели пушки, и по тѣхъ поръ стада будутъ покойны, пока львы будутъ въ оковахъ.

Но представимъ себѣ, что нынѣ время военное. Мы уже не въ такихъ живемъ вѣкахъ, въ которыхъ государи наши регулярнаго войска и всегдашней арміи не имѣли, но принуждены бывали объявлять о томъ дворянству. Тогда всѣ дворяне непрестанно сапоги на ногахъ своихъ имѣли. Нынѣ гуляютъ они толпою по полямъ и городамъ нашимъ, не вѣдая, что дѣлать? а наконецъ, скуча сею праздною жизнію, идутъ они въ другую службу, и противу нѣкъ оружіе принимаютъ. Дабы найти у насъ для него упражненіе, то надлежитъ сыскать ему состояніе, котораго бы пространное лоно могло принять каждаго, кто бы для сего себя ни представилъ. Сіе состояніе не есть военное, ни судебное; доказываютъ то многіе тщетно къ онымъ устремляющіеся. Не есть оно и духовное, не смотря на великое число мѣстъ ихъ, на доходы, зависть во всѣхъ къ нимъ возбуждающіе. Когда отъ жирности нѣкоторыхъ духовныхъ служителей, другіе тощаютъ, то не мало помогаютъ сему и множество просителей. Состояніе, коего мы ищемъ, есть купечество. Чѣмъ болѣе считаетъ оно чиновъ своихъ, тѣмъ болѣе источники онаго умножаются; оно почесться можетъ такою кормилицею, которая даетъ молоко свое, его неисчерпая; она есть та рудокопная земля, которая щедра для того только, кто болѣе ее изрываетъ; но какъ она всегда бываетъ щедра, то непрестанно и рыть ее потребно. Изъ сего произойдутъ дворянству непрерывающіяся выгоды.

Кто первый сказалъ, что лучше предпринять дѣло безполезное, нежели совсѣмъ не дѣлать ничего, тотъ вѣдалъ конечно всѣ опасныя слѣдствія праздности. Намъ не должно почитать сочинителей романовъ, сказокъ, пѣсенъ, безполезными гражданами: они помогаютъ къ содержанію книгопродавца и людей торговыхъ, и торгъ самый чрезъ то умножаютъ. Пускай продолжаютъ они свои сочиненія, только бы не вредили нравамъ и закону. Они другихъ способностей не имѣютъ, а праздность и того была бы еще хуже. Какіе люди бываютъ разбойниками? Люди праздные, которыхъ игра и пьянство завело къ злодѣянію. Когда честь удерживаетъ дворянъ отъ злодѣянія, судомъ наказуемаго, то не мѣшаетъ она имъ принимать всѣ пороки, которые портятъ сердца ихъ. Пороки, которые узы общества, если не вовсе разрушаютъ, то по крайней мѣрѣ ослабляютъ. Все, что нравоученіе противу праздности сказать можетъ, будетъ всегда весьма слабо, какъ скоро не сдѣлается изъ того государственнаго преступленія; и не прямое ли то воровство, когда требовать жизни, которая бы не причиняла ни малѣйшаго труда? Весьма бы то полезно было, если бъ дать упражненіе нам-

дому состоянію въ монархіи, какимъ бы то образомъ ни было; но дать полезное упражненіе есть главное политическое дѣло. Платонъ въ своей республикѣ касался до сего великаго предпріятія. Гомеръ, изображая своихъ героевъ, приписываетъ имъ съ храбростію и великія дарованія; Перикъ строитъ корабли. Уже вижу я россійскаго героя, держащаго въ рукѣ топоръ на голландскихъ верфяхъ; и боги Гомеровы, весьма различные отъ боговъ Епикуровыхъ, не были праздны тогда, какъ начали обитать на сей землѣ. Аполлонъ и Нептунъ воздвигали троянскія стѣны. Должно учреждать жизнь прилично времени. Государство художествами процвѣтающее считаетъ подданныхъ довольно. Государство, науками прославляющееся, имѣетъ ихъ весьма великое число; недостатокъ же въ нихъ купечество имѣетъ.

Знатнымъ въ народѣ оставимъ мы воображать точно то же, что воображали патриціи испорченнаго Рима, то есть, что порода составляетъ главнѣйшее достоинство. Нижайшее дворянство, не возмогши положиться на счастье, милость и великіе титулы, теряетъ все чрезъ таковое заблужденіе; а государство еще болѣе. Довольно и много еще того, что военная часть дворянства впадала въ совершенную окаменѣлость, какъ скоро непріятель сокрывается; но должна ли и та часть, которая не воюетъ, проводить время свое въ непрестанномъ снѣ? Дадимъ оной упражненіе въ купечествѣ, и въ трудахъ до него надлежащихъ. Мы увидимъ въ отечествѣ своемъ неизчислимыя богатства, пространнѣйшую пашню, многочисленнѣйшее людей размноженіе, полезнѣйшіе расходы, и сильнѣйшій флотъ. Все сіе не подвержено ли какому сомнѣнію? Разсмотримъ точнѣе.

Пространнѣйшая пашня.

Уже прошелъ тотъ вѣкъ, въ которомъ всѣ люди, считаясь равно благородными, безъ выключенія упражнялись въ земледѣльствѣ; и не смотря на словеса Господни, въ потѣ лица своего снести хлѣбъ осуждающія, видимъ мы нынѣ, что тѣ самые, которые живутъ въ изобиліи, менѣе всѣхъ потѣютъ. Сей новый порядокъ вещей не только обходимость земледѣльства не уменьшаетъ, но паче оную умножаетъ. Чѣмъ болѣе праздныхъ людей, тѣмъ болѣе другіе должны работать для прокормленія себя и праздношатающихся. У древнихъ китайцевъ было примѣчено и взято за правило, что когда одинъ человѣкъ ничего не дѣлаетъ, тогда и другой въ государствѣ голодъ терпѣть долженъ. Чего ради одинъ ихъ императоръ изъ фамиліи Танговъ разорилъ великое множество монастырей, за тѣмъ, что отъ благочестія монаховъ голодовало государство. Земледѣліе есть первый предметъ благоразумнаго законодавца.

Прежде сего французское дворянство не старалось о земледѣльствѣ въ деревняхъ своихъ; оно имѣло рабовъ, повиновавшихся его

повелѣнію. Народъ иго сіе сбросилъ и нѣкоторымъ образомъ сталъ свободенъ. Когда нынѣ дворянинъ хочетъ собрать жатву, то обязанъ онъ нанимать работниковъ и къ работѣ принуждать ихъ деньгами. Изсушеніе болотъ, привезеніе воды, приведеніе степей въ плодоносныя поля, сажаніе лѣса, содержаніе скота — все сіе требуетъ великаго иждивенія. Можетъ ли бѣдное дворянство приводить то въ самое дѣйствіе? Не высушаетъ оно полей своихъ, но потопляетъ. Вмѣсто плодовъ видитъ оно терніе, на поляхъ растущее. Не сѣетъ оно, но сѣмена теряетъ; лишаетъ землю людей и скота для избѣжанія расхода; и земля, дающая плоды по мѣрѣ трудовъ человѣческихъ, дары свои ему отказываетъ. Дворянство, принужденное необходимостью, питалось не однажды въ сѣменахъ своею жатвою.

Когда бы сіе раззореніе было только одному дворянству, тогда бы должно было имѣть о немъ и сожалѣніе; но оно касается до всего государства и есть такое зло, которое требуетъ скорѣйшаго исправленія. Разсмотримъ глубину раны сея.

Господинъ Вобанъ, сей военный гражданинъ, созидающій рукою крѣпости, а другою поля наши измѣряющій, сей истинный патріотъ, который, если бъ мы его послушали, сдѣлалъ бы насъ гораздо богатѣе учрежденіемъ королевской десятины, нежели завоеваніемъ городовъ, сей господинъ Вобанъ говоритъ, что Франція имѣетъ около 82 милліоновъ годныхъ десятинъ, которыя бы могли быть паханы, и что она своими произращеніями можетъ прокормить до 26 милліоновъ жителей. Но мы знаемъ, что для прокормленія и 18 милліоновъ ищетъ она нынѣ помощи у чужестранцевъ. Чего ради дѣлаю я сіе счисленіе: когда 82 милліона десятинъ могутъ прокормить 26 милліоновъ, то потребно только 57 милліоновъ десятинъ для прокормленія нынѣшнихъ жителей, которые состоятъ въ 18 милліонахъ; но если бъ я слѣдовалъ точнѣе, то бы таковаго числа конечно не нашелъ. Оставимъ на нѣсколько сіи плачевныя размышленія, и заключимъ, что убытокъ состоитъ въ 25 милліонахъ десятинъ. Я думаю, что большую часть сего числа можно положить на счетъ бѣднаго дворянства. Вотъ мое мнѣніе. Извѣстно, что государства земли свои пахать по надлежащему заставляютъ за тѣмъ, что они богаты. Равнымъ образомъ и землепашецъ, землю свою собственными своими руками къ плодородію привлекающій, ничего надлежащаго не упускаетъ и ни малѣйшаго иждивенія на то не употребляетъ. Бѣдное дворянство совсѣмъ въ другихъ обстоятельствахъ. Если оно землю свою пашетъ прилежно, то претерпѣваемые на то убытки превосходятъ его силу. Дворянинъ оставляетъ пустыми свои земли, ибо въ противномъ случаѣ лишится онъ и всего пропитанія. Оставляетъ онъ земли свои откупщику, который смотритъ на одну настоящую пользу: онъ учреждаетъ барыши свои и помышляетъ болѣе о поврежденіи, нежели объ исправленіи. Итакъ 10 или 12 милліоновъ десятинъ остается у дворянъ безплодными. Какая трата!

Вообразимъ же теперь дворянство торгующее. Тогда изобиліе возьметъ мѣсто у недостатка. Купечество распространяетъ и приводитъ въ совершенство земледѣліе. Сіе испытала Англія. Мы научили ее вкусу, учтивости, музыкѣ, обхожденію и художествамъ, а нынѣ станемъ учиться у нея купечеству и земледѣлію. Когда мы почитаемся учителями въ государствѣ, остротою разума блистающемъ, то не имѣемъ мы причины ставить себѣ то въ стыдъ, чтобъ быть учениками въ тѣхъ работныхъ дворахъ, гдѣ найти можно одно только общее понятіе.

Въ 1545 году англичане почти никакого купечества не имѣли, и земли ихъ, такъ какъ и прочихъ бѣдныхъ народовъ, были худо паханы. Дворянскія владѣнія болѣе всѣхъ запущены были, ибо помѣщики кромѣ рыцарскихъ забавъ ни о чемъ не помышляли. Началося купечество — и земледѣліе процвѣтать стало. Между тѣмъ не удержало оно себя въ семъ первомъ движеніи; было также время праздности; но единая жена, или паче великій мужъ, королева Елисавета, сообщила оному крѣпость души своея. Неправѣдный владѣтель Кромвель, котораго память проклинается, хотя великій духъ его и пользу дѣлалъ общую, устремилъ взоръ свой на купечество, яко на *жизненное древо*, и прорастилъ многія вѣтви водою и сухимъ путемъ. Дворяне и разночинцы устремились къ оному и съ тѣхъ поръ земли ихъ новое существо воспріяли. Можно бы сказать, что въ натурѣ сего острова произошла великая перемѣна и что другое солнце сдѣлало его плодороднымъ. Подъ владѣніемъ Генриха осьмаго едва могла Англія жить своими плодами, а вывозъ хлѣба былъ запрещенъ накрѣпко. При Карлѣ второмъ должно было помышлять о вывозѣ. Нынѣ отворяетъ магазины свои Англія Голландіи, Гишпаніи, Португаліи и намъ самимъ, прежде ее питающимъ. Между тѣмъ нѣтъ такой страны, гдѣ бы въ равной окружности былъ столь великій расходъ хлѣба. Одинъ пивной сборъ болѣе 19 милліоновъ нашей монеты приноситъ. Земледѣлецъ, который у насъ все свое честолюбіе полагаетъ въ платежѣ оброка, исторгая хлѣбъ изъ рукъ своихъ дѣтей, сей земледѣлецъ видѣлъ возрастающее свое счастіе съ купечественнымъ торгомъ. Большая часть имѣетъ 50, 100 и 200 фунтовъ стерлинговъ дохода.

Возвратимся къ разсужденію о земляхъ французскаго дворянства, и изслѣдуемъ, какую отъ того пользу государство имѣть можетъ. Мы уже сказали, что отъ 25 милліоновъ десятинъ, не приносящихъ плода, бо́льшая часть должна приписана быть дворянству. Положимъ только 10, а можетъ быть и 12 милліоновъ, которые дѣлаетъ плодородными обогащенное купечествомъ дворянство; то изъ сего земледѣлашества вижу я довольное содержаніе для трехъ или четырехъ милліоновъ людей. Симъ хлѣбомъ многія наши провинціи могутъ быть содержаны. Англія содержитъ изъ нихъ нѣкоторыя, а мы даемъ ей за то деньги, то есть даемъ оружіе для умноженія того,

которое она противу насъ куетъ непрестанно. Наконецъ отворимъ глаза свои и увидимъ, что земледѣльство и купечество ступаютъ всегда равными шагами.

Во Франціи тѣ только земли и плодородны, которыя лежатъ въ окружности большихъ городовъ, то есть купеческихъ. Основанія того весьма доказательны. Когда земля богатствами чревата быть должна, то надлежитъ уже земледѣлію отворять ея лоно: купецъ, о единомъ богатствѣ старающійся, не оставляетъ ничего, не приложа своихъ трудовъ. Земля посредствомъ многотрудной работы людей и скота щедро намъ дастъ свои плоды; купецъ не заставляетъ дожидаться работника платы, а скота корму. Бываютъ такія скупыя земли, коихъ чрезмѣрными иждивеніями къ плодородію принуждать должно; купецъ сіе сдѣлать въ состояніи. Въ надеждѣ нѣкогда возвратить свой убытокъ, употребляетъ онъ иждивенія, настоящую пользу превосходящія. Наше бѣдное дворянство учинило бы тоже самое, если бы оно въ купечество вступило и тѣмъ самымъ отмстило бы государство за тѣ обиды, которыя въ семъ случаѣ дѣлаютъ ему знатные господа и главные откупщики. Сіи люди, коихъ по государѣ называемъ мы земными богами, поступаютъ не такъ, какъ бы общее благополучіе требовало. Они даютъ государству упражняться въ пространныхъ садахъ, какъ бы и не имѣло оно жителей, требующихъ отъ него пропитанія. Здѣсь покрываютъ они его пескомъ, тамо требуютъ отъ него цвѣтовъ только, а не плодовъ; въ другомъ мѣстѣ желаютъ они имѣть пріятную тѣнь; все сіе было бы еще сносно, но они заключаютъ его въ звѣринцахъ, которые такъ велики бываютъ, какъ цѣлые лѣса; изгоняютъ оттуда воловъ и овецъ и наполняютъ ихъ дикими звѣрями; изгнали они оттуда соху, дабы могла проѣхать колесница. А прежде сего видны были здѣсь малыя деревни, семьи земледѣльцевъ, лѣса, поля, стада. Забавы нашихъ Лукулловъ похитили себѣ Церерины луга.

Сказалъ я, что видны тамъ стада были. Въ нихъ то и состояло богатство первыхъ людей, и развѣ всѣ вещи совсѣмъ основаніе свое перемѣнили? Не злато пашетъ поля наши, но волы; не алмазъ составляетъ одежду нашу, но волна овечья; но мы не должны оставить теперь разсужденіе о дворянскихъ земляхъ, которымъ надлежитъ возвратить ихъ истинную цѣну. Какое же тогда будетъ сихъ двухъ необходимыхъ вещей умноженіе? Если бы мы того тщательно хотѣли, то бы и съ нами тоже, что и съ Англіею случилось. Отъ начала правленія Елисаветы, сея эпохи англійскаго купечества, стало такое великое тамъ множество рогатаго скота, что надлежало бы непремѣнно остановить умноженіе онаго, если бы такого вывоза не было. Мясо солятъ они для американскихъ селеній, а мы, покупая его, снабдѣваемъ имъ нашихъ мореплавателей и матросовъ. Сія есть другая подать, которую даемъ мы народу, намъ въ преимуществахъ ревнующему, и она принадлежитъ къ тѣмъ случаямъ.

въ которые безразсуднымъ образомъ платимъ мы свои деньги, ничего отъ нихъ не получая. Что же надлежитъ до овецъ, то вѣроятно покажется, что ударяся нѣкоторые объ закладъ, нашли около Дорчестера мили на двѣ шестьсотъ тысячъ. Не должно дивиться и тому, что каждый годъ отпускается изъ великобританскихъ гаваней въ Россію 150 кораблей съ 30 милліонами штукъ шерстяной матеріи, что учинитъ на 160 милліоновъ французскихъ фунтовъ товару. Аргонавты хотѣли въ отдаленныхъ странахъ искать златаго руна, но агличане нашли его въ своемъ отечествѣ. При государственномъ благополучіи все состоитъ въ точнѣйшимъ соединеніи. Купечество приводитъ земледѣльство въ величайшее движеніе, земледѣльство удобриваетъ пастьы, а оныя подаютъ мануфактурамъ знатнѣйшіе матеріалы. Сія златая цѣпь, бѣдностію дворянъ разорванная, сковалась бы опять посредствомъ купечества, и земли его приносили бы всѣ роды нужнѣйшихъ съѣстныхъ припасовъ; но сей предметъ простирается еще далѣе. Если бъ дворянство торговало, то бы не только процвѣло земледѣліе, но и послѣдовало бы

Многочисленное людей размноженіе,

О чемъ всѣ правители народовъ стараться всѣми силами долженствуютъ. Моисей желалъ столь много имѣть потомства, сколь велико число песка морскаго. Когда Ромулъ вознамѣрился овладѣть свѣтомъ, тогда предлагалъ онъ римлянамъ необходимость сильнаго рода ихъ размноженія. Каждому то извѣстно, что чѣмъ многолюднѣе государство, тѣмъ оно богатѣе. Кто бы исчислить могъ китайскія богатства? Извѣстно равнымъ образомъ и то, что сила государственная на многолюдствѣ свое основаніе имѣетъ. Готы и сарацины завоевали болѣе земель своимъ множествомъ, нежели военною наукою. Изъ сего заключить можно, что величайшее государственное зло состоитъ въ малолюдствѣ.

Когда сія болѣзнь намъ угрожаетъ, то нѣкоторые находятъ причину ея въ самой нашей религіи; они говорятъ, что законъ недозволяющій имѣть болѣе одной жены, не обѣщаетъ столь много дѣтей, какъ многоженство; что неразрывность брака не столь много служитъ къ плодородію, какъ разводъ, и что духовное состояніе, куда ревность человѣческая заводитъ болѣе, нежели угодно Богу, не мало помогаетъ къ упадку будущихъ родовъ. Забываютъ они притомъ и отмѣненіе Нантскаго указа, который отнялъ у насъ двадцатую часть населенія. Они уже напередъ считаютъ, и примѣчаютъ то время, въ которое невѣрныя европейскія державы размноженіемъ людей своихъ отяготятъ и приведутъ подъ иго правовѣрныхъ.

Сіи дерзкіе люди, которые все видятъ, все хотятъ изслѣдовать, гораздо бы сдѣлали лучше, если бы вѣрили слѣпо. Развѣ хотятъ они вознести себя надъ вѣрою, которая всего превыше? Другіе при-

писываютъ малолюдство наше тому способу, который употребленъ при сбираніи податей, и который многолюдству помогаетъ. Они увѣряютъ, что чѣмъ менѣе приходятъ оныя въ публичную казну, тѣмъ болѣе должно ихъ требовать; что, напротивъ того, чѣмъ болѣе бываетъ требуемо, тѣмъ болѣе находится затрудненіе въ содержаніи людей, и что тамо населять не можно, гдѣ жить нѣтъ средства; но государственные сборы доказываютъ, что высокая наука податей есть таинство. Итакъ сдѣлаемъ примѣчаніе на дозволенные предметы и предпишемъ врачеваніе болѣзнямъ, кои исцѣлиться могутъ.

Ясно видимъ, что число жителей во Франціи убавляется. Пуфендорфъ говоритъ, что она при Карлѣ девятомъ содержала людей двадцать милліоновъ. Господинъ Вобанъ считалъ сто лѣтъ спустя только 19, а нынѣ снисходимъ мы уже и до 18. Если каждый вѣкъ по милліону убавляться будетъ, то сколь мало останется и въ короткое время? Впрочемъ нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что всѣхъ меньше умножаетъ людей дворянство изъ всѣхъ государственныхъ состояній (выключая тѣ, которыя положили обѣщаніе оставить въ упадкѣ націю). Проходя большіе домы, рѣдко наслѣдника найти можно; три или четыре рода той же линіи весьма рѣдко случаются. Чрезмѣрно вольная жизнь не даетъ невинности чувствовать никакого удовольствія. Придворные господа, не въ состояніи будучи имѣть дѣтей, женятся на способныхъ къ рожденію женахъ; а онѣ отмщаютъ мужьямъ своимъ, не размножая ихъ фамилію. Сіе самое неплодородіе происходитъ и отъ бѣдности: бѣдное дворянство бѣгаетъ отъ брачныхъ союзовъ, какъ отъ несноснаго бремени.

Принимая намѣреніе жениться, долженъ мужъ предвидѣть отъ того нѣкоторое себѣ счастіе, или жена должна умѣть сему недостатку сдѣлать вспоможеніе; но по нашимъ нынѣшнимъ обычаямъ бѣдный человѣкъ находитъ опять одну только бѣдность.

Принимая намѣреніе жениться, должно уже имѣть нѣкоторое чувствіе о благополучномъ состояніи своихъ потомковъ. Американскія жены истребляютъ плодъ свой для того, чтобъ дѣти ихъ не попались подъ власть такихъ тирановъ, каковы гишпанцы. Наши обычаи не таковы, чтобъ должно было впасть въ таковую чрезвычайность; но недостатокъ есть строжайшей тиранъ и для того у насъ не женятся.

Принявъ намѣреніе жениться, должно принять участіе и въ нѣкоторыхъ излишнихъ расходахъ, кто бы какъ ни былъ воздержанъ. Но гдѣ находить излишнее, если должно и въ нужномъ терпѣть недостатокъ?

Мы вступили нынѣ въ тѣ несчастныя времена, которыя исторгали воздыханіе Августа и всѣхъ римскихъ премудрыхъ. Число браковъ въ кавалерскомъ орденѣ ужасно уменьшилося. Женатые поставлены были на одну, а холостые на другую сторону; число сихъ послѣднихъ было гораздо болѣе. Если бы учрежденъ былъ осмотръ бѣд-

ному дворянству, что бы мы нашли въ оном? Первороженный, если возможно, обращается къ оружію, и будетъ ли когда нибудь женатъ, того онъ и самъ не вѣдаетъ. Меньшія дѣти женятся на мальтійскомъ крестѣ, или на монашеской мантіи. Часто остаются они холостыми, не принимая никакаго состоянія, что столько же опасно для нравовъ, сколько вредно плодородію; а дочери приносятъ плодородіе свое на жертву въ монастырѣ.

Если дворянство обогащено будетъ купечествомъ, тогда и брачныя узы будутъ у нихъ многочисленнѣе. Опытъ доказываетъ намъ, что вездѣ при такомъ мѣстѣ, гдѣ двѣ особы могуть жить способно, заключается бракъ. Купечество имѣетъ безчисленное множество мѣстъ, при коихъ содержаніе легко бываетъ, и для того оно самой натурѣ помогаетъ. По сей причинѣ видимъ на морскихъ пристаняхъ, гдѣ люди неслыханнымъ подвергаются опасностямъ, отъѣзжая въ отдаленныя земли для вѣчнаго житья, гораздо болѣе дѣтей, нежели въ иныхъ мѣстахъ. Купечество имѣетъ съ бракомъ нѣкоторое соединеніе, котораго другія состоянія не имѣютъ. Когда судящая особа или солдатъ женится, тогда долженъ онъ взять такую жену въ товарищи, которая бы не полезныя дарованія, но развратныя мысли, роскошный духъ и способность къ расточенію имѣла. Сіе есть такое бремя, которое принять на себя опасно, и въ семъ-то страхѣ люди стараются. Купецъ находитъ въ женѣ своей товарища въ своихъ работахъ; вѣсить, мѣрить, считать, знать товары, все сіе не превосходитъ женскую силу, и согласуется весьма съ общимъ порядкомъ, такъ что если бъ купецъ и не находилъ вкуса въ купечествѣ, но долженъ необходимо вступить въ оное для истинной пользы и для самой необходимости.

Между тѣмъ, опасаюсь я того, чтобъ слабые разсудки не почли сіе умноженіе гражданъ за малый предметъ въ толь великомъ государствѣ. Если бъ мы, скажутъ они, научены были производить умноженіе народа въ каждомъ состояніи, тогда бы мы были примѣчательнѣе. Римъ былъ примѣчательнѣе, когда Августъ захотѣлъ рыцарскій орденъ привлекать къ брачнымъ союзамъ. Строгость и награжденіе употреблены были къ достиженію до сего намѣренія. Но и въ самомъ дѣлѣ сей предметъ не толь ли малыя важности?

Во Франціи, Англіи, Германіи, и почти во всей Европѣ примѣчено, что по тому сравненію, по которому люди умножаются, выходитъ то, что числу ихъ надлежитъ быть вдвое болѣе. По преданію Моисееву, свѣтъ начало свое имѣетъ отъ брака и умножался каждыя двадцать лѣтъ, то есть въ такое время, въ которое всѣ люди умножать родъ свой способны. Чрезъ сіе положеніе въ концѣ втораго вѣка было уже на землѣ 512 человѣкъ. Но при настоящемъ вопросѣ нѣтъ до того нужды, отъ одного ли брака свѣтъ начало свое имѣетъ. Купечество, которое назвать можно отцомъ супружества, произвело бы многія тысящи отъ тѣхъ дворянъ, коихъ несча-

стіе осудило не вступать въ брачныя узы. Но возьмемъ въ примѣръ истинныя приключенія; возьмемъ два вѣка, и только двѣ тысячи дворянъ. Какое число отъ нихъ произрастетъ? Для удостовѣренія въ семъ дѣлѣ вспомнимъ, что въ два вѣка отъ одного брака 512 жителей было, а 512 умножа на 2000, имѣли бы мы умноженіе до милліона и двадцати четырехъ тысячъ человѣкъ простирающагося. Сіе число превышаетъ 18-тую часть нашего народа.

Что бы изъ того произошло, если бъ мы всѣ браки, чрезъ сіе время и въ простомъ народѣ послѣдовавшіе, считать хотѣли. Сколь много работныхъ людей померло и ежедневно умираютъ бездѣтны, за тѣмъ что въ дворянскихъ раззоренныхъ деревняхъ не могли они основать жизнь свою и ниже нынѣ оную основать могутъ. Слухъ носится и слухъ основательный, что сіи грубые люди нашли искусство обманывать и въ самомъ естественномъ бракѣ. Несчастное ученіе бѣдности! Бѣдный дворянинъ распространяетъ недостатокъ и безплодіе надъ всѣмъ тѣмъ, что его окружаетъ. Онъ оставляетъ столько земли, сколько можетъ, на паству; ибо сіе не стоитъ ему никакого иждивенія, а умноженіе оныхъ число людей уменьшаетъ; сіи пустыя земли не требуютъ столь много работниковъ, что же симъ дѣлать остается? Наполнять переднія комнаты въ столичномъ городѣ, осаждать столы наши, служить и жить отъ нашихъ избытковъ, лишаться любви къ работѣ и терять естественные нравы; если же для столь многихъ слугъ довольнаго числа господъ не найдется, тогда принимаются они за разбои. Но когда бы дворянство столь богато было, чтобъ могло оно дать имъ упражненіе, тогда бы великое число такихъ людей въ деревняхъ ихъ осталось, и они размножалися бы тогда, вмѣсто того, что нынѣ въ нищетѣ погибаютъ.

Для умноженія людей должно сдѣлать главнымъ ихъ упражненіемъ земледѣліе. Новыя земли учинить плодоносными есть то же самое, что и новыя земли завоевать безъ потерянія людей несчастныхъ. Степи отъ Бордо къ Баіонѣ имѣютъ двадцать миль въ пресѣченіи. Законодатель, который населитъ оныя, будетъ болѣе побѣдителя. Арабы, коихъ суевѣріе изгнало изъ Гишпаніи, требовали дозволенія на нихъ поселиться; но разсуждено лучше оставить ихъ пустыми. Намъ бы совсѣмъ въ чужихъ рукахъ не было нужды, когда бы наши были столько умножены, сколько возможно. Не говоря о другихъ средствахъ къ умноженію людей, одно бы дворянство, разливая на свои деревни питающій сокъ, отъ купечества извлекаемый, людей насаждало.

Кто желаетъ узнать, сколь скоро разможаются люди посредствомъ купечества? *Іоганъ Витъ*, исчисляющій непрестанно приращенія своего народа, сей вольности и общаго благополучія страдалецъ, удовольствуетъ того любопытство. Провинція Голландъ въ въ 1622-мъ году считала только 1200 человѣкъ своихъ жителей; въ

1670-мъ году имѣла уже она 2 милліона 450 тысячъ. Когда бы англичане въ новой части свѣта, въ которомъ кромѣ купцовъ никогда никакимъ людямъ быть не долженствовало, когда бы англичане, повторяю я, нынѣ *апахиты*, устремились перелести стѣну, раздѣляющую насъ съ ними отъ натуры, когда бы они вломиться захотѣли, то бы все оное должны мы приписывать столько же многочисленнымъ ихъ селеніямъ, сколько жадности къ лученію земель (*). Великое купечество произвело тамъ великое людей размноженіе; оно есть такой источникъ, который разлиться хощетъ. На возвратимся теперь къ нашей начальной землѣ и сторонѣ.

Франція, могущая землею своею содержать до 25 милліоновъ людей, могла бы чрезъ купечество содержать ихъ еще болѣе. Безъ онаго были ль бы столь много населены въ Голландіи болота, чтобы уже составить могли въ Европѣ и въ Индіи свободную силу? Если то не рѣшено еще, что мы любимъ государство, то по крайней мѣрѣ извѣстно, что мы любимъ нашихъ государей. Мы хотимъ то, чтобъ были они велики, сильны, и дворъ имѣли бы великолѣпный. Когда бы нашъ народъ, если то возможно, удвоился; когда бы государи наши имѣли 36 милліоновъ подданныхъ, то съ кѣмъ бы ихъ сравнять можно было? Имѣніе людей состоитъ въ земляхъ, а истинное имѣніе государей состоитъ въ людяхъ; и можетъ быть наши бы государи предпріяли наконецъ, при удвоеніи своего благополучія, удвоить и наше благосостояніе. Учинимъ дворянствомъ начало сего людей умноженія. Пускай оно не только шпагою отечество свое защищаетъ, но и доставляетъ ему дѣтей посредствомъ купечества. Тогда послѣдуетъ отъ сего купечества и

Бо́льшіе расходы,

Составляющіе другое государственное преимущество. Для сей причины бѣдны поляки, ибо малъ у нихъ расходъ съѣстнымъ припасамъ, въ землѣ ихъ растущимъ. Народъ, изъ дворянъ состоящій, обязанный служить равному себѣ, тратитъ гораздо менѣе, нежели бы тратилъ тогда, какъ бы онъ богатъ былъ. Наши дворяне не дошли еще до сея тягостныя чрезвычайности, но то уже извѣстно, что они столь же мало тратятъ хлѣба и вина, а на домашніе припасы и на платье еще менѣе. Аббевиль не дѣлаетъ для нихъ суконъ, Ліонъ шолковыхъ матерій, Бове обоевъ, Парижъ зеркалъ и новыхъ модъ. Наши селенія не даютъ имъ кофе, шоколаду, сахару и хлопчатой бумаги. Англійскій и голландскій крестьянинъ все сіе употребляетъ. Онъ одѣтъ лучше и лучше, нежели они, имѣетъ домостройство.

(*) Англичане могли бы сіе самое сказать о французахъ, но только съ большимъ еще основаніемъ. *Юсти.*

Я не хочу проповѣдывать роскошь; но если при расходѣ нужны законы, то должны они относиться на чужестранные товары, нашимъ вредящіе; а именно, на переливное вино, на голландскія сукна, на персидскія шолковыя матеріи, на индѣйскія рѣдкости, на камни, Востокъ украшающіе, и на все то, что, лишая насъ злата, отдаетъ оное чужестранцамъ. Ту роскошь, отъ которой государство бѣднѣетъ, почитаю я истинною роскошью. Если бъ шолкъ, золото и алмазы росли во Франціи, то бы могли они и быть въ великомъ употребленіи. Когда гишпанцы взяли Перу, тогда нашли они домы, златомъ украшенные и покрытые. Сіе для перувіанцовъ не мотовство было, а для насъ непростительно. Что же надлежитъ до плодовъ нашея земли, и до товаровъ изъ нашихъ фабрикъ, то желать надобно, чтобъ величайшій расходъ онаго употребленъ былъ на содержаніе мануфактуръ и художествъ. Тотъ, кто собираетъ сокровища, есть вредный подданный, ибо останавливаетъ онъ въ государствѣ теченіе денегъ, душу его составляющее. Бѣдный человѣкъ, который ничего не тратитъ, состоитъ съ таковымъ въ одинакомъ сравненіи.

Положимъ, что 80000 дворянъ, черезъ купечество обогатившіеся, будутъ ежедневно тратить по три фунта болѣе, то ежегодно послѣдуетъ расходъ болѣе девятью милліонами и пятью стами тысячами; чрезъ таковой расходъ какое бы содержаніе могли имѣть работники и художники? Тотъ народъ истинно богатъ, который, трудясь неутомимо, болѣе имѣетъ расхода; и государство, расходъ дѣлать умѣющее, ободряетъ людей къ работѣ. Я не намѣренъ долѣе слѣдовать сей источникъ, коего содержаніе ясно до самаго основанія каждому видно. Теперь привлекаетъ меня къ себѣ важнѣйшій предметъ.

Кораблеплаваніе.

«Море, говоритъ кардиналъ де Ришелье, есть не только такое «наслѣдство, на которое требованіе имѣютъ всѣ монархи, но еще «и такое, на которое права каждаго весьма не ясны. Старое право «на сіе господство есть сила, а не разумъ.»

Опредѣлены ли мы къ пріобрѣтенію сего титула силы? Сей вопросъ никогда бы не могъ быть сдѣланъ, если бъ мы лучше себя знали. Одною рукою касаемся мы до Средиземнаго моря, а другою до океана. Естество подвергло насъ морской силѣ. Послѣднее правленіе ободряло земледѣльство, оживляло художества, учреждало мануфактуры, повелѣвало рыть каналы; остановилось оно на самой половинѣ дѣла сего; оно дало намъ корабли и пристани. Не внутренній торгъ обогащаетъ государство; онъ доставляетъ намъ только одно хожденіе денегъ, число ихъ не умножая. Сіе великое дѣло предоставлено болѣе внѣшнему купечеству. Отворяетъ Европа намъ свои пристани, зоветъ насъ Азія, ожидаетъ Африка, и Америка на

насъ полагается. Земля наша, художества, труды и мануфактуры наши, если мы къ онымъ стараніе приложимъ, произведутъ намъ довольно вещей для промѣна оныхъ на злато другихъ народовъ, или на матерію, въ злато преобращающіяся. Нѣтъ причины жалѣть намъ о перуанскихъ сокровищахъ: великій торгъ богатѣе Перу. Время уже настало построить чрезъ море мостъ; мостъ Колбертовъ со всѣхъ сторонъ колеблется. Дерзнетъ ли дворянство предпріять сіе великое зданіе? Время уже соединить Францію со всѣмъ свѣтомъ морскою силою, всѣхъ другихъ превосходящею. Одинъ приморскій городъ, три или четыреста великихъ купцовъ имѣющій, отпускаетъ въ море два или триста кораблей; сколь же бы много отпустить могли дворяне, которыхъ число столь велико мы имѣемъ? Тогда бы должно было тысящами считать корабли наши. Дворянство устремляется всегда къ прославленію себя и, безъ сего различія достоинствъ, не имѣло бы оно предъ простымъ народомъ преимущества. Здѣсь безъ сомнѣнія дворянство бы себя отличило дальнѣйшими предпріятіями, величайшими намѣреніями, неутомимымъ попеченіемъ, подкрѣпленіемъ работъ, храбрымъ духомъ, лучшимъ учрежденіемъ и большимъ числомъ морскія силы; и съ таковымъ умноженіемъ торгующаго флота чего бы мы еще предпринять не могли!

Всѣ наши провинціи не только излишняго, но и необходимаго не имѣютъ. Голландцы содержатъ великое число кораблей, дабы изъ одной пристани въ другую перевозить собственные наши съѣстные припасы и богатства нашея земли. За наемъ платимъ мы деньги, и обогащаемъ ихъ нашимъ собственнымъ имѣніемъ. Сіе уступленное право изъ одной пристани переходить въ другую мы бы опять купили и напрасно бы обогащать чужестранцевъ болѣе не стали.

Сѣверный торгъ столь же намъ нуженъ, какъ и флотъ нашъ, ибо оный даетъ намъ нужные ко флоту матеріялы. Голландцы, сіи морскіе гонцы, взяли въ три года 1400000 фунтовъ нашихъ денегъ за одинъ наемъ кораблей, которые привезли въ наши гавани корабельные матеріалы. Но сіе бы еще значило не много. Съ тѣхъ поръ какъ роскошь обладаетъ сѣверомъ, покупаютъ голландцы наши шолковыя матеріи, галуны, моды, и разныхъ родовъ дорогіе наши камни, и когда они отъ нашего раченія извлекли себѣ неизмѣренный прибытокъ, который бы чрезъ непосредственное мореплаваніе намъ самимъ достался, то платимъ мы за корабельные матеріялы весьма дорого, а иногда и за тяжелую цѣну ихъ достать не можемъ. Въ послѣднюю войну, прежде нежели дошли мы до извѣстнаго съ ними разрыва, дали они повелѣніе кораблямъ своимъ, на счетъ Гавре и Бреста въ Ригу нагруженнымъ, возвратиться опять въ Амстердамъ, для выгруженія ихъ товаровъ. Мы освободились бы отъ сего тяжкаго ига, и наше дворянство взяло бы въ чести сей особливое участіе.

Наши селенія требуютъ отъ насъ работниковъ для произведенія

знатнѣйшихъ матеріяловъ, кои въ нашихъ мануфактурахъ выработываются. Когда бы наши острова подъ Виндѣ и Канадою и имѣли добрую пашню, то Сентъ-Доминго останется еще весьма удаленъ. Каенна, могущая себя обогатить и наши богатства какаомъ умножить, содержитъ въ себѣ только отъ 500 до 600 жителей. Луизіана, сія для людей и скотовъ столь здоровая земля, которая производитъ намъ хлопчатую бумагу, шолкъ, пшено, кругикъ, а особливо табакъ, чрезъ что освободились мы отъ пяти милліоновъ подати, которую ежегодно мы англичанамъ платили,—Луизіана, говорю я, есть большая степь на 400 миль, большое въ пустотѣ лежащее государство. Африка подаетъ намъ средство для учиненія сея степи плодородною, но Англія насъ того лишаетъ. Она чрезъ одну рѣку Гамбу проводитъ отъ пяти до шести тысячъ араповъ, гдѣ наша Индѣйская компанія выводитъ ихъ изъ Гвинеи только отъ 5 до 600 человѣкъ. Ямайка конечно не съ такою помощію собирала сахаръ и хлопчатую бумагу. Виргинія сѣяла табакъ; новая Шотландія воздвигнула многіе города и нѣсколько крѣпостей въ четыре года. Африка не только представляетъ намъ работниковъ, но она имѣетъ еще воскъ, слоновую кость, золото, и ей нужны товары нашихъ мануфактуръ.

Купечество наше, сколь много ни блистаетъ, но оно еще теперь въ самомъ младенчествѣ; должно ли дворянство отказывать ему въ приращеніи его благосостоянія? Ищутъ разрушенія его неисчислимымъ множествомъ чужестранныхъ купцовъ, неизмѣримымъ имѣніемъ и ужаснымъ числомъ кораблей. Голландія, сіе малое государство, моремъ возвеличенное, не признаетъ совсѣмъ другой стихіи. Она непрестанно на водѣ въ движеніи и готова всегда устремляться къ тѣмъ предметамъ, которымъ мы устремляемся. Англія съ десятью тысячами кораблей и со сто пятьюдесятью тысячами матросовъ, служащихъ ея купечеству, Англія, говорю я, является повсюду; сіи двѣ области не только у чужестранныхъ, какъ-то у африканцевъ, азіатцевъ и американцевъ, насъ гонятъ и предпріятія наши подрываютъ, но сіе бываетъ и въ нашихъ собственныхъ селеніяхъ, гдѣ они слагаютъ товары своихъ фабрикъ во вредъ нашимъ и откуда берутъ они тѣ матеріялы, которые должны родиться для нашего прибытка; ибо выработываемъ мы оные нашими трудами. Сіе самое причиняетъ двойной уронъ, который ежедневно умножается.

Я уже сказалъ, что Англія является повсюду. Развѣ Франція не можетъ такъ же достигать до величества? Откроемъ ей себя; мы успѣемъ болѣе, нежели сама Англія. Она дворянство свое привлекла къ мореплаванію; почто намъ своего туда не привлекать; почто не защищать намъ купечество во всякомъ на него нападеніи? Жалуются непрестанно на малое число мѣстъ для пристроенія дворянскихъ фамилій; дѣлаютъ различныя движенія; требуютъ милостей; осаждаютъ Версалію; ищутъ отвсюду чиновъ, въ которыхъ имъ отказы-

ваютъ; и для избавленія себя отъ гроба, ввергаются въ пропасть: что дѣлать съ дворянствомъ? Но трудно ли на сей вопросъ отвѣтствовать? Мы имѣемъ необходимую нужду стараться о умноженіи нашего кораблеплаванія. Малѣйшій купеческій корабль считаетъ множество офицеровъ. Миръ не налагаетъ оковъ на морскихъ разбойниковъ; и когда война объявлена бываетъ, тогда вѣсть о ней не вдругъ достигнуть можетъ отъ одного полюса до другаго; отнимаютъ корабли у насъ, которые ничего не страшатся и не учреждены для обороны: если продолжать купечество и въ военное время, то должно оно со всѣхъ сторонъ быть вооруженно. Каперы нужны намъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Не смотря на сіе, говорятъ еще въ сомнительномъ смущеніи, что дѣлать съ дворянствомъ? Капитаны, поручики, каперы, купцы, покрывающіе море кораблями, которые отнимутъ у англичанъ равновѣсіе купечества. Тому уже 80 лѣтъ какъ намъ сіе удалося (*), чтожъ бы могло случиться далѣ, если бъ мы только захотѣли? Для чего бы симъ офицерамъ купеческаго флота, учиня себя и государство счастливымъ, не быть способными перейти во флотъ военный. Новое преимущество, коего довольно опредѣлить не возможно.

Извѣстно, что купеческій флотъ почитается кормилицею военнаго, и что когда тотъ слабъ становится, тогда сей бываетъ уже при послѣдней крайности. Въ томъ всѣ согласуются, что тотъ воспитываетъ для сего матросовъ и мастеровыхъ каждаго рода, но того еще никто не знаетъ, даетъ ли онъ ему искусныхъ офицеровъ. Англія уже довольно въ томъ увѣрена. Къ чему готовила она тѣ адскія машины? Котораго рода клялась она о погибели Сентъ-Мала? Но за что? За то, что сія купеческая крѣпость была ружейнымъ дворомъ каперовъ и училищемъ героевъ, кои могутъ быть дворянами, и имѣть будутъ всѣ способности лишить ея морскія области. Для чего мы съ ними заключить не можемъ мира? Англія страшилась тѣхъ мореходцевъ, которые составить могли тамо купечество посреди мира. Военный флотъ засыпаетъ въ объятіяхъ долговременнаго мира; возгорается война, ищутъ людей пріобыкшихъ—и находятъ такихъ только, коихъ еще пріобучать должно. Въ пристани не можно научиться знать море, убѣгать камней, презирать бурю, измѣрять вражескія силы, нападать на него съ преимуществомъ, защищаться отъ вѣтра, воды и пламени, отъ сего тройственнаго непріятеля. Воины способны только къ сраженію бываютъ. Сіе самое послѣдуетъ и съ нашимъ купеческимъ флотомъ: какъ въ военное, такъ и мирное время будетъ онъ въ непрестанномъ дѣйствіи;

(*) Сіе доказать весьма трудно. Англія за 86 лѣтъ имѣла уже пространное купечество и знатныя селенія въ Америкѣ. Въ тоже самое время трудился великій Колбертъ надъ основаніемъ купечества во Франціи. *Юсти.*

тогда можно уже будетъ брать оттуда въ королевскій флотъ офицеровъ, кои все видѣли, все испытали, все узнали, всему противились и тѣло свое пріучили къ безпокойству, а душу къ опасностямъ. Купеческій флотъ произвелъ *Митіадовъ*, *Дукассовъ*, *Бартовъ*, *Гуге-троттовъ*. Почто не такимъ же образомъ воспитывать и намъ свое дворянство? Мѣста во флотѣ королевскомъ для него только и опредѣлены; оно ихъ заслужитъ, и должность свою исполнять будетъ со славою. *Гуге-троттъ* научитъ его, что искусство имѣетъ ту же самую цѣну, какую имѣетъ благородство.

Уже настали тѣ времена, въ которыя спорящіе съ нами о первенствѣ, превзошли насъ силою морскою. Лондонъ, подкрѣпляемый своими двумя стами военными кораблями, исчисляетъ наши силы, заводитъ съ нами брани, и уже въ обѣихъ Индіяхъ намъ угрожаетъ и на насъ нападаетъ. Купечество наше скучаетъ ему, селенія наши озлобляютъ его, воскресающій флотъ нашъ огорчаетъ его; желаетъ онъ задушить его при рожденіи, ищетъ морскія битвы, которая, будучи и самой маловажнѣйшею, разрушитъ наше купечество. Купцы наши, вооружившіе каперовъ въ послѣднюю войну, претерпѣли убытку 140 милліоновъ, и отнятая у насъ добыча силу ихъ противу насъ умножила. И возможно ль не подозрѣвать такой народъ, который въ дѣлахъ подобенъ карѳагенцамъ, а въ мысляхъ римлянамъ; но что я говорю? Сіи ли еще мысли имѣютъ англичане? Уже скучила Англія быть добродѣтельною, насытася богатствомъ. Марціусъ Фигу сказалъ слѣдующее карѳагенцамъ: «Море и пріобрѣтенная вами надъ нимъ область, также и извлекаемыя отъ того сокровища, привлекаютъ васъ ко всѣмъ предпріятіямъ. Для сей причины дерзнули вы взять Сардинію, Сицилію и Гишпанію, нарушить всѣ мирные договоры, грабить наше купечество, бросать въ море войско наше, для сокрытія вашего злодѣйства; словомъ, морская ваша сила сдѣлала то, что для васъ нѣтъ ничего на свѣтѣ священнаго, и что вы злочестіе себѣ за честь почитаете, которое наказать мы были не въ состояніи.» Не въ состояніи наказать. . . . Сіе признаніе для римлянина весьма тяжко. Чего же мы, будучи безсильны, претерпѣвать не должны! Римъ, на коего напали кораблями, узналъ наконецъ, что полки его еще недовольны, и для того завелъ свой флотъ.

Помней затвердилъ въ памяти Ѳемистоклово правило, которое желалъ бы я написать надъ чертогами нашихъ королей: *Кто царь на морѣ, тотъ царь надо всѣмъ*. Людвигъ XIV доказалъ сію истину. Онъ сей силѣ противуположилъ подобную. Сто тридцать два французскіе корабля возтремѣли побѣдою: цари моря лишились своихъ скипетровъ, который перешелъ въ руку великаго царя. Въ 1665-мъ году спросилъ онъ у одного полководца, которому потомъ всѣ прочіе подражать старались, полезнаго совѣта о томъ, что начать, если умретъ Филиппъ IV. Герой отвѣтствовалъ ему, что морская сила

столько же нужна, сколько и сухопутное войско. Когда бы Тюреннъ былъ не болѣе, какъ только герой, то бы отвѣта сего онъ не учинилъ. Онъ бы тогда не предусмотрѣлъ никакого государственнаго преимущества въ такомъ мѣстѣ, съ которымъ не соединена собственная его слава. Онъ былъ великій человѣкъ. Дельфскій оракулъ вѣщаетъ намъ, яко аѳинянамъ: *Защищайтесь и нападайте на врага въ стѣнахъ древянныхъ*. О если бъ не заслужили мы хотя того упрека, который дѣлаетъ Франціи кардиналъ Оссатъ, когда она флота не имѣла «Сей недостатокъ, говоритъ онъ, есть примѣ«чательнѣйшій и постыднѣйшій. Съ прискорбностію я давно на то «уже взираю, что сіе королевство само отъ себя терпитъ недоста«токъ». Антонъ Перецъ, старый гишпанецъ, дожившій сѣдыхъ власовъ въ дѣлахъ политическихъ и наконецъ бывшій въ несчастіи, думалъ, что Генриху четвертому за свое спасеніе и за всѣ его къ себѣ благодѣянія довольно возблагодарилъ онъ сими словами: Roma, conseio, Pielago, *Римъ, тайный совѣтъ, и море* (*). Что изъ сихъ трехъ превосходнѣе? Никто не оспоритъ преимущества двухъ послѣднихъ.

Мы все вдругъ привести въ состояніе не можемъ. Время всему поможетъ, если только основаніе сдѣлано благоразумно. Если бы дворянство единожды обратилося къ купечеству, то бы скоро познало, что торговать моремъ всего полезнѣе и всего способнѣе къ великимъ предпріятіямъ. Нашъ купеческій флотъ будетъ умноженъ, и снова возставятся множество каперовъ, кои могутъ быть героями во флотѣ королевскомъ. Мы въ разсужденіи моря займемъ только то у нашихъ соперниковъ, въ чемъ подражать имъ почитается за свято. Адмиралы *Ансонъ* и *Верноиъ*, которые въ послѣднія времена привели въ страхъ Гишпанію къ своей коронѣ въ Америкѣ, провели юность свою въ купечествѣ.

Государь, почитающій крѣпость наче побѣдъ, прилагалъ попеченія о дворянствѣ, которое сдѣлало ему болѣе славы, ибо оно полезнѣе, нежели трофеи. Но много есть и такихъ, которые сею государскою милостію пользоваться не могутъ. Въ то время когда пятьсотъ дворянъ воспитываются въ столицѣ, ищутъ братья, сродники, друзья ихъ словомъ двадцать тысячъ другихъ дворянъ, убѣжища себѣ напрасно. Море предлагаетъ имъ мѣста, когда земля оныя имъ отказываетъ, и венеціанскіе дворяне, гордящіеся до глупости своимъ дворянствомъ, предаются купечеству. Нѣтъ такого купеческаго корабля, который бы не былъ училищемъ дѣтей ихъ и не помогалъ бы благополучію всея республики.

Столь великія преимущества, происходящія государству отъ торгующаго дворянства, должны непремѣнно умножить *земледѣліе, число людей, употребленіе сытныхъ припасовъ и мореплаваніе*. Если

(*) Testament Politique du Cardinal de Richelieu. Chap. IX. Sect. 5.

все сіе правда, то для чего г. Монтескіо не предвидѣлъ онаго, который впрочемъ столь великое имѣлъ проницаніе. «Люди, говорятъ онъ, плѣненные учрежденіями другихъ государствъ, думаютъ, «что во Франціи нужны законы, которые бы обязали дворянство «вступить въ торговлю. Чрезъ сіе дошло бы дворянство до истинной погибели, безъ малѣйшія пользы купечеству» (*).

Я весьма удивился тому, что сей великій духъ, который столько былъ послушенъ философіи, что никогда рѣшительно ни о чемъ не говорилъ, при семъ случаѣ говорилъ рѣшительно. Если бъ разсудилъ онъ за благо сказать свои причины, то бы постарался я сдѣлать онымъ возраженіе. Все то, что я сдѣлать могу, состоитъ въ томъ, чтобы славѣ его противуположить другую славу. Господинъ Вобанъ, другой великій духъ, разсуждаетъ за благо дворянству торговать (**). Но можетъ быть сіе не почтутъ довольнымъ возраженіемъ. Возможно ль быть тому, скажутъ тогда, чтобъ господинъ Монтескіо не предусмотрѣлъ пользы и необходимости дѣла сего? На сіе отвѣтствую, что человѣкъ всего видѣть не можетъ. *Ньютонъ*, который видѣлъ на небѣ все и самую древность свѣта, не могъ на землѣ открыть электризація. Сказать рѣшительно, что погибнетъ французское дворянство безъ малѣйшія пользы купечеству, ежели дворянину торговать дозволено будетъ, есть не иное что, какъ говорить противъ того, что происходитъ въ Генуѣ, Венеціи, Британіи и Англіи, или лучше сказать не вѣрить опыту, который почитается сильнѣйшимъ доказательствомъ.

Если бы для отверстія купечества дворянству должень былъ я имѣть дѣло съ однимъ здравымъ разсудкомъ, то бы всѣ ворота были скоро отверсты; но здѣсь имѣемъ мы дѣло съ предразсужденіями, свѣтомъ владѣющими. ПЕТРЪ Великій имѣлъ болѣе труда заставить россіянъ брить бороду, нежели дѣлать ихъ людьми. Между тѣмъ царствовали уже предразсужденія, кои мы побѣдили; сіе основаніе подаетъ намъ надежду. Мы не думаемъ такъ, какъ думали предки наши, что анатомія человѣческаго тѣла есть церковная татьба, и что не должно погребать того, который не оставилъ церкви имѣнія. Наши ратсгеры не полагаются уже во гробъ въ капуцинскомъ платьѣ, для пріобрѣтенія царства небеснаго. Астрологія потеряла славу свою, исчезло волшебство, мечтанія сдѣлались смѣшными, отставлены поединки и отмѣненъ судъ Божій чрезъ огненные и водяные опыты. Я нарочно упоминаю предразсужденія закона, ибо оныя побѣдить всего тяжеле въ свѣтѣ. Тѣмъ славнѣе надъ оными побѣда. Здѣсь слѣдуетъ другая лавровая вѣтвь. Сами дворяне, кои предались заблужденію, столь много природѣ ихъ лестному, большую часть онаго уже оставили. Уже невѣжество себѣ въ честь

(*) Esprit des Loix. Tome II, chap. 25.
(**) Système de la Dime Royale.

они не ставятъ, и наши рыцари въ различныхъ платьяхъ не странствуютъ по свѣту и не имѣютъ поединковъ за честь своихъ *дамъ*.

Со всѣмъ тѣмъ выслушаемъ предразсужденіе. Оно будетъ приносить на насъ жалобу, если обвинимъ мы его, не принимая никакого оправданія: *Дворянская честь весьма нѣжна; но будетъ ли то ей предразсудительно, если дворянство вступаетъ въ купечество.*

Сколь ни нѣжна дворянская честь, но она носитъ знатныхъ господъ ливрею, служитъ на ихъ конюшняхъ и въ переднихъ комнатахъ: одинъ только титулъ пажа или шталмейстера наводитъ, такъ сказать, какъ на сіи домашнія службы. Если для призрѣнія купечества, въ угодность дворянства, нужны одни только слова, то языкъ нашъ довольно намъ оныхъ произвесть можетъ; и сіе тѣмъ легче будетъ, чѣмъ менѣе купечество имѣетъ при себѣ служащаго, ибо оно зависитъ отъ одного государства и отъ самого себя.

Ни маркизъ де Лассе, ни г. Монтескіо не говорятъ еще того, чтобъ купечество было безчестно для дворянства. Сія рѣчь имъ самимъ въ честь не послужила бы. Но кто говоритъ сіе? Говорятъ большіе господа, коимъ все сорадуется, и кои не пекутся о томъ, плачутъ ли другіе; говорятъ безразсудные, почитающіе мнѣнія свои важными и честь въ единой суетѣ полагающіе. Говорятъ странствующіе рыцари, извѣстные нынѣ не по дѣламъ геройскимъ, но по нѣкоторымъ прислугамъ. Говорятъ тѣ, которые служатъ свѣту бременемъ, и бываютъ часто тамъ опасны, гдѣ они обрѣтаются. Противоположимъ ихъ господамъ Руссо и Пенъіону седанцу, и париженцу Жуліену, симъ добрымъ мѣщанамъ, коихъ счастіе сдѣлало многихъ другихъ благополучными и кои питаютъ науки и людей. Съ которой же стороны почитать должно честь, благопристойность, важность, достоинство и истинное дворянство? Въ семъ дѣлѣ могу я учинить свободное признаніе. Сколь долго игра, удовольствія, мотовство, гордость содержатъ будутъ суетность дворянской знатности, столь долго купечество онаго не приметъ. Ибо когда оно играетъ, то конечно прежде работало; когда веселится, то должно оно имѣть прежде великія затрудненія; когда оно мотаетъ, то мотаетъ не безразсудно; когда оно оказываетъ щедрость, то видно, что уже долги свои оно заплатило; когда вдается оно пріятности наукъ, то конечно семья его уже удовольствована и не страждетъ слуга его. Наконецъ, если оно и великолѣпіе показываетъ, которое однакоже никогда ни неправдою не пріобрѣтается, ни гордостію не напыщается, тогда въ ономъ ни народъ, ни знатные ему упрекать не могутъ. Что же надлежитъ до безполезности сообществъ съ знатными людьми, то они, зная оное, никакого обязательства съ ними не имѣютъ.

Предразсужденіе устремляется и въ развалины древности и прахъ оныя отрясаетъ на купечество: *египтяне*, говоритъ оно, *жиды, многія греческія республики, и римляне презирали купечество.* О

если бъ мы во всемъ послѣдовали древности, сколь бы много добрыхъ дѣлъ мы предпринимали! Мы бы женились на сестрахъ нашихъ какъ египтяне, изгоняли бы женъ своихъ, побивали бы ихъ камнемъ какъ Индѣйцы, сдѣлали бы ихъ общими какъ спартяне, отставляли дѣтей своихъ, убивали ихъ тогда, когда не походятъ они на юнѣйшую сестру, какъ то было въ первыя времена Рима, и разсѣкали бы на части должника, не имѣющаго чѣмъ заплатить долгъ свой.

Но доказано ли то, что древніе взирали на купечество презрительнымъ окомъ? Египтяне удалялись сперва отъ всякаго сообщества съ чужестранцами, въ силу своей вѣры и обычаевъ. Іудея представляла также народъ отдаленный. Египтяне и Іудеи почитали весь свѣтъ осквернѣннымъ, да и сами они другъ друга почитали иногда таковыми; но сія ревность не долго продолжалась во вредъ купечества. Наконецъ флоты обоихъ народовъ имѣли брань за азіатскія и африканскія сокровища. Что же надлежитъ до грековъ, то хотя Спарта и изгнала купечество отъ невольниковъ, но сіе огорченіе случилось не одному купечеству, но и земледѣльству, и наукамъ; напротивъ того, симъ грекамъ могу я противъ положить другихъ грековъ. Если каждой вещи отдавать справедливость, то надлежитъ признаться, что Аѳины и Коринѳъ стоятъ Спарты; но оба они купечествомъ прославились. Если же Римъ столь долго упражнялся въ пролитіи крови, то хватился онъ за торгъ, какъ скоро отдохнулъ отъ сего упражненія: благополучная Арабія привлекала тогда къ себѣ римскихъ гражданъ (*). Сей народъ, будучи самъ царемъ, имѣлъ торги: сто двадцать кораблей ежегодно отправлялись въ Индію, и возвращались оттуда, нагружая корабли свои товарами на пятьдесятъ милліоновъ сестерціевъ (**).

Да не возражаютъ мнѣ тѣмъ, что Клавдіевъ законъ запрещалъ патриціямъ торгъ, какъ нѣчто непристойное. Я конечно судьямъ нашимъ не присовѣтую соединять вѣсы купечества съ вѣсами правосудія; они и такъ имѣютъ уже довольное упражненіе сохранять общій порядокъ. Я скажу лучше къ сему подверженному имъ людей множеству, которое непрестанно трудится въ кованіи оружія на обиду гражданъ: обогащайтесь, и честною жизнію составьте государственное благополучіе; упражняйтесь въ купечествѣ! Столь же мало совѣтовать я буду нашимъ воинамъ, оказавшимъ уже храбрость свою, или могущимъ при случаѣ оказать оную, извлекать непрестанно мечь за купечество; но паче многочисленное дворянство, къ праздности осужденное, увѣщевать я буду къ принятію участія въ трудахъ и благополучіи купцовъ.

Трудно узнать разсужденіе древнихъ о купечествѣ. Римляне на-

(*) Plinius lib. VI, cap. 26.

(**) Ibid. cap. 23 et Strabon. lib. II.

примѣръ имѣли законъ, который соединялъ женъ, имѣющихъ купецкую лавку, съ рабами, цаловальниками и комедіантами (1), но другой законъ придавалъ титулъ римскаго гражданина тому слугѣ, который шесть лѣтъ имѣлъ хорошій торгъ, и наполнилъ римскіе магазины (2). Такой слуга пожалованъ былъ дворяниномъ, ибо учинилъ онъ благородное дѣло; для чего же презирать женщину, которая торговлею питается? Когда говоритъ Цицеронъ о нужныхъ припасахъ, купечествомъ доставляемыхъ, то не хочетъ онъ, чтобъ одинъ и тотъ же народъ былъ государемъ и управителемъ торговъ цѣлаго свѣта (3); сверхъ того похваляетъ онъ купечество въ знатныхъ (4): когда торгъ нужными припасами не имѣетъ такихъ важныхъ предметовъ, какъ торгъ, роскоши споспѣшествующій. Итакъ не возможно дѣлать заключеніе о сей матеріи, принявъ въ уваженіе времена Цицероновы, ибо городъ, упражняющійся въ избраніяхъ, въ исканіяхъ чести и въ тяжбахъ, устремляющійся царствовать оружіемъ, ослѣпился легко въ разсужденіи купеческой пользы и достоинства.

Для совершеннаго разсмотрѣнія дѣла сего необходимо надлежитъ различать времена, ибо бываютъ случаи, въ которыхъ и великіе духи справедливо разсуждать не могутъ. Цесарь и Карлъ Великій, ослѣпленные завоеваніями, не взирали на купечество; перемѣна времени влечетъ за собою перемѣну понятія.

Возвращаясь къ жидамъ, находимъ мы, что Давидъ восхотѣлъ войти въ величія Божія, не разумѣвая дѣлати куплю. Соломонъ премудрый и Іосафатъ священный царь думали доказать оное тѣмъ, чтобъ послать въ Черное море торгующіе флоты. Пророкъ Іезекія упрекаетъ городу Тиру, что осквернился онъ купечествомъ (5). Исай возвышаетъ торгъ надъ всѣми городами: называетъ его царемъ моря, купцовъ князями, и работниковъ ихъ знатнѣйшими въ государствѣ (6).

Первое христіанство имѣло учителей, кои достойную честь купечеству оставляли; имѣло и другихъ учителей, кои презирать оное старались. Святый Хризостомъ, держа въ десницѣ громовую стрѣлу, вѣщаетъ тако: *Не можетъ быти купецъ угоденъ Богу; не можетъ быти купецъ христіаниномъ, а если онымъ быть хочетъ, то да будетъ онъ изъ церкви изгоняемъ* (7). Если бы послѣдовали его со-

(1) Leg. 5 de naturalibus liberis.

(2) Ulpian Sueton, in Claudio.

(3) Nolo eundem populum imperatorem et petitorem esse terrarum.

(4) Lib. 1. de Officiis.

(5) In multitudine negociationis tuae repleta sunt interiora tua iniquitate. Cap. 28.

(6) Quis cogitavit hoc super Tyrum quondam coronatam, cujus negociatores principes, institores ejus inclyti terrae? Cap. 23.

(7) In II. parte homil. in matth. 21.

вѣту, то бы Константинополь и всѣ святые съ голоду умереть должны были.

Между нынѣшними учеными не можно найти согласія во мнѣніяхъ. Водинъ (1) и Тиракель (2) запрещаютъ дворянству купечество, а Балдусъ увѣщеваетъ всѣхъ дворянъ къ тому, яко къ полезнѣйшему дѣлу (3). Да предложатъ вопросъ сей Италія, Данія, Англія и Голландія. Сами дворяне рѣшатъ оный въ пользу коммерціи, но нѣмецкое и польское дворянство противъ сего возопіетъ. Шевалье де ла Рокъ, повѣствующій сіи противныя мнѣнія, которыя надлежатъ до утвержденія дворянской чести и преимуществъ, не можетъ самъ того рѣшить, надлежитъ ли вступать въ купечество дворянству?

Французское дворянство поступитъ весьма благоразумно, если рѣшеніе сего вопроса возьметъ оно само на себя, или приметъ въ уваженіе дѣла уже случившіяся. Солонъ можетъ конечно равняться съ дворяниномъ изъ Боса или Пикардіи. Онъ произошелъ отъ Кодруса, послѣдняго аѳинскаго царя, и прежде нежели далъ онъ аѳинянамъ законы, возвысилъ онъ ихъ купечествомъ (4): «Въ сіе время, говоритъ Плутархъ, не почиталось никакое рукодѣліе безчестнымъ, и никакое упражненіе не дѣлало между людей различія; купечество было въ особливомъ почтеніи, ибо отверзло оно коммерціи съ чужестранными народами, ибо подаетъ оно средство вступать съ царями въ дружескія обязательства, и наставляетъ въ такихъ дѣлахъ, которыя до сего не были извѣстны». Я не знаю, можетъ ли Протусъ показать на дворянство грамоту; сей купецъ дерзнулъ основать Марсейль, которая столь много вѣковъ служитъ къ нашему обогащенію (5). *Катонъ* произошелъ конечно изъ послѣдняго дома. Цари требовали его помощи прежде, нежели былъ онъ биргермейстеромъ. Впрочемъ извѣстна строгость его въ разсужденіи добродѣтели и чести; со всѣмъ тѣмъ имѣніе свое умножилъ онъ купечествомъ (6). Я не буду приводить на память ни *Иократа*, ни премудраго *Фалеса*, ни божественнаго *Платона*, которые вступили всѣ трое въ купечество (7). Не удивительно то, что философы не нашли ничего безчестнаго въ такомъ похвальномъ упражненіи, но Римъ паки меня къ себѣ призываетъ. Что вижу я? Пертинаксъ вступилъ въ купечество (8) и скоро носить будетъ императорскую корону; императоръ Каракалла не былъ купецъ, но но-

(1) Lib. V. Reipubl.
(2) Cap. 28.
(3) In rubricis de Clericis peregrin.
(4) Plutarque, Vie de Solon.
(5) Ibid.
(6) Idem, Vie de Caton.
(7) Idem, Vie de Solon.
(8) Hist. du Comment. des Anciens par. Mr. Huet, Chap. LVII.

читалъ купцовъ. При александрійскомъ кровопролитіи онъ доказалъ то довольно, ибо всѣ дворяне, священники, судьи и воины умерщвлены были, и пощажены одни только купцы.

Отворя архивы мира сего, найдемъ, что купечество въ лучшее время у всѣхъ народовъ было въ великомъ почтеніи: въ Египтѣ при Птоломеѣ Филадельфѣ, въ Іудеи при Соломонѣ, въ Аѳинахъ при Периклѣ, въ Карѳагенѣ при Ганнонѣ, во Флоренціи при Козьмѣ Медизѣ, въ Великобританіи при Елисаветѣ, въ Голландіи при знаменахъ вольности, и въ Россіи при ПЕТРѢ Великомъ. Съ нѣкотораго довольнаго времени привлекаетъ къ купечеству дворянство и собственная ихъ нація, котораго упрековъ стращится оно безъ всякія причины.

Въ 1614-мъ году государственные чины наши, разсуждая объ общемъ благополучіи, предложили дворянству вооружать корабли, вступать въ мореплаваніе и заводить большее купечество. Предложила ли бы нація какую нибудь непристойность такому почтенному состоянію, которое еще болѣе достойно будетъ почтенія, если оставитъ оно предразсужденіе и постарается заслужить знаки чести не однимъ титуломъ. Съ сего времени короли наши не дошускали потухать сей первый жаръ. Уже сдѣланъ путь, почто намъ оставлять его? Купцы, шествовавшіе въ Гишпанію подъ предводительствомъ коннетабля де Гвисклина противу Петра Жестокаго, были дворяне; исторія называетъ ихъ *торгующими рыцарями*. Якобъ Кіоръ, усмирившій бургонскій домъ, возвратившій французскую корону истинному ея наслѣднику, и толико славный при дворѣ Карла седьмаго и во всей Европѣ, былъ безконечно болѣе купечествомъ, нежели своимъ баронскимъ состояніемъ. Тотъ, который твердое положилъ основаніе въ Акадіи, нынѣ Новой Шотландіи, кто основалъ Портъ-Рояль, нынѣшній Аннапаль, столицу купечества, не для англичанъ учрежденную, *Петръ Монтсъ*, говорю я, былъ дворянинъ, служившій при дворѣ Генриха девятаго; если бъ довольствовался онъ сею только честью, то бы въ исторіи столь же мало было извѣстно его имя, какъ и послѣдователя его *Пуатринкурта*, который паче возвысилъ купечество, покоривъ сердца дикихъ народовъ. Я знаю, какого почтенія достойно дворянство. Я остерегусь конечно въ собраніи поклониться прежде ученому, нежели маркизу; но мнѣ по крайней мѣрѣ дозволено будетъ засвидѣтельствовать потомъ и ученому мою преданность; итакъ науки имѣютъ уже нѣкоторое почтеніе. Молодой человѣкъ, котораго великій духъ былъ извѣстенъ и который званъ былъ во храмъ наукъ, дабы поставить его по сторону отца его и дѣда, не почелъ за безчестіе вступить въ купечество. Можетъ быть мы бы и пользовались его успѣхомъ, но чрезвычайное движеніе натуры, разорившей Лиссабону и грозившей Кадиксу, поглотило внука великаго Расина. Науки и коммерція окропили гробъ его слезами.

Я оставляю приватныхъ людей выводить на театръ города и

провинціи. Дворянство марсельское, Нормандіи и Бретаніи вышло уже въ море подъ владѣніемъ Карла IX, которому купечество его угодно было, и который въ 1566-мъ году удостоилъ ихъ жалованною грамотою. Развѣ дворяне изъ Прованса, Бретаніи и Нормандіи менѣе васъ думаютъ о чести?

Но я забываю уже то, что вы въ купечество вступили, сами о томъ не вѣдая. Торгъ вашъ для того малъ, что вамъ великій противенъ. Вы торгуете виномъ и хлѣбомъ; но если въ томъ великая разность, чтобъ брать товары въ собственной своей землѣ, или покупать оные на продажу? Вообще сказать, кто бы не долженъ былъ вступить въ купечество? Сципіонъ, карѳагенскій разоритель, похвалился тѣмъ, что онъ никогда ничего не продавалъ и не покупалъ; лучше бы было то, если бъ онъ похвалиться могъ тѣмъ, что не имѣлъ участія въ невѣрности римскаго сената противъ карѳагенцевъ. Купечество есть душа всѣхъ сообществъ. Ораторъ продаетъ свое краснорѣчіе, писатель духъ свой, воинъ кровь, политикъ свои намѣренія. Дворянинъ, ни въ чемъ ономъ участія не пріемлющій, могъ бы продавать плоды нашихъ мануфактуръ и художествъ. Онъ продаетъ же ленъ непряденый, для чего не продавать ему пряжи?

Но можно ль тому статься, чтобъ дворяне въ лавкахъ мѣрили и вѣсили? Я спрашиваю только о томъ, лучше ли жить имъ въ маленькой деревнѣ безпечно и вредить своей праздностію себѣ, семьѣ своей и всему государству? Вы страшитесь малаго торга для того, что вы дворяне? Но кто же вамъ сказалъ о томъ, что проворство ваше ограничило ваше счастіе въ малыхъ предпріятіяхъ? Море показываетъ вамъ пространнѣйшее поле, нежель тщеславіе ваше: нѣтъ такого народа, который бы не представлялъ вамъ свои сокровища; и отечество ваше такъ, какъ и сродники, отверзаетъ свои объятія, для принятія васъ въ оныя. Сожалѣете ль вы о господствѣ надъ малымъ дворомъ своимъ, когда можете посылать въ Каиро и Сурать ваши повелѣнія? Сдѣлайте лишь начало; одинъ торгъ приводитъ къ другому, малый къ посредственному, а посредственный къ большому. Козьма де Медицисъ, отецъ и защитникъ Флоренціи, человѣкъ и купецъ, не вдругъ сдѣлалъ благополучнымъ себя и свое отечество. Онъ забылъ свое дворянство, и потомство возвышать его будетъ непрестанно до тѣхъ поръ, пока не замолчитъ оно отъ самодержавныхъ государей, носившихъ его имя. Не всякому дано достигнуть купечествомъ до такого величества и славы; но можно довольно быть славну, если только при ономъ остаться.

Честь, сія страсть благородныхъ душъ, сіе къ великимъ дѣламъ побужденіе, не всегда по истинному ея свойству представляется. Дворянство родилося для чести: сіе внушаютъ ему съ младенчества. Предразсужденіе ихъ въ томъ утверждаетъ, и они съ прискорбностію спрашиваютъ о томъ, не безчестно ли купечество?

Что до меня касается, то я еще вопросъ предлагаю: состоитъ ли

въ томъ честь, чтобъ имѣть участіе въ преимуществахъ своего отечества, дать людямъ полезное упражненіе, земледѣліе приводить въ цвѣтущее состояніе, доставить деньгамъ хожденіе въ государственномъ корпусѣ, возставить общую повѣренность, и возвысить счастіе государства въ такомъ свѣтѣ, который отъ насъ хотѣла скрыть натура? За сіи американскія селенія, доставляющія толь многимъ людямъ содержаніе, упражняя корабли въ отвозѣ товаровъ и въ привозѣ другихъ съ стократною выгодою; селенія сѣющія, ибо они причина тому, что заводимъ мы мануфактуры; селенія, новую Францію составляющія, и тѣмъ обогащающія старую—за сіи селенія, вопрошаю я, кому мы обязаны? Купцамъ, учинившимъ первыя откровенія, изслѣдовавшимъ тамошнія земныя произращенія, сравнявшимъ наши надобности съ американскими, и побѣдившимъ тамошнихъ природныхъ жителей пріятностію и прелестію купечества, Строгость употребляема была уже послѣ: вотъ какого свойства купеческая наука.

Безчестно ли о ней стараться? Похвально ли искать союзниковъ своему отечеству? Гдѣ нѣтъ денегъ, тамо нѣтъ союзниковъ, а деньги доставляетъ одно купечество. Голландія всегда имѣть будетъ союзниковъ, ибо коммерціи ея весьма велики.

Англія для сей же причины можетъ вездѣ и въ самыхъ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ имѣть союзниковъ. Мы сами не можемъ ли найти истинныхъ нашихъ союзниковъ въ такомъ великомъ числѣ купцовъ, которое дворянствомъ умножится и имѣніемъ его утвердится? Можетъ быть мы купеческимъ и военнымъ своимъ флотомъ, если оные приведены будутъ въ совершенство, сдѣлаемся себѣ сами довольны.

Можно ль найти честь въ купечествѣ? честь ли въ томъ, чтобы защищать свое отечество? Егинетъ остановилъ ревность и ярость крестныхъ походовъ тою силою, которую ему доставило купечество. Нужно ль вспоминать намъ несчастіе, паденіе и общую печаль Франціи въ 1710 году? Нужно ль вспоминать намъ непреклонную гордость нашихъ непріятелей при заключенномъ мирѣ въ Гетрундембургѣ и униженіе толь великаго государя, который много разъ управлялъ судьбою Европы? Сентъ-мальскіе купцы возвратили изъ Перу корабли свои, и тридцатью двумя милліонами почерпнула Франція опять свои силы, которыя возставили ей миръ и побѣду. Если бы дворянство такія сокровища имѣло, то бъ безъ сомнѣнія учинило оно такое же полезное ему употребленіе. Города осажденные и колеблющаяся корона не должны приходить въ отчаяніе, если купечество оные подкрѣпляетъ. Принцъ Евгеній помогъ Турину и побѣдилъ насъ золотомъ, доставленнымъ ему отъ англійскихъ купцовъ. Таковые же примѣры имѣемъ мы и въ послѣднюю войну. Сія государыня, столь многими бранями угрожаемая и которая должна была погибнуть прежде, нежели быть на брани побѣжденна, какимъ образомъ собрала свои силы? Не иначе, какъ англійскимъ

и голландскимъ купечествомъ. Сухопутное и морское войско, поспѣшившее на помощь ей, шло подъ знаменъ купечества.

Можно ль еще вопрошать о томъ, приноситъ ли честь купечество? Сей вопросъ слѣдуетъ съ тѣмъ, приноситъ ли честь завоеванія: мы не прежде всѣхъ въ Кольбертово время научились имѣть понятіе о важности купечества. Людвигъ XIV завоевалъ Русильонъ, нижнюю Бургонію, Эльзасъ, часть Фландріи и Гишпанское королевство деньгами, доставленными нимъ отъ купечества. Карлъ VIII, Людвигъ XII и Францъ I завоевали бы Италію, если бы они имѣли всегда готовые корабли, которые бы они конечно имѣть могли, если бъ постарались привести купечество въ цвѣтущее состояніе. Но превышаетъ ли еще насъ желаніе къ завоеваніямъ и къ распространенію нашего государства. Теперь дѣло состоитъ въ томъ, чтобы число людей нашихъ умножить, пахать земли наши, возвышаться своими трудами, словомъ, чтобъ намъ обогатиться, и тогда-то будемъ мы благополучны. Какъ? Еще ли кровопролитіе, военный ужасъ, скорбь и слезы подданныхъ продолжаться будутъ! Какая то честь, когда она причиною нашего несчастія!

Еще ли о томъ вопрошать будутъ, приноситъ ли честь купечество? Приноситъ ли то честь, когда государство вооружать всѣми возможными силами? Когда Голландія въ срединѣ прошедшаго вѣка достигла до сильнаго купечества, то въ два года и въ самыя жестокія военныя безпокойства могла она построить 6 и большихъ военныхъ кораблей. Когда бы Людвигъ XIV не болѣе 30 милліоновъ имѣлъ дохода, который имѣли его предки, то бы не построилъ онъ толь многія крѣпости, не привелъ бы флотъ въ такое состояніе, и не могъ бы содержать столь многочисленное войско? Купечество отверало ему свои сокровища и 140 милліонами дохода возвысился онъ надъ всею Европою.

Нѣтъ такого государства, которому бы верхъ славы прелестенъ не былъ, и если въ достиженіи до онаго состоитъ честь, то купечество должно непремѣнно быть почтенно. Аѳиняне разорили сирскій, кипрскій и фенеціанскій флотъ, пріобрѣли на морѣ главную власть, предписывали великому персидскому царю законы, и наконецъ овладѣли самой Грецією, не инымъ чѣмъ, какъ помощію коммерціи. Ганнонъ зналъ тогда, что дѣлалъ, когда въ договорахъ съ римлянами, кои дали примѣтить свое намѣреніе о купечествѣ, объявилъ имъ, что карѳагенцы терпѣть того не будутъ, если римляне будутъ омывать свои руки въ морѣ Сицилійскомъ. За двѣсти лѣтъ можно ль было думать, чтобъ Англія могла въ 1723-мъ году послать вдругъ три флота въ три отдаленнѣйшія части свѣта: одинъ для завоеваннаго своимъ оружіемъ Гибралтара, другой въ Портобелло, дабы ожиданіе короля гишпанскаго своихъ вестъ-индскихъ сокровищъ учинить тщетнымъ, а третій въ Балтійское море, дабы воспрепятствовать сѣвернымъ коронамъ начинать между собою войну?

«Будетъ время, сказалъ нѣкогда министръ королевы Анны, что Европа не дерзнетъ учинить пушечный выстрѣлъ безъ дозволенія Англіи». Европа мало вѣритъ сему гордому пророчеству, но кто кромѣ насъ можетъ отвратить Англію отъ сихъ гордыхъ мыслей? Положимъ на корабли то злато, которое роскошь наша превратила въ серебряные сосуды. Корабли возвратятся съ стократнымъ прибыткомъ, и мы войдемъ на самый верхъ силы. Торгующее дворянство раздѣлитъ честь сію съ воюющимъ.

Деньги, сей тиранъ нынѣшняго свѣта, распространили власть свою повсюду съ тѣхъ поръ, какъ въ употребленіе введенъ сталъ порохъ и огнестрѣльное оружіе. Война съ того времени тратитъ больше денегъ, нежели проливаетъ крови. Сильныя государства имѣютъ сраженія, кои стоятъ мало крови. Но что я говорю? И мало крови было бы драгоцѣнно, если бы люди не взяли на себя свойство тигровъ? Словомъ, съ тѣхъ поръ, какъ разореніе ближняго считаться стало добродѣтелію, уже не возможно имѣть войну безъ неисчислимой суммы; а какъ купечество есть источникъ богатства, то и стало оно главнѣйшимъ предметомъ всея Европы.

Въ четвертомъ-на-десять вѣкѣ казалось, что только Генуа и Венеція изо всѣхъ государствъ могутъ думать и дѣлать исчисленіе. Прилежность ихъ и проворство доставляли имъ все денежное богатство; въ самое то время Англія и Франція, устремяся на единое наблюденіе суетной чести, довольствовались только мечтаніями. Тогда въ одной Италіи была морская сила; въ послѣдующія времена были уже и другія. Усмотря, что главная власть нужда въ деньгахъ, приложено стараніе достигать до вышней власти и въ коммерціи. Швеція, Данія и Неаполь, кои за двадцать лѣтъ ничего о томъ не помышляли, имѣли съ того времени въ томъ болѣе успѣха, нежели мы по смерти Колбертовой. Россія, не имѣвшая до Петра Великаго ни одного корабля, считаетъ нынѣ многочисленные флоты. Прусскій король, приводя въ совершенство военную силу, подавая новые законы, вводя науки и художества въ свое государство, разсматривая все глазами Солона и Перикла, старается нынѣ и о коммерціи; кто знаетъ, какой великій у него она успѣхъ имѣть будетъ. Сама Гишпанія, уснувшая на златыхъ своихъ рудахъ, ободряется и отлагаетъ лѣность для распространенія коммерціи. Нашъ сонъ долженъ быть весьма глубокъ, если не пробудимся отъ шума, происходящаго отъ купечества ревнующихъ намъ въ преимуществѣ народовъ. Нападаютъ на насъ деньгами, и симъ оружіемъ мы сами имъ сопротивляться будемъ. Въ первомъ вѣкѣ побуждало народы желѣзо, а нынѣ золото. Со златомъ въ рукахъ возбуждаютъ намъ враговъ и въ самыхъ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ, гдѣ мы ихъ конечно бы имѣть не могли: если покажемъ мы большее множество сего металла, то можемъ сихъ хитро возбужденныхъ противъ насъ враговъ склонить на нашу сторону.

Важнаго разсужденія заслуживаетъ то, что нынѣ морская война становится гораздо обыкновеннѣе, но къ оной потребны великія суммы денегъ. На морѣ не можетъ войско содержаться ни грабежемъ, ни пожарами, ни зимними квартирами въ землѣ непріятельской. Какъ можно безъ цвѣтущаго купечества привесть флотъ въ такую силу, чтобы тѣмъ имѣть отъ всѣхъ къ себѣ почтеніе? Съ прискорбностію должны мы вспоминать послѣднюю войну, въ которую море отъяло у насъ лавры, на сухомъ пути пожатые. Мы сами себя обманывать не будемъ. Сокрывающееся зло бываетъ всегда опаснѣе. Наши ораторы и стихотворцы возвышали весьма умѣренность короля во время послѣдняго мира. Первый сіе сказавшій напалъ и въ столицѣ и въ провинціяхъ тысящи людей, повторяющихъ слова его. Нуженъ ли вымыселъ для похвалы героя? Онъ уже довольно великъ тремя выиграннымии сраженіями и завоеваніемъ толь многихъ городовъ, а еще болѣе своею къ намъ любовію. Капбретонъ былъ завоеванъ, всѣ наши селенія были въ опасности, нашъ флотъ, если онъ сіе имя заслуживаетъ, былъ слабъ и безсиленъ, наши коммерціи были близъ своея погибели. Миръ тогда непремѣнно былъ нуженъ: премудрость привела оный въ состояніе. Долгое время люди стремятся во всѣ стороны и счастіе то на одной, то на другой сторонѣ бываетъ, но наконецъ какъ бы то ни было, а всегда побѣду получаетъ тотъ народъ, который болѣе имѣетъ денегъ, то есть наилучшее купечество.

Европа, можетъ быть, должна почитать себя благополучною, что деспотическая власть не допустила турковъ завести коммерціи. Турецкій монархъ имѣетъ столько земель въ Европѣ, что можетъ равняться оными и сильнѣйшему своему сосѣду. Сверхъ того имѣетъ онъ Сирію, Египетъ и Малую Азію. Войско его равняться можетъ съ войскомъ царей персидскихъ. Воины его храбры и въ воинской наукѣ научены уже отъ христіанина, коего отечество сдѣлало собою недовольнымъ. Остатокъ жидовской къ вѣрѣ ревности и ученіе о неизбѣжной судьбинѣ привлекаетъ ихъ бѣжать безъ печали и во изступленіи на неизбѣжную смерть. Если бы Турки имѣли коммерціи, если бъ были у нихъ флоты, приличные величинѣ земли ихъ и если бъ было у нихъ столько денегъ, сколько людей, то Европа въ великой бы была опасности. Коммерціи не въ наши еще времена начали быть страшными. Когда императоръ Карлъ VI выигралъ баталію при Бѣлградѣ, то не безпокоилась Европа о завоеваніяхъ, кои потомъ могли послѣдовать; но когда хотѣлъ онъ привести въ состояніе Остъ-Индскую купеческую компанію, то угрожали ему со всѣхъ сторонъ, опасаясь той силы, которую могутъ ему коммерціи доставить. О если бы хотѣли мы проникнуть въ разумъ словъ произносимыхъ нашими предками: *коммерція есть душа государства.* Можетъ быть, сіе сказано было тогда и рано, но нынѣ сіе правило находитъ свое совершенное употребленіе и распространеніе, ибо

купечество не только есть жизнь народовъ, но и здравіе государства. Можно думать, что народъ, имѣющій одинъ купецкіе торги, приведетъ всѣхъ подъ свое иго; словомъ, полновѣсіе коммерціи и государственной силы есть единое.

Если о нынѣшнемъ состояніи Европы хотя мало разсуждать будемъ, то легко найдемъ, что коммерціи стали душою государственныхъ интересовъ и равновѣсіемъ свободныхъ силъ. Уже не составляютъ онѣ упражненіе только приватныхъ людей, но почитаются государственною наукою. Онѣ стали конечно тѣмъ и благородны, что составляютъ основаніе величества государственнаго и благополучія народнаго.

При всемъ томъ спрашиваютъ еще съ гордымъ видомъ, можно ли честь найти въ коммерціяхъ и прилично ли въ оныхъ дворянамъ упражняться? Купечество не должно оскорбляться отъ вопроса, невѣжествомъ произнесеннаго. Сіе самое невѣжество спрашиваетъ и о томъ еще, прилично ли дворянину безъ поврежденія чести сидѣть на стулѣ лиліями украшенномъ, и давать правый судъ согражданамъ. Сей дворянинъ, исчисляя своихъ предковъ, не исчисляя заслугъ ихъ, убѣгаетъ какъ возможно отъ всякія службы, кромѣ военной. Когда любви достойная нація будетъ и благоразумнѣйшею! и вы благородные герои, извлекающіе мечъ на враговъ своихъ, не мните, чтобъ хотѣлъ я затмѣвать ваше сіяніе: вы защищали постъ свой, собирали остатки компаніи и во множествѣ враговъ своихъ сражались; признаюсь, что тѣмъ честь себѣ вы пріобрѣли; но если въ самое то время юнѣйшій братъ вашъ пойдетъ въ ярящееся море и во время недостатка достанетъ намъ пропитаніе, если сыщетъ руду золотую, обогащающую цѣлую провинцію, то менѣе ли славы онъ тогда заслужитъ? Онъ вамъ дворянство ваше оставляетъ и своего отъ себя тѣмъ не отвергаетъ. Для чегожъ вамъ любезно дворянство, мечъ извлекающее, которому вы всѣмъ на свѣтѣ жертвуете? Можетъ быть для того, что оно заслуживаетъ то претерпѣнными опасностями и пролитіемъ крови. Безъ сомнѣнія, весьма похвально страдать и умереть за свое отечество, но не думайте и того, чтобъ не имѣло купечество своихъ трудовъ, опасности и самыхъ сраженій. Когда купечество въ срединѣ нашихъ городовъ спокойно процвѣтаетъ и не предлагаетъ вамъ ничего, храбрости вашей достойнаго, то морскія коммерціи по большей части причиняютъ народное блаженство. Тамъ найдете вы мели, бури и морскихъ разбойниковъ, и можете пролить благороднымъ образомъ на войнѣ кровь свою, для насыщенія вашея храбрости. Сухой путь никогда не представитъ вамъ случая къ толь великимъ предпріятіямъ. Сколько много мечей уже обнаженныхъ, и сколь много такихъ, кои еще обнажены будутъ? Мореплаватель, торгующій каперъ сноситъ всѣ времена года, идетъ во всѣ страны свѣта, и на все дерзаетъ; онъ непрестанно устремляется къ добычѣ и презираетъ труды и самую смерть.

Другіе купцы между тѣмъ довольствоваться будутъ, отсылая изъ своихъ кабинетовъ повелѣнія въ Сентъ-Доминго и Сувебасъ для благополучія Франціи. Если для достиженія чести непремѣнно должно проливать кровь, то надлежитъ Сегира, Даво и Кольберта изгнать изъ храма славы. Сей послѣдній сдѣлалъ купечествомъ государству болѣе добра, нежели бы могъ сдѣлать выигранными десятью баталіями. Въ семъ-то состоитъ честь, если я не ошибаюсь.

Можетъ быть дѣлаю я ложныя заключенія и соединяю понятія, которыя дворянство рѣшитъ слѣдующимъ своимъ вопросомъ: *Что же будетъ изъ нашихъ преимуществъ, если мы торговать будемъ?* Что изъ оныхъ будетъ? Въ чемъ состоять они и для чего имъ не сохранять оныхъ? Они могутъ какъ прежде развѣсить свои гербы и оказывать неудовольствіе свое мѣщанамъ, кои онымъ хотятъ пользоваться; могутъ говорить о своихъ предкахъ, когда ихъ о томъ не спрашиваютъ; могутъ сохранить первый слогъ, прибавляющійся къ ихъ фамиліи; проливать кровь шпагою; начинать и дѣлать поединки; сохранять освобожденіе свое отъ подати съ тѣмъ, чтобъ оныя платить подъ другимъ именемъ; идти въ монахи въ дворянскіе монастыри, для доставленія всѣмъ благороднымъ вѣчнаго блаженства; скакать съ собаками по полямъ, носящимъ созрѣлые плоды; бить бѣдныхъ крестьянъ, а иногда убивать ихъ и до смерти. Можно возвратить имъ нѣкоторыя и изъ потерянныхъ ихъ преимуществъ, какъ-то: достигать вышнихъ наукъ въ высокихъ училищахъ въ короткое время, обходиться съ оружіемъ, различать себя отъ простыхъ людей, и многія другія преимущества, о коихъ за краткостію болѣе не упоминаю.

Но я слышу возвышающійся голосъ ихъ: отвори глаза, мнѣ вопіютъ они, и ты увидишь самъ границы, учрежденныя закономъ между нами и купечества. *Купечество возвышаетъ дворянство.*

Египтяне не имѣли довольно остроты, а аѳиняне знанія, для учиненія сего откровенія; и въ самомъ Римѣ, когда взошелъ на престолъ Тарквиній старшій, то не упрекали его тѣмъ, что онъ сынъ коринѳскаго купца. Возвращаясь же къ Флоренціи, разберемъ то, что помышляла она въ ту минуту, когда Козьма да-Медичисъ принялъ надъ республикою правленіе. Она забыла сказать ему то, что дворянство его въ купечествѣ унизится. Я искалъ произхожденія сего закона, и нашелъ оное въ безсмертномъ сочиненіи (*), содержащемъ въ себѣ первыя всѣхъ законовъ основанія. Римляне, отъ коихъ мы имѣемъ столь много добраго и худаго, пренебрегали купечество и мало объ ономъ старались. Народъ, держащій мечъ въ рукахъ непрестанно и могущій обогатиться награбленнымъ имѣніемъ цѣлаго свѣта, не имѣлъ конечно въ коммерціи нужды, и оныя упа-

(*) L'esprit des Loix, Tom. II.

ли еще болѣе нападеніемъ на римское государство. Чужестранцы, коихъ большую часть составляли франки, наши пращуры, почитали смерда коммерціи предметомъ своего грабительства, а утвердяся въ томъ, презирали они оныя равномѣрно какъ и земледѣльство. При семъ одномъ дѣло не осталось, но воспослѣдовали еще другія непочитанія. Богословы, коихъ словамъ тогда вѣрили, плѣнились Аристотелевой философіею и изъ нея взяли свое ученіе. Отдаваніе въ ростъ денегъ почитали они лихоимствомъ и оное проклинали. Чего ради, купечество, бывшее тогда упражненіе подлыхъ людей, оставлено было однимъ жидамъ, кои почитались безчестными людьми. Не для чего было стараться толь много унижать купечество и увѣрять, что оно безславитъ дворянство, ибо въ разсужденіи сего учиненъ былъ законъ; но былъ еще и другой законъ, который объявлялъ тѣхъ дворянъ безчестными, которые откажутся отъ поединка, признаннаго судьею, для оправданія прямой и ложной жалобы (*). Точно сіе же худо истолкованное наблюденіе чести произвело законъ о безславіи купечествомъ дворянства. Удивляюся глупости онаго.

Главный откупщикъ, ведущій торгъ своей деньгами, сохраняетъ дворянство свое невредимо, то есть, такой торгъ, который государство приводитъ въ бѣдность, предпочитается тому, которое его обогащаетъ. Наши дворяне подражать могутъ безвинно римскимъ рынарямъ, кои были главными откупщиками республики; но кто знаетъ что при перемѣнѣ обстоятельствъ знатнѣйшіе господа не будутъ сами сборщиками. Противорѣчіе имѣетъ всегда мѣсто въ худомъ законѣ. Дворянинъ можетъ дѣлать и продавать стекло, и для чего не долженъ онъ продавать сукны! дворянину дозволено дѣлать статуи и картины, для чегожъ запретить ему торговать красками и мраморомъ? Есть еще довольно распространившееся мнѣніе, совсѣмъ ложное и показывающее малость понятія. Многіе по предразсужденію свѣта думаютъ, что дворяне, носящіе ливрею знатныхъ, тѣмъ себя не унижаютъ. Возможно ль, чтобъ рабъ сохранилъ свое дворянство въ презрительной находяся службѣ, и чтобъ вольный человѣкъ потерялъ оное, вступя въ независимое и почтенія достойное купечество? Оставимъ сіе мнѣніе полякамъ и другимъ варварскимъ народамъ.

Кто человѣческимъ глупостямъ дивится, тотъ ихъ не знаетъ. Народы по своей вѣрѣ и предразсужденіямъ презирали то сіе, то другое упражненіе. Жиды упрекали за то сына божія, что ѣлъ онъ съ мытарями; сей упрекъ у насъ былъ бы принятъ весьма худо. Вавилоняне (**) и аркадяне (***) запретили всенародно врачебную науку.

(*) Beamanois, chap. 64.
(**) Herodote, lib. I.
(***) Plin., lib. XXV.

Платонъ изгналъ стихотворство изъ своей республики. Римъ при Домиціанѣ гналъ всѣхъ математиковъ и философовъ. Чреда была и купечеству. Сколь худо принято римлянами земледѣліе, которое у нихъ предковъ въ толикомъ было почтеніи, ибо отъ сохи избирали они полководцевъ и отъ тріумфа шли къ сохѣ (*). Они тѣми же глазами на оное взирали, какъ и на военные лавры. Какими же глазами взираемъ мы на земледѣліе? Подающіе намъ хлѣбъ почитаются пресмыкающимися. Между тѣмъ не знаю, какимъ счастіемъ сдѣлалось то, что помянутый законъ пощадилъ земледѣльство, когда притѣснялъ онъ купечество. Прилично ли господину Серваду, имѣя гербъ и будучи шталмейстеромъ, заводить новую цвѣтную мануфактуру въ Пуи-ан-велѣ? Вѣроятно-ль то, чтобъ онъ въ сей купечества палатѣ, почтенный оружіемъ и королевскою ливреею, проводилъ время свое въ работѣ и къ непрестанному приготовленію товаровъ. Итакъ хочетъ онъ великое число работниковъ сдѣлать способными, дать имъ упражненіе, и пропитать множество бѣдныхъ людей, распространить денежное хожденіе въ провинціи мало достаточной, и умножить государственное сокровище; но если г. *Серваз* тѣмъ лишится своего дворянства, то что начать для снисканія и сохраненія онаго?

Но для чего возвышаетъ наше воображеніе сей особливый и готскій законъ объ отнятіи дворянства, чрезъ положенныя сему закону границы? Злоупотребленіе сіе примѣтя, короли наши старались уменьшить оное, если совсѣмъ искоренить невозможно. Карлъ IX прежде, нежель омочилъ руки въ крови своихъ подданныхъ, подписывалъ привиллегіи (1556) торговать моремъ марсельскимъ, руанскимъ и бретанскимъ дворянамъ. Генрихъ IV, коего смерть вѣчно Франція оплакивать будетъ, привелъ сіе счастливое начало въ совершенство. Людвигъ XIII, коего правосудіе не потерпѣло закону купечества унижающему, далъ (1629) слѣдующій указъ: *А дабы всякаго чина и званія поддатные наши возбуждены были къ купечеству и торгу морскому, то объявляемъ волю нашу, что тѣ, кои въ ономъ будутъ упражняться, пріобрѣтутъ себѣ достойную честь, и притомъ повелѣваемъ, чтобъ всѣ дворяне, кои сами для себя, или посредствомъ какимъ, похотятъ вступить въ обязательство и общество строить корабли для привоза нужныхъ припасовъ и товаровъ, то малѣйшаго въ томъ предосужденія дворянству своему не имѣли.* Наконецъ Августъ временъ нашихъ, Людвигъ XIV, сію самую ревность освящаетъ торжественнымъ повелѣніемъ (1669), котораго вступленіе достойно примѣчанія. Сей государь, стремящійся ко всѣмъ родамъ величества и славы, взиралъ на предразсужденія,

(*) Gaudente terra vomere lauseato et triumphali aratore. Plin. Lib. XVIII, cap. 28.

яко отецъ и государь; сожалѣлъ онъ о томъ, что подданные его, не смотря на всѣ учрежденія предковъ его о купечествѣ, еще почитаютъ оное себѣ безчестнымъ. Восхотѣлъ онъ истребить сіе варварское мнѣніе, благо общее разрушающее, показалъ онъ море своему дворянству, и рекъ ему: торгуйте.... И сіе дворянство, не хотя по самонравію своему оставить малую свою часть земницы, которую часто во внутренности государства окропляетъ оно слезами, не знаетъ еще того, съ которой стороны море намъ граничитъ? Сіи древніе галлы, коихъ кровь течетъ въ жилахъ нашихъ, не вкоренили конечно въ насъ таковыхъ заблужденій. Цесарь похваляетъ въ своей исторіи ихъ купечество и флотъ, и Невстрію за то паче возвышаетъ, а въ сіе время Великобританскаго острова жители имѣли только малыя лодочки для плаванія около береговъ своихъ. Сіи маленькія лодки превратились въ плавающіе замки, прелетающіе отъ одного полюса къ другому. Прежде нежели вышедшіе изъ Германіи франки ввели другія понятія, не безчестно купечество по роду. Дворянинъ торговалъ такъ же, какъ и мѣщанинъ, и симъ средствомъ достигалъ до чести и чиновъ. Для чего же сей путь затворенъ? Купецъ, знающій купецкую науку и собравшій великое богатство, знаетъ свойство моря, берега и провинціи, долготу и краткость переѣздовъ, опасности дорогъ, необходимости и интересы земель, нравы и обычаи народовъ, произведеніе каждаго мѣста, приготовленія всѣхъ употребительныхъ матеріаловъ, цѣны разныхъ монетовъ, перемѣну вексельнаго курса, источникъ общаго кредита и прямую мѣру хожденія денегъ въ жилахъ государственныхъ. Сей человѣкъ живетъ только для того, чтобъ въ дѣлѣ своемъ трудиться всевозможно, размышлять о томъ и оное содержать всегда въ добромъ соединеніи. Для кого же будутъ публичныя службы? Не оставятъ ли оныя бѣдному дворянину, который страшится потерять свою честь, если сдѣлаетъ таковыя заслуги? Предразсуденіе побѣждено уже въ нашихъ селеніяхъ, гдѣ дворяне стараго поколѣнія обогатились и возвысились купечествомъ. Неужель сіе чудовище здѣсь пребудетъ, гдѣ новые дворяне хотѣли то забыть, что они коммерціи имѣли? Неблагодарные, вы сами себя лишаете пропитанія!

Мнѣ пришла еще мысль, которую я подвергаю на судъ моимъ согражданамъ и самой политикѣ. Можетъ быть короли наши не помогли дѣлу сему довольно; они прогнали страшное чудовище еще не совсѣмъ. Дворянство, обязанное закономъ дѣлать различіе между великимъ и малымъ торгомъ, представляетъ себѣ напрестанно погибель. Сіи оба рода купечества раздѣлены одною только линіею. Дворянство легко понимаетъ, что желая достигнуть до великаго, надлежитъ часто проходить посредственное. О если бъ возможно было отмѣнить совсѣмъ тотъ законъ, который полагаетъ купечество вреднымъ дворянству, и если бъ имя онаго исчезло изъ монархіи! Купечество есть здравое тѣло, отъ котораго ничто не дол-

жно быть отрѣзано. Оставимъ вольности, благоразумію и склонности дворянства, посвящать себя оному по изволенію и избирать одну или другую часть. Ограничивать коммерціи закономъ о вредѣ, происходящемъ отъ нихъ дворянству, есть тоже самое, какъ бы дѣлать валъ на брегахъ рѣки Нила, дабы воспрепятствовать плодородію земли, или презрить за то руду, что можетъ принести она великое богатство.

Само знатное дворянство, имѣющее титулы большіе и великія господства, должно стараться о отмѣненіи сего закона. Есть порокъ, называемый въ Англіи *вышее злое поведеніе*, high mis-demeanour. Наши великіе господа весьма оному преданы. Въ намѣреніи сдѣлать состояніе свое блистающимъ, разоряются они драгоцѣнными одеждами и уборами, великолѣпными колесницами, дорогими индѣйскими рѣдкостями, забавами и игрою. Чрезъ нѣсколько поколѣній, простой народъ будетъ имѣть удовольствіе, видѣть въ пыли сіи великія имена по сторону тѣхъ, которыя въ такомъ состояніи уже находятся. Купечество опять помочь имъ можетъ. Не всегда случается въ то время, когда знатный погибаетъ, такая богатая наслѣдница главнаго откупщика, которая ему помощь подать можетъ, и сію услугу пріемлетъ онъ, стыдяся и презирая свою благодѣтельницу. Если бъ простое дворянство торговаю, то бы сей знатный человѣкъ во время своего паденія могъ въ самомъ дворянствѣ найти наполненный сундукъ, который бы помогъ ему вмѣсто невѣсты.

Положимъ, что законъ о купечествѣ, приносящемъ вредъ дворянству, совсѣмъ отмѣненъ, но будемъ ли мы и тогда имѣть рѣшительную побѣду? Нѣтъ еще. Предразсужденіе есть свирѣпый и хитрый врагъ, котораго болѣе искусствомъ, нежели хитростію побѣждать должно. Я бы могъ сдѣлать здѣсь превеликія предпріятія (ибо я столь же бредить могу, какъ и другой); я могъ бы обнять облака для произведенія химеръ, но отлагаю честь сію, а буду принимать въ уваженіе одни только опыты.

Есть нація, которая влюблена была столь же въ свое происхожденіе и знатность крови, какъ и наша. Голова наполнена у нихъ была рыцарствомъ, поединками, крестными походами, увеселеніями, великолѣпіемъ, пажами, ливреею, праздностью и всѣми добродѣтелями знатнымъ особамъ приличными. Тотъ, который бы предложилъ имъ о купечествѣ, конечно бъ посаженъ уже былъ въ дурацкій домъ. Нынѣ дворяне сей націи защищаютъ отечество свое шпагою и обогащаются купечествомъ. Какая бы причина произвесть могла столь счастливую перемѣну?

Коммерціи, кои бываютъ причиною тому, что дворяне къ огорченію своему исключаются отъ многихъ честей, показываютъ ему новый путь къ чести. Отъ купецкаго корабля перешли въ государственный флотъ, дабы на ономъ сражаться за морскую область. Какъ можно того требовать, чтобъ французское дворянство взялося за

торгующій флотъ, когда онъ столь мало почитается? Запрещаютъ потомкамъ *Писсиса Кардена, Пореа, Вильстре, Трублета*, сихъ мореходцевъ, кои сдѣлали столь много чести Сентъ-Мало и Франціи, запрещаютъ имъ, говорю я, повелѣвать кораблями своихъ предковъ, если прежде не сдѣлаютъ они нѣсколько унижающихъ походовъ, гдѣ они поставляются въ одномъ классѣ съ матросами и простымъ народомъ.

Коммерціи, ничего кромѣ богатыхъ людей въ себѣ неимѣющія, произвели членовъ вышняго народнаго совѣта, и усмотрѣно, что голоса ихъ столь же важны, какъ и вольности народа. Дѣло приватныхъ людей превратилось въ дѣло государственное. Хотя и не имѣемъ мы собранія народныхъ стряпчихъ, но имѣемъ коммерцъ-коллегію, въ которой умножаются съ пользою работы и работники, коллегію, которая имѣетъ власть надъ всею коммерціею вообще и ни надъ единою ея частицею порознь. Мы можемъ имѣть коммерческое собраніе, которое бы осторожно взирало на всѣ наши и чужестранныя селенія, на нашъ прибытокъ или убытокъ съ другими націями, на равновѣсіе торга и на средство, какимъ образомъ оный усилить съ нашей стороны. Вотъ мѣста, вотъ побужденіе дворянамъ ко всеобщему честолюбію.

Если бъ долженъ я былъ поступать по здравому разсудку, сколько можно имѣть онаго въ отдаленной отъ двора провинціи, то бы избралъ я директора коммерціи и надзирателя надъ купечествомъ изъ самыхъ лучшихъ купцовъ, кои показали себя въ великихъ намѣреніяхъ и дѣлахъ, и коимъ правленіе должно дать честь, заслугамъ ихъ приличную. Сіи то были бы вѣнцы, привлекающіе тысящи борцовъ на мѣсто сраженія.

Мы имѣемъ множество министровъ, которые раздѣляются во всеобщихъ дѣлахъ. Ни одинъ изъ нихъ не называется коммерческимъ министромъ. Коммерціи почитаются смѣшенно съ государственными сборами. Они подобны здѣсь рѣкѣ, которая въ производимой отъ себя большой рѣкѣ теряетъ свое имя. Коммерціи у многихъ народовъ почитаются главнымъ предметомъ въ государственныхъ предпріятіяхъ. Какое мы имъ дадимъ мѣсто? Можетъ быть пріобрѣтутъ они болѣе къ себѣ вниманія, можетъ быть обратятъ они на себя взоръ и желаніе дворянства, когда въ государственномъ колесѣ будутъ они по сторону военныхъ и сборныхъ дѣлъ подъ своимъ собственнымъ именемъ.

Въ Лондонѣ прежде сего коммерціи не показывали себя приличнымъ образомъ своему высокому характеру. Нынѣ посылаютъ уже ониословъ. Господинъ *Кастре* отличаетъ себя въ Португаліи, господинъ *Кесне* въ Гишпаніи, господинъ *Портеръ* въ Турціи, гдѣ господинъ *Фолкенеръ*, котораго онъ преемникъ, показалъ, сколько тотъ можетъ помочь интересамъ своего народа, кто въ коммерціи воспитанъ; и будущее время произведетъ намъ еще другихъ, кои къ та-

ковой же устремятся славѣ. Мы видѣли господина *Горація Валполе* въ дѣлахъ съ дворомъ французскимъ, когда сынъ его обучать въ Амстердамѣ коммерческую науку, которая въ Лондонѣ и самыя дѣломъ производится. Если будетъ онъ употребленъ къ тому такъ, какъ отецъ его, то какія преимущества одержитъ онъ предъ тѣми послами, которые знаютъ коммерція по одному только имени?

Если съ примѣчаніемъ разсмотрѣть трактатъ, заключенный о кораблеплаваніи и коммерціи между Франціею и Голландіею, то найдется, что голландскіе корабли всевозможно побуждены иттить въ наши гавани, дабы вести тамо собственное наше купечество, и тѣмъ нашихъ уронить совершенно. Видно, что границы, положенныя господиномъ Колбертомъ въ разсужденіи нашего купечества въ Левантѣ между ими и нами, совсѣмъ уничтожены; что въ трактатѣ привозъ ихъ суконъ во вредъ нашимъ дозволяется; что ихъ товары безъ осмотру къ намъ привозиться будутъ, а наши подвергаются всѣмъ учрежденіямъ, ограничиваніямъ, конфискаціи и денежному штрафу, что налагаетъ оковы на нашихъ фабрикантовъ и корабельщиковъ (*). Мы ласкаемся взаимнымъ равенствомъ, но сія мечта въ минуту исчезаетъ, ибо голландскіе корабли наполняютъ наши гавани, когда въ голландскихъ нѣтъ ни одного французскаго флага. Искали-ль мы остаться безъ вреда въ заключенномъ съ шведами трактатѣ въ 1741 году? Мы уступили имъ всѣ роды преимуществъ въ нашихъ гаваняхъ, въ Руанѣ, Сентъ-Мало, Нантесѣ, Рошеляѣ и въ другихъ мѣстахъ. Таковыя вольности дали намъ шведы въ одной Висмарской гавани, то есть въ городѣ малолюдномъ, коммерціи лишенномъ и отдаленномъ на сто миль отъ Стокгельма и другихъ шведскихъ городовъ, гдѣ бы можно было заводить намъ новыя коммерціи. Наши корабли могутъ ожидать того времени, когда Висмарская гавань будетъ имѣть другое счастіе и другой видъ. Графъ де Текенъ, заключившій сей трактатъ, показалъ себя въ семъ случаѣ какъ должно искусному министру. Когда бы послы, вмѣсто великихъ титуловъ, имѣли бы поболѣе въ дѣлахъ знанія, то бы не торгали хлѣбъ изъ рукъ своихъ людей и не отдавали бъ его чужестранцамъ; но если бъ дворянство въ купечество вступило, то знаніе соединилось бы тогда со всѣми великими титулами. Если купцамъ честь будетъ отдаваема, то они начнутъ также торговать, какъ и сосѣди наши, которые, достигши до бо́льшаго знанія, храмъ славы купечеству наконецъ отворили.

Мавзолеи, сооруженные потомствомъ *Дракену*, *Ралегу*, *Марльборугу* и *Невтону*, привлекли также соорудить другіе въ честь *Грес-*

(*) Кажется, что авторъ забылъ здѣсь положенное правило. Учрежденія фабрикантамъ ни въ чемъ не мѣшаютъ. Годные по учрежденію вырабо-танные товары умножаютъ паче внутреннюю, нежели внѣшнюю продажу.

хаму, *Спенцеру и Гравену*, коихъ статуи поставлены на Лондонской биржѣ во ободреніе купечеству. *Бернардъ* былъ еще счастливѣе, ибо пріуготовленіе къ славѣ своей видѣлъ онъ самъ, и вѣдалъ, что слава его жить будетъ въ его потомкахъ. Купечество не должно ожидать себѣ статуй во Франціи; не имѣютъ ихъ Колбертъ, Кинде и графъ Саксенъ. Но безсмертіе не одну имѣетъ подпору. Стихотворцы, ораторы и историки дѣлаютъ благоразумно, прославляя *Корнелія*, *Декарта*, *Тагона*, *Сегвера*, *Люксембурга* и *Тюрена*, и имена ихъ пишутъ въ своихъ лѣтописяхъ; но будучи добрыми гражданами и имѣя доброе знаніе, должны они въ своихъ пѣсняхъ дать мѣсто *Бруни*, *Грандвилю*, *Массону*, *Магону*, *Монтаудуану*, *Лекоте*, *Жандру* и многимъ другимъ, кои привлекли къ намъ своими трудами сокровища земнаго круга.

«Историки, говоритъ господинъ де Сюлли, любятъ сочиненія свои наполнять особливыми приключеніями, торжественными происшествіями и самой бездѣльною мелочью». Разсмотримъ его мысли. Историкъ, описывая осаду города, водитъ насъ по всѣмъ рвамъ, не одного не оставляя; онъ считаетъ пушки, мины, батареи, пороховые ящики; а по описаніи побѣды, упомянувъ о благодарномъ молебнѣ, приводитъ онъ насъ къ торжеству поздравленіемъ, и не забываетъ ни одного стишка, которымъ разрѣшился Парнасъ при семъ случаѣ; но если въ то время купецкая компанія заводитъ во Франціи чужестранныя мануфактурныя работы, умножаетъ наше кораблеплаваніе, основываетъ селенія, тогда историкъ не имѣетъ для сего ни чернилъ, ни перьевъ.

Давно уже извѣстна намъ во Франціи честь наукъ и оружія; но состоитъ ли честь въ обогащеніи своего отечества? Сей вопросъ кажется сомнителенъ, хотя оный и сходенъ съ тѣмъ, что похвально ли стараться о силѣ и благополучіи своего отечества. Честь наукъ хочу я здѣсь оставить въ своемъ достоинствѣ, которою люди не такъ много ослѣпляются какъ честію оружія. Велика ли разность между офицеромъ, умертвившимъ непріятеля или собою, или людьми, подъ его надзираніемъ состоящими, и между купцомъ на каперѣ, который, послѣ сраженія не менѣе жестокаго, ведетъ за собою добычу и доставляетъ государству богатство, людей и пушки? Оба они сражались храбро, оба способствовали благополучію отечества, для чего же дѣлать между ими отличіе? Для чего первый одинъ всѣ знаки чести получаетъ?

Мы имѣемъ ордены разныхъ цвѣтовъ не только для людей знатной породы, не только для заслуженыхъ воиновъ, но и для всѣхъ другихъ искусствъ, требующихъ ободренія: лѣкари, живописцы, стихотворцы всѣ принимаютъ въ томъ участіе. Не должно-ль дать превосходный орденъ тому, кто великое число кораблей отправилъ въ море, и кто на Гвинейскихъ берегахъ или островахъ торгъ нашъ усугубилъ. Кардиналъ Ришелье имѣлъ конечно намѣреніе доставить коммерціи сіе

преимущество. Сей министръ, коего острота открывала и малѣйшія политическія побужденія, описывая государю важность коммерціи, говорилъ ему: «Когда ваше величество разсуждаете за благо, удо«стоить рукодѣліе нѣкоторыми преимуществами, чрезъ что купцы «получатъ нѣкоторые чины, вмѣсто того, что подданные ваши по«лучаютъ чины безполезною службою, въ удовольствіе праздности «своей и суетности женъ своихъ, то надлежитъ привести купече«ство въ такое цвѣтущее состояніе, чтобъ общество и каждій имѣ«ли отъ того великія выгоды» (*).

Китайцы довольствуются можетъ быть тѣмъ только, чтобъ себя обогатить; но французъ хочетъ чести, то есть, имѣетъ благородную слабость. Голландія сама не удивила бы свѣтъ величествомъ своея коммерціи, если бъ купечество не могло достигать до знатнѣйшихъ чиновъ республики. Мы знаемъ тирскія, сидонскія, византскія и сиракузскія медали; онѣ сдѣланы были въ честь коммерціи. Дѣлаютъ и во Франціи медали, для чиновъ государственныхъ мѣщанъ, кои менѣе полезны. Преимуществами, данными людямъ съ благоразумною умѣренностію, можно изъ людей дѣлать то, что хочешь. Первые римляне были разбойники, и Ромулъ сдѣлалъ изъ нихъ героевъ. Наши мальтійскіе кавалеры были прежде не иное что, какъ честные люди, въ гостинницахъ служившіе. Никто не завидовалъ ихъ состоянію, ибо оно до свѣтской чести не надлежало. Сіе братство превратилось въ рыцарство, украсило себя преимуществами, и орденъ не имѣетъ уже довольнаго числа крестовъ для раздачи. Состояніе простаго солдата, которое досталось на участь простому народу, возвысилось весьма въ королевскомъ домѣ: всѣ тамо дворяне. Дворяне оправляютъ ему постель и князья подаютъ сорочку. Нѣтъ! нѣтъ! я вижу, что совсѣмъ не такъ трудно, какъ мнилось, изгонять чудовища, распространенныя предразсужденіемъ въ разсужденіи купечества; въ Англіи легко сіе приведено въ порядокъ.

Купечество имѣло прежде сего только само съ собою обхожденіе. Ученые приняли наконецъ его дружественно и съ нимъ стали упражняться. Какъ сей философъ и государственный секретарь изобразилъ преимущества онаго тѣмъ же перомъ, какъ раздробилъ человѣческую душу, знатные познакомились и сдружились съ коммерціями. Перы разумѣли оныя не вступаяся сами такъ, какъ римскіе сенаторы разумѣли сражаться, и они научились отъ предковъ своихъ съ отцовской и материнской стороны узнавать то, что Карла II привлекло сказать то, что между купцами есть прямое дворянство, которое въ самомъ дѣлѣ было у него въ великой знатности. Другой Карлъ, котораго ужаснувшаяся Европа почти принуждена была

(*) Test. Polit. Chap. IX, sect. 6.

признать своимъ государемъ, Карлъ V, говорю я, искалъ утѣшенія послѣ несчастнаго похода противъ славнаго Барбароссы у *Фуггеровъ*, аугсбургскихъ купцовъ; сей домъ отворилъ ему свои сокровища, но то, что почиталъ онъ долгомъ, былъ подарокъ: обязательство его въ платежѣ долга было брошено въ огонь (*). Нѣмецкое дворянство, не можетъ быть столь великодушно, хотя бы и хотѣло. Франція имѣла короля, который не ожидалъ крайней нужды для показанія ласки купечеству; онъ сажалъ ихъ съ собой за столъ и разговаривалъ съ ними о благополучіи государственномъ. Сей поступокъ Людвига XI вышелъ изъ обыкновенія. Брюге и Гентъ потеряли тогда свое сіяніе, какъ купечество свое потеряло. Фландрскіе графы, не желая быть долѣе счастливими, престали почитать оное: оно отмстило имъ за то тѣмъ, что перешло къ такой націи, которая готовила ему и честь и славу, то есть въ Англію.

Было бы то удивительно, если бы англійское дворянство не соглашалось къ торговлѣ. Состояніе, ведущее къ повелѣнію надъ флотомъ королевскимъ, къ посольствамъ, къ народнымъ для совѣта собраніямъ, къ славѣ, къ почтенію знатныхъ, философовъ и всего народа, должно быть главнымъ предметомъ честолюбія, и вмѣсто того, чтобъ оно дворянство ужасало, его къ себѣ привлекаетъ; оно доставляетъ дворянство. И для того есть тамъ пословица, что тамо купечество дѣлаетъ дворянство. Я не хочу дѣлать здѣсь тому описанія. Сынъ Іозіаса *Шіелда* сталъ *лордомъ Кастельменомъ* и графомъ *Тильнеемъ*; ни кто прежнимъ именемъ его не называетъ; знатнѣйшія породы люди называютъ его *милордомъ*. Во Франціи совсѣмъ не то происходитъ. Писатель, который философіею, исторіею и театромъ славенъ и который отъ потомковъ прославленъ будетъ паче, сей искусный живописецъ нравовъ нашихъ, борясь съ нашими предразсужденіями, сдѣлалъ примѣчаніе, которое сюда весьма приличествуетъ, и для чего здѣсь мнѣ не привести онаго? Развѣ я болѣе его знанія имѣю?

«Когда славный *Самуель Бернардъ*, говоритъ онъ, послѣ того, какъ «король пожаловалъ ему графство, посѣщая нѣкого, велѣлъ доложить «о себѣ называяся *графомъ Бернардомъ*, то подняли о томъ чрезвычайный смѣхъ».

Оставимъ ихъ смѣяться, я и самъ смѣюсь, но тому, что смѣшно прямо. Дворъ и городъ подаютъ къ тому довольную причину, а смѣятся надъ благополучіемъ отечества есть знакъ глупости.

«Сей графъ Бернардъ, продолжаетъ писатель, былъ въ самомъ «дѣлѣ прежде графъ, нежели пятьсотъ графовъ, которыхъ мы видимъ и которые десятины земли не имѣютъ».

Я могу прибавить еще, что онъ былъ Франціи прочихъ графовъ

(*) Felibien, Hist. des peintres.

полезнѣе и то докажу ясно, но похвала не дѣлается полезнымъ гражданамъ. Всегда ли симъ свѣтомъ владѣть будетъ предразсужденіе? О если бъ оно хотя по крайней мѣрѣ перестало тиранствовать надъ народомъ, который въ философіи столь великіе имѣетъ успѣхи! Данія спѣшила истребить въ разсужденіи коммерціи свое варварство, а мы еще о томъ не помышляемъ! *Густонъ* титулъ *графа* соединилъ съ титуломъ купца.

Когда коммерція во Франціи являетъ таковыя чрезвычайныя происшествія, то о чемъ французскому дворянству сомнѣваться, и оному себя не посвящать? Хотя прилежность *Кадоца* и *Вавробеса* увѣнчанна преимуществами, доходами и грамотами, кои они заслужили дѣйствительно, будучи первыми учредителями вѣчнаго училища полезныхъ государству рукомесленниковъ, но сего одного примѣра не довольно; въ прочемъ мнѣніе, что купечество унижаетъ дворянство, истребляетъ память сего награжденія. Сколь долго старое дворянство само собою не придетъ въ упадокъ, столь долго новое, коммерціями пріобрѣтаемое, не въ великомъ будетъ почтеніи. Я не приведу здѣсь никакого сравненія, которое могло бы оскорбить нѣкоторое упражненіе, дозволенное грамотами дворянскими. Они опасаются еще, чтобъ я ихъ не назвалъ. Довольствуюся теперь, говоря имъ: испытайте себя сами, и смотрите, столько-ль вы полезны государству, сколько купецъ. Можно-ль написать то надъ вашими дверьми, что надъ его написать можно: *Онъ богатъ и тѣмъ служитъ государству.*

Всѣ состоянія государства подаютъ поводъ къ честолюбію. Юристъ можетъ достигнуть до вышняго слога въ судебномъ мѣстѣ, воинъ до чиновъ воинскихъ, церковный служитель до священства. Одинъ купецъ не имѣетъ никакого сіянія въ своихъ предѣлахъ и обязанъ оставить купечество, если, какъ французы говорятъ, хочетъ онъ *быть чѣмъ*. Сіи худо понятыя слова великій причиняютъ вредъ. Чтобъ *быть чѣмъ*, остается дворянство по большей части ничѣмъ.

Должно-ль отвѣчать тѣмъ дворянамъ, кои полагаясь на обыкновеніе, говорятъ: *наши отцы не торговали.*

Если говорить съ жителями острова Миноркн о прививкахъ, то будутъ они отвѣтствовать, что отцы ихъ не прививали, и что Богъ вѣдаетъ лучше какъ рости дереву. Сдѣлали на острову ихъ хорошія улицы, но они лучше хотятъ жить въ грязи, ибо и отцы ихъ въ грязи живали. Всѣ дѣти не обязаны къ толь великому почтенію: ирландцы тянутъ лошадей своихъ поперсью, хотя дѣды ихъ того не дѣлывали. Мы начинаемъ прививаніе воспы, и для насъ будетъ то несчастіе, если мы отъ того отстанемъ за тѣмъ, что отцы наши ожидали ея отъ натуры на счетъ своихъ потомковъ.

Ваши отцы не торговали.... Но вы имѣете пороки, которыхъ они не имѣли; для чего же не хотите вы имѣть и тѣхъ добродѣтелей, кои вамъ не достаютъ?... *Они не торговали*, и сіе-то само е

есть причиною, что дѣти ихъ столь бѣдны и столь безполезны отечеству.

Я говорю о пользѣ. Есть мыслящіе люди, которые увѣряютъ, что тамо никогда дворяне купцами не будутъ, гдѣ предпринимаютъ дѣла не для того, что они *полезны*, но для того, что они *въ модѣ*. Что же до меня надлежитъ, то почитаю я добрымъ знакомъ въ правленіи то, когда мода нами владѣетъ. Первый благородный человѣкъ, который купеческій флагъ съ дозволеніемъ государя поставитъ по сторону своей поколѣнной росписи, чему дѣйствительно многіе подражать будутъ, заслуживаетъ то, чтобы отечество, если оно благодарно, почитало его своимъ благодѣтелемъ. Графы *Варвикъ* и *Лейцестеръ* были главными въ первой компаніи, учрежденной для африканскаго купечества подъ владѣніемъ безсмертной славы достойныя Елисаветы. Но кто во Франціи будетъ дѣлать сему начало? Сей вопросъ весьма приличенъ французамъ. *Лучшій гражданинъ*; и если предразсужденіе столь страшно, какъ *химѣйская химера*, то побѣдитель ея будетъ другой *Беллерофонъ*. Я знаю, что народу нужно предразсужденіе, но ежели оно полезно. Предсказаніе по пѣнію птицъ столь великую имѣло вѣру, что священники худо бы сдѣлали, если бъ хотѣли обращать Римъ отъ мнѣнія, что будетъ онъ царемъ всего свѣта; къ сему влекло ихъ предразсужденіе. Но къ чему служитъ намъ наше предразсужденіе? Не къ умноженію ли людей несчастныхъ? При такомъ обстоятельствѣ должны стараться уничтожить сіе предразсужденіе, и первое началу оному не постыдно, но славно сдѣлать всякому благородному человѣку.

Великіе примѣры имѣютъ особливое дѣйствіе привлекать къ себѣ пылкіе разумы. Карлъ II, о которомъ я уже упомянулъ и который нѣкогда забылъ свои удовольствія, чтобъ думать о полезномъ, по возвращеніи своемъ на тронъ, старался всевозможно приводить дворянъ къ морской службѣ; онъ послалъ сына своего во флотъ служить простымъ матросомъ. Учися дворянство быть благороднымъ и вы, о цари, если хотите быть великими, то подражайте ПЕТРУ Великому. Онъ самъ служилъ въ новомъ своемъ флотѣ съ самаго малаго чина, желая основать коммерціи и силу россійскую. Главный въ республикѣ долженъ принять на себя всѣ виды, дабы произвести благополучіе, и тогда все подвергается точнѣйшему порядку, все имѣетъ участіе въ славѣ: художество, науки, земледѣліе и коммерціи.

Великое для коммерціи несчастіе то, что не рачатъ о ней тѣ, кои въ народныхъ мысляхъ рѣшительные голоса имѣютъ. Мы оставляемъ марсельское и бурдоское купечество судиться у купцовъ съ улицы святаго Дениса, и сія столица, будучи столь легкомысленна въ намѣреніяхъ, сколь чрезвычайна во вкусѣ, распространяетъ свои предразсужденія во всемъ королевствѣ. Когда бы Парижъ вмѣсто привезенія въ себя амбры, или когда бы мы въ той гавани, куда при-

стаютъ чужіе народы, вооружали корабли, отправляли флоты, на сѣверъ и югъ повелѣнія посылали, чтобъ рукодѣліемъ и мануфактурамъ своимъ доставлять продажу, равно какъ и привозъ сырыхъ матеріаловъ, въ коихъ мы имѣемъ недостатокъ; когда бы почитали мы весь свѣтъ полемъ нашихъ предпріятій и налагали дани на народы, тогда бы, тогда-то имѣли бы мы совсѣмъ другое понятіе о купцахъ и о купечествѣ. Мы бы разсуждали о томъ такъ, какъ разсуждали египтяне, когда цари ихъ обитали въ Александріи. Свѣтъ удивлялся силѣ сего торгующаго города, и Римъ ему поревновалъ. Императоръ ПЕТРЪ Великій, котораго я всегда за тѣмъ приводить буду, что предпочиталъ онъ всегда существенное добро мысленной чести завоеванія, благоразумно сдѣлалъ онъ, преселя на морѣ столицу свою. Хотѣлъ онъ, чтобъ преемники его непрестанно на важность и силу купечества взирали, хотѣлъ онъ, чтобъ всѣ знатные и министры имѣли о томъ понятіе и сами бы въ томъ упражнялись. Онъ видѣлъ преимущества Стокгольма, Копенгагена, Амстердама и Лондона. Онъ не почиталъ ни за что Россію до тѣхъ поръ, какъ стала она имѣть купечество: сила, которою теперь славится Россія, оправдала его мнѣніе.

Французское дворянство, которымъ счастіе играетъ, на счастіе тебя произвела природа. Или хочешь ты всегда подобиться Танталу? Онъ бы кончилъ свои страданія, если бъ такъ, какъ ты; могъ получить плоды. Не находишь ты сихъ плодовъ въ своихъ родословныхъ. Жены ваши требуютъ отъ васъ содержанія; а дѣти воспитанія и помощи. Не думаете-ль вы найти въ прахѣ предковъ вашихъ нужныя вамъ сокровища? Отечество ожидаетъ услугъ вашихъ. Уже вы болѣе не тѣ; которые были, когда въ собраніяхъ народныхъ могли вы подавать совѣты, и когда все зависило отъ васъ. Нынѣ не помышляютъ и о томъ, есть ли у васъ голосы. Вы имѣете храбрые руки, вы представляете мечи, но есть мечи другіе со златыми рукоятками. Итакъ ищите въ другомъ мѣстѣ пріобрѣтать славу. Постановите единое добро, которое можете вы привести въ состояніе. Оно довольно велико, когда имѣете вы бодрости довольно; я разумѣю бодрость духа, которая гораздо рѣже бодрости сердечной. Будьте чрезъ купечество защитниками женъ и дѣтей своихъ, питатели своему отечеству, будьте жизнію наукъ, причиною многолюдства, столпами нашего флота, душей нашихъ селеній, славою государства, и причиною общаго благополучія! время уже скучить вамъ своею бѣдностію и безпечностію. Или готское мнѣніе на вѣки вами овладѣло? Вы опасаетесь презрѣнія, и въ нищетѣ остаетесь! Вы любите знатность, и ничего не значите! Вѣчная жертва предразсужденія, васъ умертвляющаго! Правленіе Людовика XIV было временемъ завоеваній и остроты разума. О если бъ правленіе Людовика *многолюбезнаго* было временемъ философіи коммерціи и прямаго благополучія!

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ МАРКУ АВРЕЛІЮ.

СОЧИНЕННОЕ Г. ТОМАСОМЪ,

Членомъ Французской Академіи.

По двадесятилѣтнемъ правленіи Маркъ Аврелій умеръ въ Вѣнѣ. Тогда упражненъ онъ былъ войною противъ германцевъ. Тѣло его перенесено было въ Римъ, куда вступило оно, провождаемо рыданіемъ и отчаяніемъ народнымъ. Сенатъ въ печальномъ одѣяніи шелъ предъ колесницею. За нимъ народъ и войско. Сынъ Марка Аврелія слѣдовалъ за гробомъ. Шествіе было медленно, и молчаніе глубокое. Вдругъ старецъ нѣкій предсталъ среди народа. Ростъ его былъ высокій и видъ сановитый. Всѣ познали Аполлонія, стоическаго философа, почтеннаго въ Римѣ, и болѣе за качества, нежели за старость уважаемаго. Онъ былъ добродѣтелемъ во всей строгости своего любомудрія, а сверхъ того учитель и другъ былъ Марка Аврелія. Остановился онъ близъ гроба. Воззрѣлъ на него съ скорбію, и вдругъ возвысилъ гласъ свой,

Римляне! вѣщалъ онъ, вы лишились великаго мужа, а я лишился друга. Не пришелъ я слезами оросити его праха. Злыхъ токмо людей оплакивати должно, ибо содѣяннаго собою зла уже исправити не могутъ. Но о томъ, кто шестьдесятъ лѣтъ былъ добродѣтеленъ, и кто двадесять лѣтъ сряду былъ человѣчеству полезенъ; кто въ теченіе жизни своей не совращался съ пути истиннаго, и кто на престолѣ не имѣлъ слабости; кто былъ всегда благъ, праведенъ, милосердъ, великодушенъ... почто о немъ жалѣть? Римляне! погребеніе праведника есть торжество добродѣтели, возвращающейся къ Существу Вышнему. Освятимъ сей праздникъ нашими хвалами. Знаю, что добродѣтель въ нихъ нужды не имѣетъ, но да будутъ оныя залогомъ благодарности нашея. Великіе люди подобятся богамъ. Мы за пріятыя отъ нихъ благодѣянія не имѣемъ чѣмъ воздать, но въ пѣсняхъ славословимъ оныя. Приближаясь къ концу дней моихъ, о еслибъ я возмогъ, преходя словомъ жизнь Марка Аврелія, почтить предъ очами вашими послѣднія дней моихъ минуты! а ты, присутствуя здѣсь, наслѣдникъ и сынъ его, внемли добродѣтелямъ и дѣяніямъ отца своего! Днесь ты царствовати будешь. Уже ласкательство заразить тебя готово. Гласъ вольности, можетъ быть, въ послѣдній разъ услышится тобою. Отецъ твой, знаешь ты, не пріучилъ меня изъясняться раболѣпно. Онъ любилъ истину; истина составитъ хвалу его. Да возгласитъ она же и твою въ будущее время!

Похвала мертвымъ обыкновенно начинается хвалою ихъ предковъ, какъ будтобъ великій человѣкъ имѣлъ нужду въ знатномъ происхожденіи, и какъ будтобъ малая душа могла быть возвышена достоинствомъ не ей принадлежащимъ! Да не раздражимъ, о римляне! самыя добродѣтели, помысля, что ей нужна порода. Колѣно ваше Кесарей дало вамъ сряду четырехъ тирановъ; но Веспасіанъ, первый возвысившій вашу имперію, былъ внукъ сотника.

Прадѣдъ Марка Аврелія родился на брегахъ рѣки Тага. Въ отличность предъ другими принесъ онъ въ Римъ добродѣтели, далеко отъ Рима утекшія, простоту и древніе нравы. Наслѣдіе сіе сохранилось въ его домѣ. Се истинное благородство Марка Аврелія. Знаю, что былъ онъ сродникъ Адріану; но честь сію, буде то честь, почиталъ онъ опасностью; знаю, что хотѣли поколѣніе его произвести отъ Нумы; но онъ былъ столь великъ, что умѣлъ презрить сіе мечтаніе гордыни. Онъ въ единой правотѣ полагалъ свою славу.

Благодареніе богамъ, что не родился онъ наслѣдникомъ престола! Вышній самъ болѣе душъ повредилъ, нежели возвысилъ. Рожденный быть простымъ гражданиномъ, сталъ онъ великимъ человѣкомъ. Можетъ быть, былъ бы онъ простолюдиномъ, если бъ родился государемъ.

Все къ его способствовало благу. Первое воспитаніе его было точно то, которое предки ваши толь драгоцѣннымъ поставляли, и которое уготовляетъ душѣ крѣпкое и здравое тѣло. Онъ отъ юности своей не былъ ослабленъ роскошью. Не окружало его множество рабовъ, кои, примѣчая малѣйшіе знаки его, почитали бъ за счастіе повиноваться его своенравію. Дано было ощутить ему, что онъ человѣкъ; а привычка къ терпѣнію была первымъ ему ученіемъ. Бѣганіе, борьба, воинскія тѣлодвиженія утвердили совершенно его силы. Онъ покрывался пылію на томъ самомъ марсовомъ полѣ, на коемъ ваши Сципіоны, Маріи и Помпеи къ подвигамъ навыкали. Я вамъ, римляне, воспоминаю сію часть его воспитанія для того, что бодрственное такое учрежденіе начинаетъ исчезать между вами. Уже подражаете вы тѣмъ восточнымъ народамъ, у коихъ нѣга отъ самаго рожденія человѣка обезсиливаетъ, и души ваши прежде становятся почти разслаблены, нежель успѣваютъ себя познавати. О римляне! обидитъ васъ, кто льститъ вамъ; но я, мѣщая истину, изъявляю мое къ вамъ почитаніе.

Сіе первое воспитаніе сдѣлало бъ Марка Аврелія простымъ токмо воиномъ; но скоро съ онымъ соединилось и ученіе. Языкъ Платоновъ зналъ онъ, какъ природный. Краснорѣчіе вразумило его бесѣдовать съ людьми. Исторія судить о нихъ научила. Познаніе законовъ государственное основаніе и твердость ему показало. Онъ прешелъ всѣ законодательства, и законы всѣхъ народовъ одинъ съ другимъ сообразилъ. Слѣдственно воспитанъ былъ совсѣмъ различно отъ тѣхъ, коимъ льстятъ уже и въ самое еще время ихъ слабости и невѣже-

ства. Рабское подобострастіе не страшилось обременить его трудами. Строгій порядокъ наблюдался въ упражненіяхъ юности его, и бывъ сродникъ обладателю цѣлаго свѣта, принужденъ онъ былъ просвѣщаться какъ послѣдній гражданинъ.

Тако начиналъ успѣвать государь, долженствовавшій царствовать надъ вами; но нравственное воспитаніе совершаетъ человѣка и величество его составляетъ. Оно содѣлало Марка Аврелія. Сіе воспитаніе началось отъ самаго его рожденія. Кротость, воздержаніе, нѣжное дружество — се свойства, представившіяся ему, исходящу изъ пеленъ; но что вѣщаю я? Онъ исторженъ былъ изъ Рима и отъ царскаго двора. Такое зрѣлище почтено было опаснымъ для него. И возможно-ль, чтобъ въ Римѣ, гдѣ всѣ пороки отъ концевъ вселенныя соединились, могла образоваться та душа, которая чиста и строга быть долженствовала? Научился ли бы онъ гнушаться великолѣпіемъ тамо, гдѣ роскошь и самую бѣдность заражаетъ? Презирать богатство тамо, гдѣ богатствомъ честь измѣряется? Быть тамъ человѣколюбивымъ, гдѣ все, что сильно, подавляетъ все, что слабо? Быть тамо благонравнымъ, гдѣ порокъ не знаетъ и стыда? Боги, покровители государства вашего, отвлекли Марка Аврелія отъ сея опасности. По трехъ лѣтахъ, преселенный отцомъ своимъ въ мѣсто уединенное, оставленъ онъ былъ тамо залогомъ подъ стражу благонравія. Далеко отъ Рима, научился онъ творить будущее его блаженство. Далеко отъ двора, заслуживалъ онъ возвратиться въ него владиною.

Корыстолюбивый наслѣдникъ съ веселіемъ считаетъ тѣхъ, послѣ коихъ ему сокровища достались; Маркъ Аврелій, возрастая, исчислялъ всѣхъ тѣхъ, кому во младенчествѣ своемъ одолженъ былъ примѣромъ добродѣтели. Отецъ мой, вѣщалъ онъ вамъ, училъ меня не быть малодушнымъ и женонравнымъ. Мать моя научала меня убѣгать и отъ злой мысли. Дѣдъ училъ благотворенію, а братъ предпочтенію истины предъ всѣмъ на свѣтѣ. За сіе, римляне, точно за сіе благодаритъ онъ боговъ въ началѣ своего творенія, въ коемъ начерталъ онъ всѣ чувствованія сердца своего. Скоро потомъ учители наставили его въ должностяхъ человѣческихъ, не словами, но примѣромъ. Не твердили ему: люби несчастныхъ, но предъ очами его несчастнымъ помогали. Ни кто не внушалъ ему: заслуживай друзей; но онъ зрѣлъ единаго изъ наставниковъ своихъ жертвовавшаго всѣмъ своимъ имѣніемъ другу утѣсненному. Я видѣлъ воина, который, подавая ему наставленіе въ храбрости, обнажилъ предъ нимъ грудь свою, всю ранами покрытую. Тако вселяли въ него кротость, великодушіе, правосудіе, твердость въ предпріятіяхъ. Я самъ имѣлъ славу быть въ обществѣ знаменитыхъ сихъ учителей. Призванному въ Римъ изъ среды Греціи въ наставники ему, велѣно мнѣ было идти въ его чертоги. Если бъ онъ былъ только гражданинъ, я къ нему пошелъ бы; но чаялъ я, что первое поученіе, государю

долженствовало быть въ зависимости и равенствѣ. Я дождался, чтобъ онъ ко мнѣ пришелъ. Прости сіе мнѣ, о Маркъ Авреліи! Я думалъ тогда, что ты государь обыкновенный. Скоро я тебя позналъ, и когда ты требовалъ наставленій отъ меня, я часто научался съ тобою.

Еще не вышелъ онъ изъ младенчества, уже горячность къ добродѣтели явилась въ его сердцѣ. Двунадесяти лѣтъ посвятилъ онъ себя роду строжайшей жизни; на пятомъ-надесять уступилъ онъ сестрѣ своей все родительское свое наслѣдіе; на седьмомъ-надесять онъ усыновленъ былъ Антониномъ, и (я вѣщаю вамъ видѣнное имъ) онъ плакалъ о своемъ величіи. О день, чрезъ сорокъ лѣтъ оставшійся въ моей памяти! Ходилъ онъ въ саду своей матери; я былъ возлѣ него. Мы бесѣдовали о должностяхъ человѣка въ тотъ часъ, какъ пришли ему возвѣстить о его возвышеніи. Я узрѣлъ въ лицѣ его перемѣну, и долго казался онъ смущенъ и опечаленъ. Между тѣмъ сродники въ радостномъ восторгѣ его окружили. Удивленные его печалію, вопросили мы о причинѣ. «Можете-ль вопрошать меня о ней?» отвѣтствовалъ онъ намъ: «я царствовати буду.»

Съ самаго того времени Антонинъ сталъ для него новымъ учителемъ, наставлявшимъ его въ великихъ добродѣтеляхъ. Человѣческая кровь почитаемая, законы процвѣтающіе, Римъ спокойный, вселенная блаженна: се новое ученіе, чрезъ двадесять лѣтъ Марку Аврелію подаваемое.

Оно довольно было къ содѣланію человѣка великимъ; но сей великій мужъ имѣлъ свойство, отличавшее его отъ всѣхъ великихъ государей: философія даровала ему оное. При словѣ философія я останавливаюсь. Кое то имя въ нѣкихъ вѣкахъ священное и въ другихъ проклинаемое; то почтеніе, то ненависть возбуждающее; отъ нѣкихъ государей злобно гонимое, отъ другихъ посажденное съ собою на престолѣ? О римляне! дерзать ли мнѣ восхвалить философію въ Римѣ, гдѣ только разъ послѣдователи ея оклеветаемы, и откуда только разъ они изгоняемы были. Отсюда, отъ сихъ священныхъ стѣнъ, были мы влачимы на заточеніе въ каменныя горы и на пустые острова. Здѣсь книги наши пламенемъ пожранны; здѣсь кровь наша лилась подъ остріемъ меча. Европа, Азія и Африка зрѣли насъ, въ странствованіи и гоненіи искавшихъ убѣжища въ пещерахъ звѣрей дикихъ, гдѣ осуждали насъ на тяжкія въ оковахъ работы съ убійцами и злодѣями (*). Но что! неужели философія есть врагъ че-

(*) Музоній Руфъ, изъ благородныхъ римлянъ, славный стоикъ, изгнанный изъ Рима при Неронѣ и заточенный на островѣ Гіярскомъ, переведенъ былъ потомъ въ Коринѳъ съ злодѣями для рытья Коринѳскаго протока. Тутъ, его узнавъ, одинъ изъ друзей окачался. «Напрасно, говорилъ ему философъ, печалишься ты, видя меня роющаго землю на пользу Греціи. Развѣ тебѣ пріятнѣе было бы видѣть меня съ Неропомъ воющаго и въ свирѣль играющаго на зрѣлищѣ народномъ?» Неронова гоненія на философію начались паки при Домитіанѣ.

ловѣческому роду и гибель государствъ? Повѣрьте, римляне, старцу, познавшему осьмдесятъ лѣтъ существо добродѣтели и ревновавшему исполнять ее дѣломъ. Философія есть наука исправлять людей просвѣщеніемъ. Она общее есть нравоученіе народамъ и царямъ, основанное на естествѣ и на порядкѣ вѣчномъ. Возрите на сей гробъ! Оплакиваемый вами государь былъ единый изъ премудрыхъ. Философія на престолѣ содѣлывала двадесять лѣтъ блаженство цѣлаго свѣта. Отирая людскія слезы, опровергла она клевету тирановъ.

Маркъ Аврелій съ самаго младенчества возлюбилъ ее страстно. Не искалъ онъ заводить себя въ познанія, для человѣка безполезныя. Скоро узрѣлъ онъ, что испытаніе естества есть бездна, и для того всю философію къ единымъ нравамъ обратилъ. Прежде всего обозрѣлъ онъ окрестъ себя различные роды ученій, и умѣлъ избрать тотъ, который поставляетъ человѣка превыше самого себя. Тутъ увидѣлъ онъ, можно сказать, новый міръ, въ коемъ веселіе и скорбь вмѣняются въ ничто; въ коемъ чувства потеряли надъ душею всю свою силу; гдѣ бѣдность, богатство, жизнь, смерть не значатъ ничего; гдѣ существуетъ едина добродѣтель. Сія есть та самая философія, о римляне! которая вамъ Катона и Брута даровала. Сія подкрѣпляла ихъ среди развалинъ падающей вольности. Она распространилася потомъ и умножилась при тиранахъ ваншихъ. Кажется, что стала она необходимою утѣсненнымъ вашимъ предкамъ, коихъ сомнительная жизнь была непрестанно подъ сѣкирою неограниченныя власти. Въ сіи нечестія времена, она одна сохранила достоинство естества человѣческаго. Она научала жить, научала умирать, и когда тиранство повергало души въ уныніе, она воздвигала ихъ съ большею силою и величествомъ. Маркъ Аврелій предался ей ревностно. Съ того часа имѣлъ онъ ту единую страсть, чтобъ быть удобнымъ къ труднѣйшимъ добродѣтелямъ. Все могущее способствовать ему въ ономъ намѣреніи было для него благодѣяніемъ небеснымъ. Онъ благополучнѣйшимъ въ жизни своей днемъ почиталъ тотъ, въ который въ первый разъ услышалъ о Катонѣ. Съ признаніемъ помнилъ онъ имена тѣхъ, отъ коихъ позналъ Брута и Фразея. Благодарилъ за то боговъ, что могъ читать Эпиктетовы правила. Душа его соединилась съ тѣми великими душами, кои до него существовали. Сопричтите мя лику вашему! вѣщалъ онъ, просвѣтите разумъ мой! возвысьте мои чувствованія! да научусь едину любить истину, и творити правоту едину. Для вящшаго утвержденія добродѣтели въ сердцѣ своемъ, хотѣлъ онъ проникнуть самъ до источника должностей своихъ; хотѣлъ познать, если возможно, истинное намѣреніе природы вразсужденіи человѣка. Здѣсь, римляне, развертается предъ вами душа Марка Аврелія, связь его понятій и правила, на коихъ основалъ онъ свою нравственную жизнь. Не я, но самъ Маркъ Аврелій представитъ очамъ вашимъ сіе изо-

браженіе. Я прочту вамъ писаніе, начертанное тому болѣе тридесяти лѣтъ его собственной рукою. Тогда не былъ онъ еще императоромъ. «Аполлоній!» вѣщалъ онъ мнѣ: «прими сіе писаніе, и если когда-нибудь удалюся я отъ чувствованій, моею рукою начертанныхъ, то постыди меня передъ очами вселенной.» Римляне, и ты наслѣдникъ и сынъ его! судите нынѣ сами, сообразилъ ли Маркъ Аврелій свои дѣянія съ сими великими понятіями, и отступилъ ли хотя единожды отъ правилъ, кои чтилъ онъ уставомъ самыя природы.

Здѣсь философъ нѣсколько остановился. Неисчисленное множество гражданъ, ему внемлющихъ, придвинулись ближе для слышанія его. Сему великому движенію послѣдовало тотчасъ глубокое молчаніе. Одинъ между народомъ и философомъ, новый императоръ былъ смущенъ и задумчивъ. Аполлоній, опершись одной рукой на гробъ, а другою державъ писаніе, начертанное самимъ Маркомъ Анреліемъ, сталъ читать слѣдующее:

БЕСѢДА МАРКА АВРЕЛІЯ СЪ САМИМЪ СОБОЮ (*),

«Я размышлялъ нощію. Искалъ я, въ чемъ состоитъ благо, на чемъ истина основана. Маркъ Аврелій! вѣщалъ я самъ себѣ: донынѣ былъ ты добродѣтеленъ, или, по крайней мѣрѣ, таковымъ быть желалъ; но кто ручаться можетъ, что ты сего вѣчно пожелаешь? и кто тебѣ сказалъ, чтобъ то дѣйствительно была добродѣтель, что называешь ты симъ именемъ? Устрашился я сего сомнѣнія и рѣшился проникнуть, если возможно, до первыхъ основаній, чтобъ быть мнѣ вѣрну съ самомъ себѣ, и познать стезю, по которой человѣкъ послѣдовать долженъ; мѣсто и время способствовали моимъ размышленіямъ. Нощь была глубокая и тихая; все окрестъ меня наслаждалося покоемъ. Я слышалъ токмо близъ моихъ чертоговъ нѣсколько движущіяся Тибровы воды; но сей непрерывный и глухой шумъ самъ способствовалъ мысли, и я слѣдующимъ разсужденіямъ предался.

«Дабы познать, что есть добродѣтель, надлежитъ прежде познать, что есть человѣкъ. Вопрошалъ я себя, кто я? Призналъ въ себѣ чувства, разумѣніе и волю, и зрѣлъ себя будто случайно и невѣдомой рукою повержена на поверхность земную. Но откуда я? и кто мнѣ далъ здѣсь мѣсто? Для разрѣшенія сего вопроса принужденъ

(*) Извѣстно, что Маркъ Аврелій оставилъ сочиненіе подъ названіемъ: *Отъ себя къ себѣ*. Въ ономъ видна философія возвышеннѣйшая и нравоученіе чистѣйшее. Здѣсь одно только существо изъ него почерпнуто.

былъ я выдти изъ самого себя и вопросить природу. Тогда взоръ мой обращался окрестъ меня и я разсматривалъ вселенную. Видя безконечное множество составляющихъ ее существъ, міры пріобщенные къ мірамъ и себя, толь мала и толь слаба, въ углу земли заточенна, и такъ сказать погибша въ неизмѣримости, пришелъ я нѣ сколько въ уныніе. Что же? вопросилъ я самого себя, значу ли я нѣчто въ природѣ? Вдругъ воспоминаніе о моемъ разумѣніи меня ободрило: Маркъ Аврелій что мыслитъ, то ни гдѣ погибнути не можетъ. Тогда продолжалъ я мои изысканія, и примѣчая на всѣ, разсматривалъ теченіе вселенной. Удивился я согласію, зримому повсюду. Я видѣлъ, что въ небесахъ и на земнѣ всѣ существа подаютъ другъ другу взаимную помощь. Итакъ, вѣщалъ я самъ себѣ, вселенная есть то неизмѣримое цѣлое, коего всѣ части между собою сносятся. Величество и простота сего понятія возвысили душу мою. Скоро сіе согласіе родило во мнѣ нужную мысль о причинѣ всего зримаго. Для соображенія толикихъ способовъ и для составленія изъ толикихъ раздѣленныхъ существъ, можно сказать, существа единаго, потребна разумная душа. Душу сію назвалъ я всеобщею душею (*); я назвалъ ее Богомъ. Отъ имени сего ощутилъ я въ себѣ нѣкое благоговѣйное смятеніе, и вселенная представилась мнѣ нѣкимъ священнымъ веществомъ. Я нашелъ себѣ подпору и на ней остановился. Всѣ дѣйствія приписалъ я сей причинѣ. Видѣлъ я, что она впечатлѣваетъ свойственность единства всему сущему. Она дала неисчетнымъ существамъ бездушнымъ и чувствительнымъ законъ, ихъ соединяющій, дабы вдругъ заставить ихъ пособлять и благу частному каждаго, и согласію всего цѣлаго. Особливо въ разумныхъ существахъ сей первообразный законъ казался мнѣ дѣйствующимъ съ бо́льшею силою. Люди тайнымъ побужденіемъ ищутъ и влекутъ къ себѣ другъ друга. Тщетно страсти ихъ раздѣляютъ; властительнѣйшая сила паки ихъ совокупляетъ. Кажется, что существо мыслящее оставленно и уединенно среди вещественнаго міра, а сама мысль имѣетъ нужду сообщаться съ мыслію. Другая связь представилася мнѣ, а именно: нужды. Наконецъ, видѣлъ я людей, соединенныхъ тѣснѣйшимъ образомъ. Для всѣхъ душъ есть единъ разумъ, какъ и для всѣхъ веществъ единъ свѣтъ. Буде же разумъ есть единъ, то надлежитъ быть и единому закону. Слѣдственно люди всѣхъ земель и всѣхъ вѣковъ подчинены единому законодательству. Они всѣ суть сограждане единаго града; сей градъ есть вселенная. Тогда чаялъ я зрѣти окрестъ себя упадшими всѣ преграды, раздѣляющія племена людскія, и я зрѣлъ уже едину семью и народъ единый.

«Далѣе усмотрѣлъ я, что по самому порядку природы есть между

(*) Маркъ Аврелій слѣдуетъ здѣсь стоическому ученію. Онъ держался правилъ онаго, кои въ сочиненіяхъ его вездѣ видны.

людьми общество. Отъ сего часа представлялъ я себя въ сугубомъ отношеніи. Я взиралъ на себя, какъ на слабую часть вселенныя, поглощенную въ цѣломъ, влекомую общимъ движеніемъ, всѣ существа влекущимъ; потомъ казался я себѣ будто отдѣленнымъ отъ всего неизмѣримаго и соединеннымъ съ людьми чрезъ особенное сопряженіе. Яко часть цѣлаго, Маркъ Аврелій, долженъ ты покоряться безъ роптанія тому, что есть слѣдствіе общаго порядка: отсюда рождается твердость въ бѣдствіяхъ, и бодрствованіе, которое не что иное есть, какъ повиновеніе души твердыя. Яко часть общества, долженъ ты дѣлать все то, что полезно человѣку: отсюда истекаютъ должности друга, мужа, отца, гражданина. Терпѣть все, что налагаетъ на тебя естество вселенныя, и дѣлать все, чего твое человѣческое естество требуетъ—се два твои правила. Тогда понялъ я, что есть добродѣтель, и не страшился болѣе совратиться съ пути праваго».

Здѣсь Аполлоній перервавъ, обратился къ сыну Марка Аврелія. Государь! рекъ онъ ему, слышанное тобою приличествуетъ всѣмъ людямъ и можетъ быть философіею эпиктетовою, также какъ и твоего родителя; но послѣдующее до тебя принадлежитъ. Днесь услышишь ты философію государя, и всѣхъ тѣхъ, кои царствовать достойны будутъ. Да вселится она въ сердце твое! Внемли предмѣстнику и отцу своему. Потомъ продолжалъ тако:

«Скоро, обратя мои понятія на самого себя, хотѣлъ я сіи правила присвоить къ моему поведенію. Я позналъ, какое имѣю мѣсто во вселенной, разсматривалъ, какое мѣсто въ обществѣ имѣю, и съ ужасомъ узрѣлъ, что въ ономъ поставленъ я на чреду земныхъ владыкъ. Маркъ Аврелій! если бъ смѣшанъ ты былъ въ толпѣ народной, ты бъ только за себя отвѣтствовалъ природѣ; но милліоны людей повиноваться тебѣ будутъ; степень счастія, коимъ каждый можетъ наслаждаться, есть опредѣленна; все то, чего недосмотрѣніемъ твоимъ не достанетъ къ сему счастію, будетъ твое преступленіе. Если въ цѣломъ свѣтѣ прольется одна слеза, которую ты могъ предупредить, ты уже виновенъ. Оскорбленная природа тебѣ скажетъ: я ввѣрила тебѣ дѣтей моихъ для содѣланія ихъ блаженства; что жъ ты съ ними сдѣлалъ? Почто на землѣ я слышала стенанія? Почто люди, подъемля ко мнѣ длани, просили прекращенія дней своихъ? Почто мать плакала надъ младенцемъ, въ свѣтъ рожденнымъ? Почто жатва, опредѣленная мною на пищу бѣдному, исторгнута изъ его хижины? Что скажешь на сіе? Народныя бѣдствія будутъ тебѣ обличеніемъ, а правосудіе, стрегущее тебя, впечатлѣетъ имя твое между именами недостойныхъ государей!»

Здѣсь народъ возопилъ: никогда! никогда! *Множество гласовъ вдругъ возстали. Одинъ кричалъ:* ты былъ намъ отецъ; *другой:* ты не терпѣлъ утѣснителей; *иные:* ты помогалъ намъ въ бѣдствіяхъ; *и тысячи людей единогласно:* мы тебя благословляли, мы тебя благословимъ. О мудрый, благодушный, правосудный государь! да будетъ священна твоя память, да будетъ она вѣчно обожаема! *Вы истину рекли, вскликалъ Аполлоній, память его вѣчно пребудетъ незабвенна, но онъ, ужасаясь самъ тѣхъ бѣдствъ, кои вамъ могъ бы причинить, достигъ до того, что содѣлалъ блаженство ваше и заслужилъ восклицанія, раздающіяся надъ гробомъ его. Внемлите, что онъ продолжаетъ.*

«Дабы имепемъ твоимъ не возгнушались, познай свои должности. Онѣ объемлютъ всѣ племена людскія. Онѣ возраждаются ежечасно и ежеминутно. Одна смерть гражданина скончеваетъ твои предъ нимъ обязательства; но рожденіе каждаго налагаетъ на тебя новую должность. Ты обязанъ трудиться днемъ, ибо день для человѣка къ дѣйствію назначенъ. Часто долженъ ты безъ сна проводить и нощь, ибо злодѣяніе тогда не дремлетъ, когда государь покоится во снѣ. Потребна слабости подпора, потребно силѣ обузданіе. Маркъ Аврелій! не помышляй болѣе о покоѣ. Онъ дотолѣ сокрылся отъ тебя, доколѣ несчастные люди и злодѣи на землѣ пребудутъ.

«Устрашенный моими должностями, восхотѣлъ я познать способы къ исполненію оныхъ, и ужасъ во мнѣ усугублялся. Я видѣлъ, что обязательства мои были превыше человѣка, а силы не болѣе человѣческихъ. Надлежало бъ оку государя быть такову, чтобъ могло оно обнять все удаленное отъ него на неизмѣримое разстояніе, и чтобъ всѣ мѣста государства его собрались подъ единую точку предъ его взоромъ. Надлежало бъ слуху его быть такову, чтобъ могъ онъ поражаться вдругъ всѣми стенаніями, всѣми жалобами, всѣмъ воплемъ его подданныхъ. Надлежало бъ могуществу его быть толь быстру, коль быстра воля его, чтобъ разрушать и поражать непрестанно всѣ силы, борющіяся со благомъ общимъ. Но составъ государя есть толь же слабый, какъ и послѣдняго изъ подданныхъ. Маркъ Аврелій! между истиной и тобою непрерывно найдутся рѣки, горы, моря. Часто и однѣми стѣнами раздѣлена она будетъ отъ твоихъ чертоговъ, но къ тебѣ не достигнетъ. Займешь ты помощь отъ другихъ, но она мало пособитъ твоей слабости. Дѣло, чуждымъ рукамъ ввѣренное, иль медленно, иль спѣшно, иль не на тотъ конецъ производится. Ни что такъ не исполняется, какъ понялъ государь; ни что онъ такъ не слышитъ, какъ бы видѣлъ самъ. Благо доходитъ до него увеличиваемо, зло умаляемо, злодѣяніе оправдаемо, и государь, всегда слабый или обманутый, подверженный невѣрности, или заблужденію тѣхъ, коимъ поручилъ смотрѣть и слушать, бываетъ непрестанно помѣщенъ между безсиліемъ познавать и необходимостію дѣйствовать.

«Отъ изслѣдованія чувствъ моихъ прешелъ я къ разсмотрѣнію моего разума; сравнивалъ я и его съ моими должностями. Я видѣлъ, что для благоуправленія нужно почти божественное разумѣніе, которое обозрѣвало бъ вдругъ всѣ правила и оныхъ присвоенія, которое не было бъ господствуемо ни своей страною, ни своимъ вѣкомъ, ни своимъ саномъ, которое обо всемъ всегда судило бъ по истинѣ и никогда бъ ни о чемъ по приличіямъ. Сей ли же есть разумъ человѣческій? Сей ли мой разумъ?

«Наконецъ я вопросилъ себя: благонадеженъ ли я самъ на волю мою? Вопроси же себя: не все ли окружающее тебя имѣетъ надъ душею твоею такую силу, чтобъ совратить или отвлещи тебя отъ пути истиннаго? Маркъ Авреліи! (здѣсь Аполлоній устремилъ взоръ свой на новаго императора) трепещи паче всего тогда, когда ты будешь на престолѣ. Тысящи людей устремятся исторгнуть отъ тебя волю твою, чтобъ дать тебѣ свою; гнусныя страсти свои поставятъ на мѣсто твоихъ страстей великодушныхъ. Что жъ тогда ты будешь? Игралище всего. Чая повелѣвать, будешь повиноваться. Наружность твоя будетъ царская, а душа рабская. Сему не удивляйся: тогда душа въ тебѣ будетъ не твоя: она принадлежать станетъ тому недостойному и дерзновенному человѣку, который ею овладѣть захочетъ.

«Сіи разсужденія повергли меня почти въ отчаяніе. О Боже! возопилъ я, когда поверженный тобою родъ человѣческій на землю долженъ быть управляемъ, почто людей же избралъ ты онымъ управлять? О Существо благодѣтельное! подвигнись о царяхъ на жалость! Они, можетъ быть, болѣе сожалѣнія достойны, нежели народы, ибо конечно ужаснѣе зло творить, нежели терпѣть. Въ сей часъ разсуждалъ я, не отречься ли мнѣ отъ сея опасныя и страшныя власти, и уже рѣшился было, совсѣмъ рѣшился сложить вѣнецъ...»

При сихъ словахъ казалось, что внимавшіе въ глубокомъ молчаніи римляне какъ будто убоялись мишиться своего государя. Забыли они, что нѣтъ болѣ на свѣтѣ сего великаго мужа. Скоро мечта сія исчезла. Тутъ казалось, что они въ другой разъ его лишаются. Въ смятенномъ движеніи, всѣ они преклонились ко гробу его; жены, младенцы, старики, всѣ въ ту сторону тѣснились; всѣ сердца печалью воскипѣли; изъ всѣхъ очей лились слезы. Скорбный и смущенный шумъ разносился во всемъ безчисленномъ народѣ. Самъ Аполлоній возмутился; бумага упала изъ рукъ его. Онъ обнялъ гробъ Марка Аврелія. Казалось, что видъ сего отчаяннаго старца умножалъ общее смятеніе. Скоро потомъ шумъ уменьшился. Аполлоній пришелъ въ себя, какъ человѣкъ отъ сна пробудившійся, и съ утомленными скорбію очами поднялъ онъ бумагу съ гроба и продолжалъ колеблющимся гласомъ:

«Я не долго остановился на мысли, чтобъ отречься отъ правленія. Видѣлъ я, что велѣніе боговъ призываетъ меня на служеніе отечеству и что я повиноваться долженъ. Когда, сказалъ я самъ себѣ, казнится смертію воинъ, оставляющій мѣсто свое, то тебѣ ли свое оставить возможно? Или нужда быть на престолѣ добродѣтельну тебя устрашаетъ? Тогда чаялъ я слышать тайный нѣкій гласъ, мнѣ вѣщающій: чтобъ ты ни творилъ, всегда пребудешь человѣкъ; но постигаешь ли точно, до какой степени совершенства человѣкъ возвыситься можетъ? Зри разстояніе отъ Антонина до Нерона. Я симъ гласомъ ободрился, и не могши увеличить мои чувства, рѣшился искать всѣхъ способовъ возвеличить мою душу, то есть просвѣтить разумъ и утвердить волю. Сіи способы находилъ я въ самомъ понятіи о должностяхъ моихъ. Маркъ Аврелій! когда Богъ поставляетъ тебя главою надъ родомъ человѣческимъ, то пріобщаетъ онъ тебя частію къ правленію міра. Итакъ отъ самого Бога долженъ ты пріяти разумъ на благоцарствіе. Возвысься до него; размышляй о семъ великомъ Существѣ; почерпни изъ нѣдръ его любовь къ порядку и къ благу общему; да устройство вселенныя научитъ тебя, какову быть устройству твоего государства. Предразсудки и страсти, владычествующія толикими людьми и царями, къ тебѣ не прикоснутся. Ты будешь имѣть токмо предъ очами своими должности и Бога и сей вышній разумъ, который твоимъ примѣромъ и закономъ быть долженствуетъ.

«Но воля послѣдовать оному во всемъ не есть еще достаточна. Надлежитъ, чтобъ заблужденіе не могло развратить тебя. Тогда началъ я подробно разбирать всѣ мои мнѣнія и каждое мое понятіе сравнивать съ вѣчнымъ понятіемъ о правотѣ и истинѣ. Я видѣлъ, что нѣтъ инаго блага, кромѣ того, что полезно обществу и съ порядкомъ сообразно; нѣтъ инаго зла, кромѣ того, что сему противно. Я разбиралъ злы вещественныя и зрѣлъ въ нихъ не иное что, какъ одно неизбѣжное дѣйствіе законовъ вселенныя. Потомъ хотѣлъ я размышлять о скорби; уже ночь была глубокая; сонъ отягчалъ мои глаза. Я не могъ долго ему сопротивляться, заснулъ, и чаялъ зрѣти видѣніе. Казалось, что внутри нѣкоего пространнаго зданія собрано было множество людей. Всѣ они имѣли нѣчто сановитое и величественное. Хотя я съ ними и не жилъ никогда, но черты лицъ ихъ казались мнѣ знакомы. Вспомнилъ я, что въ Римѣ взиралъ я часто на ихъ изваянные образы. Я обратилъ на всѣхъ взоръ мой, какъ страшный и громкій гласъ раздался по всему зданію: Смертные! научайтеся терпѣнію. Въ тотъ часъ узрѣлъ я предъ однимъ возгорѣвшійся пламень, въ который простеръ онъ свою руку. Другому былъ предложенъ ядъ; онъ пріялъ его и принесъ богамъ жертву. Третій, стоящій подлѣ кумира упадшей вольности, держалъ въ одной рукѣ книгу, а въ другой мечъ, на остріе коего взиралъ. Далѣе узрѣлъ я мужа, кровію обагренна, но кротка и болѣе спокойна,

нежели сами мучители его. Я устремился къ нему, вопія: тебя ль я зрю, о Регулъ! Я не могъ видѣть болѣе его страданія, и отвратилъ отъ него взоръ мой. Тогда усмотрѣлъ я Фабриція въ бѣдности, Сципіона въ заточеніи умирающа, Эпиктета въ оковахъ пишуща, Сенеку и Фразея, съ разверстыми жилами, взирающихъ спокойно на лію-щуюся кровь свою. Окруженный толь великими и несчастными людьми, проливалъ я слезы. Казалось, что они тому дивились. Одинъ изъ нихъ (сей былъ Катонъ) подошелъ ко мнѣ и рекъ: не жалѣй о насъ, но подражай намъ, и ты также скорбь побѣждати научайся. Между тѣмъ казалось, что держимый въ рукѣ своей мечъ готовъ онъ былъ обратить въ грудь свою. Я хотѣлъ остановить его, вострепеталъ и пробудился. Разсуждалъ я о моемъ сновидѣніи, и понялъ, что сіи мнимыя бѣдствія не имѣютъ права колебать моего бодрствованія. Я рѣшился быть человѣкомъ, терпѣть и творить благо».

Но, рекъ Аполлоній, есть еще злы чувствительнѣйшія и ближе душѣ касающіяся. Неблагодарность, обида, клевета, словомъ, всѣ пороки злыхъ людей, кои насъ терзаютъ и обременяютъ. Маркъ Аврелій вопрошалъ самъ себя: достойны ль всѣ сіи гнусныя и жестокіе люди, чтобъ для нихъ творити благо?

Философъ,—прервалъ грубо рѣчь его юный императоръ,—и я также о томъ тебя вопрошаю.

Государь! отвѣтствовалъ Аполлоній, на сіе внемли отвѣту отца и предмѣстника твоего. Онъ въ молчаніи полагаетъ на вѣсы все зло, кое человѣкъ приключаетъ человѣку, и тако бесѣдуетъ съ собою:

«Источникъ твоихъ дѣйствій долженъ быть въ душѣ твоей, а не въ душѣ другихъ. Оскорбляютъ тебя, но что до того? Богъ твой законодатель и судья. Есть злые люди, но они тебѣ полезны. Безъ нихъ чтóбъ нужды было и въ добродѣтели? Ты сѣтуешь на неблагодарныхъ! Подражай природѣ: она все даетъ людямъ и ничего отъ нихъ не ожидаетъ. Но обида? Обида унижаетъ не того, кто ее терпитъ, но того, кто ее дѣлаетъ. Но клевета? Благодари боговъ, что враги твои, говоря о тебѣ зло, ищутъ помощи во лжи. А стыдъ? Но чего стыдиться человѣку, правоту наблюдающему?«

Итакъ рѣшился онъ, ежелибъ надобно было, досаждать людямъ на то, чтобъ дѣлать имъ услугу; онъ согласился бъ быть и ненавидимъ ими, чтобъ быть для нихъ полезнымъ.

Онъ положилъ на вѣсы зло, и хотѣлъ противу положить благо.

«Я вопрошалъ самъ себя, вѣщалъ онъ: что такое есть людска

слава? Она есть звукъ, въ углу земли возстающій и исчезающій. Что жъ похвала дворская? Есть дань, приносимая отъ корысти сильѣ или отъ подлости гордынѣ. Что же власть? Величайшее злощастіе для такого, кто не есть человѣкъ добродѣтельнѣйшій. Но жизнь?.. Въ тотъ часъ увидѣлъ я на мѣстѣ, гдѣ размышлялъ, одно изъ тѣхъ песочныхъ орудій, кои время измѣряютъ. Взоръ мой на него устремился. Я смотрѣлъ на пылинки, кои упадая означали доли теченія времени. Маркъ Аврелій! помыслилъ я, время дано тебѣ на пользу людямъ; что жъ ты для нихъ сдѣлалъ? Жизнь протекаетъ, годы исчезаютъ. Они падаютъ одни на другихъ подобно симъ песчинкамъ. Поспѣшай; ты между двумя безднами поставленъ: между временемъ, тебѣ предшествовавшимъ, и между временемъ, по тебѣ грядущимъ. Среди сихъ двухъ пучинъ жизнь твоя есть точка; да ознаменится она добродѣтельми твоими. Будь благотворенъ, имѣй свободную душу, презирай смерть».

Произнося сіи слова (онъ самъ часто мнѣ повѣствовалъ), ощутилъ онъ изумленіе въ душѣ своей. Помысливъ нѣсколько, продолжалъ онъ:

«Не уже ль смерть тебя страшитъ! Нѣтъ, умрать есть не что иное, какъ дѣйствіе жизни, и можетъ быть самое легчайшее. Смерть конецъ сраженіямъ приноситъ. Она есть то мгновеніе ока, въ которое можешь ты сказать: уже добродѣтель моя мнѣ принадлежитъ; она свободитъ тебя отъ величайшія опасности стать нѣкогда злобнымъ. Маркъ Аврелій! ты пустился въ море; слѣдуй пути своему, и когда настанетъ конецъ плаванію, сниди съ корабля, и стоя на брегу, боговъ благодари».

Симъ образомъ разсмотрѣлъ онъ по порядку почти все то, что смущаетъ и колеблетъ человѣка, дабы научиться объ ономъ судить и всѣ намѣренія свои располагать по намѣреніямъ природы. Онъ охранилъ себя противъ мнѣній; хотѣлъ охранить себя противъ чувствъ своихъ. Государь! кажется дѣйствительно, что человѣкъ самъ сражается съ собою, и самъ себѣ противъ положенъ. Разумъ составляетъ силу мою, а чувства слабость. Разумъ мой возвышаетъ меня къ понятіямъ о порядкѣ и благѣ общемъ; но чувства мои унижаютъ меня до пристрастныхъ видовъ, и низводятъ меня до самого себя. Тако разумъ мой возвеличиваетъ меня, а чувства унижаютъ. Отецъ твой восхотѣлъ ихъ поработить, чтобъ быть вольнымъ самому. Отъ сего часа посвятилъ онъ себя роду строгой жизни, и самъ себѣ вѣщалъ:

«Укрощу страсти мои, и изъ всѣхъ ихъ ужаснѣйшую, ибо она

есть и пріятнѣйшая: укрощу сластолюбіе. Жизнь есть битва; должно непрестанно братися. Уклонюсь отъ роскоши, ибо роскошь чрезъ всѣ чувства душу разслабляетъ. Уклонюсь отъ нея, ибо у государя роскошь истощаетъ сокровища прихотямъ на удовольствіе. Буду жить малымъ,-какъ будто бъ былъ я бѣденъ: хотя я государь, но нужды мои суть нужды человѣка. Я не дамъ сну болѣе того времени, котораго отнять у него не возмогу. Каждое утро скажу себѣ: се часъ, въ который усыпленныя злодѣянія пробуждаются, въ который страсти и пороки вселенную объемлютъ, въ который къ почувствованію скорби возрождается несчастный, въ который утѣсненный, возставая въ темницѣ, паки тяжесть оковъ своихъ обрѣтаетъ; въ сей самый часъ должны возстать добродѣтель, благотвореніе и власть священная законовъ. Да будутъ единые труды отдохновеніемъ въ трудахъ моихъ! Если ученіе и дѣла занимать будутъ всѣ мои часы, то забавы не найдутъ уже ни одного праздная изъ нихъ на похищеніе себѣ».

Здѣсь Коммодъ колеблющимся гласомъ еще прервалъ чтеніе, вопросивъ Аполлонія: не уже ль государю всѣ забавы воспрещены.

И отецъ твой вопрошалъ себя о томъ же, отвѣтствовалъ философъ. Внемли его отвѣту.

«Нѣтъ, Маркъ Авреліи, ты не со всѣми забавами разлученъ будешь. Боги чистѣйшія и сладчайшія тебѣ предоставили. Веселись, утѣшая скорбныхъ, услаждая жизнь несчастныхъ. Веселись, вспомогая единымъ словомъ цѣлой области, творя ежедневно счастіе двухъ сотъ людскихъ племенъ. Вѣщай: сему ли предпочтешь ты сладострастныя забавы, или зрѣлище бойцевъ, или жестокосердое увеселеніе видѣти людей, сражающихся на площади съ лютыми звѣрями? Каждый часъ ознаменованъ должностію; каждая должность да будетъ для тебя источникомъ забавы».

(Государь! таковъ былъ отвѣтъ отца твоего на вопросъ, учиненный мнѣ тобою).

Онъ остановился мысленно. Видѣлъ, чего природа отъ него требуетъ. Позналъ Бога, свою душу, свой разумъ, мѣсто свое во вселенной, мѣсто свое въ обществѣ, должность человѣка, должность государя. Старался онъ укрѣпить душу свою противъ всѣхъ препятствъ, могущихъ впредь остановлять его въ теченіи, и тогда, воздѣвъ на небо руки, возопилъ (и ты, юный императоръ, воскликни купно съ нимъ):

«О Боже! не создалъ ты ни царей быть утѣснителями, ни народы быти утѣсненными. Я не требую, чтобъ ты меня исправилъ. Развѣ нѣтъ во мнѣ самомъ дѣйствующей воли на то, чтобъ преуспѣвать въ совершенствѣ, сражаться съ собою и побѣждать себя; но дажде

мнѣ то, чего я самъ себѣ подати не могу: даждь мнѣ познати и слышати правду! Пошли мнѣ мнѣ нужнѣйшее для царей благо, пошли ты мнѣ друзей. Сотвори, да умреть прежде Маркъ Авреліи, нежель престанетъ быти правосуденъ».

По сихъ словахъ узрѣлъ онъ, что протекла ночь и солнце восходило. Уже множествомъ людей улицы Рима наполнены были. Уже слышалъ онъ восклицанія, знаменующія, что Антонинъ шествуетъ къ народу.

«Я пошелъ на срѣтеніе отцу моему, продолжаетъ Маркъ Авреліи. Во всѣхъ его дѣяніяхъ зрѣлъ я исполненіе того, что я творити предпріялъ, и тѣмъ былъ я еще болѣе ободренъ къ добродѣтели».

Римляне внимали сему въ глубокомъ молчаніи. Во время сего чтенія, сердца ихъ наполнены были то скорбію, то благоговѣніемъ, то нѣжностію. Они видѣли дѣянія сего великаго мужа. Сорокъ лѣтъ были свидѣтельми его добродѣтелей; но и е вѣдали правилъ его. Очи ихъ съ бо́льшимъ оборченіемъ устремились на гробъ его, и потомъ, какъ будто невольнымъ движеніемъ, обратились почти въ то же время на сына Марка Аврелія, который долженствовалъ быть весьма недостоинъ сего имени и который стоялъ, потупя взоръ свой.

Сынъ Марка Аврелія! возопилъ Аполлоній, сіи очи, на тебя обращенныя, вопрошаютъ тебя: будешь ли ты подобенъ отцу своему? Не забуди льющихся слезъ, зримыхъ днесь тобою. (И обращся къ народу) Остановимъ скорбь нашу, довершимъ хвалу его добродѣтелямъ. Я представилъ вамъ половину токмо изображенія Марка Аврелія; надлежитъ видѣти его въ ненарушимости правилъ своихъ, послѣдующа составленному отъ него себѣ начертанію, и чрезъ двадесять лѣтъ присвоявшаго къ блаженству міра тѣ нравственныя понятія, кои внушала философія ему, бывшу еще далеко отъ престола.

Маркъ Авреліи видѣлъ, что природа вложила во всѣхъ людей умъ къ обществу способный: отсюда усматриваетъ онъ рождающееся понятіе о вольности, ибо гдѣ токмо владыко и рабы, тамо нѣтъ общества; нѣтъ и собственности, ибо безъ надежности во владѣніяхъ не можетъ устоять общественный порядокъ; нѣтъ и правосудія, ибо оно одно возстановляетъ равновѣсіе, которое страсти разрушить стремятся. Наконецъ нѣтъ тамо всеобщаго доброжелательства, ибо какъ всѣ люди совокуплены въ общежитіе, то въ очахъ природы нѣтъ подлаго человѣка, и если не всѣ имѣютъ право на одинакую чреду, то по крайней мѣрѣ всѣ имѣютъ право на одинакое счастіе. Таково было главнѣйшее расположеніе его правленія.

Я начинаю вольностію, римляне! ибо вольность есть первое право человѣка, право повиноваться единымъ законамъ и кромѣ ихъ ничего не бояться. Горе рабу, страшащемуся произносить ея имя! Горе той странѣ, гдѣ изреченіе его вмѣняется въ преступленіе! Бѣдствіе сіе было при тиранахъ вашихъ, но что произвела тщетная ихъ лютость? Погасила ль она въ сердцахъ отцовъ вашихъ сіе великодушное чувствованіе? Можно угнести его, но не истребить; оно пребываетъ вездѣ, гдѣ души тверды; оно въ оковахъ сохраняется, въ темницахъ обитаетъ, подъ ударами мучителей возрождается. Доколѣ оно въ васъ, о римляне! дотолѣ вы бодрственны и добродѣтельны пребудете. Маркъ Аврелій, взошедъ на престолъ, зналъ сіе священное право: онъ видѣлъ, что человѣкъ, рожденный свободнымъ, но въ необходимости быть управляемъ, покорился законамъ, но никогда не покорялся прихотямъ государскимъ, что ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права повелѣвать другимъ самовольно, что похищающій власть сію разрушаетъ самую власть свою. Онъ въ лѣтописяхъ вашихъ при Тиверіяхъ и Неронахъ видѣлъ самовластіе сихъ чудовищъ, при конхъ умѣть умирать слыло единой добродѣтелью; видѣлъ самовластіе столь же ненавистное, но подлѣйшее любимцевъ государскихъ; утѣсненіе въ имперіи; вселенную работѣствующую; человѣка, подъ именемъ императора, который все въ ничто преобращалъ для того, что все относилъ къ единому себѣ, и казался вѣщающимъ къ народамъ: имѣніе ваше, кровь ваша, все мнѣ принадлежитъ; страждите и умирайте. Я знаю, римляне, что никогда вы не давали, ниже могли давать сихъ ненавистныхъ правъ вашимъ государямъ; но когда они во едино время суть князи, судіи, первосвященники и полководцы, то кому поставить власти ихъ преграду, если сами они ее не поставятъ? О боги! возможно-ль двумъ стамъ племенамъ людскимъ быть для того несчастнымъ, что случилось единому человѣку не быть добродѣтельну? Маркъ Аврелій, вооруженный всею силою неограниченныя власти, слагаетъ ее съ себя добровольно. Дабы не употребить во зло своего могущества, ограничиваетъ оное со всѣхъ сторонъ, умножаетъ силу законовъ, которую многіе императоры истребить хотѣли; возвращаетъ отъятую власть судіямъ, кои часто были или рабы, или подобны истуканамъ. Въ царствованіе его ни одинъ сенаторъ, ни одинъ безчестный гражданинъ не дерзалъ никогда промолвить, что государь не подчиненъ законамъ. «О подлая душа! сказалъ бы таковому Маркъ Аврелій, за что ты меня унижаешь! Знай, что я въ честь себѣ вмѣняю таковое подчиненіе; знай, что власть дѣлать неправосудіе есть слабость». Римляне! я не страшусь сего вамъ изрещи: никогда въ наилучшее время Рима, никогда при самыхъ вашихъ консулахъ, предки ваши свободнѣе васъ не были. Не все-ль равно быть управляему единымъ, или многими? Цари, диктаторы, консулы, децемвиры, императоры, всѣ сіи различныя имена едино знаменуютъ, то есть,

служителей закона. Законъ все составляетъ: образъ государственнаго правленія перемѣниться можетъ, но права гражданъ всегда тѣ же. Они не зависятъ ни отъ властолюбца похищающаго, ни отъ низкія души, себя продающія. Они, будучи основаны на природѣ, суть, какъ она, неразрушаемы.

Итакъ могу я свидѣтельствоваться всѣми вами и вопросить васъ: утѣсниль ли кого изъ гражданъ Маркъ Авреліи? Если таковый найдется хотя одинъ, да приступитъ ко мнѣ и обличитъ меня во лжи.

Весь народъ возопилъ: никого, никого!

Я еще васъ вопросить могу: во время царствованія его былъ ли кто-нибудь изъ васъ утѣсненъ отъ тѣхъ любимцевъ государскихъ, кои раболѣпствуютъ для того, чтобъ быть тиранами, кои тѣмъ съ большею гордостію повелѣваютъ, что сами повинуются, и вооружась чуждою властію, алкая ею наслаждаться, боясь ее лишиться, усильно напрягаютъ всѣ ея способы и ускоряютъ всеобщее рабство. Скажите, римляне, въ царствованіе его не было ли кого изъ таковыхъ?

Здѣсь всѣ также возопили: никого, никого! *Аполлоній продолжалъ:*

Благодареніе безсмертнымъ богамъ, что имѣли вы владыку, который ни кѣмъ владычествуемъ не былъ! Дабы всегда вы были вольны, не допущалъ онъ себя ни порабощать, ни порабощаться; онъ защищалъ вольность вашу противъ самого себя; онъ защищалъ ее противъ всѣхъ окружающихъ престолъ его.

Но къ чему бъ вамъ служила сія вольность, еслибъ въ самое то же время собственность имѣній вашихъ не была вамъ обезпечена? И что вѣщаю я? Гдѣ нѣтъ одной, тамо другая есть мечта. Увы! было время, въ кое Римъ и имперія преданы были на расхищеніе; въ коемъ отъ произвольнаго отнятія имѣній, отъ несносныхъ поборовъ, отъ расточеній безъ причинъ и безъ намѣреній, отъ грабительствъ непрестанныхъ, разорялись семьи, истощались области, обнищевалъ убогій и всѣ сокровища пожирались алчнымъ государемъ, или нѣсколькими его любимцами, коимъ угодно было удѣлять изъ тѣхъ богатствъ своему владыкѣ. Се слабая часть бѣдствій, претерпѣнныхъ предками вашими! Но что? Еслибъ таковыя бѣдствія всегда на землѣ пребывали, не лучше ль было бы странствовать въ лѣсахъ и жить съ дикими звѣрями? по крайней мѣрѣ хищная рука не простерлась бы туда исторгнуть отъ гладнаго пищу. Вертепъ, имъ избранный, послужилъ бы ему убѣжищемъ, и онъ могъ бы сказать тогда: здѣсь камень, кроющій меня, и вода, утоляющая жажду мою, принадлежатъ мнѣ; не даю платы за воздухъ, коимъ здѣсь дышу. Никто изъ васъ, римляне, въ государствованіе Марка Аврелія не былъ доведенъ до такой крайности. Онъ укрощать сталъ сокровенное тиран-

ство казенныя палаты въ разсужденіи гражданъ, что составляло нѣкій родъ войны, гдѣ часто законъ поставляемъ былъ противъ правосудія и государь противъ подданныхъ. Всякій доносъ, клонившійся токмо на умноженіе его доходовъ, былъ отвергаемъ: всякая сомнительная тяжба у частнаго человѣка съ короною рѣшилась въ пользу перваго. Онъ отмѣнилъ описывать на государя имѣніе гражданина, яко лютое злоупотребленіе, наказующее невиннаго сына за вину отцовскую, яко злоупотребленіе опасное, вселяющее охоту находить виновныхъ тамо, гдѣ богачи обитаютъ. Не хотѣлъ онъ, чтобъ преступленія подданныхъ составляли помѣстье государя и чтобъ глава отечества находилъ позорный прибытокъ въ томъ, чѣмъ отечество оскорбляется.

Сія умѣренность распространялась и до государственныхъ налоговъ. Въ крайнихъ случаяхъ зрѣли вы его прощающаго всѣ долги, когда почиталъ онъ поборы весьма тягостными. Въ тѣ самыя времена, когда умножались нужды, умножалъ онъ къ народамъ свои благодѣянія. Но, повѣствуя о Маркѣ Авреліи, стыжусь я употреблять изреченія, посвященныя государямъ отъ ласкательства. Что я нарицаю благодѣяніями, онъ нарицалъ правосудіемъ. Нѣтъ, государство не имѣетъ никакого права надъ бѣдностью. Позорно и жестокосердо было бы желать отъ самаго убожества обогащаться, и отъятое у того, кто имѣетъ мало, отдавать тому, кто всѣмъ изобилуетъ. Въ его время земледѣлецъ былъ почтенъ. Человѣкъ, питающійся руками своими, могъ наслаждаться тѣмъ нужнымъ, что руки его доставляли ему; роскошь и сластолюбіе платили то золотомъ, что бѣдность платила трудами. Онъ самъ подалъ еще знаменитѣйшій примѣръ. Обрѣтшись между лютымъ непріятелемъ и отягощенными народами, на самого себя, о римляне! наложилъ онъ тѣ подати, кои вы не могли бъ платить безъ отягощенія. Вопрошенъ онъ былъ: гдѣ найдетъ для войны сокровища? Се они, отвѣчалъ онъ, указуя на уборы своихъ чертоговъ. Обнажите сіи стѣны, отнимите сіи кумиры и живописанія, отнесите сіи златые сосуды на площадь, да именемъ государства будутъ они проданы, да сіи тщетныя украшенія, служившія убранствомъ чертоговъ императорскихъ, послужатъ защитою имперіи. Я стоялъ возлѣ него, когда онъ подавалъ, и когда исполнялося его повелѣніе. Я казался удивленнымъ. Онъ ко мнѣ обратился: «Аполлоній! рекъ мнѣ, и ты дивишься подобно на«роду! Развѣ можно мнѣ велѣть вмѣсто сихъ златыхъ сосудовъ про«давать бреніе бѣднаго и хлѣбъ, питающій младенцевъ? О другъ «мой! вѣщалъ онъ мнѣ потомъ, можетъ быть, всѣ сіи сокровища «стоили слезъ тысящамъ людей: продажа сія будетъ слабое заглаж«деніе бѣдствій, приключенныхъ человѣчеству». О римляне! тѣ чертоги безъ убранства, тѣ стѣны обнаженныя были для васъ блистательнѣе и величественнѣе златыхъ палатъ, въ коихъ тираны ваши жили. Домъ Марка Аврелія въ таковомъ состояніи походилъ на поч-

тенный храмъ, не имѣющій другаго украшенія, кромѣ божества, въ немъ обитающаго.

Не довольно того, что самъ отъ себя похищалъ, имѣлъ онъ еще бодрость духа отказывать другимъ то, чего давать не имѣлъ права. Научился онъ защищаться отъ той щедрости, которая иногда бываетъ болѣзнію великихъ душъ, и которая есть тѣмъ опаснѣйшее искушеніе, что походитъ она на добродѣтель, но часто, для счастія одного, приключаетъ бѣдствія нѣсколькихъ тысящъ.

Недостойные императоры подкупали воиновъ для подпоры своей противу Рима, и злато, въ войскахъ разсыпаемое, служило на изваяніе оковъ, налагаемыхъ на вселенную неограниченнымъ самовластіемъ. Маркъ Аврелій устыдился бъ подкупить войско имперіи противъ самой имперіи. Онъ отъ имени государства давалъ ему все то, чѣмъ оно ему должно, но ничего не давалъ ему отъ имени государя. Не хотѣлъ онъ, чтобъ, обогатясь отъ руки его, обыкало оно раздѣлять качество гражданина отъ качества воина.

Аполлоній хотѣлъ было продолжать слово свое, но вдругъ прервалъ оное нѣкій, стоявшій близъ его.

«Философъ»! вѣщалъ онъ: позволь возвѣстить воину такое дѣяніе нашего великаго государя, которое, можетъ быть, тебѣ и неизвѣстно. Мы были въ Германіи, и онъ едва одержалъ побѣду, уже стали мы просить у него денежной награды. Вотъ что онъ намъ отвѣтствовалъ. Я помню и то, что всѣ мы были тогда на мѣстѣ сраженія, и онъ держалъ въ рукахъ шлемъ, изъязвленный стрѣлами. «Друзья «мои! сказалъ онъ намъ: мы побѣдили; но если мнѣ вамъ дать имуще«ство гражданъ, то что пользуетъ государству побѣда наша? Все «что ни дамъ вамъ сверхъ оклада, истощу я изъ крови вашихъ «ближнихъ и отцевъ вашихъ». Мы устыдились отъ словъ его и ничего больше не просили».

Я вѣдалъ сей отвѣтъ Марка Аврелія, рекъ старецъ воину: — но мнѣ любезнѣе, что тобою возвѣщенъ оный римскому народу. Тогда Аполлоній продолжалъ слово свое. Онъ обратилъ его на правосудіе и на образъ отправленія онаго, введенный въ Римъ Маркомъ Авреліемъ. Что въ томъ, разсуждалъ онъ, что государь не тиранъ и не утѣснитель, если граждане утѣсняютъ гражданъ? Самовластіе каждаго изъ подданныхъ, буде оно не обуздано, есть толь же страшно, какъ и самовластіе государево. Повсюду частная корысть препятствуетъ общей; благополучіе одного подрываетъ благосостояніе другаго; всѣ страсти межъ собою ударяются: правосудіе должествуетъ съ всѣмъ онымъ сражаться, упреждать таковое безначаліе.— О римляне! почто у людей источникъ блага всегда въ источникъ зла преобращается? Сіе святое правосудіе, помощь и ручательница общества, стала при тиранахъ вашихъ самымъ основаніемъ разрушенія. Воздвигся въ стѣнахъ вашихъ родъ людей, кои, подъ предло-

гомъ отмщенія законовъ всѣмъ законамъ измѣняли, питаясь доносами, дѣлая куплю клеветою, и всегда готовы будучи продавать невинность злобѣ или богатство корыстолюбію. Тогда все вмѣнялось въ государственное преступленіе. Тотъ преступникомъ считался, кто ссылался на права человѣческія, кто хвалилъ добродѣтель, кто жалѣлъ несчастныхъ, кто способствовалъ возращенію наукъ, душу возвышающихъ; самое призываніе священнаго имени законовъ было преступленіе. Дѣйствіе, слово, самое молчаніе обвиняемо было. Но что вѣщаю я? И самая мысль тогда подвергалась толкованіямъ, и она была обезображиваема на то, чтобъ найти ее виновною. Симъ образомъ все искусствомъ доносовъ отравлялось; доносители награждаемы были государственными сокровищами, и почести, имъ оказуемыя, размѣрялись ихъ нечестіемъ. Какихъ искать пособій въ государствѣ, когда невинность закалается именемъ законовъ, защищать ее долженствующихъ? Часто и самый суетный обрядъ законовъ былъ пренебрегаемъ. Произвольная власть заключала въ темницы, посылала на заточенія и безотчетно умерщвляла. Вы знаете, римляне, гнушался ль Маркъ Аврелій симъ тиранскимъ судомъ, который волю одного человѣка ставитъ на мѣсто законнаго рѣшенія, который жизнъ и имѣніе гражданина попускаетъ зависѣть отъ обмана или заблужденія, котораго удары тѣмъ суть ужаснѣйшіе, что часто бываютъ они глухи и сокрыты, который несчастному даетъ токмо рану ощущать, но не показуетъ руки поражающей, или который, разлучая его отъ всей вселенной, и только на то осуждая жить, чтобъ умирать непрестанно, оставляетъ его подъ тяжестью оковъ, не вѣдуща ни своего доносителя, ни своего преступленія, удаленна отъ вольности, коея священный образъ скрытъ навсегда отъ глазъ его, удаленна отъ закона, долженствующаго въ темницѣ и въ заточеніи отвѣтствовать на вопль несчастнаго, его призывающаго. Маркъ Аврелій почиталъ всѣ обряды законовъ за преграды, кои благоразуміе воздвигло противъ неправосудія. При немъ исчезли тѣ преступленія, оскорбляющія величество, кои при недостойныхъ токмо государяхъ учащаются. Всякій доносъ отсылаемъ былъ къ обвиняемому съ именемъ доносителя: сіе на низкія души было обузданіемъ; сіе щитомъ было для тѣхъ, коимъ нечего страшиться, если токмо могутъ защищаться.

Граждане! несчастный въ гоненіи укрывается во храмахъ, гдѣ олтари боговъ объемлетъ. При Маркѣ Авреліи убѣжищемъ и храмами вашими были самыя судилища. Да всѣ страшащіеся утѣсненія, вѣщалъ онъ, прибѣгнутъ въ сіе священное убѣжище; тамо, и я клянуся въ томъ богами, если я утѣсню васъ когда-нибудь, хощу, о римляне! да обрящете защиту противъ самого меня.

И съ какимъ достоинствомъ сей великій мужъ бесѣдовалъ къ начальникамъ и судіямъ о ихъ должности. «Если случится вамъ судить непріятеля вашего, возрадуйтесь тому: вамъ предстоитъ случай

вдругъ и побѣдить страсть, и сотворить великое дѣло. Если восхотятъ развратить васъ почестьми за выслугу, то поставьте въ одну сторону цѣну, вамъ предлагаемую, а въ другую добродѣтель и право почитать самого себя. Если станутъ вамъ угрожать... Но вамъ кого страшиться? Мнѣ ль убоитесь досадить, дѣлая благо? Ненавидимы государемъ за ваше правосудіе, вы будете велики, а я безчестенъ и преступникъ». Тако духъ Марка Аврелія оживилъ всѣ государственныя судилища.

При немъ былъ слѣдственно судъ не издоимный, не лицепріятный, ни весьма спѣшный, ни весьма медленный. Не надлежало покупать его дарами; не надлежало исторгать его докучательствомъ. Вредное злоупотребленіе умножило дни, въ кои судилища были затворены, какъ будто бъ въ тѣ дни запрещено было богатому похищать, сильному вредить, несчастному чувствовать свои бѣдствія. Римляне! время текло для раздоровъ и злодѣйствъ, но теченіе его прерывалось для возстановленія порядка. Маркъ Авреліи исправилъ сіе злоупотребленіе: онъ чаялъ, что и въ самые священные дни творимое людямъ правосудіе не можетъ боговъ оскорблять, и святѣйшее изъ всѣхъ сокровищъ, время, отечеству было возвращенно.

Упражняясь во всеобщемъ управленіи, умѣлъ онъ находить часы и на то, чтобъ самому судить дѣла своихъ гражданъ. «Философъ! прервалъ нѣкто въ народѣ стоящій, я чту и удивляюсь Марку Аврелію равно съ тобою; но чаешь ли ты, что бъ власть судить не могла быть когда-нибудь опасна въ государѣ?»—Безъ сомнѣнія, отвѣтствовалъ Аполлоній, надлежитъ страшиться, что бъ, обыкнувъ къ самовластію, не захотѣлъ онъ быть вдругъ и судіею и закономъ, чтобъ рѣша одинъ, не обманулся, чтобъ присутствуя въ судилищѣ, не поколебалъ властію своею праводушіе судей, и чтобъ ласкательство не пожертвовало закономъ тому, кому вся суть возможна. Но сіи злоупотребленія, бывшія не рѣдко при тиранахъ вашихъ, приписывать надобно тому человѣку, который онымъ попускаетъ или оныя производитъ. Власть судить въ государѣ имѣетъ свои выгоды, когда онъ добродѣтеленъ. Я дерзаю сказать еще, что тогда государь ближе къ народу, что видитъ онъ подробности людскихъ несчастій, что мысль свою научается подчинять законамъ, и что стремительное всегда самовластіе обыкаетъ чувствовать воздерживающее его обузданіе. Таковъ былъ духъ Марка Аврелія въ его судебныхъ изреченіяхъ. Я не престаю еще воспоминать о правосудіи сего великаго мужа. При мнѣ самомъ проводилъ онъ безъ сна многія ночи, углубляясь въ важныя дѣла, требующія его рѣшенія: мы трудились совокупно. Нѣкогда хотѣлъ я преклонить его на отдохновеніе. «Аполлоній! отвѣтствовалъ онъ мнѣ, подадимъ примѣръ всѣмъ «тѣмъ жаждущимъ утѣхъ людямъ и на тяжесть дѣлъ негодующимъ, «кои мечтаютъ раздѣлять отъ трудовъ почести». Не удивляйтесь словамъ его: они приличны государю, который по пріятому прави-

лу былъ правосуденъ и который, по должности любя людей, о пользѣ всѣхъ рачилъ равномѣрно.

Здѣсь философъ остановился: онъ казался объятъ чувствованіемъ скорбнымъ и глубокимъ.

Признаюсь вамъ, римляне! вѣщалъ онъ: что нѣкая мысль меня обременяетъ, и она многажды возстенать меня побуждала; не могу безъ смущенія представитъ себѣ того безмѣрнаго неравенства, которое гордыня между людьми постановила. Всегда благотворящая природа создала существа въ свободѣ и равенствѣ; настало тиранство и сотворило существа слабыя и несчастныя. Тогда малымъ числомъ все объято стало; оно овладѣло вселенною и человѣческій родъ сталъ лишенъ наслѣдія. Отсюда родилось оскорбительное презрѣніе, и надменное высокомѣріе, и лютое господство, и сожалѣніе, изъявляемое гордынею, лютѣйшее самаго презрѣнія. Философія на престолѣ долженствовала отмстить за сію обиду, причиняемую человѣческому роду. О вы, не возшедшіе на степень ни патриціевъ, ни сенаторовъ, не изобилующіе богатствомъ! о граждане и люди! не страшусь я, что бъ тайныя ваши нареканія сообщались съ похвалами, коими чту память государя вашего. Сострадательная благость его зрѣла во всѣхъ чинахъ государственныхъ многочисленное токмо общество братій, друзей и сродниковъ. Колико разъ вы видѣли его соболѣзнующа о нуждахъ вашихъ, услаждающа ихъ щедротами и для познанія о нихъ проницающа даже во внутренности семействъ вашихъ? Въ отраду трудовъ, вами подъемлемыхъ, составлялъ онъ вамъ веселія и праздники, и прелестію зрѣлищъ исторгая бѣднаго отъ самого себя, остановлялъ онъ горестныя его чувствованія, или заставлялъ его забыть по крайней мѣрѣ на нѣсколько часовъ то благо, коимъ онъ не наслаждался. При немъ низкая порода не исключала отъ должностей и достоинствъ государственныхъ. Для различенія чиновъ Маркъ Аврелій сообразовался съ предразсужденіями, но для познанія цѣны человѣка судилъ онъ человѣка. Руки, влачившія плугъ, водили при немъ преторскія стражи, и для избранія супруга своей дщери обратилъ онъ очи на помпеянина, который, вмѣсто знатныхъ предковъ, имѣлъ единое достоинство. Союзъ съ добродѣтелью, вѣщалъ онъ, не можетъ владыку земнаго обезславить.

Здѣсь Аполлоній, обращая очи на собраніе римскаго народа, узрѣлъ Пертинакса. Сей былъ воинъ, прославленный побѣдами, и достоинство его долженствовало потомъ возвести его на тронъ. Онъ вступилъ тогда въ Римъ съ частію своего войска, препровождая тѣло Марка Аврелія. Стоялъ онъ нѣсколько одаль отъ тѣсноты народной, съ видомъ скорбнымъ, опершись руками на копье свое и къ столпу прислонясь спиною; Аполлоній вдругъ обратилъ къ нему слово:

Тобой еще свидѣтельствуюсь, Пертинаксъ! вѣщалъ онъ: ты имѣешь духъ признаваться, что рожденъ ты отъ раба, умершаго изъ рабства свобожденнымъ: симъ ты вящшее имѣешь право на наше почитаніе. Дерзаю днесь воспомянуть случившееся тебѣ подпаденіе подъ гнѣвъ монаршій, которое толикую же приноситъ честь тебѣ, какъ и государю твоему. Ты былъ обвиняемъ; онъ послушалъ навѣту, и ты виновнымъ казался. Скоро невинность твоя объяснилась; Маркъ Аврелій столь былъ великъ, что простилъ тебѣ обиду, которая отъ него тебѣ приключена. Онъ наревъ тебя сенаторомъ и консуломъ; люди, чтившіе себя твоими совмѣстниками, дерзали разглашать, что слава консульства уничтожена твоей породой. Возможно ль, возопилъ Маркъ Аврелій, чтобъ мѣсто Сципіоновъ унижено было тѣмъ воиномъ, который имъ подобенъ!

Возвышавшій симъ образомъ знаменитыхъ плебеянъ, не могъ забыть дворянства государственнаго, но хотѣлъ, чтобъ оно знатность свою дѣлами подкрѣпляло. Презиралъ его, если оно токмо что надменно; почиталъ его, если добродѣтельно; помогалъ ему, если оно бѣдно; не хотѣлъ онъ, чтобъ во градѣ, зараженномъ роскошью, тѣ души, коимъ надлежало быть щедролюбивыми, снисходили до позорныхъ способовъ къ своему набогащенію.

Вѣщая о томъ покровительствѣ, которое Маркъ Аврелій оказывалъ всякаго званія полезнымъ людямъ, могу ли я забыть, о римляне! и то, которое изъявлялъ онъ намъ самимъ, и всѣмъ тѣмъ, кои купно съ нимъ просвѣщали ученіемъ свой разумъ. Боги мнѣ свидѣтели, что не воспоминаніе гнусныя корысти привлекаетъ меня въ сей часъ похвалить Марка Аврелія. Если чрезъ шестьдесятъ лѣтъ не искалъ я почестей и не стремился къ богатству, если я, любимъ будучи симъ монархомъ, оправдалъ могущество мое новеденіемъ, если иногда, раздражаемъ будучи, не отвѣтствовалъ я иначе, какъ злобѣ благотвореніемъ, а клеветѣ дѣлами моими, то, можетъ быть, я имѣю право извѣщать все то, что сей великій мужъ содѣлалъ для философіи и наукъ. Не знаю, будутъ ли они имѣть еще нѣкогда въ Римѣ своихъ злодѣевъ; не знаю, изгнаніе и ссылка не будутъ ли паки участію нашею; но ни въ которое время не возможетъ умолкнуть въ насъ вопіющая природа и возвѣщающая намъ, что народы имѣютъ право быть благополучными. Мы скорбѣти будемъ о бѣдствіяхъ человѣческаго рода, и если въ какой нибудь части свѣта воцарится государь, подобный Марку Аврелію, который возвѣститъ, что хочетъ посадить съ собою на престолѣ нравоученіе и науки, тогда изъ среды убѣжищъ нашихъ всѣ мы единодушно, подъемля длани, боговъ благотворити будемъ. О если бъ могъ я здѣсь оживить колеблющійся гласъ мой! Маркъ Аврелій даетъ знакъ съ высоты Капитолія. Изъ всѣхъ частей государства всѣ любящіе и ищущіе истину стекаются окрестъ его. Онъ ободряетъ ихъ, покровительствуетъ имъ. Вы сами зрѣли его, уже въ императорскомъ

достоинствѣ, идущаго часто научатися въ народныя училища; казалось, что приходилъ онъ въ среду множества людей искати истины, бѣгущей отъ царей. При владѣніи его мы полезны были. Для насъ было бы довольно той славы; но сей великій мужъ восхотѣлъ пріобщить къ ней и почести. Онъ возвелъ многихъ изъ насъ на первыя государственныя степени и воздвигъ имъ кумиры возлѣ Катоновъ и Сократовъ. Римляне! если бъ тираны ваши могли изыти изъ гробовъ своихъ и явитися въ стѣнахъ вашихъ, колико удивились бы они, узрѣвъ собственные свои кумиры разбіенными и поверженными въ Римѣ, а на ихъ мѣстахъ послѣдователей тѣхъ самыхъ людей, конхъ влачили они въ темницы и конхъ кровь подъ мечами ихъ лилася!

Маркъ Аврелій, протекая всѣ гражданскія состоянія, снисходитъ взоромъ своимъ и на тѣхъ, кои столь несчастны, что не познавали добродѣтели. Благоразумные законы ставили преграду развращеніямъ, но первый законъ былъ — его примѣръ. Строгая непорочность его удивила сладострастныхъ. Души слабыя восприяли бодрствованіе добродѣтели; любочестивые для собственной своей пользы стали снисходительны. Сожалѣлъ онъ о неисправныхъ, осуждалъ ихъ, но не могъ рѣшиться ихъ возненавидѣть. Строгъ для самого себя, имѣлъ онъ кротое человѣколюбіе, столь свойственное слабости нашей. Недостойные люди дерзали раздражать его: онъ презиралъ мщеніе, во власти его состоящее, и философъ забывалъ обиду, причиненную государю.

Здѣсь Коммодъ въ лицѣ перемѣнился и глаза его воспылали. Казалось, что хотѣлъ онъ нѣчто изречи, но воздержался, а философъ продолжалъ:

Благость составляла свойство сего великаго мужа. Она была въ рѣчахъ его, она во всѣхъ чертахъ лица его изображалась. Но что вѣщаю я? Она была и самымъ божествомъ его. Воззри на Капитолію, гдѣ воздвигнутъ ей храмъ его руками! О Зиждитель всего міра! тебя и обожая прогнѣвляли почти всѣ живущіе на земли. Повсюду лютое суевѣріе имѣло свои храмы, гдѣ, укрощая гнѣвъ твой, приносило тебѣ стенанія и воплі жертвъ человѣческихъ. Маркъ Аврелій, понимая тебя благимъ существомъ, призывалъ помощь твою. Онъ таковымъ передъ людьми тебя изображалъ, каковымъ ты въ сердцѣ его былъ изображенъ. Нѣтъ! не забуду никогда дня того, торжественнаго часа того, въ который сей монархъ, яко первосвященникъ и владыка страны своей, вошелъ въ первый разъ во храмъ, посвященный *благости*, и возжегъ на олтарѣ первый фиміамъ среди радостныхъ восклицаній народа, который, казалось, принималъ самого Марка Аврелія божествомъ храма. О римляне! невозможно было предкамъ вашимъ осудить Манлія виновнымъ, доколѣ они имѣли передъ очами своими Капитолію, спасенную симъ

славнымъ воинномъ; а я возсылаю къ небесамъ молитву, да воззрѣніе на сей новый храмъ въ той же самой Капитоліи остановитъ государей вашихъ всякій разъ, какъ восхотятъ они содѣлать лютое и тиранское дѣяніе! Народы! да пріидутъ всѣ царствующіе впредь надъ вами передъ олтарь сей, да клянутся быть во благости подобными Марку Аврелію, и да навыкнутъ вѣрить съ нимъ сходственно, что всякая добродѣтель, творимая людямъ, есть благочестивое дѣяніе предъ самымъ божествомъ.

Въ семъ собраніи римскаго народа было множество чужестранцевъ и гражданъ всѣхъ частей имперіи. Одни давно жили въ Римѣ, другіе изъ разныхъ областей препровождали изъ почтенія гробъ Марка Аврелія. Вдругъ одинъ изъ нихъ (и сей былъ первый судія града, стоящаго у подошвы горъ Азійскихъ), возвыся гласъ свой,

«Витія! рекъ Аполлонію: ты повѣствуешь намъ о благодѣяніи Марка Аврелія къ частнымъ людямъ, впадшимъ въ злоключеніе; но вѣщай намъ и о томъ, которое являлъ онъ цѣлымъ градамъ и народамъ. Воспомни гладъ, Италію погубляющій. Мы слышали вопли женъ и дѣтей нашихъ, просящихъ отъ насъ пищи. Неплодныя поля наши и опустѣлыя торжища не представляли намъ никакія помощи. Мы возопили о ней къ Марку Аврелію, и гладъ утолился.» Тогда онъ подшелъ ко гробу, коснулся до него и рекъ: «Я приношу тлѣнію Марка Аврелія дань благодарности отъ всея Италіи.»

Предсталъ потомъ другой. Лице его опалено было отъ солнечнаго зноя. Черты его имѣли нѣчто гордѣливое, и главою своею превышалъ онъ предстоящихъ. Сей былъ африканецъ. Онъ возвысилъ гласъ свой и рекъ:

«Я родился въ Карѳагенѣ. Видѣлъ я домы и храмы наши всеобщимъ пожаромъ въ пепелъ обращенны. Избѣгнувъ отъ пламени и многіе дни скитаясь по развалинамъ и пепелищамъ, призвали мы на помощь Марка Аврелія. Маркъ Аврелій утолилъ лютость бѣдствій нашихъ. Карѳагена возблагодарила въ сей разъ боговъ за то, что зависѣла отъ Рима.» Онъ подшелъ ко гробу, коснулся до него и рекъ: «Я приношу тлѣнію Марка Аврелія дань благодарности отъ Африки.»

Трое жителей азійскихъ приступили. Единою рукою держали финіямъ, а другою вѣнцы, сплетенные изъ цвѣтовъ. Одинъ изъ нихъ началъ слово:

«Мы зрѣли въ Азіи носящую насъ землю подъ ногами нашими восколебавшуюся и три града наши упадшими отъ землетрясенія. Изъ среды сихъ развалинъ призвали мы на помощь Марка Аврелія, и грады наши возстали отъ паденія.» Они положили на гробъ фи-

міамъ и цвѣты, и рекли: «Мы приносимъ тлѣнію Марка Аврелія дань благодарности отъ Азіи.»

Наконецъ предсталъ мужъ съ Дунайскихъ береговъ. Онъ облеченъ былъ въ одежду варваровъ и держалъ палицу въ рукѣ своей. Израненное лице его было мужественно и грозно, но черты онаго, почти дикообразныя, казались въ сей часъ смягченными скорбію. Онъ приступилъ ближе и рекъ:

«Римляне! край нашъ опустошала язва. Вѣщаютъ, что претекла она вселенную и достигла до насъ отъ пареянскихъ предѣловъ. Смерть вселилась въ наши хижины. Она гналась за нами по лѣсамъ; мы не могли ни ловить звѣрей, ни сражаться. Все погибало. Я самъ ощутилъ сію страшную заразу, и уже не могъ сносить тяжести моего оружія. Въ толикомъ отчаяніи призвали мы на помощь Марка Аврелія. Маркъ Аврелій былъ нашъ богъ избавитель». Онъ подшелъ ко гробу, положилъ на него свою палицу и рекъ: «Я приношу тлѣнію твоему дань благодарности отъ двадесяти племенъ, избавленныхъ тобою.»

Днесь слышите, о римляне! продолжалъ паки Аполлоній, что попеченіе его распростерлось на всѣ концы міра. Чрезъ двадесять лѣтъ земля всѣ бѣдствія испытала, но природа даровала землѣ Марка Аврелія.

И сей великій мужъ имѣлъ своихъ злодѣевъ! Или должно, или хотятъ того превѣчныя судьбы, чтобъ добродѣтель никогда не могла обезоружить злобы? Римляне! наилучшіе государи ваши зрѣли на себя кинжалы изощренные. Нерва осажденъ былъ въ своихъ чертогахъ. Заговоръ былъ противъ Тита. Антонинъ и Траянъ принуждены были прощать возмутителей. И Маркъ Аврелій, самъ Маркъ Аврелій за жизнь свою сражался. Уже представляете вы въ мысляхъ Кассіево возмущеніе, мужа горда, дерзновенна, строга съ лютостію, выше мѣры сладострастна, хотяща быть иногда Катилиною, иногда Катономъ, безпредѣльна и въ добродѣтеляхъ и въ порокахъ своихъ: и сей варваръ, воспаливъ мятежъ, произносилъ имена добродѣтели и отечества, и возглашалъ о злоупотребленіи, о исправленіи, о благонравіи; ибо во всѣ времена общее благо служило предлогомъ злодѣянію, и въ самое утѣсненіе людей не переставалось имъ твердить о счастьѣ государства.

Я хотѣлъ бы предложить вамъ то время нашихъ лѣтописей, въ кое тираны ваши открывали заговоры, или укрощенный мятежъ торжествовали. Вы можете воспомнить объ ономъ: изгнаніе стало правомъ; государственныя причины служили оправданіемъ убивства. Никто изъ гражданъ невиненъ не былъ, если зналъ нѣкогда преступника. Пріятнѣйшія чувствованія природы вмѣнялись въ вину. Примѣчаемо было, не льются ль слезы изъ чьихъ очей втайнѣ надъ трупомъ друга своего, и мать, рыдающая о смерти сына, на казнь

была влачима. Надлежитъ отъ времени до времени воспоминать землѣ таковыя злодѣянія, дабы государи по безмѣрности своего мщенія научились страшиться безмѣрности своея власти. Днесь возвѣщу вамъ, какъ Маркъ Аврелій поступалъ. Принесли къ нему главу хищника престола, погибшаго отъ рукъ своихъ сопреступниковъ. Онъ отвратилъ очи свои и повелѣлъ сіи плачевные остатки предать землѣ съ честію. Воспріявъ надъ мятежниками власть, простилъ имъ преступленіе; онъ спасъ животъ всѣхъ тѣхъ, кои хотѣли похитить отъ него имперію. Но сего не довольно: онъ сталъ ихъ покровителемъ. Сенатъ отмститъ хотѣлъ государя своего, но онъ у сената просилъ помилованія своимъ непріятелямъ. «Я заклинаю васъ именемъ боговъ не проливати крови, вѣщалъ онъ; «да возвратятся изгнанные, да отдадутся имѣнія тѣмъ, отъ коихъ «оныя отняты. О если бы я могъ возставляти отъ гробовъ!» Не удивляйтесь же, римляне, что и самая семья Кассіева, которая въ другія времена ожидала бъ токмо гоненія и смерти, получила паки свою прежнюю знаменитость. Обратите сюда очи свои.

Воззрѣлъ народъ. У дверей единаго дома усмотрѣлъ онъ жену вида благороднаго и коея красота не помрачалась еще лѣтами. Она стояла возлѣ нѣкихъ переходовъ, на мѣстѣ нѣсколько возвышенномъ; покровъ не совсѣмъ былъ надѣтъ на главѣ ея; младенцы различнаго возраста ее окружали: были то жена и дѣти Кассіевы. Стоя далеко отъ философа, не могли они слышать слова его и устремляли токмо взоръ свой на сіе великое зрѣлище. Иногда мать взирала нѣжными очами на дѣтей своихъ; потомъ, вдругъ простерши руки ко гробу, казалась благодарящею Марка Аврелія за ихъ сохраненіе.

О народы! рекъ Аполлоній: се свидѣтели его милосердія. Успокоя Римъ, шествовалъ онъ въ Азію укротить страны поколебавшіяся; повсюду являлъ въ себѣ владыку благотворящаго, государя любомудраго, коего власти дерзали не признавать нѣкіе виновные грады. Были ему представлены бумаги мятежниковъ; онъ, не читавъ, предалъ ихъ огню. «Не хощу, рекъ онъ, быть принужденнымъ ненавидѣть.» Все къ ногамъ его повергается; онъ прощаетъ градамъ и странамъ; отъ востокъ приходятъ цари поклонитися ему; онъ сохраняетъ или обновляетъ тишину, и повсюду удивляетъ философіею, достойною престола. Наконецъ черезъ восемь лѣтъ возвратился онъ на Тибровы брега. Съ какимъ восторгомъ былъ онъ принятъ! Никогда толико добродѣтелей совокупно въ Римѣ не являлось: онъ съ просвѣщеніемъ Адріана соединилъ душу Тита, царствовалъ подобно Августу, сражался какъ Траянъ, прощалъ какъ Антонинъ. Блаженъ былъ народъ; великъ сенатъ; сами враги его

обожали; внѣшняя война прекращена стала побѣдами, междоусобная милосердіемъ; отъ Дуная до Евфрата, и отъ Нила до великія Британіи прекратились смятенія; все спокойно было; Европа, Азія и Африка наслаждались тишиною. Тогда въ другой разъ онъ восторжествовалъ. Люди отъ всѣхъ племенъ и послы отъ всѣхъ царей усугубляли великолѣпіе праздника. Во всѣхъ храмахъ лилась торжественная кровь; на олтаряхъ курился фиміамъ. Народъ съ восклицаніемъ окружалъ его кумиры и украшалъ ихъ цвѣтами. Повсюду раздавались радостные гласы; а онъ среди толикаго величества, въ торжественномъ шествіи, тихомъ и не пышномъ, наслаждался въ молчаніи блаженствомъ Рима и имперіи, и съ высоты Капитоліи казался зрящимъ на вселенную веселыми очами. Кто изъ васъ, о римляне! не возсылалъ тогда молитвъ, да сей великій мужъ безсмертенъ былъ бы или, по крайней мѣрѣ, даровали бъ ему боги долговременную старость? Но что! благотворительныя души толь рѣдки, а земля толь мало ими наслаждается! Но что! насъ бѣдствы окружаютъ, насъ они обременяютъ, и едва воцарится государь, радѣющій о единомъ услажденіи оныхъ, едва родъ человѣческій, поражаемый несчастіемъ, возстаетъ и начинаетъ паки блаженство обрѣтати, уже подпора, его держащая, упадаетъ и съ единымъ человѣкомъ гибнетъ счастіе цѣлаго вѣка. Маркъ Аврелій остался еще съ нами два года, какъ вѣчные враги сея имперіи въ третій разъ повлекли его въ германскіе предѣлы. Тогда, не взирая на слабость здравія, возвратился онъ къ Дунайскимъ брегамъ. Среди сихъ подвиговъ мы его лишились. Послѣдніе часы его (я самъ былъ имъ свидѣтелемъ и могу вамъ о нихъ повѣствовать) были достойны мужа великаго и мудраго. Терзающая болѣзнь не возмущала духа его. Обыкнувъ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ размышлять о природѣ, научился онъ познавать ея законы и онымъ повиноваться. Помню я, что вѣщалъ онъ мнѣ нѣкогда: «Аполлоній, все окрестъ меня перемѣняется; вселенная дня сего не есть дня вчерашняго, а заутра тою же не будетъ. Между всѣми движеніями сими могу ли я одинъ пребыть неподвижимъ? Должно, чтобъ быстрина сія и меня съ собою повлекла. Все предваряетъ меня, что и я нѣкогда быть престану. Земля, по коей я ступаю, была попираема ногами милліоновъ людей, кои не существуютъ нынѣ. Лѣтописи царствъ, развалины градовъ, сосуды пепла хранящіе, кумиры — все сіе не воспоминаетъ ли намъ то, чего ужь больше нѣтъ? Солнце, на кое ты взираешь, ихъ токмо гробы освѣщаетъ». Тако сей философствующій государь упражнялъ заблаговременно и укрѣплялъ душу свою. Когда пришелъ самый конецъ жизни, онъ не изумѣлся отъ него. Римляне! великій мужъ умирающій имѣетъ въ себѣ нѣчто почтенное и величественное; кажется, что по мѣрѣ отторженія его отъ земли пріемлетъ онъ нѣчто отъ того божественнаго и недовѣдомаго естества, съ которымъ соединиться идетъ. Ослабѣвающія руки его осязалъ я

благоговѣйно, и одръ, на коемъ ждалъ онъ смерти, мнѣ нѣкимъ святилищемъ казался. Въ то время воинство въ уныніе поверглось. Подъ наметомъ своимъ стенялъ ратникъ. Сама природа казалась скорбяща. Помрачились небеса надъ Германіею. Вихри клонили верхи лѣсовъ, окружающихъ станъ римскій, и сіи печальные виды казались умножающими отчаяніе наше. Хотѣлъ онъ нѣкое время остаться наединѣ, чтобъ, можетъ быть, предъ вышнимъ существомъ прейти мысленно житіе свое, или чтобъ прежде смерти предаться еще размышленію. Наконецъ повелѣлъ онъ призвати насъ къ себѣ. Всѣ други сего великаго мужа и старѣйшины воинства окрестъ его стали. Онъ былъ блѣденъ, очи его почти угасли и уста оледенѣли. Въ сей самый часъ усмотрѣли мы въ лицѣ его нѣкое нѣжное смятеніе. Государь! онъ на единый мигъ казался оживленнымъ для тебя. Хладная рука его указала тебя всѣмъ предстоящимъ старцамъ, служившимъ подъ его повелѣніями. Онъ препоручилъ имъ юность твою. «Будите ему вмѣсто отца, рекъ онъ имъ; увы! будите ему вмѣсто отца.» Тогда подалъ онъ тебѣ таковые совѣты, каковые умирающій Маркъ Аврелій сыну своему подать долженствовалъ, и скоро потомъ лишился его Римъ и вселенная.

При сихъ словахъ всѣ римляне стали отъ горести неподвижны. Умолкъ Аполлоній. Потекли слезы изъ очей его; повергся онъ на гробъ Марка Аврелія. Долю держалъ оный въ своихъ объятіяхъ, и возставъ вдругъ,

Но ты, наслѣдникъ сего великаго мужа, возопилъ Аполлоній: о сынъ Марка Аврелія, о мой любезный сынъ! позволь тако нарещи тебя старцу, зрѣвшему твое рожденіе и носившему на рукахъ своихъ тебя младенцемъ суща. Помяни бремя, наложенное на тебя богами. Помяни должности владыки и правы подданныхъ. Сужденному царствовать, должно тебѣ быть или мужемъ праведнѣйшимъ, или паче всѣхъ виновнѣйшимъ. Сынъ Марка Аврелія усомнится ль въ таковомъ избраніи! Скоро скажутъ тебѣ, что ты всемогущъ, но обманутъ тебя: предѣлы власти твоея суть въ законѣ. Скажутъ еще тебѣ, что ты великъ, что ты своимъ народомъ обожаемъ. Внемли: когда Неронъ заключилъ въ темницу брата своего, тогда ему сказуемо было, что онъ спаситель Рима; когда умертвилъ онъ жену свою, тогда предъ нимъ похваляемо было его правосудіе; когда лишилъ онъ жизни мать свою, тогда убійственныя его руки лобызаемы были и множество стеклось во храмы боговъ благодарить. Не ослѣпляйся также и почитаніями. Если ты не будешь добродѣтеленъ, то почтенъ будешь наружно и ненавидимъ внутренно. Повѣрь мнѣ, что не льзя обмануть народовъ. Ни въ чьемъ сердцѣ оскорбленное правосудіе не усыпляется. Царь міра! ты можешь меня заставить умереть, но не можешь заставить сердца моего почитать

тебя. Прости сіи слова, о сынъ Марка Аврелія! я вѣщаю тебѣ именемъ боговъ, именемъ ввѣренной тебѣ вселенной; вѣщаю тебѣ для блаженства людей и твоего. Нѣтъ! не будешь ты безчувственъ къ толико чистой славѣ. Я достигаю до конца моея жизни. Скоро соединюсь съ твоимъ родителемъ. Если ты будешь правосуденъ, да ожиду и я еще, созерцая твои добродѣтели. Если жъ нѣкогда...

Вдругъ Коммодъ, который облеченъ былъ въ воинскую одежду, копіемъ своимъ потрясъ грозно. Вся римляне побледнѣли. Аполлоній пораженъ былъ бѣдствіями, упрежающими Риму. Онъ не могъ окончить слова своего. Сей почтенный старецъ сокрылъ лице свое покровомъ. Остановленное шествіе погребенія паки путь свой востріяло. Народъ слѣдовалъ въ изумленіи и глубокомъ молчаніи. Онъ познали, что Маркъ Аврелій весь сокрытъ во гробѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ

I. ПОЯСНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТЕКСТУ.

Къ Бригадиру.

1) Къ стр. 3. Чтеніе «любезныхъ романовъ» было въ модѣ между такъ называемыми *щеголихами*, т. е. женщинами-кокетками; оно удобно совмѣщалось съ самыми варварскими привычками крѣпостнаго права. Въ «Живописцѣ» (л. XXXII) одинъ сынокъ разсказываетъ: «матушка моя, пришедши изъ конюшни, въ которой по обыкновенію ежедневно дѣлала расправу крестьянамъ и крестьянкамъ, читаетъ бывало французскую любовную книжку и мнѣ всѣ прелести любви и нѣжности любезнаго пола по-русски ясно пересказываетъ». Слѣдовательно, отвращеніе Совѣтницы къ barbarie (дѣйствіе III явл. 3), когда Бригадиръ собирается «выхватить ребро сыну», никакъ не слѣдуетъ считать искреннимъ. Мягкосердечіе «щеголихъ»—весьма сомнительнаго свойства.

2) Къ стр. 8. Здѣсь указывается на первый манифестъ Екатерины II о лихоимствѣ, отъ 18-го іюля 1762 г., спустя 20 дней послѣ ея воцаренія. Въ этомъ манифестѣ лихоимство осуждалось съ неслыханною до того времени рѣзкостью: «мы уже отъ давняго времени слышали довольно, а нынѣ и дѣломъ самымъ увидѣли, до какой степени въ государствѣ нашемъ лихоимство возросло, такъ что *едвали есть малое самое мѣсто правительства, въ которомъ бы божественное сіе дѣйствіе* (т. е. судъ) *безъ зараженія сей язвы отправлялося*».

3) Къ стр. 9. Постоянство въ супружеской жизни считалось въ то время *предразсудкомъ*, какъ видно изъ нѣсколькихъ стиховъ «Посланія къ слову такъ», напечетаннаго въ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова» (ч. III, стр. 38). Здѣсь жена проситъ мужа позволить ей *помахать*, т. е. избрать себѣ поклонника, для того «чтобъ свѣту показать, что мы живемъ *по модѣ*». Мужъ поощряетъ ее, и она говоритъ:

Mon coeur très obligé,
Вѣдь вѣрность наблюдать, конечно, préjugé?
И вѣрность въ женщинѣ не глупости ли знакъ!
Тутъ мужъ ей говоритъ: такъ, маменька, такъ, такъ!

Развратъ вошелъ въ обычай и даже считался признакомъ образо-

ванности. Взглядъ на самую любовь былъ совершенно чувственный и не шелъ далѣе того, что любовь «томитъ и услаждаетъ кровь». (См. оду «къ любви» въ IV ч. Собес., стр. 174).

4) Къ стр. 20. Поклоненіе Франціи дошло тогда до высшей степени, и быть въ Парижѣ считалось верхомъ возможнаго благополучія. «Молодой путешественникъ — говорится въ Собесѣдникѣ люб. рос. сл. (ч. XIII, стр. 37) — спѣшитъ въ Парижъ, чтобы перенять разныя моды и со вкусомъ одѣваться, въ Римъ—чтобы посмотрѣть на хорошія картины, въ Лондонъ—чтобы побывать на конскомъ ристаніи и на дракѣ пѣтуховъ; но поговорите съ нимъ о правахъ, законахъ, обычаяхъ народныхъ, онъ скажетъ вамъ, что во Франціи носятъ короткіе кафтаны, въ Англіи ѣдятъ пуддингъ, въ Италіи — макароны». Къ такимъ путешественникамъ относилась рѣзкая насмѣшка «Трутня», объявлявшаго въ одномъ изъ своихъ листковъ (л. VI, изд. П. А. Ефремова, стр. 38) о прибытіи въ Россію «молодаго россійскаго поросенка, который ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума и который, объѣздивъ съ пользою, возвратился уже совершеннымъ свиньею».

5) Къ стр. 23. Обращеніе отцовъ съ дѣтьми было вообще жестоко въ то время и не было стѣсняемо предписаніями закона. Въ «Живописцѣ» (л. 24, изд. П. А. Ефремова, стр. 144—145) напечатано письмо матери (напоминающей собою *Бригадиршу*) къ сыну Ѳалалею, въ которомъ она предостерегаетъ его такимъ образомъ: «что ты это, другъ мой сердечный, накудесилъ? пропала бы твоя головушка: вѣдь ты не теперь знаешь Панкратьевича (отца—отставнаго драгунскаго ротмистра). Какъ ты себя не бережешь? ну кабы ты, бѣдненькій, попался ему въ руки, такъ вѣдь бы онъ тебя *изуродовалъ пуще божьяго милосердія*. Нечего, Ѳалалеюшка, норовокъ то у него, прости Господи, чертовскій; *ужъ ли я ему не угождаю, да и тутъ никогда не попаду въ ладъ*. Какъ закуралеситъ, такъ и святыхъ вонъ понеси... *побереги ты, мой батька, самъ себя*, не разсердя отца то еще: съ нимъ и чортъ тогда уже не совладѣетъ».

6) Къ стр. 25. Сынъ «Бригадира» недоволенъ своимъ отцемъ; но, при его крайней неразвитости, недовольство это обращается только на внѣшнюю сторону жизни, на грубые пріемы отца. Обрывки матеріалистическихъ понятій (д. III, явл. I), нахватанныя бригадирскимъ сыномъ во Франціи, подорвали въ немъ чувство раболѣпія къ старшимъ, но не просвѣтили ума на столько, чтобы понимать сущность зла, исходную причину неуваженія къ человѣческой личности. За это Ф.-Визинъ и предаетъ его посмѣянію.

7) Къ стр. 27. Т. е. *разстрѣляли*.

8) Къ стр. 29. «Адская Почта» (журналъ Эмина) свидѣтельствуетъ: «хотя многіе указы гласятъ, чтобъ приказные не брали взя-

токъ; но они увѣряютъ, что ничего не брать отъ просителей есть дѣло *сверхъестественное*» (Ад. П. стр. 217). Подобная откровенность даже цѣнилась въ то время, потому что скрытное взяточничество вредило гораздо болѣе, какъ видно изъ сатиры Кантемира:

Драчъ совѣсть выдаетъ свою за образецъ;
А *Драчъ* такъ истцовъ дралъ, какъ алчный волкъ овецъ;
Онъ былъ моимъ судьей и другомъ быть мнѣ клялся,
Я взятки дать ему, *не зная его, боялся*;
Соперникъ мой его и зналъ, и самъ былъ плутъ,
Разграбя весь мой домъ, позвалъ меня на судъ.
Напрасно бралъ себѣ законъ я въ оборону:
Драчъ правдой покривить умѣлъ и по закону;
Тогда пословица со мной сбылася та,
Что хуже воровства честна̀я простота:
Меня жъ разграбили, меня жъ и обвинили,
И вору заплатить безчестье осудили.

9) Къ стр. 39. Здѣсь выражается презрѣніе къ литературѣ, свойственное всѣмъ людямъ этого типа. Позднѣе оно проявилось у Скалозуба въ словахъ: «фельдфебеля въ Вольтеры дамъ». Бригадиръ самъ указываетъ (дѣйств. I, явл. I-е), что онъ читалъ только Артикулъ, Уставъ воинскій и Межевую *инструкцію*.

10) Къ стр. 39. Взяточники были часто и ханжами. Ихъ религіозность — подкупъ соблюденіемъ обрядовъ. Совѣтникъ увѣренъ (дѣйств. 2, явл. 3), что «нѣтъ грѣха, иже не можетъ быть очищенъ покаяніемъ», т. е. платою за исповѣдь, и продолжаетъ, съ спокойной совѣстью, обирать просителей. Яркіе примѣры сочетанія ханжества съ взяточничествомъ приведены въ *Живописцѣ* Новикова.

11) Къ стр. 40. Остатокъ прежнихъ, до-петровскихъ понятій, когда дородность уважалась, какъ признакъ барской, обезпеченной жизни. Во многихъ случаяхъ эта дородность служила замѣною нравственныхъ качествъ; такъ напр. «Трутень» разсказываетъ о дворянинѣ, который «ѣздилъ въ Москву, чтобы сыскать учителя 15 лѣтнему сыну своему, но не нашедъ искуснаго, возвратился и поручилъ воспитаніе дьячку своего прихода, *человѣку весьма дородному*» (Л. XVI). О познаніяхъ этого педагога и не справлялись.

Къ Недорослю.

12) Къ стр. 49. Первые указы о «недорослѣхъ» относятся ко времени Петра I-го: дворянскимъ дѣтямъ было повелѣно явиться на службу немедленно; въ случаѣ неповиновенія, ихъ высылало мѣстное начальство; не получившіе свидѣтельства въ томъ, что обучались наукамъ, не имѣли право жениться. Въ послѣдующія царствованія эти указы не разъ подтверждались; въ царствованіе Елизаветы (въ

1742 и 1747 г.) недорослямъ приказано было два раза являться на смотръ въ столицы: въ первый разъ семи лѣтъ, во второй—двѣнадцати. По осмотрѣ распредѣляли ихъ въ школы; неявившихся предписано—отдавать въ солдаты и матросы. Укрыватели недорослей подвергались наказанію. Съ размноженіемъ казенныхъ школъ и частныхъ пансіоновъ, прекратились особыя постановленія о недорослѣхъ. Но старая привычка, противъ которой ратовалъ Петръ I-й, долго сохранялась въ русскомъ дворянствѣ: родители неохотно разставались съ своими дѣтьми, отдаляя по возможности срокъ поступленія ихъ на службу.

13) Къ стр. 53. Жалкое положеніе крестьянъ подтверждается многими свидѣтельствами. Въ «Отрывкѣ изъ путешествія», напечатанномъ въ «Живописцѣ», говорится: «Бѣдность и рабство повсюду встрѣчались со мною въ образѣ крестьянъ. Непаханныя поля, худой урожай хлѣба возвѣщали мнѣ, какое помѣщики тѣхъ мѣстъ о земледѣліи прилагали раченіе. Маленькія, покрытыя соломою хижины, дворы, огороженные плетнями, небольшіе одонья хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота — подтверждали, сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны... Не пропускалъ я ни одного селенія, чтобы не распрашивать о причинахъ бѣдности крестьянской. И слушая ихъ отвѣты, къ великому огорченію всегда находилъ, что *помѣщики ихъ сами тому были виною*». Въ «Наказѣ» читаемъ: «новозаведенный способъ отъ дворянъ сбирати свои доходы въ Россіи уменьшаетъ народъ и земледѣліе; всѣ деревни почти на оброкѣ. Хозяева, не бывъ вовсе или мало въ деревняхъ своихъ, обложатъ каждую душу по рублю, по два и даже по пяти рублей, не смотря на то, какимъ способомъ ихъ крестьяне достаютъ сіи деньги. Весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ законъ, чтобъ они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы» (гл. XII). Почти вся книга *Радищева* «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» посвящена описанію дурнаго положенія крестьянъ.

14) Къ стр. 56, 69, 70 и 92. Галлицизмъ (faire sa fortune), также какъ и предъидущая фраза того же явленія: «радуюсь, сдѣлавъ ваше знакомство» (je suis bien aise de faire votre connaissance). Равно и на стр. 69: être indifférent; на 70: prendre congé; на 92: faire son devoir.

15) Къ стр. 58. Въ «Учрежденіи для управленія губерній», 1775 г., сказано: «Намѣстникъ не есть судья, но оберегатель изданнаго узаконенія, ходатай за пользу общую и государеву, заступникъ утѣсненныхъ и побудитель безгласныхъ дѣлъ... Онъ имѣетъ пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и разорительную, обуздывать излишество, безпутство, мотовство, *тиранство и жестокость*». Какъ представитель намѣстника, Правдинъ,

въ концѣ комедіи, отбираетъ въ оброку имѣнье Простакова «за безчеловѣчіе жены его».

16) Къ стр. 58. Въ «Наказѣ» читаемъ: «Петръ первый узаконилъ въ 1722 г., чтобы безумные и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотрѣніемъ опекуновъ: по первой статьѣ сего указа чинится исполненіе; а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася — неизвѣстно».

17) Къ стр. 63. Кн. Вяземскій передаетъ разсказъ, что слово «зацѣпы» Ф.-Визинъ слышалъ во время драки двухъ женщинъ и занесъ его въ свою комедію.

18) Къ стр. 65. Надъ *ломаными*, т. е. надъ дробями.

19) Къ стр. 70. Въ «Наказѣ» говорится: «Добродѣтель съ заслугою возводитъ людей на степень дворянства. *Добродѣтель* и *честь* должны быть по моему правилами, предписывающими любовь къ отечеству, *ревность* къ *службѣ*, послушаніе и вѣрность къ государю и безпрестанно внушающими не дѣлать никакого безчестнаго дѣла... Лишити дворянства никого не можно, кромѣ того, который самъ себя лишилъ онаго своими, основанію его достоинства противными, поступками и сдѣлался чрезъ то званія своего недостойнымъ».

20) Къ стр. 70. *Лабрюеръ* говоритъ: «Il y a pour arriver aux dignités ce qu'on appelle la grande voie où le chemin battu, il y a le chemin detourné ou de traverse, qui est le plus court (Les caractères, ch. VIII). Та же мысль высказана въ сочиненіи *Дюфрени:* «Les amusements sérieux et comiques».

21) Къ стр. 71. У *Дюфрени* находимъ: «Ce sentier est si étroit, qu'un ambitieux ne saurait y faire son chemin, sans renverser l'autre. Le malheur est que ceux, qui sont sur leurs pieds, ne relevent guère ceux, qui sont tombés».

22) Къ стр. 71. Въ «Словѣ похвальномъ Марку Аврелію» также встрѣчаются нападки на придворную жизнь: «что жъ похвала дворская? есть дань, приносимая отъ корысти силѣ или отъ подлости гордынѣ».

23) Къ стр. 74. Т. е. купить образъ того святаго, имя котораго носитъ офицеръ.

24) Къ стр. 80. Простонародное слово, составившееся вѣроятно изъ *сей есть*.

25) Къ стр. 83. Въ комедіи императрицы Екатерины II-й: «Г-жа Вѣстникова съ семьею» (написана въ 1772 г.) Вѣстникова говоритъ о гувернерѣ своего сына: «ужасть какъ мнѣ хочется выгнать эту харю изъ дома; да ужъ и обѣщали мнѣ достать какого-то другаго учителя, который гдѣ-то былъ скороходомъ; а этотъ пусть себѣ *по прежнему* опять *пойдетъ въ кучера* къ кому-нибудь».

26) Къ стр. 85. Русскій переводъ этого сочиненія появился только въ 1858 г., въ «Педагогическомъ Вѣстникѣ».

27) Къ стр. 86. У Дюкло: «On déclame beaucoup depuis un temps contre les préjugés: peut-être en a-t-on trop détruit... Je ne puis me dispenser à ce sujet de blâmer les écrivains qui, sous prétexte, ou voulant de bonne foi attaquer la superstition, ce qui serait un motif louable et utile, si l'on s'y renfermait en philosophe citoyen, sapent les fondements de la morale et donnent atteinte aux liens de la société» (Considérations sur les moeurs de ce siècle», ch. III).

28) Къ стр. 87. Въ «Словѣ Марку Аврелію» говорится: «Есть злые люди, но они тебѣ полезны. Безъ нихъ, чтобъ нужды было и въ добродѣтели. Ты сѣтуешь на неблагодарныхъ! Подражай природѣ; она все даетъ людямъ, и ни чего отъ нихъ не ожидаетъ».

29) Къ стр. 87. Подобныя же разсужденія о знатности повторяются у Ф.-Визина въ «Опытѣ россійскаго сословника», при объясненіи словъ: «низкій, подлый».

30) Къ стр. 88. По мнѣнію Стародума *честность* есть первое достоинство человѣка. То же говорится въ «Опытѣ россійскаго сословника» въ опредѣленіи словъ: «безпорочность, добродѣтель, честь». Заимствованія, сдѣланныя Ф.-Визинымъ у французскихъ писателей, будутъ указаны ниже, въ примѣч. къ «Опыту сословника».

31) Къ стр. 93. Это указаніе различія между «храбростью сердца» и «неустрашимостью души» заимствовано у Жирара: «La *bravoure* est dans le sang, le *courage* est dans l'âme. Le courage paraît plus propre au général et à tous ceux qui commandent; la bravoure est plus nécéssaire au soldat et à tous ce qui reçoit des ordres. La première (la bravoure) est une espèce d'instinct; le second (le courage) est une vertu. On est *brave* à telle heure et suivant les circonstances; on a du *courage* à tous les instants et dans toutes les occasions» (Diction. univers. des synonymes; édit. 1822).

32) Къ стр. 98. Въ повѣсти Вольтера (Jeannot et Colin) *Маркизъ* говоритъ о своемъ сынѣ: Ne pourrait-on pas lui montrer un peu de géographie»? а гувернеръ возражаетъ: «A quoi cela lui servira-t-il? quand monsieur le marquis ira dans ses terres, les postillons ne sauront-ils pas les chemins?»

33) Къ стр. 101. Въ «Наказѣ»: «Вольность есть право все то дѣлати, что законы дозволяютъ... государственная вольность во гражданинѣ есть спокойство духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностью: и чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такову, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ бояться другаго, а боялись бы всѣ однихъ законовъ» (Нак., §§ 38, 39). Въ «Словѣ Марку Аврелію» вольность опредѣляется такимъ же образомъ, какъ «первое право человѣка,

право повиноваться единымъ законамъ и кромѣ ихъ ничего не бояться». Въ другомъ мѣстѣ того же «Слова» сказано: «человѣкъ, рожденный свободнымъ, но въ необходимости быть управляемъ, покорился законамъ, но никогда не покорялся прихотямъ государскимъ... ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права повелѣвать другимъ самовольно».

34) Къ стр. 101. Маркъ Аврелій, государь примѣрный по мнѣнію Ф.-Визина, также стремился «возвысить души своихъ подданныхъ». Въ «Слогѣ» читаемъ: «вооруженный всею силою неограниченной власти, Маркъ Аврелій слагаетъ ее съ себя добровольно. Дабы не употребить во зло своего могущества, ограничиваетъ оное со всѣхъ сторонъ, умножаетъ силу законовъ, которую многіе императоры истребить хотѣли; возвращаетъ отъятую власть судіямъ, кои часто были или рабы, или *истуканы*».

35) Къ стр. 102. Изъ «Записокъ» маіора Данилова (1771 г.) видно, что первымъ учителемъ его былъ пономарь Брудастый, а затѣмъ—*дворовый человѣкъ*, компаньонъ и наставникъ въ одномъ лицѣ.

36) Къ стр. 102. «Опытъ доказалъ—говорится въ докладѣ Бецкаго (1764)—что одинъ только украшенный или просвѣщенный разумъ не производитъ еще добраго, прямаго гражданина; напротивъ, онъ становится вреднымъ для того, у кого съ юныхъ лѣтъ не вкоренена въ сердцѣ добродѣтель... При недостаткѣ *нравственнаго* воспитанія напрасно ласкать себя ожиданіемъ истинныхъ успѣховъ въ наукахъ и искусствахъ». Взглядъ Стародума на значеніе и цѣль воспитанія вообще совпадаетъ со взглядомъ «Наказа»: «должно вселять въ юношество страхъ божій, утверждать сердце ихъ въ похвальныхъ склонностяхъ и пріучать ихъ къ основательнымъ и *приличествующимъ состоянію* ихъ правиламъ, возбуждати въ нихъ охоту къ трудолюбію и чтобы они страшились праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія» (Нак., гл. XVI, § 856).

37) Къ стр. 105. Указъ Петра III, давшій дворянству многія важныя преимущества.

Къ Выбору гувернера и Коріону.

38). Къ стр. 113. Въ словахъ Сеума и Нельстецова о *воспитаніи* и *знатной породѣ* повторяются тѣ же мысли, которыя высказывалъ Стародумъ въ разговорѣ съ Правдинымъ и Софьею.

39) Къ стр. 119. Фонъ-Визинъ, вмѣстѣ съ большинствомъ тогдашнихъ образованныхъ людей, не одобрялъ переворота, уже начинавшагося во Франціи. Осуждая безпощадно весь порядокъ дѣлъ во Франціи (какъ это видно изъ «писемъ къ гр. П. И. Панину»), Фонъ-Визинъ, по странной непослѣдовательности, отвергалъ радикальныя мѣры къ измѣненію этого порядка.

40) Къ стр. 120. Это мѣсто заимствовано буквально изъ книги *Лябомеля* («Мои мысли»): «Le plus grand politique est toujours le meilleur calculateur. Le génie politique est, de l'aveu même du géomètre, bien supérieur à l'esprit géometrique. Il y a cent Eulers, il y a cent Newton pour un Colbert, comme il y a mille Colberts pour un Montesquieu. Le premier calcule les passions, le second les nombres» etc. etc.

41) Къ стр. 128. Эта пьеса передѣлана изъ Грессе («Сидней»). Жанъ-Батистъ-Луи *Грессе* (Gresset) род. 1709, ум. 1777 г. Онъ прославился своею поэмой *Vert-Vert*, въ которой главное дѣйствующее лицо — попугай, наслушавшійся разныхъ рѣчей въ обществѣ монаховъ и монашенокъ. Кромѣ того, онъ написалъ трагедію «Эдуардъ III», комедію: Le méchant, переводилъ Виргилія и пр.

Къ статьямъ въ прозѣ.

42) Къ стр. 170. Философъ Каллисѳенъ, жившъ 360 — 328 г. до Р. Х.

43) Къ стр. 186. Болѣзнь наслѣдника и единственнаго преемника русскаго престола считалась важною государственною опасностью, а выздоровленіе обрадовало всѣхъ. Впечатлѣніе, произведенное словомъ Фонъ-Визина, было такъ сильно, что И. И. Дмитріевъ, спустя 50 лѣтъ, помнилъ наизустъ начало этой рѣчи, слышанной имъ въ дѣтствѣ на семейномъ чтеніи (Ф.-Виз., кн. Вяземскаго, стр. 261).

44) Къ стр. 199. Погрѣшности этого «Опыта» заключаются или въ смѣшеніи словъ однозначащихъ съ подобнозначащими и церковнославянскихъ съ русскими, или въ произвольныхъ и неопредѣленныхъ толкованіяхъ, на что указывалъ Ф.-Визину одинъ критикъ во 2-й части «Собесѣдника люб. рос. слова». Всѣ почти реченія, внесенныя въ «Опытъ», заимствованы Ф.-Визинымъ изъ Жирарова Словаря синонимовъ (Dictionnaire universel des synonymes de la langue française). Но въ частныхъ разъясненіяхъ словъ Ф.-Визинъ уклоняется отъ своего образца и нерѣдко сочиняетъ самъ примѣры, которыми оправдывается различіе между словами. Почти буквально переведены изъ Жирара объясненія словъ: робкій, трусливый, полно, довольно, проступокъ, вина и пр., помогать, пособлять и пр., совершить и пр., правота, всегда, влюбленный, миръ, тишина и покой. Другія заимствованія болѣе передѣланы Ф. Визинымъ. (См. Библ. Зап. 1858 г., № 13, ст. г. Галахова).

45) Къ стр. 208. Надежды Ф.-Визина не сбылись: продолженіе его вопросовъ не появилось въ печати, и самъ авторъ, боясь упрека въ *свободоязычіи*, готовъ былъ лучше обвинить себя въ «неумѣньи написать внятно» (См. Письмо къ Сочинителю «Былей и Небылицъ»).

Несмотря на 5-й отвѣтъ, судебные процессы все-таки не печатались при Екатеринѣ II-й. Была только одна попытка въ этомъ родѣ: въ 1791 г. *Василій Новиковъ* сталъ издавать «Театръ судовѣдѣнія или чтеніе для судей», гдѣ печатались замѣчательныя судебныя дѣла — иностранныя и нѣсколько русскихъ — обыкновенно такихъ, за которыя, по словамъ издателя, не льзя было «не восплескать мудрости судей». «Театръ судовѣдѣнія» прекратился по выходѣ шести книжекъ. Наконецъ, въ 1796 г., сентября 16, послѣдовалъ именной указъ Сенату «объ ограниченіи свободы книгопечатанія и ввоза иностранныхъ книгъ, объ учрежденіи на сей конецъ цензуръ и *объ упраздненіи частныхъ типографій*» (Полн. Собр. Зак. № 17, 508). Печатать судебныя рѣшенія — было ужъ нѣгдѣ. 15-й вопросъ относился къ *Льву Александровичу Нарышкину*, шталмейстеру Екатерины II-й и приближенному человѣку. Нарышкинъ прославился въ свое время разными чудачествами и остротами.

46) Къ стр. 208. Подобный взглядъ на писателей былъ довольно распространенъ между вельможами того времени: изъ «Записокъ» Державина мы видимъ, что кн. Вяземскій (его начальникъ) «не могъ равнодушно говорить съ новопрославившимся стихотворцемъ, привязывался во всякомъ случаѣ къ нему, не токмо насмѣхался, но и почти ругалъ, проповѣдуя, что стихотворцы неспособны ни къ какому дѣлу».

47) Къ стр. 211. Подъ именемъ «Сочинителя Былей и Небылицъ» Екатерина II печатала свои статьи въ «Собесѣдникѣ».

48) Къ стр. 212. Нечего говорить, что этотъ священникъ—лицо вымышленное. Фонъ-Визину просто хотѣлось представить образчикъ проповѣди, приспособленной къ нравамъ и языку крестьянъ.

49) Къ стр. 216. О гр. Н. и П. Панинныхъ см. книгу *П. Лебедева*: «Опытъ разработки новѣйшей русской исторіи по неизданнымъ источникамъ» (Спб. 1863).

50) Къ стр. 219. Лица эти были: Бакунинъ, Фонъ-Визинъ и Убри.

51) Къ стр. 227. По возвращеніи изъ путешествія (въ 1788 г.) Ф.-Визинъ хотѣлъ, подъ этимъ названіемъ, издавать сатирическій и нравоучительный журналъ, но петербургская полиція запретила ему это изданіе (см. письмо на стр. 356).

52) Къ стр. 238. Полагаютъ, что первая идея подобной грамматики въ шутливомъ родѣ принадлежитъ Сумарокову, написавшему истолкованіе личныхъ мѣстностей: я, ты, онъ и пр. Сумароковъ говоритъ: «въ брани относится отрицаніе ко второму лицу единств. числа, напр. *ты человѣкъ нечестный*, изъ чего слѣдуетъ иногда пощечина, но то уже *касается до троповъ*.»

Къ письмамъ.

53) Къ стр. 267. Сальдернъ требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ совершеннаго затворничества и отчужденія отъ польскаго общества. Марковъ не повиновался этому требованію и даже согласился быть посредникомъ въ перепискѣ своего отсутствовавшаго друга съ одною изъ варшавскихъ красавицъ. Одно изъ этихъ писемъ попалось въ руки Сальдерна; онъ вспылилъ и, не довольствуясь бранью, арестовалъ Маркова.

54) Къ стр. 268. Объ этомъ духовникѣ Булгаковъ писалъ Фонъ-Визину такъ: «есть еще здѣсь человѣкъ, всякой чести достойный и обѣщаетъ вамъ первую вакансію на лонѣ авраамлѣ, если вы съ нимъ покажете милость, показанную его собратіямъ. Вы догадаться можете, что я хочу говорить о попѣ посольства. Сей слуга божій и духовникъ посольства имѣлъ вдохновеніе, что его товарищамъ жалованье прибавлено, а онъ обойденъ.»

55) Къ стр. 294. Гр. П. И. Панинъ писалъ къ Фонъ-Визину (отъ 12 янв. 1772 г.): «Признайтесь и вы съ любезнымъ моимъ братцемъ, что немного удаляется отъ существенной истины и сіе, что *приписанія къ умершимъ происходятъ отъ потомства чаще изъ списковъ, руками льстецовъ или порабощенцевъ сочиненныхъ;* а древностію миновавшаго времени утвердило многое въ вѣроятіе къ людямъ то, что похищено у другихъ. Почему долгъ каждаго къ себѣ и благоразуміе требуютъ всѣми возможными образами предостерегаться, дабы пріобрѣтаемое справедливѣйшими подвигами не переносилось утвердительными видами на другихъ». Фонъ-Визинъ возражалъ на это, что заслуги общественныхъ дѣятелей рано или поздно выясняются и оцѣниваются какъ должно, и что «одинъ добрый и справедливый историкъ задавляетъ тысячи подлыхъ писателей».

56) Къ стр. 302. Этотъ манифестъ, сочиненный королемъ прусскимъ, показываетъ, что мысль о раздѣлѣ Польши и главная инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежатъ Фридриху II.

57) Къ стр. 342. Отзывъ Ф.-Визина о парижскомъ обществѣ слишкомъ рѣзокъ и одностороненъ. За гнилью придворной жизни авторъ не замѣтилъ или, вѣрнѣе, не оцѣнилъ какъ слѣдуетъ того умственнаго движенія, которое охватывало тогда всѣ мыслящія головы. Интересно сличить его отзывъ съ мнѣніемъ Гиббона, высказаннымъ около того же времени: «Говорите, что вамъ угодно, о легкомысліи французовъ; но я увѣряю васъ, что въ 15 дней моего пребыванія въ Парижѣ я слышалъ больше дѣльныхъ разговоровъ, достойныхъ памяти, и видѣлъ больше просвѣщенныхъ людей изъ порядочнаго круга, чѣмъ сколько случалось мнѣ слышать и видѣть въ Лондонѣ въ двѣ-три зимы». (Lettre de M. Gibbon à m-me Gibbon, sa belle mère. Paris. 1763).

58) Къ стр. 343. Мнѣніе совершенно несправедливое. Что д'Аламберъ *не шарлатанъ* въ наукѣ, этого не стоитъ доказывать; но что онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и *честный* человѣкъ — это видно изъ его отношеній къ Екатеринѣ II. Деньги и почести не заманили его въ Россію. Дидро, правда, побывалъ въ Петербургѣ, но также велъ себя съ достоинствомъ: не унижался, не подличалъ. Вспомнимъ, что говорила объ этомъ писательницѣ княгиня Дашкова, женщина безспорно умная и развитая: «Я очень любила въ Дидеротѣ—говоритъ она въ своихъ запискахъ—даже и запальчивость его, которая была въ немъ плодомъ смѣлаго воззрѣнія и чувства; откровенность его, искренняя любовь, которою любилъ онъ друзей своихъ, геній его, проницательный и глубокомысленный.... привязали меня къ нему на всю жизнь. Я оплакала смерть его.... Худо умѣли цѣнить эту необыкновенную голову: добродѣтель и правота руководствовали всѣми его поступками и общее благо было исканіемъ и страстью его постоянными.»

59) Къ стр. 344. У Дюкло: «Le grand défaut du Francais est d'avoir toujours le caractère jeune: par là il est souvent aimable et rarement sûr; il n'a presque point d'âge mur et passe de la jeunesse à la caducité».

60) Къ стр. 345. У Дюкло: L'égalité est un bien, quand elle part d'un principe du gouvernement; elle est un très grand mal, quand elle ne vient, que des moeurs, parceque cela n'arrive jamais, que par leur corruption.»

61) Къ стр. 345. У Дюкло: «On trouve parmi nous beaucoup d'instruction et peu d'education. On y forme des savants, des artistes, de toute espèce, mais on ne s'est pas encore avise de former des hommes». Слѣдующая затѣмъ мысль о *новыхъ планахъ* въ воспитаніи тоже заимствована у Дюкло (См. Ф.-Визинъ, соч. кн. Вяземскаго, стр. 136).

62) Къ стр. 549. Это раздѣленіе безбожниковъ на нѣсколько классовъ заимствовано Фонъ-Визинымъ у Дидро («Pensées philosophiques.») Только Фонъ-Визинъ говоритъ объ однихъ фанфаронахъ, а Дидро признавалъ существованіе честныхъ и искренникъ атеистовъ, «qui vous disent nettement, qu'il n'y a point de Dieu et qui le pensent». Объ этихъ атеистахъ Дидро сожалѣлъ; но впослѣдствіи онъ же (см. Lettre sur les aveugles) утверждалъ, что атеизмъ слѣпорожденнаго Сондерсона есть самое логическое міровоззрѣніе. Вольтеръ по поводу этого «Письма» сказалъ: «je vous avoue, que je ne suis point du tout de l'avis de Saunderson, qui nie un Dieu, parcequ'il est né aveugle.... Il me parait bien hardi denier qu'il est».

А. Пятковскій.

II. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

1) *Сочиненія, письма и переводы.*

1761.

1. «*Басни нравоучительныя съ изъясненіями господина Барона Гольберга* (*), *перевелъ Денисъ Фонъ-Визинъ*». Переведены въ 1761 г. и изданы были въ Москвѣ. Тамъ-же вышло «2-е изданіе съ поправленіемъ прежняго. Печатаны при Имп. Моск. Унив-тѣ 1765 года» (въ 12 д. л., 225 стр.). *Третье* изд. сдѣлано тоже въ Москвѣ—(тип. комп. типографической. 1787). Нѣсколько басенъ перепечатано у кн. Вяземскаго («Ф.-Визинъ», стр. 320—325).

2. Правосудный Юпитеръ—въ журналѣ «Полезное увеселеніе» на 1761 г. (Журналъ этотъ издавался въ Москвѣ Мих. Матв. Херасковымъ на 1760, 1761 и 1762 годы).

1762.

3. *Лисица-Кознодѣй, басня.* Одно изъ самыхъ раннихъ произведеній Ф.-В., вѣроятно написанное около 1762 г. Въ біографіи, при изданіи 1829 г., неправильно означено, что басня написана на смерть кн. Потемкина. Она напечатана въ «*Растускающемся цвѣтникѣ*, или собраніи разныхъ сочиненій и переводовъ, изд. въ 1787 г., подъ руководствомъ М. М. Снегирева питомцами вольнаго благороднаго пансіона при моск. университетѣ». Ф.-В. самъ отдалъ ее для напечатанья. Перепечатана безъ перемѣнъ въ 7 изданіяхъ и отдѣльно съ «Посланіемъ къ слугамъ» (М. 1830, въ 12 д. л., 15 стр.)

4. *Эпиграмма.* Написана вѣроятно около 1762 г., а напеч. въ «*Памятникѣ Отеч. Музъ*» на 1827 годъ, изд. *Борисомъ Федоровымъ* (Спб. 1827 г. стр. 132). Перепечатана въ изданіяхъ 1829, 1830 г. (первое) и у г. Перевлѣскаго.

5. *Альзира или американцы, тр. Вольтера.* Перевед. въ 1762 г. въ Москвѣ, но не напеч.—Н. И. Гречъ смѣшалъ этотъ переводъ съ сдѣланнымъ П. Карабановымъ и потому ошибочно указываетъ на печатное изданіе 1786 г. («Опытъ краткой ист. русской лит.», стр. 197). Въ примѣчаніяхъ къ рукописному «Посланію» А. С. Хвостова сохранилось только 5—6 строкъ изъ этого перевода, не попавшихъ въ печать, при напечатаніи «Посланія» кн. Вяземскимъ и въ «Библіотекѣ для Чтенія»:

...Ахъ что предпринимаешь?
Ты смерть противъ себя напрасно воружаешь,
Что могутъ произвесть теперь твои друзья,

(*) О Гольбергѣ см. примѣч. на стр. 462.

Оружье слабое и сила вся твоя?
Безсильны мраморы, въ песокъ преобращенны,
И воины почти во всемъ необученны.(Актъ 2, сцена 4).

6. *Господина Менандра* изысканіе о зеркалахъ древнихъ. Изъ 23 Tom. Histoire *des* Academie des Inscriptions et belles Lettres. Перевелъ *Д. Фонъ-Визинъ*. («Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствій». Изданіе І. Г. Рейхеля. М. 1762. Т. 1-й, ч. І-я, стр. 1—8).

7. *Торгъ семи музъ*. Изъ Кригеровыхъ сновъ. 13.—Перевелъ *Денисъ Фонъ-Визинъ* (ib. Т. І, ч. І, стр. 74 — 83). Передѣлка этого перевода на русскіе нравы помѣщена была въ *Живописцѣ* Н. И. Новикова на 1772 г. (листъ 2, стр. 217—224, а по VII изд. 1864 г. стр. 169—177).

8. *Разсужденіе господина Ретшпейма* о приращеніи рисовальнаго художества, съ наставленіемъ въ начальныхъ основаніяхъ онаго. Перевелъ *Д. Фонъ-Визинъ* (ib. Т. І, ч. 2, стр. 151—213).

9. *Господина Ярта* разсужденіе о дѣйствіи и существѣ стихотворства. Изъ книги Magazin Français. Перевелъ *Д. Фонъ-Визинъ* (ib. Т. ІІ, ч. 3-я, стр. 120—143) (*).

10. *Овидіевы превращенія*. Переводъ, сдѣланный около 1761—62 г. не сохранился. Указаніе на него осталось у *Рейхеля* въ «Собраніи лучшихъ сочиненій» (М. 1762, ч. 3, стр. 104): «Можетъ быть, переведенныя имъ (Ф.-Визинымъ) на россійскій языкъ Овидіевы превращенія будутъ большимъ еще доказательствомъ его способности»...

11. *Слово, говоренное, по совершеніи Высочайшаго Коронованія* Ея Всепресвѣтлѣйшаго Величества, Благочестивѣйшія Великія Государыни, Екатерины Вторыя, Императрицы и Самодержицы Всероссійскія, въ публичномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета *октября 3-го дня, 1762 году*, Исторіи профессоромъ, Университетскимъ библіотекаремъ и Лейпцигскаго собранія свободныхъ наукъ членомъ, *Іоганномъ Готфридомъ Рейхелемъ* о томъ, что *науки и художества процвѣтаютъ защищеніемъ и покровительствомъ владѣющихъ особъ и великихъ людей въ государствѣ*. Перевелъ *Денисъ фонъ Визинъ*. Печатано при Имп. Моск. Университетѣ. (Въ 4 д. л., стр. 12).

12. *Геройская добродѣтель, или жизнь Сифа, царя Египетскаго*, изъ

(*) Можетъ быть къ этому же времени, а можетъ быть къ 1784—1785 г., когда Фонъ-Визинъ покупалъ картины для торговли Клостермана, относится сохранившійся въ Публичной библіотекѣ отрывокъ *біографическаго словаря живописцевъ и скульпторовъ*, напечатанный въ нынѣшнемъ изданіи *въ первый разъ*, по рукописи, прочитанной А. П. Пятковскимъ.

таинственныхъ свидѣтельствъ древняго Египта взятая. Перевелъ Денисъ Фонъ Визинъ. 4 части. Печатана при Имп. Моск. университетѣ (въ 12 д. л.): часть I: 1762 г. (212 стр.); часть II: 1763 года (227 стр.); часть III: 1764 года (237 стр.) и часть IV: 1768 года (360 стр.). На IV-й части имени переводчика нѣтъ, а сказано: «Переведена съ французскаго языка», въ замѣнъ бывшаго на 3 частяхъ означенія: «Перевелъ Денисъ Фонъ-Визинъ».

Аббатъ Террасонъ (*) окончилъ Сиѳа (въ подлинникѣ Séthos) въ 1731 г, но книга эта сначала не пользовалась извѣстностью во Франціи и на нее обратили тамъ вниманіе только по выходѣ нѣмецкаго (1732—1737) и англійскаго перевода, и авторъ былъ сдѣланъ членомъ Французской Академіи. Сиѳъ писанъ въ подражаніе «Телемаку», но гораздо серьезнѣе и умнѣе его, да и написанъ талантливѣе. Въ особенности славилась рѣчь главнаго Мемфисскаго жреца, произнесенная при погребеніи царицы, Сиѳовой матери. Объ этой рѣчи кн. Вяземскій приводитъ цитату Рейхеля, что, по словамъ Д'Аламбера, Платонъ присовѣтовалъ бы ее читать въ назиданіе царямъ, и что Тацитъ восхитился бы ею (Ф.-В. стр. 33). Въ настоящемъ изданіи изъ «Сиѳа» перепечатана эта рѣчь; она была помѣщена у кн. Вяземскаго (Ф.-В., стр. 326—329)и у г. Перевлѣскаго (стр. XXXVII—XXXVIII). Въ «Собраніи лучшихъ сочиненій (1762 г., ч. 3) былъ помѣщенъ переводъ ея, сдѣланный Рейхелемъ.

1763.

13. *Письма къ сестрѣ*, Ѳедосьѣ Ивановнѣ, изъ Спб., I, V—VIII—съ 10 авг. по конецъ декабря 1763 г. Письмо № 1 напеч. у кн. Вяземскаго, съ пропусками и измѣненіями слога. Здѣсь *исправлено*, а V—VIII *въ первый разъ напечатаны* по рукописямъ Академіи Наукъ.

14. *Письма къ родителямъ*, изъ Спб. II, III и IV—августъ и сентябрь 1763 г. напечатаны *въ первый разъ по рукописямъ*.

15. *Посланіе къ слугамъ*. По указанію м. Евгенія, оно появилось въ первый разъ въ печати въ Москвѣ, въ 1763 г., ко время даннаго отъ двора народу публичнаго маскарада, на масляницѣ, когда на три дни во всѣхъ московскихъ типографіяхъ позволена была свобода печатанія, потомъ еще дважды: въ Москвѣ и въ Воронежѣ. Указаніе это совершенно ни на чемъ не основано, ибо и разрѣшенія такого вовсе никогда не было. Написано *посланіе* безъ сомнѣнія въ 1763 г., но напечатано *въ первый разъ*, въ Петербургѣ, по всей вѣ-

(*) Аббатъ Жанъ Террасонъ (1670—1750), членъ Франц. Акад., болѣе всего прославился «Сиѳомъ»; кромѣ того онъ написалъ «Dissertation critique sur l'Iliade d'Homere, Trois lettres sur le nouveau système des finances», и др.

роятности, въ *Пустомель*, ежемѣсячномъ сочиненіи на 1770 годъ (см. стр. 98 — 103, изд 1858 г.). Сопиковъ указываетъ отдѣльное изданіе 1769 г., но его никто не видѣлъ; хранящееся же въ Имп. Публ. Библ. и напоминающее по шрифту изданія 1769 г. не имѣетъ означенія времени печатанія (7 стран.). Перепечатано безъ перемѣнъ въ 7 изданіяхъ и у Перевлѣскаго; отдѣльно издано въ 1830 г. съ басней «Лисица-Кознодѣй», и приложено къ изданіямъ: Предсказанія Мартына Задека о паденіи Турціи (Спб. 1770, 1798 и 1807); Сидней и Силли, переводъ Ф.-В. (2-е изд. М. 1788), и Жизнь нѣкотораго мужа (Спб. 1791). Изданія, сдѣланнаго въ Воронежѣ, на которое указываетъ м. Евгеній, никто не видѣлъ (*).

16. *Матюшка разнощикъ. Критическое посланіе въ стихахъ.* Не напечатано и до сихъ поръ не отыскано. О немъ упоминаютъ Н. И. Новиковъ, митр. Евгеній, кн. Вяземскій и др. и осталось указаніе на него въ «Посланіи» А. С. Хвостова.

17. *Посланіе къ Ямшикову.* Написано вѣроятно въ 1763—1764 г. Всего посланія въ рукописяхъ не сохранилось, а уцѣлѣвшій отрывокъ былъ напечатанъ кн. Вяземскимъ въ «альманахѣ на 1838 годъ» и потомъ въ книгѣ «Фонъ-Визинъ» (Спб. 1848). Нигдѣ перепечатано не было.

18. *Къ уму моему.* Написано, вѣроятно, около этого же времени и принадлежитъ къ числу тѣхъ сатиръ и стихотвореній, которыя прилагалъ Ф.-Визинъ къ письмамъ своимъ къ сестрѣ, въ 1763—1764 г. Напечатано въ первый разъ у Пл. Бекетова (1830) и оттуда перепечатано въ 4 слѣдующихъ изданіяхъ.

19. *Любовь Кариты и Полидора.* Переведена съ французскаго. Печатано въ Санктпетербургѣ 1763 (Въ мал. 12 д. л., 147 стр.). Этимъ (очень плохимъ) переводомъ романа Бартелеми (**) Ф.-Визинъ вѣроятно думалъ познакомить читателей съ древней Греціей, какъ въ переводѣ Сиѳа — съ Египтомъ. Полидоръ, сынъ Пизистрата, удалившагося вслѣдствіе разныхъ происковъ изъ Аѳинъ, влюбленъ и готовъ жениться на Каритѣ, дочери благородной вдовы Стероны, живущей тоже въ уединеніи. Въ самый день сватьбы являются критяне брать съ грековъ дань юношами и дѣвицами въ жертву минотавру. Жребій падаетъ на Кариту и ее уводятъ на корабль.

(*) С. Д. Полторацкій полагаетъ, что «Посланіе» было приложено къ 1-е изданію «Сиднея и Силли», но этого изданія нигдѣ нѣтъ и не видавъ его не льзя рѣшить, что при немъ было приложеніе, находящееся при 2-мъ изданіи.

(**) Жанъ-Жакъ Бартелеми (1716—1795) извѣстенъ своими учеными трудами и романомъ: Voyage du jeune Anacharsis en Grèce (1788). Планъ этого соч. заимствованъ имъ у Террасона.

Полидоръ, въ женскомъ платьѣ, ѣдетъ съ нею проститься, но не можетъ уйти съ корабля. Критяне, найдя одну дѣвицу лишнюю, по жребію освобождаютъ Кариту и высаживаютъ на какой-то островъ. По этому поводу описывается жизнь обитателей греческаго Архипелага. Полидоръ освобождается между тѣмъ отъ смерти, ибо Тезей убилъ минотавра. Случай опять сводитъ его съ Каритою, но они попадаютъ къ морскимъ разбойникамъ. Полидоръ проданъ въ рабство, въ г. Сестосъ въ Херсонесѣ, во время праздника Адониса, и отвезенъ въ Абидосъ. Карита между тѣмъ спасена отъ разбойниковъ, но спаситель ея погибъ близъ Коринѳа отъ гиганта Синиса, убитаго потомъ Тезеемъ же. Здѣсь любовники встрѣчаются и снова хотятъ вступить въ бракъ, но въ Кариту влюбляется главный жрецъ эскулапова храма, куда они пошли просить боговъ о выздоровленіи заболѣвшаго старика, у котораго жила Карита. Ее удерживаютъ въ храмѣ, а Полидора гонятъ. Онъ въ отчаяніи, но въ это время къ городу подходитъ аѳинскій флотъ подъ начальствомъ Писистрата. Полидоръ является къ нему и отецъ узнаетъ сына. Городъ взятъ, Карита найдена спрятанною отъ жреца благодушнымъ критяниномъ. За тѣмъ бракъ. Все это переплетено описаніями Греціи, греческой жизни и разсказами о греческихъ миѳахъ. Въ 1790 г. вышелъ въ Москвѣ другой переводъ этого же сочиненія, сдѣланный *Вас. Заозерскимъ*, гораздо ближе къ подлиннику и удовлетворительнѣе по языку.

1764.

20. *Письма къ сестрѣ* изъ Спб., IX, X, XI, январь и февраль 1764. Напеч. у кн. Вяземскаго; здѣсь *исправлены и дополнены* по рукописямъ Академіи Наукъ.

21. *Письмо къ родителямъ*, изъ Спб. XII—сентябрь, 1764 г. Напеч. въ «Библ. Запискахъ» 1859 г. № 1.

22. *Коріонъ. Ком. въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ.* Эта передѣлка изъ *Грессе* (*) сдѣлана Ф.-В. вѣроятно въ 1764 г., потому что Лукинъ въ предисловіи къ своей комедіи «Награжденное постоянство», между прочимъ, говоритъ: «Три въ прошломъ годѣ (1764) представленныя комедіи: *Французъ Русской*, *Коріонъ* (изъ дѣлъ г. Грессета, гдѣ она подъ именемъ Сиднея всему ученому свѣту извѣстна, передѣлана и перименована г. Фонъ Визинымъ) и *Награжденная добродѣтель* вытерпѣли жестокое нападеніе, и хотя оно совсѣмъ неосновательно было, однако многихъ поборниковъ по себѣ имѣло» (Соч. и пер. Вл. Лукина, 1765, ч. 1, стр. IX—X). Лукинъ при этомъ не берется оправдывать Фонъ-Визина, потому что онъ

(*) О Грессе см. примѣчаніе 41 на стр. 658.

«имѣетъ больше его способностей и знанія». Первое изданіе «Коріона» никому неизвѣстно, и всѣ писавшіе о Ф.-Визинѣ удостовѣряли, что «Коріонъ» не былъ отданъ въ печать. Мнѣ, впрочемъ, случилось встрѣтить при одной изъ книгъ, изданныхъ въ Спб. въ 1792 г., «Роспись книгамъ продающимся, такъ же напечатаннымъ и печатающимся въ Спб. по Невской Перспективѣ у Аничковскаго Моста, въ домѣ гр. Дмитрія Александровича Зубова». Въ «Росписи» этой означены, между прочимъ: «Бригадиръ комедія. Соч. г. Фонъ Визина. 70 коп.», «Коріонъ, его же. 70 коп.», «Недоросль, его же. 70 коп.». Вѣроятно это изданіе исчезло изъ продажи, какъ первыя изд. «Бригадира» и «Сиднея и Силли», которыя рѣшительно никому неизвѣстны. Первое нынѣ извѣстное изд. Коріона сдѣлано въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1835 г. (№ 12, стр. 121—160), по рукописи, найденной въ бумагахъ В. А. Озерова. Текстъ небреженъ и съ пропусками стиховъ. Онъ еще болѣе искаженъ при перепечаткѣ въ 3 смирдинскихъ изданіяхъ. Нынѣ поставлены точки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ясный пропускъ и даже не выходитъ мѣры стиха, такъ напр. въ 3 д., 3 явл. (стр. 158) у Грессе:

Rosalie: Il faut sauver ses jours,
Peut-être en ce malheur il est quelque secours.
Hamilton: Je me charge de tout; comptez sur moi; j'y vole,
Ne l'abandonnez pas. *(il sort).*
Sidnei: Espérance frivole!

и въ явленіи 4—5.

Sidnei. J'ai blessé sa puissance, il en punit mon coeur.
Ham. (à Dumont). Que n'obéis tu?
Sidnei. Non, non; ma mort est trop sûre.
Dumont. Ah! vous vous regrettez? j'entreprends cette cure....

Замѣчательно, что О. И. Сенковскому и А. В. Тимоѳееву показалось, будто пьеса не окончена, и они придѣлали къ ней конецъ до того глупый, что совѣстно его перепечатывать (см. «Б. для Чт.» 1835 г. № 12, стр. 157—160). Кн. Вяземскій слишкомъ строго отозвался объ этой передѣлкѣ Сиднея на русскіе нравы. Она лучше многихъ современныхъ ей русскихъ комедій.

1766.

23. *Письма къ сестрѣ* изъ Спб., XIII и XIV, январь и апрѣль 1766. Напечатаны: 2-е въ «Отеч. Зап.» Свиньина 1829 г. (т. XL, № 115, стр. 169—180) и дважды въ книгѣ г. Перевлѣскаго (стр. 174 и 269); и оба письма у кн. Вяземскаго. Здѣсь *дополнены и исправлены по рукописямъ* Академіи Наукъ.

24. *Письмо къ родителямъ* изъ Спб., XV—іюнь 1766 г. Напечатано у Пл. Бекетова, въ 4 слѣд. изданіяхъ, и у г. Перевлѣскаго.

25. *Бригадиръ, комедія въ 5 д.* Основываясь на неточномъ указаніи «Чистосердечнаго Признанія», полагали, что Бригадиръ оконченъ и прочитанъ императрицѣ въ 1764 г. М. Н. Лонгиновъ, указавъ, что въ 1764 г. Екатерины II въ іюнѣ мѣсяцѣ не было въ Петергофѣ, отнесъ чтеніе Бригадира къ 1765 г., какъ ближайшему. Но изъ офиціальныхъ источниковъ извѣстно, что и въ 1765 г. императрица вовсе не жила лѣтомъ въ Петергофѣ, а въ іюнѣ съ 18 числа по 1 іюля была безвыѣздно на маневрахъ въ Красномъ селѣ, гдѣ и праздновалось тезоименитство великаго князя (29 іюня—день чтенія Бригадира въ Петергофѣ). Въ 1767 г. императрица весь годъ была въ путешествіи, а въ 1769 г. въ Петербургѣ уже не было тѣхъ лицъ, которымъ Ф.-В. читалъ Бригадира (см. «Чист. Пр.»). Итакъ остается рѣшить: въ 1766 г. или 1768 г. былъ оконченъ и читанъ Бригадиръ. Пока останавливаемся на 1766 г., во 1) какъ ближайшемъ къ указанію «Чист. Признанія», во 2) потому что время пребыванія двора въ Петергофѣ, переѣзда его въ Петербургъ и потомъ въ Царское Село, указываемое офиціальными источниками, совпадаетъ почти до точности съ указаніями «Чист. Пр.». Одно только обстоятельство противорѣчитъ 1766 году: упоминаніе въ разговорѣ Теплова объ оберъ-прокурорѣ П. П. Чебышовѣ, который въ эту должность назначенъ былъ 24 октября 1768 г. Можетъ быть Ф.-В. смѣшалъ разговоръ объ оберъ-прокурорѣ И. И. Мелиссино съ разговоромъ объ атеистѣ Чебышовѣ, вскорѣ заступившемъ мѣсто Мелиссино.

Когда напечатанъ Бригадиръ въ первый разъ, также неизвѣстно. По указанію митр. Евгенія, первое изд. вышло въ Спб. въ 1783 г., безъ означенія года и мѣста печати; у Сопикова показано петербургское изданіе 1786 г., а у Плавильщикова и Смирдина только изданіе 1817 (Спб. въ 8 д. л. 112 стр.). Но первое изданіе, а равно и какія либо другія изданія Бригадира, сдѣланныя въ XVIII ст., не сохранились ни въ Публичной, ни въ Академической библіотекахъ и ихъ никто не имѣлъ подъ руками. Есть только перепечатка, въ XXXIII части *Россійскаю Θеатра* (Спб. 1790 г., на стр. 5—132). Бригадиръ въ нынѣшнемъ столѣтіи перепечатывался множество разъ (въ томъ числѣ въ 1828 г. *два* раза) и помѣщенъ безъ измѣненій во всѣхъ 7 изданіяхъ сочиненій Ф.-В. и въ изданіи г. Перевлѣскаго. Объ успѣхѣ Бригадира сохранились извѣстія въ сатирическихъ журналахъ: «*Трутнь*» (1769) «*Пустомель*» (1770 г.) и въ «*Драматическомъ словарѣ*» (М. 1787). Объ успѣхѣ этой комедіи упоминаетъ и г. *Арапов*ъ въ «Драматическомъ Альбомѣ», изданномъ въ Москвѣ въ 1850 г.

26. *Торгующее дворянство противуположенное дворянству военному,* или два разсужденія о томъ, служитъ ли то къ благополучію государства, чтобы дворянство вступало въ купечество? Съ прибавленіемъ особливаго о томъ же разсужденія *г. Юстія.* Переводилъ

Денисъ Фонъ Визинъ. Въ Спб. 1766 года. Въ 8 д. л., стр. кромѣ загл. л. 6 нен. (предисловіе г. Юстія) и 138.

Въ Mercure de France (1754) были напечатаны «замѣчанія» маркиза *де-Лассе* о купечествѣ; авторъ признавалъ торговлю важною отраслію госуд. благосостоянія, а купечество — важнымъ классомъ въ государствѣ, но считалъ зломъ для государства, если дворянамъ будетъ позволено торговать, находя, что основаніе монархіи—честь, которая пріобрѣтается славою оружія. Монтескье раздѣлялъ это мнѣніе. Противъ этихъ «замѣчаній» написана книга «Торг. Дв.» (1756) аббатомъ *Куайе* (Coyer), воспитателемъ герцога Бульонскаго. Онъ доказывалъ пользу для государства, если дворянство будетъ заниматься торговлею, и подкрѣплялъ свои доводы сочиненіемъ Вобана: Système de la dîme royale, гдѣ объяснено важное значеніе торговли, которую будутъ производить дворяне. Въ опроверженіе Куайе вышла въ 1756 г. книга: «Военное дворянство или французскій патріотъ». На систему Куайе она смотритъ какъ на стремленіе къ разрушенію монархіи, которой отличіе (по Монтескье) — честь, главное сословіе — дворянство, и главное занятіе дворянства — военная служба. *Юсти*, нѣмецкій юристъ, перевелъ книгу Куайе, снабдивъ ее своими примѣчаніями. Въ де-Лассе и Куайе видитъ онъ патріотовъ, но отдаетъ преимущество мнѣнію послѣдняго, однако не желаетъ ему успѣха, ради нѣмецкихъ интересовъ, полагая, что съ бо́льшимъ увеличеніемъ французской торговли участіемъ дворянства, она, въ соединеніи съ торговлею Англіи, подавитъ развитіе торговли въ др. странахъ, напр. въ Германіи. Фонъ-Визинъ взялся за переводъ этой книги, вѣроятно, видя въ ней указаніе такихъ недостатковъ французскаго благороднаго общества, которые прилагались и къ его русскимъ современникамъ, к. напр. превратное понятіе о чести, дошедшее до того, что дворянинъ считалъ за безчестье что-нибудь дѣлать и пр. Характеристическія мѣста изъ этого перевода перепечатаны въ статьѣ г. Галахова, въ «Библ. Запискахъ» 1858 г., № 13.

27. *Письма къ родителямъ* изъ Спб., XVI—XIX, апрѣль—сентябрь 1768 г. Напеч. здѣсь XVI и XVII *въ первый разъ по рукописямъ*; XVIII у Пл. Бекетова, въ 4 слѣд. изданіяхъ и у г. Перевлѣскаго, XIX въ Библ. Запискахъ 1859 г. № 1, а здѣсь *дополнено по рукописи* (*).

1769.

28. *Письма къ И. П. Елагину.* Напечатаны у Пл. Бекетова (1830), въ слѣд. изданіяхъ, и у г. Перевлѣскаго. Ихъ относили въ 1764 г.; но

(*) Письмо сестры Ф.-Визина, отъ 7 іюля 1765 г. напечатано *полнѣе* въ Библ. Зап. 1859 г. № 1; здѣсь перепечатано въ первый разъ; письма братьевъ Ф.-В., отъ 23 янв. 1767 г., 26 іюня 1768 г. и 26 марта 1769 г. *напечатаны здѣсь по рукописямъ.*

по указаніямъ, приведеннымъ въ началѣ 1-го письма, видно, что они писаны въ 1769 г. Въ этомъ отчасти подверждаетъ и упоминаніе Ф.-В. о томъ, что всѣ его братья въ Петербургѣ, тогда какъ еще въ 1766 г. (письмо № 13) двое изъ нихъ были въ Москвѣ: одинъ еще учился, а другой, вѣроятно въ ожиданіи поступленія въ корпусъ, «съ печи прыгалъ».

29. *Сидней и Силли, или благодѣяніе и благодарность*, Аглинская но вѣсть. Печатана при имп. моск. университетѣ, 1769 года. *Тоже* изданіе второе. М. Въ тип. компаніи типографической, 1788. Въ 8 д. л., 82 стр. (изъ которыхъ стр. 78—82 заняты перепечаткою «Посланія къ слугамъ»).

При переводѣ этой повѣсти Арно находится слѣдующее посвященіе Фонъ-Визина:

«Къ госпожѣ....

«Слѣдуя волѣ твоей, перевелъ я Сиднея, и тебѣ приношу пере«водъ мой. Что мнѣ нужды, будутъ ли хвалить его другіе? Лишь «бы онъ понравился тебѣ. Ты одна всю вселенную для меня состав«ляешь».

Посвященіе это, вѣроятно, относится къ предмету любви Ф.-В., о которомъ онъ упоминаетъ въ«Чист. Приз.» (см. выше, стр. 542). Къ этому же посвященію и переводу относятся стихи А. С. Хвостова въ сатирѣ на Ф.-В.: «а твой другой *Сидней* не есть ли намъ доводъ, что дружбы сдѣлать ты удобенъ переводъ». Перваго изданія нигдѣ нѣтъ, но мѣсто и время его печатанья указано въ объявленіи о книгахъ, приложенномъ къ 1-му изданію *Іосифа* и въ періодическомъ изданіи *Еженедѣльникъ* (М. 1792), гдѣ приведено (на стр. 70—79) содержаніе романа. Указаніе м. Евгенія, что 1-е изданіе напечатано въ Спб., невѣрно. Неизвѣстно, было ли приложено къ нему «Посланіе».—Сидней, человѣкъ идеально-добродѣтельный, имѣвшій значительный военный чинъ, въ одномъ сраженіи, въ Индіи, замѣчаетъ европейца, отчаянно сражающагося на сторонѣ индійцевъ. Онъ велитъ во что бъ ни стало взять его живымъ. Его берутъ полумертваго отъ ранъ, но поправившись онъ разсказываетъ, что онъ (Силли) родился въ Парижѣ, воспитанъ въ правилахъ чести и добра, но когда отецъ его лишился имѣнія, то онъ нигдѣ не могъ найти помощи: друзья и даже богатая сестра ему отказали. Онъ просилъ милостыню и попалъ въ тюрьму, но выпущенный добрымъ судьей и ожесточенный противъ людей, поѣхалъ въ Индію вмѣстѣ съ отцомъ на службу къ одному купцу. Здѣсь онъ лишился мѣста и съ умирающимъ отцомъ скитался въ нищетѣ и жилъ въ пещерѣ. Услышавъ шумъ сраженія, онъ выбѣжалъ и бросился на европейцевъ.— Сидней беретъ отца Силли изъ пещеры, даетъ денегъ и отправляетъ ихъ Парижъ, а самъ ѣдетъ въ Англію. Силли женится и живетъ благополучно въ купленной деревнѣ. Доходитъ слухъ, что Сид-

ней умеръ. Силли въ отчаяніи, а отецъ его даже занемогаетъ съ горя, но Сидней неожиданно пріѣзжаетъ. Всѣ принимаютъ его съ восторгомъ; онъ хочетъ опять вскорѣ къ нимъ пріѣхать, но замѣтивъ общую къ себѣ любовь и благодарность и увидя свой портретъ въ цвѣтахъ и съ подписью: «благодѣтель нашъ», рѣшается пріѣхать совсѣмъ и жить въ семействѣ Силли до своей смерти, что и исполняетъ. Силли мститъ врагамъ благодѣяніями, напр. оказываетъ помощь жестокосердой сестрѣ, впадшей въ нищету. — Повѣсть вообще нравоучительно-сентиментальная.

30. *Іосифъ въ девяти пѣсняхъ. Сочиненія г. Битобе.* 2 т. Печатанъ при Имп. Моск. Университетѣ, 1769 года. (Въ 8 д. л., стр. въ обоихъ томахъ 4 нен., 1 — 144, 2 нен. и 145 — 360). Перепечатанъ въ М. въ 1780, 1787, 1802 и 1819, и въ Спб. въ 1790 г. безъ перемѣнъ. Изложеніе библейскаго разсказа объ Іосифѣ, напыщенное и раздутое реторикой. Слогъ, которымъ переведено это сочиненіе, вовсе не напоминаетъ Ф.-Визина: до того онъ приторенъ и надутъ. Хотя Ф.-В. въ «Чистосердечномъ Признаніи» и упоминаетъ объ этомъ переводѣ на ряду съ комедіею «Бригадиръ», но надо полагать, что это упоминаніе относится не къ *одновременному* ихъ появленію, а къ *одному мѣсту* ихъ окончанія, т. е., что Бригадиръ и Іосифъ окончены въ Москвѣ во время отпусковъ Ф.-Визина. Бригадиръ, какъ сказано выше, оконченъ вѣроятно въ 1766 г., а Іосифъ должно быть переводился уже во время отпуска 1768—1769 г., послѣ разговора Ф.-В. съ Тепловымъ и послѣ начала перевода изъ *Кларка*. На это указываетъ и противоположность содержанія и необыкновенная разница въ слогѣ.

1770.

31. *Письмо къ Я. И. Булгакову*, отъ 30 декабря 1770 г.—Всѣ 8 писемъ къ Булгакову напеч. въ изд. Пл. Бекетова (1830), въ 4 слѣдующихъ, и у г. Перевлѣскаго безъ перемѣнъ (*).

32. *Калисѳенъ, греческая повѣсть.* Написана, вѣроятно, въ семидесятыхъ годахъ, когда Фонъ-Визинъ находился при гр. Панинѣ, воспитателѣ великаго князя, для чтенія котораго можетъ быть и предназначалось это сочиненіе. Напечатана впервые въ брошюрѣ: «Правдолюбецъ, или карманная книжка мудраго» (Спб. 1801). Перепечатана въ «Избранныхъ мѣстахъ изъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ» Н. Греча (Спб. 1812, стр. 1—12), въ 4 части «Образцовыхъ рус. сочиненій и переводовъ», и во всѣхъ 7 изданіяхъ сочи-

(*) Въ книгѣ кн. Вяземскаго «Фонъ-Визинъ» (Спб. 1848), приведены отрывки изъ писемъ и цѣлыя письма къ Д. И. Фонъ-Визину отъ разныхъ лицъ (см. стр. 72—78, 81—85, 107—111 и 337—378).

неній Ф.-Визина; въ двухъ первыхъ безъ перемѣнъ, а у Пл. Бекетова и въ слѣдующихъ изд. съ измѣненіями.

33. *Та-ліо, или великая наука*, заключающая въ себѣ высокую китайскую философію. Переводъ *Фонъ-Визина.* (Напечат. въ «Правдолюбцѣ» 1801 г., вслѣдъ за «Каллисѳеномъ», на стр. 27—64). Объ этомъ переводѣ до сихъ поръ нигдѣ не было упоминаемо; онъ относится по всей вѣроятности къ семидесятымъ годамъ и заключаетъ правила и примѣры государственнаго управленія.

34. *Обманчивая наружность, или человѣкъ нынѣшняго сѣта.* Напеч.въ «Библ. Запискахъ» 1858 г. (№ 22, стр. 689—696) по рукописи, прочитанной въ Публичной Библіотекѣ *А. Д. Галаховымъ*. Это начало перевода одной изъ пьесъ французскаго комика *Буасси* (1694—1758): «Les dehors trompeurs, ou l'homme du jour, въ 5 д., представленной въ первый разъ въ 1740 г. и помѣщенной въ XIV томѣ «Репертуара франц. театра». Въ пьесѣ два главныхъ дѣйствующихъ лица: *Люцилія* и *Баронъ*. Люцилія, невѣста Барона, только что окончила воспитаніе въ монастырѣ и по желанію своего отца, Форлиса, поступила въ домъ къ нареченному жениху (Баронъ), съ которымъ живетъ сестра его Селіанта. Онъ ошибается, считая невѣсту дѣвушкой недалекой, неумѣющей держать себя и неспособной развиваться; она, напротивъ, хорошо понимаетъ жениха, но изъ скромности и по своему положенію не выказываетъ себя. Самъ Баронъ, пріобрѣтшій репутацію блестящаго свѣтскаго человѣка, отличается желаніемъ блистать въ обществѣ, отличаться передъ другими и пользоваться всѣми удовольствіями столичной жизни. Этому онъ жертвуетъ дружбой честнаго Форлиса и любовью къ Люцилія, Онъ промѣнялъ общество невѣсты на связь съ какою-то графинею, только изъ тщесланія; отъ этого бракъ разстроивается и Форлисъ выдаетъ дочь за любимаго ею маркиза, а Барону желаетъ наслаждаться концертами, операми и пр.

1771.

35. *Слово на выздоровленіе* великаго князя Павла Петровича напечатано отдѣльной брошюрой въ 1771 (въ 4 д. л., 13 стр.), безъ означенія имени автора и типографіи. М. Евгеній неправильно относитъ его напечатаніе къ 1770 г.

36. *Письма къ гр. П. И. Панину* изъ Спб., I— VI, іюнь—ноябрь 1771 г. Всѣ письма № I—V и VII—XXXVIII напечатаны въ книгѣ кн. Вяземскаго «Фонъ-Визинъ». *Здѣсь перепечатываются въ первый разъ*, а письмо № VI *напечатано по рукописи* Имп. Публ. Библіотеки. Не имѣя рукописей всѣхъ писемъ, не льзя было исправить довольно небрежную перепечатку ихъ у кн. Вяземскаго, почему и сдѣланы поправки только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ошибки грубы до очевидности,

напр. при бунтѣ въ Камчаткѣ, курьеръ отправленъ въ *Прилуцкъ* (Иркутскъ), Местмахеръ и Веселицкій названы *графами*, тогда какъ первый только въ 1777 г. получилъ баронское достоинство и ни онъ ни Веселицкій графами не были; Ассебургъ названъ *Ассерберомъ*, Бауръ— *Бауромъ*, а извѣстный И. М. Симолинъ называется то настоящимъ именемъ, то *Симонисъ*, то даже *Симоновъ*, какъ будто дѣло идетъ вовсе о разныхъ лицахъ.

1772.

37. *Письма къ гр. П. И. Панину* изъ Спб., VII — XXXVIII, январь — августъ 1772 г.

38. *Письмо къ Булгакову*, отъ 18 февраля 1772.

1773.

39. *Тоже*, отъ 13 и 27 октября 1773 г.

40. *Письма къ сестрѣ*, изъ Спб., XXII—XXV, 1773 г. Напечатаны здѣсь *въ первый разъ по рукописямъ* Академіи Наукъ.

41. *Письмо къ А. М. Обрѣскову*, отъ 21 октября 1773 г. Оба письма къ Обрѣскову напеч. въ «Русскомъ Архивѣ» 1865 г. (№ 8, стр. 984—987) и сообщены туда П. К. Щебальскимъ. Здѣсь они перепечатываются въ первый разъ.

42. *Въ Библіографическихъ Запискахъ* встрѣчается указаніе на неизданное сочиненіе Д. И. Фонъ-Визина, относящееся къ 1-й половинѣ семидесятыхъ годовъ. Родной племянникъ его *Михаилъ Александровичъ Фонъ-Визинъ*, въ своихъ «Запискахъ», между прочимъ упоминаетъ, что Д. И., подъ руководствомъ гр. Н. И. Панина и по его порученію, составилъ проектъ различныхъ государственныхъ реформъ, которыя признавались ими необходимыми для блага имперіи. «У меня, говоритъ М. А., былъ списокъ съ введенія или предисловія къ этому акту, которое, сколько припомню, начиналось такъ:... «(См. Б. З. 1859, № 1, стр. 17). Неизвѣстно, сохранилось ли это сочиненіе и хотя подобная же статья съ именемъ Д. И. Фонъ-Визина явилась потомъ въ печати въ одномъ изъ сборниковъ, но при напечатаніи ея не было объяснено, на основаніи какихъ данныхъ она приписана Фонъ-Визину.

43. *О вольности французскаго дворянства и о пользѣ третьяго чина.* Не издано. Рукопись этого перевода, по указанію кн. Вяземскаго, хранится въ московскомъ главномъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ.

1774.

44. *Письмо къ А. М. Обрѣскову* отъ 20 марта 1774 г.

45. *Письма къ сестрѣ* изъ Спб., XXVI—XXIX, 1774 г. Напечатаны здѣсь *въ первый разъ по рукописямъ* Академіи Наукъ.

46. *Письма къ Булгакову*, отъ 9 октября и 11 ноября 1774 г.

1777.

47. *Отрывокъ изъ записки управляющему*, 1777 г., передъ отъѣздомъ за границу. Напечатанъ у кн. Вяземскаго (отр. 250).

48. *Письмо къ Булгакову*, отъ 18 сентября 1777 г.

49. *Слово похвальное Марку Аврелію*, сочиненное г. *Томасомъ*, членомъ Французской Академіи. Въ Спб. печатано въ вольной тип. Вейтбрехта и Шнора 1777 г. (Въ мал. 8 д. л., 133 стр.). Перепеч. безъ перемѣнъ въ изданіяхъ сочиненій и переводовъ Ф.-В. 1829 и 1830 и въ «Избранныхъ мѣстахъ изъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ» *Н. Греча*. Спб. 1812 (*).

1777—1778.

50. *Письма къ сестрѣ* изъ 1-го путешествія, XXX—XXXVII—сентябрь 1777—августъ 1778. Напечатаны у Пл. Бекетова (1830) и отсюда перепеч. безъ перемѣнъ въ 4 слѣд. изданіяхъ и у г. Перевлѣсскаго.

51. *Письма къ гр. П. И. Панину*, изъ 1-го путешествія: XXXIX—XLIV, ноябрь 1777—сентябрь 1778. Изъ этихъ писемъ № 43 и 44 были напеч. въ *С.-Петербургскомъ Журналѣ* Пнина, на 1798 г. (сентябрь, стр. 1—15 и октябрь, стр. 1—24), а № 39, 40, 41 и 42, съ добавкою и двухъ первыхъ—въ *Вѣстникѣ Европы*, Карамзина. на 1806 г. (ч. 26, № 7, стр. 161; № 8, стр. 241, и ч. 27, № 9, стр. 3). Они были озаглавлены: «Письма изъ Франціи къ одному вельможѣ въ Москву» и напечатаны съ большими пропусками, при чемъ въ «В. Европы» опущено было начало письма № 43, до словъ «Я оставилъ Францію». Отсюда письма перепечатаны въ 6-й части «Образцовыхъ соч. и переводовъ» (Спб. 1815—1817) и въ изданіяхъ 1829 и 1830 г., гдѣ однако было добавлено и начало письма № 43. Въ изданіи Пл. Бекетова всѣ эти письма были пополнены по рукописямъ и отсюда перепечатаны безъ перемѣнъ въ 4 слѣдующихъ и у г. Перевлѣсскаго. Нынѣ добавлено начало письма № 43 и имена въ письмѣ № 44.

52. *Письмо къ Булгакову*, отъ 25 января 1778 г.

1782.

53. «*Недоросль*», *комедія въ пяти дѣйствіяхъ*. Представлена въ первый разъ въ Санктпетербургѣ Сентября 24 дня 1782. Продается у Клостермана, противъ адмиралтейства, въ домѣ мещанскаго клоба

(*) О Томасѣ см. примѣч. на 340 стр. Его oeuvres complètes имѣли много изданій; изъ нихъ лучшее 1825 г.

№ 106.—Въ Спбгѣ, печатана въ вольной тип. у Шнора. 1788». (Бол. 8°, стр. 144). *Тоже.* Въ Санктпетербургѣ, съ дозволенія указнаго 1788 года. (Въ 8 д. л., стр. 160). *Тоже,* въ XXXI части *Россійскаго Ѳеатра.* Спб. при Имп. Ак. Н. 1789 (стр. 5—152). *Тоже. Второе* (sic) *изданіе съ поправленіемъ.* Въ Москвѣ, въ вольной тип. А. Рѣшетникова. 1790 года. (Въ 8 д. л., стр. 144). Потомъ комедія перепечатывалась много разъ. Изъ всѣхъ изданій замѣчательнѣе прочихъ сдѣланное *В. Я. Стоюнинымъ* (Спб. 1865), съ примѣчаніями и вопросами, для изученія въ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ изданіяхъ 1783 и 1788 г. напечатаны имена актеровъ: Простаковъ—*г. Зоминъ.* Г-жа Простакова, жена его—*г-жа Михайлова.* Митрофанъ, сынъ ихъ, недоросль—*г. Черниковъ.* Еремѣевна, мама Митрофанова—*г. Шумскій.* Правдинъ—*г. Плавильщиковъ.* Стародумъ—*г. Дмитревскій.* Софья, племянница Стародума—*г-жа Зорина.* Милонъ—*г. Марковъ.* Скотининъ, братъ г-жи Простаковой — *г. Соколовъ.* Кутейкинъ, семинаристъ — *г. Петровъ.* Цыфиркинъ, отставной сержантъ—*г. Сусловъ.* Вральманъ, учитель—*г. Заводинъ.* Тришка, портной—*г. Замировъ.* Слуга Простакова. Камердинеръ Стародума (*оба не означены*).

Разница этихъ двухъ изданій и перепечатки въ *Росс. Ѳеатрѣ* съ изданіемъ 1790 г. не очень велика и преимущественно касается перестановки словъ и замѣны усѣченныхъ окончаній полными, но замѣчательны слѣдующія поправки: 1) Въ 1 изд. есть мѣсто, исключенное въ изд. 1790 г. на стр. 86. (нашего изд.) строки 34—38: *Они всею силою... въ чемъ надобно»;* 2) въ изд. 1790 прибавлено: «*Возможно-ль, дядюшка...въ чемъ надобно*» (стр. 86—87, стр. 39—22); 3) Еще добавлено, на стр. 87—88 (строки 37—14): «*Какъ это справедливо... есть чего бояться;*4) Слѣдующій отвѣтъ Софьи въ 1 изд. читается: «*Возможно ль, дядюшка, чтобъ такія истины не для всѣхъ сердецъ чувствительны были? Неуже ль объ нихъ никто не размышляетъ? Гдѣ жъ умъ, которымъ такъ величаются?* 5) Добавлено въ изд. 1790 на стр. 90 (стр. 5—9): «*Ахъ, какъ... что видимъ*».

Съ изд. 1790 г. *Недоросль* перепечатывался безъ перемѣнъ до изд. Пл. Бекетова (1830). Онъ внесъ въ комедію добавки и исправленія изъ подлинной рукописи Фонъ-Визина: 1) На стр. 60 добавлены строки 29—41; 2) на стр. 77 въ стр. 1—4 снизу есть добавки и слегка измѣненъ слогъ; 3) на 86 возстановленъ пропускъ, сдѣланный въ изд. 1790 г.; 4) на 92 добавлены строки 3—5 (снизу); 5) на 94 добавлены стр. 12—15; 6) на 96 добавлены стр. 6—15; 7) на 97 добавл. стр. 9—12 объ обученіи исторіи разсказами скотницы Хавроньи, а слѣдующая рѣчь Добролюбова прежде была: «*Да не такъ ли вы знаете и географію?*» 8) на 98 доб. стр. 23—34 и затѣмъ реплика Скотинина прежде читалась: «*Что ученье вздоръ, то неоспоримо доказалъ покойный дядя В. Ф.*» 9) 99 добавл. стр. 13—20. «*Мы это видимъ.... на покой*»; 10) на 100 стр. 7—9, снизу, прежде читались: «*и не вели ла-*

кеямъ изъ комнатъ отлучаться»; 11) на 101—102 добавленъ конецъ монолога Стародума (отъ словъ «*Сколько сотей*); 12) на 102 прежде Стародумъ говорилъ въ настоящемъ времени: «*видитъ, находитъ, становится*» (стр. 15, 19 и 20); 13) на 104 добавл. 3 строки сверху; 14) на 106 переставлены изъ конца явленія стр. 5—11 и добавлены стр. 18—26. Съ этими добавками и исправленіями комедія перепечатывалась послѣ 1830 г. во всѣхъ отдѣльныхъ изданіяхъ, въ 4 изданіяхъ сочиненій Ф. В. и у г. Перевлѣсскаго, который ошибочно отнесъ ее съ 1772 г., по опечаткѣ «Драматическаго Словаря». Эту же ошибку повторилъ за нимъ Пименъ Араповъ, въ «Лѣтописи русскаго театра» (Спб. 1861). Извѣстіе о необыкновенномъ успѣхѣ представленій «Недоросля» сохранилось въ «Драмат. Словарѣ». (М. 1784, стр. 88—89) и о томъ же упоминаетъ г. Араповъ въ Лѣтописи Р. Т.», съ прибавкою разсказа о чтеніи этой комедіи у Б. В. Пестели (см. стр. 111).

Недоросль еще при жизни Фонъ-Визина былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ (см. выше стр. 513); а впослѣдствіи и на французскій. Этотъ послѣдній переводъ помѣщенъ въ книгѣ: «Chefs d'oeuvre du théâtre russe». Paris 1823.

54. *Письмо къ Медоксу*, отъ сентября 1782 г. напеч., съ переводомъ, въ Библ. Запискахъ 1859 г. № 1. *Здѣсь перепечатывается въ первый разъ* (*).

1783.

55. *Опытъ Россійскаго Сословника.* Напечатанъ въ «Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго слова» 1783 г. (ч. I, стр. 126—134; ч. IV, стр. 143—157 и ч. X, стр. 137—142). Перепечатанъ во всѣхъ 7 изданіяхъ, безъ перемѣнъ. Въ рукописяхъ Имп. Публичной Библіотеки сохранился черновой набросокъ, относящійся къ этому «Сословнику». Печатаемъ его, чтобъ показать наглядно, какъ Фонъ-Визинъ подготовлялъ составленіе «Опыта».

успѣхъ. исполненіе. окончаніе.
Succès. évènement. réussite. issue. fin. progrès.
удача. счастіе.
avancement. accroissement. augmentation. bonheur.
добрый. честный.
укоротновать. упрямиться.
исцѣленіе. излѣченіе. выздоровленіе.
убожество. бѣдность. нищета.
Sermon. prêche. instruction.

(*) Переводъ взятъ изъ «Библ. Записокъ», прочіе же подстрочные переводы французскаго текста въ сочиненіяхъ и письмахъ Ф. Визина сдѣланы г. Пятковскимъ.

казанье. проповѣдь. поученіе.
невѣжа. невѣжда.
жизнь. житіе. животъ.
дворянинъ. благородный.
гражданинъ. мѣщанинъ.

56. *Примѣчанія на критику «Опыта Росс. Сословника»*. Напечатаны въ «Собес. Л. Р. Слова» 1788 (ч. III, стр. 121—126). Перепечатаны въ изд. 1830 (Пл. Бекетова) и 4 слѣдующихъ, безъ перемѣнъ.

57. *Вопросы Фонъ-Визина и отвѣты сочинителя «Былей и Небылицъ»*. Напечатаны въ «Собесѣдникѣ Л. Р. Сл.» 1783 (ч. III, стр. 161—166), при письмѣ къ издателямъ (см. выше, стр. 203).

Императрица по прочтеніи этихъ вопросовъ писала, по-французски, кн. Дашковой: «Если бы можно напечатать (статью) вмѣстѣ съ отвѣтами, то сатира будетъ безвредна, если только поводъ къ сравненіямъ не придастъ большей дерзости. Это (вопросы) идетъ несомнѣнно *отъ оберъ-камергера* въ отмщеніе за портретъ *нерѣшительнаго человѣка* во 2 части (Собесѣдника)... Прошу васъ обратить вниманіе, что *14-й пунктъ* помѣщенъ два раза, можетъ быть съ намѣреніемъ, чтобы возможно было одинъ изъ нихъ исключить, не нарушая счета. Эта предосторожность, жалкая сама по себѣ не совершенно ли похожа на оберъ-камергера, который во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ дѣлаетъ одинъ шагъ впередъ, а другой назадъ».— Въ «Собесѣдникѣ» и было напечатано два 14-хъ пункта (у насъ 14-й и 15-й), изъ которыхъ первый о шпыняхъ — относился до оберъ-шталмейстера Л. А. Нарышкина. Оберъ-камергеромъ былъ Ив. Ив. Шуваловъ и на него-то указываетъ императрица въ отвѣтѣ на 16-й вопросъ (см. «Матеріалы для ист. журн. и лит. дѣят. Екат.» г. Пекарскаго (Спб. 1863). *Вопросы* съ *отвѣтами* перепечатаны въ 6 изданіяхъ (за исключеніемъ 1-го изд. 1830 г.) и у г. Перевлѣскаго.

58. *Челобитная Россійской Минервѣ отъ Россійскихъ писателей*. Напеч. въ «Соб. Л. Р. Сл.» 1783 (ч. IV, стр. 8—10), въ слѣдующей-же книжкѣ послѣ «Отвѣтовъ» императрицы; а черезъ книжку (ч. V) помѣщено и оправдательное письмо Ф.-В. о «неясности» и «неумѣстности» нѣкоторыхъ изъ его вопросовъ. Перепеч. у Пл. Бекетова (1830) и въ 4 слѣд. изданіяхъ. Подпись этого письма (Нельстецовъ) потомъ взята была Ф.-В., какъ имя одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ «Выборѣ Гувернера».

59. *Къ сочинителю «Былей и Небылицъ» отъ Сочинителя «вопросовъ»*. Напеч. въ «Собесѣдникѣ Л. Р. Сл.» 1783 (ч. V, стр. 145—151). Перепечатано у Пл. Бекетова (1830), въ 4 слѣд. изданіяхъ и у г. Перевлѣскаго.

Получивъ это расканвательное письмо, императрица писала, по-французски, кн. Дашковой: «Такъ какъ я возвращаю жалкое произведеніе, которое очевидно вышло изъ подъ пера автора вопро-

совъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю честь приложить готовый къ напечатанію листъ. Я присоединила только примѣчаніе, которое можетъ быть не имѣетъ никакого значенія». Письмо Ф.-В. напечатано въ «Собесѣдникѣ» съ этимъ примѣчаніемъ и отвѣтомъ. Послѣдній приведенъ съ рукописи у г. Пекарскаго («Матеріалы», стр. 18): «Послѣ сей добровольной исповѣди, напечатанной по собственному прошенію кавшагося, сочинителю «Были и Небылицы» не остается чего сказать, онъ въ душѣ своей увѣренъ, что сей поступокъ сходственъ хвали достойному обычаю православнаго христіянина, по которому за грѣхомъ послѣдуетъ вскоре и покаяніе. Но въ семъ случаѣ разрешеніе зависитъ ни отъ кого инаго какъ отъ многоголовной публики, ей одной принадлежитъ сказать Богъ проститъ я же вамъ всепокорный слуга по слову евангелскому всегда радуюсь о возвращеніе на пути истины всякой заблюдшей овцы». Въ «Соб.» отвѣтъ явился только съ исправленіемъ слога, а въ *Примѣчаніи* сказано: «Чтожъ касается до даннаго мнѣ совѣта, чтобъ я (т. е. сочинитель Былей и Небылицъ), описаніе ябедника и мздоимца на себя взялъ, на то въ отвѣтъ скажу, возблагодаривъ напередъ за похвалы, въ коихъ себя нимало не узнаю, что въ Былѣ и Небылицѣ гнусности и отвращеніе за собой влекущее не вмѣщаемо; изъ оныхъ строго исключается все то, что не въ улыбательномъ духѣ, и не по вкусу Прародителя моего, либо скуку возбудить могущее, и наипаче горесть и плачь разогрѣвающія драмы. Ябедниками и мздоимцами заниматься не есть наше дѣло; мы и грамматику худо знаемъ, гдѣ намъ проповѣди писать». (Соб. Л. Р. Сл., ч. V, стр. 151).

60. *Поученіе, говоренное въ Духовъ день Іереемъ Василіемъ, въ селѣ П****. Напечат. въ «Соб. Л. Р. Сл.» 1783 г. (ч. VII, стр. 32—39) вмѣстѣ съ письмомъ къ издателямъ «Собесѣдника». Перепеч. безъ перемѣнъ въ 6 изданіяхъ сочиненій Ф.-В. (за исключеніемъ только 1-го изданія 1830 г.) и издано отдѣльною брошюрою въ Москвѣ въ 1830 г. (тип. Селив., 12 стр. въ 16 д. л.).

61. *Всеобщая придворная грамматика.* По указанію м. Евгенія написана въ 1788 г. для помѣщенія въ «Собес. Л. Р. Сл.», но ее не напечатали. Г. Снегиревъ присовокупляетъ, что однако ее показали императрицѣ. Мы отнесли «Вс. грам.» къ отдѣлу «Стародума», потому что самъ Ф.-В. предполагалъ печатать ее въ «Стародумѣ». Напечат. во всѣхъ 7 изданіяхъ и у г. Перевлѣсскаго безъ перемѣнъ.

62. Вѣроятно къ началу 1783 г. относится черновой набросокъ Фонъ-Визина *«о почтахъ»*, сохранившійся въ рукописяхъ Имп. Публичной Библіотеки:

«Государственныя почты суть такія установленія, въ коемъ публика обрѣтаетъ свои выгоды, а казна свой доходъ. До сего времени не пользовалася публика относительно до почты ни возможными удобностями, ни довольною безопасностію, а казенный съ нихъ до-

ходъ есть гораздо менѣе, нежели оный быть можетъ, безъ всякаго однакожъ отягощенія публики. Къ распространенію сей обоюдной пользы полагаются здѣсь нѣкоторыя основанія, извлеченныя изъ опытовъ многихъ лѣтъ, соображенныя съ нашимъ положеніемъ и обычаями и удобныя произвестися въ дѣйство при всеобщемъ благоустройствѣ, составляющемъ блаженство Россіи и безсмертную славу ея законодательницы.

«Существо почтовыхъ дѣлъ требуетъ, чтобъ вниманіе обращено было на три главные предмета, кои суть: 1) безопасность почты, 2) скорое ея хожденіе и 3) сборъ, сохраненіе и возможное приращеніе доходовъ. Каждый изъ сихъ пунктовъ будетъ опредѣленъ и установленъ здѣсь въ особливомъ отдѣленіи.

«*Отдѣленіе первое.*

«*Безопасность почты.*

«Главныя удобности публики относительно почтъ состоятъ въ томъ, чтобъ каждый частный человѣкъ могъ безопасно отправить письмо, переслать деньги и вещи и самъ переѣхать изъ одного мѣста въ другое.

«Итакъ почта должна быть двоякая: одна легкая—для писемъ и самыхъ легкихъ и маленькихъ посылокъ, а другая тяжелая—для денегъ, вещей и людей. Ради удобнѣйшаго наблюденія порядка и устройства прилично обѣимъ симъ почтамъ зависѣть отъ одного начальства. Долгъ онаго надзирать надъ всѣми почтамтами, изъ коихъ каждому, подъ своимъ уже вѣдомствомъ, имѣть слѣдуетъ всѣ почтовыя въ части своей конторы, почтовыхъ комиссаровъ и вообще всѣхъ служителей почты, а по сему правленіе почты долженствуетъ идти по слѣдующимъ степенямъ.

«1) Начальство, которое можетъ по волѣ Ея И. В. или быть изъ корпуса, какова есть настоящая коллегія иностр(анныхъ) дѣлъ, или изъ отдѣльныхъ персонъ, какъ то было въ Россіи до 1758 года».

1784.

68. *Precis historique de la vie du comte Nikita Iwanowitsch Panin. A Londres. 1784* (in 8°, стр. 28). Это же изданіе, того-же шрифта, страница въ страницу и буква въ букву, встрѣчается съ другимъ заглавнымъ листомъ: *Precis* etc. A Paris. Chez Largilliere, rue de la Pelleterie MDCCLXXXVIII», почему и можно полагать, что печатанье производилось не въ Лондонѣ и Парижѣ, а въ Петербургѣ, и что къ тому-же изданію 1784 года сдѣланъ былъ только новый заглавный листъ въ 1788 г. Русскій текстъ этого сочиненія въ первый разъ былъ напечатанъ въ *Зеркалѣ Свѣта*, издававшемся еженедѣльно *Ѳ. Туманскимъ* на 1786 и 1787 г., и помѣщенъ былъ въ №4 (28 февраля 1786 г., на стр. 73—89), подъ заглавіемъ: «*Сокра-*

ienное описаніе жизни графа Никиты Ивановича Панина». Текстъ этотъ отличается отъ сохранившейся части рукописи Ф.-Визина сокращеніемъ нѣкоторыхъ подробностей, которыя Фонъ-Визинъ, вѣроятно, счелъ тогда *несвоевременными* для печати и исключилъ при переводѣ рукописи на французскій языкъ и при печатаньи русскаго текста. Изъ «Зеркала Свѣта» сдѣлано было отдѣльное изданіе: «Жизнь графа Никиты Ивановича Панина. Второе изданіе. Въ Спб. 1786 года. Печатано съ дозв. указнаго у Вильковскаго и Галченкова». (Въ 12 д. л., 29 стр.). Потомъ вышло еще изданіе: «Жизнь графа Никиты Ив—ча Панина. На иждивеніе П. В. (*Петръ Богдановичъ*). Въ Спб., печатано съ дозволенія указнаго у Гека 1787 года»: (Въ м. 12 д. л., 53 стр.) безъ означенія, что это 3-е изданіе. Наконецъ подъ тѣмъ же заглавіемъ сдѣлано было еще: «Новое изданіе. Въ Спб. 1792 года. Печ. и прод. по Невской перспек., у Аничк. м., въ д. гр. Д. А. Зубова». (Въ 8 дол., 26 стр.) Всѣ эти 4 изданія сходны между собою до мелочей, но разнятся отъ французскаго текста отсутствіемъ упоминанія о Пугачевѣ и добавкою рескрипта къ м. Платону. Прибавимъ еще, что русскія изданія *жизни гр. Панина* продавались вмѣстѣ съ др. сочиненіями Ф.-Визина у Клостермана (*), находившагося въ близкихъ и дружескихъ съ нимъ сношеніяхъ. Все это заставляетъ полагать, что русскій текстъ принадлежитъ самому Фонъ-Визину и что пущенное въ нашу литературу извѣстіе, будто *И. И. Дмитріевъ*, не зная о существованіи русскаго подлинника, перевелъ *жизнь гр. Панина* съ франц. изданія, принадлежитъ къ числу басенъ.

64. *Письмо къ П. Б. Пассеку*, отъ 4 февраля 1784 г. *Напечатано здѣсь въ первый разъ*, по рукописи Публичной Библіотеки.

65. *Письмо Д. И. Фонъ-Визина къ его пріятелю о планѣ россійскаго словаря* (26 февр. 1784 г.). Напечатано въ «Вѣстникѣ Европы» 1803 г., ч. XI, № 19 (стр. 163—178), съ замѣтками О. П. Козодавлева, къ которому писано, и съ примѣчаніями Н. М. Карамзина, тогдашняго издателя «Вѣстника». Карамзинъ замѣтилъ при печатаніи письма, что «оно сообщено издателю при слѣдующихъ строкахъ: «Мнѣ «кажется, что это письмо стариннаго моего пріятеля, какъ по ин«тересному своему содержанію, такъ и по тому, что оно есть про«изведеніе знаменитаго русскаго писателя, достойно быть напеча«тано». Издатель такъ же думаетъ и благодаритъ почтенную особу, отъ которой получилъ его. *К.*» Имени Козодавлева упомянуто не было, и о томъ, что письмо писано къ нему впервые указано Пл. Бекетовымъ (1830 г.). Письмо это перепечатано безъ перемѣнъ въ 6 ч. «Собранія образцовыхъ соч. и переводовъ», во всѣхъ 7 изда-

(*) См. объявленіе его при книгѣ: «Сельскія ночи. На иждивеніе П. В. Въ Спб. Печ. съ дозв. указнаго у Гека 1786 года».

ніяхъ, у г. Перевлѣсскаго и сокращенно въ книгѣ г. Греча «Избранныя мѣста» и пр. (Спб. 1812, стр. 149—156).

1784—1785.

66. *Письма къ сестрѣ*, изъ 2-го путешествія, XXXVIII—LVI, іюль 1784 — іюнь 1785. Письма № 38, 53 и 54 были напечат. не вполнѣ въ «Отеч. Зап.» Свиньина 1829 г. (т. XL, стр. 169, 172 и 177), а отрывки изъ 53 и 54 у кн. Вяземскаго. Пл. Бекетовъ напечаталъ по рукописямъ № 38—52, 55 и 56, и изъ его изд. они перепечатаны въ 4 слѣдующихъ и у г. Перевлѣсскаго. Кажется, письмо № 55 Бекетовъ ошибочно отнесъ не къ тому отдѣлу: болѣе вѣроятности, что оно писано къ гр. П. И. Панину и притомъ въ *іюнѣ*, а не въ маѣ 1785 г.; это видно изъ сравненія письма № 55 съ напечатаннымъ подъ № 53. Въ нынѣшнемъ изданіи письма № 38, 53 и 54 *дополнены и исправлены по рукописямъ* Библ. Академіи Наукъ.

1785.

67. *Письмо къ гр. П. И. Панину*, изъ 2-го путешествія: XLV, апрѣль 1785 г. Напеч. у Пл. Бекетова (1830) и оттуда безъ перемѣнъ въ 4 изданіяхъ и у г. Перевлѣсскаго.

68. *Письмо къ Воинову*, отъ 27 іюня 1785 г. *Напеч. здѣсь въ первый разъ*, по рукописи Библіотеки Академіи Наукъ.

69. *Письмо изъ Москвы* къ NN, отъ 7 августа 1785 г. Не напечатано. Указаніе на него у кн. Вяземскаго (стр. 151).

1786.

70. *Письмо изъ Москвы* къ NN, отъ апрѣля 1786 г. Не напечатано. Указаніе на него у кн. Вяземскаго, стр. 152 (*).

71. *Завѣщаніе* Д. И. Фонъ-Визина, 1786 г. Напеч. въ Библ. Зап. 1859 г. № 1 (стр. 11—14). Здѣсь *перепечатано въ первый разъ*.

72. *Отрывокъ изъ журнала* путешествія въ Вѣну, 13 іюня—10 іюля 1786 г. Напеч. у Пл. Бекетова и отсюда въ слѣд. изданіяхъ.

1787.

73. *Письма къ сестрѣ*, изъ 3-го путешествія, LVII—LX,— январь 1787 г. Письмо № 60 напеч. въ «Отеч. Зап.» 1829 (т. XL, стр. 179)

(*) У кн. Вяземскаго есть указанія на письма къ Клостерману 1784—87 и приведены маленькіе отрывки въ переводѣ съ нѣмецкаго, но письма не напечатаны (см. стр. 147, 156 и др.).

въ сокращеніи, а изъ № 57 отрывокъ у кн. Вяземскаго. Здѣсь №60 *исправлено и дополнено, а остальныя 3 письма напеч. въ первый разъ по рукописямъ* Академіи Наукъ.

74. *Отрывокъ изъ журнала* пребыванія въ Карлсбадѣ, 24 марта—22 мая 1787 г. Напеч. въ Библ. Зап. 1359 г. № 1 (стр. 9—11). Здѣсь *перепечатывается въ первый разъ.*

75. *Тоже*, 2-й отрывокъ, 23 мая—7 октября 1787 г. Напеч. у кн. Вяземскаго (153—156). Здѣсь *перепеч. въ первый разъ.*

1788.

76. *Другъ честныхъ людей или Стародумъ.* Напеч. было только объявленіе; остальныя же заготовленныя для журнала статьи при жизни Ф.-Визина не были напечатаны. Изъ нихъ напеч. 1) *Письмо Взяткина съ отвѣтомъ* (не вполнѣ) въ «Памятникѣ Отеч. Музъ» (Спб. 1827), перепечат. въ «Сѣв. Архивѣ» 1827 г. (№ 7) и въ изд. 1829 и 1830 г., а въ изд. Пл. Бекетова исправлено и дополнено, и отсюда перепеч. безъ перемѣнъ въ 4 слѣдующихъ и издано отдѣльно два раза (въ Москвѣ, въ 1833 и 1841 г.), съ приложеніемъ статьи А. П. Сумарокова: «О происхожденіи приказныхъ крючковъ». 2) Изъ альманаховъ же (?) конца 20-хъ годовъ перепечатаны въ изд. 1829 и 1830 г., подъ заглавіемъ: а) *Выборъ учителя* — письмо отъ сочинителя Недоросля, отвѣтъ, и вся переписка съ Дурыкинымъ; б) *Слѣдствія комедіи Недоросль* — письмо Софьи, отвѣтъ и письмо Тараса Скотинина; въ обоихъ изданіяхъ напечатана и *Придворная грамматика.* Всѣ эти статьи съ исправленіями и дополненіями вошли въ изданіе Пл. Бекетова, съ добавкою изъ рукописей: *разговора у кн. Халдиной* (перепеч. отсюда въ «Литерат. Газетѣ» 1830 г. № 3) и *Наставленія дяди*, но письмо *Тараса Скотинина* было исключено (оно перепеч. въ «Библ. Зап.» 1859 г. № 1). Изъ изд. Бекетова статьи «Стародума», съ пропускомъ послѣдняго письма, перепечатывались безъ перемѣнъ въ 4 слѣд. изданіяхъ, а у г. Перевлѣскаго перепечатана только «Придворная грамматика».

77. *Письмо къ гр. П. И. Панину* изъ Спб., 4 апрѣля 1788 г. Напеч. въ «Библ. Зап.» 1861 г. (№ 9, ст. 255—256). Здѣсь *перепечатано въ первый разъ.*

1789.

78. *Отрывки изъ журнала* путешествія въ Ригу, Бальдонъ и Митаву, 19 іюля — 29 августа 1789 г. Напеч. у кн. Вяземскаго (157—170). Здѣсь *перепеч. въ первый разъ.*

1790.

79. *Выборъ гувернера. Ком. въ 3 д.* Написана въ концѣ жизни

Ф.-Визина, а напечатана въ первый разъ въ изданіи соч. Ф.-Визина *Пл. Бекетова* (1830), по рукописи, не вполнѣ сохранившейся. Перепечатана безъ перемѣнъ въ 4 слѣдующихъ изданіяхъ.

80. *Комедія* (недоконченный отрывокъ) и *Добрый наставникъ, комедія* (тоже недоконченный отрывокъ). Трудно рѣшить, написаны ли они послѣ *Недоросля* или вскорѣ послѣ *Бригадира*. Послѣднее предположеніе однако вѣроятнѣе, потому что оба отрывка значительно уступаютъ *Недоросло*. Напечатаны въ книгѣ кн. Вяземскаго «Фонъ-Визинъ» (Спб. 1848) и нигдѣ перепечатываемы не были; только 2-й отрывокъ еще до напечатанія въ книгѣ кн. Вяземскаго былъ помѣщенъ имъ въ «Сборникѣ на 1838 годъ».

81. *Письмо къ императрицѣ* отъ 14 февраля 1790 г. о переводѣ Тацита. Неиздано. (Указ. у кн. Вяземскаго, стр. 285).

1791.

82. *Разсужденіе о суетной жизни человѣческой*. Написано въ 1791 г. при извѣстіи о смерти кн. Потемкина; впервые напечатано въ «*Журналъ для пользы и удовольствія*» (Спб. 1805, сентябрь) и потомъ издано особой брошюрой (Спб. 1807, въ 4 дол. л., 5 нен. стр.). Перепечатано у Н. Греча (стр. 249—251), у Пл. Бекетова (1830), въ 4 слѣд. изданіяхъ и у г. Перевлѣсскаго. Перемѣнъ не было, но заглавіе измѣнено: «*Размышленіе*» и пр.

83. *Отрывокъ перевода изъ «Иліады»*. Напеч. въ книгѣ «Фонъ-Визинъ» кн. Вяземскаго (Спб. 1848, стр. 281).

84. *Отрывокъ перевода изъ поэмы Геснера* (*): «Смерть Авеля» (ib. стр. 447—450).

1792.

85. *Чистосердечное Признаніе* Фонъ-Визинъ началъ писать года за три до смерти (1789—1792), но оно осталось неоконченнымъ. Напечатано въ *С.-Петербургскомъ Журналѣ* (1798, ч. 3, іюль, стр. 75—85 и августъ стр. 1—21) не вполнѣ. Оканчивалось чтеніемъ «Бригадира» и словами: «*Прилѣтствіе за мое чтеніе*» Отсюда перепечатано въ изданіи 1829 года, а потомъ напечатано у Бекетова съ добавками и исправленіями по рукописи, и въ этомъ видѣ перепечатывалось въ 4 слѣд. изданіяхъ и у г. Перевлѣсскаго.

(*) Саломонъ Геснеръ (1730—1787)—швейцарскій поэтъ, писавшій въ идиллическомъ родѣ. Поэма «Смерть Авеля» была переведена на русскій языкъ вполнѣ и напечатана въ «Утреннемъ Свѣтѣ» (Спб. 1778, ч. 3 и 4) и потомъ издана два раза отдѣльно въ Москвѣ въ 1780 и 1781 г.

3) *Сочиненія и переводы, приписываемые Фонъ-Визину.*

1. ***Житіе*** господина NN, служащее введеніемъ въ исторію его въ царствѣ мертвыхъ. Въ Спб. 1781.—Потомъ, перепечатано съ малыми измѣненіями въ 1791 (два раза), 1802 и 1835 г., подъ загл. Жизнь нѣкотораго мужа и перевозъ куріозной души его чрезъ Стиксъ рѣку, съ приложеніемъ Посланія къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ (1791), и безъ этихъ стиховъ, подъ заглавіемъ: «Жизнь нѣкотораго Аввакумовскаго скитника, въ Брынскихъ лѣсахъ жительствовавшаго и куріозный разговоръ души его при перевозѣ чрезъ рѣку Стиксъ» (1802 и 1835).

Это довольно грубый памфлетъ на какого-то раскольника и «Брынскаго проповѣдника», нисколько не напоминающій Фонъ-Визина. Кн. Вяземскій, по одной догадкѣ, приписываетъ эту брошюру статсъ-секретарю Екатерины II Адаму Васильевичу Олсуфьеву, но гораздо основательнѣе предположеніе А. Н. Аѳанасьева, что она принадлежитъ Мих. Дм. Чулкову († 1793), который, въ своемъ изданіи *Парнасскій Щепетильникъ*, еще въ 1770 г., помѣстилъ большой отрывокъ, вошедшій черезъ 11 лѣтъ въ изданную брошюру съ незначительными только измѣненіями. Приписывали «Аввакумовскаго Скитника» Фонъ-Визину только по перепечаткѣ при немъ «Посланія къ слугамъ», но оно было также перепечатано при «Предсказаніи Мартына Задеки о паденіи Турціи», слѣд. и «Предсказаніе» надо-бъ было приписать Фонъ-Визину.

2. Поэтическіе памятники XVIII столѣтія. Неизданныя стихотворенія Державина и Фонъ-Визина. (Библ. для чтенія, т. LXIII, 1844 г., № 3, стр. 5—30).

Кто-то напечаталъ подъ этимъ заглавіемъ нѣсколько стихотвореній, пояснивъ въ предисловіи, что они найдены въ рукописяхъ въ библіотекѣ покойнаго графа Р***, проданной тогда съ публичнаго торга въ Одессѣ. «Просвѣщенный вельможа, говоритъ авторъ, лично знакомый со всѣми (?) знаменитыми писателями временъ Екатерины тщательно сохранялъ (эти рукописи) и вносилъ въ особую опись, съ показаніемъ именъ авторовъ». По свидѣтельству этой-то тетради и приведены: 1) «Безпристрастный зритель нѣкоторыхъ состояній нашего вѣка (1794), письмо къ пріятелю *Державина*, 2) «Ода» (хочу къ безсмертью пріютиться) *Фонъ-Визина*, напис. на Державина и 3) отвѣтъ Державина, подъ заглавіемъ: «Посланіе къ творцу посланій» (1781). Авторъ увѣряетъ, что 1-е и 8-е стих., несмотря на различіе слога, *явственно* (!) принадлежатъ одному и тому же перу Державина, и что «литературная вражда между нимъ и Ф. В.—обстоятельство нынче почти неизвѣстное, *но между тѣмъ дѣйствительное*». Все это вздоръ: первое стихотвореніе принадлежитъ *Д. П. Горчакову* и съ его именемъ уже было напечатано въ «Памятникѣ Отечественныхъ Музъ» (Спб. 1828, стр. 132—144). Третье

стихотвореніе не что иное, какъ очень извѣстная сатира *А. С. Хвостова* на Ф. Визина (полнѣе напечатана впослѣдствіи у кн. Вяземскаго, стр. 830—833); а второе стихотвореніе (*ода*) до того нелѣпо, пошло и глупо, что стыдно приписывать его Ф. В. и на это не рѣшился-бы никто, хотя только поверхностно знакомый съ сочиненіями Фонъ-Визина.

3. *Эпиграмма на Княжнина*, находящаяся въ рукописномъ сборникѣ сатирическихъ и полемическихъ стихотвореній XVIII ст., принадлежащемъ библіотекѣ Казанскаго унив. Напечатана она въ Библ. Зап. 1859 г. № 17, ст. 525—526, въ статьѣ г. Аѳанасьева, но кромѣ подписи въ «Сборникѣ» имени Ф. Визина не можетъ быть ему приписана ни по какимъ соображеніямъ.

4. Разсужденіе о національномъ любочестіи. Изъ сочиненій г. Циммермана. Иждивеніемъ С. П. К. М. К. Овчинникова. Въ Спбгѣ, съ дозв. Управы Благочинія, печатана у Шнора 1786 года. (М. 8°, стр. 100). Неизвѣстно на основаніи какихъ указаній *Сопиковъ*, въ своемъ «Опытѣ», сдѣлалъ замѣтку, что переводъ этотъ принадлежитъ Д. И. Фонъ-Визину.

3) *Собранія сочиненій Ф.-Визина.*

1. *Собраніе сочиненій* и переводовъ Дениса Ивановича Фонъ-Визина. М. Въ Унив. тип. 1829. Въ 12 д. л., XVI и 246 стр. *Тоже*: часть 2-я—120 и 156 стр.

Въ 1-й ч. помѣщено извѣстіе: «О жизни и сочиненіяхъ Д. И. Фонъ-Визина» XVI стр., и изъ соч. его перепечатаны: 1) Каллисѳенъ, 2) Чистосердечное признаніе (неполно, изъ Спб. Журн.). 3) Письмо къ гр. П. И. Панину (по послѣднему изданію) № 43 неполно, оттуда-же. 4) Тоже № 44. 5) Опытъ сельскаго поученія (т. е. *Поученіе, говоренное* и пр.). 6) Письма къ гр. П. И. Панину: №№ 39, 40, 41 и 42 (не полно). 7) Письмо, найденное по кончинѣ Н. С. Вяткина и пр. и отвѣтъ (съ пропусками и безъ конца до словъ: «за бездѣлицу души не покривитъ»). 8) Эпиграмма. 9) Выборъ учителя (письмо къ Стародуму отъ сочинителя Недоросля и отвѣтъ; Письмо къ Стародуму отъ Дедиловскаго помѣщика Дурыкина, съ кондиціями для учителя и отвѣтъ; Письмо университетскаго профессора и Письмо Дурыкина къ Стародуму). 10) Слѣдствія комедіи Недоросль (Письмо Софьи къ Стародуму и отвѣтъ). 11) Письмо Тараса Скотинина къ родной его сестрѣ г. Простаковой. 12) Похвальное слово Марку Аврелію. 13) Придворная грамматика. 14) Письмо Ф.-В. къ его пріятелю о планѣ россійскаго словаря. 15) Вопросы Фонъ-Визина и отвѣты на нихъ. 16) Опытъ словаря русскихъ синонимовъ. 17) Посланіе въ сатирамъ. 18) Лизина козлодѣй. *Во 2-й части* напечатаны: Бригадиръ и Недоросль.

По поводу этого изданія напечатано было въ Литературной Газетѣ 1830 г. письмо отставнаго полковника *Ивана Александровича Фонъ-Визина*, который писалъ, что изданіе это «наноситъ безславіе» безсмертному творцу Недоросля, ибо заключаетъ въ себѣ только обезображенныя его сочиненія, напечатанныя съ поврежденіемъ текста, съ выпусками, съ перемѣнами оглавленій, съ статьями безъ начала и конца, съ безчисленнымъ множествомъ всякаго рода ошибокъ и опечатокъ; а біографія составлена неполно, вяло и сбивчиво.

2. *Собраніе оригинальныхъ* драматическихъ сочиненій и переводовъ Дениса Ивановича *Фонъ-Визина*. 3 части. М. Въ тип. Н. Степанова. При Имп. театрѣ. 1830. Въ 12 д. л. Въ 1 части: VI, 238 и 1 нен. стр.; во 2 ч. 244 и 2 нен. стр., въ 3 ч. 174 и 1 нен. стр.

Это изданіе напечатано еще разгонистѣе и безобразнѣе предыдущаго. VI страничекъ, озаглавленныя *«Жизнь Д. И. Фонъ-Визина»*, взяты цѣликомъ изъ книги *Н. Греча*: «Опытъ краткой исторіи русской литературы» (стр. 195—197), при чемъ ошибочныя и неточныя указанія Греча еще болѣе искажены при перепечаткѣ. Лишняго, противъ изд. 1829 г., здѣсь ничего нѣтъ, напротивъ не встрѣчаются статьи, помѣщенныя въ томъ изд., поименованныя въ предыдущемъ спискѣ подъ №№ 2, 5 и 15. Остальное перепечатано такъ: *ч. 1-я*: Бригадиръ и №№ 4, 3, 6, 17; *ч. 2-я*: №№ 7—11, Недоросль и 13; *ч. 3-я*: №№ 1, 12, 18, 14 и 16.

3. *Полное собраніе* сочиненій Д. И. Фонъ-Визина. 4 части. М. Въ тип. Семена Селивановскаго. 1830. Въ бол. 8 д. л. Въ 1 ч.: VIII, 263 и 4 нен. стр.; во 2 ч.: 238 и 1 нен. стр.; въ 3 ч.: 162 и 1 нен. стр. и въ 4 ч. 128 и 4 нен.

Это изданіе *лучшее изъ всѣхъ* безъ исключенія, какъ появившихся до него, такъ и выходившихъ послѣ него. Съ него перепечатывались (съ искаженіями) извѣстныя изданія Смирдина, съ добавкою только *Коріона* и *Слова на выздоровленіе В. Кн. Павла Петровича*. Изданіе это было приготовлено замѣчательнымъ дѣятелемъ того времени на издательскомъ поприщѣ— *Платономъ Петровичемъ Бекетовымъ*, но по недостатку средствъ къ печатанью уступлено имъ московскому книгопродавцу И. Г. Салаеву.—Г. Бекетову были сообщены родственниками Фонъ-Визина всѣ, остававшіяся еще тогда неистребленными, рукописи Д. И—ча; кромѣ того онъ пересмотрѣлъ старинныя изданія, к. напр. «Собесѣдникъ», «Правдолюбецъ» и др., и собралъ оттуда все, напечатанное съ именемъ Фонъ-Визина, исправивъ по рукописямъ тѣ статьи, списки которыхъ сохранились. Изъ извѣстнаго прежде въ печати имъ было исключено только «Письмо Тараса Скотинина», «Эпиграмма» и начало одного «Письма» къ гр. Панину (№ 44). Вообще же вновь напечатаны были по рукописямъ: 1) Выборъ гувернера. 2) Въ Стародумѣ: Письмо Взяткина съ отвѣтомъ (исправлено и дополнено окончаніемъ); раз-

говоръ у кн. Халдиной; наставленіе дяди племяннику. 3) Жизнь графа Н. Ив. Панина. 4) Къ уму моему (стих.). 5) Письма къ Булгакову. 6) Письма къ гр. Панину изъ Монпелье исправлены и дополнены. 7) Къ нему-же письмо изъ Рима. 8) Письма къ Елагину. 9) Письма къ родителямъ. 10) Двадцать пять писемъ къ сестрѣ Ѳ. И. Аргамаковой (№ 30—52 и 55, 56). 11) Отрывокъ изъ журнала путешествія въ Вѣну. 12) Окончаніе 2-й и сохранившаяся часть 3-й книги «Чистосердечнаго признанія» и 13) Сдѣланы добавки по рукописи въ комедіи «Недоросль». Изъ напечатаннаго прежде внесено въ первый разъ въ это изданіе: 14) Примѣчанія на критику «Сословника», 15) Письмо къ сочинителю «Былей и небылицъ», 16) Челобитная росс. Минервѣ и 17) Размышленіе о суетной жизни человѣческой.

По внѣшности изданіе это можно назвать для своего времени великолѣпнымъ. Къ нему былъ приложенъ отлично выгравированный *Е. Скотниковымъ* портретъ Фонъ-Визина и снимокъ съ его почерка; но обѣщанное «*Извѣстіе о жизни и сочиненіяхъ Д. И. Фонъ-Визина*» кн. П. А. Вяземскаго приложено не было, не по винѣ издателей, ибо не было окончено княземъ до 1848 года, хотя отрывки изъ этого труда еще въ 1830 г. печатались въ «Литературной Газетѣ».

4. *Полное собраніе* сочиненій Д. И. Фонъ-Визина. Изданіе второе. М. Въ тип. Августа Семена, при Имп. Медико-Хирург. Академіи. 1838. Въ 4 д. л., въ 2 столбца, 229 и 1 нен. стр.

Совершенный снимокъ съ предыдущаго и съ такимъ же портретомъ. Оговоренныя въ изд. Пл. Бекетова многочисленныя поправки мѣстъ, неправильно прочитанныхъ въ рукописяхъ, исправлены въ этомъ изданіи, за очень малыми исключеніями.

5. *Сочиненія* Фонъ-Визина. Изданіе Александра Смирдина. Спб. Въ тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи. 1846. Въ 18 д. л., 712 и III стр.

Перепечатка изд. Пл. Бекетова, съ небольшимъ измѣненіемъ порядка размѣщенія статей, добавкою: «Коріона» и «Слова на выздоровленіе». Хуже предыдущихъ, ибо небрежнѣе издано и съ опечатками.

6 и 7. *Тоже.* 2-е изд. 1847 г. и 3-е изд. 1852 г. (731 стр.)—одно другаго хуже, особенно послѣднее. Положительно нѣтъ почти ни одной страницы, въ которой бы не было грубыхъ опечатокъ, ошибокъ или пропусковъ. Выписывать это все равно, что перепечатать весь томъ. Только Бригадиръ напечатанъ исправно, но во всемъ остальномъ встрѣчаются: 1) пропуски, отъ небрежности, отчего нѣкоторыя мѣста не имѣютъ смысла (*), 2) перестановка и исправленіе

(*) Напр. «гораздо честнѣе быть безъ заслугъ пожалованну» (стр. 120) вм. «гораздо честнѣе быть безъ вины обойдену, нежели безъ заслугъ пожалованну».

словъ, 3), замѣна однихъ словъ другими (истиннѣе вм. невиннѣе, безчестнаго вм. безсчетнаго, знанія вм. знанія) и 4) замѣна однихъ именъ другими, отчего напр. въ 7 явл. 2-го дѣйствія Недоросля говорятъ вовсе не тѣ лица, которымъ бы слѣдовало (стр. 96—98). Словомъ, въ этомъ изданіи нѣтъ ни одной статьи не испорченной, въ иныхъ же мѣстахъ пришлось поправлять *каждую строку*.

8. *Собраніе сочиненій* русскихъ писателей, издаваемое *П. Перевлѣсскимъ*. Вып. 4-й. Избранныя сочиненія *Д. И. Фонвизина*, съ его портретомъ, факсимиле, біографіею, подробнымъ исчисленіемъ всѣхъ его литературныхъ трудовъ, съ замѣтками объ ихъ изданіи и значеніи въ литературѣ и съ полнымъ изложеніемъ статей о Фонвизинѣ, помѣщенныхъ въ періодическихъ и др. изданіяхъ. Спб. Въ тип. Эдуарда Веймара. 1858. Въ 12 д. л., II, CCLVIII и 319 стр.

Изъ сочиненій Фонъ-Визина въ это изданіе *не вмѣсены* изъ смирдинскихъ изданій: 1) Выборъ гувернера, 2) Коріонъ, 3) Къ уму моему, 4) Лисица-Кознодѣй, 5) Каллисѳенъ, 6) Слово 1771 г., 7) Опытъ Россійскаго Сословника, 8) Примѣчанія на критику на него, 9) Поученіе въ Духовъ день, 10) Жизнь гр. Панина, 11) Всѣ статьи «Стародума», кромѣ Придворной грамматики и 12) Отрывокъ изъ журнала путешествія въ Вѣну. Напротивъ того *добавлены*: 1) Письмо къ отцу отъ $^{9}/_{12}$ іюня 1785 (изъ кн. Вяз.), 2) Письма сестрѣ: изъ кн. Вяземскаго: отъ 28-го янв., 22 и ... февраля 1764, 10-го авг. 1764 (вм. 1763), 23 и 24 янв. 1766, безъ числа, и изъ «Отеч. Записокъ» 1829 г.: отъ іюля 1784, мая 1787 и безъ числа (вторичная перепечатка письма уже взятаго изъ книги кн. Вяземскаго, см. стр. 174 и 269). 3) Эпиграмма—изъ «Памятника Отеч. Музъ» 1827.

4) *Перечисленіе статей о Фонъ-Визинѣ и его сочиненіяхъ, въ хронологическомъ порядкѣ.*

1. Извѣстіе и опытъ о россійскомъ переводѣ Сифа. Проф. *Рейхеля* Собраніе лучшихъ сочиненій, изд. Рейхеля. М. 1762, т. 2, ч. 8 (стр. 97—112).

2. Денисъ Фонъ-Визинъ. Нѣмецкое извѣстіе о русскихъ писателяхъ, 1768 г. М. 1862 г. (стр. 38—39).

3. Фонъ-Визинъ, Денисъ Ивановичъ (Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ. Изъ разныхъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ, сообщенныхъ извѣстій и словесныхъ преданій собралъ *Николай Новиковъ*. Въ Спб. 1772 г. (стр. 230—232).

4. «Бригадиръ», комедія соч. г. Фонъ-Визина и «Недоросль», комедія въ 5 д., соч. г. Фонъ-Визина (Драматическій словарь, или показаніе по алфавиту всѣхъ россійскихъ театральныхъ сочиненій и переводовъ и пр. М. 1787 (стр. 28 и 88—89).

5. Замѣтка о Фонъ-Визинѣ *Пнина*, при напечатаніи «Чистос. призн.» (Спб. Журналъ 1798, ч. 3, стр. 63—66).

6. О «Недорослѣ», комедіи Д. И. Фонъ-Визина (Русскій Вѣстн. 1808, № 8, стр. 261—275).

7. О жизни и сочиненіяхъ Д. И. Фонъ-Визина (Собраніе его соч. и переводовъ. М. 1829).

8. Жизнь Д. И. Фонъ-Визина. (Собраніе оригин. драматич. соч. и переводовъ Ф. Визина. М. 1830). Перепечатана съ ошибками статья *Н. Греча*, помѣщенная въ его «Учебной книгѣ исторіи русской лит.» и «Избранныхъ мѣстахъ изъ русскихъ соч. и перев. въ прозѣ». Спб. 1812.

9. Полное собраніе сочиненій Ф. В. Статья *Н. Полевого* (Моск. Телегр. 1830, XIII, стр. 72—76).

10. О Фонъ-Визинѣ, см. въ «Сочиненіяхъ» *В. Г. Бѣлинскаго* (М 1859—1862), т. I (51), III (411), VI (27—28), VII (387), VIII (115 — 116), IX (177), XI (12, 76—78, 281—282) и XII (268).

11. Полное собраніе сочиненій Фонъ-Визина. Изданіе второе. М. Въ тип. Семена. 1838. Въ 4, стр. 229. Ст. *О. И. Сенковскаго* (Библ. для чт. 1844 г., № 12, стр. 52—84).

12. Визинъ, или Фонъ-Визинъ, Денисъ Ивановичъ (Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи. Соч. *Митрополита Евгенія*. 2 ч. М 1845. (См. ч 1, стр. 74—82). *Тоже*, съ добавками *И. М Снегирева* (М. 1838 г., т. 1, стр. 182—192).

13. Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. Сочиненія Фонъ-Визина, изд. Смирдина, Спб. 1846. Въ 12 д., стр. 712. Статья *А. Д. Галахова*. (Московскій городской листокъ. 1847 г., № 49, 53 и 60).

14. Фонъ-Визинъ, Денисъ Ивановичъ. Въ словарѣ достопатятныхъ людей русской земли, сост. *Бантышъ-Каменскимъ*. (Спб. 1847, ч. 3, стр. 446—491).

15. Сочиненія Фонъ-Визина. Изд. А. Смирдина. Спб. 1846. 2 статьи. *С. С. Дудышкина* (Отеч. Зап. 1847 г. № 8, стр. 21—40, и № 9 стр. 23—46).

16. Фонъ-Визинъ. Сочиненіе *князя Петра Вяземскаго*. Спб. Въ тип. Деп. Внѣшней Торговли. 1848. (Въ 8 д. л., VII, 2 нен., V, 466 и 2 нен. стр.)

17. Фонъ-Визинъ. Соч. кн. П. Вяземскаго. Статья *С. П. Шевырева*. (Москвитянинъ. 1848. Ч. III, № 5 и 7).

18. Фонъ-Визинъ. Соч. князя Петра Вяземскаго (Пантеонъ и Репертуаръ русской сцены, изд. Ѳ. Кони. 1848 г., т. IV, кн. 7, стр. 136—146, и кн. 8 и 9 стр. 1—16).

19. Фонъ-Визинъ. Соч. кн. Вяземскаго. Спб. 1848. (Отеч. Зап. 1848. № 6, стр. 1—12).

20. Фонъ-Визинъ Соч. князя Петра Вяземскаго. Спб. 1848. Статья *барона Розена* (Сынъ Отечества, 1848 г., № 6, стр. 1—23).

21. Статья *Я. Грота*. Въ Спб. Вѣдомостяхъ. 1848 № 281—283.

22. Первый актъ моск. университета (сообщено *Снегиревымъ*). Моск. Вѣд. 1851, № 26, стр. 214.

23. Критическія замѣчанія на книгу «Фонъ-Визинъ» князя Петра Вяземскаго. *И. Ф. В—на* (М. Вѣд. 1851. № 90, 105 и 138), и замѣчанія по поводу этой статьи въ № 16 и 20 «Москвитянина» 1851 г.

24. Замѣтки по поводу Смирдинскаго изданія русскихъ авторовъ. Сочиненія Фонъ-Визина. *Н. Тихонравова* (Моск. Вѣдом. 1853, № 6).

25. Исторія имп. моск. университета. *Степ. Шевырева* (говорится о пребываніи Ф. В. въ университетѣ). М. 1855.

26, Библіографическія записки *М. Н. Лонгинова*. (Современникъ 1856, № 6, стр. 175 и № 7, стр. 24).

27. О русскихъ историкахъ XVIII ст. Статья *С. М. Соловьева*, въ «Архивѣ» г. Калачова.

28. Жизнь Д. И. Фонъ-Визина; полное исчисленіе всѣхъ его литературныхъ трудовъ, какія изъ его сочиненій переведены на иностр. языки; изданіе сочиненій Ф. В., значеніе Ф. В. и написанное о Фонъ-Визинѣ.—Статья *П. М. Перевлѣсскаго* при изд. «Избранныхъ соч. Ф. Визина». (Спб. 1858).

29. Идеалъ нравственнаго достоинства человѣка по понятію Фонъ-Визина. Статья *А. Д. Галахова* (Библ. Зап. 1858, № 13, стр. 387—407).

30. Объ изданіи книги г. Перевлѣсскаго. Библ. замѣтка въ Библ. Зап. 1858, № 22, стр. 702—703.

31. Избранныя соч. Ф.-Визина, изд. П. Перевлѣсскаго. Спб. 1858. Статья *А. Д. Галахова* (Атеней, 1858, VI, № 47, стр. 209—232).

32. *Замѣтки* о времени появленія комедіи Ф.-Визина: Бригадиръ. Статья *М. Н. Лонгинова* (Библ. Зап. 1858, № 24, ст. 752 — 754).

33. Новые матеріалы для біографіи Д. И. Фонъ-Визина. Статья *А. Н. Аванасьева* (Библ. Зап. 1859 г., № 1, стр. 1—19).

34. Преданіе о томъ кто былъ оригиналомъ «Митрофанушки» (извѣстный *А. Н. Оленинъ*, директоръ Публ. библіотеки). *Петербургскаго Старожила* (Иллюстрація. 1861, № 158).

35. Синхронистическія таблицы русской литературы. *С. Д. Полторацкаго* (Наше Время. 1862, № 244).

36. Графы Никита и Петръ Панинъ. Соч. *П. Лебедева*. Спб. 1863.

37. Матеріалы для исторіи литературной дѣятельности Екатерины II-й. *П. Пекарскаго*. Спб. 1863.

38. Фонъ-Визинъ. Его комедіи и другія сочиненія. (Исторія русской словесности древней и новой. Соч. *А. Галахова*. Томъ 1-й. Спб. 1863. См. стр. 411—439). Также см. въ «Исторической Христоматіи т. *Галахова*. (Спб. 1861. Т. 1-й стр. 390).

39. Недоросль, съ примѣчаніями. *В. Я. Стоюнина*. Спб. 1865.

40. Фонъ-Визинъ; біографія; вліяніе французской образованности при Екатеринѣ II. Значеніе XVIII в. въ Европѣ; просвѣтительная дѣятельность Екатерины II; вопросъ о воспитаніи; комедіи Ф. Визина; его другія сочиненія; сужденіе. (Очерки исторіи русской литературы. Соч. *Г. Караулова*. Ѳеодосія. 1865, стр. 488—514).

41. Денисъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ. Статья *М. С.* (Семейные вечера старшаго возраста, 15 декабря 1865 г., стр. 848—866).

42. Сочиненія Фонъ-Визина (по поводу приготовленія нынѣшняго изданія, съ замѣтками о немъ). Статья *М. Н. Лонгинова* (Соврем. Лѣтопись. 1865, № 23).

П. Ефремовъ.

Не смотря на всѣ старанія избѣжать опечатокъ, намъ приходится указать нѣсколько грубыхъ промаховъ, которые просимъ исправить:

На стр. 56 въ строкѣ 26 напеч. Скотининъ (читаетъ) вм. *Правдинъ* (читаетъ).

На стр. 216 въ строкѣ послѣдней: (1785 г.) вм. (*1786* г.) и въ нѣкоторыхъ экземплярахъ въ строкѣ 2-й напеч. писаніе вм. *описаніе*.

На стр. 319 въ строкѣ 10 напеч. XXXXI вмѣсто XXXIX.

На стр. 330 въ строкѣ 9 снизу напеч. Чургонь вм. *Бургонь*.

На стр. 393 при письмѣ XVIII пропущена помѣта: *Петербургъ, 22 іюля, 1768*.